Фонд изучения наследия П.А. Столыпина
Федеральная архивная служба России
Государственный архив Российской Федерации

Тайна убийства Столыпина

Москва
РОССПЭН
2003

ББК 63.3(2)6-8 Столыпин
Т 14

Работа над проектом и его издание осуществлены
Фондом изучения наследия П.А. Столыпина

Под общей редакцией
Президента Фонда изучения наследия П.А. Столыпина
П.А. Пожигайло

Редакционная коллегия:
И.И. Демидов, С.В. Мироненко, В.В. Шелохаев

Т 14 **Тайна убийства Столыпина.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 736 с., ил.

В публикацию впервые включен комплекс базовых архивных документов и материалов, раскрывающих совокупность обстоятельств трагической гибели выдающегося государственного и политического деятеля России — П.А. Столыпина, установленных в ходе следствия и суда над Д.Г. Богровым, а также расследований трех комиссий — сенаторов М.И. Трусевича, Н.З. Шульгина и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В книгу вошли нормативные акты по организации охраны и работе с секретной агентурой, официальная переписка и перлюстрация писем современников событий.

Издание снабжено предисловием, введением и комментариями.

ISBN 5 - 8243 - 0432 - 7

© Фонд изучения наследия
П.А. Столыпина, 2003.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Каждое утро, когда я просыпаюсь, и творю молитву, я смотрю на предстоящий день, как на последний в жизни и готовлюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя взор в вечность. Вечером же, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне день жизни. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой я ясно чувствую, что должен наступить день, когда замысел убийцы наконец удастся».

П.А. Столыпин

«ОХОТА» НА СТОЛЫПИНА. ТЕРРОРИСТЫ И ОХРАННИКИ

Фраза П.А. Столыпина, взятая в качестве эпиграфа, была сказана близким друзьям и, конечно же, произнесена не случайно. В последние годы он сталкивался с растущим непониманием и слева, и справа, а в последние месяцы чувствовалась явная неприязнь со стороны окружения императора, а порой и его самого. Не забывались террористические акты, которые были направлены против него. Только по счастливой случайности он оставался жив. Но предчувствие подсказывало ему, что его ждет трагическая гибель и завещал близким похоронить его там, где застанет смерть. Он говорил, что убьют его чины охраны.

До 1 сентября 1911 г., когда его сразил выстрел, почти в упор, Дмитрия Богрова, Столыпину удавалось выходить целым и невредимым из тех покушений, которые готовились на него. Выстрел Богрова был уже десятой по счету попыткой покушения на жизнь Петра Аркадьевича. В июне 1906 г. ЦК партии эсеров принял решение возобновить террор и готовить покушение на целый ряд лиц. В числе

первых значилось убийство премьер-министра. Однако инициативу перехватили эсеры-максималисты. Созданная весной 1906 г. петербургская организация эсеров-максималистов преследовала далеко идущие цели. Она предполагала организовать покушение на императора, затем в ее планах был захват Государственного совета. Однако покушение на императора пришлось отложить, а Государственный совет в назначенный день был распущен на каникулы. В конце июля 1906 г. максималисты приняли решение об организации покушения на П.А. Столыпина. Их лидер М.И. Соколов (партийная кличка «Медведь»), возглавлявший боевую организацию, придавая огромное значение индивидуальному террору, говорил: «Мы хотим дать колесу истории максимальный размах!»[1].

Покушение было назначено на 12 августа 1906 г., в субботу – день приема посетителей на государственной даче премьер-министра на Аптекарском острове. Было более трех часов дня. В приемной комнате, рядом с кабинетом премьера, собралось много народу. Здесь были люди разных сословий: крупные сановники, простые служащие, чиновники, крестьяне. Пришедшая на прием мать взяла с собой маленького ребенка.

Неожиданно к подъезду дома подъехало ландо, из которого вышло два человека, одетых в жандармскую форму. Хотя террористы готовились к этому дню тщательно, далее приемной им пройти не удалось. Несоответствие в форме (они были без шпор и в зимних касках) вызвало подозрение у швейцара. К тому же офицеры держали в руках портфели, «что не могло быть у представляющихся министру», – вспоминает дочь Столыпина, Мария Петровна Бок[2]. Приехавшие оттолкнули швейцара и вошли в приемную, но им преградил дорогу заведующий охраной премьера А.Н. Замятин. Ему на помощь уже спешили агенты А.Л. Горбатенко и З.С. Мерзликин. Видя, что в кабинет Столыпина пройти не удастся, террористы с криком «Да здравствует революция!» бросили портфели, в которых были взрывные устройства весом более 6 кг в каждом[3].

Взрыв был страшный и оглушительный. Обрушилась часть дома. На месте погибло 24 человека: сами террористы, некоторые посетители, прислуга и даже случайные прохожие. Часть раненых потом умерла в больнице. Пострадала семья премьера. Трехлетний сын Столыпина Адя (Аркадий), дочь Наташа, их молоденькая няня находились в момент взрыва на балконе над подъездом. Балкон обрушился, сына откопали, он находился под обломками, раненный в голову с

---

[1] *Павлов Д.Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. – М., 1989. – С. 155.

[2] *Бок М.П.* П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. – М., 1992. – С. 182.

[3] См.: Взрыв на Аптекарском острове: Дело Климовой и Терентьевой о покушении на Столыпина // Былое. – 1917. – № 5–6; *Энгельгардт М.М.* Взрыв на Аптекарском острове // Каторга и ссылка. – 1925. – № 7; *Павлов Д.Б.* Указ. соч. – С. 173–175.

переломом ноги, а четырнадцатилетняя девочка с переломанными ногами оказалась на набережной под копытами лошадей, на которых приехали террористы. Няня погибла, Наташа осталась на всю жизнь инвалидом.

Сам премьер-министр уцелел чудом. Разрушены были все комнаты, кроме одной – кабинета Столыпина. Вот как описывает происшедшее его старшая дочь: «В момент взрыва папа сидел за письменным столом. Несмотря на две закрытые двери между кабинетом и местом взрыва, громадная бронзовая чернильница поднялась со стола на воздух и перелетела через голову моего отца, залив его чернилами. Ничего другого в кабинете взрыв не повредил, и среди десятков убитых и раненых, в комнатах рядом и наверху, папа волею Божьей, остался цел и невредим»[4].

Случившееся было большой моральной драмой для Столыпина. Как вспоминала его дочь, после 12 августа Столыпин сильно страдал, переживая за собственных детей, за всех убитых и искалеченных, считая себя косвенным виновником их страданий и смерти. Однако на людях он выглядел собранным и спокойным. После этого дня «престиж Петра Аркадьевича.., не давшего сломить себя горем, так поднялся среди министров и двора, что... он стал примером моральной силы» для своих сослуживцев[5].

Семья П.А. Столыпина переехала на Фонтанку 16, где находилась квартира министра внутренних дел, а через некоторое время, по предложению Николая II, – в Зимний дворец. Была усилена охрана.

С 1906 г. организацию подготовки покушения на Столыпина взяла на себя Боевая организация партии эсеров, прославившаяся к тому времени рядом террористических актов (покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича и др.). Предполагая напасть на премьер-министра при выходе из Зимнего дворца, террористы внедрили в его внешнюю охрану своего человека. Но и здесь их постигла неудача. В день, когда должно было произойти покушение, Столыпин вышел из другого подъезда. «Работа охраны Зимнего дворца, – отмечала М.П. Бок, – была сильно облегчена массою выходов из него, выходящих на разные улицы. Выходя из дому, папа сам вперед не знал, какой подъезд будет ему указан для выхода, куда будет подан его экипаж, и если совершалась прогулка, то не знал, куда его повезут. В определенном охраной месте экипаж останавливался, папа выходил из него и совершал часовую прогулку пешком. По окончании прогулки мой отец не знал, ни по каким улицам его повезут, ни к какому подъезду его подвезут. Эти остановки происходили в самых разнообразных местах, обыкновенно на окраинах или за городом. Поездки с докладом Государю, жившему зимой в Царском Селе, а летом в Петергофе, тоже происходили разными спосо-

[4] *Бок М.П.* Указ. соч. – С. 183.
[5] Там же. – С. 188.

бами и были обставлены самими тщательными мерами предосторожности. Почти всегда папа ездил с докладом к Государю вечером и возвращался около часу ночи»[6].

В течение почти двух лет Столыпину пришлось отказаться от всех частных выездов. Однако он не мог себе позволить не посещать свою родную сестру М.А. Офросимову, которая была тяжело больна. Здесь-то и попытались его выследить. Впоследствии эсер, наблюдавший за квартирой сестры Столыпина, при аресте признался, что дважды он пытался выстрелить в Столыпина из квартиры напротив, когда тот подходил к окну, но оба раза он был не один. Первый раз он подвез к окну больную пожилую даму и был очень внимателен к ней, второй раз он был с ребенком. По словам террориста, это его остановило. Данное покушение подготовлялось Летучим боевым отрядом при Северной областной партийной организации партии эсеров под руководством А.Д. Трауберга (партийная кличка «Карл»).

Несмотря на неудачи, эсеры планировали новые теракты. Убийство Столыпина оставалась для них задачей номер один. Теракты готовились не только в России, но и за границей. Осенью 1907 г. были получены сведения, что соединенная группа максималистов и анархистов в Женеве готовит новое покушение на Столыпина[7]. По сообщениям парижского агента, в ноябре–декабре 1907 г. среди эсеровских руководителей обсуждались планы еще одного покушения во время заседания Думы[8]. К «охоте» на премьера подключился и Центральный летучий боевой отряд эсеров, которым руководил Л.И. Зильберберг. На этот раз было принято решение убить Столыпина на торжественном открытии институтской клиники кожных болезней, куда он должен был поехать. Террористы наметили убить двух лиц: петербургского градоначальника и премьер-министра. Имея информацию о подготовке покушения, отвечавшим за его охрану чинам с большим трудом удалось уговорить Столыпина остаться дома. Был предупрежден и В.Ф. фон дер Лауниц. Для него это не было новостью, как и для Столыпина. Он знал, что тамбовские эсеры, за жестокое подавление крестьянских волнений, в бытность его тамбовским губернатором, уже убили двух его помощников. Лауниц уже несколько месяцев, выходя из дома, одевал непробиваемый жилет. Но, несмотря на это, он стал жертвой террористов. После торжественной службы, состоявшейся в капелле на третьем этаже института, все по лестнице стали спускаться вниз. В это время хорошо одетый молодой человек, шедший за фон дер Лауницем, выстрелил ему в затылок из маленького, почти бесшумного браунинга. Террорист покончил собой. Впоследствии было установлено, что покушение совершил член тамбовского комитета партии эсеров Е. Кудрявцев.

---

[6] *Бок М.П.* Указ. соч. – С. 208.
[7] *Павлов Д.Б.* Указ. соч. – С. 204; ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 192. Л. 1.
[8] Там же. – С. 203–204.

Отметим, что департамент полиции и Петербургское охранное отделение под руководством А.В. Герасимова очень четко поставили охрану премьер-министра. Через агентуру удалось раскрыть еще целый ряд готовившихся актов, в частности тот, который поручался произвести Северному летучему боевому отряду под руководством Трауберга.

Шел 1911 год. Киев готовился к встрече императора. Чуть ли не с февраля месяца велась подготовка к приезду царской семьи. Предполагалось, что в конце августа в присутствии императора, императрицы и многочисленной свиты будет торжественно открыт и освещен памятник царю-Освободителю Александру II. Исполнялось 50 лет со времени отмены крепостного права. Программа торжеств была достаточно обширна: посещение Софийского собора, Киево-Печерской Лавры, Михайловского монастыря, маневры, посещение кадетского корпуса, прием в саду Купеческого собрания, выступление потешных, спектакль в местном театре. А далее путешествие в Чернигов, Овруч, возвращение в Киев и, наконец, – отъезд в Крым. А между всеми этими мероприятиями – встречи депутаций, обеды, приемы, смотры.

П.А. Столыпин должен был приехать в Киев 28 августа. За два дня до его выезда из Петербурга, в московской газете «Голос Москвы» появилась заметка о возможном покушении на Столыпина. Газета писала: «В связи с проектом об отделении от Финляндии двух приходов Выборгской губернии, циркулируют тревожные слухи о подготовке террористических актов. Жертвами террора должны пасть лица из состава высших чинов правительства, причем на очереди стоит председатель Совета министров П.А. Столыпин. Активная роль в этих "выступлениях" предназначается русским революционерам, а финансируется "предприятие" из Финляндии»[9].

На заметку в «Голосе Москвы» особый отдел департамента полиции отреагировал оперативно. В тот же день начальнику штаба корпуса жандармов Д.К. Гершельману был сообщен маршрут поездки Столыпина «для соответствующих распоряжений по жандармской железнодорожной полиции»[10]. На следующий день в Киев на имя товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова было сообщено содержание заметки о готовящемся покушении на Столыпина, причем указывалось, что разработка этих сведений уже начата Петербургским охранным отделением и Финляндским жандармским управлением[11]. Одновременно были направлены телеграммы начальникам ГЖУ в Вильно, Ковно с предписанием «усилить меры охраны его превосходительства».

В тот же день в другой телеграмме начальникам Виленского и Ковенского ГЖУ сообщался маршрут движения премьер-министра: 25 августа в 7 вечера он выезжает из Петербурга в имение Колноберже Ковенской губернии, в 12 часов ночи 26 числа отбывает из Кейдан в

---

[9] ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 124. Л. 86.
[10] Там же. Л. 80.
[11] Там же. Л. 93.

Вильну, куда прибудет в три часа ночи, его вагон должен быть прицеплен к скорому поезду, отбывающему в 9 час. 15 мин. утра в «субботу 27 августа через Сарны в Киев». Столь подробные данные в телеграмме должны были помочь обеспечить охрану на всем пути следования. Получив такие сведения, руководители политического сыска усилили охрану железнодорожных путей, и вместе с начальниками жандармско-полицейских управлений железных дорог – охрану железнодорожных станций.

Телеграммы были посланы Виленскому и Ковенскому губернаторам, в которых указывалось: «Благоволите принять меры охраны»[12]. В тот же день в Вильно, Псков, Гродно, Кейданы (жандармскому ротмистру К.А. Нагродскому, осуществлявшему охрану в имении Колноберже) были посланы телеграммы, в которых опять же в связи с публикацией в газете «сведений о подготовке покушения на председателя Совета министров» предписывалось принять «самые усиленные меры охраны его высокопревосходительства во время пути»[13].

25 августа в Киевское охранное отделение также было сообщено о готовящемся покушении на Столыпина. В заключительной части телеграммы указывалось: «Примите усиленные меры наблюдения и охраны его превосходительства и других высокопоставленных лиц во время пребывания в вашем районе»[14].

Со стороны департамента полиции, таким образом, были приняты все необходимые меры. Однако далеко не все зависело от него.

Послужившая поводом для принятия указанных мер газетная заметка была подтверждена данными, находившимися в распоряжении начальника Петербургского охранного отделения М.Ф. фон Коттена. Сведения эти были сообщены Столыпину на одном из последних докладов, но он на это никак не прореагировал[15].

В скором времени сведения о готовящемся теракте поступили уже в Киевское охранное отделение, непосредственно его начальнику Н.Н. Кулябко. Однако это была совсем другая информация и совсем из другого источника. В присутствии заведующего дворцовой охраной А.И. Спиридовича и вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина, прибывших в Киев для подготовки и организации торжеств, бывший секретный сотрудник Кулябко Дмитрий Богров сообщил о предполагаемом приезде в город группы революционеров, имевших целью совершить террористический акт.

Однако, несмотря на поступившие сигналы, киевские, да и прибывшие в Киев столичные власти, непосредственно отвечавшие за охрану киевских торжеств, не приняли никаких дополнительных мер охраны. Не были сообщены эти сведения и нижестоящим служащим с

---

[12] ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 124. Л. 78.
[13] Там же. Л. 89.
[14] Там же. Л. 91.
[15] Там же. Л. 103–103об.

тем, чтобы они усилили бдительность. С определенной проволочкой сведения были сообщены П.А. Столыпину и киевскому генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову. Складывается впечатление, что в предпраздничной суматохе Киевскому охранному отделению было недосуг заниматься анализом поступающей информации. Все их рвение было направлено на подготовку торжеств.

На следующий день после приезда в Киев Столыпина встречали Николая II. Удивительно, но в этом парадном кортеже не нашлось места для премьер-министра – второго лица в государстве. Ему не подали дворцового экипажа, а нанятая им карета даже не замыкала этот выезд, а так далеко ехала от всей свиты, что полицейские и дворцовая охрана периодически ее отсекали от торжественной процессии. Адъютант Столыпина В.Е. Есаулов вынужден был каждый раз выходить из кареты и сообщать о проезде председателя Совета министров.

Все это видел и чувствовал Столыпин, настроение у премьера было отвратительным, и его не покидала мысль подать в отставку сразу же после возвращения в Петербург. Об этих днях в Киеве министр финансов В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях писал: «Наутро 29-го, получивши печатные расписания различных церемоний и празднеств, я отправился к Столыпину и застал его далеко не радужно настроенным.

На мой вопрос, почему он сумрачен, он мне ответил: «Да так, у меня сложилось за вчерашний день впечатление, что мы с Вами здесь совершенно лишние люди и все обошлось бы прекрасно и без нас... Впоследствии, из частых, хотя и отрывочных бесед за 4 роковые дня пребывания в Киеве, – продолжает Коковцов, – мне стало известно, что его почти игнорировали при дворе, ему не нашлось даже места на царском пароходе в намеченной поездке в Чернигов, для него не было приготовлено и экипажа от двора. Сразу же после его приезда начались пререкания между генерал-губернатором Треповым и генералом Курловым относительно роли и пределов власти первого, и разбираться Столыпину в этом было тяжело и неприятно, тем более, что он чувствовал, что решающего значения его мнению придано не будет»[16].

Действительно, много заметил и почувствовал премьер-министр. Отношение было совсем другим, чем это было даже год назад при поездке с императором в Ригу. Другой была и охрана.

Отметим, что вопросам охраны высокопоставленных лиц в России придавали особое значение. После первых крупных террористических актов – покушения В.И. Засулич на Ф.Ф. Трепова, С.М. Кравчинского на Н.В. Мезенцева, серии покушений на императора Александра II, по распоряжению министра внутренних дел, при Петербургском охранном отделении в 1883 г. была создана «охранная агентура», впоследствии переименованная в «охранную команду»[17]. В 1887 г., после не-

---

[16] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. – М., 1991. – С. 37–38.

[17] ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1883. Д. 1131. Л. 6–11.

удавшегося покушения 1 марта на Александра III, были разработаны и утверждены министром внутренних дел две инструкции, касавшиеся охранной команды. В них определялось положение охранной команды, круг служебных обязанностей, порядок несения службы. Согласно этим инструкциям, охранная команда находилась «в служебной подведомственности петербургского градоначальника и подчинена была начальнику Петербургского охранного отделения. Число служащих команды достигало 200 человек.

Вопрос об охране высокопоставленных лиц периодически поднимался и позднее, что объяснялось активизацией «противоправительственных организаций». Особое внимание уделялось безопасности во время поездок по стране. Была создана масса инструкций, касавшихся в основном положения и деятельности нижних воинских чинов и чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, связанных с охраной экстренных поездов, поездов особой важности, литерных поездов со свитой.

С обострением политической ситуации после января 1905 г. была проведена реорганизация охраны императора и двора. 4 сентября 1905 г. было утверждено Положение о дворцовом коменданте, а в апреле 1906 г. – Инструкция дворцовому коменданту, который был подчинен непосредственно министру императорского двора[18]. Инструкция дворцовому коменданту устанавливала его обязанности по охране дворцовой территории, заведованию делами городской полиции в городах дворцового ведомства, надзору за безопасностью пути во время высочайших проездов; регламентировала отношения с полицмейстерами императорских театров[19].

В этот период вопросам охраны как императора, так и высокопоставленных лиц уделял особое внимание Д.Ф. Трепов, занимавший пост петербургского генерал-губернатора. Он увеличил состав охранной команды Петербургского охранного отделения почти вдвое. При назначении его дворцовым комендантом, он настоял на выделение в его ведение, из состава охранной команды, около 200 служащих. Эти лица и составили охранную агентуру при дворцовом коменданте, которую возглавил А.И. Спиридович. В 1907 г. при охранной агентуре было создано регистрационное бюро. В его функции входила проверка населения в местах, прилегающих к резиденции императора.

До 1909 г. привилегией местных генерал-губернаторов и губернаторов была забота об организации встречи императора и свиты. Как правило, после таких посещений шли награды, подарки, а, если местные власти оказывались и хорошими организаторами, были замечены императором, то шло и быстрое продвижение по службе. Иногда на время приезда императора создавались временные генерал-губернаторства, временные охранные отделения, если последних там не

[18] ГА РФ. Ф. 102. 3 д-во. 1905. Д. 1645; ОО. 1912. Д. 130.
[19] ГА РФ. Ф. 97. 1906. Д. 2. Л. 3–4.

было, временные регистрационные бюро. Поэтому местные власти всегда были заинтересованы показать свое рвение во время торжественных проездов или приездов в подведомственную им местность.

Назначенный в январе 1909 г. товарищем министра внутренних дел П.Г. Курлов, перед выездом на торжества в Полтаву – первым выездом императора после революционных событий 1905–1907 гг. в стране, решил провести реорганизацию охраны. Им была реализована идея создания временных регистрационных бюро, которые существовали в Москве и Петербурге в 1905–1906 гг. и дали определенные результаты по проверке населения столиц и приезжающих гостей. Такие же временные регистрационные бюро создавались в Полтаве, а впоследствии и в Риге. Считая обстановку достаточно серьезной и стремясь обезопасить императора от случайностей, Столыпиным было разработано Положение об охране при поездках императора в другие местности Империи, согласно которому вся власть по охране передавалась товарищу министра внутренних дел (при выездах за пределы царских резиденций), но с соблюдением ст. 6 Положения о дворцовом коменданте. В результате такого распоряжения практически все охранные полномочия сосредотачивались в руках Курлова и Спиридовича, последнему в большинстве случаев делегировал свои обязанности дворцовый комендант В.А. Дедюлин, находившийся постоянно при императоре. Фактически отстранялся от дел охраны и местный губернатор.

Вспоминая в связи с трагической гибелью Столыпина и данный «пассаж» с охраной, В.Ф. Джунковский в своих воспоминаниях писал: «Такой порядок дела охраны я наблюдал еще в Полтаве, когда точно так же Курлову были подчинены все власти, когда губернатор был так же отстранен от распоряжений по охране, и ему была оставлена только почетная роль, когда даже все входные билеты на разные торжества были за подписью Курлова. Граф Муравьев, бывший в то время полтавским губернатором, будучи человеком очень ленивым и избегавшим ответственности, нисколько не претендовал на свое устранение и даже был этим очень доволен, находя для себя это более удобным, но в Киеве Трепов так легко с этим примириться не мог»[20].

10 марта 1910 г. Курловым были утверждены «Общие положения по охране высокопоставленных лиц». Касалось это прежде всего охраны главы правительства. В первом пункте Положения указывалось: «Охрана г[осподина] председателя Совета министров, министра внутренних дел, товарища министра внутренних дел, директора департамента полиции и других высокопоставленных лиц возлагается на начальника охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, назначаемого по выбору начальника сего отделения и действующего под непосредственным его наблюдением и ответственностью»[21]. Далее говорилось об охране здания и помещения, где жил премьер, ми-

[20] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. – М., 1997. – Т. 1. – С. 598–599.
[21] ГА РФ. Ф. 102. 1910. Д. 202. Л. 5.

нистр внутренних дел и охране его во время выездов, присутствии в церкви и т.д. Судя по этому Положению, и в Киеве Столыпина должны были охранять агенты охранной команды Петербургского охранного отделения, которые его сопровождали при выездах из столицы и которые в дни киевских торжеств были в Киеве, а также и местная охрана. В 1910 г. были приняты меры (специальная инструкция) охраны Столыпина во время его приездов в имение Колноберже. Однако возникает вопрос об эффективности разного рода положений и инструкций. Характерно, что начальник Петербургского охранного отделения в августе 1910 г. сообщал в департамент полиции: «Никаких правил о мерах охраны высокопоставленных лиц до сего времени не имеется, действующая же поныне Инструкция о порядке службы охранной агентуры (имеется в виду инструкция 1887 г . – *Ред.*) во многом устарела и на практике дополняется новыми нерегламентированными правилами службы»[22].

Безусловно, фигурой № 1 всегда был император. Поэтому и приезжие власти, и местные прежде всего заботились о том, как обеспечена охрана именно первого лица государства. Но и формально, и фактически всем им вменялась в обязанность охрана не только императора, но и всех сопровождающих его лиц. Впоследствии, уже после гибели Столыпина, все отвечавшие за охрану помещения, где жил Столыпин, за маршрут, по которому он должен был проехать, пытались доказать, что для его охраны все было предусмотрено и она была хорошо организована. Пожалуй, только начальник Киевского ГЖУ А.Ф. Шредель в своих показаниях, данных 20 сентября 1911 г., говорил об определенной «отстраненности» ГЖУ от охраны: «По городу Киеву я решительно никакого участия ни в организации охраны, ни в осуществлении мероприятий таковой – не принимал»[23].

Примечательно, что начальник Киевского охранного отделения Кулябко и заведующий дворцовой агентурой Спиридович передвигались по городу на автомобилях. Столыпину же автомобиль был первый раз предоставлен лишь 1 сентября, когда, согласно сведениям Богрова, подготовка покушения на премьер-министра вступила в решающую стадию. До этого он ездил на лошадях в открытом экипаже.

Как сообщал Курлов в одном из своих показаний, во время пребывания императора в Киеве «статс-секретарь Столыпин не ездил за экипажем Его Величества с министром двора, как это было установлено при прежних Высочайших поездках, например в Полтаву и Ригу. Прежде и я следовал в ближайшем экипаже с дворцовым комендантом; в Киеве же генерал-адъютант Дедюлин находился в одном экипаже с бароном Фредериксом, а я ездил в моторе в конце кортежа. В силу чего сделаны были эти изменения в порядке следования

---

[22] ГА РФ. Ф. 102. 1910. Д. 202. Л. 30.
[23] ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

статс-секретаря Столыпина и моем – мне неизвестно»[24]. Таков был ответ товарища министра, стоявшего во главе охраны.

Дальнейшее хорошо известно. Под надуманным предлогом Богров получил у Кулябко билет в театр, где смог приблизиться к Столыпину и произвести роковые выстрелы.

РОКОВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ В КИЕВСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ

Дочь Столыпина с особенным чувством вспоминала лето 1911 г., когда Петр Аркадьевич впервые за многие годы проводил свой отпуск в имении Колноберже в кругу семьи. Присматриваясь к отцу в это последнее лето его жизни, она отмечала, как он устал, чувствовалось, что ему нужен полный отдых. «Он, по-видимому, и сам сознавал это, так как все, что мог из дел, сдал перед отъездом из Петербурга В.Н. Коковцову». Примечателен разговор П.А. Столыпина с его братом Александром Аркадьевичем, которому он жаловался в их последнюю встречу на свое состояние (что обычно не любил делать), говорил, что чувствует себя крайне утомленным, дал осмотреть себя перед отъездом из Петербурга доктору, который ему сказал, что у него грудная жаба, а сердце требует полного и длительного отдыха. «Постараюсь отдохнуть в Колноберже, насколько возможно без вреда для дел, а осенью поеду на юг... Не знаю, могу ли я долго прожить»[25]. После киевских торжеств Столыпин предполагал заехать к своей родственнице княгине О.В. Лопухиной-Демидовой в имение Корсунь Киевской губернии.

Еще до своего отпуска он чувствовал, что дело идет к отставке. Его все реже видели на официальных мероприятиях. Последний раз Столыпин присутствовал на бракосочетании князя Иоанна Константиновича (сына великого князя Константина Константиновича) с королевной сербской Еленой Петровной.

Положение Столыпина еще более осложнилось в связи с провалом в Государственном совете проекта о введении земства в западных губерниях. Ему стало известно, что накануне рассмотрения законопроекта члены Государственного совета П.Н. Дурново и В.Ф. Трепов были приняты Николаем II, который, на вопрос «как голосовать», ответил: голосуйте «по совести». Слухи о позиции царя быстро распространились среди членов Госсовета, и те, естественно, «не могли игнорировать» монаршью волю и провалили проект.

Столыпин, потрясенный итогами голосования, настоял на аудиенции у императора и заявил о своем намерении подать в отставку, если не будут выполнены следующие жесткие условия: роспуск обеих палат и проведение закона о земствах в западных губерниях по 87 ст.,

---

[24] ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 128об.–123.
[25] *Бок М.П.* Указ. соч. – С. 329, 330.

отправка Дурново и Трепова в долгосрочный отпуск. В беседе с Коковцовым он сказал: «Вы правы в одном, что государь не простит мне, если ему придется исполнить мою просьбу, но мне это безразлично, так как и без этого я отлично знаю, что до меня добираются со всех сторон и я здесь не надолго»[26]. Под давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны, с большим уважением относившейся к Петру Аркадьевичу, Николай II, скрепя сердце, пошел на уступки.

Мартовский инцидент тяжело отразился на состоянии Столыпина, «былая уверенность в себя куда-то ушла, и сам он, видимо, чувствовал, что все кругом него, молчаливо или открыто, но настроено враждебно. Вскоре мне пришлось и самому убедиться, что так было и на самом деле»[27]. Лидер думской фракции октябристов А.И. Гучков, вспоминая о своей последней встрече со Столыпиным, за несколько дней до гибели последнего, писал: «Я нашел его очень сумрачным. У меня получилось впечатление, что он все более и более убеждается в своем бессилии. Какие-то другие силы берут верх... Чувствовалась такая безнадежность в его тоне, что, видимо, он уже решил, что уйдет от власти»[28].

Только семья поддерживала и согревала его. «Перед отъездом (в Киев – *Ред.*), – пишет М.П. Бок, – мы гуляли по саду и помню, как мой отец, обращаясь к мамá, сказал: «Скоро уезжать, а как мне это тяжело на этот раз, никогда отъезд мне не был так неприятен. Здесь так тихо и хорошо»[29].

Киевские торжества не подняли настроение Столыпина. Многое изменилось по отношению к нему, и это очень чувствовалось. Очевидцы рассказывали, что, при одном из выездов Столыпина, увидевший его Распутин вдруг завопил: «Смерть за ним!! Смерть за ним идет!... За Петром... за ним...»[30]. И почти тут же поступило предупреждение от Трепова, Кулябки, что готовится покушение. Профессор Г.Е. Рейн уговаривал Столыпина одеть под рубашку тонкую кольчугу, изобретенную А.А. Чемерзиным и считавшуюся пуленепробиваемой. Столыпин отказался, сказав, что против бомбы кольчуга не поможет.

Трагедия произошла во время второго антракта в Киевском городском театре, когда шел парадный спектакль «Сказка о царе Салтане». Столыпин стоял, несколько облокотившись на барьер оркестровой ямы. По свободному проходу прямо на него шел молодой человек в черном фраке. Все ближе и ближе. Подходил он к группе людей, стоявших у сцены. Глаза Столыпина и Богрова встретились. В тот же момент

---

[26] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 393.
[27] Там же. – С. 397.
[28] Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. – М., 1993. – С. 110.
[29] *Бок М.П.* Указ. соч. – С. 334.
[30] *Шульгин В.В.* Дни. – Л., 1925. – С. 75–76.

прозвучало два выстрела. По белому сюртуку с правой стороны под грудной клеткой растекалось огромное красное пятно.

«Медленными и уверенными движениями, – как пишет очевидец, – Столыпин положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя!» Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом».

Император не предполагал печального исхода. Врач Е.С. Боткин уверял, что Столыпин поправится. Перед отъездом в Чернигов он посетил больницу, желая навестить раненого, но жена Столыпина – Ольга Борисовна, его не пустила.

5 сентября в 22 часа 12 минут в клинике Маковского Петр Аркадьевич скончался. Медицинское вскрытие показало, что Столыпин погиб от огнестрельной раны. Пуля имела перекрещивающиеся надрезы и действовала как разрывная. Вернувшись рано утром 6 января из Чернигова, император сразу же поехал в больницу. Долго стоял на коленях перед телом умершего, долго молился и много раз повторял: «Прости». Потом в его присутствии была отслужена панихида. Николая II на похоронах не было.

Сразу после выстрела Богрова в Киеве были произведены обыски и аресты лиц, подозревавшихся в принадлежности к эсеровской организации и к партии анархистов-коммунистов, а также тех, кто общался с Богровым. При Киевском губернском жандармском управления началось дознание по делу революционных организаций. В самом театре задержанного Богрова допрашивал помощник начальника Киевского ГЖУ А.А. Иванов. Одновременно началось самостоятельное следствие, которое вел прокурор Киевского окружного суда В.И. Фененко. В первые дни после убийства дело велось Киевским окружным судом и, надо отметить, с соблюдением всех процессуальных норм. 2 сентября допрос Богрова продолжался почти 6 часов, после чего ему было вручено постановление о привлечении в качестве обвиняемого по 102 ст. Уголовного уложения и п. 9 ст. 1454 Уложения о наказаниях. Он был заключен под стражу в Косой капонир киевской крепости. В последующих допросах Богрова принимал участие прокурор Киевского окружного суда Н.В. Брандорф и его заместитель Е.И. Лашкарев. Предварительное следствие было проведено за шесть дней. Уже 6 сентября материалы были переданы в Киевский военно-окружной суд. Это было связано с тем, что Киевская губерния на время приезда императора находилась на положении усиленной охраны

Суд был скоропалительным. Заседание началось 9 сентября под председательством генерал-майора Б.А. Ренгартена. Обвинителем выс-

тупал прокурор Киевского военно-окружного суда генерал-лейтенант М.И. Костенко. В зале собралось не более 30 человек. Заседание продолжалось три часа, совещание же длилось всего 20 минут. Богрову был вынесен смертный приговор и частное определение в отношении начальника Киевского охранного отделения Кулябко. Что Богров был убийца Столыпина – было ясно и без суда. Но вставал еще целый ряд вопросов, требующих разъяснений, и это было возможно только при наличии главного обвиняемого. Судебные власти явно спешили. Велся краткий протокол суда, не были зафиксированы выступления обвинителя, свидетелей, самого Богрова. Многое, что дошло до нас о суде, это – сведения последующих протоколов показаний лиц, присутствовавших на суде и дававших показания в комиссиях М.И. Трусевича и Н.З. Шульгина. Богров не подал кассационную жалобу. Приговор был приведен в исполнение 12 сентября 1911 г. в 3 час. 2 мин. утра

Два участника трагедии 1 сентября 1911 г. – убийца и его жертва – ушли из жизни почти одновременно. Интервал – одна неделя. Без главного виновника и свидетеля трагедии многие вопросы, которые потом вставали при расследовании – повисали в воздухе, возможно, что ответ на них мог бы дать только Богров.

Из материалов следствия и показаний свидетелей читатель наверняка составит собственное представление о личности Богрова. Мы же лишь хотим предварить эти документы справкой о нем.

Богров Дмитрий Григорьевич, родился 29 января 1887 г. в состоятельной интеллигентной семье киевского присяжного поверенного, домовладельца Г.Г. Богрова. Особенно известен был своими литературными трудами дед Богрова – Г.И. Богров, весьма популярный в 60-х годах в еврейских кругах писатель. Его «Записки еврея» в 1871–1873 гг. печатались в «Отечественных записках». Отец Д. Богрова был достаточно богатым человеком, его имущество оценивалось в 500 тыс. руб. В Киеве он был уважаемым человеком, членом Дворянского клуба, имел широкие связи в местной администрации. Сыну он дал хорошее образование.

Д. Богров обучался в 1-ой Киевской гимназии, увлекался различными революционными идеями. К моменту окончания гимназии он считал себя эсером, отдавая предпочтение ультрарадикальному крылу партии – эсерам-максималистам. В 1905 г. Богров поступил на юридический факультет Киевского университета Св. Владимира. В связи с закрытием университета уехал в Мюнхен, где продолжал образование. Сложностей в обучении в немецком университете не было, так как он знал четыре языка, в том числе и немецкий. Как сообщил сам Богров на допросе: «Вернулся я из Мюнхена осенью 1906 года. В те времена я уже был настроен революционно, хотя ни в каких конкретных поступках это мое настроение не выражалось. Вернувшись в Киев, я в декабре месяце 1906 года примкнул через студенческий кружок к группе анархистов-коммунистов... Примкнул я к группе анархи-

стов вследствие того, что считал правильным их теорию и желал подробнее познакомиться с их деятельностью».

В середине 1907 г. Богров, судя по его показаниям, разочаровывается в своих друзьях по организации и приходит к заключению, что «все они преследуют, главным образом, чисто разбойничьи, корыстные цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности этой партии».

Так, Богров стал секретным сотрудником. Явился в охранное отделение он сам, никто его не убеждал, не уговаривал. Впоследствии на первом допросе 1 сентября он скажет по поводу своего поступления в ряды секретных сотрудников – «хотел получить излишек денег». На последнем же допросе 9 сентября ответ был иной: «...хотя я стал брать деньги за доставляемые сведения, но деятельность моя носила идейный характер, я даже подвергался риску каждую минуту быть убитым...». Кулябко на допросе показал: «Как-то однажды ко мне в охранное отделение явился неизвестный человек и, отрекомендовавшись студентом Киевского университета Богровым, предложил мне свои услуги по части сотрудничества в охранном отделении».

С киевской охранкой Богров сотрудничал 2½ года, затем, после окончания университета, уехал в Петербург, где «числился» помощником киевского присяжного поверенного С.Г. Крупнова и иногда через знакомых присяжных поверенных имел дополнительную практику.

По собственной инициативе и по рекомендации Кулябко он начал сотрудничать с Петербургским охранным отделением, давая незначительные сведения, поскольку не имел связи с революционерами.

Если верить показаниям самого Богрова и позднейшим свидетельствам, в августе 1911 г. у него были встречи с прежними товарищами по партии анархистов, которым стало известно о его предательской деятельности. В ходе этих встреч они и потребовали якобы от него совершить громкий террористический акт.

После возвращения в конце августа в Киев он ищет встречи со своим прежним знакомым – начальником Киевского охранного отделения, чтобы сообщить ему «важные сведения». Так возникают мнимые революционеры-террористы «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна». Кстати, персонажи не выдуманные, эти имена он слышал в Петербурге от эсера Е.Е. Лазарева, хотя никого из них не видел. Как впоследствии сам Богров сказал на допросе 1 сентября 1911 г.: «Все рассказанное мною было вымышлено».

Судя по многочисленным воспоминаниям, Богров считал Столыпина человеком весьма опасным для дела революции в России. Это подтверждается и его высказыванием на допросе 1 сентября: «Покушение на жизнь Столыпина произведена мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т.е. отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной думы, изменение избирательного закона, притеснение печати,

инородцев, игнорирование мнений Госу[дарственной] думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа».

До сих пор никто из исследователей не проанализировал его письма, записки, протоколы допросов, с точки зрения психологического портрета Богрова, особенно в последние месяцы его жизни. Что руководило им? Равнодушие к жизни, желание прославиться, требование товарищей по партии, убедившихся в его роли предателя? А, может быть, – стремление отомстить Кулябко за создавшуюся ситуацию. (В своих показаниях он говорит, что первой жертвой, которую он наметил, был как раз Кулябко). Был ли Богров один, были ли у него сообщники? Его поведение было не обычным для секретного сотрудника в период допросов. Странно выглядит его последнее признание, где он говорит обо всех своих товарищах. Как юрист он знал, что после этого начнутся обыски и аресты. Возможно, он предполагал таким образом отсрочить казнь, надеясь, что судебным властям потребуется выяснить какие-то дополнительные обстоятельства.

«Высочайшим повелением» 7 сентября 1911 г. сенатору М.И. Трусевичу было поручено «произвести широкое и всестороннее расследование действий Киевского охранного отделения». Из всех сенаторов это была, пожалуй, самая подходящая кандидатура. Юрист по образованию, с большим стажем ведения политических дел, он весной 1906 г., по рекомендации Столыпина, был назначен директором департамента полиции. Причем его назначение последовало в очень сложный для России период, когда с директорами была настоящая чехарда и некоторые задерживались на своем посту не более 3–6 месяцев. В области политического сыска Трусевич навел порядок, необходимый для того времени, увеличил сеть охранных отделений. Появились новые учреждения политического сыска – районные охранные отделения. Трусевич создал вокруг себя группу опытных чиновников, с которыми подготовил документы, регламентирующие работу этих учреждений. За очень короткое время были выработаны инструкции по работе с секретной агентурой, со службами наружного наблюдения.

Основным вопросом, который должна была выяснить комиссия, был вопрос о том, каким образом бывший секретный сотрудник, вопреки всем предписаниям и инструкциям, смог получить допуск в театр, причем от самих же руководителей охраны. Нужно было также выяснить и причины, по которым Богров был вообще привлечен к проведению охранных мероприятий. Согласно показаниям Кулябко, это было сделано потому, что именно Богров предупредил о готовящемся покушении и именно его участие могло способствовать обнаружению террористов.

Проверка комиссией Трусевича деятельности охранки вылилась в более широкое расследование, которое вскрыло серьезные недостатки в работе Киевского охранного отделения, нарушение им основных инструкций в работе с секретной агентурой, непрофессионализм самого Кулябко, нарушение им финансовой дисциплины. По мере проверки

росло число вопросов, которые необходимо было выяснить, расширялся круг лиц, с которых необходимо было снять показания. С этим связано, видимо, издание нового указа, согласно которому Трусевичу предписывалось «войти в рассмотрение деятельности всех должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в городе Киеве». Трусевичу были даны широкие полномочия. Он мог требовать от всех правительственных ведомств необходимую для расследования документацию, явки для снятия показаний и объяснений должностных лиц всех уровней и частных лиц, он мог по своему усмотрению выбирать себе помощников.

Заканчивая работу над своим докладом, Трусевич систематизировал ответы Кулябко на заданные вопросы и пришел к выводу, что практически ничего не было сделано для охраны Л.А. Кассо и П.А. Столыпина за период с 26 августа, когда была получена тревожная информация от Богрова, до второй встречи с Богровым 31 августа. Не было даже установлено наблюдение за Богровым. Все действия Кулябко, по мнению Трусевича, можно было назвать «преступной халатностью». Несмотря на все циркуляры департамента полиции по поводу секретной агентуры со строгим запретом присутствовать ей в местах высочайших проездов, Кулябко и его столичное начальство игнорировали это положение. Более того, на допросе во время суда над Богровым Кулябко заявил, что якобы не знает таких циркуляров, запрещающих использование секретной агентуры в период высочайших приездов. Впоследствии, уже на допросах в комиссии Трусевича, очевидно, поняв свой досадный промах, Кулябко неуклюже попытался его исправить: «Хотя циркуляры и говорят о недопустимости безграничного доверия к секретным сотрудникам и ссылаются на гибель полковника Карпова, но я считаю, что без доверия к сотруднику, работать нельзя. Циркуляры эти, правда, не вспоминал во время киевских торжеств и считал, что раз налицо имеется товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и вице-директор департамента, то эти лица, зная все обстоятельства дела, могли давать мне указания, что нужно делать, а что нельзя делать и, если я их не получал, то и циркуляров не нарушал». В своих показаниях Кулябко явно путается. Так, вначале он говорил, что Курлов знал о присутствии Богрова в театре, затем стал отказываться от своих же слов. Курлов же на допросах вообще отрицал, что его ставили в известность о присутствии Богрова в местах высочайшего присутствия. «Утверждение Кулябки о том, что он докладывал мне о решении своем допускать Богрова в места посещений и о том, что Богров был в Купеческом саду, я могу объяснить только стремлением его ослабить свою вину».

Для выяснения вопроса об организации охраны Столыпина в Киеве, представляет интерес заявление адъютанта В.Е. Есаулова от 13 сентября 1911 г. В нем он говорил, что был взят Столыпиным в Киев не для охраны, а для личных поручений. Еще в Петербурге он знал, что

Столыпин остановится в доме генерал-губернатора, где «мало места», и ему надо будет найти себе помещение. Далее Есаулов писал: «Не состоя в охранной службе и не зная детально, как она была организована, я должен по совести сказать, что, по моему глубокому убеждению, с момента приезда в Киев, министр совсем не охранялся. Городским головой был приготовлен для статс-секретаря Столыпина парный открытый экипаж и в нем мы всюду ездили. Я сопровождал во всех поездках министра и меня невольно поражало, как никто из полицейских властей не заботился о его экипаже. С большим трудом мне удавалось провести экипаж министра в линию, ближайшую царских экипажей и таким образом он следовал в район охраны. Проводя экипаж вперед, я встречал противодействие со стороны дворцовой полиции. Министра во всех поездках я сопровождал случайно, если бы меня не было около, то он был бы предоставлен сам себе». Далее Есаулов говорит о том, что он обращался ко многим лицам, чтобы выдали ему билет в театр. В то время как билет для Богрова был предоставлен без сложностей, Есаулову пришлось за него побороться. В конце концов он получил не билет, а приглашение с надписью «Асаулов Владимир Евгениевич. Партер. Кресло 52». Однако, как сообщает далее Есаулов, это место оказалось занятым, ему предложили другое, достаточно далеко от премьер-министра.

Расследование было закончено в феврале 1912 г. Трусевич представил всеподданнейший доклад на высочайшее имя и один экземпляр поступил в распоряжение первого департамента Государственного совета. К сожалению, в экземпляре, представленном Николаю II, нет никаких помет: читал ли он его? Но экслибрис указывает, что доклад хранился в библиотеке Зимнего дворца.

Общий вывод Трусевича – необходимо привлечь к уголовной ответственности за «бездействие» товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, заведующего охранной агентурой при дворцовом коменданте А.И. Спиридовича, начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко, чиновника особых поручений при товарище министра внутренних дел, вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина. Доклад 20 марта был рассмотрен на заседании первого департамента Государственного совета. Всем указанным лицам было предложено дать объяснения. 11 мая состоялось новое заседание первого департамента Государственного совета. Объяснения Курлова, Спиридовича, Кулябко, Веригина сенаторов не убедили. Было принято решение о начале предварительного следствия по обвинению вышеуказанных лиц в бездействии.

В июне 1912 г. следствие было поручено сенатору первого кассационного уголовного департамента Н.З. Шульгину. Совместно с обер-прокурором П.А. Кемпе им были заново проверены все сведения, полученные от Трусевича, вновь опрошены практически все свидетели, которые опрашивались комиссией Трусевича, выявлены при допросах обвиняемых все противоречия в показаниях. Однако принципиально ново-

го, по сравнению с комиссией Трусевича, обиаружено не было. Правда, по ордеру Шульгина следователем по важнейшим делам Киевского окружного суда Пуриком на даче Кулябко был произведен многочасовой обыск. Последнему было предъявлено обвинение не только в нарушении официальных распоряжений начальства, в бездействии и превышении власти, но и в финансовых растратах.

Доклад Шульгина был внесен в первый департамент Государственного совета при заключении обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената Кемпе. Изложив свою позицию, представители следствия пришли к выводу о необходимости предания суду всех четырех обвиняемых. Характерио, что из 11 членов первого департамеита Государственного совета 6 человек считали, что вина лежит только на Кулябке. Решение о предании суду всех четырех было принято лишь благодаря голосам председателя заседания А.А. Сабурова и министра внутреиних дел А.А. Макарова.

Согласно ст. 92 Учреждеиия Государственного совета от департамента зависело прекратить ли начатое преследование, наложить ли на обвиняемых взыскание без суда, как, например, «отрешение от должности». Но во всех случаях последнее слово оставалось за императором. Все, естественно, ждали резолюцию Николая II. После этого дело передавалось в суд.

Общественность рассчитывала на справедливый и непредвзятый суд. Это был бы громкий процесс, когда на скамье подсудимых оказались бы представители высших чинов полиции. Однако ожидания не оправдались. Николай II наложил иа докладе следующую резолюцию: «Отставиого подполковника Кулябко считать отрешенным от должности*. Дело об отставных генерал-лейтеианте Курлове и ст. сов. Веригине, а также о полк. Спиридовиче – прекратить без всяких для них последствий. 4 января 1913 г. Царское Село».

Это решение оказалось неожиданным и для нового председателя Совета миинстров В.Н. Коковцова. В своих воспоминаниях он приводит довольио большой диалог, последовавший между иим и царем. 19 октября 1912 г. Николай II сказал Коковцову: «Я знаю, что я Вам причиню неприятность, но я хочу, чтобы Вы меия поняли, не осудили, а, главное, не думали, что я легко не соглашаюсь с Вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцеление моего сына каким-нибудь добрым делом и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича. Особенно меня смущает Спиридович. Я вижу его здесь на каждом шагу, он ходит как тень около меия, и я не могу видеть этого, удрученного горем человека, который, конечно, не хотел сделать ничего дурного и виноват

* Кулябко был привлечен Кневскнм окружным судом по делу о растрате казенных денег и приговорен к 16-месячному заключению. Однако, по распоряжению Николая II, срок наказания был сокращен до 4-х месяцев.

только тем, что он не принял всех мер предосторожности. Не сердитесь на меня, мне очень больно, если я огорчу Вас, но я так счастлив, что мой сын спасен, что мне кажется, что все должны радоваться кругом меня и я должен сделать как можно больше добра...». На это Коковцов ответил императору: «Ваших великодушных побуждений никто не поймет, и всякий станет искать разрешения своих недоумений во влиянии окружающих вас людей и увидит в этом, во всяком случае, несправедливость. И это тем хуже, что Вашим решением вы закрываете самую возможность пролить полный свет на это темное дело, что могло дать только окончательное следствие, назначенное Сенатом, и Бог знает, не раскрыло ли бы оно нечто большее, нежели преступную небрежность, по крайней мере, со стороны генерала Курлова. Если бы Ваше Величество не закрыли теперь этого дела, то в Вашем распоряжении всегда была бы возможность помиловать этих людей в случае осуждения их. Теперь же дело просто прекращается, и никто не знает и не узнает истины»[31].

Как мог морочить голову молодой человек четырем охранникам, часть из которых была достаточно опытными и знающими людьми – хорошими профессионалами. Мы имеем в виду Курлова и Спиридовича. Как они не почувствовали всю фальшь слов Богрова, рассказывавшего им «сказку» о неком «Николае Яковлевиче», приехавшем к нему на квартиру и якобы готовившем террористический акт на министра просвещения Кассо и премьер-министра Столыпина и о некой «Нине Александровиче» с бомбой и оружием. Так что же это было? Заговор? Роковое стечение обстоятельств? Равнодушие? Спокойное отношение к премьеру, отставка которого не за горами, о чем также писали газеты? Ведь недаром же Распутин посетил Нижний Новгород, где приглядывался к Хвостову, понравившемуся Николаю II, предполагая назначить его на пост министра внутренних дел. Или все «прочее» заслоняла забота о скорейшем проведении торжеств, ожидание наград, подарков, повышений. Наконец, самостоятельно ли действовал Богров? Были ли у него сообщники? Была ли дама в партере, о которой упомянул А.А. Иванов, сообщая о последнем допросе Богрова? По чьему распоряжению был изменен порядок следования экипажей, в том числе экипажа премьер-министра. Отстраненно вели себя в этой ситуации Дедюлин и Спиридович, ответственные за охрану царя и его свиты.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

Убийство Столыпина вызвало огромный интерес историков, публицистов, писателей. Современному читателю будет интересно познакомиться с наиболее характерными из выдвигаемых версий убийства.

---

[31] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 177.

Тем более, что часть этой литературы уже является библиографической редкостью.

Первым автором, получившим доступ к официальным материалам расследования Трусевича и следствия Шулыгина, был Л. Ган[32]. Редактор журнала Б.Б. Глинский, очевидно, имел какую-то договоренность в официальных кругах по поводу этой работы и использования Гаиом материалов ревизии и предварительного следствия. Однако, по всей видимости, было поставлено условие о предварительном просмотре этой работы.

В январе–феврале 1914 г. редакцией «Исторического вестника» были отосланы в канцелярию министерства императорского двора корректурные оттиски статьи Гана. После внимательного изучения ее дворцовым комендантом В.Н. Воейковым в первой части статьи было предложено «исключить... два периода, отчеркнутые красным карандашом»[33]. Считаем необходимым привести ответ, первоначально посланный в канцелярию министерства императорского двора практически полностью, так как он является официальной реакцией на статью Гана. «Канцелярия, по приказанию дворцового коменданта, имеет честь уведомить... с возвращением рукописи статьи под заглавием «Дело об убийстве П.А. Столыпина», что свиты его величества генерал-майор Воейков, ознакомившись с содержанием означенной рукописи и усматривая, что таковая не представляет собою беспристрастного исторического исследования в повествовательной форме, а является в сущности воспроизведением актов дознания и следствия по делу об убийстве П.А. Столыпина, с приведением зачастую подлинного текста секретных служебных распоряжений, циркуляров и положений, подробно излагающих ход мероприятий охраны, находит, во-первых, что предавать все это гласности, с точки зрения охраны, нежелательно, а во-вторых, что отмеченные в рукописи красным карандашом на страницах.... периоды подлежат исключению из статьи по выше изложенным соображениям».

В результате Гану в примечании ко второй части своей работы пришлось с сожалением признать, что ранее сообщенное читателям обещание отсистематизировать «весь, относящийся к делу материал и рассказать в строго объективной форме, на основании вполне проверенных данных, в значительной своей части извлеченных из официальных документов, весь ход событий, приведших к ужасной трагедии» – он не смог осуществить по не зависящим от него причинам. «Очевидно, еще не настало время для опубликования всех материалов...»[34]. Редакция учла высказанные замечания.

Часть документов Ган все же целиком или частично ввел в свою статью, а там, где были изъяты куски документов, как и предусмот-

---

[32] *Ган Л.* Убийство Столыпина // Исторический вестник. – 1914. – Т. 135, 136.

[33] ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 193.

[34] Исторический вестник. – 1914. – Т. 136. – С. 192.

рено правилами публикации, было сделано отточие. Например, раздел XIV состоял только из двух строк: «Полковник Спиридович дал сенатору пространные объяснения». Далее шло отточие. Было очевидно, что дворцовое ведомство продолжает линию выведения из-под удара Курлова и Спиридовича.

В своей статье Ган допускал, что Богров пошел на убийство Столыпина во имя революции. Что же касается выводов, сделанных Трусевичем и Шульгиным в отношении лиц, отвечавших за порядок в городе и охрану высокопоставленных лиц, то автор фактически принял их без каких-либо оговорок.

Практически одновременно с публикацией Гана в Париже вышла книга А. Мушина «Дмитрий Богров и убийство Столыпина (с предисловием В.Л. Бурцева). По мнению автора, убийство совершил Богров-революционер, герой, который пожертвовал собой. Он не допускал какого-либо сотрудничества Богрова с охранкой. Мушин считал, что Богров руководствовался принципом «цель оправдывает средства». «Революционеры, – писал автор, – никогда не были и не будут морально чисты. В их партийном обиходе принимают права гражданства действия, поступки, ничем не отличающиеся от приемов правительственных агентов»[35]. Этой же версии с самого начала придерживались и родственники Богрова.

До мартовских дней 1917 г., пока были закрыты архивы учреждений политического сыска царской России, многие считали Богрова революционером, а все сведения, исходившие из охранки о его сотрудничестве с Киевским и Петербургским охранными отделениями – провокацией.

Первым публикатором материалов об убийстве Столыпина, уже после открытия архивов учреждений политического сыска, с документальным подтверждением службы Богрова в Киевском и Петербургском охранных отделениях в качестве секретного сотрудника выступил Б. Струмилло[36]. Его публикация вызвала много шума среди сторонников и противников Богрова. Им были обнародованы сведения, дававшиеся «Аленским» (псевдоним Богрова, как секретного сотрудника) Киевскому охранному отделению по организации партий анархистов и эсеров за 1908–1910 гг. Во второй части публикации были представлены материалы почти всех допросов Богрова, вплоть до последнего, данного им 10 сентября 1911 г., собственноручно, помощнику начальника Киевского ГЖУ А.А. Иванову; причем сведения, сообщенные Богровым во время последнего допроса, явно противоречили тому, что было им сказано ранее. У читателей не оставалось сомнений, что Богров был секретным сотрудником. Автор публикации жестко и твердо называет его провокатором, пытавшимся реабилитировать себя убий-

---

[35] *Мушин А.* Дмитрий Богров и убийство Столыпина. – Париж, 1914. – С. 183.
[36] Красная летопись. – 1924. – №№ 9, 10.

ством Столыпина. «Богров – провокатор, – пишет он, – после разоблачения, вместо самоубийства, кончил убийством Столыпина»[37].

Любопытно, что с попыткой реабилитации Богрова выступил ряд его товарищей по анархистской партии, о которых он давал сведения охранке. Утверждая, что эти сведения ничего не дали следствию и никак практически не отразились на их судьбе, они отмечали, что при аресте многое он скрыл, иначе могло последовать для них очень серьезное наказание. С их точки зрения, Богров не был настоящим сотрудником охранки. Однако в материалах расследований взгляд на Богрова как секретного сотрудника у начальников Киевского и Петербургского охранных отделений кардинально противоположный.

Один из бывших соратников Богрова И.С. Гроссман-Рощин, руководитель парижской анархистской группы «Буревестник», выступил с воспоминаниями в журнале «Былое». Он подчеркивал: «Богров, я в этом убежден, презирал до конца хозяев политической сцены, хотя бы потому, что великолепно знал им цену. Может быть Богрову захотелось уходя «хлопнуть дверьми», да так, чтобы нарушить покой пьяно-кровожадной, дико гогочущей реакционной банды – не знаю»[38]. Практически признавая сотрудничество Богрова, он продолжал считать его революционером.

Через два года в журнале «Каторга и ссылка» появилась статья «По поводу старого спора. К вопросу о Дмитрии Богрове». Автором ее был Г.Б. Сандомирский, один из членов киевской группы анархистов, осужденный в 1908 г. Киевским окружным судом на 8 лет каторги. Он, также как и Струмилло, обратился к архивным документам. Изучив материалы следствия, архивные дела, связанные с деятельностью киевской группы анархистов, о которой доносил Богров, он выступил против жесткой позиции Б. Струмилло и пришел к заключению, что Богров был провокатором «sui generis», то есть «провокатором без провокации»[39].

Касаясь покушения, Сандомирский пишет: «Здесь нагромождение психологических и фактических несообразностей. Прежде всего, к моменту совершения Богровым террористического акта, поскольку мне известно, над ним никаких партийных обвинений не тяготело. Никем он, как провокатор, разоблачен не был. Были у многих сомнения по адресу Богрова, но не только по его адресу... Речь может идти только о внутреннем процессе перерождения, либо внешних обстоятельств»[40].

Рассуждая о настрое и состоянии Богрова, Сандомирский признается, что Богров так и остался для него «психологической загадкой», что Богров представляется ему «типичным героем Достоевского, у которого была "своя идея". К этой идее он позволил себе идти слож-

---

[37] Красная летопись. – 1924. – № 10. – С. 240.
[38] Былое. – 1924. – № 26. – С. 153.
[39] Каторга и ссылка. – 1926. – № 2 (23). – С. 26.
[40] Там же. – С. 34.

ными, извилистыми путями, давно осужденными революционной этикой. Разобраться в этих путях сейчас очень трудно, но уже с достоверностью можно сказать, что, в худшем случае, Богров был не полицейским охранником, а революционером, запутавшимся в этих сложных, "запрещенных" путях, которыми он шел неуклонно и мужественно к осуществлению "своей идеи"»[41].

Практически той же точки зрения на поведение и мотивы Богрова придерживается в своей работе «Дмитрий Богров и убийство Столыпина» Е.Е. Лазарев[42]. Известный деятель партии эсеров, вступивший в революционное движение еще во времена народничества, он пользовался большим авторитетом среди радикально настроенной интеллигенции. Именно к нему в 1910 г. в Петербурге обратился Богров, пытавшийся завязать контакт с эсеровской партией. Кстати об этой встрече он тут же сообщил начальнику Петербургского охранного отделения фон Коттену. Но сообщил не все, умолчав, что с Лазаревым он вел разговор о Столыпине, говорил *о* возможности покушения на него и спросил, может ли эсеровская организация взять на себя обязательство сообщить о его покушении на премьер-министра от имени своей партии. Лазарев отговаривал его от такого шага, приводя целый ряд примеров, которые печально заканчивались для покушавшихся.

Статья Лазарева вышла в 1926 г., когда ему уже было известно о сотрудничестве Богрова с охранкой. Пересказывая свой разговор, он утверждает, что Богров был с ним «совершенно искренен, что в своих показаниях на следствии он говорил правду; что по приезде в Петербург он вновь стал революционером, – в том смысле, конечно, что он решил «хлопнуть дверью», уходя с этого света». «Я убежден, – продолжал Лазарев, – что он вошел в сношения с фон Коттеном для лучшего достижения своей цели... что покушение на Столыпина и готовность умереть объясняются не боязнью каких-то малоизвестных анархистов, а внутренней драмой, поздним сознанием загубленной жизни своей; что свидание с членами «ревизионной комиссии» лишь подлило масло в огонь и привело к дерзкому решению использовать царский приезд в Киев и поставить карту «ва-банк» на жизнь свою и Столыпина... войдя в определенных целях [в контакт] с фон Коттеном уже после свидания со мною, он ничего компрометирующего меня, кроме «безделиц», не сообщал... Для меня несомненно, что Дмитрий Богров переживал свой страшный «психологический момент», который был для него мучительнее, чем у Петрова (организатора убийства начальника Петербургского охранного отделения С.Г. Карпова – *Ред.*) ибо Петров, открывшись товарищам, шел на борьбу и смерть с радостью, тогда как Богров затаил свое преступление в глубине души: он не признался передо мной и, таким образом, не облегчил тяжести своего мучительного настроения... Богров, сидевший изолированно в тюрьме, собственной ду-

[41] Каторга и ссылка. – 1926. – № 2 (23). – С. 30.
[42] Воля России. – Прага, 1926. – № VI–IX.

шой своей пытался облегчить свое настроение, став под защиту партии, решив своим поведением и смертью искупить свое преступление. Но, будучи морально запачкан, он не хотел сказать мне всей правды, осиовательно предполагая, что мой отрицательный ответ был бы более решителен. И Богрову пришлось смертью умереть, героической смертью, изолированным и непонятым»[43].

Одной из последующих книг, придерживавшихся версии «Богрова-революционера», была книга его родного брата В. Богрова – «Дм. Богров и убийство Столыпина. (Разоблачение действительных и мнимых тайн)», которая вышла в Берлине в 1931 г. Автор начинает книгу с предсмертного письма Богрова к родителям, останавливаясь особо на строках: «Я знаю, что Вас глубоко поразила неожиданность всего происшедшего, знаю, что Вы должны были растеряться под внезапностью обнаружения действительных и мнимых тайн». Именно эти тайны, в своей интерпретации, и пытается раскрыть автор.

В 1918 г., во время приезда В. Богрова в Москву, ему была дана возможность ознакомиться, изучить и даже сделать выписки и сиять копии из 30 дел, которые находились в распоряжении следственного отдела Комиссариата публичного обвинения в Историческом музее в Москве. Эти дела по-прежнему сохраняются, но находятся в различных архивах страны и ближнего зарубежья.

Смысл его версии в том, что в 1907 г. Богров пришел к мысли об убийстве Столыпина и все делал для того, чтобы осуществить задуманное. Автор считает, что Богров решил использовать охранное отделение для совершения террористического акта. «Имеино этот путь, а не какой-либо иной, – по мнению автора, – дал ему возможность достигнуть того, что являлось целью его жизни и революционной работы». В. Богров призывал исследователей понять и оцеиить личность его брата, «отречься как от точки зрения «буржуазной морали», так и от «партийной революционной этики», а поэтому им следует стать единственно «на почву психологии анархизма». Тогда эта часть «загадки Богрова» получит простое и убедительное объяснение»[44].

Автор доказывал, что те сведения, которые давал Богров, не имели принципиального значения и ие принесли ущерба людям, которых он называл, поскольку эти сведения были либо неполными, либо уже известными охранному отделению из другого источника. Эти выводы имеют под собой некоторую почву. Ревизии Киевского охранного отделения, проводимые весной 1909 г. А.В. Герасимовым и позднее С.Е. Виссарионовым, а также справка, составленная заведующим особым отделом департамента полиции А.М. Ереминым, свидетельствовали, что агентура отделения по партиям эсеров и анархистов была очень слабой. Стоит, однако, отметить, что по материалам проверок 1909–

[43] Воля России. – Прага, 1926. – № VIII–IX. – С. 63–65.
[44] Дм. Богров и убийство Столыпина. (Разоблачение действительных и мнимых тайн). – Берлин, 1931. – С. 57.

1910 гг. в 1907 г. Богровым были даны достаточно важные сведения о деятельности анархистской организации, по которым был проведен ряд арестов.

Подводя итог первой части своих рассуждений, В. Богров делал вывод, что Дмитрий Богров «в конце концов... осуществил давно задуманный план совершенно один и не вовлек в свое дело невинной жертвы». «Я утверждаю, – заявлял он, – что это относится не только к последнему моменту совершения задуманного покушения, но и к всему предшествующему периоду, в течение которого он подготовлял для себя содействие охранного отделения... я отношу всю эту часть вопроса к области «мнимых тайн»[43]. Действительной же тайной, по его мнению, остаются мотивы, которыми руководствовался Д. Богров при даче некоторых показаний на следствии и суде, «стоящих... в полном противоречии с фактами и направленных к «очернению» его собственного революционного имени». Нелогичность показаний Богрова, их противоречивость вызывают недоумение многих исследователей, занимающихся данной темой. Некоторые считают, что последний протокол допроса от 10 сентября, был якобы написан Богровым под давлением и под диктовку А.А. Иванова, что это были, будто бы, показания в обмен на обещание сохранить ему жизнь. Но недавно был обнаружен протокол допроса Чрезвычайной следственной комиссией прокурора Н.В. Брандорфа, из которого становится ясно, что последний протокол – это в действительности речь Богрова, произнесенная им на суде 9 сентября. Так как в этот день не велось стенограммы заседания, Брандорф поручил Иванову записать выступление Богрова постфактум.

Мысль о том, что убийство Столыпина – давно задуманная акция, повторяется и в статье Б.М. Прилежаевой-Барской, детской писательницы, знавшей Богрова с гимназических лет и находившейся с ним в *приятельских отношениях*. *Вспоминая встречи* с Богровым, она пишет о разговоре в компании своих единомышленников, когда говорилось о способности человека на сильные чувства и поступки, способные перевернуть всю жизнь. «Как-то неожиданно просто он ответил, – вспоминает Барская. – Да, представьте, я способен на сильное чувство, но не на любовь – на ненависть. Я ненавижу одного человека, которого я никогда не видел. – Кого, – задали ему вопрос и в от-вет услышали, – Столыпина. Быть может оттого, что он самый умный и талантливый из них, самый опасный враг, и все зло в России от него»[44]. Встреча эта состоялась в 1910 г. в Петербурге. Последний раз Барская видела Богрова в кафе накануне рокового дня, ее потряс внешний облик Богрова и его почти седая голова. Богрову было 24 года.

До 1966 г. к теме Богрова не возвращались. В 1966 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья Б.Ю. Майского «Сто-

---

[43] Дм.Богров и убийство Столыпина... – С. 110–111.

[44] *Прилежаева-Барская Б.М.* Дмитрий Богров // Минувшие дни. – Л., 1928. – № 4. – С. 84.

льпинщина и конец Столыпина». Статья написана в основном на материалах, хранившихся в Киевском областном государственном архиве[47]. Судя по статье, в распоряжении автора были документы Киевского военно-окружного суда, материалы Киевского охранного отделения. Считая провокаторскую деятельность Богрова доказанной, он, однако, приходит к выводу, что Богров с охранным отделением вел свою *линию, изобретая* свою систему обмана охраны, приведшую к убийству Столыпина. По его мнению, Богров пытался выйти из того порочного круга, в котором оказался, с этим был связан его отъезд в 1910 г. в Петербург и стремление сблизиться с эсерами. «Вызов» же его начальником Петербургского охранного отделения фон Коттеном «Богров воспринял не только как необратимый крах его личных надежд и чаяний, но и как новое тяжкое покушение на его окрепшие политические и нравственные позиции. Он решил отомстить, хотя бы ценою собственной жизни. Для этого он должен был заручиться доверием фон Коттена. Такое доверие могло открыть ему ход в логово зверя»[48]. Как мы знаем, Богров встречался с фон Коттеном не по вызову последнего, а по собственной инициативе. Примечательно, что в своей статье Майский не объясняет последующих действий Богрова и игнорирует угрозу разоблачений, которая нависла над ним.

Как было сказано выше, наряду с версией «Богрова-революционера», вступившего в связь с охранкой, чтобы совершить террористический акт, усиленно распространялась версия, что убийство Столыпина – заговор высших полицейских чинов. «Столыпин убит охранной пулей» – таково мнение Нейдгардта, родственника Столыпина со стороны жены[49].

Эту версию активно поддержал в своих работах известный российский историк А.Я. Аврех, считая, что покушение – дело рук «великолепной четверки» или в его же интерпретации – «банды четырех». Действительно, очень много загадок, «случайностей» оказалось в одном клубке. Невозможно пройти мимо прохладных отношений между Столыпиным и Курловым, резко отрицательного отношения к Столыпину дворцового коменданта Дедюлина и попытки последнего унизить Столыпина своим пренебрежительным отношением к его охране во время проезда и в присутственных местах. В пользу версии Авреха вроде бы говорит и поспешность расправы с Богровым: скорый суд, отказ выдать бумагу и ручку, отказ оставить наедине с раввином. Все это наводит на мысль, что было что-то, что хотели скрыть. И хотя, как говорит Аврех, улики были только косвенные, никаких явных данных, подтверждающих эту версию, у него нет, он все же настаивает на су-

---

[47] В 1990 г. на базе этих материалов была подготовлена публикация *Волковиньской В.М.* «Документи слідчої справи про вбивство П.А. Столипіна // Арх. Укр. Київ. – 1990. – № 2 (22). – № 3 (221); – № 3, (222).

[48] Вопросы истории. – 1966. – № 1. – С. 144.

[49] Красная летопись. – 1924. – № 9. – С. 180.

ществовании заговора[50]. В распоряжении Авреха было несколько томов дел департамента полиции об убийстве Столыпина. К сожалению, документов расследования комиссии Трусевича и Шульгина он не видел.

Предпочтительность версии Авреха признает исследователь П.Н. Зырянов. «Выдумки Богрова, шитые белыми нитками, – пишет он, – годились разве что для деревенского урядника, а не для четырех матерых жандармов». Автор отметил, что обе стороны – и Богров, и охранники – вели друг с другом игру. Причем охранники, рассчитывая выяснить, кто в действительности стоит за Богровым и нельзя ли вытянуть «всю цепочку», явно «заигрались», «действуя тем беспечнее, что в сложившихся условиях и по субъективным причинам» жизнь Столыпина в их глазах не представляет большой ценности»[51].

К версии заговора склоняется и А.И. Солженицын в книге «Столыпин и царь». Это – позиция писателя, сложившаяся у него после изучения всего комплекса мемуариой и исследовательской литературы, прессы, публикаций документов. Он называет «четверку» и, особенно, Кулябко «соучастниками преступления»[52]. Солженицын делает основной упор на нездоровую обстановку, которая сложилась, к моменту убийства, вокруг Столыпина, ту антипатию, которую он стал вызывать со-стороны царя и царицы.

В историографии существует также мнение, что убийство Столыпина совершено одиночкой Богровым, что стало возможным благодаря преступной халатности, несоблюдению основных инструкций при работе, пусть и с бывшим, секретным сотрудником, некомпетентности руководителей сыска, паиибратству и кумовству между ними. Именно к такому выводу, как уже отмечалось, пришли в своем расследовании деятельности Киевского охранного отделения и лиц, ответственных за охрану киевских торжеств, М.И. Трусевич и проводивший следственные действия Н.З. Шульгин. Сторонником данной версии является С.А. Степанов[53].

Из последних работ следует назвать две книги – Г.П. Сидоровнина и Б.Г. Федорова. Сидоровнин насчитывает примерно восемь версий убийства: здесь и еврейский заговор, и масоны и даже В.И. Ленин, который, якобы, мог быть причастен к убийству. На последней из них стоило бы, хотя бы кратко, остановиться. Автор стремится обосновать данную версию тем, что двоюродный брат Д. Богрова – С.Е. Богров, социал-демократ, человек близкий к Леиину, в юности общался с Дмитрием, жил в доме Богровых. По мнению автора, С.Е. Богров и меньшевик Валентинов – одно и то же лицо. Отсюда делается далеко идущий вывод: «Вполне возможно, что наводчиком (Д. Богрова – *Ред.*)

---

[50] *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991. – С. 221-223.

[51] *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. – М., 1992. – С. 120.

[52] *Солженицын А.И.* Столыпии и царь. – М., 2001. – С. 308.

[53] *Степанов С.А.* Загадки убийства Столыпиина. – М., 1995.

был малоизвестный всем Валентинов, а заказчиком самого главного в России убийства известный всем человек...», т.е. Ленин[54].

Версия звучит весьма оригинально, но, к сожалению, не подкрепляется документальными свидетельствами. Сидоровнин не доказал главного – идентичности Валентинова и С.Е. Богрова. Можно предположить, что автор создал собирательный образ из трех персонажей: Валентинова (Вольского) Николая Владиславовича, Сергея Евсеевича Богрова (партийный псевдоним «Фома») и Валентина Евсеевича Богрова (псевдонимы «Валентинов», «Валентиныч», «Русанов»). Все эти лица были связаны с Киевом. В частности, Валентин Евсеевич Богров одно время выступал с заметками в киевской печати. Но если даже гипотетически признать идентичность Валентинова (Вольского) и Сергея Богрова, то исследователям хорошо известно, что между Лениным и Валентиновым в 1904 г. произошел идейный разрыв и они на длительное время, вплоть до советского периода, прекратили взаимное общение.

Б.Г. Федоров считает, что в распоряжении исследователей нет фактов «в пользу тщательно спланированной властями грязной игры», ибо, по его мнению, «тайно организовать заговор было практически невозможно (особенно в России), и самые большие враги Петра Столыпина, при всех их недостатках и пороках, никогда не пошли бы на такие шаги». Автор считает, что скорее следует говорить о «ленивых и некомпетентных чиновниках-карьеристах», а не о профессиональных или «матерых волках», о «традиционном российском ротозействе, тупости и безалаберности чиновников». Что же касается Д. Богрова, то он, с точки зрения Федорова, не подходил на роль «орудия» в руках властей и даже не был похож на профессионального героя-революционера». По словам автора, Богров являлся типичным «вырожденцем» и скорее всего действовал «как психически и нравственно неустойчивый человек, без четких принципов и морали, который метался между друзьями-революционерами и службой охранки»[55].

Таким образом, несмотря на то, что с момента трагических событий в Киеве 1 сентября 1911 г. прошло более 90 лет, подлинные причины гибели П.А. Столыпина продолжают оставаться еще до конца нераскрытыми и вызывают, как показано выше, жаркие дискуссии среди исследователей.

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ 1 СЕНТЯБРЯ 1911 г. В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ознакомившись с блоком документов, касающихся обстоятельств этой трагедии, читатель получит возможность не просто по первоисточникам узнать обо всех подробностях преступления и его главных

---

[54] *Сидоровнин Г.П.* П.А.Столыпин. Жизнь за отечество. – М., 2002. – С. 488.
[55] *Федоров Б.Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. – М., 2002. – С. 474–476, 478.

фигурантах, но и ощутить ту атмосферу, в которой проходили «торжества» и которую, до данной комплексной публикации, могли почувствовать лишь исследователи-историки. Читателю также станет понятной и та кухня «сыскного дела», которая составляла, хотя и невидимую, но, тем не менее, весьма значимую часть общественно-политической жизни дореволюционной России. По мере знакомства с документами читатель начнет постепенно погружаться в атмосферу назревающей трагедии и вместе с тем почувствует, насколько странными, даже с точки зрения простого здравого смысла, были обстоятельства покушения и как много вопросов оставлено без ответа. Что касается фигуры Богрова, то с его именем, как показано выше, связано несколько версий и мотиваций убийства.

Материалы, связанные с характеристикой личности Богрова – это его письма родным, записки, переданные подполковнику Кулябко, письмо за подписью «Надеждин», направленное начальнику Петербургского охранного отделения фон Коттену, сведения, представленные им Киевскому охранному отделению в 1907–1910 гг. С точки зрения руководителей департамента полиции, располагавших всем комплексом осведомительных материалов по анархистам (действовавших не только в Киеве) – Богров был слабым секретным сотрудником.

Составленная заведующим особым отделом департамента полиции А.М. Ереминым справка со сведениями, полученными от «Аленского» – малоинтересна. Еремин писал: «Из обозрения сводок агентурных сведений, поступавших из Киевского охранного отделения, усматривается, что сколько-нибудь серьезных сведений «Аленский» по анархистам-коммунистам не давал, но должно отметить, что в 1909 году, во время Высочайшего путешествия в Крым, «Аленский» дал сведения, что дочь известного профессора по нервным и душевным болезням тайного советника Мержеевского – Юлия Ивановна, по мужу Любинская, была командирована группой, отколовшейся от Центрального комитета партии социалистов-революционеров, в числе других, из Парижа в Севастополь для совершения посягательства на жизнь Его Императорского Величества Государя Императора. По словам самой Мержеевской-Люблинской, она лично должна была находиться в числе публики с букетом цветов с вложенной внутрь бомбой, предназначенной для метания во время Высочайшего прибытия в Севастополь; задуманное злодеяние не состоялось лишь потому, что она, Мержеевская, приехав в Россию через Александров, опоздала в Варшаве на поезд»[56]. Далее в справке отмечается, что «Аленский» «стоял в непосредственной близости к ней и знал не только ее замыслы, но и имел возможность следить за ее перепиской, которую представлял Кулябке. Как видно

post factum.

[56] ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 19.

Однако, с точки зрения Кулябки, Богров был первоклассным секретным сотрудником. Возможно, что у Кулябки действительно не было лучшего сотрудника, так как дававший в то же время сведения по анархистам «Московский» («Конотопский») был малоразвитым и малоинтересным субъектом. Богров же был полной противоположностью: интеллигентный, образованный, вежливый молодой человек. Это явно льстило Кулябке. Вполне возможно, что завышенная оценка Богрова, как секретного сотрудника, дававшаяся уже после покушения, должна была в известной мере оправдать в глазах следствия то доверие, которое он оказывал Богрову в те роковые дни.

Столь же неоднозначна в документах характеристика Богрова как революционера. Согласно его собственным показаниям, данным 1 сентября 1911 г. в ходе первого допроса, убийство Столыпина – давно продуманное решение, выполненное им одним. При рассмотрении же дела в военно-окружном суде 9 сентября 1911 г. он показал, что покушение было выполнено им по требованию партийной организации анархистов, раскрывшей его связь с охранным отделением.

Противоречивы оценки личности Богрова и мотивов его действия в документах и материалах, с которыми нам пришлось ознакомиться в ходе работы над публикацией. По мнению ряда хорошо знавших его лиц, теракт совершил революционер, одиночка, давно задумавший план убийства Столыпина, захваченный революционными идеями, последователь П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина, сознательно пошедший на этот шаг. В то же время, не менее осведомленные лица характеризуют Богрова как человека, запутавшегося в своих денежных расчетах, в том числе и «картежных долгах», морально и нравственно неустойчивого, склонного к авантюрам. В организации анархистов-коммунистов его звали «Буржуй».

Документы, которыми мы располагаем, не позволяют полностью присоединиться ни к одной из названных версий. В то же время каждая из них раскрывает ту или иную сторону личности этого человека. Донесения Богрова свидетельствуют о том, что он действительно не был «полноценным» секретным сотрудником, готовым выдавать все сведения, которыми располагал. В то же время, нет никаких оснований считать его убежденным революционером, посвятившим жизнь служению идеям революции.

Несмотря на все более овладевавшее Богровым пессимистическое настроение, он постепенно втягивался в нормальную жизнь состоятельного интеллигента. Ему уже не хотелось быть ни революционером, ни секретным сотрудником. Тем не менее, засевшая в голове с юношеских лет мысль о совершении «подвига», не оставляла его. И, видимо, в момент ажиотажа в связи с киевскими торжествами, появления сенса-

П.А. Столыпина эта идее фикс дала о себе знать с новой силой. Нельзя сбрасывать со счетов и версию о том, что анархисты, узнавшие о провокаторстве Богрова, поставили перед ним ультиматум:

либо смерть с петлей на шее, по примеру Г.А. Гапона, либо покушение на премьер-министра и реальный шанс остаться в памяти потомков героем-революционером.

Как уже мог заметить читатель, версия официальных кругов и комиссий, созданных для расследования обстоятельств убийства, была достаточно однозначной. Она сводилась к тому, что причиной трагедии стала «преступная халатность» и превышение власти лицами, отвечавшими за охрану киевских торжеств. Документы и материалы, вошедшие в публикацию, во многом подтверждают этот взгляд, однако, исходя из всей их совокупности, данная версия вряд ли может считаться адекватным отражением всех тех сложных обстоятельств, которые привели к трагедии. Для того чтобы читателю стали понятны наши сомнения, попытаемся вкратце изложить суть охранных мероприятий, обязательных при проведении церемоний с участием императора и высших должностных лиц.

Напомним, что до 1909 г. при прибытии императора в ту или иную местность охрана торжеств поручалась местным властям: генерал-губернатору, губернатору, полицмейстеру, охранному отделению, губернскому жандармскому управлению. Резиденция же императора оставалась в ведении дворцовой охраны. Однако в январе 1909 г. этот порядок был изменен. Начиная с этого времени, каждый раз перед поездкой Столыпин делал всеподданнейший доклад императору по вопросу о возложении «высшего руководства охранной» на товарища министра внутренних дел Курлова.

Так было и в 1911 году: 21 мая император, по всеподданнейшему докладу Столыпина возложил на генерал-лейтенанта Курлова ответственность за организацию охранных мероприятий во время проведения киевских торжеств. В связи с этим любопытна реакция заведующего агентурой дворцового коменданта Спиридовича, который в письме на имя Дедюлина старается внушить тому, что именно дворцовая охрана должна играть главную роль в проведении охранных мероприятий.

Распоряжение императора вызвало недовольство Ф.Ф. Трепова – киевского, волынского, подольского генерал-губернатора, который должен был принимать императора. Свое отстранение от выполнения охранных функций, в связи с сосредоточением руководства охраны киевских торжественных мероприятия в руках Курлова, он болезненно воспринял как личное недоверие к нему Николая II. Будучи несогласным с этим решением, он даже подал прошение об отставке Столыпину, которому пришлось урегулировать этот вопрос. 10 июня 1911 г. Столыпин написал личное письмо Курлову, в котором просил «щадить его (Трепова) самолюбие, оберегать всемерно его авторитет начальника края, не делать административных распоряжений, помимо него, и вообще поддерживать полное с ним согласие»[57]. Одновременно Столыпин направил письмо Трепову, в котором сообщал: «...предостав-

[57] ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

ленная товарищу министра власть касается только вопросов охраны, по каковым и подчинены ему подведомственные Вам чины. Во всех же остальных отношениях таковые, а в особенности высшие чины местной администрации, остаются в полном Вашем подчинении»[58]. Казалось, что все было улажено, в ответной телеграмме Курлов сообщил министру, что «никогда властью не злоупотреблял, что инцидент будет исчерпан»[59].

Однако на многочисленных совещаниях, которые, по приезде в Киев, проводил Курлов, Трепов не присутствовал и не был в курсе многих мероприятий по охране. Уже после гибели Столыпина, 21 сентября 1911 г., он писал Трусевичу: «Организация охраны как Его Величества, так и статс-секретаря Столыпина для меня оставалась тайной.., что касается меня, то мне не было отпущено никаких средств по случаю августовских торжеств, кроме 8000 рублей на приобретение казенного автомобиля, совершенно необходимого при частных разъездах по краю. Отпущенной суммы, однако, не хватило и мне пришлось добавить около 1000 руб. из экстраординарного кредита». Далее в письме сообщалось, что до приезда государя он «лично на своих лошадях и автомобиле всюду сопровождал П.А. Столыпина», например, 28 августа – в Софийском соборе на панихиде по Александру II и Александру III; в Киево-Печерской Лавре, в Музее имени наследника цесаревича; с момента же приезда государя, он был лишен возможности отдать в распоряжение П.А. Столыпина своих лошадей и с того времени «Столыпин пользовался экипажами, предоставленными киевским городским головой и полицмейстером». Как видно из письма, генерал-губернатор Трепов, после приезда государя, отстранился от дальнейших прямых контактов со Столыпиным.

В глазах местных и приезжих чиновников именно Курлов был главным лицом, осуществлявшим руководство охраной в Киеве, кроме, конечно, дворцового коменданта Дедюлина. Однако на деле, и здесь все было не так просто. Спиридович, который отвечал за наружную охрану и охрану царской семьи и был как бы координатором отношений между Курловым и Дедюлиным, порой играл ключевую роль.

В целом в вопросах службы наружного наблюдения в Киеве не было какого-либо скоординированного руководства. В дела охраны вмешивались и местная полиция, и жандармерия. Не была в достаточной мере организована и народная дружина, личную ответственность за которую нес Кулябко. Последний пытался везде поспеть, метался по городу, не оставляя себе времени для анализа поступающей к нему информации и принятия эффективных мер, всецело полагаясь на своих столичных советчиков – Спиридовича и Веригина.

Как же была организована охрана П.А. Столыпина?

---

[58] ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 15об.
[59] Там же. Л. 13.

Существовала структура личной охраны премьера, которой уже два года как распоряжался Курлов. Непосредственно за охрану Столыпина и его семьи отвечал К.К. Дексбах, который на допросе 30 сентября 1911 г. показал, что он был при премьере «бессменно в течение пяти с лишком лет»: осуществлял общее наблюдение за составом людей, входивших в личную охрану, сопровождал Столыпина при торжественных и частных поездках, а также прогулках, составлял маршруты поездок, указывал охране выбор способа передвижения, при этом всегда сопровождал Столыпина сам в том же экипаже, яхте, катере, автомобиле, «стремился быть в непосредственной от него близости... при еженедельных поездках с докладом к Его Величеству в Царское Село или Петергоф.., расставался с ним только в тот момент, когда тот приглашался в кабинет императора и дожидался все время во дворце выхода Столыпина по окончании доклада», во время обедов и завтраков, на которые приглашался также и Дексбах, он «садился обыкновенно с господами офицерами собственного Его Императорского Величества конвоя, все время следя за моментом, когда министр пожелает возвращаться домой». В последние два года, как отмечал Дексбах, в ряд дальних поездок вместо него и его команды, по распоряжению Курлова, назначались другие офицеры корпуса жандармов. Что же касается поездки в Киев, то, судя по показаниям адъютанта премьера В.Е. Есаулова, никакая личная охрана Столыпина не сопровождала. Поскольку обязанности по формированию команды охранников лежала на Курлове, то мы вправе предположить, что решение о неприезде в Киев телохранителей Столыпина было с ним, хотя бы формально, согласовано.

В Киеве безопасность премьера была обеспечена следующим образом: Кулябко занимался наружной охраной дома, где остановился Столыпин. Относительно личной охраны он на допросе (13 октября 1911 г.) показал, что не получал никаких распоряжений со стороны Курлова, «только в последний день он велел нанять для Столыпина и Кассо автомобили и возить их не по маршрутам». В то же время В.В. Макаров, отвечавший за охрану театра, сообщил, что «охрана министров вообще и статс-секретаря Столыпина в частности лежала на обязанности охранного отделения».

В данной связи представляет интерес рапорт киевского полицмейстера А.А. Скалона от 14 сентября 1911 г. на имя А.Ф. Гирса: «...для охраны генерал-губернаторского дома во время пребывания в нем Его Высокопревосходительства председателя Совета министров во время августовских торжеств, учреждено было дежурство двух околоточных надзирателей внутри подъезда, к имеющемуся постоянному посту из одного городового у подъезда по Институтской улице добавлен один околоточный надзиратель и по Левашевской улице установлен один пост городового. Что касается охраны дома генерал-губернатора со стороны сада, то таковая была принята на себя охранным отделением. Кроме охраны со стороны наружной полиции, наружная и внутренняя охрана генерал-губернаторского дома была возложена на чинов личной

охраны председателя Совета министров, прибывших одновременно с ним (подчеркнуто – *Ред.*).

Столыпин взял с собой в Киев секретаря В.В. Граве, который в театре не присутствовал, и адъютанта Есаулова, на которого, впрочем, не возлагались охранные функции. Однако именно Есаулова впоследствии пытался обвинить Курлов, считая, что тот должен был быть рядом со Столыпиным в театре и охранять его. Между тем, выше уже говорилось, что Есаулова, с большим трудом получившего даже не билет, а приглашение в театр, посадили достаточно далеко от премьера.

Уже в связи со сказанным возникает вопрос, явились ли упомянутые действия чинов охраны лишь результатом «преступной халатности» или они свидетельствуют об определенной заданности того сценария, по которому развертывались события конца августа – начала сентября 1911 г. На наш взгляд, в подкладке событий лежал вполне определенный умысел поставить председателя Совета министров в неловкое и даже унизительное положение. Известно, что к тому времени премьер утратил значительную часть своего влияния и был «уже не тот Столыпин», а это во многом предопределило поведение окружавших его влиятельных лиц, хорошо осведомленных о настроениях в верхах. Очевидно, по инициативе дворцового коменданта Дедюлина и заведующего дворцовой агентурой Спиридовича он не был включен в список лиц, которые должны были сопровождать императора во время поездки на пароходе в Чернигов. Уязвленный Столыпин выражал свое недоумение по этому поводу Коковцову и Курлову. Это был лишь один из эпизодов того «непочтения» к премьеру, которое было характерно для всего его пребывания в Киеве.

Учитывая особую роль Курлова, Спиридовича, Веригина и Кулябко, попытаемся на основании имеющихся материалов и документов дать краткую характеристику каждого из них.

Итак, основной фигурант в деле Павел Григорьевич Курлов. В его руках вся полнота полномочий по вопросам охраны. Удачно проведенные полтавские торжества в 1909 г., поездка императора в Ригу в 1910 г., куда Курлов брал вместе с собой помощника по службе в департаменте полиции Веригина и начальника Киевского охранного отделения Кулябку, свояка Спиридовича (жена Кулябко – сестра Спиридовича). Это – преданная и зависимая от него компания. Их служебная карьера, материальное благосостояние были связаны с прочностью положения Курлова, который все более и более входил в фавор у Николая II.

Курлов имел военное и светское образование. Он окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в конно-гренадерском полку. Затем окончил Военно-юридическую академию, и его служба с 1888 г. была связана с судебным ведомством в качестве прокурора военно-окружных судов и окружных судов, судебных палат. Только в апреле 1903 г. он перешел на службу в МВД и был назначен курским вице-губернатором, а через два года – в мае 1905 г., занял пост минского

губернатора. В период революционных событий в Минске, им был отдан приказ открыть огонь по многотысячному митингу в городе, когда несколько десятков человек было убито и несколько сотен ранено. Это событие вошло в историю, как «Курловский расстрел». Под давлением общественности администрация была вынуждена начать сенатское расследование, которое, однако, вскоре было прекращено. В октябре 1906 г. Курлов стал членом совета министра внутренних дел, в декабре 1906 – феврале 1907 г. временно управлял Киевской губернией, в апреле-августе 1907 г. исполнял обязанности вице-директора департамента полиции, а с сентября 1907 г. – возглавил Главное тюремное управление. С этой должности в январе 1909 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел.

К Курлову прекрасно относились и Николай II, и императрица Александра Федоровна. Она знала о нем давно от своей сестры великой княгини Елизаветы Федоровны. Когда Курлов служил в Москве, он исполнял обязанности секретаря благотворительного дамского Комитета великой княгини. Отношение императрицы к Курлову стало еще более благожелательным в связи с поддержкой последним Г.Е. Распутина, что имело для нее в тех условиях большое значение. С другой стороны, и Курлов пользовался покровительством «личного друга» царской четы, для него было крайне важно, что Распутин мог замолвить за него слово перед царем и царицей. Вместе с тем, Курлов не мог не учитывать, что Распутин всеми фибрами души ненавидел Столыпина за весьма критическую и нелицеприятную оценку разгульных похождений «старца», о которых он неоднократно докладывал Николаю II. Столыпин, будучи высоконравственным человеком, неодобрительно относился и к некоторым поступкам самого Курлова, в частности, к его разводу с первой женой – дочерью ярославского миллионера Вахрушева и новой женитьбе на бывшей супруге своего адъютанта М.В. Вилламова. Кроме того, Столыпину стало известно, что его заместитель, будучи любителем пожить на широкую ногу, не прочь поживиться на счет казны, в том числе и за счет прикарманивания средств, отпущенных на охранные мероприятия. Естественно, Столыпин все меньше и меньше стал доверять Курлову, который, в свою очередь, не мог не заметить этого охлаждения. Он испытывал постоянный страх, что терпеливый, но крутой на расправу Столыпин рано или поздно мог назначить сенаторскую ревизию и посадить своего заместителя на скамью подсудимых.

Вторым лицом в этой компании был полковник Александр Иванович Спиридович – умный, хитрый, властолюбивый. Он закончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, затем Павловское военное училище по I разряду. До поступления на службу в штаб корпуса жандармов он служил в первом батальоне 105 пехотного Оренбургского полка. В отличие от многих своих коллег, много читал, был образован. В 1898 г. Спиридовичу поручают составление истории полка. С этого времени у него проявился интерес к составлению всякого ро-

да исторических опусов. Уже позднее, преподавая на курсах штаба корпуса жандармов, он составил учебные пособия по истории РСДРП и эсеровской партии. Обе книги он лично преподнес императору. Стоит отметить, что и в дальнейшем Спиридович оказался самым пишущим из всех жандармов. Возможно, сыграли свою роль наследственные гены – по линии матери он был потомком баснописца И.А. Крылова.

Во время прохождения службы в Московском охранном отделении его непосредственным начальником был известный С.В. Зубатов, с которым Спиридович довольно близко сошелся. Неформальные отношения связывали его с заведующим наружным наблюдением Е.П. Медниковым.

В течение нескольких месяцев в 1902 г. Спиридович исполнял должность начальника Таврического охранного отделения, что было связано с приездом осенью 1902 г. в Крым Николая II. В декабре 1902 г. он был назначен начальником Киевского охранного отделения. В июне 1903 г. «За отличие по службе» произведен в подполковники. При исполнении служебных обязанностей в Киеве 28 мая 1905 г. на него было совершено покушение.

Вынужденный, в связи с ранением, оставить службу в Киевском охранном отделении, Спиридович был откомандирован к штабу корпуса жандармов, а при организации секретной агентуры при дворцовом коменданте был назначен ее заведующим. В этой должности он участвовал в организации охранных мероприятий во время киевских торжеств. В силу своего волевого характера, связей и профессиональных качеств он выступал едва ли не главным действующим лицом при проведении этих мероприятий, тем более, что непосредственный начальник Спиридовича – Дедюлин, находился под его сильным влиянием.

Третьим в группе четырех был Митрофан Николаевич Веригин, вице-директор департамента полиции. В департаменте он служил с 1898 г., однако лишь с приходом Курлова начался его быстрый карьерный рост. Именно по инициативе Курлова специально под него была создана должность пятого вице-директора департамента (вскоре после его отставки она была упразднена), не без участия Курлова ему также было присвоено придворное звание. Довольно интересную характеристику дал Веригину в январе 1912 г. тогдашний вице-директор департамента полиции С.П. Белецкий: «С Митрофаном Николаевичем Веригиным я впервые встретился в один из своих приездов в С.-Петербург из Самары, где служил вице-губернатором, и тогда он произвел на меня впечатление скромного молодого человека, усердно и беспретенциозно исполнявшего свои секретарские обязанности при директоре департамента полиции. Совсем другим застал я г. Веригина, когда вновь приехал в С.-Петербург, будучи уже назначен вице-директором: скромность его значительно понизилась и начала уступать место постепенно выступавшему сознанию своей силы и, я сказал бы даже, своего всемогущества. С течением времени эта последняя черта развивалась в нем все больше и больше; учитывая свое давнишнее близкое знакомство с генералом

П.Г. Курловым, а также звание камер-юнкера Двора Его Величества, г. Веригин всеми силами старался импонировать чиновникам департамента полиции, особенно низших рангов, и внушить им веру в себя: я-де все знаю, ничего в департаменте не делается помимо меня, я все могу сделать; надо сознаться, что старания г. Веригина увенчались полным успехом: в секретарский кабинет началось паломничество департаментских чиновников, по преимуществу низших, которые и изливали перед всемогущим, как им казалось, секретарем, чуть не личным, по его словам, другом товарища министра, имеющим влияние даже в придворных сферах. ...Затем и такое положение вещей перестало удовлетворять г. Веригина, и вот, как бы специально для удовлетворения честолюбия его, создается новая должность вице-директора, заведующего личным составом департамента полиции, которая и предлагается г. Веригину. Апломб его возрос еще больше. ...Прямым последствием изложенной тактики г. Веригина было то, что при замещениях открывающихся вакансий им ставились всевозможные препятствия лицам, инициатива представления коих исходила не от него или без его одобрения...»[60].

Как в силу своего служебного положения, так и карьерной биографии, Веригин был в полном смысле этого слова человек Курлова. Его роль в Киеве в основном ограничивалась участием в совещаниях, выполнением поручений товарища министра внутренних дел. В то же время он постоянно был в контакте с Кулябко и Спиридовичем и был в курсе всех обстоятельств, связанных с организацией охраны и ролью Богрова.

Последним из четверки был уже не раз упоминавшийся нами Николай Николаевич Кулябко, сын отставного полковника, из потомственных дворян. Он окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и Павловское военное училище. Его карьера складывалась не очень удачно. Службу он начал помощником участкового пристава, служил уездным исправником. По службе продвигался медленно. Однако после женитьбы на сестре Спиридовича его продвижение по служебной лестнице заметно ускорилось и в 1906 г. он становится начальником Киевского охранного отделения. В августе 1909 г. он был переведен в штаб корпуса жандармов и на следующий год получил чин подполковника.

Все знавшие Кулябко сослуживцы отмечали его ограниченность, слабый профессионализм, отсутствие качеств розыскного офицера. Однако родственные связи и умение налаживать отношение с нужными людьми помогали ему не только держаться на плаву, но и участвовать в целом ряде «престижных» мероприятий – в торжествах в Полтаве в 1909 г. и Риге в 1910 г, где Кулябко был начальником временного Рижского охранного отделения, созданного на период парадных мероприятий. Как и Курлов, он грешил привычкой распоряжаться ка-

---

[60] ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 50, 51.

зенными средствами, как своими собственными. Видимо, следует согласиться с мнением Спиридовича, что решающей роли в организации охраны в период торжеств Кулябко не играл.

Все сказанное выше о так называемой «четверке» позволяет сделать тот вывод, что все они были типичными представителями высшего эшелона политического сыска. Трагедия 1 сентября ни в коей мере не является результатом их слабого профессионалнзма. Эти события невозможно правильно оценить вне той системы личных и общественных отношений, которые складывались как внутри «четверки», так и в более широких и высоких политических кругах.

Далеко не последнюю роль играли, в частности, карьерные устремления наших «героев». Один из чиновников департамента полиции М.М. Прозоровский в своих показаниях говорит о том, что Веригин давно вел себя вызывающе и всем показывал, что он почти директор департамента, Курлов мечтал о должности министра внутренних дел, Спиридович – о должности градоначальника, а Кулябко – о службе в дворцовом ведомстве.

Подобные честолюбивые планы, равно как и получившие широкую огласку факты «странного» поведения «четвертки», и послужили поводом для возникновения слухов о существовавшем заговоре с целью устранения премьера. Эту версию стала обыгрывать не только российская, но и зарубежная печать. Когда закончилось расследование Трусевича и дело было передано на рассмотрение первого департамента Государственного совета, английская газета «Daily News and Reader» писала, что труды комиссии, якобы, подтвердили существовавшее с самого начала мнение, что Столыпин убит по инициативе охраны, которая, полагаясь на связи при дворе, считала, что дело будет замято. Столыпин, писала газета, вел решительную борьбу с поразительным хищничеством полиции. Курлов же присвоил громадные суммы[61].

Рассмотрим, однако, ту же версию, но уже в свете более достоверных источников. Наиболее аргументирована она была изложена в показаниях товарища обер-прокурора общего собрания Правительствующего Сената Брандорфа 14 июля 1917 г. в ЧСК. Брандорф, занимавший в сентябре 1911 г. пост прокурора Киевского окружного суда, полагал, что охрана в Киеве была организована слабо. В подтверждение он ссылался на сведения, полученные им в свое время от Ф.Ф. Трепова. Столыпин, по словам последнего, тоже был недоволен принятыми в отношении его мерами охраны и говорил, что при таких мерах совершенно нельзя быть гарантированиым от всевозможных покушений. Этот разговор Столыпина с Треповым был вызван присылкой одному из них открытки с изображением взрывающейся бомбы и надписью – «... и все-таки это случится»*. «Эта открытка, – отмечал Брандорф, –

---

[61] ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Т. 2. Продолжение. Л. 25.

* Эта открытка обнаружеиа в ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 212. Брандорф неточно передает текст открытки. В действительности на ней написано:

очень расстроила Столыпина и заставила его очень неодобрительно выразиться об охранной полиции, причем, согласно рассказу Трепова, смысл столыпинских слов заключался в том, что вмешательство этой полиции вместо охраны часто приводит к обратным последствиям. Когда затем случилось убийство Столыпина, – продолжал Брандорф, – все поведение Кулябки, Курлова и окружавших их лиц невольно наводило на мысль, что убийство было совершено, если и не по прямому их подстрекательству, то, во всяком случае, при каком-то странном и сознательном неустранении ими тех условий, при которых подобное преступление облегчалось в своем совершении. Я лично из всего происшедшего передо мной вынес полное убеждение, что Курлов желал смерти Столыпина и был заинтересован в создании такой обстановки, при которой Столыпин мог быть убит. Прямых доказательств этого убеждения я, конечно, представить не могу, но изложу эти факты, которые послужили к созданию этого убеждения...». Подозрения Брандорфа вызвало то, что Кулябко непосредственно после выстрела Богрова «во что бы то ни стало хотел получить Богрова в свои руки, хотя отлично знал, что я уже распорядился о производстве следствия, и что Богров находился в ведении судебных властей. Для получения Богрова чины охраны обратились даже к дворцовому коменданту Дедюлину, который «приказал» мне передать Богрова в распоряжение Кулябки, но я отказался сделать это...». Далее, неблагоприятное впечатления произвели на Брандорфа ночные показания Кулябко, которые он оценил как рассказ человека, путающегося в своих словах, замешанного в чем-то скверном и боящегося разоблачений. Наконец, самовольный и не вызывавшийся особым «спехом» обыск в квартире Богрова, предпринятый буквально в ту же минуту, как Богров попал в руки судебной власти – тоже наводил на размышление о желании Кулябко скорее завладеть и скрыть компрометирующие его документы.

Что касается Курлова, то, по мнению Брандорфа, он выглядел как человек, не только не озабоченный всем происшедшим, но, пожалуй, даже довольный складывающимися обстоятельствами. Курлов не торопился устранить Кулябку и даже, когда Брандорф с прокурором Г.Г. Чаплинским 3 сентября приехали к нему, чтобы настоять на увольнении Кулябки, он неохотно пошел на это, не оставлял попыток убедить «в ненужности такой меры». Брандорф упоминает также о присутствии при этом разговоре Веригина, «державшего себя крайне нагло».

«Кроме того, и это самое важное, – подчеркивал Брандорф, – я много времени спустя, кажется, в начале 1913 года встретился в одном доме с ныне покойным государственным контролером Петром Алексеевичем Харитоновым, которому в разговоре высказал свое убеждение о роли Курлова в деле убийства Столыпина, причем Харитонов сказал мне, что такое убеждение имеет много оснований и [подкре-

---

«Делайте обыски, высылайте, арестовывайте, ставьте охрану, мобилизуйте все свои силы – и все-таки – будет...!!»

пил] следующими фактами. Незадолго до [отбытия] государя в Киев, Столыпин докладывал ему о невозможности служить вместе с Курловым, который, по мнению Столыпина, явно подкапывался под него и довольно откровенно высказывал свои желания занять его место. Столыпин требовал увольнения Курлова, на что государь согласился, но добавил, что сделает это после своей поездки в Киев. С разрешения государя, Столыпин тот час же объявил об этом Курлову...».

Мы привели пространную выдержку из показаний Брандорфа, поскольку в этом показании наиболее аргументировано изложена та точка зрения, что убийство Столыпина было фактически подстроено Курловым и К°. Причем это взгляд не стороннего наблюдателя, а того, кто был непосредственно знаком со всеми обстоятельствами происшедшего.

Стоит сказать, что аналогичные предположения высказывал с трибуны Государственной думы лидер партии октябристов А.И. Гучков, а также, хотя и более осторожно, назначенный после гибели Столыпина премьер-министром В.Н. Коковцов.

Некоторые исследователи в качестве правомерности версии заговора ссылаются на письмо А.И. Спиридовича, посланное своей сестре Александре Ивановне, жене подполковника Кулябко, обнаруженное при обыске на его даче. Это было время, когда уже велись следственные действия сенатором Шульгиным. «Дорогая Санюша, – писал Спиридович, – мне передали просьбы Николая прислать ему для ознакомления мои показания Г[осударственному] совету. Этого я не исполню. Я до конца моего дела буду держаться того прямого пути, коим шел до сих пор. Сговариваться мне с Николаем нечего, из «извлечения» доклада он (также как и я) может видеть, где и как его (Николая) ложными против меня показаниями воспользовался сенатор. Я, конечно, не мог и думать, что мне Николай преподнесет то, что черным по белому изобразил сенатор. Пусть так. Пока я никого не трогаю, отгрызаюсь лишь за себя. Но, если меня посадят на скамью подсудимых, тогда и я вспомню, что у меня жена и ребенок и отброшу я тогда всякую щепетильность и поставлю вопрос ребром о всей той конспирации (подчеркнуто – *Ред.*), которую прикидывали относительно меня все 1 сентября. Хотели сделать без меня, ну и сделали, неважно только вышло. А вот, когда неважно вышло, когда потеряли голову, тогда хватайся за Спиридовича, тащи его и ври на него, может, сообща и выкрутимся. Нет, пусть Николай спросит о том, что надо оговорить того, с кем он не разлучался все 1 сентября и с кем обмозговывал допуск Богрова в театр. А я как-нибудь один постараюсь справиться с данными сенатора, которому все данные против меня дал лишь один Николай».

На первый взгляд, письмо как бы подтверждает версию о некоем сговоре. При всем том, вывод, к которому приходит Брандорф и целый ряд упомянутых лиц, нам все же не представляется достаточно убедительным. Ибо одно дело желать отставки и даже смерти Столы-

пина, а другое – сознательно подстроить так, чтобы это убийство произошло. Для подобного исхода необходимо было нечто большее, чем стремление расчистить путь для дальнейшего карьерного роста. Письмо же Спиридовича скорее всего вызвано той путаницей в показаниях, которое выявилось на следствии и было связано, главным образом, с попыткой свалить друг на друга вину за предоставление билета в театр Дмитрию Богрову.

Что касается других версий – масонский заговор, еврейский заговор, «наводка» со стороны Ленина – то все они кажутся нам гипотетическими и лишенными каких-либо документальных оснований.

Изучив весь комплекс документов, мы приходим к выводу, что все перечисленные версии, кроме только что упомянутых гипотез, имеют в свою пользу достаточно серьезные аргументы. Тем не менее, каждая из них нуждается в определенной корректировке. Поэтому мы считаем своим долгом ознакомить читателя с нашим собственным видением мотивов трагедии. Причем важно объяснить не только сам факт убийства Столыпина, как единичный террористический акт, но и раскрыть идеологический и политический контекст, а именно, ту роль террора и терроризма в политической истории дореволюционной России, одним из проявлений которого и стало покушение на первого министра.

Хотелось бы, однако, предваряя изложение нашей версии, обратить внимание читателя на один документ, который многое проясняет в обстановке, сложившейся вокруг премьера в дни киевских торжеств. Речь идет о письме М.Г. Данилевского (сына известного писателя) сенатору Трусевичу, написанного по горячим следам киевской трагедии. Данилевский счел своим долгом сообщить Трусевичу о разговоре между Курловым, Спиридовичем и двумя другими собеседниками в вестибюле одной из гостиниц Севастополя 4 августа 1911 г., свидетелем которого он случайно оказался. Разговор шел о Столыпине, и поскольку он велся в возбужденных тонах, его хорошо было слышно. Не будем пересказывать все письмо, которое помещено в публикации, процитируем некоторые выдержки из него. Курлов, в частности, заявил, что Столыпин, якобы, «теряет ясность ума государственного человека», что он «высох, выдохся и напоминает выжитый лимон», причем Курлов подчеркивал, что это мнение не его одного, а «мнение в Царском» (т.е. среди окружения Николая II – *Ред.*). Подтверждая мнение Курлова и упомянув о «провале» Столыпина в Государственном совете, Спиридович поделился своими впечатлениями: «Признаюсь, мы так обрадовались, что этот гордый и надменный человек или, как его называет моя жена, «Борис Годунов», провалился и сломал себе шею, что мы тут же дали себе слово, если это известие подтвердится и отставка его будет принята, отпраздновать это событие каким-нибудь особенно грандиозным пикником у меня в доме».

О том, что у Столыпина были в последнее время не простые отношения со Двором, да и с самой царской четой, известно из многих других источников. Подробно пишут об этом многие исследователи. Но

то, что его не любили, или даже ненавидели те, кто подчинялся ему как министру внутренних дел и кто отвечал по долгу службы за его безопасность, известно было немногим.

Процитированное письмо, на наш взгляд, не добавляет нового к версии заговора. Оно не служит доказательством того, что кем-либо предпринимались сознательные действия с целью предоставить вооруженному террористу возможность вплотную приблизиться к Столыпину и совершить убийство. Для этого должен был быть сговор, продуманность и согласованность шагов, четкое представление о личности и замыслах террориста. Ничего этого не было. На наш взгляд, письмо Данилевского лишь неопровержимо доказывает полное отсутствие у «охраны» не только служебного рвения, но и каких бы то ни было побудительных причин должным образом выполнять возложенные на них охранительные функции в отношении премьер-министра. Предвзятое отношение этих лиц к Столыпину, равно как и их осведомленность о подобном же отношении «верхов», делали их равнодушными, если не сказать больше, к тем обязанностям, ради исполнения которых они и находились в Киеве. Можно с достаточной долей вероятия утверждать, что будь Столыпин одним из «своих», причем не только по происхождению, карьере, но и взглядам, ментальности, даже «недоумок» Кулябко, не говоря уже о Курлове и Спиридовиче, действовали бы иначе и не допустили бы той череды «промахов», которые и позволили Богрову водить их за нос и, что называется, обвести вокруг пальца.

Конечно же, наша версия тоже не бесспорна, и ознакомившись со всем комплексом документов, читатель наверняка составит свое собственное мнение о том, в каком положении оказался Столыпин в последние дни своей жизни и почему второе лицо государства остался беззащитным перед лицом террориста. Мы считаем, что, предоставляя читателю такую возможность, мы приобщаем его не просто к знанию фактов, но и даем ему в руки инструментарий, позволяющий судить самому о самом громком преступлении начала XX века.

Но, как мы уже сказали, существует и другое, более общее объяснение случившегося. И связано оно с той общей обстановкой и в России в целом, и в кругах молодежи, которая была характерна для того времени. Именно в этой атмосфере и нужно, с нашей точки зрения, искать ответ на «загадку» личности Дмитрия Богрова. Как пишет упоминавшийся нами Валентинов, в тогдашней обстановке среди молодых людей бытовало «восхищение героической борьбой Народной Воли, вера в необходимость террора»[62].

Из всего, что сказано о Д. Богрове и о чем еще читателю предстоит узнать из публикации, совершенно очевидно, что атмосфера «восторженного преклонения перед героями террора» проникла, что называется в самую душу этого молодого человека. Одержимый идеей со-

[62] *Валентинов Н.* О Ленине. – Нью-Йорк, 1991. – С. 443.

вершить «подвиг», он не оставил ее и после того, как стал агентом охранки. Причем секретным агентом, судя по всему, он стал не ради того, чтобы облегчить задуманное, а по другим, куда более прозаическим мотивам, о которых и сам поведал уже после покушения. Становившийся все более невыносимым для него разлад между «идеей» и прозой жизни, «бытом», глубокий душевный кризис и породил, с нашей точки зрения, тот импульс, который буквально бросил его на преступление века.

Вся эта история лишний раз подтверждает, что террор и террористические акты не возникают на пустом месте. Больше того, они практически неизбежны там, где террористическая ментальность овладевает значительной частью общества и его наиболее динамичных и нацеленных на активное действие групп и где и власть, и «здоровые силы общества», в силу тех или иных причин, оказываются бессильными направить эту активность в конструктивное русло.

Итак, введение впервые в научный оборот целого комплекса базовых источников позволяет на качественно новом уровне, более полно и объективно осветить один из самых громких террористических актов начала XX в., приведшего к трагической гибели выдающегося государственного и политического деятеля - Петра Аркадьевича Столыпина. Это убийство, как и убийство американского президента Джона Ф. Кеннеди в Далласе, продолжает хранить еще много тайн и нуждается в дальнейшем расследовании и изучении. Данная публикация, предпринятая Фондом изучения наследия П.А. Столыпина, послужит как мощным стимулом в деле дальнейших архивных изысканий в нашей стране и за рубежом, так и исследовательским импульсом для всех тех, кто не равнодушен к прошлому своей страны и искренне хочет познать ее историю.

ВВЕДЕНИЕ

Основной комплекс публикуемых источников хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде 271 «Делопроизводство сенаторов М.И. Трусевича и Н.З. Шульгина по расследованию действий должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Николая II в Киеве в 1911 г., по делу убийства министра внутренних дел П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. в Киеве». Фонд содержит документы и материалы ревизии Киевского охранного отделения и действий должностных лиц, отвечавших за охрану императора в Киеве в августе–сентябре 1911 г.; показания товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, заведующего агентурой при дворцовом коменданте А.И. Спиридовича, вице-директора департамента полиции Веригина и особенно большое количество протоколов допросов начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко и отвечающего за службу наружного наблюдения С.И. Демидюка. Сохранился Особый журнал Совета министров № 3 за февраль 1912 г., а также журналы первого департамента Государственного совета № 5 от 20 марта 1912 г., № 13 от 11 мая 1912 г., № 52 от 11 декабря 1912 г.; рапорты, справки, объяснения, представленные в первый департамент Государственного совета. Достаточно сказать, что комиссией Трусевича было проведено 350 допросов. Среди них представляют интерес показания непосредственных свидетелей событий, администрации Киева, служащих в доме Богрова. Многие из этих материалов до сих пор совершенно не попадали в поле зрения исследователей. В этом плане заслуживают внимания показания вице-директоров департамента полиции С.П. Белецкого, С.Е. Виссарионова, заведующего особым отделом А.М. Еремина, чиновника особых поручений Министерства внутренних дел, генерал-майора А.В. Герасимова, киевского, подольского и волынского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова, киевского полицмейстера А.А. Скалона, помощника начальника Киевского охранного отделения П.Т. Самохвалова, С.И. Демидюка, киевского городского головы И.И. Дьякова. Интересны показания лиц, связанных по службе со П.А. Столыпиным – штабс-капитана В.Е. Есаулова, сопровождавшего премьер-министра в его поездке в Киев, личного секретаря В.В. Граве, а также К.К. Дексбаха и Р.Ю. Пиранга, состоявших в личной охране Столыпина.

Отдельный комплекс документов – материалы охраны вообще и постановки охранного дела в Киеве, в частности: инструкции полицейским надзирателям и членам добровольной дружины; организация регистрационного бюро по выдаче билетов, образцы билетов на ипподром, в Купеческий сад, театр, извозчикам для проезда; организация службы наружного наблюдения, списки филеров Киева, Москвы, Петербурга, командированных на киевские торжества; ведомости охранной агентуры; схемы расстановки постов; списки лиц, которым были выданы билеты в городской театр. Имеется схема расположения мест в театре, акт осмотра театра на предмет его охраны, акт осмотра места убийства П.А. Столыпина.

Помимо документов, имеющих прямое отношение к проведению охранных и розыскных мероприятий, была проверена финансовая отчетность Курлова и Кулябко, а также финансовая документация, связанная с расходами по организации киевских торжеств.

Имеются фотографии Богрова, вещественные доказательства по делу.

Основная часть вводимых в научный оборот документов и материалов – подлинные рукописные материалы, причем часть показаний написана собственноручно. Десять дел делопроизводства сенатора Трусевича – в основном оригинальный материал; далее шесть томов – выписки из дел, собранные по темам: три тома – приложения к документам; два тома – вещественные доказательства; два тома – переписка с объяснительными записками П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича, М.Н. Веригина и Н.Н. Кулябко; одно дело – всеподданнейший доклад сенатора М.И. Трусевича; одно дело с копиями советского периода; остальные 5 дел – делопроизводство сенатора Н.З. Шульгина. Поскольку Шульгин проводил предварительное следствие, в делах сохранились оригинальные допросы целого ряда лиц, которые дополняют те показания, которые были даны комиссии Трусевича.

Вопросы охраны киевских торжеств, а также материалы расследования убийства Столыпина нашли свое отражение в целом ряде слабо изученных фондов архива. Это – управление дворцового коменданта (Ф. 97), канцелярия товарища министра внутренних дел Курлова (Ф. 435). В канцелярии министра внутренних дел отложились материалы о подготовке поездки императора в Киев в сентябре 1911 г., отражающие непосредственное участие в разработке мер охраны самого Столыпина, его переписка с Курловым и генералом-губернатором Треповым, Положения о регистрационном бюро в Киеве, об адресном столе, утвержденные Курловым, инструкции по осмотру зданий, списки штатов полиции, командированных филеров, городовых, офицеров жандармского дивизиона и т.д.

Материалы управления дворцового коменданта, министра императорского двора представляют определенный интерес потому, что ему подчинялась дворцовая полиция и охранная агентура, заведующий которой – А.И. Спиридович, был командирован на киевские торжества 1911 г., а сам дворцовый комендант В.А. Дедюлин давал объяснения сенаторам Трусевичу и Шульгину.

Для освещения следствия и суда над Богровым были привлечены дела Российского государственного военно-исторического архива из фонда Киевского военно-окружного суда (Ф. 1769), которые содержат обвинительный акт по делу Богрова, составленный военным прокурором М.И. Костенко, отношение последнего к командующему войсками Киевского военного округа о передаче дела Богрова на рассмотрение Киевского военно-окружного суда для наказания виновного по законам военного времени, постановление распорядительного заседания Киевского военно-окружного суда от 8 сентября 1911 г., протокол вручения подсудимому Богрову обвинительного акта с его собственноручной распиской, рапорт председателя Киевского военно-окружного суда о назначении дополнительных лиц в состав суда, расписка Богрова в получении списка судей и прокурора, производящих о нем дело, от 9 сентября 1911 г., присяга четырех временных членов суда, протокол заседания Киевского военно-окружного суда по делу Богрова, резолюции и приговор, а также Особое постановление, касающееся Кулябко. В деле хранятся два письма Богрова родителям.

В деле с дознанием Киевского губернского жандармского управления «О преступном сообществе» имеются три протокола допроса Богрова, два из которых (4 и 10 сентября 1911 г.) – подлинники.

В Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (ф. 1467), образованной при Министерстве юстиции на основании постановления Временного правительства 4 марта 1917 г., имеются стенограммы показаний лиц, причастных к расследованию по делу об убийстве Столыпина или привлеченных в качестве обвиняемых – М.И. Трусевича, В.Н. Коковцова, С.Е. Виссарионова, П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича, которые давали показания по поводу киевских событий сентября 1911 года. В этом же фонде отложились материалы о возобновлении следствия по закрытому резолюцией Николая II делу Курлова и других обвиняемых по ст. 341 Уложения о наказаниях. По постановлению Временного правительства 24 мая 1917 г., его вел специально назначенный ЧСК следователь К.И. Бувайлов. Он допросил Курлова, Спиридовича, получил из Киева протокол допроса Кулябко, а также произвел опрос свидетелей: Н.В. Брандорфа, В.Л. Бурцева, В.Г. Богрова – брата Д.Г. Богрова. Эти материалы до сих пор не были введены в научный оборот.

В публикацию включены материалы всех трех комиссий, которые исследовали вопрос охраны киевских торжеств. Составители намеренно оставили вариантность показаний основных лиц, привлеченных к следствию, с тем, чтобы читатель сам смог более наглядно проследить линию поведения главных фигурантов дела.

Публикация состоит из вводной статьи, четырех разделов и приложения.

В первый раздел включены документы и материалы, относящиеся к следствию и суду над Богровым – это все сохранившиеся протоко-

лы его допросов и запись его выступления на суде, первые допросы Кулябко, Веригина и Спиридовича, обвинительный акт и протокол заседания военно-окружного суда по делу Богрова, вынесенный им приговор, резолюция суда и особое мнение о необходимости привлечения к суду Кулябко.

Во втором разделе, освещающем расследование сенатора Трусевича, и третьем разделе – предварительное следствие Шульгина, публикуются документы, раскрывающие основные направления расследования и линию поведения обвиняемых лиц. Сюда вошли протоколы допросов свидетелей, показания и объяснительные записки, доклад Трусевича Николаю II по результатам ревизии, Особый журнал Совета министров, три журнала первого департамента Госсовета, рассматривавших дело Курлова, Спиридовича, Кулябки, Веригина.

Четвертый раздел включает материалы Чрезвычайной следственной комиссии для рассмотрения противозаконных действий бывших министров и других должностных лиц – это допросы Спиридовича, Курлова, Кулябки, свидетелей – Н.В. Брандорфа, В.Л. Бурцева, В.Г. Богрова, Трусевича, Коковцова, Виссарионова.

В приложение вошли нормативные акты по организации охраны и работы с секретной агентурой и служебная переписка, упоминаемые в документах основных разделов, а также перлюстрированные письма свидетелей и современников события 1 сентября 1911 г., отражающие реакцию на это событие представителей разных общественных слоев населения.

Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистическне особенности документов сохраняются, орфографические ошибки исправлены без оговорок, пропущенные в тексте слова и части слов восстановлены и заключены в скобки. Место текста, не поддающееся исправлению, оставлено без изменения с оговоркой «Так в тексте». Опущенные части текста отмечены отточием и оговорены в текстуальных примечания, где обоснованы датировка, купюры. Указанные в конце протоколов допросов исправления не воспроизводятся.

Выявление документов и материалов в архивах и библиотеках, их отбор, комментирование, а также написание предисловия и археографического введения осуществлены доктором исторических наук ведущим специалистом ГА РФ З.И. Перегудовой и главным специалистом ГА РФ К.Г. Ляшенко, редактирование, компьютерный набор текста, подготовка рукописи к изданию – кандидатами исторических наук Н.И. Канищевой, Н.А. Лопуленко.

РАЗДЕЛ 1

СЛЕДСТВИЕ И СУД

Протокол допроса Д.Г. Богрова[1]

1 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 1 дня в г. Киеве, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Иванов[2], вследствие предложения прокурора Киевской судебной палаты, в порядке 261 ст. Уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного, который показал: зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года. Звание помощника присяжного поверенного. Проживаю в г. Киеве, Бибиковский бульвар № 4, кв. 7. К делам политического характера не привлекался.

На предложенные вопросы отвечаю: Решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н.Н. Кулябко[3], которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека. У Кулябко я был, кажется, 27 августа, затем 31 августа и, наконец, встретился с ним в Европейской гостинице 1 сентября в № 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовал полковник Спиридович[4] и еще один господин (кажется, Веригин[5]). При последнем свидании присутствовал тот же господин.

Конечно, Кулябко вполне искренне считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое собрание и затем в театр. За билетом в Купеческое я посылал в охранное отделение посыльного, билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью «Для Аленского». Билет в театр был прислан мне на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который меня предупредил по телефону.

№ билета 406, 18 ряда. Билет передал мне какой-то филер, который знал меня в лицо, как знают меня многие филеры. В Купеческом я пробыл с 8 часов вечера до конца торжеств. Револьвер был со мной. Стоял на аллее, недалеко от малороссийского хора, ближе к входу. Потом переменил место и стоял на пути прохода Государя за хором, приблизительно против ресторана. Имел при себе револьвер. Почему не выполнил свои намерения – не знаю. Еще раз повторяю, что полковник Кулябко не знал о цели моих посещений.

В театр я пришел в 8¼ вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: «Ну что, ушел ли ваш квартирант?» Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне съездить под каким-нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить; я вышел из театра приблизительно в 8 час. 25 минут вечера, перешел на другую сторону Владимирской ул. и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, причем неизвестный мне офицер не пропускал меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда меня впустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится насчет моего квартиранта и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, но повернул в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2–3 шагов, я вынул револьвер «браунинг» и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан.

Револьвер мною приобретен в бытность мою за границей, в Берлине, в магазине на Leipziger Strasse в 1908 году, вместе с револьвером мною были куплены патроны в количестве 50–60 штук. Стрелять мне приходилось мало, в общем стрелял я раз 30, иногда в цель, иногда на воздух.

Все рассказанное мною Кулябко было вымышлено. Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение 2-х недель, приезжал молодой человек по кличке «Николай Яковлевич», с которым я будто бы познакомился в С.-П[етер]б[урге]. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут протекать киевские торжества и, видимо, интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим, он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе и спросил: «А билет на торжества у Вас есть?» Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовал Спиридович и Веригин.

Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером, часов

в 11, зашел в охранное отделение; Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что «Николай Яковлевич» приехал ко мне, ночует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестной девицей «Ниной Александровной», у которой есть бомба. Все это опять-таки было ложно. Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход «Николая Яковл[евича]» и встречу его с «Ниной Александровной». Во время свидания в Европейской гостинице я напирал на необходимость выделить меня из компании бомбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. В январе 1910 года кончил Киевский университет и в апреле того же года уехал в С.-П[етер]б[ург], где пробыл до ноября 1910 г. Из С.-П[етер]б[урга] я уехал по болезни и в течение 2-х месяцев, январь и февраль 1911 года, пробыл в Ницце, откуда вернулся в Киев. В С.-П[етер]б[урге] я жил по Лиговской ул. в д. № 69, кв. 19 у двоюродного брата Льва Богрова[6], занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря в Комитете по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при Министерстве торговли и промышленности, где получал 50 руб. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25–30 рублей в месяц и от 75–100 р. ежемесячно высылал мне отец.

С анархистами я познакомился в 1907 году в Киеве в университете через студента Татиева под кличкой «Ираклий» В состав группы входили Иуда Гросман[7], Леонид Таратута[8], Петр[9], Кирилл Гродецкий[10] и несколько рабочих-булочников. Состав группы многократно менялся в течение 1908 года, туда вошел целый ряд новых лиц: Сандомирский Герман[11], Филипп[12], Тыш[13], Дубинский[14]. Никаких преступных деяний я за все время принадлежности к анархистам не совершал. Примкнул к анархистам и искал связей с ними сначала из-за желания подробнее познакомиться с их учением, а затем, но очень короткое время, был заражен царившим там боевым духом. Я принимал участие в целом ряде собраний, происходивших на квартирах у членов их и высказывал мнение свое по разным вопросам. Домов, где были собрания, не помню. В организации с 1908 года не входил, ни в С.-П[етер]б[урге], ни за границей. С присяжным поверенным С.Г. Крыновым, помощником которого я состою с марта 1910 года, я раньше знаком не был. Просил же его принять меня в помощники, потому что рассчитывал у него на работу по уголовным делам. Узнал я про то, что в С.-П[етер]б[урге], в Комитете борьбы с фальсификацией имеется вакансия на место помощника секретаря, через родственника своего доктора Семена Леонидовича Рашковича, причем на место был утвержден президиумом Комитета.

С ноября 1905 года я проживал в Мюнхене и до конца 1906 года состоял одновременно студентом Мюнхенского и Киевского университетов, причем приезжал в Киев для того, чтобы сдавать экзамены.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т.е. отступления от установившегося в 1905 году порядка: роспуск Госуд[арственной] думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Гос[ударственной] думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связи. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охр[анное] отд[еление] о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и «Филиппа». Необходимо было немедленно принять меры, и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке 2 недели. В охранном отделении я шел под фамилией «Аленский» и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и расстраивались Кулябко. Получая 100–150 рублей в месяц, а иногда единовременно по 50–60 рублей, тратил их на жизнь. В 1910 году, в июле или августе, я встретился со Столыпиным при осмотре им с.-п[етер]б[ургского] водопровода. Расстояние между нами было шагов 10–12, но по указанию начальника водопровода я удалился. Был ли у меня при себе револьвер тогда, я не помню, но мысли совершить покушение не было. Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться.

Настоящее показание написано мною собственноручно.

Дмитрий Богров.

Подполковник Иванов.

При допросе присутствовал товарищ прокурора судебной палаты Царюк.

Предъявленный мне револьвер принадлежит мне (системы браунинг № 239630) он был заряжен восьмью патронами, из коих один был в дуле, а семь в обойме.

Д. Богров.

При допросе присутствовали: товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор суда Брандорф[15].

Подлинный подписал подполковник Иванов.

С подлинным верно: Шредель.

РГВИА Ф. 1769. Оп 13. Д 11 Л. 114–116. Заверенная копия. Опубл.: Архіви України. 1990. № 3. С. 42–43.

Протокол допроса Д.Г. Богрова

2 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 2 дня, в Киевской крепости судебный следователь по особо важным делам округа Киевского окружного суда В.И. Фененко[16], допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. улож. и 13, 9 и 1454 ст. Улож о наказ. И он показал следующее:

1) *Имя, отчество и фамилия* Дмитрий Григорьевич Богров.

2) *Возраст во время совершения преступления* 24 лет.

3) *Место рождения (губерния, уезд, волость, село и деревня) и где записан в метрических книгах о родившихся, если несовершеннолетний* г. Киев.

4) *Место приписки (город или волость)* Помощник присяжного поверенного*.

5) *Постоянное место жительство* г. Киев, Бибиковский бульвар, дом № 4.

6) *Рождение (законное или незаконное)* Брачное.

7) *Звание (состояние, сословие, чин и где служил, имеет ли знаки отличия и какие)* Помощник присяжного поверенного.

8) *Народность и племя* Еврей.

9) *Религия* Иудейская.

10) *Какое получил образование или вообще знает ли грамоту* Окончил Киевский университет Св. Владимира.

11) *Семейное отношение (женат, вдов, живет в разводе, имеет ли детей, сколько, если малолетний, живет ли при родителях, сирота, подкидыш и т.д.)* Холост.

12) *Занятие и ремесло* Адвокатура.

13) *Степень имущественного обеспечения* Не имею. Отец мой имеет дом на Бибиковском бульваре, д. № 4.

14) *Особые приметы (глух, слеп, нем и т.п.)* Нет.

15) *В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления* Посторонний.

16) *Отбыл ли воинскую повинность, не состоит ли в запасе армии или флоте или же в ополчении и по какому уезду или волости* Отбыл в 1910 году, ратник ополчения 2-го разряда.

17) *Прежняя судимость* Не судился.

Я не признаю себя виновным в том, что состоял участником преступного сообщества, именующего себя группой анархистов и имеющего целью своей деятельности насильственное ниспровержение установленного Основными законами образа правления, но признаю себя виновным в том, что, задумав заранее лишить жизни председателя Совета министров Столыпина, произвел в него 1-го сентября сего года два выстрела из револьвера браунинга и причинил ему опасные для

---

* Так в тексте.

жизни поранения, – каковое преступление, однако, совершено мною без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной организации.

Вырос я в семье отца моего и матери, которые проживают в г. Киеве, причем отец мой присяжный поверенный и домовладелец. Дом отца моего находится на Бибиковском бульваре под № 4 и стоит приблизительно 400 тысяч рублей. Долга на этом доме имеется 100 тысяч рублей. Таким образом, отец мой является вполне обеспеченным человеком. Я лично всегда жил безбедно, и отец давал мне достаточные средства для существования, никогда не стеснял меня в денежных выдачах. После окончания Киевской 1-й гимназии в 1905 году я поступил в Киевский университет на юридический факультет. В сентябре того же года я уехал в Мюихен, для продолжения учения, так как Киевский университет был закрыт. Вернулся я из Мюнхена осенью 1906 года. В те времена я уже был настроен революционно, хотя ни в каких конкретных поступках это мое настроение не выражалось. Вернувшись в Киев, я в декабре месяце 1906 года примкнул через студенческий кружок к группе анархистов-коммунистов[17], с которыми я познакомился через студента Татиева, под кличкой «Ираклий». В настоящее время он куда-то выслан, куда – не знаю. В состав группы входили: Иуда Гросман, Леонид Таратута, какой-то Петр, фамилии которого не помню, Кирилл Гродецкий и несколько рабочих-булочников. Эта группа имела при мне 10–15 собраний, происходивших на разных квартирах, но на каких именно – указать не могу, так как забыл адреса. На этих собраниях разрабатывались организационные планы и высказывались предположения о возможности совершения разных экспроприаций, но определенных замыслов не было. Я лично за все время принадлежности к группе анархистов-коммунистов ни в каких преступлениях не участвовал. Состав партии часто менялся, и в течение 1908 года все вышепоименованные лица из нее выбыли, будучи арестованы, а в состав ее вошли приехавшие из-за границы: Герман Сандомирский, Наум Тыш, Дубинский и какой-то Филипп, фамилии которого не помню. Примкнул я к группе анархистов, вследствие того, что считал правильным их теорию и желал подробно ознакомиться с их деятельностью. Однако вскоре, к середине 1907 года, я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют, главным образом, чисто разбойничьи корыстные цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности этой партии. Решимость эта была вызвана еще и тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне нужен был этот излишек денег, я объяснить не желаю. Когда я впервые явился в середине 1907 года в охранное отделение, то начальник его Кулябко расспросил меня об имеющихся у меня сведениях и убедившись, по-видимому, что таковые совпадают с его сведениями, принял меня в число своих сотрудников и стал уплачивать мне по 100–150 рублей в месяц и иногда

единовременно по 50–60 рублей. Тратил я эти деньги на жизнь, причем от отца своего в то время получал, кроме стола и квартиры, около 50 рублей в месяц. В охранное отделение я ходил два раза в неделю и, между прочим, сообщил сведения о готовящихся преступлениях: как, например, Борисоглебскую организацию максималистов[18], экспроприацию в Киевском Политехническом институте, лабораторию в Киеве на Подоле, по которой была привлечена Р. Михельсон[19], дело Мержеевской[20], подготовлявшей покушение на жизнь Государя Императора в 1909 году, и много других замыслов анархистов. Кроме того, я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить находившихся в Лукьяновской тюрьме Тыша и Филиппа при помощи бомбы. Для предупреждения этого преступления необходимо было арестовать участников накануне, и для того, чтобы моя роль, как сотрудника, не была раскрыта, я тоже был арестован фиктивно охранным отделением и содержался в Старокиевском участке с 10 сентября по 25 сентября 1908 года, после чего был отпущен и продолжал свою деятельность в охранном отделении, где шел под фамилией «Аленского». Всего работал я в охранном отделении около 2½ лет и в течение этого времени был несколько раз за границей, причем одна моя поездка длилась с сентября 1908 годы по май 1909 года. Эти мои поездки предпринимались мною для моих личных надобностей и не носили характера командировок от охранного отделения, но Кулябко пользовался этими поездками и сохранял со мной связь, поручая собирать сведения о заграничной деятельности анархических организаций и продолжая выплачивать мне ежемесячно деньги. В охранном отделении я работал до начала 1910 года, а затем уехал в С.-Петербург, по окончании в феврале месяце 1910 года курса в Киевском университете. Там я продолжал числиться помощником киевского присяжного поверенного С.Г. Крупнова и иногда получал практику через знакомых присяжных поверенных: Кальмановича[21], Рашковича, Дубосарского и других. Вскоре по приезде в С.-Петербург, в июле месяце 1910 года, я решил сообщить Петербургскому охранному отделению или департаменту полиции вымышленные сведения для того, чтобы в революционных целях вступить в тесные сношения с этими учреждениями и детально ознакомиться с их деятельностью. На вопрос, почему у меня, после службы в Киевском охранном отделение явилось вновь стремление служить революционным целям, я отвечать не желаю. По прибытии в Петербург я снова сделался революционером, но ни к какой организации не примкнул. На вопрос о том, почему я через такой короткий промежуток времени из сотрудника охранного отделения снова сделался революционером, я отказываюсь отвечать. Может быть, по-вашему это нелогично, но у меня своя логика. Могу только добавить, что в Киевском охранном отделении я действовал исключительно в интересах сего последнего. Задумав сообщить петербургским жандармским властям вымышленные сведения, я написал Кулябко письмо, в котором, сообщая, что у меня есть важные

сведения, запрашивал его, куда мне их сообщить. На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к С.-Петербургскому начальнику охранного отделения фон Коттену[22]. У этого последнего я был раз 10 и, передавая ему вымышленные и довольно безразличные сведения, по-видимому, заслужил его доверие. Мне думается, что меня рекомендовал ему Кулябко. Коттен платил мне 150 рублей в месяц, в течение 4-х месяцев. После этого я серьезно заболел в С.-Петербурге, и врачи послали меня на юг Франции, куда я прибыл в декабре месяце 1910 года и оставался там до марта месяца 1911 года. Там я никаких сношений с революционными организациями не имел и никаких поручений от них не получал. Вернувшись в Киев, я прожил здесь до конца июля месяца и ни с Кулябко, ни с революционерами не виделся. В июле же месяце я поехал на дачу около Кременчуга, где пробыл недели две у своих родителей. После этого я вернулся в Киев в начале августа и оставался здесь безвыездно до вчерашнего дня. Еще в 1907 году у меня зародилась мысль о совершении террористического акта в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль явилась прямым последствием моих анархических убеждений. Затем в период моей работы в Киевском охранном отделении я эту мысль оставил. А в нынешнем году снова вернулся к ней, причем я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна. Зная о предстоящих в Киеве августовских торжествах и о предполагаемом приезде Столыпина, я решил воспользоваться этим обстоятельством для осуществления своего замысла. Но так как мне трудно было проникнуть в те места, где должен был иметь пребывание Столыпин, то я придумал ввести Кулябко в заблуждение и при его помощи получить доступ в означенные места. Для этой цели 26 или 27 августа отправился к Кулябке на квартиру, предварительно уведомив его по телефону о том, что имею сообщить ему некоторые сведения. Кулябко принял меня у себя дома и при нашем разговоре присутствовали полковник Спиридович и камер-юнкер Веригин. Я сообщил всем этим лицам вымышленные сведения, схема которых была выработана мною заранее по следующему плану. В бытность мою в С.-Петербурге я сообщил фон Коттену ложное известие о моем знакомстве с молодым террористом и вот теперь я и решил воспользоваться этой же несуществующей личностью, которую назвал «Николаем Яковлевичем», для того, чтобы создать связь между сведениями, сообщенными мною раньше фон Коттену и ныне сообщаемыми мною Кулябке и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Я решил рассказать Кулябко, что этот «Николай Яковлевич» с женщиной «Ниной Александровной», также несуществующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из министров, что они просили меня дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке

для того, чтобы избегнуть полицейского наблюдения, – и что Николай Яковлевич имеет намерение остановиться у меня на квартире. После передачи всех этих сведений я решил убедить Кулябко дать мне пропуск в те места, где будет Столыпин, для того, чтобы иметь возможность предупредить покушение на него. Получив же эти пропуски, я решил воспользоваться близостью Столыпина и стрелять в него. Весь этот план и был мною осуществлен, причем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал мои слова правдивыми. Я виделся с Кулябко всего три раза, а именно 26 или 27 августа в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у него на квартире и, наконец, 1 сентября в Европейской гостинице в № 14 в присутствии того же Веригина. В эти три раза я ему рассказал все вышеизложенное и прибавил, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» приехали и первый из них остановился у меня на квартире. Тогда Кулябко учредил за ней очень густое наблюдение, но, конечно, никого не выследил, так как никто ко мне не приезжал. При первом свидании с Кулябко он, указывая мне на пачку пригласительных билетов на разные торжества, спросил меня, имею ли я таковые, но я, не желая возбудить у него подозрения, ответил ему, что мне таковых не надо; однако я твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов вечера 31 августа, что в видах успеха дела мне необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что мое присутствие в саду требуется для предупреждения покушения и сообщил мне, что билет будет мне выдан, и чтобы я прислал за ним посыльного. Таким образом я и получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел на аллею ближе к царскому шатру, я [был] в первом ряду публики и хорошо видел прохождение Государя, но Столыпина на тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо, поэтому я и не мог в него тогда стрелять. Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где я могу встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен парадный спектакль 1 сентября, я решил непременно достать себе туда билет и с этой целью пошел в охранное отделение и, ввиду того, что Кулябко уже спал, я написал предъявляемую мне записку (мне предъявлена собственноручно написанная мною записка, начинающаяся словами «У Аленского в квартире» и кончающаяся словами «жду инструкций»)*. В этой записке я сообщал ему вымышленные сведения о том, что у «Нины Александровны» имеется бомба, что у «Николая Яковлевича» есть высокопоставленные покровители и что покушение на Государя не состоится из опасения еврейского погрома. Я рассчитывал, что эта записка произведет на Кулябко серьезное впечатление и он примет меня лично, и тогда я выпрошу у него билет на спектакль. Так оно и вышло; Кулябко меня при-

* Записка хранится: ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

нял и из разговора с ним я понял, что он меня ни в чем не подозревает и что я имею все шансы на получение билета. Но окончательно этот вопрос не был тогда разрешен, поэтому я на следующий день снова пошел к Кулябке и сообщил ему, а также присутствовавшему Веригину, что билет мне необходим, во-1-х, для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, а во-2-х, для разных других целей, полезных для охранного отделения. Но эти цели были изложены мною весьма неопределенно и туманно и я, главным образом, рассчитывал, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия ко мне выдаст билет. Мои предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был мне прислан в 8 часов вечера с филером охранного отделения, о чем меня предуведомил по телефону Кулябко. Билет был за № 406, 18-го ряда и был выписан на мое настоящее имя, только с ошибкой в заглавной букве моего отчества. Приехал я в театр во фраке в 8¼ ч. вечера и встретил Кулябко, которому сообщил, что «Николай Яковлевич» по-прежнему находится у меня на квартире и, по-видимому, заметил наблюдение. Тогда Кулябко, боясь прозевать его, просил меня съездить домой и удостовериться, не вышел ли он из дома. Я удалился на некоторое время из театра и, сделав вид, что побывал дома, вернулся в театр и сказал Кулябке, что «Николая Яковлевич» никуда не ушел. Затем я занял свое место и в первом антракте не имел случая приблизиться к Столыпину. Затем во время 2-го антракта, высматривая, где находится Столыпин, я в коридоре встретился с Кулябко, который мне сказал, что он очень опасается за деятельность «Николая Яковлевича» и тоже «Нины Александровны» и предложил мне ехать домой следить за «Николаем Яковлевичем». Я согласился, но когда Кулябко отошел от меня, оставив меня без всякого наблюдения, я воспользовался этим временем и прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстояние 2–3 шагов. Около него почти никого не было, и доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер-браунинг, тот самый, который Вы мне предъявляете, находился у меня в правом кармане брюк и был заряжен 8 патронами (восьмью). Чтобы не было заметно, что карман оттопыривается, я прикрыл его театральной программой; когда я приблизился к Столыпину на расстояние около 2-х аршин, я быстро вынул револьвер из кармана и, быстро вытянув руку, произвел два выстрела и, будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан. Я помню, что перед задержанием у меня кто-то отнял револьвер, но кто именно – не знаю. Это оружие было мною куплено в 1908 году в Берлине, но без определенной цели. Пули в патронах, которыми я стрелял, отравлены не были. До этого случая я никаких попыток на убийство Столыпина или кого-либо другого не делал. После задержания меня прокурор суда отобрал у меня бумажник, в нем находилась предъявляемая мне записка, писанная мною собст-

веннoручно, начинающаяся: «Николай Яковлевич очень взволнован»*. Эту записку я заготовил на всякий случай, если понадобится поддержать вымышленные мною сведения о времяпрепровождении «Николая Яковлевича». Подтверждаю, что я совершил покушение на убийство статс-секретаря Столыпина единолично, без всяких соучастников, и не во исполнение каких-либо партийных приказаний. Более ничего добавить не имею. Показание писал собственноручно. Показание мне прочитано.

Подписали: Дмитрий Григорьевич Богров.

И. д. судебного следователя по особо важным делам Фененко.

Присутствовал прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский[23].

Присутствовал прокурор Киевского окружного суда Брандорф.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–34об. Заверенная копия. Опубл.: Архіви України. 1990. № 2. С. 44–47.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ДОПРОСА Д.Г. БОГРОВА

2 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 2-го дня, по окончании допроса Богрова в качестве обвиняемого, составлен настоящий протокол о том, что он, давая свои показания, между прочим, упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь Государя Императора, но была оставлена им их боязни вызвать еврейский погром. Он как еврей не считал себя вправе совершить такое деяние, – которое вообще могло бы навлечь на евреев подобные последствия и вызвать стеснение их прав. Записать и подписать это он категорически отказался, мотивируя свой отказ тем, что правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов.

Подписали: Прокурор судебной палаты Г. Чаплинский.

Прокурор окружного суда Брандроф.

И. д. судебного следователя по особо важным делам В. Фененко.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 24. Заверенная копия.

---

* Записка храиится: ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко

2 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 2 дня, в 3 часа утра, судебный следователь Киевского окружного суда по особо важным делам В.И. Фененко, в городском театре, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

Я, подполковник отдельного корпуса жандармов Николай Николаевич Кулябко, 38 лет, православного вероисповедания, могу показать нижеследующее:

В конце 1906 года ко мне в отделение явился студент Киевского университета Дмитрий Богров, который предложил свои услуги по сотрудничеству в отделении. Услуги его были приняты и он начал давать агентурные сведения, касающиеся анархистов, а впоследствии максималистов, причем все сведения его были всегда определенны и точны, что подтверждалось проверкой и ликвидациями. Благодаря его сведениям были предупреждены несколько экспроприаций и арестован *целый ряд лиц, принадлежавших к боевой интернациональной анархической группе*, каковые, ввиду обнаруженных обысками результатов, были переданы в распоряжение следователя и по приговору суда отбывали различные наказания до каторжных работ включительно; также, по сведениям Богрова, были разработаны с хорошими результатами группы максималистов в Киеве, Воронеже и Борисоглебске, причем были обнаружены в указанных городах лаборатории разрывных снарядов и взрывчатые вещества, а члены группы по приговору суда отбывают наказание до каторжных работ включительно. Точно также по его сведениям с хорошими результатами была ликвидирована литературная группа анархистов-коммунистов. На службе в отделении Богров состоял около 3-х лет и в этот период, кроме Киева, освещал деятельность заграничных революционных организаций, с каковой целью выезжал на различные сроки за границу. В 1910 году сведения его имели менее серьезный характер и относились преимущественно к освещению деятельности студенческих революционных организаций, а с первой половины апреля месяца 1910 года доставление сведений совершенно прекратилось и Дмитрий Богров выбыл в Петербург, где приписался к сословию присяжных поверенных и совершенно прекратил всякие сношения с отделением. 27 сего августа месяца Дмитрий Богров вновь явился в отделение и дал сведения, что в конце июня 1911 года им было получено письмо из Петербурга от некоего Николая Яковлевича, которого он знает как серьезного революционера, с коим он завел сношения, проживая в Петербурге. Содержание письма этого носило характер выяснения политических взглядов Дмитрия Богрова. В конце июля или начале августа к Богрову, проживавшему на даче «Потоки» близ Кременчуга, явился вышеупомянутый Николай Яковлевич. Центр тяжести разговора с ним заключался в обсуждении вопроса о возможности подыскания в Кие-

ве квартиры на несколько дней для неизвестных лиц и способе сообщения между Кременчугом и Киевом. Разговор этот ничем определенным не кончился, и Николай Яковлевич в тот же день уехал по направлению к Кременчугу, обещав в скором времени прислать Богрову письмо, окончательно выяснив затронутые вопросы. Ввиду этих сведений за квартирою было установлено наружное наблюдение в целях выяснения личности Николая Яковлевича. 31 сего августа по телефону Богров сообщил, что Николай Яковлевич приехал в Киев и из разговора с ним он убедился, что дело, задуманное Николаем Яковлевичем, очень серьезное, и он предъявил ему требование собрать точные приметы министра внутренних дел Столыпина и министра народного просвещения Кассо[24], для каковой цели ему необходимо быть в Купеческом саду, так как за ним может быть установлено перекрестное наблюдение со стороны соучастников Николая Яковлевича и отсутствие его может привести к провалу. Ввиду сего ему был выдан мною билет для входа в Купеческий сад. В ночь на 1 сентября Богров пришел в отделение и сначала письменно, а потом в личном разговоре со мной, заявил, что у него в квартире ночует приехавший Николай Яковлевич, имеющий два браунинга, а приехавшая с ним девица Нина Александровна поселилась на неизвестной квартире и имеет у себя бомбу. Из разговора с Николаем Яковлевичем он убедился, что покушение готовится на Столыпина и Кассо и успех такового вполне обеспечен. Что же касается Нины Александровны, то таковую Богров обещался указать при посещении ею его квартиры 1-го сего сентября между 12 и 1 часом дня. Ввиду таковых сведений наблюдение за квартирой Богрова было усилено. Около 11 часов утра Богров заявил, что Нина Александровна к нему на квартиру не придет и назначила свидание на Бибиковском бульваре около 8 часов вечера, где будет окончательно выяснен план задуманного террористического акта. В дальнейшем Богров заявил, что после посещения Купеческого сада он примет Столыпина и Кассо не мог собрать, ввиду многочисленности публики, почему Николай Яковлевич дал ему поручение выполнить это во время торжественного спектакля в городском театре, причем выставил те же мотивы, побуждающие его обязательно присутствовать на этом спектакле, т.е. боязнь провала. Поэтому мною был выдан ему билет на спектакль в городском театре. По прибытии в театр Богров мне заявил, что Нина Александровна на свидание не придет, а Николай Яковлевич должен от него перебраться на другую квартиру. Боясь, что за темнотой выход Николая Яковлевича может быть не замечен наблюдением, я просил Богрова поехать под каким-либо предлогом обратно на квартиру и удостовериться, находится ли там Николай Яковлевич. Выйдя из театра, Богров через некоторый промежуток времени вернулся, заявив, что Николай Яковлевич сидит дома и ужинает. Беспокоясь, чтобы Николай Яковлевич не был утерян, я во втором антракте, вновь разговаривал с Богровым и убедил его ехать домой, дабы не отпускать от себя Николая Яковлевича и в случае его

выхода дать знать своевременно наблюдению. Простившись со мной, [он] направился одеваться и далее я его не видел до совершения покушения. Едва я расстался с Богровым после разговора, как встретил в коридоре театра товарища министра внутренних дел генерала Курлова, с коим зашел в телефонную комнату и делал доклад о последних сведениях и разговоре с Богровым. В это время мы услыхали выстрелы и крики в зрительном зале, бросились туда, где я узнал о совершенном на жизнь премьер-министра Столыпина покушении, а в личности покушавшегося опознал Дмитрия Богрова. Упомянутое выше заявление Богрова о приезде Николая Яковлевича и Нины Александровны при сем прилагаю в подлиннике и присовокупляю, что Богров всегда пользовался полным моим доверием, каковое заслужил всегда правдивыми и подтверждавшимися фактически сведениями, почему мне ни одной минуты не приходила в голову мысль не только [о] возможности каких-либо активных с его стороны выступлений, но и [о] сообщении ложных сведений подобно вышеизложенному.

Подлинный подписали: Подполковник Николай Николаевич Кулябко и и. д. судебного следователя по особо важным делам Фененко.

Присутствовал прокурор суда Брандорф.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д 1. Л 27–29. Заверенная копия. Опубл.: Архіви України. 1990. № 3. С. 41–43.

Протокол допроса вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина

3 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 3-го дня, судебный следователь Киевского окружного суда по особо важным делам В.И. Фененко, в камере прокурора суда, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

Зовут меня Митрофан Николаевич Веригин, 33 лет, православный, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, статский советник, постоянно проживает в С.-Петербурге, а временно в городе Киеве, в Европейской гостинице, по Крещатику. Показание это пишу собственноручно.

В начале августа вместе с товарищем министра внутренних дел генерал-лейтенантом Курловым[25] приехал в г. Киев ввиду предстоявшего посещения этого города Его Императорским Величеством. В один из праздничных дней до прибытия Государя Императора я в числе нескольких других лиц был приглашен на обед к подполковнику отдельного корпуса жандармов Н.Н. Кулябко. В конце обеда подполков-

ник Кулябко сказал, что к нему пришел один очень интересный господин, почему полковнику Спиридовичу, который также обедал у него, и мне он предложил послушать, что он будет рассказывать. Поторопившись дообедать, мы втроем пошли в кабинет г-на Кулябко, где оказался худощавый господин, высокого роста в пенсне. Когда мы с ним поздоровались, подполковник Кулябко сказал, что он может говорить совершенно свободно. После этого неизвестный сказал, что он пришел к нему под впечатлением прочтенной им в «Киевской мысли»[26] заметки о том, что начинается террор, и так как в тот день в охранном отделении застрелился задержанный утром неизвестный, то предполагает, что нет ли связи с тем лицом, которое по отъезде его из С.-Петербурга в то время, когда он проживал на даче под Кременчугом, являлось к нему с просьбой устроить квартиру в г. Киеве для имеющего совершиться во время пребывания Государя Императора в городе Киеве весьма крупного террористического акта. Сказав это, неизвестный в то время для меня на мой вопрос, откуда же приехал этот господин и как он мог узнать его адрес под Кременчугом, сказал, в Киеве ему был дан адрес на квартире, где он был; на мой вопрос, был ли он за границей и в Париже, ответил, что был на южном берегу Франции, а в Париже не был; этот последний вопрос мною был задан исключительно с целью установить, не виделся ли он с заграничными революционерами, которые проживают в Париже. Тот же неизвестный говорил, что его очень удивил приезд лица, которого он видел в Петербурге и который, кроме вопроса о квартирах, ничего не говорил. Полковник Спиридович спросил неизвестного, на кого же предполагается покушение, на это получил ответ, что пока это ему неизвестно, но, во всяком случае, покушение очень серьезное. После этого свидания неизвестного для меня в то время, в настоящее время установленного Богрова, не видал до 1-го сентября, когда увидел при следующих обстоятельствах. Рано утром приехал в Европейскую гостиницу 1-го сентября подполковник Кулябко и, узнав, что генерала Курлова нет еще дома, т.к. он поехал сопровождать Его Величество, рассказал, что прошедшей ночью он получил записку от того лица, с которым мы у него виделись после обеда, и что этот господин сообщает ему, что накануне приехал и остановился у него тот неизвестный, что приезжал в Кременчуг и что готовится покушение на председателя Совета министров статс-секретаря П.А. Столыпина и министра народного просвещения Кассо, и что лицо, приехавшее 1-го сентября, между 12 час. дня и часом будет видеться с некоей Ниной Александровной, после чего будет все решено, а лицо же, сообщившее это ему запиской, после окончания свидания приехавшего с Ниной Александровной придет в Европейскую гостиницу в № 10, где живет полк[овник] Спиридович. После этого мы направились пить кофе в столовую, минут 30, а может быть и более спустя пришел лакей и сказал г-ну Кулябко, что пришел г-н Анненский* и прошел наверх;

* Так в тексте. Имеется в виду «Аленский» (Д.Г. Богров).

подп[олковник] Кулябко встал и ушел, а я остался внизу допивать кофе; окончив, я поднялся наверх в № 14, где у меня помещается кабинет, войдя в него, я увидел подп[олковника] Кулябко и Анненского, сидящих на диване; когда я к ним подошел, то подп[олковник] Кулябко сказал мне, что свидание приехавшего с «Ниной Александровной» не состоится днем; на вопрос мой почему, Анненский сказал, что оно отложено до 8 час. веч[ера] и что решено встретиться на горке Бибиковского бульвара. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Анненский уверил, что у «Нины Александровны» есть бомба, так как приехавший сказал, что у нее «багаж» и что нет сомнения, что будет произведен террористический акт. Во время разговора пришел курьер и доложил, что ген[ерал] Курлов возвратился, поэтому я пошел доложить, что его желает видеть начальник охранного отделения по очень спешному делу. Подполковник Кулябко был немедленно приглашен к товарищу министра, где сделал доклад.

Приехав к театру и увидев подполковника Кулябко, я спросил, что нового, на это получил ответ, что он послал Анненского узнать, где находится этот господин, так как и вечернее свидание не состоится, а затем я спросил подп[олковника] Кулябко, охраняется ли квартира, где остановился приезжий, на это подполковник Кулябко ответил, что там поставлено 18–20 филеров. При входе в театр стояли жандармские офицеры и чины полиции, а также агенты охраны, число каковое их было вокруг театра, точно мне неизвестно, но, безусловно, их было много; были ли агенты в театре, мне неизвестно, но вполне уверен, что были и в большом количестве. Во время второго действия я выходил с подп[олковником] Кулябко из театра и Кулябко говорил мне, что, боясь, чтобы агенты не пропустили приехавшего, хочет одеться в штатское платье и лично сам наблюдать за квартирой. В антракте между вторым и третьим действием в то время, когда я разговаривал в коридоре с генералом Курловым, услышал как бы два сухих удара, предположив, что это выстрелы, я быстро вышел на улицу и предложил запереть все двери и никого не впускать, причем оказалось, что все двери все время заперты и меня выпустили, открыв замки, так как офицерский наряд знал меня в лицо. В то время, когда я находился на улице, вышел подп[олковник] Кулябко и сказал, что стреляли в статс-секретаря Столыпина и что стрелял именно тот самый, который предупреждал о террористических актах. Неизвестный, которого я видел в первый раз у Кулябко, именовался Кулябко или Анпенским или Аненским, точно фамилии я не разобрал.

На предложенный мне вопрос о том, был ли Аненский в Купеческом саду, отвечаю, что не могу точно упомнить был или нет, но скорее должен сказать утвердительно. Добавить более ничего не имею. О том, что Аненский будет пущен Кулябко в театр, мне заранее не было известно.

Подписали: статский советник Веригин и и. д. судебного следователя В. Фененко.

Присутствовал прокурор суда Брандорф.

Присутствовал товарищ прокурора Лашкарев.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–37. Заверенная копия.

Протокол допроса полковника А.И. Спиридовича

3 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 3 дня, судебный следователь Киевского окружного суда по особо важным делам В.И. Фененко, в камере прокурора суда, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

Зовут меня Александр Иванович Спиридович, 38 лет, православного вероисповедания, полковник отдельного корпуса жандармов, заведующий охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту.

26 или 27 августа я был на обеде у своего свойственника, начальника Киевского охранного отделения Кулябко, женатого на моей сестре. Во время обеда Кулябко сообщил мне, что к нему пришел интересный субъект и что он хотел бы, чтобы я его выслушал. Присутствовавший на обеде статский советник Веригин выразил желание также присутствовать при этом разговоре. Мы втроем пошли в кабинет Кулябки, где застали молодого человека, с которым мы поздоровались, но фамилии которого мне не назвал Кулябко. По внешности его я не распознал в нем еврея. Человек этот по предложению Кулябки сообщил следующие сведения. Будучи в Петербурге, он встретился с одним господином, имя которого или фамилию он тогда же назвал, но я затрудняюсь их назвать, опасаясь спутать их со слышанными мною впоследствии именами. Этот господин обратился к нему с расспросами относительно его политических убеждений и принадлежности к той или иной революционной организации. На эти расспросы он ответил, что ни к какой партии не принадлежит, «партийности не признает», но что по убеждениям он анархист. На этом в Петербурге разговор окончился. Спустя некоторое время, в бытность его на даче под Кременчугом, к нему приехал тот же господин и стал просить предоставить конспиративную квартиру для лиц, которые могут прибыть в Киев для исполнения боевой работы во время августовских торжеств. На это он возразил упомянутому господину, что не желает быть пешкой в руках боевой организации и согласится на оказание ей помощи только при условии, что ему будет раскрыт в подробностях весь террористический план. После этого господин сообщил ему, что в последние дни торжеств предполагается совершить убийство Столыпина и кого-то еще из высокопоставленных лиц и что для этой цели для них необходимо организовать прибытие на моторной лодке.

На этом разговор их под Кременчугом окончился, причем он пообещал подыскать конспиративную квартиру, или, вернее, помещение для ночлега. Затем пришедший к Кулябке человек заявил, что, прочтя в какой-то московской газете, что-то о покушении на Столыпина и узнав о том, что 26-го в охранном отделении застрелился какой-то арестованный (а это было в день, когда я обедал у Кулябки), он подумал, не имеет ли это событие какой-либо связи со словами приехавшего к нему под Кременчуг господина и, будучи этим всем встревожен, явился к Кулябке, чтобы обо всем поставить его в известность. В этом и заключалась сущность его сообщения. Весь разговор с заявителем произвел на меня впечатление полной достоверности и из него я вынес впечатление, что подготовляется крупный боевой налет с целью нападения на Государя Императора. Поэтому 28 августа я послал с нарочным письмо дворцовому коменданту, которое и было вручено ему на станции Коростень, с извещением обо всем мною слышанном и с изложением моей уверенности, что мы имеем дело с подготовкой покушения на жизнь Его Величества. После ухода сотрудника мы услышали от Кулябки, что он очень ценный, хороший сотрудник, давший несколько дел по анархистам, максималистам, давший несколько лабораторий на Юге и что дела эти были поставлены на суд в Харькове. У нас у всех троих сложилось убеждение в серьезности сообщенных им сведений, а также о том, что разоблачаемый им террористический акт должен коснуться личности Государя Императора. Сведение казалось нам столь серьезным, что мы с Веригиным, имея в виду болезнь генерала Курлова, не решились на ночь доложить ему о выслушанном и уговорились с Кулябко, что, продумавши все услышанное, он утром доложит все генералу. Кулябко так и поступил, но какие получил приказания, мне неизвестно. После этого Кулябко, как мне известно, виделся с этим человеком, вел с ним разговоры, получал дополнительные сведения, но какие именно, мне в точности неизвестно. Тем не менее, из отрывочных сообщений Кулябки я еще более укрепился в уверенности, что Государю Императору грозит опасность, а потому в сфере своей деятельности я делал все возможное, дабы принимались меры, которые я считал необходимыми для обезопасения проезда путей Его Величества. О том, что этот господин будет находиться в Купеческом саду и в театре в качестве сотрудника охранного отделения, мне не было известно. Находясь в театре, я с Кулябкой, если и виделся, то не беседовал, но от кого-то, а от кого именно, не помню, узнал, что имеющиеся у Кулябки сведения не поддаются разработке и что до сих пор не выяснено, в чем заключается грозящая Государю опасность. О том, что сотрудник Кулябки был в театре, я узнал лишь тогда, когда после покушения на Столыпина я увидал его в руках публики и в нем признал господина, бывшего у Кулябки 26 августа. Все время самого покушения я в зрительном зале не был и обстоятельств, сопровождавших его, не видел. Выстрелы я услышал, стоя в коридоре у среднего прохода. Я кинулся в зритель-

ный зал, пробежал по креслам к месту министра Столыпина, где толпилось несколько человек, кинулся затем к схваченному преступнику и тотчас же перебежал и стал снаружи царской ложи, ожидая взрыва или вообще какого-либо на нее нападения. Уверенность в том, что нападение последует, была столь велика, что я одел фуражку, дабы она меня не стесняла, обнажил саблю и так стоял, прося публику не закрывать пред нею места, чтобы было видно, кто к ней подходит. Более добавить ничего не имею.

Подписали: Полковник Спиридович и и. д. судебного следователя Фененко.

Присутствовали прокурор суда Брандорф и товарищ прокурора Лашкарев.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 38–39об. Заверенная копия. Опубл. частично: Архіви України. 1990. № 3. С. 46–47.

Протокол допроса Д.Г. Богрова

4 сентября 1911 г.

1911 г., сентября 4 дня, в г. Киеве я, отдельного корпуса жандармов подполковник Иванов, вследствие предложения прокурора Киевского окружного суда от 3 сего сентября за № 531, дополнительно допрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. Относительно причин, побудивших Кулябко выдать мне билет, показываю следующее: Я сообщил Кулябко, что ночевавший у меня «Николай Яковлевич» собирается часов в 9 вечера выйти для встречи с «Ниной Александровной» куда-то в окрестности Владимирского собора и просил инструкций, как мне поступить в случае, если кто-либо из этой компании даст мне какое-н[и]б[удь] поручение. Кулябко категорически воспретил исполнять какое бы то ни было поручение. Тогда я заявил, что при таких условиях я должен быть изолированным от компании бомбистов, иначе возбужу подозрение их, и что лучше всего для этой цели выдать мне билет в театр, ибо, показав этот билет «Николаю Яковлевичу» и другим, я смогу принять на себя исполнение роли наблюдателя за Столыпиным и неправильно данным сигналом испортить их предприятие. Билет я получил в 8 часов вечера через филера «Самсона Ивановича»[27] на углу Бибиковского бульвара и Пушкинской улицы, куда я вышел встревоженный долгим неполучением билета. Я прилагал все усилия к тому, чтобы достать билет в театр на 1-ое сентября именно потому, что, полагал, что более мне не представится удобного случая для встречи со Столыпиным, ибо мой обман должен был быть выяснен в

самом непродолжительном времени охранным отделением. План покушения мною разработан не был. Я был уверен, что, находясь в театре, смогу улучить момент для того, чтобы приблизиться к министру. При разговоре 1-го сентября я просил Кулябко дать мне место поближе к креслу Столыпина, но он и Веригин ответили мне, что в первых рядах будут сидеть только генералы и потому мне сидеть там неудобно. Вообще Кулябко обращал внимание на то обстоятельство, что я очень взволнован, но приписывал это волнение тому, что я неожиданно попал в центр заговора; вместе с тем, он мог бы обратить внимание на то, что держал я себя весьма не конспиративно, приходил днем в охранное отделение, телефонировал туда из своей квартиры, посылал туда посыльного и т.п., ходил в Европейскую гостиницу и, наконец, решался открыто посещать такие места, как Купеческое и театр, куда, как лицо неблагонадежное, билетов получить не мог бы. Билет в Купеческое был мною получен от Кулябко без всякой особенной мотивировки. Я по телефону часов в 6 веч. просил его выдать мне билет, и он предложил прислать за ним посыльного. По возвращении из Потоков, меня посещали несколько раз Владимир Абрамович Скловский[28], мой товарищ по гимназии и по университету, который, однако, о моих планах совершенно осведомлен не был; помощник присяжного поверенного Лев Леонтьевич Фельдзер, с которым я встречался ежедневно в кабинете присяжного поверенного Александра Соломоновича Гольденвейзера, который находится за границей; студент Киевского университета Самуил Леонтьевич Фельдзер, мой товарищ по гимназии, заходил ко мне только один раз, возвращаясь от доктора. Я категорически утверждаю, что все эти лица не имели ни малейшего понятия о моих планах. Сведения, которые я давал Кулябко, им не записывались, и письменный след о них сохранился лишь в одной записке, которую я посылал ему 31 августа из охранного отделения в квартиру.

Дмитрий Богров.

Подполковник Иванов.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 11. Л. 117–118. Автограф
Опубл.: Архіви України. 1990. № 4. С. 10.

Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко

5 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 5 дня, судебный следователь Киевского окружного суда по особо важным делам В.И. Фененко, в камере прокурора Киевского окружного суда, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

1) Имя, отчество, фамилия – Николай Николаевич Кулябко.

В дополнение к прежнему своему показанию добавляю: с обвиняемым по настоящему делу Богровым я познакомился впервые осенью 1906 года. Знакомство мое произошло при следующих обстоятельствах: как-то однажды ко мне в охранное отделение явился неизвестный человек и, отрекомендовавшись студентом Киевского университета Богровым, предложил мне свои услуги по части сотрудничества в охранном отделении. Я стал расспрашивать Богрова, что собственно побудило его явиться ко мне, на что он мне ответил, что он принадлежит к группе анархистов-коммунистов, имеет обширные связи как в России, так и заграницей, и может быть полезным. В разговоре он назвал нескольких видных деятелей и произвел на меня впечатление человека вполне осведомленного и могущего принести пользу. На мой вопрос, повторенный опять, что же собственно побудило его явиться ко мне, он заявил, что, будучи заграницей, он проиграл 1000 и 1500 франков, что это долг чести, денег у него нет, так как отец очень скуп, и он надеется, что за оказанные мне услуги я дам ему возможность уплатить этот долг. Помню, я тогда дал ему 75 или 100 рублей авансом, и мы сговорились. С этой встречи Богров все время работал у меня в охранном отделении в качестве сотрудника вплоть до 14-го апреля 1910 года, когда я получил последние сведения от него, после доставления которых, насколько я помню, Богров уехал в С.-Петербург. За этот период времени Богров в качестве сотрудника работал превосходно и дал мне очень много хороших дел, так, например, была ликвидирована южная интернациональная группа анархистов-коммунистов, при ликвидации которой были задержаны такие крупные партийные работники, как Сандомирский, Таратута и друг[ие]. Было ликвидировано несколько групп максималистов, при ликвидации которых в городе Борисоглебске, Воронеже и других были найдены взрывчатые вещества и были задержаны видные работники Марковский[29], Дунин[30] и другие. В Киеве была ликвидирована местная группа анархистов-коммунистов, во главе которой, если не ошибаюсь, стояла Сельская[31]. Все те сведения, которые давал мне Богров, всегда подтверждались и я, естественно, ему доверял. Платил я ему обыкновенно от 100 до 200 рублей в месяц. Кроме того, за этот период времени Богров за счет охранного отделения 2–3 раза ездил за границу, откуда присылал мне очень ценные сведения. Обыкновенно, за сотрудниками у меня имеется наблюдение, имелось наблюдение и за Богровым и наблюдение за ним всегда устанавливало, что Богров сотрудник очень хороший и, сообщая сведения, никогда не лгал. Когда Богров окончил университет и переехал в С.-Петербург, он стал там работать в С.-Петербургском охранном отделении, и, насколько я помню, я, кажется, телеграфировал о Богрове начальнику С.-Петербургского охранного отделения фон Коттену и, кажется, при личном свидании с фон Коттеном дал ему хороший отзыв о Богрове, как о сотруднике. После отъезда Богрова в С.-Петербург я прекратил с ним всякие сношения, и, если я не ошибаюсь, за все время до приезда в Киев Богрова в

прошлом августе я виделся с ним один раз. Зашел он тогда ко мне в отделение не по делу, а просто как знакомый. Денег Богров у меня после отъезда в С.-Петербург не просил, но я ему, при свидании, дал просто на праздники по старой памяти несколько десятков рублей. Справок об имущественной состоятельности Богрова я не наводил, но он сам мне говорил, что у него состоятельный отец, но очень скупой и дает деньги только на необходимые расходы. Кличка его была «Аленский». До 27 августа сего года я о нем никаких сведений не имел и лишь 27 августа часов в 5-ть дня он явился ко мне и заявил, что у него имеются сведения очень серьезного характера, которые он считает своим нравственным долгом сообщить мне, как своему бывшему начальнику. В то время у меня обедали вице-директор Веригин и полковник Спиридович, которых я пригласил на свидание с Богровым. В их присутствии Богров доложил, что в С.-Петербурге он завел знакомство с неизвестным господином «Николаем Яковлевичем», который приехал к нему на дачу в Потоки, около Кременчуга. В разговоре «Николай Яковлевич» заявил, что существует боевая группа, задумавшая какое-то дело в Киеве, которое, как понял он, Богров, касается Столыпина и Кассо, причем он просил содействия Богрова в смысле подыскания безопасной квартиры, обещая, по прибытии в Киев, поставить Богрова в курс дела. При следующем свидании со мной, 31 августа, Богров заявил, что «Николай Яковлевич» приехал и с ним приехала девица, «Нина Александровна», имеющая бомбу. Богров от активного участия в покушении, по его словам, отказался и ему была поручена разведка и для того, чтобы попасть по требованию «Николая Яковлевича» в Купеческий сад, он просил дать ему билет, что и было мной исполнено. В ночь на 1 сентября Богров снова явился во мне и заявил, что согласно данным ему указаниям он примет Столыпина «Николаю Яковлевичу» не сообщил, сославшись на скопление народа; поэтому «Николай Яковлевич» поручил ему во что бы то ни стало дать ему точные приметы Столыпина и Кассо немедленно же, для каковой цели потребовал его присутствия в театре, обставив это требование предупреждением, что он может быть проконтролирован членами группы. Поэтому ему вновь был дан билет для входа в театр. Предварительно я задал Богрову вопрос, чем он объяснит получение билета, на что он заявил, что этот вопрос предусмотрен и что он объяснил «Николаю Яковлевичу», что имеет возможность достать билет через некую кафешантанную певицу Регину. Единственный мотив, что я дал ему билет, было опасение того, что в противном случае он будет провален партией. Явившись в театр, я ожидал прихода Богрова, так как хотел с ним поговорить относительно «Николая Яковлевича», с каковой целью, по его приходе, позвал его в одну из боковых комнат. Опасаясь, что «Николай Яковлевич» будет утерян наблюдением, я поручил Богрову поехать на квартиру и убедиться, [что] он сидит, после чего Богров вышел и, вернувшись через несколько минут, доложил, что «Николай Яковлевич» дома и ужинает. Разговор

этот происходил в самом начале спектакля; в первом антракте я тоже виделся с Богровым, но точно разговора с ним не помню, но разговор касался «Николая Яковлевича». Во втором антракте я вновь пригласил Богрова в телефонную комнату, где, боясь утери «Николая Яковлевича», предъявил ему категорическое требование ехать домой и не оставлять его ни на один шаг. Тут же, простившись со мной, Богров направился одеваться, а я, встретив у дверей генерала Курлова, вернулся с ним в телефонную комнату, где и стал делать ему доклад, во время которого и было совершено преступление. Узнав об этом, я немедленно сделал распоряжение об обыске в квартире Богрова и аресте всех лиц, там находящихся. Официального доклада о нахождении Богрова в театре я никому не делал, но из доклада Веригину о том, что я послал Богрова домой узнать, находится ли «Николай Яковлевич» дома, под предлогом взять забытые им перчатки, он мог вывести заключение, что Богров находится в театре. Этот доклад сделан был мной по уходе Богрова из театра после начала спектакля до первого антракта. Что сказал Веригин, я не помню. Через некоторое время, получив от Богрова сведения, что «Николай Яковлевич» дома, я сообщил об этом Веригину на ходу; в какой момент спектакля я сказал Веригину – не помню. Более с Веригиным я о Богрове не говорил. Фамилию Богрова Веригин не знал, сомневаюсь, знал ли он его кличку и, говоря о Богрове, я называл его просто «он». Во время вышеприведенных разговоров моих с Веригиным, последний не предлагал мне вопроса о том, находится ли Богров в театре. В театре я сделал Курлову два доклада; первый доклад был сделан мной во время первого антракта о том, что я посылал Богрова (фамилии Богрова и клички его я Курлову не называл) домой узнать, там ли «Николай Яковлевич» и он, вернувшись, доложил, что «Николай Яковлевич» сидит дома и ужинает. В такой ли именно редакции я сделал первый доклад генералу Курлову или просто доложил, что «Николай Яковлевич» сидит дома и ужинает, не указывая источника сведений, – я не помню; но, судя по тому, что в разговоре со мной генерал Курлов высказал опасение, не скроется ли «Николай Яковлевич» в отсутствии Богрова, я полагаю, что доклад был мною сделан в первой редакции. Вопроса о том, в театре ли находится Богров, генерал Курлов мне не предлагал. Второй доклад я делал генералу Курлову во время второго антракта и этого доклада я не кончил, так как поднялась суматоха и шум, вследствие произведенных Богровым выстрелов. При втором докладе я довел до сведения Курлова, что только что послал Богрова домой следить за «Николаем Яковлевичем», чтобы он не скрылся из-под наблюдения. Ни с кем более о Богрове я в театре не разговаривал. Ни Курлову, ни Веригину, ни Спиридовичу и никому другому я не говорил о том, что Богров будет в театре, да и не мог об этом сказать, так как окончательное решение вопроса об этом последовало за полчаса до начала спектакля. Никому из лиц свиты статс-секретаря Столыпина о том, что Богров находится в театре, я не говорил, и Столы-

пин об этом не мог знать, если только Курлов, поняв из моих докладов, что сотрудник находится в театре, не доложил об этом Столыпину. Все агентурные сведения, касающиеся подготовки «Николаем Яковлевичем» и его группой покушения на Столыпина и Кассо, я своевременно передавал Спиридовичу, Веригину и Курлову и на основании моих докладов генералом Курловым были сделаны предупреждения Столыпину, Кассо и доведено до сведения дворцового коменданта Дедюлина[32], кроме того, лично мной было доложено генерал-губернатору Трепову[33]. О том, что мой сотрудник будет в Купеческом саду, я ни Спиридовичу, ни Курлову, ни Веригину не говорил и сказал им об этом днем первого сентября. О том, что Богров имел при себе в театре револьвер, я не знал и откуда он добыл его, мне неизвестно. Богрову я настолько доверял, что в театре наблюдения за ним не учреждал. После того, как Богров по моему поручению выходил из театра и наводил справки о «Николае Яковлевиче» и затем вернулся обратно, то один из офицеров не хотел пропускать Богрова, так как пропуск был оторван уже от билета. Тогда я сказал этому офицеру, что лицо это уже было в театре и билет его проконтролирован, после чего Богров вошел в театр. В зрительном зале, в партере моих филеров не было, а на тех местах, которые я получил от городского головы, сидели жандармские офицеры. Более ничего показать не имею. Показание мне прочитано.

Подписали: Подполковник Кулябко.

И. д. судебного следователя по особо важным делам Фененко.

Присутствовал товарищ прокурора Лашкарев.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 44–47. Заверенная копия. Опубл.: Архіви України. 1990. № 3. С. 43–46.

Протокол допроса Д.Г. Богрова

6 сентября 1911 г

1911 года, сентября 6 дня, в Косом капонире судебный следователь по особо важным делам округа Киевского окружного суда В.И. Фененко допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. улож. и 13 и 1454 ст. Улож. о наказ., и он показал следующее:

1) Имя, отчество и фамилия – Дмитрий Григорьевич Богров.

Я не признаю себя виновным в том, что состоял участником преступного сообщества, именующего себя группой анархистов и имеющего целью своей деятельности насильственное ниспровержение установленного Основными законами образа правления, но признаю себя

виновным в том, что, заранее задумав лишить жизни статс-секретаря Столыпина, произвел в него 1-го сентября два выстрела во время парадного спектакля и причинил ему опасные для жизни поранения, от каковых статс-секретарь Столыпин 5-го сентября скончался, преступление это, однако, было совершено мной без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной партии. Стрелял я в статс-секретаря Столыпина из револьвера браунинг. Со времени моего прибытия из Потоков меня посещали следующие лица: Владимир Абрамович Скловский, помощник присяжного поверенного, братья Лев и Самуил Фельдзеры, с которыми я знаком с детских лет; семья моего отца и семья Фельдзеров знакомы очень давно. 29 августа ко мне в квартиру вечером часов в 11 веч[ера] зашли Владимир Скловский и барышня Лидия Николаевна, с которой я познакомился с неделю тому назад, фамилии ее не знаю, она, приезжая из Одессы, живет в гостинице Михайловского монастыря, кажется, в 55 номере, второго корпуса. Познакомился я с Лидией Николаевной, а, может быть, она и Лидия Михайловна, в ресторане «Ренессанс» на Прорезной улице. Просидели Скловский и Лидия Николаевна приблизительно часа 2, а потом вышли, причем Скловский поехал проводить барышню, а я пошел погулять, так как был несколько выпивши. Вернулся я через три четверти часа или час. Несколько раз меня посещал рабочий маляр, брат которого потерпел увечье на постройке в дом № 6 по Крестовскому пер. Заходил он ко мне обыкновенно с черного входа и я разговаривал с ним или в буфетной около черного хода или в своей комнате. Был он у меня всего раза 4–5. Адрес его брата Ярославская, 4. Имени и фамилии его не помню. Что касается фотографической карточки, которую Вы мне предъявили, то лицо, изображенное на ней, мне совершенно неизвестно, это лицо меня никогда не посещало*. Револьвер «лепаж», который был найден в квартире при обыске, принадлежит отцу, и отец на держание этого револьвера имеет разрешение. Боевые патроны к пистолету «браунинг» принадлежали мне, но боевых патронов у меня в августе месяце не было, точно также у меня не было патронов от револьвера «велодог». Быть может, они оставались у меня с того времени, как я имел связь с революционными организациями. Быть может, у меня найдены и другие патроны того же происхождения. Солдатского штыка у меня никогда не было. Кулябко никогда мне револьвера не давал. Тот револьвер, из которого я стрелял в Столыпина, куплен мною в Берлине. И теперь я отказываюсь объяснить причины, побудившие меня после службы в охранном отделении, совершить убийство Столыпина. Когда я был в театре, у меня возникала мысль, что Кулябко учредил за мной наблюдение, но я убедился, что такого наблюдения не имеется. Револьвер, из которого я стрелял в Столыпина, все время

* Имеется в виду фотография А.У. Муравьева, застрелившегося (по официальной версии) 26 августа в Киевском охранном отделении.

находился у меня в правом кармане брюк и в пальто не был. В 1908 году на Подоле была арестована Михельсон Рахиль, а не Ида, причем в квартире была найдена лаборатория. По этому делу я знаю следующее: у меня находились в то время деньги Киевской группы анархистов, около 1000 рублей. По просьбе состоявшего в группе «Николая»[34] я выдал ему около 100 рублей для организации лаборатории. Где будет находиться лаборатория и кто будет жить в нанятой для нее квартире, я не знал. Адрес лаборатории я нарочно старался не узнавать и сообщил только Кулябке, что где-то на Подоле затевают лабораторию. Фамилию Николая я охранному отделению сообщал, но в ликвидации этой группы я участия не принимал. Что касается бывших у меня денег, то отчет о них напечатан в № 4 «Бунтаря»[35]. Продолжаю утверждать, что никаких соучастников у меня не было. Показание писал собственноручно. Более ничего добавить не имею.

Подлинный подписали: Дмитрий Богров и и. д. судебного следователя по особо важным делам Фененко.

Присутствовал товарищ прокурора Лашкарев.

С подлинным верно: секретарь при прокуроре Киевской судебной палаты Ковалев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50. Заверенная копия. Опубл.: Архіви України. 1990. № 2. С 47–48.

Обвинительный акт по делу Д.Г. Богрова

7 сентября 1911 г.

1 сентября сего 1911 года, около 11 часов вечера, в г. Киеве, в здании городского театра, во время парадного спектакля в присутствии Государя Императора, было совершено дерзкое покушение на убийство председателя Совета министров, статс-секретаря П.А. Столыпина; с этой целью из револьвера «браунинг» в последнего было произведено два выстрела, коими было причинено ранение, проникающее через правую сторону груди, с повреждением правой доли печени, повлекшее за собою в 9 часов 53 мин. вечера 5-того сентября смерть раненого.

На произведенном по поводу сего предварительном следствии обстоятельства настоящего дела выяснены в таком виде.

Во время второго антракта на означенном выше парадном спектакле к стоявшему в первом ряду кресел спиной к оркестру министру статс-секретарю П.А. Столыпину приблизился одетый во фрачный костюм человек и, остановившись в 2–3 шагах от министра, произвел в него два выстрела из револьвера системы «браунинг»; этими выстрелами статс-секретарь Столыпин был ранен в кисть правой руки и в правую сторону груди, после чего опустился на ближайшее кресло; будучи вынесен на руках из зрительной залы театра, был отвезен в

карете скорой помощи в больницу доктора Маковского, где и была оказана ему первоначальная медицинская помощь; виновник же преступления был немедленно схвачен находившейся в театре публикой и передан в распоряжение властей. При допросе он назвался помощником присяжного поверенного Дмитрием Григорьевичем, в действительности оказавшимся Мордко Гершковым Богровым, личность коего, а равно и принадлежность его к еврейской национальности была удостоверена как отобранными при обыске документами, так и чинами полиции.

Изложенные выше обстоятельства подтвердили свидетели граф Иосиф Потоцкий, подполковник Сергей Шерметев[36], действительные статские советники Павел Каменцов[37] и Дмитрий Туткевич и дворянин Петр Поздняков, удостоверившие: граф Потоций, что предъявленный ему господин (был предъявлен Мордко Богров) остановился от министра Столыпина в двух шагах и протянул вперед руку, в которой держал револьвер, выстрелил два раза в министра, после чего стал медленно уходить, но когда раздались крики «держите его» – он был задержан; Каменцов, что после выстрела он бросился к министру Столыпину поддержать его и сейчас же крикнул: «Доктора».

Свидетель, первый концертмейстер городского театра Антон Берглер показал, что он стоял за своим пюпитром в оркестре лицом к публике против стоящего спиной к оркестру статс-секретаря Столыпина; после первого выстрела он почувствовал боль в правой ноге; за первым выстрелом последовал сейчас же второй. Впоследствии пуля была найдена в его брюках, от которой он получил сквозное ранение мягких частей правого бедра, приблизительно посередине.

По показанию свидетеля Шостаковского, статс-секретарь Столыпин стоял против кресла первого ряда № 5/в, а Богров в момент выстрела стоял на ковровой дорожке между креслами 2-го и 3-го рядов; расстояние, где, по показанию свидетеля, стоял стрелявший, до места нахождения в момент выстрела статс-секретаря Столыпина, – два с половиной аршина и от последнего до генерал-губернаторской ложи – 6 шагов.

Осмотром места происшествия установлено, что в последней части левого продольного прохода партера, вблизи генерал-губернаторской ложи, на досчатом полу, ковровой дорожке и некоторых креслах 1-го и 2-го рядов имеются кровяные пятна; у кресла № 5, находившегося крайним с левой стороны, на полу между креслами 1-го и 2-го рядов №№ 5/а и 39/а и между креслами 1-го и 2-го рядов, справа от правого прохода № 5/в и № 5/с и №№ 38 и 37 имеется много кровяных пятен.

Задержан был Богров в первом левом боковом проходе зрительного зала.

Осмотром вещей, бывших на статс-секретаре Столыпине в момент ранения, установлено, что на кителе, жилете, сорочке и фуфайке, на правой стороне груди каждого из этих предметов, имеются щелевидные отверстия. Бывший на статс-секретаре Столыпине орденский знак Св. Владимира 3 степ[ени] оказался также поврежденным, именно:

средняя круглая часть орденского знака выбита и отсутствует, от нее остался только искривленный и частью отломанный золотой ободок; в верхней части ордена эмаль сбита и также отсутствует.

Протоколом осмотра и судебно-медицинского вскрытия трупа статс-секретаря Столыпина установлено: на наружной поверхности кисти правой руки, почти на границе соединения с предплечьем, имеется величиной в большую горошину отверстие кругловатой формы с довольно ровными краями, ведущее в подкожный канал, направляющийся к тыльной поверхности кисти руки, где посередине имеется величиною в меньшую горошину повреждение; кости не повреждены; на правой стороне груди, вниз, на 72 мм от соска, у нижнего края 6-го ребра, на 24 мм от мамилярной линии имеется темно-красное овальное пятно в 15 мм в продольном диаметре и в 11 мм в поперечном; посредине этого пятна имеется отверстие круглой формы 6 мм; на спине, на правой стороне книзу, от угла лопатки на 120 мм, имеется повреждение кожных покровов с ровными, гладкими линейными краями 53 мм; края эти совершенно чисты; повреждение это отстоит от позвоночника на 55 мм вправо; отверстие, расположенное ниже правого соска, идет в канал через мягкие ткани к верхнему краю 7 ребра, который на расстоянии от грудины на 68 мм представляется размозженным; у переднего края прикрепления диафрагмы, соответственно вышеупомянутому повреждению, имеется отверстие, 1 см в диаметре, с кровоподтечными краями. Печень значительно увеличена в объеме; у переднего края правой доли ее на месте, соответствующем вышеупомянутому диафрагмальному отверстию, имеется звездчатой формы с размозженными краями кровоподтечное отверстие, ведущее в канал, направляющийся через всю правую долю печени, ближе к нижней плоской поверхности печени и оканчивающийся на задней поверхности печени широким размозженным звездчатым отверстием; переднее отверстие отстоит от поддерживающей связки на расстоянии 60 мм.

По мнению врачей-экспертов, смерть статс-секретаря Столыпина последовала от огнестрельного ранения, причиненного в правую сторону груди, с повреждением правой доли печени, вызвавшее значительное кровотечение в брюшную полость, и начавшийся перитонит; выстрел был произведен на близком расстоянии из револьвера дальнобойной системы и ранение явилось опасным для жизни и в данном случае было смертельным.

Следствием установлено, что стрелявший в статс-секретаря Столыпина Мордко Гершков Богров прошел в театр на парадный спектакль в кресло партера 18 ряда по билету № 406, который был выдан ему начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябко.

Приложенной к делу справкой от 5 сентября за № 1685 удостоверяется, что городским головой в распоряжение охраны были препровождены в 18-й ряд партера билеты за №№ 406 и 415/б, в получении коих расписался подполковник Кулябко.

Спрошенный по поводу этого свидетель, подполковник Кулябко, показал, что в конце 1906 года к нему в отделение явился студент Киевского университета Дмитрий Богров, который предложил свои услуги по сотрудничеству в отделении; услуги были приняты и Богров давал агентурные сведения, касающиеся анархистов, а впоследствии максималистов, причем сведения эти всегда были точны и определенны. На службе в отделении Богров состоял около трех лет. Прекратил он давать сведения с апреля 1910 года, по выбытии в Петербург. 27 августа Богров вновь явился в отделение и дал сведения, что в конце июня 1911 года им было получено письмо из Петербурга от некоего «Николая Яковлевича», серьезного революционера; в этом письме он спрашивал Богрова о его политических взглядах и в начале августа этот «Николай Яковлевич» явился к Богрову на дачу «Потоки» (возле Кременчуга) с просьбой подыскать в Киеве квартиру на несколько дней для неизвестных лиц. Этот разговор ничем не кончился, и «Николай Яковлевич» уехал в Кременчуг, обещав написать ему письмо. В сих видах за квартирой Богрова было учреждено наблюдение для выяснения личности «Николая Яковлевича». 31 августа Богров сообщил, что последний приехал в Киев и требовал собрать точные приметы о министрах Столыпине и Кассо, для чего ему необходимо быть в Купеческом саду, почему Богрову и был выдан билет в последний. В ночь на 1 сентября Богров пришел в отделение и сначала письменно, а потом в разговоре со свидетелем заявил, что у него на квартире ночует «Николай Яковлевич», имеющий два браунинга, а приехавшая с ним девица «Нина Александровна» поселилась на неизвестной квартире и имеет бомбу. Из разговоров с «Николаем Яковлевичем» Богров убедился, что готовится покушение на министров Столыпина и Кассо. «Нину Александровну» Богров обещал указать 1 сентября между 12 и часом дня, при посещении его, Богрова, квартиры. Около 11 часов утра Богров заявил, что означенная девица к нему на квартиру не придет и назначила свидание на Бибиковском бульваре около 8 часов вечера, где будет окончательно выработан план задуманного террористического акта. Далее Богров заявил, что, так как в Купеческом саду он не мог собрать примет с министров Столыпина и Кассо, то «Николай Яковлевич» поручил ему это сделать на парадном спектакле в городском театре; почему, ввиду обязательного присутствия его на этом спектакле, просил выдать ему входной билет, который и был ему выдан. По прибытии в театр Богров заявил свидетелю Кулябко, что «Нина Александровна» на свидание не придет, а «Николай Яковлевич» перейдет на другую квартиру. Боясь, что в темноте выход последнего не будет замечен, свидетель просил Богрова поехать обратно на квартиру и удостовериться, там ли еще «Николай Яковлевич». Выйдя из театра, Богров через некоторый промежуток времени вернулся и доложил, что он еще на квартире и ужинает. Боясь, что «Николай Яковлевич» уйдет незамеченным, свидетель во втором антракте просил Богрова ехать домой, дабы не отпускать от себя неиз-

вестного, после чего Богров пошел одеваться; более свидетель Богрова не видал до совершения покушения. Расставшись с Богровым, свидетель увидел в коридоре театра генерал-лейтенанта Курлова, зашел с ним в телефонную комнату и начал делать доклад о последних сведениях и разговоре с Богровым. В это время он услыхал выстрелы и крики в зрительном зале, куда и бросился; там узнал о покушении на жизнь статс-секретаря Столыпина и в личности покушавшегося признал Дмитрия Богрова.

Дополнительно свидетель Кулябко показал, что явившийся к нему в первый раз Богров заявил, что он принадлежит к группе анархистов-коммунистов, что он проиграл в карты за границей 1000 и 1500 франков, что денег у него нет и что за оказанные услуги свидетель поможет уплатить ему этот долг. С переездом в Петербург Богров начал работать в Петербургском охранном отделении. До 27 августа сего 1911 года свидетель с Богровым не видался и сведений о нем не имел. В 5 часов дня 27 августа к нему явился Богров и заявил, что у него имеются сведения серьезного характера. В то время у свидетеля обедали вице-директор Веригин и полковник Спиридович, которых он и пригласил на свидание с Богровым. В их присутствии Богров доложил, что в С.-Петербурге он завел знакомство с неизвестным господином «Николаем Яковлевичем», который приехал к нему на дачу в Потоки и заявил, что существует боевая группа, задумавшая какое-то дело в Киеве, которое, как понял Богров, касается министров Столыпина и Кассо. Подтвердив изложенное выше, свидетель Кулябко показал, что официального доклада о нахождении Богрова в театре он никому не делал, но из доклада Веригину о том, что он послал Богрова домой узнать, дома ли «Николай Яковлевич» – Веригин мог вынести заключение, что Богров находится в театре. Получив от Богрова сведения, что неизвестный дома, свидетель доложил об этом Веригину. Все агентурные сведения, касающиеся подготовки «Николаем Яковлевичем» и его группой покушения на министров Столыпина и Кассо, свидетель своевременно передавал Спиридовичу, Веригину и Курлову и на основании этих докладов генералом Курловым были сделаны предупреждения означенных министров и доведено до сведения дворцового коменданта. Что Богров имел в театре револьвер, свидетель не знал; доверяя Богрову, он наблюдения за ним не учреждал.

Свидетели Веригин и Спиридович подтвердили, что 27 августа, после обеда у Кулябко, они слышали доклад Богрова последнему о готовящемся террористическом акте и из слов Богрова Спиридович заключил, что опасность угрожает Его Величеству, о чем доложил дворцовому коменданту, каковое донесение последний получил в Коростене.

Ввиду изложенных данных Мордко Гершков (именующий себя Дмитрием Григорьевичем) Богров, опрошенный на следствии в качестве обвиняемого в участии в преступном сообществе группы анархистов и в умышленном с заранее обдуманным намерением лишении жизни статс-секретаря Столыпина, не признав себя виновным в пер-

вом обвинении, объяснил, что он признает себя виновным в том, что, задумав заранее лишить жизни статс-секретаря Столыпина, произвел в него 1 сентября сего 1911 г. два выстрела во время парадного спектакля, причинив ему опасные для жизни поранения, от таковых Столыпин 5 сего же сентября скончался, но преступление это он совершил без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной партии; далее обвиняемый объяснил, что стрелял он из револьвера браунинг, который все время находился у него в правом кармане брюк, но в пальто не был, и что он задолго до августовских торжеств решил совершить покушение на жизнь министра Столыпина, почему и искал способа осуществить это намерение. Так как он не имел возможности встретиться с министром, то и решил обратиться к начальнику охранного отделения Кулябко, которому рассказал выдуманную им историю о молодом человеке, готовящемся совершить покушение на жизнь министра. У Кулябко он был 27 и 31 августа, а затем встретился с ним в Европейской гостинице 1 сентября в № 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовали Спиридович и Веригин, а при последнем свидании один Спиридович. Принимая за истину рассказ обвиняемого, Кулябко выдал ему, Богрову, билет в Купеческий сад, а затем в театр. В сад билет был выдан ему в запечатанном конверте с надписью «для Аленского», под какой фамилией он числился. Билет в театр за № 406 прислан к нему на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который предупредил обвиняемого об этом по телефону. Он, обвиняемый, в Купеческом саду пробыл с 8 часов вечера до конца торжеств. Револьвер был с ним. Стоял он на аллее вблизи малороссийского хора; потом переменил место и стоял на пути прохода Государя Императора.

В театр он, обвиняемый, пришел в 8½ часов вечера через главный вход; Кулябко, увидев его, спросил: «Ну что, ушел ли ваш квартирант»; обвиняемый ответил, что он еще дома и что заметил наблюдение за ним, почему не выходит. Далее, подтвердив свой разговор с Кулябко, объяснил, что на квартиру он не ездил, а только перешел на другую сторону Б. Владимирской, и, постояв там, приблизительно через 15 минут вернулся обратно, прошел через правый боковой вход в театр, а когда неизвестный ему офицер не хотел его пропустить, то он, Богров, обратился за помощью к Кулябко, который и приказал его пропустить. До первого антракта он не сходил с места; во время второго вышел в коридор, где Кулябко сказал ему, что он сильно беспокоится за его квартиранта, почему предложил ему, Богрову, немедленно ехать домой. Обвиняемый выразил согласие, но повернулся в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2–3 шагов, он, Богров, вынул револьвер браунинг и произвел два выстрела, после чего повернулся и пошел к выходу, но по дороге был задержан. Револьвер он приобрел в бытность его в Берлине в 1908 г. Все рассказанное Кулябко о неизвестном «Николае Яковлевиче» и девице «Нине Александровне» было вы-

мышлено им. После торжества в Купеческом саду обвиняемый в 11 часов вечера зашел в охранное отделение, но Кулябко уже спал, почему он и написал ему сообщение, что «Николай Яковлевич» приехал, ночует у него и на другой день встретится с девицей «Ниной Александровной». Все это также было ложно. Во время свидания в Европейской гостинице Богров заявил на необходимость выделить его из компании бомбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода его в театр; в то же время посещение им театра давало бы возможности предупредить покушение тем, что он не дал бы нужного сигнала заговорщикам.

Ни к какой партии он не принадлежал, три года тому назад он имел связь с анархистами, но потом оборвал ее безвозвратно. Покушение на жизнь министра Столыпина он произвел потому, что считал его главным виновником наступившей в России реакции, т.е. отступление от установившегося в 1905 году порядка и роспуск Думы, изменение избирательного закона, притеснение инородцев, игнорирование мнений Государственной думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа. Еще в 1907 году у него зародилась мысль убить кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль являлась прямым последствием его анархических убеждений. В С.-Петербурге он состоял агентом охранного отделения под начальством фон Коттена; передавая последнему вымышленные и довольно безразличные сведения, он, Богров, заслужил его доверие; обвиняемый полагает, что фон Коттену рекомендовал его Кулябко.

Протоколом осмотра 2 сентября установлен текст содержания записки, написанной обвиняемым Богровым на имя Кулябко следующего содержания: «У Аленского в квартире ночует сегодня приехавший из Кременчуга "Николай Яковлевич", про которого сообщал, что у него в багаже два браунинга; говорит, что приехал не один, а с девицей Ниной, которая поселилась на неизвестной квартире, но будет у Аленского завтра между 12 и часом дня; впечатление такое, что готовится покушение на Столыпина и Кассо; высказывается против покушения на Государя из опасения еврейского погрома в Киеве. Думаю, что у девицы "Нины Александровны" имеется бомба. Вместе с тем "Николай Яковлевич" заявлял, что благополучный исход дела несомненен, намекая на таинственных высокопоставленных покровителей. Аленский обещал во всем полное содействие. Жду инструкций». В качестве вещественных доказательств к делу приложены: а) две стреляных гильзы к пистолету браунинг большого калибра; при сравнении их с пулевыми патронами, найденными в отобранном у Богрова пистолете той же системы таковые оказались тождественными с гильзами этих патронов; б) револьвер браунинг; в) обойма с пятью патронами; г) две гильзы от пуль, найденных в городском театре; д) найденная в одежде Берглера пуля и е) пуля, извлеченная из тела статс-секретаря Столыпина. Осмотром брошюры Новомирского[38] «Манифест анархистов-коммунистов» установлено, что цель анархистов-коммунис-

тов, как говорится в брошюре, создать человека «без Бога, без хозяина и без власти». В основе экономического устройства пролетариата лежит принцип «каждому по его потребностям, общая собственность на все средства производства и продукты потребления». Осуществлению этого стремления мешает только одна сила – государство, а потому вместе с установлением коммунизма в экономической области неизбежно должна быть анархия и в области политической, рядом с уничтожением частной собственности должно идти полное уничтожение государства. Достигнуть этого можно путем превращения мелких стачек в генеральные, а последние в вооруженное восстание рабочих масс. Во время этого восстания – сделать рабочий класс фактически хозяином всего общественного богатства, взорвать казармы, жандармские и полицейские управления, расстрелять наиболее видных военных и полицейских начальников. Расширяя рабочие союзы и организации, объединить их всех в одну громадную национальную или международную федерацию. Обвиняемый Мордко Гершков Богров (именующий себя Дмитрием Григорьевичем), 24 лет, помощник присяжного поверенного округа Киевской судебной палаты, вероисповедания иудейского, окончил курс в Киевском университете Св. Владимира в 1910 году, не судился.

На основании изложенного, помощник присяжного поверенного Мордко Гершков (именующий себя Дмитрием Григорьевичем) Богров, 24 лет, обвиняется в том, что [1)] в конце 1906 года вступил членом в преступное сообщество, именующее себя группой анархистов-коммунистов, поставившего целью своей деятельности заведомо для него, обвиняемого, насильственное ниспровержение установленного Основными законами образа правления Российского государства путем вооруженного восстания народных масс, а также убийство высших представителей правительственной власти, лишение Государя Императора верховной власти и замену существующего в государстве строя группой отдельных самостоятельных общин коммунистического характера, причем во исполнение задач и целей означенного сообщества, в качестве члена его, участвовал в совещаниях этого сообщества при обсуждении вопроса об организации убийства председателя Совета министров статс-секретаря П.А. Столыпина, что предусмотрено 1 ч. 102 ст. Уголовного уложения, изд. 1903 г.;

2) в том, что во исполнение задач указанного выше сообщества и по состоявшемся предварительном соглашении с членами его лишить жизни председателя Совета министров статс-секретаря П.А. Столыпина, по поводу служебной деятельности последнего, как высшего представителя внутренней политики Российского государства, он, Богров, во исполнение состоявшегося соглашения, по поручению участвовавших в нем лиц, вечером 1 сентября сего 1911 года, в г. Киеве, в городском театре, во втором антракте парадного спектакля, в присутствии его Императорского Величества Государя Императора и членов августейшей семьи, подойдя к статс-секретарю Столыпину, стоявше-

му перед первым рядом кресел спиной к оркестру, умышленно, с целью лишения его жизни, произвел в него на расстоянии 2–3 шагов из заряженного револьвера системы браунинг два последовательных выстрела, причинив ими статс-секретарю Столыпину ранение кисти правой руки и безусловно смертельное ранение грудной полости и печени, от каких повреждений статс-секретарь Столыпин 5 того же сентября в 9 час. 53 мин. пополудни скончался, что предусмотрено 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране, вследствие распоряжения киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, состоявшегося на основании 17 ст. того же Положения, о передаче настоящего дела на рассмотрение Киевского военно-окружного суда, для суждения и наказания виновного по законам военного времени.

А потому и на основании 260, 262 и 1355 ст. XXIV кн. СВП 1869 г., изд. 3-е, обвиняемый Мордко Гершков Богров (именующий себя Дмитрием Григорьевичем), предан Киевскому военно-окружному суду командующим войсками Киевского военного округа.

7 сентября 1911 г., гор. Киев.

Военный прокурор, генерал-лейтенант Костенко.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 9. Л. 21-26об.
Подлинник. Машинопись

Протокол судебного заседания Киевского военно-окружного суда по делу Д.Г. Богрова

9 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 9 дня в 4 часа пополудни Киевский военно-окружной суд открыл при закрытых дверях судебное заседание в следующем составе: председательствующий, военный судья генерал-майор Ренгартен и временные члены: полковник 1 Уральского казачьего полка Акутин, 131 пех[отного] Тираспольского полка подполковник Мещанинов, 132 пех[отного] Бендерского полка подполковник Кравченко и 130 пех[отного] Херсонского полка подполковник Маевский при военном прокуроре генерал-лейтенанте Костенко и помощнике секретаря коллежском регистраторе Лесниченко. Защитника подсудимый не избрал и от назначения казенного отказался.

Председательствующий, объявив, что рассмотрению суда подлежит дело о помощнике присяжного поверенного Мордко Гершове (он же Дмитрий Григорьевич) Богрове, обвиняемом по 1 ч. 102 ст. Угол. улож., изд. 1903 г. и 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране, приказал ввести подсудимого, который занял назначенное место, оставаясь охраняемый стражей.

Председательствующий предложил подсудимому вопросы для определения личности и о том, получил ли он копии с обвинительного

акта, списки свидетелей и г[оспод] судей и прокурора, на что подсудимый ответил утвердительно.

Произведена проверка по списку свидетелей, причем оказалось, что из таковых не явились: камер-юнкер Рощаковский, статский советник Веригин, полковник Спиридович и дворянин Нехаевский, коим не вручены повестки за выездами их из Киева и австр[ийский] подда[нный] Берглер по неизвестной причине; повестка последнему вручена. Военный прокурор заявил, что причины неявки всех названных выше свидетелей, в том числе и Берглера, который, как он лично знает, болен, считает законными, показания их существенными, подлежащими, в случае надобности, оглашению и заседание продолжать находит возможным. Подсудимый присоединился к мнению прокурора. Суд постановил: причины неявки названных выше свидетелей считать законными, показание их – существенными, подлежащими, в случае надобности, оглашению и заседание продолжать. Намеченные свидетели были удалены в особую комнату с соблюдением 817 ст. XXIV кн. СВП 1869 г., 3 изд. Военный прокурор просил второй пункт выводов обвинительного акта после слов «в г. Киеве» дополнить следующими словами: «состоящем на положении усиленной охраны». Подсудимый не возражал. Суд постановил удовлетворить ходатайство военного прокурора. Был прочитан обвинительный акт. Председательствующий, по изложении сущности обвинений, спрашивал подсудимого о виновности. Подсудимый признал себя виновным лишь в убийстве статс-секретаря Столыпина, в принадлежности же к какому-либо преступному сообществу виновным себя не признал. Военный прокурор заявил, что ввиду сознания подсудимого в убийстве статс-секретаря Столыпина он находит возможным ограничить судебное следствие допросом лишь одного свидетеля, подполковника Кулябко, и оглашением показаний не явившихся свидетелей Спиридовича и Веригина. Подсудимый присоединился к мнению военного прокурора. Суд постановил произвести судебное следствие в указанном военным прокурором объеме. В зал заседания приглашен был свидетель подполковник Кулябко, которому председательствующий предлагал вопросы для определения личности его и отношений к подсудимому и потерпевшим. Военный прокурор и подсудимый отвода не предъявляли, и свидетель, подполковник Кулябко, по постановлению суда, как православный, был приведен к присяге священником, сделавшим предварительно увещание относительно святости присяги. Председательствующий, предупредив свидетеля об уголовной ответственности за лживые показания, предложил ему еще раз сказать все известное по делу. Военному прокурору и подсудимому предоставлялось право предлагать вопросы этому свидетелю, а затем подсудимому предоставлялось также и право давать объяснения по поводу показаний свидетеля. Вследствие ходатайства военного прокурора суд постановил занести в протокол из показаний свидетеля подполковника Кулябко, что он, Кулябко, вполне доверяя Богрову, не учреждал над ним надзора ни в Купече-

ском саду, ни в театре во время парадного спектакля, а также и не бывшими от при входе в упомянутые места. Согласно состоявшемуся постановлению суда, оглашено было показание свидетеля полковника Спиридовича, данное последним на предварительном следствии. Подсудимому предоставлялось право давать объяснения. Дополнительно спрашиван был свидетель подполковник Кулябко. Подсудимому предоставлялось право возражать. Согласно состоявшемуся постановлению суда, оглашено было показание свидетеля статского советника Веригина, данное последним на предварительном следствии. Подсудимому предоставлялось право давать объяснения по поводу оглашенного показания. Военный прокурор и подсудимый заявили, что судебное следствие ничем дополнить не желают. Председательствующий объявил судебное следствие оконченным, и суд перешел к заключительным прениям.

Военным прокурором и подсудимым произнесены были речи, а потом подсудимому предоставлено было также и право последнего слова. Председательствующий объявил прения сторон прекращенным, и суд, по удалении из залы заседания всех лиц, кроме председательствующего и временных членов, остался в таковой для постановления резолюции. В 9 часов вечера, по введении подсудимого и приглашении участвующих в деле лиц, председательствующий объявил резолюцию, добавив, что приговор в окончательной форме будет объявлен сего же числа в 10 часов вечера, к каковому времени и были приглашены участвующие в деле лица. Заседание закрыто в 8 час. 5 мин. вечера.

Председательствующий генерал-майор Ренгартен.

Временные члены: полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Кравченко, подполковник Маевский.

Помощник секретаря Лесниченко.

РГВИА Ф. 1769. Оп. 3. Д. 9. Л 63–64об.
Подлинник. Рукопись на бланке.

Запись выступления Д.Г. Богрова в Киевском военно-окружном суде

9 сентября 1911 г.

Будучи анархистом-теоретиком, я в 1906 году в г. Киеве решил вступить в сообщество анархистов, но уже месяца через два совершенно разочаровался в их деятельности, так как они больше разбойничали, чем проводили в жизнь идеи анархизма. Заметив затем, что за нами ведется наблюдение, я отправился к начальнику Киевского охранного отделения и, рассказав ему все, стал советоваться с ним, что мне делать. Он выслушал меня, записал мои показания и просил меня для вида не порывать своей связи с сообществом и доставлять

ему сведения о его деятельности. Я послушался и стал агентом охран-
[redacted]
Постепенно я втянулся в роль агента охранного отделения и добросовестно работал в качестве такового, так как деятельность анархистов меня ужасала и я считал искренно своим долгом предупреждать их преступления. Хотя я и стал брать деньги за доставляемые сведения, но деятельность моя носила идейный характер, я даже подвергался риску каждую минуту быть убитым. Я давал безусловно верные сведения и предотвратил многие преступления, почему вскоре заслужил полное доверие Кулябки.

В 1909 году после ареста большой группы анархистов меня заподозрили в измене, обсуждали мои действия в тюрьме, а затем заманили в одну квартиру и допрашивали под браунингом. Я кое-как уладил это дело и затем, после окончания университета, уехал в С.-Петербург. Там, стоя в стороне от революционной деятельности, я случайно получил важное сообщение и, боясь, чтобы меня опять не втянули в анархию, после письменных сношений с Кулябкой, заявил об этом фон Коттену. В С.-Петербурге я решил работать в адвокатуре и бросить как анархию, так и охранное отделение. С ноября 1909 года я совсем порвал с охранным отделением, съездил за границу, полечился и занялся профессиональной работой. Так было до марта сего года, когда явился ко мне один господин, присланный из тюрьмы. В это время как раз многие поотбывали наказания и стали делегатами партийцев, скопившихся в тюрьмах, товарищи требовали от меня объяснений по провокации. Мне удалось отделаться, но в июне явились делегаты из Парижа и стали обвинять меня в старой растрате, которой в сущности не было. Я рассказал отцу, он помог мне и дал денег рассчитаться. В июле я был в Потоках и получил письмо из заграницы, в котором опять писали, что я не оправдался в провокации. На письмо я не ответил. Наконец, около 15 августа явился ко мне один анархист, заявил мне, что меня окончательно признали провокатором и грозил об этом напечатать и объявить во всеобщее сведение. Это меня страшно обескуражило, так как у меня много друзей, мнением коих я дорожил. Мне представили такие улики, которых я не мог опровергнуть, а затем предложили, если я хочу избежать опубликования моих поступков, совершить террористический акт. Сначала мне предложили убить Кулябку, потом Государя и, наконец, Столыпина, указав конечный срок для выполнения этого акта – 5 сентября. Можете ли Вы себе представить мое безвыходное положение. Можете ли Вы себе представить беседу двух лиц, из коих один выслушивает, а другой диктует условия, из коих один агент-провокатор, а другой революционер, а, впрочем, может быть тоже провокатор. Словом, я должен был принять условия. Долго я колебался, а 27 августа решился, наконец, убить Кулябку и пошел с этой целью к нему. Он встретил меня очень радушно и потому я не решился убить его. Он мне предложил билеты в Купеческий сад и другие места. Я отказался, так как билеты мне не были нужны. Кулябко преложил мне подождать, пока придут Вери-

гин и Спиридович. В их присутствии я рассказал выдуманную мною историю о приезжем анархисте и барышне с бомбой.

Предложение билетов запало мне в голову и натолкнуло на новую мысль убить кого-нибудь из сановников во время царских торжеств.

Я наедине долго об этом думал и, наконец, решил просить билеты, о чем я говорил по телефону с госпожой Кулябко. Кто-то, очевидно, подслушал наш телефонный разговор и потом по телефону же спрашивал меня, откуда у меня такой способ получать билеты? Это последнее обстоятельство, свидетельствовавшее о возможности оглашения моих сношений с охранным отделением, еще более укрепило во мне мысль о необходимости реабилитировать себя во что бы то ни стало. Я был в Купеческом саду с браунингом, но ни на что не решился. Выйдя оттуда, я призадумался. Уже 31 августа. Нужно убить хоть Кулябку. Еду к нему. Чиновник предложил мне написать на бумаге, что мне нужно, так как Кулябко спит. Я написал ту записку, которая находится при деле для того, чтобы Кулябко меня принял. И я действительно был принят. Жена Кулябки спала, дежурный ушел, и мы остались с ним наедине. Минута была очень удобная. И если бы Кулябко был в мундире, то я бы его убил, но он был совсем раздет, на нем было накинуто одеяло и потому я опять не решился, а снова повторил свою выдумку. Кулябко пригласил меня явиться на другой день в Европейскую гостиницу. Там я видел Кулябку и Веригина и попросил билет в театр, что мне и было обещано. Веригин знал, что я буду в театре и даже хотел уступить мне свое место в 4-м ряду, но эта мысль была оставлена, так как оказалось, что 4-ый ряд предоставлен исключительно генералам. Шел я в театр без определенного плана и возможно, что из театра я также ушел бы ни с чем, но слова Кулябки «уходите и больше не оставайтесь в театре» поставили предо мной вопрос – неужели опять ни с чем? И я решился. Остановил свой выбор на Столыпине. Так как он был центром общего внимания. Когда я шел в проходе, то [если] кто-нибудь догадался спросить меня «что вам угодно?», я бы ушел, но никто меня не удерживал и я выстрелил 2 раза. Что я делал, я не сознавал. Впервые у меня прояснилось сознание, когда меня публика стала бить. Когда меня впервые допрашивали, я не хотел говорить правды, я бравировал, так как видел перед собою лишь враждебные лица. Теперь я говорю правду.

Лицо, приезжавшее ко мне с требованием реабилитировать себя совершением террористического акта, хорошо известно охранному отделению; его зовут «Степа»[39]. Он был осужден за убийство офицера в Екатеринославе, но бежал.

Делегат, явившийся ко мне впервые из тюрьмы, был студент Петр Лятковский.

Показание записал в заседании Киевского военно-окр[ужного] суда 9 сентября 1911 года.

Прокурор Киевской суд[ебной] палаты Г. Чаплинский.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 51. Копия.

Резолюция Киевского военно-окружного суда по делу Д.Г. Богрова

9 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 9 дня Киевский военно-окружной суд в судебном заседании в следующем составе: председательствующий вр. и. д. председатель суда генерал-майор Ренгартен. Временные члены: 1 Уральского казачьего полка полковник Акутин, 131 пех[отного] Тираспольского полка подполковник Мещанинов, 132 пех[отного] Бендерского полка подполковник Кравченко и 130 пех[отного] Херсонского полка подполковник Маевский. Выслушав дело о подсудимом, помощнике присяжного поверенного Мордко Гершове (он же Дмитрий Григорьевич) Богрове, признали его виновным: в участии в сообществе, составившемся для насильственного посягательства на изменение в России установленного Основными государственными законами образа правления и в предумышленном убийстве председателя Совета министров, статс-секретаря Столыпина по поводу исполнения им своих служебных обязанностей, а потому и на основании 279 ст. XXII кн. СВП 1869, изд. 3, п. 1 ст. 102 Уголовного уложения 1903 года, 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране и 152 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. – Постановил: 1) подсудимого Мордко Гершова, он же Дмитрий Григорьевич, Богрова лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение и 2) вещественные по делу доказательства: находящиеся в особом пакете – оставить при деле; две пустые гильзы и пулю – предать уничтожению, револьвер, обойма с 5-ю боевыми патронами и 49 боевыми патронами и пустая обойма – возвратить наследникам подсудимого Богрова с соблюдением правил, предписанных по закону для приобретения и хранения оружия. Приговор по настоящему делу по вступлении его в законную силу, на основании 19 ст. Положения об усиленной охране представить на утверждение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора.

Председательствующий генерал-майор Ренгартен.

Временные члены: полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Кравченко, подполковник Маевский.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 9. Л. 68–69.
Подлинник. Рукопись.

Приговор Киевского военно-окружного суда

9 сентября 1911 г.

Приговор вошел в законную силу десятого числа сентября месяца 1911 года в девять часов пополудни.

Приговор Киевского военно-окружного суда утверждаю. 10 сентября 1911 г., г. Киев.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор генерал-адъютант Трепов.

Военный судья генерал-майор Ренгартен.

1911 года сентября девятого дня в 9 час. пополудни приговор сей объявлен в присутствии военного прокурора генерал-лейтенанта Костенко при пом[ощнике] секретаря кол[лежском] регистраторе Лесниченко, бытности подсудимом Мордко Гершковича (Дмитрия Григорьевича) Богрова, причем мною было объяснено участвующим в деле лицам, в каковой срок и в каковом порядке они могут обжаловать приговор, и предъявлен протокол судебного заседания.

Военный судья генерал-майор Ренгартен.

ПРИГОВОР

По указу его Императорского Величества 1911 года, сентября девятого дня, Киевский военно-окружной суд под председательством военного судьи, генерал-майора Ренгартена в [за]крытом судебном заседании, в котором присутствовали:

Временные члены

1 Уральского казачьего полка полковник Акутин, 131 пех[отного] Тираспольского полка подполковник Мещанинов, 132 пех[отного] Бендерского полка подполковник Кравченко и 130 пех[отного] Херсонского полка подполковник Маевский,

при – военном прокуроре, генерал-лейтенанте Костенко и при помощнике секретаря кол[лежском] рег[истраторе] Лесниченко, слушали дело о помощнике присяжного поверенного Мордке Гершкове (он же Дмитрий Григорьевич) Богрове, преданном военно-окружному суду на основании 1 п. 17 ст. Положения об усиленной охране командующим войсками Киевского военного округа по обвинению в преступлениях, предусмотренных 1 ч. 102 ст. Угол. уложения 1903 года и 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране.

Подсудимый Мордко Гершков, именующий себя Дмитрием Григорьевичем, Богров, помощник присяжного поверенного, 24 лет от роду, вероисповедания иудейского, окончил курс в Киевском университете Св. Владимира в 1910 году, не судим.

Выслушав дело, суд признал подсудимого Мордко Гершкова, он же Дмитрий Григорьевич, Богрова виновным: 1) в том, что в конце 1906 года вступил членом в преступное сообщество, именующее себя группой анархистов-коммунистов, поставившее целью своей деятельности заведомо для него насильственное ниспровержение установленного Основными законами образа правления Российского государства путем вооруженного восстания народных масс, а также убийство высших представителей правительственной власти, лишение Государя Императора верховной власти и замену существующего в государстве строя группой отдельных самостоятельных общин коммунистического характера, причем в исполнение задач и целей означенного сообще-

ства, в качестве члена его, участвовал в совещаниях этого сообщества при обсуждении вопроса об организации убийства председателя Совета министров статс-секретаря П.А. Столыпина и 2) в том, что во исполнение задач указанного выше сообщества и по состоявшемся предварительном соглашении с членами его лишить жизни председателя Совета министров статс-секретаря П.А. Столыпина по поводу служебной деятельности последнего, как высшего представителя внутренней политики Российского государства – он, Богров, во исполнение состоявшегося соглашения, по поручению участвовавших в нем лиц – вечером 1 сентября сего 1911 года в г. Киеве, состоявшем на положении усиленной охраны, в городском театре, во втором антракте парадного спектакля в прнсутствнн его Императорского Величества Государя Императора и членов августейшей семьи, подойдя к статс-секретарю Столыпину, стоявшему перед первым рядом кресел спиной к оркестру, умышленно, с целью лишения его жизни, произвел в него на расстоянии 2-3 шагов из заряженного револьвера системы «брауннг» два последовательных выстрела, причинив ими статс-секретарю Столыпину ранение кисти правой руки и безусловно смертельное ранение грудной полости и печени, от каких повреждений статс-секретарь Столыпнн 5 того же сентября в 9 часов 53 мин. пополудни скончался.

Обращаясь к определению свойств преступных деяний, учиненных подсудимым и к назначению ему за оные наказания по закону – суд находит: первое деяние составляет участие в сообществе, составившемся для насильственного посягательства на изменение в России установленного Основными государственными законами образа правления, и предусматривается 1 ч. 102 ст. Угол. уложения 1903 года; по обстоятельствам дела, суд избрал каторгу на восемь лет. Второе деяние составляет предумышленное убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина по поводу исполнения им своих служебных обязанностей, за что виновный согласно 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране подлежит наказанию, указанному в 279 ст. XXII кн. СВП 1869, изд. 3, т.е. лишения всех прав состояния и смертной казни, каковое наказание, через повешение, суд и назначил подсудимому. Этому последнему наказанию подсудимый подлежит и по совокупности совершенных им деяний, на основании 152 ст. Улож. о наказ. угол. и нспр.

А потому и на основании 1 ч. 102 ст. Угол. уложения 1903 года, 1 ч. 18 ст. Положения об усиленной охране, 152 ст. Улож. о наказ. угол. и испр., 279 ст. XXII кн. СВП 1869 г., изд. 3, 910 и 915 ст. XXIV кн. того же Свода – Киевский военно-окружной суд постановил: 1) подсудимого помощника присяжного поверенного Мордко Гершкова (он же Дмитрий Григорьевич) Богрова, как признанного виновным в участии в сообществе, составившемся для насильственного посягательства на изменение в России установленного законами образа правления, и в предумышленном убийстве председателя Совета

министров статс-секретаря Столыпина по поводу исполнения им своих служебных обязанностей – лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение и 2) вещественные по делу доказательства: находящиеся в особом пакете при деле – оставить при деле; две пустые гильзы и пули – предать уничтожению, револьвер, обойма с 5 боевыми патронами и обойма – возвратить наследникам подсудимого Богрова с соблюдением правил, предусмотренных по закону для приобретения и хранения оружия и боевых припасов.

Настоящий приговор по вступлении его в законную силу, на основании 19 ст. Положения об усиленной охране, представить на утверждение киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору.

Председательствующий генерал-майор Ренгартен.

Временные члены: полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Кравченко, подполковник Маевский.

Пом[ощник] секретаря подполковник Лесниченко.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 9. Л. 69–72.
Подлинник. Рукопись на бланке.

Особое постановление Киевского военно-окружного суда

9 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 9-го дня Киевский военно-окружной суд, во время рассмотрения в судебном заседании дела о помощнике присяжного поверенного Мордко Гершове (он же Дмитрий Григорьевич) Богрове, признанном виновным по 1 ч. 102 ст. Угол. улож. и 1 п. 18 ст. Положения об усиленной охране, из показаний допрошенного на суде свидетеля начальника Киевского охранного отделения полковника Кулябко усмотрел следующее: 1) получив от агента охранного отделения Богрова сведения о предполагаемом покушении на жизнь председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина, он, полковник Кулябко, не принял никаких мер к расследованию правдивости этого сообщения и не распорядился задержать лицо, указанное Богровым, прибывшее в г. Киев для совершения этого преступления; 2) допуская Богрова в Купеческий сад и в городской театр во время нахождения там Государя Императора, не учредил за Богровым никакого наблюдения, а также не принял мер к обыску Богрова при входе в указанные места. О вышеизложенном суд, руководясь 919 ст. XXIV кн. СВП 1869 г., изд.3, постановил сообщить через военного прокурора подлежащим властям гражданского ведомства.

Председательствующий генерал-майор Ренгартен.

Временные члены: полковник Акутин, подполковник Мещанинов, подполковник Маевский, подполковник Кравченко.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 9. Л. 73–73об. Подлинник. Рукопись.

Протокол допроса Д.Г. Богрова

10 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 10 дня, в г. Киеве, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Иванов, вследствие предложения прокурора Киевского окружного суда от 3 сего сентября за № 531, в порядке 261[3] ст. Уст. угол. суд., дополнительно допрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. В предъявленной мне фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Петра Лятковского) я признаю того человека, который явился ко мне в первых числах марта сего года и сообщил мне, что в Лукьяновской тюрьме, из которой он вышел в феврале месяце, существует сильное раздражение против меня. Еще раньше, в 1908 году, приблизительно в мае месяце, отбывающие наказание за участие в анархической группе Наум Тыш, «Филипп» и несколько других лиц возбудили против меня обвинение в провокации. Обвинение это, однако, окончилось ничем и доверие ко мне было восстановлено. Однако в 1910 году, приблизительно в сентябре или октябре месяце, в тюрьму поступили новые сведения, а именно, письмо от некоего «Николая», настоящее имя которого Рафаель Черный, в котором он обвинял меня в растрате партийных денег, а также письмо из Парижа с запросом о некоторых обстоятельствах моей деятельности. Ввиду этого в Лукьяновской тюрьме вновь был возбужден и решен в утвердительном смысле вопрос о моем сотрудничестве в охранном отделении. П. Лятковский был уполномочен находящимися в тюрьме анархистами расспросить меня о деньгах и вообще сообщить мне свои впечатления. После разговора с Лятковским, уехавшим через несколько дней домой, на Кавказ, я в течение двух месяцев не имел никаких сведений и свиданий с кем-либо из анархистов. Лятковский приходил ко мне один раз, был одет в студенческую форму. Дверь ему, насколько помню, открывала горничная и впустила его в мою комнату, находящуюся направо от главной передней. Разговор с Лятковским велся в миролюбивой форме и, уходя от меня, он взял у меня две книги (помню, что часть журнала «Былое»[40]). Приблизительно числа 6–7 мая месяца ко мне явилось два человека, из которых одного я знал по Парижу, как анархиста, состоявшего в группе «Буревестник», имени и клички я его не помнил, но он назвался «Василий». Что касается второго из моих посетителей, то о нем я никакого понятия не имел, но он говорил, что также меня знает из Парижа. Не назывался он мне никак. Василий и неизвестный заявили мне, что они присланы из Парижа в качестве членов «ревизионной комиссии», имеющей целью объехать те города России, в которых была, но прекратилась революционная работа, отчасти в целях выяснения оставшихся на местах сил, спрятанных материалов (шифра, револьверов и т.п.), отчасти же для выяснения причины провалов орга-

низаций. От меня лично они требуют отчета в деньгах, которые находились у меня на руках, в течение 1908 года, при этом они представили мне мой отчет в 2000 руб., помещенный в № 4 «Бунтаря», копию подробного отчета, присланного мною в 1908 году в Париж Иуде Гросману и указывали на погрешности его, доходившие, по собранным ими справкам, до 520 рублей. Я оспаривал правильность их счетов и сначала пришел с ними к соглашению, по которому должен был уплатнть им 260 рублей. Деньги я должен был доставнть через два дня, но к условленному сроку явился один «Василий» и заявил, что они – «ревизионная комиссия» – на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна. Я попросил еще три дня срока и потом внес «Василию» все требуемые от меня деньги. Деньги я получил от родителей, причем в первый раз от матери моей 150 рублей, а через два дня от отца 210 рублей. 160 рублей были у меня. Обстоятельства эти мои родители могут подтвердить. «Василнй», светлый шатен, низкого роста, слабого сложения, лет 24–26, маленькая бородка и усы. Другой неизвестный, по-видимому, еврей, чрезвычайно маленький, брюнет, без усов и бороды, лет 20–21. Расписки я у них о вручении мною денег не взял, а вместо того написал вместе с «Василием» письмо Гросману в Париж, где подтверждал «вторичную уплату мною уже раз истраченных на партийные цели денег». Всего я виделся с членами «ревизионной комиссии» три раза, из коих два раза у себя дома, а один раз в Центральной молочной на Крещатнке. После этого я считал все мои партийные счеты окончательно законченными, но в конце июля месяца в Потоки мне было переслано заказное письмо из Парижа; письмо это было адресовано мне в Киев. Пересылал его, должно быть, швейцар. Письмо это было написано Максимом, Раевским, «Томом» и еще, кажется, Василием Жел. («Железный» – кличка), а также Аскаровым. Все эти лица состоят членами парижской группы «Буревестник». В письме этом, написанном в явно враждебном тоне, от меня требовались ответы на целый ряд вопросов о моей прежней деятельности, а именно: 1) передавал ли я при подготовлявшемся побеге из Лукьяновской тюрьмы Н. Тыша и Филиппа, который организовала Роза Сельская, телефонограмму в тюрьму для вызова означенных лиц к следователю; 2) был ли известен кому-либо, кроме меня, адрес «Николая» в Варшаве; 3) каковы были мои отношения к Борисоглебским максималистам, почему я сам не ездил в Борисоглебск и кто та «Роза», которую я посылал в Воронеж за литературой. На это письмо я не ответил непосредственно написавшим его, а вновь напнсал Гросману о том, чтобы он передал «буревестникам», что подобными письмами они меня могут легко провалить, если таковое письмо попадет в руки полиции, и что я, отстранившись от всяких партийных дел, ни в какую переписку вступать не желаю. После этого письма, 16-го августа с.г., ко мне на квартнру явился известный мне еще с 1907–08 года «Степа». Последний был в Киеве в 1908 году летом. Он бежал с каторги, куда был сослан по приговору

Екатеринославского суда за убийство офицера. Преступление его, насколько помню, было совершено в следующей обстановке: «Степа» направился на какой[-то] террористический акт или на экспроприацию и был вооружен браунингом. На улице его внимание обратил на себя офицер, бранивший солдата, не отдавшего ему честн, «Степа» выхватил браунинг и ранил или убил офицера, затем был арестован и приговорен к каторжным работам на 8 или 10 лет. В Киеве он был на пути за границу, причем со мной встретился только для того, чтобы я помог деньгами. Я дал ему денег (8 рублей) и адрес в Черкассы, куда он и отправился. После этого «Степу» я видал в 1909 году в Париже в Русской столовой. Он говорил мне, что работает на заводе, но собирается эмигрировать в Америку. При его появлении 16-го августа «Степа» был одет очень прилично, вообще настолько изменил свою внешность, что я его совершенно не узнал. Открыл я ему двери сам, ибо в это время уже жил в двух комнатах, имеющих отдельный парадный ход. Приметы «Степы»: высокого роста, лет 26–29, темный шатен, усы, падающие вниз, волосы слегка завиваются, довольно полный и широкоплечий. «Степа» заявил мне, что моя провокация безусловно и окончательно установлена, что сомнения, которые были раньше из-за того, что многое приписывалось убитому в Женеву в 1908 году провокатору Нейдорфу (кличка «Бегемот», настоящая фамилия, кажется, Левин из г. Минска), теперь рассеялись и что решено обо всех собранных фактах довести до сведения общества, разослав объявления об этом во все те места, в которых я бываю, как, напр., суд, комитет присяжных поверенных и т.п.; вместе с тем, конечно, мне в ближайшем будущем угрожает смерть от кого-то их членов организации. Объявления эти будут разосланы в самом ближайшем будущем. Когда я стал оспаривать достоверность парижских сведений и компетентность партийного суда, «Степа» заявил мне, что реабилитировать себя я могу только одним способом, а именно, путем совершения какого-либо террористического акта, причем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения Н.Н. Кулябко, но что во время торжеств в августе я «имею богатый выбор». На этом мы расстались, причем последний срок им был дан мне 5-го сентября. После этого разговора я, потеряв совершенно го-
ловy, из опасения, что вся моя деятельность в охранном отделении будет раскрыта, решил совершить покушение на жизнь Кулябко. Для того чтобы увидеться с ним, я по телефону передал, что у меня имеются важные сведения и приготовил в общих чертах рассказ о «Николае Яковлевиче». Но будучи встречен Кулябко очень радушно, я не привел своего плана в исполнение, а вместо этого в течение получаса рассказывал ему и приглашенным им Спиридовичу и Веригину вымышленные сведения. Уйдя от Кулябко, я опять в течение трех дней ничего не предпринимал, потом, основываясь на его предложении (при 1-ом свидании) дать мне билеты в Купеческое и театр, я попросил у него билет в Купеческое. Там я вновь не решился произвести никако-

го покушения и после Купеческого ночью поехал в охранное отделение с твердой решимостью убить Кулябко. Для того чтобы его увидеть, я в письменном сообщении еще больше подчеркивал грозящую опасность. Кулябко вызвал меня к себе на квартиру, встретил меня совершенно раздетым и хотя я при такой обстановке имел все шансы скрыться, у меня не хватило духа на совершение преступления и я вновь ушел. Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики. В предъявленной мне фотографической карточке (мне предъявлена фотографическая карточке Муравьева[41]) я не признаю знакомого мне лица и отрицаю, чтобы это лицо посещало меня на квартире. Относительно «Степы» я в 1908 году давал сведения Кулябко. Билет в театр мне был передан «Самсон Ивановичем» в 8 часов вечера на углу Пушкинской и Бибиковского бульвара. В 5 часов вечера 1-го сентября я по телефону передал Кулябко о том, что «Николай Яковлевич» заметил наблюдение и беспокоится. Разговор мой по телефону 31-го августа с Кулябко, когда я просил билет в Купеческое, был случайно услышан одним из клиентов моего патрона Певзнером, который мне об этом в иронической форме заявил. Относительно сохранившихся в Черкассах и Киеве оружия и шрифта могу соответственно тому, что слышал от членов «ревизионной комиссии» и знал сам, сообщить следующее. В Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричевом Току, где в 1908 году произошел взрыв бомбы. В Черкассы из Киева в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной части были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано вооруженное сопротивление группой анархистов. Где в настоящее время находится Петр Лятковский, члены «ревизионной комиссии» и «Степа» не знаю. Полагаю, что Лятковский на родине – на Кавказе; «Степа» же на Юге России, но не в Екатеринославе. Настоящее показание написано мною собственноручно.

Дмитрий Богров.

Подполковник Иванов.

РГВИА. Ф. 1769. Оп. 13. Д. 11. Л. 133–135об. Автограф. Опубл.: Архіви України. 1990. № 4. С. 11–14.

РАЗДЕЛ 2

КОМИССИЯ СЕНАТОРА М.И. ТРУСЕВИЧА

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ

7 сентября 1911 г.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил, независимо от хода предварительного следствия по делу о посягательстве на жизнь председателя Совета министров, министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина, произвести широкое и всестороннее расследование действий Киевского охранного отделения в этом деле.

Производство означенного расследования с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения возложено на сенатора, тайного советника Трусевича[42], при содействии лиц, командируемых в его распоряжение.

3 ПСЗ. Т. 31. № 35835.
Собрание узаконений. 1911. 16 сентября. Отд. 1. Ст. 1702.

ЗАЯВЛЕНИЕ ШТАБС-КАПИТАНА В.Е. ЕСАУЛОВА

13 сентября 1911 г.

Должен начать свое показание прежде всего с того, что я лично никогда не состоял в охране статс-секретаря Столыпина и был взят в Киев для исполнения своих прямых обязанностей, т.е. для личных поручений и приказаний министра. 24-го августа вечером мы прибыли в Киев, ввиду того, что в доме генерал-губернатора было мало места, то еще в Петербурге министр предупредил меня найти себе помещение. Я поселился в квартире подполковника Шереметева, а день весь проводил при министре. Не состоя в охранной службе и не зная детально,

как она была организована, я должен по совести сказать, что, по моему глубокому убеждению, с момента приезда в Киев министр совсем не охранялся. Городским головой был приготовлен для статс-секретаря Столыпина парный открытый экипаж и в нем мы всюду ездили. Я сопровождал во всех этих поездках министра и меня невольно поражало, как никто из полицейских властей не заботился о его экипаже. С большим трудом мне удавалось провести экипаж министра в линию ближайшую царских экипажей и таким образом он следовал в районе охраны. Проводя экипаж вперед, я встречал противодействие со стороны дворцовой полиции. Министра во всех этих поездках я сопровождал случайно, и если б меня не было около, то он был бы предоставлен сам себе. Передняя генерал-губернаторского дома совсем не охранялась, нельзя назвать охраной двух жандармов, стоявших там и не получивших никаких инструкций. По моему настоянию был прекращен допуск в дом кого бы то ни было без предварительного распознания – кто и зачем. Во время пребывания министра в доме генерал-губернатора не было дежурившего день и ночь жандармского или полицейского офицера. Я неоднократно докладывал министру, в каком положении его охрана. Когда я вернулся из городского сада ночью 31-го августа, ко мне позвонил по телефону начальник охранного отд[еления] подполковник Кулябко и просил предупредить министра, чтобы он не выходил на улицу. Я просил его немедленно приехать ко мне, но он был занят и приехал утром 1-го сентября в 7-м часу утра и рассказал мне буквально следующее: «У меня есть агент, который находится в сношении с революционерами и у него на квартире поселился несколько дней тому назад анархист с двумя браунингами. Анархист этот находится в руках и наблюдении полиции. На этих днях приехала также девица Нина Александровна и привезла бомбу, где она живет, мой агент не знает. 1-го сентября в час дня должно состояться на квартире моего агента анархическое совещание и тогда мы их арестуем. Поэтому прошу Вас доложить министру, чтоб он не выходил на улицу. С трудом удалось мне убедить генерала Трепова, что положение серьезное и он написал министру письмо, которые просит Вас ему передать. Покушение готовится, насколько мне известно, на Кассо или Столыпина». Вот что сообщил мне подполковник Кулябко, добавив, что обо всем им доложено генералу Курлову и что последний лично доложит министру. В девять часов утра, когда министр пил еще кофе, я явился к нему и все дословно ему передал и отдал письмо генерала Трепова. Долго я убеждал министра не выходить на прогулку и настаивал переменить способ передвижения. В четыре часа был назначен смотр потешных, я невольно волновался, в чем мы поедем, позвонил подполковнику Кулябко и он мне сказал, что по приказанию генерала Курлова будет выслан мотор, ведомый двумя мушарами*, причем мы должны следовать по маршруту охранного отд[еления]. На мой вопрос, арестованы ли заговорщики, я получил ответ,

* От слова mouchard (франц.) – шпик, охранник.

что совещание не состоялось и назначено на 8 час. вечера на улице. В 3½ час. дня был подан мотор и министр поехал со мной на ипподром и затем тем же порядком он вернулся домой. Перед отъездом в театр я сам осмотрел, как охранялся сад генерал-губернаторского дома, куда выходила спальня министра и, не видя в саду ни одного жандарма, кроме филеров, я около 8 час. веч[ера] вызвал к телефону адъютанта генерала Курлова и просил доложить генералу, что прошу трех жандармов, дабы организовать у окон спальни министра один пост. Адъютант вернулся к телефону, спросил меня, есть ли это приказание министра и на мой ответ, что это я лично считаю эту меру важной, ответил мне: «В таком случае ген[ерал] Курлов находит эту меру бесполезной и считает, что им приняты все меры для безопасности министра». Эту ночь я просил разрешения спать в ген[ерал-]губ[ернаторском] доме. Когда мы прибыли в Киев, то на другой день я просил генерала Курлова дать все нужные билеты на торжества для министра и меня. Я получил на все, кроме места в театре. С большим трудом, после ряда просьб у городского головы, губернатора и генерал-губерн[атора] я получил (не билет) приглашение и на обратной его стороне надпись: «Асаулов Влад. Евгениев. Партер. Кресло № 52».

Когда в театре я подошел к своему месту, то оно оказалось занято полковником свиты болгарского королевича Наумовым, а мне распорядитель отвел № 57 в другом проходе, нежели было кресло № 5 министра. Подполковник Кулябко не предупредил меня о том, что в театре грозит опасность министру и что он впустил в театр и посадил на место охранника революционера. Считаю чрезвычайно важным отметить, что, рассказывая легенду про анархиста с брауниигом, подполковник Кулябко говорил про него как человека проверенного полицией и находящегося в ее руках и наблюдении, а не как о мифической личности. Глубоко убежден, что генерал Курлов не предупредил об этом министра, так как ст[атс-]секретарь Столыпин наверно поставил бы меня в известность, а кроме того, министр в беседе со мною о предполагающемся покушении высказал взгляд, что не верит рассказу про бомбу и что вообще относится с безусловным недоверием к охранникам. Тут же министр вспомнил случай, когда жил в Зимнем дворце и едва не погиб благодаря старшему охраннику, который его продавал (подлинные слова министра). Это последнее обстоятельство, я считаю, исключает всякое сомнение, что иначе чем отрицательно министр бы не отнесся к присутствию Богрова в театре, в особенности в Высочайшем присутствии. Когда министр прибыл со мной в театр, то у подъезда нас встретил подполковник Кулябко и на мой вопрос вторичный, арестованы ли заговорщики в 8 час. вечера, ответил «нет, совещание не состоялось». В театре ни генерал Курлов, ни подполковник Кулябко ко мне ни разу не подошли и не предупредили, хотя бы в последний момент, на какой странный и рискованный шаг они пошли.

Штабс-капитан Есаулов.

При сем прилагаю: 1) билет для театра министра.

2) мой пригласительный билет.

3) маршрут охранного отд[еления] на поездку на смотр потешных (писаный подп[олковником] Кулябко).

Штабс-капитан Есаулов.

ГА РФ. Ф. 271. Оп 1. Д. 5. Л 134–136. Автограф.

Показания В.В. Граве[43] – личного секретаря П.А. Столыпина

13 сентября 1911 г.

Генерал Курлов был раза 2 с докладом у председателя Совета министров, по-видимому, ничего Петру Аркадьевичу о готовящемся покушении не говорил. Это я заключаю из следующих данных: 31 августа в 12 час. ночи Кулябко позвонил к капитану Есаулову и сообщил ему, что располагает весьма ценными сведениями о готовящемся на Петра Аркадьевича покушении. Есаулов попросил приехать Кулябку немедленно к нему, но тот ответил, что он занят службой и приехать сейчас же не может, но приедет на другой день в 6 часов утра. Утром Кулябко явился к Есаулову и рассказал, что у него есть агент очень верный и давно ему известный, который ему сообщил, что в Киев приехал и остановился у него, агента, на квартире очень опасный революционер, имеющий при себе 2 браунинга и что в Киев также приехала какая[-то] неизвестная ему, агенту, террористка с бомбой. По словам Кулябко, в этот день между 12 и часом дня должно было произойти на квартире его агента совещание последнего, революционера и женщины, носящей кличку «Нины Александровны».

На этом совещании, по словам Кулябко, должен был обсуждаться вопрос об убийстве П.А. Столыпина или министра народного просвещения Кассо. Фамилию агента Кулябко не называл, но уверил Есаулова, что им приняты меры к охране министров, что квартира агента, в которой будет совещание, находится под наблюдением и оба приехавшие террориста будут своевременно арестованы.

Эти сведения Есауловым были [переданы] П.А. Столыпину, который сказал, что это все вздор, что он не верит этим измышлениям охранников и что генерал Курлов ему об этих сведениях агентуры не сообщал.

В этот же день через несколько времени после доклада Есаулова генерал Курлов позвонил по телефону П.А. Столыпину и рассказал ему то же самое, что уже было сообщено Кулябкой Есаулову.

В 12 час. дня явился Кулябко и сообщил Есаулову, что совещание не состоялось и перенесено на 5 час. дня. Почему совещание террористов отложено, он не сообщил, но сказал, что им приняты все меры к тому, чтобы арестовать преступников, когда они соберутся.

Я тогда спросил у Кулябко: «Скажите полковник, Ваш агент не провокатор ли», на что Кулябко мне ответил: «Нет, нет, я знаю этого человека 5 лет, это совершенно надежный и верный человек».

После этого заключения Кулябки я спросил последнего: «Скажите, а за театр можно быть спокойным?» и Кулябко ответил: «О, да, ни один человек не может пройти без проверки».

Когда П.А. Столыпин был доставлен в больницу и ему врачи делали перевязку, я вышел на лестницу, где, увидев Кулябку, подошел к нему и сказал: «Как могли Вы допустить в театр какого-то еврея, имеющего сношения с революционерами, зная, что в театре находится Государь Император?». На это Кулябко ответил: «Я Вам категорически удостоверяю, что это не еврей, а русский. Впустить его было совершенно необходимо». На мой вопрос: «Как Вы могли не обыскать его, или не поставить около него двух охранников?» Кулябко ответил: «Да, это большая ошибка». На это я ему заметил, что это не ошибка, а преступление, и Кулябко мне ничего не ответил и отвернулся.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел В. Граве.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 137–138.

[Продолжение]

27 августа 1911 года покойный председатель Совета министров П.А. Столыпин прибыл в город Киев. Никакой охраны на вокзале не было. Было лишь очень много народу. С вокзала председатель Совета министров отправился на автомобиле вместе с киевским генерал-губернатором Треповым к нему на квартиру. Никакой заботы по отношению к П.А. Столыпину со стороны киевской полиции проявлено не было. Не было, например, приготовлено даже подводы для вещей министра. Никакой охраны особы министра не было и в доме генерал-губернатора Трепова. Об этом я докладывал П.А. Столыпину, на что он мне ответил, что вообще, по-видимому, в доме Треповых беспорядок и что он просит меня быть осторожным и никаких неудовольствий не высказывать. В первую же ночь нашего пребывания в доме генерал-губернатора Трепова ко мне поздно ночью, когда я уже спал, явился ординарец при министре Соколов, разбудил меня и сказал, что он ляжет спать у дверей спальни П.А. Столыпина, так как в доме нет никакой охраны. Я приказал ему запереть двери прилегающих к спальне комнат и в одной из них лечь Соколову. Я считаю, что в Киеве не было организовано никакой охраны личности министра. Неоднократно полиция останавливала экипаж П.А. Столыпина и не желала пропускать его, даже тогда, когда в экипаже сидел П.А. Столыпин. Штабс-капитану Есаулову, состоявшему при особе министра, приходилось в таких случаях даже обращать внимание полиции, что она не пропускает экипаж председателя Совета министров. Между тем обычной, состоявшей при министре, охраны не было, так как таково было желание министра, который был осведомлен, что вся охрана его особы сосредоточена в руках соответст-

вующих лиц под руководством генерала Курлова, который на этот случай должен был взять из Петербурга чинов охраны.

3 сентября, часов около семи вечера, я подъехал к больнице, где лежал больной П.А. Столыпин, увидел у подъезда автомобиль Государя Императора. Я подошел к стоявшему на улице генералу Курлову, и в разговоре со мой генерал Курлов сказал, что он желал бы увидеть П.А. Столыпина, чтобы узнать у него, знал ли он о присутствии Богрова в театре. При этом генерал Курлов сказал мне, что ему почему-то кажется, что «Петр Аркадьевич знал о пребывании Богрова в театре». Но тут же генерал Курлов оговорился, что он не может этого утверждать, но что «ему подсказывает какое-то внутреннее чувство, что о присутствии Богрова в театре было известно председателю Совета министров». На мой вопрос, откуда же Петр Аркадьевич мог об этом знать, как ни я, ни Есаулов об этом не знали, а с подполковником Кулябкой П.А. Столыпин не говорил и только мог бы узнать от него, генерала Кулябко, причем я тут же спросил генерала Курлова: «а Вам, Ваше Превосходительство, было об этом известно?» – генерал Курлов ответил: «Нет, я этого не знал».

Когда ординарец Соколов заявил мне, что в доме генерал-губернатора не организована охрана особы председателя Совета министров, то я лично осмотрел переднюю и убедился, что действительно там никого из чинов полиции не было.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел В. Граве.

[Продолжение]

Добавлю, что во время разговора с генералом Курловым, он мне сказал, что «считает Есаулова одним из главных виновников поранения министра, так как, по имеющимся у него сведениям, Есаулов во время антракта вместо того, чтоб находиться возле министра и наблюдать, чтобы никто из незнакомых к нему не приближался, был в фойе и разговаривал там с какою-то дамой», на это я возразил генералу Курлову, что, во-первых, никто не позаботился о том, чтобы у Есаулова было бы место в непосредственной близости от Петра Арк[адьевича] Столыпина, во-вторых, охрана министра никем на Есаулова никогда возложена не была и, в-третьих, по личной инициативе Есаулова, он именно в целях охраны министра находился у подъезда театра, чтобы по окончании спектакля экипаж министра был бы подан своевременно, без малейшей задержки, так как об этом некому было позаботиться с самого приезда нашего в Киев. На это Курлов возразил мне, а все же Дексбах[44], если бы он был здесь, не отошел от министра. Я не успел ответить тов[арищу] м[инист]ра, так как Государь выходил из больницы и наш разговор должен был прекратиться.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел В. Граве.

[Продолжение]

Киевский губернский гласный Люблинский, по поводу самоубийства в охранном отделении революционера Муравьева рассказал мне

следующее: Дворник, находившийся у ворот дома рядом с охранным отделением, видел Муравьева за час до самоубийства, входившим совершенно свободно, без всякой охраны в охранное отделение одетым в рабочую блузу. С Муравьевым никого не было и ничто не показывало, чтобы он был арестован и доставлен в охранное отделение.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел Граве.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 139–141. Подлинник

Рапорт* киевского полицмейстера А.А. Скалона киевскому губернатору А.Ф. Гирсу[45]

14 сентября 1911 г.

Во исполнение личного приказания доложу Вашему Превосходительству, что для охраны генерал-губернаторского дома [во] время пребывания в нем Его Высокопревосходительства председателя Совета министров, во время августовских торжеств, учреждено было дежурство двух околоточных надзирателей внутри подъезда, к имеющемуся постоянному посту из одного городового у подъезда по Институтской улице добавлен один околоточный надзиратель и по Левашевской улице установлен один пост городового.

Что же касается охраны дома генерал-губернатора со стороны сада, то таковая была принята на себя охранным отделением.

Кроме охраны со стороны наружной полиции, наружная и внутренняя охрана генерал-губернаторского дома была возложена на чинов личной охраны председателя Совета министров, прибывших одновременно с ним.

Подлинный подписал и с подлинным верно.

Полицмейстер полковник Скалон.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. Д. 5. Л. 219. Заверенная копия

Высочайшее повеление

17 сентября 1911 г.

Государь Император, в 17-й день сентября 1911 года, Высочайше повелеть соизволил: предоставить сенатору Трусевичу, при производстве им расследования действий Киевского охранного отделения по делу о пося-

* Рапорт выслан А.А. Скалоном сенатору М.И. Трусевичу 19 сентября 1911 г. (То же дело, л. 218).

гательстве на жизнь председателя Совета министров, министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина, войти в рассмотрение деятельности всех должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в городе Киеве.

3 ПСЗ. Т. 31. № 35846.
Собрание узаконений. 1911. 23 сентября. Отд. I. Ст. 1748.

Письмо М.Г. Данилевского сенатору М.И. Трусевичу

17 сентября 1911 г.

Харьков, Пушкинская ул. 71.

Ваше Высокопревосходительство!

Я лично слышал разговор, который вели генерал Курлов, полковник Спиридович о ныне покойном Столыпине, и разговор этот всегда казался мне столь необычайным по своему внутреннему смыслу и внешней обстановке, что я тогда же передал о нем своим нескольким друзьям, а теперь считаю своим долгом верноподданного Государю доложить о нем Вашему Высокопревосходительству. Быть может, Вы найдете, что он прольет свет на злодейское убийство П.А. Столыпина.

Это было 4-го августа (если не ошибаюсь) в Севастополе, в гостинице Кист. Я должен был ехать за город в 1 час дня, и около 11-ти часов дня по дороге от себя заехал в гостиницу Киста, разыскивая своего приятеля харьк[овского] присяж[ного] поверенного Ф.В. Спасского. Спускаясь по лестнице, я увидел внизу в огромном вестибюле гостиницы возле фонтана стоящую группу жандармских, морских и штатских чинов. Среди первых я узнал генерала Курлова, полковника Спиридовича, начальника Севастопольского жандар[мского] управления (кажется) Иванова и начальника Севастопольского жандармского отделения ротмистра Черокова[46]. Я стал в стороне и давно знакомый мне швейцар объяснил, что Курлов собирается ехать смотреть аэродром. Компания громко и непринужденно разговаривала. Курлов, стоя сбоку фонтана, разговаривал с одним морским офицером, и я совершенно отчетливо услышал следующие слова, которые Курлов сказал: «Он последние дни присылает мне такую массу вздорных шифрованных телеграмм, постоянно отменяя свои прежние распоряжения, что они стали нервировать меня и я потерял сон. Я чувствую, что если это продолжится еще с месяц, я заболею форменной неврастенией. Вообще этот человек начинает терять ясность ума государственного человека, он высох, выдохся и напоминает выжатый лимон. Впрочем, это мнение не меня одного, а многих в Царском. Вот, спросите у него». Генерал Курлов указал на Спиридовича, который, улыбнувшись, сказал: «Я ехал в тот день с товарищами из Царского в Петербург на обед к генералу Соловьеву

(начальник жанд[армского] управления Северо-Западн[ых] дорог), когда в вагоне поезда мы узнали о провале Столыпина в Государственном совете. Признаюсь, мы все так обрадовались, что этот гордый, надменный человек или, как его называет моя жена, «Борис Годунов», – провалился и сломал себе шею, что мы тут же дали себе слово, если это известие подтвердится и отставка его будет принята, отпраздновать это событие каким-нибудь особенно грандиозным пикником у меня в доме. *Ну, а ведь вы знаете, что по этой части моя жена большая мастерица* и наши пикники славятся на весь Царский. К сожалению, наши надежды не оправдались и этому человеку удалось невозможное сделать возможным. Между тем за все время нашей его охраны мы ни разу не слышали от него ни одного слова благодарности!» К этому добавлю следующее: В 1902–3–4-х годах у меня в доме в Харькове по Епархиальной улице проживал квартирант полковник П.Н. Соловьев[47], начальник Балашовского жандармского управления. Жена его подружилась с моею женою. Поэтому, когда Соловьев был переведен в Петербург начальником управления Северо-Западных дорог, мы сохранили с ними дружеские отношения и, ежегодно посещая Петербург, бывали у них в семье, которая проживала по Загородному проспекту. Однажды мы посетили Соловьевых в последний день Масляной недели, и Марья Николаевна Соловьева стала очень просить нас приехать к ним вечером на прощальные блины, заметив при этом: «Мы Вам покажем царскосельскую знаменитость». На мой вопрос, что это такое, М.Н. Соловьева сказала: «*Это супруги Спиридовичи, муж состоит начальником дворцовой охраны, а жена щеголяет в таких туалетах и бриллиантах, что весь Царский с ума сходит*».

Вечером, когда мы приехали, нам среди многочисленных пышно разодетых гостей указали на супругов Спиридовичей. Действительно, по внимательному подсчету моей жены и Соловьевой, на госпоже Спиридович[48] было в тот вечер надето бриллиантов не менее как на сто тысяч рублей. На мой добродушный вопрос, откуда у них такие деньги, М.Н. Соловьева, усмехнувшись, сказала: «Мой Пекочка (ее муж) утверждает, что у Спиридовича за год перебывает на руках секретных сумм не менее полумиллиона. Есть, значит, чему к рукам пристать!»

Буду очень рад, если эти сведения обратят на себя внимание Вашего Высокопревосходительства».

Глубокоуважающий Вас дворянин Михаил Григорьевич Данилевский, старший сын покойного писателя Григория Петровича Данилевского[49].

Если Вы пожелаете проверить мой рассказ и окружавшие Курлова люди струсят и будут отрицать мои слова, я укажу тогда Вашему Превосходительству трех лиц, одного в Севастополе и двух здесь, в Харькове, которые честно и нелицеприятно подтвердят, что я им рассказывал об этом задолго до катастрофы, а именно 20 августа в Севастополе и 23 августа в Харькове, тотчас по моем приезде сюда. Я рассказывал возмущенный, что так беседовали открыто на парадной лестнице гостиницы и высмеивали П.А. Столыпина те лица, для которых единст-

венной обязанностью была охрана и этой-то обязанностью они так цинично тяготились!

Глубокоуважающий Вас дворянин Михаил Григорьевич Данилевский.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 214–217об. Автограф.

Письмо Н.П. Дидковского[50] сенатору М.И. Трусевичу

17 сентября 1911 г.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый государь Максимилиан Иванович.

Узнав, что Ваше Высокопревосходительство Высочайше назначены для сенаторской ревизии Киевского охранного отделения в связи со злодейским покушением на статс-секретаря П.А. Столыпина, я, в целях выяснения некоторых деталей и как очевидец этого возмутительного факта, считаю своим нравственным долгом доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее:

На киевских торжествах я присутствовал, в числе других, в качестве депутата от Волынского земства как губернский гласный.

Билет в театр мною был получен на кресло № 235 в десятом ряду в проходе, рядом со мной помещался в кресле № 236 граф Чапский. Во втором антракте я с соседом, графом Чапским, разговаривая и рассматривая присутствующих, заметили, что к П.А. Столыпину, стоявшему лицом к публике вместе с г[осподином] военным министром Сухомлиновым[51] по левую и г[осподином] министром Императорского Двора бароном Фредериксом[52] по правую сторону подошел граф Потоцкий. Не успел он сказать нескольких слов, как из публики, не могу точно сказать, но, кажется, из седьмого ряда, вышел молодой человек во фраке, быстро подошел почти вплотную к покойному П.А. Столыпину, произвел два выстрела и, повернувшись, стал быстро удаляться к выходу из театра, направляясь к проходу, где я сидел. В момент выстрелов я инстинктивно встал, в это же самое время убийца, добегая к моему креслу, оглянулся назад, споткнулся, а я, воспользовавшись этим, схватил его сзади. Крепко стиснув руками преступника, я заметил, что убийца в правой руке держит браунинг и перебирает пальцами, как бы намереваясь стрелять. На помощь мне поспешил офицер, стоявший одиноко в проходе и схватил убийцу спереди, в то же самое время окружила его толпа. Почувствовав, что убийцу крепко держат, я освободил свою руку и с силой ударил по правой руке убийцы, вследствие чего он уронил револьвер, я его тотчас поднял. Растерявшись на первых порах, я не знал, что делать с браунингом, но, быстро овладев собою, я передал его стоявшему неподалеку от меня начальнику Киевского жандармского управления, кажется, полковнику Шределю[53], с которым я хотя и не был знаком, но лично знал его в лицо, видя его несколько раз в ресторане Европейской гостиницы.

Потрясенный случившимся, я отправился в Европейскую гостиницу, где я остановился, и рассказал о происшедшем предводителю дворянства своего уезда Д.Ф. Андро, по совету которого я и обратился, спустя 1½ -2 часа после произведенного покушения и по возвращении чинов охранного отделения в Европейскую гостиницу, где они жили, к первому возвратившемуся, *но получил ответ через посланного, который* передавал мое желание немедленно сообщить подробности покушения, чтобы я обратился к г[осподину] прокурору, тогда Д.Ф. Андро передал свою визитную карточку, после чего мы, так как вторично я уже отправился с г[осподином] Андро, были немедленно приняты, кажется, в № 12 Европейской гостиницы.

В комнате мы застали полковника Спиридовича и подполковника Кулябко, которым я и рассказал все изложенные мною подробности.

По выслушании меня, они мне заявили, что дело это их уже не касается и посоветовали мне обратиться к г[осподину] прокурору судебной палаты, у которого я и был на следующий день утром.

Прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать принять уверение в моем к Вам совершенном почтении и искренней преданности.

Покорный слуга Николай Дидковский.

Адрес мой: г. Ровно Волынской губ., члену земской управы Николаю Прокофьевичу Дидковскому.

ГА РФ Ф. 271 Оп. 1. Д. 1. Л. 67–68. Подлинник.

Протокол допроса помощника начальника Киевского губернского жандармского управления А.А. Иванова

17 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 17 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло[54], командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Александр Александрович Иванов, подполковник, 46 лет, православный, помощник начальника Киевского губернского жандармского управления в г. Киеве, жив[у на ул.] Трехсвятительская, № 21, кв. 1; под судом и следствием не был.

В Киеве я воспитывался и служу в продолжении значительного времени, ввиду чего имею массу знакомых в разных слоях общества и населения. После убийства статс-секретаря Столыпина все киевское общество было сильно заинтересовано личностью Богрова, и мне несколько раз приходилось слышать от лиц, знавших его и его семью, что родители считали его человеком бесхарактерным и неуровновешенным и что у него был роман с какой-то женщиной. Это последнее обстоятельство еще мне заинтересовало потому, что в управлении

были получены сведения о том, что 1 сентября во время спектакля в городском театре, в ложе № 5-1 друса, сидела какая-то дама, которая вела себя довольно странно и исчезла вслед за совершением Богровым преступления. Ввиду этого, я, допрашивая Богрова 10 сентября, намекнул ему на то, что мне известно о существовании у него романа и спросил у него: как фамилия этой дамы; на что мне Богров категорически ответил: «Ну нет, этого я вам не скажу». На суде я сам не присутствовал, но слышал, что Богров, давая свои показания, старался как бы выгородить подполковника Кулябко. И когда я спросил Богрова, почему он так поступал, то он мне ответил, что военный прокурор сильно нападал на Кулябко, ставил последнего своими вопросами в очень затруднительное положение и что Кулябко, хотя и старался держаться весьма развязно, тем не менее, был настолько смешон и давал такие несуразные ответы на вопросы прокурора, что ему, Богрову, стало его жалко и он, в свою очередь, с разрешения председателя, стал задавать Кулябко наводящие вопросы, которые помогли Кулябко хоть немного выбраться из затруднительного положения. На Ваш вопрос, почему этого всего нет в протоколах допросов Богрова, отвечаю, – Богрова допрашивать было чрезвычайно трудно, он нервничал и постоянно отвлекался посторонними разговорами и, когда я его просил занести в протоколы ответы на вышеупомянутые обстоятельства, он категорически отказался и заявил, что он не будет больше давать никаких показаний.

Подполковник Иванов.

Товарищ прокурора Бусло.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 1. Л. 69об.–70. Подлинник.

Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка

17–18 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 17 и 18 дня в г. Киеве я, прокурор С.-Петербургской судебной палаты, состоящий при ревизующем сенаторе М.И. Трусевиче, по поручению последнего, расспрашивал нижепоименованного, который показал следующее:

Зовут меня Самсон Иванович Демидюк, 48 лет, православный, потомственный почетный гражданин, под судом и следствием не состою, служу в Киевском охранном отделении, заведую наружным наблюдением, проживаю в г. Киеве, по Бульварно-Кудрявской улице, в д. № 5, кварт[ира] 3.

Я начал свою службу в охранной полиции с 1894 года филером наружного наблюдения, служил в Н. Новгороде, Москве и с 1902 г. состою при Киевском охранном отделении. До 1906 года я был филером,

а затем мне поручено было ведать всем наружным наблюдением, какие обязанности я несу и по настоящее время. Дмитрия Богрова я знаю с момента принятия его в сотрудники начальником Киевского охранного отделения Кулябкой, что случилось осенью 1907 года. Богров сам явился в отделение и предложил свои услуги и был принят на жалованье в 150 руб. в месяц. Сведения, которые он начал давать отделению, всегда отличались большою точностью, и Богров пользовался большим доверием. Я сам неоднократно беседовал с ним на конспиративных квартирах и все, что сообщал мне Богров, – всегда подтверждалось. Я хотя заведовал только наружным наблюдением, но, благодаря доверию начальства, знал почти всех сотрудников и ходил с ним на так называемые «свидания» для отобрания от них сведений.

Богров, как мне известно, сотрудничал в Киевском охранном отделении до апреля 1910 года и дал за это время массу очень ценных сведений; так, по его указаниям была ликвидирована группа анархистов-коммунистов (Сандомирский, Тыш и друг.), переданная для формального расследования в Киевское губернское жандармское управление. Затем по его же сообщениям была ликвидирована группа социалистов-революционеров-максималистов с ответвлением ее в гг. Борисоглебске, Боброве и Воронеже. Дело это было передано в Харьковское губернское жандармское управление. Далее, по указаниям того же Богрова была арестована еврейка, привезшая в Киев с анархистом Рефулом Черным лабораторию для изготовления взрывчатых снарядов. Сам Черный арестован не был из опасения скомпрометировать Богрова, имевшего прочные сношения с Рефулом Черным. Затем, по указаниям Богрова была арестована в Киеве революционерка Юлия Мержеевская с сопровождавшим ее дезертиром-эмигрантом, прибывшие из Севастополя, после неудачной попытки их организовать покушение на цареубийство. Дело это было передано в С.-Петербург и чем оно окончилось – не знаю. По указаниям того же Богрова, в гг. Минске, Москве и отчасти Киеве была арестована группа анархистов-коммунистов с известной Ольгой Таратутой[55] во главе, таковое дело было передано для исследования, кажется, в Московское губернское жандармское управление. Затем из местных дел, по сведениям, сообщенным Богровым, было раскрыто ограбление магазина Вейзенпорта на Пушкинской улице, обнаружены участники ограбления свечного завода, предотвращен побег из тюрьмы анархиста Тыша и арестована группа булочников-анархистов, производившая мелкие грабежи и рассылавшая угрожающие письма с требованием денег. Многие из лиц, задержанных по этим сведениям, были осуждены в каторжные работы, а иные даже казнены. Независимо от всего этого, Богров давал отделению сведения и по студенческим организациям в университете. За всю свою работу, как я уже сказал, Богров получал по 150 руб. в месяц жалованья, но были периоды, когда он получал и больше, причем на командировки и экстренные нужды он получал деньги особо от содержания. В последнее время сведений от Богрова стало поступать все меньше и меньше

и ввиду этого он сам предложил уменьшить свое вознаграждение до ста рублей в месяц, каковую сумму и продолжал получать до апреля 1910 года. В это время он заявил, что оставляет свою работу в Киевском отделении и переселяется в С.-Петербург. С тех пор Богров окончательно отошел от сотрудничества в нашем отделении и возобновил свои отношения с Кулябкой только с конца августа 1911 года. Правда, мне известно, что Богров писал Кулябке из С.-П[етер]бурга, что у него есть важные сведения и спрашивал совета, как ему поступить, на что ему рекомендовано было отсюда обратиться к начальнику С.-Петербургского охранного отделения и у меня есть сведения, что, действительно, Богров вступил в сношения с полковником фон Коттеном. На дополнительный ваш вопрос отвечаю, что у нас в отделении были и другие ценные сотрудники, сообщавшие важные сведения. Так, собственно говоря, группу социалистов-революционеров-максималистов, о которой я упоминал выше, дал сотрудник, известный под кличкою «Московский»[56], который раньше жил в Воронеже, Боброве и Борисоглебске; тот же «Московский» давал сведения и по группе анархистов-булочников, параллельно с Богровым. По делу ограбления магазина Вейзенпорта сведения, кроме Богрова, давали и другие сотрудники, а что касается студенческих организаций, то, собственно говоря, Богров давал по ним очень мало сведений и таковые мы получили от других сотрудников. Со времени ухода от нас Богрова я несколько раз встречал его в Киеве и в этом году раза два–три видел его в мае и июне месяцах. Наблюдения за ним не велось, хотя о появлении его в Киеве начальник охранного отделения знал с моих слов. В минувшем августе месяце этого года я впервые узнал о нахождении Богрова в Киеве только 27 числа, когда он вызвал меня по телефону с просьбой устроить ему свидание с «хозяином» (Кулябкой). Я на это ответил Богрову, что начальник дома и предложил ему переговорить со мной. Богров согласился и в Георгиевском переулке, в подъезде одного дома, мы с ним сошлись. Здесь он сообщил мне, что у него имеются важные сведения о готовящемся покушении на жизнь министров Кассо и Столыпина, что он – Богров, виделся с известными революционерами Лазаревым[57] и «Николаем Яковлевичем», прибывшими в Киев для организации этого террористического акта и что с этой целью «Николай Яковлевич» приезжал даже на дачу к нему – Богрову – в Кременчугский уезд, с просьбой о содействии к приисканию безопасной квартиры и указанию наиболее безопасных путей приезда в Киев, так как ввиду массы агентов, собранных в Киеве по случаю предстоящих торжеств, пользоваться обычными путями железнодорожного и пароходного сообщения – небезопасно, при этом Богров сообщил мне, что он предложил «Николаю Яковлевичу» воспользоваться моторной лодкой, которую и обещал предоставить в его распоряжение. Когда Богров закончил свой рассказ, я сказал ему, что сведения его имеют такое важное значение, что их необходимо передать подполковнику Кулябке, план этот одобрил и Богров, пообещав лично подтвердить все начальнику охранного отделения.

Часов около 7 вечера того же дня возвратился подполковник Кулябко, и я подробно доложил ему о беседе с Богровым. Начальник приказал пригласить к нему Богрова и провести его к нему в кабинет не с парадного хода через все отделение, а через черный ход, что я и исполнил около 8 часов вечера. О чем говорил подполковник Кулябко с Богровым – я не знаю, но после ухода Богрова начальник приказал мне учредить неослабное наблюдение за квартирой Богрова, куда, по его сведениям, скоро должен прибыть «Николай Яковлевич», очень важный революционер, лет 28–30 на вид, среднего роста, плотный шатен, плечистый, с небольшой бородкой, одетый в темно-серое английского покроя пальто, в котелке и черных перчатках. Того же 27-го августа вечером я учредил наблюдение за квартирой Богрова по Бибиковскому бульвару в доме № 4. По 31-е августа включительно люди мои наблюдали этот дом, но ни входа, ни выхода субъекта указанных примет не видели. С утра 1-го сентября я получил сведения, что «Николай Яковлевич» ночевал эту ночь у Богрова и что необходимо усилить наблюдение. Распоряжение подполковник Кулябко отдал в 3 часа пополуночи, и я 1-го сентября с 7 часов утра сам стал в наблюдении совместно с тринадцатью другими филерами. До этого времени наблюдение за домом Богрова ставилось обыкновенно с 9 часов утра и продолжалось часов до 10 вечера, так что после этого времени до утра всякий свободно мог пройти в квартиру Богрова, не будучи замеченным агентами. На Ваш вопрос, почему не учредили постоянного внутреннего наблюдения, заменив швейцара или у него поместив агента, отвечаю, что, вероятно, потому, что начальник очень верил Богрову и полагал, что получит точные сведения о его приезде и о предполагаемых его выходах. Однако в действительности, простояв весь день 1-го сентября, мы выхода «гостя» не видели. В 11 час. утра выходил сам Богров, в 12 часов дня вернулся на извозчике. Около половины 8 часа вечера я получил от начальника сведения, что «Николай Яковлевич» скоро должен выйти из дому с двумя браунингами в кармане и на углу Бибиковского бульвара и Владимирской улицы будет иметь свидание с «барынькой» «Ниной Александровной», неизвестных примет, которая передаст бомбу «Николаю Яковлевичу» и потом оба они станут на линии проезда высоких гостей в театр. Мне приказано было неотступно следить и арестовать обоих, если действительно злоумышленники стали бы на пути следования Государя или министров, если же они пойдут в сторону, то не задерживать, а только неотступно наблюдать. Тут же, отдавая эти распоряжения, подполковник Кулябко передал мне билет на парадный спектакль в театр для Богрова, приказал переслать его Богрову через рассыльного филера Поддевкина со словами «от артистки Регины». Я доложил начальнику, что Поддевкина нет в отделении и подполковник Кулябко приказал тогда мне лично передать билет Богрову. Тотчас же я вернулся к своему наблюдению и по пути, на Пушкинской, встретил Богрова, который, пойдя рядом со мною, сказал мне, что он все время ждал билета от Кулябки и не мог дождаться.

Я ему передал билет и издали проводил его до театра, чтобы посмотреть, пропустят ли его и когда Богров вошел в театр, я вернулся к своим филерам у дома № 4 по бульвару. Показание, ввиду позднего времени, прерывается до утра 18-го сентября.

Самсон Иванович Демидюк.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак[58].

[Продолжение]

18-го сентября 1911 года я, Самсон Демидюк, продолжаю свое показание. В указанный день, 1-го сентября, наблюдение неотступно стояло у дома Богрова до поздней ночи, но выхода человека с указанными приметами не произошло. Часов в 10 вечера, или немного позднее к дому Богрова быстро подъехал с городовыми ротмистр Самохвалов[59], служащий у нас в отделении. Я подошел спросить, что случилось, и узнал о событии в театре. Самохвалов распорядился оцепить дом Богрова, а сам вместе со мною и другими чинами вошел в квартиру Богрова и занял также и квартиру его родителей. В каждой комнате было постановлено по человеку, все выходы были обеспечены, но при самом тщательном розыске никого в квартире не оказалось. Забрали его переписку, обойму с патронами и что еще – я хорошо не знаю. Помню, что во время обыска кто-то позвонил по телефону и к аппарату подошел ротмистр Самохвалов. С кем и о чем он говорил, я не знаю, но впоследствии, когда вспоминали об этом случае, подполковник Кулябко говорил, что это он говорил, но так условно, что его трудно было понять. В квартире была оставлена засада до 5-го сентября. В это время, как я узнал впоследствии, были звонки по телефону к Богрову и разговаривал с вызывавшими бывший в засаде чиновник нашего отделения Батюшков[60]. О чем велись эти переговоры – мне неизвестно. Знаю также, что в засаду попал некто Скловский, приходивший к Богрову. Сестра этого Скловского – Берта[61], принадлежала к группе анархистов-коммунистов. Вот все, что мне известно о Богрове, о его деятельности и о его преступлении в связи с моею деятельностью, как чиновника Киевского охранного отделения. Сведения свои Богров всегда давал на конспиративной квартире нашего канцелярского чиновника Бубнова или через него сообщал их письменно. Держался он всегда очень конспиративно, в отделение не ходил и никто его там не знал. Мои филеры почти все знали его в лицо, но не как моего агента, а как состоявшего в наблюдении революционера, известного под кличкой «Капустянского»[62]. В последнее время, вплоть до конца августа 1911 года никто из них «Капустянского» в Киеве не видел. 27-го августа вечером был первый случай, когда Богров был у начальника в отделении, куда я привел его через черный ход. Был ли он после этого случая еще в отделении, – я не знаю и мне неизвестно, что он однажды ночью явился к отделение и запиской вызвал начальника, который сам, уже раздетый, открывал ему дверь в свою квартиру. Где еще сообщал свои сведения Богров и где они встречались в последние дни, я не знаю. Я только из газет теперь узнал, что Богров сообщал свои сведения Кулябке, Спи-

ридовичу и Веригину в Европейской гостинице после обеда. За последние дни своего пребывания в Киеве Богров, как и прежде всегда, под наблюдением не состоял, и я, и начальник безусловно доверяли ему и в проверке его действий надобности не видели. От квартиры Богрова до театра ходу минут пять, а езды и того менее. Мне неизвестно, сам ли Богров приехал в Киев, или его вызвал подполковник Кулябко. Во время августовских торжеств Кулябко ведал только свое наблюдение, а расстановкой по постам охраны всецело распоряжался полковник Спиридович. В его же распоряжение было командировано от меня 80 человек филеров, как он ими распоряжался – я не знаю. В день 1-го сентября и раньше от нас не было нарядов ни в театре, ни в местах Высочайших проездов и по пути следования министров. Вообще эта часть нас совсем не касалась. Сколько дано было билетов в театр полковнику Кулябке и как он ими распорядился – я не знаю.

Что касается дела о застрелившемся 26 августа сего года в охранном отделении Муравьеве, то мне известно об этом следующее: 23-го августа 1911 года служащий у нас в отделении ротмистр Вахнин[63] вечером показал мне секретные сведения, из коих видно было, что на углу Панелевской и Караваевской ул. в г. Киеве в доме № 1/23, в квартире под № 7 проживает, по-видимому нелегально, подозрительный человек. Примет его указано не было. Придавая серьезное значение этим сведениям, по указанию ротмистра Вахнина, с утра 24 августа я поставил наблюдение за этим домом. По домовой книге видно было, что там помещалась квартира и контора Киселевича, а в ней проживала некая Мария Муравьева и одно время жил по паспорту Бизюкова человек, оттуда недавно выбывший. Наблюдение в тот же день, 24-го августа, взяло из этой квартиры молодых мужчину и женщину, посетивших дом № 96 на углу Васильковской и Полицейской улиц; тогда и этот дом взят был под наблюдение. 25-го августа тот же человек с другой дамой из дома № 96 по Васильковской улице посетили Байково кладбище. Наблюдаемый человек вел себя очень осторожно и все время осматривался, улавливая наблюдение. Обо всем этом я доложил начальнику отделения, который приказал мне назавтра взять этого человека. Соответственно этому я с утра 26-го августа назначил в наблюдение за неизвестным трех расторопных сильных филеров и приказал им на улице арестовать неизвестного и доставить его в охранное отделение. Часов около 12-ти мои люди привезли неизвестного в отделение, предварительно поверхностно ощупав его, и сдали мне. В отделении на подъезде было много «союзников» – я пригласил неизвестного в соседнюю пустующую комнату, куда и сам вошел вслед за ним. Сделав несколько шагов вперед, неизвестный быстро выхватил из кармана маленький браунинг, круто повернулся ко мне лицом и выстрелил себе в правый висок. Произошло это в несколько мгновений. Самоубийца скоро скончался, а я распорядился немедленно ликвидировать его связи. Из женщин первая, проживавшая на Караваевской, оказалась Марией Муравьевой и в застрелившемся впоследствии опознала своего родного брата, а вторая, жившая в д. № 96 по Б. Ва-

сильковской, оказалась Матвеенко, служащая на городских бойнях. Что у них оказалось по обыску, – я не знаю. Впоследствии, как мне известно, выяснилось, что неизвестный под фамилией и по паспорту Алексея Бизюкова прибыл с некоей Татьяной Маликовой из Н. Новгорода и оба поселились по Караваевской в д. № 23, что произошло 17-го июля сего года. 19-го августа Маликова выбыла из Киева, отметившись в Москву, а Бизюков – кажется 13 августа, выбыл неизвестно куда. Последующим наблюдением за ним было установлено, что он проживал по Б. Васильковской улице в д. № 96 и в действительности он оказался крестьянином Рязанской губернии Александром Ульяновичем Муравьевым. Когда впервые поступили в охранное отделение сведения о Муравьеве и почему только 23-го августа мне о нем сообщили для установки наблюдения – я не знаю; утверждаю только, что с утра 24 августа до последнего момента он был у меня под наблюдением. Имел ли связи Богров с покойным Муравьевым и стоит ли его самоубийство в какой-либо связи с делом 1-го сентября – я решительно не знаю. Эту группу по Муравьеву наблюдали филеры: 1) Ледник[64], 2) Рубен[65], 3) Бурденев, 4) Мошков, 5) Дажаев[66] и 6) Опсе[67], из них Мошков и Ледник – киевские филеры, Дажаев – Саратовский, Опсе – Рижский, а остальные не знаю откуда. По прочтении мне всего показания, прошу Вас исправить мою ошибку: была арестована группа анархистов не с Ольгой Таратутой во главе, а с братом ее Леонидом Таратутой. Больше ничего к своему показанию добавить не имею.

Самсон Иванович Демидюк.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Д. 70–76 Подлинник.

Протокол допроса киевского городского головы И.Н. Дьякова

19 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 19 дня, я, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал киевского городского голову, который показал:

Дьяков[68] Ипполит Николаевич, 47 лет, православный, действительный статский советник.

В начале августа месяца, когда выяснилось, что Государь Император изволит присутствовать на спектакле в городском театре, была образована под председательством губернатора комиссия с моим участием для выработки правил снабжения билетами тех лиц, которые пожелают быть на спектакле.

На этом совещании были распределены именные места между высокопоставленными лицами, приезд которых ожидался и, кроме то-

го, были определены группы мест для дворянства, земских деятелей, представителей городского самоуправления с женами, военных, охраны, воспитанников учебных заведений, крестьян с мировыми посредниками, городских служащих.

Кроме того, известное количество мест было предоставлено в распоряжение бюро по выдаче билетов.

Бюро это находилось в заведовании А.А. Курлова[69], на обязанности которого и лежала также выдача особых пропусков для входа в театр.

Пропуск без билета и билет без пропуска не давал права входа в театр*.

15 августа за № 6056 я получил при письме губернатора Гирса список, при сем мною представляемый, согласно которому мне и были расписаны билеты.

Групповые билеты были мною вырезаны из тетрадок и посланы по принадлежности по начальству, именные же билеты раздавались или мною лично известным мне лицам, или же рассылались по разносной книге, через думских курьеров под расписку.

Билеты для дворян и земцев были посланы предводителю дворянства, военные – дежурному генералу, ученические – учебному начальству, охранные, а равно и для монархических организаций были посланы подполковнику Кулябке.

Некоторые билеты были возвращены за выездом или ненахождением адресатов, так что в театре было несколько пустых мест, но утверждать, что в числе этих мест были места, предназначенные для охраны, я не могу, так как почти все время находился вне зрительного зала, наблюдая за общим порядком и участвуя во встрече Его Величества.

Из своей же ложи я не мог наблюдать за местами, потому что вся она была переполнена приглашенными, почетными лицами, да и, кроме того, я и не придавал значения тому, что были пустые места. Публика впускалась в театр только через центральный ход под строгим контролем.

Председатель Совета министров П.А. Столыпин и министр народного просвещения Кассо во время концерта в Купеческом саду находились возле ложи Государя, а затем приходили вслед за Его Величеством к палатке, откуда Государь смотрел фейерверк. Как площадка возле ложи, так и проход к палатке были сильно освещены электрическими большими фонарями и лампионами, так что публика отлично могла рассмотреть П.А. Столыпина и Кассо, тем более, что около ложи Государя они стояли впереди небольшой группы свиты Государя перед публикой, находившейся напротив ложи Государя.

Киевский городской голова Ипполит Дьяков.

Товарищ прокурора Бусло.

ГА РФ. Ф 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–78об. Подлинник.

---

* Справка: протокол осмотра списка произведен 23 октября. К протоколу приложен список, полученный городским головой от губернатора. Тов. прок[урора] Д. Бусло (*Прим. док.*).

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА КИЕВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ А.Ф. ШРЕДЕЛЯ СЕНАТОРУ М.И. ТРУСЕВИЧУ

19 сентября 1911 г.

Доношу Вашему Превосходительству, что в моем распоряжении не имеется совершенно точных сведений о том, кто из чинов корпуса жандармов сидел в партере Киевского городского театра на парадном спектакле 1-го сего сентября, но по собранным мною сведениям места занимали:

1) Начальник Московско-Киевского жандармского полицейского управления жел[езных] дорог полковник Правиков[70] (кв. гор. Москва) в 7-м ряду – № 153;

2) Начальник Днепровского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления железных дорог подполковник Антонов[71] (кв. гор. Киев) в 11 ряду – № 259;

3) Помощник начальника Киевского губернского жандармского управления в г. Киеве подполковник Иванов А. (кв. г. Киев) в 11-м ряду – № 261;

4) Прикомандированный к управлению корпуса жандармов подполковник Белевцев[72] (кв. г. Киев) в 12-м ряду – № 267;

5) Делопроизводитель хозяйственной части С.-Петербургского жандармского дивизиона ротмистр Козловский[73] – в 12-м ряду, рядом с подполковником Белевцевым;

6) Помощник начальника Финлядского жандармского управления по Таммерфорсскому району ротмистр Терехов[74] (кв. г. Таммерфорс) – где именно сидел – неизвестно;

7) Числящийся в отдельном корпусе жандармов, прикомандированный к штабу и состоящий во временном распоряжении дворцового коменданта ротмистр Шепель[75] в 9-м ряду;

8) Отдельного корпуса жандармов полковник Спиридович (заведующий охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту) в 3-м ряду – № 48[б];

9) Начальник Киевского губернского жандармского управления полковник Шредель – в 3-м ряду № 49 (рядом с полковником Спиридовичем);

10) Начальник дворцовой полиции, отдельного корпуса жандармов полковник Герарди[76] – в 3-м ряду, кресло № 48[а].

В распоряжении подполковника Кулябко находились следующие кресла:

9-го ряда № 203 – было предоставлено начальнику Бердичевского отделения Киевского жандармского полицейского управления жел[езных] дорог подполковнику Шебанову[77].

Затем, подполковник Кулябко не помнит, кому он предоставил кресла: 10-го ряда №№ 219 и 230; 16-го ряда №№ 382 и 369; 18-го ряда №№ 406 и 415.

Полковник Шредель.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 76-76об. Подлинник

Протокол допроса киевского губернатора А.Ф. Гирса

20 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 20-го дня в г. Киеве, я, прокурор С.-Петербургской судебной палаты В.Е. Корсак, по поручению сенатора М.И. Трусевича, расспрашивал нижепоименованного, который показал следующее:

Я, Алексей Федорович Гирс, киевский губернатор, 40 лет, православный, живу в городе Киеве.

О деятельности Киевского охранного отделения вообще и о действиях его в связи с августовскими событиями, окончившимися смертью статс-секретаря Столыпина, я знаю очень немного.

За два года и 4 месяца службы моей в Киеве я имел мало поводов соприкасаться с деятельностью подполковника Кулябки как начальника местного охранного отделения и района. Время было тихое и постоянных докладов Кулябко мне не делал. Только с момента похорон профессора Муромцева[78], смерти Льва Толстого и запрещения сходок в высших учебных заведениях революционная деятельность несколько оживилась и, главным образом, – в среде учащейся молодежи, подстрекаемой агитаторами. В это время подполковник Кулябко делал мне доклады и письменные, и личные, но сведения его были всегда запоздалые и менее точные, чем сведения полицмейстера, который был лучше осведомлен и беззамедлительно мне докладывал о ходе движения. На меня лично подполковник Кулябко всегда производил впечатление человека несерьезного, легкомысленного, который любил во все вмешиваться и всем распоряжаться ради желания выдвинуть себя и подчеркнуть свою деятельность, а вовсе не ради интересов дела. С тем же впечатлением о его деятельности я остался и после августовских торжеств, печально завершившихся злодейским делом убийства председателя Совета министров. Кулябко во всех распоряжениях администрации принимал видное участие, распоряжался народной охраной, ездил по городу и даже вмешивался в деятельность наружной полиции, что ему не было предоставлено, а всецело вверено полицмейстеру. Тем не менее, его слушались по традиции и даже побаивались, как человека властного и высокомерного. Деятельность по подготовке к торжествам началась у нас еще с марта месяца, когда впер-

вые началась работа регистрационного бюро, с июня началась организация охраны, а 13-го июня прибыл генерал-лейтенант Курлов и под его председательством были выработаны меры охраны, определены размеры, до коих надлежало увеличить личный состав полиции, разрабатывались вопросы об организации народной охраны, выработаны были маршруты Высочайшего проезда, лиц свиты и гг. министров. В совещаниях этих принимали участие я, полковник Спиридович, Веригин, Кулябко, который в этом деле играл большую роль. Определены были и суммы на расходы по организации охраны. Я никаких ассигнований в свое распоряжение не получал и денег охранному отделению не давал. Мне поручено было удовлетворить суточным довольствием чинов земской стражи, стянутой на охрану, а полицмейстеру поручено было удовлетворить таким же довольствием чинов полиции, и мы из остатков от своих сметных сумм произвели эти расходы, представив счета на восстановление кредита в департамент полиции. Полицмейстер, кажется, получил израсходованные им 8000 рублей, а я еще ничего не получал. Денежных наград чинам полиции от Министерства внутренних дел отпущено не было. Единственно, что я выхлопотал, это 800 рублей на разъезды мои, исправника и полицмейстера, которым много приходилось тратить на эту часть. Награды за усиленный труд – ордена, подарки и небольшая сумма денег городовым – были отпущены от Министерства Двора. О готовящемся посягательстве на убийство кого-либо из министров я ничего не знал, если не считать отрывочных сведений, случайно полученных на ипподроме от состоявшего при Столыпине офицера Есаулова. Меня очень встревожило самоубийство в охранном отделении задержанного Муравьева, я поехал в Европейскую гостиницу к Курлову, но он был болен и не смог принять меня, а полковник Спиридович успокаивал меня, заверяя, что ничего общего с покушением на жизнь сановников этот факт не имеет. Я больше всего опасался за благополучный исход гуляния в Купеческом саду, где по местным условиям и при наличии густой толпы народа всего труднее было охранить особу Государя Императора и оградить министров и я легко вздохнул, когда тот день миновал. За театр можно было быть спокойным, так как та публика, которую предположено было допустить туда, была строго профильтрована, а самое здание и пути к нему надежно были охранены.

Театральная комиссия была организована, под моим председательством, при участии губернского предводителя дворянства, управляющего удельным округом, городского головы, председателя губернской земской управы, представителя от военного ведомства, полицмейстера, начальника охранного отделения и чиновника особых поручений Курлова. Мы точно, поименно, распределили все места, и только военному ведомству, дворянам, земцам и правым организациям были выданы билеты не поименно, а определенное число на каждую группу, причем военные получили билеты через своего представителя, дворяне и земцы через губернского предводителя, а правые организации через

Кулябку. Все эти лица должны были представить списки допускаемых ими лиц городскому голове и регистрационному бюро, без карточки которого билет считался недействительным, и все они представили свои списки, кому требовалось, и даже прислали мне, кроме Кулябки, который действовал непосредственно через регистрационное бюро, и кого он пустил на отпущенные ему 30 мест – я не знаю.

Кроме того, в наших заседаниях подполковник Кулябко заявил требование на 10 мест в партере для себя, полковника Спиридовича и Герарди, Веригина и 6 мест для охраны без указания лиц, каковые билеты и были ему выданы. Как использовал эти билеты подполковник Кулябко – мне неизвестно, знаю только, что на одном из этих мест под № 406 сидел Богров. О том, что господин этот будет допущен в сад, на ипподром и в театр, я представления не имел. Я упомянул ипподром потому, что думаю, что Богров был там. Мне секретарь общества Грязнов[79], который видал Богрова у тотализатора, неоднократно передавал, что в день Высочайшего смотра на ипподроме он заметил штатского человека, пробиравшегося в калитку, через которую должен был проходить Столыпин. Когда человек этот стал у царского шатра, Грязнов подошел к нему и сразу узнал лицо, нередко виденное им на ипподроме и которым, как он утверждает, был именно Богров. Грязнов подошел к нему и спросил, что ему тут нужно, на что господин этот ответил, что ему нужно видеть придворного фотографа. На вопрос Грязнова, как вы сюда проникли, человек этот предъявил коричневого цвета билет, выданный из бюро билетов, но так как публика с этими билетами должна была быть у отдаленных трибун, шагов за 400 от царского места, куда выдавались синие билеты литера А, то он, Грязнов, удалил этого господина, что тот, ворча, неохотно исполнил. Распределение чинов полиции, как я уже заметил, всецело было поручено полицмейстеру, но Кулябко, желая всюду играть роль, вмешивался в распоряжения полковника Скалона; то же делал и полковник Спиридович, но не письменно, а словесно, а с ним всегда заодно действовал и Кулябко. Дворцовая полиция действовала совершенно обособленно и самостоятельно, а организация народной охраны всецело была поручена Кулябке, каковые обязанности он целиком переложил на своего подручного – бердичевского полицмейстера. В народной охране принимало участие тысяч тридцать народу. До меня стали доходить слухи, что эти охранники торгуют своими билетами, продавая их сторонним лицам. Это меня взволновало и я вызвал бердичевского полицмейстера Цветковича, но он отрицал это обстоятельство, а вслед за ним приехал Кулябко и уверял, что это вздорные слухи. Доходили до меня разговоры и о том, что помещение статс-секретаря Столыпина слабо охраняется, но, как впоследствии я узнал из доклада и рапортов полицмейстера Скалона, что охрана со стороны наружной полиции была вполне достаточной, что охрана со стороны сада была возложена на охранное отделение, а внутренняя охрана дома и ближайшие к нему посты заняты были чинами личной

охраны министра. К характеристике подполковника Кулябко могу добавить, что он был зазнавшийся человек, хотя и не без известной доли опыта и знания своего дела. С полицией он обращался чрезвычайно высокомерно и даже в сношениях со мной не всегда был корректен, допуская в официальных бумагах тон, неуместный в сношениях с губернатором. Не любили его и товарищи-сослуживцы, считая его человеком поверхностным в деле и грубым в личных отношениях. Больше показать по делу ничего не имею. Протокол мне прочитан.

Киевский губернатор Гирс.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–82об. Подлинник.

Письмо генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова сенатору М.И. Трусевичу

21 сентября 1911 г.

Милостивый государь Максимилиан Иванович.

Ввиду наших переговоров имею честь сообщить Вашему Превосходительству ответ на интересующие Вас вопросы касательно постановки дела об охране во время Высочайшего посещения г. Киева в августе и сентябре месяцах текущего года.

Письмом от 3 июня с.г. за № 329 покойный министр внутренних дел статс-секретарь Столыпин уведомил меня, для зависящих с моей стороны распоряжений, о нижеследующей монаршей воле, последовавшей по всеподданнейшему докладу его от 21 мая 1911 года: возложить на товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова высшее руководство охраной в гг. Овруче, Киеве, Чернигове, Севастополе, Белгороде и в Крыму, а равно в прилегающих к ним местностях, посещение коих Государем Императором намечено осенью 1911 г. «с подчинением ему всех без исключения как командированных для поддержания порядка и безопасности, так и подведомственных Вам (т.е. генерал-губернатору) чинов, но с соблюдением ст. 9 Пол. о двор. коменд.».

Подобное сообщение министра внутренних дел не могло не вызвать у меня чувства острой боли, так как лишение меня, главного начальника края, высокой чести охранять Священную особу Его Императорского Величества во время пребывания в пределах вверенного моему управлению края могло быть объяснено лишь недоверием ко мне Государя Императора. Наличность же такового недоверия исключало, по моему мнению, возможность дальнейшего занятия мною поста генерал-губернатора, правомочия коего как представителя Царя в данной местности зиждятся на полном доверии к нему Государя.

Руководствуясь этими соображениями, я в день получения упомянутого письма просил статс-секретаря Столыпина доложить Его Величеству мое ходатайство об отчислении от должности киевского, подольского и волынского генерал-губернатора.

В ответ на это мною было получена 12 июня шифрованная телеграмма, в коей П.А. Столыпин пояснял, что приведенное Высочайшее повеление имело целью объединение мер по охранению личной безопасности Его Величества, необходимое вследствие командирования в Киев многих чинов охраны и полиции других городов, что охрана из Петербурга временно ввиду Высочайшего проезда переносится на места и что никакого вмешательства в область генерал-губернаторского управления генерал-лейтенанту Курлову не предоставлено. Заявляя вместе с тем, что такие же полномочия были предоставлены товарищу министра и вчерашний приезд Государя в гор. Киев, статс-секретарь Столыпин просил не объяснять настоящей монаршей воли Высочайшим ко мне недоверием и разрешить ему впредь до выяснения недоразумения мое ходатайство об отчислении от должности генерал-губернатора оставить без движения.

Телеграммой того же 12 июня я уведомил покойного министра внутренних дел, что, питая глубокое к нему уважение, я, однако, не могу примириться с мыслью, чтобы чины вверенного мне края находились в подчинении генерала Курлова. Отмечая далее, что при Высочайшем посещении г. Киева в 1909 году подобных распоряжений не было и что, между тем, все прошло благополучно, я сообщил П.А. Столыпину о посылке мною министру Императорского Двора ходатайства о докладе Его Величеству касательно увольнения моего от должности генерал-губернатора.

Засим мною были получены сперва частное письмо П.А. Столыпина с просьбой не утруждать его непосильным докладом Его Императорскому Величеству о каких-то разномыслиях, возникших среди главных начальников по вопросу об охране Государя, а затем и официальное письмо, разъясняющее, что лишь силы охраны подчиняются генерал-лейтенанту Курлову, прочие же должностные лица остаются в полном моем подчинении. Приведенные письма в связи с заявлением прибывшего в г. Киев товарища министра П.Г. Курлова о невозможности ему приступить к организации дела Высочайшей охраны и даже необходимости подать прошение об отставке в случае наличия у меня уверенности, что командировка его является актом недоверия ко мне Государя Императора, побудили меня, во избежание потери времени, отложить сведение моих личных счетов до Высочайшего отбытия из гор. Киева и заявить генерал-лейтенанту Курлову, что я признаю возможным инцидент в настоящее время считать исчерпанным и оказывать ему всякое содействие в деле охраны в гг. Киеве и Овруче при первой же его о том просьбе (одновременно о сем мною было сообщено министру Двора).

В целях возможно безотлагательного начала работы по охране, ввиду крайней ее сложности и серьезности, я созвал 13 и 14 июня два совещания с участием генерал-лейтенанта Курлова, полковника Спиридовича, и. о. вице-директора полиции ст[атского] сов[етника] Веригина, подполковника Кулябко и представителей высшей местной губернской власти. В первом из указанных совещаний обсуждался лишь только что полученная в то время Высочайше одобренная программа посещения гг. Киева и Овруча, а во втором товарищ министра П.Г. Курлов ознакомил присутствовавших с общими основными положениями мероприятий, выработанных практикой и установленных специальными инструкциями для охраны Государя по пути следования Его Величества и в местах остановок. Разработка же подробностей сих положений, по заявлению генерал-лейтенанта Курлова, должна была составить предмет его ближайших занятий. Этими двумя заседаниями ограничилась объединенная деятельность моя с товарищем министра П.Г. Курловым в деле охраны и дальнейшая организация таковой в Киеве протекала вне всякого моего участия, под непосредственным руководством генерал-лейтенанта Курлова, при ближайшем сотрудничестве полковника Спиридовича и подполковника Кулябко. К сему считаю нелишним добавить, что какие бы ни поступали ко мне ходатайства, связанные с Высочайшим приездом, имеющие хотя бы самое отдаленное соприкасательство с охраной Государя Императора – все направлялись мною непосредственно на распоряжения генерал-лейтенанта Курлова. Не говоря уже об обязательных постановлениях, издаваемых мною исключительно по предварительном соглашении с товарищем министра П.Г. Курловым или по его просьбе, все выпущенные мною извещения жителям города о предстоящем приезде Государя, о запрещении подавать прошения, бросать цветы, кидаться под экипажи и т.п. направлялись мною до печатания во всеобщее сведение на одобрение товарища министра.

Таким образом, организации охраны как Его Величества, так и статс-секретаря Столыпина для меня оставались тайной; что касается охраны покойного министра в генерал-губернаторском доме, то могу заявить, что в швейцарской, в коридорах, в саду и на улице возле дома днем и ночью находились агенты охранного отделения, установленные по распоряжению подполковника Кулябко.

На улицах к охране, по примеру Высочайших приездов прежних лет, были привлечены правые организации, но какие именно, в каком количестве и какие средства на этот предмет были израсходованы, мне совершенно неизвестно и полагаю, что по настоящему предмету должен быть хорошо осведомлен подполковник Кулябко, через коего непосредственно шли распоряжения по сему делу. Что касается меня, то мне не было отпущено никаких средств по случаю августовских торжеств, кроме 8000 руб. на приобретение казенного автомобиля, совершенно необходимого при частных разъездах по краю; отпущенной суммы, однако, не хватило и мне пришлось добавить около 1000 руб.

из экстраординарного кредита. К сему считаю необходимым присовокупить, что ходатайство о приобретении мне казенного автомобиля мною было возбуждено ввиду предполагаемых постоянных разъездов в связи с проведением в жизнь земской реформы по закону 14 марта 1911 года и статс-секретарь Столыпин признал таковое заслуживающим уважения, тем более, что у командующего войсками казенный автомобиль имеется.

С момента приезда в г. Киев П.А. Столыпин был поставлен в известность об угрожающей опасности, причем 1-го сентября, ввиду сделанного мне в 6 час. утра доклада по телефону начальником охранного отделения о готовящемся террористическом акте, я предупреждал статс-секретаря Столыпина письмом (не лично, так как рано утром выехал на маневры с Государем Императором), прося его не выходить в этот день. Подобного рода доклад был сделан покойному министру генерал-лейтенантом Курловым (кажется, около 12 час. дня) и, по моему мнению, хотя не уверен, подполковником Кулябко. Лично я просил П.А. Столыпина не ехать в театр, на что он ответил мне категорическим отказом, находя свое присутствие в театре необходимым при таком торжестве. Насколько осведомлен был покойный министр о нахождении в театре в качестве охраны члена революционного кружка, состоящего на службе в местном охранном отделении, мне неизвестно, но полагаю, что этого он не знал.

По вопросу о том, было ли доложено Государю об опасности, угрожающей Его Величеству, я совершенно не осведомлен, но думаю, что раз генерал-лейтенант Курлов, как то мне заявил в разговоре дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, получает непосредственно от сего последнего указания и распоряжения в деле охраны Государя Императора, то, несомненно, товарищ министра Курлов должен был доложить дворцовому коменданту об ожидаемом террористическом акте.

В момент покушения на П.А. Столыпина Государя в ложе не было, во время же действия Его Величество сидел на переднем плане ложи с правой стороны, т.е. близко к первому ряду кресел, так что при желании злоумышленник, пробравшись незамеченным во время действия к передним рядам, мог произвести выстрел в царскую ложу на весьма близком расстоянии. Государь входил в ложу почти одновременно с поднятием занавесы и покидал ее вскоре после спуска таковой. Высочайших посещений городского театра после 1-го сентября по программе не предполагалось.

Касательно появившейся в прессе заметки, что статс-секретарю Столыпину было отказано в предоставлении особого автомобиля, заявить ничего не могу, так как по сему предмету никаких бесед с покойным министром не имел. Могу лишь сказать, что до приезда Государя я лично на своих лошадях и автомобиле всюду сопровождал П.А. Столыпина, так, например, 28-го августа мы совместно с ним были в Софийском Соборе на панихиде по Александре II и Александре III; в

Киево-Печерской Лавре, в музее имени наследника Цесаревича; с момента же приезда Государя я лишен был возможности отдать в распоряжение П.А. Столыпина моих лошадей и с того времени он пользовался экипажами, предоставленными киевским городским головой и полицмейстером.

Примите уверение в искренней преданности Ф. Трепов.

ГА РФ. Ф. 2–7. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–35. Подлинник.

Письмо генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова сенатору М.И. Трусевичу

21 сентября 1911 г.

Милостивый государь Максимилиан Иванович.

Вследствие письма Вашего спешу уведомить, что я вполне подтверждаю сказанное мною 19 сего сентября при личных с Вами переговорах, что написанное мною 1-го сентября письмо П.А. Столыпину я проездом на маневры передал в незапечатанном виде подполковнику Кулябко с тем, чтобы он, вложив в таковое доклад его тайного агента касательно предположенных террористических актов, представил министру внутренних дел. Однако, подполковник Кулябко, по имеющимся у меня сведениям, представив Петру Аркадьевичу мое письмо, не приложил к нему означенного заявления.

Примите уверение в совершенном почтении и уважении Ф. Трепов.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л 87–87об. Подлинник.

Протокол допроса адъютанта Киевского генерал-губернатора И.Д. Григорьева

21 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 21 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Григорьев, Иван Давидович, 35 лет, григорианского вероисповедания, штабс-ротмистр, адъютант киевского генерал-губернатора, проживаю в доме генерал-губернатора.

Недели за 2–3 до приезда статс-секретаря П.А. Столыпина комиссия под председательством полковника отдельного корпуса жандармов произвела осмотр всего дома генерал-губернатора, причем все чердаки и подвалы были заперты на ключи и последние были переданы экзекутору.

П.А. Столыпин поместился в 3-х отдельных комнатах, расположенных в первом этаже, выходящих окнами в сад и сообщающихся непосредственно с вестибюлем.

Я, адъютант генерал-губернатора, живу в самом дворце и потому имел возможность наблюдать за теми мерами охраны, которые были приняты.

В вестибюле возле дверей, ведущих в комнаты статс-секретаря Столыпина, постоянно дежурили 2 жандармских унтер-офицера и еще 2 или 3 агента в штатском платье.

Кроме того, в вестибюле постоянно находились швейцар и курьер генерал-губернатора.

Возвращаясь домой ночью, я каждый раз видел возле дверей в комнаты П.А. Столыпина жандармов, агентов и курьеров.

Кроме того, во всех коридорах, ведущих в вестибюль, находились круглые сутки агенты в штатском платье, для которых там поставлены были возле каждого поворота стулья.

На внутренних лестницах в доме тоже стояли агенты.

Снаружи, возле подъезда и на улице, в разных местах круглые сутки дежурили нижние и классные чины полиции, а также агенты в штатском платье.

На улицах, прилегающих к дворцу и саду генерал-губернатора, тоже были расставлены агенты в штатском платье.

В саду тоже была поставлена охрана, что я слышал от прислуги, но сам этого не видал, потому что туда не заходил.

Припоминаю, что когда вся комиссия, осматривавшая дворец, собралась, то жандармский полковник сказал, что должен приехать подполковник Кулябко и все откладывал осмотр и 2 раза звонил по телефону к Кулябке, а потом сказал, что не может его найти и приступил к осмотру. Кулябко, насколько помню, так и не приехал.

Штабс-ротмистр, адъютант киевского, подольского и волынского генерал-губернатора И. Григорьев.

Товарищ прокурора Бусло.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д 6. Л 40–41. Подлинник.

Протокол допроса швейцара генерал-губернаторского дома Е.А. Выдыхана

21 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 21 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Выдыхан, Евдокий Андреевич, 58 лет, православный, крестьянин, живу в доме генерал-губернатора.

Я служу швейцаром во дворце генерал-губернатора.

Помещение статс-секретаря Столыпина состояло из 3 комнат, выходивших окнами в сад, и сообщалось дверью с вестибюлем, где посменно день и ночь дежурили 2 жандармских унтер-офицера и агент охранного отделения.

Здесь же в вестибюле днем и вечером дежурили 2 околоточных надзирателя, которые уходили, когда г[осподин] министр ложился спать.

Кроме этой специальной охраны в вестибюле постоянно находились также, пока г[осподин] министр не ложился спать, 2 курьера и я.

В вестибюль выходит коридор, соединяющий его с другим подъездом, выходящим на Левашовскую улицу. Этот коридор темный, без окон, освещается только электрическими лампочками.

В этом коридоре также день и ночь посменно дежурили агенты охранного отделения в количестве 3-х человек и, кроме того, 1 агент стоял в передней подъезда.

Этот подъезд был наглухо заперт, и никто через него не ходил.

Кроме парадной лестницы из вестибюля, во дворце есть еще две внутренние лестницы – одна в буфетную из подъезда на Левашовскую улицу и другая в церковь из одной из комнат помещения статс-секретаря Столыпина.

Первая лестница охранялась агентом, а вторая ординарцем министра.

Кухня находится в особой пристройке и соединяется с домом светлым коридором, где также дежурил агент охраны.

Вход в погреб выходит в сад, и около этих дверей стоял также агент.

Во двор ведут 2 ворот – на Левашовскую и Институтскую улицы. Около этих ворот, внутри двора, а также около кухни стояло по одному агенту.

Были ли агенты в саду, не знаю.

До 1-го сентября все было спокойно, 1-го же сентября или накануне, хорошенько не помню, вдруг было увеличено число агентов и постов и, кроме того, с утра явился жандармский офицер, который весь день, до самого отъезда министра в театр, неотлучно находился в вестибюле.

Утром в этот день приехал Кулябко и в вестибюле, обращаясь к нам всем, т.е. ко мне, жандармам, агентам и курьерам, сказал: «Смотрите в оба, никого не пропускайте».

Ввиду этого я всех приезжавших к генерал-губернатору и министру направлял к жандармскому офицеру.

Около главного подъезда и ворот на Институтской улицы, а также около ворот на Левашовскую улицу стояли чины наружной полиции – около главного подъезда 2 городовых и 1 околоточный надзиратель и около ворот по 1 городовому.

Было ли 1 сентября увеличено число городовых, не помню.

Такого случая, чтобы двери, ведущие в помещение статс-секретаря Столыпина, оставались бы без охраны и, в частности, в первый день приезда министра, – не было и думаю, что если бы такой случай был, я бы его запомнил.

За все время пребывания министра в доме генерал-губернатора Кулябко приезжал раза 2 – бегло обходил посты агентов и сейчас же уезжал.

Всеми агентами заведовал старший агент, который осматривал посты.

Он или сидел в адъютантской комнате, нли осматривал посты.

Уходил ли он ночевать домой, я не знаю, но я видел его обходящим пост и ночью.

Отлучался ли он для обеда, я не знаю, но во дворце агенты не довольствовались.

Выдыхан.

Товарищ прокурора Бусло

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 41об.–43об. Подлинник.

Протокол допроса курьера генерал-губернаторского дома В.Н. Исаченко

21 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 21 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Исаченко, Василий Николаевич, 37 лет, православный, крестьянин, живу в доме генерал-губернатора.

Я служу курьером в доме генерал-губернатора.

Вестибюль, куда выходила дверь из помещения, занимаемого статс-секретарем Столыпиным, кроме швейцара и 7 курьеров, постоянно посменно дежурили 2 жандармских унтер-офицера, 2 околоточных надзирателя и 1 агент охранного отделения.

Агенты дежурили круглые сутки посменно, жандармы же и околоточные надзиратели уходили, когда министр ложился спать, но в ночь на 1 сентября жандармы дежурили целую ночь, 1-го же сентября, кроме них, в передней был и ординарец министра, который до этого дня был без оружия, а 1-го сентября он надел шашку и револьвер.

Агенты внутри дома находились круглые сутки посменно: в коридоре, ведущем из вестибюля к подъезду по Левашовской улице – 3 человека и 1 в передней подъезда, на лестнице, ведущей в буфетную, один и в коридоре, ведущем из кухни в дом.

Кроме того, агенты стояли: 1 около кухни, 1 около ворот на Левашовскую улицу, 1 около ворот по Институтскую улицу; 1 на дворике око-

ло конюшен, 1 около входа в погреб и, кроме того, 1 или 2 ходили по саду мимо окон министра.

Агенты все находились в ведении старшего агента, который ходил поверять посты. Ночью я уходил спать и потому не знаю, где был этот старший.

Кажется, 1-го сентября был еще в вестибюле жандармский офицер.

1-го сентября было отдано распоряжение, но кем [–] не помню, чтобы никого неизвестного нам, или швейцару, в вестибюль не пропускать, так что мы из предосторожности даже почтальона не пропускали и тогда же было увеличено число агентов, но на сколько человек [–] не помню.

Кулябку в этот день я видел только часов в 7 вечера, но для чего он приезжал, я не знаю.

Кроме этого, раз я видел Кулябку еще в день смотра потешных. Он заезжал на автомобиле.

Осматривал ли Кулябко посты – не знаю.

Снаружи стояли: около главного подъезда два городовых и один околоточный надзиратель и около углов Институтской и Садовой и Левашовской по 1 городовому и, кроме того, по Институтской улице вдоль фасада дома, от угла Левашовской до угла Садовой, прохаживался 1 агент охранного отделения; жандармской подполковник производил осмотр дворца вместе с комиссией перед приездом министра и потом несколько раз заходил во время пребывания министра и осматривал посты агентов.

Припоминаю, что раз он ожидал Кулябку и высказывал удивление, что он не приезжает, хотя они условились с ним встретиться по важному делу.

Василий Исаченко.

Товарищ прокурор Бусло.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 6. Л. 43об.–45. Подлинник

Протокол допроса курьера генерал-губернаторского дома А.Г. Коцлова

21 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 21 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Коцлов, Александр Григорьевич, 24 лет, православный, осетин, крестьянин, живу в доме генерал-губернатора, где служу курьером.

В передней дома генерал-губернатора, куда выходили двери помещения, занимаемого статс-секретарем Столыпиным, дежурили, кроме

швейцара и курьеров, 1 агент охранного отделения, 2 околоточных надзирателя и 2 жандарма.

Надзиратели и жандармы уходили, когда министр ложился спать, агенты же посменно дежурили круглые сутки, но в ночь на 1 сентября и жандармы тоже дежурили всю ночь.

Агенты стояли еще: 3 в коридоре из вестибюля в подъезде на Левашовскую улицу, 1 в самом подъезде, 1 на лестнице в буфетную, 1 в коридоре из кухни в дом, 1 около кухни, по 1 около обоих ворот, 1 возле конюшни, 1 около дверей в погреб.

Были ли еще посты, не знаю. Старший находился во дворце круглые сутки и обходил посты, он ложился отдохнуть на диване адъютантской комнаты.

Кулябку я видел только 1 раз 1 сентября, но часто заходил поверять посты подполковник Латухин[80], который осматривал дворец с целой комиссией перед приездом министра.

1 сентября в вестибюле еще дежурил до самого отъезда министра в театр еще жандармский офицер, которого до этого дня не было.

Число агентов 1 сентября было увеличено, но как они были распределены по постам, теперь не помню.

Александр Коцлов.

Товарищ прокурора Бусло.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–46. Подлинник.

Выписка из показания киевского полицмейстера А.А. Скалона

23 сентября 1911 г.

Что Богров задержан после покушения публикою, а не чинами отдельного корпуса жандармов или чинами полиции, объясняю тем, что для чинов отдельного корпуса жандармов и чинов полиции в партере не было отведено места и не было приказания о том, чтобы в зрительном зале находились таковые. В театр никто из неизвестных лиц не мог пройти, так, по крайней мере, казалось; билеты выдавались с большим разбором и после проверки каждого лица в охранном отделении, за каждую корпорацию отвечало высшее лицо этой корпорации: за дворян – предводитель дворянства, за земских деятелей – председатель губернской земской управы, за гласных – городской голова и так далее. Словом все лица были хорошо известны, и, казалось, всесторонне проверены. Контроль вели чины отдельного корпуса жандармов при помощи чинов полиции. Театр был обследован и охранялся чинами охранного отделения и дворцовой охраны. Так как мне всегда твердили и полковник Спиридович и подполковник Кулябко, что мне

надлежит наблюдать за порядком на улице, то я и принимал все меры к поддержанию порядка на путях проездов. В Купеческом саду во время посещения Его Императорским Величеством 31 августа от полиции были командированы классные чины, об этом все начальствующие лица знали, а в партере театра ни разу никто не говорил, что нужно присутствие классных чинов.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 111. Заверенная копия.

Протокол допроса подполковника С.В. Шереметева

23 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 23 дня в г. Киеве я, товарищ прокурора Рижского окружного суда В.В. Волков[81], командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, по поручению последнего, опрашивал нижепоименованного, и он показал.

Сергей Владимирович Шереметев, подполковник, числящийся по гвардейской пехоте, 31 года, православный, судим не был, живу в г. Киеве по Екатериненской ул., д. № 11.

С мая 1911 года я состою при министре внутренних дел и командирован в распоряжение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Во время пребывания покойного министра внутренних дел П.А. Столыпина в г. Киеве я спецнально при его особе не состоял и продолжал быть в распоряжении генерал-губернатора Трепова, хотя, по приказанию последнего, сопровождал покойного министра в его поездках на торжества. Жил я во время торжеств на своей частной квартире, но все свободное от служебных занятий время проводил в доме генерала Трепова. Как была организована охрана П.А. Столыпина в доме генерала Трепова – об этом я знаю лишь в общих чертах. Я знаю, что с наружной стороны генерал-губернаторского дома у парадного входа дежурили четыре офицера, два филера находились в проходе, ведущем с черного хода на парадный ход, два офицера дежурили в проходе с черного хода в буфетную комнату и один филерский пост находился на садовой веранде. Кроме того, я неоднократно видел в буфетной комнате неизвестных мне лиц, относительно которых мне докладывали слуги, что это чины охранного отделения. Были ли какие-либо другие филерские посты – мне неизвестно. В передней дежурили два жандармских унтер-офицера и два околоточных надзирателя. Доступ посторонних лиц в генерал-губернаторский дом был весьма затруднителен. Как, например, могу сослаться на тот факт, что во время проживания Столыпина в доме генерал-губернатора ту-

да не был допущен мой денщик, которого все люди генерал-губернаторские хорошо знали. Почему из Петербурга не прибыли состоявшие при Столыпине офицеры Дексбах и Пиранг[82] – я не знаю, свои поездки по городу Столыпин совершал в экипаже и лишь в последний день, 1 сентября, пользовался автомобилем. Кому этот автомобиль принадлежал, не знаю. Почему Столыпин ездил в экипаже, а не на автомобиле, я в точности не знаю, но думаю, что Столыпин в экипаже ездил по той простой причине, что в экипаже совершал свои поездки Государь Император. Филерские посты у входа в генерал-губернаторский дом и в проходах я видел лично сам. Филерский пост на веранде я также видел сам и притом несколько раз. Протокол мне прочитан.

Подполковник Сергей Шереметев.

Товарищ прокурора Рижского окружного суда Волков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 180–181. Подлинник.

Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко

23 сентября 1911 г.

23 сентября 1911 года в Киеве подполковник отдельного корпуса жандармов Николай Николаевич Кулябко на поставленные ему сенатором, тайным советником Трусевичем, вопросы дал нижеследующие ответы, изложенные им собственноручно.

Я, подполковник Николай Николаевич Кулябко, состою на службе в Киевском охранном отделении с конца 1903 года, начальником отделения был назначен в октябре месяце 1906 г. Политическим розыском занимаюсь с 1903 года.

Со второй половины 1909 года из департамента полиции стали поступать в отделение указания на недочеты в работе отделения, неосведомленность, на неисполнение требований инструкций, медленность в доставлении сведений; по поводу этого мною давались объяснения департаменту полиции письменно, – частью же делались личные доклады директору департамента полиции г[осподину] Зуеву[83]. На некоторые указания департамента я не отвечал, но на какие именно и почему – сказать сейчас не могу, т.к. не помню. Из этих запросов департамента полиции у меня складывалось убеждение, что департамент полиции почему-то ко мне придирается; но после личных переговоров с директором департамента и с заведующим особым отделом – эти сомнения рассеялись, причем часть нареканий департамента полиции я признавал основательными, – относительно некоторых вопросов я не соглашался с полковником Ереминым[84].

В декабре 1910 года я, по докладу директора департамента полиции, вызывался в Петербург, где, под председательством генерал-

лейтенанта Курлова, происходили совещания. Результатом этих совещаний было успокоение меня директором департамента полиции, сказавшим мне, что он подозревал меня в небрежности по отношению его и нежелании подчиняться его распоряжениям, но теперь он убедился в противном, почему я могу ехать спокойно и продолжать свою работу и что этот инцидент он считает исчерпанным. На поставленный мне вопрос о том, не было ли мне в этом совещании чинами особого отдела, в присутствии товарища министра, доказана на основании документальных данных неудовлетворительность моей деятельности по ведению розыска и не было ли указано мне на это генералом Курловым – отвечаю: действительно, мне на этом совещании давались указания на неудовлетворительность постановки розыска, но не в общих чертах, а лишь по отдельным случаям. Товарищ министра, в результате, рекомендовал мне принять все эти указания к сведению. Результатом этих указаний было усиление деятельности отделения, в смысле агентурного освещения, ликвидации тех организаций, на существование которых имелись указания, и более интенсивная деятельность канцелярий. После этого от департамента полиции поступали указания на мою неосведомленность, в особенности, по социал-демократической организации. По поводу этого указания мною представлено объяснение департаменту полиции.

Мне поручались организации охраны во время Высочайших проездов в Киеве в июне 1909 года и в Риге в июне 1910 года, а также во время последнего пребывания Его Величества в г. Киеве в августе и сентябре 1911 года. Во время командировки в Ригу на меня, как начальника охранного отделения, кроме общих розыскных функций, была возложена организация справочного бюро и народной охраны. Например, постоянно заведующий розыском в Риге, подполковник Флоринский[85], – был на это время мне подчинен. Каких-либо серьезных агентурных сведений, касающихся вопросов охраны, – за это время не поступало. Эта командировка в Ригу была по назначению генерала Курлова, и я объяснял это моим знакомством с постановкой охраны в Полтаве и Киеве в 1909 г. В Киеве Государь Император пробыл три часа. За работу мою во время полтавских торжеств я получил, по ходатайству генерал-губернатора генерала Трепова, – серебряный портсигар с государственным гербом; кроме того, я был произведен из подпоручиков запаса в ротмистры и переведен в корпус жандармов, а после командировки в Ригу, в июне 1910 года, я был произведен в подполковники. Денежных наград за те же командировки я не получал.

Сведения во время работы в Риге и Киеве с заграничной агентурой (через департамент полиции) и с агентурой Петербургского охранного отделения определялись распоряжением генерала Курлова, чтобы сведения, касающиеся охраны, доставлялись ему, дворцовому коменданту и мне, а также департаменту полиции. Серьезных сведений от Петербургского охранного отделения не поступало за обе командировки, а из департамента полиции были получены в Риге о нахож-

дении Бориса Савинкова[86] на взморье, – каковые сведения ничем не подтвердились, а в Киеве в минувшем августе об организованном покушении на жизнь министра Столыпина, как оказалось потом, основанные на анонимном доносе. По поводу сообщения о пребывании Савинкова на взморье было установлено наружное наблюдение в данной местности и на вокзалах Риги, с участием филеров, знавших в лицо Савинкова, находившиеся уже в командировке из разных городов.

Никакого категорического распоряжения о подчинении меня статскому советнику Веригину, во время командировки в г. Ригу, а также в Киев – не было. Из обстановки, в какой находился г[осподин] Веригин по отношению генерала Курлова и меня, – я понял, что он является представителем департамента полиции, причем все мои доклады генералу Курлову происходили в присутствии Веригина. Веригин давал мне несколько раз понять, что у него имеется агентура от собственных сотрудников, но никаких реальных сведений он мне не давал. Советы и указания г[осподина] Веригина никакого практического применения не имели. Функции г[осподина] Веригина я ясно себе не представлял.

Мое соотношение к дворцовой охране не определялось какими-либо инструкциями или словесными распоряжениями, и я не был обязан доводить до сведения полковника Спиридовича о поступавших ко мне сведениях и моих распоряжениях. Если или принимать какие-либо меры по соглашению с полковником Спиридовичем, кроме обсуждения вопроса о лицах, подлежащих арестам, на основании данных инструкции, а не партийной деятельности организаций*. Если же я и осведомлял полковника Спиридовича о моих делах в более широких размерах, то это было основано на моих личных отношениях. Никаких агентурных сведений или результатов филерского наблюдения я от полковника Спиридовича не получал.

Первые приготовления, по случаю предстоявшего посещения Его Величеством Киева в 1911 г., начались, по собственной моей инициативе, в феврале месяце, по получении о том сведений от генерал-губернатора. Подготовительные меры эти заключались в следующем: 1) в проверке, по распоряжению департамента полиции, документов иностранных подданных, каковая работа продолжалась до открытия деятельности регистрационного бюро, т.е. до 1-го июня 1911, когда это дело было передано в бюро подполковника Дукельского[87], 2) в приведении в наличность администрации домов, гостиниц, меблированных комнат и выяснении их благонадежности (домовладельцев, содержателей гостиниц, дворников, швейцаров) по всему городу, причем была приобретена вспомогательная агентура в некоторых местах. Для оной работы мне были даны губернатором 8 надзирателей, которые были переданы подполковнику Дукельскому, вместе с вспомогательной агентурой.

---

* Так в тексте.

В начале июня в Киев прибыл генерал Курлов, и в Киеве происходил ряд совещаний представителей местной администрации и моем, причем общая организация выразилась в следующем: 1) Регистрационное бюро – под начальством подполковника Дукельского, на обязанности коего лежало: а) проверка самоличности всех постоянных обывателей в домах по улицам, по которым должен был следовать Государь Император, а также всех вновь прибывавших в эти дома, б) исследование, при помощи смешанных комиссий, тех же домов для предупреждения опасности, вроде подкопов и т.д., в) такое же исследование мест посещений Государем Императором и расстановка наряда охранной команды полковника Спиридовича и г[оспод] жандармских офицеров.

2) Бюро по выдаче билетов на торжества – под начальством Александра Аркадьевича Курлова, на обязанности коего было наводить справки о лицах, коим предназначено было выдать билеты, причем справки эти наводились в охранном отделении и губернском жандармском управлении. Исключение было предоставлено губернатору, удостоверявшему благонадежность лиц, помещенных им в списки.

3) Организация народной охраны, находившейся в моем ведении, из членов правых организаций, причем мне в помощь были командированы бердичевский полицмейстер Цветкович и пом[ощник] пристава Масляников.

Каких-либо инструкций по соотношению охранного отделения и регистрационного бюро – не было, но у меня с подполковником Дукельским было соглашение не производить каких-либо действий в тех местах, где могли быть какие-либо препятствия для розыска, причем мною предполагалось давать подполковнику Дукельскому сведения о тех домах, где появление его чинов, по агентурным и по другим соображениям, было бы нежелательно, причем до проверки бюро мною таких указаний ему не делалось. Был случай, когда после такой проверки квартиры моего сотрудника, я просил его оставить это лицо без дальнейшей проверки. Моему сотруднику, проживавшему на предположенном пути проезда, я не предлагал выехать с квартиры. Я не могу вспомнить, бывали ли случаи проверки бюро тех квартир, в коих проживали лица, состоявшие под наблюдением в розыскных целях.

Подполковник Кулябко.

[Продолжение]

Списки тех лиц, которые приглашались в вышеупомянутые смешанные комиссии, проверялись по отделению, причем я дал указание подполковнику Дукельскому на неблагонадежность одного из членов комиссии, которым, как мне впоследствии говорил губернатор, – этот служащий был устранен. Относится ли это к инженеру Денисову – я без рассмотрения дела, – сказать затрудняюсь. Чем был вызван обыск у Денисова, я припомнить не могу. Я не знаю, участвовал ли этот Денисов в предварительном осмотре театра, в составе комиссии.

Генерал Курлов прибыл окончательно в Киев 13-го августа, и с этого момента началось приведение в исполнение намеченных мер охраны,

кроме ранее производившихся проверок. На меня были возложены обязанности руководить народной охраной во всех местах, куда она выставлялась, причем я должен был находиться при ней во все время пребывания ее на путях Высочайшего следования. Таким образом, я был при народной охране всегда, часа за два до выезда Его Величества из дворца и оставался при ней до того, пока не снимались все полицейские наряды, по окончании проезда. Эта обязанность занимала у меня значительную часть дня. Руководительство народной охраной было возложено на меня генералом Курловым ввиду того, что, как и в предшествующем приезде Его Величества в Киев, члены правых организаций относились ко мне с доверием и слушались меня. Мне не было даваемо приказаний бывать в местах, посещаемых Его Величеством, и если я это делал, – то делал это по собственной охоте.

Ни в течение первого пребывания генерала Курлова, ни в бытность его в Киеве с 13 августа – никто не производил ознакомления с постановкой наличной агентуры в охранном отделении и отчета по этому поводу от меня никто не требовал.

Я помню, что от департамента было распоряжение об усилении внутренней агентуры в организациях, прибегающих к террору, но было ли это распоряжение сделано именно ввиду предстоявшего приезда Его Величества в Киев, – я не помню. Никто фактически проверки этого не производил и меня об этом не спрашивал. За отсутствием у меня указаний на существование подобных организаций в Киеве – я усилить агентуру не мог. Никто, в частности, г[осподин] Веригин, не был в охранном отделении. Только полковник Спиридович, как я упоминал выше, просмотрел списки лиц, проживавших по линии Высочайшего проезда, но внутренней работы отделения не касался.

В мое распоряжение было командировано из разных мест Империи 214 филеров, из которых с 15 августа я передал в распоряжение полковника Спиридовича семьдесят пять, а остальные несли службу предупредительного характера частью в Киеве, частью разосланы на пограничные пункты, дачные местности и т.д., на случай опознания известных им революционеров и проследки за ними. Что же касается до разработки дел Киевского охранного отделения, то я признавал достаточным для этой цели прежний состав филеров, в количестве 38 человек, но при надобности я имел право пользоваться для этой цели и иногородними филерами.

Никаких дополнительных ассигнований на нужды отделения, по нормальным его функциям, – мне не отпускалось и я об этом не просил. Что же касается иногородних филеров, то они удовлетворялись через меня суточными. На удовлетворение командированных филеров, охранной команды полковника Спиридовича и унтер-офицеров – мною было получено сорок тысяч, из которых 15 я получил переводом из департамента, 10 тысяч – чеком от чиновника Сенько-Поповского[88], 10 тыс. переведенных из Петербурга от товарища министра Курлова сперва на его имя, а затем переданных мне Сенько-Поповским, и еще 5 – переводом от департамента.

Отчетность по израсходованию этих сумм еще мною не закончена и находится в охранном отделении. Кроме этих сорока тысяч, я ни от кого ничего не получал. Оправдательных документов по вышеуказанным мною расходам не должно быть в делах канцелярии генерала Курлова и у полковника Спиридовича. Никаких документов, относящихся к расходам по этой канцелярии и у полковника Спиридовича – у меня не имеется.

По моей просьбе, обращенной к генералу Курлову, состав Киевского охранного отделения был усилен четырьмя офицерами, из которых ротмистр Муев[89] прибыл в конце июля, а ротмистры Ершов, Барабашев[90] и Каминский[91] – к 1 августа, причем на этих четырех офицеров было возложено наведение справок по делам отделения и сообщение о таковых по запросам регистрационного бюро, бюро по выдаче билетов и других учреждений. К текущим делам отделения они никакого отношения не имели, напротив того, штатные чины отделения постоянно отвлекались необходимостью помогать этим четырем офицерам. Это обстоятельство вызывало переобременение штатных чинов отделения. Еще до открытия действия регистрационного бюро в отделении накоплялись неисполненные переписки. Об этом я докладывал генералу Курлову в первые дни приезда, но он мне отвечал: «Что же делать, приходится всем работать, все, что можно было, уже стянуто, и я не знаю, как дотянуть до конца, так как на эту поездку отпущено очень мало средств».

По положению дел отделения 2–3 офицера, знающих работу отделения, будучи прикомандированы к моему отделению, могли бы восстановить нормальную его деятельность.

С конца апреля в личном составе отделения произошли следующие изменения: в конце апреля был откомандирован офицер для поручений ротмистр Нагродский[92], который до сего времени так и не замещен. В июне месяце переведен из отделения мой помощник по городу подполковник Белевцов, которого заменил в середине июля ротмистр Вахнин. Состоящий уже около двух лет при отделении ротмистр Макаров[93] с февраля месяца ведал упомянутой выше регистрацией в отделении. С образованием особого регистрационного бюро ротмистр Макаров руководил справочной частью в отделении для бюро и других учреждений, состоял одновременно в распоряжении полковника Спиридовича по секретной наружной охране и председателем смешанной комиссии, ведавшей городской театр. С конца июня к отделению был прикомандирован штабс-ротмистр Богданович[94], для ознакомления с делом розыска и потому не несший никаких серьезных обязанностей. Старший мой помощник по району и заместитель ротмистр Самохвалов находился все время налицо. Со времени прибытия Его Величества в Киев, 29 августа, я назначал ротмистров Самохвалова и Вахнина в районы народной охраны, но их в работе по отделению никем не заменял. Более никаких ответственных чинов в отделении не было. Я оставлял отделение без офицеров, потому что считал в данный

момент более важным присутствие офицеров при народной охране, т.к. в отделении никакой срочной разработки в это время не было. Если бы в отделении получились какие-либо срочные сведения, то для неотложных распоряжений можно было найти меня или моих помощников на линии проезда, но в таком бы случае часть народной охраны осталась бы без руководителя. Насколько я помню, о возложении на моих помощников функций по народной охране я по начальству не докладывал.

Для приема срочных заявлений или докладов во время отлучек из отделения мною был установлен следующий порядок: уезжая из отделения, я оставлял свой адрес или телефон у дежурного или приказывал обращаться к одному из моих помощников. Во время моего нахождения в народной охране должны были из отделения посылать или найти меня на линии или же звонить по телефону № 38 в Европейскую гостиницу, комнату полковника Спиридовича, где у телефона был всегда дежурный, который и мог меня разыскать. В ночное время в отделении находится дежурный писец, который принимает заявления и, если таковые не явно нелепые, то предлагает заявителю изложить просьбу письменно и затем, судя по срочности дела, или оставляет это заявление до утра или сообщает мне по внутреннему телефону о поступлении такого заявления.

Подполковник Кулябко.

[Продолжение]

Относительно докладов генералу Курлову я не имел от него каких-либо специальных приказаний докладывать ему все без исключения, что я узнавал и предполагал делать, но я имел доступ к генералу Курлову во всякое время (кроме нескольких дней его болезни) и держал всегда в курсе моих дел. Этот порядок я соблюл и по поводу заявления Богрова. После первого заявления Богрова, которое в собственноручном его изложении, карандашом на 2-х листах, – при сем представляю, заявление это было обсуждаемо в его присутствии, при участии статского советника Веригина и полковника Спиридовича, причем было установлено, что Богров не должен принимать участия в деятельности террористов, но для сохранения связи с ними он должен был принять на себя роль наблюдателя. Богров поднял вопрос о том, каким же образом он выполнит это. На это я ему сказал, что если бы ему понадобилось быть в тех местах, где понадобится исполнять эту роль, ему можно всегда будет достать билет. Вместе с тем, я ему поручил придумать, соответственно его положению, объяснение того, каким образом он мог раздобыть билеты, дабы этим путем оградить его от провала. На следующий день утром, при докладе генералу Курлову, в присутствии Веригина и Спиридовича, прочитал письменное заявление Богрова, дополнил его некоторыми соображениями нашими относительно той роли, которую должен был принять на себя

Богров, и при этом доложил о принципиальном нашем решении пускать Богрова в те места, где ему понадобилось бы исполнять роль наблюдателя. Генерал Курлов, не возражая против наших предположений, возбудил лишь вопрос о том, не провалится ли Богров из-за снабжения его билетами, на что я ему доложил, что Богрову предложено мною придумать подходящее для этого объяснение. Для меня и для всех остальных было ясно, что Богрова нужно будет допускать в те места, где будут находится Его Величество и министры, так как билеты выдавались только в эти места. Следующий мой доклад генералу Курлову был утром 1-го сентября, после ночного свидания с Богровым. В это утро я сперва приехал в Европейскую гостиницу к Веригину, показал ему полученную мною накануне записку Богрова (которая представлена в подлиннике следователю), сообщил Веригину, что Богров был накануне в саду Купеческого собрания, рассказал затем «Николаю Яковлевичу», будто он, Богров, не мог рассмотреть министров Столыпина и Кассо; после этого мы с Веригиным стали придумывать те условия, в какие могли поставить Богрова террористы, и находить те выходы, какими Богров мог бы воспользоваться в затруднительных положениях. После этого мы с Веригиным доложили генералу Курлову все то, что мы обсуждали и все те сведения, которые Богров дал мне ночью, в том числе и о посещении Богровым Купеческого собрания. Генерал одобрил наши планы, после чего мы с Веригиным отправились пить кофе внизу гостиницы, откуда я был вызван околоточным надзирателем, доложившим, что меня хочет видеть г[осподин] Аленский (псевдоним Богрова). Я поднялся наверх в кабинет Веригина, вместе с Богровым, куда сейчас же пришел и Веригин. Между прочим, Богров сообщил нам, что «Николай Яковлевич» предъявил ему требование в тот же день, 1-го сентября, выполнить поручение, так как они, террористы, не могут далее откладывать совершение акта. При этом Богров сослался на требование «Николая Яковлевича» быть обязательно в театре и с его слов понял, что за ним может быть перекрестное наблюдение со стороны «Николая Яковлевича». При обсуждении этого вопроса Богров высказывал, что ему нельзя быть где-нибудь в галерее, а нужно быть в партере. Не помню, я или Веригин указали Богрову, что в ближайших рядах ему места нельзя дать, так как они заняты военными чинами. Об этом разговоре я не докладывал генералу Курлову, так как он уехал, а докладывал ли ему Веригин – я не знаю. Вопроса о командировании мне в помощь, для разработки заявления Богрова, кого-либо – ни я, ни кто-либо другой – не возбуждал.

Когда я в начале спектакля увидал в театре Богрова, я послал его домой справиться, там ли находится «Николай Яковлевич»; встретив вслед затем Веригина, я доложил ему, что отправил Богрова из театра с означенным поручением. Когда вскоре Богров вернулся и доложил, что «Николай Яковлевич» дома, – я, в первом же антракте, доложил генералу Курлову, что посылал из театра Богрова домой и что

Богров сообщил, что «Николай Яковлевич» у него в квартире и ужинает. Генерал Курлов высказал опасение, не утеряем ли мы «Николая Яковлевича», но я доложил, что квартира его обставлена усиленным наблюдением.

Подполковник Кулябко.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ Ф. 271. Оп 1 Д. 6. Л 172–179. Автограф.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОДПОЛКОВНИКА Н.Н. КУЛЯБКО

24 сентября 1911 г.

1911-го года, сентября 24-го дня, в г. Киеве я, прокурор С.-Петербургской судебной палаты В.Е. Корсак, по поручению сенатора М.И. Трусевича, дополнительно расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Я, Николай Николаевич Кулябко, на Ваши вопросы объясняю: повторяю, что никаких столкновений с регистрационным бюро у меня не было. Подполковник Дукельский действовал всегда осторожно и во всех сомнительных случаях советовался со мной. В частности, относительно квартир Киселевича (угол Пашковской и Караваевской 1/23), где проживала наблюдаемая Муравьева, я должен удостоверить, что до меня дошли сведения, будто в эту квартиру, с целью проверки личности, приходил какой-то околоточный надзиратель из регистрационного бюро, но мне думается, что это было до установления наблюдения или, может быть, после ликвидации, но, во всяком случае, это событие не помешало наблюдению и никого не спугнуло из наблюдаемой квартиры. Случаев противоречивых распоряжений между бюро, с одной стороны, и отделением с другой – не было. Генерал Курлов прибыл в Киев совместно с Веригиным и полковником Спиридовичем в ночь на 14-е августа и оставался в Киеве по день отъезда Государя, т.е. 6 сентября. Дворцовый комендант прибыл в Киев с царским поездом 29 августа и отбыл того же 6 сентября. Очередных постоянных докладов генералу Курлову установлено не было, но мне было указано, что в случае надобности я могу и днем и ночью являться к нему, в любое время, чем я, в нужных случаях, и пользовался. В частности, могу перечислить следующие случаи: 26 августа вечером я получил первые сведения от «Аленского» о заговоре и 27-го утром об этом доложил командиру корпуса. Второе свидание мое с «Аленским» было 30-го или 31-го августа днем, когда он мне передал ту записку со сведениями, которая приобщена к следствию, на которой говорилось, что «Николай Яковлевич» прибыл и остановился у него и т.д. Припомнаю, что упомянутую записку Богров раньше мне прислал, кажется,

через Демидюка, а может быть и передал городовому при отделении, для вручения мне, а затем сам зашел ко мне в канцелярию, подтвердил те же сведения, не прибавив ничего нового, и просил билет в сад и я оставил для него билет в канцелярии, так как в тот момент мне было некогда, и Богров получил этот билет из канцелярии, лично или чрез кого-либо – не знаю. Об этом я также, в тот же день, доложил генералу Курлову и помню, что он по этому поводу писал письмо Дедюлину. Третье свидание с «Аленским» было у меня в ночь на 1-е сентября. «Аленский» явился в отделение часу во втором ночи и через дежурного потребовал свидания со мной. Я подозвал его к телефону и, на мой вопрос, Богров сказал, что есть новости и ему необходимо меня видеть. Я попросил его записать на записочке приметы «Николая Яковлевича» и в запечатанном конверте немедленно отправить Самсону Ивановичу, а самого его пригласил к себе наверх. В этот раз Богров доложил мне о разговоре своем с «Николаем Яковлевичем» после посещения Купеческого сада, что он, согласно нашему условию, объяснил «Николаю Яковлевичу», что в саду ввиду толпы он должен [был] держаться вдали и не мог собрать примет Столыпина и Кассо и принятых для охраны их мер. На это «Николай Яковлевич», будто бы, ему заявил, что они откладывать своего дела не могут, и настаивал, чтобы он, Богров, имея возможность быть на парадном спектакле, собрал бы требуемые сведения в театре, где ни толпа, ни теснота ему не помешают. Затем Богров доложил мне, что из этой своей беседы с «Николаем Яковлевичем» он, с несомненностью, убедился, что покушение готовится на Столыпина и Кассо и что во главе этого дела стоит не он, «Николай Яковлевич», а «Нина Александровна». Затем мы повели с Богровым разговор о том, как ему держать себя завтра, причем я обещал дать ему билет в театр и велел на утро (1 сентября), если будут новости в планах злоумышленников, непременно разыскать меня или дома или в Европейской гостинице, дабы совместно выработать те условия, как мы должны сообща действовать. Утром 1-го сентября я обо всем этом подробно доложил генералу Курлову. Часов около 12-ти дня 1-го сентября, когда я был в Европейской гостинице, «Аленский» через надзирателя вызвал меня и мы прошли с ним в номер к Веригину, куда сейчас же пришел и Митрофан Николаевич. Здесь «Аленский» впервые сообщил нам, что предположенное у него на квартире свидание между 12–1 ч. этого дня не состоится и что «Николай Яковлевич», к 8 часам вечера, пойдет на угол Владимирской и Бибиковского бульвара, где у здания 1-й гимназии должен встретиться с «Ниной Александровной». Почему отложено было свидание на дому у Богрова и о чем должны были беседовать заговорщики вечером на бульваре – «Аленский» не знал, по крайней мере, он удостоверял, что ему об этом ничего не говорили. Тогда мы начали совместно обсуждать, что затевали террористы. Были разные предположения у нас. Предполагали мы, что злоумышленники просто устраивают отвод Богрова, не желая посвящать его в детали своего плана, а могут прямо пойти

на акт после свидания. С другой стороны, мы предполагали и возможность только предварительных сговоров и, так как на этом свидании должен был присутствовать и Богров, то мы поручили ему по окончании свидания дать наблюдению условный сигнал: если это были только предварительные переговоры к будущему покушению, то он должен был идти спокойно, куда ему будет указано; если же террористический акт предполагался немедленно, то Богров должен был идти и усиленно, все время курить папиросы. При последнем условии у нас было решено немедленно арестовать, хотя бы на улице, всех участников, а в случае первом продолжать неотступное наблюдение, как за ним, так и за «Николаем Яковлевичем», который, по сведениям «Аленского», уже не должен был возвращаться в его квартиру, а отправиться на конспиративную отъезжую квартиру, заранее приготовленную террористами. После этого обсуждения Богров стал настаивать на необходимости быть на парадном спектакле и так как это требование исходило от террористов, которые верили в возможность для Богрова достать билет, то мы, не опасаясь провала сотрудника, решили дать ему этот билет. Не помню точно, кто из нас, я ли, Веригин ли, или сам Богров подняли вопрос о том, что его необходимо устроить не на галерке и не вдали вообще, а ближе к первым рядам. Помню, что я заметил на это, что очень близко в первых рядах я не могу дать билет, так как все места заняты сановниками и генералами, а за креслами я обещал его устроить. Далее мы обсуждали все возможности той деятельности, которую террористы могли бы возложить на «Аленского» в театре. Могли они, например, поручить ему «вывести» Столыпина из театра, т.е. неотступно следовать за ним и своим выходом указать им или самого министра или его экипаж. На этот случай «Аленскому» приказано было «опоздать», сославшись или на давку, или задержку полицией, выйти после отъезда Столыпина или Кассо. Предполагали мы и возможности того, что «Аленскому» прикажут держать бомбу, на этот случай мы поручили ему категорически отказаться от такого поручения, сославшись на то, что он от всяких активных действий и раньше отказался и бомбы боится. Были обсуждения и других возможностей роли Богрова, которых я теперь не упомню, но все касались того поведения, какое он должен был держать в театре. Просидев около часа у нас, «Аленский» ушел, а я и Веригин пошли к товарищу министра и обо всем подробно ему доложили. Генерал Курлов принципиально с нами согласился и никаких особых указаний на необходимость обставить Богрова в театре или принять исключительные меры охраны министров – не дал, да мы и не предполагали о возможности покушения в театре, где публика была хорошо профильтрована и где, даже злодеи, не решились бы бросить бомбы ввиду массы ненужных жертв. Генерал беспокоился только, чтобы нам не упустить девицу и поручил неотступно за ней наблюдать. Я не знаю, сообщал ли генерал Курлов после этого нашего доклада что-либо Столыпину или Кассо, но я знаю, что после первого моего доклада Кур-

лову, бывшего утром 1-го сентября, генерал Курлов предупреждал Столыпина по телефону и сам к нему ездил, Веригина посылал к министру Кассо, а Спиридовичу поручено доложить генерал-адъютанту Дедюлину. Я со своей стороны сделал распоряжение о неослабном наблюдении за злоумышленниками и предупредил заведующего наблюдением о всех возможных планах заговорщиков и приказал арестовать их, хотя бы на улице, если Богров со свидания пойдет с папиросой. Кроме того, я еще утром 1-го сентября доложил обо всем по телефону генерал-губернатору и указал на опасность выездов Столыпина, на что генерал Трепов сказал мне, что он напишет письмо Столыпину и поручил мне поджидать его на пути проезда его на маневры, что я и исполнил, встретив его у памятника Бобринского, где сел в автомобиль генерал-губернатора и тут же доложил ему словесно обо всем, а генерал Трепов передал мне незапечатанное письмо на имя статс-секретаря Столыпина и поручил мне передать это письмо по назначению. Я вышел из автомобиля и сейчас же отправился на квартиру Шереметева, где личному адъютанту министра ротмистру Есаулову сообщил все имеющиеся у меня сведения и передал письмо, причем тогда же, с согласия Есаулова, сдвинул кольцо наружной охраны, приблизив его к помещению министра. Вечером, в театре, во время первого антракта, я, волнуясь, чтобы наблюдение за темнотой не потеряло «Николая Яковлевича», послал Богрова узнать, дома ли он, и спустя некоторое время Богров сообщил мне, что «гость» сидит дома и ужинает, о чем он узнал от швейцара. Я видел, как Богров, отправляясь исполнить мое поручение, оделся в швейцарской, но выхода его я не наблюдал. О сведениях, переданных мне Богровым, я там же, в театре, доложил генералу Курлову, сказав, что я посылал Богрова домой из театра под предлогом взять забытые перчатки и что Богров привез ответ, что «Николай Яковлевич» дома и ужинает. Во втором антракте я, боясь тайного ухода «Николая Яковлевича» из квартиры, вызвал Богрова и поручил ему немедленно ехать домой и ни на минуту не оставлять «Николая Яковлевича», и если тот будет выходить, я просил «Аленского» «вывести» его из дома, и если «Николай Яковлевич» будет протестовать против совместного выхода, то пусть Богров выйдет на балкон и тем даст знать наблюдению о выходе. Тотчас же после этого разговора Богров, распрощавшись со мной, пошел одеваться, а я подошел к стоявшему невдалеке генералу Курлову, зашел с ним в телефонную комнату и стал докладывать последние сведения. Не успел я окончить своего доклада, как мы услышали шум и треск в зрительном зале, куда и направились. Вот и все те доклады, которые я делал командиру корпуса.

По делу Муравьева я еще 25 августа делал доклад командиру корпуса и говорил, что решил задержать нелегального, т.к. нет времени долго возиться с наблюдением его. Курлов согласился на это, и 26, в начале 12-го часа дня, мои люди задержали наблюдаемого, привели его в отделение, где он и застрелился. Я был с Евреиновым[95] на осмотре

места памятника и в Купеческом саду, где и получил от Спиридовича сведения о случае в отделении и вместе с ним и поехал в отделение. О случае этом я доложил генералу Курлову 27-го августа, т.к. знаю, что Спиридович об этом доложил генералу Курлову. Дворцовому коменданту я никаких докладов не делал, а равно не делал и докладов ни Веригину, ни Спиридовичу, но т.к. обоих их видел не только каждый день, а и по несколько раз в день, то, естественно, сообщал им обо всем и держал их безусловно в курсе всего дела. Очередных докладов я генерал-губернатору не делал, но если были интересные сведения, то я ему их докладывал. Так, например, о случае самоубийства Муравьева я доложил ему в тот же день вечером, – по телефону, а 27-го днем был у него по поводу полученных мной от «Аленского» тревожных сведений и даже прочитал записку «Аленского». Происхождение данной записки таково: когда 26 августа днем, часа в 4 дня, ко мне явился «Аленский», мы обедали, и я, выйдет из-за стола наскоро поговорил с ним и попросил его записать на записке, пока мы кончим обед, а затем побеседуем подробно. 1-го сентября. в 6 ч. утра, я доложил генералу Трепову по телефону о приезде террористов и указал на опасность выездов Столыпина, о чем я показал подробно выше. Никаких других докладов Трепову по этому поводу я не делал. Никаких ни от кого указаний о характере моих докладов Трепову я не получал. Делал я эти доклады Трепову потому, что считал себя обязанным держать генерал-губернатора в известной осведомленности, тем более что опасность угрожала статс-секретарю Столыпину, который даже жил в генерал-губернаторском доме.

У следователя Фененко я дважды давал показания, но относительно краткие, так как на мой вопрос, что собственно интересует следственную власть, деятельность ли Богрова или деятельность охранного отделения, я получил ответ, что следствию важно выяснить только роль Богрова, а потому в своих показаниях я деятельности отделения не касался и сообщил все то, что я знал о Богрове в той форме и в тех размерах, как я доносил об этом случае департаменту полиции. В моих показаниях могут оказаться мелкие неточности, но, во всяком случае, утверждаю, что ничего ложного или умышленно искаженного я в них не вносил.

Я подтверждаю, что, действительно, все те ликвидации, о которых я говорил в своих показаниях следователю, произведены по агентуре Богрова и теперь удостоверяю вам, что все сведения по анархистам я получал исключительно от Богрова, если не считать случайных сведений от «штучников». По группе же максималистов я получал побочные сведения и от другого сотрудника, под кличкой «Московский», который много помог нам при установке лиц, известных из агентур только по кличкам, а он, «Московский», как воронежский обыватель, многих соц[иал]-революционеров знал в лицо и указал, под какой кличкой они были известны. Я продолжаю утверждать, что все без исключения крупные дела и ликвидации по группе анархистов и максима-

листов – даны исключительно благодаря сведениям «Аленского» (Богрова). Другие сотрудники в количестве примерно основных 18, – не считая вспомогательных агентов, давали сведения по другим организациям: по «Спилке»[96], по социал-демократам, по студенческому движению, но крупных ликвидаций в данной области, кроме «Спилки» – не было. В среднем я расходовал на сотрудников до 1000 руб. в месяц, иногда меньше, иногда больше; а Богрову я платил сначала 150 руб. в месяц, а когда сведений он стал давать меньше, он сам предложил уменьшить свое вознаграждение до 100 руб.

Никогда, с самого начала деятельности Богрова в охранном отделении, сведения, им даваемые, не возбуждали сомнений в своей достоверности, так как всегда подтверждались последующими фактами и нередко освещались департаментскими сведениями, вполне согласными с данными, сообщавшимися «Аленским».

В частной жизни Богров жил довольно широко: играл в карты в клубах, тратил на женщин и рестораны, на поездки за границу, но это ни у кого ни справа, ни слева сомнений не возбуждало, так как все знали, что он сын богатых родителей. А те деньги, которые мне доводилось переводить ему за границу, я посылал ему от имени его отца. В революционных кругах его считали буржуем, теоретиком анархизма, сочувствующим движению, но знали, что он не активный работник, трус по натуре и полезен мог быть только побочной деятельностью. Сам Богров всегда страшно боялся провала, чтобы не быть скомпрометированным в обществе, и, на мой взгляд, держал себе достаточно осторожно. Правда, он часто заходил в отделение, но по местным условиям это не было опасным и мне не приходилось делать ему замечаний за неконспиративное поведение. И, во всяком случае, не эти посещения пошатнули положение Богрова в революционных кругах, а подозрение на него пало благодаря необъяснимым арестам, о чем было много разговоров в местной тюрьме. Подозрения эти ему удалось скоро рассеять, и он по-прежнему продолжал ходить в отделение. Припоминаю, что после первого посещения Богрова 26 августа, я хотя и условился с Спиридовичем не докладывать сейчас же об этом Курлову, чтобы его не встревожить на ночь, но, тем не менее, встретив его в этот же вечер, я наскоро, отрывочно, передал ему сущность дела и обещал на утро доложить подробно. Как 30-го, так и 31-го августа я неоднократно встречался в разных местах и со Спиридовичем и с Веригиным и, конечно, всецело посвятил их в сущность тех новых сведений, которые я получил от Богрова. После третьего свидания с Богровым, в ночь на 1-е сентября, а равно и дневного свидания с ним в Европейской гостинице, я виделся со Спиридовичем на ипподроме и посвятил его в сущность новых сведений и наших предположений, но о том, что мы решили пустить Богрова в театр – я ему не передавал, будучи уверен, что он, несомненно, об этом знает или от Веригина, с которым он был неразлучно, или от самого Курлова. А о том, что Богров накануне был в Купеческом саду – Спиридович знал и от меня и от других.

С начала апреля 1910 года Богров перестал быть моим сотрудником, и я знаю, что он, уехав в Петербург, вошел в сношения с начальником Петербургского охранного отделения. Какие сведения сообщал Богров в Петербурге, были ли они серьезны или вздорны – я не знаю, равно как не знаю того, что полковник фон Коттен считал Богрова неважным сотрудником.

Впервые ко мне возвратился Богров 26 августа 1911 года, т.е. более чем после 1½ годового перерыва.

Подполковник Кулябко.

Прокурор С.-Петербургского судебной палаты Корсак.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 233–238. Автограф.

Продолжаю свое показание 25 сентября. Изменил ли Богров свои убеждения за эти 1½ года – я не знаю. Я отпустил его отдыхать от работы и полагал, что он действительно отошел от революции и порвал свои связи с деятелями ее. Конечно, такой перерыв в моих сношениях с Богровым обязывал меня к известной осторожности, но я так хорошо знал этого человека, что безусловно доверял ему, а в данном случае особенно, так как сообщенные им сведения были получены [illegible] этому человеку, что до сих пор не понимаю цели его обмана, когда он и без этой лжи мог добиться от меня пропуска на все торжества и я, не колеблясь, выдал бы ему нужные билеты. Я сознаю, что по обязанностям своей работы я не должен никому верить и, может быть, пропуск Богрова на торжества, как частного человека, был бы известным нарушением с моей стороны и можно, может быть, было назвать этот поступок неосторожным, но, тем не менее, ничто не давало мне повода усомниться в благонадежности Богрова и, как человек, я не мог выправить свое доверие к нему. Когда я докладывал о всех сведениях, полученных от Богрова, о заговоре и совещался о тех мерах, какие нужно принять в предотвращение его, я говорил и Курлову и Спиридовичу и Веригину о том перерыве в моих сношениях с Богровым и что я более 1½ года потерял его из виду. Но Богров так всех очаровал, что никто из указанных лиц не предостерег меня о необходимости осторожного отношения к этому человеку и ни от кого никаких указаний я по этому поводу не получал.

Я говорил Курлову, Спиридовичу и Веригину о сношениях Богрова с Петербургским охранным отделением после его ухода от меня, но ни Курлов, ни Веригин, ни Спиридович не давали мне указаний о необходимости проверить личность Богрова, и сам я этого не делал. Должен заметить, что Богров, как я уже показывал раньше, при свидании со мною 26 августа составил записку по своим сведениям, в которой объяснял свое знакомство с «Николаем Яковлевичем» и указывал на связи его с Кальмановичем, Егором Лазаревым и членом Думы Булатом[97]. Об этом я, обычно, доложил по начальству и 27-го ав-

густа генерал Курлов приказал мне проверить эти сведения через Петербургское охранное отделение, так как из записки видно было, что о них Богров своевременно сообщал полковнику фон Коттену. Я запросил последнего и, помнится, числа 30-го августа, получил ответ от Коттена, что лица, находившиеся в сношениях с Лазаревым, ему неизвестны, сведения о случае передачи писем из-за границы через Кальмановича, еврейку и Лазарева в отделение поступили уже после передачи, почему не могли быть разработаны. Также Коттен прислал подробные справки на Лазарева, Булата и Кальмановича. В своих ответах полковник Коттен не сообщал своих взглядов на Богрова, как сотрудника, и у нас не было оснований заподозрить искренность Богрова. Я и по сие время уверен, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» – лица не вымышленные и действительно были в это время в Киеве, может быть, имели даже сообщников и, несомненно, Богрову поставлено было условием совершить террористический акт или иначе он будет убит. Вероятно, у Богрова не было выбора, он знал, что за ним следят шаг за шагом и он, скрыв от меня свою истинную роль, пошел на злодейство. Я припоминаю, что внимание охраны обратил на себя неизвестный человек, все время вертевшийся около театра и, видимо, очень волновавшийся. Подозревая, что у террористов могли быть соучастники, кроме названных Богровым, я поручил ротмистру Темникову продолжать наблюдение за неизвестным и арестовать его перед разъездом из театра. Когда в театре совершилось покушение, первою моей мыслью было арестовать наблюдавшего. Я выбежал из театра и узнал от ротмистра Темникова, что наблюдаемый сидит в кондитерской «Франсуа» – приказал немедленно арестовать его. Задержанный оказался городским техником инженером Денисовым, имевшим «служебный» билет, для доступа на линии проездов. Сам я в кофейне «Франсуа» – на Фундуклеевской под № 2 – не был, а в другой кофейне «Франсуа», что против театра, я был с Веригиным во время первого действия в театре, забежали наскоро выпить стакан кофе, в ожидании возвращения Богрова, усланного мною домой из театра для проверки, сидит ли дома «Николай Яковлевич», и когда я увидал возвращавшегося Богрова, я вышел из кофейни, подошел к Богрову, стоявшему уже у театра и велел пропустить его внутрь, т.к. охрана туда его не пропускала. Я хотя и знал, что Богров находится в сношениях с фон Коттеном, но запрашивая последнего депешей от 28 августа, за № 441, я не указал источника тех сведений о Лазареве и других, которые сообщил мне Богров, т.к. во-первых, это не принято вообще, а во-вторых, для Коттена было совершенно ясным из какого источника эти сведения исходят. Никаких указаний от Курлова, Спиридовича и Веригина, обязывавших меня сообщить Коттену источник сведений, – я не получил. Повторяю, что до 26-го августа 1911 года я не подозревал о пребывании Богрова в Киеве и хотя, по собранным Вами сведениям, он все это лето прожил в Киеве, временно отлучаясь в «Потоки» всего на двенадцать дней, вел жизнь очень открытую, почти не бывая дома, а на улицах, в театрах, садах и ресторанах, тем не менее, лично я ни разу с ним не столкнул-

ся, сам он ко мне не заходил и филеры, знавшие Богрова под кличкой «Капустянский», – не докладывали мне о своих встречах с ним; не сообщала и полиция о его приезде в Киев. 26-го августа Богров вызвал Демидюка, с которым и имел собеседование где-то в Георгиевском переулке, в котором часу это было – я не знаю. Мне же Демидюк сообщил об этом, нужно думать, вскоре после своего разговора, так как я приказал ему привести ко мне Богрова на квартиру через черный ход между 4–5 час. дня. В указанное время ко мне и явился Богров, и мы разговаривали при обстановке, писанной выше.

К Богрову вышел я сначала один, приняв его в кабинете, и он в сжатом виде рассказал мне следующее: Я совершенно случайно получил очень серьезные сведения, что, по всему вероятию, в Киеве будет «налет». Эти сведения я не хочу никому другому сообщать, кроме вас, в силу тех отношений, какие установились между нами. На мой вопрос, в чем же дело, он ответил, что в Киеве может появиться группа, видимо, подготовляющая какое-то покушение, что один из членов группы к нему приезжал в Кременчуг, на дачу «Потоки» и просил меня устроить приют для нескольких человек, во время торжеств в Киеве. Он, ожидая приезда этого человека, боится встать в затруднительное положение и хотел получить от меня совет и указание, что и как делать. Я ему предложил, пока я обедаю, письменно изложить все сведения, какими он располагает, описать подробно знакомство с этим лицом, как он к нему попал в Кременчуг и вообще возможно подробнее изложить все обстоятельства дела. Я вставал раза два от обеда, заходил в кабинет и задавал отдельные вопросы Богрову, например, об имени неизвестного, о способе нахождения его в «Потоках» и другие, а затем после обеда пригласил в кабинет Спиридовича и Веригина, в присутствии коих Богров подробно повторил свой рассказ, изложив в нем все то, что написано в его записке, мною представленной к делу. Нового он сам ничего не прибавил, на наши общие вопросы, как разыскал его в «Потоках» «Николай Яковлевич», какие вел разговоры о приюте, каким путем он приехал из Кременчуга в «Потоки», каким путем он прибудет в Киев, где остановится, – Богров давал подробные объяснения и рассказал, что «Николай Яковлевич», приехав в Киев, справлялся о его местонахождении в доме отца и узнал от прислуги, что он в «Потоках», куда он приехал из Кременчуга и уехал обратно по железной дороге, что пробыл он у него в деревне один день, что выяснить замыслы его Богрову не удалось и «Николай Яковлевич» обещал сообщить ему подробности впоследствии, по приезде в Киев, что переправить его туда он просил на моторной лодке, что он, Богров, обещал это, причем Спиридович запретил ему этот способ передвижения, а рекомендовали мы Богрову указать другие пути, через пригородные станции: Боярку, Дарницу, Бучу, Святошино, Киев II, где они могли слезть и в экипаже или по трамваю прибыть в Киев. Квартиру же ему разрешено было подыскать, и Богров сказал, что у него есть старушка, в квартире которой он может устроить приезжих, в крайнем случае, мы обещали сами подыскать подходящее помещение. Адреса, где Богров

имел в виду поместить приезжих, мы не спрашивали. Был разговор и о той роли, которую должен был принять на себя Богров, чтобы не остаться в неведении о планах террористов, с одной стороны, а с другой, чтобы не быть втянутым в активную деятельность. С этой целью мы рекомендовали Богрову держаться пассивных действий, не находиться с ними в группе в серьезные – решительные моменты, чтобы не пришлось задерживать его на месте преступления, так как тогда ему неизбежно пришлось бы разделить общую участь злодеев, а наряду с этим мы настаивали, чтобы он стоял возможно ближе к заговорщикам, проник в их замыслы, наблюдал их деятельность и своевременно нам обо всем сообщал бы. В этот же раз мы потребовали от Богрова дать приметы «Николая Яковлевича», которые он нам и описал подробно; впоследствии он собственноручно описал их в записке, для передачи заведующему наружным наблюдением. Я не помню в точности того, что передал мне Демидюк после своего свидания с Богровым, у меня сохранилось впечатление, что Демидюк не передал мне подробности своего разговора с Богровым, а лишь сказал, что «Аленский» сообщил ему серьезные сведения о готовящемся покушении, что по этому поводу он сам желает меня видеть и просил назначить время свидания. Возвращаясь к моему разговору с Богровым, я хочу отметить то, что Богров подчеркнул мне те побуждения, которые привели его ко мне только теперь, а не в первые же моменты после свидания его в Кременчуге; Богров заявил, что он не хотел приходить с пустыми руками, все ждал письма от «Николая Яковлевича», но когда прочел в московских газетах о начале террора, то не счел возможным долее молчать и пришел рассказать то, что знает. Я ему сам сказал о случае самоубийства, происшедшем в этот день в нашем отделении, и Богров согласился со мною, что может быть и этот случай стоит в какой-либо связи с организуемым покушением. Еще перед обедом, в день 26 августа, я говорил своим гостям, Веригину и Спиридовичу, что у меня сегодня будет интересный субъект с серьезными новостями и я просил их выслушать то, что мне будет сообщено, дабы они могли получить непосредственное впечатление от заявителя, а не с моих слов. Когда мы пришли в кабинет, я, представив Богрова гостям, сказал, что этот человек хорошо мне известен, три года работал у меня, давал чудные сведения и заслужил полное доверие, что года 1½ тому назад мы с ним расстались, так как ему необходим был отдых, хотя он, живя в Петербурге, продолжал и там давать сведения, и, обращаясь к Богрову, я просил его быть вполне откровенным, не стесняться присутствием посторонних, так как это свои люди. Переход наш от обеда к серьезной беседе был вполне нормален, так как ни я, ни Спиридович, никогда не пьем никакого вина, а Веригин выпил, кажется, одну рюмку белого вина; шампанского к столу не подавалось.

Подполковник Кулябко.

Прокурор судебной палаты Корсак.

[Продолжение]

Я уже указывал, при каких обстоятельствах я познакомил Богрова с Веригиным и Спиридовичем. Служебного положения этих лиц я не скрывал от Богрова, и он, по-видимому, не считал, что конспирация нарушена, так как не стеснялся говорить при них и никаких особых заявлений мне не делал. Я уже подробно передал, что Богров говорил мне 26 августа в присутствии Спиридовича и Вернгина; передал и последующую нашу совместную беседу о той роли, которую мы сообща вырабатывали для Богрова. Хотя Богров уверял нас, что он не знает точно – на кого готовится покушение, но из намеков я понял, что опасность грозит, главным образом, Столыпину и покушения на цареубийство не предполагается, но Спиридович предполагал возможность такого дерзкого покушения, допуская, что террористы умышленно скрывают свой план от Богрова. Как я уже говорил выше, я 27-го утром доложил об этом подробно генералу Курлову и на его вопрос о серьезности сведения высказался, что сомневаться нет оснований, что Богров вполне достоверный человек, лишнего никогда не говорил, что покушение организуется, по-видимому, на Столыпина. Когда я докладывал Курлову о наших последующих совещаниях с Богровым, о той роли, какую он должен был на себя принять, генерал Курлов заметил, что будет ли приезд на моторной лодке или иным путем – это безразлично, так как, во всяком случае, провал грозит Богрову, раз необходимо будет произвести аресты по данной им квартире. Я на это заметил генералу Курлову, что ходатайствую о разрешении подробно доложить об этом позднее, совместно со Спиридовичем и Веригиным, после того, как мы втроем обстоятельно обсудим это дело. Генерал согласился и я ушел. Второе свое свидание с Богровым, как припоминаю, было накануне гулянья в Купеческом саду, когда он пришел в канцелярию отделения, где, как я показывал, он сообщил мне о приезде «Николая Яковлевича» и о необходимости ему получить билет для пропуска в сад. Об этом я генералу Курлову не докладывал тотчас же, я доложил уже 1-го сентября. Говорил ли я что-либо об этом свидании Спиридовичу и Веригину – я не припомню, мог мельком сообщить, но как, когда и где – решительно не могу установить. Что же касается третьего моего свидания с Богровым, в ночь на 1-е сентября, и последующего свидания, в тот же день, в Европейской гостинице, то я подробно о нем докладывал генералу Курлову в присутствии Веригина и Спиридовича и мы совместно обсуждали все меры, какие предполагали принять. Помню, что генерал Курлов дал мне указание усилить охрану Столыпина, нанять ему автомобиль и возить не по маршрутам. Веригину он поручил принять те же меры по отношению Кассо, а Спиридовичу поручил доложить обо всем дворцовому коменданту. О том, что я обещал дать Богрову билет в театр, я, конечно, докладывал Курлову, но этот вопрос не был решен окончательно, так как могли произойти изменения в планах «Николая Яковлевича». Дал я билет Богрову после моего разговора с ним по телефону, часов в 7 вечера, и фактически послал этот билет в восьмом часу вечера, о чем специально

не докладывал генералу Курлову. Веригину об этом сообщил тотчас же, как увидал его в театре, а Спиридовичу совсем не говорил, хотя видел его в театре и сообщал, что «Николай Яковлевич» сидит дома. О том, что я посылал Богрова домой из театра, я докладывал Курлову и говорил об этом Веригину, а Спиридовичу не говорил.

Ни при первом, ни последующих моих свиданиях с Богровым, я не предлагал ему вопроса о том, когда он приехал в Киев, так как у меня почему-то сложилось впечатление, что он только что прибыл из Кременчуга. Не говорил мне и сам Богров о времени своего приезда. Я уже показывал Вам, что Богров не скрыл от меня, что он эти сведения получил раньше и не сообщал мне их потому, что ждал письма от «Николая Яковлевича» и не хотел придти ко мне с голословным заявлением, а когда в газетах прочел о начале террора, то не счел возможным долее молчать. О том, что он прибыл 5 августа в Киев, я узнал лишь впоследствии. Это объяснение Богрова не возбуждало ни в ком из нас (Курлов, Спиридович, Веригин) никаких сомнений и казалось естественным. Повторяю, что явившись ко мне впервые 26 августа, Богров, в присутствии вышеупомянутых лиц, говорил мне, что он прочел в московских газетах о начале террора[98] и, боясь, что его сведения могут быть в связи с готовящимся покушением, – он и пришел мне сообщить обо всем, чтобы я знал, какие люди могут приехать ко мне в Киев и что может быть его, Богрова, услуги в этом деле могут быть полезны делу розыска.

О самоубийстве Муравьева я ему сообщил в это свидание и мотивом своего заявления он этот факт не выставлял, а лишь спросил меня, не будет ли это из той компании, которая собирается приехать в Киев.

Вопрос о том, где Богров будет видеться с «Николаем Яковлевичем», я не предлагал Богрову, так как предполагалось, что Богров, по получении письма заговорщиков, должен сам за ними куда-то поехать, а если бы злоумышленники без его содействия прибыли в Киев, то уже их дело было разыскать Богрова.

Мы долго совещались после заявления Богрова в его же присутствии и, как я показывал, обсуждали всякие возможности прибытия террористов в Киев, нашей осведомленности об этом и о роли Богрова в шайке злоумышленников. Разговор шел общий и все, сообща, обменивались мнением, никто, отдельно, своей программы не предлагал, а попутно вставлял те или иные замечания, какие считал нужным сделать; в частности, например, Спиридович категорически высказался против моторной лодки, требуя, чтобы Богров отказался от этого плана, как опасного для нас, и тогда мы стали рекомендовать Богрову указать злоумышленникам другие пути в Киев, через пригородные станции, откуда легко можно было или на трамвае или в экипаже пробраться в город. На это Веригин возразил, что при таких условиях трудно взять прибывших в наблюдение, но Спиридович успокоил, сказав, что так был, в свое время, взят Гершуни[99] и бояться упуска нет оснований. Дальше мы обсуждали вопрос, как поместить в Киеве прибывших заговорщиков, причем Богров говорил, что у него есть квартира, где можно устро-

ить их, а я предложил, в случае затруднения, поместить их в одной из конспиративных квартир. Затем, как я говорил уже выше, мы обсуждали роль Богрова в этом заговоре и советовали ему, узнав все подробности задуманного покушения, в решающие моменты держаться дальше от злоумышленников, дабы избежать провала и ареста его вместе с ними. Ближайшим результатом этих совещаний было усиление наружной охраны и установление наблюдения за злоумышленниками, после их прибытия в Киев. Полковник Спиридович действительно вынес убеждение об опасности, грозящей Государю Императору, но из чего он это заключил – я не знаю. Все эти разговоры происходили после обеда в кабинете, и разошлись мы после 8 часов вечера. Я оставался дома весь вечер, выезжая только для доклада Курлову о самоубийстве Муравьева, а как провели остаток этого дня Спиридович и Веригин, я не знаю. Хотя мы и решили об этом не докладывать генералу Курлову немедленно, чтобы не тревожить его на ночь, но, тем не менее, когда я в этот же вечер докладывал о Муравьеве, я в общих чертах доложил и о новых сведениях, прося разрешения доложить подробно об этом на утро.

Я уже говорил, что утром 27 августа я сделал подробный доклад генералу Курлову о полученных мною от Богрова сведениях и о нашем совместном совещании с ним, Спиридовичем и Веригиным. На этом докладе присутствовали Веригин и Спиридович. Я прочел записку, данную мне Богровым, которую я представил впоследствии сенатору Трусевичу, а затем детально доложил генералу все те вопросы, которые мы накануне детально обсуждали, не упустив даже мелких подробностей, прибавив, что все наши стремления сводились к тому, чтобы оградить Богрова от «провала». На это генерал Курлов возразил нам, что раз неизбежна близость Богрова к заговорщикам, то безразлично, каким бы путем ни прибыли они в Киев, на моторной лодке или с пригородных станций, и где бы ни поселились в Киеве, по указаниям ли Богрова или нашим – все равно провал Богрова неизбежен. На это мы в свою очередь возражали генералу, что мы предполагаем первоначально обставить приезжих сильным наблюдением и брать их впоследствии, сообразно условиям времени и обстановки, т.е. тогда, когда ясно выразились бы их намерения привести задуманное в исполнение. Наша задача была не пускать их на линии проездов или вообще в места присутствия Высочайших особ и министров, и если бы они или даже кто-нибудь один из них были бы замечены в этих местах, то всякий из них был бы немедленно арестован; в других же местах было решено «брать их, когда, по агентуре, они должны были идти на дело», и, наконец, в третьем случае решено было продолжать неотступное наблюдение, если бы никто из них в указанных опасных местах не оказался. При таком плане действий, конечно, возможна была и частичная ликвидация, но провала Богрова мы не боялись, так как всякий арест без наличности каких-либо доказательств всегда легко было объяснить чрезвычайностью охраны в эти дни. Генерал Курлов в кон-

це концов согласился с нашими предположениями и никаких указаний не делал. В это совещание ни я, ни кто другой не указывали на необходимость изменения программы торжеств и путей следования Государя Императора, а также особых способов охраны Государя и министров. В этом не было пока никакой необходимости, так как самые сведения были неопределенны; впоследствии же, когда Богров заявил о прибытии террористов, тогда на совещании 1 сентября не я, а полковник Спиридович докладывал Курлову о необходимости изменить маршрут и способ передвижения Государя и министров, о чем Спиридович тут же составил записку от имени Курлова для генерала Дедюлина, но в действительности маршруты изменены не были и Государь следовал теми же путями и в том же экипаже, как и прежде, а министров стали возить в автомобилях и окольными путями. Программу торжеств, конечно, изменить было нельзя, изменилась она, естественно, после покушения. Никаких сомнений и вопросов генерал Курлов после первого моего доклада не возбуждал, поручил только запросить Коттена о результатах разработки сведений, сообщенных Богровым, и справки на указанных им лиц.

Никаких распоряжений об освобождении меня и других чинов отделения от наружной работы сделано не было, равно как не было распоряжений и об усилении розыскного состава, так как никто этого вопроса не возбуждал и сам генерал Курлов не поднимал.

Ни Курлов через меня, ни Спиридович и Веригин непосредственно не давали Богрову каких-либо инструкций в целях установления через него наблюдения за «Николаем Яковлевичем». Я же дал такие указания Богрову, просив его указать прибывшего наблюдению условным знаком или выходом на балкон, для чего поручил Богрову специально сговориться с заведующим наблюдением. Как, когда и где произошло это соглашение Богрова с Демидюком – я не знаю, мне об этом не докладывали. В разъяснение сказанного мною заявляю, что эти указания я дал Богрову уже после того, как узнал от него о приезде «Николая Яковлевича» и, конечно, раньше таких указаний давать не мог, так как не знал наперед, что «Николай Яковлевич» остановился у Богрова. До сообщения мне сведений о приезде злоумышленников я никаких указаний Богрову не давал и не поручал ему указывать их наблюдению, так как мы предполагали взять прибывших под наблюдение, по приметам «Николая Яковлевича», которые нам Богров описал. Было поставлено наблюдение и за домом Богрова, если бы человек описанных примет появился у этого дома. Не отрицаю того, что по одним приметам трудно было бы взять «Николая Яковлевича» под наблюдение, если бы он прибыл с одной из пригородных станций, да еще вечером или ночью, но другого выхода у нас не было. За той квартирой, на которой Богров предполагал устроить «Николая Яковлевича», наблюдения поставлено не было, но за самим Богровым я учредил наблюдение с 27 августа. Почему я, при наличности наблюдения за Богровым, ие дал сразу ему приказания показать наблюде-

нию «Николая Яковлевича» каким-либо условным знаком, а сделал это лишь тогда, когда получил от Богрова сведения о его приезде к нему, – отвечаю, что просто это мне не пришло в голову, так как мы все ожидали письма к Богрову от «Николая Яковлевича».

Я не знаю, что Богров показал у следователя при допросе 2-го сентября, но утверждаю, что нам он при первом заявлении не говорил категорически, что «Николай Яковлевич» непременно у него остановится, а выражал опасение, что он может прямо к нему приехать и просил указаний наших на этот предмет, на что мы советовали Богрову не принимать к себе «Николая Яковлевича», сославшись на строгость отца, а потому и не было предпринято никаких мер для использования свиданий Богрова с «Николаем Яковлевичем», для взятия в наблюдение последнего. Сам же Богров и его квартира тотчас же были обставлены наблюдением. Богрову заранее не было предложено выйти из квартиры с «Николаем Яковлевичем», для указания его наблюдению; не предлагалось Богрову и вызвать к себе «Николая Яковлевича», по его приезде в Киев, для той же цели указания его филерам, а было сделано это лишь после получения сведений, что «Николай Яковлевич» поселился в квартире Богрова. Тогда я просил его указать наблюдению приехавшего или выходом на балкон или условным знаком Демидюку, или, в крайнем случае, совместным с ним выходом. Положение Богрова, как сотрудника и сына домохозяина, где поселился «Николай Яковлевич», не было использовано в том отношении, что не было учреждено секретное наблюдение в доме и даже в квартире потому, что этот способ у нас никогда не практиковался. Этот вопрос ни у меня, ни у Веригина, ни у Спиридовича, ни у генерала Курлова не возникал.

Фактически наружное наблюдение за домом Богрова было установлено с утра 27 августа, в каком составе – я затрудняюсь сказать на память, но это, конечно, имеется в дневнике наблюдения. За самим Богровым наблюдение было установлено с того числа и из того же наряда, что также можно проследить по дневникам.

Приметы «Николая Яковлевича» впервые были сообщены мне при свидании 26 августа, и при свидании в ночь на 1-е сентября я просил Богрова записать подробнее эти приметы на бумажку для передачи ее Демидюку. Какие были указаны приметы, я теперь точно не помню, помню лишь, указывался выше среднего рост, шатен, лет 30, одет в котелок и широкое английское пальто. Эти сведения я в тот же вечер сообщил Демидюку и приказал усилить наблюдение, а записку с приметами Демидюк получил непосредственно от Богрова, должно быть, в ночь на 1-е сентября, хотя точно этого не знаю.

Я говорил Богрову, чтобы все сведения по этому делу он сообщал мне на квартиру или в Европейскую гостиницу, а в случае ненахождения меня ни в одном из указанных мест, сообщал бы все сведения Демидюку.

Богров при первом же свидании 26 августа сам сообщил, что «Николай Яковлевич» принадлежит к партии социалистов-революционеров, но к какой именно группе и к какой организации – боевой или не боевой – Богров не говорил и никто из нас его об этом не спрашивал.

В описываемое время в Киеве, собственно говоря, действовали лишь отдельные социалисты-революционеры, ни комитета, ни боевой организации не было и по этим лицам у меня имелось два серьезных сотрудника. Максималистов в Киеве совсем не осталось, а из анархистов, так же как и революционеры, были лишь одиночки, и сотрудников по анархистам у меня не было. Никаких сношений со своими сотрудниками по поводу сведений, сообщенных Богровым, – я не делал, т.к. считал, что группа, указываемая Богровым, не местная, без всяких связей в Киеве, а лишь решившие сделать «налет», воспользовавшись пребыванием здесь Высочайший особ. Это совершенно ясно было и из слов самого Богрова, причем Богров прямо говорил, что «Николай Яковлевич» категорично заявил о нежелании входить в сношения с местными работниками и просил «чистую» квартиру. Поэтому я не поручал своим сотрудникам следить за появлением «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны» и этот вопрос не возникал также ни у Курлова, ни у Спиридовича, ни у Веригина, хотя из заявлений Богрова и было видно, что предприятие «Николая Яковлевича» имеет связь с Петербургом, но из его сообщений вовсе нельзя было заключить, что покушение готовится определенной «внутренней» группой, наоборот, у нас были сведения, что поблизости к Киеву скрывается Слетов[100] и мы предполагали, что заговор связан с заграницей. Петербургское охранное отделение я не просил дать справку по его агентуре относительно готовящегося заговора вообще и, в частности, о выбытии кого-нибудь из партийных работников в Киев, и не считал это нужным делать, на том основании, что если бы у полковника фон Коттена были бы какие-нибудь сведения о заговоре или если бы кто из партийных работников выехал в то время в Киев, то он обязан был бы об этих сведениях сообщить немедленно не только мне, но в департамент, товарищу министра Курлову и дворцовому коменданту, террористов, выехавших из Петербурга, должно было безотлагательно арестовать, а серьезных партийных работников провожать наблюдением.

Я удостоверяю, что с 26-го августа по 31-е число я виделся с Богровым только 31-го августа, около 1 ч. дня, когда он и пришел просить билет в Купеческий сад и впервые сообщил о том, что «Николай Яковлевич» приехал в Киев и остановился у него. Меня такой перерыв в сношениях с Богровым нисколько не смущал и самостоятельных попыток к сношению с ним я не делал, так как, повторяю, мы все ждали письма о приезде «Николая Яковлевича» и я был уверен, что при наличности чего-нибудь нового Богров немедленно сам сообщил бы мне обо всем. Ничего за это время не было установлено и наблюдением как за самим Богровым, так и за его домом.

Я не знаю, как показал Богров у следователя при допросе 2 сентября относительно билетов, но утверждаю, что при свидании 26 ав-

густа я сам не предлагал ему билетов ни в сад, ни в театр. А, действительно, на столе у меня лежала пачка билетов для народной охраны и на вопрос Богрова, что это за билеты, я объяснил ему и спросил его, не пойдет ли он посмотреть торжества, Богров отказался и потому я билетов ему не предлагал. Этот разговор произошел до прихода в кабинет Спиридовича и Веригина и в их присутствии не возобновлялся. При этих лицах, в тот же раз, 26 августа, действительно был разговор о том, что может стать необходимым появление Богрова в местах посещений. Этот вопрос возникал, когда мы обсуждали будущую роль Богрова, и я обещал, в случае надобности, пустить его и в сад, и в театр. Сомнения в том, что Богров может использовать это право с террористической целью – ни у кого не возникало, и мне никто не указывал, что Богрова нельзя пускать ни в сад, ни в театр. Если Богров и утверждал, что я сам предложил ему эти билеты, то, вероятно, потому, что разговор о них был, но в той версии, как я сейчас указал, т.е. что в случае надобности я могу всегда ему эти билеты дать, и помню даже, что Спиридович поднял вопрос, «не провалит» ли это Богрова, так как ему трудно будет объяснить революционерам получение таких билетов; на что сам Богров возразил, что это не страшно, так как он всегда сумеет это объяснить своими высокими связями в обществе.

В разъяснение этого вопроса показываю: после 26 августа я виделся с Богровым около 1 час. дня 31 августа и здесь он мне сообщил о приезде «Николая Яковлевича», который потребовал от него собрание сведений об охране вообще и изучение примет тех лиц, какие ему будут указаны, причем намекнул, что при исполнении этих поручений он, Богров, может быть проверен. По словам Богрова, он настаивал на более точном выяснении своих обязанностей, не желая быть слепым орудием в их руках, и на это «Николай Яковлевич» ему заметил, что со временем он узнает то, что ему нужно. Из этого Богров понял, что ему необходимы будут билеты и объяснил «Николаю Яковлевичу», что он может достать их через посредство знакомой ему девицы «Регины». О приезде «Нины Александровны» Богрову «Николай Яковлевич» в этот раз не сказал, намекнув только, что с ним приехали другие. Все это Богров мне передал в указываемое свидание и никаких других подробностей не сообщил. Я пообещал дать ему билет в сад, если не последует какой-нибудь перемены до вечера, и сам просил его дать мне знать об этом по телефону. Около 6 часов вечера того же 31 августа Богров позвонил ко мне по телефону, сказав, что «билет нужен, «Николай Яковлевич» настаивает, что его предположения о возможности контр-наблюдения за Богровым оправдались, и поэтому он просит билет прислать». Ничего другого по телефоиу он мне не сказал, а я на это посоветовал Богрову или самому придти за билетами в отделение или прислать за ним посыльного. Вот и весь наш с ним разговор по телефону. Из этого я понял, что от Богрова потребовали «слежки» Столыпина и Кассо. Никакой иной мотивировки своих требований Богров мне не приводил и я вовсе не думал, что присутствие Богрова в саду необходимо для пре-

дотвращения покушения. О том, что прибыла «Нина Александровна», что она привезла бомбу – я узнал ночью 31-го августа, когда Богров явился ко мне (часа в два), Тут же он сказал мне, что дело очень серьезное и очень хорошо налажено, что «Нина Александровна», несомненно, стоит во главе заговора, что адреса ее ему не сообщили и что он боялся настаивать на этом, так как будущий арест ее провалил бы тогда и его, Богрова, что назавтра, между 12–1 ч. дня, «Нина Александровна» придет к «Николаю Яковлевичу» и он, Богров, увидит ее, и в этот же раз Богров объяснил мне, что он сумел отговориться перед «Николаем Яковлевичем» о безрезультатности своей «слежки» в Купеческом саду, сославшись на толпу. В заключение Богров прибавил, что, со слов «Николая Яковлевича», он заключил, что в организации есть люди из департамента полиции и Петербургского охранного отделения, и он боится, как бы эти лица не проникли в места пребывания Государя, с целью проверки его, Богрова, в отношении исполнения предъявленных к нему требований. Вот все, что мне в это свидание сообщил Богров. Так было в действительности, и я так показывал у следователя, а потому не вижу разноречий в своих объяснениях.

Подполковник Кулябко.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

[Продолжение]

Вопрос о выдаче билетов Богрову на все торжества, а значит и в сад и в театр, принципиально был разрешен еще 26-го августа на нашем общем совещании, поэтому я специальных докладов о том, что я выдал билеты Богрову в сад – никому не делал. После, т.е. 1-го сентября, я докладывал генералу Курлову о результатах посещения Богровым Купеческого сада. Никаких указаний, в смысле допуска Богрова на торжества, я от генерала Курлова не получал, и он не запрещал мне давать билеты Богрову.

Все время присутствия Государя Императора в Купеческом саду я находился вне сада, зайдя в него один раз, на несколько минут, а остальное время находился на площади и в других местах, проверяя охрану. Пуская Богрова в сад, я не указывал ему места, где он должен стоять или ходить, и не знал наперед, что он будет стоять близко к Государю Императору. Допустить такую возможность я, конечно, принципиально мог, но это не вызывало во мне ни тревоги, ни опасения и я не считал свои действия преступными. Правда, я не виделся с Богровым более 1½ года, но в его убеждениях не сомневался, как не сомневался и в его расположении ко мне.

Я уже сказал, что в саду, во время гулянья, я не был и потому лично не мог видеть, следят ли за Богровым какие-либо люди, да если бы и был, то, не зная примет следивших, я не мог бы ловить этой слежки. И мои филеры в саду не были и за Богровым не следили. В саду публика была достаточно профильтрована и я не видел надобности строить наблюдение за самим Богровым. Я не считаю это ошибкой с моей

стороны, так как, если бы за Богровым в саду и было наблюдение со стороны революционеров, то, конечно, Богров его бы не заметил, и если бы даже там и были мои филеры, то указать им контр-наблюдение Богров не смог бы. В такую публику, какая присутствовала в тот вечер в саду, прямо невозможно было посылать моих филеров, слишком резко они выделялись бы среди изящной толпы, и как бы я ни одел их, в них всякий легко узнал бы унтер-офицера. У нас в отделении нет интеллигентных филеров, говорят, что таковые есть в Петербурге при центральном отряде. Были они взяты в Киев – я не знаю, если и были, то должны были находиться в распоряжении Спиридовича – а не в моем. «Николай Яковлевич» не мог проникнуть в Купеческий сад во время гулянья, т.к. мое наблюдение, приведя его к саду, дало бы мне знать и я, конечно, не пустил бы его в сад, а арестовал бы его под каким-нибудь предлогом, хотя бы у него и оказался билет. Торжество началось в саду в 9 час. веч., а Государь, свита и министры уехали в 11 час. ночи. Я вполне допускаю, что мои филеры, наблюдавшие за домом Богрова, легко могли не заметить выхода «Николая Яковлевича» и ввиду темноты, и ввиду абсолютного незнания его в лицо, и, наконец, потому, что из этого дома могло выходить очень много народу, так как там не только много квартир, но и целые учреждения, как, например, больница. Мне думается, что если бы Богров увидал в саду «Николая Яковлевича», он тем или иным способом разыскал бы меня и дал бы мне об этом знать. Я уже разъяснял, почему я не уславливался заранее с Богровым об организации наблюдения в саду; повторяю, что я считал это бесполезным и излишним, я не уславливался с Богровым насчет скорейшего свидания потому, что знал вперед, буде у Богрова окажутся новости, интересные для меня, то он сам не замедлит придти ко мне и рассказать все ему известное. Так оно и случилось, ибо после гулянья в саду Богров зашел ко мне и передал, что заходил к себе домой, говорил с «Николаем Яковлевичем» и теперь пришел мне дать отчет, сущность которого я уже излагал в своем показании. Застал он меня в постели потому, что это было около 2-х часов ночи. Это верно, что ночью 31-го августа я получил от Богрова предъявленную мне записку (была предъявлена записка, приобщенная к следствию в качестве вещественного доказательства, начинающаяся словами: «У "Аленского" в квартире...» и кончающаяся «жду инструкций»). Произошло это так: около 2-х часов ночи меня разбудил звонок телефона, вызывал меня дежурный по отделению, заявляя, что пришел «Аленский» и желает меня видеть. Я велел попросить «Аленского» к телефону и на мой вопрос: «Что Вам нужно», – «Аленский» заявил, что ему нужно со мной переговорить. Я попросил его записать приметы «Николая Яковлевича» для Демидюка и записать на особую записку те сведения, о которых он сообщал мне еще утром. А затем, когда он кончит это, я обещал принять его. Просил я записать утренний доклад «Аленского» для того, чтобы впоследствии внести в соответствующую книжку. Эту записку принес мне дежурный, кото-

рому я, прочтя записку, приказал пригласить «Аленского». Богрова я на свидание не вызвал, а он пришел по собственному почину. Сообщил он мне, что после Купеческого сада он заходил к себе и говорил с «Николаем Яковлевичем», которому дал отчет о своих действиях в саду, заявив, что собрать приметы и сведения об организации охраны он не мог, ввиду большой толпы, оттиравшей его, и темноты. На это «Николай Яковлевич» заявил ему, Богрову, чтобы он завтра же выполнил это поручение в театре, так как им ждать некогда, скоро кончатся торжества и им надо торопиться, что он, Богров, вынужден был обещать ему свое содействие и вот поэтому он и пришел ко мне, чтобы получить совет, как быть дальше. Прежде всего, меня беспокоил его приход ко мне после разговора с «Николаем Яковлевичем», так как таким поступком он мог провалить себя, уйдя ночью с квартиры, но Богров успокоил меня, сказав, что он замаскировал свой выход, прямо заявив «Николаю Яковлевичу», что он едет к женщине, через которую может достать билет, и даже приглашал его самого поехать к девице, зная наперед, что «Николай Яковлевич» никуда из квартиры не выйдет. Затем мы с Богровым перешли к обсуждению действий его в нашем общем плане. Так, мы решили, чтобы он, Богров, тем или иным способом указал бы наблюдению «Нину Александровну», которая завтра между 12–1 час. дня должна была придти на свидание в его квартиру. Я советовал, если неудобно будет выйти вместе с нею, то указать ее Демидюку своим выходом на балкон. Затем я поручил ему о результатах этого свидания немедленно доложить мне. Билет в театр я ему обещал, если не изменятся условия. По существу нового в это свидание Богров ничего не сообщил мне, все это я знал раньше и цель прихода Богрова была единственно та, чтобы выяснить у меня окончательно, будет ли он допущен в театр, так как ему нужно было дать категорический ответ «Николаю Яковлевичу» о результатах своей ночной поездки, якобы, к даме, которую он называл «Региной».

Ту же записку «Аленского», которую он ночью составил по моему требованию, я показывал генералу Трепову и докладывал по ней генералу Курлову днем 1-го сентября. Видел ее и Веригин в то же утро, видел и Спиридович, но позднее. Показывал я записку эту и адъютанту Столыпина ротмистру Есаулову, с целью предупредить Столыпина и принять меры к усилению его охраны. Утром 1-го сентября я не являлся к Трепову с личным докладом, а говорил с ним по телефону, прося предупредить Столыпина, чтобы тот не выходил из дому, так как в дополнение к прежним сведениям у меня имеются серьезные основания о грозящей Столыпину опасности. Генерал Трепов, собираясь уезжать на маневры, сказал мне, что он напишет письмо Столыпину и по пути на маневры передаст его мне, с тем, чтобы я приготовил записку о тех сведениях, какие я получил, и записку эту вложил бы в то письмо, которое он мне передаст. Я торопился захватить Трепова на пути, наскоро оделся и поехал ему наперерез, захватив его автомобиль у памятника Бобринского, где он взял меня с собою и я, по дороге, до-

ложил ему о всех имевшихся у меня сведениях и прочел записку «Аленского». Трепов передал мне письмо к Столыпину в незапечатанном конверте, велел вложить туда эту записку и ехать к Столыпину с докладом и передать письмо. Я заметил на это Трепову, что личных докладов я у министра не имею, и тогда он направил меня к Есаулову, которому я и передал письмо, сообщив все необходимые сведения. Записки я не вложил в конверт потому, что не считал удобным передавать записку сотрудника, собственноручно им написанную, а своей записки мне некогда было готовить. Я не предлагал вопроса Богрову о том, для чего нужно было собирать приметы Столыпина и Кассо, если успех покушения на них уже обеспечен, не спрашивал также о том, в чем это обеспечение заключалось, из слов Богрова ясно было, что технически у заговорщиков все подготовлено и что вопрос только в моменте осуществления, причем им нужны были не столько наружные приметы министров, сколько сведения об их охране и вот этими-то сведениями они и торопили Богрова, так как только в этом и видели задержку. Конечно, злоумышленники наружные приметы министров легко могли изучить и по карточкам, и не это им было важно; им, как я уже заметил, нужно было изучить обстановку, окружающую министров, и степень бдительности их личной охраны. Мне не казалось нелепым такое требование революционеров от Богрова, ибо они могли организовать покушение и по выходе министров из театра или при одном из будущих посещений музея, университета или гимназии, где предполагалось по расписанию присутствие Государя и министров. Конечно, однократное наблюдение Богрова в театре не могло быть полным и не давало возможности революционерам изучить степень надежности охраны, но это не исключало возможности для Богрова продолжать порученное ему наблюдение и в других местах. Я думаю, что только в этом роль его и заключалась, ибо по условию с нами он не мог принимать активного участия в заговоре. Я задумывался над ролью Богрова в том виде, как он сам мне ее рисовал, и понимал, если не бесцельность, то, во всяком случае, незначительность возложенного на него поручения и у меня мелькала мысль, не есть ли поручения эти простой отвод Богрова, со стороны злоумышленников, что услав его в театр, под видом наблюдения, они могут совершить покушение помимо его. Это обязывало только к особой бдительности наблюдения, так как других мер придумать было нельзя, а, с другой стороны, при удаче наблюдения у нас развязаны были руки и мы могли смело арестовать злоумышленников, не проваливая Богрова.

Я уже говорил выше, что днем 31 августа у меня был Богров и сообщил все те сведения, которые записал на записке. Вечером же, по телефону, он говорил мне только о присылке билета в сад, который я и оставил для него в отделении, а Богров прислал за ним посыльного. Меня не удивило, что такой террорист, как «Николай Яковлевич», без предупреждения приехал к Богрову и поселился у него. Богров дал очень правдоподобное объяснение по этому поводу, что «Николай Яковлевич»

решил временно воспользоваться его квартирой, ввиду отсутствия отца Богрова и что при таких условиях ему неудобно было отказать ему в помещении. Я поверил объяснению Богрова и не видел в нем никакой несообразности. Несообразностей рассказов Богрова не видели и другие лица, в них посвященные, а потому никаких указаний мне, в этом направлении, не делали, и я их не спрашивал.

«Николай Яковлевич» мог сообщить Богрову о приезде «Нины Александровны» ночью 31-го августа, когда Богров посетил его после гулянья в Купеческом саду. Это так и было, ибо Богров сейчас же после этого отправился ко мне и ночью, впервые, сообщил мне о «Нине Александровне», которая должна была придти на свидание к нему в квартиру. В том, что «Николай Яковлевич» сообщил Богрову сведения о «Нине Александровне», я не усматриваю нарушения им обычной конспирации заговорщиков, так как утаить этого он не мог, во-первых, потому, что она сама должна была придти на квартиру Богрова, а, во-вторых, и сам Богров всегда говорил сообщникам, что он слепым орудием в их руках быть не желает и откажет в своих услугах, если не будет знать точно их планов. И мне это не казалось странным, а потому особых вопросов по этому поводу я Богрову не предлагал. О тех способах, какими Богров должен был указать наблюдению «Нину Александровну», я уже говорил. Заведующему наблюдением я дал по этому поводу соответствующие указания. Я задал Богрову вопрос о том, как мог «Николай Яковлевич» сноситься с «Ниной Александровной», раз он не выходил из дому, а она к нему не приходила. Между тем, назначенное заранее свое свидание они, по взаимному соглашению, отложили. Богров мне ответил, что эти сношения происходили по телефону, который у него имеется в квартире. Лично я допускаю возможность таких сношений и через третье лицо, неизвестное ни наблюдению, ни самому Богрову, который часто не бывал дома, и записка могла быть передана «Николаю Яковлевичу» любым человеком, который, не возбуждая ничьего подозрения, мог войти в дом, а затем и в квартиру Богрова.

Я узнал от Богрова о приезде к нему «Николая Яковлевича» днем 31-го августа, но я не спрашивал его, когда и каким путем он к нему прибыл. Мог «Николай Яковлевич» приехать в Киев и ночью 30 августа и рано утром 31-го, когда наблюдения за домом не было, мог придти и позднее, незамеченный наблюдением, так как, повторяю, дом этот очень большой, в нем, кроме квартир, помещается лечебница и народу туда ходит много. Никаких последующих мер по этому поводу я не предпринимал и ни от кого никаких указаний не получал. Филеров по этому поводу я не опрашивал, а с Демидюком говорил и он допускал возможность пропуска наблюдением «Николая Яковлевича», но наряду с этим указывал и на то, что «Николай Яковлевич» мог прибыть и ночью.

Хотя по программе торжеств было много мест, которые должны были посетить Государь и министры, но для Богрова оставалась возможность выполнить возложенное на него злоумышленниками поручение только 31 августа и 1 сентября, так как сам «Николай Яков-

левич» прибыл лишь 31-го и раньше этого никаких поручений Богрову дать не мог; в дни же 31 августа и 1 сентября, по расписанию, были маневры, посещение корпуса и вечером Купеческий сад, а 1-го сентября маневры, посещение ипподрома и театр. На маневры и в корпус допустить Богрова не было возможности, значит, оставалась только возможность пропустить его на ипподром, в сад и театр. На ипподроме Богров не был и билета туда не просил, а в сад и театр я дал ему билет. Если бы Богров был на ипподроме – я бы это знал, так как он сам бы мне об этом сказал, но я его об этом не спрашивал. Если Вы утверждаете, что, по Вашим сведениям, Богров был на ипподроме, то отказываюсь понимать, почему он об этом не сказал. Наблюдение мне об этом не докладывало, и я думаю, что оно и не водило его на ипподром. Коричневые для пропуска на ипподром билеты выдавало бюро, откуда и мог получить такой билет Богров, мог он достать и от знакомых, так как личной проверки при входе не было. Как могли пропустить Богрова к царским местам – я решительно не понимаю.

Ни мне, ни Спиридовичу, ни Веригину Богров не мотивировал свое требование пропуска в театр тем, что его необходимо изолировать от компании бомбистов и никогда не заикался о том, что неправильно поданным сигналом может предотвратить опасность. Говорил он то, что я показал, и свои объяснения, если они расходятся с показаниями Богрова, я могу подтвердить ссылкой на Веригина, при этом присутствовавшего, и на Спиридовича, которому я тогда же, под свежим впечатлением, рассказывал то же, что говорю и теперь. Так же я докладывал и генералу Курлову. Так как Богров не говорил на следствии по поводу требований билета, то я не могу признать справедливым вывод его, то мы в суматохе не вдумаемся в смысл его заявлений. Я, конечно, сознавал всю важность заявлений Богрова, понимал всю тяжесть созданного его доносами положения и необходимость самого внимательного отношения к разработке каждого слова сотрудника, а потому с самого начала я привлек к этому Спиридовича и Веригина, пригласив их непосредственно выслушать сотрудника, а затем мы все вместе все время только этим и были заняты, обсуждая всякие возможности и положения как Богрова, так и нашего, и нам казалось, что мы сделали все, что можно, в пределах человеческой возможности, и стоявшего над нами генерала Курлова мы подробно посвящали во все детали. Арест «Николая Яковлевича» на квартире Богрова, хотя бы вместе с последним, мы признавали бессмысленным потому, во-первых, что этим проваливали Богрова, и, во-вторых, потому, что таким арестом ничего не достигалось, так как ни «Нины Александровны», ни других соучастников заговора мы тогда уже никогда не открыли бы, а один «Николай Яковлевич», взятый без результатов по одним агентурным сведениям или хотя бы и с револьвером, – ничего бы не доказывал. Опасности в оставлении «Николая Яковлевича» никто из нас не усматривал, так как Богров уверял нас, что исполнительницей является не он, – «Николай Яковлевич», – а «Нина». Раз мы признавали

нецелесообразным брать «Николая Яковлевича», то, естественно, у нас не возникало вопроса об устройстве засады в квартире Богрова для задержания «Нины». У меня не возникало сомнений, что густое наблюдение за квартирой Богрова может быть замечено «Ниною», и никому никаких докладов по этому поводу я не делал. Я признаю лживым показание Богрова на следствии, будто он, при разговорах со мною о пропуске в театр, говорил, что он примет на себя роль наблюдателя за Столыпиным и неправильно данным сигналом предотвратит покушение, объяснить такую ложь Богрова я ничем не могу. Так как ничего подобного нам Богров не говорил, то и докладывать об этом не приходилось и никаких особых мер принимать нужды не было. Я не указывал Богрову на то, что объяснение «Николаю Яковлевичу» о невозможность собрать приметы в саду шатко само по себе и могло быть опровергнуто перекрестным за ним наблюдением. По моему мнению, объяснение Богрова перед соучастником вполне логично, раз он утверждал, что ввиду массы публики в саду ему пришлось оставаться далеко позади.

Я признаю, что при свидании с Богровым 1-го сентября в Европейской гостинице, когда он требовал, чтобы ему дан был билет в театр в партере и поближе, – Веригин на это возразил, что, конечно, на первые ряды рассчитывать невозможно, так как там будут сидеть только генералы. Я объясняю стремление Богрова сесть в театре поближе тем, чтобы показать революционерам, что он сидит в партере и действительно выполняет данное ему поручение. Посади мы его далеко, – это могло бы возбудить подозрение. Нам такое требование Богрова не казалось подозрительным. Я не помню, предлагал ли Веригин место Богрову в четвертом ряду, но, во всяком случае, Веригин знал, что билет Богрову будет дан. Ни у меня, да я думаю, и ни у кого другого из тех, кто знал, что Богров будет в театре, – не возникало мысли сделать из Богрова охрану для министра и сам Богров брать на себя такую роль не предлагал. Мы были совершенно спокойны, что в театре обойдется все благополучно.

Разговоры Богрова о необходимости пустить его в театр и о том, что это будет допущено – происходили при Веригине, и подробно были мною доложены Курлову, который одобрил наши предложения, но о том, что я дал билет Богрову, я не докладывал никому, так как было уже поздно, и я только в театре увидал Курлова, которому дважды докладывал о посылке Богрова домой из театра, причем последний доклад не окончил, так как совершилось покушение. Я вовсе не имел намерения скрыть то обстоятельство, что я дал билет Богрову в театр; об этом моем намерении знали все, кому ведать надлежит, а не доложил о факте потому, во-первых, что не было времени, и, во-вторых, потому что принципиально этот вопрос был решен начальством. Я даже считаю, что этот доклад о выдаче билета Богрову я сделал своевременно, ибо как только увидал Курлова, я доложил Курлову, что я услал Богрова из театра посмотреть, не исчез ли «Николай Яковлевич», и таким образом от командира корпуса не было тайной, что Богров в театре.

Я уже подробно показывал, что об отмене дневного свидания «Нины Александровны» с «Николаем Яковлевичем» сведения я получил впервые, когда Богров пришел 1-го сентября, днем, в Европейскую гостиницу. В присутствии Веригина он мне делал свой доклад. По моему мнению, у Богрова рассказ об отмене свидания был вполне логичен; ему заранее было обещано, что «Нина Александровна» придет в его квартиру и посвятит его во все планы, о которых он должен был бы сообщить нам и указать «Нину» наблюдению. Устраняя эту возможность, Богров развязывал себе руки, а нам давал понять, что его держат вдали от замыслов, и у нас действительно возникало сомнение, не отводят ли Богрова умышленно от проникновения в суть заговора, желая воспользоваться лишь необходимыми для них услугами.

В общем я признаю правильность показания Демидюка, но должен дополнить его следующим: еще утром 1-го сентября, выслушав Богрова при свидании в Европейской гостинице, я послал оттуда филера предупредить Демидюка, что наблюдение замечается и дал ему нужные по этому поводу указания. Не передал я ему в этот раз всех подробностей об отмене свидания и назначении нового потому, что таких сведений филерам вообще не сообщается и, кроме того, я сам решил передать эти сведения Демидюку лично, так как до 8 часов вечера времени у меня было довольно. И, действительно, когда я вернулся с ипподрома в седьмом часу вечера, я переговорил по телефону с Богровым и тотчас же позвал к себе Демидюка, которому передал билет для Богрова и посвятил во все те сведения, которые имелись в моем распоряжении, причем приказал: если замечена будет передача бомбы – брать безотлагательно; если наблюдаемые станут на линиях проезда – также арестовывать немедленно; арестовывать и тогда, если «Аленский» со свидания будет идти с папиросой, если же наблюдаемые будут идти с «Аленским» спокойно, – то наблюдать неотступно и выяснить квартиру «Нины» и ту, куда собирался переехать «Николай Яковлевич», не оставляя наблюдения даже ночью.

Подполковник Кулябко.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

[Продолжение]

Я не боялся, что террористы могут увести наблюдение в сторону в тот промежуток времени, пока я был на ипподроме, потому что, если бы из наблюдаемого дома вышел «Николай Яковлевич», то филеры пошли бы за ним и от этого никакого упущения не произошло бы. Я озабочивался обставить наблюдением углы того района, где предполагалось свидание «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной», и поручил Демидюку стянуть из города филеров для этой цели. Я не умалчивал в своих объяснениях о том, что террористы выйдут с оружием и бомбою на путь Высочайшего проезда. Я знал от Богрова, что у «Николая Яковлевича» есть два браунинга, а «Нина Александровна» привезла бомбу, и так как «Николай Яковлевич» в этот день, 1-го сен-

тября, должен был оставить квартиру Богрова и после свидания с «Ниной» перейти на другую, то естественно было предположить, что они могут стать на пути проезда Государя и министров и совершить покушение немедленно; вот почему я и указывал Демидюку, что при наличности таких условий он должен немедленно арестовать обоих наблюдаемых. Но эти предположения совершенно не исключали возможности, что на углу Владимирской и бульвара злоумышленники будут только вырабатывать план покушения, как это подтвердил при свидании Богров. Я руководствовался, когда поручал Демидюку не арестовывать террористов, теми соображениями, что арест их, без указания на прямой умысел и без бомбы, был бы безрезультатен и не дал бы нам гарантии на последующие дни: мы не открыли бы ни квартиры злоумышленников, ни взрывчатых снарядов, ни остальных соучастников. Арест в это время являлся крайней мерой, и я отдал Демидюку приказание задержать наблюдаемых, если бы они стали на пути следования или если бы была замечена передача бомб. Я уже неоднократно повторял, что о всех сведениях, полученных мною от Богрова, я докладывал генералу Курлову и говорил Веригину и Спиридовичу и помню, что на одном из наших совещаний возник вопрос о необходимости изменить маршруты Высочайших проездов, о чем решено было довести, письменно, до сведения дворцового коменданта, но было ли это выполнено, я не знаю. Я признаю правильным показание Демидюка относительно факта передачи ему билета для Богрова и поручения передать таковой ему через швейцара. Я не считал опасным пересылать билет Богрову чрез Поддевкина или Демидюка, потому что приказывал отдать конверт не прямо в квартиру Богрова, а через швейцара или дворника и я не думаю, чтобы приезжие террористы могли знать в лицо Демидюка или Поддевкина.

Я уже указывал раньше, что Богров никогда не мотивировал мне своего требования о билете тем, что ему нужно изолироваться от компании бомбистов и, если он давал такие показания при дознании или при следствии, то они ложны. Я признаю правильным показание Богрова в той части, как оно изложено у вас в 73 пункте. Верно, что в театре Богров снова подтвердил мне, что наблюдение замечается и что я по этому поводу посылал его из театра домой, чтобы «шепнуть» об этом Демидюку и одновременно проверить, дома ли «Николай Яковлевич», и что он, Богров, привез мне ответ, что гость дома и ужинает. Верно и то, что я, боясь утери «Николая Яковлевича», вторично и на этот раз совсем отослал Богрова из театра домой, дабы он неотступно находился при «Николае Яковлевиче» и, в случае выхода, так или иначе указал бы его наблюдению. Оба свои разговора с Богровым в театре я вел в вестибюле, первый раз между одной парой дверей, закрытой для публики, а последний разговор – в проходной комнате у телефона. Я не боялся этими разговорами провалить Богрова; правда, я был в фойе, но вместе с Богровым не входил, а один вперед заходил в указанные места, дав предварительно Богрову знак глазами следовать

за мною. Не отослал я Богрова совершенно из театра после первого моего с ним разговора потому, что тогда Богров, в сущности, еще и не был в театре, так как только потом он занял свое место в партере, да и второй-то раз я отослал его исключительно из-за испытываемого мною волнения от боязни потерять «Николая Яковлевича». Я не сознавал, что, выполняя возложенную на меня задачу по охране, я нарушаю свои обязанности тем, что решил допустить Богрова и в сад, и в театр. Я так ему верил, что не видел никакой опасности в его присутствии на этих торжествах. Посадил его в партере, а не где-нибудь в ярусах по соглашению с Веригиным, ибо ясно было, что если за Богровым будет контр-наблюдение, то искать его будут ближе к министрам. Не посадил я рядом с Богровым переодетых офицеров для неотступного наблюдения за ним самим потому, во-первых, что я верил Богрову, а, во-вторых, потому, что в моем распоряжении не было трех мест подряд, а все были в разных местах. По этим же соображениям я и попытки к этому не делал. Конечно, я мог бы убедить Богрова в необходимости такой меры, но, повторяю, что мне такие меры казались бесцельными ввиду полного доверия к Богрову. Если бы мне или другим чинам охраны были известны лица злоумышленников, проникших в театр, то, конечно, тогда целесообразно было бы, в ограждение министров от опасности, создать внутренние пробки в проходах к ним, дабы не допустить приблизиться кого-либо из злодеев. Не зная же лиц, таких мер принять нельзя было, ибо в театре все двигались свободно и к министрам подходило много лиц здороваться и разговаривать и никого не допускать к ним было невозможно. В третьем ряду в парных креслах прохода сидели полковники Спиридович и Герарди, у царской ложи сидели Дедюлин и Курлов, мое место было в 9-м ряду, а в пару со мной сидел полицмейстер, правый проход занимал полковник Шепель, а в задних рядах сидели другие офицеры корпуса из наряда. Все эти меры имели смысл только при том условии, если бы мы знали злоумышленников в лицо. Из бывших в моем распоряжении 10-ти билетов я использовал: один для Спиридовича, 1 – для Герарди, 1 для меня, 1 для Шепеля, 1 для Богрова, а остальные пять роздал офицерам, находившимся в наряде. Никаких инструкций я им не давал. Я поддерживал из театра связь с Демидюком и помню, кажется, во время первого действия, он прислал ко мне человека с известием, что выхода не наблюдалось. Это был приезжий филер, и фамилии его я не помню. Прямой обязанности присутствовать в театре на меня возложено не было, да я почти и не сидел в зале, а больше находился на улице около театра, проверяя посты народной охраны, мне порученной, а в антрактах считал необходимым поддерживать связь с Богровым. Никаких указаний я не получал по этому поводу. Поручить кому-нибудь свои сношения с Богровым я не считал удобным. В том, что Богров днем приходил в охранное отделение, в Европейскую гостиницу, посылал посыльного, я не видел опасности его провала; эти приемы были обычны и провала от них ни разу не было. Ни от кого никаких указаний на необ-

ходимость изменить этот порядок я не получал. 1-го сентября, когда я говорил с Богровым по телефону, я спросил его, нет ли чего нового, он мне ответил, что перемен никаких и просил прислать билет. До самого последнего момента я верил в правдивость сообщаемых Богровым сведений, никаких противоречий в его словах я не замечал и никаких сомнений и колебаний он во мне не возбуждал. А если бы таковые хоть на минуту зародились у меня, я не только никуда не пустил бы Богрова, но моментально проверил бы его, не останавливаясь даже перед арестом. Мне, конечно, известны требования инструкций, обязывающие лицо, заведующее агентурой, руководить сотрудником, а не слепо подчиняться его указаниям, и инструкция требует обязательной проверки сообщаемых сведений, при малейшей к тому возможности. Известны мне циркулярные распоряжения о недопущении к обязанностям по наружному наблюдению и о недопустимости безграничного доверия к секретным сотрудникам, каковое доверие привело к гибели бывшего начальника Петербургского охранного отделения полковника Карпова[101]. Я не считаю, что я нарушил эти правила, ибо я руководил Богровым, а не слепо подчинялся его указаниям. Я указывал ему, как он должен держать себя и чего добиваться. Проверить сообщенные им сведения я мог только или перекрестной агентурой или наружным наблюдением. Первой у меня не было в той группе, в которой работал Богров, а к проверке наблюдением мною были приняты меры. Равным образом я не считаю, что я нарушил циркуляры департамента о недопущении сотрудников к обязанностям по наружному наблюдению. Я никогда не поручал Богрову филерских обязанностей и обязанностей по охране определенных лиц. Хотя циркуляры и говорят о недопустимости безграничного доверия к секретным сотрудникам и ссылаются на гибель полковника Карпова, но я считаю, что без доверия к сотруднику работать нельзя. Циркуляры эти, правда, я не вспоминал во время киевских торжеств и считал, что раз налицо имеется товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, и вице-директор департамента, то эти лица, зная все обстоятельства дела, могли давать мне указания, что нужно делать и чего нельзя делать и, если я их не получал, то и циркуляров не нарушил. В своей работе, возложенной на меня в дни августовских торжеств, и в своих обязанностях, как начальника охранного отделения, – я не считаю, что поступал неосмотрительно и с недостаточной вдумчивостью относился к положению вещей. К своим обязанностям я относился строго, небрежности не допускал и власти своей ни в чем не превысил, так как бывшее налицо высшее начальство все мои действия одобряло и указаний на неправильности моих действий я не получал.

Показания писал собственноручно.

Подполковник Николай Николаевич Кулябко.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

ГА РФ Ф 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 239–260. Автограф.

Протокол допроса прокурора Киевского военно-окружного суда М.И. Костенко

28 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 28 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Костенко, Михаил Иванович, генерал-лейтенант, 57 лет, православный, военный прокурор Киевского военно-окружного суда, живу по Назарьевской улице в доме 19, кв. 4.

На предложенные мне вопросы по делу о казненном судимом Мордко Богрове отвечаю. Распоряжением киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, на основании 17 ст. Положения об усиленной охране, – оконченное следственное производство об означенном выше подсудимом Богрове, обвинявшемся в принадлежности к преступному сообществу партии анархистов-коммунистов и в предумышленном убийстве, по соглашению с другими лицами, статс-секретаря П.А. Столыпина, 1-го сего сентября в г. Киеве, во время вечернего спектакля в городском театре, в присутствии Государя Императора и его августейших дочерей, поступило во вверенный мне военно-прокурорский надзор утром 7-го сего же сентября, того же числа мною было дано заключение по этому делу, состоялся приказ командующего войсками округа о предании Богрова Киевскому военно-окружному суду и вечером этому же суду был предложен мною обвинительный акт по обвинению Богрова в означенных выше преступлениях. Заседание суда по сему делу состоялось в 4 часа дня 9-го того же сентября в одном из казематов Косого капонира Киевской крепости-склада, где подсудимый Богров содержался под стражей. Обвинял подсудимого на суде лично я. По прочтении обвинительного акта, на вопрос председательствовавшего в заседании генерал-майора Ренгартена подсудимому Богрову, – признает ли он себя виновным в предъявленных к нему обвинениях, – он спокойно и довольно хладнокровно, без всякого с его стороны волнения, ответил, что признает себя виновным лишь в убийстве министра Столыпина; это убийство он совершил помимо участия кого-либо, без обдуманного заранее намерения и без предварительного соглашения с другими лицами, после чего просил суд выслушать его «правдивое и искреннее объяснение» по поводу совершенного им этого преступления. Получив разрешение генерал-майора Ренгартена, подсудимый рассказал следующее. Идеями анархизма начал он увлекаться в бытность свою в гимназии, а в 1906 году вступил членом в партию анархистов-коммунистов; но уже в 1907 году разочаровался в преследуемых ею целях и в том же году вышел из нее окончательно. Около этого же времени он познакомился с начальником

Киевского охранного отделения подполковником Кулябко, которому и обещал оказывать содействие свое в раскрытии как организации этой партии, так и планов ее. Обещанные сведения он доставлял Кулябке до половины 1910 года, когда уехал в Петербург, где также работал в охранном отделении под руководством фон Коттена. В начале 1911 года он возвратился в Киев и поселился на даче у ст. Потоки (возле Кременчуга). Летом этого года к нему дважды приезжали из Парижа делегаты социал-революционной партии: в первый раз с требованием отчета в израсходовании партийных денег, с которыми он тогда же и рассчитался окончательно; во второй раз к нему прибыли делегаты с предъявлением обвинения по сношению его, Богрова, с охранным отделением; причем в этот раз они предложили ему, с целью реабилитировать себя в глазах партии, совершить какой-либо террористический акт, угрожая в противном случае огласить о его провокаторской деятельности, а потом и убить; но Богров не говорил на суде, что ему было поставлено условием убить именно Кулябко. «Так как оглашение это, – продолжал подсудимый, – для меня было хуже смерти, ибо ставило в ужасное унизительное и тяжелое положение пред товарищами, знакомыми и в глазах всего общества, то я и выразил им свое согласие на их предложение; причем первоначально я не знал, кого именно убью, и сейчас не мог даже остановиться на какой-нибудь определенной личности; только уже впоследствии явилась мысль, что объектом этого может быть и Кулябко, постепенно мысль эта укрепилась, и я решил убить последнего, чему покровительствовало постоянное сношение с ним, возможность остаться наедине и даже совершить убийство безнаказанно». Тем не менее, при каждой встрече с Кулябко у подсудимого не поднималась рука, так как Кулябко относился к нему всегда с большим доверием и «ласково», называя «голубчик». Ввиду поставленного срока подсудимый окончательно решил убить Кулябко ночью 31 августа, с какой целью и явился к нему на квартиру; первоначально он написал ему записку о приезде «Николая Яковлевича» с девицей «Ниной Александровной», подписал ее своей кличкой «Аленский», а потом приказал сторожу разбудить Кулябко ввиду передачи важных сведений. Наступил момент очень удобный для совершения убийства, так как сторож, разбудив Кулябко, спустился вниз и ушел, оставив его одного с Кулябкой; но когда к нему, Богрову, вышел последний, прикрывшись одеялом, в одном белье и спросил ласково – «в чем дело, голубчик», то у него не поднялась рука выстрелить из револьвера и он ушел от Кулябки, не выполнив своего намерения; если бы Кулябко тогда вышел к нему в жандармском мундире, то, возможно, что он и убил бы его. Что касается обстоятельств, сопровождавших убийство П.А. Столыпина, то подсудимый объяснил, что явился он в театр с мыслью непременно убить кого-нибудь, может быть и Кулябко, так как срок истекал, но не хватало решимости; но отправляясь в театр, он не знал, что убьет имен-

но министра Столыпина. Расставшись с Кулябкой во 2-м антракте, после решительного требования его уехать из театра домой для наблюдения за «Николаем Яковлевичем», и сообразив, что другого более удобного случая не представится, он, Богров, совершенно машинально направился в партер по ближайшему к царской ложе боковому проходу; шел он совершенно автоматически и если бы его в это время кто-либо остановил, то он или возвратился бы обратно, или же выстрелил в остановившего; также автоматически он подошел ко 2-му ряду кресел и увидел пред собой стоявшего лицом к нему министра Столыпина, вынул из кармана револьвер, выстрелил в него два раза, после чего повернул обратно и медленно пошел, не отдавая себе отчета в том, что он сейчас сделал; при выходе из партера он был задержан. Рассказанная им, Богровым, подполковнику Кулябко история о приезде «Николая Яковлевича» с браунингами и «Нины Александровны» с бомбой была им выдумана, с целью получить доступ на празднества для совершения террористического акта. На предложенный мною подсудимому Богрову через председательствующего вопрос, почему именно он выстрелил в министра Столыпина, а не в кого-либо другого, так как около последнего и ближе к подсудимому стояло много чиновных лиц, он ответил, что потому, вероятно, что Столыпин был самой видной из них личностью и на нем в то время было сосредоточено все внимание общества. Ввиду сознания подсудимого в убийстве П.А. Столыпина, я из 12-ти вызванных мною свидетелей просил допросить только подполковника Кулябко и прочесть показания не явившихся свидетелей, полковника Спиридовича и статского советника Веригина; от допроса же остальных отказался, так как они должны были удостоверить только, что выстрелы в министра Столыпина произвел именно подсудимый. Мордко Богров, защищавший сам себя, присоединился к моему заявлению, находя и со своей стороны излишним допрос этих свидетелей; но когда последние, по вводе их в зал заседания, обратились к председателю с просьбой разрешить им остаться в зале суда, то подсудимый просил председателя удалить их, так как им, Богровым, будут предложены свидетелю Кулябко такие вопросы, которые заключают в себе профессиональную тайну. Ходатайство подсудимого было уважено, и свидетели удалились. Показание свидетеля Кулябко было то же, что и на предварительном следствии. Мною были предложены следующие вопросы свидетелю Кулябко: 1) почему он, допустив Богрова в театр, не только не осмотрел его, но и не учредил за ним наблюдения в театре; на это Кулябко ответил, что он «вполне доверял» Богрову; 2) был ли свидетель уверен в том, что Богров состоит в преступной партии и не выбывал из нее до совершения убийства П.А. Столыпина; Кулябко ответил утвердительно, добавив, что у него имелись к тому основательные данные; 3) если свидетель был уверен в принадлежности Богрова к преступной организации, то на чем же было основано такое полное к нему доверие сви-

детеля, да еще притом при появлении Богрова в том месте, где присутствует Государь Император. На это Кулябко ничего не ответил; 4) почему свидетель в данном случае не руководствовался циркулярным распоряжением министра Столыпина о «сотрудниках», категорически воспрещавшем пользоваться ими для охраны и только разрешавшем узнавать от них о планах партии; на это Кулябко ответил, что о существовании такого циркуляра он не слышал и о таковом распоряжении министра Столыпина он ничего не знает; 5) докладывал ли свидетель генералу Курлову, полк. Спиридовичу и ст[атскому] сов[етнику] Веригину о присутствии в театре Богрова; на это Кулябко ответил, что о нахождении Богрова в театре он всем этим лицам докладывал и что генерал Курлов говорил ему, что об этом он докладывал и министру Столыпину; но докладывал ли он в действительности об этом последнему, – свидетель не знает; 6) почему свидетель, узнав от Богрова о присутствии в его квартире «Николая Яковлевича», организовывавшего покушение на жизнь министра, не распорядился немедленно какими бы то ни было средствами удостовериться в правдивости сообщений Богрова и о немедленном аресте неизвестного взамен устроенных им наблюдений, которые он, свидетель, судя по его беспокойству, признавал и со своей стороны не надежными; на это Кулябко ответил, что он поступил бы против этики, так как не принято производить гласно обыск у «сотрудников» и тем выдавать их партии; также Кулябко отрицал и то обстоятельство, что он рекомендовал Богрова фон Коттену. Как показание, так и ответы на предлагаемые вопросы Кулябко давал спокойно, с уверенностью. Подсудимый Богров, насколько я помню, предложил Кулябке только два вопроса, именно: 1) был ли он, Богров, полезен охранному отделению доставленными им сведениями о преступных организациях, раскрытых им в Киев и др. местах и 2) доставление этих сведений не было ли сопряжено для него, Богрова, с опасностью для его жизни. Подполковник Кулябко подтвердил это. Дополнительно Богров объяснил, что служил он охранному отделению не из-за денег, так как получал от Кулябко гроши, да и то единовременно; да в деньгах он, Богров, и не нуждался, так как имел собственные средства. Против моей обвинительной речи он возразил только, что убийство министра Столыпина он совершил не только без обдуманного заранее намерения и без соглашения с другими лицами, но и неожиданно для себя, так как убить именно Столыпина у него не было плана; от последнего слова подсудимый отказался. Во все время судебного заседания Богров держал себя корректно и совершенно спокойно говорил он, обращаясь больше к публике, в числе которой были министр юстиции Щегловитов[102], командующий войсками, его помощник, киевские губернатор и предводитель дворянства, комендант, члены гражданской и военной прокуратуры. На предложенный мне Вами, г[осподин] товарищ прокурора, вопрос о том, мог ли злоумышленник свободно приблизиться к Государю Императору во время действия, а также

в начале и конце антракта, отвечаю, что если Богров в антракте мог свободно подойти к министру Столыпину, стоявшему в 4–5 шагах от царской ложи, то, по моему мнению, несомненно при начале действия, а также в начале и конце антракта он мог также свободно подойти и к царской ложе; при отсутствии охраны, – он мог быть всеми принят за посетителя, идущего на свое место; в антракте Государь Император уходил в аванложу. На вопрос, – видел ли я офицера жандармского корпуса или полиции в левом выходе из залы во время 1-го или 2-го антрактов, отвечаю, что ни в проходах между креслами, при левом выходе из залы я не замечал их, но в коридоре, соприкасающемся с этим выходом, я видел жандармских офицеров.

Настоящее показание писал собственноручно.

Генерал-лейтенант Михаил Иванович Костенко.

Товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 1. Л. 183–185. Автограф.

Протокол допроса ротмистра К.А. Нагродского

28 сентября 1911 г.

1911 года, сентября 28 дня, в г. Киеве, товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, спрашивал нижепоименованного, который показал:

Нагродский, Константин Адольфович, 29 лет, лютеранин, ротмистр отдельного корпуса жандармов, живу в гост. Гладенюка, скору выеду во Владивосток, куда я назначен начальником охр[анного] отделения.

Я заведовал охраной статс-секретаря Столыпина в его имении в Калноберже, но в Киев я его не сопровождал.

Когда супруга министра, после получения телеграммы о покушении, отбыла в Киев, то, по ее просьбе, я сопровождал ее до Киева.

В Киеве я явился представиться командиру корпуса генералу Курлову и в гостинице встретил подполковника Кулябко, который, к моему удивлению, безо всякой с моей стороны инициативы, стал мне рассказывать о печальном событии, имевшем место в городском театре 1 сентября.

Я спросил Кулябко, как он решился допустить в театр сотрудника и, если уже необходимо было допустить, то почему он не приказал его обыскать и не установил за ним наблюдения.

На это Кулябко мне ответил, что Богров был выдающимся сотрудником, давал прекрасные сведения, благодаря которым было произведено несколько отличных ликвидаций, так что он, Кулябко, очень доверял Богрову.

Вместе с тем Кулябко тогда же сказал мне, что сообщенные Богровым сведения о готовящемся нападении на министра были настолько важны, что он не счел возможным взять это дело, т.е. разработку данных Богровым сведений, в свое исключительное ведение и немедленно же сообщил донесение Богрова таким «специалистам и знатокам» розыска, как Спиридович и Веригин, которые лично видались с Богровым.

Дальше Кулябко мне сказал, что «разработку сведений, данных Богровым, о прибытии террористов для совершения покушения на министра он, Кулябко, разрабатывал совместно с Веригиным и Спиридовичем».

В чем состояла эта разработка, Кулябко мне не говорил, но сказал, что «все это было сделано на бумаге» и что «все сведения, сообщаемые Богровым, а также разработка этих сведений были известны командиру корпуса».

Разговор с Кулябкой продолжался недолго, потому что меня позвали к командиру корпуса.

Ротмистр Нагродский.

Товарищ прокурора Бусло.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 187–188. Подлинник.

Показания заведующего охраной П.А. Столыпина ротмистра К.К. Дексбаха

30 сентября 1911 г.

30 сентября 1911 г. в С.-Петербурге ротмистр отдельного корпуса жандармов Константин Константинович Дексбах на предложенные ему сенатором М.И. Трусевичем вопросы объяснил:

Я, ротмистр отдельного корпуса жандармов Константин Константинович Дексбах, православный, 38 лет, проживающий в С.-Петербурге по Ковенскому переулку в доме № 9, кв.12, был командирован в распоряжение бывшего председателя Совета министров, ныне скончавшегося статс-секретаря П.А. Столыпина в конце июня месяца 1906 года. В это время статс-секретарь Столыпин проживал на Аптекарском острове, при моем представлении ему он мне объявил, что возлагает на меня охрану себя лично и проживающей с ним его семьи, а также и общее наблюдение за находившимся при нем штатом низших служащих и порядком на острове, присовокупив, что берет меня в свое распоряжение временно, до приезда в Петербург ротмистра отдельного корпуса жандармов Федорова[103]. В означенной командировке я пробыл до 1-го числа августа того же года, затем был сменен ротмистром Федоровым, а через несколько дней после последовавшего 12 августа взрыва на даче[104], вновь вызван в распоряжение бывшего председателя Совета министров Столыпина и оставался при нем бессменно в течение пяти с лишком лет до дня его кончины. Все время своей службы на мне лежа-

ло общее наблюдение за составом людей, входивших в личную охрану покойного председателя Совета министров, а также руководство ими, но, кроме того, на мне лежала обязанность сопровождения председателя Совета министров при поездках служебных, частных и его прогулках, а также составление маршрутов для поездки, распределение времени и дача указания лицам, принимавшим участие в охране. Обыкновенно статс-секретарь Столыпин призывал меня к себе в кабинет и говорил мне лично, что тогда-то и в такое-то время ему нужно быть там-то; все же дальнейшие распоряжения, как, например: выбор способа передвижения, дороги и т.д. я брал на себя и при этом всегда сопровождал лично сам покойного статс-секретаря Столыпина в том же экипаже, в котором ехал он, на той же яхте, катере, автомобиле. Я всегда стремился быть в непосредственной от него близости при каких бы то обстоятельствах мне ни приходилось его сопровождать и в какой бы то обстановке я ни находился. При поездках, носивших частный характер, это не представляло никаких затруднений и я всегда находился безотлучно при статс-секретаре Столыпине, но при разных торжествах, носивших официальный характер, находиться около министра часто представлялось затруднительным, но я, несмотря на это, всегда стремился все же следовать за ним. Как на пример могу указать следующее. При еженедельных поездках с докладом к Его Величеству в Царское Село или Петергоф, я находился все время безотлучно около председателя Совета министров при поездках в городе, по железной дороге и расставался с ним только в тот момент, когда он приглашался в кабинет к Государю Императору, дожидаясь все время во дворце выхода статс-секретаря Столыпина по окончании доклада. При поездках на Высочайшие выходы я сопровождал статс-секретаря Столыпина, все время присутствовал и во дворце, а во время обедов и завтраков приглашался также и на них и садился обыкновенно с г[осподами] офицерами собственного Его Императорского Величества конвоя, все время следя за моментом, когда министр пожелает возвращаться домой, так что при выходе из дворца я всегда бывал рядом с ним. Мне пришлось сопровождать покойного статс-секретаря Столыпина в Ревель, когда туда приходила английская эскадра и английский король Эдуард[104]. Председатель Совета министров все время жил на яхте «Алмаз» и ходил на катере без моего сопровождения только на Императорскую яхту «Штандарт», а также на яхту английского короля вместе с бывшим морским министром генерал-адъютантом Диковым[105] и министром иностранных дел А.П. Извольским[106], при поездке же его в город для встречи Их Величеств я сопровождал статс-секретаря Столыпина и был около него. На торжествах 200-летия присоединения гор. Риги я присутствовал по вызову председателя Совета министров, который приехал в Ригу из своего имения Колноберже, я же приехал в Ригу заранее и там его встретил; жил все время в одной квартире со статс-секретарем Столыпиным в замке (дом губернатора) и всюду сопровождал его вместе

с его секретарем Михаилом Владимировичем Яблонским. При представлении в белом зале замка Его Величеству Государю Императору депутации, статс-секретарь Столыпин находился около Государя, я же был тут же в числе свиты около министра. Затем Его Величество Государь Император изволил осматривать во дворе замка депутации вольных пожарных дружин, волостных старшин и т.д. Статс-секретарь Столыпин был все время около Его Величества, я же находился в числе лиц свиты в непосредственной близости от министра. Во время Высочайших поездок в Риге, которые совершались на автомобиле, непосредственно за Его Величеством следовали министр Императорского Двора, статс-секретарь Столыпин, генерал-адъютант Дедюлин, а затем еще несколько моторов с лицами свиты, на одном из моторов я тоже ездил все время вместе с секретарем председателя Совета министров Михаилом Владимировичем Яблонским и [при] приездах к пунктам назначения и остановках немедленно бросался вперед и занимал место около министра или возможно от него ближе. Поступал все время так при поездках в Собор, Лютеранскую церковь, замок Черноголовых, в Царский сад, на открытии памятника и т.д. За последние два года при поездках покойного статс-секретаря Столыпина в Полтаву, Сибирь, а также в имение Колноберже в Ковенскую губернию я его не сопровождал, так как всякий раз получал на это личное приказание Его Высокопревосходительства, в эти же поездки по распоряжению товарища министра генерала Курлова назначались другие офицеры отдельного корпуса жандармов, а именно: при поездках в Полтаву подполковник Лукьянов[108] и в другие: ротмистр Нагродский, Оболенский, Офросимов[109] и т.д.

К вышеизложенному нахожу необходимым добавить, что последние два с лишним года совместно со мной нес службу при статс-секретаре Столыпине подполковник отдельного корпуса жандармов Ричард Юльевич Пиранг, который также не сопровождал министра ни в одну из отдаленных поездках. После покушения на жизнь статс-секретаря Столыпина, бывшего 1 сентября вечером, я получил 2 сентября вечером приказание переговорить по телефону с начальником штаба отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенантом Гершельманом[110]. Я телефонировал Его Превосходительству в 8 час. 10 мин. вечера, и он сказал мне, что получил срочную телеграмму от командира корпуса жандармов генерал-лейтенанта Курлова, в которой он приказывает мне немедленно, с первым же поездом явиться в Киев. Ближайший поезд отходил в Киев в 9 час. 5 мин. вечера, и поэтому я не заезжая домой, в чем был, вскочил на таксомотор и поехал на Варшавский вокзал, а затем выехал в Киев в 9 час. 5 мин. В одном поезде со мной ехал брат статс-секретаря Столыпина Александр Аркадьевич Столыпин[111] с супругой Ольгой Николаевной, секретарь министра Яблонский, чиновник особых поручений при Мин[истерстве] вн[утренних] дел Чумиков и другие. Мне тут же в дороге высказали свою радость, что я еду в Киев, Александр Аркадьевич Столыпин и его супруга, а также сожаление, что я не со-

провождал министра в Киев и не был при нем в момент покушения. Прибыв в Киев в ночь на 4-е сентября в 12 час. 44 мин. пополуночи, я тотчас же телефонировал командиру корпуса прямо с вокзала, что согласно его приказанию прибыл в Киев, но мне ответили, что Его Превосходительство спят; тогда я телефонировал секретарю командира корпуса г[осподину] Сенько-Поповскому, который мне ответил: «Сейчас доложить про Вас не могу, сообщите мне адрес гостинице, где Вы остановитесь, и я Вам завтра утром дам ответ около 11 час. утра или еще лучше, телефонируйте мне сами в это время». Я ответил, что остановиться нигде не могу, так как выехал совершенно неожиданно, за сорок минут до отхода из Петербурга поезда, не имею ни документов, ни лишних денег, ни вещей и оставался на вокзале. 4-го утром я вновь два раза телефонировал г-ну Сенько-Поповскому и, наконец, он меня пригласил к командиру корпуса. Прибыв к генерал-лейтенанту Курлову, я был им немедленно принят, причем он мне приказал отправиться прямо от него в лечебницу доктора Маковского и принять на себя охрану лежавшего там председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина, а затем заехать к нему и доложить, что мною все сделано. Я попросил генерал-лейтенанта Курлова не отказать, дать мне письменное предписание о возложении на меня охраны и одновременно с сим предписать чинам полиции, находящимся в Киеве оказывать мне по первому моему требованию полное содействие. Командир корпуса велел мне пройти к и. об. вице-директора д[епартамен]та полиции Веригину и попросить его от его имени написать мне нужное мне предписание и прислать ему для подписи. Я нашел г-на Веригина в столовой Европейской гостиницы за завтраком с полковником Спиридовичем, г[осподином] Сенько-Поповским, адъютантом генерала Курлова и каким-то господином монгольского типа, передав г[осподину] Веригину приказание генерал-лейтенанта Курлова, я подождал исполнения его тут же в столовой и затем, получив его, немедленно выехал в лечебницу доктора Маковского. В лечебнице, приняв нужные, по моему мнению, меры по охране, я явился вторично к генералу Курлову и доложил, что вступил в исполнение своих обязанностей. Затем я был все время в лечебнице до 10-го сентября – дня отъезда семьи покойного председателя Совета министров в Колноберже после похорон. Считаю своим долгом указать на то, что все члены семьи статс-секретаря Столыпина высказывали мне неоднократно свое удовольствие по поводу моего вызова в Киев и сожалели, что меня не было в нем ранее. В данном случае могу указать на супругу министра[112], его брата, старших детей, его зятя Бориса Ивановича Бока[113], племянницу Ольгу Михайловну Веселкину, зятей А.Б. и Д.Б. Нейдгардт[114] и др. Общие выражения доверия и доброго ко мне отношения служили для меня прямым доказательством того, что последние два года мне не приходилось сопровождать покойного статс-секретаря Столыпина при его поездках из Петербурга не по его нежеланию меня брать с собою или кого-либо из членов

его семьи, а по каким-либо другим, для меня неизвестным, соображениям. Сам же статс-секретарь Столыпин за все время моего при нем служения продолжал до последней минуты относиться ко мне в высшей степени милостиво, доброжелательно и с полным доверием.

Ротмистр Дексбах.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 6. Л. 228–232об. Подлинник.

Письмо генерал-лейтенанта П.Г. Курлова министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу

30 сентября 1911 г.

Милостивый государь барон Владимир Борисович.

Сегодня мне передали, что Его Императорскому Величеству благоугодно было выразить удивление, что такой честный и преданный слуга как я не подал до сих пор после киевских событий в отставку. За мою более чем тридцатилетнюю службу всякое малейшее слово Государя Императора было для меня законом, а потому я имею представить мою отставку министру внутренних дел.

Не зная за собой никакой вины, но допуская, что в положениях, подобных настоящему, начальник отвечает за действия своих подчиненных, я в ночь с 1-го на 2-е сентября в кабинете киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Трепова заявил временно исправляющему должность председателя Совета министров статс-секретарю Коковцову[115] о моем желании подать в отставку, на что получил ответ, что в подобный момент нельзя говорить об отставке, а затем указания продолжать мои обязанности по охране в Чернигове и в Севастополе. Перед отъездом статс-секретарь Коковцов передал мне, что по докладу Его Императорскому Величеству мне повелено, закончив все распоряжения по Севастополю и Ялте, ехать в Петербург и вступить в исполнение моих обязанностей. Я исполнил это повеление и, больной, до сего дня работал по-прежнему.

Теперь я считаю себя вправе как человек, прослуживший столько лет вполне безупречно, довести до сведения Вашего Высокопревосходительства и покорнейше просить Вас доложить Государю Императору истинное положение дела. Оно предупреждает производящееся расследование, но я позволяю себе это сделать, так как никогда не говорил неправды своему Государю и уверен, что никакое расследование моих слов не поколеблет. Я не знаю, что ставится мне в вину, так как сенатор Трусевич, произведя уже около двух недель расследование, не счел нужным меня спросить, т.е. мне не предоставлено того права, которое имеют по закону самые обыкновенные преступники. Ва-

шему Высокопревосходительству известны все те меры, которые я принимал при путешествиях Их Императорских Величеств за последние два года и то обстоятельство, что я лично входил в мельчайшие подробности, касающиеся охраны. Не отступил я от этого правила и в Киеве.

27-го августа начальником охранного отделения мне было доложено, что к нему явился его старинный испытанный сотрудник, который открыл ему много важных дел и сведения которого подтверждались всегда до мельчайших подробностей, и заявил, что к нему на дачу близ Кременчуга прибыло одно лицо, которое он знал только по имени и отчеству и с которым познакомился, будучи в Петербурге у известных своей революционной деятельностью Кальмановича и Лазарева. Лицо это просило сотрудника устроить ему на последние дни пребывания Их Императорских Величеств в Киеве квартиру для большого дела, обещая своевременно посвятить его во все подробности. Я немедленно приказал подполковнику Кулябко сообщить эти сведения начальнику С.-Петербургского охранного отделения, предложив ему разработать группу Кальмановича и Лазарева и иметь тщательное наблюдение за выездом из Петербурга кого-либо из лиц, входящих в ее состав. Кроме того, я немедленно командировал в г. Кременчуг отряд филеров под начальством ротмистра Муева, дабы следить там за появлением указанных сотрудником лиц.

Я настолько серьезно отнесся к этим сведениям, что вызвал к себе из Полтавы полковника Зейдлица[116] и дал ему подробные указания, дабы отозвание из Кременчуга командированного туда из Полтавы полковника Кременецкого[117] и замена его ротмистром Муевым не вызвали никаких сомнений. 28-го я доложил эти сведения покойному министру внутренних дел.

До утра 1-го сентября никаких сведений от сотрудника не поступало, или вернее, никаких сведений мне не было доложено, несмотря на ежедневные доклады подполковника Кулябко, который доложил мне только, что разработка в Петербурге ничего не дала.

Утром 1-го сентября мне было доложено, что к сотруднику накануне прибыло то же лицо, которое посетило его в Кременчуге, и сообщило, что кроме него в Киев приехала некая «Нина Александровна», имеющая при себе бомбы, и еще два или три лица.

Неизвестный остановился, по словам сотрудника, у него в квартире, куда в 12 часов должна была придти «Нина Александровна». По словам сотрудника, ему вечером было поручено отправиться в Купеческий сад и ознакомиться с приметами статс-секретаря Столыпина, министра народного просвещения Кассо, на которых готовилось покушение, так как, по словам прибывшего, они не дерзают посягнуть на драгоценную жизнь Его Императорского Величества, боясь еврейского погрома.

Сотрудник этого поручения не исполнил, сказав своему знакомому, что хотя он и был в Купеческом саду, но близко указанных выше лиц не видел. Эти сведения были доложены киевскому генерал-губернатору и вкратце сообщены дворцовому коменданту полковником Спи-

ридовичем при отъезде Его Императорского Величества на маневры, при этом подполковник Кулябко доложил мне, что он принял особые меры наблюдения за домом генерал-губернатора, где проживал статс-секретарь Столыпин, и установил там даже офицерский пост, чтобы не пускать никого в приемную без опроса.

За квартирою сотрудника было установлено самое тщательное наблюдение под личным руководством опытного заведующего наружным наблюдением.

Я, немедленно испросив по телефону разрешение г[осподина] министра, отправился к нему с докладом, поручив статскому советник Веригину предупредить об угрожающей опасности министра народного просвещения и доложить, что в случае непременного желания Его Высокопревосходительства выехать на смотр потешных, ему будет прислан мотор с чинами охраны.

Доложив подробно статс-секретарю Столыпину все обстоятельства дела, я просил его подчиниться тем же мерам предосторожности, на что он и согласился, хотя и не придал доложенным сведениям особого значения.

Возвратившись домой, я узнал от подполковника Кулябко, что «Нина Александровна» не пришла в 12 часов в квартиру сотрудника и что он приезжал сообщить об этом в Европейскую гостиницу, добавив, что свидание входящих в состав группы лиц должно иметь место в 8 часов на Бибиковском бульваре. Я подробно обсудил, как действовать в случае этого свидания, приказав, если они направятся на линию Высочайшего проезда, их арестовать.

Хотя заявление сотрудника касалось готовящегося покушения на жизнь статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения, я допускал возможность, что злоумышленники могут посягнуть и на Священную особу Государя Императора, а потому принял нижеследующие предупредительные меры:

1) Лично объехал полицейский наряд, выставленный по пути возвращения Его Императорского Величества с маневров, громко приказывая полицейским офицерам снять наряд до особого приказания, так как приезд Его Императорского Величества будто бы задержался. Государь Император проследовал благодаря этому совершенно незамеченным.

2) Приказал выставить второй наряд для кружного пути на ипподроме и доложил дворцовому коменданту о необходимости для Его Императорского Величества следовать в театр в закрытом моторе без свиты.

На ипподроме я вторично доложил министру все обстоятельства дела.

Вернувшись в 8 часу домой и наскоро пообедав, я с полковником Спиридовичем объехал наряды, осмотрел театральные подъезды, указав малый подъезд, через который должен был пройти статс-секретарь Столыпин.

При входе в театр, куда я прибыл вслед за мотором Его Императорского Величества, министр сказал мне, что подполковник Кулябко только что доложил ему, что свидание в 8 часов вечера не состоялось, и

приказал в первом же антракте выяснить положение дела и обсудить необходимые меры.

В антракте подполковник Кулябко доложил мне, что сотрудник приезжал сообщить ему, что прибывший продолжает быть у него на квартире и должен в 11 часов отправиться на другую, подысканную злоумышленниками.

Подполковник Кулябко добавил, что он отправил сотрудника немедленно обратно домой.

Все это я тотчас же доложил министру.

В следующем антракте я вновь получил приказание узнать от подполковника Кулябко, нет ли каких-либо новых сведений. Последний мне доложил, что Богров вновь приезжал сообщить, что неизвестный не отлучился из квартиры и получил приказание немедленно вернуться домой и оставаться там безотлучно.

Доклад этот был прерван роковым выстрелом.

Все изложенное приводит к несомненному заключению, что я отнесся к полученным сведениям самым внимательным образом и принял все зависящие от меня меры.

О нахождении Богрова в театре я не знал, да и не мог знать по времени и обстановке и, конечно, никогда ничего подобного не допустил, так как два года по личному убеждению и указанию покойного министра упорно боролся с излишней склонностью начальников охранных отделений более, чем необходимо, доверять сотрудникам, а тем более возлагать на них какие-либо обязанности по охране. Доказательством моего взгляда на этот вопрос служит то обстоятельство, что за 3 дня до приезда Его Императорского Величества в Киев я вернул обратно в Петербург трех интеллигентных филеров центрального отряда только потому, что они не состояли на государственной службе, а я не признавал возможным допустить их к охране даже на улице.

За время заведования полицией я проводил этот взгляд в циркулярах, ревизиях и личных указаниях офицерам, начиная с тех, которые поступали на подготовительные курсы, на которых впервые при мне стали преподавать теорию политического розыска.

Почти месяц прошел с несчастного события в Киеве и за все это время на меня беспрепятственно выливаются целые потоки грязи. Я выдержал это, считая себя не вправе, находясь на службе, выступать с какими-либо опровержениями. Затрагиваются не только мои распоряжения по охране, но моя личная жизнь с инсинуациями на присвоение казенных денег.

Не в целях оправдания, но я все-таки долгом считаю доложить Вашему Высокопревосходительству, что все произведенные мною расходы оправдываются документами; на секретные и не подлежащие оглашению расходы, а тем более мои личные, не истрачено ни копейки.

В остатке 39 000 руб.

Я не буду больше утруждать Вашего внимания, да и слишком тяжело оправдываться, не чувствуя за собою вины.

За свою продолжительную службу по администрации я усиленно подвергался нападкам левых партий, особенно после того, когда в Курске и Минске подавил аграрные и революционные беспорядки. События в Минске подвергались обсуждению Правительствующего Сената, который единогласно признал мои действия правильными. Две бомбы, которые, слава богу, не разорвались, настоятельные угрозы со стороны революционеров, не удержали меня через несколько дней после убийства б[ывшего] начальника Главного тюремного управления Максимовского[118] занять этот опасный пост.

Статс-секретарь Столыпин и министр юстиции статс-секретарь Щегловитов, настаивая на этом моем назначении, прекрасно понимали всю тяжесть предстоявшей мне работы, а потому 24-го октября было испрошено Высочайшее повеление о назначении меня в Правительствующий Сенат, в случае оставления мною должности без другого назначения, Высочайшее повеление, повторенное при назначении меня на пост товарища министра.

Этим обеспечивалось мое существование, если бы здоровье, пошатнутое службою, не дало мне возможности продолжать таковую. В этой милости я нуждался, так как личными средствами не обладаю, а те дела, которые у меня были, окончательно подорваны теперешними событиями.

Хотя в настоящее время я плохо владею рукою и ногою, но с голоду не умру. Меня интересует только мое доброе имя. С сознанием исполненного долга и со спокойной совестью прошу я об увольнении меня от службы.

Я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству не с просьбою о снисхождении и милосердии, а с просьбою о справедливости. Я прошу для восстановления моего доброго имени суда над собою и милости Государя Императора выслушать мой личный доклад.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, П. Курлов.

ГА РФ Ф 97 Оп. 1 Д. 1а. Л. 177–183. Копия

Донесение командира Московского дивизиона П.К. Терпелевского[119] в канцелярию сенатора М.И. Трусевича

30 сентября 1911 г.

На отношение Ваше от 27-го сентября сего года сообщаю, что на офицеров вверенного мне сводного жандармского дивизиона возлагалось поддержание наружного порядка по пути Высочайшего следования, согласно Приказа по киевской городской полиции во время торжеств по случаю освящения памятника Императору Александру II, 29, 30 и

31 августа 1, 2, 3, 4, 5 и 6 сентября сего года и они находились в нарядах только в конном строю, а потому в театре на парадном спектакле 1-го сентября из офицеров сводного дивизиона никого не было и никаких инструкций относительно охраны бывших в театре министров никто из офицеров не получал.

Командир дивизиона полковник Терпелевский.

Адъютант дивизиона штабс-ротмистр Соколовский[120].

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д 1. Л. 200. Подлинник

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ДИВИЗИОНА М.И. КАЗАКОВА[121]

30 сентября 1911 г.

На отношение Ваше от 27-го сентября сего года за № 30 уведомляю, что из офицеров вверенного мне дивизиона были в командировке в г. Киеве: полковник Андреев[122], ротмистры: Козловский, Кривцов[123] и Рогаль-Левицкий[124], штабс-ротм[истр] Рассказов[125], поручики: Цихоцкий[126] и Талалаев[127]. Из них 1 сентября находились в наружном наряде у театра: полковник Андреев, шт[абс]-ротм[истр] Рассказов и поручик Талалаев. Внутри театра в наряде никто из офицеров вверенного мне дивизиона не находился. Каких-либо инструкций об охране присутствующих министров никто из них не получал.

После съезда публики в театр, находившиеся в наружном наряде офицеры входили в театр, а именно – полковник Андреев, на несколько минут во время первого действия, поручик Талалаев – во время 1 и 2 действия стоял в проходе в зрительном зале два первых действия и сидел в 10 ряду (кресло за № 230) по билету, который ему предложил подполковник Кулябко.

Командир дивизиона генерал-майор Казаков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1 Л 201–201об. Подлинник

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ

4 октября 1911 г.

Государь Император, 4 октября 1911 года, в Левадии, по всеподданнейшему докладу председателя Совета министров, Высочайше повелеть соизволил на предоставление сенатору Трусевичу, в обеспечение полноты производимого им расследования о действиях должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в Киеве, нижеследующих прав:

1) требовать от всех правительственных ведомств и должностных лиц, в том числе от судебных учреждений, жандармских управлений и охранных отделений, а равно и кредитных установлений, все необходимые сведений и дела, касающиеся производимого расследования,

2) требовать явки для представления личных объяснений и показаний как должностных лиц всех ведомств, так и частных лиц, и

3) в случае надобности усилить личный состав чинов, командированных в его распоряжение, привлекать к участию в производимом им расследовании лиц, состоящих на службе, по соглашению с их непосредственным начальством.

ЗПСЗ Т. 31. № 35959
Собрание узаконений. 1911. 21 октября. Отд. I. Ст. 1889.

Выписка из показания заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина

4 октября 1911 г.

Перед путешествием Государя Императора летом 1910 г. в г. Ригу генерал Курлов приказал составить Положение о временном охранном отделении в Риге. Это отделение должно было функционировать лишь некоторое время до прибытия Его Величества и в течение пребывания Государя Императора в Риге. Положение всего из 7 пунктов было выработано по особому отделу и утверждено генералом Курловым. Начальником временного охранного отделения был назначен Кулябко. По каким причинам генерал Курлов признал необходимым создать временное охранное отделение в Риге и почему во главе его поставить Кулябку, мне неизвестно. В то время в Риге не было охранного отделения, обособленного от губернского жандармского управления. При Лифляндском управлении тогда состоял подполковник Флоринский, который и ведал розыском. Деятельность Лифляндского управления по части розыска, по моему мнению, по вине начальника управления, не была достаточно удовлетворительной.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 2. Л 53 Заверенная копия

Выписка из показания подполковника Н.Н. Кулябко

4 октября 1911 г.

Я затрудняюсь определить формальную роль статского советника Веригина в Киеве во время его пребывания здесь; пределы его полномочий мне совершенно неизвестны. Я знаю, что Веригин, как и. о. вице-

директора д[епартармен]та полиции и лицо, близкое к генералу Курлову, участвовал во всех предварительных совещаниях по организации охраны, регистрации и выдаче билетов на торжества; роль его не была пассивной, он очень часто, гораздо чаще других, возражал генералу Курлову, указывал, например, что на тот или иной порядок не хватит людей, что расставить их нужно так; вообще он был в курсе всего дела и принимал участие во всех распоряжениях Курлова, сопровождая его всюду. Очень часто через него передавались приказания командира корпуса, а в день открытия памятника он, Веригин, был послан Курловым на думскую площадь для наблюдения за поддержанием порядка. Вообще мне казалось, что Веригин был представителем д[епартамен]та полиции при генерале Курлове, советчиком и юрисконсультом по делам, соприкасавшимся с деятельностью д[епартамен]та пол[иции], как например, по филерскому делу, по вопросу об издании обязательных постановлений местной административной властью, по сношениям с д[епартамен]том пол[иции] и т.п. функциями. Вообще Веригин был правой рукой генерала Курлова.

На совещаниях Веригин держался очень самостоятельно; нередко не соглашался с генералом Курловым, но самостоятельной власти, конечно, не имел и самостоятельных распоряжений не делал, т.к. все делалось по приказаниям самого Курлова. Возражал он, считая необходимым сберечь генерала Курлова от неосторожных распоряжений, которые могли бы вызвать нарекания. Полковник Спиридович действовал в своей области самостоятельно, но не без ведома Курлова, а в делах общей охраны всегда с согласия командира корпуса.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 50–50об. Заверенная копия.

Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка

5 октября 1911 г.

1911 г., октября 5 дня в г. Киеве я, прокурор С.-П[етер]б[ургской] судебной палаты В.Е. Корсак, по поручению сенатора М.И. Трусевича, дополнительно допрашивал нижепоименованного, который показал:

Я, Самсон Иванович Демидюк, на предложенные мне вопросы отвечаю: в течение весны и лета текущего 1911 г. я неоднократно встречал в Киеве «Аленского»-Богрова. С ним я не разговаривал, но о своих встречах говорил не раз подполковнику Кулябке, предполагая, что он ввиду приближающегося тревожного времени на время киевских торжеств воспользуется услугами испытанного сотрудника. Я не знаю, виделся ли подполковник Кулябко с Богровым раньше, но когда сам Богров

днем 26 августа, часов в 12, позвонил в отделение и заявил мне, что хочет видеть «хозяина» (начальника), я был очень обрадован, так как считал, что, возобновив отношения с «Аленским», отделение будет хорошо осведомлено о всех замыслах революционеров. Как раз в этот день у нас в отделении покончил жизнь самоубийством задержанный Муравьев и у меня невольно возникла мысль, не «Николай ли Яковлевич» это, о котором говорил «Аленский». Я не знал, что наш писец Сабаев[128] был вхож в квартиру «Аленского»-Богрова, где горничной служила его кума Батурина и узнал об этом лишь впоследствии. Еще раз повторяю, что за «Аленским»-Богровым никакого наблюдения не велось ни в августе, ни в сентябре этого года.

С подлинным верно.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ Ф 271 Оп. 1. Д. 2. Л 56. Заверенная копия

Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича

7–10 октября 1911 года

Организации народной охраны я не касался и знаю только, что она состояла в ведении подполковника Кулябко, который и руководил ею по местам проезда. От подполковника Кулябко я слыхал, что и он и все чины отделения крайне обременены работой и что Кулябко возбуждал вопрос о замещении офицера для поручений, откомандированного от отделения незадолго перед тем; я и сам говорил об этом с г[енералом] Курловым, но какое разрешение получил этот вопрос, мне неизвестно. Подполковник Кулябко мне не рассказывал, что ходатайство его по этому предмету было отклонено за недостатком средств, находившихся в распоряжении ген. Курлова. Помню, что или ген[ерал] Курлов, или кто-то из ближайших к нему лиц, высказывался в своем кругу о том, что на последнюю поездку Его Величества ассигновано значительно меньше, чем на прежнюю. На охранную агентуру было выдано все, что полагалось, без всяких урезок. Уже давно я слышал от Веригина, что департамент полиции притесняет подполковника Кулябко, придерживаясь такой же системы по отношению к другим хорошим начальникам охр[анных] отделений. Сам Кулябко мне по этому поводу, насколько помню, не писал. Вице-директор департамента полиции Виссарионов[129] при случайной встрече просил меня сообщить Кулябко частным образом о том, что, по имеющимся в департамента полиции секретным и печатным из нелегальных газет данным, в Киеве идет хорошо работа некоторых революционных организаций, между тем у Кулябки сведений о том нет; Виссарионов и просил по-родственному повлиять, дабы отделение получше работало в отношении агентуры. Об этом я написал Кулябко. Много раньше меня однажды ген[ерал] Курлов просил написать Кулябке, дабы он не позволял себе резкостей в пере-

писке с департаментом. Я не просил ни ген[ерала] Курлова, ни Веригина разобраться в пререканиях департамента полиции с Кулябкой. Кулябко был вызван в Петербург и говорил, что его потребовали для объяснений с департаментом. После этого я не от Кулябки, а от Веригина слыхал, что в присутствии генерала Курлова была устроена очная ставка между Кулябко и зав[едующим] ос[обым] отделом полковником Ереминым и что Кулябко оказался правым. Генерал Курлов весьма ценил Кулябко, зная его деятельность еще во время бытности своей киевским губернатором. Назначению Кулябки начальником временного Рижского охранного отделения я не содействовал и выбор на нем, очевидно, остановился потому, что он уже имел опыт по охране за время пребывания Его Величества в Полтаве и Киеве в 1909 году. Я вместе с Веригиным был командирован для организации охраны Высочайших особ в 1909 г. в Ракониджи, а в 1910 году в Гомбург, Фридберг-Наугейм, причем Веригин являлся представителем департамента полиции для сношения с местными властями, парижскою агентурою и для донесения нашему Министерству внутренних дел. В обоих случаях наши агенты поступали в распоряжение местных властей. Нарядами агентов Веригин не заведовал. В Гомбурге при нем состоял заведующий заграничной агентурой, причем я в сведения ее не посвящался, невзирая на мои протесты. В осуществлении фактической охраны Веригин не входил. Я думаю, что если бы в этой области случилась какая-либо неудача, то Веригин не счел бы себя за это ответственным. На моих глазах не происходило в деятельности Веригина ничего такого, что обеспечивало бы исключительно успехи охраны. Как мне сообщал дворцовый комендант, покойный статс-секретарь Столыпин высказывал ему по поводу возбуждавшегося вопроса о пожаловании Веригина в камергеры, что он, Столыпин, этому не сочувствует и мотивировал это тем, между прочим, что Веригин в своих докладах по поводу поездки в Гомбург, подчеркивал бездеятельность дворцового коменданта и подведомственных ему чинов во время пребывания Его Величества в Германии и что если Веригина сделают камергером, то он, пожалуй, как выразился П.А. Столыпин, начнет сменять не только в департаменте, «но и нас с вами».

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д 2. Л. 62–63. Заверенная копия

Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича

7–10 октября 1911 г.

Относительно поездки Его Величества в Киев официальные разговоры впервые начались после первого приезда в С.-Петербург киев-

ского генерал-губернатора генерал-адъютанта Трепова, что было в конце Великого поста. Должно быть, через несколько дней после этого мне было сказано дворцовым комендантом, что вследствие ходатайства генерала Курлова я должен буду ехать с ним в командировку в Киев, и что я поступаю на то время в его распоряжение. В первых числах июня месяца (точно даты не помню) я, вернувшись из командировки из финляндских шхер, явился к генералу Курлову, поступил в его распоряжение и, получив от него указание относительно дня выезда, выехал с ним в командировку. Ближайшим образом мои функции были определены уже после этой поездки, которая имела целью ознакомление на местах будущего пребывания Его Величества с условиями охраны. Поехали с генералом Курловым я и ст[атский] сов[етник] Веригин, секретарь Сенько-Поповский и секретарь подполковник Пискунов[130]. Для меня не было сомненья в том, что Веригин являлся представителем департамента полиции в качестве исполнявшего обязанности вице-директора по части денежной и секретной; кроме того, он исполнял и отдельные поручения генерала Курлова. В происходивших в некоторых городах совещаниях с представителями местной власти Веригин принимал деятельное участие и зачастую во время дебатов молчал, но по окончании их заявлял свое мнение, которое затем в спорах и отстаивал. В эту подготовительную поездку мы посетили Киев, Чернигов и Овруч. В Чернигове я присутствовал при докладе генерала Рудова[131] генералу Курлову о положении розыска, а в Киеве я познакомился с положением вещей расспросами подполковника, но действовал исключительно из личного желания знать то, а не по чьему-либо поручению. Из Киева мы вернулись в Петербург ввиду приезда туда Его Величества. Кажется, 1 августа мы в том же составе, но еще и адъютант генерала Курлова, выехали в Москву и Белгород и 5 августа прибыли в Севастополь, где происходило совещание с местными властями относительно организации охраны. Из Севастополя для той же цели мы ездили в Ялту, и уже оттуда поехали на постоянную работу в Киев. В Севастополе я присутствовал при докладе полковника Попова[132] генералу Курлову о положении революционного дела в Севастополе и, в частности, в Черноморском флоте, причем полковник Попов читал справки на неблагонадежных лиц и тут же обсуждались меры, которые необходимо было принять в отношении этих лиц перед приездом Его Величества. В обсуждении этом принимал участие и я, когда о том меня спрашивал генерал Курлов. В Киев мы прибыли 13 августа, с какового времени и началась наша работа по разным отраслям, причем я выполнял следующее. По поручению генерала Курлова я совместно с подполковником Кулябко просмотрел все составленные им справки на лиц политически неблагонадежных, заслуживающих внимания, после чего уже подполковник Кулябко в моем присутствии сделал по ним доклад г[енералу] Курлову и во время этого доклада генерал дал указания, с кем и как надлежит поступить перед Высочайшим приездом.

При этом было решено подвергнуть постепенно ликвидации десять лиц, прочих же, в числе до восьмидесяти, держать в неотступном наблюдении с тем, чтобы при появлении их на линии проезда их задерживать.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 64–65 Заверенная копия

Выписка из показания заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка

8 октября 1911 г.

Я прошу Вас записать мое мнение относительно того, что за Богровым не было поставлено наблюдение; с одной стороны, это правильно, а с другой стороны, неправильно. Правильно потому, что, наблюдая Богрова, филеры неоднократно могли завести его в охранное отделение, куда «Аленский» часто ходил и это было бы провалом сотрудника. С другой стороны, неправильно потому, что сведения, которые давал Богров, были очень важны, и в то же время неопределенны, наблюдение за ним самим могло многое выяснить и необходимо было проверить его и его деятельность. Конечно, если бы Богрову указана была конспиративная квартира, то никакого провала бояться не было оснований, если бы даже Богров и состоял под наблюдением, но таковая ему указана не была, хотя такие квартиры и имелись в распоряжении отделения. Почему начальник отделения не указал ему такой квартиры я решительно не понимаю; объясняю это исключительно спешностью дела.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 80. Заверенная копия

Выписка из показания пристава Киевской полиции А.А. Пилецкого

8 октября 1911 г.

Я знаю, что наряду с нашей охраной была организована и так называемая народная охрана, под руководством подполковника Кулябки и бердичевского полицмейстера Цветковича, но по существу эту орга-

низацию нельзя было назвать охраной; это был сброд людей различных возрастов и положений, среди коих было очень много женщин и детей; билеты им выдавались без особого разбора и толпа эта исключительно жаждала зрелищ: помощи от нее никакой не было. Я давно служу в Киеве и имел счастье присутствовать при трех проездах Государя через Киев. В прежнее время народная охрана организовывалась из людей солидных, домовладельцев, имела особые значки, стеной стояла при проездах и действительно представляла собою охрану, а теперь ничего подобного не было. Я слышал, что лица, допущенные в народную охрану, передавали свои билеты и даже продавали их, но дошло это до меня в виде слухов, а фактов я не знаю.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф 271 Оп. 1 Д. 1. Л. 78. Заверенная копия

Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко

10 октября 1911 г.

1911 года, 10-го октября в г. Киеве я, прокурор С.-Петербургской судебной палаты В.Е. Корсак, по поручению сенатора М.И. Трусевича, дополнительно допрашивал нижепоименованного, который показал:

Николай Николаевич Кулябко. Я подтверждаю свои показания и удостоверяю, что Курлов, Веригин и Спиридович знали о принципиальном решение пускать Богрова в места [Высочайших] посещений. Курлову об этом нашем решении я доложил 27-го августа утром в присутствии Веригина и Спиридовича и помню, что Спиридович, кажется, послал об этом письмо дворцовому коменданту. Я удостоверяю также, что я говорил Спиридовичу 1-го сентября, что Богров был в Купеческом саду вечером 31-го августа и что свидание террористов должно состояться вечером 1-го сентября на Бибиковском бульваре. Не помню только, говорил ли я об этом Спиридовичу на ипподроме или в другом месте. Я не знаю, почему Спиридович и Веригин отрицают свою осведомленность о принципиальном решении пускать Богрова в места посещений. Полагаю, что они просто запамятовали об этом обстоятельстве.

Подполковник Кулябко.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1 Д. 2. Л. 104. Подлинник.

Письмо сенатора М.И. Трусевича дворцовому коменданту В.А. Дедюлину

10 октября 1911 г.

Милостивый государь

Владимир Александрович.

По ходу производимого мною по Высочайшему повелению расследования представляется необходимым выяснить нижеследующие вопросы и обстоятельства.

1) Какие учреждения, подведомственные дворцовому коменданту, выполняли функции охраны во время пребывания Его Императорского Величества в г. Киеве в августе и сентябре сего года, какова организация этих учреждений, задача их деятельности и способы осуществления таковых.

2) Каковы территориальные районы каждой из групп упомянутой организации как при нахождении Его Величества в местах, назначенных для резиденции, хотя бы и временной, а равно при проездах в поездах, автомобилях и экипажах, при посещении торжеств и театров, и каким образом делается разграничение функций органов дворцовой полиции от пределов ведения общей, железнодорожной, жандармской и политической полиций.

3) Как применялись указанные в п. 2 правила, в частности, во время пребывания Его Величества в Киеве.

4) Когда и каким образом было сообщено Вашему Превосходительству о сосредоточении в руках генерал-лейтенанта Курлова руководства всеми мерами охраны и в какое соотношение был он поставлен как к дворцовому коменданту, так и к подведомственным последнему органам, а также чем было регламентировано это соотношение и не создавалось ли при этом каких-нибудь неудобств и столкновений в распоряжениях, в каких именно случаях и как подобные недоумения разрешались.

5) Если кто-либо из подведомственных Вам чинов (высших и низших) был командируем в распоряжение генерала Курлова, то в чем выражалась власть его над этими лицами и в какой степени подчиненности оставались они в отношении Вашего Превосходительства. Кто из таких чинов был фактически в распоряжении генерала Курлова в течение последнего Высочайшего путешествия и для какой цели.

6) Не лежала ли на полковнике Спиридовиче обязанность во время командировки его в распоряжение генерала Курлова ознакомляться с работою розыскных органов, чем это определялось и делал ли г[осподин] Спиридович доклады по сему предмету Вашему Превосходительству.

7) В какой мере и форме Ваше Превосходительство осведомлялись о распоряжениях генерала Курлова в области как охраны Священной особы Его Величества, так и других лиц высшей администрации, а равно и о всех выдающихся явлениях общественной жизни и политического розыска.

8) С какого времени, кем и в какой форме в Киеве до сведения Вашего Превосходительства впервые было доведено о полученных из агентурных источников указаниях на террористические замыслы и, в частности, по поводу заявлений Мордки Богрова, и какие и от кого получались Вами сведения по сему предмету в дальнейшем.

9) Какие распоряжения и с какого времени (по возможности с указанием часов) были делаемы по вверенной Вашему Превосходительству части в соображении с упомянутыми выше указаниями секретной агентуры и как эти мероприятия осуществлены фактически.

10) Если сообщения по поводу донесений Богрова происходили словесно, то не имеете ли Ваше Превосходительство сведений о том, в силу чего данные, полученные от него в ночь на 1-е сентября, доставлены Вам генералом Курловым в официальном письме за № 482 с изложением не только последних известий, но и начальных докладов Богрова.

11) Было ли Вашему Превосходительству доложено полковником Спиридовичем о его первой встрече с Богровым вечером 26 августа в квартире подполковника Кулябко и что именно, а также высказал ли полковник Спиридович при этом свое убеждение в том, что в заявлении Богрова, несомненно, заключаются указания на злоумышление против особы Государя Императора.

12) Как была сформирована непосредственная охрана особы Его Величества во время пребывания Государя в местах Высочайших посещений в течение 31-го августа, 1-го и 2-го сентября, и, в частности, 1-го сентября на маневрах, на ипподроме и в театре, во время проезда в последний, в течение антрактов и действия на сцене, со стороны коридора, сцены, оркестра и партера.

13) При каких обстоятельствах произошло посягательство Богрова на жизнь статс-секретаря Столыпина.

14) Последовали ли с 2-го сентября какие-либо изменения в программе торжеств, Высочайших посещений и проездов и в чем именно.

Независимо от изложенного, из представленного мне Вашим Превосходительством для обозрения дела Вашей канцелярии я, между прочим, усмотрел, что генералом Курловым было препровождено Вам 50 бланковых билетов для входа на торжества в Высочайшем присутствии, причем в имеющемся в том же деле списке не показаны поименно лица, коим были [даны билеты] за № 30–33 и 51–70. Ввиду сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать в сообщении мне сведений о том, кто был снабжен упомянутыми билетами и препроводить мне все оставшиеся неиспользованными пропуски.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Трусевич.

С подлинным верно:

Управляющий канцелярией дворцового коменданта фон Каналошный-Лефлер.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1 Д. 22. Л. 1–2об. Заверенная копия.

Письмо дворцового коменданта В.А. Дедюлина сенатору М.И. Трусевичу

*Позднее 10 октября 1911 г.**

Милостивый государь Максимилиан Иванович.

В ответ на письмо Вашего Превосходительства от 10-го сего октября за № 23/я, – я почитаю долгом предпослать ответам на предложенные вопросы нижеследующие соображения:

Под моим начальством, в постоянном распоряжении, состоят, согласно Высочайше утвержденному 25 апреля 1906 года Положению о дворцовом коменданте (копия приложена), дворцовая полиция, собственный Его Императорского Величества конвой, собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк и 1-й железнодорожный полк, но части эти не обладают никакими розыскными функциями, а являются, так сказать, чисто физическою охраною. Дворцовая же полиция, согласно ст. 11–14 утвержденной министром Императорского Двора 2-го июня 1906 года инструкции дворцовому коменданту (копия приложена), кроме постовой службы в районе дворцовых помещений, производит проверку благонадежности и имеет постоянное наблюдение за лицами, как проживающими постоянно, так и допускаемыми временно на площадь дворцовой территории.

Кроме того, сверх воинских частей, несущих временно, по моим требованиям, постовую и караульную службы, мне подведомственна особая охранная стража, на деятельности коей я считаю нужным остановиться несколько подробнее.

В период царствования в Бозе почивающих Императоров Александра II и Александра III из С.-Петербургского охранного отделения была выделена специальная команда агентов, состоявшая под начальством офицера отдельного корпуса жандармов, для обслуживания путей следования Государя Императора при выездах Его Императорского Величества из мест постоянного пребывания. Означенная охранная стража, главным образом учрежденная ввиду недостаточности численного состава дворцовой полиции для несения постовой службы вне района дворцовой территории, находилась в полном заведовании департамента полиции и начальник ее получал лишь от дворцового коменданта указания о предстоящих выездах Государя Императора, для принятия соответствующих мер охраны путей Высочайших проездов.

В бытность дворцовым комендантом покойного свиты Его Величества генерал-майора Трепова[132] – команда эта была, в целях чисто практического удобства, переформирована в подведомственную дворцовому коменданту охранную агентуру, с назначением для заведования оною подполковника, ныне полковника Спиридовича и с придачею ему в помощь трех офицеров корпуса жандармов, деятельность же ее осталась

* Датируется по письму М.Н. Трусевича – В.А. Дедюлину.

неизменною, т.е. она имела и имеет исключительною задачею охрану путей проездов Государя Императора и внешнее наблюдение за лицами, находящимися в районе действий этих стражников, причем все сведения, необходимые для осуществления своих задач, получает от департамента полиции и подлежащих охранных отделений, а от дворцового коменданта, кроме издаваемых, на основании ст. 22 и 23 вышеупомянутой инструкции министра Императорского Двора, правил порядка службы сей команды, получает каждый раз, когда ожидается Высочайший выезд, указания, какие пути и в какой мере должны быть обставлены. Кроме того, для облегчения деятельности этих стражников по наблюдению за лицами, находящими в районе их постов и, главным образом, ввиду недостаточности полиции и крайне подвижного состава населения в городах дворцового ведомства (Царское Село, Петергоф, Гатчина и Павловск, с окрестностями) учреждены были, с разрешения г[осподина] министра Императорского Двора, должности сверхштатных околоточных надзирателей при названных городских полициях, со специальною задачею производить проверку и регистрацию населения, причем эти сверхштатные околоточные надзиратели дворцовых городов, для объединения их деятельности с охранною агентурою, согласно получаемых ею от департамента полиции и охранных отделений сведений и указаний, подчинены полковнику Спиридовичу.

Во время Высочайших путешествий в места, где ожидалось значительное скопление народа, означенные сверхштатные околоточные надзиратели и стражники охранной агентуры (постовые и обходные) в качестве людей, практически подготовленных и привычных к несению службы на путях Высочайших проездов, передавались мною в распоряжение лица, коему, с Высочайшего соизволения, вверялось министром внутренних дел осуществление мер охраны Священной особы Государя Императора, которое, имея в своем распоряжении все средства для полной осведомленности о положении дел в данной местности, для удобства и ускорения сношений и словесных сообщений, назначалось, согласно ст. 9-й Положения о дворцовом коменданте, в мое распоряжение.

Главным же образом такое соблюдение ст. 9-й вызывалось тем обстоятельством, что, хотя на основании ст. 1 Положения о дворцовом коменданте ему вверено лишь «общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, а равно главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий» и, таким образом, принятие мер охраны вне резиденций всецело относится к компетенции Министерства внутренних дел, представитель последнего мог иметь лишь ограниченный круг деятельности, ибо только дворцовый комендант, на основании ст. 1, 7, 9 и 10 того же Положения, по уполномочию министра Императорского Двора, может требовать содействия всех ведомств и учреждений Империи, а также для своевременного получения от дворцового коменданта точных указаний об имеющих состояться выездах Государя Императора и предположенных путях следования, местах и времени посещений.

Переходя затем к поставленным в письме Вашего Превосходительства вопросам, имею честь сообщить:

1) Во время пребывания в Киеве Государя Императора в августе и сентябре сего года, службу охраны несли на дворцовой территории: дворцовая полиция, собственный Его Императорского Величества конвой, собственный Его Величества сводный пехотный полк и местные воинские части, занимающие караул и выставляющие вокруг ограды дворцовой усадьбы посты.

Для службы вне дворцовой территории были переданы в распоряжение генерал-лейтенанта Курлова сверхштатные околоточные надзиратели полиции дворцовых городов и стражники подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, под начальством полковника Спиридовича.

2) Дворцовая полиция, проверяя и наблюдая за всеми лицами, проживающими и несущими службу на дворцовой территории, занимает посты в садах и парках и выставляет присмотрщиков, проверяющих и провожающих прибывающих во дворец, согласно проверенным спискам; собственный конвой выставляет часовых во дворце и конные разъезды вокруг его территории и чины оного сопровождают Государя Императора при выездах Его Величества верхом или в экипаже.

При выездах Государя Императора по железным дорогам охрана собственного поезда и технических сооружений железнодорожного пути возложена на 1-й железнодорожный полк, охрана же пути следования принадлежит жандармско-полицейским управлениям железных дорог и воинским частям, согласно Высочайше утвержденному, 27-го августа 1900 года, Положению об императорских поездах и Высочайше одобренной, 14-го августа 1905 года, Инструкции по охране императорских железнодорожных поездов при Высочайших путешествиях, а также вне полосы отчуждения местным полицейским властям.

При проездах в автомобилях и экипажах, при посещении торжеств и театров мероприятия по охране и осуществление оных входят в круг деятельности полицейских и жандармских учреждений ведомства Министерства внутренних дел и лишь при посещении Государем Императором театров и других зданий выставляются при входах чины дворцовой полиции, по указанию дворцового коменданта, для пропуска исключительно известных им лиц, т.е. состоящих на службе в ведомстве Императорского Двора, точно также как для проверки и пропуска *других, имеющих быть допущенными* в места нахождения Государя Императора, лиц назначаются представители подлежащих частей, установлений или учреждений.

Таким образом, функции органов, подчиненных дворцовому коменданту, строго определены и отграничены от деятельности общей, железнодорожной, жандармской и политической полиций.

3) Во время Высочайшего пребывания в текущем году в гор. Киеве никаких распоряжений, в чем-либо изменяющих порядок или круг деятельности подчиненных дворцовому коменданту частей, не делалось.

4) Для выяснения вопроса о порядке соотношения между дворцовым комендантом и генерал-лейтенантом Курловым при сем прилагается в копии переписка по этому поводу, имевшая место в 1909 году, перед Высочайшим путешествием в Полтаву.

В 1911 году такого сообщения министра внутренних дел не было, но о сосредоточении руководства всеми мерами охраны в руках генерал-лейтенанта Курлова объявлено было приказом по отдельному корпусу жандармов от 10-го июня сего года за № 116.

Круг обязанностей частей, несших службу охраны в Киеве, был разработан в июне месяце особою комиссиею в Киеве же, при участии генерал-губернатора, командующего войсками округа, генерал-лейтенанта Курлова и лиц, командированных дворцовым комендантом, а именно, свиты генерал-майора Комарова[134], помощника начальника дворцовой полиции, подполковника Шепеля и собственного Его Величества конвоя подъесаула Шапринского.

Результатом работ этой комиссии было полное расписание постов дворцовой усадьбы, как подведомственных дворцовому коменданту, так и местных воинских частей. Что же касается мер охраны в гор. Киеве и по путям Высочайших проездов, то, кроме записки от 22 июня, генерал-лейтенант Курлов доставил дворцовому коменданту утвержденное им Положение и инструкции о регистрационных бюро, осмотре владений и бюро по выдаче билетов на разные празднества.

Все выработанные комиссиею меры, после доклада министру Императорского Двора, были мною одобрены. На практике никаких неудобств и столкновений при применении мер охраны мною замечено не было, а потому каких-либо распоряжений с моей стороны не представлялось необходимым делать.

5) Согласно письмам генерал-лейтенант Курлова от 2 и 11 июля за № 257 и 281, в распоряжение его были командированы полковник Спиридович с двумя помощниками, полицейскими надзирателями и стражниками подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры; полковнику Спиридовичу было генерал-лейтенантом Курловым поручено, как предварительная выработка мер охраны, так и с 15 августа начальствование над сборным отрядом секретной охраны в Киеве. При этом полковник Спиридович являлся ко мне для получения указаний о предстоящих Высочайших выездах и словесно докладывал обо всем, что могло иметь близкое отношение к мерам охраны.

6) Обязанность ознакомления с работою розыскных органов по политическому розыску на полковника Спиридовича ни мною, ни, сколько мне известно, генералом Курловым не возлагалась. Что же касается сведений, касающихся розыска, поскольку таковые могли иметь отношение к распределению нарядов охраны, то, по получении их от разных органов, полковник Спиридович докладывал мне.

7) Кроме указанных в п. 4 Положений и инструкций, о принятых каждый раз мерах охраны перед Высочайшими выездами генерал-лейтенант Курлов сообщал мне лично, или через полковника Спиридо-

вича. Причем в разговорах упоминалось попутно и о лицах высшей администрации; совещаний же о принятии мер, касающихся политического розыска и разработки или выполнения, по полученным розыскными органами сведениям, не было да и не могло быть, как не относящихся к компетенции дворцового коменданта.

8) Во время пути, на станции Коростень, мною была получена от полковника Спиридовича записка, в которой он, между прочим, сообщал о полученных Киевским охранным отделением тревожных сведений относительно готовящегося налета боевиков в Киев.

По прибытии в Киев, полковник Спиридович доложил мне о случайной своей встрече с сотрудником на квартире подполковника Кулябко, у которого он обедал в качестве родственника, причем, однако, фамилия сотрудника не была названа, а лишь сообщил, что, по словам означенного сотрудника, ему поручено подыскать квартиру для имеющих прибыть в Киев террористов. В дальнейшем и генерал Курлов, и полковник Спиридович сообщали, что в Кременчуг и С.-Петербург посланы запросы для разработки полученных от сотрудника сведений и что дом, где предполагалось свидание боевиков, обставлен, но на вопросы мои, насколько добытые данные конкретны, получал ответ, что сведения находятся в периоде разработки и никаких точных данных пока не получено.

9) По получении указанной в предыдущем пункте записки полковника Спиридовича, я в пути предупредил министра Императорского Двора и некоторых других лиц о полученных Киевским охранным отделением тревожных сведений, затем до утра 1-го сентября, так как никаких точных данных о готовящемся выступлении боевиков не имелось, мною предложено было подчиненным мне начальникам частей усугубить внимание.

1-го числа около 7½ час. утра мною получена была от полковника Спиридовича записка с сообщением, что начальник охранного отделения получил сведения о приезде в Киев террористов. Записка эта мною тотчас же была доложена министру Императорского Двора, причем, ввиду неясностей сведений и могущих быть опасений за благополучное следование Государя Императора, испрошены указания генерал-адъютанта барона Фредерикса, предупредить ли Его Величество и не отменить ли вовсе выезд в этот день до полного выяснения дела. Тут же было решено не отменять выезда на маневры, тем более, что таковой был назначен на час раньше, чем прежде предполагалось. Генерал-лейтенанту Курлову было мною лично предложено не ехать на маневры, а остаться в Киеве и ввиду ожидания (по сведениям охранного отделения) около полудня свидания сотрудника с прибывшими, по его словам, террористами, использовать наше отсутствие для ликвидации дела и в зависимости от результатов оной изыскать меры для безопасного обратного проезда с места маневров.

Начальнику дворцовой полиции было приказано усилить наблюдение за территориею дворцовой усадьбы.

Полковнику Спиридовичу было приказано проехать вперед к месту маневров и проверить все принятые меры и наряды в районе ожидаемого Высочайшего посещения.

Выезд на маневры состоялся в 8 час. 5 мин.

По прибытии на место маневров, полковнику Спиридовичу было приказано, объехав район маневров, вернуться в гор. Киев и, в зависимости [от] обстоятельств и принятых мер, встретить на обратном пути и доложить результаты.

За несколько времени до отъезда Государя Императора с места маневров, я сговорился с генерал-губернатором, и генерал-адъютант Трепов в своем моторе уехал заранее, дабы, с одной стороны, выяснить положение дела в Киеве, а, главным образом, чтобы демонстративным своим проездом, так сказать, вселить стоящей по пути толпе, что маневры окончены и обратный проезд уже состоялся. С этою же целью после проезда генерал-губернатора посты наружной полиции приказано было снять, а оставить лишь добавочные посты секретной команды. И, действительно, обратное во дворец следование прошло совершенно для публики не заметно.

Во дворец прибыли в 4 час. 40 мин. дня и выехали на Печерскую площадь в 5 час. 14 минут.

В этот промежуток времени, по личному соглашению с генерал-адъютантом Треповым и генерал-лейтенантом Курловым (ввиду опять-таки недостатка данных о намерениях боевиков) были обставлены нарядами два пути от дворца до ипподрома, причем часть экипажей с лицами свиты была направлена по одному пути, а Его Величество в сопровождении ближайшей охраны следовал по другим улицам.

При поездке в тот же вечер в городской театр был также изменен порядок проезда, а именно: вся свита отправлена вперед по заранее намеченному пути, Государь же Император, в закрытом моторе, в сопровождении лишь одного мотора, в котором находились министр Императорского Двора, дежурный флигель-адъютант и я, следовал по другому направлению, причем шоферу Его Величества было приказано ехать быстро и держаться середины улицы, а не правой стороны, как обычно.

При возвращении из театра был соблюден тот же порядок.

2-го сентября, для поездки на смотр войск, были приняты те же меры, что и накануне, генерал-лейтенант Курлов оставался в Киеве для расследования дела и выяснения, не имел ли Богров сообщников, от которых могло бы ожидаться новое выступление. Полковнику Спиридовичу было приказано заранее проехать в Киев и встретить в Святошине, причем дать знать условленным сигналом о безопасности намеченного пути или о необходимости направить моторы по другим улицам.

При проезде на вокзал, для следования в Овруч, были также намечены два пути, причем шофер мотора Его Величества в течение дня ознакомился с указанными улицами; все лица, сопровождавшие Государя Императора в путешествии, ехали на вокзал прямым путем, следование же Его Величества состоялось таким порядком: полковник

Спиридович был отправлен несколько ранее в одном из императорских моторов, имея с собою дежурного при Его Величестве казака-урядника, Государь Император следовал другим путем.

С генералом Курловым было условлено, что полковнику Спиридовичу приказано не ездить в Овруч, а оставаться в Киеве, для принятия мер по обеспечению проезда с вокзала во дворец, причем он был уполномочен потребовать от имени дворцового коменданта, если производимое расследование не даст успокоительных данных и вызовет необходимость, удалить всю публику с тротуаров по путям ожидаемого проезда.

10) 1-го сентября утром были мною получены сведения с указанием о прибытии в Киев террористов, сначала запискою полковника Спиридовича (упомянутой в п. 9), затем по телефону от генерала Курлова и от генерал-адъютанта Трепова, причем я полагаю, что генерал Курлов сообщил мне эти данные письмом за № 482, в дополнение к утренним словесным сведениям, так как данные, им полученные, хотя и не ясные и не полные, все же свидетельствовали об имевшейся конкретной опасности, вызывающей принятие не только предупредительных мер, но и могущей потребовать изменений намеченной программы и даже отмены выездов Его Величества.

С содержанием этого письма мною были ознакомлены лица ближайшей государевой свиты, а затем также и статс-секретарь Столыпин, с которым я почти все время беседовал на ипподроме.

11) О первой встрече с Богровым полковник Спиридович доложил мне при первом же свидании после прибытия в Киев, причем сообщил (как то указано в п. 8), что встреча произошла случайно после обеда в квартире подполковника Кулябко, который предложил ему, Спиридовичу, прослушать интересное сообщение. По словам полковника Спиридовича, Богров сообщил, что в Киев должна приехать группа боевиков с целью совершения покушения на статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо, один из членов группы будто бы просил Богрова подыскать им квартиру, на что Богров и дал согласие. При этом полковник Спиридович высказал предположение, что хотя Богров и говорил лишь про покушение на министров, он думает, что налет в Киев боевиков может иметь в виду и покушение на Священную особу Его Величества.

Это же предположение об опасности, которая может грозить Государю Императору, было высказано полковником Спиридовичем в записке, полученной мною от него в Коростене.

12) Кроме предварительных мер охраны, указанных в положениях о регистрации населения и инструкциях чинам секретного отряда стражников, о которых упомянуто выше, фактическая непосредственная охрана Его Величества, во время пребывания Государя Императора в Киеве была осуществлена следующим образом:

Кадетский корпус. Здание корпуса было заранее осмотрено комиссиею, наметившею меры охраны: в корпус был поселен агент с целью

личного ознакомления со всеми служащими и для наблюдения и регистрации, совместно с надзирателем бюро, как за ремонтными рабочими, так и за проживающими в зданиях корпуса лицами. Утром в день посещения корпуса все здания были вновь осмотрены комиссиею, затем поставлен в намеченных пунктах наряд секретной охраны в числе 28 человек, после чего все входы были закрыты, кроме главного подъезда, где для контроля прибывающих находились представитель корпуса, офицеры сборного отряда охранной стражи, чины дворцовой полиции и полковники Герарди и Спиридович, с помощниками.

Купеческий сад. Все помещения и сад были заранее осмотрены комиссиею, после чего там поселены два агента для регистрации и наблюдения. Накануне и утром в день посещения комиссия вновь все осмотрела, после чего выставлено кольцо наружной охраны сада от общей полиции, затем около 6 час. вечера в саду были расставлены в числе 40 человек, посты секретной охраны и офицерский наряд наружной полиции. Для допуска публики был открыт лишь один подъезд зимнего помещения собрания, где производился контроль билетов офицерами дворцовой полиции, охраны и билетного бюро.

У входа, куда подъехал Государь Император, кроме чинов общей полиции и охранной стражи, был заранее поставлен наряд дворцовой полиции, тут же находились полковник Герарди, с помощником, и полковник Спиридович, которые и вошли в сад вслед за свитою Его Величества.

Государь Император, шествуя по саду в сопровождении лиц ближайшей свиты и высокопоставленных лиц, был с боков охраняем офицерами охраны, которые шли между Его Величеством и шпалерами публики.

В шатре, когда Его Величество изволил слушать концерт, находилась только ближайшая охрана в лице свиты, за нею офицеры дворцовой полиции и охранной агентуры; перед публикой стояли полицейские офицеры, а за шатром агенты охраны.

Когда Государь Император следовал из шатра, мимо малороссийского хора (исключительно заранее проверенные лица под наблюдением агентов) за Его Величеством к беседке следовала свита, вокруг которой офицерские чины, взявшись за руки, образовали первую цепь, а за нею шла вторая цепь распорядителей праздника.

Во время нахождения Государя Императора в беседке, у входа оной стояли полковники Герарди и Спиридович, с помощниками. Обратное следование от беседки до выхода состоялось тем же порядком.

Маневры. На месте маневров, кроме предварительной регистрации населения, [в] разных местах были расселены полицейские надзиратели и усилен наряд общей полиции. Накануне же, т.е. 30 августа, шоссе и район маневров были заняты постами стражников охранной агентуры в числе 60 человек (из коих 40 велосипедистов), а также чинами уездной полиции.

Что касается охраны Священной особы Государя Императора, то таковая, согласно издавна установленному на маневрах порядку, осуществляется следующим образом:

Когда Государь Император садится на лошадь, за Его Величеством непосредственно следуют: командующий императорской главной квартирой, командующий войсками округа, дежурный флигель-адъютант, урядник и 2 штаб-трубача конвоя, затем несколько отступя, дворцовый комендант, старший генерал-адъютант, ведающий свитою, и командир собственного Его Величества конвоя, далее вторая группа свиты, а за ними полковник Спиридович или офицер, заведующий охранною командою, и командир полевого жандармского эскадрона, причем нижние чины сего эскадрона держат вокруг Его Величества и свиты широкое подвижное кольцо под руководством двух офицеров. По сторонам этого кольца освещение местности производится агентами-велосипедистами, которые, по мере передвижения, усиливают, где нужно, занятые заранее посты.

По принятому распорядку, во время маневров никто не имеет право подъезжать к Государю Императору иначе как с тыла свиты, причем в каждом отдельном случае испрашивается на сие разрешение дворцового коменданта – для выполнения сего и служит кольцо полевых жандармов; причем местный эскадрон был усилен командированными чинами жандармских дивизионов и для руководства назначен ротмистр Гольдт, знающий все порядки по своему постоянному участию в маневрах под Красным Селом.

Ипподром. Все было заранее осмотрено комиссиею, служащие зарегистрированы, накануне выставлен суточный пост стражников охранной агентуры в императорской ложе, а 1-го сентября в 8 часов утра поставлен, в дополнение к наряду наружной полиции жандармов, наряд охраны в числе 33 человек.

Внизу у лестниц, ведущих в императорскую ложу и у ворот, где ожидался въезд Государя Императора, наряд дворцовой полиции, у тех же лестниц, в проходе около ложи генерал-губернатора и у входа для публики находились жандармские офицеры и контроль.

По прибытии Его Величества в ложу, близ нее справа внизу расположилась свита, правее у загородки, близ судейской площадки начальник дворцовой полиции, с 2 помощниками и городовыми, а сзади у лестницы полковник Спиридович.

О порядке следования на ипподром и обратно указано в п. 9.

Театр. После предварительного осмотра театра комиссиею, в оном поселены были (в комнате рядом с императорским подъездом) два агента, для регистрации служащих и наблюдения за ремонтными рабочими, а в самой царской ложе установлен суточный пост городовых. Все артисты, хористы, музыканты и прочие служащие театра проверялись местным охранным отделением, той же проверке подлежали списки приглашенных в театр лиц, составленные в киевском городском управлении.

В день спектакля, около 4 часов дня, был произведен осмотр театра агентами секретной охраны, в числе 55 человек, которые и заняли посты, а у входа поставлены жандармские унтер-офицеры и агенты контро-

ля. Затем в театр явился наряд дворцовой полиции, которому сданы были некоторые посты и распределение постов определилось таким образом:

Дворцовая полиция, посты городовых: у подъезда императорской ложи, у бокового подъезда рядом с предыдущим и четырех боковых входов (по сторонам главного подъезда театра), у подъезда артистов; внутри театра посты занимали полицейские надзиратели дворцовой полиции, в коридоре у императорской ложи, у входа в ту же ложу со стороны сцены, под ложею в подвале, у подъезда рядом с царским, открытого исключительно для министров и высокопоставленных лиц. Кроме того, один чиновник дворцовой полиции был поставлен у главного входа для помощи при контроле публики.

Охранная агентура занимала посты: в коридоре со сцены в царскую ложу, в коридоре у бывшего буфета, под ложею, в комнате над царским подъездом, на крыше там же, около закулисной ложи рядом с императорскою, два поста в оркестре.

Полковники Герарди и Спиридович, с помощниками, до прибытия Его Величества находились снаружи театра, а по приходе Государя Императора в ложу полковники Герарди и Спиридович занимали места в зале.

Ближайшие к императорской ложе кресла и ложи были исключительно предоставлены лицам ближайшей свиты и высокопоставленным особам.

Следование в театр и обратно было обставлено как сказано в п. 9.

13) Об обстоятельствах, при которых произошло посягательство Богрова на жизнь статс-секретаря Столыпина, могу сказать лишь немногое, так как, тотчас по окончании 2-го акта, великий князь Сергей Михайлович[134] знаком пригласил меня в императорскую ложу; в арьер-ложе Его Императорское Высочество изволил говорить со мною, стоя около входных из коридора дверей, когда раздались последовательно два выстрела, после коих я тотчас же вышел в партер, где в боковом проходе увидел толпу, почти несущую сопротивлявшегося Богрова к выходу по направлению курительной комнаты.

Отдав кому следует из своих подчиненных приказания о неослабном внимании и непропуске неизвестных лиц, и убедившись, что меры для спасения жизни статс-секретаря Столыпина приняты и что преступник находится в руках подлежащих властей, я вновь вернулся в царскую ложу, из которой перешел через оркестр в партер, когда публика стала требовать гимн.

14) Против Высочайше утвержденной программы после 1-го сентября в Киеве последовали следующие изменения:

4-го сентября Его Величество не изволил быть на освящении памятника Св. Ольги в университете Св. Владимира, в музее Цесаревича Алексея и Покровском монастыре, а в музей имени Государя Императора Его Величество изволил проследовать через дворцовый сад пешком; и время посещения первой мужской гимназии было изменено; других же изменений не было.

Что касается присланных мне заранее генерал-лейтенантом Курловым 50 бланковых «белых билетов» для входа на все торжества, то прилагая при сем список №№ означенных билетов, почитаю долгом сообщить, что, по принятому во вверенном мне управлении порядку, все неиспользованные билеты всегда немедленно уничтожаются и если в данном случае некоторые из них еще сохранились, то это является простою случайностью. Причем билеты эти выдаются мною лично исключительно лицам, пользующимся полным моим доверием, для экстренных выдач, сверх утвержденного мною списка, как и было в данном случае, а именно даны были билеты только управляющему канцеляриею дворцового коменданта, действительному статскому советнике фон Каналошный-Лефлеру, которому, вместе с тем, было поручено лично сделать на билетах надписи, и начальнику дворцовой полиции, полковнику Герарди. Случайно не уничтоженные билеты при сем препровождаются, что же касается недостающих трех билетов, то о них приложена справка, так как таковые за ненадобностью своевременно были уничтожены.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности,

В. Дедюлин.

ГА РФ Ф 271 Оп. 1. Д. 22. Л. 3–13. Копия.

Протокол допроса помощника начальника Киевского губернского жандармского управления А.А. Иванова

13 октября 1911 г.

1911 года, октября 13 дня в г. Киеве я, товарищ прокурора Рижского окружного суда, В.В. Волков, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, по поручению последнего, спрашивал нижепоименованного и тот показал.

Александр Александрович Иванов, подполковник отдельного корпуса жандармов, помощник начальника Киевского губернского жандармского управления.

1 сентября 1911 г. я был в городском театре на парадном спектакле, который давался в присутствии Государя Императора. Когда после второго действия наступил второй антракт, то я, поднявшись со своего кресла, которое было в одиннадцатом ряду, направился к коридору, который охватывает вне зрительного зала весь партер. Шел я не торопясь и думаю, что с того момента, как спустился занавес, и до того времени, когда я вышел в центральную часть коридора, прошло четыре, пять минут. Сделав шагов восемь, десять в левую сторону коридора, считая от входа в театр, я встретился с генералом Курловым, который шел один. Завидев меня, генерал Курлов направился ко мне и спросил меня, не видал ли я подполковника Кулябко. На это я ответил генералу

Курлову, что подполковник Кулябко сел в мотор и куда-то уехал. В этот момент сзади генерала Курлова оказался полковник Спиридович, который, насколько я сейчас могу припомнить, шел с левой стороны коридора и, услыхав мой ответ генералу Курлову, сказал: «Вы ошибаетесь, подполковник Кулябко здесь». Действительно, в эту минуту подполковник Кулябко оказался в шагах трех от генерала Курлова. Откуда появился подполковник Кулябко, я этого не заметил. Тогда генерал Курлов стал о чем-то разговаривать с подполковником Кулябко, а я вместе с полковником Спиридовичем отошли в сторону и тоже начали разговаривать. Секунд через 10 я услыхал, как в зрительном зале раздались два выстрела. Я сейчас же бросился на подъезд и сделал распоряжение, чтобы были закрыты двери театра. Что же стали делать генерал Курлов, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, я не знаю. Как я уже сказал выше, я встретился с полковником Спиридовичем минут через 4–5 после начала второго антракта. Мог ли в этот период времени полковник Спиридович, выйдя из партера, сделать доклад генералу Курлову и выслушать доклад подполковника Кулябко, ни положительно, ни отрицательно ответить затрудняюсь. Я не видел полковника Спиридовича стоявшим в театре или в коридоре с генералом Курловым, господином Веригиным и подполковником Кулябко или со всеми тремя вместе. Кроме описанной выше встречи с полковником Спиридовичем во время второго антракта, я виделся еще с ним в конце первого антракта. Эта встреча произошла в левой стороне коридора и была мимолетна, мы не успели ни о чем поговорить, так как уже поднят был занавес и мы стремились занять свои места; в этот момент ни генерала Курлова, ни господина Веригина, ни подполковника Кулябко в коридоре не было. Моя встреча с генералом Курловым и полковником Спиридовичем во втором антракте произошла не в левой части коридора, а в центральной его части. Докладывая генералу Курлову, что подполковник Кулябко уехал на моторе, я не ошибался, так как действительно видел, как перед началом спектакля подполковник Кулябко сел в мотор статс-секретаря Столыпина и поехал по Фундуклеевской улице, вниз от театра, по направлению Крещатика.

Настоящее показание написано мною. Подполковник Иванов.

Товарищ прокурора Рижского окружного суда Волков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 107–107об. Подлинник

Выписка из показания генерал-лейтенанта П.Г. Курлова

14–19 октября 1911 года

Высочайшим повелением от 21 мая сего года на меня было возложено руководительство всеми мерами охраны во время поездки Его Императорского Величества в Киев, Овруч, Чернигов и Крым, причем в ведении моем находились меры как по наружной охране, так и по преду-

преждению и пресечению преступлений политического характера. В отношении дворцового коменданта сохраняла силу ст. 9 Положения об этой должности в том смысле, что по вопросам охраны распоряжения его оставались обязательными для всех начальствующих лиц, а в том числе и для меня в местах пребывания Государя Императора, под коими я понимаю не только дворцы, но и те города, в которых Его Величество имеет пребывание, хотя бы и временное. Испрашивать же предварительно разрешения дворцового коменданта на принятие тех или других мер я не был обязан. Я вместе с тем считаю, что власть коменданта объемлет лишь меры наружной охраны, а политического розыска не касается; такое же положение, как показала и практика, признавал всегда и генерал-адъютант Дедюлин. Я считал необходимым осведомлять его о всех моих общих предположениях по наружной охране, а равно и о всем выдающемся в области политического розыска для принятия им соответственных мер по своей части. В таком же соотношении я считал себя и к флаг-капитану Его Величества по вопросам морской и речной охраны. Что касается до дворцовой полиции, то в пределах дворцовой территории она подведомственна исключительно дворцовому коменданту. При выездах Его Величества в места посещений, если в таковые наряжается дворцовая полиция, она также должна оставаться в подчинении коменданта, но я в исключительных случаях, основываясь на Высочайшем повелении от 21 мая, считал бы себя вправе отдавать чинам этой полиции приказания, доводя затем о них до сведения дворцового коменданта. Все эти вопросы общего характера не вызывали на практике недоразумения ввиду полного согласия в деятельности моей и дворцового коменданта. Начальник подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры полковник Спиридович был командирован дворцовым комендантом в мое распоряжение со времени моих поездок, во время которых обсуждались на местах меры охраны, причем он возвращался к своим прямым служебным обязанностям на время пребывания Его Величества в Шхерах. В означенной командировке Спиридович являлся представителем дворцового коменданта и в то же время исполнителем моих распоряжений по секретной охране. Полковник Спиридович присутствовал также при докладах в Киеве и Севастополе начальниками местных розыскных учреждений сведений, касавшихся положения политического розыска, т.е. вопросы эти имели связь с деятельностью секретной охраны и, кроме того, я считал полезным мнение по такого рода делам Спиридовича, как человека опытного в розыске. Мною не было возлагаемо на полковника Спиридовича обязанностей быть постоянно в курсе розыскных дел для соображений по секретной охране, но в действительности, в силу того, что мы жили в одних и тех же помещениях, он знал почти обо всем, хотя при некоторых докладах и отсутствовал. В отношениях моих к киевскому генерал-губернатору и местным губернаторам я считал свои распоряжения по всем вопросам охраны, согласно упомянутому выше Высочайшему повелению, обязательными для всех чинов, до коих они касались. Относительно генерал-адъютанта Тре-

пова я должен добавить, что в силу указаний покойного министра внутренних дел и данных, представленных к расследованию, я принял все меры к тому, чтобы все распоряжения мои по охране в Киеве были согласованы с взглядами генерала Трепова.

Во время моих подготовительных поездок, а также во время работы в Киеве непосредственно при мне состояли: и. о. вице-директора департамента полиции, статский советник Веригин, полковник Спиридович и секретари: по военной части подполковник Пискунов и по гражданской чин[овник] особ[ых] пор[учений] Сенько-Поповский, а также мой адъютант шт[абс]-ротм[истр] Канабеев[136]. Веригин при поездке не сохранял своих обязанностей вице-директора д[епартамен]та, а являлся скорее чиновником особых поручений, ввиду чего, с моей точки зрения, он не должен был иметь в глазах местных властей значения представителя д[епартамен]та со всеми функциями, присвоенными означенной его должности. И в д[епартамен]те Веригин нес такие обязанности (по секретарской части и по личному составу), которые переноситься на места даже не могли. В совещаниях, устраивавшихся мною на местах для предварительного обсуждения мер охраны, Веригин принимал участие наравне с секретарем, но высказывал и свое мнение, а, главным образом, служил мне для справок. Собственно розыскным делом Веригин и по службе в д[епартамен]те не занимался. Он исполнял мои отдельные поручения, но без права самостоятельного разрешения деловых вопросов. При командировках Веригина в Раконидзи и Гомбурге он являлся главным представителем М[инистерст]ва внутр[енних] дел и одною из существеннейших задач его являлось объединение д[епартамен]та полиции и органов дворцового коменданта, то было особенно достижимо ввиду хороших личных отношений Веригина с полковником Спиридовичем. Связующим звеном между мною и д[епартамен]том полиции во время последней поездки Веригин не являлся.

Подполковника Кулябко я знаю еще со времени управления мною Киевскою губерниею и считаю его за одного из хороших офицеров корпуса жандармов. До известных разоблачений Бурцева[137] и Бакая[138] Кулябко, как и другие начальники охранных отделений, располагал сильною агентурою, которая, однако, после этих разоблачений сильно ослабела. Ввиду этого, а отчасти, может быть, и несколько обостренных отношений подп[олковника] Кулябко к заведующему особым отделом д[епартамен]та полиции полковнику Еремину, д[епартамен]т весьма нередко выступал с обвинениями против Кулябко, находя его неосведомленным в положении некоторых революционных групп в Киеве. Кроме того, Кулябко позволял себе резкое отношение к д[епартамен]ту в сношениях и, не знаю почему, замедление ответами на его требования. Все это привело к тому, что Кулябко был вызван, как и многие другие в разное время, в Петербург и здесь в моем присутствии, в помещении департамента, представил свои объяснения по поводу предъявленных ему особым отделом обвинений. Я признал их частью основательными и дал соответственные указания Кулябке, а некоторые заявления особого отдела нашел недостаточно обоснованными. Полковник

Спиридович обращался как-то ко мне с просьбой обратить внимание на придирки д[епартамен]та к Кулябке, но эта просьба не была в связи с означенным вызовом Кулябки в Петербург. Относительно перевода Кулябко в Москву вопрос возникал еще тогда, когда полк[овник] фон Коттен оттуда был переведен в Петербург, причем Кулябко от этого назначения отказался, почему вновь та же комбинация и не возобновлялась. 1 сентября сего года утром я беседовал с покойным ст[атс]-секретарем Столыпиным о делах д[епартамен]та полиции, говорил и насчет фон Коттена, в работе которого я замечал ряд дефектов, вероятно, упоминал и о неудовлетворительной разработке им сведений, доставленных ему еще задолго до того Богровым, но о каком-либо окончательном решении перевести фон Коттена из Петербурга речи не было.

Во время киевских торжеств подп[олковник] Кулябко нес следующие обязанности: заведовал охранным отделением, руководил народной охраной и бывал в местах Высочайших посещений в качестве начальника охранного отделения, т.к. он находил необходимым следить за своими подчиненными. Вопроса о том, что все это мешает подп[олковнику] Кулябке нести его прямые обязанности по заведованию охранным отделением, не возникало и я считал, что начальник районного охранного отделения едва ли нуждался во вмешательстве в то, что он может или не может выполнить в кругу своих функций. Подп[олковник] Кулябко не докладывал мне о том, что в охранном отделении не достает офицеров для работы, и я ему не отказывал в усилении состава отделения за недостатком денежных средств. Равным образом о недостаточности офицеров в отделении мне ничего не говорил и полковник Спиридович. Еще во время моей подготовительной поездки в Киев подп[олковник] Кулябко просил меня о скорейшем замещении вакансии его помощника, ввиду чего мною это и было сделано немедленно. О замещении получившего временную командировку офицера для поручений при отделении Нагродского, насколько я помню, подполковник Кулябко мне не докладывал. Во всяком случае я могу удостоверить, что никогда отказа в усилении состава Киевского охранного отделения не могло бы последовать с моей стороны, так как подобную меру я счел бы безусловно необходимою, если бы начальник отделения возбудил бы подобный вопрос. Когда вследствие заявлений Богрова ротмистр Муев был командирован в Кременчуг, то я предполагал вызвать из Кременчуга полк[овника] Кременецкого, дабы не возбудить подозрений появлением в Кременчуге двух офицеров, но подп[олковник] Кулябко не нашел необходимости в привлечении Кременецкого к отделению. Во время подготовительной и последней поездок в Киев начальник отделения подп[олковник] Кулябко подробно докладывал мне о положении революционных организаций и на основании этих сведений были решены меры ликвидаций и дальнейшего наблюдения за неблагонадежными лицами. Проверки фактического положения агентуры по дневникам и агентурным записям я не производил и поручений по этому предмету никому не давал.

Относительно осведомления меня подполковником Кулябкой я ему поручил докладывать мне обо всем заслуживающем внимания, как, например, об имеющем касательство к Высочайшему приезду, к проявлению деятельности организаций боевого направления и т.п., причем определенного времени для докладов Кулябко не имел, а должен был являться ко мне во всякое время по мере надобности. Со своей стороны я ставил его в известность о всем, что получал в пределах его функций из д[епартамен]та полиции, а в выдающихся случаях, как, например, по разработке секретных данных о террористе Слетове, об одной девице, указанной в депеше д[епартамен]та, о группе, наблюдавшейся в Финляндии, я лично руководил розыскными мерами.

На организацию охраны во время поездки Его Величества в Киев и другие места было ассигновано из десятимиллионного фонда триста тысяч рублей. Сумма эта явилась повторением ассигнования на прежние поездки Государя Императора, хотя я лично, при первоначальном обсуждении этого вопроса с покойным министром внутренних дел высказал опасение, что означенных денег не хватит на охрану, так как поездка Его Величества в этот раз была продолжительнее и обнимала больший район по сравнению с поездками в Ригу и Полтаву. Распоряжение означенною суммою было предоставлено мне, причем я считал, что она назначена не на удовлетворение нормальных потребностей местных органов управления, а только на усиление их средств по случаю Высочайшего путешествия и на все те экстренные надобности, которые вызывались таковым. В смысле отчетности я получал расписки только лиц, коим выдавал деньги от себя, подробности же расходования ими этих сумм с оправдательными документами представлялись ими непосредственно в департамент полиции для ближайшего учета. Из упомянутых 300 тысяч рублей ко времени моего отъезда в Киев в августе оказалось уже разассигнованным департаментом, кажется, 164 тысячи рублей, ввиду чего, не зная точно программы своих поездок с Высочайшим Двором и предполагая остаться после Киева в Ялте, я взял из департамента остаток сперва в размере 125 тыс. рублей, а затем и последние 11 тыс. Означенная сумма в 125 тыс. руб. образовалась из 90 тыс. доставленных мне казначеем д[епартамен]та и 25 тыс., полученных по моему приказанию секретарем моим Сенько-Поповским. Кроме того, по моему распоряжению был выдан аванс ст[атскому] советнику Веригину в размере 10 тыс. руб. на удовлетворение суточными лиц, состоявших при мне, а рано на издержки, не подлежавшие оглашению. Таких издержек, однако, не оказалось, ввиду чего упомянутый аванс израсходован на обыкновенные надобности по охране. При получении аванса Веригин был мною поставлен в известность о назначении этих денег. Насколько я помню, я, ввиду отсутствия расходов из аванса по его первоначальному назначению, предполагал первоначально приказать Веригину отдать эти деньги Сенько-Поповскому, но потом взял их лично у Веригина. Было это во время последней поездки в Киев, но точнее времени не помню. Означенное распределе-

ние порядка выдачи из 300 тыс. фонда не вызывало никаких затруднений и в течение всей [illegible] денег на удовлетворение нужд охраны. Для использования на местах денежных средств я распорядился переводом 50 тыс. в Киев и 30 тыс. в Севастополь, остальные же деньги оставались у Сенько-Поповского и у меня для текущих расходов по охране. Кулябко никаких денежных сумм не возвращал ни мне, ни лицам, состоявшим при мне. Последние 15 тыс. на Киевское охранное отделение по моему приказанию были уже переведены без указания фамилии его начальника.

26 августа сего года днем, но еще до завтрака, ко мне в Европейскую гостиницу в Киеве явился подп[олковник] Кулябко и доложил мне о происшедшем в тот же день самоубийстве в охранном отделении некоего Муравьева, находившегося под наблюдением ввиду полученных сведений о том, что он скрывается от угрожавшего ему наказания каторгой. На мой вопрос, почему Муравьева не обыскали при самом задержании, а дали ему возможность войти в отделение без предварительного осмотра, Кулябко доложил мне, что негласные сведения о Муравьеве не давали никаких оснований предполагать какие-либо выступления с его стороны. Вечером перед обедом я узнал, что Спиридович и Веригин обедают у Кулябки и что труп Муравьева остается в отделении, ввиду чего я поручил шт[абс]-ротмистру Канабееву или подп[олковнику] Пискунову сообщить прокурору судебной палаты Чаплинскому о желательности скорейшего прибытия в отделение представителя прокурорской власти.

На следующий день утром ко мне вновь явился Кулябко и в моей приемной комнате начал докладывал о заявлении, сделанном ему накануне Богровым. Видя, что доклад имеет серьезное значение, я перешел в свой кабинет и позвал к себе Спиридовича. Тут же находился и Веригин. Из доклада Кулябки выяснилось затем следующее. Богров состоял у него и ранее сотрудником, сведения которого были всегда очень ценны и достоверны: им даны, по словам Кулябко, Южно-Русская группа максималистов, две лаборатории бомб и предупреждение экспроприаций в Технологическом институте. Означенный Богров явился к нему, Кулябко, 26 августа вечером и рассказал ему, что в бытность его в Петербурге он познакомился там с одним господином, которого, как кажется, он называл Николаем Яковлевичем и который был также в сношениях с Кальмановичем и Лазаревым. В последнее время Богров, которого Кулябко называл мне кличкою «Аленский» находился под Кременчугом, куда к нему явился Николай Яковлевич, узнавший его адрес в Киеве, где у отца «Аленского»-Богрова есть дом. Зная о революционном направлении Богрова, Николай Яковлевич сообщил Богрову, что революционеры решили совершить «крупное дело» во время киевских торжеств и именно в конце таковых, рассчитывая, что охрана к этому времени ослабеет. При этом «Николай Яковлевич» просил Богрова устроить для группы квартиру в Киеве и моторную лодку для переезда в Киев. Со своей стороны, Богров заявил «Николаю Яковлевичу», что лично

он хотя и признает пользу террора, но не способен выполнить убийство и что играть во всем этом деле роль пешки, без знания подробностей замысла, он не желает. На это «Николай Яковлевич» ответил ему, что он будет посвящен и в детали дела. По поводу доклада Кулябки Спиридович и Веригин сообщили мне, что они накануне присутствовали по приглашению Кулябки при объяснениях его с Богровым, который в смысле достоверности произвел на них хорошее впечатление. Далее Кулябко высказал мысль, что для террористов может быть устроена квартира у вдовы его бывшего письмоводителя, на что я ответил решительным отказом, находя такой способ наблюдения недопустимым, после чего было решено, что Богров сам озаботится насчет квартиры, хлопотать же относительно моторной лодки я решительно воспретил. Далее, ввиду указаний на Петербург и Кременчуг, я распорядился о поручении фон Коттену по телеграфу разработать данные о Кальмановиче и Лазареве и командировать ротмистра Муева в Кременчуг с филерами. Ближайших указаний по поводу задачи Муева в Кременчуге я не давал и с ним не говорил, но это было мною поручено подполковнику Кулябке. Я помню, что обеспокоенный вообще возможностью «налетов» террористических групп, я высказал, что какое в данном случае счастье, что удалось иметь сведения об автономной группе, на что Спиридович заметил, что это относится не только к счастью, но и к тому, что есть такой хороший агент, как Богров. Из доклада Кулябки о сношениях Богрова с «Николаем Яковлевичем» было видно, что «Николай Яковлевич» обратился к содействию Богрова потому, что последний, будучи революционно настроен, не выступал в активной деятельности, почему связь с ним не была опасна для «Николая Яковлевича». Кулябко докладывал также мне, что Богров от него отошел как сотрудник и переехал в Петербург, где был сведен Кулябкой с Коттеном, который, однако, как говорил Кулябке Богров, относился к заявлениям Богрова настолько поверхностно, что Богров, привыкший к полному к нему доверию, прервал свои отношения с Коттеном и после того с Кулябкой дел также не имел до явки его к нему 26 августа. По словам Кулябки, Богров сотрудничал в отделении больше по убеждению и в деньгах не нуждался, будучи состоятельным человеком, но он, Кулябко, иногда помогал ему материально. Я не задавал Кулябке вопроса о том, поскольку Богров может и теперь пользоваться доверием ввиду перерыва в его деятельности, как агента, и разрыва с Коттеном, так как вопрос о доверии к Богрову был категорически разрешен отзывом Кулябки. Доклад о заявлении Богрова был сделан мне словесно и он мне не представлял никакого письменного доклада Богрова, быть может, Кулябко делая мне устный доклад, читал по какой-нибудь записке, бывшей у него для памяти в руках, но мне он никакого документа такого рода не предъявлял. Если бы Кулябко сделал это, то я непременно прочитал письменное заявление Богрова. Сколько времени прошло между свиданием Богрова с «Николаем Яковлевичем» под Кременчугом и явкою Богрова к Кулябке 26 августа, Кулябко мне не

докладывал, но из слов Кулябки о том, что Богров явился к нему весьма встревоженный и как бы торопливо, я вынес впечатление, что Богров приехал к Кулябке непосредственно из-под Кременчуга. Я положительно не помню, чтобы Кулябко или Спиридович или Веригин говорили мне во время означенного доклада, что Богров мотивировал свою явку к Кулябке с заявлением тем, что он, Богров, прочитал в газетах о намерении террористов заняться министром внутренних дел и что ему, Богрову, стало известным о самоубийстве какого-то лица в охранном отделении. Думаю, что об этом вовсе говорено не было, так как иначе я, хотя бы даже и впоследствии, остановился на вопросе о связи между Муравьевым и Богровым, на которую, однако, никаких указаний не было, до дня моего отъезда из Киева, когда впервые мне по этому поводу доложил полковник Шредель, указавший, что прислуга Богрова опознала в Муравьеве лицо, посещавшее Богрова. Коттен не запрашивался о том, как у него работал Богров и какой он может дать отзыв о последнем, так как Коттен, очевидно, дал бы отрицательный отзыв ввиду приведенного выше отношения его к Богрову, к которому он, по докладу мне Кулябки, отнесся без должного доверия и очень поверхностно. Кроме того, как я указал выше, вопрос о доверии к заявлению Богрова уже был решен в положительном смысле. При обсуждении первого заявления Богрова не возникал вопрос о том, какое положение должен занять Богров, если бы террористическая группа неожиданно прибыла в Киев. Напротив того, как я понимал из доклада, Богров должен был вернуться в Кременчуг и там свидеться с «Николаем Яковлевичем», ввиду чего и были сделаны распоряжения о командировании Муева в Кременчуг и поручение Коттену, установив наблюдение за Кальмановичем и Лазаревым, сопровождать их наблюдением в случае выезда. Вопрос о предоставлении «Николаю Яковлевичу» Богровым своей квартиры не возбуждался вовсе, так как, по моему мнению, Богров должен был вернуться в Кременчуг. Если бы такое предположение о том, что «Николай Яковлевич» может приехать в Киев к Богрову, возникало, то, очевидно, во-первых, квартира Богрова была бы обставлена наблюдением со дня его заявления, а, во-вторых, не было бы смысла посылать Муева в Кременчуг для наблюдения и поручать Коттену сопровождать филерами группу Кальмановича. Все значение надзора за Кальмановичем и Лазаревым в Петербурге и сопровождение их оттуда наблюдением заключалось именно в том опасении, что террористическая группа могла появиться в Киеве, не придя в соприкосновение с Богровым. Я не давал указаний, чтобы Муев был познакомлен с Богровым. Не было также приказываемо Кулябке учредить наблюдение за Богровым. При первом докладе Кулябки не говорилось ничего о том, что террористы имеют в виду посягательство на жизнь статс-секретаря Столыпина; было указано лишь, что, по словам Николая Яковлевича, затевается «крупное дело». Поэтому мое впечатление было таково, что замыслы террористов были угрожающими в отношении Священнной особы Его Величества. Разговор о статс-секретаре Столыпине и министре Кассо возник лишь

при втором докладе Кулябки 1 сентября. При докладе 27 августа никакого разговора о той роли, которой должен был придерживаться Богров в случае, если бы он неожиданно очутился в среде заговорщиков, не было; не было также обсуждаемо и мер, которыми можно было бы обеспечить, с одной стороны, связи его с террористами в Киеве, а с другой, устранить в его связях с ними признаки провокации. По этому последнему поводу я дал только общие указания Кулябке о недопустимости активного участия Богрова в преступном предприятии. После доклада Кулябки 27 августа я выехал для проверки постов, а затем 28 августа я доложил о заявлении Богрова покойному министру внутренних дел. В течение следовавших дней до 1 сентября я справлялся о том, какие известия поступают от Богрова, на что Кулябко докладывал мне об отсутствии таких известий, но в эти же дни мне был доложен ответ Коттена по запросу о группе Лазарева, а также о том, что по делу Муравьева ничего нового не добыто.

1 сентября, между 8 и 9 часами утра, ко мне явился подполковник Кулябко, причем, если я не ошибаюсь, о прибытии его доложил мне полковник Спиридович, который во всяком случае явился тогда ко мне уже осведомленный о том, что мне докладывал Кулябко. Последний при Спиридовиче объяснил мне, что накануне ночью к нему явился Богров и сообщил ему, что к нему, Богрову, прибыл неожиданно накануне же вечером или ночью (точно не помню) «Николай Яковлевич», который и остался у Богрова, найдя, что квартира последнего подходяща ввиду отсутствия отца Богрова. Из дальнейших слов «Николая Яковлевича» Богров узнал, что с ним в Киев прибыла группа, числа членов коих не указывалось, но среди коих была девица «Нина Александровна», имевшая бомбу. Со слов того же «Николая Яковлевича» Богров осведомился, что террористы имеют в виду покушения на жизнь статс-секретаря Столыпина и министра Кассо и что «Нина Александровна» должна была быть в квартире Богрова у «Николая Яковлевича» в тот же день около 12 часов. Наконец, от Богрова Кулябко узнал, что «Николай Яковлевич» имел 2 револьвера и запасные обоймы. Во время означенного доклада я позвал к себе Веригина, который нужен был мне для дачи ему поручений. При какой части доклада он присутствовал, я припомнить не могу, но был до конца его. Их слов Спиридовича я узнал, что он уже послал краткую записку дворцовому коменданту. Кулябко доложил мне, что он уже обставил квартиру Богрова сильным наблюдением из конных и пеших филеров. Более ничего по поводу заявления Богрова не обсуждалось, так как все дело сводилось к моменту появления «Нины Александровны» в квартире Богрова. Каким образом должно было произойти взятие ее в наблюдение, не обсуждалось и об этом речь шла впоследствии. Тотчас после доклада Кулябки я позвонил по телефону покойному статс-секретарю Столыпину и просил его никуда не выезжать до свидания со мною. Вместе с тем, я поручил Веригину предупредить и министра Кассо по телефону, которого, однако, у Кассо не оказалось, ввиду чего я послал к нему Веригина для доклада, что ему,

Кассо, угрожает опасность и что я прошу его не выезжать из дому до получения от меня подробных сведений. Зная, что г[осподин] Кассо прибыл в Киев для присутствования, главным образом, на Высочайшем смотре потешных, который должен был состояться в тот же день около 4 часов, я приказал Веригину доложить г[осподину] Кассо, что если он все-таки решит ехать на смотр или куда-либо, то что ему будет предоставлен особый мотор. Припоминаю, что во время упомянутого доклада Кулябки он сообщил мне со слов Богрова, что террористы не имеют в виду посягательства на жизнь Его Величества из опасения еврейского погрома. О том, что Богров был накануне в саду Купеческого собрания, Кулябко мне в этот доклад не говорил, равно как и о сношениях своих с Богровым по этому предмету в течении 31 числа. После доклада Кулябки я отправился к статс-секретарю Столыпину и доложил ему все то, что узнал от Кулябки, обратясь к нему с просьбой пользоваться в дальнейших его поездках мотором, а не открытым экипажем и по новым маршрутам окружным путем. Относительно этого пути мною было приказано Кулябке распорядиться составлением нового маршрута. 29 августа, в тот день, когда Его Величество изволил быть в Лавре, я в присутствии главноуправляющего землеустройством и земледелием Кривошеина[139] просил П.А. Столыпина ехать во дворец не прямым путем по Александровской улице, а через Мариинский парк. Разговор об этом не имел характера перемены установленного для него ранее маршрута, а вытекал из того, что во время пребывания Государя Императора в Киеве статс-секретарь Столыпин не ездил за экипажем Его Величества с министром Двора, как это было установлено при прежних Высочайших поездках, например, в Полтаву и Ригу. Прежде и я следовал в ближайшем экипаже с дворцовым комендантом; в Киеве же генерал-адъютант Дедюлин находился в одном экипаже с бароном Фредериксом, а я ездил в моторе в конце кортежа. В силу чего сделаны были эти изменения в порядке следования статс-секретаря Столыпина и моем – мне неизвестно. П.А. Столыпин ездил в императорском кортеже в Киеве только один раз, прибывая в остальных случаях ранее Государя для встречи Его Величества.

Во время описанного выше доклада моего утром 1 сентября статс-секретарю Столыпину последний сообщил мне, что о содержании заявления Богрова он уже осведомлен письмом генерал-адъютанта Трепова, переданным ему в незапечатанном конверте штабс-капитаном Есауловым, получившим это письмо от подполковника Кулябки, который, вместе с тем, и словесно ознакомил Есаулова с некоторыми подробностями дела. Это последнее обстоятельство П.А. Столыпин признавал крайне легкомысленным со стороны Кулябки, так как Есаулов никакого отношения к охране не имел. От Петра Аркадьевича [Столыпина] я направился домой, но в вестибюле генерал-губернаторского дома увидел директора департамента общих дел Министерства народного просвещения Вестмана[140], который сообщил мне, что министр Кассо не находит возможным не ехать на смотр потешных на ипподром и что,

кроме того, он выезжает по необходимости обедать в ресторан. Я сообщил камергеру Вестману, что если г[господин] Кассо не может отказаться от официальных выездов, то для него будет особый мотор, от частных же поездок я просил все-таки воздержаться. Распорядиться относительно этого мотора я приказал подполковнику Кулябке еще при утреннем его докладе. При этом я высказал камергеру Вестману, что относительно поездки министра Кассо в тот же день в театр, а равно и выездов его в последующие дни я сообщу, разобравшись в положении вещей.

От статс-секретаря Столыпина я вернулся домой в Европейскую гостиницу. Точно время возвращения не помню, но это было до завтрака, т.е. до часу дня. Насколько я припоминаю, первым ко мне явился Веригин и доложил мне, что сейчас был у «них», т.е. в помещении гостиницы, где проживали сопровождавшие меня лица, Богров и сообщил, что «Нина Александровна» дала знать по телефону о том, что она на свидание с «Николаем Яковлевичем» в квартиру Богрова не придет и что встреча ее с «Николаем Яковлевичем» произойдет на Бибиковском бульваре. Я прежде всего спросил Веригина, что это значит «у нас», на что он ответил, что Богров приходил в Европейскую гостиницу. На мое замечание, что напрасно Веригин путается в сношениях с сотрудниками, Веригин объяснил, что встреча его с Богровым произошла потому, что он виделся с Кулябкой в его, Веригина, комнате, так как комната Спиридовича была заперта. Вслед за этим ко мне вошли Кулябко и Спиридович, из коих первый подтвердил доложенное Веригиным. Из этих докладов оказывалось, что свидание «Нины Александровны» и других лиц группы с «Николаем Яковлевичем» должно было произойти около 8 часов вечера на Бибиковском бульваре, место коего было точно указано, но я теперь его не помню. По поводу этих известий началось обсуждение мер, вытекавших из сообщения Богрова. Я выдвинул два положения: первое, если означенное свидание будет иметь целью одни переговоры и даже, может быть, ознакомления революционеров с условиями Высочайшего проезда, если они выйдут на линию проезда; и второе, если они имеют в виду явиться на эту линию с бомбой и оружием и поставить Богрова в положение участника акта. По этому поводу Кулябко доложил, что эти положения предусмотрены и что Богрову поручено закурить папиросу на улице, если террористы будут иметь в виду предпринять покушение. Из этого я понял, что Богров должен был быть на Бибиковском бульваре вместе с «Николаем» и «Ниной». Как мне помнится, на этом совещании было решено во втором случае арестовать всю группу вместе с Богровым. Была ли эта мера обсуждена Кулябкой, Спиридовичем и Веригиным до доклада мне, я не знаю. При первом же, указанном выше, положении группа должна была быть взята в наблюдение и арестована на квартирах для разыскания бомб. Детали наблюдения в этом случае я не обсуждал, но понимал их так, что наблюдение начнется от квартиры Богрова, когда он с «Николаем Яковлевичем» выйдет из своей квартиры. На случай, если бы «Николай Яковлевич» вышел один, то было условлено, как говорил

мне Кулябко, что Богров бросит из своей квартиры на улицу записку. Кулябко далее сообщил мне, что, по словам Богрова, ему было невозможно выходить в этот день, не возбуждая подозрений в «Николае Яковлевиче», ввиду чего он условился также выбросить на улицу записку, каковой сигнал означал бы, что ему необходимо дать знать о чем-нибудь. На этот случай Кулябко должен был послать к Богрову посыльного с запиской от имени будто бы француженки Даржан, причем Богров с этим же посыльным мог прислать письмо о положении дел. Затем Кулябко доложил мне со слов Богрова, что после приезда к нему накануне «Николая Яковлевича», последний попросил Богрова отправиться на празднество в сад Купеческого собрания, куда Богров мог иметь доступ как местный житель, и собрать приметы статс-секретаря Столыпина и Кассо, причем, как докладывал мне Кулябко, Богров сообщил «Николаю Яковлевичу», будто бы он был в саду, но за теснотою не успел различить названных министров, а видал только красную подкладку. О том, что Богров действительно был в Купеческом саду, Кулябко не докладывал мне, а если бы я об этом узнал, то приказал бы произвести расследование о том, как он мог туда попасть, так как заранее было решено, чтобы евреев на это торжество не пускать. В течение всего доклада Кулябки Спиридович и Веригин находились при мне. Более никаких данных Кулябко не докладывал и затем уехал. Во время завтрака я со Спиридовичем и Веригиным рассуждал о создавшемся положении, причем я высказывал, что в настоящем случае выступила такая группа, которая не остановится даже и перед посягательством на Священную особу Государя. Спиридович же предложил написать письмо дворцовому коменданту о положении вещей на предмет изменения маршрутов Высочайших проездов из дворца на ипподром и в театр. Письмо это было тотчас же составлено Спиридовичем и за моею подписью отправлено генерал-адъютанту Дедюлину. Вслед за этим я доложил статс-секретарю Столыпину о том, что свидание «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной» не состоялось и произойдет в 8 час. вечера и что я еду принимать меры.

На ипподром я прибыл перед приездом Его Величества и подробно доложил статс-секретарю Столыпину обо всем, изложенном выше со слов Кулябки. И П.А. Столыпин и министр Кассо как-то иронически отнеслись к положению вещей. При выходе с ипподрома я спросил Кулябку, нет ли чего нового, на что он ответил отрицательно.

Возвращаясь к докладу Кулябки, поясняю, что Кулябко мне не докладывал о том, что на свидание на Бибиковский бульвар «Нина Александровна» явится с бомбой. Это едва ли и могло бы иметь место, так как дать знать об этом по телефону в квартиру Богрова едва ли рискнули бы во время пребывания в городе Государя Императора. Каких-либо вопросов о роли Богрова в преступном предприятии не обсуждалось, так как не было еще и повода к этому до свидания членов группы на Бибиковском бульваре. Мне во всем этом деле казалось странным: и появление Богрова в охранном отделении и в Европейской гос-

тинице и поручение ему террористами узнать общеизвестные приметы П.А. Столыпина, но я ничего по этому поводу предпринять на мог, кроме мер охраны. Сомнений собственно в достоверности заявлений Богрова у меня не было, но я более всего останавливался на мысли о том, что самого Богрова обманывают террористы. Проверить квартиру Богрова с целью выяснения, находится ли там «Николай Яковлевич», не было возможным, так как, если бы последний действительно там находился, то подобная проверка повела бы к провалу Богрова и порвала бы единственную нить наблюдения за террористической группой. Я может быть и рискнул на эту меру, если бы знал, что Богров находился все время с 26 августа в Киев и что его квартира обставлена наблюдением, которое, как было бы для меня допустимо, пропустило приход к Богрову «Николая Яковлевича». Насколько помню, мне говорили, что Богров живет в своем пятиэтажном доме и что его родителей нет в городе. О том, как должен был Богров исполнить в дальнейшем поручение «Николая Яковлевича» по установлению примет министров Столыпина и Кассо, разговора не было, так как все планы в то время останавливались на свидании террористов на Бибиковском бульваре. По поводу допущения Богрова 1 сентября в городской театр мне ничего не говорили ни Кулябко, ни Веригин. Если бы о подобном плане было мне доложено, то я не допустил бы его к выполнению, ибо допуск сотрудника в места Высочайшего посещения противоречил бы всей моей двухлетней практике по департаменту полиции и корпусу жандармов и ряду распоряжений по поводу политического розыска.

В течение моего пребывания в настоящих должностях я и в письменной и в словесной форме вел упорную борьбу с излишним доверием чинов, ведающих розыском, к их секретным сотрудникам.

После обеда, около 8 часов вечера, я в автомобиле со Спиридовичем проехал по пути Высочайшего следования в театр, проверил наряды, осмотрел приготовленный для Его Величества подъезд и затем вместе с городским головой осмотрел особый маленький подъезд театра, который я тут же выбрал для приезда статс-секретаря Столыпина. После этого я проехал во дворец, а оттуда за царским кортежем прибыл в театр. Когда я указал подъезд для П.А. Столыпина, то я поручил полицейскому офицеру направить к этому подъезду мотор премьера. Когда я проходил к своему месту в партере, в первом ряду третье кресло от царской ложи, то я поздоровался со статс-секретарем Столыпиным, который мне сказал: «Кулябко доложил мне, что свидание в 8 час. вечера не состоялось; разберитесь в этом во время антракта». Когда в первом антракте Его Величество изволил выйти из ложи, я пошел в левый коридор и встретил там Кулябку, которого спросил в чем дело. На что Кулябко мне ответил, что Богров сейчас сообщил ему, что свидание не состоялось, что террористы подыскали квартиру, на которой состоится их свидание около 11 час. вечера и что он, Кулябко, послал Богрова узнать, находится ли в его квартире «Николай Яковлевич». По словам Кулябки, Богров приезжал к нему с этим известием в театр. Об этом я доложил

П.А. Столыпину и на вопрос его, что мы будем делать дальше, ответил: «Дай Бог, чтобы сейчас все прошло благополучно, а ночью мы разберемся». Меня все время беспокоила мысль о том, что Богров не осведомлен достаточно о действиях террористов и что опасность грозит при обратном следовании из театра. Мысли же о том, что кто-либо из злоумышленников может находиться в театре, я не допускал в силу системы выдачи билетов и офицерского контроля, установленного при входе. Скорее могу утверждать, что в докладах Кулябки не упоминалось о том, что террористы следят или могут следить за Богровым вообще. В начале второго антракта П.А. Столыпин поручил мне узнать от Кулябки, нет ли чего нового, ввиду чего я прошел в коридор и послал кого-то из офицеров найти Кулябку. Последний через несколько минут явился из вестибюля и доложил, что Богров снова приезжал к нему и сообщил, «Николай Яковлевич» находился дома и что он, Кулябко, приказал Богрову вернуться домой и сидеть там безотлучно, что тот и исполнил, сам же он, Кулябко, собирается переодеться и идти в наружное наблюдение. Кажется, при этом докладе никто не присутствовал и я около себя ни Спиридовича, ни Веригина не видал. В конце слов Кулябки я услыхал какой-то треск и крики, ввиду чего я бросился через левую дверь в партер, но здесь пройти нельзя было, так как толпа била в этом месте задержанного злоумышленника. Я повернул в коридор и здесь встретил Кулябку бледного, который мне доложил, что покушался на жизнь П.А. Столыпина Богров. Имел ли возможность Кулябко узнать за это время в задержанном злоумышленника Богрова, я объяснить не могу. Определить минутами промежуток времени между концом разговора с Кулябкой при докладе о посылке им Богрова домой и встречей моей с Кулябкой около толпы, тащившей Богрова, я затрудняюсь, так как момент был очень тревожный. Сказав мне, что убийца – Богров, Кулябко, шатаясь, прошел в маленький подъезд, куда и я побежал за ним, чтобы подробнее расспросить его. Здесь я увидел Кулябко, облокотившегося головою о стену и заявившего мне, что ему остается только застрелиться. Сказав Кулябке, чтобы он бросил свои мысли, я вышел на улицу, справился, куда можно отправить раненного премьера для оказания помощи, и отдал приказание, чтобы при его следовании в больницу его сопровождал конный отряд. При мне вынесли П.А. Столыпина в карету скорой помощи и повезли в больницу Маковских. Вслед за этим на тротуаре я увидел ген[ерал]-адъютанта Дедюлина, а затем генерала Мосолова[141] и на вопросы их заявил, что я делаю распоряжения относительно обратного следования Его Величества во дворец. В это время я услыхал чьи-то слова: «Господа, Государь Император просит занять свои места». Видя, что я успею еще распорядиться, я приказал, чтобы конный наряд немедленно очистил совершенно от публики театральную площадь и Фундуклеевскую улицу, но пока очищали эту улицу, по ней уже проехал государев мотор.

При обсуждении мер, вытекавших из сообщения Богрова 1 сентября, не возникало вопроса о том, каким образом Богров выполнит до кон-

ца поручение «Николая Яковлевича» собрать приметы министров Столыпина и Кассо, не исполненное Богровым в Купеческом саду. Обстоятельство это не заслуживало особого внимания ввиду подавляющего значения предстоявшего в тот же день свидания террористов на Бибиковском бульваре. Относительно установления самостоятельного филерского наблюдения на Бибиковском бульваре в месте предполагавшегося свидания террористов я приказания не отдавал и вопрос об этом не возбуждался, хотя я полагал, что это должно было быть сделано Кулябкой. Мне не представлялось подозрительным, что Богров был посвящен «Николаем Яковлевичем» в такие конспиративные детали, как указание «Нины Александровны», имение ею бомбы и пунктов свиданий злоумышленников, так как из дел прежнего времени я знал, что революционеры весьма осторожно относились к условиям охраны во время царских поездок и считали подыскание квартиры делом очень трудным, поэтому они могли указать Богрову означенные детали, когда он поставил им условием знание подробностей дела для подыскания квартиры. Самый факт постановки подобного условия Богровым террористам не возбуждал сомнений в силу тех же соображений, тем более, что Богров, по его словам, не принадлежал к партии социалистов-революционеров. Быть может я вдумывался бы во все мельчайшие детали дела, если бы чрезвычайная сложность работы в Киеве во время торжеств не отвлекала меня ежеминутно в разные стороны и особенно отсутствие свободного времени с раннего утра до вечера 1 сентября. У меня не возникало предположения об освобождении Кулябки от всех обязанностей по охране, оставив его всецело для разработки заявлений Богрова, так как он этого вопроса не возбуждал, я же всегда самым внимательным образом отиосился к заявлениям подведомственных мне лиц и проверял всегда самые мельчайшие мелочи, вызывавшие затруднеиия. Я решительно не помню, показывал ли Кулябко мне записку, полученную им ночью на 1 сентября от Богрова. Возможно, что Кулябко, докладывая мне, держал ее в руках, но мне он ее не вручал, иначе я, конечно, запомнил бы ее. При докладе 27 августа Кулябко говорил, что, как ему сообщил Богров, петербургская группа Лазарева считает себя обеспеченной со стороны департамента полиции и столичной полиции. Более детально об этом ничего не говорилось, но это меня остановило от непосредственного обращения в департамент с поручением разработать означенную группу и поручение это было направлено непосредственно фон Коттену. Приведенное сообщение Богрова не иаходилось в какой-либо связи с тем, что «Николай Яковлевич» имеет какую-нибудь заручку в тех же чинах в Киеве и об этом никакой речи не было. Охрану царской ложи со стороны партера осуществляли флаг-капитан, дворцовый комендант, Спиридович, генерал Комаров, полковник Герарди и другие, сидевшие в партере непосредственно в стороне царской ложи. Когда же Его Величество удалялся из ложи, то особый наряд не назначался, хотя в партере был все время офицерский наряд дворцовой полиции.

После 1 сентября я однажды действительно, говоря со Спиридовичем и Веригиным относительно предшествовавших событий, коснулся и вопроса о допуске Богрова в сад Купеческого собрания и когда я указал на то, что весть о фактическом пребывании его в саду была для меня новостью, то Веригин заявил, что о подобном обстоятельстве не было разговора во время докладов по поводу Богрова. Он именно высказался в этом смысле, а не в форме напоминания мне, что о посещении Богровым сада мне докладывал Кулябко.

Если подп[олковник] Кулябко скрыл от меня как принципиальное решение свое допускать Богрова в места Высочайших посещений для выполнения данных ему «Николаем Яковлевичем» поручений, так и факты снабжения Богрова билетами в сад Купеческого собрания и в театр, то я это могу объяснить тем, что Кулябко, с одной стороны, был с несомненностью уверен в том, что я ни под каким видом не разрешу ему привести в исполнение означенные его планы, а с другой, как и большинство начальников охранных отделений, считал меня недостаточно понимающим специальную технику розыска и потому нашел в силу своих познаний в этом деле возможным выполнить свои планы с Богровым, не ставя себя в риск получить от меня запрещение разрабатывать агентуру подобными путями, которых я никогда не признавал допустимыми.

Утверждение Кулябки о том, что он докладывал мне о решении своем допускать Богрова в места посещений и о том, что Богров был в Купеческом саду, я могу объяснить только стремлением его ослабить свою вину.

Настоящая выписка с подлинным верна.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 122–134. Заверенная копия

Письмо полковника А.И. Спиридовича сенатору М.И. Трусевичу

18 октября 1911 г.

Милостивый государь Максимилиан Иванович.

На предложенные мне вопросы показываю Вашему Превосходительству:

Разговора, происходившего между мною, генералом Курловым, и группой морских чинов в вестибюле находящейся в Севастополе гостиницы Киста, касавшегося умершего председателя Совета министров я не могу припомнить, не припоминаю и того, чтобы таковой разговор делового характера происходил.

Я с первых дней назначения на занимаемую мною ныне должность считал, что к непосредственной охране Священной особы Его Величества не могут быть привлекаемы «секретные сотрудники» или лица, бывшие

таковыми. Ввиду сего я все ходатайства работавших со мною по Киеву сотрудников о приеме их мною на службу отклонял.

По этой же причине, заметив зимою 1911 года в один из приездов Его Величества в Петербург, что ко мне в отомобиль* для сопровождения Его Величества Петербургская охранная команда дала человека, по-видимому, из сотрудников, я выяснил личность его и когда обнаружилось, что лицо то действительно было когда-то сотрудником у начальника С.-Петербургского охранного отделения, я категорически потребовал от ротмистра Лукьянова, дабы то лицо (кажется, его фамилия «Воскресенский»[140]) ни в коем случае более в отомобиль не назначалось и тогда же я доложил о том дворцовому коменданту и товарищу министра генералу Курлову.

Оба они были крайне возмущены случившимся и, сколь помню, генерал Курлов принял какие-то меры по сему поводу в отношении начальника Петербургского охранного отделения.

Нынешним летом в Киев в состав секретной охраны был командирован центральный филерский отряд. По явке отряда выяснилось, что в составе его находятся три человека – Ласский, Арсеньев и Евгения Ионас, которые не являются просто филерами, а подходят скорее под тип «подсобных агентов». Так, один учится в университете, другой в каком-то ином высшем учебном заведении, женщина же так же, как и те двое, конспирировала перед филерами, что выражалось в том, что она, по заявлению мне старшего петербургской команды Зуброва, не входила вообще в сборную филеров.

Узнав это, я категорически воспротивился принять их в отряд секретной охраны, доложил о том товарищу министра и по его приказанию вернул указанных лиц в распоряжение начальника С.-Петербургского охранного отделения. До возвращения я хотел было передать их в обмен на филеров в Киевское охранное отделение, но начальник такового, взявший от меня в обмен двух интеллигентных филеров центрального отряда – от этих трех отказался. Записка ротмистра Гинсбурга[141] об откомандировании сих лиц при сем прилагается.

Я не видал и не слыхал, дабы лица, окружавшие генерала Курлова, кутили. Ни с генералом Курловым, ни с камер-юнкером Веригиным я ни разу не был ни в одном ресторане или увеселительном месте, вообще не считая того, что раз сидел с камер-юнкером Веригиным в течение одного или двух действий в ложе театра оперетки, о чем докладываю ниже.

Лично про себя докладываю. В первый приезд в Киев я был два раза в ложе местного опереточного театра с генералом свиты Его Величества князем Орловым[142] и Комаровым и в те же дни, кажется, ужинал дважды с ними в ресторане «Шато». Я ужинал один раз в «Шато» с компанией, в которую, кроме меня, входили полковник Левандовский[143], полковник Скалон, Кулябко с женой и, кажется, начальник Волынского губернского жандармского управления. Никого из лиц, прибывших с

---

* Так в тексте.

генералом Курловым, не было; ужин был скромный, состоялся он без сговора, неожиданно, все встретились в саду после театра.

Развлечения, которые я позволял себе во второй приезд, заключались в следующем. Проработав целый день, я часов в 11 или 12 ночи уходил из гостиницы пройтись в сад «Шато», где несколько раз и садился ужинать в ресторане наверху, в закрытых ложах. Иногда туда ко мне приходила ужинать одна из певиц открытой сцены «Шато». Обычно я сидел часов до 2, до 3. Ни с кем из мужчин я в ресторане не бывал; раз только я вызвал в «Шато» по телефону подполковника Пискунова, с которым мы вдвоем поужинали, даже без вина, и раз зашел со мной ротмистр Канабеев, скоро и ушедший. Я пью за столом лишь рюмку мадеры, да могу выпить бокал, два шампанского. Ни в каких других увеселительных местах я не бывал; не бывал и в «Аполло». Женщину Регину не знаю; о ней не слыхал. В театре оперетки был во второй приезд раза 2, в ложе супруги генерала Курлова; была она, ее племянница и ротмистр Канабеев. Один раз был камер-юнкер Веригин. В Купеческий сад заходил минут на 10 раза два, три.

Со дня приезда в Киев Его Величества я в «Шато» или каких-либо других ресторанах не бывал.

Однажды я ужинал с дамами киевского общества внизу Европейской гостиницы; были три дамы, два кавалера (не из числа лиц, сопровождавших генерала Курлова и не офицеров корпуса жандармов) и я. На час, если не меньше, зашел к нам в комнату подполковник Пискунов, за которым я посылал.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

А. Спиридович.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 22. Л. 14–16 Копия.

Протокол допроса А.Б. Катовской – прислуги в доме Г.Г. Богрова

28 октября 1911 г.

1911 года, октября 28 дня, в гор. Киеве, по распоряжению сенатора, тайного советника М.И. Трусевича, я, товарищ председателя С.-П[етер]б[ургского] окружного суда Меллер, допрашивал нижепоименованное лицо, и оно показало:

Александра Борисова Катовская (по паспорту – ошибочно – Кутовская), мещанка гор. Чернигова, живу в г. Киеве, по Бибиковскому бульвару, д. № 4.

Восьмой год я живу в прислугах, – кухаркою – у Григория Григорьевича Богрова. Летом этого года я жила с господами на даче – на хуторе Лебедевой, в мест[ности] Потоки, под Кременчугом. Дней на десять туда же приезжал Дмитрий Богров, причем уехал оттуда в Киев

4-го августа. За время проживания его в Потоках никто из посторонних к нему туда не приезжал: были там только родные. Получал ли он там какие-либо письма, я не знаю. Время отлучек из дому Дм. Богрова в течение 29, 30, 31 августа и 1 сентября я указать не могу. Могу только сказать, что 1 сентября, между 6-ю и 7-ю часами вечера, я слышала его голос в квартире, когда он звал прислугу почистить сапоги. Я удостоверяю, что в те же, названные вами, дни никто из посторонних людей у нас в квартире не проживал и не ночевал. Я никогда не видела и не слышала, чтобы Дм. Богров катался верхом. Краг я у него не видела. Человека с бородою, изображенного на предъявляемой мне карточке (предъявлена фотогр[афическая] карточка Вячеслава Виноградова) я никогда и нигде не видела. Что касается молодого человека, изображенного на предъявляемой мне другой карточке (предъявлена карточка Александра Муравьева), то этот человек имеет большое сходство с одним рабочим, приходившим три раза к Дмитрию Богрову в минувшем августе, о чем я расскажу ниже. Труп этого рабочего – это я утверждаю категорически – был мне предъявлен 6 сентября в Александровской больнице. В предъявленных мне вами снимках (предъявлены снимки с трупа Муравьева) я признаю снимки с этого трупа. Между прочим, когда мне предъявляли этот труп, я обратила внимание и была удивлена тем, что у трупа этого около правого уха была огнестрельная рана, а на левой щеке – кровоподтек. Не помню, от кого раньше – от околоточного надзирателя или служителя в больнице я узнала, что человек, труп которого мне предъявляли, самоубийца Муравьев, застрелившийся в охранном отделении. Итак, этот человек три раза был на квартире у Дм. Богрова. В какие дни он был у Богрова, я точно определить не могу; но скажу так 25-го или 26-го августа он заходил к Богрову два раза, а в первый раз был у него за день, за два раньше. Все три раза он проходил чрез черный ход, чрез кухню. В первый раз он пришел, кажется, утром и сказал: «Пожалуйста, скажите Дмитрию Богрову, что пришел рабочий по делу брата». Я передала это одной из горничных, и он сейчас же был уведен в комнаты, но в какую именно комнату, я не знаю. Во второй раз он пришел, как я сказала, 25-го или 26-го августа, около 11 часов утра, и просил доложить о его приходе и был опять принят. Затем третий раз он пришел в тот же день в обеденное время, около 3 часов дня. В то время господа еще обедали, и поэтому ему пришлось подождать в кухне. Я спросила его, по какому делу он ходит к барину, он ответил, что по делу брата, который упал с постройки и сломал себе ногу, причем два месяца пролежал в Александровской больнице, только что выписался и сидит без куска хлеба. В разговоры со мною человек этот не пускался. Напротив, он только отвечал на мои вопросы и притом в весьма «лаконической» форме. Так, я спросила его: «А брат – женат». «Женат», – ответил он. «Детей имеет?» «Имеет», – последовал ответ. Вообще должна сказать, что мне приходилось встречать и выслушивать людей, с которыми случилось какое-нибудь несчастье. Они стремятся поделиться своим горем, сами

рассказывают о подробностях случившегося. Человек же, посещавший Богрова, не походил на них: он больше отмалчивался. Одет он был в рабочий костюм; на нем была одета рубашка, подпоясанная, но цвета ее я не помню; не помню также, какая была у него шапка – шляпа или фуражка. Помню только, что сапоги или ботинки, которые были на нем, были сильно испачканы чем-то белым. Поэтому, проходя в комнаты, он шел на «цыпочках». Мы, прислуга, обратили на это внимание и сказали про него, что он «дрессированный рабочий». Все три раза он пробыл у Богрова по несколько минут и уходил чрез кухню. На ваш вопрос отвечаю: возможно, что, кроме указанных, он был у Богрова еще раз, но в мое отсутствие, – мне об этом ничего неизвестно. Он был небольшого роста, худенький, блондин, но и совсем уже белый, без бороды, с едва пробивавшимися усами. Себя он мне не называл. Он указывал мне, с какой постройки упал его брат, но я не обратила внимание и забыла. Когда он был в последний раз, то сказал, что принес свидетельство из больницы о брате.

Александра Катовская.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 270–271 Подлинник

Протокол допроса капельдинера Киевского городского театра П.А. Прокопишина

30 октября 1911 г.

30-го октября 1911 года в г. Киеве товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков, по распоряжению сенатора М.И. Трусевича, допрашивал нижепоименованного и он на предложенные вопросы объяснил:

Я, крестьянин Подольской губ., Ольгопольского уезда Мястковской вол., с. Ольшанки, Прокофий Ананьевич Прокопишин, служу капельдинером в городском театре. Был я в этом театре вечером 1 сентября во время парадного спектакля. Стоял я по обыкновению у своей вешалки в правом коридоре, около губернаторской ложи. Как только стали пускать в театр публику, пришел какой-то господин в летнем пальто и котелке и разделся у меня первым. Сняв пальто, он оказался во фраке. Этого господина, которого я раньше не знал, я хорошо запомнил потому, что в тот вечер у меня раздевались все чиновники или военные и только он один штатский. Минут через 20–25 и, во всяком случае, не более, как через полчаса упомянутый господин подошел ко мне и потребовал свое пальто. Я еще спросил его, почему он уходит до начала спектакля, и господин ответил, что забыл бинокль. Через 15–20 минут, до начала спектакля господин возвратился и снова разделся у меня, причем приказал повесить пальто на прежний номер, что я и испол-

нил. Минут через 10 после возвращения господина начался спектакль. Больше этого господина в театре я не видел. Я утверждаю, что в его пальто не могло быть револьвера или вообще какого-нибудь тяжелого предмета, так как иначе, взяв его летнее пальто, почувствовал бы по тяжести такового нахождение в кармане такой вещи, как револьвер или что-нибудь подобное. От других я узнал после покушения на жизнь председателя Совета министров Столыпина, что стрелял в него тот именно господин, который раздевался у меня. Пальто и котелок его взял у меня другой капельдинер Савурский, по поручению какого-то жандармского офицера, причем отдал мне 56 номер, под который висело пальто. На предъявленных мне фотографиях (предъявлены фотографические карточки Богрова) изображен человек, похожий на того господина, о котором я Вам говорил.

Прокофий Ананиевич Прокопишин.

Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков[146].

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2. Л. 301–301об. Подлинник.

Выписка из показания штабс-ротмистра Ф.П. Евецкого[147]

3 ноября 1911 г.

1 сентября с.г. я был назначен на контроль в городской театр. Я стоял у правого входа в партер (если стать спиною к театру). Во время действия нам разрешено было закрыть входы в театр, кроме среднего и войти внутрь его. В первом антракте я стоял возле входа извнутри и видел, как по коридору от буфета шел генерал Курлов, к нему подходили некоторые офицеры, в том числе полковник Спиридович, и разговаривали; насколько припоминаю, к нему подходил и подполковник Кулябко. В конце антракта в театр доставлена была депеша в конверте, и мне передали ее для доставки адресату – полковнику Спиридовичу. Я нашел его в буфете, там же был и генерал Курлов. Во втором антракте я не помню, видел ли я генерала Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко. В момент выстрела я находился также в коридоре и бросился сейчас же в зал. Здесь мне бросился в глаза прежде всего полковник Спиридович с обнаженной саблей, поднятой вверх. Я бросился в толпу и увидел, что какого-то человека волокут по проходу и бьют и стал его вытаскивать из этой толпы вместе с подполковником Ивановым А.; избитый был втащен в помещение раздевальни и тут при мне приводили его в чувство и обыскивали; после этого его перевели в буфет, а я был послан с нарядом филеров в лечебницу, где помещен был раненный министр.

Настоящая выписка с подлинным верна. Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3. Л. 24. Заверенная копия

Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича

4 ноября 1911 г.

1 сентября между 8 и 9 час. утра я генерала Курлова не посещал и его не видел, так как я выехал автомобилем на маневры между 7 и 8 часами. Сколь припоминаю, утром до своего отъезда на маневры я генерала Курлова не видал, ему непосредственно о приходе Кулябки не говорил, но, возможно, что сказал жандармскому унтер-офицеру доложить о приходе Кулябки. Сколь помню, первый раз в этот день я посетил г[енерала] Курлова, вернувшись с маневров между часом и двумя дня, в его комнате-столовой, когда и происходил разговор и составление письма дворцовому коменданту, о чем я уже докладывал при первом допросе. После этого я вместе с генералом Курловым поехал в Святошино, вместе вернулся после проезда Государя; вместе из театра в лечебницу, где лежал раненный статс-секретарь Столыпин, откуда вернулись в гостиницу, где жили. Из гостиницы уже ночью поехали к генерал-губернатору, откуда вернулись около 3–4 часов ночи. Сведений об отмене свидания «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной» 1 сентября в 8 час. веч[ера] и о переносе этого свидания на 11 час. вечера в квартире, подысканной террористами, я ни от кого не получал и слышу об этом обстоятельстве впервые на сегодняшнем допросе.

На свидании 26 августа Богров говорил, что у петербургских революционеров есть какие-то связи с кем-то из петербургской полиции и охраны; сколь припоминаю, сведения были даны именно в таких общих выражениях, без указания лиц и учреждений.

Подполковник Кулябко мне о прибытии «Николая Яковлевича» в Киев вообще никогда ничего не говорил. 1-го он сказал мне вообще о прибытии боевиков, не указывая имен. Говорил ли он о том ст. сов. Веригину и генералу Курлову – не знаю. Припоминаю, что мне лично Кулябко о приезде кого-либо из боевиков 31 числа – ничего не говорил; предполагаю, что не говорил ничего и генералу Курлову, ибо последний мне бы то высказал; говорил ли Веригину – не знаю. В дополнение к сему объясняю. После катастрофы я заезжал в гостиницу из лечебницы, где лежал раненый, должно быть около 11 или 12 час. ночи, а затем окончательно вернулся, как уже показал, между 3 и 4 часами ночи. В один из этих моментов в гостинице был и Кулябко; когда именно, не могу припомнить. Что говорили – не припоминаю, но знаю, что никаких разговоров о том, почему, что и как могло случиться, у меня с ним не было. В гостинице после приезда туда из лечебницы и до отъезда к генерал-губернатору мы пробыли, сколь помнится, очень недолго, не больше получасу. Кажется, именно в это время шли розыски, кто говорил по телефону с квартирой Богрова во время производства там обыска.

Настоящая выписка с подлинным верна. Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф 271 Оп. 1. Д. 3. Л 30–30об. Заверенная копия

Протокол допроса врача тибетской медицины П.А. Бадмаева

12 ноября 1911 г.

12 ноября 1911 года в г. Петербурге товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков, по распоряжению сенатора М.И. Трусевича, допрашивал нижепоименованного и он на предложенные вопросы объявил:

Я, Петр Александрович Бадмаев[148], действительный статский советник, врач тибетской медицины, давно лечу Павла Григорьевича Курлова. Не помню, какого именно числа, в августе месяце, перед поездкой Государя Императора в Киев, я получил телеграмму от генерала Курлова с просьбой приехать в Киев для оказания ему помощи, ввиду постигшей его болезни. Во вторник, после приема больных, я выехал в Киев, где застал генерала Курлова в постели. В Киеве я пробыл всего два дня и, насколько помню, в субботу утром выехал в Петербург. При мне генералу Курлову никаких докладов не делалось, так как я прописал ему абсолютный покой. Уезжая, я оставил около генерала Курлова своего племянника Георгия Николаевича Бадмаева, который должен был следить за ходом болезни. По возвращении в Петербург, я был в воскресенье или в понедельник у генерала Дедюлина, который также лечится у меня, и сообщил ему о состоянии здоровья генерала Курлова. Добавляю: во время моего пребывания в Киеве генерал Курлов был совсем болен и никаких докладов и принимать не мог, если бы даже желал. Он просил меня лишь об одном – к приезду Государя Императора быть на ногах. У генерала Курлова был острый ревматизм, сопровождаемый сильными ревматическими болями головы. Накануне моего отъезда к вечеру боли совершенно прекратились и генер[ал] Курлов получил возможность встать с постели, хотя двигался он с большим трудом. В тот же вечер генерал Курлов пробовал подписать свою фамилию и еле мог это сделать. К приезду Его Величества генерал Курлов, как я знаю из телеграмм, которые мне присылал племянник, оправился.

Действ[ительный] стат[ский] советник Петр Ал[ексан]др Бадмаев.

Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3. Л. 61–61об. Подлинник

Протокол допроса Г.Н. Бадмаева – племянника врача П.А. Бадмаева

12 ноября 1911 г.

12 ноября 1911 года в г. Петербурге товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков, по распоряжению сенатора М.И. Трусевича, допрашивал нижепоименованного и он на предложенные вопросы объявил:

Я, Георгий Николаевич Бадмаев, окончивший Петербургский университет и проживающий на Поклонной горе, близ ст. Удельной, на мызе П.А. Бадмаева, ездил в Киев для оказания помощи заболевшему генералу Курлову. 15 августа мой дядюшка, Петр Александрович Бадмаев, врач тибетской медицины, давно уже пользующий П.Г. Курлова, получил телеграмму с просьбой приехать в Киев. П.А. Бадмаев не мог выехать немедленно и поэтому он отправил в тот же день в Киев меня, с лекарствами; я практически изучаю тибетскую медицину и оказывал уже ранее помощь П.Г. Курлову в постели. Первую помощь ему оказал я, а, спустя несколько дней, прибыл дядюшка, который и пользовал генерала Курлова в течение двух суток. Затем П.А. Бадмаев возвратился в Петербург, а я остался при генерале Курлове. Последний, несмотря на болезнь, занимался делами, принимал должностных лиц и устраивал у себя заседания. По отъезде П.А. Бадмаева, генерал Курлов понемногу поправился, а 28 августа впервые вышел, правильнее, выехал из дому для осмотра полицейских и жандармских постов: в тот день была устроена репетиция парада. Я не присутствовал при деловых докладах генералу Курлову. В театре 1 сентября я не был. Я обращался с просьбой о билете в театр к г[осподину] Сенько-Поповскому и Александру Аркадьевичу Курлову, но билета не получил, так как, по их словам, все билеты были розданы и выдача билетов зависела не от них. До покушения на жизнь председателя Совета министров Столыпина при мне разговоров о Богрове не было; после покушения в моем присутствии обсуждались газетные сообщения по поводу злодеяния, учиненного Богровым, но что именно говорилось и кем, я теперь не помню. Из Киева я сопровождал генерала Курлова в Севастополь и вместе с ним возвращался оттуда в Петербург.

Георгий Николаевич Бадмаев.

Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–62об. Подлинник.

Письмо сенатора М.И. Трусевича вице-директору департамента полиции С.Е. Виссарионову

19 ноября 1911 г.

Милостивый государь Сергей Евлампиевич.

По добытым мною сведениям, около 20-го августа сего года во время подготовки мер охраны в Киеве по случаю предстоявших торжеств, подполковник Кулябко вызвал к себе проживавшего вне названного города сотрудника, доставлявшего сведения Киевскому охранному отделению еще и во время заведования таковым полковником Спиридовичем. По прибытии в Киев, сотрудник этот виделся несколько раз со Спиридовичем в Европейской гостинице, причем было условлено, что он прибудет вновь в этот город ко времени торжеств, затем проедет и в

Ялту. Вместе с тем, ему было рекомендовано взять с собою сюртук и фрак. Однако же, по возвращении сотрудника домой, 24 августа, он не был вытребован в Киев, по его предположению, потому, что в деле охраны его заменил Богров.

Ввиду изложенного и на основании 3 п. Высочайшего повеления от 4 минувшего октября, прошу Ваше Превосходительство выяснить опросом означенного сотрудника, действительно ли приведенные факты имели место и чем они могут быть подтверждены, а также в каких именно действиях должно было выражаться участие его в мерах охраны и было ли (и кем) предрешено допущение сотрудника в места Высочайших посещений. Не может ли он также указать, с кем, кроме Спиридовича и Кулябко, беседовал он по упомянутому предмету.

Ответ прошу доставить мне в форме письма без указания фамилии сотрудника, если он решительно воспротивится оглашению его имени.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Трусевич.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1 Д. 3. Л. 121а-б

Письмо вице-директора департамента полиции С.Е. Виссарионова сенатору М.И. Трусевичу

23 ноября 1911 г.

Милостивый государь Максимилиан Иванович!

Вследствие предложения от 19 ноября с.г. за № 104 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что 22 ноября я опросил указанное в Вашем письме лицо, которое для краткости буду называть «Интересным»[149]. Сотрудником полковника Спиридовича «Интересный» не состоял, так как был заагентурен подполковником Кулябкой в конце 1908 года. С полковником Спиридовичем «Интересный» был знаком, ездил к нему в Петергоф: исполнял для него за особое вознаграждение работы по обзору Рос[ийской] соц[иал-]дем[ократической] раб[очей] партии, в которой ранее занимал видное положение. «Интересный» – интеллигентный еврей. Последнее время, живя вне Киева, «Интересный» приезжал сюда и во время приездов посещал подп[олковника] Кулябку. 18 августа 1911 года он прибыл в Киев и, выполняя поручение подп[олковника] Кулябки по освещению протекавшего политического момента, разыскивал знакомых партийных людей, но это ему плохо удавалось, так как «все удирали», опасаясь арестов. «Интересный» оставался в Киеве три дня. В один из этих дней, по предложению подп[олковника] Кулябки, он посетил А. Спиридовича в Европейской гостинице. Швейцар и дежуривший филер не хотели, было, пропустить «Интересного», но состоящий при А. Спиридовиче казак Андрей, который хорошо знает его в лицо, пропустил его. В номере у А. Спиридовича сначала никого не было, но вскоре сюда вошел подп[олковник] Кулябко, а

когда кто-то еще постучал, то А. Спиридович поднялся и не впустил это лицо. Весь последующий разговор, по словам «Интересного», происходил у него только с полк[овником] Спиридовичем и подп[олковником] Кулябкой. Он рассказал им об общем положении партии, а затем на их вопросы пояснил, насколько возможно ожидать в Киеве проявления террора от автономных или инициативных групп. Затем А. Спиридович, составляющий руководство к изучению революционных партий, стал расспрашивать его, не известны ли ему какие-либо партийные постановления относительно производившихся с[оциал-]д[емократ]ами экспроприаций денежных сумм.

Далее подп[олковник] Кулябко сказал «Интересному», что перед царским приездом он вызовет его «потолкаться в толпе, посмотреть публику, нет ли знакомых [э]с[е]ров, в особенности понаблюсти во время приходов иностранных поездов».

Относительно платья, которое надо было иметь при себе в случае вызова, «Интересный» добавил мне, что А. Спиридович, смеясь, сказал ему: «мы Вас нарядим франтом, наденем на Вас цилиндр и фрак». Куда в таком костюме должен был отправиться «Интересный», он ответил незнанием, но прибавил, что он повсюду пошел бы, куда бы его ни послали. Прощаясь с «Интересным», А. Спиридович предупредил, что он вызовет его в Ливадию для редактирования книги о революционных партиях, которую А. Спиридович готовит к изданию. Однако вызов в Киев «Интересного» не состоялся. По его предположению, он был заменен Богровым, которого он знал ранее, как революционера.

Кроме А. Спиридовича и Н. Кулябки, «Интересный», согласно его утверждению, «ни с кем не беседовал и было ли кем-нибудь предрешено допущение его в места Высочайших посещений, ему неизвестно.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что, опасаясь выяснения личности, «Интересный» не пожелал огласить своего имени и облечь свое объяснение в письменную форму.

Примите уверение в глубоком моем почтении и искренней преданности.

С. Виссарионов.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1 Д. 3. Л. 90–91об. Автограф

Письмо сенатора М.И. Трусевича полковнику А.И. Спиридовичу

9 декабря 1911 г.

Производимым мною расследованием выяснено, что 18 августа сего года, по вызову подполковника Кулябки, прибыл в Киев один еврей, состоящий в числе сотрудников местного охранного отделения и исполняющий для Вас работы по обзору социал-демократического движе-

ния, причем означенному лицу было поручено «осветить протекавший политический момент» в смысле обнаружения в Киеве деятелей революционного направления. Во время пребывания в Киеве означенный еврей посетил Вас в Европейской гостинице и в присутствии подп[олковника] Кулябки докладывал Вам по вопросам о возможности проявления в Киеве террора со стороны автономных групп и о постановлениях соц[иал-]демокр[атических] организаций относительно экспроприаций. В заключение подп[олковник] Кулябко предупредил сотрудника, что он будет вызван на время предстоящих торжеств в видах наблюдения за появлением известных ему социалистов-революционеров, причем Вы присовокупили, что для этой цели ему придется пользоваться цилиндром и фраком. Однако же вызов сотрудника не состоялся по неизвестным ему причинам.

Ввиду изложенного и на основании Высочайшего повеления от 4 октября сего года прошу Ваше Высокоблагородие представить мне, с возвращением сего, подробные сведения о том, имели ли место описанные выше обстоятельства; в каких местах во время киевских торжеств предполагалось воспользоваться наблюдательными услугами упомянутого сотрудника и было ли Вами или кем-либо другим доведено об этих розыскных планах до сведения генерал-адъютанта Дедюлина, генерал-лейтенанта Курлова, статского советника Веригина и других начальствующих лиц.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2. Подлинник

Протокол допроса генерал-лейтенанта П.Г. Курлова

10 декабря 1911 г.

1911 года, декабря 10 дня, в С.-Петербурге сенатор М.И. Трусевич опрашивал дополнительно генерал-лейтенанта в отставке Павла Григорьевича Курлова, который на предложенные ему вопросы объяснил следующее.

Перед поездкой Его Императорского Величества в 1909 году в Полтаву впервые было создано положение об объединении мер охраны в руках одного лица, причем мне неизвестно, происходили ли какие-либо переговоры по этому предмету между покойным министром внутренних дел П.А. Столыпиным, министром Двора и дворцовым комендантом. В частности, я не знаю, возникал ли у них вопрос об учреждении для Полтавы должности временного генерал-губернатора. Относительно моего соотношения с дворцовым комендантом покойный П.А. Столыпин высказывал тогда только мнение о том, что при формальном определении моих функций необходимо сделать так, чтобы устранить сомнения в том, что власть дворцового коменданта и министра Двора

в чем-либо ограничиваются. Поэтому в текст Высочайшего повеления и была включена 9 ст. Положения о дворцовом коменданте, которому я считал себя подчиненным. Когда Его Величество изволил посетить Ригу в 1910 году, то генерал-адъютант Дедюлин прибыл в этот город за 2 дня до Высочайшего приезда и я просил генерала собрать совещание из представителей заинтересованных ведомств под его председательством. На этом совещании я и другие лица доложили генералу Дедюлину о принятых мерах охраны, включая все виды ее и во всех местах, подлежавших ее действию. Журнала этого совещания не велось. При киевских торжествах выработанное в 1909 и 1910 годах Положение повторено без изменений в основных чертах. Записка о выработанных мною для Киева, Овруча, Чернигова и Крыма мероприятиях была мною представлена министру внутренних дел, а копия с нее – в дворцовое ведомство. Когда Веригин сопровождал меня во время поездок, вызывавшихся принятием мер охраны по случаю Высочайших путешествий в пределах России, то он во всех этих случаях нес одни и те же обязанности, а если дававшиеся ему ордера изложены различно, то это дело случайной редакции, а не существа его функций. При организации охраны в Киеве в текущем году в ряде торжеств пришлось считаться с тем, что некоторые из них как, например, гуляние в Купеческом саду и спектакль в театре, были устроены городом, который и посылал приглашения на эти торжества. В силу этого пришлось несколько отступить от порядка выдачи билетов, установленного в Положении о билетном бюро, и предоставить эту операцию городскому самоуправлению, которое действовало в этом отношении без контроля бюро, получая от него только пропуски для каждого приглашенного лица, проверенного в бюро в отношении политической благонадежности. Это отступление было допущено по соглашению с генерал-губернатором и губернатор[ом] исключительно с целью избежания различных конфликтов, вызывавшихся строгим применением правил в тех случаях, когда то или другое лицо или учреждение выдвигали вопросы о доверии. Кроме того, представители города как-то высказали, что они лучше, чем бюро, знали тех лиц, коим предполагалось послать приглашения на торжества. Для устранения подобных конфликтов мною было рекомендовано А.А. Курлову избегать всяких осложнений в процедуре выдачи билетов. Массу недоразумений вызывали почти непрерывные перемены в составе приглашаемых лиц, из коих многие приезжали в Киев в дни торжеств и ни в каких предварительных списках не значились. Я приказал А.А. Курлову выдать бланковые билеты на торжества подполковнику Кулябке для пропуска по этим билетам чинов охраны, а также моему секретарю Сенько-Поповскому для снабжения пропусками высокопоставленных лиц, приезжавших неожиданно в дни торжеств. Я помню, что такие билеты, по докладу мне Сеньки-Поповского, были даны начальнику управления водных и шоссейных сообщений кн. Шаховскому[150] и генералу Добрынину, приехавшему по случаю Высочайшего осмотра санитарного

поезда, каковой осмотр, например, не был предусмотрен даже в утвержденной программе. Хотя подобные лица могли, конечно, получать пропуски и из билетного бюро, но обыкновенно они из-за этого поднимали шум, и я предпочитал давать им билеты из своей канцелярии. Когда 1 сентября вечером я выбирал подъезд для П.А. Столыпина, то тут же присутствовал и городской голова Дьяков, с которым я по этому поводу не разговаривал и допускаю возможность, что он не слыхал приказаний, отданных мною полицейскому офицеру. Подполковник Кулябко не докладывал мне о том, что и он наметил подъезд для статс-секретаря П.А. Столыпина и не мог об этом доложить, так как я его, Кулябку, до приезда моего в театр в царском кортеже, не видал. По поводу заявлений Богрова я писал только одно письмо генералу Дедюлину 1-го сентября днем. В тот же день утром ему представил также записку по этому предмету Спиридович. В день прибытия генерала Дедюлина в Киев я словесно осведомил его о первоначальном заявлении Богрова. Точно моего этого сообщения не помню, но так как я вообще обо всем ставил в известность дворцового коменданта, то, вероятно, я сказал ему и о розыскных мерах, т.е. о посылке Муева в Кременчуг, о телеграмме фон Коттену, о моторной лодке и подыскании квартир для террористов Богровым. Об установлении наблюдения за телефоном Богрова я распорядился в первом антракте спектакля в театре 1 сентября ввиду того, что из доклада Кулябки я узнал, что «Николай Яковлевич» узнал по телефону об отмене свидания с «Ниной» на Бибиковском бульваре. Приказание по этому поводу я дал Кулябке. Может быть, тут был и Веригин и Спиридович, но я этого точно не помню. До театра едва ли я делал такое распоряжение, так как к тому не было повода, а после завтрака я был все время в разъездах. После катастрофы 1-го сентября ни от Кулябки, ни от кого-либо другого я не слыхал о том, что писец охранного отделения был вхож в квартиру Богрова и был в ней днем 1-го сентября. Я об этом слышу только теперь впервые. После покушения Кулябко был у меня вечером же в Европейской гостинице и докладывал о необходимости допросить задержанного Богрова в охранном отделении, где допрос его, как бывшего сотрудника, было удобнее сделать. Подобный допрос Богрова Кулябкой наедине был особенно необходим ввиду того, что после совершенного им посягательства с особою остротою выдвигался вопрос о его соучастниках. Давая это разрешение Кулябке, я обусловил, однако, эту меру согласием прокурорского надзора. Так как, однако, до окончания допроса Богрова следователем прокуроры не согласились на эту меру, то я предполагал допустить Кулябку в крепость для беседы с Богровым и эта мера была одобрена статс-секретарем Коковцовым, но кто-то из прокуроров сообщил мне, что Богров категорически отказывается видеться с Кулябкой. Когда Кулябко докладывал мне в первом антракте о том, что он поручил приезжавшему на свидание с ним в театр Богрову проверить, находится ли дома «Николай Яковлевич», то Кулябко о перчатках ничего не говорил; во втором же ан-

тракте, когда Кулябко доложил мне о результатах этой проверки, то я возбудил сомнение, не вызовет ли она подозрений в «Николае Яковлевиче», и тогда Кулябко пояснил мне, что Богров, вернувшись домой, сослался на то, что забыл перчатки. Я ничего не слыхал о том, что Богров был на ипподроме, что какой-нибудь другой сотрудник был по билету охранного отделения в Купеческом саду, что во время Высочайшего посещения Софийского собора на улицах появлялся какой-то всадник, что предполагалось кем-нибудь для целей охраны выписать сотрудника Кулябки в Киев и чтобы полковнику Спиридовичу помогал какой-нибудь агент в изготовляемом Спиридовичем обзоре революционного движения, каковою работою он занимался с моего разрешения. Сотруднику петербургской газеты я не говорил о том, что у меня имеются документы, относящиеся к вопросу об ответственности по делу Богрова. Такими документами я считаю дела департамента полиции, доказывающие постоянное недопущение мною агентов к функциям охраны, о чем я упоминал в первом моем объяснении. Более никаких документов у меня на руках не имеется.

Генерал-лейтенант Курлов.

Сенатор Трусевич.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д 9. Л. 3–7об. Подлинник.

Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко

15 декабря 1911 г.

1911 года, декабря 15 дня, в г. Киеве я, товарищ прокурора Одесской судебной палаты Бусло, командированный в распоряжение сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованного, который показал:

Кулябко, Николай Николаевич, подполковник отдельного корпуса жандармов.

В дополнение к данным мною показаниям объясняю: На Ваши вопросы: 1) Кто был тот всадник в штатском платье, которого видели 29 августа с.г. около присутственных мест и, в частности, в месте выхода М. Житомирской на Владимирскую ул. многие лица и в котором некоторые из видевших признают Богрова[151]; 2) Если это был действительно Богров, то для чего он находился в означенном месте и при каких обстоятельствах он был туда допущен – отвечаю: В день Высочайшего проезда я неоднократно объезжал всю линию проезда и в последний раз проезжал по указанному в Вашем вопросе месту не позже, как за час до Высочайшего проезда, но никакого всадника в штатском платье лично не видел и на него мне никто не указывал. Равно я не видал на линии проезда вообще, а в частности, в указанном Вами месте Богрова, которого я, несомненно, увидав верховым, – удалил бы с линии проезда. Но этот день билетов Богров от меня ника-

ких не получал, а стоял ли он где-либо в публике – мне неизвестно. Никто из подчиненных мне чинов охранного отделения, ни офицеров корпуса жандармов, ни из чинов полиции, бывших в этот день в наряде на указанном Вами месте, а равно никто из строевых офицеров, занимавших со своими частями посты на указанном Вами месте – не говорили мне, чтобы они видели какого-либо всадника в штатском платье, стоявшего позади линии войск, на углу М. Житомирской ул. и Владимирской, – во время проезда Государя Императора из Софийского собора в Михайловский монастырь. На вопрос Ваш, не был ли мною выдан билет Богрову на открытие памятника Императору Александру II-му или не был ли Богров пропущен мною на это место торжеств без билета – отвечаю: билета я не выдавал и лично Богрова без билета не пропускал. Был ли там Богров – мне неизвестно. На Ваш вопрос, был ли мною приглашен для осведомления о настроении народных масс и революционной среды кто-либо из сотрудников – отвечаю, что, как я показал уже сенатору Трусевичу, я приглашал одного иногороднего сотрудника «Благовещенского»[152], но он не мог приехать по случаю болезни своего отца и я его в Киеве в это время – не видал. Во всяком случае, употреблять его для наружной службы я не предполагал, да и надобности в этом не было, т.к. в моем распоряжении для этой цели было вполне достаточно филеров. Сотрудник «Благовещенский» работает в отделении очень давно, все время хорошо стоял в организации и, хотя остался и ныне организованным партийным человеком, но от работы, в силу семейных и материальных дел, отошел, хотя связи с членами организации сохранил. Этими связями я и хотел воспользоваться в целях освещения настроения киевских социал-демократов в смысле отношения их к торжествам, а равно не предполагается ли ими устройство каких-либо демонстраций, выпуска прокламаций и проч. На Ваш вопрос, кто был тот сотрудник, с которым я встретился в кабинете полковника Спиридовича, в Европейской гостинице, в один из дней между 18–20, 21 августа, отвечаю: это и был тот самый «Благовещенский», о котором я только что Вам показывал. Я его не вызывал специально, но он, будучи проездом в Киеве, зашел ко мне и я ему предложил повидаться со Спиридовичем, что он и сделал. Дело в том, что полковник Спиридович читает лекции по истории революционного движения на подготовительных курсах для офицеров корпуса жандармов и в настоящее время занят составлением лекций-записок для офицеров-курсистов, а потому он и интересуется всеми новыми течениями в различных революционных партиях. С «Благовещенским» я познакомил Спиридовича уже давно и несколько раз посылал его к полковнику Спиридовичу в Царское Село для сообщения разных новостей из жизни и учения социал-демократов, каковыми сведениями, как я сказал, [Спиридович интересуется] для пополнения издаваемого им курса. В августе месяце, когда Спиридович приехал в Киев, то он, зная, что хотя «Благовещенский» и не состоит активным партийным работником, но не

порывает связи с революционерами и является, ввиду этого, лицом осведомленным, хотел воспользоваться его сведениями для своего курса и *просил меня, не могу ли устроить свидание с «Благовещенским»*, на что я ему сказал, что я его уже вызвал и просил приехать в Киев, как я уже сказал, для осведомления меня, но он отказался; но если бы он приехал случайно, то я с удовольствием устрою ему с «Благовещенским» свидание. Поэтому, когда «Благовещенский» случайно ко мне зашел, то я и сказал ему, что его хочет повидать Спиридович. Во время моих разговоров с «Благовещенским» я ему никаких предложений о Киеве уже не делал, так как он ранее уже мне заявил, категорически, что в данный момент он не может жить в Киеве и даже хотел уволиться совершенно от службы впредь до окончания своих личных дел. Всего разговора Спиридовича с «Благовещенским» я не слыхал, т.к. несколько раз выходил из номера и даже уезжал из гостиницы; да я и не интересовался их разговорами, т.к. знал, о чем они будут говорить, помню, что полковник Спиридович, задавшись целью в своих лекциях-записках доказать, что социал-демократы, вопреки своим постановлениям и программе принимали активное участие в экспроприациях, просил «Благовещенского» собрать по сему вопросу материалы, чтобы документально доказать, что социал-демократы только официально отрицают экспроприации, но на деле не только организуют экспроприации, но принимают в таковых активное участие. Я в разговоре полковника Спиридовича с «Благовещенским» не принимал участия и не расспрашивал последнего, поскольку возможно ожидать проявления в Киеве террора от автономных или инициативных групп, – равным образом при мне и полковник Спиридович не расспрашивал об этом «Благовещенского». Ни полковник Спиридович, ни я не говорили «Благовещенскому», что он будет вызван кем-либо из нас перед царским приездом, чтобы потолкаться в толпе, посмотреть публику, нет ли знакомых эсеров и в особенности понаблюдать во время прихода иностранных поездов. Здесь считаю уместным добавить, что у «Благовещенского» даже в эсеровских кругах [связей] даже и не было. Равным образом ни я, ни Спиридович не говорили «Благовещенскому», что если он будет вызван нами в Киев, то имел бы фрак и цилиндр и был бы одет франтом. Повторяю, что ни у меня, ни у полковника Спиридовича не возникало решительно никаких предположений о том, чтобы использовать «Благовещенского» в смысле поручения ему нести наружную службу или охранять кого-либо из высокопоставленных лиц, даже из предшествующего данного мною сегодня показания видно, что подобных предположений мы ему делать не могли, т.к. он, как я уже сказал, категорично заявил мне, что, быть в Киеве, во время торжеств, он ни в коем случае не может по своим частным, личным делам. При мне полковник Спиридович не говорил «Благовещенскому», что он его вызовет к себе в Ливадию или в Ялту, но я помню, что полковник Спиридович, через несколько дней после разговора с «Благовещенским», *как-то попросил меня, чтобы я отпустил как-нибудь*

зимою «Благовещенского» к нему в Царское Село, чтобы «Благовещенский» мог ему сообщить новости о партийной работе социал-демократов, какие он за это время получит. Ни генералу Дедюлину, ни генералу Курлову, ни Веригину я о свидании с «Благовещенским» не докладывал, т.к. в этом не было никакой надобности, ибо от «Благовещенского» я никаких ценных сведений не получил, воспользоваться его услугами во время торжеств, в целях охраны, не предполагал и несения наружной службы на него не возлагал. Делал ли какие-либо доклады по этому поводу Спиридович – мне неизвестно.

Подполковник Кулябко.

Товарищ прокурора Одесской судебной палаты Бусло.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–16об. Подлинник

Письмо полковника А.И. Спиридовича сенатору М.И. Трусевичу

21 декабря 1911 г.

Его Превосходительству сенатору М.И. Трусевичу.

У бывшего начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябко состоял сотрудником некий еврей социал-демократ, которого Кулябко называл кличкой, кажется, «Воскресенский» и с которым я познакомился при следующих обстоятельствах:

В 1910 году я начал работать над составлением очерка по истории Российской социал-демократической рабочей партии, почему и раздобывал, где только мог, нужные для этой работы документы. В один из приездов в том году в Петербург Кулябко, я говорил с ним о моей работе и он предложил мне повидаться и поговорить с «Воскресенским», который, по его словам, был хорошим теоретиком по названной партии.

Летом 1910 года «Воскресенский» приехал ко мне однажды в Петергоф на мою квартиру, где мы и беседовали с ним с утра до вечера, исключительно по вопросам жизни партии социал-демократов. Он прочел набросанный уже тогда мною очерк предполагаемого труда, назвал некоторые издания, пригодные, по его мнению, для моей работы, пообещал прислать мне очерк Батурина[153], которого я нигде не мог добыть и, кажется, в тот же день уехал. После того я не видал его до лета 1911 года, в каковой промежуток времени, не помню только при каких обстоятельствах, но он прислал мне обещанный печатный очерк Батурина.

К лету нынешнего 1911 года я закончил совершенно мою работу 1905 годом и начал работать над деятельностью партии за 1906 год, причем особенно налег на разработку вопросов о деятельности боевых социал-демократических организаций и об экспроприаторской рабо-

те партии. Об этих видах своей прошлой работы социал-демократы, как известно, писать не любят, а потому я столкнулся с большими затруднениями относительно подбора материалов, касавшихся 1906 года. Я пользовался всеми возможностями, дабы добыть то, что мне было необходимо. Так, зимой 1911 года, встретившись в Петербурге с начальником Московского охранного отделения полковником Заварзиным[154] я просил его помочь мне предоставлением материалов именно о террористической деятельности социал-демократов, а летом этого же года, проезжая чрез Москву, я взял у него несколько записок об экспроприациях, которые были осуществлены социал-демократами в Москве. В этом же году, бывши летом в Севастополе, я спрашивал полковника Попова, не помнит ли он чего относительно экспроприаций или вообще относительно проявлений террора со стороны социал-демократов, и он дал мне кое-какие сведения, прислал несколько дел и я сделал из них необходимые извлечения.

Попав в Киев, я постарался использовать, сколь позволяло мне время, мое там пребывание сбором нужного для меня материала и когда узнал, что «Воскресенский» еще существует и что он может поговорить со мной, ухватился за мысль использовать и его. И только для разговоров о прошлой деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, для разговоров о террористической и экспроприаторской работе этой партии в период 1906–1907 годов и был вызван ко мне для беседы «Воскресенский».

Поручение «осветить протекавший политический момент в смысле обнаружения в Киеве деятелей революционного направления» я ему не давал, а давал ли кто-либо другой [–] не знаю. «Воскресенский» пришел ко мне в номер, мы говорили с ним, но разговор со мной имел исключительное отношение к моему труду по истории Российской социал-демократической рабочей партии и, если мы говорили о терроре и экспроприациях, то только в применении к 1906–1907 годам. Докладов никаких «Воскресенский» мне не делал, а говорил со мной как со знакомым, отлично зная, что я розыском не занимаюсь и что сведения его нужны мне для моей литературной работы.

Припоминаю, что «Воскресенский» при мне говорил Кулябке о том, что он был где-то в Петербурге и слышал о нарождении новой группы социалистов-революционеров, которая хочет выступит с террором и тем зарекомендовать себя перед партией.

Никакого особого значения я этому не придал, ибо это уже касалось данных агентуры текущего момента, а, стало быть, не касалось совершенно меня, ибо я в дела розыска ни по лежащим на мне обязанностям, ни по собственному желанию не вмешивался, да, кроме того, передаваемое социал-демократом сведение о социалистах-революционерах походило уже на обывательскую болтовню.

Придал ли Кулябко какое-либо значение этому сообщению, а если придал, то что сделал – я не знаю. Помню лишь, что после того, как Богров дал сведения относительно наезда в Киев из Петербурга бое-

виков, мне пришли в голову эти указания «Воскресенского», явилась мысль, не относится ли сообщаемое Богровым сведение к группе, о которой вскользь сказал «Воскресенский» и предположение это, кажется, я высказал Кулябко и кому-то еще, но кому припомнить не могу.

О каких-либо розыскных планах, в коих, якобы, должен был участвовать «Воскресенский», мне ничего неизвестно, о них я ничего не слыхал.

О том, что Кулябко предупреждал «Восресенского» относительно вызова на время торжеств в видах наблюдения за появлением известных ему социалистов-революционеров – я не знаю и этих предупреждений не слыхал и вообще о том, хотел ли кто-либо воспользоваться наблюдательными услугами упомянутого сотрудника во время киевских торжеств и где именно, я никаких разговоров ни с кем не вел и ничего по сему поводу ни от кого не слыхал.

Не помню, чтобы я говорил что-либо относительно фрака и цилиндра, но если о них говорилось, то только могло быть говорено в качестве ответов на вопросы о том, как будет публика одеваться вообще на торжествах.

Докладов генерал-адъютанту Дедюлину или генерал-лейтенанту Курлову о моем свидании с «Воскресенским» и о наших разговорах с ним относительно Российской социал-демократической рабочей партии – я не делал, говорил ли о том М.Н. Веригину, или кому-либо из лиц, состоявших при генерале Курлове – не помню; относительно же розыскных планов с участием «Воскресенского», безусловно, никому не говорил, ибо о таковых ничего не знал и таковые меня, как не ведавшего розыском, не касались.

Вышеизложенное, вследствие возвращаемого при сем письма от 9-го декабря сего года за № 114, докладываю Вашему Превосходительству.

Полковник Спиридович.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 9. Л. 68–70. Подлинник

Протокол допроса генерал-майора А.В. Герасимова

21 декабря 1911 г.

1911 года, 21 декабря, в Петербурге сенатор М.И. Трусевич опрашивал состоящего при министре внутренних дел генерал-майора Александра Васильевича Герасимова[155], который на предложенные вопросы объяснил:

Бывшего секретаря департамента полиции М.Н. Веригина я знаю. Он часто посещал охранное отделение в бытность мою начальником отделения с января 1905 по апрель 1909 г. За полгода до оставления мною должности начальника отделения я его просил не приходить в отделение, так как он занимался интригами, выставлял себя руководите-

лем государственной политики, а занимался сплетнями. Такую же характеристику Веригина я дал генералу Курлову, заметив, что последний находился с ним в самых близких дружеских отношениях. Генерал Курлов на это мне ответил, что Веригина он знает хорошо и сам такого же мнения о нем. В конце марта или в первых числах апреля 1909 года я сдал должность начальника охранного отделения и после того с Веригиным не встречался. Генерала Курлова я видел три или четыре раза на служебных приемах. По слухам, которые циркулировали в то время, Веригин стремился руководить политическим розыском и, как мне говорил помощник начальника штаба генерал-майор Залесский[156], он в разговорах с офицерами корпуса жандармов держал себя как начальник, иногда делая им замечания. Такое не присвоенное Веригину служебное положение, каким он пользовался в 1910 и в 1911 годах, подтверждается известными мне двумя фактами. В конце прошлого ноября месяца, в бытность мою по делам службы в г. Ялте, ялтинский уездный исправник Гвоздевич мне говорил, что если бы не печальное событие 1-го сентября, то он, по всей вероятности, не был уже исправником Ялтинского уезда, так как Веригин, в последний свой приезд в г. Ялту вместе с генералом Курловым, остался им недоволен за то, что исправник Гвоздевич не встретил его и генерала Курлова на границе Ялтинского уезда. Недовольство это Веригин высказал Гвоздевичу при Курлове, в следующих словах: «Мы вас привыкли видеть на границе Ялтинского уезда». Генерал Курлов не сделал никакого замечания Гвоздевичу и последний понял, что всем распоряжается не генерал Курлов, а Веригин.

Второй случай мне рассказал начальник Севастопольского жандармского управления полковник Попов. В конце июля или в первых числах августа с.г. генерал Курлов, Веригин и полковник Спиридович приехали в Севастополь. По остановке поезда, из вагона, в котором ехали вышепоименованные лица, вышел секретарь генерала Курлова, подполковник Пискунов и рассказал полковнику Попову про совещание генерала Курлова с Веригиным и Спиридовичем. Пискунов сказал приблизительно следующее: «По всей вероятности тебе придется оставить Севастополь, так как всю дорогу шло совещание генерала Курлова, полковника Спиридовича и Веригина. Последние два находили необходимым организовать Черноморско-Азовское охранное отделение со штаб-квартирой этого отделения в г. Севастополе, причем на должность начальника этого отделения должен быть назначен подполковник Кулябко. Генерал Курлов согласился с их проектом, и тебя переведут в г. Одессу или в какой-нибудь другой большой город.

Из вышесказанного можно заключить, что генерал Курлов, как командир отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, нередко пользовался советами полковника Спиридовича и Веригина.

Состоя в должности генерала для поручений при министре внутренних дел, я исполнял служебные поручения до половины декабря ме-

сяца 1909 года. Так, по предписанию министра внутренних дел от 16 апреля 1909 за № 127548 я ездил для инспектирования агентуры некоторых окраинных отделений, в том числе и Киевского. Выписку из отчета смотра Киевского охранного отделения при сем представляю. 25 сентября того же года, как видно из представляемого при сем подлинного предписания, министр внутренних дел, покойный Петр Аркадьевич Столыпин, меня назначил в совместную с генералом Курловым служебную поездку в гг. Одессу и Варшаву, но эта моя поездка с генералом Курловым не состоялась, так как была отложена по его настоянию, и он ездил один. Распоряжение об отмене моей командировки мне лично передал генерал Курлов; от покойного же министра я ничего не получил, поэтому я затрудняюсь сказать, действительно ли было распоряжение П.А. Столыпина об отмене моей командировки, или таковая отмена состоялась личным усмотрением Курлова. Затем, в октябре месяце того же года, распоряжением П.А. Столыпина, я был назначен начальником охраны Его Высокопревосходительства и читал лекции офицерам, предназначенным к переводу в отдельный корпус жандармов*.

После убийства начальника С.-Петербургского охранного отделения полковника Карпова генерал Курлов возбудил негласное расследование по обвинению меня в инспирировании государственного преступника Петрова[157] совершить покушение на жизнь Курлова. Производство расследования было поручено и. о. вице-директора департамента полиции Виссарионову. Генерал Курлов не брезговал никакими средствами, чтобы дискредитировать меня в глазах П.А. Столыпина и с целью лишить меня возможности какой-либо защиты против взводимой на меня гнусной инсинуации, я, по его настоянию, был немедленно командирован в Иркутск для ревизии местного охранного отделения и освобожден от обязанности начальника охраны министра и чтения лекции офицерам. По моем возвращении из командировки в конце января месяца 1910 года, государственный преступник Петров, убивший полковника Карпова, был уже осужден и казнен. Я представился генералу Курлову, и он мне вкратце рассказал содержание лжесвидетельства Петрова, в котором он обвинял меня в инспирировании его совершить покушение на жизнь генерала Курлова. До сего времени я не знаю, в чем меня обвиняют, и производящий расследование Виссарионов меня еще не спрашивал. С этого времени я был отстранен от несения каких бы то ни было служебных обязанностей в продолжение почти 2-х лет. В декабре месяце сего года, по распоряжению вновь на-

---

* В сокращенном варианте протокола допроса после этих слов идет следующий текст: «но вскоре, по распоряжению генерала Курлова, я был отстранен от несения каких бы то ни было служебных обязанностей в продолжение почти двух лет. В декабре месяце сего года, по распоряжению вновь назначенного министром внутренних дел А.А. Макарова, я был командирован в г. Белгород, где и исполнял обязанности начальника охраны, ввиду посещения Белгорода Их Императорскими Величествами».

значенного министром внутренних дел А.А. Макарова[158], я был в командировке в г. Белгороде, где исполнял обязанности начальника охраны в Белгороде, ввиду его посещения Их Императорскими Величествами.

Генерал-майор Герасимов.

ГА РФ. Ф 271 оп 1. Д 9 Л. 85–88 Подлинник. Автограф. Сокращенный вариант – Ф 271 Оп. 1. Д 4. Л. 25–27 Подлинник. Автограф.

Протокол осмотра товарищем прокурора Петербургской судебной палаты Г.В. Меллером дела департамента полиции о расходовании средств, отпущенных на проведение киевских торжеств

24 декабря 1911 г.

1911 года, декабря 15–24 дня, в гор. С.-Петербурге я, товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты Меллер[159], производил, по распоряжению сенатора М.И. Трусевича, осмотр 1) дела департамента полиции по 2 делопроизводству за № 341, в двух томах, «об отпуске денег на организацию охраны во время Высочайшего пребывания в гор. Киеве и других городах Империи в 1911 году»; 2) дела того же делопроизводства «о расходах на охрану Его Императорского Величества (отчетность г[осподина] товарища министра в[нутренних] д[ел] П.Г. Курлова)», означенное «№ 341 ч. 2 т. 2»; 3) дело того же делопроизводства, отмеченное как «приложение к делу № 341/1911 г., озаглавленное: «Расходные статьи по охране Высочайшего путешествия в Овруч», причем осмотром этим было установлено следующее:

27-го мая Государь Император, по докладу г. министра финансов, Высочайше повелеть соизволил: отпустить из десятимиллионного фонда 1911 года на расходы, связанные с предстоявшими в текущем году Высочайшими путешествиями 300 000 рублей.

10-го июня означенная сумма была принята департаментом полиции из главного казначейства.

8-го июня департамент полиции, по распоряжению товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова, выдал вперед из собственных секретных сумм секретарю названного товарища министра, для предоставления последнему, 25 000 рублей, каковые деньги и были представлены по назначению 10-го того же июня, и. о. вице-директора департамента полиции статскому советнику Веригину – 10 000 рублей.

По получении департаментом полиции упомянутых 300 000 рублей, 35 000 рублей были обращены в секретный фонд департамента,

в возмещение выданных, как указано выше, вперед денег, а остальные 265 000 рублей – внесены в Государственный банк, на текущий счет департамента.

Из этой суммы, в числе прочих ассигнований, было выдано дополнительно генералу Курлову 29 июля в гор. С.-Петербурге 90 000 рублей, а затем – 4 сентября, частью из остатков этой же суммы, частью из секретных сумм департамента – еще 11 000 рублей, переведенных по телеграфу генералу Курлову в Киев.

29 июля, в день получения генералом Курловым 90 тысяч рублей, от имени его были сделаны почтовые переводы из Петербурга в Киев на сумму в 50 тысяч и в Севастополь на сумму в 30 тысяч рублей. Из указанных 50 тысяч рублей было выдано киевской почтовой конторой 3 августа 10 тысяч рублей начальнику Киевского охранного отделения Кулябко; остальные же 40 тысяч рублей были получены 19 августа, по доверенности генерала Курлова, инспектором почт и телеграфов действительным статским советником Довяковским. Тому же Довяковскому и на основании такового же документа были выплачены киевскою почтовою конторою 4 сентября и упомянутые выше 11 тысяч рублей.

Из имевшейся в личном распоряжении генерала Курлова указанной выше суммы* было произведено, как устанавливается представленными в департамент полиции оправдательными документами, расходов на сумму в 95 622 руб. 90 коп. и возвращено обратно в департамент 40 377 рублей 75 коп. (излишне представлено при возвращении 65 коп.).

Означенный расход выразился в следующих выдачах, приводимых в хронологическом порядке:

Выдано:

25	июня:	подполковнику Оже-де-Ранкур[160]	3 р.	20 к.
"	"	киевскому губернатору	300 р.	
27	"	полковнику Обермиллеру	68 р.	
"	"	подполковнику Пискунову	68 р.	
"	"	штабс-ротмистру Канабееву	15 р.	
29	июля:	на перевод денег почтою	200 р.	
3	августа:	начальнику Киевского охранного отделения	10 000 р.	
7	"	севастопольскому градоначальнику	3000 р.	
8	"	действ. ст. сов. Довяковскому	390 р.	
"	"	начальнику Харьковского жанд. полицейского упр. ж.д.	3000 р.	
10	"	штабс-ротмистру Канабееву	150 р.	
13	"	начальнику Севастопольского жандармского управления	10 000 р.	

* Против этой строки на полях помета карандашом – 136 000 руб.

14	"	генерал-майору Думбадзе[161]	500 р.	
"	"	подполковнику Пискунову	200 р.	
19	"	начальнику Киевского охранного отделения	10 000 р.	
"	"	курскому губернатору	500 р.	
"	"	таврическому "	1000 р.	
"	"	на почтовые расходы	15 р.	
"	"	генерал-майору Думбадзе	4500 р.	
"	"	унтер-офицеру Бойцову	50 р.	
20	августа:	начальнику Кременчугского жанд. пол. упр. жел. дор.	800 р.	
"	"	начальнику жанд. пол. упр. Северо-Западных жел. дор.	2000 р.	
"	"	начальнику Виленского жанд. полиц. упр. жел. дор.	2000 р.	
"	"	на расходы по почтовым переводам	12 р.	
23	"	черниговскому губернатору	1000 р.	
26	"	титулярному советнику Сенько-Поповскому	4 р.	30 к.
27	"	киевскому губернатору	500 р.	
29	"	" полицмейстеру	8000 р.	
"	"	командиру Московского жандармского дивизиона	3000 р.	
"	"	стат. сов. Веригину	136 р.	
4	сентября:	ротмистру Дексбаху	200 р.	
"	"	действит. стат. сов. Довяковскому	150 р.	
"	"	начальнику Киевского губ. жанд. управления	50 р.	
"	"	Киевскому полицмейстеру	20 р.	
"	"	стат. сов. Веригину	100 р.	
6	"	киевскому полицмейстеру	200 р.	
"	"	командиру Московского жанд. дивизиона	500 р.	
9	"	начальнику Харьковского жанд. полиц. упр. жел. дор.	350 р.	
"	"	начальнику Киевского охранного отделения	4347 р.	20 к.
			10 652 р.	80 к.
"	"	на почтовые расходы	16 р.	80 к.
9	сентября:	начальнику Киевского губ. жанд. управления	6000 р.	
10	"	подполковнику Караулову[162]	100 р.	
"	"	колл. рег. Данилову	31 р.	90 к.
"	"	ему же	100 р.	

11	"	стат. сов. Веригину	220 р.	
23	"	черниговскому губернатору	1157 р.	30 к.
"	"	на почтовые расходы	6 р.	90 к.
"	"	севастопольскому градоначальнику	3000 р.	
27	"	курскому губернатору	3000 р.	
"	"	на почтовые расходы	3 р.	85 к.
30	"	начальнику Севастопольского жанд. управления	4000 р.	
"	"	на почтовые расходы	4 р.	65 к.
			95 622 р.	90 к.

Тот же расход, по надобностям, для которых он был произведен, распадается на следующие статьи:

Было выдано:

1) Для удовлетворения суточными и квартирными деньгами лиц, командированных в места пребывания и на пути следования Его Величества:

начальнику	Харьковского жанд. пол. управления жел. дор.	3350 р.	
"	Кременчугского жанд. пол. управления жел. дор.	800 р.	
"	Виленского жанд. пол. управл. жел. дор.	2000 р.	
"	жанд. пол. управл. Северо-Западных жел. дор.	2000 р.	
"	Севастопольского жанд. управления	14 000 р.	
"	Киевского губ. жанд. упр.	6000 р.	
"	" охр. отделения	35 000 р.	
командиру сводного жанд. дивизиона полковнику Терпелевскому		3500 р.	
черниговскому губернатору		2157 р.	30 к.
курскому "		3000 р.	
генерал-майору Думбадзе		4500 р.	
севастопольскому градоначальнику		6000 р.	
киевскому полицмейстеру		8000 р.	
дейст. стат. сов. Довяковскому, лично		390 р.	
стат. сов. Веригину		456 р.	
полковнику Обермиллеру		68 р.	
подполковнику Пискунову		268 р.	
штабс-ротмистру Канабееву		165 р.	
унтер-офицеру Бойцову		50 р.	
колл. рег. Данилову		81 р.	90 к.

2) В награду:

служащим на телефоне в гор. Киеве (деньги препровождены д.с.с. Довяковскому) 150 р.

жандармским унтер-офицерам (деньги препровождены начальнику Киевского губ. жанд. управленія)	50 р.	
городовым Киевской полиции (деньги препровождены киевскому полицмейстеру)	20 р.	
3) На наем автомобилей:		
киевскому губернатору	300 р.	
" полицмейстеру	200 р.	
4) На разъезды чинов полиции:		
киевскому губернатору	500 р.	
5) На оборудование адресного стола в гор. Ялте:		
генерал-майору Думбадзе	500 р.	
6) на почтовые расходы	259 р.	20 к.
7) за доставку пакетов:		
подполковнику Оже-де-Ранкур	3 р.	20 к.
тит. сов. Сенько-Поповскому	4 р.	30 к.
8) без обозначения надобности:		
ротмистру Дексбаху	200 р.	
" Караулову	100 р.	
курскому губернатору	500 р.	
таврическому "	1000 р.	
колл. рег. Данилову	100 р.	
	95 622 р.	90 к.

Из денег, оставшихся неизрасходованными, возвращено генералом Курловым в департамент полиции:

6 октября	538 р.	14 к.
9 "	3840 р.	
11 "	35 999 р.	61 к.
	40 377 р.	75 к.

Как видно из изложенного, генералом Курловым, в указанные выше сроки, было получено из 300-тысячного кредита 136 тысяч рублей. Таким образом, из того же кредита, за отчислением упомянутых 136 тысяч руб., в распоряжении департамента полиции осталось 164 тысячи руб.

Из этой последней суммы были произведены, по приказаниям генерала Курлова, ниже приводимые ассигнования, причем уже к 5 сентября вся эта сумма была исчерпана, и дальнейшие расходы были производимы департаментом полиции из особых секретных сумм.

В хронологическом порядке упомянутые ассигнования представляются в следующем виде:

1	июня:	волынскому губернатору	2500 р.
2	"	начальнику Финляндского губ. жанд. упр.	3000 р.
15	"	начальнику Эстляндского губ. жанд. упр.	1500 р.
21	"	начальнику Лифляндского губ. жанд. упр.	270 р.

2	июля:	московскому градоначальнику	1488 р.	
"	"	унтер-офицеру Журавлеву	17 р.	
4	"	начальнику Киевского губ. жанд. упр.	5000 р.	
"	"	начальнику Черниговского губ. жанд. упр.	3000 р.	
"	"	начальнику Киевского охранного отделения	5000 р.	
"	"	с.-петербургскому градоначальнику	1560 р.	
5	"	курьеру департамента полиции Васильеву	17 р.	
6	"	тит. сов. Сенько-Поповскому	102 р.	
"	"	тит. сов. Свицкому	85 р.	
"	"	колл. рег. Данилову	34 р.	
"	"	курьеру Абрамову	17 р.	
"	"	московскому градоначальнику	4030 р.	
8	"	начальнику Московского охр. отд.	6500 р.	
11	"	начальнику С.-Петербургского охр. отд.	5000 р.	
"	"	московскому градоначальнику	8850 р.	
12	"	начальнику Лифляндского губ. жанд. управления	131 р.	32 к.
"	"	таврическому губернатору	788 р.	41 к.
"	"	Курскому "	5500 р.	
14	"	московскому градоначальнику	30 р.	
15	"	волынскому губернатору	3000 р.	
16	"	подполковнику Дукельскому	3000 р.*	
"	"	ст. сов. Виссарионову	500 р.**	
"	"	начальнику Лифляндского губ. жанд. управления	128 р.	16 к.
"	"	курскому губернатору	2000 р.	
"	"	генерал-губернатору Трепову	8000 р.	
"	"	волынскому губернатору	2000 р.	
23	"	начальнику охр. агентуры, подведомст[венной] двор. ком.	7500 р.	
"	"	колл. сов. Курлову	168 р.	
"	"	ему же	5000 р.***	
"	"	тит. сов. Сенько-Поповскому	300 р.	
"	"	колл. рег. Данилову	100 р.	
"	"	унтер-офицеру Журавлеву	50 р.	

* Против этой строки помета карандашом: «Возвращено 737 р. 61 к.».
** Против этой строки помета: «Возвращено 100 р.»
*** Против этой строки помета карандашом: «Возвращено 1813 р. 64 к.».

"	"	полковнику Обермиллеру	2700 р.*	
"	"	ему же	300 р.	
26	"	курьеру Абрамову	50 р.	
28	"	начальнику Лифляндского губ. жанд. управления	270 р.	
2	августа:	курскому губернатору	549 р.	10 к.
12	"	Таврическому "	572 р.	50 к.
"	"	Волынскому "	3000 р.	
"	"	начальнику Черниговского губ. жанд. управления	1200 р.	
"	"	дворцовому коменданту	44787 р.	
"	"	с.-п[етер]б[урскому] градоначальнику	14000 р.	
"	"	курскому губернатору	500 р.	
19	"	московскому градоначальнику	5518 р.	
"	"	таврическому губернатору	216 р.	29 к.
23	"	начальнику Эстляндского губ. жанд. управления	521 р.	75 к.
28	"	начальнику жанд. полиц. упр. Северо-Западных жел. дор.	1794 р.	
1	сентября:	начальнику Черниговского губ. жанд. управления	2500 р.**	

Итого, по 1 сентября, департаментом полиции из 164 тысяч руб. было израсходовано 162 825 руб. 53 коп. и оставалось в наличности 1174 руб. 47 коп.***

Далее были произведены департаментом полиции следующие ассигнования:

5	сентября:	начальнику С.-П[етер]б[ургского] губ. жанд. упр.	380 р.	80 к.
7	"	начальнику Финляндского губ. жанд. упр.	3161 р.	
16	"	жанд. полиц. упр. Северо-Западных жел. дор.	4349 р.	50 к.
"	"	колл. сов. Курлову	203 р.	
17	"	с.-п[етер]б[ургскому] градоначальнику	2242 р.	
"	"	курьеру Васильеву	40 р.	
20	"	начальнику Таврического губ. жанд. управления	58 р.	80 к.
22	"	чиновникам департамента полиции	923 р.	50 к.

---

* Против этой строки помета карандашом: «Возвращено 2031 р. 14 к.».

** Против этой строки помета карандашом: «Возвращено 600 р. 55 к.».

*** Против этого абзаца помета карандашом: «181 324 р. 53 к.».

"	"	с.-п[етер]б[ургскому] градоначальнику	720 р.	
"	"	канцелярскому чиновнику Боброву	90 р.	
"	"	тит. сов. Свицкому	240 р.	
"	"	начальнику Брянского отд. Моск.- Киевск. жанд. go-лиц. упр. ж.д.	24 р.	
7	октября:	начальнику Гродненского губ. жанд. управления	89 р.	74 к.
"	"	начальнику Виленского жанд. полиц. управления жел. дор.	448 р.	40 к.
10	"	московскому градоначальнику	3840 р.	
"	"	минскому губернатору	16 р.	65 к.

Таким образом, по 10-е октября включительно, департаментом полиции было израсходовано 190 151 руб. 92 коп., т.е. свыше 164 тыс. руб. кредита на 34 151 руб. 92 коп., заимствованных из секретных сумм департамента*.

К 11 октября, т.е. ко дню представления генералом Курловым отчета в израсходовании имевшихся у него на руках сумм, поступили в департамент полиции от целого ряда – но не всех – должностных лиц отчеты в израсходовании ассигнованных в их распоряжение денег, причем были представлены остатки от таковых ассигнований начальником Черниговского губернского жандармского управления, в сумме 600 руб. 55 коп., подполковником Дукельским, в сумме 737 руб. 61 коп., статским советником Виссарионовым, в сумме 100 рублей, коллежским советником Курловым, в сумме 1813 руб. 64 коп., и полковником Обермиллером в сумме 2031 руб. 14 коп.**

В указанных делах департамента полиции имеются сведения об обращении департаментом некоторых расходов, подлежащих отнесению на счет 300-тысячного кредита, – на нормальные средства подчиненных департаменту учреждений. Так, департамент предложил: 23 августа начальнику Воронежского губернского жандармского управления отнести расход в 200 руб., а 2 сентября начальнику Московского охранного отделения – расход в 2000 руб. – на бюджеты подведомственных этим должностным лицам управлений и отделений.

Из означенной выше, израсходованной департаментом полиции, суммы в 198 151 руб. 92 коп. наибольшая часть, а именно 161 151 руб. 70 коп., выпала на удовлетворение суточными и квартирными деньгами состоявших в командировке людей; прочий же расход представляется в следующем виде:

---

* Против этого абзаца помета карандашом: «16 827 р. 39 к.».

** Против этого абзаца помета карандашом: «Всего возвращено 5282 р. 94 к.».

Выдано:

1) На приобретение и содержание автомобилей:

12	июля:	таврическому губернатору	788 р.	41 к.
5	августа:	таврическому губернатору	572 р.	50 к.
19		ему же	216 р.	29 к.
16	июля:	генерал-губернатору Трепову	8000 р.	
"	"	волынскому губернатору	2000 р.	
23	"	начальнику охр. агентуры, подвед[омственной] двор. ком.	7500 р.	

2) На обмундирование 200 городовых –

15	июля:	волынскому губернатору	3000 р.	

3) На организацию в гор. Киеве бюро по выдаче билетов на торжества –

23	июля:	колл. сов. Курлову	5000 р.	

4) На устройство временного полицейского управления в гор. Белгороде –

18	августа:	курскому губернатору	500 р.	

5) Без указания надобности расхода –

16	июля:	подполковнику Дукельскому	3000 р.	
"	"	ст. сов. Виссарионову	500 р.	
"	"	курскому губернатору	200 р.	
23	"	полковнику Обермиллеру	3000 р.	

6) На наградные чиновникам департамента полиции за усиленную работу –

22	сентября		923 р.	50 к.
"	"		37 000 р.	70 к.

Независимо от расходов, произведенных из 300-тысячного ассигнования Министерством внутренних дел по департаменту общих дел, было израсходовано 8227 руб. 99 коп. на выдачу прогонных, суточных, квартирных и подъемных денег нижеследующим лицам, в следующих размерах:

Генерал-лейтенанту Курлову:

9	июля –		2161 р.	80 к.
13	июня –	1631 руб. 58 к., а всего –	3796 р.	38 к.

Статскому советнику Веригину:

2	июля –		819 р.	54 к.
26	июля –	1224 р. 78 к., всего –	2044 р.	32 к.

Титулярному советнику Сенько-Поповскому:

2	июля –		158 р.	81 к.
26	июля –	412 р. 01 к., всего –	570 р.	82 к.

Коллежскому советнику Курлову:

9	июля –		315 р.	
26	июля –	458 р. 64 к. , всего –	773 р.	64 к.

Титулярному советнику Свицкому:

2	июля –		126 р.	15 к.

18	июля –	51 р. 15 к., всего –	177 р.	30 к.
Коллежскому регистратору Данилову:				
2	июля –		139 р.	37 к.
18	июля –		90 р.	
26	июля –	412 р. 01 к., а всего –	641 р.	38 к.
Штабс-ротмистру Есаулову:				
2	июля –		191 р.	60 к.
Коллежскому советнику Дьяченко:				
18	июля –		32 р.	55 к.
			8227 р.	99 к.

Товарищ председателя Меллер.
Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1 Д. 4. Л. 6–13. Подлинник.

Протокол допроса начальника Петербургского охранного отделения М.Ф. фон Коттена

28 декабря 1911 г.

По поводу моего знакомства с Мордкой Богровым показываю следующее.

В конце мая или начале июня прошлого 1910 года я получил из Киева за подписью ротмистра Белевцова телеграмму следующего, приблизительно, содержания: «Из Киева выехал в Петербург секретный сотрудник по анархистам Оленский*. Телеграфируйте, явится ли он к Вам и насколько ценны его сведения». Эта телеграмма, как адресованная мне лично, в делах отделения не сохранилась.

Два или три дня спустя, ко мне позвонил по телефону неизвестный господин и назвался «Оленским». Я условился с ним встретиться на другой же день в ресторане «Малоярославец», где наша встреча действительно и состоялась. На это свидание я пригласил также своего помощника, подполковника Еленского[163], имея ввиду передать ему дальнейшую работу с «Оленским», как с анархистом.

«Оленский» оказался помощником присяжного поверенного Дмитрием Григорьевичем Богровым. Он сообщил, что уже несколько лет работает в Киевском охранном отделении, причем сначала работал по социалистам-революционерам, а затем перешел к анархистам. После одной из ликвидаций, произведенных Киевским охранным отделением на основании данных им сведений, положение его несколько пошатнулось, ввиду чего он временно отошел от работы. Последнее время ему удалось рассеять все возникшие против него подозрения, и он нахо-

* Так в протоколе называется «Аленский» (Богров).

дит вполне возможным возобновить свою работу. Переезд свой в Петербург он объяснил тем, что он недавно кончил университет и имеет в виду приписаться в сословие присяжных поверенных, в качестве помощника у присяжного поверенного Кальмановича. При дальнейшем разговоре выяснилось, что никаких явок в Петербург он не имеет, но что рассчитывает приобрести таковые либо среди социалистов-революционеров, либо же, на что он более рассчитывал, среди анархистов, путем сношений со своими заграничными товарищами, из числа коих он назвал нескольких видных представителей анархизма, как например, Иуду Гросмана и др.

Встреча наша состоялась, вероятно, 12 или 13 июня, т.к. 13 июня мною была послана в Киев телеграмма следующего содержания: «Киев. Охранное отделение. Ротмистру Белевцову. Оленский являлся, оценку сведений пока сделать трудно. № 488».

Спустя несколько дней у меня состоялось второе свидание с Богровым, опять-таки совместно с подполковником Еленским. На этом свидании Богров, которому мною был дан псевдоним «Надеждин», сообщил, что, насколько ему удалось выяснить, активных анархистов в Петербурге не имеется, что вполне совпадало с имевшимися в отделении сведениями. Что же касается социалистов-революционеров, то Богров с уверенностью заявил, что ему удастся завязать с ними сношения, как через Кальмановича. так равно через присяжного поверенного Мандельштама. В подтверждение своих слов он рассказал, что на днях Кальманович получил из заграницы какое-то письмо, привезенное недавно вернувшейся из заграницы еврейкой, по фамилии Паризи – родственницей Богрова. Этому письму Кальманович придавал какое-то исключительное значение и дал его Богрову с просьбой лично передать известному социалисту-революционеру Егору Егоровичу Лазареву, проживавшему в то время в Петербурге легально и служившему в конторе «Вестник знания»[164]. Письмо это Богров показывал мне и подполковнику Еленскому в подлиннике; оно заключало в себе 2–3 строчки совершенно безразличного, возможно, что условного, содержания.

По имевшимся в то время у меня сведениям, Лазарев являлся в Петербурге, так называемым, уполномоченным Центрального комитета партии социалистов-революционеров и незадолго до этого времени получил от названного Комитета поручение и деньги на восстановление здесь партийной организации. Ввиду сего нами было решено, что Богров будет работать по социалистам-революционерам и что дальнейшие сношения с ним буду вести уже я, один, без подполковника Еленского.

Принимая во внимание социальное положение Богрова, а также его революционные знакомства с такими лицами, как Кальманович, Мандельштам и Лазарев, мною был назначен ему оклад в 150 рублей в месяц.

Однако, при дальнейших свиданиях Богров никаких существенных сведений не дал. Вышеупомянутое письмо он передал Лазареву, причем последний остался, будто бы, очень доволен этим знакомством, заявил, что сам он слишком стар для того, чтобы заниматься партийной

работой, и что для этого ему нужны люди помоложе, как, например, Богров, – но ни в этот раз, ни в последующие свидания Богрова с Лазаревым, последний ему никаких поручений не давал. При этом все его сообщения относились к тому, о чем он разговаривал с Кальмановичем или Лазаревым, но ничего конкретного, поддающегося проверке путем наружного наблюдения или перекрестной агентуры, он не говорил. Поэтому ставить наружное наблюдение по его сведениям не приходилось ни разу. По тем же причинам я свои разговоры с Богровым не записывал, ибо такие лица, как Кальманович и Лазарев, и без того были очень хорошо известны охранному отделению. Кроме того, Богров к партийной работе в Петербурге еще не подошел, и указанные знакомства его имели значение не сами по себе, а лишь постольку, насколько они являлись средством приблизиться к сказанной работе.

Как выше упомянуто, Богров не вошел в местную партийную работу, почему я и не считал еще его своим «секретным сотрудником» – в принятом в практике значении этого слова. Ввиду сего свидания мои с ним продолжали происходить в «Малоярославце», а не на конспиративной квартире. По-видимому, Богров счел это за недоверие к нему, ибо однажды, в октябре, во время свидания со мною он заявил, что ему крайне досадно, что он не дал еще мне ни одного конкретного сведения и тут же, в качестве такового сведения, сообщил, что женщина, скрывшаяся недавно до производства отделением обыска в д. № 16, по Бол. Самсониевскому проспекту, проживает теперь там же нелегально или без прописки со своим сожителем.

Справками в делах я установил, что действительно в указанном доме 25 августа того же года производился обыск с целью ареста жены медицинского фельдшера Марии Георгиевны Дьяченко, разыскивавшейся циркуляром департамента полиции от 24 июня 1910 года за № 126030/101 и подлежавшей высылке в Астраханскую губернию под гласный надзор полиции. Марья Дьяченко во время обыска отсутствовала, почему арестована не была. В одной комнате с нею проживал крестьянин Гродненской губернии, Войтек Викентьев Арцишевский, который 9-го октября того же года выбыл, отметившись в д. № 11 по Ординарной улице, но туда на жительство не прибыл и наведенными в дальнейшем справками в Петербурге обнаружен не был. Таким образом, и это сведение проверке не поддалось.

Около того же времени Богров заявил, что он собирается ехать заграницу, причем рассчитывает получить для этого даже командировку или, хотя бы, только уполномочие от Комитета Общества по борьбе с фальсификацией, в котором он устроился на службу. Кроме того, Богров тогда же поднял вопрос о том, что он даром получает от меня деньги, т.к. не дает никаких сведений. Имея в виду трудность приобретения интеллигентной агентуры и принимая во внимание предстоящий вскоре его отъезд заграницу, где он мог бы приобрести новые связи, я предложил ему остаться у меня на жаловании до отъезда заграницу, на что Богров согласился.

В ноябре месяце Богров получил от меня последний раз содержание и мы с ним распрощались, причем он обещал, если будет что-нибудь интересное заграницей, написать мне.

В январе месяце я получил от Богрова с юга Франции, из Болье, прилагаемое при сем в подлиннике, письмо*, в котором он мне писал, что у него заграницей было несколько интересных встреч, – между прочим, с Ивановым[164] и Колосовым[165], и вместе с тем просил выслать ему денег, причем указал адрес для перевода в Ниццу, через Comption National d'Escampte. Я выслал ему 150 рублей, но спустя месяца полтора получил их обратно за невостребованием. В дальнейшем я о месте пребывания Богрова до минувшего августа месяца никаких сведений не имел.

Из денежной отчетности отделения видно, что Богров получил содержание за июнь, июль, август, сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы, что затем ему было выдано в январе 150 рублей, каковые в марте записаны обратно на приход.

28 августа сего года мною были получены из Киева одна за другою, с надписью «лично», четыре телеграммы следующего содержания:

За № 441 – «По приказанию товарища министра срочно телеграфируйте, известна ли Вам личность мужчины, находившегося в сноше-

---

* Письмо Д.Г. Богрова М.Ф. фон Коттену

<января 1911 г.>

Многоуважаемый Михаил Фрндрнхович!

Прошу простить мне мое долгое молчание, вызванное невольным отклонением от первоначального плана моего путешествия. Прибыв в Париж к 1-ому января н/ст., я пришел к заключению, что господствующий там по случаю праздничного времени застой в делах не дает надежды на заключение сколько-н[и]б[удь] значительных сделок. К тому же представители тех фирм, на рекомендации которых я особенно рассчитывал, не оказались к тому времени в Париже. Они частью пребывают в Швейцарии, частью на Ривьере. В Париже уже замечается наплыв английских торговцев, вызванный депрессией во внутреиней торговле Англии. Ввиду этого я 7 янв. н/ст. покинул Париж и переехал в Beaulien (около Ниццы), Здесь я встретился с Ивановым и Колосовым, от которых получил целый ряд весьма ценных сведений относительно внутреннего положения парижского и лондонского рынка, которые дадут мне полную возможность ориентироваться в создавшейся там конъюнктуре. К 1-ому февраля я собираюсь вновь вернуться в Париж и пробыть там 4–5 недель, причем надеюсь, что Вы не откажите оказать мне некоторую материальную поддержку, так как расходы по путешествию превзошли мои ожидания. Деньги прошу перевести телеграфом через Comptair National d'Escompte, в Ницце.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданностн.

А. Надеждин.

1/1 4/1 5/1 6/5 2/1 3/2 2/9. 7/15 3/1 12/5 5/1 2/2 2/16 1/3 2/4 1/5 4/1 10/3.12/4 10/3 2/6 9/3 7/1 11/1 3/15 9/4 6/2 12/6.14/15 10/1 4/3 3/4 2/3 2/11 4/1 3/1 7/1 8/1 7/16 3/4 10/3 6/7 6/3 4/6 3/6 13/1 7/17 – [Расшифровка: моя фамилия Богров].

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 9.
Конверт с вложением. Л. 1-6. Автограф.

ниях с Егором Егоровичем Лазаревым, приметы коего: лет 28–30, брюнет, длинноволосый, подстриженная бородка, небольшие усы, опущенные книзу, плотный, выше среднего роста, приятное выражение лица, – которому около тюрьмы прошлого года были переданы письма из заграницы приехавшей барынькой-еврейкой. Также телеграфируйте, находится ли он [в] наблюдении, где теперь находится. Если живет [в] Вашем районе, установите неотступное наблюдение, при выездах сопровождайте. Телеграфируйте мне [о] всех его передвижениях».

За № 442 – «По приказанию товарища министра, первым поездом вышлите нарочным подробные сведения [о] деятельности и связях Егора Егоровича Лазарева, Булата и присяжного поверенного Кальмановича».

За № 443 – «Дополиение телеграммы 441, по приказанию товарища министра, телеграфируйте имеющийся в вашем отделении адрес лица, коему предназначены были к передаче летом 1910 года письма из заграницы через Егора Егоровича Лазарева».

За № 444 – «По приказанию товарища министра, срочно выясните и телеграфируйте действительного получателя писем по адресу – "Невский, 40, 'Вестник знания', для Н.Я. Рудакова" и его приметы. За получателем установите неотступное наблюдение, сопровождая [в] выездах. Об исполнении телеграфируйте мне для доклада товарищу министра».

Содержание этих телеграмм не оставляло никакого сомнения, что Богров явился к подполковнику Кулябко и повторяет ему те же сведения, которые год тому назад он давал мне, но при этом дополняет их какими-то новыми подробностями: 1) об упоминаемом в телеграмме № 441 длинноволосом брюнете, «которому около тюрьмы прошлого года были переданы письма» приезжей еврейкой, Богров мне ничего не говорил и притом, как мною показано выше, передача письма происходила не около тюрьмы, а в квартире Кальмановича и конторе «Вестника знания», и 2) никакого адреса «лица, коему предназначены были к передаче» письма через Егора Лазарева, о чем говорится в телеграмме № 443, в отделении не было, ибо письмо из заграницы (а не письма) было передано Богровым Егору Лазареву и о каких-либо дальнейших передачах письма Богров решительно ничего не говорил.

Ввиду этого мною были посланы следующие телеграммы 28 августа за № 808 – «Киев. Начальнику охранного отделения. Лично, срочная. Указанные [в] телеграммах 441 и 443 лица, за исключением Егора Лазарева, отделению неизвестны. Сведения о случае передачи писем из заграницы через Кальмановича, еврейку и Лазарева [в] отделение поступали, но уже после передачи, почему не могли быть разработаны».

1 сентября за № 825 – «444 «Вестник знания» Н.Я. Рудаков неизвестен и в Петербурге лиц с этими инициалами на жительстве не имеется. [В] доме 60, [по] Литейному проспекту, проживает дворянин Николай Евгеньевич Рудаков[166], 37 лет, служащий [в] театральном бюро и библиотеке и часто бывавший минувшей зимою [в] «Вестнике знания». [По] агентурным сведениям, Рудаков внепартийный либерал. Приметы его: лет 30, роста выше среднего, сухощавый, шатен, длинное лицо, впа-

лые щеки, нос длинный с горбинкой, небольшие подстриженные усы, бороду бреет. Наблюдение учреждено».

Что касается сведений на Лазарева, Булата и Кальмановича, то таковые сведения были высланы с нарочным в тот же день, 28 августа, и нарочный 1-го сентября уже возвратился в Петербург.

Хотя, как упомянуто выше, мне было вполне ясно, что телеграммы подполковника Кулябко основаны на сообщениях Богрова, я в своих ответных телеграммах не упоминал этой фамилии, а также и его клички, ввиду того, что и подполковник Кулябко не счел нужным сослаться на источник своих сведений и, если можно так выразиться, «играл со мною в прятки»; притом умолчание фамилии с моей стороны ни в коем случае не могло бы иметь никакого значения. Значительно большее значение могло бы иметь умолчание со стороны подполковника Кулябко кличек тех лиц, о которых говорил подполковнику Кулябко Богров – «Нина Александровна» и «Николай Яковлевич»; но т.к. Богров об этих лицах мне ничего не говорил, то в действительности и это умолчание никакого значения не имело.

По вопросу о командировании в 1909 году в Москву бывшей сотрудницы Петербургского охранного отделения Татьяны Цейтлин[168], могу показать следующее.

В первой половине декабря 1909 года в Москву ожидался приезд дня на 2–3 Их Императорских Величеств, при возвращении из Крыма в Петербург. Я в то время занимал должность начальника Московского охранного отделения. В видах обеспечения безопасности пребывания Их Императорских Величеств в Москве, в Москве принимался целый ряд мер по непосредственным указаниям приехавшего с этой целью в Москву бывшего товарища министра внутренних дел, командира отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенанта Курлова. Во второй половине ноября 1909 года мною были получены указания, что в Москве, якобы, готовится покушение на жизнь Их Императорских Величеств, с каковой целью в Москву приезжали, или приедут, известные террористы Савинков и Луканов[169]; от кого были получены эти указания, я сейчас точно припомнить не могу: полагаю, что от полковника Карпова, но возможно, что от департамента полиции или непосредственно от генерала Курлова. Наведенною мною ныне в делах Петербургского охранного отделения справкою выяснена посылка лишь одной телеграммы за этот период, относящейся к террористическим предприятиям, а именно, 30-го ноября 1909 года за № 1431 была послана телеграмма следующего содержания: «Москва. Начальнику охранного отделения. Получены сведения о существовании в Москве автономной боевой группы, поставившей целью цареубийство, и ею принимаются меры раздобыть гальваноскоп. Полковник Карпов». Но возможно, что были посылаемы и другие телеграммы, т.к. из расспросов лиц, служивших в то время в Петербургском охранном отделении, усматривается, что в то время не все посылавшиеся телеграммы заносились в журнал. По книге входящих телеграмм значится полученной 23 ноября

1909 года телеграмма из Москвы, за № 1525, следующего содержания: «Петербург. Начальнику охранного отделения. Лично. Командир корпуса приказал просить, чтобы Вы постарались сегодня же устроить известное вам свидание, а также, если возможно, командировали бы в Москву Таню. Вызов филеров Екатеринославля разрешен, о чем мною послана телеграмма». На это от полковника Карпова в тот же день последовала ответная телеграмма за № 1394 следующего содержания: «Москва. Начальнику охранного отделения. Лицо еще не прибыло. Люди высылаются. Полковник Карпов». По поводу последних двух телеграмм поясняю, что упоминаемое в них «лицо», как мне стало известно позднее, являлось сотрудником Петербургского охранного отделения Петровым-«Воскресенским», убившим впоследствии полковника Карпова. Что касается упоминания о вызове филеров из Екатеринославля, то к чему это относится, я в настоящее время в точности припомнить не могу. Наконец, «Таня» – есть вышеупомянутая Татьяна Цейтлин. Вызов ее был сделан по личному приказанию генерала Курлова, ибо она знала в лицо Савинкова и Луканова. Так как решительно никаких определенных указаний на местопребывание в Москве Савинкова и Луканова не имелось, то генерал Курлов рассчитывал на возможность чисто случайной встречи Цейтлин с этими лицами или с другими, принадлежащими к той же группе. С этой целью Цейтлин, согласно полученным мною приказаниям генерала Курлова, ходила в сопровождении наблюдения по улицам и посещала наиболее излюбленные для революционных явок места. Вопрос о том, что, собственно, должна была делать и где находиться Цейтлин во время приезда в Москву Их Императорских Величеств, насколько помню, не обсуждался. Как известно, посещение Москвы Их Императорскими Величествами не состоялось и 10 декабря, т.е. за неделю до проезда через Москву Их Императорских Величеств и спустя 2 дня после убийства полковника Карпова, Татьяна Цейтлин была отозвана в Петербург.

По вопросу о командировании в 1909 году в Ялту Соркиной[170] мне известно следующее.

7-го ноября 1909 года ко мне, как к начальнику Московского охранного отделения, явилась сожительница бывшего служащего департамента полиции Василия Соркина[171] – некая Волосова, и сделала заявление, сущность которого видна из нижеследующей телеграммы, посланной мною в тот же день директору департамента полиции: «Петербург. Директору департамента полиции. [По] сведениям известной генералу Герасимову Волосовой, [в] Ялте находится боевой отряд, подготовляющий покушение [на] Государя путем подкопа или бомбой. Один из членов отряда, бывший студент Военно-Медицинской академии, носивший [в] Петербурге клички «Антон» и «Степан» и арестованный 1-го августа 1905 года [по] делу социал-демократической типографии [на] Васильевском острове, предлагал Волосовой вступить [в] отряд. «Антон» проживал [в] октябре [в] Алупке, а [в] первых числах ноября переехал [в] Ялту. Изложенные сведения сообщены мною телеграм-

мой полковнику Попову [с] указанием примет «Антона» и описанием дома, [в] котором он проживал [в] Алупке. Для разрешения вопросов [о] поездке Волосовой [в] Крым и материальной стороны дела, прошу [о] командировании [в] Москву для переговоров [с] нею кого-либо [из] чинов департамента, либо вызова ее [в] Петербург. № 1417. «Волосова» – это псевдоним сожительницы Соркина во время работы ее при Петербургском охранном отделении в качестве секретной сотрудницы; впоследствии она работала в качестве секретной сотрудницы в Одессе у подполковника Левдикова[172], под кличкою «Альбранд». В ответ на эту телеграмму утром 9 ноября в Москву приехал лично генерал Курлов и в тот же день лично виделся с «Волосовой» в моем присутствии, в моем служебном кабинете. Сообщения «Волосовой» носили явно фантастический характер и, очевидно, преследовали цель поездки в Крым для продолжения лечения от грудной болезни; тем не менее, сообщения ее, благодаря ее предыдущему служебному опыту, а также опытности в этом деле ее сожителя Соркина, были скомбинированы настолько удачно, что генерал Курлов, после разговора с нею, сказал: «Хотя она, очевидно, врет, а все же придется ее послать в Ялту в распоряжение полковника Попова, чтобы нас не могли обвинить, что мы игнорируем сведения, относящиеся к вопросу о личной безопасности Государя Императора». На другой же день «Волосова» была командирована мною в распоряжение начальника Севастопольского жандармского управления полковника Попова, в сопровождении полицейского надзирателя Захарова. При этом вполне определилась истинная цель заявления «Волосовой»: она заявила, что не желает иметь в Крыму никаких денежных расчетов с полковником Поповым и потребовала вперед стоимость дороги в оба конца, деньги на прожитие в Крыму в течение месяца и средства для устройства на это время в Москве своего ребенка, что в общем составило, по ее расчету, 500 рублей. Вместе с нею, за свой счет, выехал в Крым и Соркин, с целью помогать «Волосовой» в ее розысках. Сообщая полковнику Попову о выезде «Волосовой» и Соркина, я закончил свое письмо фразой: «Полезно иметь в виду способность Соркина к провокации». Ближайшей целью командировки «Волосовой» было указание дома, где проживал упоминаемый в телеграмме «Антон», и надежда на случайную встречу ее с означенным «Антоном». 1-го декабря «Волосова», за ненадобностью, была отправлена обратно в Москву, причем полковник Попов в донесении своем в департамент полиции уже 15 ноября писал: «Вышеизложенные обстоятельства дают основание предполагать, что заявительница занялась шантажом из личных своих выгод, как лицо проваленное, не могущее работать в организации и желающее получить средства на лечение». Относительно способов использования «Волосовой» в Крыму полковнику Попову, насколько мне известно, никаких указаний не давалось.

Со слов бывшей сотрудницы Киевского, Одесского, а затем и Петербургского охранных отделений, носившей кличку в первых двух отделениях «Рейтарская», а в Петербурге «Реноме»[173], мне известно, что, в

бытность генерала Курлова киевским губернатором, означенная сотрудница принимала участие в личной охране генерала Курлова и была ему лично известна. Исполняя эти обязанности, она сопровождала генерала Курлова в театры и на улицах в целях опознания членов революционных организаций, подготовлявших в то время покушение на его жизнь. Насколько мне известно, в настоящее время сотрудница эта находится в сношениях с состоящим в Киевском охранном отделении ротмистром Самохваловым.

По вопросу об агенте охранной команды вверенного мне отделения «Воскресенском» показываю.

«Воскресенский» – есть в действительности агент охранной команды Михаил Николаев Верецкий[174]. «Воскресенский» же есть его революционный псевдоним, под которым он был известен в Екатеринославской организации партии социалистов-революционеров, в бытность свою сотрудником Екатеринославского охранного отделения. Верецкий был принят на службу в охранную команду Петербургского охранного отделения 15 июня 1909 года, в бытность начальником охранного отделения покойного полковника Карпова, а заведующим охранной командой – ротмистра, ныне подполковника, Лукьянова. Последний относился к Верецкому исключительно благожелательно, настолько, что они жили в одной квартире, как проживают, насколько мне известно, и поныне. Как видно из послужного списка Верецкого, он в том же году был дважды командирован для охраны Его Императорского Величества: с 18 по 30 июня в г. Полтаву и с 22 августа по 23 декабря в Ялту. В промежутке между этими двумя командировками Верецкий был, кроме того, уволен в месячный отпуск. Доверяя безгранично Верецкому и относясь к нему, как сказано выше, с особой симпатией, подполковник Лукьянов давал ему наиболее ответственные поручения, а при проездах по Петербургу Его Императорского Величества несколько раз помещал Верецкого с собою, в мотор охранного отделения, который сопутствовал Государю Императору. При этом подполковник Лукьянов помещался обыкновенно рядом с шофером, а Верецкий и сопровождавший Государя Императора в том же моторе полковник Спиридович помещались внутри мотора; там же помещались обыкновенно еще 1 или 2 агента охранной команды. Приблизительно в марте 1910 года, т.е. через 3 месяца после принятия мною Петербургского охранного отделения, генерал Курлов сказал мне, что до его сведения дошло, что подполковник Лукьянов сажает с собою в охранный мотор Верецкого-«Воскресенского», и приказал мне передать подполковнику Лукьянову, чтобы Верецкий отнюдь не был употребляем для охраны Его Величества. Означенное приказание я немедленно передал подполковнику Лукьянову, добавив, чтобы вообще Верецкому не давались впредь ответственные поручения. Тем не менее, 1 июня того же года подполковник Лукьянов командировал Верецкого, без моего ведома, в Красное Село для заведования регистрацией на время пребывания там Его Императорского Высочества, великого князя Николая

Николаевича[175]. Узнав об этом, я тотчас же распорядился отозванием Верецкого и 10 того же июня он был оттуда отозван. При назначении на должность заведующего охранной командой ротмистра Озеровского мною ему было подтверждено вышеуказанное приказание относительно Верецкого и с этого времени Верецкий уже безусловно ни на один из проездов Его Императорского Величества назначаем не был. В настоящее время Верецкий состоит на службе в учрежденном в текущем году при вверенном мне отделении регистрационном отделе.

В § 10 Положения об охранных отделениях имеется прямое указание о том, что лица, привлекавшиеся к ответственности по государственным преступлениям, а также состоявшие секретными сотрудниками, не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях. Циркуляром департамента полиции от 19 октября 1910 года за № 116818, департамент полиции, по поводу принятия на службу в качестве филера в одном из губернских жандармских управлений лица, состоявшего ранее секретным сотрудником, подтвердил о неукоснительном соблюдении вышепомянутого параграфа. Особых циркулярных распоряжений о недопустимости бывших секретных сотрудников к несению, собственно охранной службы, мне неизвестно, но словесные указания в этом направлении я получал несколько раз, как от директора департамента полиции, так и от генерала Курлова.

К изложенному добавляю, что вышепомянутое приказание генерала Курлова о неупотреблении агента «Воскресенского»-Верецкого для охраны Его Императорского Величества последовало несомненно позже думских прений, вызванных убийством полковника Карпова, во время коих упоминалось, что агент Верецкий-«Воскресенский» – бывший революционер – находился в охране Государя Императора в Полтаве. Приказание генерала Курлова последовало, насколько помню, в начале марта 1910 года, а прения в Государственной думе имели место 9, 14 и 16 декабря 1909 года.

Полковник Михаил Фридрихович фон Коттен.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 9. Л. 78–84об. Подлинник.

Протокол допроса заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина

10 января 1912 г.

10 января 1912 года в г. Петербурге товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков, по поручению сенатора М.И. Трусевича, дополнительно допрашивал заведующего особым отделом департамента полиции, полковника Еремина, и он на предложенные вопросы объяснил:

Причины быстрого движения по службе статского советника Веригина мне неизвестны. Генерал Курлов, по-видимому, считал его че-

ловеком умным и способным. Я в нем этих качеств не нахожу. Благодаря достаточно усвоенной им манере петербургского делового и светского обращения, Веригин мог производить первое впечатление делового и неглупого человека, но не таким он оказывался при ближайшем ознакомлении. По крайней мере, я, узнав его ближе, пришел к убеждению, что это человек посредственных способностей, но достаточно хитрый, льстивый, неправдивый и всецело преданный устройству своей личной карьеры, для достижения которой он не был особенно разборчив в средствах. Кроме того, он был весьма склонен к интригам и занимался натравливанием одних лиц против других. Часто это обнаруживалось, и обе заинтересованные стороны отворачивались от Веригина. Будучи осведомлен о предстоявших распоряжениях высших представителей власти, Веригин, обычно изображавший из себя «великого конспиратора», в нужных для его личных соображений случаях, злоупотреблял оказываемым ему доверием и «по секрету» внушал кому нужно уверенность, что те или другие действия совершились или совершатся не без его влияния. В служебном отношении Веригин, поскольку это можно было заметить при деловых с ним сношениях, в начале своей деятельности, казался мне аккуратным исполнителем своих обязанностей и усердным секретарем. Впоследствии же он главным образом использовал свое положение секретаря в нужных ему случаях, посвятив остальное время деятельности, ничего общего с секретарскими обязанностями не имеющей, и, наконец, был назначен и. о. вице-директора специально созданного вице-директорства. Последнее, после увольнения Веригина, было немедленно упразднено. Веригин сумел завязать близкие отношения с д[ействительным] с[татским] с[оветником] Рачковским[176], полковником Спиридовичем и другими влиятельными лицами и даже уверял о своих крупных связях при Высочайшем Дворе. Спиридовича Веригин всячески и везде восхвалял и выдвигал, а полковник Спиридович, в свою очередь, восхвалял Веригина. В результате оба получили репутацию выдающихся служебных деятелей, в особенности в деле охраны личной безопасности Государя Императора, в которой они всегда принимали видное совместное участие и которая, казалось, могла быть успешной лишь при их непременном участии, несмотря на то, что Веригин по своему служебному положению никакого отношения к охране не имел, а по своему прошлому в подобных делах не мог быть сколько-нибудь компетентен. На Ваш вопрос о том, как объяснить то обстоятельство, что тайный советник Зуев согласился назначить Веригина исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции, я дать ответ не могу, так как это мне неизвестно.

Полковник Еремин.

Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1 Д. . Л. 33–33об Подлинник

Протокол допроса генерал-лейтенанта П.Г. Курлова

12 января 1912 г.

1912 года, января 12-го дня в г. С.-Петербурге я, прокурор С.-Петербургской судебной палаты В.Е. Корсак, по поручению сенатора М.И. Трусевича, расспрашивал дополнительно генерал-лейтенанта Курлова, который на предложенные ему вопросы объяснил.

Я, Павел Григорьевич Курлов, разъясняю: весной 1911 года в Обществе взаимного кредита С.-Петербургского земства мною учтен был вексель Гавриила Ивановича Кухнова в пять тысяч рублей, так как срок этому векселю наступал 16-го августа того же года, то я, уезжая 3-го августа в Севастополь и Ялту и не предполагая возвращаться в С.-Петербург до конца октября, учел в том же Обществе 29-го июля два других векселя на сумму 4500 рублей и полученные по этому учету деньги 4340 руб. 60 копеек (точную цифру я беру из вопроса, поставленного сенатором Трусевичем) – внес на текущий счет Кухнова, прося его своевременно погасить вексель. После этого он должен был вновь произвести учет в том же Обществе на ту же сумму и деньги перевести мне в Ялту. Для удобства я просил Кухнова деньги перевести на имя Сенько-Поповского, которого я вообще уполномочил на эти операции, так как сам не имел времени ездить по банкам. Кухнов произвел учет и деньги, согласно моей просьбе, перевел в Ялту. В Киеве, перед моим отъездом в Крым, Кулябко на вокзале заявил Сенько-Поповскому о необходимости получить 15 000 рублей для удовлетворения филеров. Так как производить денежные расчеты в момент отхода поезда было некогда, то я сказал, что я переведу деньги из Севастополя. В Севастополе мне Сенько-Поповский доложил о том, что Кулябко на удовлетворение филеров просит телеграммой не 15, а 20 тысяч рублей. Это обстоятельство показалось мне странным, особенно ввиду того, что перед отъездом из Киева полковник Шредель доложил мне, что ходят слухи, что у Кулябки не совсем благополучно с деньгами, поэтому я признал возможным удовлетворить его ходатайство в первоначальном размере, тем более, что перед отъездом из Киева я приказал Кулябке сдать отделение, а, следовательно, дополнительное ходатайство должно было последовать со стороны ротмистра Самохвалова. Так как в Севастополе мне было передано распоряжение возвращаться в С.-П[етер]бург, то я, не нуждаясь в деньгах в Ялте, приказал перевести их в Киев Кулябке, а остальную сумму до 15 000 рублей передал Сеньке-Поповскому для перевода из Севастополя. В разъяснение моего показания, что допуск сотрудников* в места, где находятся подлежащие охране лица, противоречит всем моим указаниям по д[епартаме]нту полиции и корпусу жандармов, считаю нужным разъяснить, что при наличности § 10-го Инструкции охранным

---

* Имеется в виду – секретных сотрудников.

отделениям, циркулярные подтверждения могли быть вызваны только исключительными обстоятельствами, что и имело место после несчастного случая с полковником Карповым. На безусловную необходимость исполнять этот параграф внушалось офицерам даже на подготовительных курсах, постоянно повторялось мною при личных объяснениях, причем как на рельефный пример могу указать на беседу по этому предмету в заседаниях всех начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений Привислинского края, имевших место летом 1910 года, когда я был послан в Варшаву покойным министром для личного ознакомления с постановкой политического розыска, каковая командировка была вызвана убийством полковника Вонсяцкого[177] его сотрудником в его кабинете. В этом смысле я и говорил о моих указаниях и распоряжениях в прошлый раз.

Генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов.

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты Корсак.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–54. Подлинник.

Справка товарища прокурора Виленской судебной палаты М.С. Крюкова о результатах осмотра векселей генерал-лейтенанта П.Г. Курлова

20 января 1912 г.

20 января 1912 года в С.-Петербурге товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков, по поручению сенатора М.И. Трусевича, производил осмотр: 1) справки из дел Общества взаимного кредита С.-Петербургского уездного земства, представленной М.В. Анненским, председателем правления этого Общества; 2) сообщения С.-Петербургского Общества взаимного кредита от 16 января 1912 года; 3) сообщения того же Общества от 17 января 1912 года и приложенных к сообщению справок – о векселях (учтенных) Павла Григорьевича Курлова, учтенных в Обществе разными лицами, и о векселях разных лиц, учтенных П.Г. Курловым[178]. Из перечисленных сообщений и справок видно, что в течение июня и по 26 число июля 1911 года включительно в означенных Обществах генерал Курлов учета векселей не производил, равно как не предъявлялись к учету и его векселя. В период времени вышеуказанный уплачено в погашение векселей: Обществу взаимного кредита С.-Петербургского уездного земства статским советником Веригиным – 11 июня 1911 г. 4000 рублей и 25 июля 1911 года 800 рублей; С.-Петербургскому Обществу взаимного кредита генералом Курловым – 11 июля 1911 года 4500 рублей и 23 июля 5500 рублей. При этом статский советник Веригин платил по векселям, выданным товарищем прокурора Петербургского окружного суда Алек-

сеем Тихоновичем Васильевым[179] на имя генерал-лейтенанта Курлова и снабженным бланковою надписью последнего, а генерал Курлов погасил пять векселей на его имя, из которых два были выданы П. Армашевским (на 4500 рублей) и три А. Красильниковым[180] (на 5500 рублей). С 27 июля 1911 года генерал Курлов начал учитывать в упомянутых Обществах новые векселя: 27 июля в С.-Петербургском Обществе взаимного кредита учел два векселя А. Красильникова на 5500 рублей и один вексель П.Я. Армашевского на 5500 рублей; 29 июля в Обществе взаимного кредита уездного земства два векселя А. Красильникова на 4500 рублей. Вместе с тем продолжалось погашение старых векселей: 27 июля Сенько-Поповский оплатил в Обществе взаимного кредита два векселя А. Красильникова на 4500 рублей, каковые векселя были учтены генералом Курловым; 2 августа Г.И. Кухнов уплатил С.-Петербургскому Обществу взаимного кредита 5000 рублей по учтенному им векселю П.Г. Курлова. Наконец, 9 августа тот же Кухнов в этом же Обществе учел вексель генерала Курлова на 5000 рублей.

Товарищ прокурора Виленской судебной палаты Крюков.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1 Д. 4. Л. 56–56об. Подлинник.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД СЕНАТОРА М.И. ТРУСЕВИЧА

*Ранее 18 февраля 1912 г.**

Всеподданейший доклад сенатора Трусевича о произведенном им по Высочайшему повелению расследовании деятельности должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в городе Киеве в 1911 году.

Вечером 1 сентября 1911 года в Киеве, в городском театре, во время торжественного спектакля, осчастливленного присутствием Вашего Императорского Величества и августейшей Вашей семьи, помощник присяжного поверенного Мордка Богров, подойдя во втором антракте к стоявшему в первом ряду кресел председателю Совета министров, министру внутренних дел, статс-секретарю Петру Аркадьевичу Столыпину, произвел в него два выстрела из пистолета системы «браунинг» и причинил ему две раны, из коих одна, сопровождавшаяся повреждением печени, повлекла за собой смерть статс-секретаря Столыпина. По задержании преступника у него оказался билет, выданный для входа в театр начальником Киевского охранного отделения, подполковником отдельного корпуса жандармов Кулябкою, негласным сотрудником коего состоял означенный Богров.

Высочайшими повелениями от 7 и 17 сентября и 4 октября 1911 года Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть, что-

* Датируется по дню рассмотрения доклада в заседании Совета министров.

бы, независимо от предварительного следствия по делу о посягательстве на жизнь статс-секретаря Столыпина, было произведено всестороннее расследование о действиях должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время киевских торжеств, причем поручение это возложено на меня.

Приступив 14 сентября к исполнению означенной задачи при содействии командированных в мое распоряжение: прокурора С.-Петербургской судебной палаты, действительного статского советника Корсака, товарища прокурора Виленской судебной палаты, коллежского советника Крюкова, товарища председателя С.-Петербургского окружного суда, коллежского советника Меллера и товарищей прокурора: С.-Петербургского окружного суда надворного советника Бусло и Рижского – коллежского асессора Волкова, я поставил целью расследования, по точному смыслу приведенных повелений Вашего Императорского Величества, выяснение: 1) круга лиц, в руках коих сосредоточена была организация охраны, предпринятой по случаю посещения Вашим Императорским Величеством Киева в августе минувшего года; 2) всей системы мероприятий по обеспечению безопасности и проведения их в жизнь; 3) обстоятельств, при наличности коих Мордка Богров получил возможность совершить упомянутое злодеяние при исключительных условиях доступа в Киевский городской театр по пропуску, данному ему начальником охранного отделения, и 4) ответственности по настоящему делу прикосновенных должностных лиц.

При этом другие обстоятельства, хотя и близко соприкасавшиеся с предметом данного мне поручения и сильно волновавшие общественное мнение, а именно, вопросы о мотивах преступления, учиненного Богровым, о соучастниках его из революционной среды, о целесообразности организации и условиях политического розыска в Империи и т.п., как выходящие из указанных мне пределов, оставлены без разработки.

Не смею скрыть от внимания Вашего Императорского Величества, что выпавшая на меня высокая задача оказалась вместе с тем и весьма тяжелою. С одной стороны, она касалась фактов, при коих совершено тяжкое государственное преступление, и событий, в которых с очевидностью заключались признаки угрозы величайшему благу России – безопасности Вашего Императорского Величества и Вашей августейшей семьи. С другой же стороны, расследование было поставлено в чрезвычайно трудные условия, так как оно направилось против таких лиц, которые сами вполне опытны в технике разоблачений сложнейших преступлений, а в то же время все важнейшие моменты дела приходилось освещать объяснениями только этих заинтересованных лиц, давших сбивчивые и противоречивые показания. Поэтому представилось необходимым обращаться к собиранию весьма обширного материала, могущего дать основания для правильного установления обстоятельств дела.

Законченными ныне посильными нашими трудами выяснено нижеследующее:

По поводу первого из упомянутых вопросов, касающегося лиц, осуществлявших меры охраны во время киевских торжеств, закон (ст. 1 Положения о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия; прил. I к ст. 1 Уст. о пред. и прес. прест., т. XVI Свод. зак.) указывает, что высшее направление действий сих мер принадлежит министру внутренних дел. Однако из данных расследования не вытекает указаний на какие-либо несоответствующие распоряжения покойного статс-секретаря Столыпина, запечатлевшего мученической кончиной свою верную службу престолу и Родине. Независимо от этого, касательно охраны во время путешествий Вашего Императорского Величества существуют особые положения, выдвинувшие в последние годы на первое место компетенцию органов Министерства Императорского Двора, а также чрезвычайные полномочия, предоставлявшиеся товарищу министра внутренних дел, командиру отдельного корпуса жандармов, шталмейстеру Высочайшего Двора, генерал-лейтенанту Курлову. Обращаясь к уяснению круга ведомства означенных должностных лиц и их взаимоотношений, я почитаю долгом отметить, что в силу Высочайших повелений от 22 мая 1909 года, 19 мая 1910 года и 21 мая 1911 года, направление мер охраны, при посещении Вашим Императорским Величеством Полтавы, Риги и, наконец, Киева и Крыма, – было объединяемо в руках генерал-лейтенанта Курлова, с подчинением ему всех без исключения чинов, находившихся в поименованных местностях и командированных туда для поддержания порядка, но с соблюдением ст. 9 Положения о дворцовом коменданте. Упоминание этой статьи дало основание к возбуждению при расследовании вопроса о том, являлся ли генерал Курлов в сфере своих временных обязанностей самостоятельным в отношении дворцового коменданта представителем Министерства внутренних дел или же был подчинен генерал-адъютанту Дедюлину в силу ст. 9, в которой указано, что для исполнения поручений дворцового коменданта командируются выбранные им военные и гражданские чины. Независимо от сего, генералы Дедюлин и Курлов заявили мне, что из ведомства дворцового коменданта во время Высочайших поездок были изъяты дела политического розыска.

По поводу этих сомнений, на основании добытых данных, выяснено, что при выработке особых полномочий шталмейстера Курлова перед путешествием Вашего Императорского Величества в 1909 году в Полтаву, вопрос о круге ведомства дворцового коменданта и об отношении к нему генерала Курлова был предметом обмена мнений между статс-секретарем Столыпиным и генерал-адъютантами бароном Фредериксом и Дедюлиным. Последний в докладе своем на имя министра Императорского Двора от 30 мая 1909 года за № 1408 представил генерал-адъютанту барону Фредериксу, что статс-секретарь Столыпин затруднился в создании для Полтавы законодательным порядком должности временного генерал-губернатора, как представителя высшей административной власти, облеченного более широкими за-

конными правами, обеспечивающими единство, быстроту и планомерность действий *всех видов* охраны. По удостоверению генерала Дедюлина, покойный министр внутренних дел, по соглашению с ним, счел наиболее целесообразным использовать ст. 9 Положения о дворцовом коменданте, дающую всю необходимую полноту власти для обеспечения безопасности пребывания Вашего Императорского Величества в Полтаве, и, вместе с тем, совершенно закономерно разрешающую вопрос о создании в этом городе единой, сильной, полномочной высшей административной власти. Докладывая об изложенном, генерал-адъютант Дедюлин присовокупил, что о таковом разъяснении осведомлен и генерал Курлов в том смысле, что «деятельность его во всем, что касается постановки охраны на время Высочайшего пребывания в Полтаве, *всецело* подчинена, в силу закона, высшему руководительству министра Двора и непосредственным указаниями дворцового коменданта». Такие права дворцового коменданта признавались и во время посещения Вашим Императорским Величеством в 1910 году Риги, где тотчас по прибытии генерал-адъютанта Дедюлина было созвано, под его председательством, совещание из представителей заинтересованных ведомств, причем генералу было доложено о всех намеченных мерах охраны, без исключения сферы розыска.

Редакция Высочайшего повеления от 22 мая 1909 года дословно повторена и при возложении на генерала Курлова особых полномочий в минувшем году, причем, так как в данном случае возник новый вопрос об отношении генерала Курлова к киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору, то последний был поставлен в известность о роли шталмейстера Курлова. Генерал-адъютант Трепов тотчас же подал прошение об отставке, после чего возникла между ним и статс-секретарем Столыпиным переписка, в которой, однако, не оспаривалось то положение, что в сфере мер охраны генерал-губернаторская власть, распространяющаяся по закону на всю территорию подведомственного ей края и на все дела, без изъятия розыскных, перешла в руки дворцового коменданта.

Как установлено расследованием, генерал-адъютант Дедюлин был осведомлен генералом Курловым и, в особенности, полковником Спиридовичем о ходе подготовительной организации охраны со включением в доклады и вопросов о положении в Киеве и Севастополе революционных кружков, о работе местных охранных отделений, о предупредительных ликвидациях и т.п. Равным образом доводилось до сведения дворцового коменданта и о заявлениях Мордки Богрова и об агентурной разработке таковых.

Наконец, по поводу последнего путешествия Вашего Императорского Величества в 1911 году сам генерал-адъютант Дедюлин в письме на мое имя высказал, что чины дворцовой охраны, на время Высочайших путешествий, передавались им в ведение лица, коему с Высочайшего соизволения вверялось министром внутренних дел осуществление мер охраны и которое назначалось, согласно ст. 9 упомянутого Положения, в распоряжение дворцового коменданта. Как пояснил

далее генерал-адъютант Дедюлин, соблюдение ст. 9 вызывалось, главным образом, тем обстоятельством, что упомянутый представитель Министерства внутренних дел, под коим в настоящем письме понимается генерал Курлов, имеет «лишь ограниченный круг деятельности, ибо только дворцовый комендант, на основании ст. 1, 7 и 9 Положения о его должности, может требовать содействия всех ведомств и учреждений Империи».

Со своей стороны, я не осмеливаюсь скрыть от Вашего Императорского Величества мое мнение, что приведенное в представлении генерал-адъютанта Дедюлина министру Двора толкование закона едва ли представляется правильным. Точное содержание Положения о дворцовом коменданте и преподанной ему инструкции вполне ясно ограничивает круг его власти обеспечением безопасности только в пределах высочайших резиденций и на путях во время путешествий Вашего Императорского Величества, причем под «резиденцией» надлежит понимать район, находящийся постоянно или временно в ведении дворцового управления. Иное толкование этого термина, помещенного в законе о дворцовом коменданте, приводило бы к тому предположению, что власть его распространяется непрерывно и на всю столицу с ее учреждениями, ведающими охранение безопасности и порядка. Придание же дворцовому коменданту, без особого на сей предмет закона или Высочайшего повеления, функций, присвоенных на основании закона генерал-губернатору, не оправдывается указанными генерал-адъютантом Дедюлиным статьями Положения о дворцовом коменданте, ибо таковые лишь предоставляют ему право требовать содействия себе со стороны всех ведомств и устанавливают подчиненность командированных в его распоряжение лиц, под которыми можно подразумевать только отдельных, определенных служащих, но не целые учреждения, какими являются состоявшие в управлении генерала Курлова корпус жандармов и полиция.

Созданное для генерал-адъютанта Дедюлина особое положение едва ли отвечает и интересам дела с практической стороны, так как, если даже в силу необходнмости в руках одного лица сосредоточиваются различные управления, то успешная деятельность его возможна лишь в том случае, когда обязанности по одной отрасли не препятствует выполнению других функций. Между тем генерал-адъютант Дедюлин, приняв в свое ведение столь обширное и живое дело, как высшее руководительство всеми мерами охраны, в то же время по основной своей должности обязан был всюду и всегда сопровождать Ваше Императорское Величество и, таким образом, едва ли был в состоянии использовать с надлежащей основательностью свои временные чрезвычайные полномочия. Действительно, в деле нет никаких указаний на то, чтобы исключительное положение, занятое дворцовым комендантом, проявилось в реальной форме в течение Высочайших поездок 1911 года.

Однако и при наличности изъясненных соображений нельзя не признать, что, в силу состоявшихся по министерствам Императорского

Двора и внутренних дел категорических распоряжений, генерал-адъютант Дедюлин во время последних путешествий Вашего Императорского Величества почитался и юридически и фактически главным распорядителем всеми без исключения мерами охраны.

На точном же основании Высочайшего повеления от 21 мая 1911 года непосредственным руководителем по обеспечению безопасности и порядка являлся назначенный в распоряжение дворцового коменданта товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов, шталмейстер, генерал-лейтенант Курлов.

Осуществляя свои полномочия, генерал-лейтенант Курлов привлек в качестве непосредственных своих помощников: исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, в звании камер-юнкера Высочайшего двора, статского советника Веригина и начальника подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича. Кроме того, в непосредственном подчинении генералу Курлову состоял начальник Киевского охранного отделения, подполковник того же корпуса Кулябко.

Статский советник Веригин, по окончании курса Императорского Училища правоведения, поступил в 1898 году на службу в департамент полиции и с июля 1906 года состоял исполняющим обязанности секретаря при директоре этого департамента, а 6 декабря того же года пожалован в звание камер-юнкера Высочайшего Двора. Затем, после назначения генерала Курлова 1 января 1909 года товарищем министра внутренних дел, Веригину 24 того же января было увеличено содержание на 1200 рублей в год; в следующем месяце он был повышен в V-й класс по должности чиновника особых поручений сверх штата; в июле того же года назначен штатным чиновником особых поручений и в феврале 1910 года – исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции, сохранив за собою и секретарскую часть. Учреждение новой, пятой, должности вице-директора не вызывалась надобностью, и сам Веригин полагал, что мера эта вытекала из желания начальства удержать его в департаменте после выраженного им намерения перейти на службу по губернской администрации. И, действительно, с увольнением Веригина в 1911 году в отставку, означенная должность вице-директора упразднена. Кроме того, в течение последних 2-х лет неоднократно поднимался вопрос о пожаловании Веригина званием камергера Высочайшего Двора, причем в последний раз ходатайство об этом было возбуждено перед статс-секретарем Столыпиным генерал-адъютантом Дедюлиным в Киеве в августе 1911 года, но покойный министр убедил дворцового коменданта отказаться от этой просьбы, ввиду нелестных отзывов, которые Веригин давал о деятельности некоторых чинов дворцового ведомства. В силу сосредоточения в руках Веригина нескольких должностей, создалось совершенно особое положение его в департаменте, так как, если возникало затруднение в одной из них, то он прикрывался обязанностями по другой. Занимаясь постоянно интригами и возбуждением ссор между

служащими, опираясь на личные свои близкие отношения к товарищу министра, в коих могли играть роль и услуги по вексельным операциям генерала Курлова, Веригин выставлял себя человеком очень осведомленным в намерениях высшего начальства и приобрел исключительное влияние в названном учреждении. Хотя Веригин не заведовал делами охраны и розыска, но ему давались поручения именно в этой области. Так, начиная с 1909 года, ни одно Высочайшее путешествие не обходилось без командирования Веригина для выполнения вместе с полковником Спиридовичем мер охраны, а в заграничных поездках на Веригина, кроме того, возлагались сношения с местными властями и с заграничной секретной агентурой, для которой, согласно указанию генерала Курлова, распоряжения Веригина были обязательны. Впрочем, разъяснение это могло иметь значение при том условии, что розыском заграницей заведовал чиновник особых поручений Красильников, который был определен на эту должность при генерале Курлове непосредственно из отставных штабс-ротмистров лейб-гвардии конного полка.

При этом нельзя не отметить, что упомянутые поручения давали значительную прибавку к жалованию Веригина, так как за один 1910 год он получил добавочного содержания свыше 4½ тысяч рублей и за 9 месяцев 1911 года около 2800 рублей. Кроме того, в заграничных поездках Веригин снабжался значительными средствами с правом почти бесконтрольного их употребления, причем, например, из отпущенных ему при поездке в 1910 году в Германию денег им не представлено к отчету оправдательных документов на сумму в 54 347 рублей, а 1200 рублей истрачены без указания назначения этого расхода.

По возникновении настоящего расследования, описанное выше своеобразное служебное положение Веригина было использовано в видах устранения его ответственности в деле политического розыска. Генерал Курлов по этому поводу полагает, что Веригин был взят им в Киев «скорее в качестве чиновника особых поручений» и в совещаниях по организации охраны участвовал как секретарь, необходимый лишь для справок, а сам Веригин считает, что он находился при товарище министра во время последней Высочайшей поездки только для исполнения отдельных приказаний. При оценке этих объяснений необходимо принять во внимание, что, по признанию генерала Курлова, функции статского советника Веригина во время пребывания в Киеве в 1911 году были те же, какие он нес и в предшествовавшие командировки при Высочайших поездках в пределах России, а содержание получавшихся Веригиным ордеров не оставляет сомнений, что он назначался в этих случаях именно для участия в организации мер охраны; сущность же поручений, возлагавшихся на него при выездах за границу, безусловно, подтверждает это положение. Затем наличность у генерала Курлова во время его поездок двух секретарей, казалось бы, исключала надобность в третьем. Расследованием, наряду с этим, установлено, что Веригин входил в состав совещаний с местными высшими властями с правом голоса, возражая нередко генералу Курлову; обсуждал обя-

зательные постановления, издававшиеся на время Высочайшего пребывания; присутствовал на докладах, которые делали начальники розыскных органов товарищу министра внутренних дел; ездил в Чернигов для ознакомления с положением революционных сообществ и постановкой там политического розыска и отдавал от своего имени распоряжения. При всем том Веригин держал себя очень самостоятельно, так что все, кто имел с ним соприкосновение по организации охраны и по вопросам кредитов, а в числе других полковник Спиридович и начальник Киевского охранного отделения Кулябко, правильно считали его исполняющим обязанности вице-директора и представителем департамента полиции.

Полковник Спиридович переведен в отдельный корпус жандармов в декабре 1899 года, с чином поручика. С 1903 года состоял начальником охранного отделения в Киеве, где был тяжело ранен революционером; в 1906 году Спиридович был откомандирован в распоряжение дворцового коменданта с поручением ему заведования охранною агентурою. В чин полковника произведен в 1907 году. При путешествиях Вашего Императорского Величества как внутри Империи, так и заграницей, на полковника Спиридовича возлагалась организация секретной охраны. Начиная с 1909 года, когда обеспечение безопасности при Высочайших поездках стало сосредоточиваться в руках генерал-лейтенанта Курлова, полковник Спиридович назначался в распоряжение Курлова.

В отношении полковника Спиридовича на расследовании равным образом возбуждено заинтересованными лицами сомнение в том, является ли он ответственным за неправильные распоряжения, приведшие к катастрофе 1 сентября, причем указывалось, что в круг его обязанностей входила лишь наружная охрана, к делу же негласного политического розыска он никакого формального отношения иметь не мог. По этому вопросу обнаружено, что летом 1911 года Спиридович с генералом Курловым, Веригиным и другими лицами выезжал в Киев, Севастополь и Ялту для ознакомления с революционным движением и работою охранных отделений, а также для организации секретной охраны. Доклады местных жандармских властей делались товарищу министра в присутствии полковника Спиридовича, который принимал деятельное участие в обсуждении вопросов о необходимости тех или иных арестов, административных высылок и других предупредительных мероприятий.

О положении политического розыска в Крыму и в Киеве полковник Спиридович письменно подробно докладывал дворцовому коменданту, причем, сравнивая развитие пропаганды в Балтийском и Черноморском флотах, удостоверил, что за последний можно быть спокойным. Относительно Киевского охранного отделения, начальником коего состоял женатый на сестре Спиридовича подполковник Кулябко, Спиридович дал блестящий отзыв, указывая на полную осведомленность и точный учет революционных деятелей, находящихся «в мертвом наблюдении», ввиду чего за Киев нет оснований тревожиться.

По изложенным основаниям надлежит признать, что, когда начальнику Киевского охранного отделения были сделаны Мордкою Богровым заявления о готовящихся террористических актах, статский советник Веригин и полковник Спиридович, приняв непосредственное участие в разработке означенных сведений, выступали в этом случае в кругу прямых своих обязанностей, а не в качестве добровольных слушателей и советчиков. Кроме того, если считать правильными объяснения, будто Веригин и Спиридович не ведали политическим розыском, то оставалось признать, что товарищ министра внутренних дел, приступая к осуществлению всей совокупности мер охраны, взял с собою адъютанта, двух секретарей, вице-директора департамента полиции и начальника секретной охраны, из которых, однако, ни один не должен был касаться розыска, составлявшего важнейшую отрасль возложенного на генерала Курлова поручения.

Подполковник Кулябко, поступив в 1892 году, по окончании училища, в полк, через 3½ года перешел на службу по полиции, с переименованием в чин губернского секретаря. Впоследствии Кулябко был определен помощником начальника Киевского охранного отделения, а с 1906 года назначен начальником такового. Через некоторое время департамент полиции стал обнаруживать отсутствие достаточного освещения революционных организаций в Киеве и планомерной борьбы с ними. Независимо от этого оказалось, что секретных сотрудников Кулябко принимал не на конспиративных квартирах, а в помещении охранного отделения, так что они сталкивались друг с другом и их знали даже городовые и швейцары при отделении. Не обладая достаточным знанием своего дела, Кулябко в розыске вполне руководствовался указаниями своих негласных агентов даже по вопросам техники. Так, из его же объяснений видно, что он ценил Мордку Богрова за умение придумывать планы ликвидаций, хотя вся подготовка таковых должна лежать исключительно на начальнике отделения. Несоответственное состояние Киевского охранного отделения вызвало еще в 1908 году ревизию со стороны департамента полиции, причем работа Кулябки была признана неудовлетворительною, и в конце 1908 года было решено перевести Кулябку в департамент для письменных занятий, что, однако, не осуществилось, ввиду перемены в составе высших чинов департамента. В 1909 году обозревавший отделение генерал-майор корпуса жандармов Герасимов удостоверил вновь слабую деятельность Кулябки, обнаружив при этом, что неподлежащую роль в этом учреждении играл старший филер Демидюк. Департамент полиции систематически указывал подполковнику Кулябке на допускавшиеся им недочеты, но он не обращал на это внимания, нередко вовсе не отвечал на запросы, несмотря на многократные подтверждения, и не доносил даже об обысках и арестах. В то же время в переписке с департаментом полиции Кулябко принял вызывающий тон и, имея твердую поддержку в лице Веригина, бывшего с ним в дружественных отношениях, жаловался Спиридовичу и товарищу министра внутренних дел,

что департамент проявляет к нему пристрастие и мешает нормально работать. Генерал Курлов потребовал объяснений от особого отдела департамента полиции; когда же ему доложили о неуспешной работе начальника Киевского охранного отделения, товарищ министра, вызвав Кулябко в С.-Петербург, 16 декабря 1910 года произвел проверку заявлений особого отдела и признал их основательными.

Невзирая на своевременную осведомленность генерала Курлова об отрицательных сторонах деятельности подполковника Кулябки, последний не только продолжал оставаться в должности, но на него возлагались командиром корпуса ответственные поручения по организации охраны в Риге на время посещения этого города Вашим Императорским Величеством, хотя там существовало розыскное учреждение. Вместе с тем Кулябко, будучи в августе месяце 1909 года переведен в корпус жандармов с переименованием в ротмистры, через 11 месяцев произведен уже в чин подполковника. Кроме того, генералом Курловым был предложен Кулябке переход в начальники Московского охранного отделения, от чего он, однако, отказался ввиду климатических условий. Так как Кулябко стремился к службе на юге, то Веригин и Спиридович делали попытки убедить генерала Курлова в необходимости смещения из Севастополя начальника жандармского управления полковника Попова, хотя тот пользуется хорошею репутациею и товарищ министра был им вполне доволен. Положение Кулябки, опиравшегося на родственную близость к полковнику Спиридовичу и на личные отношения к генералу Курлову, установившиеся еще со времени управления последним Киевскою губерниею, оказалось настолько прочным, что департамент полиции не решался применять к Кулябке соответственных мер воздействия. Генерал же Курлов и один из вице-директоров департамента обращались к полковнику Спиридовичу с просьбами частным образом повлиять на Кулябку в целях усиления им работы и принятия надлежащего тона в переписке с департаментом. Наряду с этим, Кулябко держал себя весьма заносчиво с чинами киевской полиции и допускал неподобающую форму сношений с губернатором, каковое поведение Кулябко объяснялось в среде местной администрации особым расположением к нему командира корпуса жандармов.

Что касается затем системы предпринятой в Киеве охраны и способов ее фактического осуществления, то расследованием установлено, что, приступив, согласно Высочайшему повелению, к выполнению положенной на него задачи, генерал-лейтенант Курлов в сопровождении избранных им лиц, посетил в июне 1911 года Киев, Чернигов и Овруч, а в первой половине августа – Севастополь и Ялту. В означенных городах генералом Курловым были организованы целесообразные совещания с представителями местной власти для выяснения как необходимых мероприятий по обеспечению безопасности и порядка, так и потребного количества чинов полиции и жандармского корпуса, подлежащих командированию для усиления органов, ведавших охрану.

В то же время генерал Курлов, не производя фактической проверки положения политического розыска и дел в охранных отделениях, выслушивал подробные доклады начальников таковых об имевшихся указаниях на неблагонадежных лиц и отдавал распоряжения относительно предупредительных ликвидаций и негласного наблюдения, в чем главным помощником ему являлся полковник Спиридович. О результатах своей июньской поездки товарищ министра представил подробную записку статс-секретарю Столыпину, а копию ее препроводил министру Императорского Двора. Затем эта копия, вместе с утвержденными генералом Курловым инструкциями, поступила к дворцовому коменданту и не вызвала какого-либо обмена мнений. Установленная практикою прежних Высочайших путешествий организация охраны сводилась к нижеследующим мероприятиям: 1) постоянная дворцовая охрана; 2) надзор за стосаженной полосой вне пределов железнодорожного отчуждения соединенными силами общей и жандармской полиций; 3) регистрация населения по путям Высочайших проездов в городах; 4) технический осмотр всех помещений по тем же путям; 5) учреждение секретной охраны; 6) особый порядок выдачи билетов для входа в места Высочайших посещений; 7) установление общих принципов наружных нарядов полиции, и 8) создание так называемой, народной (почетной) охраны.

При настоящем расследовании были подробно изучены как основания организации упомянутых выше мер, так, главным образом, фактическое осуществление их на практике, которое преимущественно может дать понятие о работе должностных лиц, призванных к обеспечению безопасности и порядка. При этом в отношении бюро по регистрации населения установлено, что чины его не были достаточно осведомлены о тех домах и лицах, которые состояли в наблюдении охранного отделения. Вследствие сего могли происходить и действительно имели место в этой области недоразумения. Затем успешность работ комиссий по осмотру зданий не была подкреплена особым постановлением об обязательном исполнении распоряжений комиссий собственниками и арендаторами владений, выходящих на пути следования Вашего Императорского Величества.

Секретная охрана в Киеве была образована из разнородных частей, причем для некоторых из них предстоявшая работа являлось новою. Поэтому, согласно преподанным полковнику Спиридовичу указаниям, он должен был сплотить свой отряд и ознакомить его чинов как с их обязанностями, так и с местными революционными деятелями, находившимися под секретным надзором. Что касается фактического объединения команды, то оно выразилось в поселении людей в общих казармах и в размещении их там по группам, несшим совместную службу. Но наряду с этим полковник Спиридович не принял мер к устранению розни, возникшей между отдельными частями секретной охраны после проявленного Спиридовичем неблагожелательного отношения к чинам центрального филерского отряда С.-Пе-

тербургского охранного отделения. Засим, когда были получены от Мордки Богрова сведения о замыслах революционеров, полковник Спиридович не сообщил офицерам и агентам своего отряда известных ему примет террориста. Не последовало в этом направлении распоряжения и со стороны генерала Курлова. Наконец, успешное исполнение обязанностей жандармскими офицерами затруднялось приказанием полковника Спиридовича выходить в наряд в парадной форме, вследствие чего, при постоянных сношениях агентов с офицерами секретный характер деятельности первых не мог сохраняться, какие бы меры к тому не принимались.

Что касается наружной полиции, то для усиления таковой на время киевских торжеств генералом Курловым были командированы в распоряжение киевского полицмейстера полковника Скалона чины полиции из Петербурга и Москвы, а также сводный жандармский дивизион. За несколько дней до прибытия Вашего Императорского Величества был издан приказ, в котором киевский полицмейстер поместил одобренные генералом Курловым подробные распоряжения по наружной охране. Крупнейшим и существенным недостатком в организации наружной полицейской службы является отсутствие разъяснений чинам полиции об отношениях их к жандармским офицерам, к секретной и народной охранам. Дав офицерам корпуса жандармов широкое и неопределенное по содержанию право требовать его именем от полиции исполнения всех их указаний, генерал Курлов создал двоевластие, приводившее весьма часто к столкновениям между офицерами названных частей. Вместе с тем нельзя не признать доказанным, что обращение многих жандармских чинов, в особенности же полковника Спиридовича, с представителями полиции сопровождалось иногда резким тоном, прикрикиванием, выговорами и угрозами.

По проезде Вашего Императорского Величества в 1909 году через Киев была образована добровольная народная охрана из членов монархических организаций, которою руководил тогда полковник Кулябко. В 1911 году начальствующие лица и представители означенных общественных групп решили также создать народную охрану. Во главе ее снова был поставлен подполковник Кулябко, который, по словам генерала Курлова, пользовался среди членов монархических организаций большим значением и умел влиять на них в хорошем направлении. Хотя такое положение, быть может, и было удачно, но с точки зрения интересов специального дела, возложенного на Кулябку, являлось не только нежелательным, но и противоречащим существующим распоряжениям Министерства внутренних дел. В изданных по сему предмету циркулярах воспрещается чинам полиции и розыскных органов вторжение во внутреннюю жизнь каких бы то ни было общественных союзов, так как при этих условиях представители власти теряли уже ту независимость и объективность, которая может обеспечивать правильное и нелицеприятное поддержание порядка. Кроме того, подобное вмешательство неминуемо отвлекает назван-

ных чинов от исполнения прямых обязанностей, а в политическом отношении может создавать для общественных групп, с одной стороны, право в своих делах ссылаться на связи с администрацией, а с другой – предъявлять последней требования, идущие вразрез с долгом службы. Хотя в помощь подполковнику Кулябке для руководства народною охраною был назначен бердичевский полицмейстер Цветкович, находившийся с ним в дружеских отношениях по прежней службе в Киевском охранном отделении, но, тем не менее, Кулябко всецело посвятил себя заботам по порученному ему новому делу, постоянно находясь в сношениях с представителями народной охраны и объезжая наряды ее на улицах для проверки их и устранения возникавших между дружинниками и полицией недоразумений. Впрочем, появления Кулябки на улицах продолжались только до 2 сентября, так как после покушения на жизнь статс-секретаря Столыпина публика стала встречать начальника охранного отделения криками: «Убийца». К исполнению тех же обязанностей по народной охране Кулябко назначил и всех офицеров охранного отделения, которые, таким образом, оказались вынужденными посвятить себя работе, совершенно не относившейся к их службе.

По объяснению чинов киевской полиции, народная охрана в 1911 году была организована крайне неудовлетворительно, ибо Кулябко и Цветкович стремились набрать как можно больше народу, и не всегда проверяли личности участников охраны. В прежнее время добровольная охрана комплектовалась из людей солидных, домовладельцев, члены ее имели особые значки, стеной стояли при проездах и действительно представляли собою силу, в минувшем же году народная охрана являлась разрозненною толпою, среди которой было много женщин и детей. Некоторые члены этой организации, долженствующей по инструкции предупреждать нарушения порядка, сами позволяли себе бросать прошения при проездах Вашего Императорского Величества.

Независимо от этого, в распоряжениях охранного отделения и чинов полиции установлен ряд неправильных действий по отношению к лицам, принявшим на себя помощь органам власти по обеспечению безопасности. Так, когда товарищ председателя клуба националистов Савенко[180] представил в охранное отделение обширные списки участников добровольной охраны, подполковник Кулябко выдал клубу именные билеты со значительным опозданием и притом далеко не для всех членов общества. Со своей стороны, Цветкович вызывающим тоном объяснил Савенко, что лица, которые не получили билетов, не могут быть допущены к участию в почетной охране. Такими, однако, оказались: члены – Государственного совета Д.И. Пихно[181] и Государственной думы граф А.А. Бобринский[182] и В.В. Шульгин[183], товарищ председателя клуба, профессор П.Я. Армашевский[184], жена председателя совета старшин Купеческого собрания К.И. Дитятина и многие другие видные представители клуба. 29 августа, когда отряд националистов занял отведенный ему район, появился Цветкович в нетрезвом

состоянии и позволил себе ряд непристойных выходок по адресу членов Общества. Равным образом установлено несколько случаев весьма пренебрежительного и даже оскорбительного отношения к националистам и членам общества «Русский Богатырь»[186] со стороны чинов С.-Петербургской столичной полиции, причем нередко в распределении отрядов народной охраны давались противоречивые распоряжения, происходили задержки в пропуске на назначенные места и беспричинные перемещения.

Таким образом, благая мысль о привлечении народных масс к охране обожаемого монарха, из-за отсутствия правильной организации этого дела и назначения к руководительству им несоответствующих лиц, не дала желательных результатов.

В видах контроля за допущением должностных и частных лиц в места Высочайших посещений, было учреждено особое бюро по выдаче билетов, каковую меру нельзя не признать безусловно целесообразною. Однако же, как в инструкции, утвержденной для этого бюро генералом Курловым и одобренной дворцовым комендантом, так и в практическом осуществлении деятельности этого учреждения обнаружен ряд упущений. Главным недостатком правил, которые преподаны бюро, является чрезмерная централизация выдачи билетов, которые всем лицам, не исключая и должностных, назначавшихся в места Высочайших посещений для исполнения обязанностей службы, подлежали выдаче из бюро. Задача эта оказалась непосильною по ее обширности и совершенно излишнею, ввиду чего на практике указанное правило не соблюдалось самим генералом Курловым. По его же распоряжению, билеты членам патриотических союзов выдавались подполковником Кулябкой, а, вместе с тем, снабжение пропусками чинов, принадлежащих к охране и дворцовому ведомству, перешло в руки их начальства, которому посылались бланковые служебные билеты с незаполненными сведениями о лицах, коим они предназначались. Такие билеты, по получении из бюро, хранились иногда при нежелательных условиях. Например, начальник дворцовой полиции полковник Герарди носил пропуски в кармане кителя и даже забыл о них, так что они могли быть утеряны или похищены. Другой крупный недочет инструкции составляет отсутствие указаний, какое учреждение компетентно в решении вопроса о благонадежности лиц, ищущих доступа в места посещений: розыскные органы, дававшие справки по этой части, или канцелярия губернатора, ведавшая списки служащих и их семейств, или, наконец, билетное бюро. На практике означенный вопрос рассматривали все эти установления, причем в отношении одних и тех же лиц получались противоречивые распоряжения. Кроме того, разглашение охранным отделением и жандармским управлением секретных сведений путем сообщения их канцелярии губернатора и билетному бюро также нельзя признать желательным. Относительно выдачи пропусков на торжества, устроенные городским общественным управлением, был допущен генералом Кур-

ловым особый порядок. Хотя приглашения на означенные празднества, естественно, могли исходить от городского головы, но предоставление ему же выдачи пропусков билетного бюро являлось мерою, не отвечающею как правилам инструкции, так и компетенции общественного самоуправления. Нарушение это повело к тому, что распределение упомянутых пропусков оказалось в руках служащих в управе, причем бывали случаи утраты театральных билетов, замены их приглашениями и бесконтрольного вручения пропусков неизвестным получателям. Затем, по указаниям генерала Кулябко, билетное бюро широко практиковало выдачу бланковых неслужебных пропусков, вследствие чего таковые оказались в распоряжении жены подполковника Кулябко и других лиц, раздававших эти билеты по своему усмотрению.

При всех означенных условиях постановку деятельности билетного бюро в Киеве необходимо признать неудовлетворительною.

Обследованием вопроса о денежных средствах, употребленных на охрану во время путешествия Вашего Императорского Величества в 1911 году, выяснено, что для этой цели по всеподданнейшему докладу министра финансов отпущено из десятимиллионного фонда 300 000 рублей, которые и были 10 июня приняты департаментом полиции из главного казначейства. К порядку расходования этих денег применялась система, введенная впервые в практике департамента полиции генералом Курловым со времени командировки его в 1909 году в Полтаву и заключавшаяся в том, что весьма значительную часть ассигнованных средств он брал на руки. По объяснению генерала Курлова, означенный новый порядок был установлен им в видах безотлагательного производства на местах расходов, которые могли бы замедляться при необходимости истребования и перевода денег из Петербурга. Как установлено расследованием, 10 июня, то есть еще до поступления в кассу департамента полиции 300 000 рублей, генерал-лейтенант Курлов за счет открытого кредита истребовал из специальных средств департамента 25 тысяч рублей в свое распоряжение и, кроме того, приказал выдать исполняющему обязанности вице-директора Веригину на агентурные надобности 10 тысяч рублей. Затем 29-го июля товарищ министра взял из кассы департамента 90 000 рублей, а 4 сентября ему было переведено в Киев еще 11 000 рублей. Таким образом, генералом Курловым было получено в личное распоряжение на расходы по организации охраны во время Высочайшего путешествия, в общей сложности, 126 тысяч рублей. Однако, помимо того, что снабжение средствами местных органов непосредственно из департамента при существовании телеграфных переводов не вызывало никаких затруднений до назначения генерала Курлова, а равно и после оставления им должности товарища министра, практика, примененная генералом, подвергая большие казенные средства случайностям всякого рода, не вызывалась и необходимостью. Вывод этот подтверждается тем, что за время нахождения у товарища министра 35 тысяч рублей, в период с 10 июня по 26 июля 1911 года им истрачено на экстренные

надобности охраны всего 454 руб. 20 коп., а затем, по получении 29 июля 90 тысяч рублей, у генерала Курлова оставалась на руках до 10 сентября значительная свободная наличность, колебавшаяся между 50 и 74 тысячами рублей.

Помимо недостаточной обоснованности установленного генералом Курловым нового порядка распоряжения означенными средствами, самый факт сосредоточения им у себя больших сумм мог подать повод к нежелательным толкам, с одной стороны, ввиду появившихся в прессе и обществе, быть может, неосновательных, слухов о чрезмерно широкой жизни генерала Курлова и его приближенных в Киеве, а с другой, и потому, что при обремененности генерала частными долгами в различных кредитных установлениях по векселям лиц, состоявших в разное время в подчиненном ему положении, было произведено с 11 июня по 26 июля 1911 года платежей по займам на сумму свыше 16 тысяч рублей.

Относительно упомянутых 10 тысяч рублей, врученных из кассы департамента полиции 10 июня статскому советнику Веригину, последний на допросе заявил, что он совершенно не знает, для какой цели была дана ему эта сумма, которую он около 29 августа вернул генералу Курлову по его требованию, вызванному, по-видимому, невозможностью получить во время праздников из банка деньги для удовлетворения каких-то экстренных расходов. Но из отчета генерала Курлова видно, что к 29 августа у него на руках было свободной наличности свыше 74 тысяч рублей; в своем же показании генерал Курлов объяснил, что Веригину были даны 10 тысяч рублей на агентурные надобности и удовлетворение добавочным содержанием состоящих при генерале лиц, причем статский советник Веригин был вполне осведомлен о назначении порученных ему сумм. Однако причина обособления этих 10 тысяч рублей в руках Веригина от прочих денег, взятых генералом Курловым на охрану, осталась необъясненною.

При обозрении детальной отчетности, представленной начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябкой в израсходовании отпущенных ему экстренных сумм, обнаружилось, что в число оправдательных документов, сданных в департамент полиции, включено 18 раздаточных ведомостей с расписками наблюдательных агентов в получении суточных денег, всего на 8047 руб. 59 коп., причем эти раздаточные ведомости, скрепленные состоявшим при Киевском охранном отделении ротмистром Макаровым, оказались каждая в двух экземплярах, ввиду чего общий расход неправильно увеличен на указанную сумму. Спрошенные при расследовании чины охраны удостоверили, что обозначенные в ведомостях деньги они получили по одному разу, но расписывались по требованию ротмистра Макарова в двух ведомостях. О таких неправильных действиях по расходованию казенных средств мною в декабре 1911 года сообщено на распоряжение министра внутренних дел, коим предписано возбудить против подполковника Кулябки уголовное преследование.

Что касается до положения Киевского охранного отделения в отношении личного его состава и производительности его работы ко времени киевских торжеств, когда на это учреждение, естественно, должна была выпасть весьма тяжелая и важная работа, то отделение это, наряду с описанным выше отсутствием надлежащей агентуры и несоответствия начальника его, подполковника Кулябки, своему назначению, оказалось в совершенно расшатанном состоянии.

Ни в предварительные приезды генерала Курлова, Веригина и Спиридовича в Киев, ни впоследствии никто из них с постановкой агентуры не знакомился и фактически ее не проверял. Невзирая на явную необходимость увеличения числа офицеров в отделении, таковое было ослаблено откомандированием ротмистра Нагродского, должность коего так и осталась не замещенною. Сознавая трудность положения отделения, Кулябко лично и при посредстве Спиридовича ходатайствовал перед генералом Курловым о прикомандировании кого-либо к отделению, но товарищ министра отказал в этом, сославшись на то, что для организации охраны в 1911 году ассигновано мало денежных средств. Заявление это представляется, однако, лишенным основания, так как, с одной стороны, на обеспечение безопасности не могло быть отказа в деньгах, а с другой, по отзыву департамента полиции, имелась полная возможность в августе 1911 года найти опытных офицеров для Киевского охранного отделения без ущерба для дела в других розыскных учреждениях, причем весь расход на такую командировку не мог превышать 250 рублей в месяц на офицера. Хотя генерал Курлов в своем объяснении отрицал факт обращения к нему Кулябки с упомянутым ходатайством, но показание Кулябки по этому поводу подтверждается вполне полковником Спиридовичем. Кроме того, генерал Курлов заявил, что он никогда не отказал бы в усилении личного состава охранного отделения, если бы начальник такового доложил о необходимости этой меры, и что, когда из Киевского охранного отделения был командирован один офицер с особым поручением в Кременчуг, то он, Курлов, предлагал Кулябке заменить этого офицера полковником Кременецким, находившимся временно в том же городе, но Кулябко отказался от этого. Однако же подобное объяснение генерала Курлова нельзя считать удовлетворительным, ибо, по отзыву подполковника Кулябки, он и не мог уклониться от назначения Кременецкого ввиду немедленного отозвания последнего в Полтаву. Хотя летом 1911 года к Киевскому охранному отделению было причислено четыре офицера, но они текущей работы не касались, а исключительно занимались наведением справок по запросам различных, посторонних охранному отделению учреждений, причем, не зная дел отделения, отвлекали лишь штатных чинов от их обязанностей. Вследствие сего, переписки накоплялись, а с началом торжеств, когда подполковник Кулябко назначил в народную охрану всех своих офицеров, в отделении нередко оставался только один дежурный писец. В то же время помещение отделения постоянно наполнялось участниками народной охраны, приходившими

за билетами. В своем показании по этому предмету генерал Курлов заявил, что он не останавливался на вопросе о том, насколько заведование народной охраной могло препятствовать Кулябке в исполнении прямых его обязанностей, так как начальник районного охранного отделения едва ли нуждался в таком вмешательстве в его деятельность. Подобная точка зрения генерала Курлова весьма приближается к отрицанию им необходимости какой-либо инициативы в данной отрасли возложенных на него ответственных задач.

Описанное положение дел в Киевском охранном отделении, равносильное почти полному упразднению этого учреждения, не могло не иметь весьма существенного значения в вопросе о мерах охраны во время киевских торжеств. Нельзя не признать, что, если охранное отделение не обладает точными сведениями о положении местного революционного движения, то регистрация населения по путям проездов обращается в формальность, задача секретной охраны становится чрезвычайно трудной, выдача билетов в места посещений является бесцельной и, наконец, дело сформирования народной охраны также может постигнуть неудача в смысле принятия в нее совершенно непригодных лиц. Равным образом и работа филеров, численность коих была увеличена почти на 100 человек, не могла быть продуктивна, так как наружное наблюдение, при неимении внутреннего освещения преступных организаций, не бывает успешно. Отсутствие в Киевском охранном отделении основательных сведений о революционных деятелях не замедлило обнаружиться, когда для устранения опасных элементов было в виде предупредительной меры произведено с 27 по 29 августа 57 обысков, сопровождавшихся арестами 52 лиц. Ликвидация эта не дала никаких результатов в смысле изобличения заподозренных в принадлежности к какому-нибудь противоправительственному сообществу. По этому поводу нельзя не отметить, что генерал Курлов приказал оставить задержанных под стражей – одних до 6-го, а других – до 7-го сентября, что и было исполнено. Распоряжение это следует признать неправильным, так как лишение свободы на определенное время применяется лишь в виде карательной меры, а не в порядке исследования политической благонадежности, которое может всегда привести к необходимости освобождения лиц, в отношении коих дознание закончится ранее назначенного срока.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что, приняв на себя в высшей степени сложные и ответственные обязанности по организации и осуществлению мер охраны по случаю продолжительного путешествия Вашего Императорского Величества в несколько местностей, с пребыванием в течение 9 дней в Киеве, генерал Курлов совершенно не озаботился обставить выполнение этой задачи надлежащими силами и подготовить розыскной орган в Киеве к предстоящей серьезной работе.

Изложив данные дела, относящиеся к оценке организации охраны в Киеве во время посещения этого города Вашим Императорским Ве-

личеством в 1911 году, я позволяю себе перейти к обстоятельствам, относящимся к посягательству на жизнь бывшего председателя Совета министров П.А. Столыпина, учиненному Мордкою Богровым, допущенным в Киевский городской театр подполковником Кулябкой. Ввиду того, что как последний, так и другие должностные лица ссылались на исключительное доверие, которое приобрел своими услугами розыску Мордка Богров, представилось необходимым тщательно изучить относящиеся к сему вопросу материалы прежних дел. При этом выяснилось, что Богров, поступив в Киевский университет, примкнул к организации анархистов и завязал сношения с видными представителями этой группы. Однако он вскоре убедился, что большинство членов кружка состояло из разных отбросов городского населения, склонных к грабежам и разбоям. По собственному признанию Богрова, такое направление его сообщников скоро заставило его разочароваться в анархизме, и он, оставаясь в организации, начал сообщать сведения о ее деятельности Киевскому охранному отделению, не отказываясь и от получения денег за свои доносы. С половины 1907 года по заявлениям Богрова был ликвидирован ряд террористических групп, причем сообщения Богрова отличались большой точностью. Когда в 1910 году анархисты заподозрили Богрова в шпионстве, он решил бросить работу в Киевском охранном отделении и в апреле переселился в Петербург, заручившись на всякий случай рекомендацией Кулябки в столичное охранное отделение. В июне того же года Богров явился к начальнику этого отделения, полковнику фон Коттену, и предложил ему свои услуги, обещая приобрести нужные для этого связи в революционной среде. Полковник Коттен принял его в сотрудники, назначив 150 руб. жалованья в месяц, но Богров по существу никаких сведений не давал, и чрез месяц уехал заграницу, причем сношения его с Петербургским охранным отделением совершенно прекратились. Зимою 1910 года Богров приезжал вновь в Киев и навестил подполковника Кулябку, как своего знакомого, получив от него на свои личные нужды небольшую сумму денег.

Таким образом, нельзя не признать, что Богров до 1910 года являлся весьма ценным сотрудником, но со времени прекращения связей его с Киевским охранным отделением жизнь Богрова, политическое направление и связи в революционной среде оставались уже вне всякого контроля розыскных органов. Войдя затем в соприкосновение с Киевским охранным отделением лишь в августе 1911 года для выполнения тяжкого террористического акта и совершив таковой, Богров в объяснение мотивов этого злодеяния представил противоречивые показания, оценка коих, впрочем, не входит в задачу настоящего расследования. На первых допросах у судебного следователя Богров заявил, что он учинил нападение на председателя Совета министров с обдуманным заранее намерением, в силу побуждений политического характера, коими проникся после переезда в Петербург, и что он даже останавливался на мысли о цареубийстве, но отказался от нее лишь из

опасения еврейского погрома и нежелания дать этим актом повод к оправданию правительственной политики репрессий в отношении его единоверцев. При рассмотрении же дела военным судом, Богров, изменив свои объяснения, показал, что в марте 1911 года к нему в Киев являлся анархист Лятковский и поставил его в известность, что факты предательства Богровым товарищей и растраты им партийных денег вполне установлены. 16 августа 1911 года к Богрову, по возвращении его с дачи, которую он занимал в местности «Потоки» близ Кременчуга, неожиданно прибыл анархист Виноградов и заявил, что его, Богрова, в партии «окончательно признали провокатором», что предательство его получит широкую огласку во всех слоях общества и его, как шпиона, убьют. Вместе с тем Виноградов от имени партии предложил Богрову, в видах своей реабилитации, совершить террористический акт, указав на возможность убийства Кулябки или другого лица, по собственному усмотрению, во время предстоявших киевских торжеств. Последним сроком исполнения этого ультиматума Виноградов назначил 5 сентября. По словам Богрова, выхода у него не оставалось и он должен был принять предложенные условия.

Отлично понимая, что для осуществления задуманного им преступления могут оказаться полезными связи его с охранным отделением и доверие, всегда оказывавшееся ему подполковником Кулябкой, Богров решил возобновить с ним сношения, измыслив рассказ о готовящемся будто бы покушении на жизнь министров Столыпина и Кассо.

Утром 26 августа Богров обратился по телефону в охранное отделение и, за отсутствием Кулябки, сообщил заведующему наружным наблюдением Самсону Демидюку, что революционеры Лазарев и известный ему только по имени «Николай Яковлевич» замышляют террористический акт против министров Столыпина и Кассо и что «Николай Яковлевич» приезжал к нему, Богрову, на дачу для переговоров о приискании квартиры в Киеве и о способах прибытия в этот город. Придавая этому заявлению Богрова серьезное значение, а вместе с тем будучи очень доволен, что названный сотрудник вновь предложил свои услуги, Демидюк доложил Кулябке о рассказе Богрова. После этого Кулябко по телефону попросил Богрова к себе. В этот же день к Кулябке были приглашены на обед статский советник Веригин, полковник Спиридович и секретари генерала Курлова, подполковник Пискунов и Сенько-Поповский. Во время обеда, приблизительно в 5 часов дня, Богров прибыл к Кулябке, который вышел в кабинет и, выслушав от него вкратце заявление относительно вышеописанных планов террористов, предложил Богрову изложить свое сообщение письменно, пока он, Кулябко, закончит обед. Усматривая исключительную важность разоблачений Богрова, Кулябко признал необходимым участие начальства в разработке поступивших агентурных данных и решил привлечь Веригина и Спиридовича к обсуждению доклада Богрова, ввиду чего, вернувшись в столовую, пригласил их отправиться после обеда выслушать, как он выразился, «интересного субъекта». Кулябко пре-

дупредил Веригина и Спиридовича, что явившийся сотрудник работал у него в течение нескольких лет, давал всегда очень точные сведения и помог раскрыть целый ряд анархистских организаций и предприятий. По показанию Кулябки, отрицаемому, однако, Спиридовичем, от последнего и Веригина не было скрыто, что Богров уже полтора года порвал связи с отделением. Осведомленность Спиридовича и Веригина об этом обстоятельстве нельзя не признать доказанною, так как, с одной стороны, сообщая Спиридовичу подробные данные о заслугах Богрова в деле розыска, Кулябко едва ли мог умолчать, что Богров уже вышел из числа его сотрудников, а с другой – и дальнейшие заявления Богрова указывали на то, что к Кулябке явился не агент, ведущий текущую работу, а лицо, прибывшее к нему после перерыва в сношениях. Когда Спиридович и Веригин вошли в кабинет, Кулябко познакомил их с Богровым, который вручил Кулябке записку, где было изложено следующее: весною 1910 года в Петербург приезжала одна женщина с письмами от Центрального комитета партии социалистов-революционеров для присяжного поверенного Кальмановича, бывшего эмигранта Егора Лазарева и члена Государственной думы Булата. В передаче этих писем принял участие и Богров, установив, таким образом, связи с Лазаревым, причем обо всем этом осведомил начальника С.-Петербургского охранного отделения фон Коттена. Вскоре с Богровым познакомился явившийся от имени Лазарева неизвестный, назвавшийся «Николаем Яковлевичем». Узнав из происходившей затем между ними переписки, что противоправительственные взгляды Богрова, высказанные при первом их свидании, не изменились, «Николай Яковлевич» неожиданно в конце июля приехал к Богрову в дачную местность Потоки близ Кременчуга и вступил с ним в переговоры о том, можно ли иметь в Киеве квартиру для 3 человек. Получив утвердительный ответ, «Николай Яковлевич» расспросил о способах сообщения с Киевом и одобрил предложенный Богровым план приезда на моторной лодке; в тот же день «Николай Яковлевич» выбыл обратно в Кременчуг и обещал в скором времени дать о себе знать.

Передав означенную записку подполковнику Кулябке, Богров пояснил, что, прочтя в газетах, будто революционеры намереваются возобновить террористические действия против статс-секретаря Столыпина при поддержке финляндцев, и узнав, по слухам, что в тот же день 26 августа в Киевском охранном отделении застрелился какой-то арестованный, он, Богров, счел долгом сообщить изложенные в его записке данные охранному отделению в предположении, не имеют ли таковые связь с газетными указаниями и упомянутым самоубийством. Раньше он не приходил к Кулябке потому, что не хотел являться к нему с «пустыми руками» до получения известий от «Николая Яковлевича». Далее Богров перешел к словесным, весьма существенным, дополнениям своего письменного доклада. Так, он заявил, что, по объяснению «Николая Яковлевича», боевая группа намеревалась произвести террористический акт в конце киевских торжеств, когда ох-

рана должна ослабеть, причем Богров высказал мнение, что злодеяние будет направлено против министров Столыпина и Кассо. Затем он присовокупил, что революционеры имеют связи среди чинов департамента полиции, С.-Петербургского охранного отделения и столичной полиции и что в переговорах с «Николаем Яковлевичем» в «Потоках» он предупредил о нежелании своем быть «пешкою» в руках террористов, согласившись оказать содействие только при условии осведомленности о планах «Николая Яковлевича». Последний обещал приехать к нему в Киев и посвятить его в дело. Рассказав все изложенное присутствующим, Богров обратился к Кулябке с просьбой дать совет относительно дальнейшего его образа действий. Ввиду этого началось обсуждение заявления Богрова, причем полковник Спиридович восстал против использования моторной лодки, прибытие которой трудно усмотреть, и настоял, чтобы революционеры направились к Киеву через одну из ближайших железнодорожных станций, где их легко можно было взять в наблюдение, как это уже было осуществлено им, Спиридовичем, при задержании известного террориста Гершуни. Относительно квартиры Богров пояснил, что он уже предупредил «Николая Яковлевича» о невозможности устроиться в его, Богрова, доме, так как на это будто бы не согласится его отец, но что он может поместить заговорщиков в квартире одной знакомой, находившейся в то время заграницей.

На основании заявления Богрова Спиридович тогда же высказал твердую уверенность в том, что заговор боевой группы угрожает явной опасностью Священной особе Вашего Императорского Величества.

Со своей стороны, Кулябко, показывая лежащие на его письменном столе билеты в места Высочайших посещений, спросил, не желает ли Богров получить такие пропуски, но тот отказался, чтобы не возбуждать в Кулябке каких-либо подозрений немедленным согласием. Предложение Кулябки, заключающее в себе явное нарушение существующих распоряжений департамента полиции, не вызвало, однако, никаких протестов со стороны Веригина и Спиридовича и дало начальнику охранного отделения основательный повод заключить, что допуск Богрова в означенные места одобрен вице-директором Веригиным и заведующим охранной агентурой Спиридовичем. Об этом эпизоде Веригин и Спиридович на расследовании дали уклончивые показания, заявив, что они не вслушивались во все переговоры Кулябки с Богровым, каковое объяснение нельзя признать правильным, так как, по словам самого Спиридовича, рассказ Богрова представлял исключительный интерес. Для уяснения причин невмешательства Веригина и Спиридовича в намерение Кулябки снабдить Богрова упомянутыми билетами, могут иметь значение нижеследующие обстоятельства из прежней практики охранных мероприятий. Как установлено по делу, в бытность генерала Курлова управляющим Киевскою губерниею одна негласная сотрудница, с его ведома, сопровождала генерала при поездках в театры и другие общественные места в видах предупреждения

посягательств на его жизнь. Затем, в 1909 году во время пребывания Вашего Императорского Величества в Полтаве и Крыму, а также перед ожидавшимся приездом Высочайшего Двора в Москву, посылались, с ведома генерала Курлова и Спиридовича, в названные города и, кроме того, в Севастополь и Ялту бывшие секретные сотрудники для обнаружения опасных революционеров, которые могли неожиданно появиться там, не будучи своевременно указаны внутреннюю агентурою. С этой целью означенные агенты бывали в сопровождении филеров также и на торжествах, происходивших в присутствии Вашего Императорского Величества. В 1910 году одно из этих лиц, состоящее на службе в охранной команде при С.-Петербургском охранном отделении, исполняло иногда такие же обязанности в Петербурге. Наконец, по словам одного секретного сотрудника Киевского охранного отделения, помогавшего полковнику Спиридовичу в составлении очерка революционного движения, он был в середине августа 1911 года вызываем в Киев, посетил Спиридовича в Европейской гостинице и после переговоров по интересовавшей Спиридовича работе был опрошен о возможности появления в Киеве боевых автономных групп. В заключение Спиридович предупредил агента, что его пригласят вновь на время торжеств «потолкаться по городу и на вокзалах», причем ему необходимо будет захватить с собою фрак и цилиндр. Костюм этот, очевидно, не требовался для прогулок по улицам. Описанный план выполнен не был по неизвестной в точности означенному сотруднику причине. На допросах Спиридович и Кулябко, отрицая справедливость изложенного заявления агента, не объяснили поводов к даче им ложного показания, а полковник Спиридович присовокупил, что если в приведенной беседе упоминалось о «цилиндре и фраке», то это касалось только вопроса о том, как вообще будет одеваться публика во время торжеств. Независимо от сего, расследованием обнаружено, что 31 августа на торжество в саду Купеческого собрания Кулябкой был допущен еще один сотрудник, числящийся в списках отделения по организации социалистов-революционеров.

Невзирая на крайнюю важность доставленных Богровым сведений, Веригин, Спиридович и Кулябко не решились доложить об этом немедленно генерал-лейтенанту Курлову, ввиду его болезни, и условились сделать это на следующий день. (Генерал Курлов со времени приезда в Киев и до 27 августа проболел острым ревматизмом.)

Утром 27 августа подполковник Кулябко явился с докладом к генералу Курлову в Европейскую гостиницу, причем генерал пригласил к себе также Веригина и Спиридовича. Изложив заявление Богрова по приведенной выше записке последнего, Кулябко представил затем товарищу министра подробно о тех предположениях, которые были накануне выработаны при участии Спиридовича и Веригина. Намеченный Кулябкою проект о предоставлении террористам квартиры жены одного из бывших служащих охранного отделения был отвергнут генералом Курловым. Далее подполковник Кулябко, аттестовав Богрова

как человека, заслуживающего полнейшего доверия и оказавшего ценные услуги розыску, не скрыл, что Богров уже 1½ года не состоял в сношениях с охранным отделением.

Со своей стороны, генерал Курлов выразил удовольствие, что агентура обнаружила замыслы автономной группы; полковник же Спиридович остановил внимание генерала на том, что этот успех надлежит отнести не только к счастью, но и к наличности такого хорошего сотрудника, как Богров.

По показанию подполковника Кулябки на расследовании, он доложил товарищу министра и о том, что во время описанного свидания с Богровым принципиально решено допускать Богрова в места Высочайших посещений. Эта часть объяснения Кулябки отрицается генералом Курловым, Спиридовичем и Веригиным, причем означенное противоречие не может быть устранено с полной определенностью за отсутствием каких-либо объективных данных, подкрепляющих то или другое из приведенных показаний. Нельзя лишь не заметить, что при установленной близости Кулябки, Спиридовича и Веригина к генералу Курлову и ввиду упомянутых выше примеров назначения сотрудников в охрану, заявление Кулябки до некоторой степени правдоподобно.

При обсуждении генералом Курловым и его помощниками доставленных Богровым сведений, у названных должностных лиц не возникало никаких сомнений в достоверности его сообщений. Между тем при надлежащем внимании к таковым, естественно, должен был возникнуть ряд вопросов, вызывавших необходимость весьма осторожного отношения к словам бывшего сотрудника. Прежде всего, представляется непонятным, почему Богров, получив еще в конце июля совершенно определенные указания на готовившиеся террористические акты и будучи непосредственно связан с участниками заговора, не счел нужным заявить немедленно подполковнику Кулябке, с которым у него сохранились хорошие отношения, а сделал это лишь под влиянием каких-то неясных намеков в прессе и самоубийства арестанта в охранном отделении. Затем означенные должностные лица совершенно не остановились на том, что Богров уже в течение 1½ лет был вне сношений с охранным отделением и мог решительно изменить свой образ мыслей и отношение к интересам розыска. Не обратило на себя внимания и то обстоятельство, что Богров был заподозрен революционерами в предательстве, и потому факт посвящения его «Николаем Яковлевичем» в конспиративнейшие замыслы террористов мог навести на серьезные сомнения. Не поколебало безграничного доверия к Богрову даже и возникшее у Спиридовича подозрение, что Богров получил от «Николая Яковлевича» слишком мало сведений за свое обещание содействовать в подыскании квартиры и моторной лодки.

Оставив все эти существеннейшие вопросы в стороне, генерал Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко перешли к принятию розыскных мер, вытекавших из сомнительных разоблачений Богрова, причем бы-

ло решено командировать жандармского ротмистра Муева с отрядом филеров для негласного розыска в Кременчуг, который, по удостоверению Веригина, представлял собою революционное «гнездо», и запросить начальника С.-Петербургского охранного отделения о лицах, упоминаемых в заявлении Богрова. По поводу первого из означенных распоряжений генерал Курлов пояснил на допросе, что, как он понял их доклада подполковника Кулябки, Богров, сделав накануне свое заявление, вернулся обратно в Кременчуг, почему он, Курлов, придавал особенно значение разработке наблюдения в этом городе. Однако же и это заявление генерала Курлова не может быть признано правильным. Так, прежде всего ни Кулябко, ни другие участвовавшие в докладе лица не сообщали генералу Курлову никаких сведений, которые давали бы основание предположить об отъезде Богрова из Киева. Подобное сообщение даже и не могло исходить от Кулябки, так как, по его распоряжению, с утра 27 августа было установлено филерское наблюдение за домом Богрова на случай приезда к нему «Николая Яковлевича», который, конечно, не мог бы появиться у Богрова, если бы последний не находился в Киеве.

27 августа вечером ротмистр Муев получил приказание от Кулябки отправиться в Кременчуг для наблюдения за появлением «Николая Яковлевича» в городе и в дачной местности Потоки, причем Кулябко делал все свои распоряжения «на лету» и дал Муеву настолько неудовлетворительное описание наружности означенного лица, что Муев затруднился взяться за исполнение поручения, и Кулябко выяснял эти приметы путем переговоров с кем-то по телефону. Насколько небрежно велось все это дело, устанавливается также и тем, что когда, находясь на месте, Муев депешей от 30 августа затребовал от Кулябки дополнительные данные о приметах «Николая Яковлевича», то эта телеграмма осталась без ответа. Ротмистр Муев пробыл в Кременчуге до начала сентября.

Что касается переписки с полковником фон Коттеном, то в телеграммах к нему были помещены только краткие запросы о лицах, упомянутых в записке Богрова, и от имени товарища министра поручено учредить за ними наблюдение. При этом источника получения означенных агентурных сведений, а равно и того, что они относятся к серьезнейшему заговору террористического характера, указано не было. Со своей стороны, полковник Коттен, по его показанию, догадался, что заключавшиеся в депешах данные исходят от Богрова, так как последний докладывал и ему о тех же обстоятельствах летом 1910 г. Полковник фон Коттен послал Кулябке по телеграфу, а частью почтой, ответ справочного характера, но при этом, считая, что Кулябко «конспирирует» с ним, не упомянул также о Богрове и не высказал своего мнения о нем, основанного на изложенных выше условиях службы Богрова Петербургскому охранному отделению. Столь ненормальный характер сношений между должностными лицами, ведающими одно и то же дело, представляется, по-видимому, результатом гонения Вери-

гина и Спиридовича против фон Коттена, так как, по объяснению последнего, он знал, что всякое его сообщение будет использовано названными лицами при докладе во вред ему. Между тем, если бы в переписке между подполковником Кулябкою и начальником С.-Петербургского охранного отделения в данном случае была осуществлена необходимая и естественная полнота сообщений, то, быть может, отрицательный отзыв Коттена о работе Богрова в Петербурге поколебал бы безграничное доверие к Богрову.

Наряду с этим, как генерал Курлов, так и его ближайшие помощники не остановились на таких мерах розыска, которые вытекали с очевидностью из заявления Богрова. Прежде всего, никто из означенных лиц, и даже Кулябко, не учредили наблюдения за самим Богровым, которое имело весьма существенное значение, если не в видах проверки его поведения, не внушавшего руководителям розыска подозрений, то с целью взять от него для проследки тех террористов, которые могли встретиться с ним на улицах. Затем проживание Богрова в собственном доме при отсутствии его родителей давало полную возможность поместить негласное наблюдение в доме или даже в помещении, занятом Богровым. Мера эта представлялась в данном случае безусловно необходимою, ибо дом Богрова, как это было известно и Кулябке, состоит из большого количества квартир, часть коих занята целыми учреждениями, например, больницею, вследствие чего надзор за движением посетителей был крайне труден. Между тем, расследованием обнаружено, что установка внутреннего наблюдения в квартире Богрова могла быть осуществлена даже при исключительно благоприятных условиях, так как одна из его прислуг находилась в приятельских отношениях с писцом охранного отделения Сабаевым, который бывал в квартире Богрова. В деле имеются указания на то, что Кулябко знал об этом обстоятельстве, но, очевидно, будучи отвлечен возложенными на него посторонними заботами, не вспомнил о нем или считал надзор за Богровым излишним при своем слепом к нему доверии.

Не подлежит также никакому сомнению, что после заявления Богрова перед генералом Курловым во весь рост встала чрезвычайная опасность, угрожавшая не только двум министрам, но и особе Вашего Императорского Величества. Казалось бы, при таком подавляющем положении, разработке доноса Богрова надлежало посвятить все те силы, которые можно было использовать в столь тяжелый момент, вызвав в Киев имевшихся в распоряжении товарища министра опытных чинов департамента полиции и корпуса жандармов. Между тем, генерал Курлов, знавший из докладов подполковника Кулябки о совершенной необеспеченности Киевского охранного отделения личным составом, не только не усилил таковое после 27 августа кем-либо из жандармских офицеров, но даже не освободил подполковника Кулябку и его помощников от разъездов по городу и от наружной службы в народной охране. Вследствие такого отношения к данному делу вся

работа, созданная в Киеве заявлением Богрова, осталась на руках старшего филера Демидюка, Кулябко же продолжал в течение всех последующих дней почти вовсе отсутствовать из отделения, хлопотать бесцельно на улицах, и потому не мог сколько-нибудь вдумчиво относиться к замыслам Богрова, который, видя это совершенно ненормальное положение охранного отделения, использовал неправильные действия должностных лиц для своих злодейских планов.

Что касается осведомления высшего начальства о сообщениях Богрова, то полковник Спиридович послал 28 августа письменное донесение дворцовому коменданту на ст. Коростень, куда к тому времени должен был прибыть царский поезд. В этом докладе полковник Спиридович изложил сущность агентурных указаний и высказал свое убеждение, что ожидаемый «налет» боевой группы угрожает опасностью Вашему Императорскому Величеству. По приезде затем генерал-адъютанта Дедюлина в Киев, генерал Курлов и полковник Спиридович словесно ознакомили его с делом и принятыми мерами розыска.

В ночь на 28 августа прибыл покойный председатель Совета министров, статс-секретарь Столыпин, поместившийся в генерал-губернаторском доме. Организация охраны его была возложена генералом Курловым на того же Кулябку, к обязанностям которого прибавилась еще одна. Состоявшие всегда в охране статс-секретаря Столыпина подполковник Пиранг и ротмистр Дексбах, из коих последний в течение нескольких лет и в наиболее трудные времена неотступно охранял покойного министра при всех его выездах, не были взяты в Киев. Причина такого распоряжения не могла быть установлена с точностью, так как вопрос о сопровождении названными офицерами покойного министра разрешался непосредственно самим последним.

Утром 29 августа изволили прибыть в Киев Ваше Императорское Величество и занять помещение во дворце.

За время до 31 августа от Богрова никаких известий не поступало, хотя он был в Киеве, и никто не поинтересовался спросить его о положении вещей в уверенности, что он сам догадается поставить власти в известность обо всем, заслуживающем внимания.

31 августа Мордка Богров возобновил свои сношения с подполковником Кулябкой, который по этому предмету представил весьма сбивчивые и противоречивые показания. Из объяснений же Богрова, подтвержденных свидетелем Певзнером, случайно слышавшим весь разговор Богрова с Кулябкой, видно, что днем означенного числа Богров по телефону обратился к Кулябке с просьбою дать ему билет на празднество, устроенное городским самоуправлением в саду Купеческого собрания, ничем не мотивируя этого домогательства, на что Кулябко немедленно согласился. Вслед за этим Кулябко отправил Богрову билет через посыльного, руководствуясь, очевидно, лишь предположением о пользе пребывания Богрова на означенном торжестве в видах предупреждения какого-либо покушения. Подобная легкость снабжения Богрова пропуском в Купеческий сад является вполне по-

следовательною, если принять во внимание происходившие 26 августа переговоры о допущении названного сотрудника в места Высочайших посещений.

Получив билет в Купеческий сад, Богров отправился туда, причем одно из прохождений Вашего Императорского Величества состоялось в двух шагах от Богрова, имевшего при себе пистолет «браунинг».

По показаниям Богрова, он не совершил никакого посягательства в означенном саду только потому, что не имел возможности приблизиться к статс-секретарю Столыпину. (На суде Богров объяснил это отсутствием у него в то время решимости выполнить какой-либо террористический акт.)

По окончании гуляния Богров ночью направился в охранное отделение и, после настойчивого требования, добился свидания с Кулябкой, послав ему предварительно из канцелярии записку с извещением о том, что в квартире его, Богрова, ночует приехавший из Кременчуга «Николай Яковлевич», у которого имеются два браунинга, и что с ним прибыла девица «Нина Александровна», которая поселилась на неизвестной квартире, но будет у Богрова 1 сентября, между 12 и 1 час. дня. Далее в записке изложено: «Впечатление такое, что готовится покушение на Столыпина и Кассо. Высказывается против покушения на Государя из опасения еврейского погрома в Киеве. Думаю, что у девицы «Нины Александровны» имеется бомба. Вместе с тем, «Николай Яковлевич» заявил, что благополучный исход их дела несомненен, намекал на таинственных высокопоставленных покровителей. Жду инструкций».

Как показал затем Кулябко, Богров, приглашенный к нему на квартиру, повторил данные, изложенные в записке, добавив, что «Николай Яковлевич» приехал неожиданно к нему, Богрову, и потребовал, чтобы он во время торжества в Купеческом саду собрал приметы министров Столыпина и Кассо, а также сведения об условиях их охраны. Вернувшись из Купеческого сада, Богров сообщил «Николаю Яковлевичу», будто в толпе и за темнотою не успел выполнить поручение, вследствие чего ему приказано сделать это на следующий день в театре. Ввиду сего Богров обратился к Кулябке с просьбой выдать ему билет на спектакль и пояснил, что, как его предупредил «Николай Яковлевич», в театре могут находиться единомышленники террористов, которые проверят присутствие Богрова на представлении. Условившись переговорить окончательно на следующее утро в Европейской гостинице, Кулябко поручил Богрову составить подробное описание примет «Николая Яковлевича» и послать таковое старшему филеру Демидюку.

Утром 1 сентября подполковник Кулябко начал свои доклады по поводу ночного свидания с Богровым. В 6 часов он осведомил по телефону генерал-губернатора, генерал-адъютанта Трепова об угрожавшей председателю Совета министров опасности, а около 7 часов посетил Спиридовича и рассказал ему о полученных от Богрова сведениях, о чем полковник Спиридович немедленно донес запиской генерал-адъю-

танту Дедюлину. Последний испросил у министра Императорского Двора указаний, не следует ли обо всем доложить Вашему Императорскому Величеству и отложить вовсе выезды в этот день до выяснения дела. «Тут же», по выражению генерала Дедюлина, было решено не отменять посещения маневров, тем более, что таковое было назначено часом раньше, чем предполагалось прежде.

Продолжая свои донесения, Кулябко в автомобиле со Спиридовичем поехал навстречу отправлявшемуся на маневры генералу Трепову, причем последний, вручив Кулябке на улице письмо к статс-секретарю Столыпину с предупреждением об опасности и просьбою не выходить из дому, приказал Кулябке приложить к этому письму ночной доклад Богрова. Не исполнив в этой части распоряжения генерал-губернатора, Кулябко направился к состоявшему при министре штабс-капитану Есаулову, рассказал ему сущность заявления Богрова и передал письмо генерал-адъютанта Трепова для представления П.А. Столыпину; затем проехал к генерал-губернаторскому дому и сдвинул кольцо охраны, находившейся у этого помещения, после чего вернулся в охранное отделение и распорядился о назначении офицерского дежурства в квартиру председателя Совета министров. К 10 часам утра Кулябко явился в Европейскую гостиницу для доклада генералу Курлову, который не поехал на маневры, имея распоряжение дворцового коменданта заняться разработкой агентуры, ликвидировать преступную группу за время отсутствия Вашего Императорского Величества из города и изыскать меры для благополучного возвращения царского кортежа. Пройдя, прежде всего, к Веригину, Кулябко показал ему подлинную записку Богрова и сообщил о всем слышанном от последнего. Затем, в присутствии Веригина Кулябко подробно доложил товарищу министра о полученных от Богрова данных. По показанию Кулябки, он присовокупил также о том, что Богров был накануне в Купеческом саду для исполнения поручения «Николая Яковлевича» относительно выяснения примет министров Столыпина и Кассо; что Богров ложно рассказал «Николаю Яковлевичу», будто не мог разглядеть в толпе этих сановников, и что «Николай Яковлевич» потребовал от Богрова собрать означенные сведения 1 сентября в театре, причем окончательное решение вопроса о допущении сотрудника на спектакль стоит в зависимости от дальнейшего образа действий террористов. Генерал Курлов не возражал, и более дело не обсуждалось, так как ближайшей задачей розыска являлось наблюдение за предстоявшим посещением квартиры Богрова «Ниною Александровною». При этом вновь не было обращено внимание на ряд явных несообразностей в заявлении Богрова. Сообщение его о том, что за ним, по предупреждению «Николая Яковлевича», может быть надзор в театре для проверки посещения спектакля, до очевидности невероятно, так как нельзя допустить, чтобы «Николай Яковлевич» осведомил Богрова о такой направленной против него же мере и, посвящая Богрова во все свои сокровенные тайны вплоть до указания некоторых из участников заговора, в то же время не верил его обещанию быть в театре и

даже высказал ему это. Далее, после сделанного Богровым в Потоках «Николаю Яковлевичу» заявления о невозможности воспользоваться киевскою квартирою Богрова для помещения террористов, представляется непонятным, почему «Николай Яковлевич», долженствовавший *действовать с крайнею осторожностью, приехал к Богрову без всяких* предварительных с ним сношений и даже с вещами и оружием. Наконец, поручение террористов Богрову собрать приметы министров Столыпина и Кассо, очевидно, с целью основать на этих данных покушение, является лишенным всякого смысла, ибо подобные справки лица, не участвующего в выполнении акта, совершенно непригодны даже для террористов. Выяснять приметы покойного П.А. Столыпина, ввиду их общеизвестности, не было никакой надобности, тем более, что сам же Богров указывал на связи революционеров с чинами полиции, от которых означенные приметы могли быть легко получены с полною достоверностью. Далее, приказание «Николая Яковлевича» Богрову изучить условия охраны министров во время гуляния в саду Купеческого собрания и парадного спектакля в театре представлялось явно сомнительным ввиду полного различия обстановки, при которой происходили означенные торжества, и невозможности поэтому выяснить практические особенности охраны при дальнейших посещениях. Наряду же с этим, из рассказов Богрова усматривалось, что посягательство на жизнь названных сановников следовало ожидать на путях проездов. Не обращено было внимание и на то, что, по сообщению «Николая Яковлевича» Богрову, все для покушения было подготовлено, а между тем для выполнения замысла Богрову поручалось еще узнавать наружность лиц, против коих направлялось злодеяние. Наконец, указание Богрова на прибытие к нему «Николая Яковлевича» из Кременчуга свидетельствовало, что означенный террорист был пропущен наблюдениями, учрежденными в названном городе и у дома Богрова. Однако же и это обстоятельство не вызвало никаких вопросов и распоряжений. С несомненностью можно утверждать, что при сколько-нибудь внимательном отношении генерала Курлова, Веригина, Спиридовича и Кулябки к рассказам Богрова лживость таковых должна была быть обнаружена в то же утро 1 сентября. На предложенные мною по этому поводу вопросы генерал Курлов объяснил, что хотя у него самого возникали колебания относительно правдоподобности некоторых мест в рассказе Богрова, но, с одной стороны, он останавливался на мысли, что злоумышленники обманывают Богрова, а с другой – он, Курлов, не имел возможности с полным вниманием вдуматься во все мельчайшие детали дела за недостатком времени при крайне сложной работе, особенно с утра 1 сентября.

Приблизительно в 11-м часу утра Богров явился в Европейскую гостиницу и имел новое свидание с Кулябкою и Веригиным, которым сообщил, что предполагавшееся около 12 часов посещение его квартиры «Ниною Александровною» отложено и что встреча террористов должна состояться в 8 часов вечера на углу Бибиковского бульвара и Владимирской улицы, у здания 1-й гимназии, для окончательной

выработки плана дальнейших действий. К сему Богров добавил, что он может быть поставлен в очень затруднительное положение, если его вовлекут в преступный акт. Это замечание подействовало на его собеседников, которые заявили, что ни в каких активных выступлениях Богров не должен участвовать. Тогда он начал настаивать на том, что для «изоляции» его от «бомбистов» ему необходимо находиться в театре, причем, показав билет «Николаю Яковлевичу», он, Богров, получил бы даже возможность принять на себя обязанности разведчика в отношении министров. По поводу этого, более чем сомнительного, рассказа у Кулябки и Веригина возник только один вопрос, каким образом Богров объяснит революционерам получение билета на парадный спектакль. Богров тотчас уверил своих слушателей, что он сошлется на содействие кафешантанной певицы «Регины», имеющей высоких покровителей, каковое соображение вполне успокоило Веригина и Кулябку, и они согласились дать Богрову означенный билет. Тогда Богров стал доказывать, что, ввиду возможного контроля за его действиями со стороны единомышленников «Николая Яковлевича», ему необходимо занять в театре такое место, чтобы быть у них на виду. Веригин возразил, что в первых рядах дать билет нельзя, так как там будут сидеть только генералы и другие высокопоставленные лица, а Кулябко предложил одно из кресел в дальних рядах партера и обещал Богрову прислать билет, если планы революционеров не изменятся в течение дня. Затем, вследствие просьбы Богрова дать ему инструкцию относительно дальнейшего образа действий, Веригин и Кулябко приступили к обсуждению всех возможных положений, в которые мог быть поставлен Богров, если бы его вовлекли в активные действия или возникла необходимость задержания злоумышленников.

Приведенное выше объяснение Богрова о том, что он доказывал целесообразность присутствия его в театре необходимостью отделиться от группы террористов на случай их ареста, вполне подтверждается показанием старшего филера Демидюка, удостоверившего, что в разговоре с ним Кулябко именно этим соображением мотивировал допуск Богрова на спектакль.

По уходе Богрова из Европейской гостиницы, Веригин и Кулябко, в присутствии Спиридовича, представили подробный доклад генералу Курлову, который, по показанию Кулябки, не возражал против решения пустить Богрова в театр. В связи с полученными от Богрова сведениями было высказано мнение, что свидание террористов на Бибиковском бульваре может или ограничиться только совещанием, или окончиться выходом их на линию Высочайшего проезда с оружием и метательными снарядами, причем решено было в первом случае вести дальнейшее наблюдение, а в последнем арестовать злоумышленников. Тогда же одобрен план подачи Богровым филерам сигнала курением папиросы, если террористы решат приступить к посягательствам.

Что же касается до упомянутого выше распоряжения дворцового коменданта об аресте преступной группы, то мера эта не могла быть исполнена, так как, за несостоявшимся свиданием террористов на квар-

тире Богрова, «Нина Александровна» не была взята в наблюдение и, таким образом, соучастники «Николая Яковлевича» оставались не обнаруженными.

В показании на предварительном следствии Богров, описывая переговоры свои с Веригиным и Кулябко в Европейской гостинице, удостоверил, что он сам сознавал всю несостоятельность своих повествований и понимал, что его сношения с охранным отделением по телефону, через посыльного и лично, появления в местах Высочайших посещений и явка в Европейскую гостиницу для свидания с жандармским офицером представляли собою приемы сношений, совершенно недопустимые для секретного сотрудника. Значение этого уличающего заявления Богрова должно быть принято во внимание при обсуждении действий не только Кулябки, но также и генерала Курлова, Веригина и Спиридовича, вполне осведомленных о существе докладов Богрова и означенных способах доставления им сведений розыскным органам. Само по себе домогательство Богрова получить доступ в театр не могло бы иметь успеха, если бы упомянутые должностные лица решились проявить в этом деле свою инициативу и, отказав Богрову в билете, предложили ему объявить «Николаю Яковлевичу» о невозможности достать место в театр, куда доступ был обставлен значительными затруднениями даже для людей, занимающих высшее положение по сравнению с помощником присяжного поверенного Мордкою Богровым, замешанным в делах революционного характера. Однако же объяснения Богрова были приняты на веру, без всякой критики. Сознавая и сам несостоятельность своих доводов, Богров, по его показанию, не опасался скорого разоблачения созданных им вымыслов, видя, что Кулябко, с одной стороны, слепо ему верит, а с другой – находится в такой «суматохе», при которой не было возможности вникать в поведение и сущность заявлений его, Богрова.

То состояние, в котором находился Кулябко во время описанных событий, независимо от доказанной ранее неспособности его руководить серьезным делом, устанавливает с непреложностью, что ни генерал Курлов, ни его ближайшие помощники не приняли решительно никаких мер, чтобы обставить разработку агентурных сведений первостепенной важности сколько-нибудь соответственно наступившему критическому моменту. Кроме того, совершив одно нарушение путем разрешения Богрову присутствовать на спектакле, те же должностные лица сделали еще более непростительное упущение, не учредив за Богровым наблюдения в театре, хотя у них к тому была полная возможность, и против чего Богров, если бы он искренно служил делу розыска, не мог возражать.

Закончив обсуждение новых заявлений Богрова, генерал Курлов и его помощники приступили к мерам охранительного характера. Прежде всего, по настоянию полковника Спиридовича, было послано дворцовому коменданту составленное Спиридовичем от имени генерала Курлова письмо с кратким изложением первого заявления Богрова и

последующих его донесений, с указанием на производимую разработку этой агентуры, а равно на необходимость изменения как путей следования Вашего Императорского Величества по улицам Киева, так и порядка движения экипажей в кортеже, причем генерал Курлов засвидетельствовал свою уверенность, что боевая группа не остановится и перед посягательством на Священную особу Вашего Императорского Величества.

Вслед за этим генерал Курлов поставил по телефону и лично в известность статс-секретаря Столыпина об угрожающей ему опасности и сделал то же в отношении министра народного просвещения Кассо через Веригина и директора департамента общих дел Вестмана. Однако, оба министра, невзирая на все настояния, не признали возможным отказаться от присутствования на смотру потешных и в театре, почему генерал Курлов возложил на того же Кулябку усиление охраны их квартир, а равно и организацию переездов их в места посещений на особых автомобилях. Когда затем предстояло возвращение Вашего Императорского Величества с маневров, то генерал Курлов проследовал со Спиридовичем по линии проезда и снял наряды наружной полиции, вследствие чего наполнявшая улицы публика разошлась. Встретившись с генерал-адъютантом Дедюлиным у дворца, генерал Курлов ознакомил его со вновь полученными сведениями и возобновил разговор об изменении дальнейших маршрутов Высочайших проездов, но генерал Дедюлин сказал, что избрать новый путь следования на ипподром и заменить открытый экипаж мотором нельзя, относительно же порядка проезда в театр проект Курлова был принят.

Выполнение розыскных мер товарищ министра предоставил единоличному усмотрению подполковника Кулябки без всякого ему содействия или контроля над его распоряжениями. Результатом этого явного бездействия было то, что Кулябко на глазах у начальства продолжал разъезжать по городу, не озаботившись проверкою наружного наблюдения за домом Богрова и выяснением событий, происходивших в его помещении. Между тем, в течение того же 1 сентября в квартире Богрова навестил несколько раз горничную Батурину упомянутый выше писец охранного отделения Сабаев, который тогда же сообщил об этом Демидюку, находившемуся в наблюдении у дома Богрова. Кроме того, без всякой опасности для положения Богрова, как сотрудника, можно было навести, под любым предлогом, справку о пребывании у Богрова постороннего лица через швейцара, знавшего, что у хозяина его никого не было.

В 6-м часу дня для смотра потешных на Печерском плацу изволили прибыть на ипподром Ваше Императорское Величество по неизменному маршруту следования. Туда же, незамеченный наблюдением, отправился Богров и поместился около группы фотографов и корреспондентов, в нескольких шагах от ковра, по которому ожидалось шествие Вашего Императорского Величества и лиц свиты. Однако же, будучи усмотрен секретарем бегового общества Грязновым, Богров, не предъ-

явивший соответственного билета, был удален Грязновым. На ипподроме подполковник Кулябко, встретившись с полковником Спиридовичем, переговорил с ним о предстоявшем свидании злоумышленников на Бибиковском бульваре и сообщил, что руководство мерами розыска на месте возложено на упомянутого Демидюка. Вся эта беседа, по удостоверению Спиридовича, происходила «наспех», так как ожидался уже разъезд высоких посетителей. С ипподрома Кулябко вернулся в охранное отделение, куда вскоре позвонил Богров и, уведомив Кулябку, что планы «Николая Яковлевича» не изменились, просил прислать билет в театр. Только в это время, то есть менее чем за ½ часа до предполагавшегося выхода «Николая Яковлевича» на бульвар, Кулябко, вызвав Демидюка в отделение, поставил его в известность об этом обстоятельстве, но не озаботился установлением филерского наблюдения у Первой гимназии, куда террористы могли явиться без сопровождения агентов, если бы последние утеряли их из виду в толпе по пути от дома Богрова.

Для пропуска Богрова в театр, Кулябко воспользовался одним из билетов, полученных им заранее от городского головы на нужды охраны и находившихся временно у ротмистра Самохвалова, которому Кулябко указал, что билеты эти принадлежат полковнику Спиридовичу. Взяв из них билет на кресло за № 406 в 18 ряду, Кулябко вручил таковой Демидюку для передачи Богрову через швейцара от имени «Регины». При этом Кулябко пояснил Демидюку, что сам Богров на свидание террористов не пойдет, а будет в театре, чтобы, таким образом, отделиться от злоумышленников на случай ареста их на Бибиковском бульваре.

Незадолго до начала спектакля к театру прибыл генерал Курлов и выбрал особый *малый* подъезд для входа статс-секретаря Столыпина. По показанию генерала, он сделал это в присутствии городского головы Дьякова, который, однако, ссылки на него не подтвердил. В то же время подполковник Кулябко распорядился, чтобы автомобиль председателя Совета министров был направлен к *главному* подъезду театра.

Между тем Богров, обеспокоенный замедлением в доставлении билета, вышел из дома и, встретив Демидюка, получил от него билет. Придя затем в театр, приблизительно за 20 минут до начала представления, Богров встретился с Кулябкой и сообщил ему, что свидание на Бибиковском бульваре не состоится и произойдет на какой-то частной квартире, куда переедет и «Николай Яковлевич». Об этом Кулябко тотчас же сообщил прибывшему со статс-секретарем Столыпиным штабс-капитану Есаулову. Опасаясь ухода «Николая Яковлевича» из квартиры сотрудника, Кулябко поручил Богрову проверить пребывание там террориста и объяснить свое возвращение желанием взять забытые перчатки. Когда Богров ушел, Кулябко и Веригин, не расставшиеся почти во все время первых двух действий, отправились в расположенную на Театральной площади кофейню Франсуа. По выходе оттуда Кулябко увидел на театральном подъезде Богрова, которого не про-

пускал жандармский офицер, так как билет Богрова был уже без контрольного талона. Тогда Кулябко поспешил к театру, провел Богрова и узнал от него, что «Николай Яковлевич» находится дома, но заметил филерское наблюдение. Эти встречи и переговоры Кулябки с Богровым в театре достаточно характеризуют понятие Кулябки о тайне сношений с секретным сотрудником, который к тому же, по его собственным словам, мог быть под наблюдением участников заговора. К этому времени в театр, по установленному маршруту, изволили прибыть Ваше Императорское Величество с августейшей семьей и свитой, причем порядок следования экипажа и автомобилей был изменен по распоряжению дворцового коменданта. В видах охраны генерал-губернаторской ложи, занятой Вашим Императорским Величеством, как у самого подъезда, так и у дверей ложи помещались наряды дворцовой полиции, а под ложей находились филеры. За кулисами на сцене были равным образом чины секретной полиции, со стороны же зрительного зала в первом ряду кресел, у ложи сидели: флаг-капитан, адмирал Нилов[187], дворцовый комендант, генерал-адъютант Дедюлин и генерал-лейтенант Курлов; в третьем ряду, в левом ближайшем к той же ложе проходе были: начальник дворцовой полиции, полковник Герарди и полковник Спиридович и далее в крайних креслах 9 ряда подполковники Шепель и Шебанов. Статс-секретарь Столыпин занял место в первом ряду около того же левого прохода. Никакого особого наряда для охраны как царской ложи со стороны партера, так и министров не было, и находившиеся в зрительном зале жандармские офицеры ни от кого никаких инструкций относительно мер безопасности не получали. Благодаря этому создалось совершенно необеспеченное положение, основанное лишь на слепой уверенности в том, что в театре все пройдет благополучно, между тем как в нем находился без всякого наблюдения принадлежащий к группе анархистов Богров и, по его же словам, там могли быть единомышленники террористов, готовившихся уже к покушению. Хотя близ царской ложи и сидели высшие чины охраны, но, во-первых, по отзыву генерал-адъютанта Трепова, злоумышленник, пользуясь темнотою и всеобщим вниманием к происходившему представлению, мог незаметно приблизиться к Вашему Императорскому Величеству, когда Вы изволили занимать место в правой передней части ложи, около первого ряда кресел, а, во-вторых, во время антракта все означенные лица охраны удалялись из партера, и царская ложа с этой стороны оставалась совершенно незащищенной; подойти же к ней было вполне возможно, как это и сделал затем Богров, совершивший свое злодейство в шести шагах от края ложи. В антрактах все находившиеся в ложе Высочайшие особы удалялись в арьер-ложу, но и при этом условии, если бы преступник имел разрывной снаряд, последствия описанных порядков охраны могли быть ужасающими. Спрошенный мною по этому поводу генерал-адъютант Дедюлин пояснил, что особой охраны царской ложи в перерывах между действиями не полагается, так как она бывает в это время не занятой.

По окончании первого акта покойный статс-секретарь Столыпин, узнавший, очевидно, от штабс-капитана Есаулова об отмене свидания на Бибиковском бульваре, поручил генералу Курлову разобраться в означенном вопросе. Разыскав подполковника Кулябку, генерал Курлов получил от него подтверждение этого обстоятельства и узнал, что, беспокоясь за возможный уход «Николая Яковлевича» из квартиры Богрова, Кулябко посылал сотрудника домой справиться, находится ли там названный террорист, и последний оказался у Богрова, генерал Курлов снова выразил опасение, не повлечет ли «провала» для Богрова такая явка его из театра домой, но Кулябко успокоил своего начальника, объяснив, что это выполнено Богровым под предлогом необходимости взять перчатки. После второго акта Кулябко, допуская все-таки возможность, что «Николай Яковлевич» ускользнет от наблюдения, приказал Богрову вернуться домой и пошел доложить об этом генералу Курлову, находившемуся в коридоре театра. Богров же, сознавая, что означенное распоряжение лишает его возможности совершить задуманное преступление и, убедившись, что за ним нет наблюдения, достал из кармана револьвер системы «браунинг» и, прикрыв его афишей, направился к статс-секретарю Столыпину, стоявшему на виду у всех в первом ряду. Это приближение Богрова заметили многие лица, среди коих, однако, не было, к сожалению, никого, обязанного охранять министра. Расположенные поблизости от него кресла были пусты, и Богров, беспрепятственно подойдя к председателю Совета министров на 2 шага, произвел в него 2 выстрела, причинив ему раны в руку и в правый бок. Одною из пуль было нанесено также серьезное повреждение скрипачу оркестра. Совершив злодеяние, Богров спокойно пошел обратно, когда же раздались крики, он пытался скрыться, но был схвачен публикой. Выстрелы вызвали крайнее смятение среди находившихся в театре, причем многие бросились бежать. Статский советник Веригин быстро покинул театр, приказав открыть для себя наружные двери, которые были уже заперты по распоряжению жандармских офицеров. Полковник Спиридович, услыхав в коридоре шум, устремился в партер и, увидя избиваемого публикой преступника, замахнулся на него обнаженной саблей, но, узнав в нем Богрова, воздержался от удара. Предположив, что покушение Богрова является только началом выполнения целого террористического плана, Спиридович пробежал к царской ложе и встал около нее в партере с саблей в руках. Генерал-адъютант Дедюлин, находившийся в той же ложе, покинул ее после выстрелов и распорядился о недопуске в нее неизвестных страже лиц, после чего осведомлялся, оказана ли помощь раненному статс-секретарю Столыпину и передан ли преступник в руки властей. Убедившись, что все это сделано, дворцовый комендант вернулся в императорскую ложе, а затем, перелезши из нее в партер, присоединился к стоявшему у ложи Спиридовичу. Таким образом, только после совершенного злодеяния были приняты меры к охране ложи Вашего Императорского Величества. Во время нападения на статс-

секретаря Столыпина генерал Курлов в коридоре принимал доклад Кулябки об отсылке Богрова домой. После выстрелов в зрительном зале оба они поспешили в партер, куда генерал Курлов проникнуть не мог, так как в проходе толпа била Богрова. Повернув назад, он натолкнулся на Кулябку, доложившего, что злоумышленник оказался Богровым. Затем Курлов и Кулябко перешли в малый вестибюль, где Кулябко в отчаянии объявил, что ему остается только застрелиться. Успокоив его, генерал Курлов вышел на площадь и распорядился очистить как ее, так и Фундуклеевскую улицу от народа. Пока это исполнялось, Ваше Императорское Величество, по выслушании патриотической манифестации, изволили отбыть из театра в автомобиле, порядок следования коего, при наступившем среди начальствующих лиц смятении, не был никем указан. Между тем, тяжело раненного председателя Совета министров перевезли в карете скорой помощи в лечебницу доктора Маковского, где статс-секретарь Столыпин 5 сентября скончался от поранения печени.

Задержанный публикой Богров был вытащен в буфетную комнату и передан в распоряжение судебных властей. При обыске у него отобран театральный билет на кресло за № 406.

Вслед затем жандармскнй ротмистр Самохвалов, по приказанию подполковника Кулябки, произвел в квартире Богрова обыск, во время которого чины билетного бюро и один околоточный надзиратель, по явной несообразительности и растерянности, обращались в эту квартиру по телефону с такими вопросами, что если бы помещение не было уже занято полицией, то жильцы его получили бы достаточное предупреждение о возможности у них обыска.

Покинув театр, подполковник Кулябко направился в Европейскую гостиницу, к генералу Курлову, и они пришли к заключению о необходимости отправления Богрова в охранное отделение для допроса, причем генерал Курлов полагал, что эта мера, благодаря беседе с Богровым самого Кулябки, может привести Богрова к указанию его соучастников. Ввиду сего Кулябко поручил полицейскому приставу отвезти Богрова в охранное отделение, но прокурор судебной палаты не допустил этого, и обвиняемый был отправлен в Киевскую крепость. На следующий день генерал Курлов вновь возбудил перед судебными властями вопрос о допущении подполковника Кулябки в место заключения Богрова для переговоров с последним, но и эта попытка не имела успеха.

На состоявшемся затем 9 сентября заседании Киевского военно-окружного суда Богров, признанный виновным в принадлежности к партии анархистов-коммунистов и в предумышленном лишении жизни статс-секретаря Столыпина, присужден к смертной казни, каковой приговор приведен в исполненне 12 того же сентября, до начала настоящего расследования.

В ночь на 2 сентября Кулябко, с одобрения генерал-лейтенанта Курлова, приступил к обыскам и арестам, назначение коих совершенно не-

ясно. В число подлежащих задержанию 78 человек были включены родственники Богрова в разных городах и лица, упоминающиеся в прежних его заявлениях, извлеченных из архивов охранного отделения, а также и те, адреса коих были найдены при обыске в его квартире, без всякого указания на преступный характер их отношений к Богрову. При этом произошел ряд недоразумений, как, например, было дано поручение обыскать дворянина Леонтовича[188], не имевшего, безусловно, никакого отношения к делу, старика-буфетчика генерал-губернатора и т.п. Все означенные обыски оказались безрезультатными.

В объяснениях своих на расследовании генерал Курлов, статский советник Веригин и полковник Спиридович категорически отрицали всякую осведомленность свою о том, что Богров был допущен на гуляние в сад Купеческого собрания и в городской театр, причем генерал Курлов заявил, что он на такую меру никогда не согласился бы, как противоречащую основным его взглядам, проводившимся им неуклонно за время бытности в должностях товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов. Спиридович, кроме того, намекал, что во всем этом случае от него что-то умышленно скрывали, но определенных разъяснений не представил.

Со своей стороны, подполковник Кулябко утверждал противное, доказывая, что о посещении Богровым Купеческого сада и спектакля было известно всем означенным должностным лицам. При оценке этого противоречия нельзя не отметить, что каждое из приведенных заявлений имеет в своем основании вполне понятные побуждения. В то время как для подполковника Кулябки, в видах устранения ответственности, весьма важно сослаться на приказания начальства, прочие прикосновенные чины заинтересованы в признании Кулябки действовавшим самовольно без их ведома и согласия.

По поводу означенных разногласий надлежит, помимо изложенных выше фактов и соображений, принять во внимание еще и нижеследующие обстоятельства:

Из справок, собранных в департаменте полиции и штабе корпуса жандармов, оказалось, что каких-либо циркуляров и приказов, воспрещающих использование секретных сотрудников для целей охраны, издаваемо генерал-лейтенантом Курловым не было, и в этом отношении действовал лишь циркуляр от 3 октября 1907 г. за № 136287, преподанный задолго до вступления его в должность товарища министра; им же был сделан ряд определенных указаний на недопустимость безграничного доверия к сотрудникам, каковые распоряжения именно в настоящем деле оказались грубо нарушенными всеми руководителями розыска.

Затем полковник Спиридович в своем показании пояснил, что уже после 1 сентября, в разговоре генерала Курлова с ним и Веригиным относительно посещения Богровым сада Купеческого собрания, генерал высказал, что об этом обстоятельстве ему не было известно, но Веригин заметил, что, как ему кажется, Кулябко докладывал генера-

лу и об этом. Ответив отрицательно, генерал Курлов переменил тему беседы. Тот же полковник Спиридович на допросе высказал уверенность, что, поскольку он знает Кулябку, последний не мог бы взять единолично на себя допуск Богрова в театр.

Богров на первом допросе у судебного следователя в ночь на 2 сентября, будучи вне всякой возможности снестись каким-либо образом с Кулябкой, удостоверил, что снабжение его билетом в театр было решено при участии Веригина утром 1 сентября. Равным образом, подполковник Кулябко в ту же ночь на вопросы лица прокурорского надзора заявил, что Богров был на спектакле с ведома генерала Курлова, Веригина и Спиридовича. В дальнейшем Кулябко добавил, что, из докладов его генералу Курлову о двукратной посылке Богрова из театра домой, у товарища министра не могло оставаться сомнений, что Богров находился в то время в театре. По утверждению же генерала Курлова, он из разговора с Кулябкой в театре понял, что Богров не находился на спектакле, а приезжал туда для извещения Кулябки о положении дела. Однако, это объяснение не может быть признано основательным, так как трудно допустить, чтобы товарищ министра, видя, что сотрудник для докладов должен ездить в театр, не приказал немедленно Кулябке покинуть таковой для свиданий с агентом. Кроме того, в своих объяснениях с прокурором Киевской судебной палаты тотчас после покушения генерал Курлов высказал, что о пребывании Богрова в театре он впервые узнал *там же* из докладов начальника охранного отделения. В этом вопросе нельзя не признать особого значения за приводимой Кулябкой подробностью из переговоров, происходивших у него в театре с генералом Курловым, который по поводу посылки Богрова домой для проверки пребывания там «Николая Яковлевича» выразил вновь часто повторявшееся беспокойство, что означенный шаг Богрова может «провалить» его. Вместе с тем, ссылка Кулябки на то, что Богров маскировал свое возвращение домой необходимостью взять перчатки, с очевидностью доказывала генералу Курлову, что Богров занимает место в театре. Наконец, с полной несомненностью установлен факт, что Богров открыто находился в том самом партере зрительного зала, в котором были Веригин и Спиридович, из коих первый виделся с ним утром, а Спиридович настолько хорошо помнил Богрова в лицо, что узнал его даже в момент крайнего волнения, намереваясь нанести ему удар саблей. При указанных условиях представляется совершенно невероятным, чтобы Кулябко пропустил Богрова в театр с намерением скрыть это распоряжение от своих ближайших друзей и генерала Курлова, осведомленного о всех мелочах розыска по этому делу.

Оценка распоряжений должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время киевских торжеств, приводит к заключению, что вследствие допущения Мордки Богрова в сад Купеческого собрания 31 августа и на парадный спектакль в городской театр 1 сентября 1911 г. возникла чрезвычайная опасность для Вашего

Императорского Величества и Богров получил возможность выполнить свое злодеяние в отношении покойного председателя Совета министров. Описанное положение, в котором оказался Богров, создалось при участии должностных лиц, ввиду чего распоряжения их в этой области должны быть отнесены к числу нарушений, имевших весьма важные последствия.

Обращаясь затем к рассмотрению действий каждого из чинов, ведавших мерами охраны и розыска, я, прежде всего, почитаю долгом отметить, что генерал-адъютант Дедюлин, сосредоточив в своих руках всю полноту власти по осуществлению мероприятий охраны во время киевских торжеств, принял на себя и ответственность за безопасность пребывания Вашего Императорского Величества в Киеве. Кроме того, будучи ознакомлен о прибытии в Киев заговорщиков и об угрожающем положении, которое создалось для Священной особы Вашего Императорского Величества, дворцовый комендант в сфере своих прямых обязанностей не озаботился изменением маршрутов следования Вашего Императорского Величества 1 сентября на Печерский ипподром и при возвращении из городского театра во дворец, а также ограждением царской ложи в театре со стороны зрительного зала во время антрактов и тотчас после нападения Богрова на статс-секретаря Столыпина. Однако же в отношении генерала Дедюлина нельзя не принять во внимание: 1) что фактически непосредственным распорядителем в области охранных мероприятий являлось такое лицо, как товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов генерал Курлов, который, хотя и состоял в подчинении дворцовому коменданту, но в то же время был облечен всеми полномочиями для выполнения возложенной на него задачи помимо указаний коменданта; 2) что генерал-адъютант Дедюлин по своей должности обязан был неотступно находиться в свите Вашего Императорского Величества и посвящать себя всецело распоряжениям, вытекавшим из основных его функций; 3) что расследованием не установлена осведомленность генерала Дедюлина о допуске Мордки Богрова в места Высочайших посещений, и 4) что описанное выше непринятие дворцовым комендантом мер к изменению некоторых путей следования Вашего Императорского Величества в Киеве и к ограждению генерал-губернаторской ложи должно быть рассматриваемо как проявление недостаточной заботливости и распорядительности. По сим соображениями надлежит признать, что по делу не добыто данных для возбуждения вопроса о судебной ответственности генерал-адъютанта Дедюлина.

Что касается затем до товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов, шталмейстера Высочайшего Двора, генерал-лейтенанта Курлова, исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, статского советника Веригина, находящихся ныне в отставке, начальника подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и бывшего началь-

ника Киевского охранного отделения, подполковника того же корпуса Кулябко, то, независимо от обнаруженных расследованием в отношении генерала Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки нарушений дисциплинарного характера, названные четыре лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия. Эти преступления выразились в том, что:

I. Генерал Курлов, статский советник Веригин, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, в нарушение возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по департаменту полиции, допустили на происходивший 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре в Высочайшем присутствии парадный спектакль помощника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для них политически неблагонадежного, что создало непосредственную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества и для августейшей Вашей семьи, а также повлекло за собою лишение названным Богровым жизни председателя Совета министров, министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина.

II. Те же Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко, получив от упомянутого Богрова измышленные им сведения о прибытии в Киев революционной группы для совершения террористических посягательств, проявили бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность осуществить задуманное им злодеяние.

III. Кроме того, генерал Курлов, будучи своевременно осведомлен о несоответствии подполковника Кулябки занимаемой им должности начальника Киевского охранного отделения, о неудовлетворительном положении розыска в этом учреждении, а равно о недостаточности личного его состава для выполнения предстоявшей по случаю означенных торжеств работы, не только не принял мер к устранению указанных непорядков, но и возложил на подполковника Кулябку выходившие из круга его прямых обязанностей поручения по организации и заведованию народною охраною, причем не освободил начальника охранного отделения от исполнения таковых даже и после получения от Богрова сведений первостепенной важности, требовавших тщательной проверки.

IV. Подполковник Кулябко, вопреки установленному порядку и изданным по департаменту полиции распоряжениям, допустил 31 августа 1911 г. упомянутого Богрова, а также и другое лицо, заведомо для него, Кулябки, политически неблагонадежных, в сад Купеческого собрания на торжество в Высочайшем присутствии, чем создал явную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества, так как Богров, замысливший уже террористический акт и вооруженный револьвером, находился в ближайшем расстоянии от пути шествия Вашего Императорского Величества.

Описанные деяния, заключающие в себе признаки преступлений, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, вызывают необходимость в возбуждении против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки уголовного преследования по установленным в законе правилам.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше представить на благовоззрение Вашего Императорского Величества.

Вашего Императорского Величества верноподданный сенатор Максимилиан Трусевич*.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–59.
Типограф. экз. Доклад заключен в темно-зеленый кожаный переплет с золотым тиснением.
Опубл.: Степанов С.А. Загадка убийства Столыпина. М. 1995. С. 244–302.

Особый журнал Совета министров по докладу сенатора М.И. Трусевича

18 февраля 1912 г.

Высочайшими повелениями, от 7 и 17 сентября и 4 октября 1911 года, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было указать, чтобы, независимо от предварительного следствия по делу о посягательстве на жизнь статс-секретаря Столыпина, произведено было всестороннее расследование о действиях должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Вашего Величества в Киеве в 1911 году, причем поручение это Высочайшею волею возложено на сенатора Трусевича. Закончив в текущем феврале месяце все работы по означенному расследованию, сенатор Трусевич поверг на Высочайшее благовоззрение свой всеподданнейший по этому предмету доклад.

Ваше Императорское Величество, 17 сего февраля, Всемилостивейше соизволили повелеть председателю Совета министров внести сей доклад на рассмотрение названного Совета и заключение по оному Совета представить Вашему Величеству.

Рассмотрев, вследствие сего, упомянутый доклад и отдавая должное тщательности и полноте произведенного сенатором Трусевичем расследования по настоящему делу, Совет министров принял на вид, что, оценивая распоряжения должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время киевских торжеств, сенатор касается служебных действий пяти лиц: 1) дворцового коменданта Вашего Императорского Величества, генерал-адъютанта Дедюлина, 2) бывшего товарища министра внутренних дел, командира корпуса жандармов, шталмейстера Высочайшего Двора, генерал-лейтенанта Курлова, 3) исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, в зва-

* Последняя фраза написана рукой М.И. Трусевича.

нии камер-юнкера Высочайшего Двора, статского советника Веригина, 4) начальника подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и 5) бывшего начальника Киевского охранного отделения, подполковника того же корпуса Кулябки. В отношении первого из перечисленных лиц, по званию дворцового коменданта, сосредоточивавшего в своих руках всю полноту власти по вышеуказанной охране, сенатор Трусевич полагает, что, хотя добытые расследованием данные недостаточны для возбуждения вопроса о судебной ответственности генерал-адъютанта Дедюлина, тем не менее, в действиях его по сему делу нельзя не усмотреть проявления недостаточной заботливости и распорядительности, выразившихся в непринятии всех нужных мер к изменению некоторых путей следования Вашего Императорского Величества в Киеве и к ограждению генерал-губернаторской ложи во время спектакля в Киевском городском театре 1 сентября 1911 года. Что же касается остальных четырех лиц, то в отношении их сенатор Трусевич приходит к заключению, что, независимо от нарушений дисциплинарного характера, обнаруженных в действиях генерала Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки [и статского советника Веригина] вышеназванные четыре лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия. Эти преступления выразились в том, что:

I. Генерал Курлов, статский советник Веригин, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, в нарушение возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по департаменту полиции, допустили на происходивший, 1 сентября 1911 года, в Киевском городском театре, в Высочайшем присутствии парадный спектакль помощника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для них политически неблагонадежного, что создало непосредственную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества и для августейшей Вашей семьи, а также повлекло за собою лишение названным Богровым жизни председателя Совета министров, министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина.

II. Те же Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко, получив от упомянутого Богрова измышленные им сведения о прибытии в Киев революционной группы для совершения террористических посягательств, проявили бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность осуществить задуманное им злодеяние.

III. Кроме того, генерал Курлов, будучи своевременно осведомлен о несоответствии подполковника Кулябки занимаемой им должности начальника Киевского охранного отделения, о неудовлетворительном положении розыска в этом учреждении, а равно о недостаточности личного его состава для выполнения предстоящей по случаю означенных торжеств работы, не только не принял мер к устранению указанных

непорядков, но и возложил на подполковника Кулябку выходившие из круга его прямых обязанностей поручения по организации и заведованию народною охраною, причем не освободил начальника охранного отделения от исполнения таковых даже и после получения от Богрова сведений первостепенной важности, требовавших тщательной проверки.

IV. Подполковник Кулябко, вопреки установленному порядку и изданным по департаменту полиции распоряжениям, допустил 31 августа 1911 года упомянутого Богрова, а также и другое лицо, заведомо для него, Кулябки, политически неблагонадежных, в сад Купеческого собрания на торжество в Высочайшем присутствии, чем создал явную опасность для Священной особы Вашего Императорского Величества, так как Богров, замысливший уже террористический акт и вооруженный револьвером, находился в ближайшем расстоянии от пути шествия Вашего Императорского Величества.

Означенные деяния, заключающие в себе все признаки преступлений, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, вызывают, по мнению сенатора Трусевича, необходимость возбуждения против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки уголовного преследования по установленным в законе правилам.

Сопоставляя приведенные заключения сенатора Трусевича с изложенными в его всеподданнейшем докладе обстоятельствами настоящего дела, Совет министров находит со своей стороны, что заключения эти представляются вполне правильными как в отношении юридической квалификации приписываемых вышеупомянутым лицам деяний, так и в смысле достаточности оснований к возбуждению против Курлова, Веригина, Спиридовича и Кулябки уголовного преследования. Вместе с тем, Совет полагает, что и по чрезвычайно серьезному общественно-политическому значению обсуждаемого дела, обратившего на себя самое пристальное внимание всего мыслящего русского общества, весьма важно было бы подвергнуть его рассмотрению в судебном порядке, дабы пролить полный свет на все стороны этого печального дела и установить истинную меру виновности уличаемых по оному в служебных правонарушениях должностных лиц. Совет не может не отметить, что лишь судебное расследование и приговор компетентного суда способны будут дать удовлетворение возмущенной общественной совести и оградить правительство от неосновательных нареканий в стремлении замять и потушить настоящее дело, поскольку оно касается ответственности должностных лиц. Наконец, Совет обязывается столь же откровенно доложить Вашему Императорскому Величеству, что ни сенатор Трусевич, производивший предварительное расследование, ни тем менее Совет министров не могут считать себя призванными произвести окончательное относительно виновных в сем деле должностных лиц суждение; суждение это принадлежит только судебной власти. На ее решение, по убеждению Совета министров, и должно быть направлено, по установленным в законе правилам, дело

по возбуждению уголовного преследования против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки, подлежащее, в случае удостоения оного Высочайшего уважения, обращению в первый департамент Государственного совета (Учр. Гос. сов., изд. 1906 г., ст. 68, п. 4 и ст. 87 и 88).

Согласно с сим, одобряя изложенные во всеподданнейшем докладе сенатора Трусевича заключения, Совета министров полагает:

I. Делу о возбуждении уголовного преследования против генерала Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки дать законный ход в порядке, определенном в пункте 4 статьи 68 и в статьях 87 и 88 Учреждения Государственного совета, издания 1906 года.

II. Вопрос о действиях по настоящему делу генерал-адъютанта Дедюлина представить на Всемилостивейшее благоусмотрение Вашего Величества.

Об изложенном Совет приемлет долг всеподданнейше повергнуть на Высочайшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан г[осподами] председателем и членами Совета министров и скреплен управляющим делами Совета.

С подлинным верно: помощник управляющего делами Совета министров И. Лодыженский[189].

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою начертано: «Согласен», в Царском Селе, 24 февраля 1912 года.

Скрепил: Председатель Совета министров статс-секретарь В. Коковцов.

Верно: Управляющий делами Совета министров Плеве[190].

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 23. Л. 17–22. Заверенная копия.

Журнал № 5 первого департамента Государственного совета с решением по докладу сенатора М.И. Трусевича

20 марта 1912 г.

Внесенное по Высочайшему повелению дело, по всеподданнейшему докладу сенатора Трусевича, содержавшему обвинения бывших товарища министра внутренних дел, генерал-лейтенанта Курлова, чиновника особых поручений при сем министерстве, исполнявшего обязанности вице-директора департамента полиции, статского советника Веригина и начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябки, а также полковника отдельн[ого] корп[уса] жандармов Спиридовича, в преступных по службе деяниях, при исполнении возложенных на них обязанностей осуществления мер охраны, во время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве в 1911 году.

Первый департамент Государственного совета, выслушав воспоследовавшее по сему делу в 24 день февраля месяца 1912 года Высочайшее

ювеление, а также всеподданнейший доклад сенатора Трусевича по расследованию действий должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве в 1911 году, и сообразив обстоятельства дела с предъявленными обвинениями к бывшему товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову и прочим должностным лицам, принял во внимание, что, по силе статей 88 и 89 Учреждения Государственного совета (Свод. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), по удостоенным Высочайшего уважения донесениям и жалобам, содержавшим обвинения в преступных деяниях, указанных в пункте 4 статьи 68 сего Учреждения, высших членов, департамент сообщает привлекаемым к ответственности лицам как о предметах обвинения, так и об имеющихся доказательствах и требует от них объяснений.

Посему, признавая, по силе приведенного закона, необходимым, для заключения о дальнейшем направлении настоящего дела, иметь объяснения привлекаемых к ответственности лиц, по всем предметам обвинений, содержащимся во всеподданнейшем докладе сенатора Трусевича, как в превышении и бездействии власти, имевших весьма важные последствия, так и по обстоятельствам о расходовании денежных средств, отпускавшихся на охрану во время путешествий Его Императорского Величества, первый департамент в сем последнем отношении нашел, что произведенным расследованием, между прочим, обнаружено, что генерал-лейтенант Курлов брал из ассигнованных на вышеуказанную надобность средств значительную часть на руки, без всякой, по-видимому, надобности, ибо, получив в период с 10 июня по 4 сентября 1911 года 126 000 руб., он по 26 июля того же года израсходовал на экстренные надобности охраны всего 454 руб. 20 коп. Вместе с тем, из дела усматривается, что за время с 11 июня по 26 июля 1911 года, в различных кредитных установлениях было произведено платежей по его долгам на сумму свыше 16 000 руб., каковые обстоятельства требуют дальнейшего расследования по признакам проступков должностных лиц, при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества (раздел X, глава III, Улож. о наказ.). Кроме того, из всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича видно, что статский советник Веригин, также снабжавшийся значительными суммами на время Высочайших путешествий, по поездке в 1910 году в Германию не представил к отчету оправдательных документов на сумму в 54 347 руб., а 1200 руб. израсходовал без указания назначения.

Ввиду сего, первый департамент Государственного совета положил: сообщив генерал-лейтенанту Курлову, статскому советнику Веригину, подполковнику Кулябке и полковнику Спиридовичу извлечение из всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича по расследованию действий должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве в 1911 году, потребовать от названных лиц объяснения по всем содержащимся в означенном докладе предметам обвинений, назначив для представления объяснений двухнедельный срок.

Подлинный подписан председателем и членами департамента и скреплен статс-секретарем Государственного совета Д. Коптевым.

С присланным из первого департамента Государственного совета печатным экземпляром журнала верно.

Директор канцелярии министра в[нутренних] дел Зубовский[191].

ГА РФ, Ф. 271. Оп. 1. Д. 23. Л. 23–23об. Типограф. экз.

Записка дворцового коменданта В.А. Дедюлина

*Позднее 20 марта 1912 г.**

Всеподданнейший доклад сенатора Трусевича, составляющий результат пятимесячного расследования, является по своим заключениям и выводам почти аналогичным с содержанием большинства газетных статей, появившихся в первых числах сентября 1911 года. Такого рода результат должен быть всецело приписан двум главнейшим основаниям, а именно: 1) предвзятой мысли построить обвинение против дворцового коменданта, генерал-лейтенанта Курлова, отставного статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко, т.е. недостаток объективности, и 2) смешение понятий «политического розыска» и «наружной (хотя бы и секретной) охраны», что может вызывать только удивление, так как сенатор Трусевич, как юрист по образованию и как бывший директор департамента полиции, казалось бы, должен был совершенно точно разграничить круг деятельности розыскных органов от наружной охраны.

Ввиду такого смешения основных положений, почти весь доклад составлен общими фразами, причем в основу его положено то принципиальное положение, будто бы дворцовый комендант был «юридически и фактически главным распорядителем всеми без исключения мерами охраны» (стр. 7) и что «в сфере мер охраны генерал-губернаторская власть, распространяющаяся на всю территорию подведомственного ему края и на все дела, без изъятия розыскных, перешла в руки дворцового коменданта» (стр. 5)**.

Не говоря уже о том, что дворцовый комендант, в силу закона, подчинен министру Императорского Двора и, таким образом, все обвинения, направленные на дворцового коменданта, могли бы быть одинаково направлены и на министра Двора, рассмотрение подлежащих законоположений абсолютно противоречит подобному толкованию. По общим законам Российской империи все функции полицейской власти, как по охранению общественного безопасности, в смысле розыска, так и по наружной полиции, в смысле поддержания порядка и предупреж-

---

* Датируется по времени рассмотрения доклада М.И. Трусевича в первом департаменте Государственного совета.

** Указания, взятые будто бы из переписки статс-секретаря Столыпина с генерал-адъютантом Треповым. (*Прим. док.*)

дения и пресечения деятельности преступных элементов, входят всецело в круг ведения министра внутренних дел. Сепаратный закон (который не может ни в коем случае иметь распространительного толкования), а именно, Высочайше утвержденное 25 апреля 1906 года Положение о дворцовом коменданте не только совершенно точно определяет круг его ведения, но и в статьях 7, 9 и 10 совершенно ясно указывает, что он, по уполномочию министра Императорского Двора, для достижения наилучшей охраны Священной особы Государя Императора, может лишь требовать содействия всех ведомств и учреждений Империи, которыми он и руководит, давая необходимые для наружной охраны указания, но нигде не указано, чтобы дворцовый комендант мог делаться начальником посторонних ему учреждений или распоряжаться по специальным вопросам деятельности означенных ведомств и учреждений. Дворцовому коменданту, таким образом, самим законом не предоставлено никаких прав ни обязанностей по полицейской части, которая всецело принадлежит министру внутренних дел. Но при этом лежащая на его обязанности наружная охрана, очевидно, не может быть осуществляема на практике, если он не будет получать своевременно, как все сведения, так и полное содействие от всех учреждений и должностных лиц, в руках коих сосредоточены как розыскные функции, так и полнота наружной полицейской власти. На практике за последние годы постоянно встречается совершенно категорическое подтверждение этого принципа, и ссылка сенатора Трусевича на Высочайшие повеления от 22 мая 1909 г., 19 мая 1910 г. и 21 мая 1911 г. только подкрепляет это положение, так как означенными Высочайшими повелениями, несмотря на нахождение дворцового коменданта налицо, при Высочайших посещениях Полтавы, Риги, Киева и Крыма, объединение высшего руководства охраной, по докладам министра внутренних дел, было возложено на товарища министра внутренних дел, командира отдельного корпуса жандармов, шталмейстера, генерал-лейтенанта Курлова, с подчинением ему на это время всех без исключения должностных лиц, находящихся на местах и командированных для поддержания порядка, но с соблюдением ст. 9-й Высочайше утвержденного, 25 апреля 1906 года, Положения о дворцовом коменданте.

Таким образом, руководство всеми мерами охраны было сосредоточено в руках генерал-лейтенанта Курлова, который как лицо, командированное на основании ст. 9-й во временное распоряжение дворцового коменданта, мог, пользуясь статьями 1 и 7-й того же Положения, требовать и сведений и содействие всех ведомств и учреждений Империи. Поэтому для дворцового коменданта означенными Высочайшими повелениями вовсе не «было создано особое положение» и никаких «временных чрезвычайных полномочий» (стр. 7) он не получал. С другой стороны, ограничительное толкование сенатора Трусевича (стр. 6), что на дворцового коменданта возложена лишь охрана Священной особы Государя Императора во время пребывания в «резиденции» или в императорском поезде не может быть признано правильным – доказа-

тельством чему служат те же статьи Положения, которые и указывают совершенно ясно, что в «резиденции» и «в пути» дворцовой комендант фактически и непосредственно осуществляет все меры охраны при помощи подведомственных ему частей, во всех же других местах пользуется содействием всех ведомств и учреждений Империи.

Из этого разъяснения и вытекают те кажущиеся противоречия, которые имеются на страницах 4, 5, 10 и 11 всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича, и в которых он указывает, что «из ведения дворцового коменданта были изъяты дела политического розыска», что «в Риге в совещании под председательством генерал-адъютанта Дедюлина было доложено о всех мерах охраны без исключения сферы розыска», что генерал Курлов и полковник Спиридович осведомляли дворцового коменданта о ходе подготовительных работ по охране со включением в доклады и вопросов о положении в Киеве и Севастополе революционных кружков, о работе местных охранных отделений, о предупредительных ликвидациях и т.п.» и «что полковник Спиридович летом 1911 года с генералом Курловым, Веригиным и другими лицами выезжал в Киев, Севастополь и Ялту для ознакомления с революционным движением и работою охранных отделений, а также для оргаиизации секретной охраны». Не только дела политического розыска, но и вообще никакая часть работы общеимперских полицейских органов всех видов не входила, да и не может входить, в круг ведения дворцового коменданта, но для принятия соответствующих мер наружной охраны дворцовый комендант, очевидно, должен быть осведомляем о положении дел в данной местности, что и побуждало статс-секретаря Столыпина, кроме вышеизложенных соображений юридического характера, установить непосредственную связь между дворцовым комендантом и лицом, коему вверено главное руководство всеми мерами охраны.

Такой взгляд на дело всегда и систематически проводился дворцовым комендантом, чему может служить доказательством тот факт, что при всех вышеупомянутых поездках чины охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту (которые в местах постоянного Высочайшего пребывания обслуживают выезды вне дворцовой территории и несут службы согласно инструкциям и указаниям дворцового коменданта) передавались, вместе с их начальником, полковником Спиридовичем, в полное распоряжение главного распорядителя охраной на месте, и дворцовый комендант уже не вмешивался в распоряжения последнего, как то и удостоверяет сенатор Трусевич, указывая, что «дворцовый комендант своих полномочий не проявлял в реальной форме» (стр. 7) и что сообщенные министром Императорского Двора генерал-адъютанту Дедюлину представленные генералом Курловым записка о мерах охраны в Киеве, Севастополе и Ялте и инструкция разным органам охраны «не вызвали обмена мнений» (стр. 15).

Насколько дворцовый комендант не считал себя вправе вмешиваться в распоряжения полицейских властей, несущих ответственность за вы-

полнение своих обязанностей, видно из того обстоятельства, что даже в 1910 году, во время Высочайшего путешествия во Фридберг и Вольфсгартен, вследствие желания, выраженного гессенским министром внутренних дел, были переданы в полное распоряжение полицейского советника Кремера, коему великим герцогом была вверена охрана Государя Императора, не только 10 человек стражников охранной агентуры, но и чины дворцовой полиции, назначенные для наблюдения за пропуском во дворцы.

Дабы еще точнее указать, что во время Высочайших путешествий вся охрана была всецело подчинена действительно назначаемому по Высочайшему повелению лицу, следует напомнить тот факт, что каждый раз в его распоряжение передавался (как выше сказано) заведующий охранной агентурою, полковник Спиридович, который уже им, генералом Курловым, назначался начальником сборного отряда охраны, составленного из чинов наружной полиции, корпуса жандармов, агентов охранных отделений и стражников охранной агентуры, причем инструкции о порядке службы отряда получал от него же.

Ссылка сенатора Трусевича о поездке летом 1911 г. для ознакомления с революционным движение и т.д. (стр. 11), выписанная выше, не совсем полна, ибо в комиссию, под председательством генерала Курлова, кроме полковника Спиридовича, были командированы, для обсуждения и подготовления мер охраны, командир собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка, свиты Его Величества генерал-майор Комаров, и. о. помощника начальника дворцовой полиции, подполковник Шепель и представитель собственного Его Императорского Величества конвоя, подъесаул Шапринский, которые, очевидно, не могли иметь никакого отношения к деятельности охранных отделений.

Относительно фактической стороны принятых мероприятий для благополучного следования Государя Императора при поездках по г. Киеву и окрестностям, так же как и постановка охраны в театре и при отъезде из оного (стр. 40, 46, 49 и 52) в докладе сенатора Трусевича есть значительные неполности, так как не указано вовсе, что, по получении тревожных сведений от генерала Курлова, дворцовый комендант, по всем этим вопросам совещался с генерал-губернатором и обо всем своевременно докладывал министру Императорского Двора При этом сенатор Трусевич, излагая на стр. 46 содержание письма генерал-лейтенанта Курлова от 1 сентября за № 482, как бы указывает на подробное упоминание о Мордке Богрове и его докладах, чего в действительности в письме не заключалось. Подобные выводы, совершенно необоснованные, встречаются и в других частях доклада, так, например, на стр. 20 сенатор Трусевич, указывая, что бланковые пропускные билеты хранились при нежелательных условиях, пишет, [что,] «например, начальник дворцовой полиции, полковник Герарди носил пропуски в кармане кителя и даже забыл о них, так что они могли быть утеряны или похищены». – Билеты за №№ 51 по 57 были по-

ложены полковником Герарди в карман кителя, в котором он все время нес службу, ибо таковые могли во всякую минуту потребоваться для пропуска служащих ведомства Высочайшего Двора в разные места и действительно четыре билета им были в разное время выданы служащим военно-походной канцелярии, а три билета были им уничтожены, когда он прибыл в императорский поезд, за ненадобностью – таким образом, вся вторая часть этого заключения ни на чем не основана.

Что касается оценки сенатором Трусевичем (стр. 56 и 57) деятельности дворцового коменданта, который «в сфере своих обязанностей не озаботился принятием всех необходимых мер», то таковая оценка является не только совершенно субъективною, но и противоречащею истине, ибо, как вполне может быть установлено сделанными, с ведома министра Императорского Двора, распоряжениями, о которых весьма подробно сообщено в письме дворцового коменданта сенатору Трусевичу, 1) изменение полностью пути проезда Государя Императора на Печерский плац не могло быть сделано, почему, для отвлечения внимания публики, свита Его Величества была направлена заранее по другим улицам, 2) порядок проезда в театр был изменен, а отъезд из театра состоялся в тот момент, когда дворцовый комендант делал распоряжения об освобождении от публики Владимирской и Михайловской улиц для следования по оным и 3) все меры охраны в театре были приняты и все должностные лица, как до момента злодеяния Богрова, так и по совершении оного, были на своих местах, доказательством чему служит то обстоятельство, что схватили преступника: дворянин Прибыльский, начальник дворцовой полиции, полковник Герарди, камер-юнкер Рощаковский[192] и полковник Спиридович, причем после передачи его подлежащим властям полковник Герарди и Спиридович заняли тотчас же свои места.

Генерал-адъютант Дедюлин.

ГА РФ. Ф. 97. Оп. 3. Д. 219. Л. 19–22. Подлинник.

Объяснение М.Н. Веригина в Первый департамент Государственного совета

12 апреля 1912 г.

Во исполнение постановления I департамента Государственного совета, изложенного в журнале от 20 марта сего года, имею честь представить следующие объяснения:

По поводу указаний, сделанных сенатором Трусевичем на израсходование мною без оправдательных документов 54 347 рублей на поездку в 1910 году в Германию, а равно на издержание 1200 рублей без указания назначения, считаю долгом пояснить, что отчет в израсходовании указанных сумм с приложением оправдательных документов

своевременно мною был представлен через занимавшего в то время пост директора департамента полиции, ныне сенатора тайного советника Зуева для дальнейшего направления. По утверждении означенного отчета, приложенные к нему оправдательные документы и сам отчет, как оглашению не подлежащий, хранились в секретарской части, где должны находиться и до сего времени.

Что касается затронутого во всеподданнейшем докладе по настоящему делу вопроса о моем служебном движении, то имею честь объяснить нижеследующее: в бытность ныне сенатора Трусевича директором департамента полиции я был назначен чиновником особых поручений VI класса сверх штата при министре внутренних дел (приказ по гражданскому ведомству 9 июля 1906 года за № 53), после чего мне было поручено исполнение обязанностей секретаря при директоре означенного департамента; 6 января того же года, по ходатайству директора сего департамента я, в чине титулярного советника, был пожалован званием камер-юнкера Высочайшего Двора, а в следующем 1907 году, 6 декабря, был награжден вне правил орденом Св. Станислава 2 степени; в 1908 год, в момент получения грамоты на пожалованный орден Св. Станислава, я состоял уже в чине коллежского советника. Независимо сего, при представлении в 1906 году годового отчета министру внутренних дел о деятельности департамента полиции, директор последнего указывал в нем, что за обновлением личного состава секретарской части она стала нервом департамента. Считаю возможным указать также на то, что действительно полученная мною прибавка в размере 1200 рублей в год относится ко времени, предшествующему оставлению должности директором департамента полиции ныне сенатором Трусевичем.

При моих служебных командировках совместно с генералом Курловым содержание моих обязанностей определялось исполнением поручений, которые возлагались на меня в каждом отдельном случае генералом Курловым. Присутствуя на совещании с местными представителями власти, я обязан был выяснять данные для составления отчета о командировке, каковой отчет в дальнейшем подлежал представлению министру внутренних дел, о чем и указано во всеподданнейшем отчете сенатора Трусевича. Чтобы привести конкретный пример моей деятельности, я остановлюсь на моей командировке в августе 1911 года в г. Чернигов. В отношении указанной командировки сенатор Трусевич во всеподданнейшем докладе пишет: «Ездил в Чернигов для ознакомления с положением революционных сообществ и постановкой там политического розыска и отдавал от своего имени распоряжения». По сему поводу считаю нужным объяснить, что никаких распоряжений, помимо генерала Курлова, я не отдавал, а, собрав материал, представил его по назначению. Получив засим приказание товарища министра, я изложил полученные мною распоряжения в письме на имя подполковника Долгова[193]; доклад же о состоянии революционных сообществ был непосредственно сделан генералу Курлову

в бытность его в Чернигове начальником местного губернского жандармского управления. Что же касается обсуждения обязательных постановлений, издававшихся на время Высочайшего пребывания, то я, получая отдельные каждый раз приказания генерала Курлова, действительно принимал участие в редактировании их, пользуясь как имеющимся у меня в руках материалом, так и непосредственными указаниями товарища министра.

Таким образом, содержание моих служебных обязанностей едва ли давало основание кому-либо видеть во мне исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции. Равно и во время моего пребывания в г. Киеве я ни от кого из представителей местных властей докладов не принимал и распоряжений от своего имени никому не отдавал. Исполняя отдельные поручения генерала Курлова, я, будучи командирован им на места, всегда указывал, что действую от его имени. Так, 30 августа 1911 года в день крестного хода я распоряжался нарядом полиции на Думской площади, а в день посещения Его Императорским Величеством кадетского корпуса нес подобные же обязанности по поручению генерала Курлова. Во время нахождения в заграничных командировках при Высочайших поездках, на моей обязанности лежало обсуждение принимаемых заграничными властями мер охраны, а также и участие в переговорах о командировании необходимого количества русских агентов, поступавших затем в полное распоряжение означенных властей. Так, во время моей командировки в Великое герцогство Дармштадтское, там же находился заведующий заграничной агентурой, который, естественно, знакомил меня с имеющими значение, относящимися до пребывания Государя Императора, сведениями. В указанных пределах я был посвящаем департаментом полиции в курс событий для доклада таковых дворцовому коменданту и передачи их соответственным представителям местной власти.

В отношении моей последней командировки в г. Киев в августе 1911 года, я считаю долгом объяснить нижеследующее:

Генерал Курлов, в распоряжении которого я находился, удостоверил при расследовании сенатора Трусевича, что круг моих обязанностей при этой поездке заранее точно определен не был и на меня возлагалось лишь исполнение отдельных поручений моего начальства и что на совещаниях по вопросам охраны и розыска мои служебные обязанности ограничивались лишь наведением и сообщением необходимых справок. Вообще к розыску я во время моих командировок касательства не имел и поэтому никаких распоряжений от своего имени я в области политического розыска не отдавал. В указанных пределах я понимал свои служебные обязанности и при моей последней командировке в Киев. Полагаю, что справедливость моего взгляда на существо и пределы моих служебных обязанностей может получить свое подтверждение, сверх прямого свидетельства генерала Курлова, и в самых фактических данных, вытекающих из моих отношений к представителям розыскной власти в Киеве. Первая моя встреча с Бог-

ровым произошла при обстоятельствах, не оставляющих, по моему мнению, сомнений в том, что подполковник Кулябко пригласил меня присутствовать при его разговоре с Богровым только как своего знакомого, а отнюдь не в качестве должностного лица, действовавшего по долгу своих служебных обязанностей. Самое приглашение меня не для определенного делового свидания, а просто «на обед», дает право утверждать, что подполковник Кулябко, показывая мне «интересного субъекта» – Богрова, не ожидал от меня каких-либо указаний и самое *большее – желал дать мне материал для доклада моему начальнику.* Совершенно невозможно предположить, чтобы подполковник Кулябко, зная уже со слов Богрова о сущности его сообщения, не счел бы необходимым предварительно ознакомить меня с известными ему данными о докладе Богрова, если только он видел во мне должностное лицо, уполномоченное ведать розыском. Важность сообщения Богрова несомненна, и если бы подполковник Кулябко действительно ожидал с моей стороны каких-либо распоряжений, то дал бы мне возможность еще до разговора с Богровым ознакомиться со всеми находившимся в его распоряжении данными. Только в этом случае можно было бы ожидать, что я буду в состоянии правильно оценить сообщение Богрова и, зная личность рассказчика, получу руководящую нить для вопросов, контролирующих правдивость его повествования. Насколько вообще подполковник Кулябко был далек от мысли видеть во мне в данное случае начальствующее лицо, достаточно, по моему мнению, явствует из того, что он даже не счел нужным назвать мне фамилию сотрудника. Нельзя было предположить, чтобы я счел себя вправе, не получив определенного поручения, в то время, когда мое непосредственное начальство было в том же городе, самостоятельно принимать какие-либо меры, хотя бы контролирующего характера, так как мне было хорошо известно, что генерал Курлов непосредственно заведовал охраной и розыском не только в течение киевских торжеств, но и на месте постоянного жительства; поэтому мое служебное назначение и в данном случае должно было сводиться исключительно к исполнению отдельных поручений, а отнюдь не к какому бы то ни было вмешательству в мероприятия местных властей в деле розыска. Не говоря уже о самостоятельном принятии каких-либо мер практического характера, я не считал себя вправе даже докладывать генералу Курлову о том, что мне пришлось слышать от Богрова. Такой доклад, по-моему, был бы неправильным вторжением в область, совершенно не относящуюся к моим служебным обязанностям при моей командировке. В имевшем место между мною и Спиридовичем после обеда у подполковника Кулябко разговоре мы условились не докладывать генералу Курлову о сообщении Богрова, предоставив этот доклад самому подполковнику Кулябко, ибо все обязанности по розыску, как нам было хорошо известно, лежали исключительно на последнем, как на начальнике Киевского охранного отделения.

Именно так я смотрел на свою роль при моей встрече с Богровым. Высказанная мною мысль, как мне известно, находит подтверждение и в дальнейших отношениях моих с подполковником Кулябкой. На другой день, несмотря на то, что я и Спиридович присутствовали накануне при сообщении Богрова и, следовательно, если бы только свидание с Богровым входило в наши служебные обязанности, должны были доложить об этом своему начальству, подполковник Кулябко счел необходимым явиться к генералу Курлову с личным докладом. По приказанию последнего мне и Спиридовичу было предложено присутствовать при докладе подполковника Кулябки. Останавливаясь на вопросе, какими именно целями мог руководствоваться при этом генерал Курлов, полагаю, что я был приглашен только на тот случай, если бы доклад Кулябки вызвал необходимость принятия немедленно каких-либо мер по письменной части. В докладе сенатора Трусевича встречается указание, что подполковник Кулябко после доклада фактических данных, касающихся рассказа Богрова, сообщил генералу Курлову и о бывшем засим при участии моем и Спиридовича разговоре. По этому поводу считаю необходимым отметить, что при посещении Богровым подполковника Кулябки в моем присутствии никакого разговора о выдаче ему билетов не возникало, равно как и подполковником Кулябко генералу Курлову при мне об этом не докладывалось. Разговор, возникший между нами после ухода Богрова, отнюдь не имел характера разработки какого-либо проекта непосредственных мероприятий, так как инициатива принятия каких-либо мер практического характера могла и должна была исходить только от генерала Курлова, а был просто обменом мнений по поводу происшедшего. Признавая себя совершенно неуполномоченным на принятие каких-либо решений вообще, что было известно без сомнений и подполковнику Кулябке, так как даже самые незначительные распоряжения исходили непосредственно от генерала Курлова, я, как было выше указано, считал себя не вправе даже сообщить о происшедшем генералу Курлову помимо доклада подполковника Кулябки.

После доклада Кулябки я вновь увидел Богрова лишь 1 сентября утром и до того времени ничего, касающегося сообщения последнего, мне слышать не пришлось. В разговоре Богрова с подполковником Кулябкой утром указанного числа, в моем присутствии, вопроса о предоставлении Богрову билета на парадный спектакль точно также совершенно не поднималось и я, очевидно, не мог давать своего согласия на выдачу последнему указанного билета.

В предыдущем изложении моем указано, что вообще я не считал себя вправе по собственному почину принимать на себя обязанности розыска, так как все распоряжения в этой области, как сказано выше, исходили непосредственно от генерала Курлова. Но если бы стать и на противоположную точку зрения и отнести проверку заявления Богрова к моим служебным обязанностям, то, по обстоятельствам дела, я не имел в своем распоряжении необходимых для такой проверки средств.

В докладе сенатора Трусевича указывается, между прочим, что не было использовано в целях наблюдения за Богровым то обстоятельство, что прислугу Богрова посещал в качестве знакомого писец охранного отделения. У меня нет данных для того, чтобы определенно ответить на вопрос, известно ли было в то время указанное обстоятельство подполковнику Кулябке или нет, но как бы этот вопрос ни решался, лично ко мне упрек сенатора отнесен быть не может, так как местные условия сыска, а тем более личные отношения писцов охранного отделения к посторонним лицам мне, во всяком случае, известны быть не могли. К тому же по приказанию генерала Курлова меры проверки сообщения Богрова были приняты, и некоторые из них указаны в докладе сенатора. Так, для наблюдения за террористами в Кременчуге в этот город был отправлен ротмистр Муев. Для наблюдения за домом Богрова были командированы агенты под начальством старшего филера Демидюка и т.д. Указанные меры может быть и не исчерпывали всех, возможных по условиям места и времени, но лично я не считал себе вправе и не имел возможности в этой совершенно специальной области, в присутствии моего непосредственного начальника, вмешиваться в действия подполковника Кулябки, на котором лежала и вообще и, в частности, в данном случае обязанность принятия мер розыскного характера. Ложность сообщений Богрова в настоящее время уже после события 1 сентября, конечно, является очевидной. Но во время, предшествовавшее покушению, когда многие данные, установленные впоследствии, отсутствовали, положение представлялось совершенно иным, и в общих чертах рассказ Богрова представлялся мне правдивым. Уверенности моей в правдивости Богрова в значительной степени способствовало то обстоятельство, что подполковник Кулябко, знавший Богрова, отзывался о нем на основании имевшихся у него сведений, как о человеке, заслуживающем полного доверия. Оценка же доставляемых сведений должна принадлежать только непосредственно начальникам охранных отделений, имеющим все средства их проверки, и не может быть предоставлена лицам, не знакомым ни с практической постановкой сыскного дела, ни с местными условиями работы.

Возвращаясь к изложению событий 1 сентября, я остановлюсь на докладе подполковника Кулябко. Как уже было указано, я присутствовал при докладе на случай могущих быть поручений. Действительно, генерал Курлов поручил мне отправиться к министру народного просвещения Кассо и, предупредив его об угрожающей ему опасности, передать просьбу генерала Курлова в этот день никуда не выходить, а в случае выезда пользоваться приготовленным для него мотором. Это было одним из тех отдельных поручений, исполнение которых составляло содержание моих служебных обязанностей во время командировки в Киев.

Подъехав вечером 1 сентября к театру, я увидел подполковника Кулябку. Он сообщил мне, что только что виделся с Богровым, которо-

го послал домой, чтобы узнать, находится ли у него на квартире приехавший к нему «Николай Яковлевич». Такое сообщение не могло не вызвать во мне уверенности, что в театре Богров не присутствует, ибо это было перед началом представления. Следующий момент, могущий иметь значение в настоящем деле, был мой выход из театра в кондитерскую Франсуа, куда по приказанию генерала Курлова был вызван инспектор почт и телеграфов Довяковский. Целью этого свидания было передать приказание генерала Курлова об установлении наблюдения за возможными телефонными сношениями с квартирой Богрова. Тотчас же после выстрелов Богрова, последовавших во втором антракте, мне было приказано выйти из театра и передать распоряжение товарища министра не выпускать и не впускать никого из театра и в театр. Изложенная фактическая сторона дела свидетельствует, по моему мнению, что во все время командировки я строго исполнял лишь отдельные поручения, даваемые мне моим начальником, руководствуясь его указаниями. В область же розыска я не входил, предоставляя ее тем лицам, которым она была всецело поручена. Думаю, что, поступая так и исполняя долг чиновника, обязанного ведать ему порученное и не вмешивающегося в чужие для него области, я не мог совершить преступления бездействия или превышения власти.

Статский советник в отставке Веригин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 23. Л. 40–43. Типограф. экз.

Рапорт А.И. Спиридовича в Первый департамент Государственного совета

13 апреля 1912 г.

Исследовав обстоятельства, при наличности коих могло совершиться и совершилось в г. Киеве 1 сентября 1911 года покушение на жизнь покойного статс-секретаря Столыпина, сенатор Трусевич находит меня виновным в том, что я и еще три должностных лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия, каковые преступления в части, касающейся меня, выразились, по формулировке сенатора, в том, что:

1. «Генерал Курлов, статский советник Веригин, полковник Спиридович и подполковник Кулябко, в нарушение возложенных на них обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по департаменту полиции, допустили на происходивший 1 сентября 1911 года в Киевском городском театре в Высочайшем присутствии парадный спектакль помощника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для них политически неблагонадежного, что создало непосредственную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и для августейшей его семьи, а также повлекло

за собою лишение названным Богровым жизни председателя Совета министров, министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина».

II. «Те же генерал Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко, получив от упомянутого Богрова измышленные им сведения о прибытии в г. Киев революционной группы для совершения террористических посягательств, проявили бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность осуществить задуманное им злодеяние».

Таковое тяжкое возводимое на меня обвинение являлось бы справедливым:

1) если бы я, по лежащим на мне в г. Киеве обязанностям, заведовал розыском, или

2) если бы я действительно способствовал допущению Богрова в театр, или бы знал о том, что он в таковой допущен.

Каждое из этих положений я категорически отрицаю и в доказательство моей невиновности привожу нижеследующее:

Летом 1911 года я был командирован в распоряжение генерал-лейтенанта Курлова для разработки мероприятий по охране в местах, в кои предполагался Высочайший приезд. В г. Киеве же с 15 августа я вступил в командование отрядом секретной охраны, имевшим назначение обеспечение безопасного следования Их Величеств и их августейших детей по г. Киеву и его окрестностям, каковой отряд являл собою вид чисто физической, наружной охраны, но лишь одетой (в городе) в штатское платье, которое давало чинам охраны возможность, находясь на линии проезда, охранять таковую, не бросаясь в глаза публике.

Обязанность эта была возложена на меня согласно состоявшемуся еще весною по сему поводу соглашению генерал-лейтенанта Курлова с дворцовым комендантом и при исполнении ее я должен был руководствоваться «инструкцией» чинам секретной охраны при проследовании Их Императорских Величеств по г. Киеве и его окрестностям, которая была утверждена к исполнению генералом Курловым и подлинник которой должен находиться в делопроизводстве сенатора Трусевича. Означенная инструкция, определяя организацию и назначение секретной охраны и излагая обязанности всех ее чинов, ни одним из параграфов не возлагала на меня, как на начальника секретной охраны, каких-либо розыскных функций.

И за все время летней 1911 года командировки, а также и в г. Киеве, на меня никто не возлагал обязанностей руководить или заведовать розыском или даже проверять розыскную работу тех учреждений, на обязанности коих это лежало по городам Киеву, Севастополю, Ялте, Чернигову и Овручу, что и было засвидетельствовано сенатору Трусевичу как дворцовым комендантом, так и генерал-лейтенантом Курловым, не говоря уже про мои по сему вопросу показания.

Так, дворцовый комендант в своем письме, посланном сенатору Трусевичу в октябре месяце 1911 года, за № 121, показывает:

«Согласно письмам генерал-лейтенанта Курлова от 2 и 11 июля, за № 257 и 281, в распоряжение его были командированы полковник Спиридович с двумя помощниками, полицейскими надзирателями и стражниками подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры; полковнику Спиридовичу было генерал-лейтенантом Курловым поручено как предварительная выработка мер охраны, так и с 15 августа начальствование над сборным отрядом секретной охраны в гор. Киеве. При этом полковник Спиридович являлся ко мне для получения указаний о предстоящих Высочайших выездах и словесно докладывал обо всем, что могло иметь близкое отношение к мерам охраны».

«Обязанность ознакомления с работой розыскных органов по политическому розыску на полковника Спиридовича ни мною, ни, сколько мне известно, генералом Курловым не возлагалась. Что же касается сведений, касающихся розыска, поскольку таковые могли иметь отношение к распределению нарядов охраны, то о получении их от разных органов полковник Спиридович докладывал мне».

В какой именно форме высказал таковое же по существу показание генерал-лейтенант Курлов, мне неизвестно, но я лично слышал от него зимою 1911 года, что он удивляется, откуда и какие мог почерпнуть сенатор сведения, дабы утверждать, что я заведовал розыском.

Зная все это и не располагая никакими действительными данными к доказательству того, что я ведал розыском, сенатор даже вынужден был отметить в своем докладе (страница 6 и 7 «Извлечения» из всеподданнейшего доклада), что при расследовании было возбуждено сомнение – являюсь ли я ответственным за неправильные распоряжения, приведшие к катастрофе 1 сентября, ввиду того, что в круг моих обязанностей входила лишь наружная охрана, к делу же негласного политического розыска я никакого формального отношения не имел.

Но так как при расследовании было обнаружено:

1) что летом 1911 года я выезжал с генералом Курловым и другими должностными лицами в Киев, Севастополь и Ялту «для ознакомления с революционным движением и работою охранных отделений, а также для организации секретной охраны»;

2) что при посещении указанных мест доклады местных жандармских властей делались товарищу министра в моем присутствии, причем я принимал деятельное участие в обсуждении вопросов о необходимости тех или других предупредительных мер, и

3) что я подробно письменно докладывал о положении политического розыска в Крыму и в г. Киеве дворцовому коменданту и дал ему блестящий отзыв о Киевском охранном отделении, сенатор пришел к заключению, что я (и Веригин), приняв непосредственное участие в разработке сообщенных Богровым о готовящихся террористических актах сведений, «выступали в этом случае в кругу прямых своих обязанностей, а не в качестве добровольных слушателей и советчиков» («Извлечение», страница 7).

По поводу такового утверждения сенатора докладываю:

На летнюю предварительную поездку генерал-лейтенанта Курлова я был передан в его распоряжение исключительно для целей предварительной выработки всех мер охраны, как то подтверждается вышеприведенным извлечением из письма генерал-адъютанта Дедюлина.

Эту главную и единственную цель моей предварительной поездки сенатор Трусевич, судя по вышеприведенной в пункте первом и взятой со страницы 7-й «Извлечения» формулировке, совершенно не отмечает, если только она не обозначена ошибочно словами «а также для организации секретной охраны», ибо эта последняя ко всей системе охраны относится как часть к целому и целью предварительной поездки не служила, ибо во всем, что касается части распорядительной, была подготовлена товарищем министра в С.-Петербурге, а в части исполнительной была осуществлена мною для городов Киева, Овруча и Чернигова в период времени с 15 августа по дни Высочайших посещений, для г. Севастополя же и г. Ялты в ближайшие дни до Высочайшего туда приезда.

Если же в ту же самую поездку в намерения товарища министра входило и ознакомление с работой охранных отделений, то на меня таковое ознакомление возлагаемо не было.

Что касается моего присутствования при докладах некоторых жандармских офицеров генерал-лейтенанту Курлову, то эти делавшиеся при мне доклады имели целью ознакомить генерала с теми лицами, относительно коих местные начальники розыска, а в том числе и Кулябко, предполагали начать аресты, высылки и вообще мероприятия ликвидационного, а отнюдь не розыскного характера, каковые предположения затем и одобрялись или отвергались генерал-лейтенантом Курловым, который во всем, что касалось мероприятий по охране, выслушивал и мое мнение.

В тех случаях, когда доклады жандармских властей не преследовали этих ликвидационных, охранных целей, меня обычно и не приглашали к их выслушиванию.

Так, я ни разу не присутствовал при докладах начальника Киевского управления полковника Шределя, который руководит розыском по Киевской губернии, не был я при докладе начальника Таврического управления полковника Плато, который, однако, докладывал генералу Курлову весьма большое дело розыскного характера по панисламизму, не слышал я и доклада начальника Волынского губернского жандармского управления, а также не был приглашен и к докладу начальника Московского охранного отделения, который, при проезде генерала Курлова через г. Москву, докладывал интересное дело чисто розыскного характера, разработкой которого занималось тогда отделение по связям с Петербургом и Киевом.

Если же жандармские офицеры и докладывали иногда при мне генерал-лейтенанту Курлову сведения по розыску, то это не может служить доказательством того, что розыск входил в круг моего ведения, так

как, если из факта моего присутствования при докладах о розыске товарищу министра выводить заключение о моем заведовании таковым делом, то тогда надо признать, что я заведовал и всей охраной по железной дороге, ибо я присутствовал почти при всех докладах, делавшихся в пути генерал-лейтенанту Курлову офицерами жандармских железнодорожных управлений; в равной мере придется признать мое заведование и всею наружною полициею городов Киева и Севастополя, ибо и при докладах полицмейстеров сих городов я почти всегда присутствовал.

Там, где я должен был работать по возложенной на меня обязанности, я действительно работал самолично, а не ограничивался лишь присутствованием при докладах о результатах работы высшему начальнику. Таковым работником видели меня генерал-лейтенант Курлов, жандармские офицеры и агенты и в казармах отряда секретной охраны, и в регистрационном бюро при проверке работы председателей комиссий по осмотру зданий, и в местах Высочайших посещений по линиям ожидаемых проездов.

В охранных же отделениях, на конспиративных квартирах с сотрудниками, в филерских приемных и вообще за проверкою какой-либо отрасли розыскной работы охранных отделений или губернских жандармских управлений меня никто, ни в г. Киеве, ни вообще за всю командировку в 1911 году, не видал, и никто о таковой моей работе даже не мог слышать, ибо я ее не производил.

И я утверждаю, что не найдется ни одного заведующего розыском жандармского офицера ни в одном из тех пунктов, где я был в командировке с генерал-лейтенантом Курловым, который бы заявил, что я выступал перед ним, или его учреждением, в качестве начальника или вообще лица, ведающего розыском. Отрицательно должны ответить по сему поводу и высшие чины особого отдела департамента полиции, которые, как чины центрального по розыску учреждения, конечно, были бы осведомлены, если бы я, офицер, не состоящий в департаменте, а находящийся в распоряжении дворцового коменданта, был бы вдруг поставлен в новую для меня и не соответствующую моим обязанностям роль заведующего розыском, или в роль инспектора, или контролера такового.

Относительно моих писем дворцовому коменданту, в которых я, попутно со сведениями по разным вопросам, сообщал также и о положении розыска на местах, докладываю, что письма те не носили официального характера и что в них я не только сообщал о работе по своим прямым обязанностям, но и старался осведомлять дворцового коменданта о всем том, что считал для него интересным по отношению пунктов, куда ожидался Высочайший приезд. И если по этим письмам делать вывод, что все, о чем я писал в них, входило в круг моих обязанностей, то относительно г. Киева придется признать, что и постановка памятника императору Александру II и постройка музея Могилевцева и ремонт киевских мостовых относились к моим пря-

мым обязанностям, ибо об этих сюжетах я много и подробно писал дворцовому коменданту.

В качестве последнего доказательства того, что я, состоя в распоряжении генерал-лейтенанта Курлова, должен был ведать розыском, сенатор высказывает мнение («Извлечение», страница 7), что, если Веригин и Спиридович не ведали розыском, то значит при генерале Курлове не было никого из лиц, это дело ведавших. Не касаясь того, сколь справедливо высказанное соображение по отношению генерала Курлова и Веригина, утверждаю, что по отношению меня оно ошибочно: розыск в круг моих обязанностей не входил и входить не мог, ибо я ведал, как ведаю и поныне, исключительно секретною охраною Их Императорских Величеств и их августейших детей.

Ввиду вышеизложенного я не признаю себя виновным в том:

1) что ни в предварительный приезд мой в г. Киев с генералом Курловым и другими лицами, ни впоследствии я не знакомился с постановкой в названном городе агентуры и фактически не проверял ее («Извлечение», страница 12);

2) что, выслушав показание сотрудника Богрова 26 августа, я не решился доложить немедленно полученные от него сведения генералу Курлову («Извлечение», страница 18);

3) что я отнесся недостаточно критически и внимательно к сообщенным сотрудником Богровым сведениям («Извлечение», страница 19);

4) что я не остановился вниманием на том, что Богров в течение последних 1½ лет был вне сношений с охранным отделением и что он уже был заподозрен революционерами в предательстве («Извлечение», страница 19);

5) что я не установил наблюдения за сотрудником Богровым и не учредил такового в его доме («Извлечение», страница 21, а также 28);

6) что я с 26 [августа] по 1 сентября не поинтересовался спросить сотрудника Богрова о положении вещей («Извлечение», страница 22);

7) что я не обратил внимания на неконспиративные способы сношений сотрудника Богрова с его начальником, подполковником Кулябкой («Извлечение», страница 27);

8)что я не принял никаких мер, чтобы обставить разработку сообщенных сотрудником Богровым 1 сентября Кулябке и Веригину агентурных сведений, соответствующим моменту образом («Извлечение», страница 28), и

9)что я вообще не вошел в тщательное обсуждение донесений Богрова и оставил таковые без надлежащего исследования («Извлечение», страница 37).

Ввиду же того, что изложенные в приведенных пунктах обвинения касаются исключительно не относящейся до меня по моим обязанностям области осуществления политического розыска, я не считаю себя вправе входить с представлением о том, сколь правильны по отношению организации и техники политического розыска те соображения, которые изложены сенатором Трусевичем по вышеуказанным пунктам.

Относительно присутствия Богрова в театре утверждаю категорически, что я никакого участия в допуске его туда не принимал, и о том, что его предположено было допустить в театр, не знал, как не знал и того, что он находится в театре.

26 августа я, будучи приглашен Кулябкой во время обеда у него выслушать пришедшего к нему «интересного субъекта», который, как я узнал впоследствии, носил фамилию Богрова, присутствовал при их разговоре в кабинете не как «начальство» Кулябки («Извлечение», страница 16), ибо последний в подчинении мне не состоял, а лишь как близкий к нему человек, с которым он хотел посоветоваться.

Прося меня послушать своего посетителя, Кулябко сказал лишь, что он ценный человек, но что он «сотрудник» и что, как таковой, уже «провалился» и не работал на отделение уже полтора последних года, Кулябко мне не говорил.

Не говоря уже про то, как бы я, бывший ранее начальником охранного отделения, разговаривал с «проваленным» сотрудником, полагаю, что если бы Кулябко перед разговором в кабинете сделал предупреждение о том, что человек, выслушивать которого мы шли, уже провалился и заподозрен своими в измене, об этом «провале», безусловно, зашла бы речь при самом Богрове. Это было бы вполне естественно, ибо разговор с Богровым коснулся даже такой интимности, как то, что он сотрудничал на полковника фон Котена* и какие у них по сему поводу велись денежные расчеты. Однако этого не случилось.

Подтверждение того, что я не знал о том, что Богров уже «проваленный сотрудник», имеется в самом докладе сенатора Трусевича. На странице 18-й «Извлечения» указано, что при разговоре с генерал-лейтенантом Курловым утром 27 числа о полученных от Богрова сведениях я «остановил внимание генерала на том, что этот успех надлежит отнести не только к счастью, но и к наличности такового хорошего сотрудника, как Богров». Иными словами, я как бы похвастался успехами Киевского отделения или его начальника, моего родственника, подполковника Кулябко.

По сему поводу, как офицер, ведавший некогда розыском, утверждаю: «провал» сотрудника для того розыскного офицера, которого этот сотрудник обслуживает, с профессиональной точки зрения – позор, с дисциплинарной же – проступок, караемый департаментом полиции, а потому хвастаться перед товарищем министра наличностью у Кулябки провалившегося у него же на работе сотрудника, да к тому же еще и называть этого человека «хорошим сотрудником», было бы с моей стороны по меньшей мере неуместно.

При разговоре Богрова с Кулябкой 26 августа, я сделанного Богрову Кулябкой предложения о билетах в места Высочайших посещений – не слыхал, почему и не мог выражать каких-либо по сему поводу протестов, отсутствие каковых поставляется мне в вину. Сена-

---

* Так в тексте.

тор даже и не приводит каких-либо доказательств тому, что я слышал этот разговор, а говорит лишь, что мое молчание дало Кулябке «основательный повод заключить, что допуск Богрова в означенные места одобрен» Веригиным и мною («Извлечение», страница 18). Сам же сенатор причину моего невмешательства с протестом объясняет тем, что уже и раньше бывали случаи использования сотрудников в целях охраны и, стало быть, я отнесся к предложению Кулябко, как к заурядному для охраны явлению.

Это выставленное сенатором Трусевичем положение, для подтверждения которого сенатором приводятся пять случаев, в присланном мне «Извлечении» из всеподданнейшего доклада не помещено, но так как это положение значится в самом всеподданнейшем докладе, где и изложено на странице 31 и так как оно имеет для меня значение особой важности, ибо компрометирует меня как начальника одной из подведомственных дворцовому коменданту отдельных частей охраны, то я, будучи ознакомлен с подлинным всеподданнейшим докладом, почитаю долгом представить объяснения и по сему вопросу.

В доказательство моей склонности к использованию сотрудников для охраны сенатором приводятся следующие примеры:

1) в бытность генерала Курлова киевским губернатором при поездках его в театры и другие общественные места его сопровождала в целях охраны сотрудница;

2) в 1909 году в Полтаву, Крым и Москву с ведома моего для обнаружения опасных революционеров посылались на время Высочайшего там пребывания бывшие сотрудники, которые в сопровождении филеров бывали и на торжествах в Высочайшем присутствии;

3) в 1910 году один из бывших сотрудников исполнял эти обязанности и по Петербургу;

4) в Киеве летом я говорил с одним из сотрудников, которого предупредил, что его пригласят вновь на время торжеств «потолкаться» по городу и на вокзалах;

5) 31 августа Кулябко допустил в Купеческий сад, кроме Богрова, еще одного сотрудника (Всеподданнейший доклад сенатора Трусевича, страницы 21 и 32).

Указание пункта первого ко мне [не] может относиться, ибо я в бытность генерала Курлова киевским губернатором на службе в Киеве уже не состоял и даже самого генерала Курлова тогда не знал.

Указание пункта второго относительно меня неправильно, ибо я о командировке сотрудников в Полтаву и Москву даже не знал, о поездке же какой-то сотрудницы в Крым слышал лишь то, что таковая послана туда в распоряжение местного начальника розыска. Никакой связи ни я, ни вверенная мне в то время охранная часть с этими людьми не имели, филеры же, о которых пишет сенатор, в моем распоряжении не состояли. Полагаю, что если бы эти сотрудники были командированы не в целях розыска, а для использования по охране, то мне бы о них сообщили и попытались бы связать их с моей охранной частью,

чего в действительности не было. В Москву же не только я, но и никто из подведомственных мне чинов в 1909 году не выезжал и по Москве я никаких мер ни как начальник секретной охраны, ни как полковник Спиридович не принимал, ибо Высочайших поездок туда не было.

По пункту 4-му я дал подробное показание сенатору, разъяснив ему, что свидание мое с тем лицом имело отношение лишь исключительно к моей литературной работе по написанию очерка развития социал-демократии в России. Не мог означенный сотрудник быть использованным для охраны от террористов уже по одному тому, что он принадлежит к партии социал-демократов, которая террором в настоящее время не занимается, и насколько он, как осведомитель по террористической работе, был бесполезен для Кулябки, может служить показателем то обстоятельство, что Кулябко, вызвал этого сотрудника в Киев повидаться и переговорить со мною по личному моему литературному делу, после моего с ним разговора даже не оставил его в Киеве, а позволил уехать домой в какой-то уездный город. Наконец и сам сенатор заявляет, что сотрудник тот по неизвестной причине использован для целей охраны не был (Всеподданнейший доклад, страница 32).

Об указанном в пункте 5 допуске Кулябкой в Купеческий сад 31 августа Богрова и еще одного сотрудника мне ничего не было известно, и это обстоятельство сенатор даже не ставит мне в вину в своих окончательных выводах, а обвиняет в нем лишь одного Кулябку, а потому этот пункт ко мне относиться не может.

Что же касается пункта 3, то в данном случае обстоятельство, в нем описанное, не только не может быть поставлено в доказательство моей склонности к допуску сотрудников в охрану, а, наоборот, ясно рисует мое отрипательное к сему отношению, что доказывается следующим:

В один из состоявшихся зимою 1910 года Высочайших по С.-Петербургу проездов я, следуя за Его Величеством в особом автомобиле и усмотрев из разговора с сидевшим со мною по наряду от охранной команды С.-Петербургского охранного отделения агентом, что он, по всему вероятию, был раньше сотрудником, выяснил, кто он такой, и когда убедился, что то был действительно бывший сотрудник, я потребовал исключения его из наряда в автомобиль, что и было выполнено; доложил о том дворцовому коменданту, доложил и генерал-лейтенанту Курлову, результатом чего была, как мне тогда говорили, неприятность для начальника Петербургского охранного отделения.

Подобным же образом поступил я и летом 1911 года в Киеве, когда узнал, что ко мне в отряд секретной охраны Петербургское охранное отделение командировало 5 человек «интеллигентных филеров», из которых три более подходили под тип подсобных агентов розыска, а не чинов охраны. Двух из пяти я передал в распоряжение начальника охранного отделения для филерской службы, а трех по предварительному докладу о сем генерал-лейтенанту Курлову, откомандировал при бумаге начальнику С.-Петербургского охранного отделения, о чем и докладывал позже дворцовому коменданту.

Я всегда был против допуска не только действующих, но даже и бывших сотрудников в круг охраны, считая, что таковая может выполняться только верными Государю запасными нижними чинами, не имевшими никакого общения с революционным миром. Этот принцип я провожу в течение всей шестилетней службы моего заведования охранной агентурой, на нем основана вся введенная мною с одобрения дворцового коменданта система комплектования личного состава агентуры, и сколь я тверд в этом взгляде, знает мой начальник, дворцовый комендант.

Изложенное я докладывал сенатору Трусевичу; обстоятельство, указанное в п. 3, ему известно так же хорошо, как и обстоятельство о непринятии мною в состав секретной охраны трех агентов центрального филерского отряда; сенатор располагает и самим документом об их откомандировании, но все это, идущее в доказательство моей правоты в сем вопросе, сенатором игнорируется и даже, как то сделано с данными п. 3, обращается против меня.

Выясненный выше недопуск сотрудников, хотя бы то и бывших, в охрану был введен в практику вверенного мне охранного дела с 1906 года не в силу того, что по сему вопросу имелись какие-либо циркуляры департамента полиции, а исключительно потому, что у моего непосредственного начальника дворцового коменданта генерал-адъютанта Дедюлина и у меня, как у его подчиненного, вполне определенный по сему вопросу взгляд.

Последнее категорическое по сему вопросу приказание было отдано мне лично генерал-адъютантом Дедюлиным в 1909 году, во время пребывания Государя Императора в Фридберге, и поводом к тому послужили газетные статьи о том, что Азеф[193] находится близ Фридберга и принимает участие в охране Высочайших особ.

Распоряжений департамента полиции по сему предмету, сколь мне известно, до 1 сентября 1911 года не имелось, если же они и имелись, то, по всему вероятию, были преподаны лишь лицам, ведающим розыском, а так как ни я, ни кто-либо другой из подведомственных дворцовому коменданту чинов розыском не ведает, то ни мне, ни в канцелярию дворцового коменданта таковых циркуляров и не сообщалось.

Циркуляр департамента полиции от 3 октября 1907 года за № 136287, невыполнение которого вменяется сенатором мне в вину, мне неизвестен, ибо ни мне, ни канцелярии дворцового коменданта он присылаем не был, о чем мною при расследовании и было доложено.

И когда я, получив требование представить настоящие свои объяснения, обратился 3 апреля сего года по телеграфу к директору департамента полиции с просьбою о высылке мне означенного циркуляра для ознакомления, то исправляющий должность директора департамента полиции телеграммой от 4 апреля за № 251 в высылке мне означенного циркуляра отказал, что меня еще более утверждает в том, что таковой циркуляр до меня, как до начальника охранной части, не относится.

27 августа, утром, когда подполковник Кулябко докладывал генерал-лейтенанту Курлову о полученных накануне от Богрова сведениях, я при этом докладе, как то указано на странице 18 «Извлечения» – не присутствовал.

В то время я объезжал с заведующим регистрационным бюро места Высочайших посещений с целью проверки работы подведомственных мне агентов и вернулся в гостиницу уже после доклада Кулябки. Этот первый доклад Кулябко должен был сделать и сделал один, как заведующий розыском, по принадлежности. По возвращении моем в гостиницу, я был приглашен к генерал-лейтенанту Курлову, но это было уже после доклада Кулябки.

В происшедшей затем беседе я не слыхал, чтобы Кулябко докладывал что-либо генерал-лейтенанту Курлову о том, что во время свидания с Богровом 26 августа «принципиально решено допускать Богорова в места Высочайших посещений» («Извлечение», страница 19).

Подобный доклад явился бы со стороны Кулябки вымыслом, ибо вопрос о таковом допуске мною, Кулябкой и еще кем-либо, 26 числа не обсуждался, и никакого принципиального решения по сему предмету мною, Кулябкою и еще кем-либо принимаемо не было; на это нет указаний и в докладе сенатора Трусевича («Извлечение», страница 18).

Наконец, и самое «решение» допускать Богрова в места Высочайших посещений явилось бы совершенно не выдерживающим никакой критики по своей цели. Для чего нужно было допускать сотрудника в места Высочайших посещений? Если для розыска тех боевиков, относительно коих Богров дал предупредительные сведения, то, во-первых, их разыскивать не было надобности, ибо они сами должны были прибыть в квартиру Богрова, а во-вторых, Богров еще и не знал, кто именно прибудет из боевиков, а, следовательно, не знал и того, кого именно надо высматривать; если «для охраны» – то от кого и каких лиц должен был охранять Богров? Ведь боевики еще тогда не приехали, а с целью убийства какого именно лица они должны были приехать, Богров тогда еще определенно не знал.

1 сентября около 6 часов утра ко мне в номер гостиницы зашел Кулябко и, разбудив меня, сказал о том, что, по полученным от сотрудника сведениям, боевики прибыли и что он озабочен предупреждением министра и принятием около него мер охраны. Ни я, ни Кулябко не имели времени разговаривать, ибо я в 7 часов утра должен был уже выезжать на маневры, а он куда-то по своим делам. Кроме того, получив сведение о совершившемся приезде боевиков, я, конечно, стал беспокоиться за охрану путей Высочайших проездов и, имея в виду лишь это свое дело, им именно, а не розыском, до меня не относящимся, и занялся и тотчас же послал дворцовому коменданту с нарочным записку, в которой сообщил о совершившемся приезде террористов, и вновь, как и в записке, посланной своевременно в Коростень, выражал опасение за возможность нападения на Государя Императора.

Ни одного слова о том, что Богров просит билет в театр и что в театре будут «единомышленники террористов» («Извлечение», страница 23), Кулябко мне ни утром, ни позже не говорил. Уже одно упоминание им, Кулябкою, того, что в театре будут таковые лица, заставило бы меня в моем письме дворцовому коменданту донести именно об этой угрожающей опасности, ибо в противном случае выходило, что, сообщив дворцовому коменданту общее сведение о том, что боевики приехали в Киев, я не донес ему о конкретном указании на вполне определенное место, театр, где придется столкнуться с опасностью, т.е. с их единомышленниками.

Ведь в данном случае вопрос об использовании сотрудника уже стушевывался перед вопросом о том, что в театре будут «единомышленники террористов», на первый план уже выступал вопрос охраны Высочайших особ в том самом театре, где собирались быть «единомышленники террористов».

Как же я, зная это, не только не донес немедленно о сем дворцовому коменданту, но даже не доложил ему этого и позже. Мало того, я, беспокоившийся за пути Высочайшего проезда в течение всего дня 1 сентября, добившийся после значительного спора с генерал-лейтенантом Курловым даже такой, по-видимому, рискованной меры, как удаление всего экстренного наряда наружной полиции, лишь бы только замаскировать путь возвращения Его Величества с маневров, просивший дворцового коменданта об изменении порядка следования моторов в театр, я, стремившийся всеми этими мерами возможно надежнее обставить безопасность Высочайшего проезда, не только не забил тревогу относительно охраны в театре, но даже не побудил к этому никого из чинов охраны и не сказал о том ничего в течение целого дня ни генерал-лейтенанту Курлову, ни своим помощникам офицерам и вообще никому из чинов охраны. Мог я так поступить только или при полной о том неосведомленности, или при соучастии в задуманном Богровым преступлении. Я продолжаю утверждать первое.

Уехав около 7 часов утра на маневры, район которых лежал более чем в пятидесяти верстах от Киева, я вернулся оттуда по приказанию дворцового коменданта в Киев лишь во втором часу дня, и что происходило в этот период моего отсутствия из Киева между Богровым, с одной стороны, и Кулябкой, Веригиным и генерал-лейтенантом Курловым, с другой, мне неизвестно, а посему упрек сенатора Трусевича, сделанный в числе прочих лиц и мне относительно того, что при сколько-нибудь внимательном отношении к рассказам Богрова лживость таковых «могла бы быть обнаружена в то же утро 1 сентября», я на себя принять не могу («Извлечение», страница 25).

Указание сенатора на то, что Кулябко и Веригин после состоявшегося у них утром с Богровым свидания представили генералу Курлову подробный доклад в моем присутствии («Извлечение», страница 27), из чего, по-видимому, вытекает, что я был осведомлен о всем, что они говорили с Богровым – неверно, что легко доказывается сопоставлением времени доклада и моего приезда с маневров. Во вре-

мя их доклада я был еще на маневрах. Вернувшись с маневров между часом и двумя дня, я застал генерала Курлова, Веригина и Кулябку за завтраком, они кончали его. Я сел за стол, и весь разговор за ним касался лишь того, какие меры охраны надо принять ввиду состоявшегося приезда боевиков.

Само сведение о том, что с Богровым виделся кто-то в гостинице в то утро, вытекло из разговора как бы совершенно неожиданно и случайно, что мне показалось странным, но, видя, с одной стороны, какую-то заминку у присутствующих, заминку, которая впоследствии мне стала ясной, ибо я узнал, что генерал Курлов сделал выговор Веригину за свидание с Богровым в гостинице, и, будучи обеспокоен своим прямым делом – охраной, я даже не начал по сему каких-либо разговоров, а поднял лишь вопрос о том, какие надо принять меры охраны по путям проездов, как надо предупредить о том дворцового коменданта и о чем в целях дальнейших мероприятий надо просить генерал-адъютанта Дедюлина.

В результате обсуждения вопроса охраны были приняты меры, указанные в «Извлечении» на странице 28, после чего я поехал с генералом Курловым на путь Высочайшего возвращения, в Святошино.

В течение всего описанного разговора мне никто не говорил о том, что Богрова решено пустить в театр.

После сего я с Кулябкой говорил лишь несколько минут у ипподрома, около 6 час. вечера, перед Высочайшим оттуда выездом, и в данном случае Кулябко опять не сказал мне ничего о допуске Богрова в театр. После ипподрома я с Кулябкой не встречался и не разговаривал часов до 2-х или до 3-х ночи, что уже было после совершенного Богровым покушения.

О том, что Богров находится в театре, я узнал лишь в тот момент, когда, подбежав к нему после выстрелов, замахнулся на него саблей.

Утверждение сенатора Трусевича относительно моей осведомленности о допуске Богрова в театр основывается только на показаниях Кулябки; никаких иных положительных доказательств по сему вопросу сенатором не приводится, указанные же с моей стороны доказательства незнания того, что Богров в театре, игнорируются; мои ближайшие по охранной агентуре помощники полковник Управин[195] и подполковник Невдахов[196] даже не были опрошены, между тем показания их для меня весьма существенны, ибо с подполковником Невдаховым я разговаривал у ипподрома тотчас же после разговора с Кулябкой и, высказав ему тревогу за имеющиеся у Киевского охранного отделения о боевиках сведения, ни одним словом не обмолвился про то, что нам грозит опасность в театре; полковник же Управин, встретив меня у подъезда театра, куда я прибыл вслед за Его Величеством, доложил о проверке всего наряда и также не услышал от меня ни одного тревожного относительно театра слова.

Кроме того, в распоряжении сенатора Трусевича должны находиться показания служащего в г. Киеве подполковника отдельного корпуса жандармов Александра Иванова, с которым я ходил по коридору те-

атра весть второй антракт парадного 1 сентября спектакля, до самого момента выстрелов, с которым мы вместе затем и вбежали в партер. Подполковник Александр Иванов должен был показать, беспокоился ли я за то, что происходит внутри театра, и мог ли разговаривать с ним совершенно спокойно относительно распорядков контроля билетов на улице в то время, когда с моего ведома, как то утверждает сенатор, внутри театра находился анархист и «единомышленники террористов».

Как последний довод в доказательство того, что я не знал о присутствии Богрова в театре, привожу следующее.

Я располагал отрядом секретной охраны в несколько сот человек при большом числе офицеров. И вот при этом-то условии я, зная, как то уверяет сенатор, что в зрительном зале находится анархист Богров и «единомышленники террористов», не дал туда в наряд ни одного чина охраны; по коридорам же и вообще во всех местах, где можно было ожидать проникновення в театр с улицы кого-либо из лиц нежелательных, у меня находилось в наряде 55 человек. Почему же это случилось? Только потому, что при условии всесторонней и тщательной проверки всех тех лиц, коим были выданы билеты на парадный спектакль, проверки, которая лежала всецело на ответственности Киевского охранного отделения и бюро по выдаче билетов и меня не касалась, и при условии самого строгого контроля за тем, чтобы в театр прошли лишь лица, снабженные соответствующими билетами, являлась полная гарантия того, что внутри театра вполне безопасно.

Когда же последовавшие выстрелы показали наличность опасности, я первый встал с дворцовым комендантом на защиту императорской ложи от нападения на нее со стороны партера.

Ввиду приведенных данных я не признаю себя виновным в том, что допустил вместе с прочими должностными лицами на парадный спектакль 1 сентября в Киевский городской театр сотрудника Киевского охранного отделения Мордку Богрова.

Вышеизложенное представляю первому департаменту Государственного совета.

Полковник Спиридович.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 23. Л. 31–38. Типограф. экз.

Объяснения П.Г. Курлова в первый департамент Государственного совета

16 апреля 1912 г.

Во исполнение положения первого департамента Государственного совета от 20 минувшего марта за № 5 имею честь представить нижеследующее мое объяснение:

Извлечение из всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича о произведенном им по Высочайшему повелению расследовании деятельности лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во время пребывания Его Императорского Величества в г. Киеве в 1911 г., может быть разделено на 3 части:

Первая, относящаяся к киевскому событию только косвенно, является исследованием моей служебной деятельности, как товарища министра, в характеристиках моих подчиненных и неправильных к ним отношениях.

Кроме того, затрагиваются вопросы, относящиеся до расходования как мною, так и статским советником Веригиным денежных сумм, отпускавшихся в разное время на организацию охраны при Высочайших путешествиях.

Вторая вкратце обнимает общее мероприятие по охране в г. Киеве.

Наконец, третья посвящается исследованию несчастного события 1 сентября, распоряжений моих и подведомственных мне лиц, относящихся к этому событию, к дням, ему предшествующим и отчасти последующим.

В этой части ко мне, полковнику Спиридовичу, статскому советнику Веригину и отставному подполковнику Кулябко предъявляются определенные обвинения в превышении и бездействии власти.

Обращаясь к первой части, я не могу не остановиться на общем вопросе, который затрагивается в докладе сенатора Трусевича и трактуется им как бы не совсем согласно с законом, совпадая с толкованиями различных органов повременной печати, посвятивших ему целый ряд статей. Это вопрос о пределах власти моей, как товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов.

В прессе указывалось на ненормальность положения товарища министра, будто бы заведующего всей полицией самостоятельно, вне зависимости и контроля своего министра. Между тем Высочайшим повелением от 10 ноября 1905 г. должность эта была упразднена одновременно с оставлением этого поста свиты генерал-майором Д.Ф. Треповым. Никогда товарищем министра, заведующим полицией, я не был. При назначении на пост товарища министра внутренних дел 1 января 1909 г. на меня, по распоряжению покойного министра статс-секретаря П.А. Столыпина, изложенному в письме на мое имя от 1 января того же года за № 27069, было возложено заведование делами департамента полиции, департамента духовных дел иностранных исповеданий и Технически-строительного комитета.

С назначением меня 26 марта командующим отдельным корпусом жандармов, согласно точному смыслу ст. 663667 кн. III Свод. воен. пост. 1869 г., министр письмом от 29 апреля за № 9420 оставил за мной заведование делами департамента полиции.

Я не буду останавливаться на поводах и причинах, побудивших статс-секретаря П.А. Столыпина соединить в моем лице должности товарища министра и командира отдельного корпуса жандармов, скажу

только, что целесообразность такого соединения признана и нынешним министром внутренних дел, тайным советником А.А. Макаровым, как председательствующим до назначения на этот пост в комиссии по реформе полиции.

Я считаю, таким образом, установленным, что, не будучи товарищем министра, заведующим полицией, я не был независим и не стоял вне контроля министра внутренних дел. Поэтому едва ли правильно указание в расследовании сенатора Трусевича о моих признаваемых им неправильными повышениях статского советника Веригина и подполковника Кулябки, а равно и о новом порядке расходования денег.

Мне казалось бы более соответствующим действительности говорить о моих докладах и представлениях покойному министру, с которыми статс-секретарю П.А. Столыпину угодно было соглашаться. Я отнюдь не хочу снимать с себя этим объяснением ответственность за мои доклады и представления, но я слишком чту память покойного министра, которому я был очень многим обязан, чтобы допустить хоть на минуту мысль о бесконтрольных распоряжениях подчиненного ему непосредственно лица в одной из областей Высочайше вверенного ему министерства.

О заботливом отношении П.А. Столыпина к вопросам полицейским, массе посвящаемой им этой отрасли работы и многочисленности делаемых им лично распоряжений прекрасно известно как самому сенатору Трусевичу, бывшему директором департамента полиции, так и нынешнему министру внутренних дел, занимавшему по отношению к департаменту полиции совершенно аналогичное со мной положение, бывшему директору департамента, ныне сенатору, Н.П. Зуеву и всем должностным лицам как департамента полиции, так и отдельного корпуса жандармов, имевшим высокую честь работать под непосредственным руководством покойного П.А. Столыпина.

Доклады два раза в неделю по несколько часов, ежемесячные ведомости, содержащие в себе все расходы по департаменту полиции, на которых имеются пометки и вопросы покойного министра, и, наконец, особая заботливость его о правильном и возможно экономном расходовании казенных сумм прекрасно известны всем означенным лицам и в особенности нынешнему директору департамента, тогда вице-директору, статскому советнику С.П. Белецкому[196].

Мне приходится, таким образом, перейти от этого общего положения к оценке не неправильных распоряжений, а неправильных и вводивших, следовательно, в заблуждение моих докладов о повышениях и награждениях статского советника Веригина, о служебной оценке деятельности подполковника Кулябки и о порядке расходования денег и представить на благоусмотрение Государственного совета, что общие выводы сенатора Трусевича по этим вопросам не вполне соответствуют данным дела.

Начну со статского советника Веригина.

Сенатор Трусевич приводит из его службы только те данные, которые относятся ко времени заведования мною департаментом полиции. Я позволю себе думать, что если личные и служебные качества статского советника Веригина сыграли такую большую роль в киевском событии и представлялись, по мнению сенатора, настолько неудовлетворительными в сравнении с его повышениями по службе, что не остановили тайного советника Трусевича от намека, что таковые объясняются моими вексельными к Веригину отношениями, то было бы неправильно допустить положение, что известное должностное лицо создается только в тот или другой момент его службы, а что его служебная репутация не есть результат всей предшествующей деятельности.

Со статским советником Веригиным, как должностным лицом, я познакомился, будучи командирован в начале 1907 г. в департамент полиции, директором которого в это время состоял сенатор Трусевич, для исполнения обязанности вице-директора. Таким образом, с моим назначением создавалась за время директорства тайного советника Трусевича уже вторая должность исполняющего обязанности вице-директора, что, видимо, считалось тогда необходимым. Во всеподданнейшем докладе не приведено между тем оснований, по которым образование третьей (должности) во время моего заведования делами департамента, на которую, по моему докладу, статс-секретарем П.А. Столыпиным был назначен статский советник Веригин, признается неправильным.

Не могу я считать основанием к такому признанию указание сенатора, что с увольнением Веригина в 1911 г. в отставку означенная должность вице-директора упразднена. Ведь тогда пришлось признать неправильным учреждение при тайном советнике Трусевиче второй должности, которая, с назначением исполнявшего ее после моего ухода из полиции статского советника Виссарионова вице-директором, тоже упразднена.

Взгляды министров, их товарищей и директоров департамента часто меняются с их переменой, но это изменение не может служить доказательством неправильности или нецелесообразности того или другого сделанного ими распоряжения.

Одиннадцатилетней службой в департаменте статского советника Веригина до 1 января 1909 г., т.е. до назначения меня на пост товарища министра внутренних дел, посвящено 2 строчки: «Поступил в 1898 г. на службу в департамент полиции и с 1 июля 1906 г. (т.е. приблизительно через месяц после назначения сенатора Трусевича директором департамента) был назначен исполняющим обязанности секретаря при директоре этого департамента». Утверждение формально правильное, но допускающее возможность некоторых произвольных во вред Веригину толкований, которые и имели место в печати. Исполнение той или другой должности, а не назначение на таковую может иметь различные причины: или лицо не может быть назначено на должность, так как состоит в слишком незначительном, не соответствующем ее

классу, чине, является мелким чиновником или занимает другую высшую должность, что и имело место по отношению к статскому советнику Веригину, назначенному 9 того же июля в чине титулярного советника чиновником особых поручений VI класса при министре внутренних дел. За время управления департаментом сенатора Трусевича Веригин был удостоен 6 декабря того же года, по его представлению, всемилостивейшего пожалования в звание камер-юнкера Высочайшего Двора. 7 декабря следующего года Веригин получил орден Св. Станислава 2-й степени вие правил, а в мае 1908 г. он уже в чине коллежского советника, т.е. за это время он получил 3 чина. Вот что пишет директор департамента Трусевич о служебной деятельности статского советника Веригина в своем отчете министру о состоянии департамента за 1906 г.: «С переменой личного состава секретарской части, т.е. с назначением Веригина таковая стала живым нервом департамента».

Все это доказывает, что директор департамента Трусевич, так же как и я, признавал Веригина добросовестным и талантливым чиновником.

Ознакомившись с деятельностью Веригина в бытность мою и. о. вице-директора, я вполне разделил мнение о нем его директора, а потому счел возможным, будучи назначен товарищем министра, ходатайствовать перед министром об увеличении Веригину содержания на 1200 руб. в год и повышении его в должности чиновника особых поручений V класса, против чего я не встретил возражений со стороны продолжавшего еще занимать должность директора департамента М.И. Трусевича.

Я всецело разделял его мнение о необходимости правильно организовать секретарскую часть и о важности и тяжести лежащей на ней работы.

Занимая пост товарища министра, я еще более утвердился в этом убеждении и, считая секретаря ответственным за своевременное исполнение бумаг по всему департаменту, находил, что для осуществления этого ему должен быть подведомствен личный состав департамента, журнал, архив и центральный алфавит.

По этим соображениям я ходатайствовал пред министром о реорганизации департамента в указанном выше смысле и о предоставлении лицу, на которое эта часть будет возложена, обязанностей вице-директора.

Вполне удовлетворявший своему назначению секретарь департамента был естественным кандидатом на занятие этой должности, о чем я доложил статс-секретарю П.А. Столыпину, не встретив никаких возражений и со стороны бывшего директора департамента Н.П. Зуева. Это положение отнюдь не создавало какого-либо сосредоточения в руках Веригина нескольких должностей, а тем более совершенно особого положения его в департаменте, так как в таком же положении были все, исполнявшие обязанности вице-директоров.

Во всеподданнейшем докладе не приведено никаких указаний на неправильные действия Веригина по службе, на его неспособность или не-

ность в работе. Соображение об интригах между служащими и о какой-то особой осведомленности Веригина в намерениях высшего начальства, относясь к области сплетен, не играет в моих глазах никакой роли.

При таком взгляде на служебную деятельность Веригина я просил министра о командировании его в мое распоряжение, когда по Высочайшему повелению на меня, начиная с 1909 г., возлагалось заведование всей охраной при Высочайших путешествиях.

Что касается до командирования статского советника Веригина в Ракониджи и Гомбург, когда в эти места изволил отправляться Его Императорское Величество, то командировки эти не требовали каких-*либо специальных знаний по политическому розыску, так как имели* своей целью сношения с полицейскими и административными органами иностранных государств, что требовало хорошего знакомства с иностранными языками, качество, к сожалению, мало свойственное как чинам департамента, так и офицерам отдельного корпуса жандармов. Обе командировки требовали, кроме того, такта, были исполнены прекрасно, что засвидетельствовано нашим послом в Италии генерал-адъютантом кн. Долгоруким[198] и дворцовым комендантом генерал-адъютантом Дедюлиным, в чем Государственный совет, если это ему будет благоугодно, может убедиться из дела о службе статского советника Веригина.

Переходя к отпускавшимся в распоряжение Веригина деньгам, я утверждаю, что помещенное в докладе указание на то, что при поездке в 1910 г. в Германию он не представил к отчету в отпущенных ему суммах оправдательных документов на 54 347 руб., а 1200 руб. истратил без указания на назначение этого расхода, не соответствует действительности, так как отчет в этой сумме был проведен мною по документам, доложен министру и хранится вместе с документами в департаменте полиции.

Очевидно, что приведенное выше положение всеподданнейшего доклада, хотя и не имеющее никакого отношения к киевскому событию, указывая на преступные действия Веригина в израсходовании казенных денег, набрасывает известную тень на меня, тем более, что сенатор Трусевич говорит, что в моих отношениях к Веригину могли играть роль услуги его по моим вексельным операциям в кредитных учреждениях.

Утверждение несколько смелое, так как указываемая во всеподданнейшем докладе неправильная, будто бы, моя оценка Веригина относится к 1909 и 1910 гг., между тем, я просил его, пользовавшегося кредитом в банках, учесть мои векселя на сумму 17 000 руб. весною 1911 г. Таким образом, все мои служебные отношения к Веригину ни в какой связи с оказанным мне содействием по учету векселей находиться не могут.

Предполагаемое докладом участие статского советника Веригина и полковника Спиридовича в руководстве политическим розыском в г. Киеве должно служить, по моему мнению, предметом объяснения

по 3-й части доклада, так как таковые относятся к обвинениям этих лиц в преступлениях по должности, а потому я перехожу здесь к общей характеристике подполковника Кулябки.

На службе по розыску Кулябко состоит с 1903 г., когда он был переведен в Киевское охранное отделение. В период Японской войны Кулябко был призван из запаса (в котором состоял с 20 марта 1896 г., неся службу по полиции) и по ходатайству штаба Киевского военного округа был оставлен в г. Киеве, где, состоя на действительной военной службе, одновременно продолжал нести обязанности в охранном отделении и, кроме того, специально занимался военной разведкой. За время 8-летней службы в Киевском охранном отделении Кулябко прошел все должности – от состоящего при отделении чиновника до начальника отделения включительно; на эту последнюю должность он был назначен сенатором Трусевичем и им же назначен начальником Киевского районного охранного отделения[198]. Такое назначение имеет особое значение при оценке служебной деятельности Кулябки, неправильность которой ставится теперь мне в вину. Мне придется в связи с этим вопросом невольно коснуться системы замещения должностей по розыску и подготовленности к нему назначаемых чинов. Согласно существующему закону, штатных охранных отделений только 3: С.-Петербургское, Московское и Варшавское, но мало-помалу подобные учреждения образовывались и в других больших городах. Большинство должностей в этих учреждениях замещались офицерами отдельного корпуса жандармов, и только в немногих были гражданские чиновники.

Несомненно, что политический розыск требует серьезной подготовки и основательного знакомства с историей революционного движения, программами революционных партий и техникой розыска. Каким же образом могли назначаемые в розыск офицеры получать такую подготовку? Для перевода в корпус жандармов существуют особые курсы, на которых техника розыска и история революционного движения стали преподаваться только за последнее время, причем, при частой перемене лекторов, при отсутствии каких-либо руководств и пособий по этим предметам, дело это было поставлено очень слабо. Будучи назначен командиром корпуса, я обратил на эту сторону обучения офицеров особое внимание и лично председательствовал в испытательных комиссиях по этим предметам. Полученный таким образом крайне ограниченный запас знаний мог пополняться путем практики при службе на низших должностях в охранных отделениях и прикомандирования к таковым для обучения. Оба эти способа далеко не всегда давали надлежащие результаты. Ввиду особенности политического розыска начальники охранных отделений сами вели работу с важнейшими сотрудниками, боясь возможности провала таковых при неумелом ими руководстве. При этих условиях офицеры охранных отделений, как числящиеся в них, так и прикомандированные, занимались преимущественно канцелярской перепиской и в редких случаях вели второстепенных сотрудников. Теоретические занятия почти отсутствовали.

Это явление обращало на себя внимание и раньше. Начальникам охранных отделений неоднократно предлагалось серьезно заниматься с подведомственными им офицерами, но эти пожелания начальства очень плохо прививались к жизни. Установив ежегодное прикомандирование к охранным отделениям 12 молодых офицеров, я приказом по корпусу от 3 августа 1910 г. за № 183 выработал особую форму аттестации, которая вынуждала начальников отделений подробно излагать в ней о практической и теоретической подготовке офицеров к службе по розыску.

Вышеизложенные условия не давали необходимого количества хорошо подготовленных офицеров и заставляли зачастую мириться с замечаемыми недочетами. Найти людей, вполне удовлетворяющих требованиям, которые должны быть предъявлены к розыскным офицерам, было неоткуда, и приходилось всеми силами поддерживать занимающих эти места, давая им постоянные указания. С этой общей точки (зрения) подготовленности офицеров к делу политического розыска, необходимо, по моему мнению, оценивать служебную деятельность подполковника Кулябки и мои к нему отношения.

Сенатор Трусевич говорит, что через некоторое время после назначения Кулябки начальником Киевского охранного отделения в 1906 г., департамент полиции стал обнаруживать отсутствие достаточного освещения революционных организаций в Киеве и планомерность с ними борьбы, что вызвало еще в 1908 г. ревизию со стороны департамента полиции, причем работа Кулябки была признана неудовлетворительной, и в конце 1908 г. было решено перевести его в департамент для письменных занятий, что, однако, не осуществилось, ввиду перемены в составе высших чинов департамента.

По мнению сенатора Трусевича, Кулябко, не обладая достаточным знанием своего дела, руководствовался в розыске указаниями своих негласных агентов, даже по вопросам техники (это взято из показаний Богрова после событий 1 сентября, а не из ревизии департамента).

Не имея возможности оценивать и другие источники такого мнения сенатора Трусевича, за неприведением их в докладе, я могу противопоставить этому заключению нижеследующие данные:

Со служебной деятельностью подполковника Кулябко я познакомился в декабре 1906 г., когда по Высочайшему повелению был командирован в Киев для временного управления Киевской губернией в течение 2-х месяцев. Время было крайне неспокойное, работа революционных партий была еще в полном разгаре. Интересуясь делом политического розыска, я был прекрасно осведомлен не только о работе подполковника Кулябки, но и о тех средствах, которыми он располагал для удачного ее ведения. У подполковника Кулябки была сильная агентура, и революционные партии были прекрасно освещены. С такой оценкой деятельности Кулябки был вполне согласен и киевский генерал-губернатор генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов, отзывавшийся о Кулябке с самой лучшей стороны.

Позволю себе думать, что такого же мнения держался и директор департамента полиции Трусевич, вверивший Кулябке в конце 1906 г., кроме Киевского охранного отделения, и Киевский район, то есть поставивший его, молодого начальника охранного отделения, в чине коллежского асессора, руководителем, в деле политического розыска, начальников губернских жандармских управлений: Киевского, Подольского, Волынского, Полтавского и Черниговского, из коих двое были в чине генерал-майора, а остальные в чине полковника. По возвращении из Киева я был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции и, занимая эту должность до конца октября 1907 г., никаких незнаний и упущений со стороны Кулябки не замечал. Что же касается указаний сенатора Трусевича на возникшее предположение, вслед за ревизией 1908 г., перевести Кулябку в департамент на письменные занятия и неосуществление этого, ввиду изменений в составе высших должностных лиц департамента, то по этому поводу я не могу не ответить, что, по назначении меня товарищем министра, сенатор Трусевич, оставаясь в должности директора департамента до конца марта 1909 г., не счел нужным ни доложить мне о результатах ревизии, ни о необходимости отозвания Кулябки от занимаемой им должности.

Что касается ревизии Киевского охранного отделения, произведенной в 1909 г. по моему распоряжению генерал-майором Герасимовым, то ревизия эта имела специальную цель, касалась нескольких охранных отделений и была направлена не к обследованию способности и знаний дела начальников отделений, а к выяснению положения в них агентуры. Такое распоряжение было вызвано тем исключительным положением, при котором я вступил в должность: всем памятны дела Азефа, Лопухина[200], запрос во французской палате депутатов, о заведовавшем заграничной агентурой статском советнике Гартинге[201], разоблачениях Бурцева, Бакая и Менщикова[202].

Развал агентуры был полный, и, конечно, первой моей задачей было восстановление этого важнейшего нерва розыска. Если при этом агентура в Киевском охранном отделении оказалась тоже слабой, то я не мог поставить этого обстоятельства, как явления общего, в исключительную вину Кулябке. Правда, вслед за этим мне докладывалось об указанных сенатором Трусевичем недочетах в Киевском охранном отделении, но большинство этих недочетов носило чисто канцелярский характер, а указанное в докладе недостаточное освещение (революционных организаций в Киеве) объяснялось невозможностью быстрого восстановления агентуры, каковая невозможность усматривалась, к сожалению, не в одном только Киевском охранном отделении.

Ставить в вину подполковнику Кулябке, бывшему всегда на хорошем счету, положение Киевского охранного отделения, являвшееся последствием вышеуказанных серьезных причин, расшатанности в деле агентуры, мне не представлялось основательным. Все же, конечно, настойчиво преследуя намеченную мною себе цель восстанов-

ления агентуры, я вызвал подполковника Кулябку в Петербург, как это делал в отношении многих других розыскных офицеров, и, при чинах департамента, дал ему в этом направлении самые серьезные и настойчивые указания.

Таким образом, выводам сенатора Трусевича о непригодности подполковника Кулябки я противопоставляю распоряжение директора департамента Трусевича, мнение бывшего киевского генерал-губернатора генерала от кавалерии В.А. Сухомлинова и нынешнего генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова, который возлагал на Кулябку заведование всей охраной при посещении Его Императорским Величеством г. Киева в 1909 году.

При такой оценке деятельности подполковника Кулябки я считал вполне целесообразным присоединиться к просьбе генерала Сухомлинова и ходатайствовать пред шефом жандармов о переводе Кулябки в корпус в 1909 г. за блестящее выполнение им работы по Полтаве, входившей в его район, и Киеву, при посещении этого города Его Императорским Величеством. Эта же успешность в организации охраны в 1909 г., при уверенности в приобретенной к тому же опытности, заставили меня остановиться на подполковнике Кулябке при выборе лица для организации охраны в Риге при посещении названного города Государем Императором в 1910 г., когда мною было выяснено несоответствие к этому делу местного начальника губернского жандармского управления генерал-майора Волкова[203]. Это последнее поручение было опять-таки исполнено Кулябкой настолько успешно, что шефом жандармов было признано справедливым по моему докладу испросить Высочайшее соизволение на производство ротмистра Кулябки в подполковники.

Таким образом, ни родство Кулябки с полковником Спиридовичем, ни дружба со статским советником Веригиным, а совокупность проявленных Кулябкой способностей в деле организации охраны при посещении целого ряда городов давали, думается мне, вполне основание рассчитывать, что при киевских торжествах в 1911 г. я буду иметь в лице Кулябки деятельного и надежного помощника.

Вынужденный остановиться на указании доклада о стремлении назначить Кулябко в Севастополь, я должен отметить, что при назначениях на ответственные места при посещениях Его Императорского Величества, как то благоугодно будет усмотреть первому департаменту Государственного совета из предшествовавшего моего изложения, я в течение 3-х лет моей последней службы руководствовался единственно соответствием лица требованиям, предъявляемым к его обязанностям, почему никогда и не думал об удалении исключительно энергичного с выдающимися способностями начальника Севастопольского губернского жандармского управления полковника Попова, лично мне известного и мною же назначенного на занимаемый им и ныне ответственный пост.

Вопрос о перемещении Кулябки в Севастополь был возбужден не Веригиным и Спиридовичем, а генерал-адъютантом Треповым, зая-

вившим мне в июне 1911 г., что в случае освобождения должности в Севастополе он со своей стороны считал бы соответствующим назначение туда Кулябки ввиду климатических условий.

Перехожу к последнему вопросу первой части всеподданнейшего доклада, вопросу о расходовании мной денежных средств, отпущенных на охрану во время путешествия Его Императорского Величества в 1911 г., вопросу, имеющему для меня особое значение.

Я прослужил безупречно около 35 лет, а потому всякий намек на злоупотребление казенными деньгами оскорбителен и тяжек.

Я называю помещенные по этому поводу в докладе данные намеком, так как, обладая всеми средствами даже для исследования этого вопроса, даже правом ознакомления с моими частными делами, сенатор Трусевич, затронув как бы вскользь порядок расходования денег, не предъявляет ко мне никакого обвинения; казалось бы, что таким намекам не место во всеподданнейшем докладе.

Сенатор Трусевич, пробуя теперь связать мои частные дела с делами по службе, не счел нужным, допрашивая меня в течение нескольких дней, предложить мне по этому поводу ни одного вопроса, при которых он получил бы те объяснения, которые я теперь впервые имею честь представить на благоусмотрение Государственного совета. Кроме того, имея в своем распоряжении документальные данные о расходовании мною денег, отпущенных на охрану, сенатор Трусевич упустил поместить в докладе, что в этих суммах я представил полный отчет одновременно с остававшимися в моем распоряжении деньгами, что ни одного расхода, не подлежащего оглашению и не оправданного документами, в отчете нет и что тем более в нем не заключается никаких расходов на мои личные надобности. По этой причине я вынужден приять смелость убедительно просить Государственный совет потребовать от Министерства внутренних дел сведения, необходимые для установления того обстоятельства, что отчеты по израсходованию отпущенных мне сумм на дело охраны были представлены мною, кому надлежит, своевременно и полностью.

Попробуем разобраться в намеке. По мнению сенатора Трусевича, с 1909 г. я ввел новую систему расходования денег, не встречавшуюся в практике департамента полиции. Сенатор забыл упомянуть, что система эта и не могла быть не новой, а тем более разрешаться практикой департамента, так как в этом году впервые при предположенном путешествии Его Императорского Величества в Полтаву высшее руководство охраной вверялось мне по особому Высочайшему повелению, а следовательно, и деньги, отпускаемые на этот предмет, могли вовсе не поступать в департамент полиции, а находиться полностью у меня, если бы это не встретило препятствий со стороны министра внутренних дел. На самом деле это не только не встретило такого препятствия, но нахождение у меня известных сумм было представлено министру в ежемесячных ведомостях за июнь и июль месяцы. Кроме того, я подробно докладывал об этом покойному П.А. Столыпину в

присутствии бывшего директора департамента полиции тайного советника Зуева и исполнявшего за его отъездом его обязанности вице-директора М.И. Зубовского.

Далее сенатор Трусевич говорит, что деньги эти в размере 300 000 руб. были 10 июня приняты департаментом полиции из главного казначейства, что того же числа, т.е. еще до поступления в кассу департамента этих денег, я истребовал 25 000 руб. в свое распоряжение и приказал выдать исполняющему обязанности вице-директора Веригину аванс в 10 000 руб. Очевидно, что между поступлением денег в департамент и моим требованием о выдаче могла быть разница в несколько часов.

Я не останавливался бы на этом обстоятельстве, если бы в доклада не было второго намека, что с 11 июня по 26 июля мною произведено платежей по займам на сумму свыше 16 000 руб. Здесь сенатором Трусевичем упущено, что взятие мною денег именно 10 числа объясняется моим выездом в Киев, и как я в то время предполагал, и в другие места на следующий день, т.е. 11 июня. Я не знаю, на каких документах основывает сенатор Трусевич мои уплаты в 16 000 руб. Думаю, что на справках, полученных им из кредитных учреждений. Эти справки передо мною, и ими устанавливается, что уплата в буквальном смысле может быть отнесена только к 5000 руб., внесенным по моему поручению 15 июня. Остальные суммы составляют переучет векселей, по которым с меня в настоящее время производятся взыскания. Чтобы устранить всякое сомнение даже в кратковременном моем пользовании казенными деньгами для переучета, я считаю долгом доложить Государственному совету, что в течение июня месяца мною было получено от П.А. Бадмаева 25 000 руб. и П.М. Андреева 10 000 руб., что они во всякое время и могут засвидетельствовать.

Я нахожу, что обвинение в злоупотреблении казенными деньгами должно быть, как и всякое обвинение, доказано и нельзя переносить обязательство опровергать несуществующее на меня.

Нечего говорить, что не может служить доказательством неправильности моих действий «появление в прессе и обществе нежелательных толков, ввиду, быть может, неосновательных слухов о чрезмерно широкой жизни моей и моих приближенных в Киеве».

Порядок расходования денег из сумм департамента полиции никогда не составлял достояния прессы, а подробное исследование сенатором Трусевичем и командированными в его распоряжение лицами моей частной жизни в Киеве обязывало его упоминать «не о, быть может, неосновательных слухах», а категорически установить, что никакой широкой жизни не было. Как в первый, так и во второй приезд в Киев я, кроме службы и обязательных визитов, из своего номера никуда не выходил, а с 14 августа по день выезда из Киева был болен и вел самый строгий режим. Я еще раз считаю долгом подтвердить перед Государственным советом, что даже и эта жизнь производилась на мои личные средства.

Еще меньшим доказательством может служить делаемое сенатором Трусевичем указание, что за время, совпадающее, по его мнению, с крупными уплатами по моим личным делам, мною израсходовано на охрану *только 454 руб. 20 коп. Выезжая в поездки, я не* мог предусмотреть, какие расходы потребуются, а тем более определить время таковых. Могу указать, что один такой расход в размере нескольких тысяч рублей, точную цифру я теперь не припомню, предстоял в Чернигове и не был произведен по измеиившимся обстоятельствам, что может подтвердить черниговский губернатор камергер Маклаков[204]. Расходы, подобные только что указанному, бывали в предыдущие поездки, и я полагал удовлетворять их из особого аванса статского советника Веригина, т.к. отчет по ним, ввиду исключительного их характера, представлялся мною непосредственно министру.

Конечно, не личными соображениями можно объяснить выдачу такого аванса, т.к. при возможиости иметь в своем распоряжении 126 000 руб., я в фиктивных авансах не нуждался. При таких условиях всякий намек на неправильные действия мои по расходованию денег должен быть устранен, и я хочу сказать только несколько слов о представлении мною отчета.

Вернувшись из Крыма 13 сентября, я, при свидании с председателем Совета министров, статс-секретарем В.Н. Коковцовым, представлял ему отчет, но мне было указано, что таковой подлежит ведению министра внутренних дел.

При назначении на этот пост сенатора Макарова я при первом же докладе представил этот отчет и заявил о своем намерении сдать остающиеся у меня деньги в департамент полиции, но министр сказал мне, чтобы я продолжал прежний порядок. Как может убедиться Государственный совет из имеющегося при деле отчета, переводы денег на охрану разиым лицам продолжались, и все поступавшие ко мне требования немедленно удовлетворялись. В начале октября при одном из докладов министру, узнав, что Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить принять мое прошение об отставке, я заявил сенатору А.А. Макарову о желании немедленно сдать должность, что и сделал на следующий день, передав оправдательные документы и оставшиеся у меня деньги вице-директору департамента полиции статскому советнику Белецкому под его расписку.

Перехожу ко 2-й части доклада сенатора Трусевича, касающейся общих мероприятий в г. Киеве, которым посвящена только одна страница, причем о мерах положительных, составляющих огромную ответственную работу, почти совсем не упомянуто, и сенатор Трусевич останавливается только на мероприятиях, которые были осуществлены, по его мнению, [не]правильно. Так как произведенное по Высочайшему повелению расследование имело своею целью «расследование деятельности должностных лиц, принимавших участие в осуществлении охраны во врем пребывания Его Императорского Величества в г. Киеве в 1911 г.», то я не могу обойти молчанием всех принятых мною мер.

В докладе отмечается, что в июне 1911 г. я посетил Киев, Чернигов и Овруч, а в первой половине августа Севастополь и Ялту. В означенных городах мною организованы целесообразные совещания представителей местной власти для выяснения как необходимых мероприятий по обеспечению безопасности и порядка, так и потребного для этого количества чинов полиции и корпуса жандармов. Мои поездки начинались не с совещаний в том или другом городе, а, прежде всего, с обсуждения и проверки мер, обеспечивающих благополучный проезд Его Императорского Величества от г. Петербурга до предположенных пунктов посещения. Еще в 1909 г. по соглашению с дворцовым комендантом, в развитие инструкции «по охране императорских поездов», была выработана система наблюдения за 100 саж. полосой, прилегающей к линии отчуждения, заключавшаяся в регистрации населения и в распределении постов, которые должны были освещать и обслуживать эту местность. Командированными для этой цели офицерами составлялись подробные планы их участков, проверяемые мною лично при докладах этих офицеров во время моего проезда по линии. Совещания, о которых указывается в докладе, происходили почти ежедневно, на них в Полтаве были выработаны, а засим в Риге и Киеве видоизменяемы, в зависимости от местных условий: инструкция для регистрационного бюро, учреждавшегося с целью проверки как постоянного, так и прибывающего населения по путям следования Его Императорского Величества в том или другом городе, более тщательная проверка и прописка всего остального населения и порядок особого наблюдения за гостиницами, меблированными комнатами и т.п., инструкция для билетного бюро, на котором мне придется остановиться особо, т.к. доклад признает его деятельность в Киеве неудовлетворительной, инструкция по техническому осмотру владений по пути Высочайшего следования чрез особые комиссии, применение инструкции секретной охраны по линиям Высочайших проездов, которая была выработана мной, по соглашению с дворцовым комендантом, в течение зимы 1910 и 1911 гг., устанавливающая объединение всех видов полиции, выставляемой по путям следования, точного указания их обязанностей и надлежащей подчиненности, меры к охране всех мест посещений Его Императорского Величества, особая инструкция и мероприятия по охране районов маневров, организация добровольной охраны и, наконец, подробные полицейские наряды и проекты приказов по полиции. Кроме того, обсуждались все обязательные постановления для возможного проведения в жизнь выработанных инструкций. Я лично объезжал все пункты следования Его Императорского Величества, не исключая района маневров, куда вторично командировал для осмотра во всех подробностях полковника Спиридовича, на месте давал указания подлежащим чинам и даже больной, 27 августа, проверил все полицейские наряды, расставленные в предназначенных им местах.

Государственный совет легко может убедиться в количестве и качестве работы из дел моих по охране, которые были осмотрены сенатором Трусевичем.

Правда, я не производил фактической проверки политического розыска и дел в охранных отделениях, считая, что «подробные», как это отмечает сенатор Трусевич, доклады начальников охранных отделений в этом направлении совершенно достаточны, тем более, что работа местных революционных организаций, сильно разбитых в 1911 году, перед приездом Его Императорского Величества, ввиду принимаемых мер охраны, не только ослабевала, но и совершенно отсутствовала, на то имеются указания даже в нелегальной прессе. Я считал опасными так называемые налеты, для борьбы с которыми принимались общие меры по департаменту полиции. На местах, в целях возможного обеспечения пунктов Высочайшего пребывания от таких налетов, я считал необходимым особое наблюдение за местными, хотя и не проявляющими активной работы, неблагонадежными лицами (и на станциях), на которых могли выйти кто-либо из приезжих. Начальники охранных отделений представляли мне подробные списки всех политически неблагонадежных лиц, и я не только лично обсуждал положение каждого из них, но и устанавливал надлежащие меры, прибегая к ликвидации и арестам с крайней осторожностью, так как считал, что подобными мерами не должна быть омрачена радость населения, ожидающего лицезреть своего монарха.

Я считаю долгом остановиться на организации билетного бюро, деятельность которого признается сенатором Трусевичем неудовлетворительной. Крайне трудно опровергать это мнение, так как в докладе ие приводится никаких данных в его подтверждение. Трудно даже сказать, в чем же заключаются упущения, как в самой инструкции, так и в практическом осуществлении деятельности этого учреждения. Главным дефектом инструкции является, по-видимому, централизация выдачи билетов, принцип которой я считал идеалом неосуществимым, понимая, что при практическом его применении должны быть неизбежные отступления, и моей задачей было только довести их до минимума. Нельзя не обратить внимания на довольно печальное явление, что ко всяким мерам охраны общество относится крайне несочувственно. Большинству, в особенности должностным лицам, естественно, свойственно считать себя совершенно благонадежными, а потому признавать, что всякая проверка и вызываемые ею стеснения излишни, забывая, что отсутствием серьезного контроля воспользуются, конечно, преступные элементы. Исходя из принципа централизации, я, тем не менее, во избежание нареканий, должен был делать известные исключения. Я позволю себе думать, что упрек в излишней централизации, делаемый сенатором Трусевичем, был бы устранен, если б он разграничил понятие выдачи билетов от порядка их вручения. В первом случае я признавал безусловно необходимым, чтобы ни один билет не мог быть выдан лицу, не проверенному надлежащим образом, причем эта

проверка могла заменяться для известных лиц их положением. Вручение билетов могло производиться чрез разных лиц. Я считал, что учреждения, в том числе и органы городского самоуправления, не меиее надежны для вручения билетов, чем далеко несовершенный штат низших чинов киевской полиции, переобремененной другими обязанностями. Билеты в места посещеиий Его Императорским Величеством, в которые необходимо было приглашение городского головы, выдавались сим последним по следующим соображениям. Вопрос о вручении билетов этим путем был поднят городским головой в заседании билетной комиссии под председательством исправляющего должность киевского губернатора, куда я, будучи болен, командировал полковника Спиридовича. Городской голова принял на себя обязательство, что пропуски по спискам, проверенным бюро, будут рассылаться вместе с приглашениями города в запечатанных конвертах. Комиссия признала возможным удовлетворить это ходатайство, а я, по приведенным выше соображениям, утвердил мнение комиссии. Говоря о неудовлетворительной деятельности билетного бюро, с чем я не имею оснований согласиться, необходимо иметь в виду, что таковым было выдано около 50 000 билетов, причем, несмотря на мои настояния и объявления в газетах, списки представлялись несвоевременно и преимущественно в последние дни.

Выдача бланковых билетов в разные места Высочайших посещений производилась с большой осторожностью и исключительно лишь заведовавшим бюро. Выдавались таковые в случаях, вызываемых безусловной необходимостью, притом только лицам, вполне ответственным за их дальнейшую раздачу. Билетам этим велся самый строгий учет, дабы в каждую данную минуту можно было указать, кому именно из должностных лиц был выдан тот или другой билет. Бланковые билеты в различные места посещений были выданы следующим лицам:

1) Киевскому губернскому предводителю дворянства, церемониймейстеру князю Куракину[205], около 50 билетов для пропуска в дом дворянства 30 августа дворян, могущих прибыть в г. Киев только в день приема Его Императорским Величеством дворянства, когда уже безусловно было невозможно билетному бюро проверить в надлежащих учреждениях их благонадежность за недостатком времени. Лишать названных лиц [билетов], являющихся хозяевами в Дворянском доме, принимающими у себя Государя Императора, было безусловио недопустимым и вызвало бы общее неудовольствие дворянства Юго-Западного края. Билеты эти были переданы князю Куракину под личную его расписку заведующим билетным бюро, причем князь Куракин обязался передавать их только дворянам, лично известным ему или другим губернским и уездными предводителям дворянства.

2) Городскому голове, действительному статскому советнику Дьякову – 50 пропусков в театр для лиц с известным общественным положением, находившихся в таких же условиях, как вышеуказанные прибывшие в Киев в последний день дворяне, которых город имел в виду пригла-

сить в театр. Пропуски эти тоже были выданы городскому голове заведующим бюро под его расписку на личную его ответственность. Тут будет уместным упомянуть, что составленное первоначально особой комиссией под председательством губернатора распределение мест в театре подвергалось в течение месяца постоянным изменениям вплоть до дня спектакля, ввиду получавшихся сведений о невозможности прибыть на спектакль целого ряда лиц и замены их другими. Если бы в распоряжении городского головы не было этих пропусков, то, с одной стороны, многие лица, стремившиеся попасть в театр, не имели бы этой возможности, а с другой стороны – в партере оказалось бы много свободных мест, что в свою очередь вызвало бы в городе нарекания.

3) Начальнику охранного отделения подполковнику Кулябко: *а*) по 15 пропусков во все места посещений для чинов секретной охраны; *б*) около 80 пропусков в театр и приблизительно столько же во дворец для представителей монархических организаций, принимавших участие в народной охране, которой заведовал подполковник Кулябко.

4) Заведующему гофмаршальской частью генерал-лейтенанту М.М. Аничкову[206] для чинов военного ведомства, приглашенных к Высочайшему столу в последнюю минуту, когда уже не было возможности сноситься по этому поводу с бюро.

5) Управляющему церемониальной частью гофмейстеру В.В. Евреинову для чинов церемониальной части.

6) Церемониймейстеру графу Мусину-Пушкину для придворных дам.

7) Исполняющему обязаниости секретаря при мне, чиновнику особых поручений при министре внутренних дел Сенько-Поповскому: *а*) на случай обращения ко мне непосредственно, иногда в последние минуты, разных лиц с высоким общественным положением, коих я признавал неудобным направлять в бюро, *б*) несколько билетов для его родных и близких знакомых, имеющих прибыть в Киев накануне торжеств, список коих по заполнении билетов был на следующий день представлен в бюро, и

8) Статскому советнику Веригину, полковнику Спиридовичу и моему секретарю подполковнику Пискунову для их знакомых.

Можно ли при таких условиях признавать деятельность билетного бюро неудовлетворительной и сказать, что бюро, по моим указаниям, широко практиковало выдачу бланковых неслужебных пропусков, приводя в доказательство, что таковые оказались в распоряжении жены начальника охранного отделения. Это именно и не может быть поставлено в вину мне или бюро, так как, несомненно, начальник охранного отделения не мог не иметь таких билетов для своих агентов, но и те были ему выданы бюро за определенными номерами под личную его расписку.

Перехожу к последней части.

Все, отиосящееся к событию первого сентября, все события, ему предшествовавшие, но находившиеся с ним в тесной связи, а равно и распоряжения мои и подведомственных мне чинов, изложены в докладе

сенатора Трусевича в форме рассказа, в котором распоряжения и действия отдельных лиц так перемешаны, что трудно сказать, кто что именно сделал и кого и в каком преступлении обвиняет сенатор.

Поэтому, представляя мои объяснения Государственному совету, я буду возражать по отдельным обвинительным пунктам. Но, прежде всего, считаю необходимым выделить из изложения событий 1 сентября обвинения подчиненных мне лиц, статского советника Веригина и полковника Спиридовича, которым нет ни юридических, ни фактических оснований. Я не могу себе представить такой юридической конструкции, при которой подчиненные, исполняя приказание начальника, не противоречащее закону, могли бы быть обвиняемы в превышении или бездействии власти. Для наличности такого обвинения, как это находит и сенатор Трусевич, необходим должностной характер в действиях того или другого лица. Для превышения или бездействия власти, безусловно, нужна наличность самой власти, установленной законом или распоряжением начальника. Никаких обязанностей для статского советника Веригина и полковника Спиридовича, в отношении предъявленных им обвинений, законом не установлено, никаких аналогичных обязанностей непосредственным начальством – покойным министром внутренних дел, дворцовым комендантом – на них возложено не было. Возложение таковых статс-секретарем П.А. Столыпиным на статского советника Веригина выводится сенатором Трусевичем из ордеров покойного министра, которые давались Веригину при командировках в Полтаву, Ригу и Киев. Хотя я не имею под руками этих ордеров, но категорически утверждаю, что ими никаких обязанностей по политическому розыску на Веригина возложено не было. Для доказательства противного тайный советник Трусевич допускает, по-видимому, смешение в понятиях охраны и политического розыска. Из ордеров следует, что статский советник Веригин при всех означенных поездках был командирован в мое распоряжение для исполнения различных поручений по охране, т.е., другими словами, ордера устанавливают мое право возлагать на Веригина то или другое поручение по охране, не исключая политического розыска, как одной из его составных частей, но отнюдь не обязывает меня возлагать на него именно эти обязанности.

Раз в ордерах специального предписания по заведованию политическим розыском не заключается, то, следовательно, и нет прямых распоряжений покойного министра, и круг служебной деятельности статского советника Веригина должен был определяться и определялся мной.

Я категорически утверждаю, что заведование политическим розыском я Веригину никогда не поручал. Столь же категорически утверждает генерал-лейтенант Дедюлин, что он не давал таких поручений полковнику Спиридовичу, которого командировал в мое распоряжение и на которого, со своей стороны, такого поручения тоже не возлагал.

Казалось бы, что при наличности всего этого не может быть и речи об обвинении статского советника Веригина и полковника Спири-

довича в преступлениях по должности в этой области. Совершенно противоположны выводы сенатора Трусевича, в подтверждение которых он приводит следующие доказательства: сущность поручений, возлагавшихся на статского советника Веригина при выездах за границу, безусловно, подтверждает, по его мнению, это положение. Согласиться с этим невозможно, так как поручение Веригину некоторых фуикций по политическому розыску за границей, - функций крайне ограниченных, - никаких обязанностей для него по Киеву не создавало. Аиалогия в различных поручениях, при наличности твердо установленных границ каждого, не может служить доказательством той или другой обязанности. Я давал и мог давать такие поручения Веригину за границей именно потому, что сам в Раконидже и Гессен-Дармштадте не находился. Чтобы устранить всякое сомнение в этом отношении, я должен сказать, что никаких поручений по розыску в Раконидже и дать было нельзя, за отсутствием там наших розыскных органов и за неподведомственностью итальянской полиции ни мне, ни даже русскому министру внутренних дел. Веригин должен был служить посредником в сношениях с итальянскими властями по вопросам охраны. Из русских должностных лиц в распоряжении его было два наблюдательных агента, ввиду ходатайства нашего посла в Италии кн. Долгорукова – ограничить по возможности командирование туда наших полицейских чинов. Возможно допустить, что, во время путешествия Его Императорского Величества в Раконидже, от заведующего заграничной агентурой, для наблюдения за действием которого был командирован исполняющий обязанность вице-директора статский советник Виссарионов, могли поступать сведения розыскного характера и Веригину оставалось только сообщать таковые итальянской квестуре и, разве в лучшем случае, высказать свое мнение, впрочем ни для кого не обязательное, об их разработке.

Во время пребывания в Гессен-Дармштадте его функции были несколько шире и распоряжения его обязательны для находившегося на месте заведующего заграничной агентурой, о чем и было сделано специальное распоряжение, без наличности которого я не считал бы возможным возлагать на кого бы то ни было из моих подчиненных ответственные поручения.

Вторым доказательством, выдвигаемым сенатором Трусевичем, служит утверждеиие, что при наличности у меня 2-х секретарей надобности в третьем не было. Я не вижу никаких данных, которые заставили бы меня преклоняться перед авторитетом сенатора Трусевича в деле охраны при Высочайших путешествиях и по опыту 3-х лет могу сказать, что, при массе лежавшей на мне работы, мне приходилось иногда иметь и не только 3-х секретарей, если называть таковыми лиц, на которых я возлагал то или другое поручение, хотя, может быть, и канцелярского характера, как, напр[имер], составление статским советником Веригиным записок о предположенных мною мероприятиях министру внутренних дел, министру Императорского Двора и другим высшим должиостным лицам.

Третьим доказательством является участие Веригина и Спиридовича в составе собираемых мною совещаний с высшими местными властями с правом голоса, причем Веригин иногда мне возражал. Это доказательство я отношу к области начальнической психологии. По моей (психологии), может быть, признаваемой теперь неудовлетворительной, я, не страдая уверенностью в своей непогрешимости, охотно выслушивал мнение каждого из моих подчиненных и не считал для себя оскорбительными их возражения.

Дело охраны жизни и безопасности Его Императорского Величества было для меня настолько важным, что я не отказывался ни от какой мелочи, которая, может быть, и могла принести пользу в достижении поставленной мной цели. По тем же основаниям я допускал присутствие Веригина и Спиридовича при докладах, которые делали мне начальники розыскных органов, причем я очень дорожил мнением последнего, как одного из опытных розыскных офицеров. Присутствие этих лиц я не считал обязательным, были доклады, которые делались и без них, но в большинстве случаев они присутствовали, как иногда находился при этом и исполнял обязанности секретаря Сенько-Поповский, что понятно при нашей совместной жизни.

Наконец, во время некоторых из этих докладов обсуждались предупредительные меры по наблюдению за политическими неблагонадежными лицами во время Высочайших пребываний, и я считал подобное знакомство с этими мерами безусловно необходимым для начальника секретной охраны, которым был полковник Спиридович.

Последним доказательством сенатора Трусевича, единственно веским, если бы оно соответствовало действительности, была поездка Веригина в Чернигов для ознакомления с положением революционных сообществ и постановкой там политического розыска, где он отдавал, будто бы, от своего имени распоряжения.

Во-первых, командировка в Чернигов не доказывает заведования политическим розыском в Киеве, а составляет отдельное поручение, для исполнения которого Веригин был командирован в мое распоряжение, а во-вторых, и самого поручения в том виде, как говорит сенатор Трусевич, не было. Будучи болен и не имея возможности второй раз выехать в Чернигов, я поручил Веригину не ознакомление с положением революционных сообществ в Чернигове, которых там, кстати сказать, и не было, в чем я убедился из личного доклада мне генерал-майора Рудова при первом моем посещении этого города. Я поручил Веригину ознакомиться со списком неблагонадежных по Чернигову лиц для принятия предупредительных мер. Веригин исполнил мое поручение и привез мне в Киев все списки с надлежащими отметками; я обсудил меры в отношении каждого отдельного лица и лично сделал все распоряжения, которые и были сообщены от моего имени подполковнику Долгову письмом, находящимся в деле моем по организации охраны в Чернигове.

Я исчерпал по возможности все доводы, приведенные сенатором Трусевичем в опровержение установленного, по моему мнению, положения, что статский советник Веригин и полковник Спиридович политическим розыском не заведовали, а потому и отвечать за допущение в нем подполковником Кулябко неправильности не могут.

Не могу не коснуться укора сенатором Трусевичем полковника Спиридовича в том, что он доносил дворцовому коменданту о положении политического розыска в Крыму в Киеве, т.е. упрека в исполнении им его прямых обязанностей, как лица, состоящего в распоряжении генерал-лейтенанта Дедюлина. То же делал и я, товарищ министра и командир отдельного корпуса жандармов, в неуклонное исполнение ст. 7 Положения о дворцовом коменданте.

Считая, таким образом, что виновность статского советника Веригина и полковника Спиридовича по настоящему делу должна быть безусловно устранена, я перехожу к отдельным обвинениям меня и подполковника Кулябко.

Ввиду совместности этих обвинений и установленной по делу выдачи билета Мордке Богрову на допуск в Киевский городской театр 1 сентября подполковником Кулябкой, я не могу не остановиться на значении его показаний в настоящем деле, тем более, что показания эти, изложенные в докладе в крайне общей форме, единственная против меня улика. При юридической оценке эта улика есть оговор изобличенным по делу лицом своего начальника, оговор, требующий хотя какого-нибудь подтверждения. Таких подтверждений в деле я не нахожу, как не нахожу и оснований к особому доверию, оказываемому сенатором Трусевичем подполковнику Кулябке, показания которого оцениваются во всеподданнейшем докладе самим сенатором следующим образом: излагая показания Кулябки о сношениях его с Богровым 31 августа, сенатор Трусевич называет их весьма сбивчивыми и противоречивыми, т.е., другими словами, относится к ним довольно скептически. Оценивая в другом месте заявления Кулябки о состоявшемся будто бы 26 августа принципиальном решении допускать Богрова в места Высочайших посещений, решении, которое отрицаю я, статский советник Веригин и полковник Спиридович, сенатор Трусевич говорит: «Означенное противоречие не может быть устранено с полной определенностью за отсутствием каких-либо объективных данных, подкрепляющих то или другое из приведенных показаиий», т.е. признает, что оговор Кулябки ничем не подтвержден, а (я) и вообще не могу себе представить, какими объективными данными может подтверждаться разговор начальника с подчиненным в кабинете. Близость Кулябки со Спиридовичем и мной к числу объективных данных относиться не может. За свою 13-летнюю службу в прокурорском надзоре я слышал, что близость между тем ли иным лицом может служить основанием к сомнению в показаниях, клонящихся к оправданию. Основанием же к обвинению служит иногда близость, иазываемая враждою, на что в деле нет никаких указаний.

Перехожу теперь к разбору отдельных обвинений. В 1 п. мне предъявляется обвинение в том, что я, в нарушение возложенных на меня обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно и вопреки установленному порядку, при существующем распоряжении (по) департаменту полиции, допустил на происходивший 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре в Высочайшем присутствии парадный спектакль помощника присяжного поверенного Мордку Богрова, заведомо для меня политически неблагонадежного, что создало непосредственную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и для августейшей его семьи, а также повлекло за собой лишение названным Богровым жизни председателя Совета министров, министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина.

Хотя это обвинение юридически не квалифицированно, но из предшествовавшего ему указания во всеподданнейшем докладе, что я допустил превышение власти, надо придти к заключению, что сенатор Трусевич усматривает в этом пункте преступление, предусмотренное ст. 338 Улож. о наказ. и отсылающее, ввиду важных последствий означенного превышения, ко 2-й части важных последствий означенного превышения, ко 2-й части 341 ст. того же Уложения. Не касаясь вначале, насколько фактические обстоятельства, изложенные в этом пункте обвинения, являются доказанными, я нахожу, что в деянии моем, как оно изложено сенатором Трусевичем, не заключается состава преступления, предусмотренного означенными статьями. Для состава превышения власти необходимо, чтобы должностное лицо выступило из пределов (и) круга действий, которые предписаны ему по званию, месту, должности или особому поручению, учинило что-либо в отмену или вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных ему наставлений; или же вопреки установленному порядку предписало или приняло такую меру, которая не может быть принята иначе, как на основании нового закона; или, присвоив право, ему не принадлежащее, самовольно решило какое-либо дело; или же дозволило себе какое-либо действие или распоряжение, на которое нужно было разрешение высшего начальства, не испросив оного надлежащим образом. Из означенных 4-х пунктов 2-й, 3-й и 4-й к действиям моим по осуществлению мер по охране в г. Киеве, очевидно, отнесены быть не могут. Для впуска Богрова в театр, конечно, не требовалось нового закона, не требовалось присвоение права, мне не принадлежащего, для самовольного решения какого-нибудь дела, так как и по должности товарища министра внутренних дел, ведающего дела департамента полиции, и в силу Высочайшего повеления, коим на меня было возложено высшее наблюдение за охраной в г. Киеве, я не только мог, но и должен был принять всякую меру, не запрещенную законом или специальным распоряжением по розыску и охране, если я находил это необходимым. Наконец, в силу тех же полномочий я не обязан был испрашивать предварительного разрешения высшего начальства на принятие подобной меры.

Надо предположить, что к деяниям моим, как они изложены в обвинительном пункте, мог бы подходить пункт 1-й, т.е. превышение круга ведомства и особых полномочий, учинением деяния в отмену или вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных мне наставлений. Принятие мер по охране входило в круг моих полномочий, следовательно, для состава преступления необходимо, чтобы я принял какую-либо меру, запрещенную законом, узаконением, распоряжением или специальным наставлением, т.е., другими словами, необходимо указать, что именно было мною нарушено. Не подлежит никакому сомнению, что на мне лежали обязанности по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, но из этого не следует, чтобы всякий несчастный случай, даже и чрезвычайной важности, составлял для меня превышение власти. Узаконений, воспрещающих впуск в места, где находятся охраняемые лица, сотрудников по политическому розыску, не существует. Против порядков департамента полиции, которые в докладе не приведены, а потому мне неизвестны, я, конечно, возражать не могу. Известная мне практика департамента доказывает нечто совершенно противоположное. Не только в числе агентов охраны, но в центральном и розыскном учреждениях находились и находятся до сих пор лица, политически скомпрометированные, которые своей последующей верной службой и исполнением своего долга заставили забыть об их прошлом.

Наличность людей, политически скомпрометированных, допускалась и в охране, на чем мне придется остановиться при объяснениях моих по фактической стороне инкриминируемого мне деяния. Распоряжение департамента полиции о воспрещении поручать секретным сотрудникам обязанности наблюдательных агентов, не составляющее, таким образом, категорического воспрещения допускать их даже в охраняемые места, если это вызывается необходимостью, было издано по департаменту, т.е. органом, мне подчиненным, и, следовательно, во всякое время могло быть мною отменено. Таким образом, при отсутствии каких-либо законов или распоряжений, мною нарушенных, в допуске Богрова в театр 1 сентября, если бы даже таковой, что я безусловно отрицаю, имел место с моего ведома, не заключается признаков уголовно наказуемого деяния. Можно говорить о моей неопытности, неумении руководить политическим розыском и охраной, но нельзя говорить о превышении власти.

Обратимся к фактической части. На чем же основывается утверждение сенатора Трусевича, что я допустил Богрова в Киевский театр 1 сентября, и чем опровергается категорическое заявление мое, что я не только такого распоряжения не делал, но даже о нем ничего не знал. Только оговором подполковника Кулябки и оригинальной оценкой его показаний. Сенатор верит всему тому, что говорит Кулябко, раз это служит моему обвинению, а, сопоставляя его показания с моими опровержениями, просто без всяких доказательств, признает, что или можно допустить некоторую правдоподобность в показаниях Ку-

лябки, или, что хотя они, по мнению сенатора, и возбуждают сомнение, тем не менее, в них заключается некоторая вероятность.

Оценка показаний совершенно своеобразная и до сих пор в уголовной практике не встречавшаяся.

Что же собственно говорит Кулябко? Он утверждает, что доложил мне 27 августа о принципиальном решении допускать Богрова в места Высочайших посещений. Я не говорю уже о том, что это обстоятельство отрицается статским советником Веригиным и полковником Спиридовичем (им сенатор тоже не верит), но самое содержание доклада должно возбуждать серьезное сомнение. 27 августа мне было доложено о сообщении, сделанном Богрову в г. Кременчуге прибывшим из Петербурга и называющим себя «Николаем Яковлевичем», что злоумышленники имеют в виду в последние дни пребывания Его Императорского Величества в Киеве совершить какой-то террористический акт, для чего им нужно содействие Богрова в подыскании квартиры и моторной лодки. Так как речь шла о Кременчуге и обсуждался вопрос о наблюдении за злоумышленниками в этом городе, каковое могло иметь место и быть целесообразным при условии возвращения Богрова в г. Кременчуг, то вопросы о снабжении его билетами в места Высочайших посещений в г. Киеве до его возвращения были праздными, следовательно, показания подполковника Кулябки не выдерживают критики с точки зрения простой логики. Вопрос о снабжении Богрова билетом в Купеческий сад 31 августа вменяется сенатором Трусевичем в вину только одному подполковнику Кулябке, из чего следует заключить, что в этом единственном случае (он) доверяет моему показанию. Обвинение, по этим данным, в допуске Богрова 31 августа одного только подполковника Кулябко противоречит положению о, будто бы, известном мне и как бы мною санкционированном принципиальном разрешении допускать Богрова в места Высочайшего посещения. Раз в одном месте всеподданнейшего доклада необходимое для моего обвинения показание подполковника Кулябки о принципиальном решении признается достоверным, я не мог бы быть освобожден от обвинения в допуске Богрова 31 августа в Купеческий сад.

Переходя к докладу подполковника Кулябки утром 1 сентября, о сообщении Богрова, необходимо остановиться на указании его, что «Николай Яковлевич» потребовал от Богрова собрать сведения о приметах статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Л.А. Кассо, 1 сентября, в театре, причем окончательное решение вопроса о допущении сотрудника на спектакль стояло в зависимости от дальнейшего образа действий террористов. Такое утверждение совершенно противоречит уже обсужденному мною вопросу о принципиальном решении допускать Богрова в места посещений. Я не понимаю, какое же окончательное решение требовалось по вопросу, уже давно решенному. Наконец, как бы сенатор Трусевич ни низко оценивал мои способности и знание дела, я не могу допустить, чтобы я мог серь-

езно обсуждать вопрос о необходимости для лиц, прибывающих из С.-Петербурга для совершения серьезного террористического акта, устанавливать приметы обоих министров, фотографии которых можно было найти в любом журнале, а внешний облик покойного Петра Аркадьевича [Столыпина] был известен всей России.

Я прекрасно помню, что, напротив, Кулябко докладывал мне, что Богров не был накануне в Купеческом саду и только ложно уверял в этом «Николая Яковлевича». Наконец, 1 сентября подробно обсуждалось предполагавшееся свидание террористов на Бибиковском бульваре в 8 час. вечера. По отношению к этому свиданию был решен ряд мер об аресте злоумышленников, если они направятся на линию Высочайшего проезда, что, по-моему, исключало всякую мысль говорить о необходимости для Богрова быть в театре. Лучшим доказательством служит приведенное в докладе сенатора Трусевича нижеследующее место, по-видимому, взятое из показаний подполковника Кулябки и ротмистра Самохвалова: «Для пропуска Богрова в театр Кулябко воспользовался одним из билетов, полученных им заранее от городского головы на нужды охраны, который вручил, для передачи Богрову, заведующему наружным наблюдением Демидюку, причем Кулябко пояснил, что Богров на свидание террористов не пойдет, а будет в театре, таким образом, отделится от злоумышленников на случай ареста их на Бибиковском бульваре».

Насколько можно заключить из доклада, билет был вручен Богрову около 8 час. вечера. Трудно понять, сопоставляя эти две части доклада, каким образом мог быть мною одобрен план подачи Богровым филерам сигнала курением папиросы, если террористы решат приступить к активным действиям, и сделано распоряжение об их аресте, не стесняясь провалом сотрудника, на случай выхода на линию проезда, если подполковнику Кулябке было известно и он бы мне доложил, что Богров на свидании на Бибиковском бульваре не будет. Очевидно, что вопрос о необходимости допустить Богрова в театр возник впервые вечером, и я не мог ничего о нем знать, так как после доклада и обсуждения всего изложенного я, с 2-х часов, уехал с полковником Спиридовичем для встречи Его Императорского Величества, возвращавшегося с маневров, видел Кулябку мельком на ипподроме, где он мне доложил, что нового ничего нет, а засим впервые разговаривал с ним в театре, в 1-м антракте. Раз мне о допуске Богрова в театр не было доложено, то логически казалось бы, что даже наличность принципиального разрешения о допуске, в котором, по-видимому, сомневается и сам сенатор, не может быть поставлена мне в вину, по тем же основаниям, по которым не поставлен в вину допуск Богрова в Купеческий сад 31 августа.

Теперь необходимо остановиться на вопросе, не мог ли я из докладов подполковника Кулябки, сделанных мне в театре, придти к убеждению, или, при крайней осторожности и подозрительности, хотя бы предположить, что Богров допущен в театр и в нем находится. В театр я

прибыл вслед за мотором Его Императорского Величества и, проходя на свое место, услышал от статс-секретаря Столыпина, что предположенное свидание злоумышленников на Бибиковском бульваре не состоялось, причем покойный министр приказал мне разобраться в этом, в 1-м антракте. Подполковник Кулябко, что, по-видимому, он не отрицает и теперь, по крайней мере, как о том можно судить по всеподданнейшему докладу, доложил мне, что Богров приезжал к нему в театр сообщить о несостоявшемся свидании и что он отправил его тотчас же домой убедиться, не отлучался ли куда-нибудь «Николай Яковлевич», считая такую проверку необходимой, несмотря на то, что дом Богрова был окружен сильным конным и пешим наблюдением. Ясно, что из этого доклада я не мог заключить, что Богров снабжен билетом в зрительный зал, а тем более в нем находится. Изложенное я немедленно доложил статс-секретарю Столыпину, около которого и остался до начала 2-го акта. Во 2-м антракте, по приказанию министра, я вторично вышел в коридор и потребовал к себе подполковника Кулябку, который доложил мне, что Богров приезжал к нему вторично, сообщая, что «Николай Яковлевич» никуда не выходил из квартиры, и, получив приказание немедленно возвратиться домой и более не отлучаться, таковое тотчас же исполнил.

В это время раздался роковой выстрел.

Следовательно, и из второго доклада я заключить о нахождении Богрова в театре не мог.

Разобрав, таким образом, показание Кулябки, единственную против меня улику по всеподданнейшему докладу, я считаю, что утверждение сенатора о разрешении допустить Богрова в театр, по принципиальному решению допускать его в места Высочайших посещений или по специальному [решению] на допуск в театр 1 сентября, будто бы мною сделанному, опровергается всеми вышеизложенными данными. Кроме показаний Кулябки, сенатор Трусевич приводит в доказательство моей виновности две косвенных улики, оценить которые я положительно затрудняюсь. 1) Мой разговор с прокурором Киевской судебной палаты «тотчас же после покушения Богрова», в котором я будто бы высказал, что о пребывании Богрова в театре я узнал там же, из докладов начальника отделения. Такого разговора с прокурором палаты я совершенно не припоминаю, так как все время находился на улице, озабоченный отправлением раненного статс-секретаря Столыпина в больницу и обеспечением обратного возвращения Его Императорского Величества. Если такой разговор и имел место, то приписываемая мне фраза нисколько не противоречит сделанному уже мной из докладов подполковника Кулябки выводу, тем более, что беседа эта могла быть уже после разговора моего с подполковником Кулябко в вестибюле театра тотчас же вслед за покушением, когда, ударяясь головой об стену и хватаясь за имевшийся при нем револьвер, Кулябко говорил, что ему остается только застрелиться, так как он до-

пустил Богрова в театр. Нельзя же придавать приведенной фразе, если даже она и была сказана, значение улики. Как слабо должно стоять обвинение, если его приходится подтверждать подобными данными.

Вторая улика еще более слаба и совсем непонятна.

Когда подполковник Кулябко доложил мне в первый раз, что он послал Богрова убедиться, дома ли «Николай Яковлевич», я, естественно, высказал предположение, что такая мера может вызвать подозрение злоумышленников, на что Кулябко возразил, что Богров в свою квартире не входил, а посылал наверх швейцара за перчатками. Делать вывод, что этот предлог с перчатками должен был убедить меня, что они необходимы Богрову для театра и что он в нем находится, довольно своеобразно. Я думаю, что уликой против меня в этом отношении не мог быть не только предлог о перчатках, но даже, если бы мне доложили, что Богров поехал покупать какие-то перчатки в магазин. Исчерпав улики положительные, мне приходится останавливаться на оценке приведенного в докладе доказательства от противного. В своих объяснениях сенатору Трусевичу я заявил, что допуск Богрова в места посещения противоречил основным моим взглядам, приводившимся мною неуклонно в бытность мою в должностях товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов, добавив, что это следует из всех моих распоряжений как устных, так и письменных. Во всеподданнейшем докладе говорится, что, по наведенным справкам, таких разрешений не оказалось и что только 3 октября 1907 г. был издан циркуляр за № 136287, касающийся этого обстоятельства, т.е. изданный задолго до поступления моего в должность товарища министра, а что мои распоряжения касались только недопустимости безграничного доверия к сотрудникам. Оказывается, что приведенный циркуляр, нарушение которого 1 сентября составляет для меня, по мнению сенатора Трусевича, превышение власти, был подписан мной, как исполняющим обязанность вице-директора. Этот циркуляр не содержит в себе прямых указаний о запрещении употреблять сотрудников при охране, а говорит, что им не должны поручаться обязанности наблюдательных агентов, т.е. филеров, что составляет существенную разницу. Циркуляр этот только развивает §10 Пол. об охран. отд. Мои распоряжения по этому поводу заключались в следующем. Когда выдвинулся грозный вопрос о работе революционеров автономными группами при непременном условии не входить в сношения с местными организациями, когда, таким образом, при охране в Высочайших путешествий необходимо было задуматься, какими способами предупреждать подобные явления, я остановился на выработке надлежащих мероприятий. По моему мнению, одобренному как покойным министром, так и дворцовым комендантом, необходимо было, с одной стороны, обратить особое внимание на регистрацию населения и, в особенности, приезжих, что неуклонно проводилось во всех предназначенных к Высочайшему посещению местах, – организацией особых регистрационных бюро по

примеру летних Высочайших резиденций и даже начало устраиваться в Петербурге и Москве, а, во-вторых, имением в своем распоряжении таких людей, которые знали бы в лицо наибольшее количество старых и видных работников боевых организаций, партий социалистов-революционеров и анархистов. Такими лицами могли быть или старые испытанные сотрудники или специально подготовленные для этого агенты, состоящие на государственной службе. В первый год, когда организация безопасности Высочайших путешествий была возложена на меня, мне, ввиду указаний заграничной агентуры на возможность приезда лиц известной боевой группы с целью совершения террористических актов, по тщательном обсуждении этого вопроса с покойным министром, пришлось послать одного из сотрудников в Крым и Москву, куда в 1909 г. предположен был приезд Его Императорского Величества. Сотрудник был командирован с соблюдением крайних предосторожностей в сопровождении испытанных агентов, но и тот скоро возвращен ввиду возможной опасности.

Считая пользование сотрудниками в этом направлении нежелательным, но подчас неизбежным, ввиду отсутствия надлежащей организации, я, по докладу полковника Спиридовича и с согласия дворцового коменданта, остановился сначала на командировании нескольких чинов охранной команды дворцового коменданта, которая находится всегда в местах Высочайших выездов, за границу и большие центры, для ознакомления с возможно большим количеством опасных революционеров. Наконец, в том же 1909 г. представил министру письменный доклад об образовании особого филерского отряда при С.-Петербургском охранном отделении, чины которого, состоя из наиболее благонадежных агентов, должны были, путем постоянных командирований, ознакомиться с той же категорией лиц и находиться во время выездов Его Императорского Величества в намеченных к Высочайшему посещению местах.

Мера эта была приведена в исполнение, причем филерский отряд работает уже в Риге и Киеве. Лучшим доказательством того, насколько я считал опасным допущение, даже на пути проезда, чинов охраны, не вполне благонадежных, служит мое распоряжение, сделанное за несколько дней по приезда в г. Киев Его Императорского Величества. По докладу полковника Спиридовича, трое филеров центрального филерского отряда были откомандированы в Петербург только потому, что они не состояли на государственной службе. Полагаю, что при наличности этих данных возбуждение сенатором Трусевичем сомнений в справедливости моего заявления, с моей точки зрения, о недопустимости сотрудников в охрану, едва ли возможно. Исчерпав, таким образом, оценку всех приведенных против меня доказательств, я считаю вправе себе сказать, что в п. 1 обвинения меня сенатором Трусевичем в превышении мной власти не заключается ни юридических, ни фактических признаков уголовно наказуемого деяния.

По п. 2 доклада я обвиняюсь в том, что, получив от упомянутого Богрова измышленные сведения о прибытии в г. Киев революцион-

ной группы для совершения террористических посягательств, проявил бездействие власти, не войдя в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова, и оставил таковые без надлежащего исследования, что дало ему возможность совершить задуманное злодеяние. Преступление это предусмотрено ст. 339 Улож. о наказ. Для состава этого преступления необходимо, по моему мнению, установить, какие же именно указанные или дозволенные законом средства я не употребил для предупреждения совершившегося 1 сентября в г. Киеве преступления? За неприведение таковых в обвинительном пункте приходится обращаться ко всеподданнейшему докладу и прежде всего тщательно разделить действия мои и подполковника Кулябки. Я считаю, что на нем, как на начальнике охранного отделения, лежало детальное обсуждение всех полученных им сведений, техническая их разработка и принятие вытекающих из этих сведений мер.

На мне, как на товарище министра внутренних дел и высшем руководителе охраны при Высочайшем посещении г. Киева, в которую политический розыск входит только как часть, оценка этих сведений и предположенных розыскных мероприятий, а также принятие вытекающих из этих сведений общих мер охраны для достижения конечной цели безопасности Его Императорского Величества, августейшей его семьи и высших должностных лиц. Обращаясь к докладу с этой принципиальной точки зрения, я нахожу необходимым разделить сведения, доложенные мне 27 августа, от поступивших 1 сентября, и сопоставить их с общими моими распоряжениями по розыску и охране. Я не могу [не] остановиться прежде всего на общих задачах политического розыска и его особенностях, вызываемых путешествием Его Императорского Величества, в деятельности как центральных, так и местных розыскных учреждений.

Высочайшее посещение какого бы то ни было города вызывало командирование в него целого ряда должностных лиц, усиленное наблюдение за населением и неблагонадежными в нем элементами. При таких условиях работа местных революционных организаций должна была ослабеть или даже совершено прекратиться, а усиление розыскного органа сосредоточиться на наблюдении за известными ему по своей противоправительственной деятельности работниками, причем агентура должна была быть направлена, главным образом, на собрание сведений, не предполагается ли кем-нибудь из местных революционных деятелей или не предпринимается ли ими каких-либо приготовлений для приезда лиц, могущих совершить то или иное преступное посягательство, т.е. работа этих органов должна была принимать несколько специальный характер. Конечно, особого внимания требовала тщательная разработка сведений, касающихся террористических предприятий, если бы таковые поступили.

Гораздо шире ставились задачи центральному учреждению, т.е. департаменту полиции, заграничным и остальным розыскным органам в России. Департамент должен был сосредоточивать в себе все

поступающие к нему из разных мест сведения, выбирать и сопоставлять между собою все, прямо или косвенно относящееся к местам Высочайшего пребывания и возможности совершения в них какого-нибудь преступного посягательства.

Все эти проверенные и сопоставленные сведения должны были быть сообщаемы местному розыскному органу, причем в большинстве случаев работа на местах до появления в них злоумышленников должна была носить скорее предохранительный характер. На заведующем заграничной агентурой лежало тщательное собрание, разработка и сообщение департаменту полиции всего, что могло бы иметь какое-нибудь отношение к указанным выше местам. Исходя из этих основных положений, я и осуществлял свое руководство над теми или другими органами, в зависимости от поступающих сведений.

Находясь, во время Высочайшего пребывания и подготовительных к нему поездок, в местах предположенных посещений, я не только продолжал получать из департамента поступающие в него сведения, но и непосредственно руководил распоряжениями розыскного характера, когда сведения указывали на возможность какого-либо подготовлявшегося террористического предприятия, имевшего в особенности связь с Высочайшим путешествием. Для этого мне приходилось иногда возвращаться из подготовительных поездок в Петербург или вызывать в места моего пребывания даже высших руководивших розыском должностных лиц. Так, в период подготовительных действий по отношению к путешествию Его Императорского Величества в 1911 г., в департамент полиции поступили сведения заграничной агентуры и некоторых местных органов о двух преступных предприятиях, имевших серьезное значение. Сведения эти разрабатывались под моим личным наблюдением еще до отъезда в Киев. По моим указаниям производились необходимые ликвидации в даже, когда дела эти перешли в стадию нормального дознания, в порядке ст. 1035 Уст. угол. суд., я просил товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты Тлустовского[207] приехать ко мне в Киев во время моего там пребывания, что и было им исполнено, а я сам поторопился закончить предварительную работу в Киеве и вернулся в Петербург для направления означенных дел. Каких-либо особых тревожных сведений, требовавших разработки в Киеве, почти не поступало, и только одно, указывающее на возможность пребывания в Киеве и его губернии одного из видных террористов, было предметом тщательного обсуждения моего с подполковником Кулябко. При этом было обращено особое внимание к надлежащему направлению агентуры, с которой я был отчасти знаком, управляя Киевской губернией в 1906 г. Я обсудил даже при разработке этого дела подробности филерского наблюдения, все приведенные мною данные имеются в делах департамента полиции. Странно было бы, чтобы, при таком отношении к делу политического розыска, я не проявил должного внимания к докладу о сведениях Богрова.

27 утром подполковник Кулябко доложил мне, что накануне к нему явился его прежний испытанный сотрудник по кличке «Аленский», давший ему много серьезных дел, и сообщил, что в конце июля к нему в дачную местность Потоки, близ Кременчуга, где он временно проживал, приехал известный ему по Петербургу «Николай Яковлевич» и вступил с ним в переговоры о подготовке Богровым на последние дни киевских торжеств квартиры для трех человек. Квартира эта была нужна для совершения какого-то террористического акта, когда охрана, по предположению злоумышленников, должна была ослабеть. Ни о каких подробностях этого предприятия и о том, что оно будет направлено против министров П.А. Столыпина и Л.А. Кассо, в этот день мне Кулябко не докладывал, сказав, что когда Богров предупредил «Николая Яковлевича» о нежелании своем быть пешкой в руках террористов и изъявил согласие оказать им содействие только при условии осведомленности об их планах, «Николай Яковлевич» обещал ему в будущий приезд посвятить его во все подробности. При этом свидании Богрова с «Николаем Яковлевичем» было высказано предположение о необходимости, для удобства сообщений, приехать в Киев на моторной лодке. Я не могу припомнить, докладывал ли мне Кулябко, что Богров уже полтора года не состоял в сношениях с охранным отделением, но я вполне допускаю наличность такого доклада. Наконец, «Николай Яковлевич» предупредил Богрова, что у его группы имеются связи среди чинов департамента полиции и С.-Петербургского охранного отделения и столичной полиции. Для разработки этих сведений мною было приказано командировать в Кременчуг ротмистра Муева с отрядом филеров и телеграфировать начальнику С.-Петербургского охранного отделения о выяснении по Петербургу революционной группы, к которой, по его словам, принадлежал «Николай Яковлевич», об установлении за лицами, входящими в ее состав, надлежащего наблюдения и о неуклонном сопровождении таковых в случае их выезда. Считая, что командировка ротмистра Муева в Кременчуг при нахождении там полковника Кременецкого может возбудить в нем подозрение, я, вполне разделяя мнение сенатора Трусевича о важности полученных от Богрова сведений и могущих произойти последствий, считал безусловно необходимым законспирировать эту командировку и с этой целью вызвал из Полтавы начальника губернского жандармского управления полковника Зейдлица, чтобы дать ему надлежащее указание, как отозвать из Кременчуга полковника Кременецкого, под предлогом необходимости усилить Полтавское управление.

Изложив, таким образом, содержание доложенных мне сведений и сделанных мною распоряжений, мне приходится остановиться над вопросом, в чем же заключаются мои упущения по разработке таковых. Сенатор Трусевич считает удивительным, что у меня и моих подчиненных не возникло никаких сомнений в достоверности сообщений Богрова. Такое обобщение начальника охранного отделения и товари-

ща министра, как высшего руководителя политического розыска при оценке ими сообщений сотрудника, едва ли правильно по изложенным уже соображениям. Необходимо признать, что, при оценке тех или иных сведений, громадное значение имеет характеристика лица, эти сведения доставляющего. Я не призван в этом объяснении ни защищать, ни обвинять подполковника Кулябко, поэтому я буду иметь честь изложить перед Государственным советом только мою оценку и ее основание.

Начальник охранного отделения доложил мне, что сведения эти поступили от его старого и испытанного сотрудника, причем добавил, что сведения его всегда подтверждались даже в мельчайших подробностях. Он перечислил мне дела, которые были ему даны Богровым. При таких условиях оценка сведений по характеристике лица, их дающего, не должна была возбуждать во мне никаких сомнений. Это положение подтверждается и всеподданнейшим докладом, причем сенатор, обладая всеми средствами для проверки личности Богрова, как сотрудника, в течение семи месяцев, устанавливает, что, поступив в Киевский университет, Богров примкнул к организации анархистов и завязал сношения с видными представителями этой группы. Однако он вскоре убедился, что большинство членов кружка состояло из разных отбросов городского населения, склонных к грабежам и разбоям. По собственному признанию Богрова, такое направление сообщников вскоре заставило его разочароваться в анархизме и он, оставаясь в организации, начал сообщать сведения об ее деятельности Киевскому охранному отделению, не отказываясь и от получения денег за свои доносы. С половины 1907 г., по заявлениям Богрова, был ликвидирован ряд террористических групп, причем сообщения Богрова отличались большою точностью. Другими словами, если принять во внимание, что Богров никогда не привлекался к делам политического характера, то в моих глазах он должен был являться идейным сотрудником, который считается в розыске наиболее ценным и редким. Замечание, что Богров получал деньги за свои сведения, я говорю – замечание, а не упрек, коим звучит эта фраза в докладе, так как я не могу допустить упрека со стороны бывшего директора департамента полиции (в) получении сотрудником вознаграждения за свои услуги, - не могло ослабить моего доверия к личности Богрова как сотрудника. Никакими иными данными я при оценке Богрова 27 августа не обладал и обладать не мог, так как ни Пётербургское охранное отделение, ни департамент полиции, даже после совершившегося покушения, не дали мне никаких указаний, что Богров был заподозрен партией в предательстве, и я думаю, что указания на это в докладе взяты сенатором Трусевичем из объяснения Богрова на следствии и суде. При таких условиях единственным основанием к сомнению могло быть то обстоятельство, что Богров около полутора года от работы отошел. Какая же разница в оценке личности Богрова могла произойти от этого обстоятельства? Оценка не

теоретическая, с точки зрения общей проверки отошедшего от работы сотрудника, дающего вновь сведения, а практическая – в г. Киеве за несколько дней до предполагавшегося, по этим сведениям, террористического акта. Допустим, что я должен был трактовать Богрова не как сотрудника, а как заявителя, причем при оценке его личности прекрасное его прошлое в смысле розыска оставалось без изменения. Проверить его жизнь и убеждения за время перерыва в службе ни средств, ни времени я не имел, а, следовательно, должен был сделать только все, от меня зависящее, чтобы проверить поступившие от него сведения.

С точки зрения формальной, я, может быть, и должен был спросить о нем департамент полиции и, поручая начальнику С.-Петербургского охранного отделения разработку и наблюдение за указанной Богровым группой, дать знать, что сведения эти поступили именно от него. Я говорю – теоретически, так как практически, как это оказалось впоследствии, такая проверка мне ничего бы не дала, а могла, ввиду указания Богрова, что «Николай Яковлевич» заявил ему о связях революционной группы, к которой он принадлежал, с чинами департамента полиции, С.-Петербургского охранного отделения и столичной полиции, провалить единственного сотрудника в замышляемом преступном предприятии, оставив при этом неосвещенной ту чрезвычайную опасность, которая угрожала не только двум министрам, но и особе Императорского Величества, и ждать, что группа, уверившись в измене Богрова, тем не менее, появится в Киеве и совершит задуманный ею террористический акт.

Единственно, что я должен был сделать, то распорядиться установить за Богровым надлежащее наблюдение.

Эта обязанность выполнена мною вполне. Упрек сенатора Трусевича, что не было установлено личного наблюдения за Богровым в Киеве при наличности наблюдений за его квартирой и не использованы особо благоприятные условия приятельских отношений между одною из прислуг Богрова и писцом охранного отделения, не может быть поставлен мне в вину, так как по докладу я был совершенно убежден, что, сделав свое заявление 26 августа, Богров вернулся в г. Кременчуг, где и должен был ожидать приезда «Николая Яковлевича». На несомненность такого моего убеждения указывают все сделанные мною по докладу подполковника Кулябки распоряжения. Допустить, что, при предположении хоть на одну минуту о пребывании Богрова в г. Киеве, я не распорядился установить за ним какого-либо наблюдения, а командировал в г. Кременчуг специальный отряд филеров с офицером для наблюдения за пустой квартирой, тогда как, не найдя Богрова в г. Кременчуге, «Николай Яковлевич» должен был приехать к нему в г. Киев, а, следовательно, необходимо было только усилить уже существовавшее наблюдение на киевских вокзалах, пароходных пристанях и ближайших к г. Киеву станциях, невозможно. Наблюдение за пустой квартирой и за появлением около нее неизвестного лица по одним приметам могло быть с успехом осуществлено нахо-

дившимся в г. Кременчуге полковником Кременецким, кстати сказать, бывшим начальником С.-Петербургского охранного отделения; его нужно было только усилить несколькими филерами. Если я командирую в г. Кременчуг специального офицера, отзывая оттуда полковника Кременецкого, и в целях конспирации вызываю из г. Полтавы полковника Зейдлица, ясно, что дело идет не об обыкновенном филерском наблюдении, а о совместной работе с серьезным сотрудником, которым очень дорожат. Это положение будет очевидным для Государственного совета, если я укажу, что по прежней службе полковника Кременецкого, несмотря на признаваемую мною за ним опытность, я вполне доверять ему не мог в работе с чужими сотрудниками.

Установив, что даже и при недоверчивом отношении к заявлению Богрова я не мог принять иных мер к проверке, я не могу согласиться и с самими основаниями к недоверию, приведенными во всеподданнейшем докладе.

Первое из этих оснований – несвоевременное сообщение Богрова полученных им сведений. «Николай Яковлевич» еще в конце июля сообщил ему о готовящихся террористических актах. Между тем, будучи непосредственно связан с участниками заговора, Богров не счел нужным доложить об этом немедленно подполковнику Кулябко, с которым у него сохранились хорошие отношения, а сделал это лишь под влиянием каких-то неясных намеков в прессе и самоубийства арестанта в охранном отделении. Мне кажется, что причина к сомнению устраняется утверждением сенатора Трусевича, что Богров уже в течение полутора года сотрудником охранного отделения не состоял, а, следовательно, на нем и не лежало непосредственной обязанности, кроме общей гражданской, доносить о сделавшемся ему известным приготовлении злоумышленников. Несвоевременное сообщение сотрудником полученных им сведений вызывает невольное недоверие к нему, но сообщение таковых розыскному органу заявителем в то время, когда он признает это необходимым, вполне естественно, тем более, что Богров представил объяснения к такому запозданию. Эти заявления кажутся теперь очень правдоподобными, так как в прессе появились не темные, а довольно определенные слухи о готовящемся на статс-секретаря Столыпина преступном покушении в связи с проводимой им политикой по отношению к Финляндии и другим инородцам. Самоубийство арестанта в охранном отделении могло не обратить на себя внимание обыкновенного обывателя, но происшедшее за 3 дня до прибытия Его Императорского Величества должно было казаться очень серьезным человеку, близко стоявшему к политическому розыску, каким был Богров. Высказанное полковником Спиридовичем мнение, что Богров получил от «Николая Яковлевича» слишком мало сведений за свое обещание содействовать в приискании квартиры и моторной лодки, по моему мнению, может быть причиной сожаления, а не недоверия. Заканчивая изложение сделанных мною распоряжений по разработке доложенных мне сведений

Богрова 27 августа, я считаю нужным присовокупить, что, признав возможным содействие Богрова в подыскании квартиры, я безусловно воспретил подготовление им моторной лодки, категорически подтвердив подполковнику Кулябке мои всегдашние указания, чтобы Богров не принимал ни малейшего активного участия в преступных планах злоумышленников, требования, изложенные в приказе моем по корпусу от 3 августа 1910 г. за № 183. Я останавливался уже на разработке показаний Кулябки о принципиальном решении допускать Богрова в места Высочайших посещений. Не могу обойти молчанием, что при допросе меня сенатором Трусевичем, вопрос об этом разрешении был поставлен мне в гораздо более общей форме. Сенатор спросил меня, не обсуждал ли я вообще, при докладе 27 августа, роли сотрудника в намеченных террористических предприятиях, на что я ответил, что обсуждать общую роль при столь незначительных сведениях я считал совершенно праздным. Так как остальные, помещенные в докладе сенатора Трусевича, выводы о разработке первоначальных сведений Богрова и допущенных будто бы при этом неправильностях не могут касаться меня по изложенным выше соображениями и относятся целиком к функциям начальника охранного отделения, то мне остается по 2-му пункту обвинения перейти к оценке и разработке сведений 1 сентября и указать только, что, видясь с подполковником Кулябко с 27 августа по 1 сентября по несколько раз в день, я неоднократно спрашивал его, не имеет ли он каких-либо новых сведений от Богрова, на что получал отрицательный ответ. Мне были доложены только сообщения С.-Петербургского охранного отделения, из которых оказалось, что разработка сведений, ему сообщенных, ничего не дала. Я не могу согласиться с мнением сенатора Трусевича по поводу объяснений полковника фон Коттена, что, усматривая из телеграммы подполковника Кулябки конспирацию им источника сведений и понимая, что таковые исходят от Богрова, (он) позволил себе, несмотря на то, что запрос был сделан от имени моего из места, куда ожидалось прибытие Его Императорского Величества, не сообщать всех имевшихся у него сведений, а ограничиться формальной отпиской. Явление, несомненно, ненормальное, но находящее себе объяснение в ненормальной постановке районных охранных отделений, созданных сенатором Трусевичем, к изменению которой я стремился, и там, где это было возможно, достиг. Изменить систему без надлежаще подготовленных людей, на что требуется значительное время, не так легко. Своеобразная роль начальников районных охранных отделений, являвшихся, несмотря на свою молодость и подчас незначительные чины, руководителями своих старших товарищей, невольно туманило голову молодым офицерам и развивало в них излишнюю самоуверенность, что ясно из не соответствующего элементарным требованиям служебной дисциплины полковника фон Коттена.

Перехожу к сведениям, полученным 1 сентября. В этот день мне было сделано 2 доклада. Один утром, другой между 12 и 2 часами дня.

По содержанию этих докладов, по крайней мере, первого, особой разницы между утверждениями моими и показаниями Кулябки не заключается. Кулябко доложил мне, что Богров явился к нему накануне и сообщил о неожиданном приезде в его квартиру «Николая Яковлевича», заявившего, что вместе с ним прибыла в г. Киев группа в несколько человек, в числе которых одна девушка по имени «Нина Александровна». Где остановились другие прибывшие члены сообщества, «Николаю Яковлевичу», по его словам, не было известно, а между ними было условлено, что «Нина Александровна» должна придти на квартиру Богрова 1 числа в 12 час. дня. По словам Богрова, в вещах «Николая Яковлевича» был револьвер и патроны, и он сказал, что у «Нины Александровны» есть бомбы. На вопрос, что именно замышляют прибывшие террористы, «Николай Яковлевич» ответил, что они предполагают совершить покушение на статс-секретаря П.А. Столыпина и министра народного просвещения Л.А. Кассо. Посягнуть на Священную особу Его Императорского Величества злоумышленники не решаются, боясь еврейского погрома. Какие же меры к разработке этих сведений я мог принять после первого доклада? Игнорировать заявление о приезде группы было невозможно, сделать какое-либо распоряжение, могущее провалить Богрова или приехавшего «Николая Яковлевича», которого впоследствии не оказалось, было бы с моей стороны преступлением. Арестовать «Николая Яковлевича» и Богрова и оставить неразработанной группу, на которую Богров указывал, [redacted] ное наблюдение за домом Богрова, в наличности такого за ним самим я не сомневался, и ждать прихода «Нины Александровны» или новых сведений от Богрова, по которым можно было бы вести дальнейшую разработку. Сенатор Трусевич указывает на целый ряд обстоятельств, которые вновь должны были вызвать мое недоверие. Я же со своей стороны утверждаю, что при доверии или сомнении я никаких иных мер розыскного характера принять не мог, а на моей обязанности лежало принять меры охраны.

Вместе с сим я не считаю возможным обойти молчанием и эти поводы к сомнению. Некоторые из них, как то рассказы о Купеческом саде, о наблюдении за Богровым со стороны террористов, когда он будет вечером в театре, поручение Богрову собрать приметы обоих министров, по изложенным выше соображениям, относиться ко мне не могут, как я подробно уже имел честь доложить Государственному совету, так как об этом мне не было доложено. Я сказал в своих объяснениях сенатору Трусевичу, что у меня самого возникали сомнения относительно некоторых мест в рассказе Богрова, так, я думал, что злоумышленники сами обманывают Богрова, на что и обратил, как я скажу далее, самое серьезное внимание. Сенатор Трусевич не приводит в докладе никаких указаний, почему такое мое заключение менее правдоподобно, чем его предположение о необходимости заподозрить Богрова в измене, тем более, что для обдумывания этих сведений во

всех деталях в моем распоряжении было несколько часов, прерываемых целым рядом других мер, характера охранного, необходимость доложить о полученных сведениях статс-секретарю Столыпину, обеспечить обратное возвращение Его Императорского Величества и дальнейшие выезды Государя Императора на ипподром и в театр. Прежде всего, я должен был немедленно выехать в генерал-губернаторский дом и по возвращении от статс-секретаря Столыпина заняться обсуждением и разработкой дальнейших сведений Богрова. Мне было доложено, что Богров явился в Европейскую гостиницу и сообщил, что свидание «Нины Александровны» на квартире Богрова не состоялось, о чем она дала знать по телефону, а злоумышленники должны собраться на Бибиковском бульваре, близ здания Первой гимназии в 8 час. вечера, так что я не видел, какие новые меры розыскного характера можно было бы принять в течение дня, кроме продолжения наблюдений. Указывая на основания, которые должны были бы вызвать подозрения к заявлениям Богрова, сенатор Трусевич упускает из вида, что в деле имеется одно обстоятельство, служащее к оценке личности Богрова как сотрудника по сообщенным им сведениям с иной стороны. Хотя приход Богрова при его социальном положении помощника присяжного поверенного в Европейскую гостиницу и не мог возбудить, по моему мнению, особого подозрения, но я прекрасно понимал, что дальнейшие его отлучки из квартиры, а равно и разговоры по телефону невозможны и должны были показаться более, чем странными «Николаю Яковлевичу». Между тем, при изменяющихся планах злоумышленников сообщение новых сведений было необходимо. На мой вопрос по этому поводу мне было доложено, что это обстоятельство предусмотрено, и что по этому поводу с Богровым состоялось следующее соглашение. В случае необходимости он должен был, выйдя на балкон, дать условный знак находившемуся для наблюдения за квартирой заведующему наружным наблюдением. По этому знаку один из филеров, переодетый посыльным, должен был явиться в квартиру Богрова с письмом от имени каскадной певицы Регины, с которой Богров состоял будто бы в близких отношениях, а Богров в ответном письме изложить имевшиеся у него сведения. Такая готовность допустить в свою квартиру наблюдательного агента не поколебала, а напротив, служила доказательством его искренности как сотрудника.

Ввиду этого я не могу признать целесообразным рекомендуемый сенатором Трусевичем прием – посещение квартиры Богрова его швейцаром или писцом охранного отделения Сабаевым с целью убедиться, там ли «Николай Яковлевич». Если бы он действительно находился в квартире Богрова, то, конечно, просил бы принять меры к ограждению его от излишнего любопытства посторонних и даже прислуги. Справка у швейцара, возбуждающая подозрения, едва ли достигла цели, так как проживание Богрова в доме, состоящем из значительного количества квартир, часть коих занята большими учреждениями, как,

напр[имер], больницей, вследствие чего надзор за посетителями был крайне труден, как это утверждает сам сенатор Трусевич, была, по-моему, бесцельна. По этому поводу я позволяю себе почтительно обратить внимание Государственного совета, что, при обвинении меня в бездействии власти, во всеподданнейшем докладе указывается, главным образом, не на неприятие мной розыскных мер, а на нецелесообразность принятых, причем сенатором рекомендуются более полезные. Нельзя упускать из вида, что признаваемые неудовлетворительными меры принимались лицом, отвечающим за безопасность Его Императорского Величества, несущим массу обязанностей и делающим необходимые распоряжения в течение самого короткого времени, а рекомендуемые могли быть обсуждаемы при самых благоприятных условиях, в тиши кабинета, в течение более, чем половины года. Каковы же были дальнейшие намеченные мероприятия по отношению к свиданию злоумышленников, назначенному за полчаса до проезда Его Императорского Величества и лиц, на которых предполагалось преступное покушение. Свидание в месте, близко отстоявшем как от театра, так и от линии проезда. Обсуждение было всесторонним и касалось возможных, по характеру и содержанию сведений, предположений. Свидание это могло быть предварительным при условии полного доверия злоумышленников к Богрову; оно могло быть решительным и закончиться активными действиями. Наконец, при сомнении в искренности Богрова или в силу особой осторожности, террористы могли вынудить его принять участие в преступном посягательстве.

В первом случае было приказано продолжать разработку и установить местожительство ее членов.

Во втором, при котором Богров должен был предупредить условным знаком, – курением папироски, было сделано распоряжение арестовать всех, не стесняясь провалом сотрудника. Казалось бы, едва ли возможно признать справедливым утверждение сенатора Трусевича, что я предоставил единоличному усмотрению подполковника Кулябки выполнение розыскных мер без всякого ему содействия и контроля. Это утверждение не совсем вяжется с признанием сенатором осведомленности моей о всех мелочах розыска по делу. В чем же заключается проявленное мною бездействие власти, раз я был посвящен во все детали, раз я сделал распоряжения, которые подсказывал мне рассудок и долг службы, и поручил их выполнение начальнику охранного отделения, занимавшему это место более 5 лет и признанному сенатором Трусевичем в 1907 г. способным руководить в политическом розыске целым рядом старших его по службе лиц. Никакого иного контроля установить не было возможности. Я полагаю, что фактически следить за выполнением самых элементарных мер, вроде наружного наблюдения, я, 1 сентября, во всей совокупности лежащих на мне обязанностей, не мог. Возложить такой контроль на полуответственных руководителей считал безусловно вредным. Может

быть, я заблуждался в течение всей своей службы и продолжаю заблуждаться теперь, но всегда признавал невозможным в живом деле многовластие, неизбежно влекущее за собой бесполезные пререкания. Сенатор Трусевич держится другого взгляда. Он, по-видимому, полагает, что я обязан был указать начальнику отделения, сколько филеров пустить для наблюдения при свидании на Бибиковском бульваре и как их там расставить.

Оканчивая мои объяснения по поводу разработки поступивших от Богрова сведений, я не могу не сказать несколько слов по отношению к мерам, принятым мной после несчастного события 1 сентября. Сенатор Трусевич упрекает меня в распоряжении об обысках и арестах, значение которых ему неясно. Я приказал подполковнику Кулябке произвести обыски и аресты по связям Богрова, - прием, всегда практиковавшийся при событиях, подобных 1 сентября. Нельзя забывать, что Его Императорское Величество продолжал находиться в Киеве, предстояли еще посещения Овруча и Чернигова, посещение целого ряда мест в Киеве, обратный отъезд из этого города и путешествие в Севастополь.

Установить, были ли у Богрова соучастники, не представлялось возможным не только 1 сентября, но, насколько мне известно, это обстоятельство не выяснено и до сих пор. Мне и теперь кажется, что в моем распоряжении были только две меры – обыски по связям и попытка получить какие-нибудь сведения от Богрова. Первое для сенатора Трусевича неясно, а второе он, по-видимому, считает чуть ли не преступным, говоря, что этому воспротивились судебные власти, а потому мне это не удалось, между тем как распоряжение мое было одобрено статс-секретарем В.Н. Коковцовым. Понимая, что продолжение розыска по этому делу подполковником Кулябко может возбудить самые невероятные толки, я возложил розыск по делу на начальника Киевского губернского жандармского управления полковника Шределя. Ошибка при обыске у Леонтовича легко объясняется моментом, в который он был произведен. Безрезультатность обысков далеко не всегда служит доказательством их неосновательности.

О неправильности мер по охране во 2 пункте обвинения не говорится, и, по-видимому, в бездействии власти в этой области я не обвиняюсь. Не могу не добавить, что и в самом театре, за несколько минут до несчастия со статс-секретарем Столыпиным, я давал указания по розыску, обсуждал и корректировал меры, предпринятые подполковником Кулябко. Узнав от статс-секретаря Столыпина, что свидание на Бибиковском бульваре не состоялось, я в первом антракте расспросил Кулябко, от которого узнал, что злоумышленники подыскали себе квартиру, на которой и должны собраться в 11 час. вечера члены группы. К этому Кулябко добавил, что он послал Богрова убедиться, дома ли «Николай Яковлевич». Так как отмена свидания и назначение нового состоялись по телефону, то я приказал немедленно установить наблюдение за телефоном по квартире Богрова и следить за ве-

дущимся разговором. Выполнение этого я поручил статскому советнику Веригину, находившемуся в коридоре, так как мера эта должна была быть осуществлена чрез командированного в мое распоряжение инспектора почт и телеграфов, действительного статского советника Довяковского.

Можно говорить о моем неумении вести политический розыск, но не о бездействии власти, а при таких условиях и во 2 пункте обвинения не заключается какого бы то ни было преступления, караемого уголовным законом.

Перехожу к 3 пункту. Сенатор Трусевич обвиняет меня в том, что, будучи своевременно осведомлен о несоответствии подполковника Кулябки в занимаемой им должности начальника Киевского охранного отделения, в неудовлетворительном положении розыска в этом учреждении, а равно в недостаточности личного его состава для выполнения по случаю киевских торжеств работы, не только не принял мер к устранению указанных непорядков, но и возложил на подполковника Кулябко выходившие из круга его обязанностей поручения по организации и заведованию наружной охраной, причем не освободил начальника охранного отделения от исполнения таковых даже после получения от Богрова сведений первостепенной важности, требующих тщательной проверки, т.е. сенатор Трусевич признает меня виновным в бездействии власти, предусмотренном ст. 339 Улож. о наказ. Этот пункт приходится разбирать по отдельным частям: 1-я - несоответствие подполковника Кулябки занимаемой им должности. Я подробно уже останавливался на этом положении при оценке служебной деятельности этого штаб-офицера. Это несоответствие есть мнение сенатора Трусевича, которому я противопоставлял его же собственное мнение, как директора департамента полиции, мнение двух генерал-губернаторов, которые признавали совершенно обратное.

Соответствие или несоответствие известного должностного лица занимаемой им должности может основываться на его способностях, знании дела и старании в работе. Неспособным по природе никто подполковника Кулябко не считал и не считает. В опровержение этого, по крайней мере, не приведено во всеподданнейшем докладе никаких данных. Знание дела определяется подготовкой к нему теоретической или практической, наиболее желательное – соединение теории с практикой. Теоретической подготовки у Кулябки не было, как нет ее у большинства чиновников и офицеров, работающих в розыске. Я принимал, как это уже изложено в предыдущих моих объяснениях, все зависящие от меня меры к устранению этой неосведомленности, но ясно, что пересоздать и подготовить теоретически целый ряд офицеров для многочисленных розыскных учреждений, - задача, в два с половиною года не выполнимая. Важно, что на это было обращено серьезное внимание и делалось все возможное. Я не был сторонником сосредоточивания розыска в охранных отделениях, а полагал, что таковой должен вестись и во всех управлениях и уч-

реждениях корпуса, поэтому, кроме правильного преподавания теории розыска и истории революционного движения на подготовительных курсах, я, тем же приказом 1910 г. за № 183, установил прикомандирование 15 старших штаб-офицеров, кандидатов в начальники управления к С.-Петербургскому охранному отделению на 6 месяцев. Но за отсутствием у Кулябки, как и у остальных, теоретической подготовки, практическая подготовка была полная. Он прошел все должности в охранном отделении, начиная с самых низших, вплоть до начальника районного охранного отделения, в котором он и состоял в продолжении 5 лет, следовательно, пять лет тому назад он признавался опытным в политическом розыске, причем опыт его за 5 лет не мог уменьшиться. Можно халатно относиться к своим обязанностям, сделаться ленивым и небрежным, но невозможно, зная известное дело и продолжая им заниматься, иметь меньший опыт в известный момент, чем за 5 лет до такового. Эта опытность подполковника Кулябки не оспаривалась и ревизорами, на которых ссылается сенатор Трусевич. Таким образом, утверждение сенатора Трусевича, что подполковник Кулябко не соответствовал занимаемой им должности, с точки зрения опыта в розыскном деле, не находит себе подтверждения. Создать новых, еще более опытных розыскных чинов в два с половиной года невозможно, и я должен был делать выбор из тех, которые были мне оставлены сенатором Трусевичем. Удалить человека с занимаемой им должности для начальника не трудно, но заменить его другим, более соответственным или даже равным, при отсутствии соответствующих кандидатов, не легко. За время заведования мною делами департамента полиции и командования отдельным корпусом жандармов обревизовано 27 губернских жандармских управлений, 10 охранных отделений и 4 розыскных пункта, причем во всех переименованных органах были обнаружены более или менее серьезные упущения в деле постановки розыска и по ним даны надлежащие указания. За тот же период времени мною отчислены, как несоответствующие своим должностям, 39 штаб- и обер-офицеров.

Перехожу к неудовлетворительной постановке розыска в Киевском охранном отделении. Считать постановку идеальной, я, конечно, не могу, она была, по-моему, не хуже, не лучше, чем в других розыскных органах, но зависело (это) не от личных свойств начальника охранного отделения, а от общих причин. Для удовлетворительной постановки розыска, прежде всего, необходима солидная агентура, каковая и была у подполковника Кулябки до 1908 г. С этого момента в Киеве и других охранных отделениях качественная сторона агентуры мало-помалу ослабевает. Политические события, на которые я уже указывал, частью провалили старых сотрудников, частью заставили их отойти от работы. Найти новых становилось все труднее и труднее. Революционное движение ушло в подполье, организации разбились, а с ними уменьшилось и количество лиц осведомленных, могущих серьезно служить делу сыска. Это общее явление не могло быть по-

ставлено в вину одному Киевскому охранному отделению, а именно оно и было указано, как дефект, при ревизиях, на которые ссылается сенатор Трусевич. Теми же ревизиями устанавливаются в Киевском охранном отделении недочеты канцелярского характера и несколько небрежное отношение Кулябки в исполнении своих прямых обязанностей, а также и склонность перекладывать таковые на своих подчиненных. На эти дефекты Кулябке делались соответствующие указания. Я смотрел на них как на дефекты обыкновенного времени, которые, конечно, не могли иметь места в такую серьезную минуту, как Высочайший приезд. Доказательством этого служила работа Кулябки в 1909 г. при посещении Его Императорским Величеством Киева, – работа, безукоризненность которой была отмечена генерал-адъютантом Треповым. Столь же добросовестно Кулябко работал в Риге, и я видел его готовность посвятить все силы порученному ему делу как в первый мой приезд в Киев в июне месяце 1911 г., так и в последний. Я не могу согласиться с мнением сенатора Трусевича о недостатке личного состава отделения для выполнения предстоявшей ему по случаю киевских торжеств работы, по крайней мере, я не вижу к этому в докладе никаких данных, которые были бы несомненно приведены, так как Высочайшим повелением от 7 сентября 1911 г. на сенатора Трусевича была возложена ревизия Киевского охранного отделения. Единственно, что я нахожу в докладе – это заявление подполковника Кулябки, будто бы подтвержденное полковником Спиридовичем, что они об этом мне докладывали.

При первом приезде в Киев в июне месяце я подробно обсуждал личный состав всех учреждений, которые должны были работать по принятию мер к безопасности Высочайшего путешествия. Начальники учреждений, в том числе и подполковник Кулябко, стремились просить о командировании им возможно большего количества офицеров и нижних чинов. Каждое такое ходатайство обсуждалось во всех подробностях, причем я требовал, чтобы мне указывались основания, почему признается необходимым то или другое количество этих чинов. Также обсуждалось и ходатайство Кулябки. В распоряжение Кулябки было прикомандировано 6 офицеров, кроме постоянного состава пяти, т.е. всего у него было 11 чел., что я признал совершенно достаточным и что в настоящее время докладом не опровергнуто. Откомандирование ротмистра Нагродского было сделано еще до киевских торжеств министром внутренних дел для заведования личной охраной статс-секретаря Столыпина в его имении «Колноберже».

Я не знаю, на чем основывает сенатор Трусевич свое мнение, что к отделению было прикомандировано только 4 чел. По официальной справке штаба отдельного корпуса жандармов в Киевском охранном отделении находились: подполковник Кулябко, ротмистр Вахнин, ротмистр Самохвалов, ротмистр Макаров и штабс-ротмистр Богданович, прикомандированы: полковник Уранов[208], ротмистр Барабашев[209], ротмистр Каминский, ротмистр Муев и ротмистр Ершов[210] и штабс-рот-

мистр Катрухин. Докладом мне ставится в упрек, почему я не прикомандировал еще одного офицера, причем как тогда, так и теперь не указывается никаких оснований в необходимости этой меры. Мне кажется странным, что, имея в своем распоряжении свободных офицеров, о чем мне не требовалось наводить какие-либо справки, я в видах экономии в 250 руб. не прикомандировал к Киевскому охранному отделению еще одного, по-видимому, безусловно необходимого, офицера, при наличности в Киеве более 20 прикомандированных, не считая вызванных из Москвы и Петербурга офицеров дивизиона. Между тем это признается как бы особо преступным, так как в докладе приводится и объяснение моего поступка, – «недостаток денег, отпущенных на охрану», – недостаток в 250 руб. при израсходовании на суточные и прогонные командированным в Киев чинам более 150 000 руб. Действительно, при обсуждении всех вопросов о количестве лиц, подлежащих вызову, я высказался за необходимое соблюдение строгой экономии, что было вызвано неоднократными указаниями статс-секретаря Столыпина отнюдь не допускать перерасхода всех отпущенных 300 000 руб. Деньги эти должны были покрывать все расходы на проезд Его Императорского Величества из С.-Петербурга через Киев, Севастополь в Ялту, на пребывание в гг. Киеве, Чернигове, Овруче, Белгороде и Южном берегу Крыма до конца ноября или начала декабря 1911 г. В заключение я не могу не заметить, что наличность в Киеве 11 или 12 офицеров никакого влияния на несчастное событие 1 сентября оказать не могло. Всякому, когда-либо стоявшему у дела политического розыска, известно, что с серьезными сотрудниками работает сам начальник отделения, но не его помощники, а тем более прикомандированные офицеры.

Я не думаю, чтобы необходимо было при этом основном положении останавливаться над вопросом, предлагал я или не предлагал подполковнику Кулябке заменить командированного в г. Кременчуг ротмистра Муева полковником Кременецким. Я утверждаю, что такое предложение было, но подполковник Кулябко от него отказался. Отозвание полковника Кременецкого в Полтаву было для него, Кулябки, вовсе не неожиданным, так как вопрос об этом обсуждался нами совместно.

Таким образом, кроме общего заявления подполковника Кулябки, сделанного мне в первую поездку, он ни раньше не докладывал мне о необходимости усилить отделение, не докладывал об этом и после сделанного Богровым заявления. Не усматривал этой необходимости и я, в особенности в связи с общим характером и особенностями работы розыскных органов в местах Высочайших посещений, о которых я уже имел честь докладывать Государственному совету. Мне остается еще остановиться на вопросе, не была ли непосильна работа подполковника Кулябки по организации наружной или, вернее сказать, народной охраны в связи с остальными лежащими на нем обязанностями. Я, равно как и киевский генерал-губернатор генерал-адъютант

Трепов, считал, что организация эта должна лежать именно на начальнике отделения, так как в нее могли быть допущены люди исключительно благонадежные. Так была организована охрана и в 1909 г., причем ни тогда, ни теперь подполковник Кулябко не заявлял, что заведование ею отрывает его от прямых его обязанностей, тем более, что в помощь ему был назначен помощник киевского полицмейстера. Я особенно дорожил руководством народной охраны со стороны подполковника Кулябки, так как мне было известно, что он пользуется особым уважением среди правых организаций г. Киева, из которых по преимуществу и состояла эта охрана. Нельзя требовать, чтобы товарищ министра, которому по Высочайшему повелению вверено высшее руководство охраной Его Императорского Величества, не мог бы положиться на начальника охранного отделения в вопросе о том, справляется ли он с порученной ему работой без ущерба для прямых своих обязанностей.

Подполковник Кулябко не только не заявил мне, что ему не хватает времени, но когда я предположил заведование охраной 100 саж. полосы в предместьях г. Киева передать начальнику Киевского губернского жандармского управления, а генерал-адъютант Трепов просил меня оставить ее в ведении подполковника Кулябко, как это было в 1909 г., последний на мой вопрос, не будет ли это для него слишком тяжело, ответил отрицательно.

Сенатор Трусевич, останавливаясь на переобременении подполковника Кулябки работой, говорит, что мной была возложена на него и организация охраны статс-секретаря Столыпина в генерал-губернаторском доме. Организация, заключающаяся в расстановке филерских постов вокруг помещения министра, и сопровождение его при поездках – обязанность не сложная, которая могла быть поручена Кулябкой любому из подведомственных ему офицеров. Вполне естественно, что по такому вопросу, который я считал очень серьезным, ибо всегда, даже в Петербурге, лично проверял охрану министра, я отдал это приказание начальнику охранного отделения, не считая себя обязанным распределять работу по исполнению этого поручения между подведомственными ему офицерами.

На основании всех этих данных, ничем не доказано: несоответствие подполковника Кулябки к своей должности, неудовлетворительная постановка розыска в отделении, стоящая в причинной связи с событием 1 сентября, недостаточность личного состава отделения и необходимость большего его усиления, чем это было мною сделано, и, наконец, переобременение подполковника Кулябки работой, препятствующей ему исполнять свои прямые обязанности.

Поэтому я не вижу и в 3 пункте обвинения уголовно наказуемого деяния. Оставляю без возражения дисциплинарные упущения за их неуказанием.

Заканчивая мои объяснения, я позволяю себе остановить внимание Государственного совета, что обвинение должностного лица, за-

нимавшего мое служебное положение и исполнявшего тяжелую ответственную работу при всех Высочайших путешествиях за последние три года – путешествиях, оканчивавшихся, в счастью для меня, не только вполне благополучно, но и удостоившихся всемилостивейшего одобрения Государя Императора, – в бездействии власти не может быть рассматриваемо только в отношении к отдельному событию, хотя бы и чрезвычайной важности.

Нельзя игнорировать совокупность всей моей деятельности и проведенных в жизнь мероприятий по охране, в целях лежавшего на мне священнейшего и драгоценнейшего для меня долга – охранения особы Его Императорского Величества и его августейшей семьи, а также моего ближайшего начальника, министра внутренних дел, а равно и других высших должностных лиц, как и вообще всех тех, кому угрожала бы опасность со стороны злоумышленников-террористов. По отношению к первой, важнейшей из моих обязанностей, мною были приняты следующие меры. Когда днем 1 сентября мне было доложено, что «Нина Александровна» в 12 час. дня в квартиру Богрова не явилась, т.е. что группа террористов, о которой говорил Богров, не выяснена, что каждую минуту может произойти какое-либо посягательство, *я обсудил те предупредительные меры, которые мог бы* принять для обеспечения безопасности Его Императорского Величества. Я не только наметил эти меры, не только доложил о них сейчас же статс-секретарю Столыпину по телефону, но изготовил и отправил доклад дворцовому коменданту, в котором, излагая вкратце поступившие ко мне сведения о готовившихся преступных посягательствах на статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Л.А. Кассо, высказал предположение, что злоумышленники, если к тому представится удобный случай, не остановятся пред дерзновенным покушением на Священную особу Его Императорского Величества, поэтому я предлагал провести Государя Императора на ипподром кружным путем и следовать в театр в моторе без свиты. Ближайшим моментом, требовавшим предупредительных мер, было возвращение Его Императорского Величества с маневров.

Зная по опыту предыдущих проездов, что толпа собирается по линии выставленного полицейского наряда, я с полковником Спиридовичем объехал таковой по пути следования, громко приказывая полицейским офицерам, ввиду отложенного Его Императорским Величеством возвращения до вечера, снять все наряды и выставить их снова по получении об этому приказания. Выехав на границу города для встречи, я послал сопровождавшего меня адъютанта передать мое приказание полицмейстеру выставить 2-й наряд полиции и жандармов на Лавру. Толпа разошлась, обратный проезд совершился вполне благополучно.

Прибыв вслед за царским мотором во дворец, я на словах подтвердил дворцовому коменданту и доложил министру Императорско-

го Двора подробности полученных мною тревожных сведений. Те же подробности доложил я на ипподроме статс-секретарю П.А. Столыпину и вторично предупредил Л.А. Кассо. Его Императорскому Величеству с августейшими детьми благоугодно было проследовать на ипподром и обратно по намеченному заранее пути, а мое предположение о поездке в театр на моторе было принято и свита отправлена вперед. Когда случилось несчастье со статс-секретарем П.А. Столыпиным, я приказал наряду конных жандармов немедленно совершенно очистить театральную площадь и Фундуклеевскую улицу, предполагая далее проехать во дворец кружным путем. Докладывая об этих распоряжениях, я присовокупил, что тотчас же доложу, как путь будет свободен, но Его Императорское Величество изволил отбыть из театра ранее моего доклада.

Охрана статс-секретаря Столыпина в генерал-губернаторском доме была, по-видимому, организована совершенно правильно, так как, по крайней мере, никаких упреков в этом направлении в докладе не содержится.

Что касается выездов П.А. Столыпина, за исключением тех случаев, когда он следовал за императорским кортежем, маршруты обсуждались мной с покойным министром лично, что может засвидетельствовать присутствовавший при одном из таких разговоров статс-секретарь А.В. Кривошеин. Получив 1 сентября доклад о прибытии группы злоумышленников, я тотчас же предупредил П.А. Столыпина по телефону, что прошу его никуда не выезжать до моего приезда и приказал приготовить для него специальный мотор с чинами охраны, которые должны были следовать по намеченному маршруту. Еще до доклада мне подполковника Кулябко распорядился усилить охрану генерал-губернаторского дома и назначил в вестибюль офицера, дабы в приемную генерал-губернатора не впускали никого без предварительного опроса, в чем я лично убедился, приехав в генерал-губернаторский дом.

При докладе я просил статс-секретаря Столыпина выезжать в этот день на приготовленном моторе, на что он согласился очень неохотно.

Перед театром я лично осмотрел подъезд, через который должен был пройти покойный министр.

Что касается до охраны его в театре, то за внутренность театра, при установленном мною контроле офицеров, я был совершенно спокоен, лучшим доказательством внимательного просмотра пропускных билетов было недопущение одним из офицеров Богрова во второй раз без специального приказания подполковника Кулябки.

Ставить особую охрану около статс-секретаря Столыпина я не мог, так как покойный министр не выносил подобной охраны. Я за последние два года неоднократно по этому поводу получал от него указания. Обыкновенно во время нахождения министра в театре или других подобных местах я никогда не отходил от него ни на шаг, что могут удостоверить многие лица.

Так же поступали и офицеры его охраны подполковник Пиранг и ротмистр Дексбах. Я страшно сожалел, что в этот роковой приезд в Киев министр не взял ни одного из этих офицеров, а с ним приехал штабс-капитан Есаулов, никакого представления об охране не имеющий.

В первый же день приезда я просил министра разрешения вызвать по телеграфу ротмистра Дексбаха, но получил категорический отказ. Этот офицер был вызван мной, когда министр был ранен. В антрактах я уходил от статс-секретаря по его приказанию, причем при нем оставался штабс-капитан Есаулов, который обязан был, в случае необходимости отлучиться, предупредить кого-нибудь из жандармских офицеров или доложить мне. Отсутствие особой охраны в партере, при наличности в коридорах театра значительного количества офицеров и агентов охранной команды, служит лучшим доказательством, что я и не подозревал присутствия в нем Богров. Если допустить, что я ни о чьей безопасности не думал, то нельзя предположить, чтобы я не позаботился хотя бы о себе – благоволением террористов я никогда не пользовался и не их вина, если я счастливо избег двух бомб. Мои взгляды на излишнее доверие к сотрудникам подтверждаются целым рядом моих распоряжений и не отрицаются сенатором Трусевичем. По отношению к министру народного просвещения мною были приняты те же предупредительные меры, т.е. в его распоряжение был назначен мотор с чинами охраны и о полученных мною сведениях я немедленно предупредил его чрез статского советника Веригина, а затем подробно обсудил все его выезды с приехавшим ко мне камергером Вестманом.

Перечисляя принятые мною меры охраны, я счастлив, что после семи месяцев всевозможной клеветы и обвинений я могу высказаться перед Государственным советом по самому тяжкому для меня обвинению, на котором остановился, однако, сенатор Трусевич.

Мне, прослужившему около 35 лет, не жалевшему ни сил, ни здоровья на этой службе и неоднократно рисковавшему своей жизнью, более чем тяжел упрек, что я не принял всех мер для обеспечения безопасности Священной для меня особы Его Императорского Величества и всей его августейшей семьи.

Я с негодованием отвергаю самую мысль об этом. Мне, как и всякому верноподданному, невыносимо тягостно сознание, что драгоценная жизнь самодержавного монарха России может подвергаться опасности со стороны шайки разбойников, но уничтожить это положение можно только путем общих международных мер. Не могу не отрицать я такой опасности и в г. Киеве, но утверждаю, что опасности этой не создал в театре допуск в него подполковником Кулябко Богрова.

Посягнуть на Священную особу Его Императорского Величества в театре Богров не мог. Пока Государь Император находился в своей ложе, внутренность театра была совершенно обеспечена. Сенатор Трусевич признает, что близ царской ложи сидели высшие чины ох-

раны, но он почему-то упускает, что, кроме высших чинов охраны, в проходах и партере находились на определенных местах и все предназначенные для этой цели офицеры. Утверждение, что все эти лица удалялись во время антракта из партера, неверно. Никто не трогался со своих мест, пока Его Императорское Величество не изволил выходить из ложи и все занимали свои места перед обратным выходом Государя Императора.

Я могу уверить генерал-адъютанта Трепова, на отзыв которого ссылается сенатор Трусевич, что чинам охраны в этот вечер было не до представления и их внимание было целиком сосредоточено на исполнении своих обязанностей. При наличности этих чинов Богров даже издали не мог подойти к ложе Его Императорского Величества.

Заканчивая мои объяснения, я позволю себе высказать надежду, что Государственному совету благоугодно будет снять с меня тяжелое и незаслуженное обвинение.

Генерал-лейтенант в отставке Павел Курлов.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 23. Л. 53-78об. Типограф. экз..

Объяснение Н.Н. Кулябко в Первый департамент Государственного совета

18 апреля 1912 г.

На требование от 20 марта сего года за № 5 представить объяснение по содержащимся во всеподданнейшем докладе сенатора Трусевича предметам обвинений, имею честь доложить первому департаменту Государственного совета: против меня сенатор Трусевич выставляет следующие обвинения:

1) превышение власти, выразившееся в том, что я, вопреки установленному порядку и существующим распоряжениям по департаменту, допустил помощника присяжного поверенного Мордку Богрова в Купеческий сад и городской театр, и

2) бездействие власти, выразившееся в том, что, получив сведения от Богрова о замыслах террористов, – не вошел в тщательное обсуждение упомянутых донесений Богрова, оставив таковые без подлежащего исследования. Признать себя виновным в превышении власти я не могу, так как, хотя я и допустил Богрова в Купеческий сад и городской театр, но сделал это потому, что находил это необходимым по ходу розыска и этим допуском я никаких распоряжений департамента полиции не нарушал, таковых не знаю и полагаю, что их и не было. Сенатор же Трусевич в своем докладе говорит лишь о том, что мною были нарушены: установленный порядок и существующие распоряжения департамента полиции, но какие это распоряжения, когда и за каким номером они были изданы, – сенатор Трусевич умалчива-

ет. Лишь в одном случае (стр. 34 докл[ада]) сенатор Трусевич ссылается на циркуляр от 3 октября 1907 г. за № 136287, указывая, что этим циркуляром воспрещается использование секретных сотрудников для «целей охраны». Между тем в этом циркуляре ничего не говорится, что сотрудников нельзя употреблять «для целей охраны», а сказано, что «во избежание провала секретных сотрудников, воспрещается поручать им проследку революционеров, для выяснения квартир разыскиваемых лиц и указания подлежащих аресту чинам полиции». Этих функций Богрову не поручалось, и он был допущен в Купеческий сад и городской театр лишь для выполнения поручений, возложенных на него революционерами, т.е. для собрания сведений об обстановке и условиях охраны г[оспод] министров. Сенатор Трусевич, ссылаясь в своем докладе на циркуляр № 136287, очевидно, по ошибке указал этот номер, так как кроме вышеизложенного несоответствия содержания циркуляра с текстом, приведенным в докладе, сенатор Трусевич по поводу этого циркуляра пишет: «Из справок, собранных в департаменте полиции и в штабе корпуса жандармов, оказалось, что каких-либо циркуляров и приказов, воспрещающих использование секретных сотрудников «для целей охраны», издаваемо генералом Курловым – не было, и в этом отношении действовал лишь циркуляр 3 октября за № 136287 от 1907 г., преподанный задолго до вступления его в должность товарища министра. Между тем циркуляр этот подписан генералом Курловым.

Также не могу признать себя виновным и в бездействии власти, так как сведения Богрова обсуждались весьма тщательно, о чем подробно будет доложено ниже. Возможно, что, ведая таким большим и ответственным делом, какое было возложено на меня во время Высочайшего пребывания в г. Киеве, приняв во внимание, что я, незадолго перед тем перенес тяжелую операцию, осложнившуюся воспалением легких, с кровохарканием, обострившим туберкулезный процесс, – я, вследствие переутомления как физического, так и нравственного, мог упустить некоторые обстоятельства, которые воспрепятствовали бы Богрову выполнить его злодейский план; но отсюда еще очень далеко до тех обвинений, которые пытается возвести на меня сенатор Трусевич. В такой работе, как охранная, всегда возможны ошибки, и все это тяжелое событие 1 сентября есть не более, как несчастный случай, от которого никто не гарантирован, какую бы осторожность при этом не проявлял. Доказательством тому служит вся история политического розыска как в России, так и на Западе. Переходя к изложению обстоятельств, при наличности коих Богров получил возможность совершить злодеяние, имею честь доложить нижеследующее: Богров, как я ранее доложил, действительно был допущен мною в Купеческий сад и городской театр, причем я ни у кого разрешения на то не испрашивал и предварительных докладов по нему не делал. Допустил я Богрова потому, что этого требовал ход розыска, и сомнений в благонадежности Богрова у меня не было.

Скажу даже больше, что относительно Богрова, который работал у меня в продолжение нескольких лет, давал ценные и всегда правдивые, даже в мелочах, – сведения (что подтверждает в своем докладе и сенатор Трусевич), у меня составилось твердое убеждение, что он настолько убежденный противник революционеров, разочаровавшийся в их порядочности, что при своей скромности, любви к жизни и большим средствам, он не способен не только на террористический акт, но даже на мелкую революционную работу. Несомненно, что если бы у меня явилась хотя бы тень сомнения относительно благонадежности Богрова, то я бы его не только не допустил в места Высочайших посещений, но, принимая во внимание серьезность момента, как Высочайшее пребывание в г. Киеве, и недостаточность времени для детальной разработки и проверки доставленных им сведений, – я его арестовал бы, не считаясь с тем, что этот арест привел бы его к провалу в революционных организациях.

Обстоятельства, предшествовавшие злодейскому покушению Богрова, сведения, полученные от него, и разработка таковых довольно подробно изложены в докладе сенатора Трусевича, и к этому я могу добавить лишь следующее: 1) Сенатор Трусевич сведения Богрова категорически называет «измышлениями», ничем того не подтверждая и не опровергая данными проверки моего глубокого убеждения, что сведения о существовании террористической группы правдоподобны и вопрос о том, были ли в Киеве террористы во время торжеств или не были, до настоящего времени еще не выяснен и остается открытым.

2) На странице 16-ой доклада говорится, что, усматривая исключительную важность сведений Богрова, я признал необходимым участие начальства в разработке их и решил привлечь Веригина и Спиридовича к обсуждению доклада Богрова. Между тем сделал я это не с целью привлечения их к разработке, а просто не считал возможным, в силу личных отношений, скрыть от них эти сведения, хотя и не был обязан этого делать.

3) На той же странице доклада говорится, что я дал показания относительно осведомленности Спиридовича и Веригина о перерыве сношений Богрова с отделением.

Ввиду того, что со времени события 1-го сентября прошло уже много времени и самое событие произвело на меня потрясающее впечатление, то многие детали, а тем более мелочи, мною позабыты и утверждать категорически, что об этом обстоятельстве я поставил в известность Веригина и Спиридовича, я не могу и, если дал подробное показание сенатору Трусевичу, то, несомненно, только в предположительном смысле.

4) На странице 17 доклада говорится, что Богров, представив мне записку о планах террористов, пояснил по содержанию ее <пропуск>, причем сенатор Трусевич умалчивает, что эти пояснения явились результатом перекрестных допросов Богрова мною, Спиридовичем и Веригиным, каковое обстоятельство считаю весьма существенным в це-

лях опровержения обвинения сенатором Трусевичем меня, Спиридовича и Веригина в бездействии власти, выразившемся, по содержанию доклада, в том, что мы не вошли в тщательное обсуждение доклада Богрова, причем сенатор Трусевич с несомненностью утверждает, что, при сколько-нибудь внимательном отношении нашем к рассказам Богрова, лживость таковых была бы немедленно обнаружена. Таковое мнение сенатор Трусевич выводит из того, что, якобы, при обсуждении доставленных Богровым сведений, у нас не возникло сомнений в достоверности таковых, а, между тем, при надлежащем внимании с нашей стороны, естественно, должен был возникнуть ряд существенных вопросов, в числе каковых сенатор Трусевич указывает, что для него является непонятным, почему Богров, получив в конце июля «совершенно определенные сведения» о готовящемся террористическом акте, не счел нужным заявить о том немедленно. Это обстоятельство обратило и наше внимание при обсуждении доклада Богрова, и на заданные, как выше указано, Богрову вопросы он дал, не задумываясь, вполне правдоподобные ответы, а именно: что, проживая в июле месяце близ Кременчуга, на даче, от приезжего неизвестного, по имени «Николай Яковлевич», он узнал, что какая-то группа подготовляет какое-то дело в Киеве, и что для конспиративных целей им нужна квартира и моторные лодки. Кто были участники предприятия, какое именно дело было задумано, Богров не знал, и на его вопросы по сему поводу «Николай Яковлевич» обещался посвятить его в курс дела по приезде в Киев, о чем обещался также поставить Богрова в известность заблаговременно, письмом. Имея столь неопределенные, а не «совершенно определенные сведения», как сказано в докладе сенатора Трусевича, и не располагая сколько-нибудь положительными данными, он, Богров, не хотел ехать в Киев и являться в отделение и ждал письма от «Николая Яковлевича», с которым бы он мог придти ко мне. Но так как письма до 26 августа получено им не было, а между тем, в газетах появились «категорично» сказанные (в докладе говорится «какие-то неясные намеки») сведения о том, что революционеры намереваются возобновить террористические действия против статс-секретаря Столыпина, при материальной поддержке финляндцев, и узнав, что в отделении застрелился арестованный, он, Богров, не счел возможным долее оттягивать сообщение имевшихся у него, хотя неопределенных, сведений, в предположении, не имеют ли они связи с газетными сообщениями и вышеупомянутым самоубийством неизвестного в отделении. Таким образом, сенатор Трусевич, выставляя обвинение меня в том, что вышеизложенный вопрос, который сенатор Трусевич признает существенным, у меня, якобы, не возникал при докладе Богрова, – само собою отпадает, т.к. подобный вопрос Богрову задавался и ответ Богрова вполне удовлетворил, по крайней мере, лично меня, тем более, что Богров, своей продолжительной и верной службой в отделении, как ранее было доложено, заслужил полное мое доверие и если вышеупомяну-

тый вопрос ему и задавался, то не потому, что я не доверял словам Богрова, а только желая более широко осветить то дело, о котором он говорил.

5) На странице 19 доклада говорится, что не обратило внимания и то, что Богров 1½ года не был в сношениях с охранным отделением.

По этому поводу могу доложить, что, согласно циркулярному распоряжению департамента полиции, о всех сотрудниках, зарекомендовавших себя с дурной стороны, а потому не заслуживающих доверия, начальники розыскных учреждений обязываются доносить департаменту полиции, для оповещения о том всех розыскных органов, на случай явки к ним означенных лиц. Извещения о неблагонадежности Богрова не было, и я не имел никаких данных предполагать возможность его изменения отношения к интересам розыска, тем более, что знал, что Богров приехал в Петербург из Киева, желая совершенно прекратить всякие сношения с революционерами, а также заняться судебной практикой. Явка же его ко мне, 26 августа, со случайно, по его словам, полученными сведениями, еще более убедила меня в правильности высказанного мнения моего о направлении Богрова и о его порядочности, а также и о том, что его враждебные отношения к революционерам не изменились.

6) На той же 19 странице доклада сказано, что не обратило внимания то обстоятельство, что Богров был заподозрен революционерами в предательстве. Но сенатор Трусевич умалчивает, что это обстоятельство не могло бы иметь существенного значения, если принять во внимание, что Богров был заподозрен революционерами несколько лет тому назад, судился партийным судом и был оправдан, а возведенное на него обвинение было признано недобросовестным. В силу этого Богров, при отъезде за границу, получил комитетские явки и удостоверение о результатах суда, после чего его революционные связи укрепились не только в России, но и за границей и он продолжал не менее плодотворно работать в отделении, посвящаясь революционерами в самые конспиративные дела. Поэтому факт посвящения его «Николаем Яковлевичем» в замыслы террористов не мог навести на серьезные сомнения, как полагает сенатор Трусевич.

7) На той же 19 странице доклада говорится, что для сенатора Трусевича является непонятным, почему возникшее у Спиридовича подозрение в слишком малом посвящении «Николаем Яковлевичем» Богрова в детали дела не поколебали доверия к последнему. По этому могу доложить, что я полагал и полагаю ныне, что «Николай Яковлевич» с первого раза и не должен был посвящать Богрова во все детали дела и подробности, и обещание его сделать это по приезде в Киев является вполне нормальным и не противоречащим принципам и приемам революционеров. Ввиду вышеизложенного полагаю, что обвинение сенатором Трусевичем меня в том, что вопросы, указанные в п. 1–7, признаваемые сенатором существенными, не были предложены Богрову и оставлены в стороне, само собою отпадают.

8) На странице 20 доклада сенатор Трусевич ставит мне в вину, якобы, небрежность при командировке ротмистра Муева в Кременчуг, выразившуюся в том, что я дал ротмистру Муеву неудовлетворительные приметы «Николая Яковлевича» и выяснял эти приметы путем переговоров с кем-то по телефону. В действительности же никакой небрежности не было. Ротмистру Муеву были сообщены сведения, касавшиеся Кременчуга, задана задача и те приметы «Николая Яковлевича», которые я запомнил с первого доклада Богрова. Что же касается упомянутых переговоров по телефону, то таковые действительно мною велись, но только не с «кем-то», как сказано в докладе, а с заведующим наблюдением Демидюком, по телефону, соединявшему мой кабинет с комнатой в отделении, где занимался Демидюк, коему я и поручил дать ротмистру Муеву подробные приметы «Николая Яковлевича», переговорив предварительно с Богровым. На той же 20 странице доклада мне ставится в вину, что от меня не последовало ответа ротмистру Муеву на его телефонный запрос от 30 августа по поводу сообщения дополнительных примет «Николая Яковлевича». Но сенатор Трусевич, очевидно, упустил из виду, что таковые приметы могли быть полученными Богровым только после приезда «Николая Яковлевича» и я получил их от Богрова лишь 31 августа, когда уже надобность в сообщении их ротмистру Муеву миновала, так как «Николай Яковлевич» был, по словам Богрова, в Киеве [и искать] его в Кременчуге ротмистру Муеву не приходилось.

9) На странице 20 доклада сенатор Трусевич ставит в вину, что в переписке с полковником фон Коттеном мною не был упомянут источник получения сведений. Но сенатор Трусевич, говоря вышеизложенное, не оговаривает, что подобный прием никогда не практиковался, никаких распоряжений по сему не было и мне, по крайней мере, ни от кого, даже [от] департамента полиции, не приходилось получать телеграфных сведений, с указанием источника таковых, несмотря на их серьезность. Поэтому обвинение сенатором Трусевичем меня по этому пункту полагаю не только необоснованным, но даже совершенно непонятным.

10) На странице 21 доклада мне ставится в вину отсутствие наблюдения за самим Богровым, в целях проверки его поведения и взятия от него тех террористов, которые могли бы с ним встретиться на улице. Установление наблюдения в первом случае я признавал совершенно излишним ввиду того доверия, каким у меня пользовался Богров, и по существующим распоряжениям департамента полиции (пар[аграф] 13 инструкции по внутр[енней] агентуре[211]) таковая проверка производится лишь вновь поступающих сотрудников. Что же касается второго случая, то опять-таки, зная и вполне веря Богрову, я был твердого убеждения, что если бы он кого-либо случайно встретил, то своевременно поставил бы меня в известность. Кроме того, возможность этого случая исключалась тем обстоятельством, что «Николай Яковлевич» обещал Богрову предупредить его о своем приезде в Киев

письменно и, до получения этого письма, я решил не ставить за Богровым наружного наблюдения, дабы какой-либо случайностью или неосторожным шагом филеров не провалить его и не напортить делу розыска.

11) На странице 21 доклада сенатор Трусевич признает полную возможность поместить негласное наблюдение в доме Богрова, ссылаясь на то, что оно могло быть осуществленным при посредстве одной из прислуг Богрова, знакомой с писцом отделения Сабаевым, или же через швейцара, причем указывает, что эти меры не были осуществлены мною ввиду отвлечения меня посторонними заботами, или же что я это считал излишним. Соглашаясь, принципиально, с полезностью этих мер и даже необходимостью, как единственного верного средства выяснить, что делалось 1 сентября в квартире Богрова, должен заявить, что отсутствие наблюдения в квартире Богрова объясняется тем, что о знакомстве Сабаева с прислугой Богрова мне не было совершенно известно и узнал я это лишь после событий 1 сентября. В противном бы случае, несомненно, использовал бы в целях розыска это знакомство. Агентурить же швейцара, хозяин коего революционер, я не считал возможным, во избежание провала всего дела, и полагаю, что в таком сложном деле, какое разрабатывалось по сведениям Богрова, требовалась особая осторожность, почему подобный прием, в интересах розыска, должен был быть признанным недопустимым. Какой бы ответ я дал, если бы заагентуренный мною швейцар, из сочувствия к хозяину или боязни потерять место, пошел в квартиру Богрова и предупредил «Николая Яковлевича», что за квартирой следят, и он бы скрылся?

Что же касается мнения сенатора Трусевича, что этого я не сделал ввиду отвлечения меня начальством посторонними заботами, то это мнение никаких оснований не имеет и в данном случае значения и роли играть не могло, так как для осуществления этих мер много времени не потребовалось бы и, несмотря на всю массу работы и забот, они были бы осуществлены, если к тому представилась бы возможность.

12) На странице 22 сенатор Трусевич указывает, что вся работа, созданная заявлением Богрова, находилась в руках старшего филера Демидюка, объясняя это тем, что на меня генералом Курловым было возложено много различных обязанностей и что генерал Курлов не освободил меня и моих помощников от разъездов по городу. Но сенатор Трусевич умалчивает, что вся разработка сведений Богрова могла вызвать лишь принятие наружных мер охраны, выработку плана действий и наружное наблюдение. Обязанность выполнить первые две меры всецело лежала на мне, и помощникам сведения Богрова не дали никакой работы, да и не могли дать, так как к наружному наблюдению они не подготовлены и опыта не имеют. Естественно поэтому, что вся разработка по наружному наблюдению легла на Демидюка, и хорошо провести наблюдение мог только Демидюк, благода-

ря своему [опыту], приобретенному службою филером в течение 27 лет. Поэтому ссылка сенатора Трусевича на то, что генерал Курлов не освободил меня и помощников от разъездов по городу, не имеет никакого основания, так как ни я, ни мои помощники непосредственно наблюдать не могли бы, без провала дела, ибо в наружной службе у нас не могло быть такого опыта, как у Демидюка.

14) На странице 22 доклада сенатор Трусевич, на основании показания Певзнера, подслушавшего мой разговор с Богровым по телефону, что, якобы, мною был выдан Богрову билет в Купеческий сад, по телефонной просьбе последнего, без мотивировки этой просьбы. Но сенатор Трусевич умалчивает, что возможность этой просьбы была мною предусмотрена и, при разговоре с Богровым по телефону, я знал, для какой цели Богров будет в Купеческом саду. Кроме того, подобные разговоры по телефону, в особенности при несовершенстве их в г. Киеве, я бы не счел возможным вести.

15) На странице 24 и 25 доклада сенатор Трусевич указывает, что не было обращено внимания на ряд явных, по мнению сенатора, несообразностей в заявлении Богрова, а именно: *а*) что сообщение его о том, что за ним, по предупреждению «Николая Яковлевича», может быть надзор со стороны революционеров, является невероятным; *б*) для сенатора Трусевича представляется непонятным, почему «Николай Яковлевич», предупрежденный Богровым о невозможности поселиться у него на квартире, сделал это без предупреждения, и *в*) что поручение террористов Богрову собрать приметы г[оспод] министров Столыпина и Касса и изучить условия охраны их, представлялось явно сомнительным и непригодным для террористов, причем сенатор Трусевич ссылается на общеизвестность примет г[оспод] министров, а также на различие обстановки, при которых происходили торжества в Купеческом саду и театре. По пункту *а* могу доложить, что если бы предупреждение состоялось в той редакции, как сказано в докладе сенатора Трусевича, то оно являлось бы, конечно, невероятным, по тем мотивам, которые высказаны в докладе. На самом же деле, «Николай Яковлевич» Богрова не предупреждал и последний, из поведения его и разговоров с ним, лишь вывел заключение, что такая проверка со стороны революционеров – возможна. Заявление Богрова, указанное в пункте *б*, не представлялось невероятным, если принять во внимание известное и сенатору Трусевичу объяснение Богрова, а именно: «Николай Яковлевич», приехав в Киев, зашел в дом Богрова узнать, вернулся ли он, Богров, с дачи из Кременчуга, и так как швейцар ему сказал, что он в Киеве и живет дома один, ввиду отъезда родителей за границу, то он решил зайти к нему на квартиру и просил разрешения Богрова временно у него остановиться. В этом отказать Богров ему не мог, так как причины к отказу – не было. Что же касается пункта *в*, то указанное в нем заявление Богрова являлось бы лишенным всякого смысла, если смотреть с той же точки зрения, какая высказана в докладе сенатора Трусевича. Но если принять во вни-

мание, что эта роль Богрова не была предложена «Николаем Яковлевичем», а, наоборот, Богров сам указал на желательность принять на себя это поручение и что «Николай Яковлевич», не желая, очевидно, посвящать Богрова в конечные подробности самого акта покушения, охотно согласился на это, дабы этим приемом удалить Богрова от себя, в целях совершения группой террористического акта в отсутствии Богрова, то бессмысленности в этом поручении усмотреть нельзя. Это обстоятельство было небезызвестно и сенатору Трусевичу, но, очевидно, упущено из виду, когда на странице 25 доклада сенатор указывал, что «приказание» Богрову быть в театре дано было «Николаем Яковлевичем». Относительно же мнения сенатора Трусевича, что подобное поручение, т.е. изучение условий охраны г[оспод] министров, ввиду различия обстановки, при которой происходили торжества в Киеве, не давало возможности выяснить практические особенности охраны при дальнейших посещениях, то с этим мнением я не могу согласиться, так как практика показывает, что подобные приемы практиковались и ранее революционерами и они отлично знают, что в большинстве случаев охрана ведется одними и теми же филерами и лицами, на выяснении коих, главным образом, и настаивал, по словам Богрова, «Николай Яковлевич», равно как и на выяснении вопроса, насколько опытна и бдительна эта охрана и представляется ли возможным группе привести свой план злодеяния в исполнение.

16) На странице 25 доклада указывается, что прибытие «Николая Яковлевича» в дом Богрова незамеченным наблюдением не вызвало никаких вопросов и распоряжений. Не знаю, какие вопросы и распоряжения должны были бы последовать, так как о них сенатор Трусевич умалчивает, но полагаю, что пропуск «Николая Яковлевича» наблюдением, при наличности лишь первых, кратких примет его, вполне возможен и нормален, так как взять под наблюдение по одним приметам, притом общего характера, крайне трудно, и полагаю сенатору Трусевичу небезызвестно, что по одним приметам, без содействия внутренней агентуры задерживались революционеры лишь случайно. К тому же сенатор Трусевич и сам в докладе (стр. 21) указывает, что надзор за движением посетителей в доме Богрова, ввиду обширности – был крайне труден.

17) На странице 25 доклада сенатор Трусевич указывает на недопустимость сношений с сотрудниками по телефону и свиданий в гостинице, театре и пр[очее].

По этому вопросу я позволю себе оспаривать мнение сенатора Трусевича, сославшись на § 30 инструкции по внутренней агентуре, изданной самим же сенатором Трусевичем в 1907 году, и на циркуляр департамента полиции, преподанный по поводу несчастного случая с полковником Карповым, в коих прямо указывается на желательность подобных приемов.

18) На странице 27 доклада сенатор Трусевич ставит в вину, что Богрову был дан билет в театр и объясняет это лишь тем, что объяс-

нения Богрова принимались на веру, без критики и проверки. Этого объяснения признать правильным я не могу, так как из ранее доложенного ясно устанавливается, что сведения Богрова, только – на веру, – не принимались, а проверялись и критиковались. Допустил же я его в театр и Купеческий сад потому, что, как уже докладывал, этого требовал ход розысков, и присутствие его в означенных местах объясняется крайней необходимостью при дальнейшей разработке мною планов террористов.

19) На странице 28 доклада, как на упущение, сенатор Трусевич указывает на отсутствие наблюдения за Богровым в театре, объясняя, что против такой меры Богров не мог бы возражать. Прежде всего, подобное наблюдение за Богровым я не считал необходимостью, ввиду того, что, как ранее докладывал, имел основание и верил в благонадежность Богрова и неспособность его на совершение террористического акта. Относительно же того, что против подобной меры Богров не мог бы протестовать, то это вопрос спорный, так как сенатор Трусевич высказал это мнение, не зная совершенно Богрова; мне же хорошо известно крайнее, до болезненности, самолюбие Богрова, почему принятие подобной меры, или вообще малейший неосторожный шаг в этом направлении, несомненно, оттолкнули [бы] от меня Богрова и я в самый решительный момент лишился бы возможности знать дальнейшие планы террористов.

20) На странице 28 и 19 доклада сенатор Трусевич указывает на то, что, якобы, я не озаботился проверкой наблюдения за домом Богрова и выяснением событий, происходивших в квартире Богрова, объясняя это массой возложенных на меня генералом Курловым поручений и неоказанием мне содействия. Между тем, эти обстоятельства иметь значения в данном случае не могли и не имели, так как проверка наблюдения мною производилась и на выяснение событий в квартире Богрова, как доложено ранее, – было обращено внимание.

21) На странице 29 доклада сенатор Трусевич ставит мне в вину, что я только за ½ часа предупредил Демидюка о планах революционеров и, якобы, не озаботился установлением наблюдения на месте предполагавшегося свидания революционеров. Прежде всего, заранее предупреждать Демидюка я не усматривал надобности, да и не мог бы этого сделать, так как окончательное решение этого вопроса мне самому стало известно, как сказано и в докладе сенатора Трусевича, только за ½ часа. Что же касается установления наблюдения на месте свидания, то распоряжение о таковом мною было сделано и наблюдение было бы выставлено, если бы Демидюк не встретил Богрова, предупредившего его, что это свидание не состоится, о чем даже упомянуто на странице 30 доклада.

22) На странице 30 доклада сенатор Трусевич высказывает мнение, что мои встречи и переговоры в театре с Богровым достаточно характеризуют понятие мое о тайне сношений с секретными сотрудниками. По аналогичному вопросу (п. 17 настоящего объяснения) мною

уже было доложено, со ссылкой на инструкцию и циркуляр департамента полиции, рекомендующие подобный прием.

23) На странице 31 доклада сенатор Трусевич, перечисляя места, занятые в театре высшими чинами охраны, указывает, что хотя эти места и были заняты этими людьми, они сидели близ царской ложи, но злоумышленник, по отзыву генерала Трепова, мог бы пройти мимо этих лиц и подойти к царской ложе, пользуясь темнотой и всеобщим вниманием к происходившему представлению. Между тем, при распределении мест в театре, кресла левой стороны, непосредственно находящиеся вблизи царской ложи, были предоставлены высшим чинам охраны и свиты Его Императорского Величества в расчете, что означенные чины, а тем более генерал-адъютант Трепов, будут находиться в театре не с целью смотреть представление, а именно в целях охраны Священной особы Его Императорского Величества. При том являлось ли возможным поставить филеров или часовых непосредственно у царской ложи и какой способ охраны ложи, со стороны зрительного зала, следовало бы принять, сенатор Трусевич ни на допросе, ни в докладе не указал.

24) На странице 32 доклада сенатор Трусевич указывает, что приближение Богрова к статс-секретарю Столыпину было замечено многими лицами, среди коих не было никого, обязанного охранять министра. Между тем, если это приближение было замечено посторонними лицами, то тем более должно было быть замеченным теми жандармскими офицерами, которые находились в театре и, хотя они специальных указаний по этому поводу не получили, но полагаю, что это составляло их прямую, вытекающую из службы, обязанность. Что же касается лица, обязанного охранять г[осподина] министра, то таковым является капитан Есаулов, заменивший при поездке в Киев ротмистра Дексбаха и обязанный находиться при г[осподине] министре, но фактически отсутствовавший из зрительного зала в момент покушения Богрова, чего он не мог сделать, будучи предупрежден мною о грозящей г[осподину] министру опасности.

25) На странице 34 доклада сенатор Трусевич указывает, что я утверждал, что, якобы, генерал Курлов, Веригин и Спиридович знали о допуске Богрова в Купеческий сад и театр. Этого обстоятельства я не утверждал, а лишь высказывался предположительно и докладывал сенатору, что точно этого обстоятельства я не помню, но предварительных докладов по сему я не делал и пускал Богрова, не испрашивая ни у кого разрешения.

26) На странице 35 доклада сенатор Трусевич указывает, что я утверждал, что из моих докладов в театре генералу Курлову, у последнего не было сомнений, что Богров находится в театре. Между тем на вопросы сенатора Трусевича я категорически доложил, что если бы мне был сделан доклад в подобной форме, то я понял бы, что Богров в театре, а как думает и понял генерал Курлов – мне неизвестно.

27) На странице 19 доклада сказано, что я дал показание о том, что мною доложено генералу Курлову о принципиальном решении допустить Богрова в театр. Категорично утверждать этого я не могу, так как никаких специальных совещаний по этому поводу не было.

28) На странице 27 доклада говорится, что при докладе генерал Курлов, якобы, не возражал против решения пустить Богрова в театр. О допуске Богрова в театр, как выше изложено, я генералу Курлову не докладывал (пункт 25), так как вопрос этот решен был всего за ½ часа до начала спектакля.

29) Хотя генерал Курлов отрицает факт обращения моего к нему об усилении отделения офицерами (стр. 13 доклада), но генерал Курлов, видимо, упустил из виду, что, по моему ходатайству, был назначен срочно ротмистр Вахнин.

30) На странице 12 сенатор Трусевич, описывая положение отделения, указывает на отсутствие надлежащей агентуры. По сему пункту могу доложить, что сенатор Трусевич фактически проверки агентуры не производил, почему заключение его неосновательно.

32) В начале своего доклада сенатор Трусевич касается моего движения по службе, указывая на мою неопытность в деле розыска и *несоответствие занимаемой мною должности начальника охранного отделения*. Ввиду сего имею честь доложить, что в этой части доклада вкрались некоторые неточности, а именно: сенатор Трусевич лишь вскользь говорит, что я был определен помощником начальника охранного отделения, не упоминая времени назначения; между тем, на эту должность я был назначен в 1903 году и состоял в ней до назначения начальником отделения, т.е. до 1906 года, таким образом, охранная практика моя протекала в самые тяжелые годы, когда деятельность революционных организаций развернулась во всю ширь и дала большой опыт чинам охранных отделений. Подвергая неоднократно свою жизнь опасности, еще во время исполнения должности помощника, я был, по представлению департамента полиции, награжден «за отличие» орденом Св. Владимира 4 ст., каковое высокое награждение, в чине подпоручика, полагаю, дается за действительные заслуги. В 1906 году я был назначен начальником отделения, в бытность директором департамента полиции сенатора Трусевича, а в 1907 году им же был назначен начальником Юго-Западного районного охранного отделения, в каковой и состоял до 1 сентября 1911 года. Этим начальникам были подчинены по несколько губерний, так, в Юго-Западный район включены губернии: Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская, где начальниками управлений были много лет прослужившие жандармские офицеры, до чина генерал-майора включительно. Таких начальников районов, на всю Россию, было назначено всего 8 человек, из числа самых опытных розыскных офицеров, о чем сенатор Трусевич прямо и высказал в своем циркулярном письме на имя начальников губернских жандармских управлений, прося последних не считаться старшинством в чи-

не, а руководствоваться в своей деятельности указаниями начальников районов, за которыми большая практика и опыт в розыскной деятельности. Далее сенатор Трусевич указывает, что производившаяся в 1908 году ревизия выяснила несоответственное состояние отделения; но сенатор Трусевич умалчивает, что эта ревизия касалась лишь канцелярской работы, но не агентуры, которая не проверялась, почему ревизия эта и не могла выяснить неудовлетворительность розыскной работы отделения.

По этому же вопросу, относительно 1909 года, сенатор Трусевич ссылается на доклад генерала Герасимова, который свою ревизию производил в течение всего 3 часов, а потому дать правильного освещения работы отделения – не мог. К тому же доклад генерала Герасимова имел, несомненно, пристрастную окраску, явившуюся следствием недовольства его на заведующего наблюдением Демидюка, задевшего самолюбие генерала Герасимова, путем отказа представить для сведения, ввиду моего отсутствия, агентуру. За это генерал Герасимов обещал «разделать отделение», а Демидюка «согнуть в бараний рог». Очевидно, и департамент полиции был такого же мнения о ревизии генерала Герасимова, так как этот доклад остался под сукном и мне никаких указаний по сему поводу департаментом дано не было. Далее сенатор Трусевич не упоминает в докладе, что, по представлению департамента полиции, мною была получена письменная, помимо нескольких личных, благодарность покойного статс-секретаря Столыпина «за блестящую» разработку агентурных сведений по максималистам гг. Киева, Воронежа, Борисоглебска и Екатеринослава, с арестом в трех пунктах лабораторий бомб. Затем мне поручались охраны Высочайших посещений в г. Киеве в 1909 г. и в г. Риге в 1910 г., прошедшие блестяще, за что я получил благодарности статс-секретаря Столыпина и, по Высочайшим повелениям, был переименован в ротмистры, с производством через 9 месяцев – в подполковники. Означенные Высочайшие повеления воспоследовали по всеподданнейшим докладам статс-секретаря Столыпина, обрисовавшего мою деятельность с лучшей стороны, и я полагаю, что статс-секретарь Столыпин не позволил бы себе ложные всеподданнейшие доклады. Что же касается указаний департамента полиции вообще на недочеты работы отделения, о которых говорит в своем докладе сенатор Трусевич, то эти указания, в большинстве, касались канцелярской работы отделения, в смысле ускорения ответов на запросы или срочного доставления различных ведомостей, что непосредственного отношения к розыску иметь не могло, и почерпнуть из них какие-либо данные о моей чисто розыскной работе департамент полиции – не мог; зная это, а также убежденный опытом, что департамент полиции всю розыскную работу свел к чисто канцелярской отписке, я действительно не торопился с ответами на подобные запросы, считая более целесообразным уделять возможно больше времени на специальную розыскную работу. Как на пример канцеляр-

ского отношения департамента полиции к деятельности охранных отделений, могу указать на следующий факт: в один из отчетных месяцев мною была представлена в департамент полиции сводка агентурных сведений, полученных по пяти губерниям за месяц, с указанием произведенной на местах разработки и руководящих указаний, данных районным отделениям. Казалось бы, что для департамента полиции эта сводка (том толщиною 1 верш.) должна была дать богатый материал для преподания руководящих указаний на места и разъяснения неправильности разработки сведений. Между тем, департамент, не давая никаких указаний по существу, мне написал лишь следующее: «по поводу представленной вами сводки за отчетный месяц, департамент полиции считает себя «вынужденным указать, что сводки эти представляются в департамент не «применительно к циркуляру № <пропуск>, как сказано в вашей препроводительной бумаге, а «во исполнение» означенного циркуляра». Несомненно, что подобное отношение департамента полиции к чисто розыскному делу, мешавшее нормальной работе отделения, не могло развивать в провинциальных розыскных органах желания работать.

В заключение этого пункта могу сказать смело, что департамент полиции, стоя далеко от местных розыскных органов и увлекаясь канцелярской работой, менее чем кто-либо может, при настоящей постановке дела и личном составе, дать правильное освещение розыскной деятельности охранных отделений, и в этом отношении большего внимания заслуживает оценка результатов деятельности самими революционерами, испытавшими на себе эту работу, которые, признав невозможность революционной работы в Киеве, благодаря широкой осведомленности отделения, посвятили в своих изданиях целый ряд статей, в том числе и в № 5 «Революц[ионной] мысли»[212] за 1909 год, специально мне, в коей ярко рисуется работа отделения, приведшая к разгрому и уничтожению революционных организаций в Киеве, фактически не существовавших после этого здесь, за исключением отдельных лиц, не имевших влияния на массы. Если же департамент полиции, давая отзыв обо мне сенатору Трусевичу, оценке революционеров не придавал значения, то, полагаю, должен был бы принять во внимание свои собственные агентурные сведения, по которым я был нежелателен для революционеров за свою работу, почему, с целью покушения на меня, выехали в Россию из-за границы два революционера: Слетов и Минор[213], о чем я был поставлен в известность телеграммой директора департамента полиции, с предупреждением об осторожности и принятии мер к личной охране. Полагая, что все вышеизложенные обстоятельства, в особенности в части, касающейся моих повышений по службе, в бытность директором департамента полиции сенатора Трусевича, были небезызвестны сенатору при составлении всеподданнейшего доклада, но почему-то в докладе не упоминаются, и сенатор Трусевич, повышая меня по службе, сам себе противоречит, указывая в докладе на мою неопытность в

деле розыска и несоответствие занимаемой мною должности начальника охранного отделения.

33) В конце доклада сенатор Трусевич указывает, что после события 1 сентября я приступил к обыскам, назначение коих для сенатора неясно. По сему вопросу имею честь доложить, что так как после покушения Богрова мое убеждение в том, что террористическая группа существует, – не ослабло, а наоборот, я был твердо убежден, что выстрел Богрова был лишь сигналом к террористической деятельности группы, и что члены ее, оставшись невыясненными, могут в ближайшее время произвести покушение на Священную особу Государя Императора, то, естественно, что я прежде всего обратился к связям Богрова не только среди революционеров, но и в обществе, где вращался Богров, ибо террористы могли искать и найти себе, при содействии Богрова, убежище, и произвел там обыски.

34) В заключительной части доклада сенатор Трусевич формулирует обвинения, предъявляемые мне, терминами «бездействие и превышение власти».

«Превышение власти» он усматривает в том, что я «в нарушение возложенных на меня обязанностей по обеспечению безопасности во время киевских торжеств, а равно вопреки существующему порядку и распоряжениям департамента полиции, допустил Богрова в Купеческий сад и городской театр», а «бездействие власти», по мнению сенатора Трусевича, я проявил, «не войдя в тщательное обсуждение донесений Богрова и оставив таковые без надлежащего исследования».

Таким образом, если признать правильным определение сенатором Трусевичем свойства и характера тех моих действий по службе, которые подлежат ныне исследованию в Государственном совете, то к обязанности моей относится объяснить, соответствуют ли вышеозначенные мои действия признакам преступных деяний, предусмотренных ст. 338 и 339 Улож. о наказ.

По точному смыслу ст. 338 «превышением власти признается, когда должностное лицо, выступив из пределов и круга действий, должности его предписанных, учинит что-либо в отмену существующих узаконений или примет такую меру, которая могла бы быть принята не иначе, как в силу нового закона, или самовольно решить какое-либо дело, или сделает какое-либо распоряжение, которое оно без разрешения начальства сделать было не в праве» (Реш. угол. кассац. деп. 1870 г. № 377).

Однако, из вышеизложенных объяснений моих Государственный совет благоволит усмотреть, что я ни в чем не выступил из пределов и круга действий, законом мне предоставленных, а равно не нарушил ни одного из существовавших предписаний и распоряжений своего начальства. Во всех действиях своих я стремился к единой цели – достигнуть наибольшего и действительного обеспечения безопасности высоких особ во время киевских торжеств, руководствуясь при

этом не только указаниями и распоряжениями начальства, но и собственным служебным опытом.

Оценивая все события конца августа и начала сентября 1911 г., сенатор Трусевич, конечно, мог отметить в моих действиях и распоряжениях те или иные недочеты; но эти недочеты сами по себе не могут быть отнесены к бездействию или превышению власти, а должны были произойти помимо моей воли, как и со всяким другим, в той обстановке и при тех обстоятельствах, в которых мне в то время пришлось действовать: с одной стороны, ко мне поступило донесение Богрова, – человека, которого я знал не один год и не верить которому у меня не было ни малейшего повода, – что во время киевских торжеств имеет быть совершен террористический акт лицами, только ему одному до некоторой степени известными; а с другой стороны, у меня не было возможности немедленно и без его содействия выяснить и обнаружить тех злоумышленников, которых надлежало обезвредить во что бы то ни стало и притом безотлагательно.

Все это создало безусловную необходимость допустить Богрова в Купеческий сад и городской театр, раз этого требовал ход розыска; следить же за ним, как ранее было доложено, я не имел решительно никакого основания; напротив, такая «слежка» неизбежно повела бы к провалу как самого Богрова, так и всего дела, не принеся решительно никакой пользы. Усматривать здесь «бездействие власти» мог бы, пожалуй, кто-либо другой, но только не сенатор Трусевич, близко знающий обстановку и условия, в которых приходится работать чинам охраны.

Не могу не отметить в заключение моего объяснения Государственному совету, что, ввиду возможности весьма распространительного толкования ст. 338 и 339 Улож. о наказ., закон сам полагает ему известные границы; так, в ст. 340 (п. 2) указано, что не почитается превышением власти, «когда чиновник или иное должностное лицо, в каких-либо чрезвычайных обстоятельствах, возьмет на свою ответственность принятие также чрезвычайной, более или менее решительной меры, и потом докажет, что оная, в видах государственной пользы была необходима, или что по настоятельности дела он не мог, без видимой опасности или вреда для службы, отложить принятие сей меры до высшего на то разрешения», в решениях же 1868 г. № 347, 1881 г. № 110 и друг. Правительствующий Сенат по уголовному кассационному департаменту разъяснил, что, говоря о превышении власти, закон имеет в виду только деяние, совершенное умышленно. В моих же служебных действиях нет признаков злонамеренного превышения или преступного бездействия власти. В событии 1 сентября 1911 г. главную роль сыграл несчастный случай, предвидеть или предупредить который было не в моей власти. По закону (ст. 5 Улож. о наказ.) «зло, сделанное случайно, не только без

намерения, но и без всякой со стороны учинившего оные неосторожности, не считается виною».

По сим основаниям, я не могу признать себя виновным в тех преступных деяниях, которые сенатор Трусевич приписывает мне в своем докладе.

Подполковник Кулябко.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 40–67 Типограф. экз.

Из журнала № 13 первого департамента Государственного совета о назначении предварительного следствия по делу П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.Н. Спиридовича и Н.Н. Кулябко

11 мая 1912 г.

<...>* По содержанию вышеизложенного всеподданнейшего доклада и предъявляемых в оном к названным должностным лицам обвинений, ими представлены первому департаменту Государственного совета обширные письменные объяснения, касающиеся как фактической стороны произведенного расследования, так и правильности взводимых на каждого из них обвинений в тяжких преступлениях по службе.

Соображая предъявленные, во всеподданнейшем докладе сенатора Трусевича, к генерал-лейтенанту Курлову, статскому советнику Веригину, полковнику Спиридовичу и подполковнику Кулябке обвинения, с представленными ими, во исполнение постановления первого департамента, письменными объяснениями и подлежащими законами, департамент, прежде всего, считает необходимым заметить, что произведенное, согласно Высочайшим повелениям от 7 и 17 сентября и 4 октября 1911 г., сенатором Трусевичем расследование действий должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны, во время посещения Его Величеством города Киева в августе месяце 1911 г., омрачившегося совершенным 1 сентября, в присутствии Государя Императора и его августейшей семьи, тяжким преступлением, как ввиду исключительной важности последствий, связываемых с недостаточностью принятых мер охраны, так и по сложности лежавших на названных должностных лицах обязанностей, требует обращения дела к судебному производству для всесторонней проверки всех обстоятельств, обнаруженных расследованием.

---

* Опущена справка с кратким изложением содержания журнала № 5 первого департамента Государственного совета от 20 марта 1912 г. и изложение всеподданейшего доклада сенатора М.И. Трусевича, рассмотренного на этом заседании.

Выясненные расследованием данные указывают, что не только общие меры организации охраны были неудовлетворительны, но и в самом их осуществлении лицами, исполнявшими эти сложные и ответственные обязанности, не замечалось ни предусмотрительности, ни осторожности, ни распорядительности, которых следует требовать от должностных лиц, принявших на себя этого рода полномочия и к тому же облеченных всею полнотою власти и располагавших всеми средствами к выполнению возложенного на них поручения. В сем отношении не следует упускать из виду, что на всех названных должностных лицах, по свойству их службы, лежала прямая обязанность предупреждения и пресечения государственных преступлений, а в лице генерал-лейтенанта Курлова особым Высочайшим повелением было сосредоточено все дело охраны Священной особы Государя Императора во время пребывания Его Величества в городах Полтаве, Риге и Киеве, с подчинением ему всех без исключения чинов, находившихся в поименованных местах и командированных туда для поддержания порядка; причем за ним оставлена обязанность соблюдения вытекающих из закона (Свод. зак., т. I, ч. 2, прил. к ст. 899[1], по Прод. 1906 г.) известных служебных отношений к дворцовому коменданту, на коего возложено общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций и главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий. Таким образом, не только генерал-лейтенант Курлов, но и все остальные привлеченные к расследованию лица, состоявшие, во исполнение возложенного на генерал-лейтенанта Курлова поручения, в его распоряжении, как по занимаемым ими должностям, так и по роду обязанностей, которые специально лежат на участниках охраны Их Величеств во время путешествий, не могут быть почитаемы не ответственными за все то, что является последствием их бездействия и преступной непредусмотрительности в области осуществления мер охраны.

При наличности лежащих на них обязанностей охраны, безразлично, кто из них ведал какою именно частью, если явная неосмотрительность, нераспорядительность или бездействие могут быть отнесены, в большей или меньшей степени, к каждому. Поэтому, с приведенной точки зрения, не может быть признано заслуживающим уважения заявление полковника Спиридовича о том, что на его обязанности не лежало заведование розыском и что на него возлагались поручения, касавшиеся только предварительной выработки мер охраны и начальствование над отрядами секретной охраны, т.е. наружная охрана. По этому поводу нельзя не заметить, что для принятия целесообразных мер наружной охраны необходимо быть посвященным в те данные, которые добыты розыском, и самое выполнение таких мер охраны должно быть сообразовано с имеющимися агентурными сведениями. Правильность сего вывода находит себе подтверждение даже в объяснениях самого полковника Спиридовича, из коих усматривается, что он, состоя в распоряжении генерал-лейтенанта Курло-

ва, сообщал, однако, дворцовому коменданту о положении розыска на местах.

Исходя из тех же соображений, представляется затруднительным согласиться с тем, что командированный в распоряжение генерал-лейтенанта Курлова статский советник Веригин, как исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции, состоял при нем, Курлове, лишь для исполнения отдельных поручений и что на совещаниях по вопросам охраны и розыска – его служебные обязанности ограничивались только наведением и сообщением необходимых справок. Если даже обязанности статского советника Веригина и ограничивались, в действительности, пределами исполнения отдельных поручений в области охраны, то едва ли возможно отрицать, что он, будучи осведомлен о полученном от Богрова, заведомо для него принадлежащего к партии анархистов, заявлении чрезвычайной важности о готовящемся тяжком преступлении, обязан был немедленно доложить о том своему начальнику, генерал-лейтенанту Курлову, и не должен был умалчивать о той опасности, которая могла угрожать Священной особе Государя Императора вследствие предположенного начальником Киевского охранного отделения допущения Богрова в зрительный зал театра. Такая обязанность, несомненно, вытекала как из занимаемых им должностей, так и из того служебного положения, в которое он в то время был поставлен в отношении генерала Курлова.

Приходя, таким образом, к заключению, что данные всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича содержать прямые указания на несоответствие действий всех привлеченных к делу лиц с долгом службы и принятыми ими на себя ответственными обязанностями, первый департамент не считает необходимым, при настоящем положении дела, требующего, ввиду предъявляемых к ним обвинений в преступных деяниях, влекущих за собою лишение прав, дальнейшего тщательного расследования (пункт 3 ст. 1089 Уст. угол. суд.) для определения степени и важности вины каждого из обвиняемых лиц, приводит соображения, относящиеся к оценке доводов и фактических указаний, выставляемых каждым из них в свое оправдание.

Подробно ознакомившись с делом и письменными объяснениями привлекаемых в делу должностных лиц, департамент находит, что объяснения обвиняемых, не во всем согласные с первоначальными их показаниями, отобранными при производстве расследования, и расходящиеся с обстоятельствами, им выясненными, не устраняют предъявленных к ним обвинений и требуют самой тщательной проверки предварительным следствием. При таких условиях подробная оценка объяснений названных должностных лиц и сопоставление приводимых ими доводов с обнаруженным при расследовании, должно составить задачу предварительного следствия, которое, согласно статье 91 Учреждения Государственного совета (Свод. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), должно быть возложено на одного из сенаторов кассационных департаментов по Высочайшему назначению, в целях

приведения в известность как обстоятельств, уличающих обвиняемых, так и обстоятельств, их оправдывающих, на общих основаниях, преподанных судебными уставами (ст. 265 Уст. угол. суд.). В сем отношении требуемое по закону предварительное следствие должно выяснить соотношение тех последствий, которые могли наступить и действительно наступили, в связи с действиями и распоряжениями каждого из привлекаемых к делу должностных лиц, могущими, конечно, иметь неодинаковое значение для определения степени вины каждого из них в отдельности. Только после производства предварительного следствия департаменту будет предстоять разрешение вопроса о дальнейшем направлении настоящего дела (ст. 92 Уст. Гос. сов., изд. 1906 г.) соответственно всей совокупности обнаруженных данных.

По изложенным соображениям и разделяя, в существе, заключение всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича о том, что против названных должностных лиц надлежит возбудить уголовное преследование по обвинению в бездействии власти, имевшем весьма важные последствия, департамент, со своей стороны, находит, что все приписываемые генерал-лейтенанту Курлову, статскому советнику Веригину, полковнику Спиридовичу и подполковнику Кулябке преступные деяния соответствуют признакам преступления, предусмотренного статьями 339 и 2 частью 341 Уложения о наказаниях.

Вследствие сего, первый департамент Государственного совета положил: 1) назначить по предъявленным к бывшему товарищу министра внутренних дел, ныне генерал-лейтенанту в отставке Курлову, отставному статскому советнику Веригину, полковнику Спиридовичу и отставному подполковнику Кулябке обвинениям в бездействии власти, имевшем важные последствия, производство предварительного следствия; 2) о назначении предварительного следствия поставить в известность министра внутренних дел и обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, и 3) о предстоящем возложении производства следствия по настоящему делу на одного из сенаторов кассационных департаментов, по Высочайшему назначению, довести до сведения председателя Государственного совета.

Подлинный подписали: Николай Таганцев[214], Н. Шмеман[215], Евгений Тарау[216], Б. Штюрмер[217], А. Стишинский[218], П. Кобылинский[219], Зверев[220], Н. Мясоедов[221], Ив. Щегловитов, Макаров.

Скрепил: статс-секретарь Д. Коптев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–20 Типограф. экз.

Письмо П.Г. Курлова

дворцовому коменданту В.А. Дедюлину

14 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович.

Итак интрига удалась: позорно провалилось обвинение в злоупотреблении казенными деньгами. Впервые к чести Сената сенатор осмелился поместить неправду во всеподданнейшем докладе. Прикажите подать себе 362 ст. Улож. о наказ., и Вы найдете в ней, что сокрытие истины в докладах или рапортах составляет служебных подлог. Даже мои недруги в Государственном совете возмущены действиями Трусевича и сенатор Тарау полагал отметить это в постановлении Государственного совета, о чем накануне писали газеты. Щегловитов просил этого не делать. Лакеи Коковцова старались добросовестно заслужить милости своего принципала. Отпало и обвинение в превышении власти, т.е. в том, что я знал и допустил Богрова в театр. Осталось «спасительное» бездействие, о котором мой покойный профессор уголовного права Неклюдов говорил: это – преступление, которого не знает ни одно иностранное законодательство; в нем каждый чиновник может быть обвинен ежедневно. Но как это ни просто, после наших объяснений Госуд[арственному] совету и это не легко было обосновать, так как нельзя же серьезно было утверждать, что я все-таки должен был знать, что Богров был в театре, или что я должен был проверить всех находившихся в театре лично. Поэтому потребовалась сложная комбинация. Первый департамент Госуд[арственного] совета заседает обыкновенно по вторникам, а потому и наше дело по совершенно точным, имевшимся у меня сведениям, предполагалось 15 мая. Вдруг, впервые в моем деле по каким-то полученным слухам была проявлена спешность: дело экстренно рассмотрено 11-го мая, причем Стишинский и Булыгин[222] отсутствовали. Меня не только не допустили к устным объяснениям, но на мое о том ходатайство даже не ответили, хотя это было вполне законно: ст. 90 Учреждения Госуд[арственного] совета. Зато Макаров представил какие-то новые доказательства бездействия власти, очевидно, собранные нынешним негласным руководителем розыска генералом Герасимовым, ездившим для этого в Киев. Таким образом, оказалось, что и Трусевич не оправдал надежд и не сумел найти к моему обвинению того, что удалось найти генер[алу] Герасимову. Невольно приходится вернуться к делу Петрова, в 1909 году наметившего программу, ныне выполненную Герасимовым. Из отчеркнутых красным карандашом прилагаемых при сем копий документов Вы ее найдете. Посылаю Вам эти документы, так как думаю, что если не удастся интрига, то не остановятся и перед убийством, тем более, что теперь я совершенно беззащитен. Тогда Вы можете сказать, кто в этом виновен и помочь, чтобы жена не осталась без куска хлеба. Макаров со всеми своими ничего не

всеми своими ничего не понимающими в деле розыска помощниками целиком в руках Герасимова и этому человеку, отдавая меня под суд, вверяется жизнь Государя! Ведь только такой слепотой и зависимостью от начальника охранного отделения, при котором была взорвана дача Столыпина и совершен целый ряд убийств, можно объяснить дикое утверждение Макарова в Госуд[арственном] совете, что охрана в Киеве была плоха. Мне нечего говорить Вам об этой охране. Вы знаете, что плохую охрану при поправке в лице Виссарионова осуществляют в Крыму и предполагают осуществить в Москве. Таким образом, в Госуд[арственном] совете были предъявлены новые данные, по которым я не мог представить никаких объяснений.

Интрига удалась, но я не могу уничтожить в себе надежду, что при представлении Государю Императору журнала Госуд[арственного] совета и ходатайства о назначении нового сенатора Его Императорское Величество, зная мою службу, не соизволит прекратить позорное надо мною издевательство.

Предполагается назначение сенатора Глищинского. Если следствие будет, то я этому очень рад, он знающий и умный человек. А так как мне скрывать ничего, то я его не боюсь, хотя всякому известно, что Глищинский сделает все, что ему прикажут. В моем деле такой сенатор лучше старого и утомленного лица. Если я останавливаюсь на этом назначении, то потому, что и в этом заключается планомерность интриги. Глищинский доказал Коковцову свои таланты, скрыв при ревизии денежные сношения Коковцова с одним из изобличенных в воровстве генералов – мужем «подруги» Коковцова. Это знает и В.А. Сухомлинов. Об этом поговаривают и в Думе. Конечно, все это я никому никогда говорить не буду и пишу только Вам, - может быть это Вам пригодится, чтобы помочь мне и прекратить государственное безобразие, особенно опасное в надвигающееся на нас смутное время.

Я был уверен, что мои терзания кончатся, а потому жил, закладывая последние вещи; больше закладывать нечего. На этих днях продаю мебель, за квартиру не уплачено, – переезжаю к П.А. Бадмаеву, который дает мне приют. Решаюсь просить Вас передать лично или через барона мое всеподданнейшее прощение.

Бывшему товарищу министра Гурко[223] было назначено семь тысяч при 22 годах службы. Я прослужил около 35 лет и был командиром отдельного корпуса, т.е. должен был бы получить пенсию 80 % содержания, т.е. при 15 тысячах содержания – 12 тысяч рублей. И это будет для меня немного, при условии вычета двух пятых за долги.

Извините, что я беспокою Вас этим письмом, – но вместе с Вами мы долго работали и я уверен в Вашей поддержке.

Жму Вашу руку. Искренно любящий и уважающий Вас

Ваш Курлов.

ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1а. Л. 78–80об. Подлинник.

РАЗДЕЛ 3

КОМИССИЯ СЕНАТОРА Н.З. ШУЛЬГИНА

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА РОТМИСТРА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ДИВИЗИОНА П.С. КОЗЛОВСКОГО

13 июля 1912 г.

1912 года, июля 13 дня сенатор Н.З. Шульгин[224], производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в г. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Козловский Петр Станиславович, 41 года, вероисповедания православного, ротмистр С.-Петербургского жандармского дивизиона, проживаю в г. С.-Петербурге по Кирочной улице, в доме № 5, кв. 16. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябко ни в каких особых отношениях не состою. В июле месяце 1911 года я вместе с жандармским ротмистром Тереховым был откомандирован в г. Киев, где по распоряжению товарища министра Курлова мы должны были состоять в бюро по выдаче билетов на торжества, имевшие место в Высочайшем присутствии. Заведующим этим бюро был чиновник особых поручений V класса Александр Аркадьевич Курлов; на моей же обязанности лежало заведование столом по наведению справок о политической благонадежности лиц, желавших получить билеты на торжества. В деятельности нашей мы руководились утвержденным генералом Курловым Положением о билетном бюро и никаких особых инструкций нам преподано не было. На посещение Софийского собора, Купеческого сада, ипподрома и на присутствование при открытии памятника Императору Александру II, а также в Дворянском и Купеческом собраниях, во время Высочайших посещений этих мест, билеты выдавались в нашем бюро; выдачею же

билетов на торжественный спектакль 1 сентября в городском театре заведовал городской голова, которым был составлен и препровожден в бюро особый список приглашенных. После наведения надлежащих справок об указанных в этом списке лицах, в нашем бюро были изготовлены особые именные карточки или пропуски и переданы по принадлежности. Кроме именных билетов, по личному приказанию товарища министра Курлова, были выданы для надобностей агентуры начальнику местного охранного отделения подполковнику Кулябко билеты без обозначения фамилий тех лиц, для которых они предназначались. Точного количества этих билетов я не знаю, так как выдачей их я не заведовал. Ранее выдачи пропусков, о лицах, желавших получить билеты, нами наводились справки: относительно тех, которые постоянно проживают в Киеве – через местное охранное отделение и губернское жандармское управление; благонадежность же лиц, проживающих не в Киеве, а в других местах, проверялась сношениями с подлежащими начальниками жандармских управлений по месту жительства этих лиц и через департамент полиции. К распределению бланковых билетов, выданных начальнику охранного отделения для надобностей агентуры, бюро никакого отношения не имело и сведения о том, кому были выдаваемы эти билеты, подполковником Кулябко в бюро не сообщались. Каким лицам и учреждениям, кроме начальника охранного отделения, были предоставлены для раздачи бланковые билеты, мне в точности неизвестно, так как такая выдача производилась непосредственно заведующим бюро по личному приказанию товарища министра. Выдача пропускных билетов из бюро обуславливалась отсутствием каких бы то ни было сведений, могущих возбудить сомнение в благонадежности данного лица, причем тем, которые, как оказывалось по справкам, проходили через охранное отделение, или губернское жандармское управление, или же через департамент полиции по прикосновенности к крайним левым партиям, в выдаче билетов безусловно отказывалось. Такой же точно порядок, какой соблюдался при выдаче пропусков в театр, имел место и при разрешениях на посещение Купеческого сада, ипподрома и других мест с тою лишь разницею, что билеты рассылались непосредственно самим бюро, чрез местную полицию, а лицам, состоявшим на службе в местных учреждениях, выдавались под расписки представителей этих учреждений. На спектакль 1 сентября в городском театре для чинов, состоявших при бюро, городским головою было прислано четыре именных билета в кресла; один из этих билетов был предназначен для меня. По прибытии в театр я уступил свое место в 9 ряду жене моего сослуживца, подполковника Белевцова, а сам поместился в 12 ряду, вблизи от прохода с правой стороны. Когда начался второй антракт, я вышел из зрительного зала в коридор с правой стороны. В это время, находясь около двери, ведущей из коридора в зал, я услышал два выстрела в зале. Вбежав туда и устремив прежде всего внимание на царскую ложу, я в ней никого не заметил; шагах же в 4 или 5 от нее стоял спиной к барьеру председатель Совета министров Столыпин. Око-

ло него в этот момент никого не было. По его спокойной позе я не мог подумать, что в него стреляли и что он ранен. В этот же момент в противоположном конце прохода я заметил группу лиц, кого-то державших. Подбежав к этой группе, я увидел лежавшего на полу человека, сильно избитого и казавшегося мертвым. Среди лиц, окружавших этого человека, был подполковник корпуса жандармов Иванов, который защищал голову лежавшего от наносимых ему толпою ударов. Я принял участие в защите и помог подполковнику Иванову протащить этого человека в коридор. Тут же я узнал, что выстрелы, которые я слышал раньше, были направлены в статс-секретаря Столыпина, а когда я вошел в зал, то кто-то их окружавших сказал, что злоумышленник – по фамилии Бобров, помощник присяжного поверенного. Встретившись тут же с А.А. Курловым и будучи взволнованы происшествием, мы вместе вышли из театра и бегом направились в бюро, так как обоих угнетала мысль, что злоумышленник мог получить пропуск в театр от нас. Проверив по карточкам фамилии на букву «Б», мы не нашли Боброва, а возвратившиеся из театра ротмистр Терехов и чиновник Боярский сказали нам, что слышали в театре фамилию не Боброва, а Багрова. Тогда мы справились по адресной книге жителей города Киева и, не найдя там помощника присяжного поверенного Багрова, остановились на подходящей фамилии Богрова, присяжного поверенного и домовладельца. Не допуская возможности, чтобы это лицо имело что-либо общее с молодым человеком, стрелявшим в театре и желая выяснить истину, мы решили позвонить по телефону в квартиру присяжного поверенного Богрова. К телефону подошел я и на мой звонок отозвался мужской голос, ответивший, что говорит присяжный поверенный Богров. На последующие мои вопросы, известен ли ему случай в театре и есть ли в Киеве однофамилец его, помощник присяжного поверенного, говорившее лицо ответило отрицательно. Когда, извинившись за беспокойство, я хотел повесить трубку, тот же голос меня спросил: «Кто говорит». Не желая называть себя, я сказал, что это ему безразлично и затем отказался ответить на его вопрос, откуда я позвонил. После этого, когда я вышел из комнаты, раздался звонок телефона и подошедший к аппарату А.А. Курлов на вопрос, был ли дан звонок на квартиру Богрова, ответил: «Нет» и повесил трубку. Когда вслед за тем опять позвонили, я подошел к телефону, причем вызывавший голос назвал себя ротмистром Самохваловым и, узнав из моего ответа, кто я, спросил, действительно ли я звонил на квартиру Богрова и для какой цели. Не желая вступать с ним в объяснения по телефону, я ответил что звонил без всякой цели из любопытства, причем все мы, присутствовавшие, догадались, что в этот момент в квартире Богрова происходит обыск. Видел ли я в театре, во время спектакля генерала Курлова, Веригина и Спиридовича, я не помню, с Кулябкою же я, кажется, встретился во время первого антракта в коридоре, но был ли он один или с кем-либо, я не заметил. Никаких особых инструкций или приказаний перед посещением театра нам, жандармским офицерам, состоявшим при билетном бюро, генералом Курловым да-

ваемо не было. В партере театра, за исключением дам, почти все приглашенные были в военных или гражданских мундирах, одетых же во фрак почти никакого я не видел.

Ротмистр Козловский.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ Ф 271. Оп. 1 Д. 26. Л. 111–115. Подлинник

Протокол допроса директора департамента полиции С.П. Белецкого

14 июля 1912 г.

1912 года, июля 14 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в г. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Белецкий, Степан Петрович, православный, статский советник, директор департамента полиции Министерства внутренних дел, проживаю в г. С.-Петербурге по Гагаринской ул. в доме № 25. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябко ни в каких особых отношениях не состою. До назначения генерала Курлова товарищем министра меры охраны при путешествиях Государя Императора осуществлялись на местах по директивам Министерства внутренних дел; причем меры, касавшиеся политического розыска и полицейского обслуживания исходили непосредственно от департамента полиции. Начиная с 1905 года, с наступления революционного брожения, Высочайшие проезды были приостановлены и первый выезд Государя, в обстановке, требующей усиленного обслуживания, состоялся в Полтаву в 1909 году. Ввиду агентурных сведений, полученных из заграницы о возможности террористических актов, под председательством покойного министра Столыпина было образовано особое совещание с участием министра Императорского Двора и дворцового коменданта для более целесообразного осуществления программы, намеченной церемониальною частью. После выработки этим совещанием соответствующих мероприятий генерал Курлов, с разрешения министра внутренних дел, посетил места, где предстояли Высочайшие пребывания и под своим председательством устроил на местах ряд совещаний с участием местных властей и затем, в силу испрошенного министром Высочайшего соизволения, стал во главе охраны, приняв, таким образом, на себя и всю ответственность за свои распоряжения в этой области. При всех последующих Высочайших проездах имел место тот же самый порядок сосредоточения всей власти

по охране в лице генерала Курлова, которым по этому предмету был выработан и составлен ряд положений как по охране, так и по осуществлению разных мероприятий, из нее истекавших. При поездке в Киев в 1911 году генерал Курлов, с ведома министра, откомандировал в свое распоряжение исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции Веригина, личного своего секретаря Сенько-Поповского, второго секретаря департамента, чиновника особых поручений при министре А.А. Курлова, своего двоюродного брата, секретаря штаба подполковника Пискунова и младшего делопроизводителя Свицкого с соответствующим штатом канцелярских чиновников. В ордерах, данных названным лицам, точного указания их обязанностей и пределов полномочий не содержалось и они находились в непосредственном распоряжении генерала Курлова. На одного из командированных лиц, А.А. Курлова, с начала его командировки было возложено руководство билетным бюро; Сенько-Поповский и Свицкий ведали секретарскую часть; что же касается Веригина, то департаментом полиции ему никаких директив делаемо не было и пределы его полномочий, таким образом, определялись непосредственно генералом Курловым, лично выделявшим всегда Веригина из среды его сослуживцев. Если на него товарищ министра возлагал в Киеве обязанности вице-директора, ведающего политическую часть, о чем можно заключить из командировок Веригина в гг. Чернигов и Овруч, то ему несомненно принадлежало, в пределах осуществления программы охраны, право делать распоряжения, с которыми должны были считаться исполнительные органы на местах. Во время командировки Веригина в Германию я временно исполнял обязанности директора и, по приказанию отправившегося для обозрения Сибири покойного министра, озабоченного благополучным пребыванием заграницею Государя Императора, ежедневно осведомлял министра по этому поводу телеграммами, получая сведения от Веригина. В этот период мною передавались Веригину для агентурной разработки все те сведения, которые получались департаментом по вопросу об охране Их Императорских Величеств, и я тогда смотрел на него как на высший наблюдательный розыскной орган, находившийся в месте Высочайшего пребывания. Как таковому, ему был подчинен в этот период заведующий нашей заграничной агентурой. Что же касается пребывания Веригина в Италии, то, кроме последнего, туда же в этот период времени был командирован вице-директор Виссарионов, ведающий политической частью, и поэтому обязанности Веригина были несколько ограничены, но в чем именно они заключались, сказать не могу, так как осенью 1909 года я обязанностей директора не исполнял. Во время своей службы в департаменте Веригин розыскною отраслью деятельности департамента не заведовал и опыта в этом деле иметь не мог. Занимая должность секретаря директора, он, благодаря своим личным отношениям к товарищу министра Курлову, был резко выдвинут вперед, повышен в окладе содержания и назначен по ордеру исполняющим обязанности вице-директора, не будучи даже чиновником особых поручений IV класса,

что считалось необходимым для такого назначения, причем в его заведовании осталась та же секретарская часть, дополненная делами личного состава департамента, архивом и регистрационным отделом. Надобности в таком особом секретарском отделе департамента не представлялось и при вступлении в должность нового министра Макарова, этот отдел директором Зуевым был упразднен и секретарская часть обратилась в первоначальный ее вид. Как секретарь директора, Веригин был на высоте тех требований, которые могли быть предъявлены к нему, как секретарю, и при бывшем директоре Трусевиче, насколько я мог заметить, он был скромным исполнителем даваемых ему распоряжений и не выходил из рамок предоставленной ему должности. С назначением товарища министра Курлова Веригин резко изменил свои отношения к сослуживцам и стал играть видную роль, опираясь на расположение к нему товарища министра. Объяснить такую перемену возможно лишь личными отношениями его к генералу Курлову, в доме которого он был принят как свой человек и теми особенностями характера Веригина, умевшего использовать это обстоятельство для своих личных и служебных выгод. С деятельностью начальника Киевского охранного отделения Кулябко я познакомился в период временного управления мною департаментом в 1909 году, когда мне пришлось дать Кулябке несколько резких указаний ввиду неисполнения им требований департамента и резко выраженного желания обособиться. Как бывший вице-директор, ведавший финансовою частью, могу удостоверить, что подполковник Кулябко во многом осложнял ревизионную часть департамента как несвоевременным представлением денежной отчетности, так и нежеланием считаться с требованиями департамента по той части. После катастрофы 1 сентября и отстранения Кулябки от должности начальника отделения, вице-директором Виссарионовым при ревизии охранного отделения была отмечена неудовлетворительная постановка агентуры, вызвавшая необходимость со стороны департамента особых директив вновь назначенному начальнику отделения Леонтьеву[225]. Добавлю, что, насколько мне известно, в департаменте полиции имелись данные о Богрове и, с моей точки зрения, серьезность момента и осторожность налагали на розыскные органы в Киеве обязанность сделать запрос также и департаменту, который мог бы своевременно оттенить значение заявления Богрова в глазах подполковника Кулябко, тем более, что Богров в течение некоторого периода времени не находился в сфере влияния подполковника Кулябко; для опасения же, что подобная мера могла вызвать провал сотрудника, оснований никаких не представлялось.

Статский советник С. Белецкий.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 116–120. Подлинник.

Протокол допроса полковника Н.И. Балабина

19 июля 1912 г.

1912 года, июля 19 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в г. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Балабин[226], Николай Иванович, 44 лет, православный, полковник отдельного корпуса жандармов, проживаю в г. С.-Петербурге по Смольному проспекту, в доме № 6, с генералом Курловым, Веригиным, Кулябкою и Спиридовичем ни в каких особых отношениях не состою. В конце апреля 1910 года я был прикомандирован к департаменту полиции в особый отдел этого департамента, где сосредоточено наблюдение за розыскною деятельностью охранных отделений и жандармских управлений. По агентурной и денежной отчетностям, представляемым в особый отдел, всегда можно иметь полную картину деятельности местных розыскных учреждений, так как сведения, доставляемые каждым сотрудником, обязательно представляются в отдел, причем в особых отчетах указывается также и содержание, получаемое сотрудником. Деятельность бывшего начальника Киевского охранного отделения, подполковника Кулябко со времени вступления моего на службу по департаменту поразила меня особенно: расходуя сравнительно с другими отделениями на секретную агентуру громадные денежные средства, он не имел ни одного сколько-нибудь солидного сотрудника и совершенно не освещал деятельность местных революционных организаций. Между тем, по сведениям департамента полиции, вполне точным, не подлежащим никакому сомнению и полученным из революционной литературы и *других источников, представлялось неопровержимым, что социал-демократическая* организация в городе Киеве была самою сильною в Империи. Равным образом проявлял усиленную деятельность и Бунд[227], как это видно из отчета делегата на заграничной конференции в Копенгагене[228]. На все это департаментом своевременно обращалось внимание Кулябки и предписывалось ему озаботиться приобретением надлежащей агентуры и возможно скорейшею ликвидациею этих преступных партий. Целый ряд этих указаний не имел никаких практических последствий и по-прежнему в представляемой Кулябкою агентурной отчетности не заключалось никаких сведений, освещающих указанные организации. Такое положение дела вызвало со стороны особого отдела представление письменного доклада товарищу министра, генералу Курлову, по распоряжению коего в половине декабря Кулябко был по телеграмме вызван в Петербург. Здесь 16 декабря, в присутствии директора департамента полиции, заведующего особым отделом, полковника Еремина и моем, генерал Курлов прочитал составленный мною

доклад и предлагал Кулябке по каждой революционной партии вопросы о причинах, по которым его сотрудники, получая огромное вознаграждение, не доставляют никаких сведений. На эти вопросы Кулябко никаких удовлетворительных объяснений дать не мог, так как утверждения его об отсутствии в Киеве революционных организаций оказались совершенно несостоятельными и опровергались как несомненным фактом издания Киевской социал-демократической организацией печатных прокламаций, так и помещением в заграничных нелегальных изданиях в 1910 году отчета киевской организации, удостоверявшего наличность в Киеве городского комитета, 10-ти или 12-ти отдельных кружков, коллегии пропагандистов, студенческой фракции, подчиненной комитету, и прекрасно оборудованной типографии, издающей ежемесячно прокламации. Равным образом подполковник Кулябко не мог дать надлежащих объяснений по поводу получения его сотрудниками весьма значительного денежного вознаграждения, несмотря на то обстоятельство, что одни из этих сотрудииков никогда не доставляли никаких сведений, а другие сообщали сведения, не имеющие никакого значения в розыскном деле. По выслушании неудовлетворительных объяснений Кулябки генерал Курлов по каждой части доклада особо предлагал ему в решительной форме немедленно же принять меры к упорядочению политического розыска и к приобретению порядочной агентуры. Этими указаниями генерала Курлова ограничились все результаты доклада о деятельности подполковника Кулябки. После этого со стороны департамента продолжались указания Киевскому охранному отделению, так как в деятельности его никаких улучшений не обнаружилось. Такое положение названного охранного отделения представлялось исключительным, так как в других отделениях секретная агентура нигде не находилась в таком неудовлетворительном состоянии. В 1909 и первой половине 1910 года, во время службы моей помощником начальника Киевского губернского жандармского управления, Кулябко одновременно со мною состоял начальником охранного отделения. Близкого знакомства с его деятельностью я тогда не имел, но, судя по делам, поступавшим от него в управление, я уже тогда замечал, что политический розыск в Киевском охранном отделении был поставлен крайне слабо и в течение времени пребывания моего в Киеве не было произведено ни одной удовлетворительной ликвидации. В ноябре месяце 1911 года я принимал участие в ревизии Киевского охранного отделения, произведенной вице-директором департамента полиции Виссарионовым. При этой ревизии обнаружилось следующее: секретная агентура велась начальником отделения Кулябко, заведующим наружным наблюдением Демидюком и отчасти офицерами отделения. У подполковника Кулябки были сотрудники, не дававшие никаких сведений, но получавшие высокие оклады; как при сдаче отделения, так и при ревизии, Кулябко не предъявил их и не мог дать о них сведений. Что же касается агентуры Демидюка и офицеров отделения, то таковая была налицо, сотрудники были весьма слабые, но и содержание получали незначительное. По установившей-

ся практике, основанной на требованиях Положения об охранных отделениях и циркулярных распоряжениях департамента полиции, начальникам охранных отделений вменено в непременную обязанность о всех получаемых ими агентурным путем сведениях, имеющих общественное значение или указывающих на готовящееся покушение на Высочайших особ, немедленно доносить департаменту, независимо от степени достоверности таковых сведений. Поэтому, если бы о полученных от Богрова сведениях, касающихся прибытия террористов в Киев, начальником охранного отделения Кулябко, во исполнение означенных требований департамента, было бы своевременно доложено сему последнему, то это донесение вызвало бы тотчас же тщательное ознакомление с деятельностью Богрова по имевшимся в особом отделе материалам и в результате Кулябко получил бы от департамента требование установить тщательное наблюдение за самим Богровым, так как имеющиеся о нем сведения в департаменте не внушали особого доверия к этому сотруднику. О застрелившемся 26 августа в городе Киеве Муравьеве мне известно из производства о нем, что Муравьев занимался ранее грабежами общеуголовного характера и по прибытии в Киев, где проживала его сестра, задумал скрыться от преследования за эти преступления за границу. Не имея для этого средств, он оттуда послал письмо парижским анархистам, прося денежной помощи и содействия к переходу границы, но в этой просьбе анархистами ему было отказано на том основании, что он не принадлежал ни к каким политическим партиям. Будучи опознан в Киеве саратовскими филерами, он был задержан и доставлен в охранное отделение, где и лишил себя жизни, к чему понудило его, несомненно, полное отсутствие материальных средств и то безвыходное положение, в котором он очутился в Киеве. Никакого отношения к преступлению Богрова Муравьев не имел.

Полковник Николай Балабин.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д 26. Л. 147–151. Подлинник

Протокол допроса заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина

23 июля 1912 г.

1912 года, июля 23 дня сенатор Н.З. Шульгин допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд. нижепоименованного, который в дополнение к данному им ранее по делу показанию на предложенные вопросы показал: Еремин, Александр Михайлович, полковник отдельного корпуса жандармов. До 1 ноября 1908 года о деятельности Богрова, как секретного сотрудника подполковника Кулябко, сказать определительно не представ-

ляется возможиым, так как до указанного срока в представляемых начальниками охранных отделений сведениях по делам не упоминалась кличка сотрудников, от которых поступали сведения. Начиная с ноября 1908 г., циркулярным предписанием департамента полиции было вменено в обязанность начальникам охранных отделений при сообщении сведений указывать кличку того сотрудника, от которого они были получены. В течение времени с ноября месяца 1908 года и до конца состояния Богрова сотрудником у подполковника Кулябко каких-либо серьезных по результатам сведений Богровым, судя по материалам, имеющимся в департаменте полиции, не доставлялось. Правда, за это время им были даны сведения о некоей Юлии Мержеевской, подготовлявшей будто бы покушение на цареубийство, но эти сведения, насколько я припоминаю, в конечном результате оказались не имеющими серьезного значения и вытекали из психически ненормального состояния Мержеевской. О том, что Богров был заподозрен революционными организациями в предательстве и что положение его в этих организациях было поколеблено, Кулябко не доносил департаменту, хотя он обязан был довести об этом обстоятельстве, если оно было ему известно, до сведения департамента полиции. Равным образом, Кулябко обязан был в силу инструкции, по получении столь серьезных известий, как сообщение его сотрудника о готовящемся покушении на министров, немедленно донести об этом департаменту, но такового донесения от него до убийства статс-секретаря Столыпина департаментом получено не было. О состоянии агентуры у подполковника Кулябко со времени заведования мною особым отделом, т.е. с января месяца 1910 года, могу с уверенностью сказать, что у него не было вовсе серьезных секретных сотрудников, что и было установлено вполне при произведенной вице-директором Виссарионовым осенью 1911 года ревизии. Такое положение агентуры у него, по своей неудовлетворительности, было, во всяком случае, выдающимся по сравнении с большинством других охранных отделений.

Полковник Еремин.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 152–153. Подлинник.

Протокол допроса агента центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении И.К. Корнилова

1 августа 1912 г.

1912 года, августа 1 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном под-

полковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Корнилов, Иван Кузьмич, 42 л[ет], православный, коллежский секретарь, проживаю временно на даче в Ковшовке, Царскосельского уезда, а постоянно в С.-Петербурге. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою ни в каких особых отношениях, кроме служебных, не состою. Я служу агентом в центральном филерском отряде при С.-Петербургском охранном отделении. В августе 1911 года я в числе других агентов означенного отряда был командирован в г. Киев на время происходивших там торжеств в Высочайшем присутствии. Там я был откомандирован в распоряжение полковника Спиридовича, в ведении коего находилась наружная охрана и по приказанию Спиридовича заведовал охраною бывшего председателя Совета министров Столыпина в генерал-губернаторском доме, заменив собою агента охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, Федорова, исполнявшего ранее эти же обязанности. В моем распоряжении находилось около 25–28 агентов и мы посменно дежурили как в прихожей генерал-губернаторского дома, так и снаружи. О назначении меня для охраны министра Столыпина мне было объявлено по телефону полковником Спиридовичем, который тогда же по телефону приказал мне быть внимательнее и держать людей охраны возможно строже. Больше никаких инструкций и указаний от полковника Спиридовича за все время пребывания моего в Киеве я не получал. Спиридович почти ежедневно по вечерам приезжал ненадолго в казармы, где помещались все агенты, там он просматривал сводки замечаний, сделанных по линии Высочайших проездов, а иногда эти сводки доставлялись ему в гостиницу ротмистром Макаровым. Бывая в казарме, Спиридович говорил нам в общих фразах о необходимости внимательного отношения к служебным обязанностям, но при этом я не слышал, чтобы он говорил о каких-либо чрезвычайных обстоятельствах, как то, о готовящемся покушении на статс-секретаря Столыпина или о приезде в Киев бомбистов и по поводу этих обстоятельств давал бы нам какие-либо инструкции. Подполковник Кулябко, проезжая мимо генерал-губернаторского дома, останавливался иногда и осведомлялся у меня о том, все ли обстоит благополучно, а иногда заходил в самый дом. Я хорошо помню, что в момент отъезда статс-секретаря Столыпина на ипподром утром 1-го сентября, более точно время я определить не могу, Кулябко подъехал к генерал-губернаторскому дому и, выйдя из автомобиля, подошел к Столыпину и о чем-то с ним разговаривал. Когда Столыпин, сев в мотор, поехал на ипподром, то Кулябко тоже выехал следом за ним. Ночью, кажется, 31 августа, агент охранной команды Келлер[229] сообщил мне из генерал-губернаторского дома, кажется, по телефону, что начальник охранного отделения Кулябко приказал мне явиться к нему на следующий день в отделение к 7-ми часам утра. Придя туда в

назначенное время, я застал Келлера и еще другого агента Майорова. Здесь же находился и старший филер Киевского охранного отделения Демидюк, который на мой вопрос, что случилось, сообщил, что получены сведения о готовящемся покушении на статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо. Чрез некоторое время в отделение пришел подполковник Кулябко и лично повторил нам о сообщении Демидюка о приезде террористов в г. Киев для организации покушения. При этом он приказал Демидюку сообщить нам приметы злоумышленников, что и было исполнено Демидюком. Я теперь хорошо не помню, но, кажется, нам были сообщены приметы только одного лица - мужчины, был ли разговор о женщине, я не помню. Подполковник Кулябко, сказав, что ему некогда, собрался уезжать из отделения, но так как нам не было дано никаких определенных инструкций, как поступить с злоумышленником, в случае, если бы он был обнаружен, то я спросил: можно ли его арестовать. На мой вопрос Кулябко сказал, что об этом нам будет дано знать, и затем уехал. Однако, никаких дополнительных приказаний, несмотря на эти слова, нам впоследствии передаваемо не был. Уходя из отделения, я объявил находившимся в моем распоряжении агентам, что хотя нам не было дано определенных указаний о задержании злоумышленника, но в случае, если по приметам будет замечено это лицо, то чтобы его арестовали. Приметы, данные Демидюком, были переписаны и розданы мною всем моим агентам; по пути к генерал-губернаторскому дому, по распоряжению Кулябко или Демидюка, в точности не помню, я заходил в дом, где проживал министр народного просвещения Кассо, чтобы передать те же приметы и сведения находившемуся там агенту Чугриеву, но последнего я не застал и о том, чтобы он явился ко мне за получением сведений, сообщил курьеру министра. Вернувшись к генерал-губернаторскому дому, я сообщил приметы находившимся там на постах агентам и дал им инструкции. Спустя некоторое время, в котором именно часу, я не помню, приехал подполковник Кулябко и приказал мне переменить расположение филерских постов и перенести некоторые из них в сад. Когда я заметил ему, что министр не любит, чтобы агенты находились вблизи от него, Кулябко ответил, чтобы я не стеснялся этим и исполнил его распоряжение, так как об этом министр осведомлен. Генерал Курлов при мне неоднократно приезжал в генерал-губернаторский дом, но при этом он сам филерских постов не проверял и о том, как организована охрана министра, вопросов мне не задавал; кто из начальствующих лиц указывал первоначально места, где надлежало учредить филерские посты возле дома генерал-губернатора, я не знаю, так как при вступлении моем в заведование охраною посты были уже установлены по местам. В тот же день, когда нам даны были сведения о готовящемся покушении, в вестибюле генерал-губернаторского дома бы-ло учреждено офицерское дежурство. Статского советника Веригина я знаю, но при мне он никаких распоряжений, касающихся агентуры, не давал.

Добавлю, что я совершенно не помню теперь, какие были нам даны Демидюком приметы злоумышленника и насколько эти приметы были определительны для распознания по ним последнего.

Коллежский секретарь Корнилов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. 1. Д. 26. Л. 178–181об. Подлинник.

Протокол допроса помощника начальника Киевского губернского жандармского управления А.А. Иванова

7 августа 1912 г.

1912 года, августа 7 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Иванов, Александр Александрович, 46 лет, православный, подполковник отдельного корпуса жандармов, жительствующий в гор. Киеве, Трехсвятительская улица, дом № 21. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою ни в каких особых отношениях не состою. Я служу помощником начальника Киевского губернского жандармского управления. 1 сентября 1911 года я был в Киевском городском театре во время торжественного спектакля. После второго акта в антракте я вышел в коридор бенуара, в средней части этого коридора, расположенной против главного выхода из театра, я встретил генерала Курлова, направлявшегося с левой стороны, где находилась царская ложа. Генерал Курлов спросил, не видел ли я подполковника Кулябко. Я сказал ему, что видел, как Кулябко уехал из театра, так как еще в первом антракте при мне Кулябко сел в мотор и отъехал от театра по Фундуклеевской улице вниз к Крещатику. Когда я сказал об этом Курлову, к нам подошел полковник Спиридович, который на мои слова заметил, что я ошибаюсь, что подполковник Кулябко здесь. Действительно, Кулябко оказался вблизи от нас около главного выхода и Курлов его подозвал и пошел вместе с ним в левую сторону коридора, где находился телефон в проходе, ведущем в кассу дешевых мест. После их ухода я остался с полковником Спиридовичем в коридоре, но мы еще не успели сказать несколько слов, как в зрительном зале театра раздались два выстрела. Я тотчас бросился к подъезду и крикнул офицерам, чтобы они распорядились закрыть выходы из театра. Вслед затем, вернувшись в коридор, я стремительно направился в левую сторону, где находилась царская ложа и при

входе в партер наткнулся на толпу. В толпе я увидел, что два неизвестных мне господина тащат за руки какого-то лежащего на полу человека, который был окровавлен. Я подскочил и, не давая себе отчета, стал защищать этого человека от ударов толпы, которая продолжала тащить его по коридору. Дойдя до вешалок, огражденных барьером, я перекинул задержанного человека чрез барьер, чтобы защитить его от ударов толпы. Вслед затем ко мне подошел дворцовый комендант генерал Дедюлин и, спросив мою фамилию, задал мне вопрос, я ли распоряжаюсь здесь. Когда я ответил утвердительно, он мне сказал, чтобы я и дальше распоряжался. После этого я тут же обыскал задержанного, назвавшегося Дмитрием Богровым, и отобрал оказавшиеся у него в кармане бумаги, в том числе билет в театр, который мне сейчас предъявлен (предъявлен свидетелю билет, описанный в протоколе от 4-го июля 1912 года) и визитные карточки. Самого Богрова я перевел в буфетную комнату, где, по личному предложению прокурора палаты, и ввиду отсутствия на месте судебного следователя, приступил к допросу его. При этом допросе присутствовали товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор Киевского окружного суда Брандорф. Богров не упоминал тогда о том, что он состоял на службе в Киевском охранном отделении, рассказал лишь, что когда он задумал совершить покушение на министра Столыпина, то явился к подполковнику Кулябко и сделал последнему вымышленное сообщение о приезде к нему, Богрову, молодого человека, собиравшегося будто бы совершить убийство Столыпина. Кулябко, поверив его словам, выдал ему билет для входа на торжества, происходившие в Купеческом саду и в городском театре. По словам Богрова, еще при первом свидании, происходившем в присутствии Веригина и Спиридовича в квартире Кулябки, последний указал ему на пачку билетов на торжества, лежавших на столе и спросил, имеет ли он, Богров, такие билеты. На это он, не желая возбуждать подозрения, ответил, что билеты ему не нужны. А впоследствии обратился к Кулябке с просьбой выдать ему таковые. При первом допросе Богров не объяснил подробно, для какой надобности Кулябко выдал ему билеты, об этом он показал на последующем допросе 4 сентября и объяснил, что, обратившись к Кулябке с просьбою дать ему билет в театр, он сказал, что присутствие его в театре необходимо, с одной стороны, чтобы изолировать себя от злоумышленников, а с другой – для того, чтобы принять на себя роль наблюдателя за Столыпиным и воспрепятствовать совершению покушения. Я также твердо помню, что просьба о выдаче билета в театр, по объяснению Богрова, была заявлена им Кулябке в присутствии Веригина, причем на его просьбу дать место поближе к креслу Столыпина, Кулябко и Веригин ответили, что в первых рядах места предназначены высокопоставленным особам и ему, Богрову, сидеть там неудобно. Богров также утверждал, что при свиданиях его с Кулябкою, как на квартире у последнего, так затем в Европейской гостинице, всегда присутствовали Спиридович и Веригин, при этом

Богров высказывал удивление, что Кулябко не замечал подозрительности его поведения и вел с ним сношения так неконспиративно. После осуждения Богрова приговором военного суда я еще раз допрашивал его 10 сентября 1911 года с тою целью, чтобы внести в протокол новые объяснения его, данные на суде. Будучи осведомлен о том, что Богров во время суда выгораживал Кулябку, я спросил его, чем объяснить такой образ его действий. На это Богров мне сказал, что на предложенные прокурором вопросы Кулябко, растерявшись, не знал, что отвечать, и он, Богров, пожалев его, своими ответами старался помочь ему выйти из затруднительного положения. 1 сентября наряд офицеров в городской театр был сделан по указаниям полковника Спиридовича ротмистром Макаровым, на которого было возложено принять меры охраны в театре. Наряд этот был наружный и учреждался для контроля билетов. В зрительном зале, насколько мне известно, офицерского наряда не было. Хотя в зале в числе публики и были офицеры, но последние находились там в качестве зрителей и обязанностей охраны на них возложено не было, по крайней мере, я лично никаких инструкций ни от кого не получал. Приказаний о том, чтобы офицеры корпуса жандармов, находившиеся в зале, не оставляли своих мест во время антрактов ранее выхода из ложи Государя Императора, также не было дано. С полковником Спиридовичем я непосредственных отношений по охране не имел и в чем состояли его распоряжения, я не знаю. В бытность мою в наряде в Дворянском доме Спиридович проверял вместе с подполковником Дукельским посты охраны, в театре же он при мне никаких распоряжений не делал и, кроме описанной уже встречи с ним в начале второго антракта, я видел его только мельком в первом антракте перед поднятием занавеса, но с ним тогда не разговаривал. В течение второго антракта у меня со Спиридовичем также не было никаких разговоров и по коридору театра я с ним не ходил. После того, как раздались выстрелы в театре и я выбежал *на подъезд, я Спиридовича больше не видел.*

Подполковник Иванов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. оп. 1. Д. 26. Л. 192–196. Подлинник.

Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка

8 августа 1912 г.

1912 года, августа 8 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном под-

полковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Демидюк, Самсон Иванович, 48 лет, православный, губернский секретарь, под судом и следствием не был, проживаю в гор. Киеве, на Полевой улице в доме № 31. Генерал Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко мне посторонние. До 1 ноября 1911 года я состоял на службе в Киевском охранном отделении и на моей обязанности лежало заведование наружным наблюдением. Дмитрия Богрова я знал с 1907 года, он состоял секретным сотрудником нашего охранного отделения, посещал конспиративную квартиру, на которой назначались свидания сотрудникам, кличка его, как сотрудника, была «Аленский». Филерам же он был известен под другою кличкою «Капустянский». Во время службы в отделении Богров неоднократно давал сведения о деятельности революционных организаций, преимущественно анархистов-комунистов, а также социалистов-революционеров-максималистов, кроме того, от него получались сведения по некоторым экспроприациям и по другим делам. Сведения эти были очень ценные и по ним было произведено несколько очень удачных ликвидаций. Весной 1910 года Богров уехал в Петербург и с тех пор я с ним не имел никаких сношений до 26 августа 1911 года. Правда, я его несколько раз мельком встречал на улицах в городе Киеве, но к нему не подходил и с ним не разговаривал. Встреча наша в августе произошла при следующих обстоятельствах: 26 числа этого месяца, около 12 часов дня, когда я находился в отделении, Богров позвонил по телефону и спросил дежурного, дома ли «хозяин», разумея под словом «хозяин» начальника охранного отделения Кулябко. Последнего в это время не было дома и я подошел к телефону, спросил, кто говорит, и, получив ответ «Аленский», сказал ему, что «хозяина» дома нет. Богров заявил, что у него очень нужное дело, спросил нельзя ли переговорить со мною и мы условились встретиться через ¼ часа в Георгиевском переулке. Я очень обрадовался появлению Богрова, так как, зная его прежнюю службу, надеялся, что он даст нам ценные сведения и в назначенное время отправился на свидание с ним. Мы встретились и вошли в парадный подъезд одного из домов. Здесь Богров мне рассказал, что в бытность в Петербурге он познакомился с неким Лазаревым и другими видными деятелями партии социалистов-революционеров. Один из последних, которого он называл Николаем Яковлевичем, по словам Богрова, был в Киеве недели две тому назад и сказал, что приедет опять, причем просил Богрова устроить его у себя на квартире и дать ему возможность приехать в Киев на моторной лодке. На мой вопрос, какая цель приезда Николая Яковлевича в Киев, Богров высказал предположение, что эта поездка находится в связи с замышляемым покушением на министров Столыпина и Кассо во время будущих торжеств в гор. Киеве по случаю приезда Государя Импера-

тора. Поняв из слов Богрова, что сообщенные им сведения имеют большую важность, я посоветовал ему доложить лично начальнику охранного отделения. Богров согласился и сказал, что через ½ часа он позвонит опять по телефону в отделение. Богров и я после этого расстались. Я вернулся в отделение около часа пополудни, вскоре туда же приехал подполковник Кулябко вместе с полковником Спиридовичем. Они прошли в приемную комнату отделения, где лежал труп застрелившегося в этот день в отделении молодого человека, по фамилии Муравьев. Я доложил Кулябке в канцелярии о моем свидании с Богровым, и Кулябко сейчас же позвал меня в кабинет. Там я подробно изложил все то, о чем мне сообщил Богров. При этом докладе полковник Спиридович не присутствовал, где он находился в это время, я не знаю. После моего ухода Кулябко, около 4 часов дня, встретившись со мною в канцелярии, сказал мне, что он говорил с Богровым по телефону и приказал мне сейчас же выйти на Золотоворотскую улицу, куда вскоре должен был явиться Богров и привести последнего к нему, Кулябке, на квартиру, через черный ход. Отправившись на указанное место, я встретился там с Богровым и провел его к Кулябке, как мне было приказано. Сам Кулябко, очевидно, поджидавший нас, встретил Богрова в прихожей и через ванную комнату и другую переднюю прошел с ним прямо в кабинет и запер за собою дверь. Я последовал за ними в переднюю до дверей кабинета. Из этой передней другая дверь вела в гостиную, дверь эта была открыта, но в гостиной никого не было, из соседней же с нею столовой до меня доносился разговор нескольких мужских голосов. Я вернулся в канцелярию, где занялся своею работой. Вечером в этот же день, но в котором часу, я теперь не помню, начальник отделения Кулябко пришел в свой служебный кабинет и, пробыв там не более ¼ часа, вышел в канцелярию. Здесь, как мне помнится, в это время, кроме меня, находился кто-то из офицеров, кажется, это был ротмистр Самохвалов; увидев меня, Кулябко сказал, что сведения, доставленные Богровым, очень важные и добавил: «Я на себя это дело не возьму, а доложу начальству и предоставлю лично переговорить с Богровым», потом он высказал предположение, не есть ли застрелившийся в отделении Муравьев то самое лицо, о котором говорил Богров, называя его Николаем Яковлевичем, на что я ему заметил, что и сам предполагал то же, но меня берет сомнение несходства данных мне Богровым примет Николая Яковлевича с приметами Муравьева. Считаю необходимым добавить, что при свидании со мною Богров описал мне наружность Николая Яковлевича, сказав, что ему около 34 лет, что он высокого роста, полный, носит теперь острую бородку, одет в английское пальто, в котелке и темных перчатках. Самоубийство Муравьева имело место утром ранее 11 часов и об этом происшествии, при свидании с Богровым, я последнему ни слова не говорил. В тот же день 26 августа вечером подполковник Кулябко приказал мне с утра следующего

дня учредить филерское наблюдение за домом, в котором жил Богров для того, чтобы следить, не явится ли к последнему Николай Яковлевич. О том, чтобы учредить наблюдение за самим Богровым и следить, куда он пойдет и с кем будет в сношениях, Кулябко распоряжения не делал и за Богровым филеры не наблюдали. С утра 27 августа мною были поставлены для наблюдения три филера, которые находились на дежурстве с 8 часов утра до 10 часов вечера. Кто именно были эти филеры, я теперь не помню. В последующие дни 28, 29, 30 и 31 августа наблюдение велось также тремя, а один день двумя филерами, дежурившими с 8 часов утра до 10 часов вечера. В течение этого времени поджидаемое лицо не появлялось. В ночь на 1 сентября, во время нахождения моего в доме № 34 по Большой Васильковской улице, где помещались казармы для филеров, кто-то из служащих в отделение принес мне пакет от подполковника Кулябко, в котором находилась записка, писаная рукою Богрова печатными буквами и содержавшая в себе описание примет Николая Яковлевича. Это была та самая записка, которая мне ныне предъявлена, и которая была представлена мною при допросе 3 октября 1911 года товарищу прокурора Бусло (свидетелю предъявлена записка, описанная в протоколе осмотра от 12 июля 1912 года). После этого около 1 часа ночи Кулябко позвонил ко мне в казармы по телефону и спросил меня, получил ли я пакет от него. Я ответил утвердительно и Кулябко приказал мне усилить наряд на бульваре и передать приметы Николая Яковлевича агенту охранной команды полковника Спиридовича Новикову, чтобы последний распорядился усилить наряды за квартирами министров Столыпина и Кассо. При этом Кулябко также велел мне явиться утром в отделение не позже 7 часов вместе с агентами, заведовавшими наблюдением за квартирами названных министров, для получения инструкций. Я распорядился поставить наряд к дому Богрова из семи филеров, а затем 1 сентября в назначенное время пришел в отделение. Вместе со мною явились Корнилов и еще кто-то из агентов. В приемной охранного отделения нам всем Кулябко сказал, что готовится покушение на министров Столыпина и Кассо, что поджидаемый нами Николай Яковлевич приехал в Киев и ночует в доме № 4 по Бибиковскому бульвару, причем к нему около 12 или 1 часа дня должна придти женщина Нина Александровна неизвестных примет. Лично мне он приказал усилить наблюдение за домом Богрова и самому стать вместе с филерами, с тем, чтобы ни под каким видом не упустить Николая Яковлевича, а Корнилову и другому агенту он велел быть бдительными и смотреть, не появится ли около квартир министров человек указанных примет или женщина. Я не помню, говорил ли Кулябко означенным агентам, чтобы они арестовали Николая Яковлевича и неизвестную женщину в случае, если поведение их покажется подозрительным, и что у этих лиц будут при себе браунинги и бомбы. Кроме сего, Кулябко мне сказал, что, при выходе Николая Яковле-

вича из квартиры Богров выйдет на балкон и этим подаст знак, что вышедший из подъезда то именно лицо, которое мы наблюдаем. О том, что Богров подаст сигнал курением папиросы, я от Кулябки не слыхал. После этого я стал в наблюдение вместе с другими филерами, всех нас было утром восемь человек. Приблизительно в 12 часу Богров вышел из подъезда и, повернув налево, пошел пешком вниз по направлению к Крещатику. Спустя около часа он вернулся домой на извозчике. Затем, около 4 часов дня, ко мне пришел надзиратель Московского охранного отделения Туляков и передал мне от имени подполковника Кулябко, что Николаем Яковлевичем замечено из окна квартиры наблюдение и поэтому он не выходит из квартиры и что наблюдение надо вести с большими предосторожностями. Я сообщил об этом филерам, предупредив их, чтобы они были осторожнее. Мы продолжали наблюдение, но ни сам Николай Яковлевич, ни женщина, о которой идет речь, нами замечены не были. В начале восьмого часа один из сторожей охранного отделения, кажется, по имени Александр, подъехал ко мне на извозчике и сказал, что подполковник Кулябко требует меня немедленно в отделение. Я сейчас же поехал туда. Кулябку я застал в канцелярии, и он мне сказал, что Николай Яковлевич находится сейчас в квартире Богрова и что Нина Александровна к нему не приходила, что затем в 8 часов вечера Николай Яковлевич выйдет один из квартиры Богрова, имея при себе два браунинга, и пойдет на угол Бибиковского бульвара и Владимирской улицы, здесь он встретится с Ниной Александровной, которая передаст ему бомбу, после чего эти лица станут на линии проезда Высочайших особ в городской театр. Сообщив об этом, Кулябко приказал усилить наблюдение еще новыми людьми, следить за выходом Николая Яковлевича и после встречи его с Ниной Александровной арестовать их в том случае, если они станут на линии проезда, если же эти лица направятся в другую сторону, то не задерживать их, а только наблюдать за ними и прибегнуть к аресту в том лишь случае, если наблюдать за ними окажется невозможным. При этом Кулябко также сказал, что Богров на свидание Николая Яковлевича с Ниной Александровной не пойдет, а отправится в городской театр, чтобы избежать провала в случае ареста названных лиц. Затем, упомянув, что Богрову нужно послать билет в театр, он велел мне позвать филера Поддевкина, чтобы поручить ему доставить билет Богрову. Поддевкина в отделении не оказалось, и Кулябко, узнав об этом, дал мне билет и приказал передать таковой швейцару дома, в котором жил Богров, с тем, чтобы он отдал сейчас же последнему этот билет, сказав, что таковой прислан от артистки «Регины». Билет был передан мне Кулябко без конверта. Я тотчас же, захватив с собою приготовленных филеров, поехал на извозчике на Бибиковский бульвар. Подъехав к углу Пушкинской улицы и бульвара, я увидел Богрова, выходящего из подъезда своего дома. Он пошел по Пушкинской улице и, проходя мимом меня, шепнув, что

ждет билета, обещанного ему Кулябкою. Я передал ему билет и пропустил его вперед, а сам с филером Гезелем пошел следом за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет и не встретится ли кто-нибудь с ним на пути. Проследив за Богровым до угла Фундуклеевской улицы, я вернулся назад и стоял на посту возле дома № 4 по Бибиковскому бульвару до начала одиннадцатого часа, когда к этому дому подъехал с нарядом полиции ротмистр Самохвалов и, сообщив мне об учиненном Богровым покушении на министра Столыпина, приступил к обыску в квартире Богрова. 1 сентября около 2 часов дня, когда я находился на посту около дома Богрова, я видел, как в подъезд этого дома вошел служащий в Киевском охранном отделении писцом Василий Сабаев. Спустя минут десять, когда он вышел из того же дома, я приблизился к нему и спросил его, что он здесь делает. На это Сабаев ответил мне, что в лечебнице, находящейся в доме № 4, помещается его жена с больным ребенком и что он приходил к ним на свидание. О том, что Сабаев бывает на квартире Богрова, где в услужении у последнего проживает его кума, я ничего не знал. При этой встреча с Сабаевым я спросил его, нет ли у нас в отделении свободных билетов в театр на торжественный спектакль. Сабаев мне сказал, что билеты есть и оставлены дежурному ротмистром Самохваловым. Когда я попросил его сказать по телефону дежурному, чтобы оставили для меня два билета, Сабаев вызвался сейчас же исполнить мою просьбу и снова вошел в подъезд дома Богрова, чтобы оттуда переговорить по телефону с отделением. Спустя несколько минут он вернулся и сказал, что не мог переговорить с дежурным о билете и что у телефона в коридоре он столкнулся с «Аленским», прибавив, что это тот самый «Аленский», который в этот же день поздно ночью приходил в охранное отделение и долгое время сидел в приемной в ожидании прихода подполковника Кулябко. Я твердо помню, что Сабаев, говоря об этой встрече, называл упомянутое лицо «Аленским», а не Богровым. Я не стал продолжать разговора с Сабаевым, после того как он назвал мне «Аленского» и не спросил его, где он с ним встретился и из чьей квартиры хотел говорить по телефону с отделением. После убийства статс-секретаря Столыпина Сабаев мне говорил, что бывая у своей кумы в квартире Богрова, он никогда ранее самого Богрова там не видел. К своему показанию добавляю, что когда я передал, по поручению Кулябко, билет в театр Богрову, я спросил последнего, где Николай Яковлевич. Богров ответил, что он находится у него в квартире и скоро должен идти на свидание с Ниной Александровной на угол Бибиковского бульвара и Владимирской улицы. Он также мне сказал, что у Николая Яковлевича два браунинга, а у Нины Александровны бомба, что они пройдут на линию Высочайшего проезда и что покушение непременно совершится. Получив эти сведения, я тотчас же послал в театр филера Седуна доложить об этом на словах подполковнику Кулябко, так как последний при вечернем свидании со мною велел мне поддерживать с ним сношения в театре

и периодически докладывать о могущих произойти переменах. Спустя некоторое время я послал в театр того же Седуна вторично с докладом Кулябке о том, что Николай Яковлевич не выходит из квартиры. Еще на предложенный мне вопрос добавляю, что на углу Владимирской улицы и Бибиковского бульвара в том месте, где, по полученным сведениям, должна была произойти встреча злоумышленников, филерского наблюдения не было и по этому предмету никаких распоряжений начальник охранного отделения мне не давал.

Самсон Иванович Демидюк.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 209–218. Подлинник.

Протокол допроса помощника начальника Киевского охранного отделения В.А. Вахнина

8 августа 1912 г.

1912 года, августа 8 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Вахнин, Владимир Алексеевич, 44 лет, подполковник отдельного корпуса жандармов, православный, живу в гор. Кневе. Троицкий переулок, дом № 4. С обвиняемыми по настоящему делу Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою ни в каких особых отношениях не состою. Я состою прикомандированным к Киевскому губернскому жандармскому управлению и занимаю должность помощника начальника охранного отделения по городу Киеву. 29, 30 и 31 августа я находился в наряде на улицах города Киева и на моей обязанности лежала расстановка членов правых организаций по пути следования Их Императорских Величеств. 1 сентября днем подполковником Кулябко я был назначен на дежурство в генерал-губернаторский дом, где имел пребывание председатель Совета министров Столыпин. Мне было указано находиться на подъезде этого дома и никого не впускать без указания швейцара, знавшего в лицо всех приезжих, являвшихся к министру и к генерал-губернатору. До моего прибытия дом охранялся филерами, офицерского же дежурства там не было. Перед отправлением на дежурство подполковник Кулябко вручил мне записку, на которой был написан маршрут следования министра Столыпина на ипподром и приказал передать этот маршрут адъютанту министра Есауло-

ву. При этом Кулябко сказал также, что для министра будет прислан особый мотор с филером от охранного отделения. На дежурстве я должен был находиться до вечера. Около 8 часов я по телефону сказал ротмистру Богдановичу, чтобы он приехал сменить меня. Сдав ему дежурство около 10 часов, я отправился к городскому театру, разыскивая кого-либо из офицеров охранного отделения для назначения на дежурство в генерал-губернаторский дом на следующий день. Спустя не более ¼ часа после прибытия моего к театру, оттуда выбежал, кажется, подполковник Александр Иванов и сообщил, что в театре было произведено два выстрела. Тогда же кто-то крикнул, чтобы закрыли все выходы и чтобы офицеры стали около дверей, никого не выпуская из театра. Вскоре после этого ко мне подошел подполковник Кулябко и, сообщив, что стрелял наш сотрудник, приказал мне отправиться в театр к вешалке, где, по его словам, этот сотрудник лежал избитым. Придя в театр, я нашел злоумышленника, оказавшегося впоследствии Богровым, уже в буфетной комнате со связанными руками, около него были чины полиции и несколько жандармских офицеров. Здесь находился также заведующий регистрационным бюро подполковник Дукельский, который приказал мне поехать в Европейскую гостиницу и доложить генералу Курлову, что Богров жив. По прибытии моем в гостиницу, генерала Курлова там не оказалось, и никто не мог указать, где он, я вернулся в театр, сообщил об этом Дукельскому и тотчас же от начальника губернского жандармского управления полковника Шределя получил распоряжение отправиться в квартиру Богрова для содействия подполковнику Самохвалову при производстве там обыска. В квартире я пробыл до 4½ часов утра и по окончании обыска поехал в охранное отделение. Здесь уже были приготовлены ордера для производства в связи с покушением Богрова обысков у Денисова и барона Оргис фон Рутенбурга[230] и арестовании их. Распоряжения об этом были сделаны подполковником Кулябкою, и обстоятельства, вызвавшие принятие означенных мер, были мне неизвестны. Я только подписал эти ордера и послал их в полицию. Впоследствии Кулябко мне сообщил, что арестование Денисова последовало по докладу ротмистра Темникова, который обратил внимание на то, что Денисов, находясь в толпе около театра, вел себя нервно и был возбужден. Что же касается Рутенбурга, то Кулябко распорядился задержать его ввиду того, что в театре кто-то из публики заявил ему, будто Рутенбург подходил к Богрову и с ним разговаривал. Спустя два дня Рутенберг был освобожден по приказанию Кулябки, после того как Кулябке было прислано из полицейского участка, где содержался под стражей Рутенберг, письмо последнего на имя генерал-губернатора. В этом письме была изложена просьба, с которой Рутенберг обращался к генерал-губернатору Трепову, оказать содействие к освобождению его из-под стражи, причем Рутенберг указывал, что в театре во время покушения он, по личному распоряжению его, генерала Трепова, распоряжался о подаче Его Императорскому Величеству шампанского и чая. 2 сентября с утра подполковник Кулябко, ссылаясь на распоря-

жение генерала Курлова ликвидировать связи Богрова, приказал чиновнику охранного отделения Бубнову[231] по книжкам сотрудника «Аленского» (Богрова) заготовить ордера об обысках и арестах всех без исключения лиц, упоминаемых в этих книжках, начиная с 1907 года. После этого было произведено, насколько мне помнится, около 50 обысков и арестов разных лиц, причем вся переписка с арестованными лицами передавалась нами начальнику губернского жандармского управления; некоторые же из арестованных были освобождены самим подполковником Кулябкою. Таким же порядком были ликвидированы, по сведениям охранного отделения, лица, проходившие по группе анархистов-коммунистов. Таких лиц было приблизительно столько же, т.е. около 40–50 человек. Все эти распоряжения делались спешно, без всякой проверки по делам отделения и без соображения степени важности сведений на обыскиваемых лиц, причем ордера писались прямо набело, справки наводились только по адресному столу. Вследствие этого при обысках произошел ряд недоразумений и обыску подвергались иногда не те лица, к которым относились сведения. Так, например, был написан ордер о производстве обыска в генерал-губернаторском доме у буфетчика, тогда как на самом деле обыску подлежало другое лицо. Во время происходивших в гор. Киеве в августе 1911 года торжеств в охранном отделение, кроме начальника, находились налицо я, ротмистр Самохвалов и штабс-ротмистр Богданович, больше никого не было, так как ротмистр Макаров был откомандирован в регистрационное бюро, Нагродский находился в командировке в имении статс-секретаря Столыпина, а на место этих лиц никто к нам откомандирован не был. Между тем, все мы были обременены массою работы, так как, кроме обычных занятий по отделению, к нам поступала значительная переписка по охране Высочайшего проезда из регистрационного бюро. Приходилось проводить в отделении целые дни; сам Кулябко большую часть времени проводил в разъездах по городу и в отделении бывал лишь короткое время раза по три в день. С положением агентуры в охранном отделении я совсем не был знаком, так как всей агентурой заведовал сам Кулябко и Демидюк. Последний был в отделении главным помощником Кулябки, у него сосредоточивалась агентура, наружное наблюдение и денежная отчетность, Кулябко оказывал ему полное доверие, и от него находились в зависимости все филеры. Поводом для задержания Александра Муравьева, застрелившегося 26 августа 1911 года в Киевском охранном отделении, послужили следующие обстоятельства: 8 августа мне были даны сведения подполковником Кулябкою о проживании в городе Киеве на Паньковской улице в квартире доктора Киселевича неизвестного лица вместе с сестрою Марией Муравьевой. По тем же сведениям было известно, что лицо это собирается выехать за границу и скрывается от полиции. По разработке означенных сведений оказалось, что упомянутое лицо проживало под фамилией Алексея Бизюкова, по свидетельству последнего и отметилось по домовой книге выбывшим на Фундуклеевскую улицу. Установленным наблюдением лицо это было выяснено, и по

приказанию подполковника Кулябко задержано на улице и доставлено в отделение, где при опросе Демидюком, в присутствии постороннего лица, этот человек застрелился, не назвав своей фамилии. По фотографической карточке, обнаруженной при обыске в месте его временного жительства, личность этого человека была установлена, причем Мария Муравьева признала в нем своего брата Александра. Дело о Муравьеве находится в производстве Киевского губернского жандармского управления и, как мне известно, не имеет никакой связи с делом Богрова, совершившим убийство статс-секретаря Столыпина, причем знакомство Муравьева с Богровым ничем не было установлено.

Владимир Алексеевич Вахнин.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 219–223об. Подлинник.

Донесение начальника Киевского охранного отделения И.А. Леонтьева сенатору Н.З. Шульгину

8 августа 1912 г.

Доношу Вашему Превосходительству, что помощник присяжного поверенного Мордко Гершевич Богров с февраля 1907 года состоял секретным сотрудником во вверенном мне отделении под кличкой «Аленский» и по его сведениям были произведены нижеследующие ликвидации:

1) 12 августа 1907 года произведена ликвидация киевской группы анархистов-коммунистов.

Арестовано три человека, обысками обнаружено: партийная литература и фотографические карточки политических преступниц, в нескольких экземплярах.

2) 13 апреля 1907 года ликвидирована киевская группа анархистов-коммунистов.

Арестовано 13 человек, обысками обнаружено: 2 револьвера, обоймы, патроны, кинжал, палка со стилетом.

3) 14 апреля 1907 года был ликвидирован Иуда Гросман – главный организатор и руководитель киевской группы анархистов-коммунистов и бывший в то время редактором анархистского журнала «Бунтарь».

4) 20 апреля 1907 года группы экспроприаторов, совершивших вооруженное ограбление епархиальной лавки на Подоле.

Арестовано 7 человек, причем обыском у них обнаружено: разрывной снаряд, три револьвера, патроны и кинжал.

5) 15 июля 1907 года ликвидация киевской группы анархистов-коммунистов, предполагавших совершить экспроприацию в одном из казенных финансовых учреждений.

Арестовано 9 человек, обыском у которых были обнаружены брошюры анархистского направления.

6) 24 июля 1907 года ликвидирована группа анархистов-коммунистов, совершивших в предместье г. Киева, в селе Демиевке, экспроприацию в квартире мещан Райтмановой и Новикова и участвовавших в ограблении почтово-телеграфной конторы в с. Демиевке в 1906 году.

Арестовано 4 человека, обыском отобрано: рукопись, касающаяся террористической деятельности группы анархистов-коммунистов, и партийная нелегальная литература.

7) 25 июля 1907 года ликвидирована группа анархистов-коммунистов, совершивших 25 июля ограбление в г. Киеве артельщика городских железных дорог Григория Выгулярского.

Арестовано 2 человека, обыском обнаружено: револьвер и партийная литература.

8) 15–17 декабря 1907 года произведена ликвидация киевской группы анархистов-коммунистов, в связи с бывшим взрывом бомбы у гостиницы «Догмара».

Арестовано 13 человек, обыском обнаружено: бомба, порошки и бикфордов шнур.

9) 28 февраля 1908 года ликвидация группы анархистов-коммунистов, по связям с застрелившимся анархистом-коммунистом Абрамом Гройсманом.

Арестовано и обыскано 37 человек, обыском было обнаружено: оружие и нелегальная литература.

10) 25 июля 1908 года ликвидирована группа социалистов-революционеров-максималистов (Воронеж, Богисоглебск), в которую входили: некий «Иван Титович», Кулаев[232], Трощенко и другие.

По связям с этими лицами были произведены ликвидации в Воронеже и Борисоглебске.

11) 22 августа 1908 года произведена ликвидация киевской группы анархистов-коммунистов.

Арестовано 7 человек, причем обыском обнаружено: материал и принадлежности для изготовления взрывчатых снарядов, мимиограф, паспортные чистые бланки, книжки и черновики прокламаций Киевской группы анархистов-коммунистов.

12) 11 октября 1909 года ликвидирована Юлия Мержеевская (она же Люблинская и Люкиенс), по делу о подготовке террористического акта против Священной особы Его Императорского Величества.

Было арестовано 6 человек, обнаружен браунинг.

Сведения, которые получались от секретного сотрудника «Аленского», скрещивались по партии социалистов-революционеров-максималистов и отчасти по анархистам, со сведениями, получавшимися от секретного сотрудника «Московского», работавшего в отделении с марта 1908 года.

Первоначально «Московский» дал самостоятельные сведения по группе иногородних максималистов (Воронеж, Борисоглебск), в которую

входили: некий «Иван Титович», Кулаев, Трощенко, Дружинин, Иван Зюзин[233] и другие.

Когда Дружинин, Кулаев и Трощенко были арестованы и заключены в Киевскую тюрьму, то они стали из тюрьмы вести переписку, которая каким-то образом попадала в руки «Аленского».

С этого времени «Аленский» стал давать сведения по тем же группам максималистов, о которых ранее сообщал и продолжал сообщать «Московский», но сведения «Аленского» были гораздо обширнее.

Что касается сведений по анархистам, то «Московский» и «Аленский» давали относительно Юдки и Ушера Гройсман[234].

Подполковник Леонтьев.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 224–225об. Подлинник.

Протокол допроса статского советника Н.Н. Чихачева

10 августа 1912 г.

1912 года, августа 10 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Чихачев[235], Николай Николаевич, 51 года, православный, статский советник, живу в гор. Киеве, по Левашовской улице, в доме № 9. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою никаких особых отношений не имею. Подполковника Кулябку, занимавшего в гор. Киеве должность начальника охранного отделения, я знал в 1903 или 1904 году, когда он состоял в бытность мою непременным членом Симферопольского губернского по земским и городским делам присутствия. Сначала, по прибытии в Алушту, Кулябко произвел на всех благоприятное впечатление, но чрез несколько месяцев при ревизии губернатором, шталмейстером Треповым, делопроизводства и денежной отчетности Алуштинского полицейского участка, была обнаружена растрата взысканных полицией земских сборов на сумму свыше 3000 рублей. Одним из знакомых Кулябки, местным дачевладельцем Полторацким, означенная сумма была пополнена, вследствие чего и ввиду увольнения его от должности пристава губернатором, губернское правление не возбудило против Кулябки судебного преследования. О прошлом Кулябки я лично докладывал года три тому назад статс-секретарю Столыпину, высказав при этом просьбу об

удалении Кулябки куда-либо из Киева. На мои слова Столыпин ответил, что он и сам недоволен Кулябкою, который, однако, сильно поддерживается генералом Курловым и поэтому остается в должности.

Николай Николаевич Чихачев.

Сенатор Н. Шульгин.

И. о. обер-прокурора Кемпе[236].

ГА РФ. Ф.271. Оп. 1. Д. 26. Л. 235–235об. Подлинник.

Протокол допроса В.А. Гороздеева-Михайлова – швейцара в доме Г.Г. Богрова

11 августа 1912 г.

1912 года, августа 8 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Гроздеев-Михайлов, Василий Андрианов, 40 лет, православный, крестьянин Саратовской губернии, Аткарского уезда, деревни Елизаветино, под судом не был, живу в гор. Киеве, в доме Богрова по Бибиковскому бульвару, № 4, где служу швейцаром. Генерал Курлов, Веригин, Спиридович и Кулябко мне посторонние. Дмитрия Богрова я знал, он сын моего хозяина Григория Богрова. В течение лета 1911 года Дмитрий Богров уезжал из Киева в местечко Потоки, где проживали его родители на даче. Уехал он после 15 июля, кажется, в начале двадцатых чисел этого месяца и возвратился между 1 и 10 августа того же года. Во время отсутствия его из города никто решительно в его квартиру не приезжал и самого Богрова не спрашивал. Также и в последних числах августа никто к нему не приезжал и у него в квартире не останавливался. Во время пребывания Дмитрия Богрова в Потоках, получались ли мною с почты или откуда-либо письма, адресованные на его имя, я совершенно не помню, если такие письма были, то они отсылались мною в Потоки. Я также не помню, где именно, т.е. в каких губернии и уезде, находится это дачное место. В конце сентября 1911 года мне в Киевском губернском жандармском управлении подполковником Ивановым была предъявлена моя расписка в почтовой книге в получении в июле месяце заказного письма из какого-то города на имя Богрова. Расписку эту я признал своею, но совершенно не помню, как я получил это письмо. По всей вероятности, я тогда же отправил его в Потоки, но этого обстоятельства точно не припо-

минаю. В первых числах сентября месяца мне в помещении Александровской больницы судебный следователь предъявлял труп молодого человека, застрелившегося в охранном отделении, фамилия этого человека, как я узнал впоследствии, Муравьев, но я не могу тогда положительно сказать, видел ли я этого самого человека при жизни его приходящим когда-либо к Дмитрию Богрову. Когда же мне была показана его фотографическая карточка, то я признал, что этот человек однажды, после 15 августа 1911 года, приходил к Богрову. Я и теперь утверждаю, что изображенного на означенной карточке Муравьева в указанное время я видел. Когда он вошел в подъезд дома Богрова, я спросил его, кого ему нужно. Он назвал Дмитрия Богрова и я поднял его наверх по подъемной машине, но вошел ли он в квартиру Богрова и сколько времени там оставался, я не знаю. Человек этот был в форменной фуражке с зеленым кантом и в тужурке. Как мне кажется, на нем была железнодорожная форма, так как на значке его фуражки я заметил топор и якорь. Сестра матери Дмитрия Богрова – Мария Богрова в настоящее время находится заграницей и, как мне известно из полученного от нее письма, она возвратится в Киев в конце будущего сентября месяца. Анастасия Батурина и Александра Катовская также проживают теперь заграницей у Григория Богрова и когда возвратятся, мне неизвестно. Добавлю, что я, в течение десятилетней службы у Богровых, никогда не видел, чтобы Дмитрий Богров когда-либо выезжал из дома или возвращался верхом на лошади.

Василий Андрианович Гороздеев.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 241–243. Подлинник

Протокол допроса бывшего чиновника особых поручений при Киевском охранном отделении В.В. Макарова

12 августа 1912 г.

1912 года, августа 12 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Макаров, Владимир Всеволодович, 33 лет, православный, ротмистр отдельного корпуса жандармов, ныне назначен помощником начальника Эстляндского губернского жандармского управления, буду проживать в гор. Ревеле. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридо-

вичем и Кулябко я никаких особых отношений не имею. В августе 1911 года во время происходивших в гор. Киеве торжеств по случаю посещения этого города Государем Императором я находился в Киеве и состоял чиновником особых поручений при Киевском охранном отделении. Я был откомандирован для службы по наружной охране в распоряжение полковника Спиридовича. В ведении моем находились все филеры, командированные в распоряжение последнего, кроме сего, я заведовал справочным бюро и находился в подчинении у подполковника Кулябки. Подполковник Спиридович вручил мне инструкции по охране Высочайших проездов и поручил ознакомить с нею филеров, – разбить их на обходы и составить на каждый Высочайший проезд наряды. Составленные мною маршруты с нарядами я докладывал Спиридовичу и он проверял их, требуя иногда объяснения. Во время подготовительных работ раза два или три при мне Спиридович бывал в казарме, где размещались филеры, и объяснял им их обязанности. Кроме того, мне известно, что Спиридович получал приглашения присутствовать в заседаниях каких-то комиссий или же на совещаниях, но какие там обсуждались вопросы, я не знаю, равно как мне неизвестно и то, какую роль играл Спиридович в этих совещаниях. 1 сентября 1911 года я заведовал охраной городского театра во время торжественного спектакля и по заранее составленному наряду расставлял посты. Кроме филеров, в моем ведении находились командированные для контроля офицеры. Последние производили у входов в театр контроль билетов являвшейся в театр публики, а филеры охраняли все входы и выходы из театра, а также были размещены в подвальных помещениях, под царской ложей и в закулисной части театра. Внутри зрительного зала филерских постов учреждено не было, причем лишь в галерее и в ярусе, находившемся под нею, были помещены филеры для наблюдения за публикой. Еще ранее дня спектакля я поднимал вопрос о том, не следует ли посадить филеров в партере зала, но кто-то из начальствующих лиц мне сказал, что там сажать их неудобно. В коридорах, непосредственно примыкавших в партеру, филерских постов также не было поставлено. Распоряжений о назначении в зрительный зал наряда офицеров я не получал и я лично ни от кого не слыхал, чтобы офицерам, находившимся в зале во время представления, были даны какие-либо особые инструкции относительно охраны царской ложи и присутствовавших в зале министров. Вечером 1 сентября перед самым началом спектакля подполковник Кулябко приказал мне распорядиться, чтобы был открыт губернаторский подъезд, сказав, насколько я помню, что к этому подъезду может быть подвезен один из министров – Столыпин или Кассо, точно сказать не могу, кто из них. При этом Кулябко распорядился, чтобы у этого же подъезда находился чиновник дворцовой полиции, который и был поставлен. В какой именно подъезд вошел в театр статс-секретарь Столыпин, я не знаю, так как приезда его я не видел. Впоследствии я слышал, что он вошел чрез главный подъезд вместе с публи-

кой. В театре я находился неотлучно в означенный день приблизительно с 4 часов, но был все время во внутренних помещениях и того, что происходило на улице, не видел. За несколько дней до прибытия в гор. Киев Государя Императора подполковник Кулябко поручил мне получить на спектакль 1 сентября от городского головы два билета на ложи 2 яруса лит. А и Б. Билеты мною были получены в городской управе под расписку в какой-то книге. Получив эти билеты, я в тот же день представил их Кулябке.

Ротмистр Владимир Всеволодович Макаров.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 244–246об. Подлинник.

Протокол допроса подполковника М.Я. Белевцова

13 августа 1912 г.

1912 года, августа 13 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. уг. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Белевцов Михаил Яковлевич, 39 лет, православного вероисповедания, подполковник отдельного корпуса жандармов, жительствую в гор. Киеве, по Владимирской улице, дом № 43, квартира № 7. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябко никаких особых отношений не имею. До 1 июня месяца 1911 года я состоял при Киевском охранном отделении в распоряжении начальника этого отделения подполковника Кулябки. Дмитрия Богрова, служившего сотрудником последнего под кличкою «Аленский», я знал в течение последних двух лет; непосредственных деловых сношений с ним я не имел, кроме одного или двух случаев, когда мне пришлось с ним разговаривать за отсутствием начальника отделения. О деятельности «Аленского» я слышал отзывы подполковника Кулябки, который одобрительно отзывался о нем, как сотруднике, называл его «ценным» и «верным». Личное убеждение мое было иное и сложилось под влиянием сведений, доставленных «Аленским» о подготовлявшемся цареубийстве в гор. Севастополе некоей Мержеевской, ближайшее знакомство мое с этим делом привело меня к заключению, что дело это было раздуто «Аленским» с целью создать преувеличенную оценку самому себе, как сотруднику. Я высказал подполковнику Кулябке, что, по моему мнению, Мержеевская была психически ненормальная. Кулябко,

по-видимому, с этим не соглашался и говорил, что Мержеевская не хочет подписать протокол, в котором записано ее признание в намерении совершить цареубийство. Летом 1910 года в охранном отделении было получено письмо из Петербурга от «Аленского», который, сообщая, что у него имеются сведения большой важности, просил предупредить телеграммою начальника Петербургского охранного отделения полковника фон Коттена о намерении явиться к последнему. Подполковника Кулябки в это время не было в Киеве и я, помня прекрасные отзывы его об «Аленском», известил полковника Коттена о том, что к нему явится «Аленский». С целью составить себе убеждение о деятельности последнего, как мне помнится, я тогда же просил Коттена уведомить отделение о результатах свидания с ним. По возвращении Кулябки я доложил ему об этом и передал полученное от «Аленского» письмо вместе с копией телеграммы. О деятельности «Аленского» в Петербурге у меня никаких сведений нет и с тех пор я его больше не видел. Только 1 сентября 1911 года, будучи в городском театре, когда совершилось покушение на статс-секретаря Столыпина и задержанный злоумышленник был избиваем публикой, я, взглянув на него, узнал в нем «Аленского». Ранее его задержания, я его в театре не заметил и могу положительно сказать, что если бы он попался мне на глаза в театре, то о присутствии его я непременно сказал бы подполковнику Кулябко, заведующему охраной, ввиду того, что «Аленский» уезжал в Петербург и о том, состоит ли он на службе охранного отделения, мне было неизвестно. Что касается деятельности Киевского охранного отделения и начальника последнего подполковника Кулябки, то должен сказать, что выдающееся значение в отделении имел заведующий наружным наблюдением Демидюк. Последний пользовался полным доверием Кулябки, в его заведовании находилась до осени 1910 года агентура, вся денежная часть и вообще он имел большое влияние на самого Кулябко. Первоначально офицеры отделения сношений с агентурой не имели и только в 1910 году, вернувшись из Петербурга, Кулябко объявил, что приемом сведений от агентуры будут заниматься офицеры. Тогда же каждому из офицеров было дано по несколько сотрудников. Лично у меня были два сотрудника: один по социал-демократам и другой по украинскому движению. Сведения их носили общий характер и особого значения не имели. В отношениях Кулябки с подчиненными ему офицерами выражалась уверенность его в своем влиянии, основанном на его родственном отношении к Спиридовичу. Последний, как мне известно, неоднократно оказывал содействие Кулябке, который непосредственно к нему обращался по разным случаям. Благодаря этому многие офицеры считались с влиянием Кулябки, так как нерасположение последнего могло отразиться неблагоприятно на служебном положении. Как относился Кулябко к делу вообще, я затрудняюсь сказать, но, по моим наблюдениям, он не углублялся в дела отделения, всегда имел вид торопящегося человека и, большею частью, был занят разъездами по

начальствующим лицам. При мне в 1909 году была произведена ревизия Киевского охранного отделения генералом Герасимовым, который поверял агентуру. Ревизия эта продолжалась несколько дней, и генерал Герасимов знакомился лично с сотрудниками, посещал конспиративные квартиры. Когда в Киев приехал генерал Герасимов, Кулябко был в городе, но затем уехал в Каменец-Подольск. Будучи вызван оттуда мною, по приказанию генерала Герасимова, по телеграфу, Кулябко прибыл обратно и имел собеседование с Герасимовым по поводу результатов ревизии. Результаты эти мне неизвестны, но я знаю, что генерал Герасимов остался недоволен порядком приема агентуры Демидюком и выразился, что Демидюк не соответствует возложенной на него задаче. После отъезда Герасимова Кулябко выразил мне неудовольствие за то, что я распорядился предъявить в его отсутствии агентов ревизору. В декабре 1910 году Кулябко ездил в Петербург по вызову директора департамента полиции. Он возвратился в том же месяце и говорил, что неудовольствие на него департамента полиции дошло до того, что он подал в отставку и уехал из Петербурга, но по дороге был возвращен телеграммою командира корпуса, которым все дело улажено и он остается на службе. На Ваш вопрос, имел ли Кулябко возможность, допустив в зрительный зал театра сотрудника «Аленского», учредить за ним секретное наблюдение и удостовериться в том, что у Богрова не было скрыто оружие, я отвечаю, что ввиду присутствия в театре значительного количества офицеров, незнакомых «Аленскому», организовать такое наблюдение не представляло никакого затруднения, о том же, не было ли у «Аленского» оружия, можно было удостовериться, не прибегая к обыску, путем осмотра его под каким-либо благовидным предлогом или под видом товарищеской шутки.

Подполковник Михаил Белевцов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 252–255об. Подлинник.

Протокол допроса киевского губернатора А.Ф. Гирса

14 августа 1912 г.

1912 года, августа 14 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Гирс Алексей Федорович, 41 года, православный, киевский губернатор, жительствую в гор. Киеве. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою никаких особых отношений не имею. 13 июня 1911 года в гор. Киев приехал генерал Курлов для выработки мер охраны. Тогда же начались совещания под его председательством. В некоторых из этих совещаний я принимал непосредственное участие, как то, по организации регистрационного бюро, в ведении коего находилась регистрация жителей по путям Высочайших проездов и бюро по выдаче билетов. Во всех этих заседаниях участвовали полковник Спиридович, Веригин и начальник охранного отделения Кулябко. Наравне с остальными членами совещания эти лица принимали участие в обсуждении всех вопросов. Когда обсуждались вопросы, касающиеся охраны в Киевском уезде, в районе маневров, Спиридович отстаивал свое исключительное право заведовать всеми мерами охраны и указывал на невозможность самостоятельных распоряжений в этой области чинов местной полиции. Роль руководителя охраны Спиридович фактически принял на себя и в гор. Киеве, где, по поручению генерала Курлова, он производил поверку полицейского наряда, который должен был находиться на пути следования Государя Императора, и давал указания. Значение Спиридовича в этом деле было преобладающее, от него исходили большею частью все распоряжения и к нему же полицмейстер обращался за получением указаний. Он держал себя с большим апломбом, на положении начальствующего, и ослушание ему представлялось недопустимым. В делах, касавшихся розыска, Спиридович, несомненно, был вполне осведомлен и если не был официальным руководителем охранного отделения и подполковника Кулябки, то, во всяком случае, фактически он направлял их деятельность и с Кулябкою у него были самые близкие и тесные отношения. Когда 26 августа в охранном отделении застрелился задержанный в этот день Александр Муравьев, я, будучи озабочен этим происшествием и ввиду болезни генерала Курлова, отправился к полковнику Спиридовичу, чтобы переговорить с ним об этом деле. Он мне изложил фактическую сторону дела и говорил, что это дело не имеет серьезного значения. По тону его видно было, что он неохотно посвящает меня в мероприятия агентурного характера, но что в этой области он был хорошо осведомлен. Мне казалось, что Спиридович иногда своим авторитетом и опытом подавлял генерала Курлова, который его мнению придавал решающее значение по многим вопросам. Как я мог заметить из обращений обоих к лицам, сопровождавшим генерала Курлова, последний был постоянно осведомлен о всех действиях по охране как наружной, так и агентурной, так как от него непосредственно исходили необходимые в каждом случае распоряжения. В чем именно заключались служебные обязанности статского советника Веригина в гор. Киеве, мне в точности неизвестно, но из его действий можно было заключить, что в его ведении находилась организация агентурной службы. К этому выводу приводили отношения его к начальнику охранного отделения Кулябке, он большею частью держал

себя вместе со Спиридовичем и Кулябкою и при проверке постовой службы на путях проезда находился также с ними. Подполковник Кулябко в отношениях со мною держал себя как лицо, на которое, кроме общих обязанностей, возложены еще и такие, которые не относятся к сведению губернской власти, в отношениях с чинами полиции он проявлял большое высокомерие и вторгался в распоряжения неподведомственных ему чинов полиции. В своих служебных действиях, как начальника охранного отделения, он обнаруживал большое легкомыслие и неосведомленность, вследствие чего мне приходилось в отдельных случаях возлагать на киевскую городскую полицию собирание таких сведений, доставление коих лежало на обязанности охранного отделения, причем сведения полиции всегда оказывались более верными. Подполковник Кулябко, во время киевских торжеств, заведовал организацией народной охраны и во время Высочайших проездов находился на улицах, давая указания наружной полиции. Списки лиц, приглашенных городским управлением на торжественный спектакль в городском театре, были составлены в особой комиссии, которая собиралась под моим председательством. Списки эти были препровождены в бюро для выдачи билетов и, согласно распоряжению генерала Курлова, эти списки, по проверке личностей, отсылались в городскую управу, которая и рассылала билеты. На заседаниях комиссии подполковник Кулябко, ссылаясь на распоряжение генерала Курлова, заявил, что для чинов охраны, кроме мест, которые были уже предназначены, должны быть оставлено еще шесть кресел в задних рядах партера. Требование это было исполнено и кресла для охраны оставлены свободными, составленный затем комиссией список был представлен в бюро по выдаче билетов для доклада генералу Курлову. Для входа в Купеческий сад на торжество 31 августа 1911 года выдавались только именные пропуски из билетного бюро за подписью генерала Курлова, особых приглашений, как в театр, не требовалось. Первоначально выдача этих билетов или пропусков была сосредоточена в билетном бюро, но затем, ввиду невозможности произвести непосредственно выдачу всех билетов, последние, с разрешения генерала Курлова, были отосланы заведующим бюро в городскую управу, откуда уже фактически и производилась раздача билетов. Предъявленный мне ныне билет за № 406 (свидетелю был предъявлен билет, описанный в протоколе осмотра от 4 июля 1912 года) тот самый, который в моем присутствии был отобран у Мордки Богрова в городском театре при его задержании. Он тогда же заявил, что билет этот был выдан ему начальником охранного отделения Кулябкою. О том, для какой цели Кулябкою был выдан означенный билет и делал ли Богров Кулябке какие-либо заявления относительно покушения на статс-секретаря Столыпина, мне неизвестно.

Киевский губернатор Алексей Федорович Гирс.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271.Оп. 1. Д. 26. Л. 256–259. Подлинник.

Протокол допроса помощника начальника Киевского районного охранного отделения П.Т. Самохвалова

16 августа 1912 г.

1912 года, августа 16 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Самохвалов, Петр Титович, 43 лет, православный, подполковник отдельного корпуса жандармов, жительствую в гор. Киеве, Столыпинская ул., дом № 24, кв. № 5. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою никаких особых отношений не имею. Я состою помощником начальника Киевского районного охранного отделения с 1909 года. Агентурное дело этого отделения, как то, руководство сотрудниками подполковник Кулябко вел самостоятельно, равно и денежную отчетность, не посвящая офицеров отделения в эту область. Кроме него, агентурою ведал заведующий наружным наблюдением Демидюк. По сдаче подполковником Кулябкою должности начальника охранного отделения, я вступил в исправление его должности и тогда же обнаружил, что агентура велась неправильно с большими отступлениями от существующих инструкций по ведению политического розыска. В августе месяце о полученных подполковником Кулябкою сведениях относительно готовящегося покушения на статс-секретаря Столыпина, я не был совсем осведомлен и сотрудника Кулябки Аленского лично не знал, встречая лишь иногда эту фамилию при справках по делам отделения. 27 августа я случайно находился в комнате, где подполковник Кулябко отдавал распоряжения ротмистру Муеву, командируя его в гор. Кременчуг. Насколько я помню, Муеву было поручено выяснить там лиц по данным адресам и их связи, установив, не приехал ли кто в окрестности Кременчуга с приметами, подходящими к приметам, данным Кулябкою Муеву, и учредить за всеми этими лицами тщательное наблюдение, так как к концу торжеств, как я понял из разговора, готовилось покушение на председателя Совета министров Столыпина и некоторые из злоумышленников должны были прибыть в Киев из окрестностей Кременчуга. Перед отъездом на вокзал вечером ротмистр Муев при мне в отделении волновался, ввиду того, что ему, по его словам, не были даны полные сведения о приметах подлежащего наблюдению лица. Впоследствии я слышал от ротмистра Муева, что данные ему Кулябкою сведения были не вполне определенными и что, ввиду сего, он на месте встречал некоторые затруднения при исполнении возложенного на него поручения. Во время происходивших в городе Киеве торжеств я был наряжаем для наблюдения за правильностью несения

службы народною охраною по путям следования Высочайших особ. При исполнении этих обязанностей я только один раз получил от полковника Спиридовича личное приказание 29 августа на Бибиковском бульваре часа за полтора до прибытия в Киев Государя Императора. Распоряжение это было дано мне на ходу и заключалось в том, чтобы очистить от публики тротуар около Ботанического сада. Еще раз я видел Спиридовича во время посещения Печерской Лавры Государем Императором, когда Спиридович оттеснял публику от ворот Лавры. Кроме этих двух случаев, я не видел Спиридовича распоряжавшимся и в чем проявлялась его деятельность по охране, мне неизвестно. Я также не знаю, имел ли Спиридович какое-либо отношение к делам розыска, но 26 августа, когда в отделении застрелился задержанный в этот день Муравьев и для установления личности последнего предстояло сделать сличение его с фотографическими карточками, обнаруженными в отделении, я был вызван подполковником Кулябкою в его кабинет при квартире. Там, кроме Кулябки, я застал Спиридовича и Веригина и они совместно рассматривали эти карточки и высказывали свои заключения. Что касается Веригина, то из разговоров с подполковником Кулябкою я вынес заключение, что Веригин находится в Киеве как представитель департамента полиции и на заседаниях он отстаивает денежные интересы этого департамента. Имел ли Веригин отношение к самой охране, я не знаю, но помню, что 27 августа подполковником Кулябкою была передана мне для отправки начальнику Московского охранного отделения телеграмма, написанная Кулябкою собственноручно о сообщении примет некоего «Тростника». Черновик этой телеграммы должен находиться в делах отделения. Я не припоминаю теперь, чья подпись была на этой телеграмме, но впоследствии из телеграфного ответа начальника Московского охранного отделения, полученного после сделанного ему запроса, я помню, выяснилось, что телеграмма эта была подписана вице-директором Веригиным. Относительно выдачи подполковником Кулябкою Богрову билетов для входа в городской театр на спектакль 1 сентября и на торжества в Купеческом саду, я узнал только после совершенного Богровым покушения на статс-секретаря Столыпина. Вечером 30 августа, по поручению подполковника Кулябки, ко мне в отделение явился один из известных мне сотрудником, носящий кличку «Петербургский», он передал мне приказание подполковника Кулябки выдать ему два билета для входа на торжество 31 августа в Купеческом саду. Такое распоряжение Кулябки меня удивил, и я счел необходимым проверить заявление «Петербургского», с какою целью обратился непосредственно к Кулябке. Последний мне подтвердил свое распоряжение и тогда я выдал «Петербургскому» два билета, получив от него собственноручную расписку. Для какой цели названному сотруднику был предоставлен допуск в сад во время Высочайшего там пребывания, мне неизвестно. В двадцатых числах августа начальником отделения Кулябкою как-то было заявлено офицерам отделения, что, ввиду

полученных генералом Курловым сведений о передаче кем-то из них своего билета на торжества певице из кафешантана, товарищем министра будет произведена поверка всех выданных им билетов. При этом, проверив находившиеся у него на руках билеты, предназначенные для народной охраны, Кулябко передал мне их и приказал заведовать их раздачею. При выдаче мною билетов членам народной охраны мною же отбирались от них расписки на особых ведомостях, оставшиеся же от этой раздачи билеты мною выдавались, по личному приказанию подполковника Кулябки, причем, выдавая билеты, я оставлял расписку в получении или на отдельных карточках, которые оставлялись при наряде, или же на списках. Кроме того, Кулябко приказывал мне иногда прислать ему или его жене, которую зовут Александрой Ивановной, известное количество билетов на то или другое торжество, не исключая и спектакля в городском театре. Посылая ему требуемое количество билетов, я взамен таковых оставлял при наряде отдельные карточки с обозначением на них номеров билетов и пометкой, что они выданы начальнику отделения или его жене. Каким именно лицам были затем выданы эти билеты, я не был осведомлен, так как об этом Кулябко меня не извещал. Кроме билетов, полученных для народной охраны, Кулябкою мне были переданы семь билетов в партер городского театра на 1 сентября, причем Кулябко мне сказал, что эти билеты принадлежат полковнику Спиридовичу и никому не должны быть выдаваемы. Билеты эти оставались у меня не взятыми до 2 или 3 часов дня представления и, уходя около этого времени из отделения, я вручил их дежурному офицеру, кажется, подполковнику Вахнину, с просьбой, по возвращении начальника отделения, передать ему эти семь билетов. В числе этих билетов, как выяснилось впоследствии, оказался тот билет за № 406 в 18 ряду кресел, который был выдан Кулябкою Богрову. Во время торжеств в августе и сентябре 1911 года работа охранного отделения была в значительной мере ослаблена, так как из состоявших налицо при отделении четырех офицеров ротмистр Макаров был взят для заведования филерами, Богданович, как прикомандированный для ознакомления со службою, оказывал ничтожную помощь и вся тяжесть работы лежала на мне и подполковнике Вахнине, причем нас также часто отрывали от работы возложением поручений по наружной охране и дежурства на улицах. Прикомандированные же к отделению временно офицеры помощи нам по работе в охранном отделении не оказывали, будучи заняты справками для регистрационного бюро. Во время спектакля в театре я находился вблизи от последнего со стороны Фундуклеевской улицы, заведуя народной охраной. В 10 часу из главного подъезда выбежал подполковник Александр Иванов и, крикнув, что в театре были выстрелы, приказал запирать двери. Чрез несколько минут выбежал начальник охранного отделения Кулябко и, сказав мне, что сотрудник Аленский стрелял в Столыпина, приказал поехать на квартиру Аленского и произвести у него обыск. Узнав от Кулябки адрес

Аленского, я отправился и, захватив с собою несколько городовых, подъехал к указанному мне дому. Здесь на улице я увидел усиленный наряд филеров вместе с Демидюком. Поднявшись по лестнице, я произвел в квартире Богрова и его родственницы тщательный обыск совместно с прибывшим затем подполковником Вахниным. Кроме прислуги и родственниц Богрова, в квартире никого из посторонних не оказалось. Во время обыска произошли два следующих инцидента. Кто-то позвонил в телефон и спросил Владимира Григорьевича [Богрова][237]. Последний, как оказалось, был брат Дмитрия Богрова, выехавший незадолго перед тем из Киева. Спрашивавшее лицо, на мой вопрос, назвало себя какой-то еврейской фамилией и дало неопределенное указание места, откуда оно вело разговор. По сведениям, данным телефонной станцией, разговор происходил с гостиницей «Эрмитаж». Я немедленно командировал туда наряд полиции, поручив задержать говорившее лицо. Последнее оказалось одним из надзирателей московской полиции, причем этот надзиратель признался в том, что он вызывал квартиру Богрова и объявил, что ему хотелось удостовериться, кто находится в означенной квартире. Чрез некоторое время последовал снова звонок в телефон и затем кто-то спросил, здесь ли квартира Богрова и известно ли, что у задержанного в театре молодого человека найдена карточка Богрова. Я ответил, что это мне неизвестно и старался своими вопросами выяснить, кто со мною говорит по телефону и откуда. Прямого ответа на эти вопросы я не получил и вслед за тем, ввиду сообщенного мне центральной станцией номера телефона, по которому вызывали квартиру Богрова, я удостоверился, что со мною говорили из билетного бюро, причем переговорами с последним мне удалось выяснить, что разговор этот происходил между мною и ротмистром Козловским. Во время обыска в квартире Богрова, опросом одной из прислуг мною было установлено, с ее слов, что родственник этой прислуги, по фамилии Сабаев, служит в сыскной полиции и посещает ее. Об этом обстоятельстве я доложил на другой день, 2 сентября, утром начальнику отделения Кулябко, который на мой доклад заметил, что этот Сабаев служит не в сыскной полиции, а у нас в охранном отделении.

Отдельного корпуса жандармов подполковник Самохвалов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 267–272об. Подлинник.

Протокол допроса Н.Н. Кулябко

16–17 августа 1912 г.

1912 года августа 16 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра П.Г. Курлове, отставном статском советнике Вери-

гине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

1. *Имя, отчество и фамилия* Николай Николаевич Кулябко.

2. *Возраст во время совершения преступления* 39 лет.

3. *Место рождения и крещения (губерния, уезд, волость, село или деревня)* Город С.-Петербург.

4. *Место приписки (город или село)*

5. *Постоянное местожительство (временное пребывание)* Город Киев, Мариинско-Благовещенская ул., д. № 32.

6. *Рождение (брачное или вне брака)* Брачное.

7. *Звание (состояние, сословие, чин, где служил, имеет ли знаки отличия и какие)* Отставной подполковник отдельного корпуса жандармов.

8. *Народность, племя и религия* Русский, православный.

9. *Какое получил образование, или вообще знает ли грамоту*

Воспитывался в Нижегородском Аракчеевском корпусе и Павловском военном училище.

10. *Семейные отношения (женат, вдов, живет в разводе, имеет детей и сколько; если малолетний, то живет ли при родителях, сирота, подкидыш)* женат, имею сыновей 14 и 8 лет и дочь 13 лет, старший сын воспитывается в корпусе, остальные дети находятся при мне.

Как зовут родителей, братьев и сестер, и где они проживают

11. *Занятие или ремесло*

12. *Степень имущественного обеспечения* Не имею.

13. *Особые приметы (глух, слеп, нем и т.п.)*

14. *В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления*

15. *Был ли на призыве или когда подлежит призыву к исполнению воинской повинности*

16. *Был ли под судом и если был, то какому подвергался наказанию и не состоит ли под следствием по другому кроме настоящего делу* Под судом не был, состою под следствием по обвинению меня по 354 и 362 ст. Улож. о наказ., следствие уже окончено и мне предъявлено. Где в настоящее время дело находится, мне неизвестно.

Постановление о привлечении мне объявлено, и я не признаю себя виновным в противозаконном превышении и в бездействии власти, имевших весьма важные последствия. При этом я не отрицаю, что Богров был допущен мною на торжественный спектакль 1 сентября 1911 года в Киевский городской театр и 31 августа на торжество, имевшее место в Высочайшем присутствии в саду киевского Купеческого собрания и что для входа в означенные места мною были выданы Богрову билеты. Допустив Богрова, я не учреждал за ним наблюдения и не удостоверялся в том, что при входе у него не было при себе ору-

жия. Охрана в театре царской ложи и министров была учреждена, но о присутствии Богрова в театре охрана мною предупреждена не была. Я также признаю и то обстоятельство, что после получения от Богрова заявления о готовящемся покушении на министров Столыпина и Кассо и о прибытии в его квартиру злоумышленников, я не довел об этом до сведения судебной власти и не учредил надзора за поведением самого Богрова и, кроме установления наружного наблюдения за его квартирой, ие принял других мер для того, чтобы удостовериться в действительности сообщенных им фактов. Во время службы моей начальником Киевского охранного отделения, Мордко Богров состоял у меня секретным сотрудником более трех лет. В первый раз в 1906 году, еще будучи студентом, он явился ко мне в охранное отделение и заявил, что ввиду стесненного материального положения, вызванного крупным проигрышем в карты, он вынужден искать заработка и поэтому предлагает свои услуги для работы в революционных организациях. Он говорил также, что разочаровался в деятельности этих организаций и, поддерживая с ними связи, может быть полезным охранному отделению. Выяснив из разговора с ним, что он пользуется большим доверием среди революционеров, я согласился принять его на службу. Богров работал у меня до весны 1910 года, он был весьма точен в своих сведениях, доставлял очень ценные данные и благодаря ему в разное время было ликвидировано несколько анархистских групп в Киеве, Борисоглебске и Воронеже. В 1909 году Богров был заподозрен революционерами в предательстве. Об этом мне сделалось известным, как от самого Богрова, так и из других поступивших ко мне секретным путем источников, агентуры, писем и т.п. Местным партийным судом, состоявшимся в Киевской губернской тюрьме, где содержались все политические арестанты, Богров был не только оправдан, но и обвинение его было признано недобросовестным. Обвинителем его был политический преступник Наум Тыш, приговоренный судом к каторжным работам. После этого суда значение Богрова среди революционеров еще более увеличилось Сведения об этом мною получены были от агентуры и я сам видел явки, которые были выданы Богрову киевским комитетом анархистов-коммунистов. С этими явками Богров уехал заграницу и оттуда доставлял мне ценные сведения, которые в большинстве случаев подтверждались. Такая работа Богрова не оставляла во мне никаких сомнений в искренности его и преданности делу розыска. По возвращении из заграницы в конце 1909 года Богров, по моему совету, решил отойти от революционеров и перейти на легальное положение. В это же время он получил звание помощника присяжного поверенного, и я советовал ему отдохнуть от работы и куданибудь уехать. Богров уехал в Петербург и оттуда в охранном отделении от него было получено письмо, в котором он извещал, что, добыв серьезные сведения, он затрудняется, каким путем предоставить их в распоряжение охраны. Я известил Богрова, чтобы он явился в Петербургское охранное отделение и поставил об этом в известность телеграммой

или письмом, я теперь не помню, начальника последнего полковника Коттена. Возможно, что это письмо или телеграмма были посланы не лично мною, а кем-либо из моих помощников. О том, какие сведения давал в Петербурге Богров, мне совершенно неизвестно и по этому поводу с полковником Коттеном у меня не было никаких переписок. Я знаю также, что у Богрова были какие-то денежные недоразумения в революционных организациях по поводу отчета в употреблении партийных денег. Когда от него было потребовано объяснение, по дошедшим до меня сведениям, он оправдался в отчетности и дело этим кончилось. Около праздника Рождества, зимою 1910 года, Богров из Петербурга приезжал на несколько дней в Киев и заходил ко мне. Деловых разговоров у нас тогда не было, и при его уходе я дал ему 100 или 150 рублей, хотя он об этом меня не просил. Во время службы у меня Богров получал постоянное жалование в размере от 100 до 150 рублей, а за командировки и на другие расходы, так же как и в виде наградных, ему выдавалось отдельно, так что в среднем он получал всего от 300 до 450 рублей в месяц. После кратковременной побывки в Киеве, Богров снова уехал и о нем я не имел никаких известий до 26 августа 1911 года. Я в настоящее время точно не припоминаю, каким образом я получил в этот день первые сведения о его прибытии в Киев. Мне кажется, что эти сведения в общих чертах я получил от заведующего наружным наблюдением Демидюка или утром до 10 часов или же днем до 4 часов. Я помню, что я говорил в этот день с Богровым по телефону, причем он сообщил мне, что имеет важные сведения и что необходимо нам повидаться. Тогда я поручил Демидюку провести Богрова ко мне на квартиру, предупредив его, что он встретит Богрова в определенном месте на улице между 5 и 7 часами дня. Богров был приведен Демидюком ко мне во время обеда. В этот раз у меня обедали приглашенные мною еще ранее полковник Спиридович, статский советник Веригин, полковник Пискунов и чиновник особых поручений при министре внутренних дел Сенько-Поповский. Кажется, на этом же обеде был кто[-то] из находившихся случайно в городе Киеве начальников губернского жандармского управления, если не ошибаюсь, полковники Зейдлиц или Гофман[238]. Услыхав шаги в коридоре, я вышел из-за стола и вошел в кабинет. Здесь был уже Богров, который на предложение мое изложить в чем дело, вкратце сообщил о том, что в Киев собирается какая-то группа налетчиков-террористов для совершения крупного нападения на какой-либо из банков или для убийства кого-либо во время торжеств, в точности для какой цели, ему неизвестно. При этом он говорил, что в бытность в Петербурге он познакомился с неким Николаем Яковлевичем, из разговоров с коим он вывел заключением, что это серьезный партийный работник. Этот же Николай Яковлевич в конце июля месяца 1911 года, когда он, Богров, проживал на даче в местности Потоки близ Кременчуга, приехал к нему на дачу и, не посвящая в подробности дела, просил оказать содействие по приисканию в Киеве конспиративной квартиры и подыска-

нию способов для приезда в этот город нескольких товарищей. Я предложил Богрову изложить письменно все эти сведения возможно подробнее, а сам вышел в столовую и, сказав Спиридовичу, что ко мне пришел интересный субъект, предложил ему выслушать после обеда его доклад. Когда по окончании обеда я провел Спиридовича в кабинет, то, находя неудобным как в силу личных, так и служебных отношений к Веригину, как вице-директору департамента полиции, уединиться от него вместе с Спиридовичем, я пригласил войти в кабинет также и его. Веригин сначала отказывался, ссылаясь, что Богров может быть не доволен, если он будет присутствовать при разговоре, но, узнав о согласии Богрова, вошел в кабинет. Поясняю, что я пригласил Спиридовича и Веригина принять участие в обсуждении заявлений Богрова, считая необходимым, ввиду моих личных отношений с ними и их отношения к делам охраны, посвятить их в это дело, тем более, что я мог ожидать от них полезных советов. Не будучи подчинен непосредственно Спиридовичу, я не обязан был доводить до его сведения об означенном заявлении даже и в том случае, если бы в нем заключалось прямое указание, что покушение направлено против особы Государя Императора, так как относительно последнего случая имеется категорическое распоряжение генерала Курлова, что по получении такого рода сведений должно быть немедленно доложено лишь ему, генералу Курлову, департаменту полиции и дворцовому коменданту. В кабинете, взяв у Богрова написанную им записку, ту самую, которая мне ныне Вами предъявлена (обвиняемому Кулябке предъявлена описанная в протоколе осмотра от 9 июля 1912 года записка), я предложил Богрову подробно объяснить на словах все то, что им изложено в записке. Богров рассказал почти дословно все содержание записки и после этого у нас троих произошел разговор с Богровым по поводу доложенных им сведений. Я прошу Вас, господин сенатор, ввиду крайнего утомления моего, прекратить мой допрос и обязуюсь явиться для продолжения допроса в назначенное Вами время. Мне объявлено Вами, что допрос мой прерывается до 11 часов утра следующего дня 17 августа и я обязываюсь явиться к Вам в указанное время.

Николай Кулябко.

Сенатор Н. Шульгин.

И. о. обер-прокурора Кемпе.

1912 года, августа 17 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. Киеве допрашивал в качестве обвиняемого, с соблюдением 403 ст. Уст. угол. суд., нижеподписавшегося, который показал: Кулябко, Николай Николаевич, 39 лет, отставной подполковник, продолжаю свое показание. На наши вопросы Богров ответнл, что ранее он не заявлял о доложенных им сведениях, так как ожидал письма от Николая Яковлевича и не имел никаких определенных сведений, но под влиянием прочтенной им в одной из московских правых газет статьи о готовящемся заграницей, при поддержке финляндцев, покушении на статс-секретаря

Столыпина и ввиду предстоявших в гор. Киеве торжеств по случаю Высочайшего приезда, он решил сообщить мне то, что ему известно для принятия мер на случай внезапного появления в Киеве Николая Яковлевича и для получения инструкций. При этом я не могу точно припомнить, упоминал ли Богров о том, что его заявление вызвано также случившимся в этот же день около полудня самоубийстве в охранном отделении задержанного Муравьева. По словам Богрова, он категорически отказал Николаю Яковлевичу в разрешении поселиться у него на квартире, обещав посодействовать к приисканию квартиры в каком-либо другом доме, а на просьбу достать для приезда их моторную лодку, не дал определенного ответа. Помню, что кто-то из нас спрашивал Богрова, каким образом Николай Яковлевич узнал, что он, Богров, проживает на даче в Потоках. На это Богров ответил, что, приехав в Киев, он узнал адрес его от швейцара его дома. Спиридович возражал против предоставления злоумышленникам моторной лодки, и тогда было решено указать Богрову на необходимость ввезти их в город с одной из ближайших железнодорожных станций, по возможности не сопровождая их; что же касается квартиры, то я предоставил Богрову подыскать подходящую. Спиридович тогда же высказал убеждение, что, по всей вероятности, готовится покушение на особу Государя Императора, хотя Богров это мнение оспаривал, указывая, что революционеры не решаются это сделать из боязни вызвать еврейский погром. При этом я сказал Богрову, что, ввиду той роли, которая нами была намечена для него, если бы ему понадобилось получить доступ в места торжеств, то я всегда могу предоставить ему возможность быть там. При этих словах моих Богрову присутствовали Спиридович и Веригин, которые по поводу этого никаких возражений мне не заявляли. Я помню, что Спиридович высказывал мне соображение, не будет ли служить для Богрова провалом получение им билетов, но не могу определенно сказать, было ли это сказано им при описанном свидании с Богровым или впоследствии, когда я осведомил Спиридовича о допуске мною Богрова в Купеческий сад. Роль, которую должен был взять на себя Богров, мы в разговоре обсуждали все вместе, т.е. я, Спиридович, Веригин и сам Богров, причем пришли к соглашению, что Богров, не принимая на себя активной роли в выполнении плаиов злоумышленников, может взять на себя наблюдение за тем, что ему последними будет поручено, если какие-либо поручения будут ему даны. Хотя при неоднократных допросах меня при сенаторском расследовании я удостоверял, что тогда же нами принципиально было решено допускать Богрова, если это понадобится, в места Высочайших посещений, но в настоящее время с точностью восстановить это обстоятельство я не могу. Когда вышел между нами разговор о докладе генералу Курлову сведений, полученных от Богрова, то кто-то из присутствовавших высказал, чтобы об этом мною было доложено Курлову утром на следующий день, так как генерал был болен и в течение ночи от Богрова могли поступить новые более определенные сведения. Насколько я припоминаю, я все же, будучи ве-

чером в Европейской гостинице и, увидевшись там с генералом Курловым, изложил последнему в кратких словах о поступивших от Богрова сведениях, добавив, что подробный доклад будет сделан мною утром. На следующий день я явился с докладом к генералу Курлову, последний, как мне помнится, распорядился пригласить к себе Веригина и Спиридовича и в их присутствии я изложил подробно весь наш вчерашний разговор, выработанный план действий и прочитал письменные заявлений Богрова. По существу доклада генерал Курлов особых возражений не сделал и только когда я доложил, что может представиться надобность выдать Богрову бнлеты иа торжества и подыскать ему конспиратнвную квартнру, генерал высказал опасение, не послужит ли это провалом для дела и для Богрова. На это я ответил, что Богров найдет возможность всегда дать революционерам правдоподобное объяснения. Тогда же генерал Курлов прнказал обставить наблюденне Кременчуга и Потоки и командировать туда офицера с филерами, и я предложил послать в Кременчуг ротмистра Муева. Генерал Курлов, согласившись на это, приказал вызвать по телеграфу начальника Полтавского губернского жандармского управления, чтобы переговорить с ним по поводу этой командировки. Вместе с тем, Курлов отдал мне приказание сделать телеграфиое сношение с начальниками Петербургского и Московского охранных отделений для выяснения лнчностей, указанных в письменном заявлении Богрова. Я послал в Петербург полковнику фон Коттену четыре телеграммы. Кроме того, по указанию Вернгина, высказавшего предположение, не будет ли Николай Яковлевич лицом, носившим кличку «Тростник», была послана также телеграмма в Москву полковнику Заварзину, причем телеграмма эта была подписана вице-директором Веригиным. В этих телеграммах источника получення сведений не указывалось, так как это обыкновенно не практикуется. Ротмнстр Муев был командирован мною в тот день, причем я дал ему ннструкцию наблюдать за появлением Николая Яковлевича и дал ему приметы последнего, указанные Богровым. Независимо от этих мер я распорядился обставить наблюдением дом Богрова на Бибиковском бульваре, каковое наблюдение было поставлено с утра 27 августа. Наблюдение это имело целью следить за прибытием в этот дом террористов, если бы это случнлось; распоряжения подвергнуть наблюдению самого Богрова я не отдавал. В течение последующих дней 28, 29 и 30 августа я Богрова не видал и сношений с ним не имел, старший филер Демидюк за это время встречался с ним один или два раза, но никаких новых сведений мне не докладывал. 31 августа вечером Богров по телефону мне сообщил, что приехало то лицо, о котором он докладывал раньше, что дело очень серьезное и что ему необходимо быть в Купеческом саду. Я ответил Богрову, чтобы он зашел в отделение или прислал туда посыльного к дежурному, у которого будет оставлен билет. Еще раньше этого разговора дежурный Сабаев мне докладывал, что «Аленский» по телефону просил прислать ему обещанный билет в Купеческий сад. Поэтому, после разговора с Богровым по телефону, я вложил билет в

конверт, передал последний дежурному для вручения тому лицу, которое явится за его получением. В тот же день, ночью около 2–3 часов, по внутреннему телефону в мою квартиру из канцелярии отделения мне было доложено о прибытии «Аленского» и о том, что ему необходимо переговорить со мною. Я подозвал его к телефону и сказал, чтобы он изложил письменно свои сведения и сообщил на особой записке Демидюку приметы Николая Яковлевича; тогда же я приказал Сабаеву отправить Демидюку записку, которая будет вручена ему Богровым. Узнав из слов Богрова, что письменные сведения у него уже имеются, я велел доставить их мне чрез дежурного. Когда я получил эту записку Богрова, ту самую, которая мне сейчас предъявлена (обвиняемому предъявлена записка, описанная в протоколе осмотра от 4 июля 1912 года), и ознакомился с ее содержанием, я распорядился пригласить Богрова к себе наверх и сам открыл парадную дверь, будучи совсем раздет и закутан в одеяло. В записке Богрова было изложено, что у него в квартире ночует приехавший сегодня из Кременчуга Николай Яковлевич, у которого два браунинга, что приехавшая вместе с ним девица Нина Александровна, как он думает, имеет при себе бомбу и поселилась на неизвестной квартире, но будет у него, Богрова, завтра между 12 и 1 часом дня. В записке также упоминалось, что, по вынесенному Богровым впечатлению, готовится покушение на Столыпина и Кассо, и что Николай Яковлевич высказывается против покушения на Государя из опасения еврейского погрома в Киеве, но заявляет, что успешный исход их дела несомненен, намекая на таинственных высокопоставленных покровителей. Богров повторил мне изложенное в записке и, рассказав о своем посещении Купеческого сада, объяснил, что был в этом саду по поручению Николая Яковлевича с целью собрать приметы министров Столыпина и Кассо и ознакомиться с условиями их охраны. Поручения этого Богров, по его словам, не выполнил, объяснив Николаю Яковлевичу, что за темнотою и массою публики он не мог приблизиться к министрам. На это Николай Яковлевич предъявил ему требование выполнить данное поручение непременно на следующий день, и он обещал сделать это, предварительно переговоривши с певицей Региной, которая будто бы обещала ему чрез знакомых достать билет. Ввиду этого Богров просил меня заготовить для него билет в театр на спектакль 1 сентября и если Николай Яковлевич будет настаивать на своем требовании, то прислать его, после переговора с ним по телефону. Я согласился и после этого Богров ушел. Утром в 6 часов я по телефону доложил генерал-адъютанту Трепову в кратких словах о полученных сведения и просил предупредить статс-секретаря Столыпина; я также просил генерал-адъютанта Трепова дать мне возможность подробно доложить ему обо всем. Он приказал мне встретить его на Бибиковском бульваре, по которому он собирался ехать на маневры. Тут же я по телефону сообщил Спиридовичу сущность полученных ночью сведений. После этого я сделал, как мне сказал генерал Трепов и, встретив его на бульваре, пересел в его автомобиль и подробно ему изложил все

мне известное. Передав мне заготовленное им письмо на имя министра Столыпина, генерал Трепов поручил мне передать это письмо Столыпину. Возможно, что он приказал мне вложить в письмо записку Богрова, которую я ему тогда показывал, но я этого обстоятельства теперь не могу припомнить. Когда я доложил генерал-губернатору Трепову, что я не имею личного доклада у министра, то он сказал, чтобы я вручил письмо его адъютанту и чрез последнего предупредил министра о грозящей ему опасности. Я поехал к адъютанту статс-секретаря Столыпина Есаулову на квартиру, передал ему письмо генерала Трепова и подробно сообщил имевшиеся у меня сведения о террористах. При этом я просил его содействия по расстановке охраны дома генерал-губернатора и, ввиду изъявленного им согласия, отправился от него в означенный дом, где распорядился приблизить наружную охрану к дому и никого не впускать в подъезд без разрешения Есаулова. Поехав затем в охранное отделение, я сделал распоряжение об установлеиии офицерского дежурства в доме генерал-губернатора и приказал Демидюку усилить наблюдение за домом Богрова. Из отделения, в десятом часу утра, я поехал в Европейскую гостиницу. Спиридовича я там не застал и, придя к Веригину, осведомил последнего об известиях Богрова. О моем прибытии было доложено генералу Курлову, и он потребовал меня к себе. Я прошел в его номер и сделал ему подробный доклад, между прочим, и о том, что Богров накануие был в Купеческом саду, где ему не удалось исполнить поручение Николая Яковлевича, и что последний поручил Богрову выполнить таковое сегодня, если не последует каких-либо изменений. Я не помню, присутствовал ли при этом докладе Веригин, ио, возможно, что в это время он пришел в иомер генерала Курлова. По окончании доклада, вместе с Веригиным, я спустился в нижний этаж, где мы пили с ним кофе. В это время мне сообщили, что в гостиницу пришел «Аленский» и спрашивает меня. Тогда, оставив Веригина, я прошел в номер последнего вместе с Богровым. Туда же вскоре пришел и Веригин. При нем Богров сообщил, что назначенное между 12 и 1 часом дня посещение его квартиры Ниною Александровною отменено и что свидание ее с Николаем Яковлевичем состоится в 8 часов вечера на Бибиковском бульваре около здания Первой гимназии; о причинах такой перемены Богров ничего нам не сообщил. Мы стали обсуждать с Богровым и Веригиным, какие последнему могли быть даны поручения и в чем состоял план их действий. Было решено, что если у террористов будут только предварительные переговоры к осуществлению замысла, то Богров спокойно пойдет по тротуару, если же обиаружится намерение их приступить к выполнению замысла, то Богров даст знать курением папиросы, и это будет служить сигналом для их ареста. Тут же возобновился разговор о посещении Богровым театра, причем Богров указал на необходимость быть не в галерее, а в партере и на то, что соучастники террористов могут иаходиться в самом зале и подвергнуть его перекрестному наблюдению. Веригин сказал, что он мог бы дать ему свое место в одном из первых рядов, но что

это будет неудобно, так как там будут сидеть генералы. Тогда я обещал дать ему место в одном из задних рядов кресел. Мы продолжали обсуждать еще все поручения, которые террористы могли бы возложить на Богрова как в театре, так и на улице и дали Богрову на каждый случай соответствующие указания. После окончания этого разговора Богров ушел, а я и Веригин в первом часу дня поехали к кадетскому корпусу. По дороге туда нас обогнал Спиридович, возвращавшийся с маневров и остановился у кадетского корпуса; на подъезде последнего я вкратце передал ему все сведения, сообщенные Богровым, о приезде террористов и о том, что предполагавшееся у них свидание отменено и должно состояться вечером, а также и о том, что накануне Богров был в Купеческом саду вечером. После прибытия в корпус Государя Императора, я направился по линии Высочайшего проезда до дворца и затем вернулся на площадь около Европейской гостиницы. По возвращении в гостиницу генерала Курлова, приблизительно около 3 часов, я сделал ему подробный доклад как о сведениях, полученных от Богрова, так и о данных последнему инструкциях. Мой доклад в общих чертах содержал в себе сведения, что Богров может находиться в самом театре, что ему может быть поручено злоумышленниками вывести министра, т.е. указать его при выходе и что Богрову на этот случай даны инструкции, как объяснить террористам причины невыполнения данного ему поручения. Во все время этого доклада присутствовал Веригин; я не помню, когда именно приехал Спиридович, но припоминаю, что в самом начале доклада его еще не было. Спиридович, по прибытии в номер, когда у нас продолжался разговор по тому же предмету, прочел записку Богрова и заявил, что дело принимает очень серьезный оборот и необходимо сейчас же настоять на том, чтобы были изменены маршруты следования Высочайших особ и способы передвижения, причем настаивал, чтобы Курлов об этом письменно сообщил дворцовому коменданту. По поручению генерала Курлова Спиридович тут же набросал черновик письма генералу Дедюлину и, по одобрении его генералом, передал его для переписки секретарю Сенько-Поповскому. После этого я виделся еще раз в этот день со Спиридовичем на ипподроме. Здесь у нас был с ним разговор по поводу сведений Богрова, причем он меня торопил возвратиться в отделение для распоряжений по наблюдению за домом Богрова и местом, предназначенным для свидания террористов. По дороге с ипподрома возле Царского сада я встретил чиновника особых поручений при Петербургском охранном отделении Зеленова[239] и послал его на Бибиковский бульвар посмотреть наблюдение и, повидавшись с Демидюком, передать ему приказание усилить наблюдение за домом Богрова и за местом свидания. Это было приблизительно около 6, 7 часов вечера. Сам я отправился в охранное отделение. Там я был вызван к телефону Богровым, который сообщил мне, что планы не изменяются и просил прислать ему билет на спектакль. Я вызвал к себе Демидюка и передал ему билет для вручения Богрову чрез посредство швейцара от имени г-жи Регины. Тогда же я переговорил с

Демиюком относительно наблюдения за домом Богрова и приказал ему усилить таковое за местом свидания в районе около Первой гимназии, сообщив, что Богров может пойти вместе с Николаем Яковлевичем на свидание и если после этого направится спокойно, то следует ограничиться наблюдением за участниками, стараясь выяснить их квартиру; если же Богров по дороге будет усиленно курить, то участников свидания надлежит арестовать. Перед началом спектакля, проехав по линии Высочайшего проезда, я приехал к городскому театру около 8 часов. Минут за двадцать до начала представления, которое было назначено в 9 часов, я встретился с Богровым в коридоре театра и Богров тут передал мне, что свидание Николая Яковлевича с Ниной Александровной отмеиено и что первый из названных лиц в эту же ночь переедет на неизвестную ему, Богрову, квартиру, по словам Богрова, сношения Николая Яковлевича с Ниной Александровной происходили по телефону. Я тогда же высказал Богрову опасение, что Николай Яковлевич скроется и сказал, чтобы Богров съездил домой проверить, там ли он. Богров спросил меня, не возбудит ли подозрения его возвращение домой. На это я указал ему, чтобы он причину своего прибытия объяснил тем, что забыл дома перчатки. После этого я не заметил, когда Богров вышел для выполнения моего приказания. В это время, когда я говорил с Богровым, съезд публики в театр был в разгаре и я в ожидании приезда министров вышел на улицу и находился возле главного подъезда. При приближении мотора, в котором ехал статс-секретарь Столыпин, я встретил его у того же подъезда. При входе в театр он спросил меня, нет ли чего-нибудь иового, я ответил, что пока ничего нет – Николай Яковлевич дома. После входа Столыпина в зал, я, встретившись с Есауловым, сообщил ему об отмене свидания злоумышленников и о возможности переселения Николая Яковлевича на новую квартиру. Генерал Курлов приехал в театр раньше моего прибытия. Во время одной из встреч с ним в коридоре театра до первого антракта я доложил, что Николай Яковлевич сегодня ночью должен перебраться от Богрова на конспиративную отъезжую квартиру и может скрыться от наблюдения и что такой прием, видимо, предпринят им с целью отвести от их планов Богрова; поэтому возможно, что где-нибудь на улице злоумышленники могут бросить бомбу во время разъезда. Я также доложил, что, ввиду такого опасения, я приказал Богрову съездить домой и проверить, находится ли там Николай Яковлевич. Генерал Курлов спросил, не вызовет ли это возвращение Богрова подозрения у Николая Яковлевича, на что я доложил, что это мною предусмотрено и что я приказал Богрову объяснить его возвращение тем, что он забыл перчатки. Хотя в моем докладе Курлову прямо не упоминалось о том, откуда я послал Богрова домой, но если бы мне был сделаи доклад в такой форме, как я сделал генералу Курлову, то я понял бы, что Богров был в театре и оттуда поехал домой. Во время первого действия я, вместе с Веригиным вышел из театра в кофейню Франсуа выпить кофе. Сюда же, по приказанию генерала Курлова, Веригиным был вызван инспек-

тор почт и телеграфов Довяковский, которому Веригин передал распоряжение генерала Курлова установить наблюдение за телефоном Богрова. Тут же в кофейне я передал Веригину последние полученные мною от Богрова сведения и сообщил о том, что я послал его на квартиру под предлогом взять там забытые перчатки. При выходе из кофейни вместе с Веригиным я увидел у подъезда театра Богрова, которого наряд не пропускал в театр, ввиду того, что контрольный купон его билета был оторван. Я сказал жандармскому офицеру, что это лицо уже проконтролировано и уже было в театре, после чего Богров был пропущен. В одном из вестибюлей театра Богров мне сообщил, что Николай Яковлевич сидит дома ужинает и на мой вопрос, как принял Николай Яковлевич его возвращение, он ответил, что в самую квартиру он не заходил и узнал через швейцара. В первом антракте я доложил генералу Курлову в коридоре, что Николай Яковлевич дома и ужинает. На это Курлов выразил опасение, что он может скрыться и предложил мне лично проверить наблюдение за домом Богрова. Вследствие этого я сел в автомобиль, в котором приехал Столыпин, и объехал район наблюдения на Бибиковском бульваре. Вернувшись в театр, я во втором антракте вновь имел свидание с Богровым в помещении, где находится телефон, и приказал Богрову тотчас же ехать домой и не выпускать из виду Николая Яковлевича. Богров выразил свое согласие и я видел, что, выйдя из телефонного помещения, он пошел по коридору в правую сторону театра, если обратиться лицом к сцене. Выйдя из этого помещения недалеко от него в коридоре, я встретил генерала Курлова и вместе с ним вернулся в то же помещение, где стал ему докладывать о сделанных мною распоряжениях и о том, что я приказал Богрову ехать домой и быть безотлучно при Николае Яковлевиче. Этот доклад был прерван произведенными в театре выстрелами, и мы бросились к входам в зрительный зал, где и наткнулись на толпу у прохода, задержавшую злоумышленника, в котором я узнал Богрова. Спиридовича я видел мельком в коридоре во время представления в театре, но никаких разговоров о Богрове с ним не вел.

Николай Николаевич Кулябко.

Сенатор Н. Шульгин.

И. о. обер-прокурора сенатор Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 273–290об Подлинник

Протокол допроса киевского полицмейстера А.А. Скалона

18 августа 1912 г.

1912 года, августа 18 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном

статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетелей, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали:

Скалон, Алексей Алексеевич, 51 года, православный, полковник, киевский полицмейстер, живу в гор. Киеве. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою никаких особых отношений не имею. В августе месяце 1911 года во время происходивших в гор. Киеве торжеств, на обязанности чинов киевской городской полиции было возложено лишь наблюдение за порядком на улицах, причем генерал Курлов, Спиридович и Кулябко неоднократно указывали мне, что только этим и должны ограничиваться обязанности чинов общей полиции, охрана же мест, посещаемых Государем Императором, относится лишь до чинов дворцовой охраны и охранного отделения. Поэтому во время торжественного спектакля 1 сентября в городском театре, хотя и были командированы туда 11 помощников приставов и 29 околоточных надзирателей, но в зрительном зале они не находились и обязанности их состояли в содействии жандармским офицерам при контроле билетов и поддержании порядка в коридорах верхней галереи. Меня не считали нужным осведомить ни о мерах охраны, которые предпринимались по распоряжениям генерала Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки, ни о сведениях, полученных охранным отделением по поводу готовящегося покушения на министров Столыпина и Кассо, причем и в тех случаях, когда изменялись маршруты следования Государя Императора и министров, мне никогда не сообщалось о причинах, вызвавших эти изменения. Посему, каким образом была организована охрана в зрительном зале театра 1 сентября, я не знаю. Приезд статс-секретаря Столыпина к театру ожидался нами с генерал-губернаторского подъезда, между тем, он неожиданно подъехал к главному подъезду, в который входила вся публика и о том, что он должен был войти в театр с этого именно входа, никто меня ранее не предупреждал. Находясь в театре в начале первого действия, я встретился в коридоре с подполковником Кулябкою и спросил его, как обстоит дело, и он ответил мне, что все благополучно. Во время выстрелов, произведенных Богровым в статс-секретаря Столыпина, я не был в самом зале, а находился снаружи около генерал-губернаторского подъезда, где стояли царские автомобили. Вбежав в театр в сопровождении вызванного мною наряда, я видел, как раненного министра вынесли из левого бокового прохода партера в коридор и что Богров был задержан публикою. Тогда же занялся охраною места, где был положен Столыпин в ожидании прибытия кареты скорой помощи. Во время представления он занимал место в первом ряду кресел, причем кресло его было крайнее возле левого прохода, с другой стороны которого занимал место генерал-

губернатор Трепов. Во время торжеств, все распоряжения делались жандармскими офицерами и передавались от имени генерала Курлова, поэтому чины полиции беспрекословно подчинялись их требованиям. Подполковник Кулябко, кроме своих обязанностей начальника охранного отделения, заведовал народною охраною, под его руководством находился бердичевский полицмейстер Цветкович, который ближайшим образом ведал этою охраною. В сношениях с чинами полиции Кулябко отличался резкостью и предъявлял часто к ним требования, касавшиеся наружной службы, которые исполнялись без возражений, ввиду исключительного положения, занимаемого Кулябкою, его связей и влияния, которым он пользовался, благодаря расположению к нему генерала Курлова и Спиридовича. В чем заключались служебные обязанности вице-директора Веригина, мне в точности неизвестно. Мне приходилось с ним встречаться у генерала Курлова в заседаниях комиссий, в которых участвовал Веригин наравне с другими членами и высказывал свои мнения. В этих комиссиях обсуждались маршруты поездок, в них же принимал участие и Спиридович, игравший видную роль, так как генерал Курлов его мнениям, по-видимому, придавал большое значение. Во время пребывания своего в гор. Киеве генерал Курлов никаких увеселительных мест не посещал; Спиридович же, как мне известно, часто бывал в летнем саду «Шато», где была оперетка и кафешантан, причем он оставался там до поздних часов, ужинал в компании с разными певицами и артистками в отдельных кабинетах. Из доклада околоточного надзирателя Чернявского, бывшего на постоянном дежурстве в Европейской гостинице, я знаю, что однажды поздно вечером Спиридович, вернувшись в гостиницу из сада в сопровождении двух кафешантанных певиц, занял вместе с ними в нижнем помещении этой гостиницы отдельный кабинет, в котором и ужинал с ними, причем, по окончании ужина, одна из этих певиц уехала домой, а другая осталась у него ночевать. Веригин также посещал «Шато» и проводил время в обществе певиц и других артисток и нередко возвращался домой в сильно возбужденном состоянии. Однажды, возвращаясь в Европейскую гостиницу на извозчике под утро, Веригин упал с дрожек на Крещатике. Во время пребывания в Киеве Веригин держал постоянно извозчика Василия Янишевского, которому перед отъездом остался должен 300 рублей. Я знаю, что этот извозчик обращался впоследствии к подполковнику Кулябке с просьбою написать Веригину об этом долге и только зимою 1911 года, когда уже производилось сенаторское расследование, долг этот был уплачен Веригиным.

Киевский полицмейстер, полковник Алексей Александрович Скалон.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 300–303. Подлинник

Протокол допроса шофера И.И. Гольдера

21 августа 1912 г.

1912 года, августа 21 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетелей, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали: <..> 2) Гольдер, Иван Иванович, 19 лет, православный, крестьянин Киевской губернии, Киевского уезда, деревни Городищи, под судом и следствием не был и не состою, живу в гор. Киеве по Александровской улице, в доме № 18. Обвиняемые по настоящему делу мне посторонние.

В августе месяце 1911 года я служил шофером в гараже Матусевича в гор. Киеве. Утром 1 сентября мне было приказано в гараже поехать на автомобиле в охранное отделение на Рейтарскую улицу. По прибытии туда, ко мне вышел подполковник Кулябко вместе с каким-то неизвестным мне человеком. Последнего Кулябко посадил рядом со мною в автомобиль и дал ему на словах какие-то приказания. После этого сидевший со мною человек велел мне ехать к генерал-губернаторскому дому, откуда около 3 часов дня я повез на ипподром министра Столыпина, которого сопровождали два лица: одно в военной форме, а другое – в гражданской. Когда Столыпин с этими лицами поехал на ипподром, я не знал, кого я везу, и только впоследствии мне сказали, что это был названный министр. С ипподрома я с теми же лицами вернулся в генерал-губернаторский дом, а затем отправился один в гараж, чтобы приготовить машину и отвезти вечером этих же лиц в городской театр. В театр я выехал с ними из генерал-губернаторского дома около 7½ часов вечера, причем приближаясь к зданию театра, сидевший рядом со мною неизвестный человек приказал мне подъехать и остановиться у главного подъезда, выходящего на театральную площадь. Здесь ехавших со мною лиц встретил подполковник Кулябко и, проводив их в подъезд, вскоре возвратился, после чего, обратившись к человеку, который сидел возле меня, стал бранить его за то, что последний спутал его распоряжения и подвез министра не к тому подъезду, к которому ему было указано. После этого Кулябко опять ушел и, вернувшись минут через 15, сел в мой автомобиль и приказал везти его самым тихим ходом. По его указанию, я поехал сначала по Владимирской улице, затем повернул на Бибиковский бульвар и, доехав до Крещатика, направился в левую сторону по направлению к Фундуклеевской улице. На углу стояла большая толпа в ожидании проезда Государя Императора, и мы остановились. Когда Государь проехал, мы двинулись вперед и направились по Фундуклеевской улице вверх к театру. Здесь Кулябко вышел из автомобиля,

и я потерял его из виду. Когда я возил Кулябку по Бибиковскому бульвару, он там не останавливался и дорогою ни с кем не разговаривал.

Иван Иванович Гольдер.

Сенатор Н. Шульгин.

<...>

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 331–332. Подлинник.

Протокол осмотра письма А.И. Спиридовича к жене Н.Н. Кулябко и записной книжки

23 августа 1912 г.

1912 года, августа 23 дня сенатор Н.З. Шульгин, в присутствии нижеподписавшихся понятых, в городе Киеве производил осмотр отобранных у отставного подполковника Николая Кулябки при обыске, произведенном 15 августа 1912 года в его квартире, письма Спиридовича и записной книжки, указанных в протоколе судебного следователя Киевского окружного суда по важнейшим делам от того же 15 августа, причем по осмотру оказалось следующее:

1) Письмо, написанное чернилами на листе почтовой бумаги большого формата, текст его занимает все четыре страницы этого листа и дословно следующего содержания: «Дорогая Санюша, мне передали просьбы Николая прислать ему для ознакомления мои показания Государственному] совету. Этого я не исполню. Я до конца моего дела буду держаться того прямого пути, коим шел до сих пор. Сговариваться мне с Николаем нечего. Из «Извлечения» доклада он (так же, как и я) может видеть, где и как его (Николая) ложными против меня показаниями воспользовался сенатор. Я, конечно, не мог и думать, что мне Николай преподнесет то, что черным по белому изобразил сенатор. Пусть так. Пока я никого не трогаю, отгрызаюсь лишь за себя, но если меня посадят на скамью подсудимых, тогда и я вспомню, что у меня жена и ребенок и отброшу я тогда всякую щепетильность и поставлю вопрос ребром о всей той конспирации, которую прокидывали относительно меня все 1 сентября. Хотели сделать без меня, ну и сделали, неважно только вышло. А вот когда неважно вышло, тогда потеряли голову, тогда хватайся за Спиридовича, тащи его и ври на него, может сообща и выкрутимся... Нет, пусть Николай спросит о том, что надо говорить того, с кем он не разлучался все 1 сентября и с кем обмозговывал допуск Богрова в театр. А я уж как-нибудь один постараюсь справиться с данными сенатора, которому все данные против меня дал лишь один Николай...». Далее в письме содержится извещение о результатах ходатайства по поводу какого-то прошения того лица, которому адресовано означенное письмо, и подпись «Твой Александр».

2) Записная книжка в переплете, обклеенном коленкором серо-зеленоватого цвета, все страницы ее разграфлены поперечными синими линейками и имеют, кроме того, несколько линеек, сделанных красными чернилами для обозначения граф, обыкновенно делаемых в приходо-расходных книжках и тетрадях. Все страницы этой книжки, за исключением двенадцати чистых листков, исписаны карандашом, причем записи заключают в себе перечисление мелких расходов на покупку съестных припасов и других предметов по домашнему хозяйству и рецепты приготовления разных кушаний. Среди указанных хозяйственных счетов, на восьми листиках записаны карандашом следующие вопросы и ответы на них: 1) Сношения с Петербургом, живой обмен между Ник., Курловым и Веригиным. Ответ: нет. 2) Служите ли Вы в охранке из преданности Государю или же из-за материальных средств и карьеры. Ответ: несомненно из преданности Государю вообще все ведомства служат Царю. 3) Чем было вызвано назначение в Ригу, почему никто другой. Ответ: не знаю, это дело начальства. Ну, как Вы думаете. Ответ: знание организации охраны в Полтаве, Киеве. 4) Почему была возложена народная охрана на Колю. Ответ: союзники местной администрации не признавали, считая их кадетами, а верили Коле. 5) Были ли назначены для доклада у Курлова определенные часы и дни и указано ли по каким вопросам делать доклады. Ответ: часы не указаны, а было сказано, что во всякое время дня и ночи доклады по всем вопросам, которые касались Курлова как начал[ьника] охраны. 6) В чем принимал Курлов, в халате или нет. Ответ: в чем я заставал, в том и принимал, а во время болезни были случаи и в халате. 7) Когда был болен Курлов, во время приезда жены или нет. Ответ: точно не помню, но в день отъезда был болен, так как не ездил провожать. 8) Чем был болен Курлов. 9) Когда приехала жена, в первый приезд или во второй. От[вет:] во второй. 10) Сколько была времени. От[вет:] не помню. 11) Было ли совещание у Курлова после преступления относительно наказания. От[вет:] не было. 12) Не намекал ли Курлов, что Коля должен быть единственным виновником. Отв[ет:] ничего не намекал. 20) Был ли вообще разговор на эту тему и какой. От[вет:] был и когда я собирался подать в отставку, генерал успокаивал и говорил, что преступления Вы не совершили, а ошибка может быть со всяким, за это не похвалят и отвечать придется. 21) Кто был начал[ьник] всей охраны. От[вет:] генерал Курлов. 22) Сообщалось ли Вам о том, что Курлов подчинен Дедюлину и обязаны ли Вы были делать последнему доклады. От[вет:] этого не сообщалось и докладов Дедюлину я делать не мог, так как мое непосредственное начальство находилось налицо. 23) Не получалось ли впечатление, что полк[овник] Спиридович стоит во главе всей охраны и генерал Курл[ов] слепо выполняет его указания. От[вет:] нет, наоборот, я был свидетелем острых споров и не всегда мнение Спирид[овича] одерживало верх. 24) Говорил ли Веригин о том, что у него есть своя загран[ичная] агентура. От[вет:] говорил. 25) Производил ли г[енерал] Курлов у меня проверку агентуры. От[вет:] не производил. 26) Был ли генерал в отделении. От[вет:]

не был. 27) Не была ли произведена проверка работы отделения Веригиным по приказанию Курлова. От[вет:] нет, кроме рассмотрения полк[овником] Спиридовичем по приказу генерала неблагонадежных, проживающ[их] по линии проезда, причем о более серьезных, намеченных полк[овником] Спиридовичем, было лично доложено ген[ералу] Курлову, и по указаниям его были произведены аресты или установлено наблюдение. 28) Знал ли Курлов о том, что отделение завалено работой. От[вет:] знал. 29) Получали ли Вы денежные награды за проезд. От[вет:] нет. 30) Получили ли теперь денежную награду. От[вет:] не получал. 31) Замечание относительного того, что традиции корпуса пали, так как в прежнее время начал[ьник] дал бы сам револьвер и сказал стреляйтесь, а не успокаивал бы. От[вет:] я бы и без начальника это сделал, если бы я сделал преступление, а я не считаю себя виновным в преступлении, а только ошибка, за которую должен ответить. 32) Был ли нормальным переход от обеда к свиданию, кем и сколько было выпито вина. 33) Подавалось ли за обедом шампанское.

Понятыми при осмотре находились: титулярный советник Всеволод Ростиславович Беспалов, жительствующий в гор. Киеве, по Столыпинской улице в доме № 24, кв. 6 и Николай Николаевич Толпыго, жительствующий в гор. Киеве, по Львовской улице в доме № 44.

Сенатор Н. Шульгин.

Понятые: Всеволод Ростиславович Беспалов.

Николай Николаевич Толпыго.

ГА РФ. Оп. 1 Д 27. Л. 5–8. Подлинник.

Протокол допроса М.Н. Веригина

3 октября 1912 г.

1912 года, октября 3 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, допрашивал в гор. С.-Петербурге нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403 ст. Уст. угол. суд. и он показал:

1. *Имя, отчество и фамилия* Веригин, Митрофан Николаевич.

2. *Возраст во время совершения преступления* 34-х лет.

3. *Место рождения и крещения (губерния, уезд, волость, село или деревня)* Город Уфа.

4. *Место приписки (город или село)*

5. *Постоянное местожительство (временное пребывание)*

С.-Петербург, Ямская ул., д. № 30.

6. *Рождение (брачное или вне брака)*

7. *Звание (состояние, сословие, чин, где служил, имеет ли знаки отличия и какие)* Потомственный дворянин, отставной статский советник.

8. *Народность, племя и религия* Русский.

9. *Какое получил образование, или вообще знает ли грамоту* Окончил курс в Императорском Училище правоведения.

10. *Семейные отношения (женат, вдов, живет в разводе, имеет детей и сколько; если малолетний, то живет ли при родителях, сирота, подкидыш)* Холост.

Как зовут родителей, братьев и сестер и где они проживают Мать зовут Верой Ильинишной.

11. *Занятие или ремесло*

12. *Степень имущественного обеспечения* Имение в Уфимской губернии в Уфимском уезде, нераздельно с братом и матерью около 1500 десятин.

13. *Особые приметы (глух, слеп, нем и т.п.)*

14. *В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления*

15. *Был ли на призыве или когда подлежит призыву к исполнению воинской повинности*

16. *Был ли под судом и если был, то какому подвергался наказанию и не состоит ли под следствием по другому кроме настоящего делу* Под судом не был и не состою.

Постановление о привлечении мне объявлено, и я не признаю себя виновным в непринятии надлежащих мер к проверке заявления, сделанного Мордкою Богровым начальнику Киевского охранного отделения подполковнику Кулябке и к недопущению Богрова в зрительный зал Киевского городского театра 1 сентября 1911 год. По обстоятельствам этого дела я объясняю следующее:

В августе месяце 1911 года я находился в г. Киеве, будучи командирован туда в распоряжение товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова. За несколько дней до прибытия в г. Киев Его Императорского Величества, но в какой именно день, я не помню, я был приглашен начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябкою к нему на обед. Кроме меня были приглашены на этот же обед полковник Спиридович, секретарь товарища министра Сенько-Поповский, подполковник Пискунов и, как мне помнится, еще начальник жандармского полицейского управления Киево-Воронежской железной дороги полковник Правиков. В конце обеда Кулябко, встав из-за стола, куда-то вышел, а затем, возвратившись, обратился к полковнику Спиридовичу, прося его поскорее кончить обедать и пойти с ним, чтобы познакомиться с интересным человеком. Кулябко предложил также и мне отправиться с ним, и я последовал, по окончании обеда, в кабинет вместе с ним. Там я увидел молодого человека высокого роста, худощавого, и Кулябко, обратившись к нему, сказал, что он может говорить совершенно откровенно. Тогда этот молодой человек рассказал, что он недавно приехал из местечка Потоки, близ Кре-

менчуга, и что во время пребывания его там к нему являлось какое-то лицо, с которым он ранее несколько раз виделся и что это лицо спрашивало его, можно ли прибыть в Киев беспрепятственно на моторной лодке и если этого сделать нельзя, то не может ли этот человек приискать в гор. Киеве квартиру, где он находился бы в безопасности. К этому неизвестный мне тогда посетитель Кулябки (после убийства статс-секретаря Столыпина я узнал, что это был Мордко Богров) добавил, что он явился сделать означенное заявление, так как прочитал в газетах о том, что финляндцы намерены организовать покушение на министра Столыпина и, узнав, что в этот же день в охранном отделении застрелился какой-то человек, предположил, что описанное им событие может находиться в связи с замыслами финляндцев и что замышляется крупный террористический акт. Выслушав этот рассказ, полковник Спиридович ответил Богрову, что на реке Днепре будет произведена ввиду Высочайшего приезда строгая регистрация всех лодок, в том числе и моторных, если таковые имеются. Тогда Богров добавил, что ему не нравится та роль, которую ему хотел предоставить упомянутый господин и что в случае принятия на себя одного только поручения подыскать квартиру он не будет в курсе их планов. По словам Богрова, предполагаемый террористический акт мог быть совершен скорее всего при окончании торжеств, когда охрана будет менее бдительна. По поводу заявления Богрова о данном ему террористами поручении подыскать квартиру, как мне помнится, никакого разговора не происходило; равным образом, я не слышал, чтобы подполковник Кулябко спрашивал тогда Богрова, не нужны ли ему билеты для входа на торжества в места Высочайших посещений, и не видел, чтобы в кабинете Кулябки на столе лежали означенные билеты. Я также не помню, высказывал ли тогда полковник Спиридович предположение, что замыслы террористов направлены на особу Государя Императора, и приводил ли Богров по этому поводу какие-либо возражения. При мне Богров не писал никакой записки и таковая в моем присутствии не читалась. Вообще разговор с ним был весьма непродолжительный и во время этого разговора я задал Богрову только один вопрос, не был ли он заграницей, на что подполковник Кулябко сказал, что Богров был на юге Франции. После ухода Богрова из квартиры Кулябки полковник Спиридович, заметив, что делом розыска заведует сам товарищ министра, сказал, что Кулябко должен об этом доложить последнему, причем на вопрос Кулябки, когда это можно сделать, кто-то из нас, я или Спиридович, ответили, что надо справиться по телефону у секретаря товарища министра, когда Кулябко может сделать доклад. На следующий день утром до завтрака, который подавался обыкновенно между 12½ и 1 часом дня, я был приглашен генералом Курловым в его кабинет, где застал подполковника Кулябку и полковника Спиридовича, которые пришли туда раньше меня. Кулябко, по-видимому, успел уже доложить генералу Курлову о заявлении Богрова до моего прихода, и сущности его доклада я не слышал, а также не принимал участия в обсуждении мер, которые необходимо было принять ввиду

заявления Богрова. Генерал Курлов только приказал при мне подполковнику Кулябке послать летучий отряд филеров в Кременчуг для какой-то цели, но для какой именно, мне неизвестно, а также вызвать из Полтавы начальника местного губернского жандармского управления полковника Зейдлица и послать телеграммы в Петербург. При этом генерал Курлов спросил меня, не помню ли я происходившую по департаменту переписку о «Тростнике» и о Мячине[240] и на мой ответ, что «Тростник» скрылся из Петербурга, когда производились обыски в Финляндии, приказал мне послать в Москву полковнику Заварзину телеграмму, запросив его о приметах «Тростника» и о том, где последний находится. Поручение это мною было в тот же день исполнено. Я не слышал, чтобы подполковник Кулябко докладывал генералу Курлову, что может встретиться надобность в выдаче Богрову билетов для входа на торжества и генерал Курлов при мне не высказывал опасения, не вызовет ли это провала для Богрова. После этого в течение нескольких дней я не имел никаких сведений об обстоятельствах, упомянутых в заявлении Богрова. 1 сентября утром, приблизительно между 8 и 9 часами, когда я направлялся в столовую гостиницы пить кофе, со мною встретился подполковник Кулябко и сказал мне, что получил записку от сотрудника, которого я видел у него в квартире и что в этой записке сообщалось о прибытии в Киев террориста, по имени Николай Яковлевич, который остановился в квартире у означенного сотрудника и о прибытии неизвестной по имени барышни, причем эти лица собираются совершить покушение на министров «С» и «К». Кулябко мне также сообщил, что он ожидает прихода в гостиницу сотрудника, который после свидания, имеющего произойти около 1 часа дня между Николаем Яковлевичем и приехавшей барышней, явится доложить о результатах этого свидания. После этого, когда мы пили кофе с Кулябкою, последнему было доложено прислугою, что его спрашивает какой-то господин. Кулябко вышел из столовой, а спустя несколько минут следом за ним пошел и я. Придя в свой номер, я увидел там Кулябко вместе с Богровым. Из слов их я понял, что Николай Яковлевич приехал на квартиру Богрова, имея при себе чемодан, в котором лежали два браунинга, а прибывшая с ним девушка, которую зовут Ниной Александровной, неизвестно где остановилась и привезла «багаж», что, по словам Богрова, означало, что она имеет бомбу. Когда затем между Кулябкою и Богровым зашел разговор о том, где может быть совершен террористический акт и когда Кулябко высказал предположение, что это может иметь место вечером на пути следования в театр, я спросил, какие меры будут приняты, чтобы узнать означенных лиц при выходе из квартиры и в толпе, причем предложил, чтобы Богров надел в петлицу цветок; на это Кулябко сказал, что лучше будет, если Богров подаст знак куреньем папиросы, так как это будет заметнее. При мне Богров не говорил о том, что предполагавшееся днем свидание Николая Яковлевича с Ниной Александровной не состоится в назначенное время, а произойдет в 8 часов вечера на Бибиковском бульваре. Равным образом, во время раз-

говора Кулябки с Богровым не упоминалось ни слова о возможности или необходимости нахождения Богрова в зрительном зале театра во время парадного спектакля и я не предлагал уступить Богрову свой билет в одном из ближайших к сцене рядов партера. Такого предложения я не мог сделать, так как билеты для входа в театр были именные и контролировавшие их при входе жандармские офицеры, зная меня в лицо, не пропустили бы Богрова в театр с моим билетом. Еще ранее ухода Богрова из моего номера я отправился к генералу Курлову и доложил последнему, что начальник охранного отделения имеет сделать ему срочный доклад. Генерал Курлов распорядился тотчас пригласить к себе подполковника Кулябку, а мне приказал отправиться к министру народного просвещения Кассо и просить его не выезжать из дому до получения сообщения от него, товарища министра. Приказание это было мною исполнено, причем, вследствие неточного указания мне адреса министра Кассо, я, выехав к нему, вынужден был вернуться в гостиницу, чтобы навести более точные справки, и затем снова поехал исполнять возложенное на меня поручение. По возвращении в гостиницу я доложил генералу Курлову, что министр Кассо заявил мне о необходимости отправиться в этот день на ипподром, где был назначен смотр потешных. На это генерал Курлов сказал, что надо устроить так, чтобы министр поехал в особом автомобиле, в сопровождении чинов охраны и поручил распорядиться об этом подполковнику Кулябке. Затем мы сели завтракать в номере у генерала Курлова. Нас было четверо: я, Кулябко, генерал Курлов и Спиридович. Я не помню лишь, за сколько времени до начала завтрака приехал полковник Спиридович и застал ли я последнего, когда возвратился в гостиницу от министра народного просвещения Кассо. Во время завтрака происходил разговор о мерах, которые надлежит принять ввиду доклада, сделанного подполковником Кулябкою после свидания с Богровым. По предложению Спиридовича генерал Курлов приказал переписать и отправить составленное от его имени полковником Спиридовичем письмо дворцовому коменданту. В этом письме было изложено содержание сведений, доставленных начальником охранного отделения Кулябкою и намечались меры охраны для безопасного следования Его Императорского Величества. После этого, приблизительно около 3 часов дня, по приказанию генерала Курлова, я снова поехал к дому, где жил министр народного просвещения Кассо, чтобы убедиться, приготовлен ли для последнего мотор. Удостоверившись в этом, я вернулся в гостиницу, а оттуда вместе с секретарем товарища министра Сенько-Поповским поехал на ипподром. Там я с подполковником Кулябкою не виделся и встретился с ним только вечером на подъезде городского театра перед самым началом представления в театре. Кулябко мне сообщил, что он виделся с сотрудником и послал его домой узнать, там ли находится Николай Яковлевич. О том, что сотрудник находился в зале театра, Кулябко мне не говорил, вывести такое заключение из слов Кулябки я не мог и о том, откуда был послан домой сотрудник, я Кулябку не спрашивал. Оставив Кулябку на

подъезде, я вошел в театр и занял в зале отведенное мне место. Спустя несколько времени в зал вошел статс-секретарь Столыпин и поместился в первом ряду. Генерала Курлова и полковника Спиридовича я также видел входящими в зал, но с ними не разговаривал до начала первого антракта, когда генерал Курлов в коридоре приказал мне наблюсти за точным исполнением подполковником Кулябкою отданного последнему распоряжения установить наблюдение за телефоном под № 609, как оказалось впоследствии, принадлежащем Богрову. Для исполнения этого приказания я вместе с подполковником Кулябкою отправился в кофейню Франсуа, куда, по словам Кулябки, был вызван инспектор почт и телеграфов Довяковский. Последнему Кулябко, в моем присутствии, передал распоряжение генерала Курлова установить наблюдение за вышеозначенным телефоном и вслед затем я вместе с Кулябкою, пройдя через площадь, возвратился в театр. Там мы не вошли в зрительную залу, а поместились около коридора в маленькой комнате, где находился телефон. Сюда же вскоре приехал полковник Скалон, и мы пробыли втроем в этой комнате до конца второго действия. Возвращаясь из кофейни с подполковником Кулябкою, мы вместе вошли в театр через главный подъезд со стороны площади, но я не слышал, чтобы Кулябко при входе в театр отдавал тогда жандармскому офицеру приказание пропустить человека, которого наряд не пропускал в театр, ввиду того, что у этого человека контрольный купон билета был оторван. Я также не видел, чтобы в это время у подъезда театра находился тот сотрудник Кулябки, которого в день обеда у Кулябки я видел в кабинете последнего, и который 1 сентября приходил к нему в Европейскую гостиницу. Когда при первой встрече со мною на подъезде театра Кулябко мне сообщил, что он отослал своего сотрудника домой справиться, там ли находится Николай Яковлевич, он мне не упоминал ни о каких перчатках и не говорил, что приказал сотруднику объяснить свое возвращение домой тем, что будто бы забыл дома перчатки. По окончании второго акта, увидев в коридоре театра генерала Курлова, я подошел к нему и доложил, что приказание его относительно наблюдения за телефоном мною исполнено. Кажется, в это время к генералу подошел полковник Спиридович, а вскоре затем в зрительном зале театра раздались два выстрела и поднялась суматоха. После выстрелов генерал Курлов тотчас приказал мне выйти и передать жандармским офицерам, стоявшим у входных дверей, чтобы они никого не впускали в театр и не выпускали оттуда. Я вышел из театра и, обойдя все двери, передал офицерам приказание генерала Курлова, а затем продолжал оставаться на улице перед театром до тех пор, пока товарищ министра Курлов не сказал мне, чтобы я ехал домой.

В департаменте полиции я состоял на службе с 1898 г., а с 1906 года, будучи назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел, исполнял обязанности секретаря. В 1910 году я был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции с оставлением в должности секретаря. Такое назначение было

для меня повышением, так как должность вице-директора выше должности секретаря и с нею соединено некоторое увеличение количества наградных денег, выдаваемых ежегодно перед праздниками. С получением этого повышения фактически я оставался при исполнении прежних своих служебных обязанностей, но во время отсутствия других вице-директоров департамента мне приходилось исполнять иногда их обязанности и подписывать за них бумаги. К делам особого отдела, где сосредоточены дела по политическому розыску, я отношения не имел и был знаком с этою частью делопроизводства лишь по тем делам и перепискам, которые проходили через секретарскую часть. Мне также давались командировки в разные места. Так в Полтаву, Ригу, Киев и в Крым я был командирован в распоряжение товарища министра Курлова и, находясь в этих командировках, исполнял поручения, которые последним были на меня возложены. Кроме сего, я дважды был командирован заграницу во время пребывания там Государя Императора. В первый раз в 1909 году мне было поручено отправиться в Ракониджи, чтобы войти в соглашение с местными властями для организации мер охраны при проезде и пребывании в этом городе Его Величества. Вместе со мною туда же был командирован и полковник Спиридович, и выработка мер охраны производилась мною вместе с последним, причем о всех мероприятиях я доносил по телеграфу и по почте директору департамента полиции и товарищу министра внутренних дел. Во второй раз я был с такою же целью командирован в 1910 году в Великое герцогство Гессен-Дармштадское, где также находились вместе со мною полковник Спиридович и заведующий заграничной агентурой и где мне были даны еще некоторые другие секретные поручения. В бытность в гор. Киеве в 1911 г. я состоял в непосредственном распоряжении товарища министра Курлова, исполняя отдельные поручения, которые он на меня возлагал. Поручения эти, кроме касавшихся письменной части, заключались в следующем: 1) в день приезда в Киев Государя Императора на меня было возложено наблюдение за расстановкой учащихся на одной из улиц города; 2) мне же были поручены надзор за нарядами полиции, установленными на Думской площади в день открытия памятника Императору Александру II и проверка наряда полиции близ кадетского корпуса в день посещения этого корпуса Его Величеством, и 3) в августе месяце я был послан генералом Курловым в гор. Чернигов, причем данное мне поручение заключалось в том, чтобы получить на месте материал по регистрации неблагонадежных лиц и, выслушав соображения по поводу этой регистрации подполковника Долгова, доложить генералу Курлову как этот материал, так равно и соображения Долгова. Исполнив это поручение, я привез регистрационные списки генералу Курлову и, сделав ему доклад, после чего со стороны генерала последовали соответствующие распоряжения. Более по настоящему делу я объяснить ничего не имею и прошу выдать мне копии всех протоколов и других следственных актов настоящего производства. По прочтении мне моего показания на предложенные мне вопросы до-

бавляю, что о допущении подполковником Кулябкою своего сотрудника Богрова 31 августа 1911 года на торжество, происходившее в саду киевского Купеческого собрания, я ни от самого Кулябки, ни от других лиц ничего не слышал и впервые узнал об этом обстоятельстве уже после покушения Богрова на статс-секретаря Столыпина, прочитав об этом 3 сентября в киевских газетах. В тот же день генерал Курлов при мне и в присутствии Кулябки высказывал, что последний о допущении Богрова в Купеческий сад ему не докладывал. Насколько я теперь помню, я на эти слова генерала Курлова никаких замечаний не сделал. Кто присутствовал при этом разговоре, я также не помню.

Митрофан Николаевич Веригин.

Сенатор Н. Шульгин.

Присутствовал и. о. обер-прокурора сенатор Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 159–170. Подлинник.

Протокол допроса директора департамента полиции Н.П. Зуева

6 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 6 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд. нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Зуев, Нил Петрович, 55 лет, православный, сенатор, тайный советник, проживаю в гор. С.-Петербурге по Кирочной улице, в доме № 32. С обвиняемыми генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябко никаких особых отношений не имею. Подполковник Кулябко был назначен начальником Киевского охранного отделения и Киевского района значительно ранее вступления моего в должность директора департамента полиции, по выбору бывшего директора означенного департамента, ныне сенатора Трусевича, который назначал на должности начальников районов лиц, известных ему и чем-либо выдававшихся по розыску. При вступлении в должность указаний на несоответствие Кулябки занимаемому им служебному положению мне сделано не было; впоследствии как лично, та и по докладам вице-директора и заведующего особым отделом, я постепенно стал приходить к выводу, что положение дел в Киевском охранном отделении едва ли, с внешней стороны, представлялось безукоризненным. Замеча-

лась медленность в ответах на запросы департамента, в доставлении очередных агентурных ведомостей, денежных отчетов и т.п. Бывали даже случаи, что данные революционной литературы указывали на развитие деятельности революционных организаций (социал-демократических по городу Киеву); между тем, как донесения охранного отделения по тому же поводу давали несколько иную картину. Отчасти это могло быть объяснено тем, что подполковник Кулябко, по-видимому, стремился несколько расширить свою компетенцию и принял на себя, выходящее из круга его прямых обязанностей – политического розыска, наблюдение за политикой в крае, в широком смысле этого слова (польское движение, военная разведка и пр.). Кроме того, на деятельность его, как начальника охраны, не могло не оказать известного влияния, в смысле меньшей ее интенсивности, отвлечение его от прямых обязанностей заботами по обеспечению безопасности Высочайших поездок за пределами его округа, в Полтаве и Риге. Все это вынудило меня докладывать о сем товарищу министра генерал-лейтенанту Курлову, который после одного из подобных докладов приказал вызвать подполковника Кулябку в декабре 1910 года в С.-Петербург. Генерал-лейтенант Курлов 14 или 15 декабря 1910 года объявил мне, что вечером 16 декабря он придет в департамент для личного ознакомления с деятельностью особого отдела вообще, и по отношению к Киевскому охранному отделению в особенности, причем генерал Курлов потребовал представления ему справки о секретной агентуре названного охранного отделения. Справка эта была представлена и заключалась в списке секретных сотрудников, с указанием получаемого каждым их них содержания, организации, которую он обслуживает, времени, с которого начал работать, числа сведений, данных им в 1910 году и характеристики последних. Из содержания справки явствовало, что секретных сотрудников у подполковника Кулябки числом много, средства на них тратятся значительные, польза же, ими приносимая, не соответствует расходам, так как секретные сотрудники за последнее время или вовсе не давали никаких сведений, или давали совершено несущественные, да и то в весьма ограниченном количестве. По прибытии товарища министра в департамент, туда же явился и подполковник Кулябко. Генерал-лейтенант Курлов, в присутствии моем, заведующего особым отделом полковника Еремина и заведующего Южным районом полковника Балабина, стал задавать вопросы подполковнику Кулябко по лежавшей перед ним вышеозначенной справке о неудовлетворительной постановке секретной агентуры в Киевском охранном отделении по каждой партии в отдельности. Подполковник Кулябко пытался защищать себя, указывая на то, что сведения, изложенные в справке, не соответствуют действительности, но в каждом отдельном случае заведующий особым отделом документально (делами и сводками агентурных сведений, представленными подполковником Кулябко в департаменте полиции) доказывал справедливость выводов и основательность требований департамента. Г[осподин] товарищ мини-

стра, дав в каждом отдельном случае соответственные указания подполковнику Кулябко, признал, как можно было заключить из его слов, деятельность Киевского охранного отделения недостаточно удовлетворительною и от дальнейшей проверки деятельности особого отдела, найдя таковую правильною, отказался. Впоследствии генерал Курлов высказывал мне, что только таким путем, каким была произведена означенная поверка работы Киевского охранного отделения, можно точно удостовериться, что делается на местах в действительности, так как, представляясь по службе товарищу министра, командиру отдельного корпуса жандармов, начальники губернских жандармских управлений и охранных отделений часто говорят, что у них все отлично поставлено, но департамент почему-то ими не доволен и к ним придирается. Не зная деталей деятельности того или другого лица или учреждения и не имея под руками дел, приходится иногда им не возражать или даже верить на слово, между тем, как при вышеуказанном способе проверки все вырисовывается, как оно существует в действительности. Насколько мне известно, впоследствии при ревизии, произведенной вице-директором департамента полиции Виссарионовым, после увольнения подполковника Кулябки от должности начальника охранного отделения, состояние агентуры в означенном отделении оказалось в неудовлетворительном виде. Исполняющий обязанности вице-директора Веригин заведовал в департаменте секретарскою частью и личным составом, а в последнее время до оставления службы [–] еще и восьмым делопроизводством, в котором сосредоточена регистрационная часть и издание циркуляров. К делам розыска он никакого отношения не имел и поручений по этой части со стороны департамента ему даваемо не было. Какие обязанности были возложены на него в г. Киеве, куда он был командирован в 1911 году в распоряжение товарища министра Курлова, мне неизвестно.

Сенатор, тайный советник Нил Петрович Зуев.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 47–50об. Подлинник

Протокол допроса генерала-майора А.В. Герасимова

7 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 7 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябко, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требо-

вания 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Герасимов, Александр Васильевич, 50 лет, православный, генерал-майор для поручений при министре внутренних дел, жительствую в гор. С.-Петербурге, по Вознесенскому проспекту, в доме № 18. С генералом Курловым, Спиридовичем, Веригиным и Кулябкою я никаких отношений, кроме служебных, не имел. Весною 1909 года, по предписанию министра внутренних дел, я ездил в разные города для ознакомления с внутренней агентурой охранных отделений. В числе других городов я был в Киеве, где в то время начальником охранного отделения был подполковник Кулябко. Насколько я припоминаю, по прибытии в Киев я не застал там Кулябку, который явился уже после моего приезда и с требованием доставить необходимые сведения я обратился к заведующему агентурой Демидюку. В общем я нашел постановку дела в этом отношении ненормальной, так как офицеры отделения были устранены от заведования агентурой и последняя сосредоточивалась в руках Демидюка, человека совершенно неинтеллигентного, малоразвитого и не соответствующего занимаемому им положению. О результатах обозрения киевской агентуры мною, по возвращении в Петербург, было доведено до сведения департамента полиции, но я теперь не припоминаю, докладывал ли я об этом лично генералу Курлову. С последним в служебные командировки для принятия мер охраны я ни разу не выезжал. Статский советник Веригин, в бытность мою начальником С.-Петербургского охранного отделения, иногда являлся ко мне в отделение; он в это время состоял в должности секретаря департамента полиции и, насколько мне известно, находился в самых близких, дружеских отношениях с генералом Курловым, но какие обстоятельства способствовали их сближению, мне неизвестно. Что касается личной охраны бывшего министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина, то в бытность мою начальником охранного отделения таковая находилась в моем ведении и для осуществления ее мною были командированы два офицера отдельного корпуса жандармов, которым была дана инструкция неотступно находиться при министре во время всех его выездов, нахождения в публике и общественных местах. Лица эти ни на шаг не отступали от статс-секретаря Столыпина и в некоторых случаях даже одевались в штатское платье, чтобы находиться при министре поблизости. Как организована была охрана министра после оставления мною должности начальника охранного отделения и в ведении кого именно таковая находилась в бытность статс-секретаря Столыпина в Киеве в 1911 году, мне неизвестно.

Генерал-майор Александр Васильевич Герасимов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 51–52 Подлинник.

Протокол допроса помощника начальника центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении И.Н. Зеленова

11 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 11 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Зеленов, Игнатий Никитич, 50 лет, православного вероисповедания, титулярный советник, жительствую в г. С.-Петербурге, по Александровскому проспекту, в доме № 2. С обвиняемыми по настоящему делу я никаких особых отношений не имею. Я состою в должности помощника начальника центрального филерского отряда, состоящего при С.-Петербургском охранном отделении. В августе месяце 1911 года я был командирован в гор. Киев, где находился в распоряжении полковника Спиридовича, который заведовал всей секретной охраной. По распоряжению Спиридовича на меня было возложено заведование разными районами на путях Высочайшего следования. Я знал Дмитрия Богрова, служившего сотрудником при Киевском охранном отделении под кличкою «Аленского», так как ранее, с 1909 года до начала 1911 года, я сам состоял на службе при означенном охранном отделении и занимал там должность сначала заведующего наружным наблюдением, а затем чиновника для поручений. Состоя в последней должности, я имел служебные сношения с Богровым и знаю, что им в то время доставлялись ценные и правдивые сведения об анархистах и социалистах-революционерах. Мне также известно, со слов самого Богрова, что последний был заподозрен революционерами в предательстве и что положение его в революционных организациях после этого пошатнулось. Сам Богров мне говорил, что он обращался к этим организациям с просьбою назначить над ним товарищеский суд. Впоследствии я слышал также от Демидюка, что, хотя Богров не был вполне изобличен товарищами, но последние не оказывали ему более доверия и Богров не мог продолжать работать в охранном отделении, а затем уехал из Киева. 1 сентября 1911 года днем между 3 и 5 часами, когда я находился на своем участке около крепостных ворот, ко мне подъехал подполковник Кулябко и в разговоре со мною сообщил, что по сведениям, доставленным «Аленским», в Киеве готовится террористами убийство министров Столыпина или Кассо и что приехавший с этой целью злоумышленник находится в квартире «Аленского», которая обставлена наблюдением. При этом Кулябко, добавив, что наблюдение замеча-

ется злоумышленником, просил меня съездить на Бибиковский бульвар к дому, в котором живет «Аленский», и передать заведующему наблюдением Демидюку, чтобы он поставил это наблюдение более конспиративно. Я поехал в указанное место, но по прибытии туда не застал Демидюка, а потому о распоряжении Кулябки передал оказавшемуся там старшему филеру Московского охранного отделения Тельнову. При этом поясняю, что передать Демидюку приказание усилить наблюдение за домом Богрова и за местом, где предполагалось свидание злоумышленников на Бибиковском бульваре возле здания I[-й] гимназии, Кулябко мне не поручал, а говорил лишь о необходимости обставить наблюдение за квартирою Богрова с большею осторожностью, чтобы злоумышленник не мог заметить таковое. В тот же вечер 1-го сентября после проезда Государя Императора по Крещатику на возвратном пути из театра я отправился на Васильковскую улицу в дом, где помещались агенты охранного отряда. Здесь я узнал о случившемся во время представления в театре покушении на министра Столыпина, причем злоумышленника, совершившего это покушение, называли по имени Бобров. Предполагая, не был ли этот злоумышленник никто иной, как Дмитрий Богров, я тотчас отправился в охранное отделение, где, встретив Демидюка, спросил последнего, правда ли, что покушение на Столыпина совершил Богров. На это Демидюк ответил утвердительно, добавив: «Да, вот давал сведения, и вот, что вышло». О том, каким образом Богров для совершения покушения проник в театр, я тогда не знал и только спустя несколько дней осведомился, что билет для входа в театр был дан Богрову подполковником Кулябкою. Я был очень удивлен, узнав об этом и, не зная в подробностях обстоятельства, побудившие Кулябку допустить Богрова в театр, находил, что ко всем заявлениям Богрова надлежало отнестись с самого начала осторожно, так как он был заподозрен товарищами в предательстве и перед означенным событием продолжительное время находился в отсутствии из города Киева.

Игнатий Никитич Зеленов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1 Д. 27. Л. 64–66об Подлинник

Протокол допроса агента охранной команды Петербургского охранного отделения Я.Н. Келлера

13 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 13 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях,

допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетелей, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали: 1) Келлер, Ярослав Николаевич, 64 лет, римско-католического вероисповедания, дворянин, проживаю в гор. С.-Петербурге, Новая Деревня, Серебряков переулок, дом Лебедева, под судом и следствием не был и не состою. Обвиняемые по настоящему делу мне посторонние. Я состою на службе агентом охранной команды, находящейся в ведении С.-Петербургского охранного отделения. В августе месяце 1911 года я был командирован в гор. Киев на время происходивших там торжеств и прибыл в означенный город в ночь на 29 августа. На меня была возложена обязанность охранять покойного председателя Совета министров Столыпина во время пути и пребывания в городе Киеве в генерал-губернаторском доме. По прибытии в Киев я, вместе с четырьмя другими агентами, командированными для той же цели, остался сначала на вокзале, где пробыл целую ночь, так как нам не было дано никаких инструкций о том, куда мы должны отправиться. Утром, отправившись в казарму, где находилась вся команда, я узнал там, что полковник Спиридович справлялся о нас и спрашивал, почему мы к нему не явились. После этого вскоре полковник Спиридович потребовал меня к телефону и велел явиться за получением дальнейших приказаний к подполковнику Кулябке. Последний объявил мне, чтобы я отправился к генерал-губернаторскому дому и вместе с агентом Корниловым заведовал наружной охраной этого дома. Охрану эту несли около 25 человек агентов; старшими же над ними были я и Корнилов. 1 сентября около 7 часов утра меня потребовал подполковник Кулябко в охранное отделение. Когда я прибыл туда, то застал там Корнилова, причем последний мне сказал, что готовится покушение на министра Столыпина и чтобы я обратил внимание, не появится ли около генерал-губернаторского дома человек, приметы коего он мне описал, но в настоящее время я их не помню. По словам Корнилова, человек этот мог появиться в сопровождении женщины Особых инструкций, как надлежало поступать с этими лицами, если бы мы их заметили там, дано нам не было и самого Кулябку я видел только мельком в канцелярии и с ним не говорил, так как он сказал, что у него много дела и что он торопится. Мы возвратились на свои посты, но людей описанных нам примет нигде не заметили. Я не видел, чтобы в этот день к генерал-губернаторскому дому приезжал подполковник Кулябко и делал бы какие-либо распоряжения относительно перестановки филерских постов. Быть может, он приезжал во время моего отсутствия, когда я отлучался для обеда. Генерал Курлов и Спиридович к нам не приезжали и никаких распоряжений не делали.

Ярослав Николаевич Келлер.

Сенатор Н. Шульгин.

<...>

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 72–73об. Подлинник.

Постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого П.Г. Курлова

15 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 15 дня сенатор Н.З. Шульгин, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание:

1) что против бывшего товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов, ныне отставного генерал-лейтенанта Павла Григорьевича Курлова, первым департаментом Государственного совета возбуждено уголовное преследование по обвинению его в преступном бездействии власти, имевшем весьма важные последствия;

2) что основанием для возбуждения означенного преследования послужили обстоятельства, обнаруженные при расследовании порядка и способов осуществления в 1911 году в гор. Киеве мер охраны во время пребывания в этом городе Его Императорского Величества Государя Императора, высшее руководство каковою охраною по Высочайшему повелению, последовавшему в 21 день мая 1911 года, было возложено на товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов, шталмейстера, генерал-лейтенанта Курлова с подчинением ему всех без исключения должностных лиц, находящихся на местах и командированных для поддержания порядка и безопасности, и с соблюдением ст. 9 Положения о дворцовом коменданте, Высочайше утвержденного 25 апреля 1906 года;

3) что показаниями привлеченного по настоящему делу к следствию, в качестве обвиняемого, бывшего начальника Киевского охранного отделения, ныне подполковника в отставке Н.Н. Кулябки, в связи с другими данными предварительного следствия, представляется в достаточной мере установленным, что по доведении названным начальником охранного отделения 26, 27 августа и 1 сентября 1911 года до сведения генерал-лейтенанта Курлова о том, что бывший помощник присяжного поверенного Мордко Гершев Богров, находившийся в сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов и служивший у него, Кулябки, секретным сотрудником, заявил ему о намерении боевой группы одной из революционных партий совершить убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо, во время происходивших в гор. Киеве торжеств, а затем о прибытии в означенный город членов этого сообщества для выполнения указанного злодействия и о нахождении одного из этих злоумышленников в квартире его, Богрова, причем последнее заявление, как оказалось впоследствии, было вымышлено Богровым с целью воспользоваться доверием к нему Кулябки и быть допущенным в места Высочайших посещений, дабы учинить там убийство статс-секретаря Столыпина, – он, генерал-лейтенант Курлов, в нарушение возложенных на него служебных обязанностей, не принял необходимых мер, которые могли быть употреблены им в пределах

данной ему власти и которыми он имел возможность предупредить совершение означенного злодеяния, а именно, не распорядился об учреждении надзора за личностью самого Богрова и за действиями последнего, а также об исследовании в квартире Богрова, действительно ли там находится один из прибывших, по его заявлению, в гор. Киев злоумышленников, причем последствием непринятия указанных мер было как необнаружение своевременно замышляемого Богровым злодеяния, так и приведение сим последним в исполнение умысла лишить жизни председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина;

4) что независимо от изложенного бывший товарищ министра внутренних дел, отставной генерал-лейтенант Курлов теми же данными предварительного следствия изобличается в том, что, зная из сделанных ему докладов подполковником Кулябкою, что служивший у него сотрудником помощник присяжного поверенного Мордко Богров находится в сношениях с членами преступного сообщества анархистов-коммунистов, которые, по его заявлению, прибыли в указанное время в гор. Киев для совершения террористических актов, в том числе убийства статс-секретаря Столыпина, и что, несмотря на это, Богрову имеют быть выданы подполковником Кулябкою билеты для входа в места, где должны были происходить в гор. Киеве торжества в Высочайшем Его Императорского Величества присутствии, а также будучи осведомлен 1 сентября 1911 года из докладов подполковника Кулябки, что накануне означенного дня Богров был на торжестве, происходившем в саду киевского Купеческого собрания, и что Кулябкою было предположено допустить его 1 сентября вечером в зал городского театра на назначенное там в этот вечер парадное представление, он, генерал-лейтенант Курлов, в нарушение возложенных на него служебных обязанностей, не только не воспретил выдачи названному Богрову билетов для пропуска на торжества, но и не распорядился об учреждении за Богровым, в случае выдачи ему означенных билетов, бдительного надзора во время пребывания его в местах Высочайших посещений и о принятии необходимых мер, дабы удостовериться, что он не скрывал при себе оружия или взрывчатых снарядов, вследствие чего Богров, имевший при себе револьвер, был допущен подполковником Кулябкою 1 сентября 1911 года в зрительный зал Киевского городского театра на торжественный спектакль и, находясь там без всякого надзора, совершил задуманное им покушение на председателя Совета министров Столыпина;

и 5) что такая преступная нераспорядительность и бездействие власти, вверенной генерал-лейтенанту Курлову по принятию мер охраны и обеспечению безопасности, кроме лишения Богровым жизни статс-секретаря Столыпина, имели последствием явную опасность для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи, как это явствует из того, что выстрелы в статс-секретаря Столыпина были произведены Богровым в весьма близком расстоянии от ложи, в которой во время представления пребывал Государь Император, и что Бог-

ров, давая показания судебному следователю 2 сентября 1911 года, между прочим, объяснил, что у него возникала мысль совершить покушение на жизнь Государя Императора, но она была оставлена им из боязни вызвать еврейский погром, я, сенатор Н.З. Шульгин, постановил: бывшего товарища министра и командира отдельного корпуса жандармов, отставного генерал-лейтенанта Курлова привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в совершении вышеописанных преступных деяний, предусмотренных 339 и 2 ч. 341 ст. Уложения о наказании.

Сенатор Н. Шульгин.

Читал и. о. обер-прокурора сенатор Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 97–100об. Подлинник.

Протокол допроса В.В. Граве – личного секретаря П.А. Столыпина

27 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 27 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Граве, Всеволод Владимирович, 31 года, православный, чиновник особых поручений VI класса при министре внутренних дел, живу в г. С.-Петербурге, по Морской улице, в доме № 61. С генералом Курловым, Веригиным, Спиридовичем и Кулябкою никаких особых отношений не имею. При покойном председателе Совета министров Столыпине я состоял в должности личного секретаря и сопровождал его во время поездки в гор. Киев в августе месяце 1911 года. Об угрожавшей в этом городе статс-секретарю Столыпину опасности я впервые узнал утром 1 сентября от капитана Есаулова, который сообщил мне, что ночью, по возвращении его с торжества, происходившего в саду Купеческого собрания, начальник охранного отделения Кулябко известил его по телефону, что он имеет сообщить ему важные сведения, но на предложение приехать к нему немедленно ответил, что он теперь занят и приедет переговорить в 6 часов утра. В назначенное время, по словам Есаулова, подполковник Кулябко, приехав к нему, рассказал, что, по сведениям, полученным от одного из агентов охранного отделения, в Киев приехал революционер, а также должна прибыть или, быть может, уже прибыла неизвестных примет женщина, ко-

торая привезет с собою бомбу, после чего эти лица намерены совершить покушение на статс-секретаря Столыпина или же на министра Кассо. Революционер этот, как сообщил Кулябко капитану Есаулову, находится в квартире агента, где около 1 часа дня, по прибытии упомянутой женщины, предполагалось арестовать обоих злоумышленников. В тот же день перед отъездом на ипподром, приблизительно около 3 часов пополудни, я увиделся с подполковником Кулябкою в генерал-губернаторском доме и спросил его, арестованы ли злоумышленники, собравшиеся совершить покушение на статс-секретаря Столыпина. На это Кулябко ответил мне, что предположенное свидание их отложено и должно состояться около 5 часов дня на улице, что прибывший в Киев анархист находится все время под наблюдением и будет арестован тотчас после того, как встретится со своею сообщницей. На мой вопрос, можно ли быть уверенным, что покушение не будет выполнено как внутри ипподрома, так и в самом здании театра, подполковник Кулябко ответил, что можно быть на этот счет вполне спокойным, так как ни одно лицо, неизвестное охране, не может проникнуть в эти места. Статс-секретарь Столыпин был уже осведомлен об указанных обстоятельствах как полученным им ранее письмом генерал-адъютанта Трепова, так и докладами, сделанными ему генералом Курловым и капитаном Есауловым, причем я слышал, как он рассказывал, что не верит сведениям об этом заговоре, добавив, что даже если ему покажут бомбу, то и это не убедит его и только арест злоумышленников может привести его к противоположному выводу. Во время спектакля в городском театре я занимал место в 7 ряду партера, причем кресло мое находилось в противоположной стороне от места, которое занимал статс-секретарь Столыпин; к последнему во время первого антракта я близко не подходил и только после окончания второго действия приблизился к первым рядам кресел, где Петр Аркадьевич, увидев меня, подозвал к себе и спросил, послал ли я телеграмму о предстоявшем прибытии его в Чернигов. Ответив утвердительно, я вышел в коридор и вслед затем в зрительном зале театра раздались два выстрела. Я вполне убежден, что статс-секретарь Столыпин не знал о присутствии в зрительном зале театра Богрова, служившего секретным сотрудником у подполковника Кулябки, так как по этому поводу ему никаких докладов делаемо не было, что же касается личной охраны покойного, то во время последней поездки в гор. Киев особого лица, которое должно было бы осуществлять эту охрану, при нем не находилось. В Петербурге обязанность охранять его была возложена на двух офицеров корпуса жандармов – подполковников Дексбаха и Пиранга, которые на этот предмет имели особые инструкции от начальника охранного отделения и директора департамента полиции. Как мне известно из происходивших при мне разговоров статс-секретаря Столыпина с некоторыми министрами, он при поездке в гор. Киеве не признал нужным взять с собою ни одного из упомянутых офицеров, находя, что во время пребывания в Киеве ему

необходимы не столько лица, которые охраняли бы его, сколько такие, которые могли бы исполнять его поручения, требовавшие особого такта и знакомства с высокопоставленными лицами. При этом он высказывал, что капитан Есаулов в полной мере отвечает указанным условиям и по поводу охраны говорил как Есаулову, так и мне, что личная охрана его должна лежать на обязанности чинов, заведующих охраною вообще и что, хотя его личная охрана поставлена неудовлетворительно, но чтобы мы в это дело не вмешивались. Во время пребывания Петра Аркадьевича в больнице 2, 3, 4 и 5 сентября, я, хотя находился там же все время, но близко к ему не подходил. 2-го сентября статс-секретарь Коковцов мне сказал, что Петр Аркадьевич спрашивал, тут ли генерал Курлов и добавил, что он хотел бы его видеть, на это, ввиду распоряжения докторов, ему сказали, что генерал Курлов в отъезде и чтобы он не думал о делах. Утром 3 сентября в г. Киев приехала Ольга Борисовна Столыпина, и в этот день до вечера Петр Аркадьевич находился еще в полном сознании, но уже к вечеру ему сделалось хуже и с тех пор сознание у него заметно стало ослабевать.

Всеволод Владимирович Граве.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 129–133. Подлинник

Протокол допроса товарища прокурора Петроградской судебной палаты Н.В. Брандорфа

29 сентября 1912 г.

1912 года, сентября 29 дня сенатор Н.З. Шульгин производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал: Брандорф, Николай Васильевич, 41 года, православный, статский советник, товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты, жительствую в гор. Царском Селе, Петербургской губернии, по Новой улице, в д. № 6. С обвиняемыми по настоящему делу ни в каких особых отношениях не состою. В прошлом году, во время пребывания Их Императорских Величеств в Киеве, я состоял прокурором местного окружного суда и, по своей должности, находился 1 сентября на парадном спектакле в городском театре в Высочайшем присутствии. В тот момент, когда Богров стрелял в покойного председателя Совета министров Столыпина, я не был в зрительном зале и узнал об этом злодейском преступлении от вбежав-

ших в курительную комнату лиц; я тотчас же направился к входу в зал и здесь встретил толпу народа, которая тащила Богрова в коридор. Я, с помощью нескольких лиц и, кажется, жандармского подполковника Иванова, принял меры к получению Богрова в свои руки, когда это удалось, то мы, при содействии нижних чинов полиции, отнесли Богрова в коридор и положили на пол за перегородку с вешалками; тут он быстро пришел в себя, встал на ноги и тогда я приступил к его обыску, причем по найденным у него документам установил его личность и отыскал у него в кармане его театральный билет. На мой вопрос, откуда он достал этот билет, Богров заявил мне, что даст мне ответ только с глазу на глаз, после же моих повторных настойчивых требований, Богров после длительного колебания, сказал мне, что билет дал ему Николай Николаевич, а на мой вопрос, какой Николай Николаевич и не Кулябко ли, ответил утвердительно. В это время к Богрову подошел прокурор палаты Чаплинский, которому я и доложил обо всем. Из слов Богрова нам стало ясно, что между появлением его в театре и действиями Кулябки существует какая-то связь. Поэтому, когда вслед затем ночью, во время опроса в порядке дознания Богрова, в театр явился полицейский пристав Тюрин и обратился к прокурору палаты с докладом о том, что Кулябко требует Богрова в охранное отделение, то прокурор палаты приказал Тюрину передать Кулябке, что Богров прислан не будет, а что, напротив, он, Кулябко, должен немедленно явиться в театр для допроса. В третьем часу ночи Кулябко явился и был допрошен судебным следователем в моем присутствии, причем он путался в своих объяснениях, переиначивал свои показания и в общем произвел впечатление человека, не говорящего правды. На предложенный ему вопрос, знал ли генерал Курлов заранее о том, что Богров будет находиться в театре, Кулябко сначала ответил, что обо всех своих действиях по охране он докладывал г[енералу] Курлову, из чего можно было заключить, что о пребывании Богрова в театре г[енерал] Курлов знал, но затем Кулябко тотчас же стал утверждать, что он пустил Богрова в театр по собственной инициативе и что об этом он доложил г[енералу] Курлову только во втором антракте почти непосредственно перед событием преступления, при допросе Богрова жандармским подполковником Ивановым я не присутствовал все время, ибо был занят другими неотложными действиями, и наблюдал за этим допросом товарищ прокурора палаты Царюк, но я несколько раз входил в комнату, где допрашивали Богрова и прислушивался к некоторым частям его показания. Отчетливо помню, что на этом допросе Богров заявил, что, принадлежа к группе анархистов и намереваясь совершить террористический акт, он имел в мыслях покуситься на Священную особу Государя Императора. Эта часть его показания оказалась незаписанной в протоколы опроса. Когда на следующий день прокурор палаты, судебный следователь Фененко и я отправились в крепость для допроса Богрова в качестве обвиняемого, то на предложенный мною вопрос по этому поводу Богров сначала

ответил, что намерение совершить покушение на жизнь Государя Императора он имел в отдаленном прошлом, но оставил таковое, ибо опасался, что подобное деяние вызовет еврейский погром. Когда же ему было предложено записать эту часть показания, то он видоизменил ее и стал говорить, что такого определенного намерения у него никогда не было, что, в частности, в театре он вовсе не имел в виду особы Государя Императора и что слова его надлежит понимать в том смысле, что он, как анархист, в принципе допускал идею о цареубийстве, но осуществить ее лично никогда не намеревался. В конце концов Богров отказался записать эту часть показания, и тогда нами тремя был составлен протокол со включением в него вышеприведенных слов Богрова. После совершившегося в театре покушения все ожидали, что Кулябко будет немедленно устранен от должности, а, между тем, он продолжал исполнять свои обязанности и произвел массу арестов, не сообщая ни прокурорскому надзору, ни следователю об их основаниях. Тогда я счел нужным довести до сведения прокурора палаты, что пребывание Кулябко в должности, помимо общего ропота, может вредно отозваться на ходе следствия и прокурор палаты 3 сентября вместе со мной отправился к генералу Курлову. Этот последний в разговоре по поводу Кулябко заявил, что он предполагает перевести его куданибудь из Киева, но не считает возможным сделать это немедленно, «чтобы не подумали, что перевод его связан с преступлением Богрова»; при этом г[енерал] Курлов сказал, что все происшедшее он приписывает несчастной случайности, от которой не гарантированы даже лучшие исполнители служебного долга, но что, во всяком случае, он принимает на себя всю ответственность за действия Кулябки, ибо был вполне осведомлен об этих действиях. Однако затем г[енерал] Курлов объяснил, что о пребывании Богрова в театре ему заранее не было известно, что на это он не дал бы своего согласия и что об этом он узнал от Кулябки только во втором антракте, после чего немедленно потребовал удаления Богрова, что Кулябко и пошел исполнять, а непосредственно вслед за этим и раздались выстрелы Богрова в зрительном зале. После беседы с прокурором палаты генерал Курлов согласился временно устранить Кулябку от должности начальника охранного отделения и исполнение этой обязанности передал начальнику Киевского губернского жандармского управления полковнику Шределю. Вместе с тем генерал Курлов выразил желание, чтобы Кулябке было дано свидание наедине с Богровым, так как этим путем, по мнению г[енерала] Курлова, Кулябке удастся «в силу предшествовавших близких отношений с Богровым» получить от него правдивые и ценные сведения по поводу совершенного им преступного деяния. На эту просьбу прокурор палаты сначала ответил согласием, но затем, по надлежащем обсуждении, решил свидания не давать, о чем и доложил прибывшему в Киев господину министру юстиции. Таким образом, с момента задержания Богрова и до суда над ним, Кулябко Богрова не видел. На суде Богров изменил свои первоначальные объяснения и показал, что

убийство статс-секретаря Столыпина было им совершено по требованию парижской группы анархистов «Буревестник», при этом он рассказал, что до конца 1906 года он состоял в партии анархистов-коммунистов, но затем убедился, что члены этой партии отличаются недобросовестностью и больше смахивают на разбойников, чем на революционных деятелей; тогда он, будучи во временном материальном затруднении вследствие проигрыша в карты, решил предложить свои услуги начальнику охранного отделения Кулябке, который и принял его на службу в качестве сотрудника, посоветовав ему не прерывать связей с партией анархистов и для видимости продолжать числиться ее членом. Так он, Богров, и поступил, причем все получаемые им сведения о деятельности партии передавал Кулябке, которому и помог этим способом раскрыть многие серьезные политические преступления. За свою [illegible] Богров получал от Кулябки вознаграждение в размере от 100 до 150 руб. в месяц, хотя в деньгах этих, будто бы, не нуждался. Так продолжалось несколько лет, после чего он уехал из Киева сначала за границу, а потом в Петербург, где, по рекомендации Кулябки, обратился с предложением сотрудничества к местному начальнику охранного отделения фон Коттену, который принял его предложение, но которому он никаких сведений не доставлял, за неимением таковых. В начале 1911 года Богров заболел в Петербурге и поехал лечиться за границу, откуда вернулся весною в Киев. Но еще раньше этой поездки, кажется, в начале 1910 г. (в точности этого не помню), ему пришлось вести переговоры с представителем партии анархистов-коммунистов Петром Лятковским по поводу того, что некоторые члены этой партии, в том числе Тыш и Черный, содержавшиеся в Лукьяновской тюрьме (в г. Киеве), получили сведения об его сотрудничестве в охранном отделении. По этому поводу Лятковский сделал ему словесный запрос и представил несколько писем, но так как имевшийся в распоряжении Лятковского материал не отличался достоверностью, то он, Богров, сумел разуверить Лятковского. Затем весной 1911 года к нему явились два неизвестных ему лица и от имени партии анархистов предъявили требование о представлении отчета в израсходовании бывших у него на руках партийных денег, часть которых, по их мнению, была растрачена им; при этом они вскользь снова упомянули об его провокационной деятельности. Уплатив требуемый недочет, Богров, по его словам, считал себя окончательно выбывшим из партии анархистов и, так как его служба в охранном отделении к тому времени была фактически закончена, то он намеревался, не возобновляя ее, посвятить себя деятельности присяжного поверенного и создать себя известное материальное и общественное положение. Но в начале лета, во время пребывания его на даче около станции Потоки, он получил из заграницы письмо, в котором ему подробно излагались доказательства его провокационной деятельности и предлагалось или реабилитировать себя, или быть опозоренным путем разглашения всех его действий. Это письмо произвело на него удручающее впечатление, так как сообщенные в

нем факты были вполне достоверны и не поддавались отрицанию. Тогда он стал думать, как ему выйти из этого положения, но ни к какому определенному результату не приходил. В это время, а именно в начале августа, к нему явился некий «Степа», который был ему известен как террорист, убивший в Екатеринославе офицера (как впоследствии оказалось – Виноградов), и заявил, что ему, Богрову, оправдаться перед партией нельзя и что единственный для него выход – это совершить убийство кого-либо из представителей власти, что желательно было бы лишение жизни Кулябки, но что, впрочем, на предстоящих киевских торжествах «у него будет выбор большой» и что этот террористический акт он должен совершить до 1 сентября, в противном случае сам будет убит. Находясь в таком безвыходном положении, он, Богров, решил застрелить Кулябку и для этого отправился в Киев, где 27 авгус-

[redacted]

Эту историю он придумал для того, чтобы снова вступить с Кулябкой в тесные отношения, благодаря которым мог бы выбрать подходящий момент для его убийства. Однако, на это преступление он не решился, ибо Кулябко обращался с ним слишком приветливо и доверчиво. Между прочим, Кулябко однажды спросил его, не нужны ли ему билеты на торжества, но он ответил отказом. Когда же он убедился, что на убийство Кулябки у него не хватит решимости, то он вспомнил упомянутое предложение Кулябки и обратился к нему с просьбой дать билет в Купеческое собрание, предполагая там стрелять в кого-нибудь из министров. Получив этот билет и очутившись в Купеческом саду он, однако, намерения своего выполнить не мог, ибо Государь Император и все сопровождавшие его лица прошли слишком далеко от него. Тогда он решил исполнить свой замысел в городском театре и попросил у Кулябки билет, который и получил беспрепятственно, при этом он сообщил Кулябке следующий вымышленный факт: по его словам, бомбист Николай Яковлевич находился у него на квартире и требовал от него, Богрова, чтобы он занимался слежкой министров и, в частности, находился бы в театре, чтобы следить за Столыпиным и как только тот направится к выходу, дать условный знак для выполнения назначенного на эту ночь покушения; с другой стороны, ему, Богрову, необходимо было быть изолированным от Николая Яковлевича, чтобы в момент предполагаемого в эту ночь ареста его не очутиться вместе с ним и не потерпеть провала, как агенту охранного отделения. Всему этому рассказу Кулябко поверил и согласился дать билет. По объяснению Богрова, при этой беседе присутствовал Веригин, который даже предлагал Богрову свой билет. Отправившись в театр, он, Богров, не решил твердо, в кого он будет стрелять, и благодаря этой нерешимости пропустил даже первый антракт, но когда во втором антракте Кулябко подошел к нему и, заявив, что он беспокоится, как бы Николай Яковлевич не ускользнул из его квартиры мимо цепи филеров, потребовал, чтобы он шел домой, то Богров, оставаясь без наблюдения со стороны Кулябки,

направился в зрительный зал и, заметив стоявшего около оркестра Столыпина, направился к нему по совершенно свободному проходу и, приблизившись почти вплотную, произвел два выстрела из револьвера «браунинг». По словам Богрова, он действовал будто бы почти бессознательно и если бы заметил кого-нибудь в проходе на своем пути, то, вероятно, не совершил бы преднамеренного преступления. При допросе на суде Кулябки, он в общих чертах подтвердил те части показания Богрова, которые до него относились и о которых свидетельствовал на предварительном следствии. Вместе с тем, он заявил, что о рассказе Богрова по поводу бомбистов он докладывал ген[ералу] Курлову, а тот, в свою очередь, хотел доложить Столыпину, но исполнил ли это или нет, ему неизвестно. Кроме того, Кулябко заявил, что обо всех своих действиях и распоряжениях по охране он в подробностях докладывал ген[ералу] Курлову. Насколько мне помнится, Кулябко на суде не говорил определенно, что генералу Курлову было заранее известно о пребывании Богрова в театре в зрительном зале, но, быть может, эта часть показания Кулябки ускользнула от моего внимания.

Николай Брандорф.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271 Оп. Д. 27. Л. 142–150. Подлинник.

Протокол допроса заведующих личной охраной П.А. Столыпина подполковников К.К. Дексбаха и Р.Ю. Пиранга

2 октября 1912 г.

1912 года, октября 2 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетелей, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали: 1) Дексбах, Константин Константинович, 39 лет, православный, подполковник отдельного корпуса жандармов, живу в гор. С.-Петербурге, по Морской улице, в д. 61. С обвиняемыми по настоящему делу ни в каких особых отношениях не состою. В 1906 году я числился при С.-Петербургском охранном отделении и в июне месяце этого года, по распоряжению начальника означенного отделения генерал-майора Герасимова, был командирован в распоряжение министра внутренних дел, статс-секретаря Столыпина, причем на меня была возложена обязанность заведовать личной охраной министра. Тогда же генералом Герасимовым мне была дана ин-

струкция относительно исполнения этих обязанностей, указания по этому поводу я получал также от бывшего директора департамента полиции, ныне сенатора, Трусевича, от командира корпуса, генерала Курлова и от начальника охранного отделения, полковника фон Коттена; вместе с тем, этими же лицами я всегда был осведомляем о тех данных, которыми располагало охранное отделение и которые заключали в себе указания на возможные в отношении статс-секретаря Столыпина покушения со стороны революционеров. Организация мер охраны министра контролировалась как начальником охранного отделения, так и иногда и командиром корпуса генералом Курловым, который в некоторых случаях производил лично поверку постов. Я находился безотлучно при министре и сопровождал его при всех выездах из дому, оставаясь возле него и все время, пока он находился в каких-либо общественных местах или таких, где была посторонняя публика. Так продолжалось до самого последнего времени с тем лишь изменением, что последние три года, когда министр выезжал в свое имение, находившееся в Ковенской губернии, я его не сопровождал, а обязанности охраны возлагались тогда на других офицеров отдельного корпуса жандармов. Обыкновенно перед поездками в провинцию я получал от П.А. Столыпина непосредственно приказания сопровождать его, но перед последней поездкой в гор. Киев я такого приказания от него не получал и его сопровождал в этой поездке капитан Есаулов, который ранее в течение целого года состоял при нем, но никаких обязанностей по личной охране министра не исполнял, заведуя исключительно хозяйственною частью, как то, устройством вечеров и раутов, выдачею содержания служащим и т.п., и исполняя разные его поручения. Как мне известно, командировка капитана Есаулова в гор. Киев состоялась вследствие личной просьбы последнего. Были ли на него возложены обязанности личной охраны статс-секретаря Столыпина во время поездки и пребывания его в гор. Киеве, мне неизвестно, я знаю только, что таких обязанностей на капитана Есаулова ранее не возлагалось; с охранною службою он совершенно не был знаком, и я его никогда не посвящал в обстоятельства, относящиеся к организации личной охраны министра. После покушения, совершенного в гор. Киеве 1 сентября 1911 года на статс-секретаря Столыпина, я был вызван в Киев по телеграмме командира корпуса и приехал туда 3 сентября вечером. Петра Аркадьевича я застал еще в живых и в полном сознании, с ним я не говорил, так как в комнату, где он лежал, кроме некоторых лиц, никого посторонних не допускали, и я видел его только издали из соседнего с его комнатой коридора.

Отдельного корпуса жандармов, подполковник Константин Константинович Дексбах.

Сенатор Н. Шульгин.

2) Пиранг, Ричард Юльевич, 42 лет, лютеранского вероисповедания, подполковник отдельного корпуса жандармов, живу в гор. С.-Петербурге, по Петропавловской ул., в д. № 4. С обвиняемыми по насто-

ящему делу ни в каких особых отношениях не состою. Я числюсь прикомандированным к С.-Петербургскому губернскому жандармскому управлению и в 1909 году на меня был возложено состоять в распоряжении бывшего председателя Совета министров, статс-секретаря Столыпина и заведовать его личной охраной. Эту обязанность я нес совместно с подполковником Дексбахом, по установленной между нами очереди. В непосредственном нашем заведовании находились агенты, командированные для постоянной охраны министра и района его местопребывания. Мы проверяли лиц, приглашенных на прием к министру и на происходившие у него вечера и собрания. Кроме сего, мы сопровождали статс-секретаря Столыпина при выездах и прогулках, а также при посещениях им каких-либо мест или государственных учреждений. При таких выездах маршрут следования сообщался нами письменно чинам охранного отделения для принятия последними соответствующих мер охраны по пути следования. Во время выездов П.А. Столыпина в провинцию в 1909 и 1910 годах я ни разу его не сопровождал, и как была организована его охрана во время этих путешествий, мне в точности неизвестно. Равным образом, и перед поездкою его в гор. Киев в 1911 году вопроса о командировании меня туда не возбуждалось, причем статс-секретарем Столыпиным, по его личному желанию, был назначен сопровождать его капитан Есаулов. Последний около года перед тем числился исполняющим обязанности штаб-офицера при министре внутренних дел, и в его обязанности несение охранной службы при министре не входило, я также не слышал ни от кого, чтобы такие обязанности были на него возложены статс-секретарем Столыпиным перед отъездом; организацию личной охраны министра капитан Есаулов знать не мог, так как в это дело ранее он не входил и в подробности этой организации мы его не посвящали.

Подполковник отдельного корпуса жандармов
Ричард Юльевич Пиранг.
Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 151–154об. Подлинник.

Постановление Н.З. Шульгина о привлечении к следствию в качестве обвиняемого М.Н. Веригина

2 октября 1912 г.

1912 года, октября 2 дня сенатор Н.З. Шульгин, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание:

1) что против бывшего чиновника особых поручений V класса при министре внутренних дел, исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции в звании камер-юнкера Высочайшего Двора отставного статского советника Митрофана Николаевича Веригина пер-

вым департаментом Государственного совета возбуждено уголовное преследование по обвинению его в преступном бездействии власти, имевшем весьма важные последствия;

2) что на состоявшего в упомянутых должностях статского советника Веригина в августе месяце 1911 года распоряжениями его начальства было возложено особое поручение отправиться в Киевскую, Черниговскую, Волынскую, Курскую и Таврическую губернии и состоять в распоряжении товарища министра внутренних дел командира отдельного корпуса жандармов, шталмейстера Высочайшего Двора генерал-лейтенанта Курлова, командированного в названные места по Высочайшему повелению для организации мер охраны при проезде Его Императорского Величества и августейшей семьи;

3) что показаниями привлеченного по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого бывшего начальства Киевского охранного отделения ныне отставного подполковника Кулябки, в связи с другими данными предварительного следствия, представляется в достаточной мере установленным, что будучи в непосредственных и частных сношениях с поименованным выше начальником охранного отделения, а также присутствуя в совещаниях, происходивших в гор. Киеве по вопросам о принятии мер по поводу сделанного помощником присяжного поверенного Мордкою Гершовым Богровым заявления о намерении боевой группы анархистов-коммунистов во время торжеств, происходивших в г. Киеве по случаю Высочайшего посещения, совершить убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо, а затем о прибытии в г. Киев членов этого сообщества для выполнения означенного злодеяния и о нахождении одного из злоумышленников в квартире Богрова, он, статский советник Веригин, зная также, что Богров находится в сношениях с упомянутым выше преступным сообществом и что, несмотря на это, подполковником Кулябкою не было сделано распоряжения об учреждении надзора за личностью самого Богрова и за действиями последнего и об исследовании в его квартире, действительно ли там находится один из прибывших, по его словам, в г. Киев злоумышленников, в нарушение своих служебных обязанностей не только не предложил подполковнику Кулябке о принятии вышеозначенных необходимых мер для того, чтобы удостовериться в правдивости сделанного Богровым заявления, но и не озаботился доложить о сем своему непосредственному начальству – товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову, причем последствием сего было как необнаружение своевременно умысла Богрова совершить убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина, так и приведение им 1 сентября 1911 года означенного умысла в исполнение;

4) что независимо от изложенного отставной статский советник Веригин теми же данными предварительного следствия изобличается в том, что будучи осведомлен бывшим начальником Киевского охран-

ного отделения подполковником Кулябкою, что помощник присяжного поверенного Мордко Богров находится в сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов, члены которого, по его заявлению, прибыли в указанное выше время в г. Киев для совершения террористических актов, в том числе убийства статс-секретаря Столыпина и что им, Кулябкою, имеют быть выданы Богрову билеты для входа в места, где должны были происходить торжества в Высочайшем Его Императорского Величества присутствии и между прочим 1 сентября 1911 года в зрительную залу Киевского городского театра на назначенное в этот день парадное представление, он, в нарушение своих служебных обязанностей не принял со своей стороны никаких мер к воспрепятствованию выдаче Богрову означенных билетов, не только не сделав подполковнику Кулябке заявления о недопустимости присутствия Богрова в упомянутых местах и о необходимости, в случае выдачи ему билетов, учреждения за ним бдительного надзора, а также принятия необходимых мер, дабы удостовериться, что он не скрывал при себе оружия или взрывчатых снарядов, но и не довел об указанных известных ему обстоятельствах до сведения своего непосредственного начальства – товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова, вследствие чего Богров, имевший при себе револьвер, был допущен 1 сентября 1911 г. подполковником Кулябкою в зрительный зал Киевского городского театра во время торжественного спектакля и, находясь там без всякого надзора, совершил задуманное им покушение на жизнь статс-секретаря Столыпина;

5) что описанный образ действий статского советника Веригина, независимо от лишения жизни Богровым председателя Совета министров Столыпина, имел последствием явную опасность для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи, как это видно из того, что выстрелы в статс-секретаря Столыпина были произведены Богровым в близком расстоянии от ложи, в которой во время представления в театре пребывал Государь Император, и что Богров, давая свои показания судебному следователю 2 сентября 1911 года, объяснил, что у него возникала мысль совершить покушение на жизнь Его Императорского Величества, но была оставлена им из боязни вызвать еврейский погром, я, сенатор Н.З. Шульгин, постановил: бывшего чиновника особых поручений при министре внутренних дел V класса, исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции отставного статского советника Митрофана Николаевича Веригина привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в совершении вышеописанных преступных деяний, предусмотренных 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 155–158. Подлинник.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Н.З. ШУЛЬГИНА О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СЛЕДСТВИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО А.И. СПИРИДОВИЧА

4 октября 1912 г.

1912 года, октября 4 дня сенатор Н.З. Шульгин, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание:

1) что против полковника отдельного корпуса жандармов, состоящего в распоряжении дворцового коменданта Александра Ивановича Спиридовича первым департаментом Государственного совета возбуждено уголовное преследование по обвинению его в преступном бездействии власти, имевшем весьма важные последствия;

2) что, по состоявшемуся соглашению дворцового коменданта с бывшим товарищем министра внутренних дел, командиром отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенантом шталмейстером Курловым, летом 1911 года полковник Спиридович был командирован в распоряжение названного товарища министра, на которого по Высочайшему повелению, последовавшему в 21 день мая 1911 года было возложено высшее руководство охраной во время посещения Его Императорским Величеством в означенном году разных местностей и городов Империи, в том числе гор. Киева с подчинением ему всех без исключения должностных лиц, находящихся на местах и командированных для поддержания порядка и безопасности и с соблюдением ст. 9 Положения о дворцовом коменданте;

3) что посему на полковнике Спиридовиче, как в силу означенного выше поручения, так и по свойству его службы лежала обязанность предупреждения и пресечения государственных преступлений и принятия мер охраны Священной особы Государя Императора и августейшей семьи во время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве и других местах;

4) что показаниями привлеченного по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого бывшего начальника Киевского охранного отделения, ныне подполковника в отставке, Кулябки, в связи с другими данными предварительного следствия представляется в достаточной мере установленным, что, зная как из словесных сообщений названного начальника охранного отделения, так отчасти и непосредственно от служившего ранее в том же отделении секретным сотрудником помощника присяжного поверенного Мордки Гершева Богрова, что сей последний, находясь в сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов, заявил подполковнику Кулябке о намерении боевой группы одной из революционных партий совершить убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо во время происходивших в августе месяце 1911 г. в гор. Киеве торжеств, а затем о прибытии в этот город членов упомянутого сообщества для выполнения указанного преступления и о нахождении одного из этих злоумышленников в квартире его,

Богрова, причем последнее заявление, как оказалось впоследствии, было вымышлено Богровым с целью воспользоваться доверием к нему Кулябки и быть допущенным в места Высочайших посещений, дабы учинить там убийство статс-секретаря Столыпина, он, полковник Спиридович, в нарушение возложенных на него служебных обязанностей не принял необходимых мер, которыми он мог предупредить совершение вышеозначенного злодеяния, не только не предъявив подполковнику Кулябке требования об учреждении надзора за личностью и действиями Богрова, а также об исследоваиии в квартире последнего, действительно ли там находится один из прибывших по его заявлению в г. Киев злоумышленников, но и, не доложив о непринятии Кулябкою указанных мер своему непосредственному начальству – товарищу министра внутренних дел Курлову и дворцовому коменданту, причем последствием сего было как необнаружение своевременно умысла Богрова совершить убийство председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина, так и приведение им 1 сентября 1911 года означенного умысла в исполнение;

5) что независимо от изложенного полковник Спиридович теми же данными предварительного следствия изобличается в том, что, зная из сделанных ему сообщений подполковником Кулябкою, что служивший у последнего сотрудником помощник присяжного поверенного Мордко Богров находится в сношениях с членами преступного сообщества анархистов-коммунистов, которые, по его заявлению, прибыли в указанное время в г. Киев для совершения террористических актов, в том числе убийства статс-секретаря Столыпина, и что несмотря на это Богрову имеют быть выданы подполковником Кулябкою билеты для входа в места, где должны были происходить в г. Киев торжества в Высочайшем Его Императорского Величества присутствии, а также будучи осведомлен 1 сентября 1911 года из словесного сообщения подполковника Кулябки, что накануне означенного дня Богров был на торжестве, происходившем в саду киевского Купеческого собрания, он, полковник Спиридович, в нарушение возложенных на него служебных обязанностей, не только не принял со своей стороны никаких мер к воспрепятствованию выдаче Богрову означенных билетов и не довел об изложенных обстоятельствах до сведения своего ближайшего начальства – товарища министра внутренних дел Курлова и дворцового коменданта, но и не распорядился об учреждении за Богровым, в случае выдачи ему билетов для пропуска на торжества, бдительного надзора во время пребывания его в местах Высочайших посещений и о принятии необходимых мер, дабы удостовериться, что он не скрывал при себе оружия или взрывчатых снарядов, вследствие чего Богров, имевший при себе револьвер, был допущен подполковником Кулябкою 1 сентября 1911 года в зрительный зал Киевского городского театра на торжественный спектакль и, находясь там без всякого надзора, совершил задуманное им покушение на председателя Совета министров Столыпина;

и 6) что такая преступная нераспорядительность и бездействие власти, вверенной полковнику Спиридовичу по принятию мер охраны и обеспечению безопасности, кроме лишения Богровым жизни статс-секретаря Столыпина, имели последствием явную опасность для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи, как это явствует из того, что выстрелы в статс-секретаря Столыпина были произведены Богровым в весьма близком расстоянии от ложи, в которой во время представления пребывал Государь Император и что Богров, давая показания судебному следователю 2 сентября 1911 года, между прочим, объяснил, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь Государя Императора, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром, я, сенатор Н.З. Шульгин, постановил: полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича привлечь по настоящему делу к следствию в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в совершении вышеописанных преступных деяний, предусмотренных 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27, Л. 174–177об. Подлинник.

Протокол допроса обвиняемого А.И. Спиридовича

9 октября 1912 г

1912 года, октября 9 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. С.-Петербурге допрашивал в качестве обвиняемого нижепоименованного, который показал:

Спиридович, Александр Иванович, 39 лет, полковник отдельного корпуса жандармов. Продолжаю мои показания: мне известно со слов дворцового коменданта, что он, генерал-адъютант Дедюлин, получив утром 1 сентября мое письмо относительно приезда боевиков, отдавал по нему приказание начальнику дворцовой полиции, доложил о письме министру Двора и имел с последним совещание относительно того, следует ли о происшедшем докладывать Его Величеству. За завтраком, за которым я застал 1 сентября, вернувшись с маневров, генерала Курлова, Кулябко и Веригина, при мне велся разговор исключительно о том, какие меры охраны необходимо принять ввиду совершившегося налета в Киев боевиков. Никаких разговоров о том, кто приехал, где поместился, как над ними оперирует охранное отделение, не велось при мне. Помню, что, сев за стол, я поставил вопрос прямо, что надо делать в целях охраны, раз явилась опасность. Было решено официально уведомить о том дворцового коменданта, черновик письма которому и был затем составлен мною там же за столом. После этого стали обсуждать вопрос об обеспечении пути возвращения с манеров. Я предложил законспирировать таковой снятием экстраординарных нарядов на-

ружной полиции, оставив лишь мой наряд секретной охраны. По сему поводу у нас с генералом Курловым произошел обмен мнений, после чего генерал согласился с моим предложением и мы вместе поехали затем по пути проезда и снимали наряды. С нарядами расходилась и публика. Объехав путь, мы отправились в Святошино, где я согласно вышеописанному приказанию дворцового коменданта и стал ожидать проезда императорских моторов. При мне за завтраком генерал Курлов не высказывал предположения о том, что злоумышленники могут скрывать свои планы от Богрова и поставить его в необходимость пойти с ними на линию проезда и принять участие в совершении террористического акта; не было разговора и о предстоящем свидании злоумышленников, и о том, что Богров должен предупредить филеров курением папиросы или каким-нибудь другим образом, не было разговора и о посылке в квартиру Богрова переодетого филера с запиской, якобы, от певицы Регины. Из Святошина я с генералом Курловым поехал за императорскими моторами во дворец, а оттуда на ипподром. У ипподрома я встретился с Кулябкою, произошел мимолетный разговор о том, что на Бибиковском бульваре в 8 час. вечера будет свидание боевиков и там же предположена их ликвидация. Запомнился этот разговор только потому, что я, исходя из интересов не розыска, а охраны, спросил Кулябко, будет ли кто-либо на месте, кто сможет по собственной инициативе произвести в любой момент арест. Что говорил Кулябко и как мы расстались, теперь не помню. О том, чтобы у ипподрома Кулябко говорил мне что-либо о том, что накануне Богров был в Купеческом саду – я теперь ничего не помню и прошу в данном случае верить моему показанию, данному сенатору Трусевичу, которому я показал следующее: «При докладе у генерала Курлова в этот день я не слышал, что Богров накануне был в саду Купеческого общества; но мне, сколь мне помнится, говорил об этом Кулябко при встрече с ним у ипподрома. Пишу, сколь помнится, потому, что об этом был разговор уже после катастрофы со ст[атс-]секретарем Столыпиным и, возможно, что я путаю даты». В этом разговоре я ни слова не слышал от Кулябки о том, что Богрову будет выдан билет в театр или о том, что там будут «единомышленники террористов». После разговора с Кулябкой я говорил с моим помощником подполковником Невдаховым, которому, сколь помню, сказал о том, что есть тревожное у местного охранного отделения сведение. С ипподрома я проехал за императорским кортежем ко дворцу, где, сколь помнится, дворцовый комендант, по сделанному ему докладу, установил особый, в видах охраны, порядок проезда Его Величества в театр. Заезжал ли я до театра в гостиницу, не помню, но помню, что в театр я ехал с ген[ералом] Курловым за государевым автомобилем. По приезде моем к театру мой помощник полковник Управин доложил мне, что посты им проверены, люди все на местах, все благополучно. Как мне помнится, спектаклю предшествовало исполнение гимна, что делается обыкновенно всегда в подобных случаях. Я занял место в левом проходе, в третьем ряду, крайнее от

прохода. В течение первого действия я безвыходно оставался на своем месте; в первом антракте, после ухода Его Величества из ложи, я частью был в партере, частью в коридоре. Как в зрительном зале, так и в коридоре я Богрова не видал. С генералом Курловым, Веригиным и Кулябкой я в этом антракте совсем не разговаривал. Второе действие я просидел на своем месте, во втором же антракте вышел в коридор, встретился с подполковником Ивановым и с ним пошел по коридору от дверей среднего прохода к продольным проходам. Я не помню, чтобы в это время ко мне обращался г[енерал] Курлов с вопросом, где Кулябко, и чтобы я ответил, что он в театре. Когда мы с Ивановым дошли до дверей среднего продольного прохода, послышались выстрелы в партере. Я вбежал в зал, по стульям добежал до министра Столыпина, бросился затем к схваченному преступнику и замахнулся на него саблей; в этот момент я узнал, что схваченный – Богров: в этот момент я впервые увидел его в театре. У меня мелькнула мысль о предательстве, о могущей грозить Его Величеству опасности и я побежал к императорской ложе и, прислонившись к ней спиной, не подпускал приближаться к ней толпившихся дворян; в то время из императорской ложи перелез дворцовый комендант и сказал мне, дабы я *шел в коридор, выслушав меня, почему я здесь стал, приказал так и* оставаться, а сам слазил в оркестр и, перепрыгнувши оттуда, бросил мне – «там ваши есть». После исполненного затем гимна, по удалении Высочайших особ, я вышел в коридор и далее на улицу. Тогда я встретился с г[енералом] Курловым, с которым после проезда Его Величества во дворец проехал в лечебницу, куда был отвезен министр. Разговора, который у меня происходил в то время с ген[ералом] Курловым, я не помню. Разговора, который был после 1 сентября между ген[ералом] Курловым и Веригиным по поводу посещения Богровым Купеческого сада, я теперь не припоминаю; при допросе меня на сенаторском расследовании я удостоверил, будто бы генерал Курлов в один из ближайших после 1 сентября дней в разговоре, происходившем по поводу посещения Богровым Купеческого сада, сказал, что он об этом не знал, на что Веригин возразил, что ему, генералу Курлову, об этом, кажется, докладывал Кулябко. Полагаю, что это так и было в действительности, но припомнить этого теперь я не могу. От генерала Курлова в последующие за 1-м сентября дни я неоднократно слышал, что ему не было известно о допуске Богрова в театр; с подполковником Кулябкой я по этому поводу не разговаривал. Зная его характер, я полагал после 1 сентября, что взять на себя полностью вопрос о допуске Богрова в театр он не мог. Письмо, которое мне теперь предъявлено и которое начинается словами: «Дорогая Санюша, мне передали просьбу Николая», написано мною из Ялты весною сего года моей сестре Александре Ивановне Кулябко. По поводу «конспирации», о которой упоминается в письме, я могу объяснить следующее. Я считаю, что все планы с выдачей Богрову билета в театр, с допуском его в театр – от меня были законспирированы Кулябкой. Почему, для чего нужна была эта

конспирация, я не знаю, участвовал ли в этой конспирации еще кто-либо, я не знаю, я могу строить предположения, но данных утверждать, что Кулябко секретничал от меня по сговору с кем-либо, у меня нет. Самый вопрос о свидании с Богровым в гостинице 1 сентября, за завтраком, возник совершено случайно и не благодаря Кулябке. Генерал Курлов сказал мне о том свидании; Кулябко и Веригин молчали; произошла как бы заминка. Для меня было ясно, что от меня что-то скрывают. Но так как это была область «агентуры», это «святая святых» каждого начальника охранного отделения, то я и не пытался проникнуть в то, что показалось для меня таинственным. Так поступил бы каждый начальник розыска. Я никакого воздействия на движение по службе подполковника Кулябки ни на кого не оказывал; он сам пробивал себе дорогу и самоличным трудом добился всех пожалованных ему наград и повышений. Я никогда не вмешивался в служебные дела Кулябки и только один раз по просьбе ген[ерала] Курлова, да по просьбе ст[атского] сов[етника] Виссарионова написал ему письмо о том, чтобы он был более сдержан в своей переписке с департаментом. По поводу свидания моего в Киеве с одним из сотрудников соц[иал-]демократом докладываю. Свидание то имело исключительною целью мою беседу с ним по поводу истории соц[иал-]демократии в России, написанием которой я занят. Никаких намерений использовать его для какой-либо цели во время киевских торжеств я не имел и ни с кем по сему поводу не говорил. Разговора Кулябко с ним относительно использования его для наблюдения за приезжающими с заграничными поездами я не припоминаю, также не припоминаю и того, чтобы я, смеясь, говорил ему что-либо относительно того, что на него оденут цилиндр и фрак. Возможно, что все это и было так, но я этого не помню; наблюдение за прибывающими с поездами особый вид службы, для которой в Киеве, как и вообще всюду, наряжаются филеры охранных отделений, а не чины секретной охраны. Показание писал собственноручно. Покорнейше прошу о выдаче мне копий со всех актов следственного производства. Копию постановления о привлечении меня к следствию по сему делу я получил.

Полковник Спиридович.

Сенатор Н. Шульгин.

Присутствовал и. о. обер-прокурора сенатор Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 183об.–188. Автограф.

Протокол допроса А.И. Спиридовича

11 октября 1912 г.

1912 года, октября 11 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. С.-Петербурге допрашивал в качестве обвиняемого нижепоименованного, который дополнительно к данным уже объяснениям показал:

Спиридович, Александр Иванович, 39 лет, полковник отдельного корпуса жандармов. Как я уже показывал, летом 1912 года я был командирован под начальство генерал-лейтенанта Курлова исключительно для разработки мероприятий по охране в местах, в кои предполагался Высочайший приезд, равно и для заведования отрядом секретной охраны, а не был командирован «в распоряжение» генерала Курлова в широком смысле слова, без указания сферы моей деятельности. В Киеве я с 15 августа и вступил в командование вышеназванным отрядом. Обязанность эта была возложена на меня согласно состоявшемуся еще весною по сему поводу соглашению ген[ерал]-лейт[енанта] Курлова с дворцовым комендантом, и хотя у меня нет ни предписания, ни ордера по сему предмету, но о таковой вполне определенной цели моей командировки могут показать генерал-адъютант Дедюлин и ген[ерал]-лейт[енант] Курлов, которые уже и давали соответствующие показания сенатору Трусевичу. Имеется, сколь припоминаю, указание на таковую цель моей командировки также и в плане предполагавшихся мероприятий, который в виде записки был представлен генералом Курловым разным начальствующим лицам, в том числе и дворцовому коменданту. Посему прошу как об опросе названных генералов, так и об осмотре плана мероприятий. Ввиду таковой определенной цели моей командировки, обязанность по «предупреждению и пресечению государственных преступлений» в широком смысле на мне не лежала, а лежала лишь обязанность принятия мер охраны Государя Императора и его августейшей семьи. В этом деле я должен был руководствоваться «Инструкцией для чинов секретной охраны при проследовании Их Императорских Величеств по Киеву и его окрестностям»[241], об осмотре которой ходатайствую. Ввиду того, что круг моих обязанностей был совершенно точно определен как занимаемой тогда мною должностью, так и данными мне указаниями двух моих начальников, равно и вышеуказанной «Инструкцией», я не признаю себя виновным в том, что я после получения агентурных от Богрова сведений не предъявил Кулябке требований об учреждении за Богровым и его действиями наблюдения, не предъявил и требования об исследовании того, действительно ли в квартире его находится один из прибывших в Киев террористов. Разработка получаемых начальниками охранных отделений агентурных сведений всегда составляла и составляет обязанность розыскных органов, а не начальника секретной охраны, и производилась и производится она без всякого участия такового. По сему вопросу прошу допросить заведующего особым отделом департамента полиции, а также и наблюдающего за отделом вице-директора Виссарионова. По тем же основаниям не признаю себя виновным в том, что я не доложил ни генералу Курлову ни ген[ерал]-ад[ъютанту] Дедюлину о непринятии Кулябкою указанных мер. Подобный доклад был бы с моей стороны вмешательством не в свое дело, привлечением косвенно к делу розыска дворцового коменданта, который до него, по высокой лежащей на нем обязанности, даже и касаться не должен, равно был бы неуместным и неправильным потому, что мне было известно о том обстоя-

тельстве, что Кулябко, по обсуждении с генералом Курловым полученных агентурных сведений, занялся их разработкой. Я не признаю себя виновным в том, что не принял мер к воспрепятствованию выдаче Богрову билетов для входа в места посещений и не довел об этом до сведения генералов Дедюлина и Курлова. О таковых намерениях Кулябки относительно билетов мне ничего известно не было. По этой же причине я не виновен и в том, что не учредил за Богровым надзора на случай, если бы билет для входа куда-либо ему был выдан. Явной опасности для Государя Императора и его августейшей семьи при наличности Богрова с револьвером в театре – не было. Когда Богров стрелял, царская семья в ложе не находилась, когда же Государь Император с семьей появлялся в ложе, меры охраны не допускали даже возможности для кого-либо из лиц неизвестных Государю Императору приблизиться к ложе Его Величества. Они заключались в том, что места первого, второго и третьего ряда, ближайшие к царской ложе, были заняты генералами бароном Фредериксом, Дедюлиным, Курловым, князем Орловым, полковником Дрентельном[242], не говоря уж про нас с начальником дворцовой полиции. В оркестре находился наряд от секретной охраны. Лица ближайшей свиты Государя Императора всегда почитались ближайшей охраной Его Величества и выставлять к Государю Императору чинов секретной охраны на расстояние более близкое, нежели свита, я права не имею. Сделав подобный наряд, я бы тем самым высказал сомнение в надежности ближайшей, непосредственной около Государя Императора охраны – свиты Его Величества. И не только лица свиты почитают себя ближайшими охранниками Государя Императора, но и особы Императорского Дома, великие князья, сколь могу судить по бывшим прецедентам, рассматривают себя так же, раз они находятся около Его Величества. И когда летом сего года, в Бородине, во время шествия Его Величества за крестным ходом, из толпы бросился к Государю Императору неизвестный человек – его первым схватил великий князь Николай Михайлович[243]. Человек бросился, желая подать прошение. Что же касается покушения на ст[атс]-секретаря Столыпина, то я заявляю – охрана покойного министра не входила в круг моих обязанностей. Ближайшую охрану министра Столыпина всегда осуществлял не отлучавшийся от него сопровождавший его офицер. В Киев с покойным министром приехал капитан Есаулов. Почему его не было около министра в момент покушения, я не знаю.

Полковник Спиридович.

К сему добавляю: в то время, когда при контроле впуска в театр Богрова, его туда не впускал какой-то жандармский офицер, я при этом не был, не стоял я и близко в то время в вестибюле с Кулябкою. Указание на это, данное Будницким[244], прошу проверить допросом Гинсбурга.

Полковник Спиридович.

Сенатор Н. Шульгин.

Присутствовал и. о. обер-прокурора сенатор П. Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27 Л. 196–199. Автограф.

Протокол предъявления материалов следствия Н.Н. Кулябко

2 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 2 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. Киеве предъявлял согласно 448 и 476 ст. Уст. угол. суд. обвиняемому отставному подполковнику Николаю Николаевичу Кулябко настоящее следственное производство и спрашивал его, не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание, причем он объяснил:

Я, Кулябко, в оправдание свое по настоящему делу ничего более теперь представить не имею, прошу только дополнить следствие осмотром § 13 и § 30 инструкции начальникам охранных отделений по ведению внутренней агентуры[245] для выяснения вопроса о том, обязан ли я был установить наблюдение за личностью самого Богрова после сделанного им заявления о готовящемся покушении на министров. Следственное производство мне предъявлено. В предъявлении мне протоколов и постановлений, которые будут составлены впоследствии по этому делу и дальнейшего производства по оному, я надобности более не встречаю, но прошу Вас, г[осподин] сенатор, копии со всех означенных протоколов и постановлений препроводить по моему местожительству для выдачи их мне. Затем мне объявлено, что предварительное по настоящему делу следствие после окончания на основании 1091 ст. Уст. угол. суд. будет направлено вместе со всем производством г[осподину] обер-прокурору уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената.

Отставной подполковник Николай Николаевич Кулябко.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 277–277об. Подлинник.

Протокол допроса М.Я. Богровой

2 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 2 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. Киеве в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованную, которая на предложенные вопросы показала:

Богрова, Мария Яковлевна, 49 лет, вероисповедания лютеранского, жена инженера путей сообщения. Живу в гор. Киеве, по Бибиковскому бульвару в доме № 4, обвиняемые по настоящему делу мне посторонние.

Дмитрий (Мордко) Богров мой племянник и в августе 1911 года мы вместе проживали в квартире его родителей в доме под № 4 на Би-

биковском бульваре. Вечером 31 августа Богров не был дома и когда именно он возвратился, я не знаю, так как в его помещение вел особый ход и у него был при себе ключ от входных дверей. На другой день, 1 сентября, он утром куда-то уходил из дому, но в котором часу, я не знаю; вернулся же он около часу дня. Перед обедом, приблизительно около двух часов, Богров в разговоре, между прочим, сообщил, что накануне, 31 августа, он был на гулянье в саду Купеческого собрания, где происходило торжество в Высочайшем присутствии. Удивившись этому, я спросила его, каким образом он получил пропуск на это торжество. Дмитрий Богров ответил мне, что пропуск ему удалось получить благодаря петербургским знакомым, причем этих знакомых по фамилиям он тогда не называл. Он также мне рассказал, что когда он был в саду, то в двух шагах от него проследовал Государь Император; это он объяснил мне на вопрос мой, видел ли он в саду Государя. Во время обеда Дмитрий Богров, услышав звонок в передней, встал из-за стола и, вернувшись через несколько времени из передней вместе с горничной Анастасией Батуриной, которая открывала парадную дверь, о чем-то громко разговаривал с последней. На мой вопрос, в чем дело, Батурина сказала, что сейчас заходил к нам в квартиру ее кум, который хотел переговорить с кем-то по телефону, но что Дмитрий Богров не разрешил ему говорить и отправил его из квартиры. На мой вопрос, почему он не позволил говорить этому человеку, Дмитрий Богров сказал мне, то этот человек вызывал по телефону охранное отделение и что он, Богров, находит неудобным и неприличным, чтобы из нашей квартиры вызывали охранное отделение. Когда у меня происходил с племянником указанный выше разговор о посещении им Купеческого сада, он сообщил мне также, что собирается сегодня вечером отправиться в городской театр и когда я его спросила, как он достал себе билет в театр и зачем туда отправляется, то он мне ответил, что билет имеет получить от своих петербургских знакомых и что ему обещали свести его в театре с какими-то высокопоставленными лицами для переговоров по коммерческому делу о покупке какого-то банка. Затем около половины девятого часа, когда Дмитрий Богров был еще дома и одел фрак, я спросила его, отчего он не идет в театр, на что он ответил мне, что до сих пор он не получил еще билета и я на это высказала ему сомнение в том, чтобы ему удалось попасть на представление. После того я прошла в свои комнаты и не видела, как Дмитрий Богров ушел из квартиры. О том, что он в этот же день был на Печерском ипподроме, где происходил смотр потешных, он мне ни слова не говорил, и я помню, что по окончании обеда с 2 часов дня и до 8½ часов вечера Дмитрий из дому никуда не выходил. Я также помню, что он просил меня и мою дочь, в случае если его будут вызывать по телефону, сказать, что его нет дома. 29 августа 1911 года, в день прибытия в гор. Киев Государя Императора, я помню, что в ожидании проезда Его Величества по Большой Влади-

мирской улице, я вместе с дочерью находилась на балконе нашей квартиры. Племянник мой Дмитрий в это время был дома, я это помню еще и потому, что при мне он потом расспрашивал нашу прислугу, которая ходила на угол Большой Владимирской улицы посмотреть на проезд, о том, в каком порядке происходило следование Высочайших особ. Я положительно утверждаю, что в означенное время Дмитрий Богров верхом на лошади из квартиры не выезжал, и вообще я никогда не видела и не слышала, чтобы он ездил верхом. Высоких сапог и других принадлежностей костюма для верховой езды у него никогда не было дома. Во время пребывания на даче в Потоках, где Дмитрий Богров пробыл летом 1911 года около двух недель, он все время был на глазах у семьи и никто посторонний к нему в это время не приезжал.

Мария Яковлевна Богрова.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 274–276. Подлинник

Протокол допроса дворцового коменданта генерал-адъютанта В.А. Дедюлина

9 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 9 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Дедюлин, Владимир Александрович, 54 лет, православный, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, дворцовый комендант, жительствую в гор. Царском Селе. С обвиняемыми по делу никаких особых отношений не имею.

В 1911 году полковник Спиридович был командирован мною в распоряжение руководившего охраною в гор. Киеве товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова для начальствования над сборным отрядом секретной охраны, имеющей целью в дополнение к мерам, предпринятым чинами общей полиции, обеспечивать безопасность путей следования и мест посещений Государя Императора. Обязанности заведовать или контролировать работу розыскных органов, ведавших политический розыск, на полковнике Спиридовиче не лежали, но ввиду существа службы он должен был получать по этому предмету сведения и данные от розыскных, регистрационных органов и даже чинов общей полиции, чтобы сообразоваться с этими сведе-

ниями при распределении нарядов охраны. Поэтому если бы начальник охранного отделения признавал необходимым допустить в одно из мест Высочайших посещений лицо, не имеющее право доступа в эти места, то полковник Спиридович должен был быть предупрежден об этом своевременно. При командировании полковника Спиридовича в распоряжение генерал-лейтенанта Курлова мною был дан ему письменный ордер с приложением двух писем товарищу министра, командиру отдельного корпуса жандармов, в которых были указаны предстоявшие мероприятия по охране. Копии этого ордера и писем, упомянутых выше, будут мною присланы к делу. Во время пути в гор. Киев на одной из промежуточных станций мною была получена от полковника Спиридовича записка, в которой он, между прочим, сообщал о полученных Киевским охранным отделением тревожных сведений относительно готовящегося налета боевиков в Киев. Затем, по прибытии моем в Киев, полковник Спиридович доложил мне, что он случайно встретился с сотрудником на квартире подполковника Кулябки, у которого он обедал в этот день. При этом Спиридович пояснил, что встреча произошла после обеда и что Кулябко предложил ему выслушать сообщение сотрудника; последний, по словам Спиридовича, объяснил, что в Киев должна прибыть группа боевиков с целью совершить покушение на статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо и что один из членов этой группы просил подыскать им квартиру. Докладывая об этом, полковник Спиридович добавил, что ввиду таких сведений охранным отделением производится разработка путем сношений с гор. Кременчугом и Петербургом, и высказал предположение, что хотя сотрудник говорил только о покушении на министров, но он, Спиридович, думает, что этот налет может иметь в виду учинить посягательство на особу Государя Императора. После этого 1 сентября, около 7½ часов утра, мною была получена от полковника Спиридовича записка с извещением, что начальник охранного отделения получил сведения о приезде в гор. Киев террористов. Еще раньше, в день прибытия моего в гор. Киев, т.е. 29-го августа, генерал Курлов подтвердил мне все сведения, о которых я узнал из доклада Спиридовича. 1 же сентября, вслед за получением записки последнего, генерал Курлов сообщил мне о прибытии террористов, добавив, что около полудня в этот же день ожидается свидание их с сотрудником охранного отделения. Это же самое мне сообщил генерал-адъютант Трепов, вскоре затем прибывший во дворец. О полученных сведениях мною было доложено министру Императорского Двора, после чего, при участии генерал-адъютанта Трепова, мы обсуждали вопрос о мероприятиях, предстоявших ввиду назначенного в этот день выезда Государя Императора на маневры. Было решено поездки на маневры не отменять, признавая более целесообразным, чтобы во время назначенного террористами свидания Его Величество находился вне гор. Киева среди войск, и чтобы в это время в самом городе была произведена ликвидация злоумышленников и были бы приняты соответствующие меры охраны для обеспечения обратного пути. По прибытии на место, где были

назначены маневры, приблизительно около 9½ часов утра, меня встретил там полковник Спиридович, которому мною было приказано после объезда и проверки района маневров возвратиться в гор. Киев, где совместно с генералом Курловым принять, в зависимости от результатов ожидавшейся ликвидации, надежные меры охраны обратного следования Государя Императора. Подъезжая к Киеву в Святошине, на обратном пути нас встретили генерал Курлов и полковник Спиридович, которые затем сопровождали нас до самого прибытия во дворец, последовавшего в 4 часа 40 минут дня. На подъезде дворца на мой вопрос генерал Курлов мне доложил, что предполагавшееся около полудня свидание в квартире сотрудника не состоялось и по новым агентурным данным должно состояться между 8 и 9 часами вечера, где-то на Бибиковском бульваре. При этом никакого разговора об опасности, могущей угрожать в театре во время спектакля, у нас не было, равно как никто мне не докладывал о необходимости для целей розыска или охраны использовать сотрудника для работы не только внутри театра, но и возле него. После описанного доклада в 5 час. 15 минут дня последовал выезд Его Величества на беговой ипподром, где состоялся смотр потешных. Затем, после кратковременной беседы с генералом Курловым во дворце, по возвращении с ипподрома, исключительно относительно маршрута и порядка следования в театр, я встретился вновь с генералом Курловым в театре, где во время представления мы сидели рядом в первом ряду партера. В течение всего первого действия, интересуясь и будучи озабочены полученными сведения о террористах, мы обсуждали эти сведения и меры, которые приняты для обнаружения и задержания злоумышленников. При этом, как я хорошо помню, придавая большое значение предстоявшему свиданию террористов на Бибиковском бульваре, генерал Курлов успокаивал меня, говоря, что им приняты все меры к ликвидации группы злоумышленников на предположенном месте свидания на бульваре; о том, что означенное свидание не состоялось и что в планах террористов последовали изменения тогда, равно как и впоследствии, до момента выстрелов в театре, мне никто не докладывал. Генерал Курлов также не упоминал о присутствии сотрудника в театре или около последнего. Я уверен, что и полковнику Спиридовичу о нахождении этого сотрудника в зрительном зале, оказавшегося Богровым, не было известно, так как, с одной стороны, допуск сотрудника в район охраны не соответствовал его принципиальным взглядам на службу охраны, известным мне в течение нескольких лет совместной службы, а, с другой стороны, он не решился бы на такой поступок, зная, что даже в случае удачи, он лишился бы моего доверия.

Генерал-адъютант Дедюлин.

Сенатор Н. Шульгин.

И. о. обер-прокурора сенатор Кемпе.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 286–289 Подлинник

Протокол допроса начальника центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении А.А. Гинсбурга

12 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 12 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетелей, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали:

1) Гинсбург, Александр Александрович, 37 лет, православный, ротмистр отдельного корпуса жандармов. Живу в С.-Петербурге, на Петербургской стороне, Малый проспект, дом № 20/22, кв. № 24. Обвиняемые по настоящему делу мне посторонние. Я состою начальником центрального филерского отряда при С.-Петербургском охранном отделении и в конце июля месяца прошлого, 1911 года вместе с помощником моим, ротмистром Будницким, был командирован в гор. Киев на время торжеств, происходивших в этом городе по случаю пребывания там Их Императорских Величеств. 1 сентября во время парадного спектакля в Киевском городском театре я некоторое время помогал другим офицерам контролировать билеты публики и находился возле главного входа в театр со стороны площади в вестибюле. При мне чрез этот вход прибыл в театр, минут за 20 до начала представления, статс-секретарь Столыпин вместе со статс-секретарем Коковцовым. Вскоре после их прибытия находившиеся у входа офицеры, окончив контроль, вошли во внутреннее помещение театра, а я один остался в вестибюле около входных дверей. В это время, когда, по моим соображениям, уже началось представление, в вестибюль вошел с площади неизвестный мне человек, державший в руке билет. Когда я категорически отказался впустить его в театр ввиду того, что спектакль уже начался и оттеснил его к самым дверям, человек этот стал мне возражать, ссылаясь на начальника охранного отделения подполковника Кулябку. В это же время позади молодого человека на подъезде я увидел самого подполковника Кулябко, который, узнав от этого человека, что его не впускают в театр, обратился ко мне с требованием пропустить означенное лицо и, как мне помнится, сам ввел его во внутреннее помещение театра. Я теперь не помню, в каких именно словах подполковником Кулябкою было выражено тогда обращенное ко мне требование пропустить упомянутое лицо, но помню, что из слов начальника охранного отделения я понял, что последний желал ввести своего агента охраны, а потому я не имел возможности этому воспрепятствовать. Я также не помню теперь, был ли оторван контрольный талон у билета, который

предъявил мне незнакомый человек, и, как теперь представляется в моей памяти, главною причиною, по которой я не хотел впустить этого человека, был его поздний приход в театр. Я хорошо запомнил голос означенного человека, но не могу припомнить наружности и лица последнего, а потому я затрудняюсь ответить положительно, этот ли самый человек изображен на предъявляемой мне фотографической карточке (свидетелю предъявлена фотографическая карточка Мордки Богрова, полученная при отношении начальника Киевского губернского жандармского управления от 6 августа 1912 года за № 17186), или же кто-либо другой. Об описанном выше обстоятельстве я после катастрофы в театре рассказывал многим из моих товарищей, в том числе и ротмистру Будницкому, но последнему я не говорил, что полковник Спиридович стоял в вестибюле вместе с Кулябкою в то время, когда последний обратился ко мне с требованием пропустить упомянутого выше неизвестного человека. Я хорошо помню, что полковника Спиридовича в это время там не было. Когда в половине августа 1911 года в гор. Киев прибыл из Петербурга центральный отряд филеров, поступивший вслед за тем в распоряжение полковника Спиридовича, последний, приехав как-то в регистрационное бюро, где я тогда занимался, заявил мне требование отправить обратно в Петербург из состава этого отряда двух филеров и девицу, пояснив, что означенных «интеллигентных» лиц ему не нужно, так как он опасается, что, ознакомившись с содержанием секретной инструкции по охране, они могут впоследствии огласить ее.

О том, что полковник Спиридович считал означенных лиц секретными сотрудниками, он тогда не говорил, но впоследствии, во время пребывания моего в Ялте, он в разговоре со мною как-то высказывал, что основанием для отсылки из Киева трех интеллигентных филеров было предположение его, что эти филеры служат секретными сотрудниками, хотя я со своей стороны тогда докладывал полковнику Спиридовичу и теперь продолжаю утверждать, что лица, о которых идет речь, никогда секретными сотрудниками не были.

Ротмистр Александр Гинсбург.

Сенатор Н. Шульгин.

<...>

ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 27. Л. 295–297. Подлинник.

Протокол допроса директора Департамента полиции Н.П. Зуева

17 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 17 дня, сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему поведению предварительное следствие по делу о быв-

шем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подполковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал дополнительно в качестве свидетелей с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованных, которые на предложенные вопросы показали:

<...> 2) Зуев, Нил Петрович, сенатор, тайный советник. Мне известно, что бывший товарищ министра внутренних дел, генерал-лейтенант Курлов относился к привлечению бывших сотрудников к работе по наружной охране отрицательно и припоминаю, что в 1909 или 1910 году, когда однажды до сведения генерала Курлова было доведено о допущении начальником С.-Петербургского охранного отделения подобного лица в мотор означенного отделения, находившийся в районе охраны Высочайших особ, то генерал Курлов, оставшись этим недоволен, сделал соответствующие разъяснения полковнику фон Коттену и дал ему по этому предмету указания. В 1909 году был, однако, случай, когда с ведома бывшего министра внутренних дел П.А. Столыпина в место пребывания Его Величества в Крыму, а затем и на путь следования в Москву был командирован секретный сотрудник. Эта мера вызывалась исключительными условиями данного момента и таковыми же свойствами означенного сотрудника, которому было поручено следить на улицах за появлением известных ему в лицо боевиков. Этот сотрудник был направлен в распоряжение начальников местных охранных отделений, а для непосредственного за ним наблюдения и проверки его действий с ним вместе были командированы два чиновника С.-Петербургского охранного отделения. Я припоминаю, что сотрудник этот был отозван из Москвы по инициативе генерала Курлова, который, вернувшись в Петербург из Крыма и Москвы, в разговоре со статс-секретарем Столыпиным в моем присутствии высказал, что хотя этот сотрудник заслуживает полного доверия, но лучше было бы не прибегать в деле охраны даже и к его помощи. Для избежания в будущем подобных командировок сотрудников около того же времени и возникла мысль о сформировании особого центрального филерского отряда, в состав которого, между прочим, должны были входить филеры, ознакомленные с личностями выдающихся заграничных боевиков. Мне также известно, что генералу Курлову, в бытность его товарищем министра, вследствие крайнего доверия к сотруднику одного из начальников охранного отделения могла бы однажды при некоторых условиях угрожать серьезная опасность для жизни.

Сенатор тайный советник Н. Зуев.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 26. Л. 310об.–311об. Подлинник.

Протокол допроса чиновника для поручений при Киевском охранном отделении Н.Я. Батюшкова

19 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 19 дня сенатор Н.З. Шульгин, производящий по Высочайшему повелению предварительное следствие по делу о бывшем товарище министра внутренних дел П.Г. Курлове, отставном статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и отставном подпол-ковнике Кулябке, обвиняемых в преступных по службе деяниях, допрашивал в гор. С.-Петербурге в качестве свидетеля, с соблюдением требования 443 ст. Уст. угол. суд., нижепоименованного, который на предложенные вопросы показал:

Батюшков, Николай Яковлевич, 56 лет, православный, потомственный дворянин, под судом не был, постоянно живу в Новгородской губернии, Устюжинский уезд, Мало-Восковская вол., в усадьбе Полянке. Обвиняемые по настоящему делу мне посторонние. В 1911 году я состоял на службе в Киевском охранном отделении чиновником для поручений. Службу в означенном отделении я оставил в марте настоящего года по собственному желанию. 26 августа 1911 года, ввиду полученных охранным отделением сведений, в городе Киеве был задержан проживающий под фамилией Бизюкова неизвестный человек, впоследствии оказавшийся Муравьевым. Когда последний был доставлен в охранное отделение, я находился там же в своем кабинете с ротмистром Богдановичем. Около полудня, но в котором именно часу – не помню, ко мне в кабинет пришел ротмистр Вахнин и, показывая небольшой револьвер «браунинг», сказал, что только что застрелился приведенный человек. Я, вместе с Богдановичем и Вахниным, прошли в приемную комнату охранного отделения, где увидели лежащего на полу молодого человека, который был еще жив, тяжело дышал, но ничего не говорил. Об этом по телефону было тотчас дано знать начальнику охранного отделения Кулябке, который, спустя около 3 часов, прибыл в отделение в сопровождении полковника Спиридовича. Спустя несколько дней после совершенного Богровым в театре покушения на статс-секретаря Столыпина, при мне, в присутствии ротмистра Богдановича, заведующего наружным наблюдением Демидюка и других лиц, но кого именно, я не помню, подполковник Кулябко говорил, что он не признает себя виновным в том, что он допустил Богрова в театр, так как он имел на это разрешение от генерала Курлова и что Богров даже был в Европейской гостинице и его там видел полковник Спиридович. Это же самое подполковник Кулябко подтвердил в моем присутствии впоследствии, вернувшись после допроса его сенатором Трусевичем, причем во время этого разговора присутствовали подполковники Самохвалов и Вахнин. Когда именно происходил этот разговор, я точно определить не могу. Полковника Спиридовича в охранном отделении я ви-

дел только один раз 26 августа, в тот день, когда там застрелился Муравьев.

Николай Яковлевич Батюшков.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 319–320. Подлинник

Протокол предъявления материалов следствия П.Г. Курлову

20 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 20 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. С.-Петербурге предъявлял, согласно 448 и 476 ст. Уст. угол. суд., обвиняемому бывшему товарищу министра внутренних дел, генерал-лейтенанту Павлу Григорьевичу Курлову настоящее следственное производство и спрашивал его, не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание, причем он объяснил:

Я, Павел Григорьевич Курлов, генерал-лейтенант в отставке добавляю к своим показаниям, что так как ни в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, ни в актах предварительного следствия не заключается никаких данных, изобличающих меня в приписываемых мне преступных деяниях, кроме сбивчивого оговора обвиняемого по делу отставного подполковника Кулябки, от которого он дважды отказался как в объяснении, данном им Государственному совету, так и в прошении от 11 ноября 1912 года, поданном им во время предварительного следствия, то я не нахожу возможным более представить что-либо в мое оправдание. От заявленного мною в прошении от 13 октября сего года ходатайства о допросе свидетелей статс-секретаря Коковцова, флаг-капитана Нилова, генерал-майора Герасимова и полковника фон Коттена я в настоящее время отказываюсь, а также не встречаю надобности в осмотрах циркулярного письма бывшего директора департамента полиции, ныне сенатора, Трусевича по поводу учреждения районных охранных отделений, доклада моего об образовании центрального филерского отряда и дела по поездкам моим при Высочайших путешествиях, ввиду того, что содержание этих документов установлено при следствии показаниями подлежащих свидетелей. Письма министра внутренних дел на мое имя от 11 января и 21 марта 1909 года я представлю для приложения к делу. Следственное производство мне предъявлено, и копии актов следственного производства по 1 ноября 1912 года я получил. Мне также объявлено, что предварительное по настоящему делу следствие окончено и что все производство, на основании 1091 ст. Уст. угол. суд., будет направлено г[оспо-

дину] обер-прокурору уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената.

Генерал-лейтенант в отставке П. Курлов.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 330–331. Подлинник.

Протокол предъявления материалов следствия М.Н. Веригину

21 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 20 дня сенатор Н.З. Шульгин в гор. С.-Петербурге предъявлял, согласно 448 и 476 ст. Уст. угол. суд., обвиняемому бывшему исполняющему обязанности вице-директора департамента полиции, отставному статскому советнику Митрофану Николаевичу Веригину настоящее следственное производство и спрашивал его, не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание, причем он объяснил:

Я, Митрофан Николаевич Веригин, отставной статский советник добавляю: следственное производство мне предъявлено и я не имею ничего более добавить к данному мною показанию. Копии актов предварительного следствия по 1 ноября сего года я получил. Мне также объявлено, что предварительное по настоящему делу следствие окончено и что все производство, на основании 1091 ст. Уст. угол. суд. будет направлено г[осподину] обер-прокурору уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената.

Отставной статский советник Митрофан Николаевич Веригин.

Сенатор Н. Шульгин.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 332–332об. Подлинник.

Протокол предъявления материалов следствия А.И. Спиридовичу

21 ноября 1912 г.

1912 года, ноября 21 дня, сенатор Н.З. Шульгин, в городе С.-Петербурге предъявил, согласно 448 и 476 ст. Уст. угол. суд., обвиняемому полковнику отдельного корпуса жандармов Александру Ивановичу Спиридовичу настоящее следственное производство и спрашивал его, не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание, причем он объяснил:

Я, Александр Иванович Спиридович, полковник отдельного корпуса жандармов добавляю к своим показаниям:

Конкретные указания на возводимые против меня обвинения включены в пунктах 4-м и 5-м Постановления о привлечении меня к настоящему следствию в качестве обвиняемого, причем обвинение по пункту

4-му явилось результатом неправильного трактования моих служебных в гор. Киеве обязанностей.

Полагая, что инкриминируемое мне пунктом 4-м Постановления бездействие власти, выразившееся в том, что я «не только не предъявил подполковнику Кулябке требования об учреждении надзора за личностью и действиями Богрова, а также об исследовании в квартире последнего, действительно ли там находится один из прибывших по его заявлению в гор. Киев злоумышленников, но и не доложил о непринятии Кулябкою указанных мер своему непосредственному начальству» – вполне ныне опровергнуто благодаря тому, что объем моей власти и круг моих обязанностей в Киеве вполне установлен в следствии как личными моими показаниями, так и показаниями генерал-адъютанта Дедюлина, генерал-лейтенанта Курлова, а также и представленными дворцовым комендантом документами – письмо генерал-лейтенанта Курлова к дворцовому коменданту от 11-го июля 1911 г. за № 281, ответ дворцового коменданта – генералу Курлову от 15-го июля 1911 г. за № 1256 и предписание, данное мне дворцовым комендантом от 15-го июля 1911 г. за № 1257, я не настаиваю на розыске «Инструкции» секретной охране для города Киева и прошу лишь об осмотре представляемой при сем подобной же инструкции для С.-Петербурга, каковая вполне сходна с инструкцией для Киева по существу. Я также считаю ныне для себя излишним поддерживать сделанное мною заявлением об осмотре выработанного своевременно и необнаруженного в делах департамента полиции плана охраны для Киева, ибо отмеченные выше документы – равно и имеющиеся вследствие показания, вполне устанавливают, что в Киеве я был лишь начальником отряда секретной охраны, осуществление же политического розыска, в область которого относится инкриминируемое мне пунктом 4-м бездействие власти, в круг моих обязанностей совершенно не входило.

Что же касается обвинения по пункту 5-му Постановления, которое заключается в том, что я знал о том, что Богрову имеют быть выданы подполковником Кулябкою билеты для входа в места, где должны были происходить в Киеве торжества в Высочайшем присутствии, а также зная, что 31 августа вечером Богров был в Купеческом саду, я не принял никаких мер к воспрепятствованию выдаче Богрову билетов, не довел об изложенных обстоятельствах до сведения своего начальства, не распорядился об учреждении за Богровым, «в случае выдачи ему билетов» для пропуска на торжества, бдительного надзора, не распорядился и о принятии мер, дабы удостовериться, что он не скрывал при себе оружия или взрывчатых снарядов, то ныне, ознакомившись со всем следственным материалом, заявляю следующее.

В следственном материале нет доказательств тому, что Кулябко имел намерение снабжать вообще Богрова билетами в места Высочайших посещений.

Из показания Кулябко от 17-го августа сего года можно, казалось бы, заключить, что такое намерение у него было, но сам же он на том же

допросе показывает, «хотя при неоднократных допросах меня при сенаторском расследовании я удостоверял, что тогда же нами принципиально было решено допустить Богрова, если это понадобится, в места Высочайших посещений, но в настоящее время с точностью восстановить это обстоятельство я не могу».

При допросе 29-го октября сего года Кулябко говорит, что предложил Богрову предоставить ему билеты в места посещений и прибавляет, «вопроса о том, для какой цели может понадобиться Богрову быть в означенных местах, не возникало».

Полагаю, что если бы 26-го числа действительно возникло принципиальное намерение допускать Богрова в места посещений, то, надо думать, возник бы и вопрос, да для какой же цели необходимо допускать Богрова в места посещений.

Если для розыска тех боевиков, относительно коих Богров дал предупредительные сведения, то, во-первых, их разыскивать не было надобности, ибо они сами должны были прибыть в квартиру Богрова, а, во-вторых, Богров еще не знал, кто именно прибудет из боевиков, а, следовательно, значит не знал и того, кого именно надо высматривать; если «для охраны» – то от кого и каких лиц должен был охранять Богров. Ведь боевики еще тогда не приехали, а с целью убийства какого именно лица они должны были приехать – Богров тогда еще определенно не знал.

Что заранее предрешенного намерения выдавать билеты Богрову не было, явствует также и из показания Богрова, который при допросе его 2-го сентября 1911 г. в Киевской крепости подробно выяснил всю картину, как ему удалось добиться получения билетов в сад и в театр. Богров показал:

«При первом свидании с Кулябко он, указывая мне на пачку пригласительных билетов на разные торжества, спросил меня, имею ли я таковые, но я, не желая возбудить у него подозрения, ответил ему, что мне таковых не надо; однако, я твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов вечера 31 августа, что в видах успеха дела мне необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что мое присутствие в саду требуется для предупреждения покушения, и сообщил мне, что билет будет мне выдан и чтобы я прислал за ним посыльного. Таким образом, я и получил билет и находился в Купеческом саду 31-го августа».

Способ добытия билета на спектакль 1-го сентября еще более интересен. В ночь на 1-е Богров просил Кулябко дать ему этот билет, но, показывает он:

«Но окончательно этот вопрос не был тогда разрешен, поэтому я на следующий день снова пошел к Кулябко и сообщил ему, а также присутствовавшему Веригину, что билет мне необходим, во-1-х, для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, а, во-вторых, для разных других целей, полезных для охранного отделения. Но эти цели были изложены мною весьма неопределенно и туманно и я,

главным образом, рассчитывал, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия ко мне выдаст билет. Мои предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был мне прислан в 8 часов вечера с филером охранного отделения, о чем меня предуведомил по телефону Кулябко».

Из вышеизложенного ясно, что Кулябко не сразу решился выдать Богрову билет в театр; он колебался, как бы оттягивая выдачу, а Богров прилагал все усилия, дабы вырвать для себя билет. Едва ли бы оба они действовали таким образом, если бы уже 26-го действительно было принято принципиальное решение выдавать Богрову билеты в места Высочайших посещений. Кулябко не оттягивал бы тогда выдачу, а согласился бы на нее сразу, Богрову же не приходилось бы волноваться и прибегать к уловкам, дабы добыть билет.

Кроме того, судя по показаниям самого Кулябки, принятие такового принципиального решения о выдаче билетов едва ли было и нужно для Кулябки.

На допросе 29-го октября сего года он категорически заявляет:

«Вопроса о том, для какой цели может понадобиться Богрову быть в означенных местах, не возникало, и я допустил бы Богрова во всяком случае, если бы по делу даже и не представлялось к тому надобности, а он попросил бы меня об этом, так как я вполне доверял Богрову».

Какое же при подобном полном доверии к сотруднику могло быть предпринимаемо заранее намерение.

Оно могло таиться в Кулябке вместе с верой в Богрова, и сомнений по сему у него не могло возникать, как не возникало сомнений и относительно самого Богрова. Эта вера начальников розыска в сотрудников свойственна делу розыска, она, правда, давала иногда катастрофы, но она же давала и предупреждения самых важных государственных преступлений до предупреждения цареубийства включительно.

Но если, несмотря на все вышеприведенные мои доводы, можно все-таки признать, что Кулябко все-таки принял 26-го числа намерение допускать Богрова в места посещений, то и тогда в следственном материале нет достаточных данных, дабы утверждать, что я знал о таковом предпринятом Кулябкою решении, принятие которого приурочивается к свиданию с Богровым, состоявшемуся в кабинете у Кулябки 26-го августа, и которое выводится из вышеприведенной фразы Богрова:

«При первом свидании с Кулябкой он, указывая на пачку пригласительных билетов на разные торжества, спросил меня, имею ли таковые, но я, не желая возбудить у него подозрения, ответил ему, что мне таковых не надо», и из показания Кулябки 17-го августа, что я присутствовал при этом разговоре.

Принимая во внимание, 1) что Кулябко беседовал 26-го числа с Богровым в кабинете не только при мне, но еще и до моего входа в кабинет и даже успел выслушать все агентурное от Богрова сведение, а Богров в течение этого именно времени даже успел записать все рассказанное на бумагу; 2) что я и Веригин категорически отрицаем подо-

бный разговор в нашем присутствии; 3) что Богров совершенно не указывает на то, что обмен фраз его с Кулябкою происходил именно при нас с Веригиным, а говорит лишь, что он происходил при первом его разговоре с Кулябкою; 4) что сам Кулябко, как видно из вышеприведенной уже выписки его показания 17-го августа сего года, заявляет, что не может восстановить этого обстоятельства с точностью, каковое заявление имеет особое значение ввиду поступившего ныне от Кулябки приложенного к делу его прошения от 13 октября сего года, в котором он вообще как бы берет назад все сделанные им против разных лиц показания, и 5) что по показанию прокурора Киевской судебной палаты Чаплинского, записавшего на суде показания Богрова, явствует, что предложение Кулябкою билетов Богрову произошло без меня и Веригина при следующей обстановке:

«После долгих колебаний он, Богров, решился убить Кулябку и с этой целью пошел 27-го августа к нему на квартиру. Кулябко встретил его очень радушно, и он не решился выполнить своего намерения; тогда же Кулябко предложил ему билеты в Купеческий сад и другие места; он отказался, т.к. билеты ему не были нужны тогда; Кулябко предложил ему подождать пока придут Веригин и Спиридович; *в присутствии этих лиц он, Богров, рассказал выдуманную им историю* о приезжем анархисте и о барышне с бомбой», – принимая все это во внимание – я утверждаю, что в следственном материале не только нет улики против меня в том отношении, что я слышал указанный обмен фраз между Кулябкою и Богровым, из какового обстоятельства только и выводится мое знание, якобы, намерения Кулябки допускать Богрова в места посещений, а, наоборот, в деле находится прямое доказательство того, что разговор Кулябки и Богрова о билетах произошел 26-го августа без меня, до моего с Веригиным входа в кабинет.

По поводу же вообще вопроса о допуске сотрудников в круг охраны я докладываю следующее. В своем объяснении Государственному совету от 13-го августа 1911 года за № 1071 я показывал:

«В один из состоявшихся зимою 1910 года Высочайших по С.-Петербургу проездов я, следуя за Его Величеством в особом автомобиле и усмотрев из разговора с сидевшим со мною по наряду от охранной команды С.-Петербургского охранного отделения агентом, что он, по всему вероятию, был раньше сотрудником, выяснил, кто он такой и когда убедился, что то был действительно бывший сотрудник, я потребовал исключения его из наряда в автомобиль, что и было выполнено; доложил о том дворцовому коменданту, доложил и генерал-лейтенанту Курлову, результатом чего была, как мне тогда говорили, неприятность для начальника Петербургского охранного отделения.

Подобным же образом поступил я и летом 1911 г. в Киеве, когда узнал, что ко мне в отряд секретной охраны Петербургское охранное отделение командировало 5 человек «интеллигентных филеров», из которых три более подходили под тип подобных агентов розыска, а не чинов охраны. Двух из пяти я передал в распоряжение начальника ох-

ранного отделения для филерской службы, а трех по предварительному докладу о сем генерал-лейтенанту Курлову, откомандировал при бумаге начальнику С.-Петербургского охранного отделения, о чем и докладывал позже дворцовому коменданту.

Я всегда был против допуска не только действующих, но и даже и бывших сотрудников в круг охраны, считая, что таковая может выполняться только верными Государю запасными нижними чинами, не имевшими никакого общения с революционным миром. Этот принцип я провожу в течение всей шестилетней службы моего заведования охранной агентурой, на нем основана вся введенная мною с одобрения дворцового коменданта система комплектования личного состава агентуры и сколь я тверд в этом взгляде, знает мой начальник дворцовый комендант».

Ныне следствие располагает документальными данными, что эти представленные мною Государственному совету показания – были правильны, потому, возобновляя их, я еще раз утверждаю, что таков мой взгляд как начальника охранной части на сотрудников, не только «настоящих», но и бывших, и даже на «подсобных» агентов. Он не явился результатом подчинения моего указаниям какого-либо циркуляра по Министерству внутренних дел, ибо таковых до 1-го сентября 1911 г. по вопросу, можно или нельзя допускать сотрудников близко к местам пребывания Его Величества и к области охраны, не существовало, а явным результатом личного понимания дела охраны и личного взгляда на таковое дело.

И уже исходя из одного этого принципиального взгляда на соотношение «сотрудников» и собственно «охраны» – я не мог бы не поднять тревоги, если бы знал, что существует намерение допустить Богрова в места посещений.

Не зная же о таковом намерении, я, конечно, не мог и принимать каких-либо мер для воспрепятствования выдаче ему билетов, что ставляется мне в вину пунктом 5-м Постановления, по той же причине не мог и делать по сему вопросу каких-либо докладов своему начальству. Что же касается того, что я не распорядился установить за Богровым наблюдения, равно и не распорядился о личном его досмотре в целях обнаружения при нем оружия или взрывчатых снарядов в случае выдачи ему билетов, то по сему поводу показываю:

Богров до момента стрельбы в покойного министра был «сотрудник» подполковника Кулябки и до него, как до сотрудника, я не имел никакого права касаться вообще, а не только устанавливать за ним наблюдение или производить ему личные досмотры. Сотрудник это человек, находящийся на полном попечении и ответственности того начальника розыска, которого он обслуживает, и только он, начальник розыска, может предпринимать по отношению своего сотрудника, пока он состоит таковым, те или иные предупредительные меры.

Воздействовать же в этом отношении на Кулябку я тоже не имел ни права, ни возможности; первое потому, что Кулябко не состоял у

меня в подчинении, второе же потому, что, как уже указано выше, о намерениях Кулябки по отношению Богрова я осведомлен не был; о том же, что Богров находится в театре, я не знал, что вполне устанавливается всем следственным материалом по настоящему делу, почему таковое знание о присутствии Богрова в театре мне в вину и не вменяется.

В настоящее время ничего более добавить не имею. Следственное производство мне предъявлено, и копии протоколов и постановлений по 1 ноября 1912 г. я получил. Мне также заявлено, что предварительное по настоящему следствию окончено и что все производство будет направлено обер-прокурору уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената.

Полковник Спиридович.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 27. Л. 335–343 об. Автограф.

Объяснительная записка П.Г. Курлова в первый департамент Государственного совета

21 ноября 1912 г.

Расследование о неправильных действиях должностных лиц, последствием коих 1-го сентября 1911 года было убийство председателя Совета министров, министра внутренних дел ст[атс]-секр[етаря] П.А. Столыпина, приходит, после 14-месячного промежутка, к концу.

Расследование, произведенное сенатором Трусевичем и вызвавшее, по обсуждении его в первом департаменте Государственного совета, предварительное следствие, проверено сенатором Шульгиным, благодаря чему все то, что скрывалось за завесою «совершенно секретно», стало явным и может быть предметом надлежащего обсуждения.

Область легенд и клеветы, сильно видоизменившаяся в Государственном совете, разъяснена предварительным следствием.

При предъявлении мне такового, я на основании 476 ст. Уст. угол. суд., просил сенатора занести в протокол, что так как ни в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, ни в актах следственного производства не заключается никаких данных, изобличающих меня в приписываемом мне преступлении, кроме сбивчивых и противоречивых показаний отставного подполковника Кулябко, от которых он, в конце концов, отказался, то я лишен возможности представить в оправдание свое какие-либо объяснения.

Таким образом, в этой записке мне приходится опровергать не добытые против меня улики, а оценивать предположения, по которым я обвиняюсь в бездействии власти, имевшем важные последствия.

Как это видно из постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого, бездействие власти заключается в непринятии мною необхо-

димых мер, которые могли бы быть употреблены мною, в пределах данной мне власти, и которыми я имел бы возможности предупредить 1-го сентября 1911 года в Киевском городском театре, во время торжественного спектакля, осчастливленного присутствием Его Императорского Величества и его августейшей семьи, убийство ст[атс]-секр[етаря] П.А. Столыпина.

Непринятие этих мер выразилось, во-первых, в том, что я не распорядился об учреждении надзора за личностью самого Богрова и за действиями последнего, а также не исследовал в его квартире, действительно ли там находился один из прибывших, по его заявлению, в город Киев злоумышленников.

А, во-вторых, в том, что зиая из сделанных мне, подполковником Кулябко, докладов, что им предположено было допустить служившего у него сотрудником помощника присяжного поверенного Богрова 1-го сентября в зал городского театра, на назначенное там в этот вечер парадное представление, не только не воспретил бывшему начальнику Киевского охранного отделения подполк[овнику] Кулябко выдать билеты для пропуска на торжества, но и не распорядился об учреждении за Богровым, в случае выдачи ему означенных билетов, бдительного надзора во время пребывания его в местах Высочайших посещений и в непринятии необходимых мер, дабы удостовериться, что он не скрывал при себя оружия или взрывчатых снарядов, вследствие чего Богров, имевший при себе револьвер, совершил задуманное им покушение на председателя Совета министров.

Основаниями для предъявления мне такого обвинения, которое представляется не доказанным, а, как сказано, «в достаточной мере установленным», служат показания подполковника Кулябко, в связи с другими данными предварительного следствия.

По ознакомлении со следственным материалом, я могу сказать, что основанием к обвинению меня в вышеуказанных преступлениях могут служить не показания подполковника Кулябко, а лишь одно из его многочисленных и противоречащих друг другу объяснений.

Каких-либо данных, подтверждающих это показание, в следственных актах не заключается, а, напротив, предварительное следствие дает целых ряд фактов, безусловно показания Кулябки опровергающих.

Таким образом, единственной уликой против меня является не только ничем не подтвержденный, но предварительным следствием опровергнутый, оговор меня моим бывшим подчиненным, виновность которого вполне доказана, а оговор есть средство избежать самому законной ответственности.

Прежде чем заняться детальным разбором следственного материала, я должен остановиться, в общих чертах, на показаниях подполк[овника] Кулябки.

Показания эти крайне многочисленны и взаимно исключают друг друга, так что надо решить, которые же из них положены в основу моего обвинения.

Я полагаю, что таковым, очевидно, признается пока показание, данное на предварительном следствии. Я не буду останавливаться на том, что в настоящее время он от показания этого отказался, и просить считать действительным объяснения, данные Государственному совету. Я не хочу придавать этому отказу исчерпывающее значение и считаю долгом разобраться в показаниях предыдущих.

Показание, данное на предварительном следствии, если отнестись к нему с полным доверием, создает, по моему мнению, неустранимые противоречия при обосновании на нем виновности самого подполковника Кулябко, полковника Спиридовича и ст[атского] сов[етника] Веригина.

Подполковнику Кулябко вменяется в вину выдача билетов Богрову в места Высочайших посещений, вопреки распоряжениям его начальства, изложенным в циркулярных предписаниях департамента полиции и в Положении о порядке выдачи входных билетов из билетного бюро.

Подполковник Кулябко заявляет, что он сделал это с моего разрешения. Если верить ему, то при этих условиях он никаких обязанностей своих по службе не нарушил; если ему не верить, то я не могу обвиняться в невоспрепятствовании к допуску Богрова в театр.

Полковник Спиридович и ст[атский] сов[етник] Веригин обвиняется в том, что, узнав о намерении подполк[овника] Кулябко допустить Богрова в театр, они мне об этом не доложили.

Если верить подполк[овнику] Кулябко, что он докладывал мне, в присутствии означенных лиц, то они никакого иного доклада сделать мне не могли, а потому и не могут обвиняться в приписываемом им преступлении.

Если не верить подполковнику Кулябко, то значит мне, в присутствии этих лиц, доложено об этом не было, а, следовательно, ни я, ни они не можем быть привлечены в качестве обвиняемых.

Помимо того, что показание подполковника Кулябко, данное на предварительном следствии, вызывает столь существенное недоразумение, нельзя не остановиться на том, что оно находится в полном противоречии с данными им ранее объяснениями и показаниями.

Мне придется сопоставнть этн показания с данными дела по каждому из предъявленных мне обвинений, но я считаю необходимым вкратце указать на сбивчивость и противоречивость показаний подполк[овника] Кулябко.

Насколько можно судить по предварительному следствию, первое объяснение Кулябко о несчастии, случившемся в Киевском театре, дано было приблнзительно через час после него, прокурору Киевской судебной палаты Чаплинскому.

Вот что говорит этот свидетель: «В разговоре со мной Кулябко сначала заявил, что не может себя считать виновным в происшедшем несчастии, так как Богров был им допущен в театр с ведома генерала Кур-

лова, а потом уже спохватившись добавил: «Да нет, виноват, я, конечно, один, мне остается пустить себе пулю в лоб». Это показание действ[ительного] ст[атского] сов[етника] Чаплинского подтверждает и бывший прокурор Киевского окружного суда Н.В. Брандорф.

При допросе на предварительном следствии, по делу об убийстве ст[атс]-секр[етаря] Столыпина, Кулябко показал: «Официального доклада о нахождении Богрова в театр и никому не делал. Ни Курлову, ни Веригину, ни Спиридовичу и никому другому я не говорил о том, что Богров будет в театре, да и не мог об этом сказать, так как окончательное решение этого вопроса последовало за полчаса до начала спектакля».

Что показал подполк[овник] Кулябко при многочисленных допросах сенатора Трусевича, мне в точности неизвестно и об этом можно судить только по данным, извлеченным из всеподданнейшего доклада.

Можно предположить, что тут впервые возник вопрос о принципиальном решении допускать Богрова в места Высочайших посещений, решение, против которого я не возражал.

Показания эти признаются самим сенатором Трусевичем сбивчивыми и противоречивыми.

В объяснении Государственному совету Кулябко не только совершенно изменяет, но даже отрицает эти свои показания, так он говорит: «Богров был мною допущен в Купеческий сад и театр, причем я ни у кого разрешения на это не испрашивал и предварительных докладов по сему не делал... Ввиду того, что Богров, получив от «Николая Яковлевича» сведения в июне, сообщил их только 26-го августа, я мог считать дело серьезным только с первого сентября и не имел никаких оснований обсуждать меры проследки и принципиальный допуск Богрова в места Высочайших посещений 27-го августа... На странице 37 всеподданнейшего доклада сенатор Трусевич утверждает, что я подтвердил, что якобы генерал Курлов, Веригин и Спиридович знали о допуске Богрова в Купеческий сад и театр. Этого я не утверждал, а лишь высказал предположение, что точно этого обстоятельства не помню, но предварительного доклада никому не делал и допускал Богрова в места посещения, не испрашивая ни у кого разрешения. О допуске Богрова в театр генералу Курлову не докладывал, так как вопрос этот был решен за полчаса до спектакля».

Мне кажется, что приведенные выше выдержки из показаний подполк[овника] Кулябко достаточно характерны для оценки правдивости его объяснений вообще.

Перехожу к отдельным обвинениям.

Мне ставится в вину непринятие мер чисто розыскного характера, т.е., другими словами, неправильная разработка полученных от Богрова, которого я в то время знал под кличкой «Аленский», агентурных сведений.

При оценке правильности или неправильности моих действий необходимо точно разграничить сферу моих обязанностей от обязанностей начальника охранного отделения.

Как товарищ министра внутренних дел, не имеющий по закону никакой исполнительной власти, я, в силу писем министра внутренних дел от 11-го января и 21 марта 1909 года за №№ 27069 и 9420, ведал делами департамента полиции, как ведал делами департамента духовных дел иностранных исповеданий и Технического строительного комитета.

По делам департамента полиции я осуществлял общий надзор за ведением дела политического розыска в Империи, для чего обязан был давать руководящие указания и не мог и не должен был вмешиваться в детали технического выполнения розыскных мер. Во время Высочайших путешествий на меня возлагалось высшее наблюдение за всеми мероприятиями по охране, одну из частей которой, имеющую, несомненно, весьма важное значение, составляет политический розыск.

При этих условиях я считал себя обязанным быть осведомленным в этой области по докладам розыскных органов и давать им руководящие указания, оставляя техническое выполнение на ответственности розыскных чинов.

Таким чином является в Киеве начальник Киевского районного охранного отделения. Я имел полное основание вверить ему техническое выполнение розыскных мер, как лицу, занимающему среди чинов, ведающих политический розыск, самостоятельное и высокое положение, для которого необходим практический опыт в розыскном деле.

Мой взгляд на роль и значение начальника районного охранного отделения подтверждается циркулярным письмом бывшего директора, ныне сенатора, Трусевича, по инициативе которого были учреждены районные охранные отделения, и утвержденным министром внутренних дел Положением о таковых.

Начальники районных охранных отделений должны были быть учителями и руководителями чинов своего района в деле политического розыска.

Районы обнимали несколько губерний, и такому начальнику охранного отделения подчинялись нередко старшие его по службе чины.

С этой точки зрения необходимо оценивать мои распоряжения в целях разработки доложенных мне сведений, причем для правильности нельзя соединять сделанные мне в течение двух дней доклады и последовавшие за сим распоряжения в одно целое, как это сделано в Постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, не упуская из вида многочисленных лежащих на мне обязанностей, в связи с ограниченностью времени.

Несомненно, что те или другие распоряжения находятся в тесной зависимости, как от времени получения, так и от характера и содержания поступающих сведений.

Прежде всего 26 августа никакого доклада мне сделано не было. Подполк[овник] Кулябко говорит, что, увидевшись со мной в Европейской гостинице 26-го вечером, он вкратце доложил мне о поступивших от Богрова сведениях, добавив, что подробный доклад он сдела-

ет мне утром, причем он не отрицает того обстоятельства, что после получения им от Богрова сведений в разговоре с полк[овником] Спиридовичем и ст[атским] сов[етником] Веригиным кто-то из присутствующих высказал, чтобы об этих сведениях мне было доложено утром на следующий день, так как я был болен, а в течение ночи от Богрова могли поступить новые, более определенные, сведения.

Этот разговор подтверждают и оба означенные лица.

Самое заявление Кулябко о сделанном им мне докладе не категорично. Он говорит, что, насколько он припомнит, будучи вечером в Европейской гостинице и увидевшись там со мной, он сделал вышеприведенный доклад. Такое хотя и неопределенное заявление Кулябко опровергается следующими данными.

С 15-го августа я был болен и из номера своего не выходил, а, следовательно, случайно со мной Кулябко увидеться не мог, а после бывшего разговора у него не было никакого основания испрашивать у меня специальный доклад.

Невозможность такого доклада подтверждается и тем, что на 27 августа была назначена мною фактическая проверка полицейского наряда по путям предположенных Высочайших проездов, а вечером я должен был встретить имевшего прибыть ст[атс]-секр[етаря] Столыпина.

Так как это были мои первые служебные выезды и я еще далеко не совсем оправился после довольно тяжкой болезни, то я вечером 26 числа около 8 часов выехал прокатиться в сопровождении племянника приезжавшего ко мне в Киев, для пользования меня, П.А. Бадмаева и по возвращении немедленно лег спать. Я не говорю уже о том, что если бы такой доклад был мне сделан и я узнал, что сведения были получены в присутствии полковника Спиридовича и ст[атского] сов[етника] Веригина, то я, конечно, не отложил бы подробный доклад до утра, а немедленно пригласил бы всех означенных лиц. Такое мое отношение к делу подтвердят все мои подчиненные.

Итак, первый доклад был сделан мне подполк[овником] Кулябко 27 утром, причем мне было сказано, что не вызывает в деле никаких сомнений, что к старому, испытанному сотруднику подполк[овника] Кулябко, по кличке «Аленскому», еще в июле месяце в дачную местность Потоки близ Кременчуга приехал известный ему по Петербургу «Николай Яковлевич» и заявил о возможном приезде группы революционеров на последние дни киевских торжеств с целью совершения какого-то террористического акта.

Он просил «Аленского» подыскать для приезжих подходящую квартиру и приготовить моторную лодку для проезда из Кременчуга в Киев. Считать такие сведения, благодаря их неопределенности, чем-нибудь чрезвычайным я не мог, тем более, что подобные угрожающие сообщения во время Высочайших путешествий в предыдущие 1909 и 1910 годы поступали неоднократно.

Следовательно, и в разработке их я не имел основания прибегать к каким-либо экстраординарным мерам и находить, что эта несложная

разработка превышает пределы компетенции и опытности начальника районного охранного отделения.

Я должен был дать по этому предмету руководящие указания, что и выполнил, затронув даже детали. Я приказал командировать в Кременчуг отряд филеров под начальством ротмистра Муева, обставив эту командировку особой конспиративностью.

Ясно, что такая командировка не могла иметь своей целью простого наблюдения за вокзалом и пароходной пристанью, дабы предупредить появление неизвестного, которого можно было установить только по приметам. Для каждого мало-мальски знакомого с политическим розыском известно, что способ установки по приметам серьезного значения иметь не может.

Главная задача такой командировки было наблюдение за приезжими от определенного лица, в данном случае «Аленского», из чего следует, что из сделанного мне доклада я понял, и иначе понять не мог, что, сделав свое заявление, «Аленский» возвратился в Кременчуг, где и будет дожидаться приезжих.

Всякое сомнение в этом отношении устраняется вопросом о моторной лодке. Раз «Николай Яковлевич», уезжая в Петербург, просил «Аленского» подготовить ему моторную лодку для проезда их из Кременчуга в Киев и, конечно, иначе как сверхъестественным путем не мог знать, что я этого не разрешу, то он должен был быть уверенным, что «Аленский» будет ждать его в Кременчуге.

Нельзя себе представить серьезных революционных деятелей, замышляющих важный террористический акт, когда в местности, куда они собираются прибыть, принимаются особые меры охраны, разгуливающих по набережной губернского города и расспрашивающих прохожих, не приготовлена ли им моторная лодка.

Было бы неправильно думать, что революционеры не учитывали мер по охране, а исходили из того предположения, из которого исходит теперь обвинение, что должностные лица, которым вверена охрана, бездействуют.

Я могу документально подтвердить взгляд революционеров на этот вопрос. В одном из формальных дознаний, производящихся летом 1911 года при С[анкт-]П[етер]б[ургском] губернском жанд[армском] управлении по моей инициативе и под личным моим наблюдением, так как предметом этого дознания было намечавшееся боевое предприятие во время киевских торжеств, есть письмо, отобранное при обыске у известного революционера Константина Мячина. Письмо это относится к средним числам июля месяца того же года. Вот что в нем говорится: «Мне пришлось на известное время выехать из Киева и придется переждать где-нибудь вдали, пока не уляжется вся катавасия, поднятая благодаря приезду важных персон».

Первый мой приезд в Киев был в июне месяце. При таких условиях не может быть речи, что, по сведениям, доложенным мне 27 августа, я не установил наблюдения за личностью «Аленского» и его действиями.

Хотя это не имеет непосредственного отношения к предъявленному мне обвинению, что я не распорядился установить личный надзор за «Аленским» и его действиями, но я не могу не коснуться вопроса, насколько такой надзор был обязателен для начальника охранного отделения и был обоснован имеющимися на этот предмет распоряжениями.

На основании параграфа 13 «Инструкции по ведению внутренней агентуры» личный надзор обязателен только за новыми сотрудниками – я скажу более, что такой надзор признается мерой исключительной и должен быть всецело предоставлен усмотрению начальника охранного отделения, который один в состоянии оценить субъективные качества сотрудников.

В подтверждение своего мнения я сошлюсь на авторитет производящего расследование сенатора Трусевича.

Вот что пишет он в циркулярном письме от 5 февраля 1909 года: «Необходимо проверять сотрудников при помощи сторонней агентуры, а когда возможно наружным наблюдением».

Я полагаю, что после этого нельзя говорить о безусловной обязанности начальника охранного отделения во всех случаях устанавливать личное наблюдение за сотрудником.

Наконец, неустановление личного наблюдения за «Аленским», по сведениям, доложенным 27 августа, если даже допустить, что я должен был, вопреки всего вышеприведенного, знать, что «Аленский» остался в Киеве, не находится ни в какой причинной связи с совершенным им 1-го сентября преступлением, а потому не может быть мне вменено в вину.

Предварительное следствие об убийстве ст[атс]-секр[етаря] Столыпина, вопреки моему категорическому убеждению, установило, что сообщников у «Аленского» не было.

Какие же результаты при таких условиях могло дать наружное наблюдение.

Нельзя же серьезно останавливаться на предположении, как это делает сенатор Трусевич, что при этих условиях «Аленский» мог встретиться с какими-то неведомыми террористами.

Да, если бы, при наличности самого тщательного, или при полном отсутствии всякого наблюдения, подполк[овник] Кулябко не дал «Аленскому» билета в театр, то смерть ст[атс]-секр[етаря] Столыпина не имела бы места.

Таким образом, по сведениям, доложенным мне 27 августа, я не только не бездействовал, но принял все меры к разработке этих сведений, распорядившись даже о надлежащих сношениях с начальником С[анкт-]П[етер]б[ургского] охранного отделения.

Перехожу к сведениям 1-го сентября. Утром мне было доложено, что накануне к «Аленскому» приехал «Николай Яковлевич», что в Киев прибыла одновременно группа террористов, что местонахождение их неизвестно, что только около часу дня должна придти на квартиру «Аленского» «Нина Александровна» и что за домом его установлено конное и пешее наблюдение под начальством заведующего наружным наблюдением Демидюка.

Ясно, что в этот момент я должен был быть уверенным, что «Аленский» сидит дома и ждет «Нину Александровну», т.е. не выходит из квартиры.

Более чем странно было бы мое распоряжение установить за «Аленским» еще какое-то личное наблюдение, а, следовательно, и в этот момент я никакого бездействия власти не проявил.

При втором докладе я узнал, что «Аленский» был в Европейской гостинице, что по минутам отмечено в дневнике наружного наблюдения, и возвратился домой, причем до свидания на Бибиковском бульваре около восьми часов вечера он не должен был выходить из своей квартиры, дабы не возбудить подозрений, причем сам указал способ, каким, не выходя из дома, он должен дать знать в случае получения новых сведений.

Не могу себе представить приказания товарища министра начальнику охранного отделения, «а вы все-таки установите личное наблюдение за сотрудником, сидящим дома, в то время, когда около этого дома стоят восемь человек филеров».

Бесполезность наружного наблюдения при снабжении подполк[овником] Кулябко «Аленского» билетом в театр доказывается блестяще тем, что единственный раз наблюдение сопровождало его вечером, как бы желая успокоиться, что он дошел до места совершения преступления.

По отношению ко дню 1-го сентября, неустановление за «Аленским» личного наблюдения точно так же не находится в причинной связи с совершенным им преступлением.

С наблюдением или без такового Богров не мог бы совершить убийства, если бы не был допущен в театр.

Я не считаю для себя возможным оставить без возражения даже прямо не относящиеся к предмету обвинения обстоятельства, поэтому я не могу не коснуться о посещении Богровым ипподрома, хотя и в допуске его туда я, по-видимому, не обвиняюсь.

Об этом обстоятельстве показывают две группы свидетелей и показания их взаимно исключают друг друга. Киевский комендант генерал-майор Медер[246] и секретарь Юго-Западного общества поощрения рысистого коннозаводства Грязнов, которые утверждают по предъявленным им фотографическим карточкам, а генерал-майор Медер, видевшнй Богрова в крепости, после совершенного нм преступления, что Богров находился на ипподроме до прибытия туда Его Императорского Величества, т.е. около четырех часов.

Заведующий наружным наблюдением Демидюк, филеры Мошков[247], Гезель заявляют, что Богров между часом 30 мин. и восьмью часами вечера из дома не выходил, а писец охранного отделения Сабаев, что видел Богрова в его квартире около 4 часов, то же подтверждается и дневником наружного наблюдения, показаниями Богрова и его тетки.

При таких условиях в деле не имеется никаких данных, которые доказывали бы, что я должен был установить 1 сентября особое личное наблюдение за Богровым, а тем более, что непринятие этой меры повлекло за собою убийство ст[атс]-секретаря Столыпина.

Кроме неустановления личного надзора за Богровым, бездействие власти усматривается в том, что я не исследовал в квартире Богрова, действительно ли там находится один из прибывших, по его заявлению в город Киев, злоумышленников.

Это обвинение представляется мне без указания, что именно я должен был сделать и чего не сделал для достижения указанной цели.

Нельзя сказать, чтобы меры, которые я должен был принять в этом отношении, были настолько ясны, что указание на них является как бы излишним.

Для принятия их я имел в своем распоряжении около двенадцати часов 1-го сентября.

В течение этого времени я должен был съездить с докладом к ст[атс]-секр[етарю] Столыпину, принять меры к охране его и министра народного просвещения, обсудить и изложить на письме меры для охраны Его Императорского Величества, с 2-х часов дня выехать навстречу Государю Императору, неотлучно находиться в местах его пребывания до 7 часов, с четверти восьмого проверить расставленный для проезда в театр наряд, указать подъезд, с которого должен был войти ст[атс]-секр[етарь] Столыпин, отправиться во дворец и сопровождать царский мотор в театр.

Несмотря на все это, я не хочу сказать, что именно эти разнообразные занятия помешали мне принять необходимые меры.

Я таких мер не усматривал 1-го сентября, не усматриваю их и до сего времени.

Насколько я могу судить по данным дела, не усматривает их до сих пор и обвинение.

Государственный совет, имевший в своем распоряжении обширное семимесячное расследование, не указывает их в своем журнале. В постановлении о привлечении, составленном через год после события 1-го сентября, на основании материалов не только сенаторского расследования, но и предварительного следствия, эти меры также не указаны.

Поэтому я позволяю себе думать, что мне ставится в вину непринятие мер, рекомендованных сенатором Трусевичем.

Меры эти следующие:

Проверка эта могла быть совершена через писца охранного отделения Сабаева, посетившего несколько раз в этот день горничную Богрова Батурину, или через швейцара в доме Богрова; что касается первой меры, то после произведенного предварительного следствия о ней говорить не приходится. О знакомстве Сабаева с Батуриной не только подполк[овнику] Кулябко, но и Демидюку известно не было. Впервые об этом узнал подполковн[ик] Самохвалов при производстве обыска в квартире Богрова после покушения на ст[атс]-секр[етаря] Столыпина.

Что касается второй меры, то, не говоря уже о том, что такая проверка сотрудника справками у прислуги через филеров, при наличности серьезных сведений, вопреки мнению сенатора Трусевича, с моей

точки зрения недопустима, а в данном случае и просто не выполнима по особым условиям дома Богрова.

В квартире № 4, ниже квартиры Богрова, по той же лестнице помещается лечебница, а потому швейцар едва ли может сказать, кто и с какой целью по ней проходит.

Это мое мнение совершенно случайно подтвердилось предварительным следствием. Когда писец Сабаев, желая переговорить по телефону, обращался к жене швейцара Гроздеевой, то она указала на телефон в квартире Богрова, сказав, что там никого нет: между тем, когда Сабаев вошел в квартиру, то он встретил там «Аленского».

При таких условиях я не вижу, какие же меры проверки я должен был принять и, пытаясь в течение 14 месяцев что-либо придумать, ни к каким результатам не пришел, а, следовательно, раз мне обвинением на такие меры не указано, то я и обвиняться в непринятии неизвестно чего не могу.

Говоря о проверке пребывания в квартире Богрова «Николая Яковлевича», я не могу не указать, что не бездействием, а крайним превышением власти было бы принятие какой-либо рискованной меры; одно – обсуждать полученные сведения о готовящихся террористических актах в течение нескольких часов при крайнем напряжении и сознании безграничности лежащей ответственности за безопасность Государя Императора, другой – обсуждать их в течение года, зная все происшедшее.

1-го сентября я знал от сотрудника, состоявшего, по отзывам работавших с ним лиц, вне всякого подозрения, о прибытии террористической группы, которая могла быть выяснена только по сведениям этого сотрудника.

Было указание только на одного члена группы, по которому нужно было определить остальных; возбудить сомнение в этом лице значило порвать последнюю нить для раскрытия и предупреждения может быть безграничного несчастья.

Всякий риск в этом деле был бы, несомненно, тяжким преступлением для чинов, ведущих розыск.

Я полагаю, что приведенные выше данные, как с юридической, так и с фактической, стороны уничтожают всякую возможность к обвинению меня в бездействии власти.

Может возникнуть еще один вопрос: я не могу невольно не считаться с расследованием сенатора Трусевича, тем более, что от него всецело не отказывается и предварительное следствие, затрагивая некоторые вопросы, которые ставились мне в вину, хотя и не предъявляя мне в этом обвинения.

Не подлежит сомнению, что поступившие от Богрова 1-го сентября сведения – сведения чрезвычайной важности. Может быть, поручая техническую их разработку начальнику районного охранного отделения, я должен был знать, что он с ними, по личным его качествам, не справится, и принять еще какие-либо экстраординарные меры, хотя таковых я себе и теперь не представляю.

Предварительное следствие затрагивает вопрос о служебных качествах подполк[овника] Кулябко. Оценка этой деятельности фактами не изобилует, но зато заключает в себе довольно решительные выводы. Если принять их на веру, то окажется, что подполк[овник] Кулябко никуда не годен.

Я не считаю нужным входить по этому предмету в какие-нибудь пререкания, я беру самые неблагоприятные для Кулябко показания и на основании их утверждаю, что подполк[овник] Кулябко 1-го сентября был пригоден для технической разработки поступивших сведений.

Подполк[овника] Кулябко упрекают в том, что он недостаточно почтительно отвечал на запросы департамента, что он несвоевременно представлял отчеты, что, судя по революционной литературе, недостаточно освещал деятельность «Бунда» и социал-демократов и, наконец, что у него не было серьезной агентуры. Какое же значение имеет все это в технике и разработке. Никто даже из врагов подполк[овника] Кулябко не говорит, что он был неопытен в розыскном деле, никто не отрицает его продолжительной службы по розыску. Вот что говорят о нем, далеко не симпатично относящийся к нему, его бывший начальник полк[овник] Еремин: «В бытность мою начальником Киевского охранного отделения, подполк[овник] Кулябко состоял моим помощником, по этой должности я могу его характеризовать как деятельного, энергичного и сведущего помощника».

Он заменил полковника Еремина в роли начальника охранного отделения, а в 1907 году назначен сенатором Трусевичем начальником районного охранного отделения, в числе восьми опытнейших в политическом розыске лиц.

При таких условиях, осуществляя в августе и сентябре 1911 года высшее наблюдение по охране во время киевских торжеств, я был всецело вправе даже при столь серьезных сведениях, как сведения 1-го сентября, поручить подполк[овнику] Кулябко по общим моим указаниям техническую их разработку, не проявив этим никакого бездействия власти.

Конечно, самым важным вопросом настоящего дела является вопрос, знал я или не знал о допуске и присутствии Богрова в театре.

В течение продолжительного расследования юридическая конструкция этого знания, основанная на одном из показаний подп[олковника] Кулябко, не только ничем не подтвержденном, но опровергнутом добытыми предварительным следствием данными, сильно видоизменялась.

При расследовании сенатора Трусевича мне вменялся в вину допуск Богрова в театр, т.е. превышение власти, – постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого ставит мне в вину невоспрепятствование допуску Богрова в театр, т.е. бездействие власти.

Такое изменение юридической квалификации объясняется, по-видимому, тем, что для состава преступления превышение власти необходима наличность закона или предписания начальства, этим пре-

ступлением нарушенного. Оказалось, что таких положений не существует, а единственное, косвенно затрагивающее этот вопрос, подписано мною еще в качестве исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, т.е. распоряжение, которое, если бы я признал необходимым, могло бы быть отменено мною в пределах предоставленной мне власти; невоспрепятствование наличности таких положений не требует, но никакого применения в настоящем случае иметь не может. Выдача Богрову билета для допуска в театр и допуск его в это место, по предварительному докладу мне об этом моим подчиненным, с целью испросить на это мое согласие, раз я возражений против этого не встретил, составляет не невоспрепятствование, а разрешение, каковое, конечно, бездействием власти почитаться не может. Я не останавливаюсь подробно на этих юридических соображениях, так как самый факт, будь это разрешение или невоспрепятствование, ничем по делу не доказано.

Мне, по-видимому, вменяется в вину не только невоспрепятствование Богрову допуска в театр 1-го сентября, но и невоспрепятствование выдачи ему билетов в другие места Высочайших посещений; точно таковые в постановлении не перечислены, но я полагаю, что речь может идти об ипподроме и Купеческом саде.

О докладе мне о выдаче билетов в эти два места не говорит даже и Кулябко, и предварительное следствие не возбуждает в этом никаких сомнений, а потому эту часть обвинения необходимо рассматривать, как обвинение меня в принципиальном согласии (разрешении) снабжать Богрова билетами по все места Высочайших посещений.

Такое принципиальное разрешение, без которого, как я постараюсь доказать, о вменении мне в вину допуска или невоспрепятствования допуску Богрова в театр не может быть и речи, впервые выдвинуто в расследовании сенатора Трусевича и основано им на сбивчивых и противоречивых, по его выражению, показаниях подполк[овника] Кулябко и совершенно произвольном выводе его из неприведенного в расследовании показания свидетеля Певзнера, которое при ознакомлении с ним, приводит не к подтверждению, а к совершенному опровержению принципиального разрешения.

Основанием для вменения мне в вину этого принципиального разрешения может быть, конечно, показание Кулябко, данное на предварительном следствии, так как нельзя думать, что до этого показания могла быть речь о доказанности принципиального решения при наличности объяснения Государственному совету, в котором подполк[овник] Кулябко говорит, что 27-го августа он не имел никаких оснований обсуждать меры проследки и принципиального допуска Богрова в места посещений.

Что же показывает Кулябко на предварительном следствии?

По окончании сообщения Богрова, сделанного 26-го августа в присутствии полк[овника] Спиридовича и ст[атского] сов[етника] Веригина, он, Кулябко, сказал Богрову, что, ввиду той роли, которая им

была намечена для него, если бы ему понадобилось получить доступ в места торжеств, то он всегда мог предоставить ему возможность быть там, причем Спиридович и Веригин никаких возражений по этому поводу ему не сделали.

Роль эта, которую они обсуждали все вместе с участием Богрова и относительно которой пришли к соглашению, состояла в том, что Богров, не принимая на себя активной роли выполнения планов злоумышленников, может взять на себя наблюдение за тем, что ему последними будет поручено, если какие-либо поручения будут ему даны.

Мне кажется, что показание это прежде всего находится в полном противоречии с самыми элементарными правилами логики; особенно, если принять во внимание, что в том же показании Кулябко говорит, что Богров сообщал только о сделанной ему в июле месяце просьбе «Николая Яковлевича» подыскать квартиру для имеюших прибыть террористов и моторную лодку.

Чем же вызвана была при таких условиях необходимость обсуждать принципиально будущую роль Богрова неизвестно в каком террористическом предприятии, а тем более считать принципиальным соглашение о наблюдении за чем-то неизвестным, что ему могло быть, будто бы, поручено?

Раз, таким образом, сам Кулябко даже и теперь год спустя не указывает, какую роль он имел в виду для Богрова и возможность каких поручений он предполагал, то еще менее можно объяснить предложение с его стороны билетов в места Высочайших посещений, о которых никто не ходатайствовал.

Объяснение несложно – к таким удивительным выводам приходится неизбежно прибегать обвиняемым, изобличенным в преступлении, когда им нужно переложить свою вину на других, а тем более совершенно изменить данное им ранее показание.

Выводы, делаемые из того или другого показания, могут быть, конечно, различны, но эти выводы, подчиняясь требованиям логики, не могут опровергать фактов.

Полковник Спиридович и ст[атский] сов[етник] Веригин категорически отрицают приведенный подполк[овником] Кулябко разговор.

В предварительном следствии не приведено ни одного основания, почему показания их заслуживают меньшего доверия, чем показания подполк[овника] Кулябко.

Счастие (при такой своеобразной оценке показаний), что, кроме этих трех лиц, был еще четвертый участник заговора, казненный Богров.

Он обвинялся в убийстве ст[атс]-секр[етаря] Столыпина. Показание его о том или ином разговоре, прямого отношения к этому убийству не имевшему, не может быть по-моему заподозрено.

Что же показал Богров на предварительном следствии?

При первом свидании с Кулябкой, т.е. при свидании 26 августа, Кулябко, указывая ему на пачку пригласительных билетов на разные торжества, спросил его, имеет ли он таковые, на что Богров, не желая возбуждать у него подозрения, ответил ему, что таковых ему не надо.

Это показание может, пожалуй, возбудить одно сомнение, а именно, что при разговоре о билетах присутствовали полковник Спиридович и ст[атский] сов[етник] Веригин и что, хотя ни о каких предварительных обсуждениях роли Богрова, а тем более принципиальном решении пускать его в места посещений с целью проследки, не может быть и речи, но даже при поверхностном разговоре о билетах у них, в силу их служебной обязанности, к числу которых политический розыск не относится, должна была проявиться требуемая от них обвинением особая осмотрительность.

Они должны были внимательно обсудить этот вопрос и доложить мне.

Всякое сомнение в этом направлении устраняется показанием прокурора Киевской судебной палаты Чаплинского, который записывал показания Богрова, данные им в заседании военно-окружного суда. Показание это следующее: «Решив ввиду требования анархистов для реабилитации себя убить Кулябко», он пришел к нему с этой целью 26 августа, но когда Кулябко принял его очень радушно, он не решился выполнить своего намерения, тем более, что Кулябко тут уже предложил ему билеты в места посещения, от которых он отказался.

После этого Кулябко позвал полк[овника] Спиридовича и ст[атского] сов[етника] Веригина, в присутствии коих Богров повторил сообщенные им сведения о будто бы предположенном боевом выступлении».

Помимо этого показания Богрова о свидании 26-го августа, самая мысль о принципиальном решении допускать его в места Высочайших посещений совершенно устраняется его дальнейшими показаниями.

Когда 31-го августа он приехал к Кулябко ночью, то тот принял его; из разговора он убедился, что Кулябко его ни в чем не подозревает и что он имеет все шансы на получение билета в театр, однако и при таких условиях он не решился выяснить окончательно этот вопрос.

Едва ли при таких условиях можно предполагать, что 26 августа Богров участвовал в обсуждении о принципиальном допуске его в места посещения.

Чтобы покончить с этим вопросом, мне приходится остановиться на показании свидетеля Певзнера, дословная передача которого опровергает вывод сенатора Трусевича и подтверждает, что никакого принципиального решения о допуске Богрова в места Высочайшего посещения не могло иметь места, в особенности, если сопоставить его показания с показаниями Богрова.

Певзнер 31 августа, около 5 с половиною часов дня, слышал случайный разговор по телефону Богрова с каким-то неизвестным лицом, очевидно, с подполк[овником] Кулябко.

Богров говорил: «а все-таки интересно было бы сегодня попасть в Купеческий сад», на что ему ответили: «Хорошо, пришлите, я оставлю билет у жены».

Форма просьбы Богрова устраняет вопрос о принципиальном решении. Так просит человек, который надеется, что ему будет сделана

любезность, а не человек, который не только на эту любезность имеет право, но которому она категорически обещана.

Богров, по поводу этого разговора, показывает следующее: «что 31-го августа он телефонировал Кулябко, что в видах успеха дела ему необходим билет в Купеческий сад и Кулябко, очевидно, понял, что присутствие его в саду требуется для предупреждения покушения».

Ни о каких проследках, ни о каких поручениях террористов нет и речи, а, следовательно, это никак не может служить доказательством все того же принципиального решения и предварительного обсуждения роли Богрова, о котором Кулябко дает приведенные выше странные объяснения.

Совокупность всех этих данных приводит к заключению, что показания подполк[овника] Кулябко о принципиальном решении опровергается показаниями полк[овника] Спиридовича, ст[атского] сов[етника] Веригина, показаниями Богрова и свидетеля Певзнера. Раз является, таким образом, установленным, что никакого принципиального решения о допуске Богрова в места Высочайших посещений 26 августа не имело места, то ясно, что о таковом подполк[овник] Кулябко 27 августа в присутствии полк[овника] Спиридовича и ст[атского] сов[етника] Веригина мне не докладывал и доложить не мог.

Показания его о том, что он доложил мне, что, может быть, придется выдавать Богрову билеты на торжества, на что я будто бы выразил согласие, опровергается, помимо вышеприведенных данных, и имеющимися при деле документами, а именно: запискою Богрова, по которой Кулябко делал мне доклад.

В этой записке говорится о конспиративной квартире и моторной лодке и ни одним словом не упоминается о каких бы то ни было поручениях «Николая Яковлевича», которые вызывали бы для Богрова необходимость нахождения в местах Высочайших посещений.

Дальнейшие сведения, поступившие от Богрова ночью 31 августа, были доложены 1-го сентября утром.

Первый доклад был сделан мне утром в присутствии ст[атского] сов[етника] Веригина.

В своих показаниях Кулябко утверждает, что он доложил мне, между прочим, что Богров был накануне в Купеческом саду, где ему не удалось исполнить поручения «Николая Яковлевича» и что последний поручил Богрову выполнить таковое сегодня, если не последует других изменений.

Так как при этом докладе никто посторонний не присутствовал, а я и ст[атский] сов[етник] Веригин утверждаем, что такового доклада сделано не было, что, по-видимому, обвинение считает недостаточным, то приходится оценить правдивость показаний подполк[овника] Кулябко в связи с побочными данными по делу.

Это крайне затруднительно ввиду своеобразной и исключительной оценки оговора подполк[овника] Кулябки, делаемой обвинением в этом деле.

По установившейся судебной практике, обвинение должно быть доказано, т.е. в данном случае должны быть приведены данные, подтверждающие оговор подполк[овника] Кулябко, между тем, как на деле я должен его опровергать.

Несмотря на всю трудность и исключительность такого положения, оговор Кулябки настолько беспочвенен и противоречит здравому смыслу, что можно найти косвенные, опровергающие его обстоятельства.

Кулябко делал мне доклад по записке Богрова, записка эта целиком подтверждает объяснения мои и ст[атского] сов[етника] Веригина, так как в ней заключаются все данные, которые, по нашим словам, мне доложил Кулябко, и нет ни одного слова ни о посещении Богровым Купеческого сада, ни о данном ему «Николаем Яковлевичем» поручении.

Я не говорю уже об очевидной бессмысленности такового поручения, как установление примет ст[атс]-секр[етаря] Столыпина и министра народного просвещения Кассо для лиц, прибывших из С.-П[етер]бурга и имевших возможность или лично видеть обоих министров или, по крайне мере, запастись их фотографическими карточками.

Столь же мало целесообразна была бы проследка с целью установления мер охраны означенных лиц, так как ясно, что меры охраны в Купеческом саду не могли быть одинаковы с мерами охраны на торжественном спектакле в театре.

Наконец, о таком поручении не говорит ни слова и Богров.

Обращаясь к его показанию, нельзя не остановить внимания, что основанием для испрошения для себя билета Богров указывает: 1) желание быть изолированным от бомбистов, 2) другие цели, полезные для охранного отделения, а отнюдь не для выполнения поручения «Николая Яковлевича», но указание на эти цели и самое требование билетов были, по словам Богрова, сделаны им после прихода в Европейскую гостиницу, т.е. после первого доклада мне Кулябко.

Нельзя забывать, что при первом докладе никаких определенных планов будто бы прибывшей в гор. Киев группы злоумышленников и сам подполк[овник] Кулябко не знал, так как все зависело от свидания с «Ниной Александровной», которое должно было произойти между 12 и часом дня.

Ввиду неопределенности таких сведений, первый доклад должен был вызвать не меры разработки при отсутствии какого-либо плана злоумышленников, а меры охраны ст[атс]-секр[етаря] Столыпина и министра народного просвещения.

С этой целью, послав ст[атского] сов[етника] Веригина предупредить Л.А. Кассо, я выехал сам с докладом к П.А. Столыпину.

В настоящее время представляется невозможным подтвердить мой доклад покойному министру, из которого было бы ясно, что у меня не возникла и мысль о необходимости допуска «Аленского» в театр, но полная моя уверенность за безопасность внутри театра под-

утверждается моим разговором с камергером Вестманом, который я имел с ним, при выходе из кабинета министра, в вестибюле генерал-губернаторского дома.

Заявив о необходимости мер предосторожности при выездах на ипподром и в театр, о невозможности посещения министром ресторана для обеда и завтрака, я, на вопрос о театре, заметил, что за театр я спокоен, тем более, что предполагающееся свидание с «Ниною Александровною» даст возможность выяснить боевую группу и ликвидировать ее до вечера.

От ст[атс]-секр[етаря] Столыпина я возвратился около 12 час. и узнал от ст[атского] сов[етника] Веригина, а засим и от подполк[овника] Кулябко, что в мое отсутствие в Европейскую гостиницу приходил «Аленский» и сообщил, что посещение «Ниною Александровною» его квартиры не состоялось и вся группа должна сойтись около восьми часов вечера на Бибиковском бульваре.

Для правильности оценки показаний Кулябко об этом докладе, необходимо, прежде всего, с точностью установить время как докладов Кулябко, так и других моментов этого дня.

Первый доклад мне был сделан утром, после чего я выехал с докладом к ст[атс]-секр[етарю] Столыпину.

Это время устанавливается показаниями секретаря министра Граве, дежурного офицера в генерал-губернаторском доме и камергера Вестмана.

Пребывание Богрова в Европейской гостинице с точностью определяется, кроме показаний филеров, дневником наблюдений.

Он отправился в Европейскую гостиницу пешком в 10 час. 55 мин., а возвратился обратно на извозчике в 12 час. 30 мин., таким образом, второй доклад мог быть мне сделан по возвращении из генерал-губернаторского дома, после двенадцати часов дня, причем на этот доклад и выработку вызываемых им мер могло быть употреблено 1 час. 45 мин., так как в 2 часа я уже ехал навстречу Его Императорскому Величеству, имевшему проследовать с маневров.

Это время с точностью устанавливается показаниями полицейских офицеров, которым я и бывший со мной в моторе полк[овник] Спиридович отдавали приказания о снятии наряда.

Я встретил Его Императорское Величество в местечке Святошине около 4 часов и, никуда не заезжая, сопровождал мотор Государя Императора до дворца, здесь я сделал краткий доклад дворцовому коменданту о полученных сведениях и распоряжениях и отправился на ипподром, дабы ожидать там Высочайшего прибытия.

С ипподрома я выехал в Европейскую гостиницу, около 7 час. вечера, выпил чашку бульона, одел парадную форму и отправился с полк[овником] Спиридовичем объезжать полицейский наряд, выставленный для проезда в театр, наметил там подъезд для ст[атс]-секр[етаря] Столыпина и направился во дворец, оттуда вторично прибыл в театр вслед за мотором Его Императорского Величества.

В театре я прямо прошел на свое место, в первый ряд, почти одновременно с поднятием занавеса.

На своем месте я оставался до первого антракта, что удостоверяет генерал-адъютант Дедюлин.

В первом антракте я имел первый разговор с Кулябкой, а вторично видел его во втором антракте, причем наш разговор был прерван выстрелами.

Такое установление времени имеет особое значение в настоящем деле, так как оно доказывает не только неверность, но и полную невозможность заявлений подполк[овника] Кулябко, единственно на которых основывается мое обвинение.

По показанию Кулябки, придя в Европейскую гостиницу, Богров сообщил ему, что посещение его квартиры «Ниной Александровной» отменено и что свидание ее с «Николаем Яковлевичем» состоится в 8 часов вечера на Бибиковском бульваре.

Во время этого заявления пришел ст[атский] сов[етник] Веригин и они стали обсуждать, какие могли быть даны поручения Богрову террористами и в чем состоит план их действий.

Было решено, что если у террористов будут только предварительные переговоры к осуществлению их замыслов, то Богров спокойно пойдет по тротуару, если же обнаружится намерение их приступить к выполнению замысла, то Богров даст знать курением папиросы и это будет служить сигналом для их ареста.

Тут же возобновился разговор о посещении Богровым театра, причем Богров указал на необходимость быть не в галерее, а в партере и на то, что соучастники террористов могут находиться в самом зале и подвергнуть его перекрестному наблюдению.

Подполк[овник] Кулябко обещал ему дать место в одном из задних рядов кресел, после чего все трое продолжали обсуждать все поручения, которые террористы могли бы возложить на Богрова, как в театре, так и на улице, и дали Богрову на каждый случай соответствующие указания.

Попробуем оценить это показание и сопоставить его с показанием Богрова.

Богров говорит, во время свидания в Европейской гостинице, о необходимости иметь билет, во-первых, для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, а, во-вторых, для разных других целей, полезных для охранного отделения, но эти цели были изложены им весьма неопределенно и туманно, так как он, главным образом, рассчитывал, что Кулябко, среди окружающей его суматохи, не станет особенно в них разбираться, а из доверия к нему выдаст билет.

Этими показаниями, прежде всего, подтверждается отсутствие принципиального решения снабжать Богрова билетами в места Высочайших посещений, а затем совершенная неверность показаний Кулябко, что при первом докладе он сообщил мне, что Богрову, бывшему накануне в Купеческом саду и не успевшему исполнить поручения «Николая Яков-

левича», необходимо быть 1-го сентября в театре для выполнения такового.

Разговор о билете в театр был после этого доклада, причем Богров и тогда ни о каком поручении «Николая Яковлевича» не говорил,

Никаких обсуждений роли Богрова и тех поручений, который могли быть даны ему террористами по показанию Богрова не было, да подобное обсуждение отрицается в сущности и самим Кулябкой, если хорошенько вдуматься в его показания.

В 8 часов должно было состояться свидание на Бибиковском бульваре. Свидание это, как сначала говорил Кулябко, должно было быть между «Ниной Александровной» и «Николаем Яковлевичем», но из дальнейшего ясно, что в нем должен был принять участие Богров, так как только при этом свидании он мог узнать замыслы террористов, будут ли они вести только предварительные переговоры, или приступят к осуществлению замысла.

Ясно, что при таком положении вещей Богрову никакого поручения в театре до этого свидания не могло быть дано.

Допуская, что террористы решили бы приступить к выполнению своего замысла, а, следовательно, должны были подлежать аресту, выполнение какого-либо поручения после этого в театре, а тем более боязнь контр-наблюдения со стороны террористов является совершенно бессмысленным, а у меня, если бы мне при таких условиях было доложено о необходимости выдать Богрову билет в театр, не было никаких оснований согласиться на эту меру, так как у меня не было оснований к тому безграничному доверию к Богрову, в котором он был уверен со стороны подполк[овника] Кулябко.

Такая оценка показаний подполк[овника] Кулябко имеет серьезное значение, при обсуждении моих действий и распоряжений, вызванных его докладом мне после ухода Богрова из Европейской гостиницы.

Прежде чем говорить о содержании этого доклада, я должен указать на неправильность показаний Кулябко о времени такового.

Кулябко говорит, что после ухода Богрова он с Веригиным отправился к кадетскому корпусу, встретившись с полк[овником] Спиридовичем, которому Кулябко сообщил поступившие от Богрова сведения, а также и то, что Богров накануне был в Купеческом саду.

Здесь они дождались прибытия к корпусу Его Императорского Величества, а после отбытия Государя Императора около трех часов Кулябко сделал мне доклад о сведениях, полученных от Богрова при свидании в Европейской гостинице.

Все это заявление Кулябко сплошной вымысел, так как Его Императорское Величество, как это видно из программы киевских торжеств, изволил посетить корпус 31-го августа, т.е. накануне.

Я останавливаюсь на несообразностях этого показания подполк[овника] Кулябко потому, что после его объяснения Государственному совету показание это было единственной против меня ули-

кой. Улика эта не заслуживает никакого доверия, так как опровергается данными дела, как только встречается с фактами.

При предъявлении следствия подполк[овник] Кулябко от этого объяснения отказался, но такой отказ уже вконец подрывает возможность считать его показания уликой по делу.

Полковник Спиридович приехал с маневров прямо в Европейскую гостиницу и, придя в мое помещение, застал там ст[атского] сов[етника] Веригина и подполк[овника] Кулябко, я не помню хорошенько, начали ли мы в это время завтрак, так как без четверти два выехали из гостиницы и более туда до семи часов вечера не возвращались, то, очевидно, доклад подполк[овника] Кулябко мог быть мне сделан между 12 и 1 час. 45 мин.

Что же мог доложить мне подполк[овник] Кулябко о предположенном допуске Богрова в театр.

Поручения со стороны террористов о проследке, ввиду категорического показания Богрова, я не говорю уже об их бессмысленности, совершенно отпадают.

Допустим, что Кулябко доложил мне о необходимости пустить Богрова в театр для изолирования его от террористов и ради иных целей, полезных для охранного отделения.

Единственно такой целью могло быть указание Богровым в театре кого-нибудь из злоумышленников, если допустить возможность, что при установленном мною контроле таковые могли туда попасть.

По делу установлено, что результатом доклада, что не отрицает и подполк[овник] Кулябко, был мой письменный доклад дворцовому коменданту.

В этом докладе я озабочен принятием особых мер предосторожности для следования Государя Императора в театр, но совершенно игнорирую упомянуть о необходимости принять какие-либо меры для охраны самого театра, зная, что там могут быть злоумышленники и что для предупреждения злодеяния туда нужно пустить сотрудника.

Доклад пишется по инициативе полк[овника] Спиридовича.

Он ведает охраной театра и ни одним словом не говорит о могущей быть в театре опасности и не считает нужным даже поднять вопрос, как распределить в театре для предупреждения злоумышления назначенный в его распоряжение громадный отряд офицеров корпуса жандармов, чинов охраны и наружной полиции.

Такая забывчивость овладевает нами в то время, как мы задолго неоднократно обсуждали вопрос, как распределить этот наряд для установления правильного контроля за допуском публики, охраной коридоров, верхних ярусов, куда допускались участники народной охраны, оркестра и сцены, когда мы были озабочены тщательной проверкой служащих в театре, музыкантов и исполнителей.

Наконец, будучи крайне взволнован полученными сведениями и обсуждая их с генерал-адъютантом Дедюлиным на подъезде дворца перед выездом на ипподром, и в течение двухлетней нашей совмест-

ной деятельности по охране Священной особы Государя Императора в целом ряде путешествий и выездов из столицы, не скрывавши от дворцового коменданта ни одной мелочи, скрыть от него опасность в театре – это можно допустить только при условии или моего внезапного сумасшествия, или заранее обдуманного намерения допустить террористический акт, в чем не обвиняет меня даже сенатор Трусевич.

Я утверждал с момента первого моего доклада временно исправлявшему должность председателя Совета министров ст[атс]-секр[етарю] Коковцову, тотчас же после совершившегося покушения на ст[атс]-секр[етаря] Столыпина, и продолжаю утверждать в течение 14 месяцев, не находя ни малейшего опровержения моих утверждений, что при втором докладе 1-го сентября подполк[овник] Кулябко доложил, что посещение «Ниной Александровной» его квартиры не состоялось, что прибывшая группа, о которой заявляет Богров, должна свидеться на Бибиковском бульваре в 8 час. вечера, что при этом, естественно, у нас возникло сомнение, что злоумышленники могут обмануть самого Богрова и, собравшись на Бибиковском бульваре, приступят к активным действиям, поставив Богрова в необходимость принять в них участие, что ни малейшего сомнения о том, что Богров должен пойти на Бибиковский бульвар, у меня не было и быть не могло, что подтверждается и показанием подполк[овника] Кулябко, что этим же показанием подтверждается и предупреждение со стороны Богрова, в случае, если злоумышленники решат перейти к активным действиям, курением папирос, последствием чего должен был быть их арест, и что в этом случае должен был быть арестован и «Аленский», что подтверждают полк[овник] Спиридович и ст[атский] сов[етник] Веригин.

При таких условиях обсуждение, а тем более разрешение допуска «Аленского» в театр, – было преждевременным и бессмысленным.

Лучшим доказательством, что ни о каком допуске Богрова в театр при докладе подполк[овника] Кулябко не могло быть и речи, что показание мое о содержании доклада Кулябко не возбуждает ни малейшего сомнения – служит показание заведующего наружным наблюдением Демидюка.

В начале 8 часа подполк[овник] Кулябко потребовал его в охранное отделение и сообщил, что в 8 час. вечера «Николай Яковлевич» выйдет один из квартиры Богрова, имея при себе два браунинга и пойдет на угол Бибиковского бульвара и Владимирской улицы, где встретится с «Ниной Александровной», которая и передаст ему бомбу, при этом Кулябко приказал усилить наблюдение еще новыми людьми, следить за выходом «Николая Яковлевича» и после встречи его с «Ниной Александровной» арестовать их в том случае, если они станут на линии проезда, к этому Кулябко добавил, что Богров на свидание не пойдет, а отправится в городской театр, чтобы избежать провала в случае ареста названных лиц.

Поэтому Богрову нужно было послать билет в театр, и Кулябко велел позвать филера Поддевкина, чтобы вручить Богрову билет.

Это показание в связи с показанием Богрова и данными генерал-адъютантом Дедюлиным разъяснениями устанавливает совершенно ясно причины несчастного события 1 сентября, а равно устраняет всякое сомнение в виновности, как моей, так и полковника Спиридовича.

Докладывая мне днем, Кулябко, как это совершенно ясно из его показания, был уверен, что Богров пойдет на вечернее свидание на Бибиковском бульваре и может быть там арестован.

Так как за отсутствием группы злоумышленников, о которой говорил Богров, свидание и не могло состояться, то он вынужден был сообщить Кулябко о том, что свидание не состоится, и точнее обусловить необходимость своего присутствия в театре, намеченного ранее в общей форме, чтобы не возбудить подозрения и просить о выдаче билета около восьми часов вечера.

Это положение все время утверждал и подполк[овник] Кулябко, как во время производства предварительного следствия по делу об убийстве ст[атс]-секр[етаря] Столыпина, так и в своих объяснениях Государственному совету. Наконец, в настоящее время, это совершенно ясно из приведенного выше показания Демидюка.

Об этом новом решении Кулябко не мог доложить мне или сообщить полк[овнику] Спиридовичу, так как последний доклад был сделан им до 2-х часов дня, на ипподроме же он никаких сообщений не делал, а после ипподрома я с полк[овником] Спиридовичем его не видели, так как прибыли в театр вслед за мотором Государя Императора.

Невозможность доклада, кроме времени, объясняется и тем, что Кулябко прекрасно знал, что он разрешения на допуск Богрова в театр не получит, а отказать в выдаче билетов своему старому сотруднику он не находил возможным.

Вопрос об употреблении сотрудников в охрану имеет свою историю.

Категорических запрещений допускать такую меру не имеется, и знаменитый циркуляр от 3 октября 1907 года, подписанный мною, говорит только о неиспользовании их в качестве наблюдательных агентов для слежки и установки квартир не по поручениям террористов, а по поручению розыскных чинов.

Когда в 1909 году Его Императорское Величество изволил впервые после лет смуты начать путешествовать по России, и равно постоянно посещать Петербург, а в розыске стали появляться указания на возможность автономных террористических групп, которые не должны были входить в сношение ни с центральными, ни с местными революционными организациями, назрела настоятельная необходимость иметь в распоряжении розыскных органов такой контингент людей, который знал бы по возможности в лицо наибольшее количество революционных деятелей, в особенности так называемых боевиков, из которых могли формироваться автономные дружины.

Такими людьми могли быть старые и опытные сотрудники.

Вследствие такого взгляда, использование их допускалось только в случае крайней необходимости и то лишь в качестве наблюдатель-

ных агентов, входящих в состав филеров местного охранного отделения. В состав частной охраны эти лица не входили.

На этих основаниях в 1909 году, с разрешения покойного министра, один из сотрудников был командирован в Крым, где имел пребывание Государь Император, и в Москву, куда ожидалось прибытие Его Императорского Величества.

Прежде чем решиться на такую крайнюю меру, она детально была обсуждена ст[атс]-секр[етарем] Столыпиным со мной и директором департамента полиции, причем, для предотвращения возможной опасности, сотрудник был командирован под неустанным наблюдением не только агентов, но и чиновника охранного отделения.

Чтобы не прибегать к этому, сначала, по соглашению моему с дворцовым комендантом, для изучения революционных деятелей в России и заграницей, были командированы чины охранной команды дворцового коменданта, а затем, по моему письменному докладу, сформирован специальный центральный филерский отряд из 50 человек, которые ранее обслуживанья мест Высочайших пребываний должны были ознакомиться с возможно большим количеством боевиков.

Взгляд мой и полк[овника] Спиридовича на допуск сотрудников в охрану совершенно ясен из нижеследующих фактов.

Когда в 1910 году полк[овник] Спиридович заметил в охранном моторе следовавшем за автомобилем Его Императорского Величества, сотрудника, он распорядился его высадить и доложил об этом дворцовому коменданту и мне, в результате чего я сделал выговор полк[овнику] фон Коттену.

Когда в Киев в августе 1911 года прибыл центральный филерский отряд и полк[овник] Спиридович заподозрил, что трое из его чинов, по всей вероятности, сотрудники, он тотчас же доложил об этом мне и лица эти были высланы в Петербург.

Подполк[овник] Кулябко, зная, таким образом, взгляд мой и полк[овника] Спиридовича на допуск сотрудников в охрану, и не мог докладывать мне о допуске Богрова в места посещения, будучи заранее уверен, что я этого не допущу.

С другой стороны, ему приходилось считаться с Богровым. Совершенно ясно, что отношение мое и начальника охранного отделения к сотрудникам не могло не быть различным. Лично я розыска не вел и с сотрудниками непосредственных отношений не имел. Для меня это были необходимые, почти единственные, хотя и не совсем безопасные средства политического розыска. Для начальника охранного отделения это были не только свои, но свои близкие люди.

От качества сотрудника зависит успех работы, а подчас и карьера розыскного офицера. Сжившись с сотрудником, ведя с ним частые продолжительные беседы, начальник охранного отделения, прежде всего, рисковал при каждом свидании своей собственной жизнью. Понятно, что проработав с таким сотрудником несколько лет, он ему доверял.

Ясно, что я не имел таких же оснований к доверию и не мог бы допустить сотрудника в охрану, а начальник охранного отделения, вся-

чески оберегая своего сотрудника и свои к нему отношения, не решался испрашивать моего разрешения, боясь отказа.

Убийство сотрудниками полковника Карпова и полк[овника] Вонсяцкого и ранение полк[овника] фон Коттена и того же полк[овника] Спиридовича – лучшее этому доказательство. Трагическая смерть полк[овника] Карпова вызвала со стороны министра серьезные указания на необходимость не доверять слепо сотрудникам. Менее чем через год полк[овник] Вонсяцкий принимает сотрудника у себя в кабинете, где тот его и убивает.

Я полагаю, что все это с точностью устанавливает, что принципиального решения допускать Богрова в места Высочайших посещений не было и быть не могло, что подполк[овник] Кулябко, допуская Богрова, мне об этом не докладывал, как не докладывал мне о допуске в Купеческий сад сотрудника «Петербургского», как не докладывал, если это только имело место, о допуске Богрова на ипподром.

Что до прибытия в театр я и полк[овник] Спиридович были озабочены одной мыслью об исходе свидания на Бибиковском бульваре и не только не знали, но и не могли подозревать о присутствии Богрова в театре, – разговор мой с генерал-адъютантом Дедюлиным во время первого действия об отданном приказании арестовать Богрова был бы один достаточен, чтобы устранить всякое сомнение по этому поводу.

Остается сказать несколько слов о докладах Кулябко в театре.

По этому поводу показания Кулябко также сбивчивы и не соответствуют действительности, как и по всем остальным вопросам. Только по предъявлении ему следствия, когда он ознакомился с добытыми данными, он убедился, что не представляется возможности утверждать, что первый доклад он сделал мне перед началом спектакля.

Первый раз его показания совпали с моими. Раз первый доклад был сделан в первом антракте, то фраза Кулябко, что он сделал мне его в такой форме, что я должен был понять, что Богров был в театре и оттуда поехал домой, не может быть уликой против меня.

Я понял, что Богров приезжал к Кулябко в театр, а не был на представлении, что не вызывалось никакой надобностью и что раз он уехал домой, то его в театре нет; с этим я вернулся в зрительный зал.

Я не буду останавливаться над вопросом, что я должен был понять при втором докладе. Он продолжался несколько минут и был прерван роковым выстрелом.

Едва ли нужно останавливаться на последующих моих разговорах с прокурором палаты Чаплинским и прокурором суда Брандорфом, а тем более делать из них какие-либо выводы. Эти разговоры происходили 3-го сентября, были очень неопределенны, а между тем, тотчас после совершившегося покушения, я официально доложил и. о. председателя Совета министров совершенно то же, что продолжаю утверждать и до сих пор и что не опровергнуто в течение 14 месяцев ни расследованием сенатора Трусевича, ни предварительным следствием.

О допуске Богрова в театр я ничего не знал и такового никогда бы не разрешил. Все мои распоряжения и взгляды на этот вопрос за два с половиною года в должности товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов служат, несомненно, к тому доказательством.

Хотя мне и не предъявляется обвинения в неправильной организации охраны в театре, но указания на важные последствия бездействия власти с моей стороны заставляют меня останавливаться на этом вопросе.

Надо думать, что если бы Богров в театр допущен не был, то принятые мною и полк[овником] Спиридовичем меры не заслуживали бы упрека; не могут они его заслуживать, раз мы о допуске Богрова не знали.

Я позволяю себе утверждать, что и при допуске Богрова важнейшей опасности, опасности Его Императорскому Величеству и его августейшей семье не было. Начальствование нарядом секретной охраны было мною возложено на полк[овника] Спиридовича.

Думаю, что выбор этого лица не может быть признан неправильным, так как он и после события 1-го сентября и до сих пор продолжает нести священнейшие обязанности по охране драгоценной особы Государя Императора и заслужил за это время даже не одну Высочайшую благодарность.

Под его начальством был ротмистр Макаров, который ни в чем не обвиняется. Я могу обвинять его только в легкомыслии при даче показаний. Он говорит, что признавал необходимым охрану внутри зрительного зала, но кто-то из начальствующих лиц сказал, что этого не нужно.

Я думаю, что будучи начальником отряда охраны в театре и усматривая необходимость в той или другой мере, он должен был доложить об этом своему непосредственному начальнику полк[овнику] Спиридовичу, а не беседовать об этом с кем-то, с кем неизвестно.

Охрана зрительного зала была никем до сих пор не опорочена; если я остановился на показании ротмистра Макарова, то только потому, что по настоящему делу целый ряд свидетелей изрекает, не будучи экспертами, свои умозаключения и выводы или говорит о слухах, неизвестно откуда исходящих, что, на основании Устава уголовного судопр[оизводства], никакого отношения к делу иметь не может.

К числу таких показаний, носящих на себе характер экспертизы, должно быть отнесено показание генерал-адъютанта Трепова.

Начальник края усматривает опасность для Его Императорского Величества 1 сентября в Киевском городском театре и говорит, что принимались какие-то меры охраны.

Интересно было бы знать, когда же усмотрел генерал-адъютант Трепов эту опасность, до или после выстрела Богрова; если до, то какие же меры были им приняты для ее устранения. Ведь, когда 20 мая 1911 года воспоследовало Высочайшее повеление о возложении на меня высшего наблюдения за охраною в городе Киеве, генерал-адъютант Трепов, усматривая в этом как бы устранение его, генерал-губернатора, от священнейшей обязанности охранять особу Государя Императора, подал ст[атс]-секр[етарю] Столыпину всеподданнейшее прошение об

увольнении его в отставку, то мне было поручено министром внутренних дел уладить это недоразумение.

Я никогда не стремился к каким бы то ни было захватам власти, а единственной моей целью было устранение всякого рода трений и пререканий при Высочайших путешествиях.

Поэтому я выработал по соглашению с генерал-адъютантом Треповым проект письма от имени ст[атс]-секр[етаря] Столыпина, в котором было сказано, что он приказал мне не принимать никаких мер об охране без соглашения с генерал-губернатором.

Это письмо удовлетворило генерал-адъютанта Трепова и он, по крайней мере до спектакля 1 сентября, устраненным себя от охраны не считал.

При таких условиях, усматривая недостаток охраны в театре и могущую возникнуть вследствие этого величайшую опасность, он не сообщил об этом ни ст[атс]-секр[етарю] Столыпину, ни генерал-адъютанту Дедюлину и, наконец, не указал на нее и мне.

Ясно, что недостаток и опасность он усмотрел после выстрела Богрова, хотя я постараюсь доказать, что и при допуске Богрова в театр такой опасности для Священной особы Государя Императора не было.

1-го сентября в Киевском театре было торжественное представление, на которое публика допускалась не только по приглашениям городского управления, но и по особым пропускам, выданным из билетного бюро, по надлежащей проверке.

При распределении мест было обращено внимание не только на надлежащее размещение лиц для охраны Государя Императора, но и было назначено кресло для офицера, состоявшего, в целях охраны, при министре внутренних дел, сзади кресла покойного министра.

Правда, во время спектакля ему пришлось сесть в том же ряду на несколько кресел правее, так как неожиданно для нас в последнюю минуту несколько кресел должны были быть предоставлены лицам свиты, сопровождавшим королевича Болгарии Бориса[248].

Так как в зрительном зале могли быть только лица известные, политическая благонадежность которых стояла вне всякого сомнения, то в него и не назначалось специальной охраны.

Охрана Его Императорского Величества, как это бывает во всех случаях посещения Государем Императором театров или иных учреждений, возлагалась на ближайших лиц государевой свиты.

Поэтому с левой стороны партера у императорской ложи в первом ряду помещались дворцовый комендант, флаг-капитан и я, как руководитель охраны в Киеве, во втором – генерал-майоры: Комаров, князь Трубецкой[249] и полк[овник] Дрентельн, а с обеих сторон ближайшего к ложе прохода в третьем ряду полк[овник] Спиридович и начальник дворцовой полиции.

Все эти лица занимали свои места перед выходом Его Императорского Величества в ложу и не оставляли таковых, пока Государь Император в ней находился.

Размещать в зале агентов охранных отделений и даже сгруппировывать большее количество офицеров корпуса жандармов или чинов наружной полиции признавалось невозможным.

Поэтому назначенный в распоряжение полк[овника] Спиридовича значительный наряд имел свои задачи тщательно вести контроль билетов у прибывающих в театр, наблюдать за коридорами и верхним ярусом, куда публика допускалась по билетам охранного отделения.

Часть наряда была размещена в оркестре и за сценой.

Актеры, музыканты и служащие были тщательно проверены.

Все эти меры были выработаны заранее полк[овником] Спиридовичем, доложены мне и подвергнуты нами надлежащему обсуждению.

При таких условиях Богров не мог приблизиться к императорской ложе, пока в ней изволил находиться Государь Император, а, следовательно, и не могло быть той опасности, которую усматривает обвинение, как результат бездействия власти с моей стороны.

Не допускал я возможности опасности и для покойного министра.

Обыкновенно при посещении ст[атс]-секр[етарем] Столыпиным театра я никогда от него не отходил, во всяком случае, при нем безотлучно находился офицер охраны, при наличности которого покушение Богрова не могло бы осуществиться.

Оставляя министра в первом и во втором антракте, по его приказанию, я не сомневался, что при нем находится шт[абс]-капитан Есаулов.

На предварительном следствии возбуждается вопрос о некомпетентности этого офицера в делах охраны, а сам он заявляет, что никакого отношения к личной охране министра не имел.

Некомпетентность штабс-капитана Есаулова в делах охраны признается всецело и мной и, когда 27-го августа, встретив ст[атс]-секр[етаря] Столыпина при его прибытии в гор. Киев, я увидел, что его сопровождает означенный обер-офицер, я просил разрешение вызвать по телеграфу ротмистра Дексбаха, охранявшего министра в самые тяжелые минуты, но получил отказ.

Если некомпетентность Есаулова совершенно установлена, то нисколько не установлена непричастность его к личной охране министра.

Он принял на себя 1-го сентября, по докладу подполк[овника] Кулябко, наблюдение за внутренней охраной генерал-губернаторского дома и даже перед самым театром по телефону просил меня усилить наряд около генерал-губернаторского дома жандармскими унтер-офицерами, следовательно, не считал себя не имевшим никакого отношения к охране министра.

Наконец, какая же компетенция в делах охраны требовалась 1-го сентября в театре. Не надо знать политического розыска, а только иметь самое поверхностное понятие о служебном долге, чтобы, нося военный мундир и зная, что начальнику, при котором состоишь, угрожает опасность, оставить его хоть на одну минуту, а если бы даже и встретилась к этому необходимость, никого об этом не предупредить.

Какой-нибудь иной специальной охраны я в торжественном спектакле к министру поставить не мог, так как этого никогда не разрешил бы мне покойный П.А. Столыпин. Его отношения к мерам личной охраны известны всем его сослуживцам.

Заканчивая рассмотрение всех собранных предварительным следствием данных по обвинению меня в бездействии власти при выполнении возложенных на меня Высочайшею волею высшего наблюдения за охраною в городе Киеве, я не могу не остановиться на совокупности лежавших на мне при этом обязанностей и принятых мною мер к выполнению столь ответственного и почетного поручения.

С момента первого выезда Государя Императора в Полтаву в 1909 году, пребывания в Крыму, путешествия в Италию, пребывания в Риге, путешествия в Гессен-Дармштадт и, наконец, посещения Киева, Овруча и Чернигова мною была выработана целая система охраны.

Установлена охрана стосаженной полосы, прилегающей к полосе отчуждения, причем надлежащее выполнение этих мер фактически проверялось миою каждый раз.

Выработаны инструкции для регистрационного бюро, для билетного бюро, народной охраны и отряда секретной охраны.

При предварительных поездках проверялись списки всех неблагонадежных лиц с указанием мер для их обезопасения, осмотрены лично мною все места Высочайшего проезда и посещения, проверены все необходимые полицейские наряды.

В делах политического розыска мною давались самые подробные указания департаменту полиции и местным розыскным органам.

Все эти мероприятия признавались целесообразными министром Императорского Двора, министром внутренних дел и дворцовым комендантом; признаются, насколько мне известно, целесообразными и теперь, так как применялись при Высочайших путешествиях в 1911 и 1912 гг.

Как-то непонятно обвинение в бездействии власти для человека, не оставлявшего без внимания ни одной отрасли охраны и принимавшего на себя, если нужно, самые разнообразные обязанности.

Так, когда 30 августа генерал-губернатор, губернатор и киевский полицмейстер сопровождали непосредственно Государя Императора, я, больной, в течение двух часов лично распоряжался полицейскими и жандармскими нарядами на Крещатике, дабы удержать публику от прорыва к памятнику, я не говорю уже о том, что пришлось мне сделать 1-го сентября.

Делая вывод из всего вышеизложенного, я считаю возможным сказать, что единственной против меня уликой, в результате 14-месячного расследования, является не только ничем не подтвержденный, но всеми данными дела опровергнутый оговор подполк[овника] Кулябко, что 27 августа, получив самое поверхностное сведение о возможном террористическом предприятии, я подробно их обсудил и, командируя в

Кременчуг ротмистра Муева, установил лично наблюдение за Богровым, не допуская мысли, что он находится в Киеве, а равно принял другие меры, вытекавшие из этих сведений, по крайней мере, противные не ставятся мне в вину.

Что 1-го сентября считал надзор за Богровым установленным.

Что не мог проверить пребывание «Николая Яковлевича» в квартире Богрова, через его прислугу и швейцара.

Не считал возможным проверять это обстоятельство иными мерами, обвинением мне не указанными, так как не мог оценивать поступившие ко мне 1-го сентября сведения, с точки зрения последовавших фактов, а должен был принимать меры, имея в виду наличность в городе Киеве невыясненной группы террористов, благодаря чему не мог допустить какой-либо рискованной проверки испытанного сотрудника и его квартиры, а тем более возбудить сомнение в одном из членов группы.

Такие рискованные приемы преждевременных частичных арестов дали в истории революционного движения опасные результаты, как, например, частичная ликвидация перед цареубийством 1-го марта и убийством министра внутренних дел Плеве[250].

Не знал, да и не мог я знать о допуске и нахождении Богрова в театре, а, следовательно, установить там за ним особое наблюдение.

Если в настоящее время обвинение отрицает во мне наличность безграничной преданности Государю Императору и служебному долгу, то оно не может не признать, по крайней мере, заботы о моей личной жизни, которую я неоднократно подвергал опасности и не мог рассчитывать, не за бездействие власти, а за неуклонное исполнение моих обязанностей, на особое снисхождение со стороны Богрова.

Я принял и принимал, насколько подсказывали мне мой ум и совесть, всевозможные меры к выполнению возложенной на меня милостью Государя Императора, обязанности охранять Его Священную особу и августейшую его семью.

Генерал-лейтенант в отставке П. Курлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп 1 Д. 275. Л. 54–66об Типограф экз

ЖУРНАЛ № 52 ПЕРВОГО ДЕПАРТАМЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА О РАССМОТРЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЕНАТОРА Н.З. ШУЛЬГИНА[251]

11 декабря 1912 г.

Внесенное по Высочайшему повелению дело, по всеподданнейшему докладу сенатора Трусевича, содержащему обвинения бывших товарища министра внутренних дел, генерал-лейтенанта Курлова, чиновника особых поручений при сем министерстве, исполнявшего обязанности вице-

директора департамента полиции, статского советника Веригина и начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябки, а также полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича в преступных по службе деяниях, при исполнении возложенных на них обязанностей осуществления мер охраны во время пребывания Их Императорских Величеств в городе Киеве в 1911 году.

Первый департамент, обозрев производство по настоящему делу, в присутствии министра внутренних дел, сенатора Макарова, а также при участии прибывшего для изъяснений товарища министра юстиция, гофмейстера Веревкина[252], принял во внимание, что Высочайшими повелениями от 7 и 17 сентября и 4 октября 1911 г. Государю Императору благоугодно было указать, чтобы, независимо от предварительного следствия по делу о посягательстве на жизнь статс-секретаря Столыпина, произведено было всестороннее расследование о действиях должностных лиц, принимавших участие в осуществлении мер охраны во время пребывания Их Императорских Величеств в городе Киеве в 1911 г., причем задачу эту Государь Император соизволил возложить на сенатора Трусевича.

Завершив произведенное расследование, сенатор Трусевич поверг на Высочайшее благовоззрение свой всеподданнейший доклад, заключавший данные, устанавливавшие, по его мнению, допущение, при осуществлении мер охраны в сем случае, превышения и бездействия власти, имевшие важные последствия: занимавшим должности товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов, шталмейстером Высочайшего Двора, генерал-лейтенантом Курловым, исполнявшим обязанности вице-директора департамента полиции, в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, статским советником Веригиным, начальником подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, полковником отдельного корпуса жандармов Спиридовичем и начальником Киевского охранного отделения, подполковником того же корпуса Кулябкой.

Означенный всеподданнейший доклад был передан на предварительное рассмотрение Совета министров, который, обсудив все данные, собранные расследованием, положил: делу о возбуждении уголовного преследования против генерал-лейтенанта Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки дать законный ход в порядке, определенном в пункте 4 статьи 68 и в статьях 87 и 88 учреждения Государственного совета (изд. 1906 г.).

Составленный по сему предмету особый журнал Совета министров удостоился Высочайшего одобрения в 24 день февраля месяца сего года.

Вследствие сего, первый департамент Государственного совета, приступив к рассмотрению сего дела, 20 марта сего 1912 г. положил: потребовать от названных должностных лиц объяснения по всем означенным во всеподданнейшем докладе сенатора Трусевича, обвинениям, с назначением для представления объяснений двухнедельного срока.

Обсудив затем представленные генерал-лейтенантом Курловым, статским советником Веригиным, полковником Спиридовичем и подполковником Кулябкой подробные объяснения по содержанию данных произведенного сенатором Трусевичем расследования, департамент нашел, что объяснения их, не во всем согласные с первоначальными их показаниями во время расследования и отчасти расходящиеся с обстоятельствами, им выясненными, не устраняют предъявленных к ним обвинений и требуют самой тщательной проверки предварительным следствием. Посему и разделяя, в существе, заключения всеподданнейшего доклада сенатора Трусевича о том, что против всех названных должностных лиц надлежит возбудить уголовное преследование по обвинению в бездействии власти, имевшем весьма важные последствия, т.е. в преступлении, предусмотренном статьею 339 и частью 2 статьи 341 Уложения о наказаниях, департамент 11 мая сего года положил: назначить по предъявленным к бывшему товарищу министра внутренних дел, ныне генерал-лейтенанту в отставке, Курлову, отставному статскому советнику Веригину, полковнику Спиридовичу и отставному подполковнику Кулябке обвинение в бездействии власти, имевшем важные последствия, производства предварительного следствия.

Вследствие сего и согласно статье 91 Учреждения Государственного совета предварительное следствие по настоящему делу было возложено, по Высочайшему назначению, на сенатора Шульгина и ныне поступило в департамент, вместе с заключением о дальнейшем направлении настоящего дела обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, полагающего, согласно статьям 207, 222, 1075, 1105, 1107 и 1252 Устава уголовного судопроизводства, предать суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, с участием сословных представителей, по обвинению в преступных деяниях, предусмотренных в отношении всех обвиняемых статьею 339 и частью 2 статьи 341 Уложения о наказаниях.

Обращаясь к разрешению вопроса о дальнейшем направлении настоящего производства, департамент нашел, что произведенным, по Высочайшему назначению, сенатором уголовного кассационного департамента тайным советником Шульгиным предварительным следствием установлены нижеследующие обстоятельства.

1 сентября 1911 г., в Киевском городском театре, во время второго антракта парадного спектакля, происходившего в Высочайшем присутствии, неизвестный молодой человек во фраке, находившийся в партере зрительного зала, достал из кармана револьвер системы «браунинг» и, прикрыв его афишей, направился к статс-секретарю Столыпину, стоявшему на виду у всех в первом ряду кресел. Это приближение неизвестного заметили многие лица, среди коих, однако, не было никого, специально назначенного охранять председателя Совета министров. Расположенные поблизости от него кресла были пусты. И неизвестный, оказавшийся помощником присяжного поверенного ев-

реем-анархистом Мордкою Богровым, беспрепятственно подойдя к председателю Совета министров на два шага, произвел в него два выстрела, причинив ему раны в руку и в правый бок, причем от этой последней, безусловно смертельной, раны статс-секретарь Столыпин 5 того же сентября скончался. Во время возникшего смятения среди находившихся в театре, из коих многие бросились бежать, царская ложа со стороны зрительного зала оказалась без надлежащей охраны. Никакого особо назначенного наряда для охраны как царской ложи со стороны партера, так и министров не было, и находившиеся в зрительном зале жандармские офицеры ни от кого никаких инструкций относительно мер безопасности на время спектакля не получали. Хотя близ царской ложи и сидели высшие чины охраны, но, во-первых, злоумышленник, пользуясь темнотою и всеобщим вниманием к происходившему представлению, мог незаметно приблизиться к Его Императорскому Величеству, когда Государь Император изволили занимать место в правой передней части ложи, около первого ряда кресел, а, во-вторых, во время антракта все означенные лица охраны удалялись из партера, и царская ложа с этой стороны оставалась совершенно незащищенною; подойти к ней было вполне возможно, как это и сделал Богров, совершивший свое злодеяние в шести шагах от края ложи. В антрактах все находившиеся в ложе Высочайшие особы удалялись в арьер-ложу, но и при этом условии, если бы преступник имел разрывной снаряд, последствия описанных порядков охраны могли бы быть ужасающими. Злоумышленник после выстрелов в Столыпина спокойно пошел обратно, когда же раздались крики, он пытался скрыться, но был схвачен публикою, вытащен в буфетную комнату и передан в распоряжение судебных властей. При обыске у него отобран театральный билет на кресло 18 ряда за № 406, выданный начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябкой.

Расследованием, направленным к выяснению устройства охраны и причин, побудивших начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябку выдать Мордке Богрову билет в театр на торжественное представление в Высочайшем присутствии, установлено следующее:

В силу Высочайших повелений от 22 мая 1909 г., 19 мая 1910 г. и 21 мая 1911 г., направление мер охраны, при посещении Его Императорским Величеством городов Полтавы, Риги и, наконец, Киева и Крыма, было объединяемо в руках генерал-лейтенанта Курлова, с подчинением ему всех без исключения чинов, находившихся в поименованных местностях и командированных туда для поддержания порядка.

Осуществляя свои полномочия, генерал-лейтенант Курлов, привлек в качестве непосредственных своих помощников: исполняющего обязанности вице-директора департамента полиции, в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, статского советника Веригина и начальника подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича. Кроме того, в не-

посредственном подчинении генералу Курлову состоял начальник Киевского охранного отделения подполковник того же корпуса Кулябко.

Приступив, согласно Высочайшему повелению, к выполнению возложенной на него задачи, генерал-лейтенант Курлов, в сопровождении избранных им лиц, посетил в июне 1911 г. города Киев, Чернигов и Овруч, а в первой половине августа – Севастополь и Ялту. В означенных городах генералом Курловым были организованы совещания с представителями местной власти для выяснения как необходимых мероприятий по обеспечению безопасности и порядка, так и потребного количества чинов полиции и жандармского корпуса, подлежавших командированию для усиления органов, ведавших охрану. В то же время генерал Курлов, не производя фактической проверки положения политического розыска и дел в охранных отделениях, выслушивал подробные доклады начальников таковых об имевшихся указаниях на неблагонадежных лиц и отдавал распоряжения относительно негласного наблюдения, в чем главным помощником ему являлся полковник Спиридович. В видах же контроля за допущением в местностях Высочайших посещений исключительно лиц благонадежных было учреждено в городе Киеве особое бюро по выдаче билетов, но постановка деятельности его была, однако, признана расследованием неудовлетворительною.

Несмотря, однако, на все указанные общие меры охраны, с разрешения тех же охранных властей, 1 сентября 1911 г. был допущен в театр на представление в Высочайшем присутствии такой явно неблагонадежный и опасный человек, как Мордка Богров, прошлое которого было известно не только подполковнику Кулябке, но по докладу последнего также и генералу Курлову, полковнику Спиридовичу и статскому советнику Веригину.

Как выяснило следствие, Богров, сын киевского домовладельца, поступил в Киевский университет, примкнул к организации анархистов и завязал сношения с видными представителями этой группы. Однако, по его словам, он вскоре убедился, что большинство членов кружка состояло из разных отбросов городского населения, склонных к грабежам и разбоям. По собственному признанию Богрова, такое направление сообщников скоро заставило его разочароваться в анархизме и он, оставаясь в организации, начал сообщать сведения о ее деятельности Киевскому охранному отделению, не отказываясь и от получения денег за свои доносы. С половины 1907 г. по заявлениям Богрова был ликвидирован ряд террористических групп, причем сообщения Богрова отличались большою точностью. Когда в 1910 г. анархисты заподозрили Богрова в шпионстве, он решил бросить работу в Киевском охранном отделении и в апреле переселился в С.-Петербург, заручившись, на всякий случай, рекомендацией подполковника Кулябки в столичное охранное отделение. В июне того же года Богров явился к начальнику этого отделения полковнику фон Коттену и предложил ему свои услуги, обещая приобрести нужные для

этого связи в революционной среде. Полковник фон Коттен принял его в сотрудники, но Богров по существу никаких сведений не давал и через месяц уехал за границу, причем сношения его с С.-Петербургским охранным отделением совершенно прекратились. Зимою 1910 г. Богров приезжал вновь в Киев и навестил подполковника Кулябку как своего знакомого, получив от него на свои личные нужды небольшую сумму денег.

Таким образом, со времени прекращения связей с Киевским охранным отделением, жизнь Богрова, политическое направление и связи в революционной среде оставались уже вне всякого контроля розыскных органов. Войдя затем в соприкосновение с Киевским охранным отделением лишь в августе 1911 г., для выполнения тяжкого террористического акта и совершив таковой, Богров в объяснении мотивов этого злодеяния представил противоречивые показания. На первых допросах у судебного следователя Богров заявил, что он учинил нападение на председателя Совета министров с обдуманным заранее намерением, в силу побуждений политического характера, коими проникся после переезда в С.-Петербург, и что он даже останавливался на мысли о цареубийстве, но отказался от нее лишь из опасения еврейского погрома и нежелания дать этим актом повод к оправданию правительственной политической репрессии в отношении его единоверцев. При рассмотрении же дела военным судом, Богров, изменив свои объяснения, показал, что в марте 1911 г. к нему в Киев являлся один анархист и поставил его в известность, что факты предательства Богровым товарищей и растраты им партийных денег вполне установлены. 16 же августа 1911 г. к Богрову, по возвращении его с дачи, которую он занимал в местности Потоки, близ города Кременчуга, неожиданно прибыл анархист Виноградов под кличкой «Степа» и заявил, что его, Богрова, в партии «окончательно признали провокатором, что предательство его получит широкую огласку во всех слоях общества и его, как шпиона, убьют. Вместе с тем, Виноградов от имени партии предложил Богрову, в видах своей реабилитации, совершить террористический акт, указав на возможность убийства подполковника Кулябки или другого лица, по собственному усмотрению, во время предстоящих киевских торжеств. Последним сроком исполнения этого ультиматума Виноградов назначил 5 сентября. По словам Богрова, выхода у него не оставалось и он должен был принять предложенные условия.

Отлично понимая, что для осуществления задуманного им преступления могут оказаться полезными связи его с охранным отделением и доверие, всегда оказываемое ему подполковником Кулябкой, Богров решил возобновить с ним сношения, измыслив рассказ о готовящемся будто бы покушении на министров Столыпина и Кассо.

По этому поводу Богров на допросе у судебного следователя 2 сентября 1911 г. дал следующие показания: 26 или 27 августа он отправился к подполковнику Кулябке на квартиру, предварительно уведомив его по телефону о том, что имеет сообщить ему некоторые све-

дения. Кулябко принял его у себя дома, и при их разговоре присутствовали полковник Спиридович и камер-юнкер Веригин.

Богров сообщил всем этим лицам вымышленные сведения, схема которых была выработана им заранее по следующему плану. Он, Богров, в бытность свою в С.-Петербурге сообщил фон Коттену ложное известие о его знакомстве с молодым террористом и вот теперь он и решил воспользоваться этою же несуществующей личностью, которую назвал «Николаем Яковлевичем», для того, чтобы создать связь между сведениями, сообщенными им раньше фон Коттену и ныне сообщаемыми им подполковнику Кулябке, и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Он решил рассказать Кулябке, что этот «Николай Яковлевич» с женщиной «Ниной Александровной», также не существующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из министров, что они просили его дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке для того, чтобы избегнуть полицейского наблюдения, и что «Николай Яковлевич» имеет намерение остановиться у него на квартире. После передачи всех этих сведений он, Богров, решил убедить Кулябку дать ему пропуск в те места, где будет Столыпин, для того, чтобы иметь возможность предупредить покушение на него. Получив же эти пропуски, он решил воспользоваться близостью Столыпина и стрелять в него. Весь этот план и был им осуществлен, причем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал его слова правдивыми. Он виделся с Кулябкой всего три раза, а именно 26 или 27 августа в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у Кулябки на квартире и, наконец, 1 сентября в Европейской гостинице в номере 14, в присутствии того же Веригина. В эти три раза он, Богров, рассказал Кулябке все вышеизложенное и прибавил, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» приехали и первый из них остановился у него на квартире. Тогда Кулябко учредил за ним очень густое наблюдение, но, конечно, никого не выследил, так как никто к нему не приезжал. При первом свидании с Кулябкой, последний, указывая ему на пачку пригласительных билетов на разные торжества, спросил его, имеет ли он таковые, он, не желая возбудить у него подозрение, ответил, что ему таковых не надо. Однако, он твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов вечера 31 августа, что в видах успеха дела ему необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что его присутствие в саду требуется для предупреждения покушения и сообщил ему, что билет будет ему выдан и чтобы он прислал за ним посыльного. Таким образом, он и получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел в аллею ближе к царскому шатру; стоял он в первом ряду публики и хорошо видел прохождение Государя, но Столыпина в тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо;

поэтому он не мог в него тогда стрелять. Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где он мог встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен парадный спектакль 1 сентября, он решил непременно достать себе туда билет. С этой целью он пошел в охранное отделение и ввиду того, что Кулябко уже спал, написал ему записку, в которой он сообщал ему вымышленные сведения о том, что у «Нины Александровны» имеется бомба, что у «Николая Яковлевича» есть высокопоставленные покровители и что покушение на Государя не состоится из опасения еврейского погрома. Он рассчитывал, что эта записка произведет на Кулябку серьезное впечатление и что он примет его лично и тогда он выпросит у него билет на спектакль. Так и вышло, Кулябко его принял, из разговора с ним он понял, что Кулябко его ни в чем не подозревает и что он имеет все шансы на получение билета, но окончательно этот вопрос не был тогда решен. Поэтому он на следующий день снова пошел к Кулябке и сообщил ему, а также присутствовавшему Веригину, что билет ему необходим, во-первых, для того, чтобы быть изолированным от компании бомбистов, а, во-вторых, для разных других целей, полезных для охранного отделения. Эти цели были изложены им весьма неопределенно и туманно и он, главным образом, рассчитывал, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия к нему выдаст билет. Его предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был ему прислан в 8 часов вечера с филером охранного отделения, о чем его предуведомил по телефону Кулябко. Билет был за № 406, восемнадцатого ряда и был выписан на его настоящее имя, только с ошибкою в заглавной букве его отчества. Приехав в театр во фраке в 8¼ часов вечера, он встретил Кулябку, которому сообщил, что «Николай Яковлевич» по-прежнему находится у него на квартире и, повидимому, заметил наблюдение. Тогда Кулябко, боясь прозевать его, просил его съездить домой и удостовериться, не вышел ли он из дома. Он, Богров, удалился на некоторое время из театра и, сделав вид, что побывал дома, вернулся в театр и сказал подполковнику Кулябке, что «Николай Яковлевич» никуда не ушел. Затем он занял свое место и в первом антракте не имел случая приблизиться к Столыпину. Во время второго антракта, высматривая, где находится Столыпин, он в коридоре встретился с Кулябкой, который ему сказал, что он очень опасается за деятельность «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны» и предложил ему ехать домой следить за «Николаем Яковлевичем». Он согласился, но когда Кулябко отошел от него, оставив его без всякого наблюдения, он воспользовался этим временем и прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстоянии 2–3 шагов. Около него почти никого не было, и доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер «браунинг» находился у него в правом кармане брюк и был заряжен 8 патронами. Чтобы не было заметно, что карман оттопыривался, он прикрыл его

театральной программой; когда он приблизился к Столыпину на расстоянии около двух аршин, он быстро вынул револьвер из кармана и, вытянув руку, произвел два выстрела; будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан.

На допросе у судебного следователя 6 сентября 1911 г. обвиняемый Богров объявил, что, когда он был в театре, у него возникла мысль, что Кулябко учредил за ним наблюдение, но убедился, что такого наблюдения не имеется.

В отношении объяснений обвиняемого Богрова при самом его задержании, до допроса его судебным следователем Фененко, свидетель подполковник отдельного корпуса жандармов Иванов, приступивший к допросу его за отсутствием на месте судебного следователя, удостоверил, что Богров при этом допросе не упоминал тогда о том, что он состоял на службе в Киевском охранном отделении, рассказав лишь, что когда он задумал совершить покушение на министра Столыпина, то явился к подполковнику Кулябке и сделал последнему вымышленное сообщение о приезде к нему, Богрову, молодого человека, собиравшегося будто бы совершить убийство Столыпина. Кулябко, поверив его словам, выдал ему билет для входа на торжества, происходившие в Купеческом саду и городском театре. По словам Богрова, еще при первом свидании, происходившем в присутствии Веригина и Спиридовича в квартире Кулябки, последний указал ему на пачку билетов на торжества, лежавших на столе, и спросил, имеет ли он, Богров, такие билеты. На это он, не желая возбуждать подозрения, ответил, что билеты ему не нужны, а впоследствии обратился к Кулябке с просьбою выдать ему таковые. При первом допросе Богров объяснил, что, обратившись к Кулябке с просьбою дать ему билет в театр, он сказал, что присутствие его в театре необходимо, с одной стороны, чтобы изолировать себя от злоумышленников, а с другой стороны, для того, чтобы принять на себя роль наблюдателя за Столыпиным и воспрепятствовать совершению покушения. Просьба о выдаче билета в театр, по объяснению Богрова, была заявлена им подполковнику Кулябке в присутствии Веригина, причем, на его просьбу дать место поближе к креслу Столыпина, Кулябко и Веригин ответили, что в первых рядах места предназначены высокопоставленным особам и ему, Богрову, сидеть там неудобно. Богров также утверждал, что при свиданиях его с Кулябкой, как на квартире у последнего, так затем в Европейской гостинице, всегда присутствовали Спиридович и Веригин, причем Богров высказывал удивление, что Кулябко не замечал подозрительности его поведения и вел с ним сношения так неконспиративно.

После осуждения Богрова приговором военного суда, тот же свидетель Иванов еще раз допрашивал его 10 сентября 1911 г. с тою целью, чтобы внести в протокол новые объяснения его, данные на суде. Будучи осведомлен о том, что Богров во время суда выгораживал Ку-

лябку, свидетель Иванов спросил его, чем объяснить такой образ его действий. На это Богров ему сказал, что на предложенные прокурором вопросы Кулябко, растерявшись, не знал, что отвечать, и он, Богров, пожалел его, своими ответами старался помочь ему выйти из затруднительного положения. К изложенному свидетель Иванов добавил, что в зрительном зале, насколько ему известно, офицерского наряда для охраны не было и офицеры отдельного корпуса жандармов в зале находились в качестве зрителей и обязанностей охраны на них возложено не было.

Показание Богрова, данное в военно-окружном суде, в протокол судебного заседания занесено не было и восстановлено присутствовавшими в заседании свидетелями, из коих прокурор Киевского военно-окружного суда генерал-лейтенант Костенко, прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский и киевский комендант, генерал-майор Мадер показали:

1) *Костенко*, что Богров, не признав себя виновным в предъявленных ему обвинениях, объяснил, что убийство Столыпина он совершил без всякого предумышления и даже неожиданно для себя. При этом он рассказал следующее: еще будучи воспитанником гимназии, он увлекался идеями анархизма и в 1906 г. вступил членом в местную партию анархистов-коммунистов, но уже в следующем году разочаровался в целях, преследуемых этой партией, и в том же году вышел из нее. Около этого же времени он, Богров, познакомился с начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябкой, которому обещал содействовать раскрытию организации этой партии и преследуемых ею целей. Кулябко согласился на его предложения. Вступив в число сотрудников, он, Богров, получал от Кулябки единовременно небольшие денежные суммы. В этих деньгах Богров, по его словам, не нуждался, имея свои собственные средства, и, во всяком случае, оказывал содействие охранному отделению не под влиянием денежных расчетов. Сведения о революционерах Богров давал подполковнику Кулябке до половины 1910 г., когда он уехал в С.-Петербург и там, будучи принят начальником местного охранного отделения фон Коттеном в сотрудники, работал под руководством последнего. Далее Богров рассказал, что в начале 1911 г. он возвратился в Киев и поселился на даче возле станции Потоки Харьковско-Николаевской железной дороги, находившейся недалеко от города Кременчуга. Сюда, по его словам, в течение лета 1911 г., к нему дважды приезжали делегаты из Парижа. В первый раз целью приезда их было истребовать от него, Богрова, подробный отчет в израсходовании находившихся у него на руках партийных денег; требование это было им удовлетворено, и отчет представлен. После этого вторично прибыли в это же лето делегаты, которые предъявили ему обвинение в сношениях с охранным отделением и предложили, с целью реабилитировать себя в глазах партии, совершить какой-нибудь террористический акт под угрозами огласить его провокаторскую деятельность,

а затем лишить его жизни. Разоблачение такой его деятельности, по выражению Богрова, было для него «хуже смерти», а потому он согласился на сделанное ему предложение, хотя не наметил определенного лица, которое он намеревался убить. Впоследствии у него явилась мысль, что этим лицом может быть подполковник Кулябко, так как преступление могло быть совершено безнаказанно, ибо, имея постоянные сношения с Кулябкой, он оставался с ним наедине и мог выбрать благоприятный момент для приведения в исполнение своего замысла, но то доверие, которое оказывал ему Кулябко, и ласковое обращение с ним, постоянно останавливали его. Между тем, назначенный революционерами срок истекал, необходимо было решиться, и тогда он окончательно остановился на мысли убить Кулябку. Так как последний во время торжеств был очень занят и с ним трудно было встретиться наедине, то Богров явился к нему ночью 31 августа на квартиру, предварительно изготовив записку о прибытии в Киев злоумышленников «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны». Сказав сторожу, чтобы он разбудил Кулябку, так как имеет сообщить ему важные сведения, Богров, по его объяснению, был впущен в квартиру Кулябки, причем последний, выйдя к нему в одном белье, прикрытый одеялом, ласково обратился к нему с вопросом: «В чем дело, голубчик». Это окончательно обезоружило его, и он ушел, не исполнив своего намерения. Богров также рассказал, что еще ранее этого свидания, а именно 26 августа 1911 г., он явился к подполковнику Кулябке на квартиру и, будучи принят в кабинете, сообщил ему вымышленные сведения о готовящемся, будто бы, покушении революционеров на министров Столыпина и Кассо. При этом сообщении в кабинете Кулябки, по словам Богрова, присутствовали полковник Спиридович и статский советник Веригин, и Кулябко сказал ему, чтобы он не стеснялся говорить при них. Рассказывал ли Богров, что во время этого свидания происходило совещание между названными лицами по поводу мер, которые должны быть приняты ввиду сделанного им заявления, а также по вопросу о предоставленин ему, Богрову, доступа в места Высочайших посещений, он, свидетель, не помнит, но припоминает, что, по словам Богрова, последний имел еще раз свидание с Кулябкой в гостинице в присутствии Спиридовича и Веригина или одного из поименованных лиц.

Что касается получения билетов для входа на торжества 31 августа в Купеческий сад и 1 сентября в городской театр, то Богров показал, что с просьбами о выдаче этих билетов он обращался непосредственно к Кулябке, имея намерение совершить на этих торжествах террористический акт в отношении кого-либо из служащих лиц. Кулябко сначала ему выдал билет в Купеческий сад. Не успев там выполнить своего намерения, а также не решившись убить Кулябку в его квартире, он обратился к Кулябке с просьбою дать ему билет на вход в театр вечером 1 сентября, и таковой билет беспрепятственно получил. Мотивом для выдачи билетов Богров, по его объяснению,

выставлял подполковнику Кулябке то обстоятельство, что он, будучи на месте, предупредит совершение террористического акта и укажет злоумышленников. По показанию генерал-лейтенанта Костенки, Богров ничего не говорил о том, что у него возникла мысль совершить покушение на Государя Императора и что он не осуществил этого намерения лишь из боязни вызвать еврейский погром. На вопрос же свидетеля, почему он выстрелил именно в статс-секретаря Столыпина, Богров ответил, что Столыпин был самым видным лицом в публике, на которое было обращено внимание всего общества, и потому он, приблизившись беспрепятственно к нему, произвел в него выстрелы. Далее свидетель Костенко удостоверил, что подполковник Кулябко на суде был допрошен под присягою и в общих чертах подтвердил все обстоятельства, удостоверенные им при допросах на предварительном следствии, причем на предложенные вопросы также показал, что у него имелись основательные данные на то, что Богров как до совершения преступления, так и во время убийства Столыпина состоял в преступной партии и что он, Кулябко, вполне доверял искренности его сообщений, а потому не только выдал ему входные билеты, но и не счел нужным учреждать за ним особого наблюдения и подвергать обыску. Генерал-лейтенант Костенко также положительно удостоверил, что Кулябко на его вопросы о том, что докладывал ли генералу Курлову, полковнику Спиридовичу и статскому советнику Веригину о присутствии Богрова в театре, ответил утвердительно, причем добавил, что Курлов сообщил ему, что об этом он, в свою очередь, докладывал министру Столпину. Но действительно ли Столыпину были доложены означенные сведения, ему, подполковнику Кулябке, неизвестно. По словам генерал-лейтенанта Костенки, Кулябко на суде не излагал подробностей своего доклада генералу Курлову, но он, свидетель, хорошо помнит, что, по показанию Кулябки, генералу Курлову из его докладов было хорошо известно о нахождении Богрова в театре и что Курлов неоднократно во время антрактов требовал от Кулябкн докладов о новых сообщениях Богрова.

2) *Прокурор Киевской судебной палаты Чаплинский* показал, что во время спектакля в Киевском городском театре 1 сентября 1911 г. он находился в театре и по задержании Богрова, ввиду отсутствия судебного следователя, до прибытия последнего, поручил допрос Богрова, в порядке статьи 261[3] Устава уголовного судопроизводства, находившемуся тут же помощнику начальника Киевского губернского жандармского управления Иванову. На следующий день Богров в Косом капонире был допрошен в его, свидетеля, присутствии, судебным следователем, причем, давая свои показания, Богров, между прочим, упомянул, что первоначально у него было намерение совершить покушение на Государя Императора, но оно впоследствии было им оставлено из боязни вызвать еврейский погром, чего он, как еврей, не считал себя вправе допустить. Означенное заявление Богров отказался записать и подписать, мотивируя свой отказ тем, что правительство, узнав о

таком его заявлении, воспользуется им, чтобы удерживать евреев от террористических актов устрашением их погромами. Об этом был составлен особый протокол. Во время первого допроса Богрова подполковником Ивановым около двух часов ночи в комнату театра, где производился допрос, явился пристав Тюрин и заявил, что он немедленно, по приказанию Кулябки, должен доставить Богрова для допроса в охранное отделение. На это он, Чаплинский, объявил Тюрину, что Богров никуда из театра отпущен не будет, и поручил ему пригласить Кулябку в театр для дачи показаний судебному следователю в качестве свидетеля. По прибытии своем, Кулябко стал настаивать на разрешении ему переговорить наедине с Богровым, от которого он ожидал получить важные сведения. В этом свидетель ему сказал, разъяснив, что это не может быть допущено для избежания возможных в будущем нареканий, что показания Богровым даны под влиянием внушений его, Кулябки. В разговоре с ним Кулябко сначала заявил, что не может себя считать виновным в происшедшем несчастии, так как Богров был допущен им в театр с ведома генерала Курлова, а потом, как бы спохватившись, сказал: «Да, нет, виноват, я, конечно, один, мне остается пустить себе пулю в лоб... у меня уже заготовлено прошение об отставке... я человек конченный...». На другой или на третий день он, Чаплинский, вместе с прокурором окружного суда Брандорфом, был у генерала Курлова в Европейской гостинице, где обратился к нему с просьбою устранить Кулябку от участия в розысках по делу о злодеянии 1 сентября. Генерал Курлов ответил ему, что он предполагает месяца через два перевести куда-нибудь Кулябку; сделать же это немедленно он считает неудобным, дабы это не имело вида, что он ставит ему что-либо в вину по этому делу, добавив, что, как главный начальник охраны, он считает себя обязанным принять всю вину на себя. Однако, генерал Курлов согласился, что подполковнику Кулябке неудобно производить розыски по делу, и поручил их начальнику губернского жандармского управления. Тогда же генерал Курлов говорил ему, Чаплинскому, что Богров был допущен в театр без его ведома и только во время самого спектакля он, Курлов, узнал от Кулябки о присутствии в театре Богрова. Когда именно генерал Курлов узнал о том, что Богров в театре, до или после покушения, он определенно не высказывал, но из смысла всего разговора он вывел заключение, что Курлову было доложено об этом ранее, чем совершилось покушение. В заседании Киевского военно-окружного суда по делу Богрова 9 сентября 1911 г. он, Чаплинский, присутствовал и записал для себя на память показание, данное там Богровым. Сущность показаний Богрова заключается в следующем: в 1906 г. он принадлежал к партии анархистов, но затем, разочаровавшись в их деятельности, решил разоблачать их и с этою целью поступил сотрудником начальника Киевского охранного отделения Кулябки, получая за доставляемые сведения небольшое вознаграждение. В 1909 г. он, Богров, был заподозрен анархистами в измене, его

хотели убить, но ему удалось оправдаться, после чего он уехал в С.-Петербург, где, по рекомендации Кулябки, вступил в сношение с начальником С.-Петербургского охранного отделения фон Коттеном и дал ему некоторые сведения. В конце того же 1909 г. он, Богров, решил порвать связи как с анархистами, так и с охранным отделением и заняться адвокатурой. Так время прошло до марта 1911 г., когда одним из присланных к нему делегатов партии от него были потребованы объяснения по подозрению его в предательстве и растрате партийных денег. Последнее обвинение ему удалось ликвидировать, а обвинение в измене продолжало тяготеть над ним, и наконец, около 15 августа, когда он проживал на даче в Потоках, к нему явился один анархист, который заявил ему, что он, Богров, «окончательно признан провокатором», и предложил для реабилитации совершить террористический акт, грозя, в противном случае, опубликовать его поступки и убить. По словам Богрова, лицо, предъявившее ему это требование, хорошо известно охранному отделению и носит кличку «Степа»; этот «Степа» (в действительности Виноградов) был осужден в Екатеринославе за убийство офицера, но бежал. «Степа» предложил ему сначала убить подполковника Кулябку, потом Государя и, наконец, Столыпина, указав последний срок для выполнения этого акта 5 сентября. Объясняя это, Богров добавил, что, беседуя со «Степой», он не был уверен в том, действительно ли последний революционер, а не такой же агент-провокатор, как он сам. После долгих колебаний он, Богров, решился убить подполковника Кулябку и с этою целью пошел 27 августа к нему на квартиру. Кулябко встретил его очень радушно, и он не решился выполнить своего намерения; тогда же Кулябко предложил ему билеты в Купеческий сад и другие места. Он отказался, так как билеты ему не были нужны тогда. Кулябко предложил ему подождать, пока придут Веригин и Спиридович. В присутствии этих лиц он, Богров, рассказал выдуманную им историю о приезжем анархисте и барышне с бомбой. Предложение билетов запало ему в голову и натолкнуло на мысль убить кого-либо из сановников во время царских торжеств. После долгого размышления он решил просил билеты, о чем говорил по телефону с госпожею Кулябко; кто-то, очевидно, подслушал телефонный разговор и потом спрашивал его по телефону, откуда у него такой способ получать билеты. Это последнее обстоятельство, свидетельствовавшее о возможности оглашения его сношений с охранным отделением, еще больше укрепило в нем мысль о необходимости реабилитировать себя во что бы то ни стало.

31 августа в Купеческом саду он был с браунингом, но ни на что не решился. Выйдя оттуда, он отправился к Кулябке, который принял его ласково, почему он и не решился причинить ему зла. Кулябко пригласил его явиться на другой день в Европейскую гостиницу, где в присутствии Веригина ему был обещан билет в театр; Веригин даже хотел уступить ему свое место в четвертом ряду, но эта мысль была оставлена, так как четвертый ряд был предоставлен исключи-

тельно генералам. К этому Богров добавил, что, отправляясь в театр, он не составил себе определенного плана, и лишь приказание подполковника Кулябки уйти из театра окончательно побудило его, из опасения утерять удобный случай, решиться на преступление. Что показывал Кулябко в заседании военного суда по вопросу о времени, когда он доложил генералу Курлову о допущении Богрова в театр, свидетель Чаплинский не помнит и показаний Кулябки не записывал.

3) Наконец, присутствовавший в заседании военно-окружного суда *киевский комендант генерал-майор Медер* показал, что 1 сентября 1911 г. во время посещения Государем Императором Киевского ипподрома на экспланадном плацу Киевской крепости, между 3–4 часами дня, он находился в ожидании Высочайшего приезда. Около решетки, отделявшей место, где находилась царская ложа и площадка, возле нее он увидел человек 30–40 каких-то людей, находившихся между членским павильоном и решеткою. На его вопрос, что это за люди, жандармский офицер ему доложил, что это корреспонденты. Когда затем 2 сентября, утром, он увидел доставленного в Косой капонир крепости преступника, стрелявшего в статс-секретаря Столыпина, он сразу заметил, что это самое лицо он видел накануне на ипподроме, и спросил его, был ли он там, на что он ответил утвердительно. По предъявлении ему фотографической карточки Богрова, он признал, что на ней изображен тот самый молодой человек, которого он заметил в публике, находясь на ипподроме. За решеткой по другую сторону от группы, где находился Богров, была площадка, на которой ожидали прибытия Государя Императора высокопоставленные лица; в числе их был статс-секретарь Столыпин, который все время прогуливался по этой площадке в расстоянии не более одного аршина от решетки. Эта решетка была высотой немного выше среднего роста человека, и Богров, находясь близко от нее, имел полную возможность тогда же произвести выстрелы в Столыпина или кого-либо другого из присутствовавших там министров. Кроме того, около той же решетки по площадке пролегал путь следования Государя Императора по направлению к царской ложе. Имел ли Богров билет для входа на ипподром и от кого получил таковой, он, свидетель, не спрашивал, но не сомневается, что билет у него был, так как без билета он не был бы пропущен у входа стоявшими там жандармскими офицерами. Далее, генерал-майор Медер показал, что присутствовал в заседании военно-окружного суда 9 сентября 1911 г. при объяснениях, данных Богровым. Насколько свидетель припоминает, Богров утверждал на суде, что в совещании, происходившем по поводу сделанного им заявления о намерении злоумышленников совершить покушение на министров Столыпина и Кассо, принимали участие, кроме Кулябки, полковник Спиридович и Веригин; свидетель также помнит, что Богров говорил на суде, что тогда же ему была поручена охрана одного из этих министров или обоих, в точности свидетель не припомнит, и что было решено дать ему место в театре. Кажется, Богров

упоминал также и о том, что Веригин хотел уступить ему свое место в четвертом ряду, но что это предположение не состоялось. К этому свидетель Медер добавил, что вечером 1 сентября 1911 г. в зрительном зале Киевского городского театра почти вся публика была одета в костюмы белого цвета за исключением военных, которые были в кителях защитного цвета; в черном же платье в публике, кроме Богрова, свидетель никого не заметил.

Следствием установлено, что в том же самом месте на площадке ипподрома заметил Богрова 1 сентября и свидетель – секретарь Юго-Западного общества поощрения рысистого коннозаводства Владимир Грязнов. По удостоверению последнего, это было не менее как за полчаса до приезда на ипподром министров. Он, Грязнов, не зная Богрова и видя, что неизвестный господин стоит не там, где назначено место для публики, обратился к нему со словами: «А вам что здесь нужно», – и спросил у него билет. Богров предъявил ему коричневый билет без пригласительной карточки и спросил, не охранник ли он, Грязнов. Это его рассердило, и он, взяв Богрова за плечо, толкнул его к выходу, сказав «ступайте вон».

Для введения охранных властей в заблуждение в отношении появления в городе Киеве несуществующих в действительности террористов «Николая Яковлевича» и «Нины Александровны» Богровым были составлены четыре приобщенные к следствию записки, содержание которых следующее:

1) В записке, составленной Богровым при первом заявлении его 26 августа 1911 г. в кабинете Кулябки, изложено: «Весной 1910 г. в С.-Петербург приехала одна женщина с письмами от Центрального комитета партии социалистов-революционеров для присяжного поверенного Кальмановича, бывшего эмигранта Егора Лазарева и члена Государственной думы Булата. В передаче этих писем принял участие и Богров, установив, таким образом, связи с Лазаревым, причем обо всем этом осведомил начальника С.-Петербургского охранного отделения фон Коттена. Вскоре с Богровым познакомился явившийся от имени Лазарева неизвестный, назвавшийся «Николаем Яковлевичем». Узнав из происходившей затем между ними переписки, что противоправительственные взгляды Богрова, высказанные при первом их свидании, не изменились, «Николай Яковлевич» неожиданно в конце июля приехал к Богрову в дачную местность Потоки близ Кременчуга и вступил с ним в переговоры о том, можно ли иметь в Киеве квартиру для трех человек. Получив удовлетворительный ответ, «Николай Яковлевич» расспросил о способах сообщения с Киевом и одобрил предложенный Богровым план приезда на моторной лодке; в тот же день «Николай Яковлевич» выбыл обратно в Кременчуг и обещал в скором времени дать о себе знать»*. Передавая эту записку подполковнику Кулябке, Богров пояснил, что, прочтя в газетах, будто революционеры на-

* Полный текст записки см.: ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 28. Л. 30-32. Автограф.

мереваются возобновить террористические действия против статс-секретаря Столыпина при поддержке финляндцев, и узнав по слухам, что в тот же день, 26 августа, в Киевском охранном отделении застрелился какой-то арестованный, он, Богров, счел долгом сообщить изложенные в его записке данные охранному отделению в предположении, не имеют ли таковые связи с газетными указаниями и упомянутым самоубийством.

2) В записке Богрова, составленной 31 августа 1911 г., значится дословно: «У Аленского (кличка Богрова) в квартире ночует сегодня приехавший из Кременчуга «Николай Яковлевич», про которого я сообщал. У него в багаже два браунинга. Говорят, что приехал не один, а с девицей «Ниной Александровной», которая поселилась на неизвестной квартире, но будет у Аленского завтра между 12–1 час. дня. Впечатление такое, что готовится покушение на Столыпина и Кассо. Высказывается против покушения на Государя из опасения еврейского погрома в Киеве. Думаю, что у девицы «Нины Александровны» имеется бомба. Вместе с тем «Николай Яковлевич» заявил, что благополучный исход их дела несомненен, намекая на таинственных высокопоставленных покровителей. Аленский обещал во всем полное содействие. Жду инструкций». Записка эта была послана подполковнику Кулябке, по окончании гулянья в Купеческом саду, после настойчивого требования Богрова свидания с подполковником Кулябкой в охранном отделении.

3) Записка Богрова с приметами «Николая Яковлевича»: «Приметы «Николая Яковлевича» – роста выше среднего, довольно плотный, лет 28–30, брюнет, небольшие усы и подстриженная бородка, одет в темный костюм, рыжеватое английское пальто, котелок и темные перчатки. Наблюдение прошу поставить после 8 часов утра, выйдет не раньше часа из дома. Между 12–1 дня явится девица «Нина Александровна», приметы неизвестны». Сверху записки карандашом сделана пометка «на 1 сентября 1911 года». Записка эта была составлена по поручению подполковника Кулябки для вручения Демидюку, на которого было возложено наблюдение за квартирой Богрова.

4) Записка, найденная у Богрова при его задержании: «Николай Яковлевич» очень взволнован. Он в течение нескольких часов наблюдает из окна через бинокль и видит наблюдение. Уверен, что за ним поставлено наблюдение скверно, слишком откровенно. Я не провален еще»*.

Допрошенный на предварительном следствии в качестве обвиняемого отставной подполковник *Николай Николаевич Кулябко* не признал себя виновным в противозаконном бездействии власти, имевшем весьма важные последствия, не отрицая однако, что Богров был допущен им на торжественный спектакль 1 сентября 1911 г. в Киевский городской театр и 31 августа на торжество, имевшее место в

* Три указанные записки хранятся: ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 28. Л. 12, 3, 35. Автограф.

Высочайшем присутствии в саду киевского Купеческого собрания, и что для входа в означенные места им были выданы Богрову билеты. Допустив Богрова, он не учреждал за ним наблюдения и не удостоверялся в том, что при входе в означенные места у него не было при себе оружия. Охрана в театре царской ложи и министров, по утверждению Кулябки, была учреждена, но о присутствии Богрова в театре охрана им, обвиняемым, предупреждена не была. Обвиняемый также признал и то обстоятельство, что после получения от Богрова заявления о готовящемся покушении на министров Столыпина и Кассо и о прибытии в его, Богрова, квартиру злоумышленников, он, кроме установления наружного наблюдения за его квартирой, не принял других мер для того, чтобы удостовериться в действительности сообщенных Богровым фактов. Подтвердив затем во всем вышеизложенные обстоятельства сотрудничества Богрова в Киевском охранном отделении до апреля 1910 г., обвиняемый Кулябко в отношении нового появления к нему Богрова в августе 1911 года дал следующие объяснения: 26 августа 1911 г. он получил, насколько припомнит, первые сведения о Богрове от заведующего наружным наблюдением Демидюка. Затем, он говорил в этот день с Богровым по телефону, причем Богров сообщил ему, что имеет важные сведения и что необходимо им повидаться. Тогда он поручил Демидюку провести Богрова к нему на квартиру, предупредив его, что он встретит Богрова в определенном месте на улице между 5–7 часами дня. Богров был приведен Демидюком к нему во время обеда. В этот день у него обедали приглашенные им еще ранее Спиридович, Веригин, Пискунов и Сенько-Поповский. Услыхав шаги в коридоре, он, Кулябко, вышел из-за стола и вошел в кабинет. Здесь был уже Богров, который, на предложение его изложить в чем дело, вкратце сообщил о том, что в Киев собирается какая-то группа налетчиков террористов для совершения крупного нападения на какой-либо из банков или для убийства кого-либо во время торжеств, в точности для какой цели, ему неизвестно. При этом он говорил, что в бытность в С.-Петербурге он познакомился с неким «Николаем Яковлевичем», из разговоров с коим он вывел заключение, что это серьезный партийный работник. Этот же «Николай Яковлевич» в конце июля месяца 1911 г., когда он, Богров, проживал на даче в местности Потоки близ Кременчуга, приехал к нему на дачу и, не посвящая в подробности дела, просил оказать содействие по приисканию в Киеве конспиративной квартиры и подысканию способов для приезда в этот город нескольких товарищей. Он, Кулябко, предложил Богрову изложить письменно все эти сведения возможно подробнее, а сам вышел в столовую и, сказав Спиридовичу, что к нему пришел интересный субъект, предложил ему выслушать после обеда его доклад. Когда, по окончании обеда, он провел Спиридовича в кабинет, то, находя, неудобным как в силу личных, так и служебных отношений к Веригину, как вице-директору департамента полиции, уединиться от него вместе со Спиридовичем,

он пригласил войти в кабинет также и его. При этом Кулябко пояснил, что пригласил Спиридовича и Веригина принять участие в обсуждении заявления Богрова, считая необходимым, ввиду его личных отношений с ними и их отношения к делам охраны, посвятить их в это дело, тем более, что он мог ожидать от них полезных советов. В кабинете, взяв у Богрова написанную им записку, он, Кулябко, предложил Богрову подробно объяснить на словах все то, что им изложено в записке. Богров рассказал почти дословно все содержание записки и после этого у них троих произошел разговор с Богровым по поводу доложенных им сведений. На их вопросы Богров ответил, что ранее он не заявлял о доложенных им сведениях, так как ожидал письма от «Николая Яковлевича» и не имел никаких определенных сведений, но под влиянием прочтенной им в одной из московских правых газет статьи о готовящемся за границей, при поддержке финляндцев, покушении на статс-секретаря Столыпина и ввиду предстоящих в городе Киеве торжеств по случаю Высочайшего приезда, он решил сообщить ему то, что ему известно, для принятия мер на случай внезапного появления в Киеве «Николая Яковлевича и для получения инструкций. При этом он, Кулябко, не может точно припомнить, упоминал ли Богров о том, что его заявление вызвано также случившимся в этот же день около полудня самоубийством в охранном отделении задержанного Муравьева. По словам Богрова, он категорически отказал «Николаю Яковлевичу» в разрешении поселиться у него на квартире, обещав посодействовать к приисканию квартиры в каком-либо другом доме, а на просьбу достать для приезда их моторную лодку не дал определенного ответа. Спиридович возражал против предоставления злоумышленникам моторной лодки, и тогда было решено указать Богрову на необходимость ввезти их в город с одной из ближайших железнодорожных станций, по возможности не сопровождая их; что же касается квартиры, то он, Кулябко, предоставил Богрову подыскать подходящую. Спиридович тогда же высказал убеждение, что, по всей вероятности, готовится покушение на особу Государя Императора, хотя Богров это мнение оспаривал, указывая, что революционеры не решатся это сделать из боязни вызвать еврейский погром. При этом, по словам Кулябки, он тут же сказал Богрову, что, ввиду той роли, которая ими была намечена для него, если бы ему понадобилось получить доступ в места торжеств, то он, Кулябко, всегда может предоставить ему возможность быть там. При этих словах его, обращенных к Богрову, присутствовали Спиридович и Веригин, которые по поводу этого никаких возражений ему не заявляли. Обвиняемый Кулябко помнит, что Спиридович высказывал ему соображение, не будет ли служить для Богрова провалом получение им билетов, но он не может определенно сказать, было ли это сказано им при описанном свидании с Богровым или впоследствии, когда он осведомил Спиридовича о допуске им Богрова в Купеческий сад. Роль, которую должен был взять на себя Богров, они в разговоре

обсуждали все вместе, то есть он, Кулябко, Спиридович, Веригин и сам Богров, причем пришли к соглашению, что Богров, не принимая на себя активной роли в выполнении планов злоумышленников, может взять на себя наблюдение за тем, что ему последними будет поручено, если какие-либо поручения будут ему даны. Хотя, при неоднократных допросах его при сенаторском расследовании, он удостоверял, что тогда же ими принципиально было решено допускать Богрова, если это понадобится, в места Высочайших посещений, но в настоящее время с точностью восстановить это обстоятельство он, Кулябко, не может. Насколько обвиняемый припоминает, он, будучи вечером в Европейской гостинице и увидевшись там с генералом Курловым, изложил последнему в кратких словах о поступивших от Богрова сведениях, добавив, что подробный доклад будет сделан им утром. На следующий день он явился с докладом к генералу Курлову; последний, как ему помнится, распорядился пригласить к себе Веригина и Спиридовича и в их присутствии он изложил подробно весь их вчерашний разговор, выработанный план действий и прочитал письменные заявления Богрова. По существу доклада генерал Курлов особых возражений не сделал и только когда он, Кулябко, доложил, что может представиться надобность выдать Богрову билеты на торжества и подыскать ему конспиративную квартиру, Курлов высказал опасение, не послужит ли это провалом для дела и для Богрова. На это он ответил, что Богров найдет возможность всегда дать революционерам правдоподобные объяснения. Тогда же генерал Курлов приказал обставить наблюдением Кременчуг и Потоки и командировать туда офицера с филерами, и он предложил послать в Кременчуг ротмистра Муева. Генерал Курлов, согласившись на это, приказал вызвать по телеграфу начальника Полтавского губернского жандармского управления, чтобы переговорить с ним по поводу этой командировки. Вместе с тем, Курлов отдал ему приказание сделать телеграфное сношение с начальниками С.-Петербургского и Московского охранных отделений для выяснения личностей, указанных в письменном заявлении Богрова. Он послал в С.-Петербург полковнику фон Коттену четыре телеграммы. Кроме того, по указанию Веригина, высказавшего предположение, не будет ли «Николай Яковлевич» лицом, носившим кличку «Тростник», была послана также телеграмма в Москву полковнику Заварзину, причем телеграмма эта была подписана вице-директором Веригиным. Ротмистр Муев был командирован им в тот же день, причем он дал ему инструкцию наблюдать за появлением «Николая Яковлевича» и дал ему приметы последнего, указанные Богровым. Независимо от этих мер, он распорядился обставить наблюдением дом Богрова на Бибиковском бульваре, каковое наблюдение было поставлено с утра 27 августа. Наблюдение это имело целью следить за прибытием в этот дом террористов, если бы это случилось; распоряжения подвергнуть наблюдению самого Богрова он, Кулябко, не отдавал. В течение последую-

щих дней 28, 29 и 30 августа он Богрова не видал и сношений с ним не имел. 31 августа вечером Богров по телефону ему сообщил, что приехало то лицо, о котором он докладывал раньше, что дело очень серьезное и что ему необходимо быть в Купеческом саду. Он ответил Богрову, чтобы он зашел в отделение или прислал туда посыльного к дежурному, у которого будет оставлен билет. Еще раньше этого разговора дежурный Сабаев ему докладывал, что «Аленский» (кличка Богрова) по телефону просил прислать ему обещанный билет в Купеческий сад. Поэтому, после разговора с Богровым по телефону, он, вложив билет в конверт, передал последний дежурному для вручения тому лицу, которое явится за его получением. В тот же день, ночью около 2–3 часов, по внутреннему телефону в его квартиру из канцелярии отделения ему было доложено о прибытии «Аленского» и о том, что ему необходимо переговорить с ним. Он, Кулябко, подозвал его к телефону и сказал, чтобы он изложил письменно свои сведения и сообщил на особой записке Демидюку приметы «Николая Яковлевича»; тогда же он приказал Сабаеву отправить Демидюку записку о приметах, которая будет вручена ему Богровым. Узнав из слов Богрова, что письменные сведения у него уже имеются, он велел доставить их ему через дежурного. Когда он получил эту записку Богрова и ознакомился с ее содержанием, он распорядился пригласить Богрова к себе наверх и сам открыл парадную дверь, будучи совсем раздет и закутан в одеяло. В записке Богрова было изложено, что у него в квартире ночует приехавший сегодня из Кременчуга «Николай Яковлевич», у которого два браунинга, что приехавшая вместе с ним девица «Нина Александровна», как он думает, имеет при себе бомбу и поселилась на неизвестной квартире, но будет у него, Богрова, завтра между 12–1 часом дня. В записке также упоминалось, что, по вынесенному Богровым впечатлению, готовится покушение на Столыпина и Кассо и что «Николай Яковлевич» высказывается против покушения на Государя из опасения еврейского погрома в Киеве, но заявляет, что успешный исход их дела несомненен, намекая на таинственных покровителей. Богров повторил ему изложенное в записке и, рассказав о своем посещении Купеческого сада, объяснил, что был в этом саду по поручению «Николая Яковлевича» с целью собрать приметы министров Столыпина и Кассо и ознакомиться с условиями их охраны. Поручения этого Богров, по его словам, не выполнил, объяснив «Николаю Яковлевичу», что за темнотою и массою публики он не мог приблизиться к министрам. На это «Николай Яковлевич» предъявил ему требование выполнить данное поручение непременно на следующий день, и он обещал сделать это, предварительно переговоривши с певицей Региной, которая будто бы обещала ему через знакомых достать билет. Ввиду этого, Богров просил его, Кулябку, заготовить для него билет в театр на спектакль 1 сентября, и если «Николай Яковлевич» будет настаивать на своем требовании, то прислать его, после переговора с ним по телефону. Он, Кулябко, согла-

сился, и после этого Богров ушел. Утром в 6 часов обвиняемый Кулябко по телефону доложил генерал-адъютанту Трепову в кратких словах о полученных сведениях и просил предупредить статс-секретаря Столыпина; он тогда же просил генерал-адъютанта Трепова дать ему возможность подробно доложить ему обо всем, причем последний приказал ему встретить его на Бибиковском бульваре, по которому он собирался ехать на маневры. Тут же он, Кулябко, по телефону сообщил Спиридовичу сущность полученных ночью сведений. После этого он сделал, как ему сказал генерал Трепов. Встретив генерал-губернатора Трепова на бульваре, пересел в его автомобиль и подробно ему изложил все ему известное. Передав ему заготовленное им письмо на имя министра Столыпина, генерал Трепов поручил ему передать это письмо Столыпину. Вследствие этого он поехал к адъютанту статс-секретаря Столыпина Есаулову на квартиру, передал ему письмо генерала Трепова и подробно сообщил имевшиеся у него сведения о террорнстах. При этом он его просил содействия по расстановке охраны дома генерал-губернатора, в котором остановился Столыпин, и, ввиду изъявленного им согласия, отправнлся от него в означенный дом, где распорядился приблизить наружную охрану к дому и ннкого не впускать в подъезд без разрешения Есаулова. Поехав затем в охранное отделение, он сделал распоряжение об установленни офицерского дежурства в доме генерал-губернатора и приказал Демидюку усилить наблюдение за домом Богрова. Из отделения, в *десятом часу утра, он поехал в Европейскую гостиннцу. Спиридовича* он там не застал и, придя к Веригину, осведомил последнего об известиях Богрова. О его прибытии было доложено генералу Курлову, и он потребовал его к себе. Он пришел в его номер и сделал ему подробный доклад, между прочим, и о том, что Богров накануне был в Купеческом саду, где ему не удалось исполнить поручение «Николая Яковлевича», и что последний поручил Богрову выполнить таковое *сегодня, если не последует каких-либо изменений. Он не помнит*, присутствовал ли при этом докладе Веригин, но, возможно, что в это время он пришел в номер генерала Курлова. По окончании доклада, вместе с Веригиным, он спустился в нижний этаж, где пил с ним кофе. В это время ему сообщили, что в гостиницу пришел «Аленскнй» и спрашивает его. Тогда, оставив Веригина, он прошел в номер последнего вместе с Богровым. Туда же вскоре пришел и Веригин. При нем Богров сообщил, что назначенное между 12 и 1 часом дня посещение его квартиры «Ниною Александровною» отменено и что свидание ее с «Николаем Яковлевичем» состоится в 8 часов вечера на Бибиковском бульваре около здания Первой гимназин; о причинах такой перемены Богров ничего им не сообщил. Они стали обсуждать с Богровым и Веригиным, какие Богрову могли быть даны поручения и в чем состоял план действнй террористов. Было решено, что если у террористов будут только предварительные переговоры к осуществлению их замысла, то Богров спокойно пойдет по тротуару, ес-

ли же обнаружится намерение их приступить к выполнению замысла, то Богров даст знать курением папиросы, и это будет служить сигналом для их ареста. Тут же возобновился разговор о посещении Богровым театра, причем Богров указал на необходимость быть не в галерее, а в партере, и на то, что соучастники террористов могут иаходиться в самом зале и подвергнуть его перекрестному наблюдению, Вернгин сказал, что он мог бы дать ему свое место в одном из первых рядов, но что это будет неудобно, так как там будут сидеть генералы. Тогда он, Кулябко, обещал дать ему место в одном из задних рядов кресел. Они продолжали обсуждать еще все поручения, которые террористы могли бы возложить на Богрова как в театре, так и на улице, и дали Богрову на каждый случай соответствующие указания. После окончания этого разговора Богров ушел, а он, Кулябко, и Веригин в первом часу дня поехали к кадетскому корпусу. По дороге туда их обогнал Спиридович, возвращавшийся с маневров, и остановился у кадетского корпуса; на подъезде последнего он вкратце передал ему все сведения, сообщенные Богровым о приезде террористов и о том, что предполагавшееся у них свидание отменено и должно состояться вечером, а также и о том, что накануне Богров был в Купеческом саду вечером. После прибытия в корпус Государя Императора он направился по линии Высочайшего проезда до дворца и затем вернулся на площадь около Европейской гостиницы. По возвращении в гостиницу генерала Курлова, приблизительно около 3 часов, он сделал ему подробный доклад как о сведениях, полученных от Богрова, так и о данных последнему инструкциях. Его доклад в общих чертах содержал в себе сведения, что Богров может находиться в самом театре, что ему может быть поручено злоумышленниками «вывести» министра, то есть указать его при выходе, и что Богрову на этот случай даны инструкции, как объяснить террористам причины невыполнения данного ему поручения. Во все время этого доклада присутствовал Веригин; он не помнит, когда именно приехал Спиридович, но припоминает, что в самом начале доклада его еще не было. Спиридович, по прибытии в номер, когда у них продолжался разговор по тому же предмету, прочел записку Богрова и заявил, что дело принимает очень серьезный оборот и необходимо сейчас же настоять на том, чтобы были изменены маршруты следования Высочайших особ и способы передвижения, причем настаивал, чтобы Курлов об этом письменно сообщил дворцовому коменданту. По поручению генерала Курлова, Спиридович тут же набросал черновик письма генералу Дедюлину и, по одобрении его Курловым, передал его для переписки секретарю Сенько-Поповскому. После этого он виделся еще раз в этот день со Спиридовичем на ипподроме. Здесь у него тоже был с ним разговор по поводу сведений Богрова, причем он его торопил возвратиться в отделение для распоряжений по наблюдению за домом Богрова и местом, предназначенным для свидания террористов. По дороге с ипподрома, возле Царского сада, он

встретил чиновника особых поручений при С.-Петербургском охранном отделении Зеленова и послал его на Бибиковский бульвар посмотреть наблюдение и, повидавшись с Демидюком, передать ему приказание усилить наблюдение за домом Богрова и за местом свидания. Это было приблизительно около 6–7 часов вечера. Сам он отправился в охранное отделение. Там он был вызван к телефону Богровым, который сообщил ему, что планы не изменяются и просил прислать ему билет на спектакль. Поэтому он вызвал к себе Демидюка и передал ему билет для вручения Богрову, чрез посредство швейцара, от имени г-жи Регины. Тогда же он, Кулябко, переговорил с Демидюком относительно наблюдения за домом Богрова и приказал ему усилить таковое за местом свидания в районе около Первой гимназии, сообщив, что Богров может пойти вместе с «Николаем Яковлевичем» на свидание и если после этого направиться спокойно, то следует ограничиться наблюдением за участниками, стараясь выяснить их квартиру; если же Богров по дороге будет усиленно курить, то участников свидания надлежит арестовать. Перед началом спектакля, проехав по линии Высочайшего проезда, он приехал к городскому театру около 8 часов. Минут за двадцать до начала представления, которое было назначено в 9 часов, он встретился с Богровым в коридоре театра и Богров тут передал ему, что свидание «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной» отменено и что первый из названных лиц в эту же ночь переедет на неизвестную ему, Богрову, квартиру; по словам Богрова, сношения «Николая Яковлевича» с «Ниной Александровной» происходили по телефону. Он тогда же высказал Богрову опасение, что «Николай Яковлевич» скроется и сказал, чтобы Богров съездил домой проверить, там ли он. Богров спросил его, не возбудит ли подозрения его возвращение домой. На это он указал ему, чтобы он причину своего прибытия объяснил тем, что забыл дома перчатки. После этого он не заметил, когда Богров вышел для выполнения этого приказания. В то время, когда он говорил с Богровым, съезд публики в театре был в разгаре и он в ожидании приезда министров вышел на улицу и находился возле главного подъезда. При приближении мотора, в котором ехал статс-секретарь Столыпин, он встретил его у того же подъезда. При входе в театр Столыпин спросил его, нет ли чего нового, и он ответил, что пока ничего нет – «Николай Яковлевич» дома. После входа Столыпина в зал он, встретившись с Есауловым, сообщил ему об отмене свидания злоумышленников и о возможности переселения «Николая Яковлевича» на новую квартиру. При встрече с генералом Курловым в коридоре театра он, Кулябко доложил, что «Николай Яковлевич» сегодня ночью должен перебраться от Богрова на конспиративную отъезжую квартиру и может скрыться от наблюдения и что такой прием, видимо, предпринят им с целью отвести от их планов Богрова; поэтому, возможно, что где-нибудь на улице злоумышленники могут бросить бомбу во время разъезда. Он, Кулябко, также доложил, что, ввиду такого

опасения, он приказал Богрову съездить домой и проверить, находится ли там «Николай Яковлевич». Генерал Курлов спросил, не вызовет ли это возвращение Богрова подозрения у «Николая Яковлевича», на что он доложил, что это им предусмотрено и что приказано Богрову объяснить его возвращение тем, что он забыл перчатки. Хотя в его докладе Курлову прямо не упоминалось о том, откуда он послал Богрова домой, но если бы ему был сделан доклад в такой форме, как он сделал генералу Курлову, то он понял бы, что Богров был в театре и оттуда поехал домой. Во время первого действия, он вместе с Веригиным вышел из театра в кофейню Франсуа выпить кофе. Туда же, по приказанию генерала Курлова, Веригиным был вызван инспектор почт и телеграфов Довяковский, которому Веригин передал распоряжение генерала Курлова установить наблюдение за телефоном Богрова. Тут же в кофейне он передал Веригину последние полученные им от Богрова сведения и сообщил о том, что он послал его на квартиру под предлогом взять там забытые перчатки. При выходе из кофейни вместе с Веригиным, он увидел у подъезда театра Богрова, которого наряд не пропускал в театр, ввиду того, что контрольный купон его билета был оторван. Он сказал жандармскому офицеру, что это лицо уже проконтролировано и уже было в театре, после чего Богров был пропущен. В одном из вестибюлей театра Богров ему сообщил, что «Николай Яковлевич» сидит дома, ужинает и на его вопрос, как принял «Николай Яковлевич» его возвращение, он ответил, что в самую квартиру он не заходил и узнал через швейцара. В первом антракте он, Кулябко, доложил генералу Курлову в коридоре, что «Николай Яковлевич» дома и ужинает. На это Курлов выразил опасение, что он может скрыться, и предложил ему лично проверить наблюдение за домом Богрова. Вследствие этого он сел в автомобиль, в котором приехал Столыпин, и объехал район наблюдения на Бибиковском бульваре. Вернувшись в театр, он во втором антракте вновь имел свидание с Богровым в помещении, где находится телефон, и приказал Богрову тотчас же ехать домой и не выпускать из виду «Николая Яковлевича». Богров выразил свое согласие, и он, Кулябко, видел, что, выйдя из телефонного помещения, Богров пошел по коридору в правую сторону театра, если обратиться лицом к сцене. Выйдя из этого помещения, недалеко от него в коридоре обвиняемый Кулябко встретил генерала Курлова и вместе с ним вернулся в то же помещение, где стал ему докладывать о сделанных им распоряжениях и о том, что он приказал Богрову ехать домой и быть безотлучно при «Николае Яковлевиче». Этот доклад был прерван произведенными в театре выстрелами, и они оба бросились к входам в зрительный зал, где и наткнулись на толпу у прохода, задержавшую злоумышленника, в котором он, Кулябко, узнал Богрова. К изложенному Кулябко добавил, что Спиридовича он видел мельком в коридоре во время представления в театре, но никаких разговоров о Богрове с ним не вел.

Привлеченные в качестве обвиняемых бывший товарищ министра внутренних дел отставной генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, начальник дворцовой секретной охраны, полковник отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович и исполнявший обязанности вице-директора департамента полиции отставной статский советник Митрофан Николаевич Веригин, не признав себя виновными в бездействии власти, имевшем особо важные последствия, и подтвердив показание обвиняемого Кулябки в отношении сделанных Богровым заявлений, принятых по этому поводу мер охраны и розыска, а также относительно характеристики прежней деятельности Богрова в качестве секретного сотрудника, дали в отдельности в свое оправдание следующие показания:

Курлов – что непосредственное принятие розыскных мер на его обязанности не лежало и он давал лишь руководящие указания по делаемым ему докладам. В силу Высочайшего повеления 21 мая 1911 г., на нем лежала обязанность принятия всех мер по охране, часть которой составлял политический розыск. Ввиду распоряжения министра, все меры по охране принимались им по соглашению с киевским генерал-губернатором генерал-адъютантом Треповым, который, однако, в области политического розыска никаких распоряжений самостоятельно не давал и в это дело не вмешивался. Полковник Спиридович, по словам Курлова, был командирован в его распоряжение дворцовым комендантом для согласования его мероприятий по охране с предначертаниями последнего, если бы дворцовый комендант пожелал таковые сделать до своего прибытия. Вместе с тем, будучи ему, Курлову, всецело подчинен, Спиридович должен был исполнять все его поручения. Им, Курловым, было поручено Спиридовичу начальствование над всею секретною охранною командою. Непосредственного участия в делах, касающихся политического розыска, полковник Спиридович, по словам Курлова, не имел и в этом отношении он ему не давал никаких поручений, хотя Спиридович, присутствуя в большинстве случаев при докладах лиц, ведающих розыск, был осведомлен о поступавших сведениях. Поэтому, если бы, в связи с таковыми сведениями, полковнику Спиридовичу сделалось известным о принятии одним из органов по розыску какой-либо меры, грозящей опасностью для Особы Императора, то он, несомненно, в силу лежащих на нем обязанностей, должен был доложить об этом как ему, Курлову, так и дворцовому коменданту, для принятия соответствующих мер. Командированный в его, Курлова, распоряжение статский советник Веригин, равным образом, по мнению Курлова, не имел отношения к делу розыска и поручений по этой части он ему никогда не давал; но он также в большинстве случаев присутствовал при докладах по делам политического розыска и высказывал мнение при обсуждении вопросов о принятии тех или других мер. Таковое положение его, во всяком случае, налагало на него те же обязанности доложить своему непосредственному начальству, если бы ему сделалось известным, что начальником охранного

отделения приняты какие-либо меры, от которых могла бы представиться опасность для Особы Его Императорского Величества, а также кого-либо из должностных лиц.

Далее, обвиняемый Курлов показал, что при докладе ему 27 августа 1911 г. около 8–9 часов утра подполковником Кулябкой о первоначальных заявлениях Богрова присутствовали полковник Спиридович и статский советник Веригин и вместе с ними он приступил к обсуждению тех мер, которые представлялось необходимым принять ввиду полученных от Богрова сведений. При этом он, Курлов, не сделал особого распоряжения установить наблюдение за личностью самого Богрова, считая, что такой элементарный прием розыска не может быть упущен опытным начальником охранного отделения и что наблюдение за Богровым вытекало само собою из сделанного им распоряжения наблюдать за помещением, где проживал Богров. При докладе подполковник Кулябко ему ничего не говорил относительно допущения им Богрова в места Высочайших посещений и о каких-либо соображениях по этому предмету; высказанное же им, Курловым, предположение о возможности провала для Богрова относилось единственно лишь к части доклада, в которой упоминалось о предоставлении террористам помещения в квартире вдовы служившего у Кулябки чиновника. При докладе 1 сентября 1911 г. подполковник Кулябко ему не сообщал, что Богров накануне был допущен на торжество, происходившее в саду киевского Купеческого собрания, а упомянул лишь, насколько он, Курлов, теперь припоминает, что, по словам Богрова, последнему было поручено «Николаем Яковлевичем» быть на гулянье в саду Купеческого собрания с целью «проследки» министров, причем Богров сказал «Николаю Яковлевичу», что он исполнил это поручение, но не мог приблизиться к министрам Столыпину и Кассо по случаю тесноты. При этом, по объяснению Курлова, разговор по поводу посещения Богровым Купеческого сада возник вследствие предложенного им подполковнику Кулябке вопроса, каким образом Богров объяснил «Николаю Яковлевичу» свое отсутствие из квартиры в столь поздний час, на что Кулябко и ответил ему, Курлову, что Богров сказал «Николаю Яковлевичу», что он в это время был в Купеческом саду. Тогда же Кулябко ему доложил, что по его распоряжению дом, в котором проживал Богров, обставлен наблюдением пеших и конных филеров под начальством заведующего наружным наблюдением Демидюка. Доклад в такой форме не возбуждал в нем никакого сомнения, что наблюдение было установлено и за самим Богровым, проверку же заявления Богрова путем посылки агентов в его квартиру он, Курлов, считал недопустимою из опасения возбудить подозрение находившегося там злоумышленника и лишиться единственной возможности разработать прибывшую группу террористов. При этом утреннем докладе подполковника Кулябки 1 сентября 1911 г. присутствовал один Веригин, а полковника Спиридовича не было, так как последний в это время находился на маневрах. О заяв-

лениях Богрова и принятых по этому поводу мерах он, Курлов, подробно докладывал статс-секретарю Столыпину и предостерег министра Кассо, причем вернулся обратно около полудня в гостиницу, где он сначала от Веригина, а потом от подполковника Кулябки узнал, что незадолго до того Богров был в гостинице и в номере Веригина сообщил последнему и подполковнику Кулябке, что «Нина Александровна» в условленное время не пришла на свидание с «Николаем Яковлевичем» и дала знать по телефону, что вся группа прибывших злоумышленников должна встретиться около 8 часов вечера на Бибиковском бульваре. Во время доклада по этому поводу подполковника Кулябки, еще до завтрака, приехал Спиридович, и они вместе стали обсуждать меры, которые нужно было принять, чтобы, с одной стороны, не упустить злоумышленников из виду и в случае необходимости арестовать, а с другой стороны, обеспечить благополучное следование Его Императорского Величества и министров на ипподром и в театр, причем обо всем тотчас же по телефону был уведомлен статс-секретарь Столыпин, а дворцовому коменданту от его, Курлова, имени было послано письмо.

Затем, об обстоятельствах, разыгравшихся в Киевском городском театре, обвиняемый Курлов показал, что по выходе Государя Императора из мотора и входе в подъезд театра, он, Курлов, через боковой подъезд вошел в зрительный зал и, проходя мимо статс-секретаря Столыпина, находившегося в первом ряду партера около самого прохода, был остановлен им сообщением, что Кулябко только что доложил ему, что свидание террористов на Бибиковском бульваре не состоялось. При этом Столыпин поручил ему разобраться в этих сведениях во время антракта. В течение первого действия он, Курлов, разговаривал с генерал-адъютантом Дедюлиным и флаг-капитаном Ниловым по поводу несостоявшегося свидания на бульваре, и они, взволнованные, обсуждали, что дальше предпринять, причем о присутствии Богрова в театре он не обмолвился ни одним словом, так как об этом обстоятельстве совершенно не знал. В начале антракта, после того, как Государь Император удалился в аван-ложу, он подошел к Петру Аркадьевичу Столыпину, с целью получить от него более подробные сведения о докладе подполковника Кулябки, но статс-секретарь Столыпин сказал, что он больше ничего не знает, и повторил приказание переговорить с подполковником Кулябкой. Выйдя затем в коридор, он встретил там последнего и спросил его о положении дел. Кулябко доложил, что предположенное свидание террористов не состоялось, так как «Николаю Яковлевичу» было по телефону сообщено террористами, что оно не произойдет и что ими найдена более удобная квартира, где они встретятся около 11 часов вечера. Эти сведения, по словам Кулябки, были им получены от Богрова, приехавшего к нему в театр, после чего Кулябко послал его домой, опасаясь возможности тайного ухода «Николая Яковлевича» из квартиры. Он, Курлов, заметил Кулябке, что такие отлучки Богрова из квартиры недопустимы,

так как они могут возбудить подозрения «Николая Яковлевича» и иметь последствием тайный уход его. Этим разговор его с подполковником Кулябкой окончился. Заметив тут же в коридоре стоявшего около него статского советника Веригина, он сделал распоряжение установить немедленно через инспектора почт и телеграфов Довяковского наблюдение за телефоном Богрова; приказание это было обращено к стоявшим около него Веригину и Кулябке. Находился ли во время означенного разговора здесь же в коридоре полковник Спиридович, Курлов сказать не может, но в разговоре он участия не принимал и при выходе из зрительного зала он видел Спиридовича в самом зале, в проходе. Во время второго действия Курлов не отлучался из зала и полученные в антракте от подполковника Кулябки сведения обсуждал с генерал-адъютантом Дедюлиным. В начале второго антракта статс-секретарь Столыпин вновь поручил ему переговорить с подполковником Кулябкой. Он вышел в коридор и кому-то из встретившихся жандармских офицеров приказал пригласить Кулябку, который вскоре явился, как ему показалось, из вестибюля. На вопрос, есть ли что-нибудь новое, он сказал, что изменений не произошло, что «Николай Яковлевич» дома и что эти сведения сообщил Богров, только что опять приезжавший к нему в театр. Где именно сообщил Богров указанные сведения подполковнику Кулябке, последний ему, Курлову, не объяснил, и об этом он его не спрашивал, так как понял, что Кулябко мог с ним иметь разговор на подъезде, в вестибюле или ином помещении театра, но не в зрительном зале. На слова Кулябки он снова указал ему, что такие отлучки Богрова невозможны, на что Кулябко доложил, что возвращение Богрова домой не могло возбудить подозрения, так как Богров не входил в квартиру, а послал швейцара взять перчатки. О каких перчатках была речь, белых или иных, он не знает, и Кулябко об этом не говорил, дополнив лишь, что он приказал Богрову вернуться домой и никуда не отлучаться, каковое приказание Богров исполнил, и что он, Кулябко, по окончании спектакля намерен сам отправиться в наружное наблюдение. Во время этого доклада в театральном зале раздался сухой треск и, по крикам и волнению публики, поняв, что там что-то случилось, он, Курлов, устремился в зал. К изложенному Курлов добавил, что не помнит, чтобы в течение первого или второго антрактов до выстрелов в зале вел какие-либо разговоры с полковником Спиридовичем. Проникнуть в самый зал из коридора во время происходящего смятения Курлов не мог, так как в проходе между креслами в зале публика била задержанного злоумышленника и собралась большая толпа. Тогда он повернулся назад, рассчитывая попасть в зрительный зал через другой вход и тут же в коридоре увидел полковника Спиридовича, который, будучи страшно взволнован, сказал ему: «Ваше Превосходительство, эта Аленский». У него, у Курлова, сорвался вопрос: «Каким образом он здесь находится», на что Спиридович ответил ему какою-то фразою, смысл которой был тот, что он сам не может дать

отчета. В это же время в коридоре со стороны вестибюля показался подполковник Кулябко, который, не замечая его и не отвечая на обращенный им, Курловым, к нему вопрос, прошел в вестибюль бокового подъезда, находившегося против входа в театральный зал. Он, Курлов, бросился за ним в вестибюль, где Кулябко, хватаясь за голову и кобуру револьвера, облокотясь к стене, бормотал фразы: «Я виноват, мне остается только застрелиться...». Тогда он прикрикнул на него, говоря, что теперь не время думать об этом и надо заботиться об охране Государя Императора.

Обвиняемый Веригин показал, что в департаменте полиции он состоял на службе с 1898 г. В 1906 г. назначен чиновником особых поручений при министре внутренних дел и исполнял обязанности секретаря. В 1910 г. он был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции. С получением этого повышения фактически он оставался при исполнении прежних своих обязанностей, но, во время отсутствия других вице-директоров департамента полиции, ему приходилось исполнять иногда их обязанности. К делам особого отдела, где сосредоточены дела по политическому розыску, он отношения не имел и был знаком с этою частью делопроизводства лишь по тем делам, и перепискам, которые проходили через секретарскую часть. Ему также давались командировки в разные места. Так, в Полтаву, Ригу, Киев и в Крым он был командирован в распоряжение товарища министра Курлова и, находясь в этих командировках, исполнял поручения, которые последним были на него возлагаемы. Кроме сего, он дважды был командирован за границу во время пребывания там Государя Императора. В первый раз в 1909 г. ему было поручено отправиться в Ракониджи, чтобы войти в соглашение с местными властями для организации мер охраны при приезде и пребывания в этом городе Его Величества. Вместе с ним туда же был командирован и полковник Спиридович, и выработка мер охраны производилась им вместе с последним, причем о всех мероприятиях он доносил по телеграфу и по почте директору департамента полиции и товарищу министра внутренних дел. Во второй раз он был с такою же целью командирован в 1910 г. в Великое герцогство Гессен-Дармштадтское, где также находились вместе с ним полковник Спиридович и заведующие заграничною агентурою и где ему были даны еще некоторые другие секретные поручения. В бытность в городе Киеве в 1911 г. он состоял в непосредственном распоряжении товарища министра Курлова, исполняя отдельные поручения, которые он на него возлагал. Далее, обвиняемый Веригин показал, что при объяснениях с Богровым 26 августа 1911 г. в квартире Кулябки он действительно был вместе с Кулябкой и Спиридовичем, но не слышал, чтобы Кулябко спрашивал тогда Богрова, не нужны ли ему билеты для входа на торжества в места Высочайших посещений, и не видел, чтобы в кабинете подполковника Кулябки на столе лежали означенные билеты. На следующий день утром 27 августа до завтрака, кото-

рый подавался обыкновенно между 12½ и 1 часом дня, он был приглашен генералом Курловым в его кабинет, где застал подполковника Кулябку и полковника Спиридовича, которые пришли туда раньше его. Кулябко, по-видимому, успел уже доложить Курлову о заявлении Богрова до его, Веригина, прихода и сущности его доклада он не слышал, а также не принимал участия в обсуждении мер, которые необходимо было принять ввиду заявления Богрова. Его генерал Курлов только спросил, не помнит ли он происходившую по департаменту полиции переписку о «Тростнике» и о Мячине, и на его, Веригина, ответ, что «Тростник» скрылся из С.-Петербурга, когда производились обыски в Финляндии, приказал ему послать в Москву полковнику Заварзину телеграмму, запросив его о приметах «Тростника» и о том, где последний находится. Поручение это им было в тот же день исполнено. Затем, по словам обвиняемого Веригина, он не слышал, чтобы подполковник Кулябко докладывал генералу Курлову, что может встретиться надобность в выдаче Богрову билетов для входа на торжества, и генерал Курлов при нем не высказывал опасения, не вызовет ли это провала для Богрова. Равным образом, во время разговора Кулябки с Богровым в Европейской гостинице утром 1 сентября 1911 г., не упоминал ни слова о возможности или необходимости нахождения Богрова в зрительном зале театра во время парадного спектакля и он, Веригин, не предлагал уступить Богрову свой билет в одном из ближайших к сцене рядов театра. Такового предложения он не мог сделать, так как билеты для входа в театр были именные и контролировавшие их при входе жандармские офицеры, зная его, Веригина, в лицо, не пропустили бы Богрова в театр с его билетом. На завтраке 1 сентября в номере у генерала Курлова было четверо, то есть он (Веригин), Кулябко, генерал Курлов и Спиридович, причем во время завтрака происходил разговор о мерах, которые надлежит принять ввиду доклада, сделанного подполковником Кулябкой после свидания с Богровым в гостинице. Перед самым началом представления в театре Кулябко ему сообщил, что он виделся опять с Богровым и послал его домой узнать, там ли находится «Николай Яковлевич», но при этом Кулябко не упоминал ни о каких перчатках и не говорил, что приказал Богрову объяснить свое возвращение домой тем, что будто бы дома забыл перчатки. О том, что Богров находился в зале театра, Кулябко ему тоже не говорил, вывести такое заключение из слов Кулябки он не мог и его не спрашивал, откуда был послан домой Богров. После первого перерыва в театре, исполнив поручение генерала Курлова об установлении наблюдения за телефоном Богрова, он, Веригин, с подполковником Кулябкой вышли из кофейни Франсуа вместе и, пройдя через площадь, возвратились в театр. Они вместе с подполковником Кулябкой вошли в театр через главный подъезд со стороны площади, но при этом он, Веригин, не слышал, чтобы Кулябко при входе в театр отдавал тогда жандармскому офицеру приказание пропустить человека (Богрова), которого

наряд не пропускал в театр ввиду того, что у этого человека контрольный купон билета был оторван. Он также не видел, чтобы в это время у подъезда театра находился Богров, с которым он раньше виделся и разговаривал в квартире Кулябки и в Европейской гостинице. Наконец, Веригин добавил, что о допущении подполковником Кулябкой Богрова 31 августа 1911 г. на торжество, происходившее в саду киевского Купеческого собрания, он ни от самого Кулябки, ни от других лиц ничего не слышал и впервые узнал об этом обстоятельстве уже после покушения Богрова на статс-секретаря Столыпина, прочитав об этом 3 сентября в газетах.

Наконец, *обвиняемый Спиридович* показал, что летом 1911 г. он был командирован под начальство генерала Курлова исключительно для разработки мероприятий по охране в местах, в кои предполагался Высочайший приезд, равно и для заведования отрядом секретной охраны, а не был командирован «в распоряжение» генерала Курлова, в широком смысле слова, без указания сферы его деятельности. Ввиду такой определенной цели его командировки, обязанность по «предупреждению и пресечению государственных преступлений» в широком смысле на нем не лежала, а лежала лишь обязанность принятия мер охраны Государя Императора и Его августейшей семьи, причем в этом деле он должен был руководствоваться инструкциею для членов секретной охраны при проследовании Их Императорских Величеств по Киеву и его окрестностям, а также данными ему указаниями его двух начальников, генерал-адъютанта Дедюлина и генерал-лейтенанта Курлова. Разработка получаемых начальниками охранных отделений агентурных сведений всегда составляла и составляет обязанность розыскных органов, а не начальника секретной охраны, и производится она без всякого участия такового. Поэтому он и не был обязан докладывать генералам Курлову и Дедюлину о непринятии подполковником Кулябкой надлежащих розыскных мер. Подобный доклад, по мнению Спиридовича, был бы вмешательством не в свое дело, привлечением косвенно к делу розыска дворцового коменданта, который до него, по высокой лежащей на нем обязанности, даже и касаться не должен, равно был бы неуместным и неправильным потому, что ему было известно, что Кулябко, по обсуждении с генералом Курловым полученных агентурных сведений, занялся их разработкою. Переходя, затем, к обстоятельствам дела, Спиридович объяснил, что 26 августа 1911 г. он обедал у подполковника Кулябки, который женат на его, Спиридовича, сестре. Во время обеда Кулябко ему сказал, что у него в кабинете интересный субъект и он бы хотел, чтобы Спиридович его выслушал. Они встали из-за стола перешли с Веригиным и Кулябкой в кабинет, где Богров сделал первое свое заявление. Когда Богров сообщил, что террористы предполагали въехать в Киев на моторной лодке, он, Спиридович, запротестовал против этого, исходя из интересов удобства охраны. Коснулся разговор сотрудничества Богрова у полковника фон Коттена; коснулся также факта подыска-

ния квартиры им, Богровым, для бомбистов, но какого-либо разговора Кулябки с Богровым относительно билетов на допуск в какие-либо места посещения Его Величества он не слыхал; по всему вероятию, разговор Кулябки с Богровым о билетах происходил до входа его, Спиридовича, в кабинет. Вообще, по утверждению Спиридовича, Кулябко с ним относительно выдачи Богрову билетов в места Высочайших посещений ни разу не говорил, и ни разу этот вопрос при нем в кругу бывших при генерале Курлове лиц не обсуждался, и о том, чтобы он обсуждался, он ни от кого не слыхал. Когда разговор 26 августа вечером с Богровым кончился, он, Спиридович, с Веригиным уехал, причем до ухода они решили, что все полученные от Богрова сведения Кулябко сам доложит генералу Курлову; они же, хотя и увидят Курлова, докладывать не должны, ибо полученное агентурное сведение касается сферы розыска, а потому и составляет обязанность Кулябки. 27 августа утром он при докладе подполковника Кулябки генералу Курлову не был, так как был занят объездом мест посещений. Когда же около часа дня, могло это быть или перед самым завтраком или после него, он вошел к генералу Курлову и начался разговор о вчерашнем полученном от Богрова сведении, то уже было ясно, что генералу сведение доложено, а потому разговор пошел уже о тех мероприятиях, которые вызывались полученным агентурным сведением. Разговор коснулся квартиры террористов, причем генерал воспретил давать в качестве таковой квартиру бывшего служащего Новикова; затем подробно говорилось о мероприятиях по Кременчугу, о командировке туда офицеров, отдавал генерал приказание о посылке запросов в Петербург; сказано было, между прочим, и о «счастье», каковое генерал видел в том, что были получены богровские сведения. На это он, Спиридович, заметил генералу, что это надлежит отнести не только к счастию, но и к заслуге начальника отделения, к тому, что у него такие хорошие сотрудники. В его, Спиридовича, присутствии, Кулябко, однако, не поднимал перед генералом Курловым вопроса о возможности или невозможности выдавать Богрову билеты в места посещений, и он не слышал также и того, чтобы генерал высказал подполковнику Кулябке опасение, что выдача Богрову билетов может повести к провалу сотрудника Богрова. По поводу квартиры для террористов генерал Курлов согласился на то, чтобы таковую подыскал Богров. Но он, Спиридович, не помнит, происходил ли при нем разговор генерала Курлова с Кулябкой относительно установки наблюдения за квартирою и самим Богровым. В тот же день 27 августа, а может быть и 28, он, встревоженный полученным местным охранным отделением сведением о том, что задумано боевиками, послал навстречу императорскому поезду письмо дворцовому коменданту, в котором докладывал, что охранное отделение получило тревожное сведение о готовящемся налете боевиков и прибавлял, что, если только налет совершится, то он полагает, что это представит опасность для Его Величества, почему и предупреж-

дает о сем дворцового коменданта. В последующие дни 28, 29, 30 и 31 августа он, Спиридович, хотя и встречался с подполковником Кулябкой, но разговоров подробных о сведениях Богрова не вел; может быть налету и были какие-либо делаемы им вопросы о том, что слышно в этой области, но он этого не помнит. 1 сентября, около семи часов утра, он был разбужен приехавшим к нему подполковником Кулябкой, который ему сказал, что боевики приехали и остановились у Богрова. Разговор велся наспех, и Спиридович сейчас сел и написал письмо о приезде боевиков дворцовому коменданту, причем указывал на опасность, явившуюся с их приездом для особы Его Императорского Величества; письмо было отправлено с казаком Андреем Есеновым. Кулябко, сообщив ему об этом приезде, никаких подробностей не говорил и поторопился уехать по своим делам. Не говорил он ему ничего и об имевшем, по его сведениям, состояться свидании террористов в квартире Богрова. Послав письмо дворцовому коменданту, он, Спиридович, немедленно выехал на маневры, до района коих по шоссе насчитывалось пятьдесят верст. С маневров он вернулся около часа дня; возвращаясь, он в кадетский корпус не заезжал; с Кулябкой не встречался и разговора с ним в подъезде кадетского корпуса не вел. С маневров он вернулся вследствие приказания дворцового коменданта, который приказал ему объехать район и, проверив наряды, вернуться, дабы соответствующим образом обеспечить путь возвращения. Вернувшись в гостиницу, он, Спиридович, застал генерала Курлова, Веригина и Кулябку за завтраком в номере генерала, причем при нем велся разговор исключительно о том, какие меры охраны необходимо принять ввиду совершившегося налета в Киев боевиков. Никаких разговоров о том, кто приехал, где поместился, как над ними оперирует охранное отделение, при нем не велось. Помнит он, что, сев за стол, он поставил вопрос прямо, что им делать в целях охраны, раз явилась опасность. Было решено официально уведомить о том дворцового коменданта, черновик письма которому и был затем составлен им там же за столом, после чего, обсудив вопрос об обеспечении пути возвращения с маневров, он с генералом Курловым уехал. С маневров он затем с генералом Курловым поехал за императорскими моторами во дворец, а оттуда на ипподром. Здесь при встрече с подполковником Кулябкой произошел мимолетный разговор о том, что на Бибиковском бульваре в 8 часов вечера будет свидание боевиков и там же предположена их ликвидация. О том, чтобы у ипподрома Кулябко говорил ему, что накануне Богров был в Купеческом саду, он теперь ничего не помнит и просит в данному случае верить его показанию, данному сенатору Трусевичу, которому он заявил, что допускает возможность такого сообщения ему со стороны Кулябки у ипподрома 1 сентября, но, во всяком случае, в этом разговоре Кулябко ни слова не сказал о том, что Богрову будет выдан билет в театр, или о том, что там будут единомышленники террористов. Далее, обвиняемый Спиридович показал,

что в течение первого действия он безвыходно оставался на своем месте; в первом антракте после ухода Его Величества из ложи он частью был в партере, частью в коридоре. Как в зрительном зале, так и в коридоре он Богрова не видал. С генералом Курловым, Веригиным и Кулябкой и в этом антракте совсем не разговаривал. Второе действие он просидел на своем месте, во втором же антракте вышел в коридор, встретился с подполковником Ивановым и с ним пошел по коридору от дверей среднего прохода к продольным проходам. Когда они с Ивановым дошли до дверей среднего продольного прохода, послышались выстрелы в партере. Он, Спиридович, вбежал в зал, по стульям добежал до министра Столыпина, бросился затем к схваченному преступнику и замахнулся на него саблей; в этот момент он узнал, что схваченный – Богров; и только тогда впервые увидел его в театре. У него мелькнула мысль о предательстве, о могущей грозить Его Величеству опасности, и он побежал к императорской ложе и, прислонившись к ней спиной, не подпускал приближаться к ней толпившихся дворян. При допросе его на сенаторском расследовании, он удостоверил, что генерал Курлов в один из ближайших после 1 сентября дней в разговоре, происходившем по поводу посещения Богровым Купеческого сада, сказал, что он об этом не знал, на что Веригин возразил, что ему, генералу Курлову об этом, кажется, докладывал Кулябко. Он, Спиридович, полагает, что это так и было в действительности, но припомнить этого теперь не может. От генерала Курлова в последующие за 1 сентября дни он неоднократно слышал, что ему не было известно о допуске Богрова в театр; с подполковником же Кулябкой он по этому поводу не разговаривал. Зная, однако, его характер, он полагал после 1 сентября, что взять на себя полностью вопрос о допуске Богрова в театр он не мог. Он, Спиридович, считает, что все планы с выдачей Богрову билета в театр, с допуском его в театр от него были скрыты подполковником Кулябкой. Почему, для чего нужна была эта скрытность – он не знает, участвовал ли в этой «конспирации» еще кто-либо – не знает; он может строить предположения, но данных утверждать, что Кулябко секретничал от него по сговору с кем-либо, у него нет. Самый вопрос о свидании с Богровым в гостинице 1 сентября за завтраком возник совершенно случайно и не благодаря подполковнику Кулябке. Генерал Курлов сказал ему о том свидании; Кулябко и Веригин молчали; произошла как бы заминка. Для него было ясно, что от него что-то скрывают. Но так как это была область «агентуры», этой «святая святых» каждого начальника охранного отделения, то он и не пытался проникнуть в эту тайну. К изложенному обвиняемый Спиридович добавил, что охрана покойного министра не входила в круг его обязанностей, а явной опасности для Государя Императора и Его августейшей семьи при наличности Богрова с револьвером в театре не было. Когда Богров стрелял, царская семья в ложе не находилась, когда же Государь Император с семьею появлялись в ложе, меры охраны не допускали даже воз-

можности для кого-либо из лиц неизвестных Государю приблизиться к ложе Его Величества.

Ввиду разногласия показания обвиняемого Кулябки с объяснениями остальных обвиняемых, отставной подполковник *Кулябко* был сенатором Шульгиным передопрошен, причем, подтверждая все им раньше показанное, он дал нижеследующие дополнительные объяснения: когда 26 августа 1911 г. в его кабинет в присутствии Веригина и полковника Спиридовича он сказал Богрову, что может предоставить ему возможность быть в местах Высочайших посещений, вопроса о том, для какой цели может понадобиться Богрову быть в означенных местах, не возникало, и он допустил бы Богрова во всяком случае, если бы по делу даже и не представлялось к тому надобности, а он попросил бы его об этом, так как он вполне доверял Богрову. Что же касается допуска последнего в театр, то он исполнил его просьбу о выдаче ему билета, с одной стороны, чтобы предоставить ему возможность выполнить поручение «Николая Яковлевича» о проследке министров, а с другой – он считал, что для обеспечения Богрова от провала было полезно пустить его в театр, так как предполагал, что «Николай Яковлевич», посылая его туда, не желает посвящать его в подробности дела, то есть, другими словами, отводит его, а сам с группою террористов выполнит преднамеренный план действий. Таким образом, арест террористов где-либо на пути Высочайшего проезда не вызвал бы провала для Богрова. Давая показание 17 августа сего года, он ошибочно упомянул о том, что у него 1 сентября происходил разговор с полковником Спиридовичем на подъезде кадетского корпуса, где он сообщил ему о состоявшемся приезде в город Киев террористов и что предполагавшееся у них ранее свидание днем отменено и должно состояться вечером. В действительности, как он теперь припоминает, означенный разговор происходил у него со Спиридовичем частью в номере генерала Курлова во время завтрака в этот день и составления письма генералу Дедюлину, а частью на ипподроме, где, видевшись с полковником Спиридовичем, он и передал ему, что Богров накануне вечером был в Купеческом саду. Спиридович тогда не спрашивал его, каким образом Богров проник в означенный сад, и он не говорил ему, что билет был получен Богровым от него. Он также припоминает теперь, что рано утром 1 сентября, сообщив полковнику Спиридовичу по телефону о полученных им от Богрова ночью сведениях, он поехал к Спиридовичу и застал последнего собирающимся ехать на маневры. Разговор у них при этом свидании был на ту же тему относительно приезда террористов и предстоящего в 12 часов дня свидания между ними. Относительно посещения Богровым Купеческого собрания он докладывал Курлову, что Богров был в означенном саду и затем, объяснив «Николаю Яковлевичу» причины невыполнения им данного поручения проследить министров, приехал к нему, Кулябке. Разговор с генералом Курловым о посещении Богровым Купеческого сада возник тогда не вследствие

вопроса генерала Курлова, каким образом Богров объяснил «Николаю Яковлевичу» свое отсутствие из квартиры в столь поздний час, а потому, что Кулябко сам об этом посещении доложил, так как от генерала Курлова он не считал возможным и нужным скрывать что-либо. Действительно, генерал Курлов спрашивал его тогда, не может ли вызвать поздняя отлучка Богрова сомнения у «Николая Яковлевича», но он на этот вопрос ответил, что Богров объяснил «Николаю Яковлевичу», что он едет к певице Регине; объяснить же свою отлучку из дома посещением Купеческого сада Богров «Николаю Яковлевичу», очевидно, не мог, так как гулянье в означенном саду кончилось в 11 часов вечера, а Богров был у него, Кулябки, на квартире около 3 часов ночи. Докладывая в театре генералу Курлову во время первого антракта о полученных им от Богрова сведениях, что вечернее свидание злоумышленников отменено и что «Николай Яковлевич» переедет на другую квартиру, он, Кулябко, не упоминал, что Богров приезжал в театр для сообщения ему этих сведений, а сказал лишь, что эти сведения он получил от Богрова, которого затем послал на квартиру, дабы удостовериться, дома ли «Николай Яковлевич». Кулябко полагает, что доклад его давал основание генералу Курлову заключить, что Богров был в самом театре, так как вследствие упоминания им в этом докладе о том, что Богров должен был объяснить «Николаю Яковлевичу» свое возвращение домой забытыми перчатками, по мнению Кулябки, представлялось ясным, что эти перчатки были нужны Богрову, чтобы быть в театре. Во время второго антракта он докладывал генералу Курлову о результатах поездки Богрова домой и о сведениях, которые он привез ему по возвращении.

В отношении секретных сотрудников Министерством внутренних дел последовательно были сделаны следующие распоряжения:

1. Секретным циркуляром департамента полиции начальникам районных охранных отделений от 3 октября 1907 г. № 136287, между прочим, предписывалось: «отнюдь не поручать секретным сотрудникам обязанностей наблюдательных агентов».

2. Циркулярное письмо директора департамента полиции от 18 декабря 1909 г. за № 140949 начальникам губернских жандармских управлений подтверждает недопустимость безграничного доверия к секретным сотрудникам и особенно сближения с ними на личной почве.

3. Циркуляр департамента полиции 5 февраля 1909 г. за № 123224 рекомендует начальникам районных охранных отделений «зорко следить за деятельностью сотрудников и путем освещения таковой при помощи посторонней агентуры, а когда возможно и наружного наблюдения».

Обращаясь к оценке собранных следствием данных против каждого из обвиняемых в отдельности, не следует упускать из виду, что, прежде всего, на обвиняемом Кулябке, как начальнике Киевского охранного отделения, лежала прямая непосредственная обязанность расследования заявления Богрова, представлявшего чрезвычайную важ-

ность. Между тем, по удостоверению свидетелей: заведующего особым отделом департамента полиции Еремина, бывшего директора департамента полиции ныне сенатора Зуева, генерал-майор Герасимова, ревизовавшего Кулябку много раньше события 1 сентября 1911 г., а также по показанию многих других свидетелей, деятельность Кулябки, как начальника охранного отделения, оказывалась весьма неудовлетворительною, о чем было известно и товарищу министра Курлову. По показанию свидетеля подполковника Белевцова сам Кулябко имел вид всегда торопящегося куда-то человека, он не углублялся в дела отделения и больше был занят разъездами по начальствующим лицам; причем на него имел большое влияние заведующий наружным наблюдением Демидюк, признанный еще при ревизии генерала Герасимова негодным розыскным агентом. Тем не менее, поддерживаемый своим свойственником полковником Спиридовичем, Кулябко продолжал оставаться на столь ответственной должности и пользоваться доверием и расположением генерал-лейтенанта Курлова.

Хотя обвиняемый Кулябко в отношении предъявленных к нему обвинений и не признал себя виновным, но изобличается в противозаконном бездействии власти собственным признанием всех действий и фактов, которые ему ставятся в вину. Не подлежит сомнению, что он, в нарушение долга службы и лежащих на нем специальных обязанностей, отнесся к заявлению Богрова с безграничным доверием, не принял всех необходимых мер к выяснению расследованием правдивости его заявления о готовящемся преступном замысле террористов и действительности нахождения в его квартире злоумышленника под названием «Николая Яковлевича», не учредил за Богровым, заведомо для него принадлежащим к анархистам, надлежащего надзора и допустил столь опасного человека в Купеческий сад 31 августа 1911 г. и 1 сентября в театр во время Высочайших посещений, не учредив за ним даже и в этих местах наблюдения и не убедившись в отсутствии при нем оружия или разрывного снаряда.

Обвиняемый Курлов также изобличается: *а)* в отношении неучреждения за самим Богровым наблюдения и иадзора, собственным своим признанием в том, что он не считал нужным о таких азбучных приемах розыска напоминать или указывать начальнику Киевского охранного отделения Кулябке; *б)* таким же собственным признанием фактов Курлов изобличается в отношении неприятия всех мер к выяснению действительного нахождения в квартире Богрова мнимого «Николая Яковлевича», причем хотя он и заявляет, что выяснение этих обстоятельств привело бы к провалу Богрова, но такое заявление нельзя признать основательным, так как, с одной стороны, при этом обнаружилась бы вся ложь заявлений последнего, а с другой стороны, при несколько более внимательном отношении к наблюдению за квартирою Богрова, было бы установлено, что в течение 1 сентября 1911 г. в квартире Богрова навещал несколько раз горничную Батурину писец Киевского охранного отделения Сабаев, который тогда же сообщил об этом Демидюку, наблюдавшему за домом Богрова; этот

Сабаев, несомненно, тогда же мог узнать от Батуриной, что в указанное время никого чужого в квартире Богрова не было. Кроме того, очевидно, что без всякой опасности для положения Богрова, как сотрудника, можно было навести, под любым предлогом, справку о пребывании у Богрова постороннего лица через швейцара, знавшего, что у хозяина его никого не было; мало того, если бы даже еще в театре обвиняемый Курлов приказал проследить, действительно ли Богров пойдет к себе на квартиру, то выяснилось бы, что он туда не ходил. Ложь Богрова тогда же обнаружилась бы, и он вторично в театр впущен бы не был, а, следовательно, и не мог бы совершить задуманного им убийства.

Обвиняемые Спиридович и Веригин, хотя и отрицают, что знали о выдаче подполковником Кулябкой Богрову билетов на торжества в Высочайшем присутствии, но изобличаются в этом полным оговором их со стороны Кулябки, притом оговором, подтвержденным также и предсмертными показаниями самого Богрова. К тому же в деле имеется и собственное признание Спиридовича, что на ипподроме Кулябко ему сказал, что Богров накануне был в Купеческом саду в Высочайшем присутствии, а, между тем, Спиридович не принял мер, чтобы такое появление Богрова не повторилось и в театре. Кроме того, личные отношения Спиридовича к своему свойственнику Кулябке были столь близкие, с таким преобладающим влиянием первого на последнего, что и свидетель генерал-адъютант Трепов полагает, что Кулябко обо всем по розыску докладывал также и Спиридовичу и последний давал ему надлежащие указания. Поэтому заявление Спиридовича о том, что ему показалось, будто бы Кулябко и Веригин во время завтрака 1 сентября хотели от него скрыть факт появления в то утро Богрова в гостинице, может быть объяснено лишь желанием оправдаться. Такое желание скрыть что-либо от Спиридовича тем более невероятно, что все четверо обвиняемых за все время пребывания в Киеве все вопросы обсуждали всегда совместно, причем, по свидетельству киевского губернатора Гирса и киевского полицмейстера Скалона, самую видную и преобладающую роль в совещаниях как по вопросам охраны, так и по розыскной и агентурной части играл Спиридович, мнением которого дорожил не только Курлов, но и остальные обвиняемые.

Обращаясь затем к обсуждению правильности отрицания Спиридовичем и Веригиным обязанности их участия в розыскной деятельности, следует принять во внимание следующие обстоятельства:

Статский советник Веригин, состоя исполняющим обязанности секретаря при директоре департамента полиции, в феврале 1910 г. был назначен исполняющим обязанности вице-директора департамента полиции, с сохранением за ним и секретарской части. Хотя Веригин и не заведовал делами охраны и розыска, но ему давались поручения именно в этой области. Так, начиная с 1909 г., ни одно Высочайшее путешествие не обходилось без командирования Веригина для выполнения, вместе с полковником Спиридовичем, мер охраны. По при-

знанию генерала Курлова, функции статского советника Веригина во время пребывания в Киеве в 1911 г. были те же, какие он нес и в предшествовавшие командировки при Высочайших поездках в пределах России, а содержание получавшихся Веригиным ордеров не оставляет сомнений, что он назначался в этих случаях именно для участия в организации мер охраны; сущность же поручений, возлагавшихся на него при выездах за границу, безусловно, подтверждает это положение. Следствием, наряду с этим, установлено, что Веригин входил в состав совещаний с высшими местными властями с правом голоса, возражая нередко генералу Курлову; присутствовал на докладах, которые делали начальники розыскных органов товарищу министра внутренних дел; ездил в Чернигов для ознакомления с положением революционных сообществ и постановкой там политического розыска и отдавал от своего имени распоряжения. При всем том Веригин держал себя очень самостоятельно, опираясь на близкие свои отношения к генералу Курлову, которому он устраивал личные денежные займы от 20 000 до 25 000 руб. (показания свидетелей: директора департамента полиции Белецкого и чиновника особых поручений при министре внутренних дел Прозоровского[253]), так что все, кто имел с ним соприкосновение по организации охраны и по предметам кредитов, относились к Веригину, как исполняющему обязанности вице-директора и представителю департамента полиции.

Полковник Спиридович, состоящий в распоряжении дворцового коменданта с поручением ему заведования охранною агентурою, начиная с 1909 г., когда обеспечение безопасности при Высочайших поездках стало сосредотачиваться в руках генерала Курлова, назначался в распоряжение последнего. Летом 1911 г. Спиридович с генералом Курловым, Веригиным и другими лицами выезжал в Киев, Севастополь и Ялту для ознакомления с революционным движением и работой охранных отделений, а также для организации секретной охраны. Доклады местных жандармских властей делались товарищу министра в присутствии полковника Спиридовича, который принимал деятельное участие в обсуждении вопросов о необходимости тех или иных предупредительных мероприятий. О положении политического розыска в Крыму и в Киеве полковник Спиридович письменно подробно докладывал дворцовому коменданту. В частности, относительно Киевского охранного отделения, начальником коего состоял женатый на сестре Спиридовича подполковник Кулябко, Спиридович дал блестящий отзыв, указывая на полную осведомленность и точный учет революционных деятелей, ввиду чего, по его удостоверению, за Киев нет оснований тревожиться. Поэтому следует признать, что когда начальнику Киевского охранного отделения Кулябке были сделаны Мордкою Богровым заявления о готовившихся террористических актах, статский советник Веригин и полковник Спиридович, в присутствии которых эти заявления были сделаны, обязаны были давать Кулябке руководящие указания в разработке означенных сведений, причем как Веригин, так и Спиридович в этом случае выступали в

кругу прямых своих обязанностей, а не в качестве добровольных слушателей и советчиков. В этом отношении следует иметь в виду, что на всех четырех обвиняемых по настоящему делу, по особому свойству их службы, лежала прямая обязанность предупреждения и пресечения государственных преступлений, а в лице генерала Курлова особым Высочайшим повелением было сосредоточено все дело охраны Священной особы Государя Императора во время пребывания Его Величества в городах Полтаве, Риге и Киеве, с подчинением ему всех без исключения чинов, находившихся в поименованных местах и командированных туда для поддержания порядка; причем на него возложена была лишь обязанность соблюдения вытекающих из закона (Свод. зак., т. I, ч. 2, прил. к ст. 899[1], по Прод. 1906 г.) известных служебных отношений к дворцовому коменданту, на коего возложено общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций и главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий. Следовательно, не только генерал-лейтенант Курлов, но и все остальные привлеченные к расследованию лица, состоявшие, во исполнение возложенного на него, Курлова, поручения, в его распоряжении, как по занимаемым ими должностям, так и по роду обязанностей, которые специально лежат на участниках охраны Их Величеств во время путешествий, не могут быть почитаемы неответственными за все то, что является последствием их бездействия и преступной непредусмотрительности в области осуществления мер охраны. При наличности лежавших на них обязанностей охраны, безразлично, кто из них ведал какою именно частью, если явная неосмотрительность, нераспорядительность или бездействие могут быть отнесены, в большей или меньшей степени, к каждому. Ввиду сего не может быть признано заслуживающим уважения заявление обвиняемых Веригина и Спиридовича о том, что на их обязанности не лежало заведование розыском и что на него, Спиридовича, возлагались поручения, касавшиеся только предварительной выработки мер охраны и начальствование над отрядами секретной охраны, то есть наружной охраны. По этому поводу нельзя не заметить, что для принятия целесообразных мер наружной охраны необходимо быть посвященным в те данные, которые добыты розыском, и самое выполнение таких мер охраны должно быть сообразовано с имеющимися агентурными сведениями. Правильность сего вывода находит себе подтверждение и в показаниях свидетелей дворцового коменданта генерал-адъютанта Дедюлина и помощника начальника центрального филерского отряда Будницкого, удостоверивших, что Спиридович, заведуя охраной, должен был быть посвящен во все сведения, которые находятся в распоряжении начальников охранных отделений, так как, не сообразуясь с этими сведениями, он не мог бы принимать надлежащих мер охраны. Основываясь на изложенном, нельзя не придти к заключению, что, помимо личных близких отношений подполковника Кулябки к остальным обвиняемым, он, по самому существу лежавших на нем обязанностей, не мог не сообщить им о предстоящей

выдаче Богрову билетов на торжества в Высочайшем присутствии, и в этом отношении нельзя не верить искренности показаний подполковника Кулябки, подтвержденных притом предсмертными показаниями Богрова. О допущении террориста Богрова в Купеческий сад и в театр, очевидно, нельзя было не доложить, в особенности полковнику Спиридовичу, так как от этого зависела безопасность Государя Императора. Поэтому заявление обвиняемых Веригина и Спиридовича, что они ничего не знали относительно допущения Богрова в Купеческое собрание и в театр, не только не соответствует истине, но и, во всяком случае, служит доказательством полного бездействия власти, ибо они должны были об этом знать, а если не знали, то такое неведение должно быть им поставлено в вину, как такая же преступная нераспорядительность, такое же противозаконное бездействие.

Таким образом, в отношении всех четырех обвиняемых по настоящему делу следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо важные последствия, причем заявление их, что нахождение Богрова в театре не грозило опасностью Государю Императору и Его августейшей семье, не может быть признано правильным, ибо, как описано выше, Богров имел полную возможность подойти во время представления к царской ложе или даже взять с собою в театр разрывной снаряд и бросить его в царскую ложу при совершении убийства статс-секретаря Столыпина, какового несчастия не случилось только благодаря самому злоумышленнику, не дерзнувшему на такое посягательство. На основании вышеизложенного, департамент приходит к заключению, что занимавший должности товарища министра внутренних дел по заведованию полициею и вместе с тем командира отдельного корпуса жандармов отставной генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, начальник подведомственной дворцовому коменданту секретной охраны полковник того же корпуса Александр Иванович Спиридович, бывший начальник Киевского охранного отделения подполковник того же корпуса Николай Николаевич Кулябко и исполнявший обязанности вице-директора департамента полиции статский советник Митрофан Николаевич Веригии достаточно изобличаются.

I. Кулябко в том:

1) что 1 сентября 1911 г., в городе Киеве, в нарушении возложенных на него в качестве начальника Киевского охранного отделения обязанностей по обнаружению государственных преступлений и обеспечению безопасности во время бывших в августе и сентябре 1911 г. киевских торжеств, а равно, вопреки изданным по департаменту полиции распоряжениям и положению о выдаче входных билетов в места Высочайших посещений исключительно благонадежным лицам, зная о сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов бывшего помощника присяжного поверенного еврея Мордки Богрова, сообщившего ему, с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, ложные сведения о приготовлениях преступного сообщества анархистов к террористическим посягательствам, могущим угрожать опасностью для Священной особы Государя Императора и для

августейшей Его семьи и о готовящемся покушении на жизнь министров Столыпина и Кассо, а также зная, что вечером 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре будет присутствовать на представлении Государь Император с августейшею семьею, допустил названного Богрова – этого явно политически неблагонадежного и опасного человека – в партер зрительного зала упомянутого театра, не удостоверившись об отсутствии у него оружия или взрывчатого снаряда, не учредив внутри театра охраны царской ложи и вышеуказанных министров и оставив его, Богрова, в театре без всякого наблюдения, каковое противозаконное бездействие власти со стороны его, Кулябки: а) создало непосредственную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и для августейшей семьи, дав Богрову полную возможность покуситься на их жизнь, причем такого злодеяния не последовало благодаря боязни Богрова вызвать этим еврейский погром, и б) повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни председателя Совета министров и министра внутренних дел статс-секретаря Столыпина; 2) что в конце августа и в начале сентября 1911 г., в городе Киеве, в нарушение возложенных на него, как начальника Киевского охранного отделения, обязанностей по обнаружению государственных преступлений и обеспечению безопасности во время бывших в августе и сентябре 1911 г. киевских торжеств в Высочайшем присутствии, зная о сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов бывшего помощника присяжного поверенного Мордки Богрова и получив от последнего в конце августа 1911 г. сведения о прибытии в Киев революционной группы лиц для террористических посягательств, означенных в пункте 1, а также о нахождении одного из означенных злоумышленников в квартире упомянутого Богрова, он, Кулябко, невзирая на явную опасность, грозившую всей царской семье и министрам, не произвел требуемого законом исследования означенных заявлений Богрова и не принял всех мер для выяснения действительного нахождения в квартире его члена названного преступного сообщества и не установил строгого наблюдения за Богровым, каковое противозаконное бездействие власти со стороны его, Кулябки, имело своим последствием несвоевременное обнаружение ложности заявления Богрова, сделанного с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии и совершить убийство, и повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина;

3) что, в нарушение возложенных на него обязанностей по обеспечению безопасности во время бывших в августе и сентябре 1911 г. киевских торжеств, а равно, вопреки изданным по департаменту полиции распоряжениям и положению о выдаче входных билетов в места Высочайших посещений исключительно благонадежным лицам, зная о сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов бывшего помощника присяжного поверенного Мордки Богрова, сообщившего ему, с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, ложные сведения о готовящихся террористических актах, означенных в пункте 1, допустил названного Богрова – этого

явно политически неблагонадежного и опасного человека – в сад киевского Купеческого собрания на торжество в Высочайшем присутствии, не удостоверившись об отсутствии у него оружия, не учредив внутри означенного сада охраны царского шествия и оставив самого Богрова в саду без всякого наблюдения, каковым своим противозаконным бездействием власти создал непосредственную опасность для Священной особы Его Императорского Величества, так как Богров, замысливший террористический акт и вооруженный револьвером, находился в ближайшем расстоянии от пути шествия Государя Императора.

II. Курлов в том, что, будучи по Высочайшему повелению от 21 мая 1911 г. в качестве товарища министра внутренних дел по заведованию полициею командирован в Киев для сосредоточения в своих руках всей власти по обнаружению государственных преступлений и обеспечению безопасности во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии и зная из сделанных ему начальником Киевского охранного отделения Кулябкой 27 и 31 августа и 1 сентября 1911 г. докладов, что бывший помощник присяжного поверенного Мордка Богров находится в сношениях с преступным сообществом анархистов-коммунистов и заявил о прибытии в Киев членов этого сообщества для террористических посягательств, могущих угрожать опасностью для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи и о готовящемся покушении на жизнь министров Столыпина и Кассо, а также о нахождении одного из означенных злоумышленников в квартире упомянутого Богрова, он, Курлов, в нарушение возложенных на него вышеизложенных обязанностей, невзирая на явную опасность, грозившей всей царской семье и министрам, не распорядился о производстве требуемого законом исследования вышеозначенного заявления Богрова и выяснения действительного нахождения в его квартире члена названного преступного сообщества, а также не поручил Кулябке иметь неослабное, строгое наблюдение за Богровым, заведомо для него принадлежавшим к анархистам, каковое противозаконное бездействие власти имело своим последствием несвоевременное обнаружение ложности заявления Богрова, сделанного с целью получить доступ на торжества в Высочайшем присутствии, допущение этого явно политически неблагонадежного и опасного человека в места Высочайших посещений 31 августа и 1 сентября 1911 г., где он, Богров, вооруженный револьвером, оба раза находился в близком расстоянии от Государя Императора и его августейшей семьи, что создало непосредственную явную для них опасность, причем такого злодеяния не последовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этим еврейский погром, и повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина.

III. Спиридович в том, что, будучи начальством командирован в качестве начальника подведомственной дворцовому коменданту секретной охраны в распоряжение товарища министра внутренних дел по заведованию полициею генерал-лейтенанта Курлова для обнаружения, согласно Высочайшему повелению 21 мая 1911 г., государствен-

ных преступлений и обеспечения безопасности во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии и зная как лично, так и из докладов начальника Киевского охранного отделения Кулябки от 27 и 31 августа и 1 сентября 1911 г., что во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии готовятся террористические посягательства, могущие угрожать опасностью для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи, и о готовящемся покушении на жизнь министров Столыпина и Кассо, что для сего прибыли в Киев члены преступного сообщества анархистов-коммунистов, с которыми помощник присяжного поверенного Мордка Богров находится в сношениях, и что, несмотря на это ему, Богрову, имеют быть выданы билеты на киевские торжества в Высочайшем присутствии, он, Спиридович, в нарушение возложенных на него вышеуказанных обязанностей по обеспечению безопасности во время этих торжеств, а равно, вопреки положению о выдаче входных билетов в места Высочайших посещений и изданным по департаменту полиции распоряжениям, не только не воспрепятствовал выдаче названному Богрову билетов на упомянутые торжества и допущению последнего 1 сентября 1911 г. в Киевский городской театр и не доложил об этом своему начальству, но не распорядился даже, чтобы, в случае выдачи оных, был учрежден за Богровым на торжествах бдительный надзор и было выяснено отсутствие у него метательных снарядов или оружия, вследствие чего этот явно опасный человек был допущен без всякого надзора 31 августа 1911 г. в сад киевского Купеческого собрания и 1 сентября 1911 г. в партер зрительного зала Киевского городского театра, где, вооруженный револьвером, оба раза находился в близком расстоянии от Государя Императора, его августейшей семьи и статс-секретаря Столыпина, каковое противозаконное бездействие власти со стороны его, Спиридовича: *а*) создало непосредственную явную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и для августейшей семьи, дав Богрову полную возможность покуситься на их жизнь, причем такого злодеяния не последовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этим еврейский погром, и *б*) повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина.

IV. Веригин в том, что, будучи командирован в качестве вицедиректора департамента полиции в распоряжение товарища министра внутренних дел Курлова для обнаружения, согласно Высочайшему повелению от 21 мая 1911 г., государственных преступлений и обеспечения безопасности во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии и зная как лично, так и из докладов начальника Киевского охранного отделения Кулябки, что во время киевских торжеств в Высочайшем присутствии готовятся террористические посягательства, могущие угрожать опасностью для Священной особы Государя Императора и для августейшей его семьи, и о готовящемся покушении на жизнь министров Столыпина и Кассо, что для сего прибыли в конце августа 1911 г. в Киев члены преступного сообщества анархистов-коммунистов, с которыми помощник присяжного поверенного еврей

Мордка Богров находится в сношениях, и что, несмотря на это, ему, Богрову, имеют быть выданы билеты на означенные торжества, он, Веригин, в нарушение возложенных на него тех же обязанностей по обеспечению безопасности во время торжеств, а равно, вопреки изданным по департаменту полиции распоряжениям и положению о выдаче входных билетов в места Высочайших посещений, не только не воспрепятствовал выдаче названному Богрову билетов на упомянутые торжества и допущению последнего 1 сентября 1911 г. в Киевский городской театр, но и не доложил об этом начальству и не распорядился даже, чтобы, в случае допущения на торжества, был учрежден за Богровым бдительный надзор и было выяснено отсутствие у него метательных снарядов или оружия, вследствие чего этот явно опасный человек был допущен без всякого надзора 31 августа 1911 г. в сад киевского Купеческого собрания и 1 сентября 1911 г. в партер зрительного зала Киевского городского театра, где, вооруженный револьвером, оба раза находился в близком расстоянии от Государя Императора, Его августейшей семьи и статс-секретаря Столыпина, каковое противозаконное бездействие власти со стороны его, Веригина: *а*) создало непосредственную явную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и для августейшей семьи, дав Богрову полную возможность покуситься на их жизнь, причем такого злодеяния не последовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этим еврейский погром, и *б*) повлекло за собою лишение тем же Богровым жизни статс-секретаря Столыпина.

Вышеописанные преступные деяния, ввиду их особенной важности, предусмотренные в отношении всех обвиняемых статьею 339 и частью 2 статьи 341 (по Прод. 1906 г.) Уложения о наказаниях.

Вследствие сего, и на основании статей 207, 222, 1075, 1105, 1107 и 1252 Устава уголовного судопроизводства занимавший должности товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов отставной генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, начальник подведомственной дворцовому коменданту секретной охраны полковник того же корпуса Александр Иванович Спиридович, бывший начальник Киевского охранного отделения подполковник того же корпуса Николай Николаевич Кулябко и исполнявший обязанности вице-директора департамента полиции статский советник Митрофан Николаевич Веригин подлежат суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената с сословными представителями.

О таковом постановлении департамента должно быть представлено, на точном основании статьи 93 Учреждения Государственного совета (Свод. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.), на Высочайшее благоусмотрение.

На основании всего вышеизложенного, первый департамент Государственного совета *положил*:

I. Отставного генерал-лейтенанта Павла Григориевича Курлова, подполковника Николая Николаевича Кулябку, полковника отдельного корпуса жандармов Александра Ивановича Спиридовича и стат-

ского советника Митрофана Николаевича Веригина предать суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, с участием сословных представителей, по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьею 339 и частью 2 статьи 341 (по Прод. 1906 г.) Уложения о наказаниях.

II. Настоящее постановление представить на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение.

А. Сабуров[254],
Николай Таганцев,
Н. Шмеман,
Евгений Тарау,
граф Толь[255] (при особом мнении),
А. Булыгин (при особом мнении),
Б. Штюрмер (при особом мнении),
А. Стишинский (при особом мнении),
П. Кобылинский (при особом мнении),
Щегловитов,
Н. Мясоедов (при особом мнении),
Макаров,
Статс-секретарь Д. Коптев.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1068. Л. 133–159об.
Подлинник. Текст – типограф. экз. Подписи – автографы.

Особое мнение
шести членов Государственного совета
15 декабря 1912 г.

Нижеподписавшиеся шесть членов первого департамента Государственного совета, присоединяясь к заключению остальных членов первого департамента о предании суду полковника отдельного корпуса жандармов Александра Спиридовича, отставного подполковника того же корпуса Николая Кулябки и отставного статского советника Митрофана Веригина по обвинению их в противозаконном бездействии власти, имевшем особенно важные последствия (Улож о наказ., ст. 339 и 341, ч. 2), при исполнении ими служебных обязанностей во время пребывания Их Императорских Величеств, осенью 1911 г., в гор. Киеве, – не считают возможным согласиться с заключением первого департамента Государственного совета о предании суду отставного генерал-лейтенанта Павла Курлова по обвинению его в таковом же преступлении.

Это последнее обвинение сведено обер-прокурорским надзором к двум положениям: 1) генерал-лейтенант Курлов, зная о заявлении Мордки Богрова относительно прибытия в Киев членов сообщества анархистов-коммунистов для террористических посягательств, не распорядился о надлежащем расследовании этого заявления, и 2) зная, что Богрову имеют быть выданы билеты на киевские тожества в Высочайшем присутствии, генерал-лейтенант Курлов не только не воспретил выдачу этих билетов, но не распорядился даже, в случае их

выдачи, об учреждении за Богровым на торжествах бдительного надзора и о выяснении отсутствия у него метательных снарядов или оружия.

Между тем, данные предварительного следствия по настоящему делу не только не устанавливают никаких улик в подтверждение приведенных двух обвинительных пунктов, но, напротив того, приводят к убеждению в том: во-1-х, что генерал-лейтенант Курлов, в целях расследования заявления Богрова, сделал ряд распоряжений, в пределах полномочий и обязанностей своих по должности товарища министра внутренних дел, заведующему полициею и охраной во время киевских торжеств, каковые распоряжения не достигли цели вследствие бездеятельности, упущений и совершенного несоответствия бывшего начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябки возложенным на него ответственным обязанностям, и во-2-х, что генерал-лейтенанту Курлову не было известно ни намерение Кулябки выдать Богрову билеты на означенные выше торжества, ни последовавшее затем осуществление этого намерения, равно как не было ему известно и присутствие Богрова в здании театра во время торжественного спектакля 1 сентября 1911 года.

Не усматривая, поэтому, оснований к преданию генерал-лейтенанта Курлова суду по обвинениям, предъявленным к нему в заключении обер-прокурорского надзора по настоящему делу, шесть членов не могли, однако, не принять во внимание, что в течение двухлетнего заведования полициею и делом политического розыска по должностям товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов генерал-лейтенант Курлов не мог не уяснить себе совершенной несостоятельности подполковника Кулябки, в качестве начальника Киевского охранного отделения, тем более, что о важных упущениях и крупных ошибках этого должностного лица в возложенном на него ответственном деле неоднократно было доведено до его, Курлова, сведения по департаменту полиции. И если, при таких условиях, генерал-лейтенант Курлов не озаботился заменою Кулябки другим, более соответствующим, лицом, заблаговременно, до наступления времени киевских торжеств, то он, несомненно, уличается в нерадении при отправлении должности, последствием коего явился видимый беспорядок и упущения, т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями 410 и 411 Уложения о наказаниях. По этим двум статьям, а не по статьям 339 и 341, ч.2 Уложения о наказ., как то полагают председатель и четыре члена первого департамента Государственного совета, а также присутствовавший в заседании министр внутренних дел, по мнению шесть членов сего департамента, генерал-лейтенант Курлов подлежит ответственности в установленном судебном порядке.

На основании изложенных соображений нижеподписавшиеся шесть членов первого департамента Государственного совета полагали бы: отставного генерал-лейтенанта Павла Курлова предать суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента Правительст-

вующего Сената, с участием сословных представителей, по обвинению его в преступных деяниях, предусмотренных в статьях 410 и 411 Уложения о наказаниях.

А. Стишинский,
граф Толь,
Борис Штюрмер,
Н. Мясоедов,
А. Булыгин,
П. Кобылинский.

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1068. Л. 160–162. Подлинник. Подписи – автографы.

Записка дворцового коменданта В.А. Дедюлина Николаю II с приложением телеграммы П.Г. Курлова

9 января 1913 г.

Имею счастие представить при сем Вашему Императорскому Величеству только что полученную мною телеграмму генерал-лейтенанта в отставке Курлова.

Генерал-адъютант Дедюлин.

Благоговея перед Всемилостивейше оказанным мне Государем Императором актом верховного правосудия, горячо возблагодарил господа Бога, моля о драгоценном здоровьи Его Императорского Величества и его августейшей семьи, лишенный более полутора лет величайшего счастия лицезреть обожаемого монарха, не дерзаю сам, а покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувство беспредельной любви, верности и безграничной преданности до последней капли крови.

Генерал-лейтенант в отставке Курлов.

[На записке В.А. Дедюлина резолюция Николая II:]
«В верности службы ген[ерала] Курлова я никогда не сомневался».

ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1а. Л. 164, 167. Подлинник Л. 165. Телегр. бланк.

РАЗДЕЛ 4

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЧСК О ВОЗБУЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛУ П.Г. КУРЛОВА, М.Н. ВЕРИГИНА, А.И. СПИРИДОВИЧА И Н.Н. КУЛЯБКО

27 апреля 1917 г.

27 апреля 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, рассмотрев: 1) дело первого департамента Государственного совета о возбуждении уголовного преследования против бывшего товарища министра внутренних дел, генерал-лейтенанта в отставке Курлова, отставного статского советника Веригина, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и отставного подполковника Кулябко по обвинению их в преступлениях по службе и 2) произведенное сенатором Н.З. Шульгиным предварительное следствие по обвинению названных выше лиц в преступных по службе деяниях, предусмотренных ст. 339 и ч. 2, ст. 341 Улож. о наказ., нашла, что:

1) Первый департамент Государственного совета в заседании 11 декабря 1912 года на основании данных предварительного следствия признал в отношении всех четырех обвиняемых установленным противозаконное бездействие власти, имевшее особо важные последствия (убийство б[ывшего] председателя Совета министров Столыпина) и полагал помянутых лиц предать суду судебного присутствия уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената с участием сословных представителей, по обвинению в преступлениях, предусмотренных в ст. 339 и ч. 2, ст. 341 Улож. о наказ.

2) На представленной, в порядке ст. 93 Учр. Гос. сов., мемории первого департамента Государственного совета по этому вопросу бывший император[256] 4 января 1913 года положил резолюцию об отрешении отставного подполковника Кулябко от должности и о прекращении дела в отношении остальных обвиняемых без всяких для них последствий и 3) Данными предварительного следствия помянутые лица могут изобличаться в том, что, будучи обязаны – Кулябко по роду своей службы, а остальные – и особому данному им в законном порядке поручению принимать меры к предупреждению и пресечению преступных деяний и охранению общественного спокойствия в г. Киеве в конце августа и начале сентября 1911 года, они, получив от секретного сотрудника Киевского и Петроградского охранных отделений Богрова, заведомо для них входившего в состав наказуемого в то время сообщества, сведения о факте приготовления известными ему лицами к террористическому акту, – вместо того, чтобы, на основании прямого требования закона, распорядившись производством надлежащего дознания, сообщить о преступлении – приготовлений к убийству – судебному следователю и прокурорскому надзору, приняли для изобличения указанных лиц ряд мер, явно выходивших из пределов их власти и противных закону, а именно, войдя в переговоры с названным Богровым, предоставили ему право, согласно его о том предложению, содействовать приезду в Киев лиц, приготовлявших убийство, подыскать им квартиру в г. Киеве или поместить их у него, Богрова, согласились не принимать никаких мер к немедленному обыску и задержанию указанных Богровым лиц, хотя у них, по словам Богрова, имелось огнестрельное оружие и взрывчатый снаряд, дав им возможность развить свою приготовительную деятельность, предоставили Богрову выполнять поручения этих лиц по собиранию необходимых для их замысла сведений и с этой целью допустили его в Купеческий сад и в театр на торжества, доступ в который был строго ограничен, причем все эти противозаконные их действия дали названному Богрову возможность лишить жизни б[ывшего] председателя Совета министров Столыпина, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 338 и ч. 2, ст. 341 Улож. наказ. Ввиду изложенного и принимая во внимание, что настоящее дело является одним из ярких показателей деятельности прежней власти в области политического сыска и что прекращение уголовного преследования против названных обвиняемых не соответствовало требованиям правосудия, Чрезвычайная следственная комиссия постановила: войти к министру юстиции с постановлением: 1) о возбуждении перед Временным правительством вопроса об отмене резолюции б[ывшего] императора о прекращении дела по обвинению бывшего товарища министра внутренних дел, генерал-лейтенанта в отставке Курлова, отставного статского советника Веригина, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и отставного подполковника Кулябко в преступлении по службе и 2) о передаче этого дела в Чрезвычайную следст-

венную комиссию для дополнения предварительного следствия и направления его затем в установленном порядке.

Настоящее постановление принято Комиссией в составе председателя Н.К. Муравьева[257], товарищей председателя С.В. Завадского[258] и С.В. Иванова[259] и члена Комиссии Б.Н. Смиттена[260], при секретаре С.А. Гуревиче.

С подлинным верно:

Делопроизводитель Комиссии В. Косолапов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 28–29. Заверенная копия.

Из стенограммы допроса А.И. Спиридовича

28 апреля 1917 г.

Председатель. – Вы генерал-майор Спиридович? Как ваше имя и отчество?

Спиридович. – Александр Иванович.

Председатель. – Перед тем, как Вы были арестованы, Вы были в Ялте градоначальником?

Спиридович. – Точно так.

Председатель. – Сколько Вам лет?

Спиридович. – Сорок четыре.

Председатель. – Вы начала службу в жандармском корпусе 31 декабря 1899 года и состояли в нем по апрель 1905 года?

Спиридович. – С исполнением обязанностей. Я нес службу корпуса жандармов, а затем был прикомандирован в распоряжение дворцового коменданта.

Председатель. – В должности начальника отряда охраны?

Спиридович. – Да, подведомственного дворцовому коменданту. Тогда я по мундиру только был офицером корпуса жандармов или начальником отряда охраны.

Председатель. – С 1903 по 1905 год вы были начальником охраны в Киеве?

Спиридович. – Начальником охранного отделения.

Председатель. – А когда Вы стали заведовать дворцовой агентурой в Царском Селе?

Спиридович. – С 1 января 1906 года. Охранная агентура подведомственна дворцовому коменданту. Это не есть агентура в смысле осведомления и розыска, это совершенно особая статья. Есть так называемая агентура политической полиции прежнего режима, которая ведает розысками. Такими розысками я ведал в Киеве. При дворцовом коменданте такого розыска не было. Был отряд физической охраны.

Председатель. – А охрана в смысле осведомления?

Спиридович. – Этого не было.

Иванов. – На ком лежала эта часть?

Спиридович. – У дворцового коменданта не было специального органа, ему должны были давать сведения директор департамента полиции и начальник охранного отделения.

Председатель. – А в Царском Селе не было охранного отделения?

Спиридович. – Нет. Царское Село находилось по розыскам в ведении Петроградского охранного отделения.

Председатель. – Итак, Вы утверждаете, что по должности начальника охраны Вы политическими розысками не занимались и секретных сотрудников не имели?

Спиридович. – Безусловно, нет.

Председатель. – До каких пор Вы продолжали оставаться в должности заведующего охраной?

Спиридович. – До 15 августа, когда я приказом был назначен ялтинским градоначальником. Приказ состоялся 15-го августа, а уехал я 18 сентября.

Председатель. – Таким образом, Вы служили в Царском с 1 января 1906 года по 16 августа 1916 года, то есть больше десяти лет?

Спиридович. – Совершенно верно.

Председатель. – Вам принадлежит труд по истории революционного движения? Кто был ближайшим сотрудником Вашим по составлению этой истории?

Спиридович. – Никто буквально.

Председатель. – Вы один написали это?

Спиридович. – Один. Я собирал материалы, начиная с первых годов службы в корпусе жандармов. Пока я служил, я не имел времени писать. Когда я служил в Царском, у меня была большая библиотека, которая осталась в наличности в Ялте. Там и сохранилась вся моя работа – главным образом, в конспектах, в той схеме, по которой я работал, особенно по партии с.-р. Сотрудников у меня никаких не было. Эта книга фактически написана была мною во время поездок в свитском поезде, и те, которые участвовали в этих поездках, видели мою работу.

Председатель. – Вы говорите, – в особенности по партии с.-р. А по партии с.-д.?

Спиридович. – Историю партии с.-д. я писал более долгое время.

Иванов. – У Вас три части?

Спиридович. – Два выпуска: с.-д. и с.-р. Первый я писал года три.

Председатель. – Что Вам известно о провокации, то есть о провокационных приемах в охране политической полиции Российского государства. Вы понимаете провокацию как «соучастие чинов розыскных органов или их осведомителей в революционной работе с целью пресечения затем таковой с наибольшим для власти результатом». Так? Я совершенно точно прочел.

Спиридович. – Совершенно верно.

Председатель. – Что же Вам известно о провокации?

Спиридович. – Источник провокации нельзя искать только в злонамеренности жандармских офицеров или чинов дворцовой полиции,

которая этим ведала. При старом режиме строевых офицеров учили всему. Если зайти в магазин Березовского[261], мы можем найти там инструкции и чертежи даже по вопросу о размерах сапога и портянки и о том, как надевать портянку. И на это есть инструкция. Жандармских офицеров никто не учил, как производить дознание по политическим делам и как вести розыски. Вот основная причина нежелательных явлений в этой области, – я всегда это говорил. Чему угодно учат, но этому не учат.

Председатель. – Вы считаете, что причина провокации – недостаточное обучение чинов жандармского ведомства, пополняющих кадры охранных отделений?

Спиридович. – Уходит офицер из строя, переходит в корпус жандармов, и на него ложатся совершенно новые обязанности. Значит: с одной стороны, есть провокация злонамеренная, когда чин, ведающий розыском, отлично знает, что делает, и, тем не менее, это делает, с другой стороны, есть провокация от незнания, от неопытности. Я эти две провокации разделяю.

Председатель. – А провокация, обусловливаемая свойством самого дела?

Спиридович. – Розыски настолько деликатная вещь, что если их будет вести человек плохих нравственных устоев, он эту тоненькую линию всегда перейдет.

Председатель. – Какую тоненькую линию? Очевидно, некоторая часть розыскной работы представляется Вам допустимой, и затем есть легко переходимая грань, за которой начинается нечто недопустимое. Так в чем же заключается, по Вашему мнению, недопустимое в розыскной политической работе и что Вы считаете допустимым?

Спиридович. – Допустимо только знать, но знать через источник, который сам не работает. Я не признаю активных работников-революционеров, как осведомителей. Это недопустимо.

Председатель. – Кого Вы называете активным работником?

Спиридович. – Того, который действительно работает в той или иной революционной организации.

Председатель. – А кого Вы называете не активным работником?

Спиридович. – Позвольте привести пример. В этой комнате собралось сообщество, решается вопрос о каком-нибудь революционном предприятии. Сидит в этой комнате десять человек. Одиннадцатый человек вносит чай. Он не принадлежит к этому кружку, но он знает тех, кто здесь сидит, и служит в качестве осведомителя. Это лишь официант, – известный чин, ведающий политическими розысками.

Председатель. – А по практике многие ли начальники жандармского управления и иные власти удовлетворялись таким способом осведомления? Считалось ли в среде политического розыска достаточной такая мера осведомления?

Спиридович. – Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Для этого нужно хорошо знать каждого человека в отдельности.

Председатель. – Но Вы почти всю Вашу жизнь соприкасались с этой областью, а потому, с Вашей же точки зрения, можете быть великолепным осведомителем относительно нее. Ведь Вы сами сказали, что известная степень внешнего соприкосновения представляется Вам, в целях осведомления, вполне достаточной.

Спиридович. – Я могу сказать, например, про того, кто после меня был в Киеве...

Председатель. – Про кого именно?

Спиридович. – Про генерала Еремина.

Председатель. – Ответьте на мой вопрос: многие ли из лиц, работавших при старом режиме над делом политического сыска, удовлетворялись тем методом осведомления, который Вы считаете допустимым, и тем результатом, который этот метод давал? Или же большинство не удовлетворялось?

Спиридович. – Мне кажется, кто понимал как следует службу, тот удовлетворялся.

Председатель. – А большинство было понимающих или непонимающих?

Спиридович. – Господин председатель, работа агентуры настолько щекотлива, что сказать другому, как я ее веду, это вещь немыслимая.

Председатель. – Вы уклоняетесь от ответа, потому что вопрос поставлен совершенно ясно. Вы говорите, что сведения о тайном сообществе получаются через таких людей, которые вносят в собрание его стакан чаю, а Вы больше, чем вносили стакан чаю, – Вы почти всю Вашу службу провели около этой среды.

Спиридович. – Я понимаю вопрос и говорю, что нужно знать работу каждого. Я должен назвать по фамилии того или иного начальника охранного отделения и затем сказать, занимался он провокацией или нет.

Председатель. – Я про Ваш общий взгляд спрашиваю.

Спиридович. – Я не могу сказать, что все занимались провокацией.

Председатель. – Вопрос в том, многие ли удовлетворялись тем способом осведомления, о котором мы говорим, или же это наблюдалось Вами только как исключение?

Спиридович. – Мне кажется – нет. И вот почему. По-моему, большинству хотелось знать как можно больше, а, конечно, я знаю больше, если мой человек стоит к революционной организации ближе. Все зависит от того, какую степень близости я допускаю.

Председатель. – Но Ваш вывод из Ваших наблюдений? По-видимому, этот вопрос несколько затрудняет Вас.

Иванов. – Вот вы составляли труд, в котором масса материала не только из Вашей деятельности, но и из деятельности других лиц.

Спиридович. – Разрешите доложить, что при составлении моего труда я ни разу не был в особом отделе департамента полиции; ни разу не предложил никому вопроса. Я в тайники не входил.

Иванов. – На основании чего же Вы делали Ваши заключения?

Спиридович. – На основании партийных документов и данных департамента, на данных, которые претворялись в официальные записки.

Иванов. – Полученные Вами от Ваших агентов?

Председатель. – Из департамента полиции?

Спиридович. – Департамент мог дать мне статистику. Затем департамент года три издавал нечто вроде своей газетки, – она есть в жандармском управлении, а затем есть своды дознаний. Вот те официальные документы, которыми я пользовался из департамента полиции.

Иванов. – А во время Вашей деятельности в качестве начальника охранного отделения в Киеве были ли случаи, когда Ваши агенты переходили ту грань, о которой Вас спрашивал председатель?

Спиридович. – Нет.

Председатель. – Ни одного случая не было? Были только осведомители, участия агентов в сообществах не бывало?

Спиридович. – Нет бывали. Виноват, я лишь указал Вам на две резко отличных друг от друга возможности в данном направлении.

Председатель. – Но Вы так и не ответили на мой вопрос. Каково было мнение специалистов в данной области: могло ли существовать дело политического сыска старого режима при пользовании исключительно такими осведомителями, которые не принадлежали к партиям?

Спиридович. – Иметь осведомителей или сотрудников, состоящих в организации, – это, безусловно, допускалось. Это департамент разрешал.

Председатель. – И офицеры охранного отделения пользовались этим допущением?

Спиридович. – Безусловно.

Председатель. – И такие случаи пользования, в качестве осведомителей, лицами, входившими в партии, были преобладающими?

Спиридович. – Это было санкционировано.

Председатель. – Чем и кем это было санкционировано?

Спиридович. – Департаментом полиции.

Председатель. – В какой форме это было санкционировано? Как это было выражено?

Спиридович. – Письменно, мне кажется, не было выражено. Вся инструкция охранным отделениям была написана уже после того, как я ушел из Киева. Тогда, после ухода Лопухина, собственно говоря, это и стало переходить в форму инструкции департамента полиции. Но меня ни одна инструкция не застала.

Председатель. – Вы не принимали участия в составлении такой инструкции?

Спиридович. – Инструкции по розыскам – нет.

Председатель. – А по какой же инструкции?

Спиридович. – По охране.

Председатель. – По охране чего?

Спиридович. – Исключительно по охране государя императора. В последние два года в департаменте полиции работала комиссия, которая вырабатывала принцип охраны, как таковой. Вырабатывалось положение, в которое должны были войти, как в целое, следующие части: обязанности начальников отделений (часть, которой я ведал), обязанно-

сти общей полиции, обязанности губернаторов, обязанности начальников розыска в данном городе и обязанности начальников жандармских управлений в каждом данном городе.

Председатель. – Вы в этой комиссии участвовали?

Спиридович. – Да.

Председатель. – Когда начала работу эта комиссия?

Спиридович. – Работа комиссии была прервана.

Председатель. – Прежде, чем ее прервать, нужно было ее начать. Когда именно, в котором году она начала свою работу?

Спиридович. – Начала, должно быть, в 1912 году и кончила со вступлением в должность генерала Джунковского[262], который прекратил ее работу.

Председатель. – Почему он ее прекратил?

Спиридович. – Точных сведений по этому вопросу я не имею. Но из всех проектов инструкций, которые были выработаны в комиссии, работало человек 30, работа раздавалась разным лицам по специальностям, Джунковский утвердил одну только инструкцию, – инструкцию моего отряда, то есть физической охраны государя при поездках. Только ее он и утвердил, и она называется «Инструкция отряда подвижной охраны при поездках государя». Эта инструкция действовала на торжествах 1913 года. Чем руководствовался генерал Джунковский и уничтожил ли он все другие инструкции, я не знаю. Затем работа прекратилась, и, кажется, уже в 1915 году или 1916...

Председатель. – А не в 1914?

Спиридович. – Кажется, при Белецком, под председательством Виссарионова, она начала работать. Это была большая комиссия.

Председатель. – Это было в то время, когда Белецкий был директором?

Спиридович. – Нет, он был товарищем министра. Это последние занятия комиссии.

Председатель. – Что же эта комиссия выработала?

Спиридович. – У нас было, кажется, всего два заседания. Я, как начальник отряда охраны, получил поручение от председателя представить свою работу, свою инструкцию. Эту инструкцию я потом из Могилева представил при официальном письме председателю комиссии. Затем я ушел на новую должность в Ялту, и ни на одном заседании этой комиссии уже не был.

Председатель. – Оставим эту комиссию. Что Вам известно об инструкции по розыску, то есть о секретных сотрудниках, которые имелись, как Вы знаете, в департаменте полиции?

Спиридович. – Никогда у меня этой инструкции не было, потому что когда я был в Киеве, еще при Лопухине, она составлена не была. Составлялась она после того, как я из Киева ушел, а ушел я в апреле 1905 года.

Председатель. – Вам известно, что в этой инструкции пользование секретными сотрудниками – членами преступных, с точки зрения тогдашнего закона, революционных организаций – было правилом?

Спиридович. – Я не знаю. Я этих инструкций не видел, они составляли большой секрет в департаменте даже от офицеров, которые соприкасались с данным вопросом. О том, что я знал, я вам уже доложил.

Председатель. – Чем Вы объясните, что такая инструкция составляла секрет даже для офицеров, которых нужно было инструктировать?

Спиридович. – Насколько мне известно, жандармское управление давало ее только офицерам, ведавшим розыском.

Председатель. – Эти офицеры не только должны были быть осведомленными, но должны были знать эту инструкцию назубок, потому что она заключала в себе то положение, по которому они действовали?

Спиридович. – Да.

Председатель. – Для какой цели Вы написали две упомянутые книги по истории революции?

Спиридович. – У нас боролись с революционным движением, но с чем боролись – этого не знали. Офицер входил в корпус жандармов, не зная...

Председатель. – Об этом Вы уже говорили. Какую школу Вы прошли, то есть какое получили образование?

Спиридович. – Я кончил Нижегородский кадетский корпус, затем Павловское военное училище, потом вышел в строй, пробыл в полку 6 лет и перешел в корпус жандармов.

Председатель. – Вы предложили департаменту полиции купить у Вас написанные Вами книги? Вам заплатили за них гонорар?

Спиридович. – Я работал совершенно самостоятельно.

Председатель. – То есть независимо от департамента полиции и ни в какие с ним условия не входили?

Спиридович. – Когда я кончил первую книгу, то так как, по самому содержанию ее, частная типография не могла ее печатать, печатал с разрешения товарища министра в типографии штаба корпуса, а затем испросил разрешение продавать ее. Типография штаба и продавала первый выпуск. Затем я кончил второй выпуск. Тогда товарищем министра был Белецкий. Между прочим, у них составлялись так называемые «Очерки» полковника Рожанова[263]. Когда Белецкий узнал, что я кончил свою работу, он купил у меня все остальные экземпляры по партии с.-р.

Председатель. – Они Вам заплатили?

Спиридович. – Да. Это официально было сделано.

Председатель. – Сколько заплатили?

Спиридович. – Не помню <...>

Председатель. – Скажите вот что: когда в Киеве был убит Столыпин, Вы были там?

Спиридович. – Да.

Председатель. – По должности Вашей начальника охраны особы бывшего императора. Вы служили раньше в Киеве. Вы знали тогдашнего начальника Киевского охранного отделения, одного из Ваших преемников по должности, Кулябко?

Спиридович. – Кулябко женат на моей сестре. Мы с ним вместе учились.

Председатель. – Он жив, Кулябко?

Спиридович. – Он в полку, на фронте. Всю войну в полку.

Председатель. – Как его зовут?

Спиридович. – Николай Николаевич.

Председатель. – Скажите в общих чертах, какие совещания Вы имели с Кулябко и Курловым по охране тогдашнего царя, и какое, в частности, Вы имели отношение к Богрову и к выстрелу Богрова в этой истории, окончившейся смертью Столыпина?

Спиридович. – Относительно охраны императора я делал все то, что нужно было согласно инструкции.

Председатель. – Но сосредоточим Ваше внимание на Богрове, на Ваших совещаниях с Курловым и Кулябко, касающихся Богрова, и на всем том, что происходило в театре. Скажите в общих словах, что Вам Богров сообщил?

Спиридович. – Это все было мною подробно указано на следствии. Разрешите предупредить, что я не могу все помнить и теперь могу спутать. Позвольте еще раз напомнить, что я был там начальником охраны, а не начальником розыска. Все мои обязанности относились к принятию мер по охране, к распределению нарядов охраны, к допуску в места посещения посторонней публики, – вот в чем состояли мои обязанности. Распределение мест в театре, билетов в театр – это меня не касалось, это лежало, с одной стороны, на местных органах, а затем был создан особый орган – бюро по выдаче билетов. Это бюро и вело дело.

Председатель. – Сообщите, пожалуйста, при каких условиях Вы совершали эти поездки? Царь, например, едет в Киев – Вы едете с целым отрядом?

Спиридович. – На этот счет существует целая печатная инструкция.

Председатель. – Где она может находиться?

Спиридович. – В департаменте полиции, должно быть.

Председатель. – В каком отделе, – не помните?

Спиридович. – В особом отделе, должно быть.

Председатель (обращаясь к секретарю). – Нужно будет ее затребовать.

Спиридович. – Инструкция по охране государя императора при выезде из мест государственной резиденции.

Председатель. – А сколько человек бывало у Вас в таких отрядах? Это – в зависимости от поездок?

Спиридович. – Да.

Председатель. – А сколько по Вашей должности было филеров, которые следят?

Спиридович. – Извините, это не филеры. Это в наших разговорах очень различается. Филер это есть агент наружного наблюдения.

Председатель. – А у вас как они называются?

Спиридович. – Это называется охранник, агент-охранник или младший стражник, младший чин. Я так их называл. А филеры, это специально агенты охранного отделения.

Председатель. – Сколько у вас таких агентов было?

Спиридович. – У меня их было 250 человек.

Председатель. – Это при выезде в Киев?

Спиридович. – Они и выезжали. Они прибавлялись из специальной команды. В Петербурге была специальная команда для охраны министров и лиц, которых нужно было охранять; вот оттуда и давали, когда было мало. Такой отряд был у меня. Он был сформирован, разбит на десятки, десятки соединены в команды, над командами были поставлены офицеры. Была принята чисто военная организация.

Председатель. – Жандармские офицеры?

Спиридович. – Так точно.

Председатель. – Каково было число командовавших офицеров?

Спиридович. – Это стояло в зависимости от того, в какую местность их приходилось командировать; а также в зависимости от того, сколько человек было в наличности и чего требовала топография.

Председатель. – Оставим теперь внешнюю часть, она определилась. Коснемся внутренней – Ваших свиданий с Кулябко и с Богровым.

Спиридович. – За несколько дней я обедал у Кулябко. Обедало несколько человек. Во время обеда Кулябко говорит: «Зайди в кабинет, выслушай, там у меня один молодой человек». Кончился обед, я пошел с Кулябко в кабинет, молодой человек был мне представлен. Кто он, я не знал, я его видел тогда впервые. И вот этот молодой человек, насколько помню, стал рассказывать при мне Кулябко о заговоре нескольких лиц; указал на партию социал-революционеров, сказал, что партия замышляет убийство Столыпина. О государе ни одного слова не было сказано. Это продолжалось несколько минут. Кулябко предлагал вопросы, а я не помню, предложил я ему вопрос или нет. Еще Веригин пришел, кажется...

Председатель. – Веригин жив или нет?

Спиридович. – Жив. Он был тогда чиновником департамента полиции. Когда я ушел оттуда, выслушавши это, я предложил ему несколько вопросов, и потом на этом разговоре сенатором Трусевичем было построено целое обвинение меня в допуске Богрова в театр.

Председатель. – Зачем Кулябко позвал Вас в кабинет?

Спиридович. – Может быть, он волновался.

Председатель. – Отчего же он волновался?

Спиридович. – Может быть оттого, что это было за несколько дней до приезда государя и самих торжеств. Я не знаю, зачем он меня позвал.

Председатель. – Вы обсудили с Кулябко заявление молодого человека?

Спиридович. – При Богрове я с ним ничего не говорил.

Председатель. – Но Вы обсудили с ним эти вопросы?

Спиридович. – Тут ничего не было.

Председатель. – Вы подчеркиваете – тут, но мне важно знать не где это было, а что было.

Спиридович. – Потом, должно быть, были и обсуждения, не помню. Богров должен был, несколько времени спустя, еще нечто сообщить.

Кто-то должен был, по его рассказам, приехать, он должен был сообщить, в какой дом приедут. Вопрос об установлении наблюдения меня не интересовал.

Председатель. – Понятно, что Кулябко волнуется: он начальник охраны, приезжает царь, приезжают министры, а молодой человек говорит ему, что есть предположение убить министра. Он естественно волнуется и приглашает вас, своего родственника; при Богрове вы ничего, конечно, не говорите, только слушаете рассказ. Но когда он ушел? Ведь то, что Вы сейчас сказали – это не жизненно. Жизнь не допустила бы такого спокойного отношения к делу.

Спиридович. – Да, но Богров говорил о том, что будет.

Председатель. – Я так и понял и, вероятно, каждый понял бы, что Ваш родственник и начальник охраны позвал Вас, чтобы посоветоваться с Вами.

Спиридович. – Потом, вероятно, это и было. Но я хочу остановиться на одном разговоре с Богровым.

Председатель. – Что говорил Вам о Богрове Кулябко до того, как позвал Вас в кабинет?

Спиридович. – Помню, Кулябко говорил мне, что этому человеку можно верить, потому что он с ним давно работает и вполне ему доверяет.

Председатель. – Богров был осведомителем по какой части?

Спиридович. – По партии социал-революционеров. Но помню, он говорил, что с ним можно вполне спокойно работать. Это была аттестация Кулябко...

Председатель. – Вы говорите, что это было за сутки до театрального представления?

Спиридович. – Может быть. Я не помню, когда это было, но, во всяком случае, до приезда государя.

Председатель. – Вы говорите, что Вы никакого участия в выработке плана, – как быть с этим, не принимали?

Спиридович. – Не помню. Разговоры, безусловно, были, потому что тут был товарищ министра внутренних дел Курлов с чинами департамента полиции.

Председатель. – Очевидно, был разговор с Курловым и с Веригиным по этому поводу?

Спиридович. – Веригин был чин департамента полиции.

Председатель. – Кто еще приезжал из чинов департамента полиции?

Спиридович. – Был Веригин, Сенько-Поповский.

Председатель. – Этим Ваше участие и ограничилось? Потом Вы были в театре и присутствовали при том, как Богров стрелял?

Спиридович. – Нет, виноват. Подходит день посещения государем театра. В 6 часов утра я выехал на маневры с бывшим государем верст за 50 и вернулся часа в два. Когда я прошел в общую столовую, то услышал там, что организация, о которой предупредил Богров, приехала. Виноват, это было известно нам, кажется, еще утром.

Председатель. – Утром в день спектакля?

Спиридович. – В день маневров. Я взволновался тем, что организация приехала, и уже наметил себе некоторый план в смысле переброски наряда. Когда я уезжал с маневров, я условился с дворцовым комендантом Дедюлиным, где я буду стоять при въезде в город и какой подал сигнал – куда государю ехать. Все это есть в показании на следствии. Стоя в Святошино, я должен был в зависимости от того, что я узнаю, махнуть таким образом, и шофер должен был узнать, куда ехать. Цель была та, чтобы не везти государя императора по обставленным нарядами улицам.

Председатель. – Почему?

Спиридович. – Потому что, раз мы верили начальнику розыска в том, что прибыла террористическая организация, у меня не могло быть уверенности, что она будет оперировать именно против Столыпина, и я не мог подвергнуть этому риску государя.

Председатель. – Значит, Вы допускали возможность, что эта организация будет действовать против бывшего императора?

Спиридович. – На это есть документы. Я сговорился с дворцовым комендантом, что я ему махну. Когда я вернулся и застал Курлова, я настоял на том, чтобы Курлов на бумаге сообщил дворцовому коменданту, что та организация, о которой он предупреждал дворцового коменданта, уже прибыли и хотя, по сведениям Киевского охранного отделения, она наметила в качестве объекта своих действий министра, но можно опасаться выступлений ее и против государя. Вот смысл той бумаги, которая была послана коменданту.

Председатель. – Зачем нужно было писать такую бумагу?

Спиридович. – Чтобы дать почувствовать дворцовому коменданту, что они должны встрепенуться.

Председатель. – Зачем же бумага? Для этого достаточно было устного осведомления.

Спиридович. – Слишком верили серьезности этого. Во всяком случае, это было сделано.

Председатель. – Вы хотели освободить себя от ответственности?

Спиридович. – Ответственность ни с кого этим не снималась.

Председатель. – Что же предпринималось, ввиду серьезности положения, чтобы арестовать эту организацию?

Спиридович. – Этого я не знаю, потому что я все время был в разъездах, делом розыска и наблюдением за этой организацией я совершенно не мог интересоваться.

Председатель. – Но нельзя же допустить, чтобы Вы этим не интересовались.

Спиридович. – Я очень интересовался, но не мог входить в это.

Председатель. – Но если Вы этим интересовались, то что же Вы сделали для расследования на предмет ваших распоряжений? Вы говорите, что направили царя по какой-то другой улице, – стало быть, Ваши собственные распоряжения стояли в зависимости от того, что Вам удавалось узнать об этой организации.

Спиридович. – Не помню, видел ли я Кулябко. Может быть, когда я приехал с маневров, с ипподрома, Кулябко сказал, что допустить проезд государя можно.

Председатель. – Вы участвовали в составлении упомянутой бумаги или Кулябко ее писал?

Спиридович. – Писал не Кулябко, писали ее я и Курлов. Кулябко тут не было.

Председатель. – Все-таки на основной вопрос Вы не ответили. Положение вещей было такое: утром приехала организация, Вы заведуете охраной царя, Вы придавали этому серьезное значение, допуская, что объект замышляемого покушения, Столыпин, может быть заменен другим объектом – царем. Что же Вы сделали, чтобы узнать, арестована эта организация или нет?

Спиридович. – Очевидно, я спрашивал Кулябко и, должно быть, он ответил мне, что этой организации в действительности нет. Возможно было, что эта организация существует только в мыслях Богрова. Он говорил, что организация приехала, что все они сидят у него в комнате, и их нельзя взять; кто-то придет вечером и будет что-то передавать.

Председатель. – Но когда Вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять, – как Вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабьими сказками? Ведь Вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит, что если организация не выходит на улицу, то это отнюдь не является в глазах охраны препятствием к тому, чтобы ее арестовать, потому что на улице как раз может разбежаться, а тут ее можно захватить наверняка.

Спиридович. – Извините, тогда я не мог судить обо всем этом. Я физически находился на улице, я делал свое дело и не мог...

Председатель. – Кроме физического дела, у Вас было умственное, которое заключалось в том, чтобы исполнить вашу непосредственную задачу – охранять кого нужно в Киеве. Вы получили сведения, что эта организация приехала, как же Вы не осведомились, арестована эта организация или нет?

Спиридович. – Моя работа заключалась в физической охране государя на улице при участии товарища министра внутренних дел и начальника охранного отделения с чиновниками.

Председатель. – Охрана царя от возможностей покушения на него – это дело физической охраны или какой-нибудь другой?

Спиридович. – Вся эта работа разделяется на два вида. Одной работой ведает охранное отделение, и я ею не ведал. Я теперь не помню, о чем говорил с Кулябко, но, во всяком случае, у меня не было времени вникать в это.

Председатель. – Председателей Совета министров России убивали не каждый день. Это был все-таки исключительный случай. Вы стояли очень близко к этому делу. Вы, вероятно, очень волновались за участь вашего родственника Кулябко и за Вашу собственную. Как же все обстоятельства этого дела не врезались в вашу память? Вы должны

ясно помнить, как Богров в нескольких шагах от бывшего императора убил Столыпина, причем мог убить царя.

Спиридович. – Я еще не дошел до этого, я могу Вам описать весь день подробно.

Председатель. – Но Вы помните только одно, что Вы написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. – Потому что утром все делалось без меня. Я потом из разговоров узнал. Утро для них всех было интересное. С семи часов утра до двух у них было свидание с Богровым, вырабатывался план действий. Все это делалось без меня.

Председатель. – У кого было свидание с Богровым?

Спиридович. – Все это есть во всеподданнейшем докладе. Но все это было без меня, потому что я в 7 часов уехал, вернулся с маневров в 2–3 и что произошло за это время, я не знаю.

Председатель. – Но что Вы делали с двух часов дня? Вы приехали, сошлись с Курловым и написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. – И моментально уехал на ипподром, куда должен был приехать государь. Кажется, это был ипподром. Потом поехали в Киевскую лавру, куда были направлены и мои наряды. Я метался, у меня не хватало внимания ни на что другое. Может быть, это было ошибочно, но я был слишком спокоен за Кулябку.

Председатель. – Вы знали тогда бывшего вице-директора или, может быть, заведующего особым отделом департамента полиции того времени, А.Т. Васильева?

Спиридович. – Да.

Председатель. – В каких Вы были отношениях?

Спиридович. – Я его знал с первых годов службы в Киеве. Он был товарищем прокурора, и я соприкасался с ним, как начальник охранного отделения.

Председатель. – У Вас были хорошие отношения?

Спиридович. – Мы никогда не бывали друг у друга, но отношения были хорошие.

Председатель. – И в 1911–1912 годах тоже были хорошие отношения?

Спиридович. – Да.

Председатель. – Какой окраски волосы у Кулябки, – он блондин, шатен или брюнет?

Спиридович. – Сейчас, пожалуй, седой.

Председатель. – А тогда какой он был?

Спиридович. – Блондин.

Председатель. – Но не очень светлый блондин. Он не рыжий?

Спиридович. – Нет. Немного ударяет в темное.

Председатель. – А у Вас не переменился цвет волос? Вы не были тогда посветлее?

Спиридович. – Нет.

Председатель. – Про Вас знакомые не говорят, что Вы рыжей окраски?

Спиридович. – Нет. Когда я не бреюсь, то можно сказать, что я рыжий, но я всегда бреюсь. <...>

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 352. Л. 1–29. Маш. экз.
Опубл.: Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. III. С. 27–45.

Из стенограммы допроса М.И. Трусевича

4 мая 1917 г.

<...> *Председатель.* – <...> Скажите, пожалуйста, Вы производили расследование по поводу действий Курлова? Мы не будем касаться того, что выражено в Вашем докладе. Нам бы хотелось спросить Вас изустно, в нескольких словах, как Вы, ревизовавший дело об убийстве Столыпина, относились к участию в этом деле Спиридовича, Кулябко и самого Курлова?

Трусевич. – Я не знаю, у Вас был всеподданнейший доклад или черновик?

Секретарь. – Все производство.

Трусевич. – Мне задача была поставлена весьма узкая. В конце концов, это было производство расследования, по поводу убийства Столыпина, организации охраны его величества и высших должностных лиц в Киеве. Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое только выпадало на мою долю, потому что это был, можно сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайние предположения – о злоумышлении убийства Столыпина ген[ералом] Курловым; другие говорили, что абсолютно ничего нет, что это просто примазка Кулябки. В этих пределах надо было найти ту точку, которая отвечала действительности. Было давление со всех сторон, но я считаю, что мы провели это дело довольно удачно. Ни в одну из крайностей не впали, а выяснили хорошую середину, которая дала основание для предания Курлова и его помощника суду за бездействие и превышение власти. Два обвинения было. Надо сказать, что обвинение было поставлено в Государственном совете совершенно в соответствии с моим всеподданнейшим докладом. Хотя потом было произведено предварительное следствие сен[атором] Кузьминым*, но я старался вести расследование настолько объективно, а это не особенно часто бывает, что административное расследование вылилось в то самое обвинение, которое было в постановлении Государственного совета. Я тогда лечился. Меня вызвали, не спрашивая моего согласия, как сенатора. Я явился и выяснил вопрос относительно того, какова моя задача, затем сразу обратился в департамент полиции и взял там дело. При этом оказалось, что департамент полиции был устранен от участия в этом киев-

* Так в тексте. Имеется в виду сенатор Н.З. Шульгин.

ском деле. Затем я отправился в Киев. Курлов и Веригин находились в Петербурге, Кулябко был в Киеве, а Спиридович в Ливадии, и мне приходилось разбрасываться. В Киеве я явился в охранное отделение и отобрал все документы. Затем приступил к допросу Кулябко. Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, был ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр. Я установил, что он еще два раза был в толпе, в которой находился Столыпин. Кулябко после упорных, с его стороны, запирательств все-таки признал это. Я боялся, главным образом, что Кулябко свалит вину на Курлова и прикроется его приказанием. Поэтому надо было вести дело чрезвычайно осторожно. В моем протоколе, я думаю, заметно, что в конце концов я вывел его на эту дорожку, мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом. По отношению к Кулябке была обнаружена растрата с подлогом. Это дело было выделено и направлено, и он был осужден. Затем, относительно Курлова, было установлено, что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр. Дело было поставлено чрезвычайно неудачно, проверки не было никакой. Я сам установил целый ряд фактов, которыми можно было проверить все заявления этого Богрова. Припоминаю, что так какой-то Николай у него на квартире сидел. Оказывается, там была прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое пребывание этого Николая в квартире можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что эта была сплошная ложь со стороны Богрова. Это я поставил в вину Кулябке.

Председатель. – Вы не ставили своей задачей установить, не был ли Курлов прикосновенен к самому факту убийства Столыпина?

Трусевич. – В каком смысле прикосновенен?

Председатель. – В том, чтобы он принимал некоторое участие?

Трусевич. – Т.е., что это было организованное убийство? Я начал с этого. На этом вопросе пришлось остановиться, потому что в публике, в особенности в кругах, близких к Столыпину, высказывалось это; но я должен сказать, что если бы даже подобного рода мысль и явилась, то она была бы выполнена как-нибудь иначе, а не так, как это было в данном случае, потому что привлечь к участию целый ряд людей, – это было бы совершенно...

Председатель. – Кого Вы имеете в виду?

Трусевич. – Веригина, Спиридовича и Кулябку.

Председатель. – Могли быть свои люди.

Трусевич. – Я говорю, что если бы человек вел дело на умышленное убийство Столыпина, то они с Веригиным сделали бы как-нибудь иначе. Мне это представляется совершенно немыслимым. Затем я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина – единственный мог быть мотив, потому что существовали ли какие-нибудь разницы в их программе, я, по правде сказать, не знаю.

Председатель. – У Вас не было указаний на то, что Столыпин был неприятен Распутину[264]?

Трусевич. – Нет. Я тогда о Распутине ничего не слыхал. Это было в 1911 году, – я тогда занимался географическим исследованием Кавказа, от этих сфер стоял далеко, и был ли тогда Распутин или нет, не знаю. Может быть, я что-нибудь и слыхал о каком-нибудь старце, но чтобы Распутин уже в то время влиял на государственное управление, – я сомневаюсь. Я останавливаюсь на этом вопросе, так как умышленное убийство было бы бесцельно, потому что устранять Столыпина, как политического противника, у Курлова не было оснований; значит, единственный мотив мог быть карьеристический. Но ведь этим убийством он губил себя, потому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, – он самую почву у себя из-под ног выбивал этим, и выбил <...>

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 353. Л. 17–18. Маш. экз.
Опубл.: Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. III. С. 230–232.

Из стенограммы допроса П.Г. Курлова

6 мая 1917 г.

<...> *Председатель.* – Что Вам известно о принятой в ваше время и сохранявшейся вплоть до революции настоящего года системе политического розыска? Замечу, что нас интересует не внешняя сторона, а учреждение и существование так называемой секретной агентуры.

Курлов. – Вы желаете, чтобы я сказал, как это делалось?

Председатель. – Вы расскажите в нескольких словах о секретных сотрудниках.

Курлов. – Во всех организациях нелегальных были люди, которые оплачивались и которые давали сведения по поводу того, что происходило. Вот в общих чертах... Но тут в вопросе об организации, об агентуре идет тонкий вопрос о провокации. На этом, если Вам угодно, мне бы хотелось остановиться более подробно, потому что это вопрос, который меня очень сильно интересовал и с которым я довольно усиленно боролся. Дело в том, что, по крайней мере, технически, при ведении розыска, провокацией называлось всякого рода так называемое продвижение сотрудников, т.е. не только продвигалось известное лицо, которое давало сведения, но этому лицу рекомендовалось занять более или менее выдающееся положение в партии или в известной организации. Вот против такой системы я, безусловно, восстал немедленно, и могу сказать, что за все время моего управления департаментом полиции не одного случая провокации не было.

Председатель. – Причем Вы под провокацией разумеете продвижение в партийной иерархии лица, оплачиваемого департаментом полиции?

Курлов. – Причем он, вызывая сам известного рода противозаконные, по тогдашним временам, дела, является подстрекателем. Вот, что

я называю провокацией. И тогда, немедленно вступив в борьбу в этом направлении, я переменил весь состав Петроградского охранного отделения. И, во-вторых, я повторяю, что провокации за свое время не знаю.

Председатель. – А переменили Вы состав департамента полиции или, по крайней мере, главу департамента полиции?

Курлов. – Нет, его я не переменил.

Председатель. – При Вас ушел Трусевич и был заменен Зуевым?

Курлов. – Я его не сменял. Трусевич имел в виду получение должности товарища министра. И когда П.А. Столыпин 12 декабря 1908 года, за несколько дней до его назначения, вызвал меня к себе, то он мне сказал, что предлагает мне товарища министра. Я ему сказал, что это такого рода положение: «На это место рассчитывает Трусевич, – и наше положение тогда ие особенно удобное»... Он мне сказал: «Ну, передайте Трусевичу сами, что это состоялось, и скажите ему, что я прошу его никуда ие уходить и что ои к пасхе будет назначен сенатором». Тогда я просил его назначения старшим из директоров...

Председатель. – Вы говорите, что приняли меры к тому, чтобы агентура в том виде, как Вы ее очертили, не имела места. Но Вам известно, конечно, о существовании инструкции, которая была еще выработана в 1906 году и которая была обязательным руководством для лиц, ведающих политическим розыском?

Курлов. – Это ведь не моя инструкция.

Председатель. – Это инструкция, которая раньше была создана и которая при Вас существовала. Внесли Вы какое-нибудь изменение в эту инструкцию в соответствии с Вашими взглядами? А если не внесли, то почему? Вы, вероятно, помните: инструкция эта фактически и по существу стояла иа точке зрения, несколько отличающейся от того, что Вы объявляете Вашей точкой зрения. Ну и как же Ваша-то точка зрения, если она была, – реализовалась она, действовала на департамент полиции и охранное отделение?

Курлов. – Нет, она была очень действительной, потому что это внушалось определенно начальникам охранных отделений.

Председатель. – Объясните, однако: как же это? – Товарищ министра, заведующий полицией, исповедует идею, что секретные агенты отнюдь не должны продвигаться по иерархической лестнице революционных партий (ибо это есть путь, который дается не иначе, как при помощи нарушения закона, не правда ли?). А существующая инструкция стоит в этом пункте на совершенно противоположной точке зрения?

Курлов. – Я это знаю.

Председатель. – Инструкция желает и ценит особенно тех агентов, которые продвигаются.

Курлов. – Я внушал начальникам охранных отделений очень определенно. Но почему я не изменил этой инструкции, я не помию <...>

Председатель. – Вам известно другое положение инструкции – о том, что ликвидация сообщества должна была происходить в момент наибольшего развития его деятельности, что такой момеит наиболее

выгоден именно для ликвидации сообщества? Как же обстоит дело с несчастным законом? Сначала человеку, вместо того, чтобы его в каторгу сослать, дают деньги: это в момент открытия сообщества, в момент приобретения сотрудника, а затем, вместо того, чтобы соблюсти правила закона, из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день смотрят сквозь пальцы на то, что организация развивает свою деятельность, и по-прежнему платят деньги. Ведь это нарушение закона?

Курлов. – Безусловно.

Председатель. – Безусловно. В 1911 году Вы были в Киеве и, значит, при Вас произошло убийство Столыпина?

Курлов. – Да.

Председатель. – Вы приехали туда за тем, чтобы принять меры к охране особы тогдашнего императора и высших должностных лиц от возможных террористических покушений: Вы вошли, по этому поводу, в сношения как с начальником местной охраны Кулябко, так и с начальником дворцовой охраны – Спиридовичем?

Курлов. – Да.

Председатель. – Вам было известно указание Богрова, что предполагалось террористическое покушение и что агенты революционной организации приехали для совершения этого преступления в Киев?

Курлов. – Совершенно верно.

Председатель. – Причем Вы знали, что Богров есть секретный сотрудник Кулябко?

Курлов. – Это последнее не совсем верно – бывший сотрудник...

Председатель. – Бывший, но в тот момент, в момент Вашего приезда вновь что-то Кулябке доносивший?

Курлов. – Сделавший ему какое-то заявление: он, так сказать, сделал ему новое заявление, но сотрудником не был...

Председатель. – Значит, как Вы говорите, вошедший с ним вновь в сношения, после перерыва, и сделавший ему заявление? Это верно?

Курлов. – Верно.

Председатель. – Вы знали, что Богров будет на представлении в театре?

Курлов. – Безусловно, не знал.

Председатель. – Вы когда узнали, что готовится террористическое покушение и что Богров сделал о том заявление? Изложите это, пожалуйста, вкратце – в дополнение к тому, что у нас имеется в нашем распоряжении по этому вопросу.

Курлов. – Позвольте: только немножко, так – вкратце – нельзя сказать... Я приехал в Киев 14 августа и в ту же ночь со мной случился удар, так что я не выходил, но принимал и руководил всем из моей квартиры, из гостиницы. Причем я должен сказать, что на меня, по Высочайшему повелению, которое имеется, было возложено высшее наблюдение за охраной, а не непосредственное руководство розыском. Дело в том, что мне подробнейшим образом докладывали о всех обстоя-

тельствах, которые, так сказать, могли нарушить мирное течение всех торжеств. За несколько дней – дня за четыре или пять (теперь трудно припомнить) – ко мне является полковник Кулябко и заявляет мне, что к нему явился его бывший сотрудник (буквальное выражение), который сказал ему, что готовятся террористические акты, может быть, даже и центральный, но, во всяком случае, на высших должностных лиц...

Председатель. – «Центральный»? Т.е., Вы имеете в виду покушение на царя?

Курлов. – Да. И что они имеют приехать, для того, чтобы его, этот акт, так сказать, осуществить. И этот Богров должен был им оказать услугу двоякую. Я, может быть, ошибаюсь, но мною было, в свое время, сенатору Шульгину сделано заявление. Следствие вел сенатор Шульгин. В моем показании сенатору Шульгину это все подробно изложено. Богров должен был им, приезжим, предоставить квартиру и нанять им моторный катер, так как они, по каким-то соображениям, мне не известным (Кулябко мне не докладывал, ему, очевидно, не говорил Богров), предполагали ехать рекой.

Председатель. – Т.е. все это – лишь утверждали Богров или Кулябко, потому что действительность потом обнаружила, что этого не было?

Курлов. – Да. Так как катер должен был приехать в Кременчуг, то я распорядился послать отряд для наблюдения из Кременчуга, безусловно запретив съезд всяким катерам, а квартиру чтобы предоставили у жены или вдовы одного из бывших жандармских унтер-офицер... Вот это был, так сказать, момент первый, который в себе ничего особенно тревожного не заключал. Но в тот день, когда Петр Аркадьевич приехал в город, я ему подробно доложил все эти сведения. Затем это дело заглохло, и новые сведения поступили только в день покушения.

Председатель. – Но как же такой вопрос мог заглохнуть? Вы приехали туда для охраны, за пять дней Вам говорят, что приезжает террористическая организация, имеющая целью покушение, и вы говорите, что этот вопрос заглох. Как он мог заглохнуть?

Курлов. – Новых сведений не поступало. Был назначен отряд для наблюдения за Кременчугом: там никто не выезжал и катера не нанимал. Богров никаких сведений не давал. Так что в этом смысле я понимаю «заглох».

Председатель. – Теперь ясно. Дальше.

Курлов. – Так что новых сведений не поступало. Мне теперь очень трудно припоминать некоторые обстоятельства и подробности. Потому что тут еще произошло побочное обстоятельство. Кажется, дня за два до этого был арестован... не помню фамилии: он застрелился и сначала думали, не находится ли это в связи, но потом, безусловно, было установлено, что это в связи не находится. Затем, в день покушения, утром, мне было доложено, что эта группа явилась в Киев не из Кременчуга, и что одно лицо находится на квартире у Богрова, и что, кажется, в 12 или в час, должны прийти другие лица и таким образом, так сказать, организовать покушение. На кого? Это еще не было

определено. В 12 час. у меня был второй доклад: что не явились эти лица и что свидание лиц, приехавших, должно состояться иа Бибиковском бульваре, если не ошибаюсь, – вечером, – т.е. перед самым театром. Все меры, которые полагаются в таком случае, т.е. наблюдение, были приняты – за квартирой Богрова. Я приказал поставить иаблюдение: иа самый серьезиый пост – начальиика наружного наблюдения и принял некоторые меры, так сказать, полицейского характера, т.е. мы не знали, с чем мы имеем дело (это было ие выяснеио), а день был боевой: государь уехал утром на маиевры, должен был вериуться в час дня, затем поехать на ипподром, где был смотр потешным, и хотел уже поехать в театр... Я доложил Петру Аркадьевичу подробно то, что мие доложил Кулябко. В час дня я сел в мотор и поехал по управлению царским поездом и, затем, увидел, что болыная толпа собралась – ввиду выстроеиного наряда. Тогда я принял, может быть, очень резкую меру, которая мне иногда удавалась: я останавливался почти на каждом углу и говорил полицейским офицерам, бывшим в наряде, что, вероятио, государь не приедет, что он задержится до вечера и что, поэтому, наряд снять. Наряд сняли, и тогда разошлась толпа. Я встретился с государем за городом и, как мне говорил командующий, он был очеиь удивлен, что проехал по пустой улице, где не было даже полицейского наряда – ии толпы, ничего. Засим, я предполагал отстаивать и отстаивал для проезда государя на ипподром закрытый экипаж, но он желал непременно поехать и поехал в открытой коляске, по тому пути, который был намечеи раньше.

Председатель. – Вы, может быть, сократите иемиого эту часть и перейдете к другому моменту, который нас более интересует?

Курлов. – Т.е. театр?

Председатель. – Пока еще не театр, а вот Вы начали говорить, что приняли доклад по поводу террористической организации в 12 час., – а затем, что Вы делали?

Курлов. – Затем я уехал встречать государя.

Председатель. – А далее?

Курлов. – Затем, я поехал с государем ко дворцу, поехал на ипподром...

Председатель. – А эту организацию Вы потеряли из виду?

Курлов. – Как потерял?

Председатель. – Докладов Вам ие делали?

Курлов. – Дальше доклада не было, кроме сведений о Бибиковском бульваре.

Председатель. – Вы знали, что Богров член революционной партии?

Курлов. – Нет, я знал, безусловно, что он уже не члеи...

Председатель. – Кто же Вам сказал, что он уже не член?

Курлов. – Полковиик Кулябко.

Председатель. – Скажите, отчего Вы, получив сведения о том, что один из приехавших революционеров у Богрова, не сделали распоряжения об его аресте?

Курлов. – По той причине, что мне нужна была вся группа, так или иначе, как мы знаем из практики, такие преждевременные аресты влекут...

Председатель. – Так что некоторое время этот человек должен оставаться на свободе?

Курлов. – Он должен был оставаться на свободе до 7 часов вечера.

Председатель. – Вы сделали какое-нибудь распоряжение, чтобы эта группа была арестована в 7 часов.

Курлов. – Безусловно, сделал.

Председатель. – Кому?

Курлов. – Полковнику Кулябке.

Председатель. – Как мирится Ваше утверждение о том, что Вы знали, что он не состоит членом организации, с полученными Вами сведениями о том, что, во-первых, этот человек предупрежден об этом, а, во-вторых, что члены революционной организации должны у него остановиться и он их должен встретить? Как Вы знаете, по 102 статье, этого рода сношения и такого рода действия, как принятие к себе этих революционеров, составляют признак принадлежности к преступной организации, к преступному сообществу?

Курлов. – Вы хотите, чтобы я сказал...

Председатель. – Вы, на мой вопрос, сказали, что он не состоит членом организации, между тем, все факты, о которых Вас предупреждали, они такого рода, что говорят о его принадлежности к этой организации: ибо, если бы он был членом, эти факты не имели бы места.

Курлов. – Он был членом организации, затем вышел – так, по крайней мере, мне было доложено...

Председатель. – Но в тот момент, когда Вам докладывали, он, по-видимому, вступил в нее?

Курлов. – Юридически – вступил, несомненно.

Председатель. – И этот, юридически вступивший в организацию, член сообщества был отправлен в театр?

Курлов. – Никогда не был отправлен в театр. По крайней мере, я его в театр не отправлял. Никогда этого не разрешал, и это даже противоречит всем моим распоряжениям!

Председатель. – По Вашему мнению, это было самовольное действие Кулябки?

Курлов. – Безусловно!

Председатель. – Какое письмо около 3 часов этого дня Вы и Спиридович написали по поводу того, что эти лица не приходят на квартиру Богрова?

Курлов. – Кому письмо?

Председатель. – Вы не помните историю с этим письмом?

Курлов. – Я никакого письма не писал...

Председатель. – А Вам не писали такого письма?

Курлов. – Не могу сказать... Положительно не помню...

Председатель. – Когда Вы пришли на спектакль, что Вы узнали об этом юридически вступившем (а юридически он вступил потому, что

он фактически вступил) в организацию человеке, который состоял в сношении с Кулябкой и был раиьше сотрудииком?

Курлов. – Я, приехал в театр, иичего не знал...

Председатель. – Не хотели знать?

Курлов. – Я не мог знать – по обстановке: я приехал в театр, сопровождая государя, и вместе с иим пошел в партер.

Председатель. – Разве Вы не потребовали доклада о том, как обстоит дело с этим молодым человеком?

Курлов. – Доклад я принял в первом же антракте; он (Кулябко) мне сказал, что свидание на Бибиковском бульваре не состоялось...

Председатель. – Я про этого молодого человек, про этого гостя, который пришел?

Курлов. – Что ои у него находится, что иаблюдение стоит и что об этом ему приехал доложить в театр Богров... Я приказал иемедленно, чтобы Богров не смел отлучаться из квартиры, пока группа не будет выясиена.

Председатель. – Но как связать это с тем, что Вам сказали, что Богров приехал в театр?

Курлов. – Да, по словам Кулябки, выходило так...

Председатель. – Значит, его отправили назад еще до доклада Вам?

Курлов. – Да, по словам Кулябки, выходило так...

Председатель. – Вы помните, что именио до доклада Богров должен был уехать из театра, а не после?

Курлов. – Т.е. после доклада мие?

Председатель. – Да.

Курлов. – Нет, по-моему, до доклада, насколько я теперь помню...

Председатель. – Так что Вы продолжаете сейчас утверждать, что Богров без Вашего ведома был отправлен в театр?

Курлов. – Безусловно!

Председатель. – Вы ие зиаете, зачем Кулябко, незадолго до этого убийства, вызывал другого своего сотрудника в Киев и рекомендовал ему взять с собою фрак и приехать?

Курлов. – Совсем не зиаю...

Председатель. – Какие у Вас были отношения с Васильевым, бывшим директором департамента полиции?

Курлов. – Когда я, в 1906 году, был иазначеи временио исполнять обязаиности вице-директора департамента полиции, то Васильев был заведующим особым отделом, и я с ним позиакомился.

Председатель. – Зиачит Вы, после губернаторства, были назначеиы исполнять обязанности вице-директора департамеита полиции?

Курлов. – Я был членом совета и исполнял обязанности вице-директора.

Председатель. – Сколько времеии?

Курлов. – Восемь месяцев, – должно быть, в 1907 году...

Председатель. – Какие же у вас были отношения с Васильевым?

Курлов. – Я с ним познакомился впервые в департаменте и отнесся к иему в высшей степени симпатичио: ои мне очень поиравился, и

наши отношения не прекращались все время. Затем, когда я был назначен товарищем министра, то он в это время не служил в департаменте полиции, а ушел опять в прокурорский надзор, и мы продолжали видеться постоянно.

Председатель. – Вы помните, что Вы были с ним в переписке, когда он несколько позже (это был, кажется, в 1912 году) находился в Киеве?

Курлов. – Очень может быть... Я теперь не помню, но возможно.

Председатель. – Вы помните, что он Вам какие-то деньги доставал?

Курлов. – Да. Такая переписка была, т.е. я не знаю, была ли это переписка или это было устно но это имело место.

Председатель. – Какое у вас составилось представление об убийстве Столыпина, – в отношении участия в этом деле Кулябко и Спиридовича?

Курлов. – Дело в том, что по отношению к участию Кулябки у меня взгляд такой, что Кулябко совершил тот легкомысленный и недопустимый поступок, который так свойственен, к сожалению, офицерам розыска: это полное доверие к своим сотрудникам, – насколько сильное, что они рискуют своей собственной жизнью... Если разрешите, я Вам иллюстрирую сейчас примером.

Председатель. – Примером Карпова?

Курлов. – Да.

Председатель. – К этому перейдем позже... Значит, Кулябко совершил поступок легкомысленный?

Курлов. – Рассчитывая на то, что это даст прекрасные результаты...

Председатель. – Какие результаты?

Курлов. – В том смысле, что если кто-нибудь из этой группы лиц появится в театре, они будут своевременно задержаны и, таким образом, будет предупрежден террористический акт...

Председатель. – Вы не знаете, что есть прием, хорошо известный многим русским гражданам, жившим при старом режиме: арестовывали человека и потом оставались в его квартире и устраивали засаду? Почему этот прием не был применен в отношении Богрова и его товарища-революционера, относительно которого он говорил, что тот находится в его квартире?

Курлов. – По той причине, что если бы должны были пойти в квартиру, – этот прием можно было применить, но, когда они отказались пойти в квартиру и свидание должно было быть на Бибиковском бульваре, то эта мера повлекла бы за собой...

Председатель. – Вам сообщили, что один революционер пошел туда?

Курлов. – Мне нужен был не один, а целая группа...

Председатель. – Но, позвольте, для этого именно и делали «засады». Скажем, живет студент, – пришлют полицию и его арестуют, а на квартире сидят. Звонок, приходит другой – другого арестовывают, и так просиживают по неделям.

Курлов. – Тут высиживать некогда было: тут шел вопрос о сегодняшнем вечере!

Председатель. – Но, не сделав этого, Вы сделали то, что агент Кулябки пошел на место стрелять в Столыпина!

Курлов. – Дело в том, если бы мы их арестовали, засада не дала бы результатов: потому что они не собирались прийти...

Председатель. – Но Вы же об этом не знали?

Курлов. – Напротив, – знали, что они туда не придут, а свидятся на Бибиковском бульваре.

Председатель. – Почему же не следили за Богровым и другим человеком?

Курлов. – За другим человеком нельзя было следить, потому что он из квартиры не выходил.

Председатель. – Тогда что же препятствовало взять его на квартире? Не руководило ли здесь, главным образом, стремление не предупредить преступление, а поймать человека в положении, более близком к виселице?

Курлов (прерывает). – Безусловно, нет...

Председатель (продолжает). – Ибо если задержать на квартире, то он может пойти лишь за сообщника, а вот если застать на месте преступления, то будет налицо покушение, и тогда можно повесить...

Курлов. – В этот момент я об этом совершенно не думал... Я думал только о безопасности лиц, которые мне были поручены!

Председатель. – Позвольте вернуться к письму на ваше имя Васильева. Итак, Кулябко был офицер, совершивший легкомысленный поступок. А Спиридович?

Курлов. – Спиридович розыском не ведал.

Председатель. – Каково было мнение Васильева относительно роли Спиридовича в этом эпизоде?

Курлов. – Он считал, что Спиридович, в силу своих отношений к Кулябке, должен был все знать, что знал Кулябко...

Председатель. – А что знал Кулябко, по поводу этого случая, по мнению Васильева?

Курлов. – Этого я теперь не припомню...

Председатель (читает). – «Отрадно мне было здесь слышать голоса о том, что все это дело – несчастный случай, в коем повинен один Кулябко, вероятно, по подговору рыжего»... Вы знаете, кто разумеется здесь под словом «рыжий»?

Курлов. – Знаю.

Председатель. – Кто это?

Курлов. – Спиридович.

Председатель (читает дальше). – «Другие подробности расскажу лично». Вы помните эту часть письма? Очевидно, автор этого письма стоит на той точке зрения, что в этом убийстве принимал участие не только в смысле легкомысленного допущения, но и несколько более серьезное, Кулябко, по подговору «рыжего».

Курлов. – Я понимаю, что этот подговор – именно совет – известного приема. Теперь мне очень трудно припомнить, что именно Васильев хотел этим сказать.

Председатель. – Скажите, это было в практике департамента полиции, что за товарищем министра, генерал-лейтенантом, за его перепис-

кой следят настолько, что даже фотографируют письма к нему его подчиненных? Вы знали об этом? Вот письмо, которое Вы получили (показывает фотографию письма): оно прошло через перлюстрацию и было фотографировано.

Курлов. – Я не был в то время товарищем министра.

Председатель. – Значит, письма бывших товарищей министра и министров фотографировались?

Курлов. – Значит, новый директор департамента нашел нужным это сделать... Я, по крайней мере, об этом никаких сведений не имел.

ГА РФ. Ф 1467. Оп. 1 Д. 297. Л. 12–29. Маш. экз. Опубл.: Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. III. С. 187–198.

О ПОСТАНОВЛЕНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О ВОЗБУЖДЕНИИ СЛЕДСТВИЯ ПО ОБВИНЕНИЮ П.Г. КУРЛОВА, М.Н. ВЕРИГИНА, А.И. СПИРИДОВИЧА, Н.Н. КУЛЯБКО

30 мая 1917 года

Временное правительство, в заседании 24 мая 1917 года, согласно представлению министра юстиции, основанному на определении Чрезвычайной следственной комиссии от 27 апреля 1917 года, постановило: возобновить дальнейшим производством прекращенное по повелению отрекшегося императора дело по обвинению бывшего товарища министра внутренних дел, генерал-лейтенанта в отставке Курлова, отставного статского советника Веригина, полковника отдельного корпуса жандармов Спиридовича и отставного подполковника Кулябко в преступных деяниях, предусмотренных в ст.339 и 341, ч. 2 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и передать это дело в Чрезвычайную следственную комиссии для дополнительного по оному следствия и направления засим такового в установленном законом порядке.

Об изложенном постановлении Временного правительства имею честь сообщить Чрезвычайной следственной комиссии для надлежащего исправления, с возвращением препровожденных при отношении от 6 текущего мая за № 893 подлинного постановления Комиссии от 27 апреля 1917 года следственного производства, в двух томах, производства первого департамента Государственного совета, также в двух томах.

За министра юстиции

Товарищ министра Скарятин[265].

Вице-директор*.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 27–27об. Подлинник

---

* Подпись не разобрана.

Постановление ЧСК о возбуждении предварительного следствия по обвинению П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.И. Спиридовича, Н.Н. Кулябко

31 мая 1917 г.

Чрезвычайная следственная комиссия, рассмотрев 31-го мая 1917 года постановление Временного правительства о возобиовлении дела о Курлове, Кулябко и др., постановила: возбудить предварительное следствие по обвинеиию Курлова, Кулябко, Спиридовича и др. по признакам преступления, предусмотренного 341 ст. Улож. о наказ., поручив производство такового командированному в Комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлову[266].

С подлинным верно:

Делопроизводитель В. Косолапов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 26. Заверенная копия

Протокол допроса С.Е. Виссарионова

6 июля 1917 г.

1917 года, июля 6 дня, Чрезвычайная следственная комиссия, в составе председателя ее, Н.К. Муравьева, членов С.Ф. Ольденбурга[267] и В.Н. Крохмаля[268], в присутствии членов следственной комиссии Центрального исполнительного комитета Совета съездов рабочих и солдатских депутатов Ф.И. Гурвича[269], М.Я. Гендельмана[270] и М.И. Гольдмана[271], при и. о. секретаря Н.И. Идельсоне, допрашивала в Петропавловской крепости содержащихся под стражей нижепоименованных, которые показали:

Я, Сергей Евлампиевич Виссарионов, 50 лет, православиый, бывший вице-директор департамеита полиции, объясняю:

В сентябре месяце 1911 года, после убийства П.А. Столыпина, мие было поручено бывшим миинстром внутренних дел А.А. Макаровым ознакомиться с делами и постановкой розыска в Киевском охраиием отделении. Вместе со мной был командирован занимавшийся в особом отделе жандармский полковиик Балабин. Командировка эта была, вероятно, вызвана отзывом сенатора Трусевича о неудовлетворительиом состояиии охранного отделения. Вскоре как было получено известие о покушении Богрова иа убийство П.А. Столыпииа, я был вызван временно управляющим миинистерством сеиатором Крыжановским[272], который мне объявил, что иамереи командировать меня вместе с членом совета министра внутренних дел Моллериусом для обследования обстоятельств, при каких Богровым учинено преступлеиие. Я тогда же заявил, что, по моему мнению, такое поручение следовало

бы возложить на независимое лицо, так как в то время в Киеве еще находились товарищ министра Курлов, коему я был подчинен, и Веригин, занимавший одинаковое со мною служебное положение. Сенатор Крыжановский, видимо, согласился, так как для расследования обстоятельств, при коих было совершено убийство П.А. Столыпина, был командирован по повелению бывшего государя сенатор Трусевич, на меня же было возложено только ознакомление с постановкой розыска в охранном отделении. Когда я приехал в Киев, подполковник Кулябко уже не был начальником охранного отделения: он был отстранен, а его должность исправлял подп[олковник] Самохвалов, который последнее время исполнял отдельные поручения по департаменту полиции. Полковник Балабин в особом отделе заведовал Южным районом, отличался аккуратностью и педантичностью. Сводки агентурных сведений по Южному району обыкновенно поступали к нему: рассматривая их, он ознакомился с каждым сотрудником и оценивал их осведомленность. По его докладам делались запросы на места в пределах его района. При ревизии Киевского охранного отделения мне давали сведения о положении вещей подп[олковник] Самохвалов и другой помощник Кулябки подполковник Вахнин, работающий в настоящее время в контрразведке в Генеральном штабе в качестве помощника полковника Туркестанова[273]. Кроме того, я беседовал и с другими чинами охранного отделения, как соприкасавшимися с агентурой, так и работавшими в канцелярии. Список секретных сотрудников был составлен подп[олковником] Самохваловым, причем список этот сверялся с ежемесячными отчетами, поступавшими в департамент. Таким образом было обнаружено несколько сотрудников, которым выводились ежемесячно определенные денежные суммы, между тем, как дневников агентурных сведений на этих лиц, вопреки требованию департамента, не было заведено. Так как эти лица не были переданы подп[олковнику] Самохвалову, то я пригласил подп[олковника] Кулябку и в присутствии полковника Балабина предложил ему сообщить сведения о личности и местожительстве этих лиц, желая проверить, существуют ли эти лица в действительности. Однако подполковник Кулябко, находившийся в крайне удрученном состоянии, никаких сведений в то время не представил. Вследствие этого я и пришел к заключению, что как означенные сотрудники, так и показанные в отчетах выданными им денежные суммы являются фиктивными. В этом смысле я и сделал представление министру внутренних дел. По фамилиям или по кличкам сотрудников Киевского охранного отделения я сейчас не помню. Я их всех перечислил в своем докладе. К докладу я присоединил в виде особого приложения списки сотрудников-филеров и вообще все материалы, которые я получил на месте. Не могу сейчас сказать, был ли в числе киевской агентуры большевик Розенфельд[274], получавший 100 руб. в месяц; не помню, возможно, что и был. Фамилии сотрудников, если они ранее не были сообщены департаменту, я обыкновенно спрашивал у офицеров, которые вели этих лиц, записывал

и, по возвращении, сообщал в особый отдел для регистрации, после чего фамилии сотрудников я в своих заметках зачеркивал. Сотрудников, выдававшихся по своему партийной положению или по своей осведомленности, насколько я припоминаю, у Кулябки не оказалось. В настоящее время я не могу припомнить, имел ли Кулябка заграницей постоянных сотрудников или кто-нибудь из его агентуры временно отлучался за границу. Если при ревизии на это были получены какие-нибудь указания, они занесены в отчет. Доклад о ревизии составлял полк[овник] Балабин. Взгляд департамента на водворение за границу агентуры был такой, что все сотрудники должны были направляться с ведома департамента и поступать в заведование Красильникова и его помощников. Это было вызвано тем, что иначе розыскные органы, направляя за границу своих сотрудников, открыли бы там свои филиальные отделения и доставляли бы затем сведения, которые департамент не мог бы проверить. С таким положением департамент боролся и смотрел на это как на стремление заинтересовать высших руководителей розыска и сделать карьеру. Держал ли, в частности, подполковник Кулябко кого-либо из сотрудников заграницей и, в утвердительном случае, делал ли это он с согласия департамента или по отдельному разрешению товарища министра Курлова, я затрудняюсь ответить, не помню. Ведение секретных сотрудников заведующим наружным наблюдением, с точки зрения особого отдела, признавалось нежелательным: наружное наблюдение не должно было знать секретной агентуры. На практике это правило часто нарушалось, и заведующие наружным наблюдением, особенно из старых служащих, допускались начальниками розыскных органов к ведению сотрудников. Я припоминаю, что мною были получены сведения, что в Киеве заведующий наружным наблюдением Димитрюк* пользовался особым доверием подполковника Кулябки. Кулябка заменил в должности начальника Киевского охранного отделения полковника Еремина, когда последний в 1906 или 1907 году был приглашен в особый отдел бывшим директором Трусевичем. До полковника Еремина начальником Киевского охранного отделения состоял полк[овник] Спиридович, у которого Еремин был помощником. Инструкция по ведению секретного розыска составлена была в 1907 году полковником Ереминым и ныне покойным полк[овником] Беклемишевым[275] по указаниям бывшего директора Трусевича.

Сергей Виссарионов.

С подлинным верно:

Делопроизводитель Чрезвычайной следственной комиссии В. Косолапов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 39. Л. 38–39об. Заверенная копия.

---

* Так в тексте. Имеется в виду Демидюк.

Протокол допроса Н.В. Брандорфа

14 июля 1917 г.

1917 года, июля 14 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлов допрашивал, с соблюдением ст. 443 Уст. угол. суд., нижепоименованного свидетеля, который показал:

Николай Васильевич Брандорф, 46 лет, товарищ обер-прокурора общего собрания Прав[ительствующего] Сената, православный, живу в Царском Селе, по Новой ул., д. № 6, кв. № 7, под судом не был.

В 1911 году, когда я состоял в должности прокурора Киевского окружного суда, в Киеве ожидался приезд государя, ныне отрекшегося от престола, – и по этому поводу с весны начался ряд приготовлений по организации охраны. Первоначально, как я это знаю со слов бывшего киевского генерал-губернатора, Фед[ора] Фед[оровича] Трепова, с которым я часто соприкасался по службе и который неоднократно советовался со мной по разным вопросам, – организация охраны была поручена ему, но затем, кажется в начале мая, пришло распоряжение из Петрограда об устранении Трепова от этого дела и о передаче такового в руки Курлова с подчинением ему всех органов местной власти. Для осуществления возложенной на него задачи Курлов приехал в Киев за несколько дней до прибытия царской фамилии, – о [том,] какие им принимались меры до него – мне совершенно неизвестно, так как я, по установившемуся в Киевском прокурорском надзоре порядку, не ведал политическими делами, а потому не соприкасался с деятельностью местного гражданского управления и охранного отделения, каковые учреждения находились под наблюдением товарища прокурора палаты и командированных в его распоряжение двух товарищей прокурора суда. Могу только удостоверить, что, по доходившим до меня довольно основательным слухам, сам Курлов мало занимался делами охраны, а проводил время преимущественно в развлечениях и кутежах. Когда в Киев прибыл покойный Столыпин и остановился в генерал-губернаторском доме, то сопровождавший его капитан Есаулов с возмущением и тревогой говорил мне, что никаких мер по охране министра Столыпина предпринято не было и что даже помещение его, выходившее окнами в довольно глухой сад, оказалось не охраненным полицейскими агентами. Впоследствии я слышал от Трепова, что сам Столыпин тоже был недоволен принимаемыми в отношении его мерами охраны и говорил, что при таких мерах совершенно нельзя быть гарантированным от всевозможных покушений. Этот разговор Столыпина и Трепова был вызван полученными кем-то из них, кажется самим Столыпиным, открытки с изображением взрывающейся бомбы и с французской надписью «Tout de même ca aure lien» («а все-таки это случится»). Эта открытка очень расстроила Столыпина и заставила его очень неодобрительно выразиться об охранной полиции, причем, с точки зрения Трепова, смысл столыпинских слов за-

ключался в том, что вмешательство этой полиции вместо охраны часто приводило к обратным последствиям. Когда затем случилось убийство Столыпина, все поведение Кулябки, Курлова и окружавших их лиц невольно наводило на мысль, что это убийства было совершено если и не по прямому их подстрекательству, то, во всяком случае, при каком-то странном и сознательном неустранении ими тех условий, при которых подобное преступление облегчалось в своем совершении. Я лично из всего происшедшего передо мной вынес полное убеждение, что Курлов желал смерти Столыпина и был заинтересован в создании такой обстановки, при которой Столыпин мог быть убит. Прямых доказательств этого убеждения я, конечно, представить не могу, но изложу те факты, которые послужили к созданию этого убеждения. Во-первых, поведение Кулябки непосредственно после выстрела Богрова ясно показывало, что он во что бы то ни стало хотел получить Богрова в свои руки, хотя отлично знал, что я уже распорядился производством следствия, и что Богров находится в ведении судебной власти. Для получения Богрова чины охраны обращались даже ко дворцовому коменданту Дедюлину, который «приказал» мне передать Богрова в распоряжение Кулябки, но я отказался сделать это, заявив, что следствие уже начато, а потому Богров передан мною в ведение следователя. Затем ночное показание Кулябки произвело на меня впечатление рассказа человека, путающегося в своих словах, замешенного в чем-то скверном и боящегося разоблачений. Наконец, самовольный и не вызывавший особенного успеха обыск в квартире Богрова, предпринятый буквально в ту же минуту, как Богров попал в руки судебной власти, также наводит на размышления о желании Кулябко скорее завладеть и скрыть компрометирующие его документы. Что касается Курлова, то он производил впечатление человека, не только не озабоченного всем происшедшим, но, пожалуй, даже довольного, он не торопился устранить Кулябку и даже, когда я с прок[урором] палаты Чаплинским 3 сентября приехали к нему, чтобы настоять на увольнении Кулябко, – он неохотно пошел на это и, под влиянием державшего себя крайне нагло и цинично Веригина, пытался убедить нас в ненужности такой меры. Кроме того, и это самое важное, я много времени спустя, кажется в начале 1913 года, встретился в одном доме с ныне покойным государственным контролером Петром Алексеевичем Харитоновым[276], которому в разговоре высказал свое убеждение о роли Курлова в деле убийства Столыпина, причем Харитонов сказал мне, что такое убеждение имеет много оснований и подкрепляется следующими фактами. Незадолго до поездки государя в Киев, Столыпин докладывал ему о невозможности служения вместе с Курловым, который, по мнению Столыпина, явно подкапывался под него и довольно откровенно высказывал свое желание занять его место. Столыпин требовал увольнения Курлова, на что государь согласился, но добавил, что сделает это после своей поездки в Киев. С разрешения государя Столыпин тотчас же объявил об этом Курлову, – и спустя короткое время Богров при помощи чинов курлов-

ской охраны проник в театр, где и произвел в Столыпина смертельный выстрел. Все это вместе взятое и утвердило меня в убеждении, что убийство Столыпина не обошлось без участия в той или иной форме Курлова и его ближайших сотрудников.

Касательно смерти задержанного Киевским охранным отделением Муравьева я ничего определенного сказать не могу, ибо об этом эпизоде узнал только после возникновения дела о Богрове. Помню только, что кто-то из товарищей прокурора доложил мне об этом, и я, после казни Богрова, узнав, что о смерти Муравьева не было произведено дознания, – распорядился производством такового со вскрытием тела умершего. Тогда определенно говорили, что Муравьев сам застрелился, так как попался с весьма серьезными документами. Имел ли Муравьев какое-нибудь отношение к Богрову – сказать не могу. Был ли Курлов во время нахождения своего в Киеве болен, и приезжал ли к нему врач Бадмаев – я не знаю, и об этом никаких разговоров не было. Более ничего показать не имею.

Николай Васильевич Брандорф.

Командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий Бувайлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 59–60об. Автограф

Протокол допроса В.Л. Бурцева

3 августа 1917 г.

1917 года, августа 3 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлов допрашивал, с соблюдением ст. 443 Уст. угол. суд., нижепоименованного свидетеля, который показал: Владимир Львович Бурцев, 54 лет, журналист, живу по Литейному пр., д. № 25, кв. 6, тел. 65–65, православный.

С 1908 года по 1914 год я проживал в Париже, где издавал «Былое» и «Будущее» и в то же самое время специально занимался разоблачением агентов русской политической полиции. Хорошо зная революционную среду и пользуясь доверием всех партий, я разоблачал самих охранников. Ко мне обращались с имеющимися у них сведениями об охранниках представители всех революционных партий. В начале 1911 года ко мне обратились представители анархистов с просьбой разобраться в обвинениях в провокации одного из выдающихся их товарищей по делу Богрова. Я обратил серьезное внимание на это дело, но так как мне не было предоставлено никаких серьезных данных и никто из заявителей не решался выступить обвинителем, то и я не решился в то время предъявить Богрову обвинение в провокации. Богров знал, что ко мне поступило заявление и что я это

заявление не считал достаточным для начатия его обвинения, но, конечно, он был убежден в том, что в конце концов я открою истину. Сначала он ушел от революционного движения, а потом решил загладить свое прошлое террористическим актом. 26 августа 1911 года он решил привести в исполнение свой план и стрелять в начальника Киевского охранного отделения Кулябку. Мне известно, что он надеялся скрыться после этого покушения и приготовил для этого велосипед, а на случай ареста изготовил три объяснительных письма – товарищам и в редакцию, которые на следующий день сам уничтожил. Кулябко его встретил с необыкновенным доверием, в значительной степени этим его обезоружил и то же время пригласил его быть там, где должны были присутствовать царь и Столыпин. Это обстоятельство дало Богрову надежду, что он может совершить террористический акт не над Кулябкой, а над царем или Столыпиным. 30 или 31 августа Богров видел и царя, и Столыпина, но стрелять почему-то не решился. 1-го сентября он, наконец, решился стрелять в Столыпина. Последним мотивом для этого решения было то обстоятельство, что Богров считал, что в этот день его сношения с охранным отделением вполне установлены товарищами, так как его разговор с Кулябкой был подслушан одним из товарищей. Что Богров был активнейшим анархистом, я знаю из заявления, которое я получил, например, в 1912 году из каторжной тюрьмы от его товарища, ныне сотрудника «Русских ведомостей»[277], выпущенного из каторжных работ по полной амнистии, Сандомирского. Письмо Сандомирского я напечатал в том же 1912 году в «Будущем»[278], где Сандомирский отрицает возможность службы Богрова в охранном отделении, говорит о нем как о самом деятельном киевском анархисте. В «Будущем» (№ 3) я с автографа Богрова напечатал его отчет о возложенных на него поручениях партией. О том, что Богров служил в охранном отделении, получал деньги и давал сведения, помимо официальных документов, я знаю из частных моих бесед с лицами, служившими в политической полиции, например, – Доброскок[279], Спиридович и др. Мне часто приходилось слышать мнения о том, что у Богрова в деле убийства Столыпина был какой-то контакт с Кулябкой, Курловым и Спиридовичем. По этому поводу я печатал даже письмо и статьи в «Будущем»[280], в 1911 и 1912 гг., но всегда в таких случаях заявлял, что такое обвинение считаю абсурдным и никогда ни на одну минуту не допускал возможность такого контакта. Теперь уже в 1917 году после целого ряда встреч как с представителями левых партий, так и с представителями администрации, в том числе и со Спиридовичем, Герасимовым, Доброскоком и др., я снова категорически заявляю, что для меня и мысли не может существовать о таком контакте. Сведения о последних днях Богрова я имел, между прочим от близкого для него человека, г-жи Поплавской[281], с которой я встречался в Париже в 1911 и 1912 гг. Она была чужда всем революционным партиям, не была посвящена в его пла-

ны, но как свидетельница его последних дней на воле, она дала мне много ценных о нем сведений. Я считаю ее очень точной и добросовестной свидетельницей. Моя статья по делу Богрова в «Будущем» была основана в значительной степени на ее рассказах. По моим сведениям, в 1911 году Богров приезжал в Париж и в Ниццу, вращался среди анархистов, наводил справки обо мне, но ко мне не заходил. Об участии в этом деле одного их трех Виноградовых я наводил справки, но никакого отношения их к делу Богрова не нашел, несмотря на благоприятные условия расследования. История о «Николае Яковлевиче» и «Нине Александровне» считаю сплошной выдумкой Богрова для обмана охранного отделения.

Более ничего существенного показать не могу.

Прочитал Владимир Львович Бурцев.

Командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К. Бувайлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 61–63. Подлинник.

Протокол допроса В.Г. Богрова

9–10 августа 1917 г.

1917 года, августа 9–10 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлов допрашивал, с соблюдением ст. 443 Уст. угол. суд., нижепоименованного свидетеля, который показал:

Владимир Григорьевич Богров, 33 лет, присяжный поверенный округа Петроградской судебной палаты, живу в Петрограде по Преображенской ул., д. № 29, кв. № 23, православный, не судим, казненный Дмитрий Богров по делу об убийстве Столыпина – мой родной брат.

С покойным родным братом моим Дмитрием мы вместе воспитывались и жили в г. Киеве до марта месяца 1910 г., когда брат, по окончании университета, уехал в Петроград. Будучи с ним в самых близких отношениях, живя всегда в одной квартире и проведя с ним около года заграницей в г. Мюнхене, где мы вместе посещали университет, – я имел возможность наблюдать развитие политических взглядов моего брата. Отличаясь чрезвычайно впечатлительной натурой, болезненно нервно реагируя на всякого рода социальные политические несправедливости, он еще с гимназических времен стал увлекаться социальными теориями и заниматься партийной работой, причем первоначально он примыкал по своим взглядам к партии социалистов-революционеров. По окончании гимназии и в первое время пребывания в университете он стал, судя по высказываемым им суждениям, все более склоняться к крайнему течению этой партии, а после событий 1905 года, во время пребывания своего совместно со мной в Мюнхене, он от революционного максимализма переходит к анархизму-

коммунизму, увлекаясь сочинениями Кропоткина[282], Макса Штирнера[283] и других теоретиков анархизма. В собеседованиях, которые нам приходилось нередко вести с ним на политические и социальные темы, он с таким жаром и увлечением отстаивал свои взгляды, что иногда доходил до слез, не находя логических доводов для опровержения представляемых ему возражений – я помню, как меня удивлял и даже пугал факт такой его болезненной нервности; в подобных случаях он обыкновенно прекращал спор заявлением, что высказываемые им взгляды предмет его веры, а потому в этих вопросах логические доводы бесполезны. Между прочим, им особенно ярко отстаивался уже тогда тот взгляд, что цель оправдывает средства и он стремился вернуться в Россию, чтобы немедленно приступить к политической работе, считая свое пребывание заграницей в смутное время, переживаемое Россией, не только бесполезным, но даже непозволительным с общественной точки зрения. Поэтому отцу и мне удавалось лишь с большим трудом удерживать его заграницей, причем родители стремились продлить пребывание его заграницей именно потому, что опасались с его стороны каких-либо революционных действий, могущих его погубить. Тем не менее, и живя заграницей, брат не довольствовался одной теоретической работой по общественным вопросам и, не находя подходящей среды в Мюнхене, он в апреле мес[яце] 1906 г. отправляется в Париж, где устанавливает знакомство и связи с революционными кружками, однако, с кем именно он встречался в Париже, мне неизвестно. Впрочем, и там он не оставлял и научной работы – заинтересовавшись историей Китая, он просиживал, по словам его, целыми днями в библиотеке и привез толстую тетрадку, исписанную заметками по этому вопросу. В ноябре 1906 г. мы с братом окончательно возвратились в Киев, так как мне было необходимо сдавать университетские экзамены, а он наотрез отказался продолжать жить заграницей. Немедленно по возвращении в Киев, брат занялся интенсивной политической деятельностью. В подробности своей работы он меня не посвящал отчасти по соображениям конспирации, отчасти же потому, что не находил во мне достаточного сочувствия, так как я никогда никакой политической деятельностью не интересовался и ни в каких партийных организациях участия не принимал. Однако, в отношении общей программы своей деятельности он высказывался совершенно определенно, защищая идею борьбы с существовавшим политическим и социальным порядком путем самых крайних средств – всеобщих забастовок, террористических актов и прочее. При этом он ставил успех подобной борьбы в зависимость только от сознательности и нравственного подъема личности, идущей на такую борьбу – я помню, он всегда повторял, что, по его мнению, не настолько важно уничтожить кого-либо из «великих» мира сего, как испытать высшую степень негодования и нравственного протеста при виде несправедливостей повседневной жизни и потому гораздо больший революционер тот, который уничтожает городового, вследствие учиняемой им дикой расправы, чем тот, который стремится к сенсационному террористическому акту. В связи с этим он расска-

зывал о подготовлявшихся в Киеве покушениях на убийство начальника Киевского охранного отделения Кулябко, на поджог военно-окружного суда, на учинение взрыва в охранном отделении и прочих планах, имеющих чисто местное значение. О знакомстве брата с Кулябко в то время мне ничего не было известно, но для меня не может быть никакого сомнения в том, что сношения его с охранным отделением могли быть им предприняты только с чисто революционной целью. Никаких иных мотивов у брата моего быть не могло. Им не могли руководить корыстные побуждения, так как отец мой человек весьма состоятельный, при этом щедрый не только по отношению к родным и близким, но и по отношению к совершенно чужим людям, всегда обращающимся к нему за помощью, и, конечно, Кулябко не мог бы соблазнить брата 50–100 рублями. Тем более по отношению к брату, убеждений которого отец всегда так опасался, он готов был пойти на какие угодно расходы и материальные жертвы, чтобы удержать брата от революционной деятельности и, как я указывал, даже тщетно пытался удержать его заграницей. Кроме того, брат мой жил сравнительно скромно, а потому не испытывал нужды в деньгах и бюджет его, как студента, не выходил за пределы 50–75 рублей в месяц. Лучшим подтверждением этого служит то, что после смерти его не осталось никаких долгов, никаких векселей или иных обязательств, им выданных. Не могло также побудить моего брата к вступлению в сношения с Кулябко какое-либо давление или принуждение со стороны Кулябко: ни в момент, к которому приурочивается его сближение с Кулябко, а именно начало 1907 года, ни до этого никаких дел за братом не числилось и до сентября 1908 г. он не подвергался ни разу аресту. С другой стороны, возможность возникновения у брата подобного плана – использовать охранное отделение с революционными целями, облегчалась анархическими убеждениями его, независимостью его от какой-либо партийной организации (так как анархисты, как брат мне разъяснял, даже при взаимном сотрудничестве образуют не «партию», а «группу», предоставляя полную свободу действий всем своим членам), и, наконец, вполне допустима, с точки зрения излюбленной идеи брата, отвечающей его азартной и смелой натуре, о том, что цель оправдывает всякие средства. Тем не менее, я глубоко убежден, что сведения, которые давал брат Кулябко, если бы факт этот подтвердился, могли носить лишь самый безразличный характер, что с несомненностью должно выясниться при проверке участи тех лиц, которые были указаны Кулябко и момента, когда эти указания делались братом. Уже одно то обстоятельство, что появление брата у Кулябко относится ко времени непосредственно после возвращения брата из заграницы, доказывает, что он не мог сообщить Кулябко каких-либо серьезных данных. Конечно, в интересах Кулябко и его начальства было доказать серьезность оказанных братом услуг охранному отделению, так как это для них единственный способ оправдать и объяснить столь легкомысленное к брату доверие. Однако, именно тот обман, на который решился пойти брат в конце августа 1911 г., убеждая Кулябко и его начальство в вы-

мышленной истории с приехавшими в Киев революционерами «Иваном Яковлевичем»* и «Ниной Александровной» «с бомбой», – доказывает его уверенность в недальновидности и легковерии этих деятелей охраны. Кроме того, мне вспоминается, что брат всегда отзывался о Кулябко как о весьма легкомысленном и поверхностном человеке. Наконец, мне известно, что осенью 1908 г., после освобождения брата из-под ареста, со стороны товарищей его, заключенных в Киевской тюрьме, возникли подозрения против него и обвинения его в сношениях с охранным отделением. Деятельность его, вследствие этого была подвергнута расследованию со стороны представителей разных партий, и, ввиду данных им объяснений, он был совершенно реабилитирован, о чем и было сообщено в тюрьму. Ввиду всех этих обстоятельств и соображений, я убежден, что брат мой с самого начала вел с охранным отделением, в лице Кулябко, смелую игру, одинаково опасную как для него самого, так и для охранного отделения, имеющую единственную цель – осуществление революционного плана и закончившуюся так, как это было первоначально задумано братом, – террористическим актом, не повлекшим за собой ни одной лишней жертвы со стороны революционеров, но подорвавшим всю охранную систему. Должен, впрочем, заметить, что в революционной деятельности брата был почти 2-х летний перерыв – начиная с конца 1909 г. по август мес[яц] 1911 года. Этот перерыв он объяснял полным разочарованием в своих товарищах по революционной работе. По собственному его заявлению, он убедился, что большинство из них были не идейными сторонниками анархизма, а людьми, преследующими свои узко эгоистические или даже корыстные цели. Поэтому он не считал возможным дальнейшую работу совместно с ними и говорил, что если когда-нибудь он решится на какой-либо революционный акт, то совершит его только единолично, без помощи кого-либо из товарищей. Это заявление сделано было братом в апреле мес[яце] 1911 г. двоюродному брату Валентину Евсеевичу Богрову[284], гостившему несколько дней в Киеве, постоянно же живущему в Москве. Возможно, что перерыв в революционной работе брата являлся результатом естественного утомления, а может быть и желанием совсем оставить работу, как он это пишет в письме к родителям. Во всяком случае, у него была полная возможность заняться мирной профессиональной деятельностью – ни пред кем никаких обязательств у него не было, он провел почти два года вне Киева, вдали от Кулябко и своих бывших товарищей по революционной работе и проектировал поехать в Париж, ввиду национальных ограничений, мешавших ему работать в России. Если, тем не менее, он вернулся на прежнюю дорогу, то только по свободно принятому решению, так как никаких оснований для того, чтобы предполагать наличность принуждения с чьей-либо стороны и какого-либо внешнего воздействия на его волю, не имеется. Впрочем, действи-

* Так в тексте. Имеется в виду «Николай Яковлевич».

тельно, весной 1911 г. к брату являлся, как это мне рассказывал отец, какой-то неизвестный с обвинениями в неправильном отчете в израсходованных в 1908 году деньгах и с требованием предъявить оправдательные документы по всем расходам. Это требование брат считал явно шантажным, так как отчет был им своевременно напечатан в «Бунтаре», а расписки по мелким расходам на извозчиков, посыльных, железнодорожные билеты и прочее он считал невозможным представить. Тем не менее, отец дал ему требуемые деньги, кажется, несколько сот рублей, которые и были им уплачены неизвестному лицу, чем дело было совершено ликвидировано. Переходя к событиям 1 сентября, я, прежде всего, должен отвергнуть попытку некоторых корреспондентов периодической печати изобразить роль Кулябко, Курлова и других как простое соучастие в совершенном братом преступлении. Основанием для таких предположений послужили, как это потом рассказывали лица, присутствовавшие в суде во время слушания дела брата, ответы моего брата на предлагаемые председателем и прокурором вопросы, причем брат определенно отвергал все подобные возводимые против Кулябко и других обвинения. Хотя такая защита Кулябко и других со стороны моего брата и удивляла в то время некоторых, однако, с точки зрения высказанного мною раньше, такое стремление брата совершенно понятно. Задачей моего брата отнюдь не являлось втянуть, без всякого к тому основания, Кулябко, Курлова и других в свое дело, так как он тем самым превратил бы акт, совершенный им с чисто революционной целью, в простое убийство, совершенное с умыслом и заранее обдуманным намерением – ведь только таковы могли быть планы Кулябко, Курлова и других. Брат только и мог, в интересах своей собственной идеи, давать показания, благоприятные для Кулябко, Курлова и других в смысле уголовной их ответственности за происшествие 1 сентября, так как люди эти сделались жертвой отчасти своей недальновидности, а, главным образом, самой охранной системы, существовавшей на самых законных основаниях, но никак не злого умысла с их стороны. Кроме того, и объективная обстановка преступления приводит к заключению о невозможности их соучастия в нем – ведь ничего не делалось для того, чтобы скрыть их сношений с братом непосредственно перед событием 1 сентября, в конце августа мес[яца] и в день убийства в театре, билет был выдан брату самим Кулябко из взятых на свое имя и прочее. Далее, как мне известно со слов моей тетки Марии Богровой, жившей 1 сентября в Киеве в доме отца, присланная охранным отделением ночью 1 сентября команда полицейских и филеров для производства обыска была настроена самым зверским образом и разыскивала мистических «Ивана Яковлевича» и «Нину Александровну» по всем закоулкам дома – на чердаках, в подвалах, в саду и даже в соседних усадьбах, что свидетельствует о том, что Кулябко был совершенно убежден в существовании этих вымышленных лиц. Наконец, мне вспоминается, как брат мой, еще в начале августа торопился вернуться из дачного места

Потокн, где мы проводили лето, в Киев, ссылаясь на свон занятия у патрона, присяжного поверенного А.С. Гольденвейзера[285]. Теперь для меня ясно, что уже тогда в нем созрел план совершения террористического акта во время киевских торжеств по случаю приезда государя и, как-то раз, он мне даже предложил вопрос, какое, по моему мнению, могло бы произвести впечатление на общество убийство Столыпина. Не придавая вопросу этому особого значения, так как я знал, что в то время брат мой совершенно оставил революционную деятельность, я совершенно спокойно ответил ему, что считаю реакцию слишком сильной в обществе для того, чтобы какой бы то ни было террористический акт мог произвести в нем психологический сдвиг. Вот эти факты создают во мне полную уверенность, что брат мой не являлся и не мог являться бессознательным, а тем более сознательным, оружием в руках Кулябко, Курлова и других, а наоборот, использовал их в своих революционных целях. По вопросу о том, почему мой брат в показаниях, как бы нарочито, подчеркивал, что в период 1907–1909 годов действовал в интересах охранного отделения, я должен сказать, что вижу в этом его заявлении последний и, может быть, самый крупный из совершенных им анархических актов. И прежде нередко брат высказывал взгляды, поражавшие в первый момент окружающих своей парадоксальностью, но, тем не менее, вполне последовательно вытекающие из исповедуемой им анархической теории. Впрочем, в этом своем последнем анархическом акте он не сумел соблюсти строгой последовательности с начала и до конца, что я объясняю отчасти внезапностью этого принятого им решения, отчасти же теми ужасными нравственными и физическими потрясениями, которые ему пришлось испытывать. Насколько мне известно, в первом своем показании, данном им 1 сентября, он указывал лишь на революционные цели, которые он преследовал и на создавшееся у него давно решение совершить покушение на жизнь Столыпина. И только в дальнейших своих показаниях он дает иное освещение своей деятельности в 1907–1908 годах в Киевск[ом] охранном отделении, причем, однако, на целый ряд вопросов следователя, направленных к объяснению столь быстрых и странных переходов от революционной деятельности к охранной и вновь к революционной, он отказывается отвечать, ссылаясь на «свою логику». Далее, в двух письмах на имя родителей, фотографии с которых я представляю, он подчеркивает, что желает оставить о себе воспоминание у родителей, как о человеке, «может быть и несчастном, но честном», и указывает, что не может, несмотря на все старания, «отказаться от старого», т.е. от революционной деятельности. Таковы противоречия, в которые он все время впадал, стремясь изобразить свою деятельность 1907–1909 гг., как направленную в интересах охраны. Между тем, представляясь сотрудником Кулябко, брат мой, по моему убеждению, имел в виду направить удар на всю систему охранного розыска. В том виде, в каком он старался изобразить событие 1 сентября, ответственность за него переносилась с отдельных лиц, которым была вверена охрана Столыпина,

на всю ту систему, которую сам Столыпин возглавлял. Совершение убийства Столыпина обыкновенным революционером привело бы только к новому усилению деятельности охранных отделений и увеличению бдительности агентов. Тогда как совершение этого акта человеком, который раньше сам, будто бы, содействовал целям охраны и потому был посвящен во все ее тайны и только вследствие этого получил возможность совершить задуманное, переводит вопрос о том, как уберечься от революционеров, на вопрос о том, как избавиться от самих охранников. Этими соображениями, несомненно, только и руководствовался мой брат, когда решился принести в жертву революционной идее не только свою жизнь, но и свою честь. И нельзя не признать, что эта последняя его жертва оправдалась в том смысле, что ни одно политическое убийство не подняло такой бури страстей, как убийство Столыпина и именно вследствие того психологического осложнения, которое было внесено в дело. Вспомним дебаты Государственной думы, где правительству наносились одновременно удары с левой и с правой стороны – с левой за охранную систему, с правой – за неудачную борьбу с революцией; вспомним огромную литературу, которую вызвало дело Столыпина; вспомним значительные перемены в личном составе администрации, скомпрометированной «действительными и мнимыми» (как пишет брат родителям) разоблачениями брата; наконец, все настоящее дело и связанные с ним десятки томов следственных производств, ревизий и прочее – весь этот огромный агитационный материал мог явиться только в результате того двойного удара, который был нанесен покойным братом и который был направлен против известной физической личности, с одной стороны, и против всей той системы, [на] которой личность эта держалась, с другой стороны. Этими соображениями я объясняю, почему мой брат на суде вместо длинной изобличающей правительство революционной речи, к которым так привыкли военные судьи того времени, и которые не принесла бы пользы ни ему, ни другим, ограничился вымышленным признанием своего сотрудничества в охранном отделении, которое вызвало в обществе бурю негодования, направленного против охранной системы. Мой брат был слишком умен, чтоб не понимать, как ему было легко объяснить все свое поведение революционными целями и как такое его объяснение были бы рады поддержать все тогдашние представители официальной власти. Но он пошел иным путем и принес новую жертву, быть может, самую тяжелую, во имя той же революционной идеи, за которую отдал и свою жизнь. Как мне известно, брат мой был в течение долгого времени близок с семьей Трахтенберга в г. Киеве и в последнее время перед событием 1 сентября также часто бывал у них, встречаясь с дочерью Трахтенберга Раисой Леонидовной, по мужу Поплавской, живущей ныне в Москве. Представляю две копии писем, полученных родителями по почте заграницей после смерти брата. Фотографические снимки эти сняты с подлинников, хранящихся в Берлине, где отец мой жил последнее время перед войной.

Показание писал собственноручно. Владимир Григорьевич Богров.

Командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К. Бувайлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 64–69об. Автограф.

Выписка из журнала заседания ЧСК

23 августа 1917 года

Предметы обсуждения	Постановлено
Постановление командированного в Комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлова о привлечении в качестве обвиняемых бывшего товарища министра внутренних дел Курлова, бывшего чиновника особых поручений Веригина и других по 338 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ.	1. Имея в виду, что данными произведенного расследования бывший товарищ министра внутренних дел Курлов, бывший чиновник особых поручений Веригин и другие достаточно изобличаются в совершении преступного деяния, изложенного в представленном постановлении – дать согласие на привлечение означенных лиц в качестве обвиняемых на основаниях, изложенных в этом постановлении.

С подлинным верно:
Делопроизводитель В. Косолапов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 502. Л. 72–72об. Заверенная копия

Из стенограммы допроса В.Н. Коковцова

25 августа 1917 г.

Председатель. – Владимир Николаевич, Вы были призваны к власти в качестве преемника П.А. Столыпина на пост председателя Совета министров 9 сентября 1911 г.?

Коковцов. – Да.

Председатель. – И оставались в должности председателя Совета министров до 30-го ноября 1914 года, когда Вас сменил И.Л. Горемыкин[285]? До этого в продолженни скольких лет Вы изволили быть министром финансов?

Коковцов. – 7½ лет. Всего я был 10 лет. Значит, 2½ года я был и председателем Совета министров и министром финансов, а 7½ лет до этого был министром финансов только.

Председатель. – Может быть, мы начнем с некоторых частных фактов, а именно с убийства Столыпина, потому что это как раз было перед Вашим назначением на пост председателя Совета министров. Не може-

те ли Вы припомнить, что Вам было известно об обстоятельствах этого убийства?

Коковцов. – До самого поранения?

Председатель. – Быть может, до этого времени. Что Вы знали о готовящемся убийстве?

Коковцов. – Я ничего не знал до самого момента выстрела в театре первого сентября. Должен начать Вам с того, что я приехал в Киев, как и все министры, вызванные Столыпиным, по специальному поводу. В Киеве предполагался съезд деятелей новых северных и юго-западных земств. Я приехал (сейчас не припомню числа) около 28-го августа, день спустя после прибытия туда Столыпина. На следующее утро я отправился к нему. Мы жили на одной и той же улице. Он помещался в доме генерал-губернатора, я – в доме конторы Государственного банка. 28-е и 29-е августа прошли без всяких инцидентов. Мы виделись постоянно, вместе ездили. Он был очень внимателен тогда ко мне. Были особые причины, которые побуждали проявлять несколько большее внимание. Во всякому случае, среди очень трудных переездов, которые были в Киеве, – отыскание экипажа, затем вовремя попасть, вовремя вернуться домой, – я постоянно видел около себя внимание с его стороны, и мой экипаж всегда следовал за ним. 30-го *августа (быть может, в дне ошибаюсь), 30-го или 31-го августа, одно* из двух, я в условное время приехал к нему в моем экипаже через улицу, чтобы отправиться вместе на скачки, и был удивлен просьбой сесть в экипаж к нему. На вопрос мой, почему он хочет ехать со мной вместе, он говорит: «Вы знаете, трудно с экипажем возиться, и кое о чем переговорить вместе будет удобнее». И вот с этого момента, с момента, что мы поехали на скачки, где, как потом оказалось, Богров его караулил, все время мои разъезды происходили в экипаже Столыпина, я был с ним вместе. Он не делился со мной ничем до нашего отъезда в театр, до момента выезда моего из дома генерал-губернатора. 1-го сентября я обедал не у него, а в гостиннце с товарищами по учебному заведению, в котором я воспитывался. Мы условились, что я заеду к нему перед театром. Мы поехали вместе. Он сказал: «Вот в чем дело. Я не хочу, чтобы это разглашалось, но есть глупые сведения, что какое-то готовится покушение, лучше вместе». Я говорю: «Довольно нелюбезно с Вашей стороны, что Вы хотите непременно вместе». – «Извините, – говорит, – я в эту историю не верю, а, наоборот, в городском отношении гораздо лучше, без всякого вмешательства». Вот единственное, что было до момента выстрела в него Богровым. Это обстоятельство имеет связь с другим эпизодом. Я должен был вечером уехать из Киева, 1 сентября. Мы условились, что он останется сопровождать государя в Чернигов, а затем вернется в Киев и уедет лишь после отъезда государя и его семьи. Я же спешил потому, что было самое горячее время заключения сметы. Бывшему чину государственного контроля известно, какая работа лежит на министре финансов по сводке росписи. Я не мог терять ни одного дня. Мы условились, что в театре простимся, и мои дела были устроены так, что я должен был

ехать на вокзал прямо из театра. В последнем антракте, перед тем, как спектакль должен был кончиться, я подошел к Столыпину проститься. Он стоял, повернувшись спиной к сцене и лицом к зрительному залу, а рядом с ним стоял бывший министр Сухомлинов. Я подошел, пожал руку. Причем его последняя фраза была: «Как я Вам завидую, что Вы едете в Петербург? Возьмите меня с собой». Я говорю: «Сделайте одолжение! У меня лошадь здесь (автомобиля не было), лошадь моя здесь, милости просим! В вагоне мое отделение в Вашем распоряжении», это было последнее, что я от него слышал. Затем, отойдя от него, я подошел к заднему поперечному проходу, где сидел старик управляющий конторой Государственного банка и его жена, у которых я пользовался гостеприимством в течение четырех дней, подошел, чтобы проститься с ними. В это время слышу выстрел. Побежал к нему одним из первых и присутствовал при том, как сбитого с ног Богрова уносили в одну сторону, а Столыпина увозили в лечебницу доктора Маковского. И затем я был почти до самой кончины при нем безотлучно.

Председатель. – Нас интересует не внешняя сторона этого события, я просил бы остановиться несколько подробнее на внутренней стороне. Позвольте, чтобы пояснить, что нужно комиссии, задать несколько частных вопросов. Что Вам известно было об отношениях Столыпина и Курлова?

Коковцов. – Очень мало; мне известно было только то, я должен сказать вообще, что Столыпин очень не любил вмешательства других министров в его область, хотя между ним и мною отношения были, кроме двух-трех случаев, хорошие. По крайней мере, с моей стороны были хорошие. Но и с его стороны никаких проявлений дурных отношений не было, кроме двух случаев, когда мы с ним резко разошлись и когда оба случая сопровождались подачей мною прошения об отставке. Первый раз на почве столкновения нашего по Крестьянскому банку, когда, без предупреждения меня, был заготовлен доклад о передаче Крестьянского банка из Министерства финансов в Министерство земледелия, против чего я резко возражал и сказал, что если мера пройдет, прошу меня освободить. А в другой раз крупное столкновение было в связи с введением западного земства, роспуском Государственной думы и удалением двух членов Государственного совета. Вот эти два резкие эпизода. Был еще третий, более мелкий, когда он обвинил меня в том, что я не исполнил его желания и отвечал на разные вопросы в комитете финансов под председательством покойного Витте[287]. Столыпин должен был присутствовать, как член финансового комитета. Он не приехал, а председатель, как раз покойный Витте, возбудил ряд вопросов чисто политического свойства, на которые я не мог не ответить, потому что они находились в связи с готовившейся кредитной операцией, перед займом 1909 г. в Париже. Помимо этих трех эпизодов, которые потом все разрешились, не оставив никакого следа, у нас отношения были хорошие. Но он очень не любил всякого рода вмешательства, и тем более критики со стороны министров и, в частности, моей. Он был ревнив. По отношению ко

мне это объяснялось тем, что я был самым старшим из министров. Затем, я многого знал из того, что происходило в Петербурге, так как я старый петербургский бюрократ. Он приехал из провинции, многого не знал. Принимал мишуру за золото. Проходилось смывать амальгаму. Кроме того, находились еще разные благожелатели, которые в добрые отношения вносят известного рода нотку охлаждения. Так что вмешательства других министров, критики своих действий он не любил, и я был мало посвящен в отношения между ним и Курловым. Знаю только одно, что это были не те отношения, идеальные, между мною и товарищами, которые (я ссылаюсь на Сергея Валентиновича [Иванова]), могу сказать, существовали между мною, министром финансов, и моими тремя сотрудниками. Мы все дружно жили, что называется душа в душу. Я мало знал, я имел на ген[ерала] Курлова свой взгляд, который высказал в довольно осторожной форме, зная отношения...

Председатель. – Скажите, назывался Курлов в руководящих кругах возможным кандидатом на пост министра внутренних дел еще до смерти Столыпина?

Коковцов. – Я этого не думаю, потому что никогда в высшем кругу, т.е. от носителя верховной власти, ничего подобного не слышал. Должен заметить, что в течение многих лет я пользовался большим доверием и большим расположением, вниманием. При разговоре со мной мне сообщали иногда разного рода мысли, предположения. Но этого никогда не слышал. Ген[ерала] Курлова проводила, вероятно, группа «Гражданина» Мещерского[288]. Из этой среды Мещерского и присных его слухи исходили и, вероятно, находили (я «Гражданина» читал, правда, но в памяти всего не удержал) отклик и в Дневнике «Гражданина».

Председатель. – А около сентября 1911 года не стал ли муссироваться слух, – может быть, этим кружком или какими-нибудь отдельными лицами, – что Курлов возможный заместитель Столыпина на посту министра внутренних дел?

Коковцов. – Этого я не могу сказать, потому что около сентября 1911 г. и вообще летом Столыпин проводил значительную часть времени у себя в имении. Приезжал на короткий срок. Я знаю потому, что был заместителем его по закону (на основании 4 ст. Положения о Совете министров) и фактически вступил в управленне делами Совета еще в момент поранения, до указа 2 сентября. Так что о слухе я не знаю, хотя впечатление у нас у всех, сотрудников Столыпина, было такое, что дни его сочтены, что он в Киев едет если не пропеть свою лебединую песню, то в предвидении ухода. По крайней мере, в тот день, когда я приехал и спросил его, как он себя чувствует, он сказал: «Я чувствую себя здесь, как татарин вместо гостя. Нечего нам с Вами здесь делать». Но не могу сказать, чтобы слухи приурочивались к Курлову.

Председатель. – Вам не приходилось беседовать с бывшнм императором по поводу смерти Столыпина и по поводу отношений Столыпина и Курлова?

Коковцов. – Столыпина и Курлова? Нет. По поводу смерти Столыпина, конечно, потому что бывший нмператор до самой кончнны

первого в это не верил. 2-го сентября я приходил со всеподданнейшим докладом во дворец, с докладом, который был заготовлен еще Столыпиным. Столыпин, смертельно раненный (он был ранен в 10 час. вечера 1-го сентября, а пуля вынута ночью в 3 часа), в 8 часов утра позвал меня в комнату и, сильно страдая, среди стонов, обратился с просьбой взять ключ из жилета, открыть портфель в его кабинете и там найти срочный доклад, который был заготовлен, и который я, 2-го сентября, доложил бывшему императору, и тогда же я сказал ему, что Столыпин не жилец. Император не верил. Он не верил 3-го, не верил 4-го. И в этом его поддерживал доктор Боткин[289], который ездил постоянно в больницу и передавал добрые вести. У меня, бывшего в больнице и слышавшего рассказы врачей, которые там находились, у меня не посвященного, а просто обывателя, который разбирается в разного рода явлениях, ясно составилась картина, что у раненого перебита печень, и он должен умереть. Император этому не верил. Он уехал в Чернигов 4-го, на маневры под Киевом и был удивлен, когда, 5-го сентября, я ему послал известие, что Столыпин при смерти.

Председатель. – Как же он отнесся к факту поранения Столыпина?

Коковцов. – Он был очень взволнован и проявил горячее участие. Каждый раз, когда я старался говорить о том, что нужно вызвать жену Столыпина, постараться окружить ее вниманием и предупредительностью, видно было, что он очень взволнован. Но, как всегда, очень сдержан; он не был экспансивен.

Председатель. – Вам неизвестно, что перед поездкой в Киев Столыпин предлагал бывшему императору уволить Курлова в отставку, и получил ответ, что это можно сделать после поездки?

Коковцов. – Этого я положительно не знал, Столыпин об этом не говорил. Повторяю, летом 1911 года он почти не был в столице. Мы виделись очень короткое время.

Председатель. – Вам известно, кем был назначен Курлов в качестве лица, которое должно было наблюдать за охраною царя в Киеве?

Коковцов. – Боюсь сказать.

Председатель. – Почему выбор пал на него?

Коковцов. – Нужно иметь в виду, что я был министром финансов, в общую политику не входил, в политику же организации полицейского розыска покойный Столыпин вообще никого не допускал.

Председатель. – Вам была известна тогда связь Курлова с кружком Бадмаева и некоторых других?

Коковцов. – Это стало мне известно после.

Председатель. – Т.е. после чего?

Коковцов. – Значительно позднее, когда назначено было там же, в Киеве, следствие. По моему докладу, дело поручено было сенатору Трусевичу. И, с начала 1912 года, я знал, что Бадмаев близкий человек Курлову, и потом, задним числом, стало известно, что когда Курлов был уволен, что его приютил у себя Бадмаев на Поклонной горе. Это я узнал после, будучи председателем Совета министров, когда не в полной ме-

ре, но значительно больше, чем прежде, до меня начали доходить сведения, вне сферы Министерства финансов лежащие.

Председатель. – Каким образом случилось, что сенатору Трусевичу было поручено обревизовать деятельность Киевского охранного отделения в связи с убийством Столыпина?

Коковцов. – Поручено было произвести не ревизию Киевского охранного отделения, а расследование обстоятельств, сопровождающих убийство Столыпина. В ту пору большинство министров находилось в Киеве. Приехали и два родственника Столыпина, сенаторы Нейдгардт – Александр Борисович и Дмитрий Борисович. Они приехали, должно быть, 3-го или 4-го сентября. Первые два дня этот вопрос не получил особенно резкого проявления, потому что было не до того. Приходилось заботиться об охране императора и вести текущие дела. Когда они приехали, то началось большое давление на меня лично, как на заместителя председателя, дабы принять срочные меры к тому, чтобы дело не кануло в Лету. В этот момент, если память не изменяет, не было министра юстиции. Он приехал позднее. Когда министр юстиции Щегловитов приехал, я стал советоваться с ним, кого же избрать из числа сенаторов, кто мог бы вести это дело, зная обиход организации полицейского розыска по политическим делам охранного отделения. И вот, в разговоре с министром юстиции Щегловитовым и возник вопрос о Трусевиче. Я потом подошел ближе к этому делу и, может быть, нашел, что Трусевич не был вполне пригоден. Я его знал, как директора департамента полиции, он являлся иногда летом с объяснениями в Совет министров, но мне казалось, что тогда мысль министра юстиции Щегловитова о поручении расследования Трусевичу, как человеку, искушенному в делах полицейского розыска, опять-таки, насколько мне известно, не связанного с Курловым ничем, казалась мне правильной. Обстоятельство ухода Трусевича из директоров департамента полиции, по размолвке с Курловым, мне были мало известны. Передо мной стоял вопрос: соглашаться или нет, и можно ли рассчитывать, что Трусевич поведет дело достаточно объективно. Это отпало, потому что мне было известно отрицательное отношение Трусевича к Курлову.

Председатель. – Значит, в сознании Вашем и других лиц, которые в тот момент были наверху...

Коковцов. – Другие лица не участвовали, но были двое – Щегловитов и я.

Председатель. – В Вашем сознании, все-таки, имя Курлова фигурировало в качестве лица, которое несколько скомпрометировано?

Коковцов. – Это выяснилось тотчас же после выстрела, уже ночью (я тогда не спал несколько ночей подряд), когда начальник охранного отделения пришел и стал рассказывать подробности, когда приехал на следующее утро прокурор палаты (кажется, это был Чаплинский), подробности, заключавшиеся в том, что Богров вошел в театр по билету, выданному из охранного отделения, и Курлов об этом знал. И прокурор палаты тут же доложил, что о появлении Богрова было из-

вестно Курлову, кажется, упомянув, что было известно ему, Спиридовичу и Веригину. Три лица упоминались, которые ведали ближайшим образом делом охраны бывшего государя. Когда на следующее утро это сделалось известным, для меня стало ясно, что тут, помимо всяких разъяснений, какое-то огромное упущение, произведенное лицом, которое всем ведало. А ведал Курлов.

Председатель. – Но в Вашем сознании было ли это упущение человека власти, который должен следить и не проследил, или это больше, чем упущение? Вы в этот момент допускали мысль несколько большей причастности Курлова к самому факту убийства?

Коковцов. – Нет, это было исключительно взглядом на то, что человеку поручена охрана, человек считает себя искуснее, чем кто-либо другой, в деле розыска и организации надзора, а он не досмотрел, допустивши Богрова без той фильтрации, без той проверки, которые нужны были. Тут Чаплинский обнаружил тот факт, что Богров находился в Купеческом саду (это, кажется, накануне, 31-го августа), где убить кого угодно было гораздо легче. Так что, когда мне сделались известны названные факты, я себе сказал, что дело далеко не в порядке. Но предположения о помощи Курлова, т.е. более чем небрежности, в таком ужасном преступлении, этой мысли у меня не было.

Председатель. – Какой у Вас лично установился взгляд в результате расследования на мотивы, побудившие Богрова совершить преступление?

Коковцов. – В результате докладов, которые мне делались первые дни, пока я оттуда не выехал (в ночь на 6-е Столыпин умер, а 6-го вечером я уехал), был взгляд, что Богров свел счеты с Столыпиным, которого считал антиреволюционным, главой антиреволюционных мероприятий.

Председатель. – Т.е. что он как революционер убил представителя власти?

Коковцов. – Самого яркого, по его мнению, представителя власти*.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 288. Л. 2–11. Маш. экз.
Опубл.: Падение царского режима. Т. 7. М.–Л., 1927. С. 88–95.

Протокол допроса А.И. Спиридовича

5 сентября 1917 г.

1917 года, сентября 5 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлов в Петроградской одиночной тюрьме, допрашивал нижепоименованного свидетеля, с соблюдением ст. 403 Уст. угол. суд., и он показал:

---

* Далее опущен текст, не относящийся к теме.

Александр Иванович Спиридович, 44 лет, б[ывший] Ялтинский градоначальник, генерал-майор, православный, живу постоянно в Петрограде, Фонтанка 54, кв. 333, в настоящее время содержусь под стражей по постановлению командированного в Чрезвычайную следственную комиссию И.В. Брыкина по обвинению меня по 362 и 403 ст. ч. 2 Улож. о наказ.

Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого мне предъявлено, виновным себя в превышении власти, имевшем весьма важные последствия, я не признаю. Предъявленную мне «Инструкцию по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения» – я вижу впервые. Никогда она мне никем для руководства и исполнения не предписывалась. Меня как заведующего охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, ни во время нахождения в Ц[арском] Селе, ни в бытность в командировках, эта инструкция совершенно не касалась, ибо политический розыск в круг моих обязанностей совершенно не входил и таковым розыском я с весны 1905-го года, когда был отчислен от должности начальника Киевского охранного отделения, не занимался, почему и никаких сотрудников не имел и сношений с ними не вел. На киевских торжествах 1911-го г. я был командирован в распоряжение товарища министра внутренних дел Курлова для организации и заведования отрядом секретной наружной охраны. Дело политического розыска в Киеве (как и вообще после весны 1905 г.) ни в смысле его проверки, инструктировки, а тем более направления или руководства, в круг моих обязанностей не входило и никем на меня не возлагалось. Начальник Киевского охранного отделения мне подчинен не был и являлся лицом, совершенно от меня независимым. Таковое взаимоотношение мое с начальником охранного отделения в Киеве не являлось для Киева каким-либо исключением, а являлось общим правилом, вытекавшим из круга моих прямых обязанностей по занимаемой тогда мною должности. Начиная с первого после революционных годов выезда б[ывшего] царя на полтавские торжества в 1909 г., я командировался в распоряжение тов[арища] м[инист]ра Курлова исключительно для собственно охраны, а не для розыскной работы, и всегда начальники розыска на местах были вполне от меня независимы. Так, при полтавских торжествах 1909 г. розыском там ведал н[ачальни]к местного управления, полковник Попов; в Крыму – Севастопольское управление; при рижских торжествах 1910 г. – местное жандармское управление или охранное отделение, а для заведования розыском туда был командирован из Киева Кулябко; в Москве н[ачальни]к охр[анного] отделения Заварзин. Дело проверки их работы, нужная инструктировка производилась чинами департамента полиции. Таковая система применялась и для заграницы. Когда б[ывшая] царская семья ездила в Германию и Италию, что было до 1911 г., меня командировали туда с и. д. вице-директора Веригиным, причем я опять там касался лишь самой охраны, все же дела по розыску лежали на заведующем заграничной агентурой, который все сношения

по ним вел не со мною, а с Веригиным, как с чином д[епартамен]та полиции. И так как розыск при киевской командировке меня совершенно не касался, то когда генералу Курлову понадобилось проверить что-то по розыску в Чернигове, то он командировал туда не меня, а кого-то из бывших с ним чинов департамента полиции, я же для организации собственно охраны посылал туда из Киева своего помощника, подполковника Невдахова. Не касаясь розыска, я и не интересовался ни сотрудниками, ни филерами, ни офицерами охранного отделения и в самом отделении или в его конспиративных квартирах не бывал.

<...> В день покушения на Столыпина ко мне в номер гостиницы около 7 ч. утра пришел Кулябко и сообщил, что у него ночью был Богров и сообщил, что сегодня кто-то из боевиков приедет в Киев. Я спешил, и мы вместе вышли, сели в автомобиль, и я поехал к месту маневров в 60 верстах от Киева, проверять наряды по пути высочайшего проезда и в работе маневров. Кулябко пересел в свой автомобиль и уехал по своим делам. Я вернулся с маневров часа в 2–3; зашел в столовую нашей гостиницы, застал там Курлова, Веригина, Кулябко и других и случайно из разговора узнал, что Богров был у нас в гостинице. Мне показалось, что Курлов, сказав мне это, как бы проговорился. У меня остался какой-то неприятный от разговора осадок, но так как дело касалось розыска, т.е. не относилось до меня, то я не входил с расспросами, а только заявил, что если они верят в то, что приехали какие-то боевики, то о таковом приезде необходимо письменно довести до сведения дворцового коменданта, ибо нельзя поручиться, что в качестве объекта своих действий они не выберут государя. Я сам набросал черновик бумаги и, отдав ее им, поспешил на службу по нарядам ввиду проезда на ипподром. Там, встретивши меня, Кулябко наспех рассказал мне о приезде боевиков и о том, что вечером Богров должен показать филерам какую-то девицу, которая будет передавать какой-то сверток. Говорилось все это наспех, мы расстались и увиделись уже после стрельбы в Столыпина. Как работало в тот день охранное отделение по сообщениям Богрова, я не тогда, ни после от Кулябки не слышал и лишь прочитал позднее о том в следственном производстве. Меры охраны в театре заключались в следующем. Билеты в театр выдавались после предварительной проверки всех лиц через охранное отделение, и меня ни выдача, ни проверка не касались. Все артисты, служащие, рабочие театра были проверены, всех их знали несколько назначенных мною агентов охраны, которые безотлучно находились в театре за много дней до самого спектакля и наблюдали за всем тем, что в нем происходило. В день спектакля весь театр со всеми его вместилищами был своевременно осмотрен командой из моего отряда под руководством помощника полковника Управина, после чего все выходы были заняты контрольными постами, а всюду, где надо было, были выставлены посты охраны, согласно особого наряда.

Перед спектаклем, отслужив по высочайшим проездам, я заехал в театр, нашел все в порядке, весь свой наряд на местах, а полковник

Управин доложил мне, что все осмотры выполнены тщательно, все контрольные посты и вообще агентские посты уж на местах. О том, что Кулябко предложил выдать Богрову билет в театр, и даже выдал его ему – я не знал. Кулябко и Веригина в театре я не видел, а с Курловым не говорил. Когда кончилось действие и царская семья удалилась из ложи, я ушел из партера в ближайший к месту нахождения государя коридор. Услышав выстрелы, я вбежал в партер, увидал, что Кулябка кого-то схватил, инстинктивно выхватил саблю, замахнулся на преступника, но вовремя остановился и, узнав в преступнике Богрова, поняв про измену, бросился к царской ложе и став к ней спиной, просил никого к ней не приближаться, так как думал, что будут дальнейшие нападения. В царскую ложу вошли б[ывший] государь с семьей, прослушали гимн и удалились, после чего ушел и я. В качестве доказательства моей невиновности в случившемся в Киеве убийстве Столыпина может, мне кажется, служить и следующее. Будучи привлечен и к расследованию сенатора Трусевича и к следствию сенатора Шульгина, я все время оставался в той же самой должности заведующего охранной агентурой и это в то время, как ген[ерал] Курлов, Веригин и Кулябко были уволены от службы. Я оставался в старой должности не только при жизни Дедюлина, но и при его преемнике генерале Воейкове[290]. В 1911 году, через несколько месяцев после киевского события, я по соглашению министра Макарова с дворцовым комендантом был командирован в Белгород в распоряжение генерала Герасимова (он был послан вместо уволенного ген[ерала] Курлова) для заведования опять той же наружной охраной и по окончании посещения б[ывшего] государя генерал Герасимов отдал мне благодарность в приказе. В том же году был командирован в Москву в распоряжение град[оначальни]ка Адрианова[291] для старых своих обязанностей по наружной охране и когда вся охрана уже был сорганизована мною, – между министрами Коковцовым и Макаровым, с одной стороны, началась телеграфная переписка с графом Фредериксом и ген[ералом] Дедюлиным, которые были в Ялте, с другой, о неудобности моего заведования охраной в Москве, причем Макаров просил замены меня кем-либо другим. Генерал Дедюлин дал мне предписание по телеграфу сдать отряд моему же помощнику, подполковнику Эвальду[292], а самому мне оставаться в Москве. Я исполнил приказание, но генерал Адрианов начал столь энергично хлопотать о том, чтобы меня вернули к начальствованию над отрядом, что министр Макаров просил дворцового коменданта вновь командировать меня и я, пробывши отчисленным два дня, по телеграфному распоряжению ген[ерала] Дедюлина вновь явился к генералу Адрианову, снова принял отряд и все дело охраны до отъезда царской семьи, к немалому неудовольствию высших чинов департамента полиции Белецкого и Виссарионова. В 1912 году перед высочайшей поездкой в Москву, когда я уже был привлечен к следствию в качестве обвиняемого, м[инист]р Макаров обратился к ген[ералу] Дедюлину с просьбой, чтобы он официально не командировал меня

для заведования охраной в Москве, но чтобы отправил меня туда неофициально и чтобы неофициально я по-прежнему выполнял там все дело охраны. Макаров говорил Дедюлину, что я настолько предан государю и люблю свое дело, что поступлюсь самолюбием и, понимая, что все это делается из-за общественного мнения, соглашусь на такую неофициальную командировку. Генерал Дедюлин обратился ко мне письмом, но я горячо протестовал и на предлагавшуюся комбинацию не согласился. С отрядом был командирован мой помощник, а я, хотя и поехал в Москву, но как состоящий в распоряжении дворцового коменданта. Приехав в Москву, я посетил генерала Джунковского, московского губернатора, который зная, что я устранен министром от охраны в Москве, тем не менее, просил меня поехать с ним в Бородино и сделать там все то, что нужно по организации охраны. Я охотно согласился. Приехав в Бородино, ген[ерал] Джунковский собрал всех бывших там жандармских и полицейских офицеров и предложил им выслушать и принять к сведению все то, что разъясню им я по части охраны. В 1913 году вступивший в должность товарища министра генерал Джунковский, сменивший почти весь высший состав департамента полиции, берет меня в свое распоряжение для подготовки, соорганизации, а затем и для проведения охраны во всех городах при Романовских торжествах. Он утверждает полностью составленную мною «Инструкцию отряда секретной охраны», утверждает в моей редакции, а не в редакции, которая была угодна департаменту полиции, и он же по окончании торжеств представляет меня к высочайшей награде и лично вручает мне таковую в час высочайшего из Москвы отбытия. В то же время он же, генерал Джунковский, берет меня с собою в Берлин для принятия мер охраны по нашему посольству, а спустя некоторое время я в качестве начальника отряда охраны несу службу в Беловеже, Спале и Скерневицах, причем исполняя свои обязанности в двух последних пунктах, я нахожусь в то же самое время «под надзором ближайшего начальства» – такова была принятая против меня сенатором Шульгиным мера пресечения! В этот же послекиевский период при поездке в Шхеры я по-прежнему поступал в распоряжение флаг-капитана Нилова в качестве начальника переходившего в его распоряжение отряда агентов на всю морскую командировку. Перечислив все эти случаи, я позволю себе предложить вопросы: почему поступили так по отношению меня все перечисленные, столь разные по характеру, начальники – Дедюлин, Нилов, Герасимов, Адрианов, Воейков, Джунковский, под начальством которых, по их же желанию, я нес службу н[ачальни]ка отряда охраны и всех лиц, к ней причастных? Почему они, эти начальники, не будучи связаны со мною никакими личными отношениями, не будучи тревожимы никакими за меня протекциями, не боялись доверять мне после Киева и поручали мне дело охраны, несмотря на то, что многие газеты, в числе виновников киевского события, называли и меня, и несмотря на то, что им было известно о привлечении меня в качестве обвиняемого по

киевскому делу? Ведь самое простое чувство самосохранения и боязнь за собственное служебное положение, не говоря уже про чувство долга и присягу, при создавшейся, благодаря массе легенд, обстановке, должны бы были заставить каждого из них не только не брать меня в свое распоряжение для заведования столь ответственным, как охрана главы государства, делом, а наоборот, постараться избежать такого подчиненного как я, и постараться заменить меня каким-либо более надежным лицом? Почему же так поступали все перечисленные начальники? Мне кажется, только потому, что они верили в мою службу, в мое знание дела, верили мне, и никто из них не думал, что убийство Столыпина обусловливалось, хотя бы в самой незначительной степени, какою-либо моею оплошностью в смысле ли бездействия, или превышения власти!

Прошу о приобщении к настоящему следственному производству: 1) Аттестаты 1-го военного Павловского училища, 105-го пехотного Оренбургского полка, корпуса жандармов, каковые должны быть в бывшем штабе корпуса жандармов. 2) Аттестации о моей службе по должности заведующего подведомственной дворцовому коменданту охранной агентурой от генерала Воейкова и адмирала Нилова. 3) Приказ средних чисел сентября 1916 г. по управлению дворцового коменданта, в котором ген[ерал] Воейков сделал оценку моей 10-летней службы в Ц[арском] Селе. 4) Аттестации от бывшего товарища министра внутр[енних] дел генерала Джунковского. 5) Аттестация от департамента общих дел М[инистерст]ва внутренних дел обо мне по должности ялтинского градоначальника, нужен допрос бывшего директора д[епартамен]та Стремоухова[293] и нынешнего Шинкевича[294]. 6) Отзывы о том, как я нес службу охраны, будучи командирован в распоряжение губернаторов: Стремоухова (костромского); графа Татищева[295] (ярославского, позже ком[андующий] корп[усом] жандармов); Муравьева[296] (полтавского, московского); Адрианова – московского градоначальника. 7) Моего послужного списка. 8) Показания известного публициста Бурцева, которое может явиться характеристикой моей деятельности в период начальствования Киевским охранным отделением в 1903–1905 годах, единственный период, когда я занимался розыском, период, который за смертью не может быть охарактеризован ни одним из тогдашних моих начальников. Все эти документы, за исключением показаний губернаторов (пункт 6), надо полагать, приобщены к следствию у следователя г[осподина] Брыкина.

Показания написаны собственноручно. Александр Иванович Спиридович.

Командированный в Чрезвыч[айную] следств[енную] комиссию К. Бувайлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1.д. 502. Л. 78–83об. Подлинник.

Протокол допроса П.Г. Курлова

6 сентября 1917 г.

1917 года, сентября 6 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий К.И. Бувайлов, в Петроградской одиночной тюрьме, допрашивал нижепоименованного свидетеля, с соблюдением ст. 403 Уст. угол. суд., и он показал:

Павел Григорьвич Курлов, 57 лет. б[ывший] тов[арищ] м[инист]ра внутренних дел, генерал-лейтенант; православный, женат, двое детей в возрасте от 1 года до 2½ лет, содержусь под стражей по постановлениям командиров[анного] в Чрезвычайную след[ственную] комиссию г[оспод] Сорокина и Иодловского по обвинению меня по 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ.

Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого мне объявлено, и я не признаю себя виновным в превышении власти, имевшем весьма важные последствия. Я подтверждаю все фактические обстоятельства дела, которые были мной изложены при допросе меня в качестве обвиняемого сенатором Шульгиным. Считаю нужным добавить, что Богров в то время ни в каком преступном сообществе не состоял, что ему самому не были известны лица, которые предполагали совершить убийство Столыпина. Все меры к задержанию преступников, которых должен был указать Богров, были приняты. Что о допущении Богрова в Купеческий сад и в театр мне ничего не было известно, и я такого разрешения не дал бы, т.к. это противоречило всем моим распоряжениям. При этом считаю нужным еще добавить, что Богров в этот момент секретным сотрудником не состоял, а являлся лишь простым случайным осведомителем. Более добавить к своим показаниям ничего не имею.

Прочитал Павел Григорьевич Курлов.

Командированный в Чрезвыч[айную] следств[енную] комиссию К. Бувайлов.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1.д. 502. Л. 85–85об. Подлинник.

Протокол допроса Н.Н. Кулябко

29 сентября 1917 г.

1917 года, сентября 29 дня в г. Киеве и. д. судебного следователя Киевского окружного суда по важным делам Татаров, по требованию Чрезвычайной следственной комиссии от 29 сентября 1917 г., допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 338 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ. и он показал следующее:

1) Фамилия или прозвище, имя и отчество Кулябко Николай Николаевич.

2) Возраст во время совершения преступления 39 лет.

3) Место рождения (губерния, уезд, волость, село или деревня) Петроград.

4) Место приписки (губерния, уезд, город, местечко или посад, волость или сельское общество, село или деревня)

5) Постоянное место жительства (название уезда или города) Киев, Львовская ул., д. № 10, кв. № 44.

6) Рождение (брачное или внебрачное) брачное.

7) Звание (состояние, сословие, чин и где служил, имеет ли знаки отличия и какие) подполковник в отставке.

8) Народность и племя русский.

9) Религия православный.

10) Какое получил образование высшее или среднее, грамотен ли неграмотен) окончил Павловское военное училище в Петрограде.

11) Семейные отношения (женат, холост, вдов, живет в разводе, имеет ли детей и сколько; если малолетний, живет ли при родителях, сирота, подкидыш и т.д.) женат, имею детей.

12) Привычному пьянству не подвержен.

13) Занятие во время совершения преступления (а – чым именно занимался и б – хозяин, работник, служащий и т.п.) состоял начальником Киевского охранного отделения.

14) Имеет ли недвижимое имущество не имею.

15) Особые приметы (глух, слеп, нем и т.п.) не имею.

16) В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления

17) Отбыл ли воинскую повинность, не состоит ли в запасе армии или флота, или же в ополчении и по какому уезду или волости числится на учете отбыл.

18) Прежняя судимость (по приговору какого судебного места или лица, когда состоялся приговор, за какое преступление осужден, к чему приговорен и когда отбыл наказание) в 1912 году приговором Киевской судебной палаты был «за небрежное хранение и расходование казенных денег» присужден к 4-месячному содержанию на гауптвахте, каковое наказание отбыл.

Когда именно состоялся приговор обо мне судебной палаты и по какой статье закона я был осужден, я не помню. Постановление от 5 июля с. г. командированного в Чрезвычайную следственную комиссию К.И. Бувайлова о привлечении меня в качестве обвиняемого мне объявлено; виновным себя в приписываемом мне преступлении я не признаю. В оправдание свое объясняю:

Мне ставится в вину то обстоятельство, что я, пользуясь секретным сотрудником Дмитрием Богровым, руководствовался изданной департаментом полиции «Инструкцией по организации и ведению внутреннего наблюдения». Пользование отмеченной инструкцией я считаю вполне законным, так как она была утверждена министром внутренних дел и являлась для меня обязательной. Кроме того, в силу высочайших повелений, направление мер по охране высочайших особ и ми-

нистров было объединено в руках генерал-лейтенанта Курлова, у которого я находился в непосредственном подчинении и если Курлов указания инструкции считал целесообразными и ее не отменил, то для меня инструкция являлась обязательной. Помянутая инструкция, изданная в законном порядке, давала чинам охраны указания о их служебной деятельности, а потому я считаю, что если бы я не исполнял указаний инструкции, то я совершил бы то превышение власти, которое предусматривается 338 ст. Улож о наказ.; почему в пользовании мною инструкцией усмотрено в данном случае превышение с моей стороны власти, для меня является непонятным. Мне также ставится в вину нарушение требований 1020–1035 ст. Уст. угол. суд., выразившееся в том, что я не распорядился производством дознания о приготовлении к убийству статс-секретаря Столыпина и не сообщил об этом судебным властям. По этому поводу заявляю, что охранные отделения в своей деятельности руководствовались Положением об усиленной охране, а не Уставом уголовного судопроизводства, дознаний не производили, а занимались только розыском и в своей деятельности не подчинялись судебным властям; однако о всех тех сведениях, которые я получал от Богрова, я доводил до сведения бывшего прокурора судебной палаты Чаплинского и прокурора суда Брандорфа; оба они от меня знали и о предполагавшемся покушении на Столыпина. Если даже считать, что в своей деятельности по охране порядка во время киевских торжеств 1911 года я совершил какое-либо преступление, то за таковое я понес уже наказание, так как по повелению бывшего императора был отрешен от должности со всеми последствиями этого, т.е. без права поступления на государственную службу в течение пяти лет и без права на пенсию. Отбывши уже однажды наказание, я считаю привлечение меня за то же деяние вновь к уголовной ответственности незаконным.

На заданные мне вопросы по содержанию постановления о моем привлечении отвечаю, что в общем в постановлении этом факты изложены верно и роли отдельных лиц освещены правильно, но деталей я за давностью времени не помню, а потому изложить сейчас все принимавшиеся мною меры по охране Столыпина и бывшего императора, а равно подробно рассказать о взаимоотношениях моих с генерал-лейтенантом Курловым, статским советником Веригиным и Богровым не могу, а также не могу припомнить всех обстоятельств, предшествовавших убийству Столыпина и имевших место после убийства. Все это всесторонне было освещено сенаторским расследованием об убийстве, каковое расследование, имеющееся у меня в копии, я могу в случае требования Чрезвычайной следственной комиссии, представить. Место пребывания статского советника Веригина и место его службы в последнее время мне не известны. Более добавить ничего не имею. Протокол мне прочитан, с моих слов составлен верно.

Николай Николаевич Кулябко.

ГА РФ. Ф. 1467. Оп. Д. 502. Л. 15–17 Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ И РАБОТЫ С СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРОЙ

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ № 10270

4 сентября 1904 г.

Совершенно секретно
Лично

Начальникам охранных отделений

Недавно один из офицеров корпуса жандармов был поставлен в ложное положение недобросовестным лицом, сообщавшим ему подкрепляемые доставлением документов сведения о подготовлении террористического акта.

Последствием доставления этих сведений было задержание и заключение под стражу лиц, совершенно неповинных во взводимых на них преступлениях.

Произведенным одним из чинов департамента полиции расследованием установлено, что сведения сказанному офицеру были доставлены лицом крайне предосудительного поведения и притом известным с этой стороны некоторым офицерам корпуса, а документы подделаны. Офицер был введен в заблуждение, главным образом, тем, что лицо это имело удостоверения и рекомендации офицеров корпуса, данные ему тогда, когда оно доставляло этим офицерам сведения, а равно и тем, что сообщало наряду с вымышленными, как обнаружено расследованием, и действительно верные сведения.

По докладе результатов расследования господину товарищу министра внутренних дел сенатору Дурново[297], Его Превосходительство, при-

нимая во внимание, что неосведомленность офицеров корпуса о тех сотрудниках, кои устранены от службы по политической или нравственной неблагонадежности, может иметь весьма печальные последствия при возможном предложении услуг не знающему такого сотрудника офицеру, изволил приказать, чтобы начальники охранных отделений обо всех сотрудниках, кои будут устранены от службы по политической или нравственной неблагонадежности, представляли мотивированные донесения директору департамента полиции, а всем начальникам сказанных отделений совершенно секретно сообщали о состоявшемся устранении каждого такого лица от службы.

Вместе с сим, принимая во внимание, что выдача офицерами корпуса секретному сотруднику на руки каких бы то ни было удостоверений или рекомендаций может повлечь за собою, не говоря уже о злоупотреблениях, гибель сотрудника, департамент полиции предлагает никаких удостоверений, определяющих служебное положение секретного сотрудника, а равно и рекомендаций никогда сотрудникам на руки не выдавать.

За директора Зуев.

Скрепил: За заведующего особым отделом Трутков.

ГА РФ. Ф. 102.ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 7–7об. Копия.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ДВОРЦОВОМ КОМЕНДАНТЕ
25 апреля 1906 г.

1) Общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, а равно главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий возлагается на дворцового коменданта, под высшим руководством министра Императорского Двора. Требования последнего, относящиеся до принятия мер к обеспечению безопасности особы Государя Императора, должны быть немедленно исполняемы всеми ведомствами и учреждениями Империи.

2) В связи с охраною безопасности императорских резиденций, на дворцового коменданта, под высшим наблюдением министра Императорского Двора, возлагается также главное руководство деятельностью полицейских органов Министерства Императорского Двора в городах дворцового ведомства, а также деятельностью лиц, несущих полицейские обязанности по установлениям того же министерства, перечисленных в дальнейших статьях сего Положения.

3) Дворцовый комендант назначается Высочайшим указом Правительствующему Сенату, по представлению министра Императорского Двора.

4) Дворцовый комендант находится в непосредственном подчинении министра Императорского Двора, причем должности его присваивается III класс.

5) Министру Императорского Двора предоставляется издать инструкцию для руководства и ближайшего определеиия деятельности дворцового коменданта.

6) Действуя в пределах означенной инструкции и исполняя все предписания министра Императорского Двора, дворцовый комендант во время отсутствия министра Императорского Двора из императорской резиденции, получает относящиеся до возложенных на него обязанностей указания непосредственно от Его Императорского Величества. О всех полученных Высочайших указаниях, а равно о сделанных по поводу сих указаний распоряжениях дворцовый комендант доносит министру Императорского Двора.

7) В видах облегчения дворцовому коменданту исполнения возложенных на него обязанностей, все правительственные учреждения должны немедленно ему сообщать собранные их агентами сведения, имеющие отношение до возложенных на дворцового коменданта обязанностей.

8) При дворцовом коменданте, в непосредственном его подчинении, находятся, согласно Высочайше утвержденным штатам, особое управление, составляющее отдельное установление Министерства Императорского Двора, и инспекция императорских поездов.

9) Для исполнения различных поручений дворцового коменданта в его распоряжение командируются выбранные им военные и гражданские чины, которые считаются во временной командировке и сохраняют за собою занимаемые ими прежде должности и содержание.

10) Кроме военных и полицейских сил, которые в нужном количестве, по требованию дворцового коменданта, временно командируются подлежащими властями, под его начальство, в постоянном распоряжении состоят нижеследующие части: дворцовая полиция, собственный Его Императорского Величества конвой, сводно-гвардейский батальон и 1-й железнодорожный батальон.

11) Деятельность состоящего при дворцовом коменданте управления определяется инструкциями, составляемыми дворцовым комендантом и утверждаемыми министром Императорского Двора, деятельность же находящихся под начальством дворцового коменданта и командируемых в его распоряжение частей определяется инструкциями, издаваемыми дворцовым комендантом.

12) Кроме того, ведению дворцового коменданта подлежат: *а*) городские полиции в городах Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске; *б*) охранные (дворцовые) команды и те команды служительские, в круг обязанностей которых входят и обязанности полицейские, считая в том числе разного рода сторожей, в районе дворцовых управлений Царкосельского, Петергофского и Гатчинского, а также при императорских дворцах: Зимнем и собственном Его Императорского Величества в С.-Петербурге; *в*) полицмейстера Императорских С.-Петербургских театров, и *г*) полицмейстера Императорских Московских театров во время пребывания Высочайшего Двора в гор. Москве.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Командам того же назначения, как указано в пункте *б* настоящей статьи, состоящим при других дворцах, в

том числе и находящихся в заведовании Главного управления уделов, вменяется в непременную обязанность исполнять беспрекословно, во время пребывания Высочайшего Двора, все требования дворцового коменданта.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Обо всех распоряжениях, им отданных полицмейстеру театра, дворцовый комендант сообщает управляющему театральною конторою для согласования действий дирекции театров с намерениями дворцового коменданта.

13) Начальник дворцовых управлений С.-Петербургского, Царкосельского, Петергофского и Гатчинского, управляющий городом Павловском и начальник собственного Его Императорского Величества дворца в С.-Петербурге, действуя на основании существующих законоположений, сохраняют за собою по принадлежности заведование городскими полициями и командами, указанными в статье 12, но по делам полицейского характера, а равно и вообще по вопросам, касающимся охранения порядка и безопасности в районе их ведения, состоят в непосредственном подчинении дворцового коменданта, начальники прочих дворцовых управлений и лица, заведующие дворцами удельного ведомства, подчиняются дворцовому коменданту на означенных выше условиях лишь временно на сроки пребывания Высочайшего Двора.

14) Все представления, касающиеся личного состава служащих городских полиций дворцового ведомства, а равно должностных лиц, непосредственно заведующих командами, указанными в пункте *б* статьи 12 Положения, направляются начальниками дворцовых управлений к дворцовому коменданту, который или разрешает эти представления своею властью или входит с представлением к министру Императорского Двора, в тех случаях, когда по закону и действующим в Министерстве Императорского Двора особым правилам, разрешение дела зависит от власти министра.

15) В случаях необходимости принятия новых мер или издания особых распоряжений по делам полицейского характера, а равно по вопросам охраны порядка и безопасности, касающимся городских полиций в городах дворцового ведомства и команд, указанных в пункте *б* статьи 12 сего Положения, начальники дворцовых управлений входят о сем с представлениями к дворцовому коменданту.

Когда же упомянутые представления, на основании действующих узаконений и особых инструкций, должны восходить к министру Императорского Двора, то дворцовый комендант представляет их министру, вместе со своим заключением.

ПРИМЕЧАНИЕ. Записки о происшествиях представляются начальниками дворцовых управлений непосредственно министру Императорского Двора, но одновременно с сим такие же записки представляются и дворцовому коменданту.

16) Правила, указанные в статье 15, соблюдаются и по отношению к прочим дворцовым управлениям и лицам, заведующим дворцами, когда таковые, во время пребывания Высочайшего Двора в местности, им подведомственной, подчиняются дворцовому коменданту.

Усмотрению дворцового коменданта предоставляется подчинять своему непосредственному ведению те дела из предметов ведомства городских полиций дворцовых городов, которые он признает нужным, чтобы они представлялись на его разрешение. Если затронутый вопрос превышает пределы полномочий дворцового коменданта, он представляет о сем, со своим заключением, министру Императорского Двора.

ПРИМЕЧАНИЕ. Вопросы санитарного и строительного благоустройства дворцовых городов, а равно хозяйственная часть городских полиций ведению дворцового коменданта не подлежат.

Министр Императорского Двора, генерал-адъютант барон Фредерикс*.

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ № 125449
10 мая 1907 г.

Совершенно секретно
Циркулярно

Начальникам охранных отделений и
губернских жандармских управлений

В департамент полиции поступают сведения об активном участии секретных сотрудников в такого рода революционной деятельности, как вооруженные экспроприации, хранение бомб и т.п., причем один из секретных сотрудников во время обыска даже подбросил хранившуюся у него бомбу своему соседу по квартире. Таковые секретные сотрудники задерживались с поличным, или на месте преступления, привлекались к судебной ответственности. В то же время лица, ведающие розыском, узнавали о деятельности своих секретных сотрудников уже после их привлечения к следствию, а в своих донесениях в департамент полиции старались оправдать преступную и провокаторскую их деятельность и возбуждали ходатайства об освобождении сотрудников от судебной ответственности. Такое поведение секретных сотрудников и описанное отношение к нему лиц, ведающих розыском, ясно указывает на полное непонимание последними назначения секретной агентуры и степени ее участия в революционной деятельности.

Ввиду изложенного, департамент полиции в подтверждение § 8 Инструкции начальникам охранных отделений по ведению внутреннего (агентурного) наблюдения считает необходимым разъяснить, что, состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторст-

* На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано «Быть по сему».

вом», т.е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли, или даже совершенно неповинных. Если для сохранения своего положения в организации секретным сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, то они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешение лица, руководящего агентурой и уклоняться, во всяком случае, от участия в предприятиях, сколько-нибудь угрожающих какою-либо опасностью и, во всяком случае, не привлекать к соучастию других лиц. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное предприятие, т.е. предупредить его, с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска, принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения, или лучше, под благовидным предлогом, уклониться от его исполнения, причем разрешение на такую деятельность допустимо лишь в целях розыскных.

К сему департамент считает необходимым присовокупить, что в случаях нарушения сотрудниками преподанных им инструкций или учинения чего-либо преступного без испрошения предварительных указаний со стороны чина, руководящего агентурой, департамент ни в какой мере не выступит в пользу облегчения участи уличенного в преступлении сотрудника, вредная деятельность коего в таком случае всецело будет отнесена на вид заведующего розыском.

Директор Трусевич.

Скрепил: Заведующий отделом Васильев.

ГА РФ. Ф. 102.ОО. 1911 Д. 124. Лит. В. Л. 8–8об Копия

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ № 136287

3 октября 1907 г.

Секретно
Циркулярно

Начальникам районных охранных отделений, губернских жандармских управлений, охранных отделений и жандармских полицейских управлений железных дорог

До сведения департамента полиции постоянно доходят слухи, что некоторые начальники охранных отделений и чины жандармских управлений пользуются секретными сотрудниками в качестве наблюдательных агентов, посылая их на проследки, для выяснения квартир разыскиваемых лиц и указания подлежащих аресту чинам полиции.

Для выполнения означенных функций сотрудники снабжаются удостоверениями от офицеров, руководящих розыском, их визитными карточками и т.п. Отдельные случаи нарушения со стороны ведающих розыском лиц правил о надлежащем пользовании сотрудниками случались довольно часто и каждый раз они вели к провалу ценного агентурного источника, ввиду чего департамент неоднократно разъяснял г[осподам] офицерам, заведующим розыском, о необходимости крайне осторожного пользования сотрудниками, отнюдь не поручая им обязанностей наблюдательных агентов, совершенно не отвечающих их прямому назначению – обстоятельному осведомлению розыскных органов о деятельности революционных организаций и их личного состава.

Ввиду изложенного, департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие принять к точному и неуклонному руководству вышеуказанные соображения, имея постоянную заботу о сохранении на возможно более продолжительное время секретных сотрудников, приобретение которых всегда сопряжено с большими трудностями.

За директора, член совета министра П. Курлов.

Скрепил: За заведующего отделом Пешков[298].

ГА РФ Ф. 102.ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 9–9об. Копия.

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ № 123224

5 февраля 1909 г.

лично
Циркулярно
Совершенно секретно

Начальникам районных охранных отделений, губернских жандармских управлений и охранных отделений

Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. Ввиду сего департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями и предприятиями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие представляется необходимым. В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках, ввиду раскрытия роли Азефа, надлежит указывать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить в тайне работу Азефа в течение 16 лет и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников.

Наряду с этим департамент вновь подтверждает делавшиеся им уже неоднократно указания по поводу так называемой «провокации».

При том условии, что каждый сотрудник является, прежде всего, членом подпольной организации, лица, руководящие ими, должны строжайше внушать сотрудникам совершенную недопустимость проявления последними инициативы в революционных предприятиях и вовлечения в таковые своих единомышленников или совращения на революционный путь лиц, не примкнувших к активной преступной деятельности, а равно участия в преступлениях против личности и имущества. Сотрудники категорически должны быть предупреждены, что, при полной обеспеченности конспирации их корректных услуг розыску, всякая провокационная деятельность непременно разоблачится как путем агентуры, так и, в особенности, на формальных расследованиях и на суде и что за такое нарушение своих обязанностей они будут предаваться неукоснительно в руки правосудия без всякой надежды на снисхождение, причем, конечно, будут приниматься все меры к защите их в тех случаях, когда обвинение в провокации будет взводиться на них заведомо ложно.

Наряду с этим надлежит зорко следить за деятельностью сотрудников путем освещения таковой при помощи посторонней агентуры, а, когда возможно, и наружного наблюдения, которое особенно важно в тех случаях, когда сотрудники выбывают из мест, где с ними имеют непосредственные сношения представители осведомительной службы.

Имея в виду, что дело Азефа возбуждено исключительно с целью расстройства агентуры и внесения смуты в ряды розыскных органов, департамент полиции считает своим долгом предостеречь таковые от придания чрезмерного значения упомянутому выступлению революционеров, на которое надлежит смотреть как на единичный случай неудачи, созданной небывалыми в истории правительств условиями. В этом событии лица, ведающие розыск, должны лишь почерпнуть новые силы и бодрость в упорном продолжении борьбы с преступным движением, памятуя, что вся их служба основана на риске и всегда является предметом самых усиленных забот и попечения со стороны высшего начальства.

О настоящем циркуляре департамент полиции просит немедленно поставить словесно в известность начальников железнодорожных жандармскнх полицейских управлений и отделений.

Директор Трусевич.

Скрепил: Заведующий отделом, полковник Климович[299].

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 10–10об. Копия

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Н.П. ЗУЕВА № 140949

18 декабря 1909 г.

Лично!
Совершенно доверительно.
Циркулярно.

Милостивый государь,

Последнее печальное событие – гибель при исполнении служебных обязанностей начальника С.-Петербургского охранного отделения полковника Карпова, павшего от руки изменника-сотрудника, которому покойный излишне доверился, еще раз указало, как осторожно следует обставлять свидания с секретной агентурой, и подтверждает недопустимость безграничного доверия к секретным сотрудникам и особенно сближения с ними на личной почве.

Таковое сближение имело место в случае с полковником Карповым, которого сотрудник убедил прибегнуть к приему, никогда не применявшемуся в практике розыска, а именно: он убедил его нанять отдельную конспиративную квартиру для свиданий исключительно с ним, причем в этой квартире фактическим хозяином был сотрудник.

Поэтому предлагаю к неукоснительному исполнению, чтобы лица, ведающие политический розыск, впредь устраивали свидания с секретной агентурой исключительно в конспиративных квартирах, лишь принадлежащих розыскным органам, обставляя это каждый раз таким образом, чтобы сотрудник отнюдь не имел возможности оставаться одним в назначенном месте до прихода названных лиц, или в публичных местах (рестораны, сады и пр.).

Сообщая об изложенном, прошу Вас, Милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Н. Зуев.

ГА РФ. Ф. 102.ОО 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 11. Копия

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ №125051

25 января 1910 г.

Лично
Совершенно секретно
Циркулярно

Начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений

В департамент полиции поступают сведения, указывающие на то, что, в целях обнаружения секретных сотрудников, а равно в видах разоблачений последних и прекращения таким образом их дальнейшей деятельности, в разные розыскные учреждения стремятся проникнуть в качестве служащих или члены преступных организаций или их знакомые, хотя еще и не скомпрометированные в политическом отношении, но поставившие своею целью доставлять членам преступных организаций сведения о сотрудниках, а также о положении розыска, и таким образом препятствовать агентурному освещению революционных сообществ и их деятельности.

Предупреждая о возможности проникновения таких лиц во вверенное Вам розыскное учреждение, департамент полиции просит Вас, Милостивый государь, отнестись с особой осторожностью и выбором к вновь поступающим в Ваше распоряжение служащим, а равно сосредоточить свое внимание и на недавно принятых Вами на службу лицах и, в случае обнаружения поползновений на предательство с их стороны, отнестись к ним со всею допустимой законом строгостью.

Директор Зуев.

Скрепил: Заведующий отделом, полковник Еремин.

Верно: За помощника делопроизводителя И. Курочкин.

ГА РФ. Ф. 102 ОО. 1911. Д. 124. Лит. В. Л. 12. Копия.

ИНСТРУКЦИЯ.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЛИЦ

10 марта 1910 г.

1. Охрана г[осподина] председателя Совета министров, министра внутр[енних] дел, товарища министра внутренних дел*, директора департамента полиции и других высокопоставленных лиц возлагает-

---

* Слова в § 1 «министра внутр[енних] дел» вставлены по приказанию г. товарища министра.

Чиновн[ик] особ[ых] пор[учений] Сенько-Поповский.

ся на начальника охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, назначаемого по выбору начальника сего отделения и действующего под непосредственным его наблюдением и ответственностью.

2. Деятельность чинов охраны и техническая часть последней определяются подробной инструкцией, предусматривающей по возможности все обязанности этих чинов по роду занимаемых ими постоянных постов в местах проживания охраняемых лиц и во время передвижения и переездов сих последних.

Инструкция эта составляется и дополняется, в развитие нижеизложенных основных положений, в С.-Петербургском охранном отделении, начальником последнего.

3. Все чины полиции, находящиеся на специальных полицейских постах по охране высокопоставленных лиц, находятся в непосредственном распоряжении начальника С.-Петербургского охранного отделения и начальника охранной команды и в деле охраны руководствуются приказаниями сих последних.

4. На посты у квартиры председателя Совета министров, товарища министра внутренних дел и у департамента полиции назначаются, по избранию начальника С.-Петербургского охранного отделения, лучшие городовые столичной полиции, с присвоением им добавочного содержания от департамента полиции, по представлению начальника С.-Петербургского охранного отделения.

У Пантелеймоновского моста, а равно у поворота на набережную реки Фонтанки с Симеоновского моста и на углу Соляного переулка и Пантелеймоновской улицы учреждаются постоянные посты полицейских надзирателей и конных городовых.

5. Независимо существующих полицейских постов, учреждается постоянный пост городового внутри двора департамента полиции, для пропуска с черного хода и в ворота, ведущие во двор г[осподина] министра, только здесь живущих и служащих.

6. Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т.п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, г[осподина] министра, по обеим сторонам реки Фонтанки от цирка до Летнего сада, по Пантелеймоновской улице до дома № 15, по Фонтанке от угла Пантелеймоновской улицы до Симеоновского моста и по всему Соляному переулку, должны постоянно проверяться чинами полиции и находиться под неослабным наблюдением чинов охраны. Проверки эта и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

7. Заведующий охраной, его помощники и г[оспода] офицеры, состоящие при министре, обязаны фактически несколько раз в день и ночью проверять бдительность постов охраны и полиции и исполнение ими своих обязанностей и все замеченное и преподанное ими заносить в осо-

бую книгу с указанием, кем именно проверялись посты и в какое время. Проверки производятся г[осподами] офицерами не менее одного раза в день и одного раза ночью. В этой книге отмечаются все проступки и небрежности чинов охраны, сделанные ими указания и другие меры, принятые в целях улучшения охраны.

8. Старшие на постах записывают ежедневно в книгу, означенную в § 7, все, что сделано в целях охраны в течение дня и ночи чинами поста и кем именно, что замечено за день, кто из проходящих возбудил подозрение и чем (приметы), какие №№ автомобилей, велосипедов и извозчиков и в какое время проезжали мимо подъезда и ворот, кто именно и почему неоднократно проходил или останавливался вблизи подъезда или ворот или наблюдал с противоположного берега реки Фонтанка, кто останавливался для разговоров с дворниками, швейцарами, лавочниками и др[угими], о чем спрашивал и т.п.

9. Всем чинам охраны, как старшим, так и младшим, предоставляется право записывать в книгу, указанную в § 7, препятствия, встречаемые ими при исполнении поставленных им задач, и свои предположения о том, что следовало бы предпринять в целях устранения их, а равно записывать и свои пожелания, направленные к улучшению организации охраны вообще. О том, что именно предпринято по сделанным ими записям, заведующий охранной командой или начальник охранного отделения делает отметки в особой графе.

10. Книга, означенная в § 7, еженедельно проверяется начальником С.-Петербургского охранного отделения, что удостоверятся его подписью.

11. Начальник охранной команды, его помощники и старшие агенты не ограничивают проверку службы охраны беглым обходом постов; они обязуются проводить на улице вместе с постовыми агентами по несколько часов ежедневно, дабы научить их обязанностям службы путем практических указаний. Начальник охранной команды обязуется время от времени командировать для фактической проверки службы неизвестных агентам лиц, которые вели бы себя вблизи постов, как предполагаемые злоумышленники (проходили по несколько раз, останавливались, несли подозрительную ношу, наводили бы справки, приезжали под видом офицеров, высокопоставленных лиц и т.п.). Результаты таких испытаний также заносятся в указанную в § 7 книгу.

12. В целях большей успешности службы, начальнику охранного отделения и начальнику охранной команды предоставляется, кроме наказания нерадивых и взысканий за служебные упущения, награждать всякое проявление внимания, инициативы, изыскания новых способов к достижению намеченной цели и проч[ее], дабы возбудить деятельность, соревнование и интерес к делу. Об упущениях по службе и особо выдающейся деятельности прикомандированных для охраны чинов общей городской полиции они сообщают на распоряжение непосредственного начальства.

13. О времени выезда г[осподина] председателя Совета министров решительно никто знать не должен. Карета и автомобиль не должны

подаваться, как это принято теперь, за 5 минут до отъезда, а разновременно. Необходимо иногда ставить автомобиль у подъезда без надобности в поездке г[осподина] министра или выезжать в город пустому автомобилю.

Автомобиль не должен постоянно стоять у парадного подъезда г[осподина] министра, а может иногда ожидать у подъезда департамента полиции, номера на автомобилях меняются возможно чаще; шофер также обязан разнообразить одежду и головные уборы.

14. На время богослужений в церкви шефа жандармов назначаются два постоянных чина охранной команды, на обязанности которых лежит проверка лиц, посещающих церковь, списки которых должны иметься у старшего агента. Эти агенты должны знать в лицо всех имеющих доступ в церковь.

Выдача билетов для входа в церковь и ведение списков лиц, коим выданы билеты, возлагается на заведующего охраной, причем на билете должно быть указано на отсутствие права передачи.

15. На обязанность начальника С.-Петербургского охранного отделения возлагается организация строгого учета и регистрации всех лиц, как проживающих во дворе дома № 16 по Фонтанке, в доме № 9 по Пантелеймоновской улице, так и всех домов района охраны, непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в районах других охраняемых пунктов. Для этого надлежит, теперь же зарегистрировав всех живущих в этих домах, обязать чинов участковой полиции срочно доставлять заведующему охраной листки на всех прибывающих и убывающих и производить поверку личности и политической благонадежности прибывших тем же порядком, каким производится поверка в ожидании Высочайших проездов. Надзиратель, состоящий при департаменте полиции, обязан ежедневно отбирать от управляющих означенными домами сведения (на листках другого цвета) о прибытии каждого нового жильца, с целью учреждения двойного контроля прибывших и убывших и ознакомления надзирателя с населением этих домов.

Такие же обязанности несут полицейские надзиратели и в других районах охраны, по назначению начальника охранного отделения.

16. Начальник охранного отделения обязуется распорядиться, чтобы все лица, проживающие в подвальных этажах дома № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской ул., немедленно же представляли сведения о лицах, их посещающих, с указанием адресов. Лица эти и их благонадежность проверяются в охранном отделении. Посетители подвальных квартир в домах № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской улице пропускаются не иначе, как по удостоверению хозяев или ими посещаемых.

Оставлять у себя посторонних лиц на ночь или на житье, без особого на каждый раз письменного разрешения, хозяевам подвальных квартир воспрещается.

17. Во двор дома № 9 по Пантелеймоновской улице допускаются вообще только известные в лицо чинам охраны или служащим лица, принадлежащие к составу департамента полиции, а равно лица и их семейства, квартирующие в этом доме. Посторонние посетители и гости, неизвестные в лицо, опрашиваются у ворот, к кому и зачем они идут и затем проводятся дежурным городовым или чином охраны к месту назначения, куда допускаются за ответственностью проживающих на казенных квартирах лиц.

18. Во всех по возможности домах района охраны надлежит завести «своих» дворников, которые давали бы сведения о жильцах и обо всем подозрительном в их жизни.

19. Намеченные настоящими основными положениями меры применяются целиком или в большей части и к другим постам охраны распоряжением начальника С.-Петербургского охранного отделения и по его указаниям.

20. Ответственность за правильную постановку охраны высокопоставленных лиц возлагается всецело на начальника С.-Петербургского охранного отделения.

ГА РФ. Ф. 102.ОО. 1911. Д. 202. Л. 5–7об. Копия.

ЦИРКУЛЯР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ № 116818

19 октября 1910 г.

Совершенно секретно
Циркулярно

Начальникам районных охранных отделений, губернских жандармских управлений и охранных отделений

Несмотря на точные указания § 10 Положения об охранных отделениях о том, что лица, привлекавшиеся к ответственности по государственным преступлениям, а также состоявшие секретными сотрудниками, не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях, – одним из начальников губернских жандармских управлений в текущем году было принято на службу в качестве филера лицо, состоявшее ранее секретным сотрудником.

Ввиду изложенного департамент полиции напоминает о неукоснительном соблюдении § 10 Положения об охранных отделениях.

Директор Зуев.

Скрепил: Заведующий особым отделом полковник Еремин.

ГА РФ. Ф. 102.ОО. Д. 124. Лит. В. Л. 6. Копия.

Положение о Регистрационном бюро

16 июня 1911 г.

1. Особое регистрационного бюро имеет целью проверку документов, самоличности и благонадежности всех лиц, проживающих как по улицам, по коим будут совершаться проезды Государя Императора в Киеве, так и в домах, предназначенных к посещению Его Величеством.

2. Существующее ныне наблюдение за домами, гостиницами и меблированными комнатами, осуществляемое во всех частях города Киева околоточными надзирателями местной полиции, передается в регистрационное бюро.

3. Улицы, на которые распространяется деятельность бюро, поименованы в приложении к сему № 1.

4. Заведование работою бюро возлагается на особого жандармского офицера.

5.Служебный персонал бюро, помимо его заведующего, составляет:

а) 4 помощника заведующего бюро (жандармские офицеры), заменяющие такового в случае убыли и помогающие ему в работе при его наличности;

б) районные околоточные надзиратели, обслуживающие улицы и места, подлежащие ведению бюро, а именно: 46 околоточных надзирателей для обслуживания пути проезда Его Императорского Величества и 8 околоточных надзирателей местной полиции для наблюдения за пропиской в участках.

в) 4 околоточных надзирателя, 8 жандармских унтер-офицеров и 2 писца, кои ведут регистрацию поступающих в бюро сведений и переписок по ним.

6. Каждое лицо, прибывающее на жительство в какой-либо дом, расположенный по улице, на которую распространяется деятельность бюро (равно и все проживающие ныне), помимо прописки, установленным для адресного стола порядком:

а) опрашиваются районным полицейским надзирателем по пунктам листка форма № 1 и вносится в особую на каждый жилой дом домовую выписку установленной формы № 2.

б) проверяется в его самоличности или словесной справкой у того из проживающих в Киеве лиц, на которое сошлется, или, если таковых знакомых не имеется, канцелярским путем, т.е. соответствующими телеграфными запросами по месту выдачи документа и по последнему месту жительства;

в) проверяется относительно его политической благонадежности в подлежащих учреждениях.

Обязанности полицейских надзирателей

7. Со дня введения сего Положения п[олицейский] н[адзиратель] начинает знакомиться с населением своего района по каждому дому в отдельности и население каждого из них зарегистрирует в особую на

каждый жилой дом выписку (форма № 2), в которую жильцы вносятся в хронологическом порядке по мере их прибытия, а, кроме того, заводят краткую алфавитную книгу с указанием точного адреса.

8. Опрашивает каждое проживающее ныне, а в дальнейшем и каждое вновь прибывающее на жительство лицо, немедленно по его прибытии, по форме голубого листка № 1 и заносит в таковой все требуемые данные, обращая особое внимание на ответ по вопросу: «Кто может удостоверить самоличность из лиц, проживающих в Киеве».

9. Принимает от каждого проживающего ныне, а в дальнейшем и от каждого прибывающего вновь его документ, просматривает таковой и, в случае надобности, представляет его для проверки заведующему бюро.

10. Если лицо, на которое проживающий или прибывший ссылается в удостоверение своей самоличности, проживает в г. Киеве, надзиратель личным опросом последнего проверяет самоличность прибывшего и отмечает о результатах в листке.

11. Если лицо, на которое проживающий или прибывший сослался, живет не в г. Киеве, надзиратель докладывает о том заведующему и заменяет голубой листок зеленым, форма № 3, к белой же выписке форма № 2, прикладывает добавочный зеленый листок, форма № 4.

12. О каждом лице, которое, хотя бы и без формальных улик, навлекало на себя подозрение относительно своей легальности или благонадежности, надзиратель немедленно докладывает заведующему бюро и заменяет, впредь до выяснения, голубой листок зеленым, вписывая в него полученные сведения.

13. Всех выбывающих из домов ведения бюро надзиратель вычеркивает из домовых выписок, отмечая время их выбытия.

14. Для наиболее успешного выполнения возложенных на них по бюро обязанностей, надзиратели возможно чаще обходят подлежащие их ведению дома и заводят среди жильцов таковых доверенных лиц, которые освещали бы им дома относительно прибытия туда посторонних лиц.

15. В дни проезда Его Величества околоточные надзиратели проверяют жильцов домов и наблюдают, чтобы в квартирах находились бы только лица, живущие в них, или хотя и прибывшие к ним в гости, но о прибытии которых заявлено было ранее в регистрационное бюро.

16. Околоточные надзиратели, назначенные для наблюдения за пропиской в участках, помимо того, собирают сведения от чинов местной полиции и домовой администрации о всех лицах, внушающих им подозрение, о чем и докладывают немедленно заведующему бюро.

Обязанности заведующего бюро

17. Заведующий бюро инструктирует надзирателей в их работе, наблюдает за педантичным исполнением ими их обязанностей и при неисправности несения таковых требует от них немедленного исправления упущений и, в случае надобности, накладывает на них взыскание, пользуясь над ними правами полицмейстера.

18. Принимает от надзирателей доклады о всех проживающих и вновь прибывающих лицах и удостоверяется в легальности документов.

19. Делает письменные запросы в подлежащие учреждения в целях установки самоличности тех из прибывающих, кои не могли быть установлены никем из проживающих в Киеве, и запросами же проверяет легальность их документов.

20. Запрашивает подлежащие охранные отделения о политической благонадежности прибывшего.

21. Отправляет листки на всех прибывших для проверки, не проходят ли лица, в них значащиеся, по делам в регистрации охр[анного] отделения.

22. Препровождает начальнику охранного отделения список всех лиц, самоличность коих не может быть установлена опросам по г. Киеву и о всех, кои возбуждают сомнение в их политической благонадежности или оказались неблагонадежными, и отмечает на плане г. Киева дома, в коих таковые лица проживают, зеленым цветом.

23. Все сведения на лиц, проживающих по путям Высочайшего проезда и зарегистрированных как неблагонадежные, представляет заведующему охранной командой, подведомственной дворцовому коменданту, и знакомит с имеющимися сведениями районных околоточных надзирателей.

24. Следит, дабы ко дню Высочайшего проезда по улицам, коими ведает бюро, не проживало лиц, указываемых в пункте 20-м, при наличности же таковых, напоминает о том начальнику охранного отделения.

25. С 27-го августа по день отъезда Его Величества из г. Киева, ежедневно вечером представляет назначенному по Высочайшему повелению начальнику охраны рапортички со списком лиц, указанных в пункте 21.

26. В дни пребывания Его Величества в г. Киеве, для более частых обходов домов линии проезда, наряжает в помощь надзирателям – агентов охраны, кои действуют в данном случае пред обывателем как письмоводители надзирателей.

27. В самые дни торжеств всех вновь прибывающих лиц, кои не смогут немедленно удостоверить свою легальность и самоличность, или кои возбудят сомнение в их благонадежности – удаляет с линии проездов или вообще обезвреживает их, пользуясь для того как надзирателями, так и находящимися при нем чинами охраны и жандармскими унтер-офицерами. Вместе с тем, о всех таковых лицах дает немедленно знать в охранное отделение и соответствующему обходу наряда секретной охранной полиции.

Подполковник Дукельский.

«Утверждаю», 16 июня 1911 года, г. Киев

Генерал-лейтенант П. Курлов.

ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 35. Подлинник.

Положение
о бюро, учреждаемом в г. Киеве для выдачи входных билетов в места Высочайших посещений
25 июня 1911 г.

1) Для обеспечения безопасности пребывания Государя Императора на церемониях и парадах во время торжеств в г. Киеве при товарище министра внутренних дел, командире отдельного корпуса жандармов учреждается особое бюро, на обязанности коего возлагается проверка лиц, ходатайствующих о допуске их в места церемоний в Высочайшем присутствии, а равно заготовление и выдача названным лицам соответствующих пропускных билетов.

2) Заведующим бюро назначается лицо по выбору товарища министра внутренних дел, командира отдельного корпуса жандармов.

3) Личный состав бюро состоит из заведующего, 2-х офицеров отдельного корпуса жандармов, 3-х чиновников и нескольких писцов и машинистов.

4) Каждое лицо, обязанное по службе или желающее присутствовать *на церемониях* в *Высочайшем присутствии*, *без различия звания* и положения, не исключая военных, обязано иметь на право входа соответствующий билет за подписью командира отдельного корпуса жандармов.

5) Билеты выдаются только лицам, политическая благонадежность и самоличность коих вне сомнения, почему бюро по поступлении в него списков и заявлений с просьбой о выдаче билетов, прежде всего, принимает меры к проверке установленным порядком самоличности и благонадежности поименованных в них лиц.

6) Постоянные жители г. Киева проверяются лишь по местным учреждениям, иногородние по соответствующим городам и департаменту полиции, наконец, лица, помещенные в официальных списках, препровожденных от губернатора, как проверенные уже ранее, совсем не проверяются.

7) Официальным лицам и участникам депутаций билеты выдаются на те церемонии, в коих им надлежит быть согласно утвержденному церемониалу.

8) Корреспондентам и фотографам билеты выдаются согласно правилам, установленным на сей предметам Министерством Императорского Двора, а именно:

а) фотографам и корреспондентам, представившим установленные удостоверения от канцелярии министра Императорского Двора выдаются беспрепятственно – билеты «для корреспондентов»;

б) фотографам и корреспондентам, не представившим означенных удостоверений, но подавшим заявление о выдаче им билетов, таковые выдается общим порядком.

9) В бюро учреждается два стола:

1-й стол ведает проверкой самоличности и благонадежности лиц, ходатайствующих о выдаче им билетов.

2-й стол занимается изготовлением и рассылкой билетов по местам их выдачи.

10) Все полученные в бюро прошения, списки и заявления о выдаче билетов поступают в доклад к заведующему бюро, который определяет стол, куда они должны быть направлены для исполнения, после чего почта поступает к журналисту; последний, занеся ее в настольный реестр, передает для исполнения, согласно резолюций – начальникам столов. Вместе с сим журналист изготовляет групповые карточки, которые и подкладывает по алфавиту в особый хранящийся у него ящик.

11) Начальник 1-го стола, получив почту, изготовляет карточки на всех лиц, в ней поименованных, заполняя лишь фамилии и входящий номер, и подкладывает их в алфавитном порядке в свои ящики. После сего производится работа по проверке самоличности и благонадежности всех вышепоименованных лиц, причем все ответы подкладываются к первоначальной бумаге. По окончании проверки о результатах ее начальник стола докладывает заведующему и поступает двояко: а) если будет наложена резолюция о выдаче билета, он передает всю переписку во 2-й стол; б) в противном случае оставляет ее у себя в столе, подшивая в порядке входящего номера к особому наряду. Передавая переписку во 2-й стол, он передает вместе с нею из своего регистрационного шкафа и карточки на лиц, коих переписка касается.

12) Начальник 2-го стола, получив почту от журналиста, изготовляет карточки, подкладывает их в свой регистрационный шкаф и раздает затем переписку для изготовления билетов по отделам своего стола. Получив же почту от начальника 1-го стола, он подкладывает передаваемые ему регистрационные карточки в свой шкаф, переписку же раздает для изготовления билетов.

13) Ведающие отделами изготовляют билеты, после чего и заносят их в особую по каждому отделу книгу. По занесении билета в книгу, номер его проставляется на соответствующей регистрационной карточке, после чего отсылается по назначению.

14) Для права присутствования на торжествах устанавливаются нижеследующие категории билетов:

1-я категория. На все торжества для свиты Государя Императора и лиц, имеющих право участвовать по церемониалу на всех торжествах.

2-я категория. Для имеющих встретить Государя Императора на вокзале.

3-я категория. Для лиц, имеющих встретить Государя Императора во дворце.

4-я категория. Для входа в Софийский собор.
5-я категория. Для входа в ограду Софийского собора.
6-я категория. Для входа во Владимирский собор.
7-я категория. Для пропуска во дворец на завтраки и обеды.
8-я категория. Для входа в Киево-Печерскую лавру.
9-я категория. Для входа в Покровский монастырь.
10-я категория. Для входа в Михайловский монастырь церемониальной публики.
11-я категория. Для входа в Михайловский монастырь публики, не указанной в церемониале.
12-я категория. Для пропуска к памятнику Императора Александра II лиц, указанных в церемониале.
13-я категория. Для пропуска к памятнику Императора Александра II (вне церемониала).
14-я категория. Для пропуска лиц депутаций на плацу перед дворцом.
15-я категория. Для входа в дом Дворянского собрания.
16-я категория. Для входа в городской театр на спектакль.
17-я категория. Для входа в Купеческое собрание.
18-я категория. Для лиц народной охраны.
19-я категория. Для причта, духовенства и певчих.
20-я категория. Служебный билет.
21-я категория. Для посещения 1-й гимназии.
22-я категория. Для посещения университета.
23-я категория. Для лиц, присутствующих на соколиной гимнастике и на смотре потешных.
24-я категория. Для лиц, имеющих проводить Государя Императора на вокзал.
25-я категория. Билеты-удостоверения для воинских чинов.
26-я категория. Для пропуска на трибуны у памятника и

вадцать шесть категорий билетов для кучеров во все указанные мес-
а. Билеты для пропуска лиц на вокзал (вне церемониала) выдаются на
бщем основании начальником Киевского жандармского полицей-
кого управления железных дорог полковником Левандовским.

Чиновник особых поручений при министре внутренних дел Л. Сень-
о-Поповский.

«Утверждаю» 25 июня 1911 года, генерал-лейтенант Курлов.

Верно: чиновник особых поручений при министре внутренних дел
I. Сенько-Поповский.

ГА РФ. Ф. 271. Оп 1. Д. 3. Л. 106–107об. Копия.

Акт осмотра городского театра

20 августа 1911 г.

1911 года, августа 20 комиссия в составе: председателя – отдельного корпуса жандармов ротмистра Макарова, инженера-техника Алексея Александровича Денисова, председателя от города доктора Николая Дмитриевича Горбунова и помощ[ника] пристава Плоск[ого] уч[астка] Вышинского, осмотрев владение Городского театра, нашла необходимым: 1) Вскрыть для осмотра полы в ложе генерал-губернатора и помещение для оркестра;

2) Осмотреть под обивкою стены в ложе генерал-губернатора;

3) Осмотреть вентилятор в ложе генерал-губернатора, после чего опечатать выходное отверстие его, что в вентиляционном канале;

4) Запечатать двери: в подвальном помещении: а) 2 двери, ведущие из коридоров в склады декораций под сценою, б) 2 двери из левого коридора в оркестр, в) по 2 малых двери в обоих коридорах, выходящие на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь, г) дверь в левом коридоре в темную кладовую, что под подъездом ложи генерал-губернатора, д) по [2] двери в темные кладовые в обоих коридорах, что у малых выходов на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь, е) 2 двери в вентиляционные каналы, что возле моторов, выкачивающих испорченный воздух на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь, ж) дверь в правом коридоре, ведущую в канал для подавания чистого воздуха, в первом этаже, з) две наружных двери из декоративных складов, и) дверь в бутафорскую кладовую;

во втором этаже – к) по 2 двери, ведущие из репетиционного зала в зрительный зал и из закулисной части в буфет;

в четвертом этаже – л) дверь из курительного зала в закулисную часть и дверь из бутафорского склада в зрительный зал;

в пятом этаже – м) двери, ведущие на чердак над подъездом генерал-губернатора, и двери, ведущие к мотору для вентиляции курильни первого этажа, н) также двери и на противоположной стороне, о) по три двери на тех же чердачных коридорах с обоих сторон в кладовые, п) по две двери с каждой стороны в декоративные мастерские, р) 2 двери двух винтовых лестниц с чердака в подвал, с) по три двери с каждой стороны в первом, втором и третьем этажах в закулисные ложи;

5) Обязать смотрителя: а) следующие двери театра держать всегда запертыми, ключ иметь у себя и допускать посторонних лиц в эти помещения только в своем присутствии:

1) дверь в склад декораций, что под ариер-сценою,

2) три двери в помещение под зрительным залом и прилегающие к нему вентиляционные каналы,

3) все двери на фасадный балкон,

4) все двери из галерейного коридора на крышу,

5) дверь на чердак над зрительным залом,

6) все двери во всех этажах в партере и ложе зрительного зала, открывая их лишь для уборки под надзором смотрителя или доверенного его лица,

7) [а)] все наружные выходные двери в зрительный зал, оставив только для впуска лиц служащих три двери: две с артистических подъездов и третью с главного подъезда, но приставив к ним для контроля своих служащих;

б) запереть на замки решетки воздушных каналов на чердачном помещении и клапаны этих же каналов в подвальном помещении,

в) продажу билетов прекратить 31-го вечером; на время же продажи билетов заставить барьерами вестибюль с обоих сторон и приставить к ним для недопуска публики в остальные помещения по 2 капельдинера с каждой стороны,

г) в день спектакля осмотреть и испытать большую люстру,

д) заблаговременно испытать освещение театра.

Председатель комиссии отдельного корпуса жандармов ротмистр Макаров.

Члены: инженер-архитектор А. Денисов,

Помощник пристава Плоского полицейского г. Киева уч. Вышинский,

Гласный Киевской городской думы, Николай Дмитриевич Горбунов.

Содержание настоящего акта мне известно и сим обязуюсь выполнить все пункты его, относящиеся ко мне

Смотритель Киевского городского театра К. Малахов.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 5. Л. 180–181. Подлинник.

Обязательное постановление Киевского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова

23 августа 1911 г.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант Трепов, на основании 14 и 15 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия (прилож. 1 к ст. 1 (примеч. 2) т. XIV Уст. о пред. и прес. прест.) постановил издать следующее обязательное постановление:

1) Владельцы усадеб и домов в г. Киеве (достроенных и недостроенных), расположенных по пути следования Его Императорского Величества, во время проезда, обязываются:

а) все ворота зданий и заборов, им принадлежащих, держать запертыми;

б) на крыши, чердаки, заборы, деревья и к слуховым окнам никого не допускать и при каждых воротах иметь привратника, который должен впускать и выпускать только известных ему лиц;

2) Хозяева квартир, расположенных в тех же местностях, обязываются во время проезда Его Величества допускать к окнам и на балконы квартир, ими занимаемых, только лиц, ими приглашенных и хорошо им известных.

3) Виновные в неисполнении этого обязательного постановления подвергаются в административном порядке денежному штрафу до пятисот рублей или аресту до трех месяцев.

4) Указанное в п. 3 сего Постановления взыскание налагается киевским губернатором.

5) постановление это, действующее на время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве осенью 1911 года, вступает в силу со дня расклейки на местах особых о том объявлений.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант Трепов.

ГА РФ. Ф 435 Оп. 1. Д. 11. Л. 81 Заверенная копия

Извещение жителям г. Киева

24 августа 1911 г.

29 сего августа Государь Император с Государыней Императрицей и августейшей семьею осчастливят своим посещением г. Киев.

Прибывают Их Императорские Величества в 11 часов утра на ст. Киев 1-й и пробудут в г. Киев несколько дней.

Местные власти своевременно объявят и примут все надлежащие меры, необходимые для обеспечения общественного порядка, свободы движения и проезда по улицам. Выбегать навстречу к царскому экипажу, бросать цветы и подавать прошения при проезде по улицам воспрещается. Находящим необходимость прибегнуть к царской милости будет открыт доступ для подачи всеподданнейших прошений в императорском дворце, где в особо отведенном помещении прошения будут приниматься дежурным флигель-адъютантом.

Будучи уверен, что властям не придется прибегать к мерам строгости, применяемым лишь в случаях нарушения порядка, я обращаюсь к верноподданнической преданности всех благомыслящих киевлян и прибывших в г. Киев на сии высокоторжественные дни и прошу содействовать должностным лицам в поддержании необходимого порядка путем неуклонного следования требованиям, предъявляемым сими последними лицами. Только при таком отзывчивом отношении населения к мероприятиям властей могут быть вполне обеспечены достойная встреча Их Императорских Величеств и радостное проведение предстоящих торжественных дней.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант Трепов.

ГА РФ Ф. 435. Оп. 1. Д. 11. Л. 82. Заверенная копия.

II

СЛУЖЕБНАЯ ПЕРЕПИСКА

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П.А. СТОЛЫПИНА О ВОЗЛОЖЕНИИ НА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА П.Г. КУРЛОВА РУКОВОДСТВА ОХРАНОЙ ВО ВРЕМЯ ТОРЖЕСТВ В ПОЛТАВЕ

20 мая 1909 г

Ввиду предстоящих в конце июня сего года торжеств в гор. Полтаве в память двухсотлетия побед, одержанных русскими войсками над шведами, в названный город будут командированы чины дворцовой, С.-Петербургской и Московской полиции. Предполагая объединить высшее руководство охраной на время пребывания Вашего Императорского Величества и августейшей семьи в одном лице, я полагал бы возложить таковое на товарища министра внутренних дел, командующего отдельным корпусом жандармов, в должности шталмейстера, генерал-майора Курлова, с подчинением ему на это время всех без исключения должностных лиц, находящихся и командированных в гор. Полтаву для поддержания порядка и безопасности, но с соблюдением ст. 9 Положения о дворцовом коменданте, Высочайше утвержденного Вашим Императорским Величеством 25 апреля 1906 года.

На приведение сего предположения в исполнение всеподданнейшим долгом поставляю себе испрашивать Высочайшего Императорского Величества соизволение.

Министр внутренних дел, статс-секретарь Столыпин*.

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. Подлинник.

---

* Подобное положение действовало во время торжеств в Риге и в Киеве.

ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П.Г. КУРЛОВА КИЕВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ А.Ф. ГИРСУ

28 июня 1911 г.

Секретно

Милостивый государь Алексей Федорович.

Ввиду предстоящего в августе месяце с.г. посещения города Киева Его Императорским Величеством, после личного ознакомления с городом и обсуждения всех вопросов с начальником края в имевших место совещаниях, признано необходимым в целях обеспечения благополучного пребывания Государя Императора

I) Произвести регистрацию населения по пути предположенного Высочайшего проезда. В сих видах в г. Киеве с 1 июля открывается регистрационное бюро, заведующим коего мною назначен отдельного корпуса жандармов подполковник Дукельский. Личный состав бюро, помимо его заведующего, составляет 4 помощника (отдельного корпуса жандармов ротмистры: Толубеев, Пестриков и Троцкий-Сенютович[300], которые будут командированы к 1-му июля, и уже находящийся здесь С.-Петербургкого жандармского дивизиона поручик Аргутинский), районные околоточные надзиратели, обслуживающие улицы и мосты, подлежащие ведению бюро: 46 околоточных надзирателей столичной полиции, для обслуживания пути проезда Его Императорского Величества, и 8 околоточных надзирателей местной полиции для наблюдения за пропиской в участках, 4 околоточных надзирателя, 8 жандармских унтер-офицеров и 2 писца, для ведения регистрации поступающих в бюро сведений и переписок по ним. Околоточные надзиратели столичной полиции, жандармские унтер-офицеры и писцы прибудут в конце текущего июня месяца; к этому же времени покорнейше прошу В[аше] Пр[евосходительство] командировать в бюро и указанных выше 8 околоточных надзирателей местной полиции.

Для осмотра владений, выходящих на линии Высочайшего проезда, канализационных и электрических сооружений учреждается с 1 августа 15 комиссий, в составе: председателя – офицера отдельного корпуса жандармов и членов: местного пристава или помощника, районного околоточного надзирателя, представителя городского самоуправления, при надобности техника-инженера и агента охранной команды, подведомственной дворцовому коменданту.

На укомплектование означенных комиссий ко времени открытия их действия будет выделено из регистрационного бюро 3 офицера, четыре назначено из Киевского губернского жандармского управления, остальные будут назначены из других управлений. О командировании в комиссии чинов местной полиции, представителей городского самоуправления и техников-инженеров я прошу распоряжений Вашего Превосходительства.

Для открытия действий бюро представляется необходимым издать к 1-му июля обязательное постановление, проект коего прилагается, о чем я вместе с сим прошу начальника края.

В целях улучшения существующей постановки прописки в участковых управлениях я покорнейше просил бы Ваше Превосходительство сделать распоряжение об обязательном приеме паспортов в прописку в участковых управлениях от 9 час. утра до 3 час. дня и от 6 час. вечера до 12 час. ночи при обязательном немедленном возвращении в дома и гостиницы книг, служащих для записи документов.

II) Для проверки лиц, кои будут ходатайствовать о допуске их в места церемоний в Высочайшем присутствии, а равно для заготовления и выдачи названным лицам соответствующих пропускных билетов с 15 июля открывается бюро, заведующим коего мною назначен чиновник особых поручений V-го класса при министре внутренних дел, коллежский советник Курлов. Личный состав бюро состоит, исключая заведующего, из двух офицеров отдельного корпуса жандармов, 3-х чиновников и нескольких машинистов. По выяснении необходимого для бюро числа писцов и машинистов, о сем будет лично доложено Вашему Пр[евосходитель]ству чиновником особых поручений Курловым, а я покорнейше прошу Вас о командировании их из подведомственных Вам учреждений. Копия положения о билетном бюро при сем прилагается.

Независимо сего считаю нужным присовокупить, что лица, находящиеся в домах по путям Высочайшего следования (не живущие там, а приглашенные хозяевами квартир) должны быть снабжены билетами за подписью местных приставов, что же касается публики на улицах, по которым изволит следовать Государь Император, то таковая допускается без билетов, за исключением лиц народной охраны, билеты коим выдаются начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябко, на которого я возлагаю организацию указанной охраны. Об установленных категориях билетов и способе их получения на основании утвержденного мною Положения о билетном бюро, покорнейше прошу В[аше] Пр[евосходительство] сделать соответствующее объявление. Таким же объявлением должны быть оповещены жители города о маршрутах съезда в места посещения Е[го] И[мператорского] В[еличества]. Означенные объявления могут быть напечатаны лишь с момента опубликования Высочайшей программы. Билеты для пропуска лиц на вокзал (вне церемониала) выдаются на общем основании начальником Киевского жандармского полиц[ейского] упр[авления] ж[елезных] д[орог] полковником Левандовским.

III) Полицейский наряд в городе, во время пребывания там Г[осударя] И[мператора], помимо заведующего нарядом киевского полицмейстера полковника Скалона, состоит из:

6 офицеров отдельного корпуса жандармов, 11 приставов, 47 помощников приставов, 170 околоточных надзирателей и 1279 городовых; ввиду имеющейся в распоряжении Вашего Превосходительства городской полиции в количестве 8 приставов, 10 помощников, 94 околоточ-

ных, 711 пеших и 40 конных городовых, – недостающее число будет мною командировано к 15 августа от С.-Петербургской и Московской столичных полиций. Взамен необходимого числа конных городовых к 20 августа прибудет в Киев под командою полковника Терпелевского сводный жандармский дивизион в составе 12 офицеров и 300 нижних чинов. Независимо сего прибудет секретная охрана в составе: охранной команды, подведомственной дворцовому коменданту, летучего филерского отряда и охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, всего около 400 человек.

В целях проверки документов, самоличности и благонадежности лиц, проживающих по населенным пунктам предполагаемых в Высочайшем присутствии маневров, а также и по пути проезда Государя Императора в указанный район г. Киева учреждается при Киевском губернском жандармском управлении особое регистрационное бюро, заведование работами коего, согласно инструкции, в копии при сем прилагаемой, возложено мною на отдельного корпуса жандармов подполковника Павла Иванова[301]. Выполнение устанавливаемой настоящей инструкцией работы бюро поручит по населенным пунктам районным чинам уездной полиции, ввиду сего, покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение о командировании в помощь им в каждую из приведенных местностей по 3 классных чиновника и 6 урядников из других уездов вверенной Вам губернии. Для регистрации поступающих в бюро сведений и переписок в помощь заведующему назначается писарь и потребное число унтер-офицеров от губернского жандармского управления.

Для открытия действий бюро необходимо издать обязательное постановление, проект коего прилагается и о чем одновременно с сим я прошу начальника края.

Охрану пути Высочайшего следования от города до маневров и район маневров несет команда, подведомственная дворцовому коменданту, и 3-й полевой жандармский эскадрон, который будет укомплектован необходимым числом чинов из сводного жандармского дивизиона.

Принимая во внимание, что во время проездов Государя Императора по городу можно ожидать большого скопления публики на улицах, признается необходимым организовать на случай внезапных заболеваний скорую медицинскую помощь, ввиду сего я считаю необходимым устроить по предположенным линиям Высочайшего проезда медицинские пункты: 1, в дворцовом полицейском участке, 2, на площади у Городской думы, 3, на площади у Софийского собора (в здании Старокиевского участка), 4, на Бибиковском бульваре у памятника графа Бобринского, 5, на Галицком базаре и 6, около Политехнического института.

Все командированные в Киев и местные чины как общей полиции, так и отдельного корпуса жандармов, удовлетворяются суточными деньгами в усиленном размере согласно прилагаемой при сем справке.

Удовлетворение чинов полицейской стражи я просил бы Ваше Превосходительство принять на себя; удовлетворение чинов общей полиции, кроме столичной, которая будет удовлетворяться с.-петербургским и московским градоначальниками по принадлежности, мною возложено на полицмейстера полковника Скалона, а чинов отдельного корпуса жандармов на начальника губернского жандармского управления полковника Шределя.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности, П. Курлов.

ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 80–82об. Отпуск.

Письмо товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова дворцовому коменданту В.А. Дедюлину

11 июля 1911 г.

Секретно

Милостивый государь Владимир Александрович.

В дополнение к письму от 29-го минувшего июня за № 257, имею честь сообщить, что в целях обеспечения безопасного следования Их Императорских Величеств по гг. Киеву, Чернигову и Овручу и их окрестностям мною предположено выставлять на пути ожидаемых Высочайших проездов, независимо от нарядов наружной полиции, особые наряды от секретной охраны. Означенный отряд секретной охраны я полагал бы, если Ваше Превосходительство разделите мое мнение, составить из следующих частей:

Подведомственной Вам охранной агентуры	175	чел.
Охранной команды С.-П[етер]б[ургского] охр[анного] отделения	75	"
Центрального филерского отряда	45	"
Жандармских унтер-офицеров разных управлений в штатском платье	55	"
Филеров из числа командированных в распоряжение начальника Киевского охранного отделения	75	"
Всего	425	"

Начальствование над секретной охраной я возложил на полковника Спиридовича, в распоряжение которого, помимо его помощников по агентуре, поступят жандармские офицеры, командируемые ныне в распоряжение начальника Киевского охр[анного] отд[еления] и заведующего вр[еменным] регистрационным бюро.

Чины, назначенные в состав секретной охраны, должны прибыть в г. Киев не позже 15 августа, где по мере приезда они поступают в распоряжение полковника Спиридовича, на обязанность которого возлагается сплотить отряд и ознакомить его с местными революционными деятелями.

Все чины секретной охраны будут руководствоваться «Инструкцией секретной охраны», а также распоряжениями и указаниями полковника Спиридовича, которому мною поручено представить мне не позже 20 августа наряды секретной охраны по предполагаемым путям проездов Их Величеств.

Примите и пр[очее] П. Курлов.

ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 107–107об. Отпуск.

Письмо товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова дворцовому коменданту В.А. Дедюлину

1 сентября 1911 г.

Сов[ершенно] секретно

Милостивый государь Владимир Александрович.

Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что начальником местного охранного отделения были получены агентурные сведения о том, что группой соц[иалистов-]рев[олюционеров] задумано покушение на кого-то из высокопоставленных лиц, которое предположено совершить в Киеве во время нынешних торжеств.

Ввиду сего были предприняты соответствующие меры к тому, дабы выяснить как время приезда означенных лиц в Киев, так и их самих.

Сего числа начальник охранного отделения получил сведения, что боевая группа действительно прибыла в г. Киев и думает совершить покушение на статс-секретаря Столыпина и министра народного просвещения Кассо.

В распоряжении группы есть бомбы и револьверы.

Из всей группы один находится в известном отделению месте и за ним учреждено наблюдение.

Будучи уверен, что группа, приступившая к осуществлению задуманного предприятия – не остановится и перед тем, дабы совершить нападение на Его Величество, я, проверив все меры, принятые к выяснению всех участников группы, полагал бы необходимым принять по отношению Государя Императора нижеследующие меры:

Для проезда на ипподром составить два пути, из коих по первому проехать всем свитским моторам, по второму же – государеву мотору в сопровождении моей охраны.

Таковым же порядком вернуться обратно.

Проезд в театр и обратно совершить по улицам, кои будут указаны, причем государев мотор должен идти самостоятельно в сопровождении одного охранного мотора.

Примите уверения в совершенном моем к Вам почтении и преданности, П. Курлов.

ГА РФ. Ф 435. Оп. 1. Д. 10. Л. 146–146об. Отпуск

III

ПИСЬМА СОВРЕМЕННИКОВ

Выписка из письма Ю. А. Кулаковского[302], Киев – М.Ф. Владимирскому-Буданову[303], Березко Черниговской губ.

2 сентября 1911 г.

Вчера, 1 сентября, видел на ипподроме Государя и великолепного Столыпина, который своей мужественной фигурой, в которой есть какое-то спокойствие, сознание силы, привлекал к себе все взоры. Все перед ним ниже и нет ему равного. В лице и жестах нет никакого высокомерия, только одно сознания силы. Вся публика смотрела на него и хвалила его. Хотя я и осуждал Щербакова за то, что он возил своих потешных в Петербург, осуждаю и теперь, но здесь на месте, дело имело вполне хороший вид и дети с восторгом, перед лицом Царя, шли, впивая в него взоры.

ГА РФ Ф. ДП Оп. 265 Д. 505. Л. 52. Перлюстрация

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – князю Яшвиль[304], Смела Киевской губ.

2 сентября 1911 г.

При покушении на Столыпина не было ни одного жандарма, и не будь Рощаковского у входа, который его первый задержал, убийца бы ушел. Его чуть не разорвали здесь. Удивительно, паршивец сидел в 7-м ряду, а обо мне хлопотал князь Репнин[305] и Балашев[306], охранка на-

водила справки. Тарновский[307] не мог мне достать билет. Владимиру не дали билета, а выкреста пропустили в 7 ряд, зная с утра, что готовится покушение, говорят, на Государя. Злоба на Курлова и охранное отделение бесконечна: они пугали, злили и ничего не предприняли и не предотвратили. В городе спокойно, но вчера говорили о возможности погрома. Говорят, что будут призваны войска с маневров. Вспоминаются слова Ел[ены] Серг[еевны] про Курлова: ничего, никого не знает и только все путает, отстраняя местные власти.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 56. Перлюстрация

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – Сканави, Цоппот, Германия

2 сентября 1911 г.

Во вчерашних событии много таинственного. Прежде всего Богров известный анархист и, следовательно, если охранное отделение вошло с ним в соглашение и дало ему билет в театр, то имелось в виду, что он будет сидеть между агентами, которые не будут спускать с него глаз. Но ничего подобного не было: Богров свободно прошел на свое место 406. Я думал, что беда будет охранникам, их всех уволят за такую оплошность. Но вечером видел Белевцева, он весело гуляет по Крещатику. Не оправдываются ли его слова, когда я говорил с ним еще 22 августа о билете – он сказал: «Мы бессильны, все взял на себя Курлов». Было бы жаль, если бы пострадал Белевцев.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 58. Перлюстрация.

Выписка из письма профессора Н.М. Бубнова[308], Киев – Л. Бубновой, Баден-Баден

2 сентября 1911 г.

Вчера пребывание у нас Государя омрачилось злодейским покушением на П.А. Столыпина, к счастью, он еще жив. Искренно желаю выздоровления этому выдающемуся по уму, энергии и бесстрашию человеку. Все мы страшно возмущены. Смерть Столыпина, если бы она, не дай Бог, наступила, привела бы к скорому уходу Кассо. Говорят, что и на него готовится покушение. Все шло так хорошо, народ так хорошо принимал Государя. Киевский прием, видно, понравился Го-

сударю и вдруг один мерзавец, своим злодейским выстрелом, в один миг испортил все.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 62. Перлюстрация

Выписка из письма З.А. Архимовича[309], Киев – М.Ф. Базаревичу, Казань

4 сентября 1911 г.

Обиднее всего, что в этом злодейском покушении виновнее всего охранка, виновна проклятая система пользоваться услугами предателей. Кажется, история с Азефом была достаточно поучительной, чтобы отказаться в дальнейшем от услуг Азефов, но оказалось, что ошибки производятся и в данной время. Бесконечно жаль Столыпина, как умного и энергичного государственного сановника, да и просто, как человека. Сегодня распространился слух, что ему хуже, так как началось воспаление брюшины. Бедный Государь опечален и подвален этим происшествием. Кассо теперь никаких приемов делать не будет и моя докладная записка, не подкрепленная личным свиданием, желательного действия не вызывает.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 72. Перлюстрация

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – А. Клепцову, Версаль

4 сентября 1911 г.

Преступника допросили в театре, и он сознался, что имел намерение убить Государя. Но побоялся еврейского погрома, который был обещан «союзниками»[310] в случае малейшей попытки к покушению, и вот он ограничился покушением на Столыпина. Это похоже на правду, так как он имел полную возможность произвести покушение на Столыпина, когда он гулял по городу без охраны, для этого ему не нужно было вовсе стараться проникнуть в театр. В театре кричали: «Долой изменника Курлова, долой Кулябку!» Конечно, последнего оправдывать нельзя: как можно было оставить без наблюдения такого более чем подозрительного агеита. Не поздоровиться и Курлову, да и Трепов, которым здесь недовольны, вряд ли усидит на месте. На Софийской площади «союзники» пытались после молебна о выздоровлении Столыпина, устроить митинг, на котором студент Голубев начал подбивать народ к избиению жидов. Полиция разогнала толпу, а Коковцов

объявил, что он не допустит никаких беспорядков. Боюсь, что все-таки у нас погром будет – не теперь, а после отъезда Государя.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 81 Перлюстрация.

Выписка из письма В.Е. Есаулова, Киев – Н.А. Есауловой, Петербург

4 сентября 1911 г.

Оказывается Курлов и Кулябко выдали агенту, говорившему про анархистов, билет в театр на места охранников. Они поверили его рассказу и не потрудились проверить, живет ли у него действительно приезжий анархист. Но этого мало, пустив его в театр, они не устроили за ним надзора. Они не предупредили П.А.[Столыпина], что пускают такого типа, который работает на полицию из революционной партии. После второго акта они все-таки заволновались, и подполковник Кулябко предложил ему уйти, но и тут преступная небрежность взяла верх, – он не потрудился посмотреть, ушел ли он действительно. Получив приказание уйти, преступник направился к П.А.[Столыпину] и в двух шагах произвел два выстрела.

ГА РФ Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 87. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – Е.П. Васильчиковой[311], Петербург

4 сентября 1911 г.

Несколько дней приподнятого, великолепного настроения. Радость толпы, теплое радостное чувство и единение царя с народом не на словах, а по-настоящему. По улицам проезжал в открытой коляске, медленно, со всеми депутациями говорил хорошо и много, особенно [с] крестьянской. На дворянском рауте и Он и Она были просты, милы и радушны. Благодаря народной охране впечатление было, что полиции мало, что народ сам соблюдает порядок на улице, что Государь среди него, близок к нему. Государь тоже был радостен, прием тронул его. Даже поляки были в приподнятом настроении и очень довольны отношением к ним.

Богров держал себя в высшей степени вызывающе, говорит, что предпочел бы убить Государя, но трудно было к нему подойти и страшно было вызвать погром, а за Столыпина громить не станут. Билет он получил от охраны, в которой служил в роли Азефа и наговорил о гото-

вящемся покушении. Когда унесли Столыпина, весь театр запел гимн и «Спаси, Господи, люди Твоя». Крестились, крестили Государя, протягивали к нему руки. Государь стоял один, без дочерей, у самой рампы ложи грустный, сосредоточенный и бесконечно спокойный. Если бы в театре были сообщники, то было бы очень опасно. У всех нас явилось чувство, что он стоит под огнем. Взглядом он держал всех нас, отвечал всем нам, оборачиваясь ко всем. Паники не было – была молитва, и театр обратился в храм, и Государь был Царем.

Мужа я почти не вижу, он все время среди своих националистов, где много работы, чтобы энергично противодействовать погромному настроению толпы. Власти же думают только о предотвращении погрома и пересаливают. Вчера, например, несколько глупых молодых людей было избито полицией только за то, что они запели гимн. Выходит так, что за гимн карают, а еврея держат в охране и подпускают к Государю. В народе, понятно, говорят о подкупе охраны и даже о - единении Коковцова с евреями. Теперь можно сказать одно, что до отъезда Государя погрома не будет – время есть и воинским частям, с одной стороны, и 3000 чел. наших, с другой стороны, удастся, Бог даст, не допустить погрома. Но большая ошибка считать националиста погромщиком, умнее было бы действовать сообща и, кажется, Коковцов начинает это понимать. Конечно, все изменилось, говорят о четырех сообщниках, еще не пойманных, Императрица нездорова, Государь ездит очень быстро в закрытом автомобиле, народ служит молебны. Поляки, как один человек, разъехались. Поляки и евреи, конечно, желают Коковцова, но первые держали себя почти корректно, а вторые, конечно, осторожны и избегают давать повод к погрому. Однако, советую читать Вам не только левые газеты по этому поводу.

ГА РФ. Ф ДП. Оп. 265 Д. 505. Л. 85-85об. Перлюстрация.

Выписка из письма Н.В Тальберга[312], Киев – Н.В. Поливанову, Поливаново Симбирской губ.

5 сентября 1911 г.

В польской лечебнице лежит первый министр Царя, убитый подлым жидом, благодаря халатности охранного отделения. Я никогда не был политическим поклонником Столыпина с его системой компромиссов и провозглашением лозунга «успокоения», ошибочность которого он, несчастный, испытал на себе, но это не мешало уважать его как человека, и теперь я глубоко опечален и возмущен. Негодование царит во всех слоях общества. Все возмущены, как самим преступлением, так и тем, что это нарушило редко радостное настроение, вызванное царским приездом. Были уже попытки погрома. Го-

ворят, что войска во главе с офицерами открыто заявляют, что они не будут прекращать погрома. Начался повальный отъезд жидов. Газеты называют кандидатом на пост министра внутренних дел члена Гос[ударственной] думы Балашева, но я думаю, что это вздор. Необходим твердый человек, который в состоянии вступить в открытую борьбу с революционерами. Ходят слухи об отставке Курлова.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 88. Перлюстрация.

Выписка из письма Ф.И. Гучкова[313], Ялта – Н.И. Гучкову[314], Москва

5 сентября 1911 г.

Какой возмутительный ужас с Столыпиным. Неужели все это не пробудит, наконец, в нашем слякотном обществе национального и патриотического чувства? Ведь это покушение – заговор жидов, финляндцев и прочей инородчины, вместе с предавшимися им кадетами, против русской государственности и русской национальности.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 93. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – Анненкову, для Павла, Лозанна, Шалли, вилла Ружемон

5 сентября 1911 г.

Мне хочется передать тебе только мои впечатления, которые я записала, по поводу покушения на Столыпина, толкаясь между народа и прислуг. Снова почувствовалось, что наши оторваны от жизни и не могли понять момента жизни, если это только не дело охраны. Низы, конечно, сваливают все на евреев, ждут погромов, вчера даже была попытка произвести его на Софийской площ[ади], но благодаря вмешательству московской полиции, не киевской, удалось дело предупредить. А что будет, когда петербургская и московская полиция уедет отсюда? – неизвестно. Момент выбран более, чем неудачный: не говоря уже о том, что все мыслящее в России старается теперь легализоваться, всем хочется считать Россию страной конституционной и тоже занять какое-нибудь общественное место в этой конституции. Есть ли для этого основания или нет – другое дело, но настроение сейчас в России таково и всякий эксцесс нарушает эту иллюзию, а следовательно, создает не только сочувственную, но прямо враждебную атмосферу совершенному. Не говоря уже о том, что атмосфера вообще не подходяща к террору, последнее покушение было совершено при особо неудачных об-

стоятельствах. После того, как Император выступил всем доступной и демократически настроенной главою государства, появлялся в толпе без всякой охраны, принял крестьянскую депутацию и проговорил с нею 1 с половиной часа, посещал все, что только мог посетить в Киеве, везде лично беседовал и везде оставил впечатление доступности и доброжелательства, в такой момент, когда жители, подогретые всем этим, уже разинули рты и ждали, когда жаренные куропатки влетят им в рот, в этот момент рукою злодея совершено преступление. Я так хорошо чувствую сейчас враждебную атмосферу к этому бедняге и ко всем, кто только имел касательство с ним, я чувствую, что если этот акт взвалят на плечи революции, то это будет громадный плюс к враждебному отношению к революционерам. Я молю Бога, чтобы явилось официальное заявление от партии, снимающее с себя ответственность за этот акт и тогда вся тяжесть пала бы на охранку, которую уже часть публики подозревает. И, действительно, как мог, без помощи охранки, проникнуть этот человек в театр?

ГА РФ. Ф ДП. Оп. 265 Д. 496. Л 19. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – поручику Г.И. Веревкину, Одесса

6 сентября 1911 г.

Катастрофа в театре наружной полиции совершенно не касается, – она внутрь театра допущена не была, и охрана Царя и министров была поручена исключительно охранному отделению, так жестоко осрамившемуся. Начальник охранного отделения сам ввел Богрова, выдав ему театральный билет за подписью Курлова и поручив, вопреки всяким правилам и категорической инструкции, провокатору охрану Столыпина, без установления за Богровым хотя бы слабого наблюдения. Возмутителен еще и тот факт, что охрана царской ложи (бенуар) со стороны зрительного зала, по-видимому, отсутствовала, ибо Богров, находясь во время стрельбы в 6 шагах от Столыпина и в 10 шагах от барьера царской ложи, мог совершенно спокойно и безнаказанно направить свои выстрелы в обе стороны, так как в это время в зрительном зале никого из агентов охраны не было. Не понимаю, почему до сих пор Кулябко не арестован. Сегодня он взял отпуск и выехал из Киева. Имей в виду, что газеты ничуть не преувеличивают, и все, что касается Кулябко, пишут правдиво. Несмотря на то, что наружная полиция совершенно не причем (порядок в городе был образцовый, что отмечено было Государем Скалону на вокзале при отъезде), наши награды ухнули. Бедный Государь – прямо святой мученик, так его расстроила утрата этого колоса. Едва ли найдется ему заместитель рав-

ный по уму, опыту, знанию дела, твердости и направлению с национальным девизом.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 507. Л. 10. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – О.П. Боровской, Одесса

6 сентября 1911 г.

Я и другие наши были в наряде на улице, когда в театре было совершено покушение на Столыпина. Билеты в театр поверяли только жандармы; у нас даже на улице происходили инциденты с их офицерами, – они все время чувствовали себя хозяевами и всюду распоряжались, даже на улицах, что совершенно их не касалось, – и все это прикрывалось именем Курлова, а вот, если бы местный пристав был в театре, то Богрова там не было бы, так как он ему был хорошо известен, как неблагонадежный; положим, если Кулябко дал билет и револьвер, то уже дальше идти нельзя. А вот интересная подробность, которой, кажется, не было в газетах: после покушения, когда Богрова забрали в комнату и начали допрашивать товарищ прокурора и следователь, то сообщают, что из охранного отделения звонят по телефону и, по приказанию генерала Курлова, требуют Богрова в охранное отправить, но тут вмешался товарищ прокурора и заявил, что пусть хоть сам Курлов будет приказывать, все равно Богрова не отпустят – он их теперь. Конечно, мы все уверены, что Богрова в охранном или отпустили бы, или убили бы, сказав, что при попытке бежать был убит. Ведь он теперь все рассказал, а тогда бы концы в воду, а слухи от жандармов ходят, что говорит он много и очень много интересного. 9-го похороны Столыпина; говорят, что нас отпустят, но мы боимся задержки из-за погрома еврейского, который, безусловно, будет, – только вопрос, – когда, может завтра с утра, а, вернее, после похорон Столыпина.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 507. Л. 9. Перлюстрация.

Выписка из письма профессора В.Н. Перетца[315], Киев – А.А. Шахматову[316], Петербург, Академия наук

6 сентября 1911 г.

Пишу в одну из тяжелых минут, когда «стыдно жить». Я пишу, а вокруг речи о надвигающемся погроме, ожидаемом 8-го. Сейчас говорил студент – поэт Эльснер, что его предупредил об этом... офи-

цер, интеллигентный человек – добровольно, ради какой-то «оригинальности», служащий в охране.

Несмотря на строгое объявление генерала Трепова – еврейское население в панике бежит куда глаза глядят. Полиция «успокоительно» обещает, что «до похорон Столыпина» ничего не будет. А потом несчастным тысячам придется отвечать за поступок безумца. Ждем погрома 8-го. Говорят, грабежей не будет, будут убивать. Об этом говорят открыто лавочники, базарная толпа... И в истории многострадальной родины нашей впишется еще одна кровавая страница. Видимо наши «Кулябки» умеют только организовывать погромы на беззащитных бедняков, вымещая на них свою бездарность в «охранном» деле.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 505. Л. 97. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – M-me Sasonoff, Suisse, Lugano-Paradiso, Poste restante

9 сентября 1911 г.

Мы прожили какую-то кошмарную неделю. Сначала эти торжества, которые затормозили нормальную жизнь, потом это покушение и похороны. Покушение Богрова на Столыпина является для меня какой-то психологической загадкой. Богрова многие здесь в Киеве знают. Это был страстный игрок и вивер (viveur), все кокотки звали его Митей, все кафешантаны считали его в числе своих постоянных посетителей. В течение 5 лет он был предателем, служа верой и правдой охранному отделению – и такой человек идет убивать Столыпина – идет на верную смерть! Во имя чего? Почему? Отказываюсь понимать. В городе по этому поводу ходят самые невероятные слухи. Говорят, что начальник охраны получил за это 500 тыс. руб. (от кого?) и т.д. и т.п. после покушения и смерти ждали и готовились к погрому. Еврейское население тысячами бежит из Киева. Такнм образом, мы нежданно-негаданно очутились в центре политических событий. Хотя я стараюсь закрывать глаза на политику, все же невольно ею интересуюсь. Что будет дальше? Вместо Столыпина премьером прочат Коковцова и, может быть, Кривошеина. Поживем-увидим. Привет Владимиру, Мите Щукину.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 507. Л. 36. Перлюстрация.

Выписка из письма Г.П. Федорова, Петербург – коменданту г. Варшавы Д.Н. Комарову, Варшава

10 сентября 1911 г.

Что мне сказать по поводу убийства Столыпина? У всех порядочных людей не может быть разных мнений. Убийство как убийство, какое бывает чуть не ежедневно. Ужас в том, что убито первое, после Императора, лицо в государстве. Но еще больший ужас в том, что миллионы народных денег тратятся на охрану, на синие мундиры, но охраны фактически нет, а есть лишь выслуживание перед начальством и в связи с этим самая подлая провокация... Все эти Курловы, Веригины, Кулябки – такая сволочь, что их следовало бы повесить вместе с жидом Богровым... Но попомните мое слово – всех их в конце концов наградят. Ведь наградили же генерал-губернатора Трепова! За что?! Он ведь главный начальник полиции и охраны? Самое убийство не неожиданное. Здесь давно вслух говорилось о существовании в столице кружка анархистов, решивших поразить весь мир своими убийствами. Охрана знала это, конечно, лучше всех, но в интересах синих мундиров было закрывать на все глаза, а затем поразить всех эффектом поимки злодеев на месте преступления... Несчастная Россия!.. О Коковцове я уже Вам высказывал свое мнение. Могу добавить только, что он слишком мягкий и добродушный человек, между тем, в настоящее время первым помощником Царя должен быть поставлен человек, не уступающий, напр., Муравьеву[317], Виленскому... А где их взять этих людей?! Есть Курловы, есть Сухомлиновы, есть Куропаткины[318], а нет Муравьевых, нет Скобелевых[319]!!

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 507. Л. 39 Перлюстрация.

Выписка из письма Гарегинянца, Тифлис – Симонянцу, Константинополь, редакция «Азатамарт»

12 сентября 1911 г.

[Перевод с армянского]

Не стало великого государственного деятеля России; было бы слишком пристрастно приписывать ему какие-либо дурные качества, направленные во вред той или другой национальности, или партии. Он слишком хорошо понимал свою трудную роль и действовал с удивительным тактом. При бурных политических переворотах ему, конечно, нельзя было думать ни о чем ином, как о создании успокоения страны; потом он, безусловно, приступил бы к великим реформам. Нельзя и представить себе, какая напряженность при работе нужна была этому колосу! Почти весь влиятельный Петербург был против него: все ста-

рались подставить ему ножку, чем-нибудь очернить его, и он это хорошо знал. Чувство зависти точило сердца всех окружающих его. Они пускали в ход все средства, чтобы сбить Столыпина с его недосягаемого пьедестала, но напрасно. Я думаю, не надо быть очень прозорливым, чтобы не понять, что в его убийстве играют видную роль его враги – вельможи. Они поторопились как можно скорее повесить убийцу, чтобы он чего-либо еще не разболтал. Для всех ясно, что план убийства Столыпина был выработан в охранном отделении. Убийце была даже гарантирована безопасность. Политические партии все в недоумении: у них нигде такого покушения не готовилось. Вместо того, чтобы арестовывать невинных лиц, лучше бы правительство поискало нити заговора в петербургских кабинетах.

Собственно нам, армянам, Столыпин ничего дурного не сделал, разве что провалил открытие университета в Тифлисе, но это, я уверен, потому, что он не знаком с краем.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 507. Л. 40. Перлюстрация.

Выписка из письма Е.Е. Лазарева, Кларан, Швейцария – доктору И.И. Добровольскому[320], Петербург, Свечной пер., д. № 6, кв. 56

22 сентября 1911 г.

Вам, русским, воевать с внешними врагами не к лицу, остается внутренних врагов отыскивать. Но насчет внутренних врагов у вас сам Кулябко не разберет, кто враг, а кто сотрудник. Читаю я русские газеты по поводу киевских событий и вижу, что ни одному слову верить нельзя, врут самым бессовестным образом. Что ни день, то новая гипотеза. Кто такой Богров, охранник или революционер – никто не знает, или сказать не хочет. Застенок тщательно хранит тайну. И все здесь находятся в недоумении. Сначала выдвинули гипотезу, что это дело партии с.р., но в «Humanité»[321] от 26 сентября н.с. заграничная делегация поместила официальное заявление, что к этому делу ни Центральный комитет партии, ни какая-либо из партийных организаций, ни групп не причастны. Никто с Богровым в сношениях не был и личность его с идейной стороны никому неизвестна. В одной из корреспонденций из Киева в «Русском слове»[322] было замешано и мое имя. С разных концов Руси я стал получать вырезки из разных газет, где перепечатывалась означенная корреспонденция. Очевидно, меня побуждали высказаться печатно. Я уже хотел даже послать отзыв в «Русское слово», но меня удержала мысль: что же я могу сказать. Протестовать? Но против чего? Отрицать? Но что именно? Корреспонденция так идиотски составлена, что моя прикосновенность в сущности отрицается: когда приехала якобы какая-то дама из Парижа с революционными до-

кументами и деньгами для мистического «Николая Яковлевича», – меня в Петербурге не было, и что за моим отсутствием Кальманович (?!) поручил Богрову быть посредником вместо меня. Причем тут Кальманович и причем тут Богров – очевидный вздор, которому и охрана верить не может. Если под первым впечатлением Кальмановича, даже Кальмановича, арестовали, то будь я теперь в Питере, мне и подавно сидеть бы и сидеть в уютном месте. Как это ни нелепо само по себе, то будь я арестован в связи с убийством Столыпина и арестом Богрова, версия о том, что это дело партии с.р., приняла бы видимое правдоподобие: ведь и меня выслали в Сибирь за принадлежность к С.-Петербургской организации с[оциал-]р[еволюционеров]. Но уж у меня репутация такова, но Кальманович-то тут при чем же? Для меня ясно, что связать Богрова с моим именем нужно было для охранников и особенно для Кулябки, чтобы убедить других охранников и сбить с толку общественное мнение. Направив сыск в сторону партийных сообщников Богрова, клика «Нового времени»[323] стремится доказать, что Кулябко действовал заодно с Богровым и что он нарочно натравил последнего на Столыпина. За спиной Кулябко стоит и Спиридович и Веригин и сам Курлов, которые дали карт-бланш Богрову. Это одна охранная шайка. Естественно, чтобы выкарабкаться от такого обвинения, в их интересах сделать Богрова давно им известным и надежным охранником. Если бы Богров раньше и был нравственно и политически чист как ангел, и тогда в интересах Кулябко загрязнить его прошлое и выставить его нужным и ценным своим «сотрудником». Этим я и объясняю кивок Кулябко на меня и Кальмановича в связи с прошлой деятельностью Богрова. Ведь, по словам корреспондента, эти сведения исходят от лица, близко знающего Кулябко и порядки охранного отделения, т.е. от самого Кулябки. Там дальше говорится, что Богров в конце концов заявил, что историю с «Николаем Яковлевичем», с «Ниной Александровной», а значит и со мной и с Кальмановичем он, Богров, выдумал специально, чтобы обмануть Кулябко. Но Кулябко этой версии Богрова верит... Ему нельзя отказаться от этой веры: как он мог так опростоволоситься и пустить Богрова в театр. Ему нужно доказать и убедить всех, что Богров был ему давно известен как ценный охранник, его сотрудник, знавший меня и Кальмановича и таинственного «Николая Яковлевича». Ему нужно убедить начальство, что «Николай Яковлевич» не фантастическое лицо, а живая действительность, как и я, так и Кальманович. Я даже подозреваю, откуда идут корни его жалкой психологии. Он, Кулябко, знает меня лично, я его тоже знаю. Он жил рядом со мной целое лето и чуть ли не питался моим молоком, которое было столь прославлено самим братом покойного министра А. Столыпиным в его большой корреспонденции в «Новом времени», даже помнится, что чуть ли не в то памятное лето супруги Кальмановичи были у меня с визитом в Божи, и, пропустив последний поезд в Лозанну, ночевали чуть ли не в одном с Кулябко отеле. О том, что я был знаком с Кальмановичами, будучи в Питере, и иногда бывал у них, ему тоже могло быть известно и помимо Богро-

ва. Говорил ли ему Богров обо мне, Кальмановиче, о приезде дамы и о таинственном «Николае Яковлевиче», или он сам это выдумал для своего оправдания – не разберет и сам квартальный. Но ясно, что партия Кулябки и Курлова должна из Богрова во что бы то ни стало сделать давно известного им «охранника». Для меня и для всех самый загадочный пункт и заключается в том, – был ли Богров действительно давно уже охранником или он им притворился впервые 26-го августа, когда впервые явился к Кулябко в Киеве – предупредив последнего о готовящемся покушении. Должен сознаться, что, несмотря на всеобщее убеждение, что Богров давно служил в охранке, я лично этому не верю. Я не только никогда не знал, но даже и не слыхал имени Богрова. «Новое время» утверждает, что Богров жил в Париже, вращался среди революционеров и входил в сношения с Рачковским и Паули. Но все мои знакомые-старожилы парижские о нем впервые слышат и «Новое время», излагая историю с Паули, бессовестно врет. История с Паули была 10 лет тому назад, когда Богров был еще мальчишкой, который и не мог входить в сношения с Рачковским. Вообще в это дело напущено столько туману, что разобраться в этом систематическом вранье нет никакой возможности. Был ли Богров давнишним сотрудником? – вот в чем тайна и гвоздь всего дела. Если исходить «с конца», приходится думать, что он таким не был. На это указывает все его поведение с 26-го августа, с момента свидания с Кулябко. Он вел себя до последней минуты как человек решительный и укрепленный. Фабула о том, что перед ним поставлена была дилемма революционерами: или быть объявленным провокатором, или убить Столыпина – абсолютно неприемлема. Революционеры такой дилеммы не ставили, и никто из них его не знает, ни как охранника, ни как революционера. Остается допустить, что он действовал единолично и на свой собственный страх, очень возможно – под влиянием тех жестокостей, которые совершались в Киеве над евреями перед приездом и ввиду приезда высоких гостей в Киев. Наступает, очевидно, такое настроение в разных слоях недовольных и преследуемых, когда террористические выступления являются самопроизвольным выходом из отчаянного положения. Это видно и на еврействе, и на финлядцах, и на крестьянах в столкновениях с землеустроителями. Вера и надежда на какой-либо благоприятный исход в ближайшем будущем у всех окончательно потеряна. Надежда на коллективные действия, на организационные выступления, на партийную помощь исчезли, и начинается индивидуальная самооборона, – положение для охраны наиболее затруднительное. Охране легко бороться с организованной системой: нужно только проникнуть в общие планы организации. Но что делать, когда каждое лицо является загадкой – охранник, обыватель или революционер? Борясь с партией, с организацией, охранники при всех допросах арестованным делали обыкновенно два предварительных предложения: 1) не желаете ли покурить? и 2) не желаете ли поступить «сотрудником» в охрану и тотчас выйдете на свободу. То и другое предложение очень часто при-

нималось, и охрана торжествовала. В этом случае индивиды становились орудиями для борьбы с партиями и организациями. Теперь роли, по-видимому, меняются: индивиды избирают партии и организации орудием для борьбы с охраной и политическим правительственным террором. Партия с[оциал-]р[еволюционеров] избирается прикрышкой самых разнообразных индивидуальных выступлений. Наступает всеобщая неразбериха. Само правительство не знает, кто у него в охране: террорист или провокатор. Против Кулябки обратились за помощью к Трусевичу, автору провокационной системы и политики. Кто же был Богров – положительная загадка, которую лишь запутывает систематическое лганье «Нового времени» и других газет, не исключая и «Речи»[324]. Что бы ни писали в газетах, а пока источник всяких сведений о Богрове – Кулябко и связанные с ним лица. Свидание же с лицами из общества ему не было позволено. Его удавили наспех. Общее мнение, что он давно был сотрудником, не вяжется со всем его поведением, которое фактически всем известно: он вел себя как принципиально убежденный человек, вызывающий невольное чувство удивления, кто бы он там ни был. Распространяли ложные сведения, что он хотел убить самого Кулябко или хоть «кого-нибудь», что он был трусом или сентиментальничал при виде «ласкового» Кулябки без ненавистного жандармского мундира... Все это не вяжется с поведением его во время и после убийства Столыпина. Говорят еще, что его совесть замучила, раскаяние, что служит в охранке и получает 180 руб. жалованья, но психологически это недопустимо: человек четыре года носит гнусную тяжесть на своем сердце. Да ведь за четыре года сам ангел привык бы к мысли о грехе и превратился бы в нераскаянного дьявола. После нескольких краж, вор начинает не понимать далее, что кража грех и преступление. Он считает себя виноватым только в том, что его поймали, а не пойман не вор, а добрый молодец на свой образец. Опять дело, самоубийство Муравьева... Все это напоминает похождения Рокамболя, тайны Мадридского двора и все фантазии авторов французских романов, претворенные в русскую действительность. Жаль, очень жаль, что поторопились задушить Богрова, он мог бы рассказать многое любопытное и интересное для правительства с охранниками и для революционеров и для русской публики. Эта поспешность с казнею и судом при закрытых дверях напоминают поспешность Кулябко при «самоубийстве» Муравьева в Киевской охранке.

Право, странное зрелище: и правительство и судебные власти и палач и присутствующие при казни союзники – представляются, какими-то слепыми, жалкими и потерянными. Как это ни странно, только один преступник, провокатор, охранный сотрудник развертывается во весь рост своей нравственной мощи и умирает героем. Воля ваша, психологически не понятно, как такой человек мог быть долгие годы охранником и оказать многие драгоценные услуги... Кулябко. Это психологическое противоречие било в глаза самим охранникам и потому они через «Новое время» и другие газеты распространяют слух, что он обещал выдать многое, если пощадят его жизнь.

<...>Прочтя корреспонденцию, где было замешано мое имя, я спросил сведущих лиц из Парижа – не посылали ли они какой дамы в Питер в указанное время, т.е. летом 1910 г. Мне ответили, что это сущий вздор, что ничего подобного не было и что это выдумки или Кулябки или Богрова. Всего чуднее: сведущие парижане в свою очередь, опираясь на тучи корреспонденции, сами меня спрашивали: не знаю ли я, кто такой Богров и что он за штука: охранник или идейный человек. Я рекомендовал обратиться к Трусевичу, который может быть, что-нибудь и выведает. Искали, говорят, по всей России сведущих людей своей партии: не знает ли кто и что-нибудь про героя... Но с грустью пришлось официально признаться: в партийных святцах одним святым меньше, чем все на свете предполагали первое время.

Какие бы охрана пакости не устраивала, а все-таки надеюсь в будущем году просить Вас снова приютить меня под Вашим гостеприимным кровом. В газетах читал: что Нина Александровна* давно уже арестована. Что с ней теперь и где она, ничего не знаю, Моя сослуживица по «Вестнику знания», очень милая девушка, и я буду рад, если Вы сможете сообщить, что о ней знаете. Тоже, вероятно, сидит под титулом с[оциал-]р[еволюционер]ки. Так и до сих пор не знаю, по какому поводу ее потревожили. Я, признаться, был бы рад, если бы она все еще сидела, потому что в версии охранки фигурировала рядом с «Николаем Яковлевичем» таинственная тезка «Нины Александровны».

Ныне и христианские имена носить опасно. Евреев ныне за это одно под суд отдают.

Вера Николаевна путешествует по городам и по итальянским озерам. Жду писем от Вас и адрес Николая Васильевича.

ГА РФ. Ф. ДП Оп. 265. Д. 497. Л. 21–24. Перлюстрация

Выписка из письма неустановленного автора, Киев – А.С. Анучкиной, Варшава

11 октября 1911 г.

В «Киевлянине»[325] пишут, что Трусевичу предложено ограничиться только охранным отделением. В Киеве усиленно говорят, что назначенный ревизовать Трусевич заинтересован в охране и его права еще ограничили, чтобы не было разоблачено все, так как замешаны слишком высокие особы. Вот безобразие!

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 508. Л. 64. Перлюстрация.

---

* На письме помета: Антонина Александровна Мякотина.

Выписка из письма Г.Г. Чаплинского, Киев – А.В. Лядову[326], Петербург, Министерство юстиции

11 октября 1911 г.

Дело о соучастниках Богрова обещает разрастись и дать много интересного. У нас задержан уже один еврейчик, не только несомненный участник организации, но, по-моему, и соучастник убийства П.А. Столыпина. На него следствие наталкивалось уже 1½ года назад по делу о взрывчатых веществах, обнаруженных в Киеве, но охранное отделение все уверяло, что его никак нельзя обнаружить и задержать, так как настоящее его имя неизвестно. Поневоле возникает вопрос, не был ли и он агентом. Я рассказал подробности дела Корсаку, чтобы использовать их в ревизии.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 508. Л. 65. Перлюстрация

Выписка из письма* И. Ветрова[327], Ишим – м-ль Книжник, рю ди Кардинал ле Муан, 71, Париж

19 октября 1911 г.

Дорогой товарищ. Направляю к Вам письмо, которое прошу огласить в печати в органе Вл[адимира] Львовича [Бурцева] или у Ж. Грава
<...>

Приложение.

Берлинский корреспондент «Русского слова» г[осподин] Троцкий поместил с месяц назад в «Русском слове» интервью с родителями Дмитрия Богрова, которое дает понять, что у Дмитрия Богрова не могло быть никаких сношений с охраной. К сожалению, мне приходится присоединиться к утверждению официальных источников, что Дм. Богров был именно провокатором. Мне пришлось некогда иметь некоторую прикосновенность к Д. Богрову и сейчас я уверен, что именно из-за него был так скоро арестован по прибытии в Россию. Мне известно, что отец Дм. Богрова был в приятельских отношениях с бывшим начальником охраны в Киеве генер[алом] Новицким[328], с которым он играл в карты в Дворянском клубе. Это я знаю по следующему личному поводу: когда я был арестован в феврале 1902 г. за речь перед товарищем министра Зенгером, местный присяжный поверенный Г., который мне тогда очень симпатизировал и в доме которого я встречал Дм. Богрова, тогда еще гимназиста, предпринял, без моего ведома, попытку похлопотать за меня через Богрова-отца перед ген[ералом] Новицким во время игры в карты. Из этого ходатайства ничего не

* На письме помета: Книжник Алексей Израиль Шмуйлов-Самуйлов.

вышло, но это к делу не относится. Впервые я услышал затем о Дм. Богрове как о прикосновенном к политике только в начале 1908 г., когда я жил в Париже. Как представитель при эмиграционной кассе от русских анархистов и как теоретик анархизма, я невольно сталкивался почти со всеми анархистами, эмигрировавшими из России в Париж. Некоторые киевские анархисты рассказывали мне, что Дм. Богров «работает» как анархист. Бывший редактор «Черного знамени»[329] рассказывал мне, что встречал Богрова в Киеве. Все отзывались о нем, как о деятельном и преданном делу работнике, кладущем в работу всю душу. В августе 1908 г. я получил из Киева от Дм. Богрова письмо, где он просит меня возбудить расследование о подозрении его некоторыми лицами в провокации для реабилитации его имени. Помня Дм. Богрова еще гимназистом и зная, что отец его – миллионер, наконец, имея в виду среду, в которой жил Богров, я менее всего мог думать, что он – провокатор. К тому же в то время была какая-то мания всюду видеть провокаторов. Мне пришлось даже видеть одну жертву этой шпикомании – навеки искалеченного товарища по одному совершенно вздорному предположению. Но все же я переговорил с некоторыми лицами, знавшими Богрова и работавшими с ним. Один ознакомил меня и с теми «вздорными», по его мнению, «наветами», которые делались на Богрова еще при нем, и в результате мы решили компрометирующего расследования не предпринимать, а просто послать Богрову успокоительное письмо, что мы и сделали. На это письмо ответа получено не было. Через несколько месяцев, в декабре 1908 г. или в январе 1909 г., когда я уже решил уехать в Россию и искал паспортную книжку для проживания в России (об этом Богров мог знать через лиц, с которыми я переписывался и которые ему доверяли, как и я), я получил неожиданно от Дм. Богрова письмо из Мюнхена, куда он только что приехал из Киева. Жалуясь на издерганные нервы, он просил меня прислать ему анархич[еской] литературы и спрашивал, не может ли он быть мне чем-нибудь полезен. Я послал ему разной литературы и, между прочим, спросил, не может ли он помочь мне достать паспорт для проживания в России, именно в Москве, сообщая, что паспорт для переезда границы я уже достал. Он немедленно ответил, что может помочь, но надо подождать недели 2–3. Действительно, вскоре он прислал мне паспорт, уверяя, что он – железный. Показав этот паспорт одному весьма опытному приятелю с.р., я получил подтверждение, что паспорт надежен. Но я попал не прямо в Москву, я сначала в Петербург, где застрял на месяц, но не успел уехать, как был арестован в Петербурге и после отсидки сослан в Сибирь. Застрелившийся в 1908 г. на киевском вокзале А. Гройсман, бывший редактор «Буревестника» и ближайший его товарищ Ольга Таратута мне писали, что 2 лица были выданы и преданы, но не знали кем. Теперь я не сомневаюсь, что это «дело» Дм. Богрова.

И. В-в.

ГА РФ. Ф ДП.ОО. 1911. Д. 124. Т. IV. Л. 75–75об. Перлюстрация.

Письмо неустановленного автора, Львов – И.И. Тарновскому, Киев, редакция газеты «Киевская мысль»

21 октября 1911 г.

«Провокация в Киевской охране»

Пользуясь случаем разоблачения организаторских талантов по части провокации г[осподина] Кулябко, считаю полезным указать обществу (а одновременно и ревизии г[осподина] Трусевича) на тот факт, что отцом насаждения провокации в Киеве явился Спиридович, пользующийся доверием и покровительством высокопоставленных лиц.

Сам Спиридович едва, правда, не пал жертвою своей тактики. В 1904 г. рабочий-столяр Петр Руденко выстрелами из браунинга опасно ранил Спиридовича недалеко от здания, где помещалась охрана. Спиридович получил сквозную рану в области груди, но выздоровел и факт покушения пошел ему на пользу, так как его перевели в Петербург с повышением, помощником начальника дворцовой охраны генерала Дедюлина.

Причиною покушения со стороны Петра Руденко на Спиридовича явился тот факт, что Спиридович сманил Руденко в ряды «сотрудников», пользуясь угнетенным состоянием духа подростка-юноши, первый раз попавшего в тюрьму по политическому делу.

Руденко несколько месяцев «проработал» в охране, но совесть его заговорила и по собственной инициативе, смывая позорное пятно с души, юноша вышел с браунингом против своего «работодателя».

Руденко сначала благополучно бежал, но впоследствии был арестован и приговорен к четырем месяцам каторжной тюрьмы (тогда еще не вешали так свободно, ибо не было «конституции»).

Не мешало бы сенатору Трусевичу разыскать рабочего Петра Руденко (отец которого жил в 1907 г. в Киеве) и порасспросить его о нравах, порядках и методах «работы» охранного отделения.

Для редакции: Инженер Владимир Антонович Молчанский.

Адрес: Львов – Галиция, улица Хржановского, 9.

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 499. Л. 50. Перлюстрация.

Выписка из письма неустановленного автора, Париж – Арьеву, для Соломона, Одесса, ул. Греческая, д. 15

29 октября 1911 г.

Дорогой товарищ Гриша. Киевский первосентябрьский скандал раскрыл глаза общественному мнению, до чего нецелесообразны система и тактика правительственной охраны для подавления революции, и как эта охрана попала в такое позорное и смешное положение, что,

несмотря на оправдание перед обществом (посылка Трусевича для расследования), выходит, что она сама себя ревизует, выходит, что вор вора обокрал, так как Трусевич сам провокатор и шпион, и состоял, и состоит охранником. Мол, с Высочайшего соизволения посылаем сенатора Трусевича, Герасимовых и К° ревизовать Киевское охранное царство, ибо оно мало дань платило обер-ханству. Но как бы то ни было, мы должны еще благодарить столыпинского обер-камергера (провокатора Богрова), что все-таки хорошо и ловко снял или смыл с пути первого вешателя... О, не стоит много говорить о таких личностях, а затем – надо им дать спать, не тревожить их сладкие сны... Относительно господина Столыпина есть многое, что говорит, но воздержусь по известной тебе причине... Я, конечно, не боюсь, но для тебя когда-нибудь может выйти неприятность, а в особенности в нашей закабал[енн]ой, феодальной стране, – где реакция, произвол и полицейско-охранное правительство, там немыслимо свободно высказать свое убеждение, мировоззрение и взгляд на дело...

ГА РФ. Ф. ДП. Оп. 265. Д. 500. Л. 12. Перлюстрация.

Выписка из письма В.А. Дедюлина, Ливадия – Н.А. Дедюлину[330], Петербург

30 октября 1911 г.

Что за публика здесь, среди которой мне шестой год приходится вертеться, никогда не разберешь и не поймешь, чего кто из них хочет. 1 сентября до того растерялись, что хотели устроить бегство из Киева и только хозяева сами, да я с бароном удержали все на месте и выполнили все до конца. Очень неблагоприятное впечатление произвел на меня В.Н. Коковцов, испугавшийся общественного мнения и жидовского погрома. Он создал из несчастного и ужасного случая, сам того не сознавая, что действует в угоду врагам порядка, целый поход против всего полицейского ведомства, быть может, и далеко не совершенного, но все-таки единственного, на котором держится наш порядок и спокойствие. Он дал пищу потокам грязи и помоев, вылитых на несчастного Курлова и всю его часть, а заодно, хоть и не очень громко называя, и на меня.

Курлов виноват, как всякий старший начальник части, но сам он лично, по моему глубокому убеждению, не сделал никакого промаха, никакой ошибки или глупого, рискованного шага. Я твердо убежден, что он не знал о способе использования Кулябко своего сотрудника и о проводе Кулябкой Богрова в театр. Иначе бы он этого от меня не скрыл и со мною посоветовался бы. В таком же положении оказался с головы до ног облитый помоями самой лживой и злостной травли и не-

счастный Спиридович, которого дело политического розыска и работа охранных отделений не касались совершенно.

В отношении ко мне хозяев никакой перемены пока не замечаю, но работать наше дело, при настоящей обстановке, более чем тяжело и нервы натянуты до невозможности. Жду результатов ревизии Трусевича, так как для меня до сих пор не определена картина случившегося. Исследованием происшествия заняться самому не было возможности, так как надо было, не покладая рук, делать свое дальнейшее дело не только день за днем, но также час за часом.

Уж слишком противно положение дворцового коменданта и при кажущемся высоком, почетном и могущественном его положении, слишком велико сознание беспомощности от неожиданных обстоятельств. Не знаю, хватит ли у меня сил и духу, несмотря на мою фанатичную преданность хозяевам, продолжать тянуть эту гнетущую лямку.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 511. Л. 48–48об. Перлюстрация

КОММЕНТАРИИ

1. Богров Д.Г. (1887—1911) — в 1905 г. сочувствовал социал-демократам, в 1906 г. — эсер-максималист, затем член киевской группы анархистов-коммунистов; с 1907 г. сотрудничал с Киевским охранным отделением (кличка «Аленский»); с 1910 г. — с Петербургским охранным отделением (кличка «Надеждин»). 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре смертельно ранил председателя Совета министров П.А. Столыпина.

2. Иванов А.А. (1865—?) — с 1894 г. и. о. начальника Тюменского отделения Екатеринбургского ЖПУ; с 1898 г. начальник Брестского отделения Смоленского ЖПУ ж. д.; с 1899 г. начальник Бердичевского отделения Киевского ЖПУ; с 1903 г. начальник Лубенского отделения Московско-Киевского ЖПУ; с мая 1908 г. помощник Киевского губернского жандармского управления. Полковник.

3. Кулябко Н.Н. (1873—1920) — с 1897 г. помощник пристава московской полиции; в 1907—1911 гг. начальник Киевского охранного отделения, подполковник. После убийства Столыпина устранен от должности. В связи с обнаружением растраты казенных сумм был предан суду, приговорен к тюремному заключению. Затем проживал в Киеве, работая агентом по продаже швейных машинок.

4. Спиридович А.И. (1873—1952) — с 1899 г. прикомандирован к Московскому, с 1902 г. — к Киевскому ГЖУ; в 1903—1905 гг. начальник Киевского охранного отделения. 28 мая 1905 г. был ранен П.М. Руденко — секретным сотрудником Киевского охранного отделения, бывшим членом местной рабочей боевой с.-д. дружины, после чего 26 июня прикомандирован к штату отдельного корпуса жандармов. В начале 1906 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта и назначен начальником дворцовой охранной агентуры; полковник. После убийства Столыпина привлечен к расследованию по обвинению в непринятии мер охраны премьер-министра, однако не был устранен от должности. 15 августа 1916 г. назначен ялтинским градоначальником. Генерал-майор.

5. Веригин М.Н. (1878—1920) — с 1898 г. служил в департаменте полиции; с 1906 г. секретарь департамента полиции, в 1911 г. и. о. вице-директора департамента полиции, заведующий секретарской частью, чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Статский советник, камер-юнкер. В 1911 г. сопровождал П.Г. Курлова в Киев, после убийства Столыпина был привлечен к расследованию по обвинению в непринятии надлежащих мер охраны премьер-министра, был уволен со службы и лишен придворного звания.

6. Богров Л.С. — мичман Балтийского флота; двоюродный брат Д.Г. Богрова.

7. Грос[с]ман И.С. (он же Гроссман-Рощин И.С., Рощин) (1883—1934) — в революционном движении с 1897 г., член Елисаветградского с.-д. кружка «Южно-Русский союз рабочих»; в 1898 г. судим и выслан под гласный надзор полиции; бежал в 1902 г. за границу. С 1903 г. примкнул к анархистскому течению, сотрудничал с женевской группой анархистов-коммунистов «Хлеб и воля»; сторонник террора и экспроприаций. В 1905 г. входил в состав белостокской группы «Хлеб и воля», родоначальник «чернознаменского» (бунтарского) направления в русском анархизме. С 1907 г. руководил группой анархистов-«чернознаменцев» в Киеве. 14 июня 1907 г. арестован, привлечен к дознанию, содержался в Лукьяновской тюрьме; бежал за границу. Выступал как сторонник анархо-синдикализма, за объединение всех русских анархистов в единый союз.

8. Таратута О.Г. (парт. кличка «Леонид») (1879—1937) — в революционном движении с 1895 г., входил в РСДРП, вел работу в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Николаеве,

Херсоне, Твери, Нижнем Новгороде. В 1903 г. работал в типографии газет «Искра» и «Красное знамя». В 1904 г. вышел из РСДРП и примкнул к анархистам, входил в московскую группу анархистов-коммунистов «Бунтарь», создал школу пропагандистов для рабочих кружков. В 1907 г. установил связь с анархистскими группами «Бунтарь» в Киеве, Брянске, Екатеринославе, Одессе, Петербурге и Смоленске. В марте арестован в Москве; в апреле 1908 г. приговорен к 3 годам каторги; 20 ноября 1910 г. бежал из Александровской пересыльной тюрьмы, выехал за границу. В мае 1917 г. вернулся в Россию. После октября 1917 г. — на хозяйственной работе, издавал и редактировал собрания сочинений М.А. Бакунина, П.А.Кропоткина и других лидеров анархизма. В 1935 г. арестован, в 1937 г. расстрелян.

9. Лятковский П.К. (парт. кличка «Петр») (1887—?) — член киевской группы анархистов-коммунистов. 8 января 1908 г. арестован и в феврале 1909 г. приговорен военно-окружным судом к 2 годам заключения в крепости. 13 сентября 1911 г. задержан в Елисаветграде, арестован по делу Д.Г. Богрова. 14 июня 1912 г. дело прекращено.

10. Гродецкий (Городецкий) К.П. — студент Киевского университета. С 1904 г. связан с киевским комитетом эсеровской партии; занимался доставкой в Россию нелегальной литературы; в Житомире вступил в боевую дружину эсеров. В 1906 г. был связан с членами киевской группы анархистов-коммунистов. Пытаясь избежать ареста, скрылся в Каменец-Подольске, однако 13 мая 1906 г. был задержан. 4 августа 1906 г. выехал в Париж, 23 ноября вернулся в Россию и 9 декабря приехал в Киев. 15 августа 1907 г. арестован в Киеве.

11. Сандомирский Г.Б. (парт. кличка «Герман», А. Колосов и др.) (1882—1938?) — с 1901 г. слушатель юридического факультета Женевского университета, где сблизился с бакунистами. В 1904 г. вернулся в Россию, возглавил в Варшаве анархистскую группу «Бунтарь». В 1905 г. вошел в киевскую группу анархистов-коммунистов — пропагандист, литератор и боевик; поддерживал связь с заграничными анархистами. В мае 1906 г. прибыл в Одессу для организации теракта, арестован, в июне выслан в Нарымский край; бежал в ноябре 1906 г., выехал во Францию. В 1907 г. в Швейцарии вступил в «Боевую интернациональную группу анархистов-коммунистов». В августе 1907 г. прибыл в Киев для восстановления местной группы анархистов-коммунистов, стал лидером группы «Черное знамя». Инициатор проведения Всероссийского съезда анархистов, участник предсъездовской городской конференции в Киеве. В декабре 1907 г. арестован, приговорен к 8 годам каторги; в 1909—1913 гг. отбывал наказание в Лукьяновской тюрьме и в 1913—1916 гг. — в Александровском централе; с февраля 1916 г. — на поселении. После октябрьской революции заведовал отделом балканских стран Наркоминдела. В 1922 г. входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В 1924 г. отрекся от анархизма. В 1936 г. арестован.

12. Хорн[-Шмельте] Э.И. (парт. кличка «Филипп») (1885—1917) — анархист. 15 декабря 1907 г. был арестован и в феврале 1909 г. Киевский военно-окружной суд приговорил его к 5 годам и 4 месяцам каторжных работ.

13. Тыш Н.Я. (1884 — после 1915) — в 1903—1907 гг. студент Варшавского университета. В 1906—1907 гг. член белостокской группы анархистов-коммунистов. В 1907 г. выехал в Германию, один из организаторов группы анархистов-коммунистов «Интернационал» в Шарлоттенбурге; в мае выслан из Германии. 20 июля 1907 г. арестован в Белостоке по делу «Русской федерации революционеров-анархистов-коммунистов», содержался в Гродненской тюрьме, был отпущен. Выехал в Швейцарию, вошел в группу анархистов-коммунистов «Буревестник», стал членом «Боевой интернациональной группы анархистов-коммунистов», разрабатывал планы и маршруты транспортировки в Россию оружия и литературы. Осенью 1907 г. член киевской группы анархистов-коммунистов, организатор терактов, налаживал связи между анархистскими группами Белостока, Киева, Одессы. Участник конференции анархистов в Киеве в ноябре 1907 г. 8 января 1908 г. арестован на ст. Казатин Юго-Западной ж. д. с транспортом оружия и нелегальной литературы; привлечен к дознанию при Киевском ГЖУ, содержался в Лукьяновской тюрьме. 31 октября 1908 г. приговорен Варшавским военно-окружным судом по делу «Русской федерации революционеров-анархистов-коммунистов» к 15 годам каторги. Исключен в 1909 г. из товарищества анархистов, содержавшихся в тюрьме, за подачу прошения о помиловании на высочайшее имя.

14. Дубинский И.П. (1883—?) — в революционном движении с 1901 г., работал в «Южно-Русском союзе рабочих», до 1903 г. вел пропаганду и техническую работу. С 1903 г. член эсеровской партии, состоял в ее Боевой организации и участвовал в покушении на пристава. Арестован 31 марта 1905 г. в Одессе и приговорен 10 июня 1905 г. Одесским военно-окружным судом к смертной казне, замененной бессрочной каторгой; бежал. 28 ию-

ня 1907 г. эмигрировал в Швейцарию. В декабре 1907 г. вернулся, 16 декабря 1907 г. был арестован в Киеве; в феврале 1909 г. Киевским военно-окружным судом приговорен к бессрочным каторжным работам. До 1917 г. сидел в Лукьяновской и Владимирской тюрьмах.

15. Брандорф Н.В. — прокурор Киевского окружного суда. В 1917 г. товарищ обер-прокурора общего собрания Правительствующего Сената.

16. Фененко В.И. (1875—?) — с 1898 г. служил по судебному ведомству: с 1905 г. и. о. судебного следователя; в 1908—1917 гг. следователь по особо важным делам Киевского окружного суда. В 1911—1912 гг. вел предварительное следствие по делу об убийстве Столыпина. Коллежский советник.

17. Анархисты-коммунисты — одно из течений в анархизме. Доктрина анархо-коммунистов изложена в работах П.А. Кропоткина: «Речи бунтовщика», «Завоевание хлеба», «Ее философия, ее идеал», «Государство и его роль в истории». Анархисты-коммунисты считали стачку и индивидуальный террор универсальным средством борьбы, всеобщую стачку — социальной революцией. Будущее общество они представляли как союз («федерацию») вольных общин («коммун»), объединенных свободным договором, где личность получает неограниченные возможности для развития. В 1905—1907 гг. движение анархо-коммунистов раскололось на «хлебовольцев» (от назв. газеты «Хлеб и воля»), «чернознаменцев» и «безначальцев» (имели свои печатные органы за границей). Теоретики «безначальцев» С.М. Романов и Н.В. Дивногорский издавали журнал «Листок группы "Безначалие"» (1905 г., Париж). Один из лидеров «чернознаменцев» И.С. Гроссман выпустил газету «Черное знамя» (1905 г., Женева). Из «чернознаменцев» осенью 1905 г. на конференции в Белостоке выделились «безмотивные террористы» и «анархисты-коммунары» (действовали в Варшаве, Одессе, Новороссийске и Западном крае). Организации анархистов-коммунистов вели работу в 1905—1907 гг. как в России (Одесса, Киев, Москва, Минск и т.д.), так и за границей, совместно с социал-демократами, эсерами-максималистами.

18. Эсеры-максималисты — левая группа эсеровского движения, отколовшаяся от партии социалистов-революционеров в конце 1904 г., стояла на позиции широкого применения террористических методов борьбы. В октябре 1906 г. в Турку (Финляндия) на учредительном съезде был создан Союз социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ), выступавший за немедленное проведение в жизнь социалистической программы-максимум (отсюда и название партии). Основные требования: социализация земли, промышленных предприятий; установление в России «трудовой республики» через трудовую, социалистическую революцию, направленную против буржуазии. В Петербурге была создана боевая организация, одной из акций которой был взрыв дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове. В 1906—1907 гг. действовало свыше 60 организаций максималистов. К концу 1908 г. максималистское движение в России пришло в упадок. После февральской революции максималисты восстановили свою организацию, сотрудничали с большевиками. В 1919 г. ССРМ раскололся, часть его членов вступила в РКП(б).

19. Михельсон Р.Б. — член киевской группы анархистов-коммунистов. В ночь на 22 августа 1908 г. обыскана, в ее комнате были обнаружены мимеограф и материалы для изготовления взрывчатых веществ. Постановлением Киевской судебной палаты от 22 сентября 1909 г. приговорена к ссылке на поселение.

20. Мержеевская (по мужу — Люблинская) Ю.И. — привлекалась трижды по политическим делам при Петербургском ГЖУ. Должна была участвовать в покушении на царя в 1909 г. в Севастополе. Прибыла 5 сентября в Севастополь с паспортом швейцарской гражданки Е. Люкиенс. 9 сентября выехала в Киев. Арестована 11 октября 1909 г.; 12 ноября 1911 г. дело прекращено.

21. Кальманович С.Е. — присяжный поверенный Саратовского окружного суда, затем Петербургской судебной палаты. Неоднократно выступал в качестве защитника по крупным политическим процессам.

Крупнов С.Г. — присяжный поверенный, член областного комитета киевской кадетской группы, входил в консультативное бюро, действовавшее при комитете.

22. Кот[т]ен фон М.Ф. (1870—1917) — 29 марта 1905 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; в 1907—1909 гг. начальник Московского, в 1910—1914 гг. — Петербургского охранных отделений; полковник. 8 мая 1909 г. подвергся покушению со стороны бывшего эсера М. Рипса, завербованного для работы заграницей в качестве агента. В 1914 г. некоторое время был начальником штаба Кронштадтской крепости, затем секретно командирован в Германию и Австрию, позднее в Финляндию, для организации контрразведки. Убит близ Гельсингфорса 4 марта 1917 г.

23. Чаплинский Г.Г. (1865—?) — тайный советник. С 1889 г. служил по судебному ведомству: в 1911 г. прокурор Киевской судебной палаты; с 1914 г. сенатор уголовно-кассационного департамента. С 1917 г. член Государственного совета.

24. Кассо Л.А. (1865—1914) — юрист; занимал должность профессора: с 1892 г. Дерптского университета по кафедре канонического права; с 1895 г. Харьковского университета по кафедре гражданского права; с 1896 г. Московского университета по кафедре гражданского права. Директор Лицея цесаревича Николая. В сентябре 1910 г. назначен главноуправляющим Министерством народного просвещения; в 1911—1914 гг. министр народного просвещения.

25. Курлов П.Г. (1860—1923) — с 1903 г. курский вице-губернатор; с 1905 г. минский губернатор; с 1906 г. член совета министра внутренних дел; в апреле-августе 1907 г. и. о. вице-директора департамента полиции; с 1907 г. начальник Главного тюремного управления; с 1909 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир отдельного корпуса жандармов. Генерал-лейтенант. После убийства Столыпина уволен с должности. В 1914 г. особо уполномоченный по гражданскому управлению Прибалтикой. В 1916 г. в течение двух месяцев находился на должности товарища министра внутренних дел. После февральской революции был арестован Временным правительством; освобожден; в 1918 г. выехал за границу.

26. «Киевская мысль» — ежедневная политическая и литературная газета либерального направления. Издавалась в Киеве в 1906—1918 гг. Издатели Р.К. Лубковский, Ф.И. Богданов; редакторы А. Николаев, И. Тырновский. В газете сотрудничали меньшевики.

27. Имеется в виду С.И. Демидюк (1863—?) — заведующий наружным наблюдением Киевского охранного отделения, заведующий филерским отрядом отделения. После киевских событий сентября 1911 г. — филер летучего отряда Московского и Западно-Сибирского охранных отделений.

28. Скловский В.А. (1874—?) — присяжный поверенный в Киеве. В ночь с 1 на 2 сентября 1911 г. арестован в связи с покушением Д.Г. Богрова на Столыпина; освобожден 30 сентября 1911 г.

29. Марковский И.Т. (парт. клички «Титыч») (1875—?) — анархист, возглавлял воронежскую организацию партии социалистов-революционеров; перешел в Боевую группу максималистов, организовал в Чернигове боевую дружину, занимавшуюся экспроприациями. Затем выехал в Тамбов, в мае 1908 г. переехал в Киев для организации транспорта оружия в Воронежскую губ. и совершения экспроприаций. 22 февраля 1908 г. арестован в Киеве; приговорен Московским военно-окружным судом к 9 годам каторжных работ.

30. Дунин Л.А. — студент Киевского университета, в 1901 г. исключен из университета за участие в студенческих волнениях. Входил в киевскую группу анархистов-коммунистов, поддерживал связь с группой максималистов в Воронеже и Тамбове. 12 октября 1907 г. арестован, вскоре освобожден.

31. Сельская Р.Г. (кличка «Роза) — член киевской группы анархистов-коммунистов, с 1908 г. входила в Красный Крест. Арестована в Киеве 15 декабря 1908 г.

32. Дедюлин В.А. (1858—1913) — с 28 октября 1903 г. начальник штаба отдельного корпуса жандармов. 17 января 1905 г. назначен петербургским градоначальником. С 31 декабря 1905 г. командир отдельного корпуса жандармов; в 1906—1913 гг. — дворцовый комендант. Генерал-адъютант.

33. Трепов Ф.Ф. (1854—1938) — в 1908—1914 гг. киевский, волынский и подольский генерал-губернатор. С сентября по декабрь 1914 г. помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части; в 1916—1917 гг. военный губернатор областей Австро-Венгрии, занятых во время войны. Генерал-адъютант; сенатор; член Государственного совета.

34. Имеется в виду Черный Р.Г. (парт. кличка «Николай») (1887—?) — член киевской группы анархистов-коммунистов, участвовал в оборудовании в 1908 г. в Киеве лаборатории взрывчатых снарядов для нужд организации (вместе с Р.Б. Михельсон). Арестован 16 сентября по делу Д.Г. Богрова; оправдан 14 июня 1912 г. Однако при дознании дела о киевской лаборатории приговорен в 1912 г. к 6 годам каторги.

35. «Бунтарь» — газета, ЦО анархистов-коммунистов-«чернознаменцев», издавалась в Париже с декабря 1906 по январь 1909 г. (вышло 4 номера). №№ 2—4 выходили под

заголовком «Листок русских анархистов-коммунистов». В газете сотрудничали И.С. Гроссман, Г.Б. Сандомирский и др. Газета ставила своей главной задачей популяризацию теории и мировоззрения анархизма, разработку программно-тактических вопросов, создание массового анархического движения.

Составленный Д.Г. Богровым отчет киевской группы анархистов-коммунистов о расходовании денег, полученных в июле 1908 г. от борисоглебских максималистов, был опубликован в «Бунтаре», в № 4 за январь 1909 г.

36. Шереметев С.В. — подполковник, состоял при министре внутренних дел.

37. Каменцов П.Д. и Туткевич Д.В.— действительные статские советники, члены Киевской судебной палаты.

38. Новомирский Д.И. (наст. фам., имя и отчество Кирилловский Я.И.) (1882 — после 1936) — в революционном движении с 1900 г., примыкал к социал-демократам, работал в одесской и уманской организациях РСДРП. В 1904 г. арестован, освобожден под залог; скрылся за границу. В эмиграции примкнул к анархистам; в 1905 г. в Париже издавал газету «Новый мир». В том же году вернулся в Одессу, где создал анархо-синдикалистский Союз коммунистов, в конце года эмигрировал в США, где организовал анархистскую группу «Новый мир». В 1906 г. в Одессе создал «Южно-Русскую группу анархистов-синдикалистов»; опубликовал «Программу синдикального анархизма». Участвовал в террористических акциях группы, в том числе в ограблении одесского отделения Петербургского коммерческого банка (совместно с эсерами). В 1907 г. вел переговоры с анархистской группой «Буревестник» о выработке плана совместных действий. 22 октября 1907 г. был арестован в Одессе и осужден военно-окружным судом к 8 годам каторжных работ. С 1915 г. на поселении в Иркутской губернии; в том же году бежал в Америку. После февральской революции вернулся в Россию. Сотрудничал в ряде анархистских изданий. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1936 г. арестован и приговорен к 10 годам лагерей.

39. Виноградов В.К. (парт. кличка «Степа») (1884–?) — в 1904 г. был приговорен к 4 месяцам заключения за участие в одесской с.-д. организации. Входил в одесскую группу анархистов-коммунистов. В 1906 г. перешел в екатеринославскую организацию анархистов-коммунистов. В марте 1906 г. за участие в покушении на убийство прапорщика запаса приговорен к 15 годам каторги. В 1907 г. бежал, выехал в Женеву, оттуда перебрался в Париж, а затем в Америку. Подлежал аресту по делу Д.Г. Богрова, но не был разыскан.

40. «Былое» — журнал по истории революционного движения в России. В 1900–1904 гг. В.Л. Бурцев издал в Лондоне и Париже 6 номеров. С 1906 г. в Петербурге выходил ежемесячный журнал «Былое» под редакцией В.Я. Богучарского, П.Е. Щеголева, В.Л. Бурцева; закрыт властями в 1907 г. В 1908 г. Бурцев возобновил в Париже заграничное издание «Былого». В 1908–1913 гг. вышли №№ 7–15. С июля 1913 г. в Петербурге вновь стал издаваться журнал «Былое» в составе редакторов: Щеголев, Бурцев, В.В. Водовозов, Е.В. Тарле. После октябрьской революции его редактором стал Щеголев.

41. Муравьев А.У. (?–1911) — в 1908 г. работал в сталелитейном цехе Коломенского завода, летом 1909 г. уволен; уехал в Луганск. В 1910 г. вернулся в Коломну. В том же году в Тверской губернии покушался на убийство полицейского урядника, после чего скрылся и перешел на нелегальное положение. После задержания в Киеве застрелился в охранном отделении 26 августа 1911 г.; подозревался в связи с Д.Г. Богровым.

42. Трусевич М.И. (1863–?) — с 1885 г. служил по судебному ведомству: с 1889 г. прокурор Рижского, затем Петербургского окружного суда; с 1901 г. прокурор Новгородского окружного суда; с 1903 г. товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 13 июня 1906 по 9 марта 1909 г. директор департамента полиции. С 1909 г. сенатор. 9 сентября 1911 г., по высочайшему повелению, возглавил комиссию по расследованию действий Киевского охранного отделения и должностных лиц, участвовавших в организации охраны Столыпина во время киевских торжеств.

43. Граве В.В. (1881–1936) — с 1902 г. служил по Министерству иностранных дел. С 1911 г. чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел; личный секретарь Столыпина. Коллежский советник.

44. Дексбах К.К. (1873–1920) — с февраля 1906 г. в отдельном корпусе жандармов с прикомандированием сначала к Петербургскому ГЖУ, а в 1907 г. — к штабу корпуса, причем исполнял обязанности личного адъютанта при шефе жандармов. С 1907 г. ротмистр; с февраля 1912 г. подполковник. 22 июня 1915 г. откомандирован начальником Красно-Кутского отделения Тамбовско-Уральского ЖПУ ж. д. Затем прикомандирован к Петроградскому ГЖУ.

45. Гирс А.Ф. (1871–1958) – в 1909–1911 гг. губернатор в Киеве, с 1912 г. – в Минске, с 1915 г. – в Нижнем Новгороде. Действительный статский советник, камергер.

46. Чероков М.Л. (1872–?) – ротмистр. С сентября 1906 г. начальник Севастопольского отделения Харьковского ЖПУ ж. д., оставался в этой должности до февральской революции.

47. Соловьев П.Н. – с ноября 1884 г. в отдельном корпусе жандармов: с июля 1903 по декабрь 1905 г. начальник ЖПУ Закавказской ж. д.; с декабря 1905 г. начальник ЖПУ Северо-Западной ж. д. С 1909 г. генерал-майор.

48. Спиридович (урожд. Бялаго) В.К. – дочь присяжного поверенного; жена А.И. Спиридовича.

49. Данилевский Г.П. (1829–1890) – прозаик, публицист; один из самых популярных исторических романистов 70–80-х гг. XIX в.

50. Дидковский Н.П. – председатель земской управы в г. Ровно Волынской губ.

51. Сухомлинов В.А. (1848–1926) – в 1908–1909 гг. начальник Генерального штаба; в 1909–1915 гг. военный министр. Генерал от кавалерии; член Государственного совета. Вследствие военных неудач русской армии в 1915 г., под давлением общественного мнения, снят с должности в июне 1916 г., а в марте арестован; обвинен в злоупотреблениях и измене, в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения. На суде в августе-сентябре 1917 г. был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. 1 мая 1918 г. был освобожден по амнистии (как достигший 70 лет) и эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию.

52. Фредерикс В.Б. (1838–1927) – барон, с 1896 г. генерал-адъютант; с 1897 г. и до февральской революции министр императорского двора и уделов. С 1900 г. генерал от кавалерии; с 1905 г. член Государственного совета; с 1913 г. граф.

53. Шредель А.Ф. (1862–?) – с 1890 г. адъютант Иркутского ГЖУ; с июня 1893 г. начальник Красноярского отделения Омского ЖПУ Сибирской ж. д.; с августа 1896 г. начальник Александровского отделения Московской ЖПУ ж. д.; с января 1901 г. помощник начальника Воронежского ГЖУ в уездах; с июня 1902 г. помощник начальника Киевского ГЖУ в г. Киеве; с декабря 1905 г. помощник начальника Киевского ГЖУ; с августа 1906 г. начальник Екатеринославского ГЖУ; полковник. С февраля 1911 г. начальник Киевского ГЖУ.

54. Бусло Д.П. (1873–?) – с 1895 г. по судебному ведомству: с 1903 г. товарищ прокурора Рижского, а с 1906 г. – Петербургского окружного суда. Статский советник, ученый-правовед. В сентябре 1911 г. прикомандирован к комиссии сенатора М.И. Трусевича. В 1911–1917 гг. – в Одесской судебной палате.

55. Таратута (урожд. Рувинская) О.И. (1876–1938) – в революционном движении с 1897 г. В 1898–1901 гг. член Елисаветградского с.-д. кружка и группы «Южно-Русский союз рабочих». В 1901–1904 гг., находясь в эмиграции, примкнула к анархистам. Вернувшись в Россию в 1904 г., вошла в состав одесской группы махаевцев-«непримиримых». С 1905 г. член одесской рабочей группы анархистов-коммунистов; в октябре арестована, после издания манифеста 17 октября дело было прекращено. Участвовала в террористических актах; арестована и 1 ноября 1906 г. приговорена Одесским военно-окружным судом к 17 годам каторги. 15 декабря 1906 г. бежала из тюрьмы. Участвовала в создании московской группы анархистов-коммунистов «Бунтарь»; скрываясь от полиции, выехала за границу, где вошла в «Боевую интернациональную группу анархистов-коммунистов», созданную для подготовки терактов в городах Юга России. В 1908 г. в Екатеринославе готовила покушение на высших чинов полиции и администрации; вновь арестована. 24 декабря 1909 г. Одесский военно-окружной суд приговорил ее к 21 году каторги. До 1 марта 1917 г. содержалась в Лукьяновской каторжной тюрьме в Киеве. После освобождения работала в политическом Красном Кресте.

56. «Московский» – кличка Приходько Н.В. – секретного сотрудника Московско-Киевского ЖПУ ж. д., с 1907 г. – Киевского, с 1908 г. – Харьковского, с 1909 г. – Курского охранных отделений. Давал сведения по эсерам и социал-демократам.

57. Лазарев Е.Е. (1855–1937) – революционер-народник, участник «хождения в народ»; привлекался к суду по делу о революционной пропаганде («процесс 93-х»), оправдан. Арестован в 1888 г. и выслан в Восточную Сибирь, откуда бежал в 1890 г.; выехал в Америку. Участвовал в работе комитета Фонда Вольной русской прессы; член партии эсеров.

С 1902 г. присутствовал на съездах Аграрно-социалистической лиги. После издания манифеста 17 октября 1905 г. вернулся в Россию. Участвовал в работе I съезда партии эсеров, издал ряд брошюр по программным и тактическим вопросам. В 1909–1910 гг. секретарь редакции журнала «Вестник знания». В 1910 г. арестован, приговорен к ссылке, которая была заменена высылкой за границу. Вернувшись в Россию после февральской революции, примкнул к правым эсерам. Министр народного просвещения во Временном правительстве. В 1918 г. член Учредительного собрания в Самаре. В 1919 г. выехал в Чехословакию.

58. Корсак В.Е. (1861–1933) – с 1891 г. служил по судебному ведомству: товарищ прокурора Киевской, а с июня 1906 г. – Петербургской судебных палат; с 1909 г. прокурор Петербургской судебной палаты; являлся обвинителем в особом присутствии Сената. В сентябре 1911 г. прикомандирован к комиссии сенатора М.И. Трусевича. В 1915 г. сенатор уголовно-кассационного департамента.

59. Самохвалов (он же Грешницын) П.Т. (1869–?) – с 1904 г. помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части, секретарь канцелярии; с 1906 г. и. о. штаб-офицера для поручений. 28 марта 1907 г. назначен помощником начальника Варшавского ГЖУ. 5 сентября 1907 г. поступил в распоряжение варшавского обер-полицмейстера; в 1908 г. прикомандирован к Иркутскому, а в 1909 г. – к Киевскому ЖУ; и. о. помощника начальника Киевского охранного отделения. Ротмистр. С 26 октября 1913 г. помощник начальника Минского ГЖУ, с 1 ноября 1913 г. помощник начальника Киевского ЖУ. С 1915 г. и. о. начальника Варшавского охранного отделения.

60. Батюшков Н.Я. – дворянин; агент охранной команды Петербургского охранного отделения, позднее – Иркутского ГЖУ. Чиновник Китайско-Восточного ЖПУ ж. д. Чиновник особых поручений Киевского охранного отделения.

61. Скловская Б.А. (1889–?) – член киевской группы анархистов-коммунистов. Арестована 28 февраля 1908 г. в Киеве; 10 октября 1908 г. выпущена под залог. Приговором военно-окружного суда 18–19 февраля 1909 г. осуждена на 8 месяцев заключения в крепости.

62. «Капустянский» – кличка, под которой Д.Г. Богров был известен филерам Киевского охранного отделения.

63. Вахнин В.А. (1868–?) – с 1901 г. ротмистр. С февраля 1907 г. в отдельном корпусе жандармов; в июле 1911 г. прикомандирован к Киевскому ГЖУ; с февраля 1912 г. находился там же в резерве; в октябре 1913 г. прикомандирован к Московскому ГЖУ. С февраля 1912 г. подполковник.

64. Ледник Т.Д. (1880–?) – из крестьян; запасной нижний чин. 12 мая 1909 г. зачислен филером в Киевское охранное отделение.

65. Возможно, имеется в виду Рубан П.Я. – личный почетный гражданин. В 1908 г. зачислен филером в Петербургское охранное отделение.

66. Очевидно, имеется в виду Дажаев О.А. – из крестьян; запасной унтер-офицер. В октябре 1908 г. зачислен филером в Самарское охранное отделение.

67. Опсе К.А. – жандармский унтер-офицер. С марта 1908 г. начал службу филером Лифляндского ГЖУ.

68. Дьяков И.Н. (1864–?) – действительный статский советник; киевский городской голова.

69. Курлов А.А. (1875–) – секретарь при директоре департамента полиции, заведующий 1-м делопроизводством. С 1911 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

70. Правиков Д.А. (1863–?) – с 1890 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1906 г. полковник; с июня 1907 г. начальник Московско-Киевского ЖПУ ж. д.; с сентября 1913 г. помощник начальника штаба отдельного корпуса жандармов.

71. Антонов М.П. – с мая 1906 г. начальник Конотопского отделения Московско-Киевского ЖПУ ж. д.; с марта 1908 г. начальник Днепровского отделения Московско-Киевского ЖПУ ж. д. С 1908 г. подполковник, с1915 г. генерал-майор.

72. Белевцев (Белевцов) М.Я. (1873–?) – с июня 1900 г. в отдельном корпусе жандармов; с декабря 1900 г. ротмистр. В 1908 г. прикомандирован к Киевскому ГЖУ, числился по должности в Киевском охранном отделении.

73. Козловский П.С. (1870—?) — с июля 1903 г. в отдельном корпусе жандармов; ротмистр Петербургского жандармского дивизиона; с мая 1916 г. подполковник.

74. Терехов Н.М. (1870—?) — с апреля 1902 г. ротмистр. С февраля 1907 г. в отдельном корпусе жандармов; с апреля 1908 по июль 1911 г. помощник начальника Царскосельского отделения Петербургско-Виндавского ЖПУ ж. д. С июля по октябрь 1911 г. помощник начальника Финляндского ЖУ по Таммерфорсскому району. С мая 1913 г. подполковник.

75. Шепель Н.П. (1869—?) — с 1902 г. в отдельном корпусе жандармов; в 1903 г. в резерве при Полтавском ГЖУ; в 1904 г. помощник начальника Могилевского ГЖУ, затем помощник начальника Варшавского охранного отделения; в 1906 г. прикомандирован к штабу отдельного корпуса жандармов и состоял временно в распоряжении дворцового коменданта.

76. Герарди Б.А. (1870—?) — с 1898 г. в отдельном корпусе жандармов с прикомандированием к Московскому ГЖУ; с 1900 г. в резерве при том же управлении. В 1902 г. причислен к штабу и откомандирован в распоряжение петербургского градоначальника. С 16 октября 1903 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения; с 28 апреля 1905 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта; с 1 мая — начальник дворцовой полиции. Полковник. В 1905—1909 гг. был заведующим заграничной агентурой.

77. Шебанов С.Ф. (1866—?) — с 1896 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1899 г. адъютант начальника Сибирского жандармского округа; с 1900 г. адъютант Уфимского ГЖУ; с 1902 г. помощник начальника Ковенского ГЖУ на пограничном пункте в м. Горждах и помощник начальника Белостокского отделения Киевского ЖПУ на пограничном пункте в пос. Граево; в 1906 г. начальник Старосельского отделения Варшавского ЖПУ, в 1907 г. начальник Бердичевского отделения Киевского ЖПУ ж. д. Подполковник. С апреля 1915 г. начальник Киевского отделения Киевского ЖПУ.

78. Муромцев С.А. (1850—1910) — юрист, правовед, профессор Московского университета; в 1890—1905 гг. товарищ председателя Московского совета присяжных поверенных; в 1897—1908 гг. гласный Московской городской думы. Один из основателей и лидеров кадетской партии, член ее ЦК с октября 1905 г. Председатель I Государственной думы. За подписание Выборгского воззвания приговорен к трехмесячному тюремному заключению. В последние годы отошел от активной партийной работы. Его похороны, собравшие несколько десятков тысяч человек, превратились в политическую демонстрацию.

79. Грязнов В.П. — секретарь Юго-Западного общества поощрения рысистого коннозаводства.

80. Латухин С.К. (1862—?) — с 1888 г. в отдельном корпусе жандармов; адъютант Бессарабского, затем Люблинского ГЖУ; с 1893 г. начальник Ивангородской, а с 1899 г. — Варшавской крепостной жандармской команды; с мая 1902 г. помощник начальника Тверского ГЖУ по уездам, с октября 1903 г. помощник начальника Эриванского ГЖУ; с апреля 1905 по октябрь 1913 г. помощник начальника Киевского ГЖУ в Киеве; с ноября 1913 г. помощник начальника Минского ГЖУ в уездах. Подполковник.

81. Волков В.В. — коллежский асессор; товарищ прокурора Рижского окружного суда, прикомандирован к комиссии М.И. Трусевича.

82. Пиранг Р.Ю. (1870—?) — с 1904 г. в отдельном корпусе жандармов — в Петербургском жандармском дивизионе. В 1911—1917 гг. и. о. личного адъютанта министра внутренних дел. Подполковник.

83. Зуев Н.П. (1857—1918) — служил по судебному ведомству: в 1903—1909 гг. вице-директор департамента полиции; в 1909—1912 гг. директор департамента полиции. С 1912 г. сенатор.

84. Еремин А.М. (1872—1919?) — с января 1903 г. в отдельном корпусе жандармов, с прикомандированием к Киевскому ГЖУ; в 1904 г. в резерве при Херсонском, в 1905 г. — при Киевском ГЖУ. С 1908 г. начальник Тифлисского ГЖУ; с января 1910 г. заведующий особым отделом департамента полиции; с июня 1913 г. начальник Финляндского ЖУ. Полковник; с декабря 1915 г. генерал-майор.

85. Флоринский Е.П. (1866—?) — с марта 1895 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Нижегородского, а с 1896 г. — Петербургского ГЖУ; с 1897 г. начальник Усть-Двинской крепостной жандармской команды; с 1905 г. помощник начальника Полтавского ГЖУ в уездах и в Полтаве, в 1908 г. прикомандирован к Лифляндскому ГЖУ, в 1911 г. — к ЖПУ Средне-Азиатской ж. д.; начальник Пермского ГЖУ. Подполковник.

86. Савинков Б.В. (псевд. В. Ропшин) (1879—1925) — один из лидеров партии эсеров, литератор. Вступил в партию социалистов-революционеров в 1903 г. и вошел в ее Боевую организацию, организатор и участник многих террористических актов. После февральской революции комиссар при ставке верховного главнокомандующего; товарищ военного министра Временного правительства. В сентябре 1917 г. исключен из партии эсеров. В 1918 г. возглавил Союз защиты родины и свободы, позднее представитель А.В. Колчака в Париже. В 1920 г. жил в Париже. В августе 1924 г. арестован после нелегального перехода советско-польской границы, организованного агентами ОГПУ. Приговорен к 10 годам тюремного заключения. По официальной версии, покончил с собой в тюрьме, по другим данным, убит чекистами.

87. Дукельский И.В. (1873—?) — с июля 1898 г. в отдельном корпусе жандармов; с января 1904 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; с февраля 1899 г. адъютант Владимирского ГЖУ; с апреля 1902 г. помощник начальника Полтавского ГЖУ в Полтаве; с мая 1905 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения; с декабря 1907 г. помощник начальника Финляндского ЖУ по Гельсингфорсскому пограничному району.

88. Сенько-Поповский Л.А. (1883 [по др. св. 1885]—?) — с 1907 г. служил по ведомству Министерства внутренних дел: в 1911—1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, откомандирован в распоряжение товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов; и. о. секретаря при ген. П.Г. Курлове и ген. В.Ф. Джунковском. Коллежский асессор. В 1916—1917 гг. и. о. черноморского вице-губернатора. Подполковник.

89. Муев С.В. (1876—?) — штаб-офицер для поручений разведывательного отдела штаба 2-й армии, адъютант Плоцкого ГЖУ; с февраля 1906 г. состоял в распоряжении варшавского обер-полицмейстера и с февраля 1907 г. — начальника Гродненского ГЖУ в Брест-Литовском, Бельском, Кобринском и Пружанском увздах; с марта 1907 г. помощник начальника Полтавского ГЖУ в Кременчугском, Золотоношском и Хорольском уездах; с сентября 1908 г. помощник начальника Полтавского ГЖУ в Кременчугском, Кобелянском и Хорольском уездах; с сентября 1911 г. прикомандирован к Варшавскому ГЖУ.

90. Барабашев А.И. (1864—?) — с 1900 г. адъютант Бессарабского ГЖУ; с 1902 г. помощник начальника Бессарабского ГЖУ в уездах; с 1904 г. помощник начальника Подольского ГЖУ в уездах; с 1906 г. помощник начальника Пермского ГЖУ в Екатеринбургском уезде, с 1907 г. помощник начальника Кишиневского отделения Одесского ЖПУ на пограничном пункте в м. Унген; с марта 1907 г. помощник начальника ЖУ г. Одессы. Ротмистр. На время проведения киевских торжеств был прикомандирован к Киевскому охранному отделению.

91. Каминский С.С. (1869—?) — с января 1902 г. в отдельном корпусе жандармов; ротмистр. С июля 1907 г. помощник начальника Екатеринославского ГЖУ в Мариупольском уезде. На время киевских торжеств в 1911 г. откомандирован в распоряжение Киевского охранного отделения. С 30 мая 1913 г. помощник начальника Киевского ГЖУ в Черкасском, Чигиринском и Каневском уездах; подполковник; помощник начальника Эриванского ГЖУ Карской области; помощник начальника Екатеринославского ГЖУ.

92. Нагродский К.А. (1882—?) — с февраля 1908 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Варшавского, а с сентября 1908 г. — Петербургского ЖПУ ж. д.; ротмистр. С сентября 1910 г. сотрудник Киевского охранного отделения, откуда был командирован в имение Столыпина — Колноберже, для личной охраны председателя Совета министров.

93. Макаров В.В. (1879—?) — с 1906 г. штабс-ротмистр. С марта 1909 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Черниговского ГЖУ; прикомандирован к Киевскому ГЖУ, помощник начальника Эстляндского ГЖУ в Везенбергском и Вейсенштейском уездах, помощник начальника Терского областного ЖУ в г. Пятигорске. Ротмистр.

94. Богданович Н.Ю. (1887—?) — с 1909 г. поручик. С марта 1910 г. в отдельном корпусе жандармов; в апреле 1911 г. прикомандирован к Киевскому ГЖУ; ротмистр. В феврале 1912 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ.

95. Евреинов В.В. — генерал; с 1894 г. управляющий Ливадией; гофмейстер, правитель дел церемониальной части Министерства императорского двора и уделов.

96. «Спилка» — украинский социал-демократический союз; образован в 1904 г. в результате раскола Революционной украинской партии (РУП) из-за разногласий между руповцами (националистами) и «интернационалистами», склонявшимися к союзу с РСДРП на II съезде РУП. Последние вели в 1905 г. переговоры с меньшевиками и вошли в РСДРП под названием Украинский социал-демократический союз («Спилка») на правах авто-

номной организации. «Спилка» работала среди говорящих на украинском языке рабочих. С января 1905 г. издавала свой печатный орган «Правда» (г. Львов). Принимала участие в Женевской конференции меньшевиков (апрель 1905 г.), IV и V съездах РСДРП. В начале 1906 г. «Спилка» объединилась с Южнорусским бюро РСДРП; приобрела значительное политическое влияние на Юге России, превращаясь в филиал меньшевистской части РСДРП. После очередной конференции «Спилки» 27 марта 1907 г. в Киеве, из-за действовавшего в ее рядах провокатора, последовал ряд провалов, был арестован весь состав ЦК, оставшиеся на свободе члены союза, находясь в эмиграции, пытались восстановить его работу. В 1913 г. «Спилка» прекратила свое существование.

97. Булат (наст. фам. Булота) А.А. (1872—1941) — из крестьян; коллежский секретарь; присяжный поверенный. Активный участник литовского автономистского движения, член ряда литовских культурно-просветительных и благотворительных обществ. Депутат II—III Государственной думы от Сузалкской губ. В III Думе — председатель совета фракции трудовой группы. В 1915—1917 гг. в эмиграции в США. В 1940—1941 гг. заведующий юридическим отделом президиума Верховного Совета Литовской ССР. В 1941 г. расстрелян немцами.

98. Имеется в виду заметка «Тревожные слухи» в газете «Голос Москвы» (от 24 августа 1911 г.) о подготовке террористических актов на Столыпина в связи с проектом отделения двух приходов Выборгской губернии.

99. Гершуни Г.А. (1870—1908) — один из основателей партии эсеров, член ЦК, руководителей ее Боевой организации, организатор террористических актов против министра внутренних дел Д.С. Сипягина, харьковского губернатора Н.М. Оболенского (1902) и уфимского губернатора Н.М. Богдановича (1903). Автор статей в «Революционной России», разоблачавших С.В. Зубатова и его политику «полицейского социализма». В мае 1903 г. арестован под Киевом; в марте 1904 г. Петербургский военно-окружной суд приговорил его к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Осенью 1905 г. бежал из Акатуйской каторжной тюрьмы, добрался до Китая, затем переехал в Америку. В 1907 г. участвовал во II съезде эсеров в Таммерфорсе, выступал против использования экспроприации как средства борьбы. Умер в Швейцарии от саркомы, похоронен в Париже.

100. Слетов С.Н. (1876—1915) — в революционном движении с 1895 г.; в студенческие годы увлекался марксизмом, затем примкнул к эсерам. В 1899 г. арестован по делу организации типографии и ведению пропаганды среди рабочих Тамбова; после освобождения из тюрьмы выехал за границу, где стал членом Аграрно-социалистической лиги, сотрудничал в газетах «Накануне» и «Революционная Россия», участвовал в издании популярной литературы. Доставлял в Россию нелегальную литературу, объезжал как уполномоченный ЦК эсеровские организации. Работал в Киеве, затем в Одессе. Арестован 3 сентября 1904 г. на ст. Вержболово; освобожден по амнистии после манифеста 17 октября 1905 г. Прибыл в Москву, входил в местное отделение ЦК и крестьянскую комиссию при ЦК. Сторонник усиления террора в связи с разгулом правительственных репрессий. Участник декабрьского вооруженного восстания в Москве, организатор взрыва Московского охранного отделения. Поступил на службу в издательство «Колокол», превратив контору издательства в штаб-квартиру эсеров. Агент Боевой организации в Москве. В конце 1906 г. арестован в Москве, но вскоре освобожден. На II съезде партии эсеров, не согласившись с рядом решений, сложил с себя полномочия члена ЦК; стал работником Центрального районного комитета Москвы. В марте 1907 г. арестован, ссылка заменена высылкой за границу. Пытался восстановить деятельность Боевой организации. В марте 1911 г. отправился в Россию для восстановления партийной работы. Выступал как сторонник участия эсеров в легальных общественных организациях.

101. Карпов С.Г. (1864—1909) — с 1895 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1897 г. начальник Челябинского отделения Екатеринбургского ЖПУ ж. д.; с 1898 г. начальник Брянского отделения Минского ЖПУ ж. д.; с 1903 г. помощник начальник Донского областного ЖУ; с 1909 г. начальник Петербургского охранного отделения. В сентябре 1909 г. убит на конспиративной квартире секретным сотрудником А.И. Петровым-«Вознесенским», эсером.

102. Щегловитов И.Г. (1861—1918) — с 1881 г. служил по судебному ведомству: с 1897 г. товарищ обер-прокурора уголовно-кассационных дел Правительствующего Сената; с 1900 г. вице-директор 1-го департамента Министерства юстиции; с 1903 г. обер-прокурор уголовно-кассационных дел Сената; с апреля 1906 по июль 1915 г. министр юстиции. С 1907 г. тайный советник; член Государственного совета по назначению; с 1911 г. статс-секретарь; сенатор. Выступал за ликвидацию принципа несменяемости судей и их полное

подчинение Министерству юстиции. Организатор политических процессов (дело Бейлиса), военно-полевых судов и телесных наказаний для заключенных. С 1914 г. действительный тайный советник. С 1916 г. председатель фракции правых в Государственном совете; в 1917 г. председатель Совета. После февральской революции арестован; расстрелян по приговору Ревтрибунала.

103. Федоров Н.Д. (1871—1906) — с 1902 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант ГЖУ; и. о. помощника начальника ГЖУ; начальник Саратовского охранного отделения; заведующий охраной Столыпина. Погиб при взрыве на Аптекарском острове 12 августа 1906 г.

104. 12 августа 1906 г. на даче Столыпина на Аптекарском острове в Ботаническом саду, в день приема официальных и частных лиц, была взорвана бомба. Организаторами акции были эсеры-максималисты во главе с М.И. Соколовым, исполнителями являлись И.М. Типунков, Э. Забельшанский и Н.И. Иванов, соучастниками Н.А. Терентьева и Н.С. Климова.

105. Эдуард VII (1841—1910) — в 1901—1910 гг. английский король, из Саксен-Кобург-Готской династии, сын королевы Виктории; был женат на сестре императрицы Марии Федоровны (принцессе Датской Александре). Приезжал в Россию в 1908 г. Содействовал созданию Антанты.

106. Диков И.М. (1835—1914) — с 1894 г. вице-адмирал; с 1905 г. адмирал. Командовал Черноморской эскадрой. В начале 1907 г. занял пост морского министра, вошел в Государственный совет по должности. Ему были предоставлены права главного начальника флота и морского ведомства, поручено непосредственное заведование личным составом, боевыми силами и строевой частью. В 1909 г. по прошению уволен от должности министра с оставлением членом Государственного совета.

107. Извольский А.П. (1865—1923) — гофмейстер; в 1894 г. министр-резидент при Папе римском, в 1897 г. посланник в Белграде, Мюнхене; в 1899 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Токио, а в 1903—1906 гг. — в Копенгагене. В 1906—1910 гг. министр иностранных дел; в 1910—1917 гг. посол в Париже.

108. Лукьянов М.М. (1872—?) — с сентября 1903 г. в отдельном корпусе жандармов. С мая 1909 г. помощник начальник Петербургского охранного отделения; с сентября 1910 г. помощник начальника Финляндского ЖУ по Куопиоскому району, с мая 1911 г. — по Гангенскому пограничному району, а с марта 1914 г. по Мариенгамнскому пограничному району. С апреля 1910 г. подполковник.

109. Офросимов Н.Л. (1882—?) — с апреля 1906 г. в отдельном корпусе жандармов; служил младшим офицером в Московском дивизионе, затем в Московском охранном отделении; с января 1910 г. — в Петербургском охранном отделении. С 1910 г. ротмистр; с 1915 г. подполковник.

110. Гершельман Д.К. (1859—1913) — с 1877 г. служил в 1-й конно-артиллерийской батарее, затем прикомандирован к гвардейской конно-артиллерийской бригаде. С 1897 г. — полковник, с 1905 г. генерал-майор. С 14 октября 1907 г. числился по Генеральному штабу, начальник штаба отдельного корпуса жандармов.

111. Столыпин А.А. (1863—1925) — публицист, общественный деятель. Член ЦК «Союза 17 октября». С августа 1904 г. сотрудник «Нового времени». Активный сторонник земельной реформы, развития хуторского хозяйства, организатор и руководитель общества «Русское зерно». Младший брат П.А. Столыпина.

112. Столыпина (урожд. Нейдгардт) О.Б. (1859—1944) — праправнучка А.В. Суворова; фрейлина императрицы Марии Федоровны. В 1884 г. вышла замуж за П.А. Столыпина. Умерла в эмиграции во Франции.

113. Бок Б.И. (1879—1955) — капитан 1-го ранга императорского флота, младший офицер императорской яхты «Нева», участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Русский морской агент в Берлине. Уездный шавельский предводитель дворянства. В 1909 г. вступил в брак с дочерью П.А. Столыпина — Марией Петровной.

114. Нейдгардт А.Б. (1863—1918) — государственный советник, губернатор Екатеринославля; сенатор. Брат О.Б. Столыпиной (урожд. Нейдгардт) — жены П.А. Столыпина. Расстрелян в 1918 г.

Нейдгардт Д.Б. (1861—1942) — сенатор; одесский градоначальник; почетный опекун учреждений императрицы Марии Федоровны. Брат О.Б. Столыпиной (урожд. Нейдгардт).

115. Коковцов В.Н. (1853—1943) — с 1895 г. товарищ госсекретаря; с 1896 г. товарищ министра финансов; с 1902 г. госсекретарь; с 1904 по октябрь 1905 г. министр финансов; с 1905 г. член Государственного совета; с апреля 1906 г. вновь занимал пост министра финансов. Статс-секретарь, сенатор. После убийства Столыпина был назначен (11 сентября 1911 г.) председателем Совета министров, пытался продолжать во внутренней политике курс своего предшественника. Из-за отрицательного отношения к Г. Распутину, а также критики правыми в Думе вынужден был 30 января 1914 г. уйти в отставку (с оставлением членом Госсовета и возведением в графское достоинство). В 1915 г. председатель II департамента Госсовета. В 1918 г. эмигрировал во Францию.

116. Зейдлиц В.Э. (1863—?) — с января 1891 г. адъютант Московского, затем Брестского ЖПУ; с мая 1893 г. начальник Смоленского отделения того же управления; с марта 1896 г. начальник Каменского отделения Козловско-Владикавказского ЖПУ; с апреля 1898 г. начальник Гродненского отделения Петербургского ЖПУ; с июля 1899 г. помощник начальника Кутаисского ГЖУ; с марта 1902 г. помощник начальника Финляндского ЖУ; с декабря 1905 г. помощник начальника Витебского ГЖУ; с июня 1906 г. помощник начальника Севастопольского ЖУ; с сентября 1907 г. начальник Севастопольского ЖУ; с июля 1909 г. начальник Полтавского ГЖУ; полковник.

117. Кременецкий Д.А. (1867—?) — помощник начальника Херсонского ГЖУ в Николаевском порту, адъютант Эриванского ГЖУ, помощник начальника Уфимского ГЖУ в Бирском и Мензелинском уездах, помощник начальника того же управления в г. Уфе, начальник Керченской крепостной жандармской команды, в резерве при Петербургском ГЖУ, помощник начальиика Полтавского ГЖУ в Полтавском, Константиноградском и Миргородском уездах. Полковник.

118. Максимовский А.М. (1861—1907) — с 1894 г. и. д. помощиика статс-секретаря Государственного совета; с 1902 г. помощник начальника Главного тюремного управления; с 1906 г. начальник названного управления. Убит в 1907 г. Рогозниковой (Рогозинниковой), входившей в Летучий боевой отряд партии, образованный А. Траубергом.

119. Терпелевский П.К. (1865—?) — с мая 1892 г. в отдельном корпусе жандармов — служба в качестве младшего офицера в Московском жандармском дивизионе; с 1900 г. адъютант дивизиона; с 1908 г. командир 1-го эскадрона Московского дивизиона; с 1910 г. командир 2-го эскадрона Петроградского жандармского дивизиона; подполковник.

120. Соколовский Ф.А. (1874—?) — с июня 1900 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1908 г. адъютант Московского жандармского дивизиона; штабс-ротмистр; с октября 1915 г. командующий 1-м эскадроном Московского жандармского дивизиона; ротмистр.

121. Казаков М.И. (1858—?) — с 1888 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1889 г. адъютант Полтавского ГЖУ; с 1892 г. начальник Тамбовского; с 1894 г. — Московского отделений Московского ЖПУ ж. д.; с 1897 г. в распоряжении дворцового коменданта; с 1904 г. командир Варшавского, с 1909 г. — Московского, а в 1910—1917 гг. — Петроградского жандармских дивизионов. Генерал-майор.

122. Андреев И.А. (1856—?) — с мая 1886 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1889 г. заведующий учебной командой Петербургского жандармского дивизиона; с 1891 г. командир 2-го эскадрона этого же дивизиона; с 1892 г. вновь заведовал учебной командой; с мая 1895 г. командир 1-го эскадрона Петербургского жандармского дивизиона; с февраля 1904 г. — подполковник.

123. Кривцов С.Ф. (1876—?) — с ноября 1906 г. в отдельном корпусе жандармов; с декабря 1906 г. служба в Петербургском жандармском дивизионе; ротмистр.

124. Рогаль-Левицкий А.А. (1872—?) — с 1900 г. в отдельном корпусе жандармов; с февраля 1909 г. начальник учебной команды Петроградского жандармского дивизиона; с декабря 1905 г. ротмистр; с сентября 1916 г. командир 1-го эскадрона Петроградского жандармского дивизиона; с октября 1916 г. подполковник.

125. Рассказов С.Е. (1876—?) — с 1903 г. в отдельном корпусе жандармов; в 1903—1912 гг. заведующий нестроевым отделением Петербургской ж. д.; с октября 1912 г. делопроизводитель по хозяйственной части Петроградского жандармского дивизиона; с октября 1914 г. начальник Одесской городской конной жандармской команды.

126. Цихоцкий А.В. (1883—?) — с октября 1909 г. в отдельном корпусе жандармов; с апреля 1912 г. младший офицер Петербургского жандармского дивизиона; с апреля 1913 г. адъютант Омского ЖУ, затем — Енисейского, а с апреля 1914 г. — Бакинского ГЖУ; с апреля 1915 г. помощник начальника Подольского ГЖУ на пограничном пункте в м. Гусятине.

127. Талалаев Ф.Н. (1886—?) — с марта 1909 г. в отдельном корпусе жандармов, младший офицер Петербургского жандармского дивизиона; с октября 1913 г. казначей того же дивизиона; с апреля 1916 г. смотритель дома и казначей штаба отдельного корпуса жандармов; с марта 1910 г. поручик; с декабря 1911 г. штабс-ротмистр.

128. Сабаев-Крюков В.Е. (1877—?) — из крестьян; филер Киевского охранного отделения и ГЖУ; затем Кавказского, Петербургского охранных отделений.

129. Виссарионов С.Е. (1867—1918) — с 1889 г. служба по судебному ведомству: с 1906 г. прокурор Ярославского окружного суда; с 1908 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел и и. о. вице-директора департамента полиции. Действительный статский советник; с 1913 г. член совета Главного управления по делам печати; с 1915 г. член совета министра внутренних дел.

130. Пискунов С.М. (1872—?) — с февраля 1907 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант командира корпуса; с апреля 1908 г. секретарь командующего отдельного корпуса жандармов; с 1909 г. подполковник; с сентября 1913 г. старший адъютант штаба отдельного корпуса жандармов.

131. Рудов Н.П. (1845—?) — с июня 1875 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1878 г. помощник начальника Киевского ГЖУ в Бердичевском уезде; в 1897—1911 гг. начальник Черниговского ГЖУ; с 1905 г. генерал-майор.

132. Попов П.К. (1868—?) — с февраля 1894 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1897 г. адъютант Симбирского ГЖУ; с 1895 г. помощник начальника Екатеринославского ГЖУ по Бахмутскому и Славяносербскому уездам; с 1902 г. помощник начальника Донского областного ЖУ Таганрогского округа; с 1907 г. в резерве при Харьковском ГЖУ; с 1909 г. и. о. начальника Полтавского ГЖУ; с июля 1909 г. начальник Севастопольского ГЖУ; с 1914 г. начальник Петербургского охранного отделения; в 1915 г. штаб-офицер для поручений при министре внутренних дел; с 1916 г. генерал-майор. Производил в 1916 г. расследование об убийстве Распутина.

133. Трепов Д.Ф. (1855—1906) — в 1896—1905 гг. московский обер-полицмейстер; с 1900 г. генерал-майор. 9 февраля 1902 г. на него было совершено неудачное покушение Е. Аллартом. 22 января 1905 г. уволен от должности с откомандированием на Дальний Восток в действующую армию, однако в тот же день на него было совершено еще одно неудавшееся покушение Полторацким, в ответ на репрессии против демонстрантов. 11 январе 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором, 24 мая занял также специально учрежденную должность товарища министра внутренних дел, заведовал полицией и был командующим отдельным корпусом жандармов. С 26 октября 1905 г. петергофский дворцовый комендант.

134. Комаров В.А. (1861—?) — с 1904 г. командир сводного гвардейского батальона; с 1906 г. флигель-адъютант; с 1907 г. командир собственного его императорского величества сводного пехотного полка; генерал-майор. С 1914 г. начальник Петербургского дворцового управления.

135. Сергей Михайлович (1869—1918) — великий князь, генерал-адъютант, генерал от артиллерии по гвардейскому корпусу; внук Николая I, сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольги Федоровны. С 1904 г. инспектор, с 1905 г. генерал-инспектор артиллерии; в 1915—1917 гг. полевой генерал-инспектор артиллерии при верховном главнокомандующем. Убит под Алапаевском.

136. Канабеев Л.Н. (1885—?) — секретарь командира отдельного корпуса жандармов, затем адъютант командира отдельного корпуса жандармов.

137. Бурцев В.Л. (1862—1942) — журналист, редактор и издатель; общественный деятель. Член народовольческих кружков. В 1885 г. арестован и сослан в Иркутскую губ., бежал, выехал за границу. В 1889 г. в Женеве начал издавать газету «Свободная Россия», выслан из Швейцарии, затем из Франции за связь с русскими эмигрантами. В 1897 г. в Лондоне начал издавать «Народоволец», в котором призывал к убийству царя. Английским судом приговорен к каторге. В 1905 г. вернулся в Россию. В Петербурге был одним из редакторов журнала «Былое». С 1906 г. занимался разоблачением провокаторов в русском революционном движении, в частности, обосновал провокаторство Азефа. В 1907 г. эмигрировал. В 1914 г. вернулся в Россию, но на границе был арестован и сослан в Туруханский край. После октябрьской революции эмигрировал.

138. Бакай М.Е. (1886 — после 1932) — фельдшер по профессии, участник революционного движения, с 1900 г. секретный сотрудник Екатеринославского охранного отделе-

ния. После провала — чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения; бежал за границу, где вступил в контакт с Бурцевым и раскрыл ему многих секретных сотрудников политической полиции по разным партиям. Автор воспоминаний, которые печатались в журнале «Былое» (1908, №№ 7-8; 1909, №№ 9—10).

139. Кривошеин А.В. (1858—1923) — с 1896 г. помощник начальника, с 1902 г. — начальник переселенческого управления Министерства внутренних дел; в 1906—1908 гг. товарищ министра финансов. Статс-секретарь, гофмейстер, с 1906 г. член Государственного совета. В 1908—1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием.

140. Вестман Н.В. — камергер; вице-директор департамента общих дел Министерства народного просвещения.

141. Мосолов А.А. (1854—?) — генерал-лейтенант по гвардейской кавалерии; в 1900—1917 гг. начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов.

142. Спиридович называет неверную кличку секретного агента; он имеет в виду «Благовещенского».

143. Гинсбург А.А. (1875—?) — с января 1904 г. в отдельном корпусе жандармов — младший офицер Варшавского жандармского дивизиона; в январе 1906 г. прикомандирован к Костромскому ГЖУ; с октября 1906 г. в резерве при Ярославском ГЖУ; с 1907 г. ротмистр. В январе 1908 г. прикомандирован к Иркутскому, с июня 1909 г. — к Томскому, а с января 1911 г. — к Петербургскому ГЖУ; с марта 1914 г. помощник начальника Лифляндского ГЖУ в Рижском, Перновском и Эзельском уездах; с 1916 г. подполковник.

144. Орлов В.Н. (1868—?) — князь; в 1901—1906 гг. помощник начальника, а в 1906—1915 гг. начальник военно-походной канцелярии Николая II. Флигель-адъютант, генерал-лейтенант. Уволен с должности под влиянием Распутина. С апреля 1915 г. в распоряжении наместника на Кавказе.

145. Левандовский А.А. (1860—?) — с февраля 1890 г. в отдельном корпусе жандармов, адъютант Эстляндского, затем, с 1891 г. — Петербургского ГЖУ; с 1892 г. начальник Рыбинского отделения Петербургского ЖПУ ж. д.; с 1906 г. начальник Самарского, а в 1909—1916 гг. — Киевского ЖПУ ж. д.; с 1907 г. полковник.

146. Крюков М.С. (1872—1931) — коллежский советник; с 1907 г. прокурор в Екатеринбурге, в 1909 г. в Смоленске, в 1910—1913 гг. товарищ прокурора Виленской судебной палаты. В сентябре 1911 г. прикомандирован к комиссии сенаторе М.И. Трусевича. В 1913—1916 гг. председатель Уфимского суда. С 1916 г. прокурор Киевской судебной палаты.

147. Евецкий Ф.П. (1885—?) — с марта 1910 г. в отдельном корпусе жандармов; с апреля 1910 г. помощник начальника Варшавского ГЖУ; в апреле 1911 г. прикомандирован к Московскому ГЖУ — чиновник для поручений Московского охранного отделения; с октября 1913 г. помощник начальника Подольского ГЖУ на пограничном пункте в м. Гусятине; с апреля 1915 г. адъютант Киевского ЖУ.

148. Бадмаев П.А. (1851—1919) — бурят; врач тибетской медицины. Приехал в Петербург в 1871 г., поступил в Петербургский университет, слушал лекции в Военно-медицинской академии. В 1875 г. служил в азиатском департаменте МИДа и одновременно с этого времени начал заниматься врачебной практикой. Играл заметную роль в политике, подал Александру III «Записку о задачах русской политики на Азиатском Востоке». Создал торговый дом «П.А. Бадмаев и К°», действовавший в 1893—1897 гг. в Забайкалье. В 1909 г. организовал «Первое Забайкальское горно-промышленное товарищество» для разработки золотых приисков. В 1911 и 1916 гг. вместе с П.Г. Курловым и Г.А. Манташевым выступил с проектами железнодорожного строительства в Монголии. Поддерживал епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора в их борьбе с Распутиным, затем перешел на сторону последнего, особенно сблизился с ним в 1916 г. В 1914 г. возведен в дворянское достоинство. В августе 1917 г. был выслан Временным правительством за границу, затем вернулся в Петроград, где и умер.

149. «Интересный» — так условно назван, в целях конспирации, секретный сотрудник Киевского охранного отделения «Благовещенский» вице-директором С.Е. Виссарионовым в письме к М.И. Трусевичу.

150. Шаховской В.Н. (1874—1954) — с 1898 г. служил по Министерству финансов; в 1902—1905 гг. в Главном управлении торговым мореплаванием и портами; с 1905 г. в Министерстве промышленности и торговли: чиновник особых поручений, управляющий административной частью отдела торговых портов, с 1910 г. начальник управле-

ния внутренних водных путей. С 1910 г. гофмейстер, с 1912 г. действительный тайный советник.

151. В материалах следствия имеются показания, говорящие в пользу данного факта. Приведем три из них (в извлечениях).

I. Из протокола допроса околоточного надзирателя В.И. Кобыша
22 ноября 1911 г.

1911 года, ноября 22 дня, в г. С.-Петербурге я, товарищ председателя С.-П[етер]б[ургского] окружного суда Меллер, по распоряжению сенатора М.И. Трусевича, опрашивал нижепоименованных и они объяснили:

Василий Иванович Кобыш, губернский секретарь, околоточный надзиратель 3 роты столичной полиции.

Я находился в командировке в городе Киеве с 14 августа по 4 сентября. Не помню хорошенько, когда именно — 29 августа, в день приезда Государя Императора в гор. Киев, или за день или два ранее того, во время репетиции охраны, я видел какого-то всадника в штатском платье, молодого человека лет 25—28, худощавого, видимо — длинноногого, так как колени у него были сильно согнуты и выдавались вперед, проехавшего на гнедой, сухопарой, видимо — скаковой лошади, с забинтованными ногами, — с Большой Житомирской на Б. Владимирскую улицу, и, кажется, свернувшего по направлению к М. Житомирской. На голове у этого всадника была спортсменская шапочка, кажется, коричневого цвета, а не котелок. Человек, изображенный в четырех видах на предъявленной мне фотографической и статистической карточке (предъявлена карточка Богрова) имеет некоторое сходство с упомянутым всадником на том снимке, где он изображен с котелком на голове; но утверждать тождество этих лиц я не могу. Я должен объяснить, что и в день прибытия Его Величества в то время, когда охрана пути была уже на месте, публика еще значительное время пропускалась по улицам и поэтому и в тот день упомянутый всадник мог переехать чрез Б. Владимирскую пред Высочайшим проездом, но тогда, когда полиция была уже на месте <...> В. Кобышев.

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1 Д. 3. Л. 86–86об. Подлинник

II. Из донесения начальника Московского охранного отделения П.П. Заварзина начальнику Киевского охранного отделеиия
28 ноября 1911 г.

<...> Конный жандарм выяснен. Командир Московского жандармского дивизиона отношением от 25-го ноября № 168 уведомил меня, что рядовой учебной команды дивизиона Яков Девицкий заявил, что 29 августа сего года он стоял на углу Малой Житомирской улицы за линией войск. К нему подъехал верхом на темно-серой, почти вороной, лошади штатский и хотел переехать через улицу, но он его не пустил и осадил назад. В это время подошел какой-то околоточный надзиратель и осадил верхового еще назад. Что было дальше, рядовой Девицкий не знает, так как был занят наблюдением за стоящей на тротуаре публикой <...>

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д 4. Л 18. Подлинник

III. Протокол допроса околоточного надзирателя В.И. Иванова
22 ноября 1911 г.

Василий Иванов Иванов, околоточный надзиратель 1-го участка Московской части.

29 августа я находился в наряде на Большой Владимирской улице, правее здания присутственных мест, у Малой Житомирской улицы. Приблизительно за час, а может быть, и более до Высочайшего проезда, но после уже прекращения движения по улице, я увидел всадника в штатском платье — в кепке и пиджаке темно-серого цвета и в сапогах — на темно-гнедой лошади при английском седле, поднявшегося по М. Житомирской улице до пересечения ве с Б. Владимирской. Я потребовал от этого всадника, чтобы он удалился обратно, но он, в вежливом тоне, просил меня оставить его на месте. Однако, я стоял на своем и требовал, чтобы он уехал и, ввиду того, что он, тем не менее, не трогался с места, я пригрозил ему, что вынужден буду удалить его при помощи конных жандармов, находившихся на М. Житомирской ул., несколько ниже, и, в конце концов, должен был исполнить свою угрозу. Когда подъехали, по моему требованию, двое жандармов, упомянутый всадник повернул лошадь и спустился вниз по М. Житомирской улице до заставы, состоявшей из двух пеших городовых и находившейся шагах в 50-ти от уг[ла] Б. Владимирской улицы. Я полагаю, что этот всадник затем уехал совсем, но не могу поручиться, что он не вернулся впоследствии обратно на то место, где мы с ним тогда разговаривали, так как мне приходилось следить за тем, что делалось в моем районе на Б. Владимирской улице. Лицо, изображенное на предъявленных мне четырех фотографических снимках (предъявлена карточка Богрова), очень похоже на того всадника, о котором я сейчас говорил. Сходство настолько велико, что я могу сказать, что на снимках и изображен этот всадник. Только на могу теперь припомнить хорошенько, не был ли всадник в пенсне. Этого человека мне впоследствии пришлось вновь ви-

деть, а именно при открытии памятника Императору Александру II. Тогда этот человек, в ожидании крестного хода из Михайловского монастыря, стоял на панели у Европейской гостиницы в том месте, где были приготовлены места для дворян. Очевидно, этот человек имел тогда билет, так как без билета его туда не пропустили бы. В этот раз он был в котелке и, насколько помню, в пиджаке, какого цвета, не помню. Василий Иванов.

ГА РФ. Ф 271. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–87об. Подлинник

152. «Благовещенский» — кличка Барановского И.А., секретного сотрудника Киевского охранного отделения, фармацевта.

153. Батурин (наст. фам. Замятин) Н.Н. (1877—1927) — участник революционного движения; историк. С 1901 г. член РСДРП. В 1911—1912 гг. сотрудничал в газетах «Звезда», «Правда». С 1918 г. член редколлегии «Правда», член коллегии Истпарта. Автор трудов по истории революционного движения в большевистской партии.

154. Заварзин П.П. (1868—1932) — с мая 1898 г. в отдельном корпусе жандармов — служба адъютантом в Бессарбском ГЖУ; с августа 1899 г. в Таврическом ГЖУ; с мая 1900 г. помощник начальника Волочского отделения ЖПУ ж. д.; с июня 1901 г. начальник Лубенского отделения Московско-Киевского отделения ЖПУ ж. д.; в июне 1903 г. прикомандирован к Бессарабскому ГЖУ — был начальником Кишиневского охранного отделения; с июня 1904 г. помощник начальника Могилевского ГЖУ в Гомельском уезде; с июля 1904 г. служил в Одесском ЖУ; с июля 1905 г. начальник охранного отделения в Ростове-на-Дону; в 1906—1909 гг. начальник Варшавского, а в 1910—1912 гг. — Московского охранных отделений; в 1912—1916 гг. начальник Одесского ЖУ; с 1916 г. начальник Варшавского ГЖУ, в сентябре 1916 г., в связи с эвакуацией Варшавского ГЖУ, был приглашен в Петербург и поступил в распоряжение департамента полиции.

155. Герасимов А.В. (1861—1944) — с 1889 г. в отдельном корпусе жандармов — служба адъютантом Самарского, затем, с 1891 г. — Харьковского ГЖУ; с 1894 г. помощник начальника Харьковского ЖУ; в 1905—1909 гг. начальник Петербургского охранного отделения. Благодаря сотрудничеству с провокатором Е. Азефом предупредил террористические акты против Николая II, вел. кн. Николая Николаевича, министра И.Г. Щегловитова, премьер-министра П.А. Столыпина. 25 октября 1909 г. снят с должности, произведен в генерал-майоры и назначен генералом для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов, получал отдельные ревизионные поручения. В начале 1914 г. вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Автор воспоминаний «На лезвии с террористами. (Записки начальника Петербургского охранного отделения, 1905—1917 гг.)».

156. Залесский И.П. (1854—?) — с июня 1894 г. в отдельном корпусе жандармов — старший адъютант штаба корпуса; с 1904 г. генерал-майор; с июля 1905 г. помощник начальника штаба корпуса жандармов; с апреля 1913 г. генерал-лейтенант; с июня 1913 г. в распоряжении министра внутренних дел.

157. Петров-«Воскресенский» А.И. [*по др. св.* А.А.] — сельский учитель, эсер (*парт. кличка.* «Хромой»). В 1907 г. с ведома партии вступил в сношения с представителями политической полиции «с целью устранения» одного из руководителей сыска в России». В ночь на 17 декабря 1909 г. в Петербурге взорвал на конспиративной квартире начальника Петербургского охраиного отделения С.Г. Карпова.

158. Макаров А.А. (1857—1919) — в 1906—1908 гг. товарищ министра внутренних дел; с сентября 1911 по декабрь 1912 г. министр внутренних дел; в июле-декабре 1916 г. министр юстиции; член Государственного совета; сенатор. Арестован при Временном правительстве, расстрелян большевиками.

159. Меллер Г.В. — коллежский советник; товарищ председателя Петербургского окружного суда. В сентябре 1911 г. прикомандирован к комиссии сенатора М.И. Трусевича.

160. Оже-де-Ранкур Ф.Н. (1869—?) — с мая 1896 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1904 г. начальник Киевского отделения Киевского ЖПУ ж. д.; с 1906 г. подполковник; с 1915 г. полковник, тогда же назначен начальником временного ЖПУ ж. д. в Галиции.

161. Думбадзе И.А. (1851—1916) — главноначальствующий Ялты. В 1907 г. на него было совершено покушение. В 1908 г. командир 2-й бригады 13-й пехотной дивизии с оставлением в должности главноначальствующего Ялты. В 1912 г зачислен в свиту его императорского величества по армейской пехоте; с 23 июля по 6 декабря 1912 г. в распоряжении военного министра, затем возвращен в Ялту. В июле 1914 г. по распоряжению Николая II в законодательном порядке была учреждена должность ялтинского градоначальника, на которую назначен Думбадзе.

162. Караулов А.В. (1868–?) – с мая 1904 г. в отдельном корпусе жандармов; с апреля 1908 г. прикомандирован к Тифлисскому ГЖУ; с 1909 г. подполковник; с августа 1910 по май 1915 г. находился в резерве Одесского ЖУ; с мая 1915 г. помощник начальника Одесского ЖУ.

163. Еленский В.И. (1866–?) – с мая 1910 по октябрь 1914 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения; с октября 1914 г. начальник Могилевского ГЖУ; подполковник.

164. «Вестник знания» – ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал с приложениями для самообразования. Выходил в Петербурге с 1903 по 1918 г. Редактор-издатель В.В. Битнер.

165. Возможно, Иванов С.А. (1859–1927) – народоволец, член Распорядительной комиссии «Народной воли». Арестован в 1886 г., судился по «процессу 21-го» в 1887 г., был приговорен к смертной казне, замененной бессрочной каторгой. Сидел в Шлиссельбурге, освобожден в 1905 г. Умер в Париже.

166. Колосов – псевдоним Г.Б. Сандомирского.

167. Рудаков Н.Е. – служащий театрального бюро и библиотеки в Петербурге, посещал редакцию журнала «Вестник знания». Обыскан и арестован в ночь с 1 на 2 сентября 1911 г.; позднее освобожден.

168. Цейтлин Т.М. (она же Цейтлина, она же Цехоцкая М.Я.) – с 1907 г. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения и заграничной агентуры по военной организации и эсерам.

169. Луканов (наст. фам. Моисеенко) Н.С. (парт. кличка «Николай Сергеевич») – эсер, член Боевой организации.

170. Соркина (урожд. Волосова) А.С. (она же Смирнова Е.Н., кличка «Альбанд») – домашняя учительница музыки; секретный агент Петербургского и Одесского охранных отделений; с 1909 г. заявительница Севастопольского охранного отделения по социал-демократам.

171. Соркин В.Я. (кличка «Кравченко») – с 1900 г. сотрудник охранного отделения.

172. Левдиков В.А. (1868–?) – прикомандирован сначала к Варшавскому ГЖУ, затем к Одесскому ЖУ; находился в резерве при Херсонском, затем при Одесском и, наконец, при Петербургском ГЖУ.

173. «Рейтарская» (наст. фам. Михайлова, по мужу Котенко) М.Н. (кличка «Реномé», «Петербургская») – из мещан; домашняя учительница, сестра милосердия. Секретный сотрудник Петербургского охранного отделения; с 1908–1911 гг. – в Одесском, а с 1908 г. – в Киевском охранных отделениях, освещала деятельность социал-демократов и эсеров.

174. Верецкий А.Н. (1884–?) – потомственный гражданин. Служащий охранной команды Петербургского охранного отделения.

175. Николай Николаевич (младший) (1859–1929) – великий князь, двоюродный брат Александра III. В 1905–1914 гг. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа; в 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий; в 1915–1917 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказскими войсками. С марта 1919 г. в эмиграции во Франции.

176. Рачковский П.И. (1853–1910) – в 1885–1902 гг. заведующий заграничной агентурой департамента полиции. Вследствие отрицательного к нему отношения министра внутренних дел В.К. Плеве был отозван из Парижа и отправлен в отставку. В 1905 г. привлечен к работе в департаменте полиции, выезжал в декабре 1905 г. в Москву, где руководил арестами участников вооруженного восстания. В 1906 г. вышел в отставку и к политической деятельности не возвращался.

177. Вонсяцкий А.Н. (1862–1910) – с марта 1888 г. в отдельном корпусе жандармов – адъютант ГЖУ; начальник уездного ЖУ; помощник начальника Варшавского ГЖУ; с мая 1902 г. начальник Варшавской крепостной жандармской команды. Полковник. 3 июля 1910 г. в Радоме в своем кабинете убит «откровенником» И. Пионтковским, служившим в качестве агента наружного наблюдения при ГЖУ.

178. С.-Петербургское Общество взаимного кредита, Екатерин. кан., 13
Учтенные в Обществе разными лицами векселя Павла Григорьевича Курлова:

Когда представлены	Кем представлены	Срок векселей	Сумма	Кому выданы деньги	Когда оплачены векселя	Кем оплачены
1908 г. 7 августа	Лихарев М.Н.	22 сентября 1908	Руб. 100-	М.Н. Лихареву	27 августа 1908	Курловым П.
" 12 "	Жедринский Н.А.	10 февраля 1909	" 400-	Н. Жедринскому	12 февр. 1909	у нотариуса
" 12 "	"	10 " "	" 400-	"	13 " "	"
1909 г. 10 марта	"	5 сентября "	" 400-	"	31 августа "	Жедринским
1911 г. 9 февр.	Кухнов Г.И.	6 августа 1911	" 5000-	Г. Кухнову	2 " 1911	Кухновым
" 9 августа	"	6 февраля 1912	" 5000-	внесено на текущ. счет Кухнова в Общ. вз. кр. СПБ. уездного земства		

Контролер <подп. нрзб.>

ГА РФ Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. ???

С.-Петербургское Общество взаимного кредита, Екатерин. кан., 13
Векселя, представленные к учету в Обществе Павлом Григорьевичем Курловым:

Когда представлены	Векселедатель	Срок векселя	Сумма	Кому выданы деньги	Платеж произведен наличн. деньгами	От кого получен платеж
1908 г. 17 мая	Красильников А.	10 сентября 1908	Руб. 400-	Курлову П.Г.	27 августа 1908 г.	Курлов П.Г.
" " "	"	10 октября "	" 485-	"	13 октября "	уплачен у нотариуса Ф. Хольм
" 7 июня	"	10 ноября "	" 450-	"	12 ноября "	"
" " "	Жедринский Н.	28 " "	" 500-	"	4 декабря "	"
" " "	"	28 октября "	" 400-	"	28 октября "	Векселедатель
" " "	Абаза М.	20 ноября "	" 325-	"	20 ноября "	"
" " "	"	20 октября "	" 325-	"	21 октября "	"
" 8 октяб.	Красильников А.	28 марта 1909 г.	" 450-	"	6 апреля 1909 г.	"
" " "	"	8 апреля "	" 500-	"	8 " "	"
" 5 нояб.	Абаза М.А.	15 марта "	" 350-	"	14 марта "	"

" " "	Красильников А.	18 апреля "	" 370-	"	18 апреля "	Курлов П.Г.
" 3 дек.	Жедринский Н.	1 июня "	" 475-	"	1 июня "	Векселедатель
" " "	Красильников А.	20 мая "	" 275-	"	20 мая "	"
" 10 "	Жедринский Н	5 июня "	" 475-	"	5 июня "	"
1909 г. 8 апреля	Красильников А.	28 сентября "	" 470-	"	28 сентября "	"
" 15 "	"	6 октября "	" 470-	"	28 " "	"
" 29 "	"	20 октября "	" 300-	записаны на текущий счет	19 октября	Курлов П.Г.
???	???	???	" 370-	"	18 апреля "	"
" 3 дек.	Жедринский Н.	1 июня "	" 475-	"	1 июня "	Векселедатель
" " "	Красильников А.	20 мая "	" 275-	"	20 мая "	"
" 10 "	Жедринский Н.	5 июня "	" 475-	"	5 июня "	"
1909 г. 8 апреля	Красильников А.	28 сентября"	" 470-	"	28 сентября "	"
" 15 "	"	6 октября "	" 470-	"	28 " "	"
" 29 "	"	20 октября "	" 300-	записаны на текущий счет	19 октября	Курлов П.Г.
" 29 "	"	20 " "	" 500-	"	19 " "	"
" 29 "	"	18 " "	" 380-	"	28 сентября "	Векселедатель
" 28 сент.	Жедринский Н.	15 марта 1910 г.	" 3000-	"	15 марта 1910 г.	Курлов П.Г.
1910 г. 20 января	Красильников А.	15 июля "	" 2000-	"	13 июля "	"
" 17 марта	Жедринский Н.	15 сентября "	" 3000-	"	4 августа "	"
" 24 июля	Красильников А.	21 января 1911 г.	" 2000-	"	20 января 1911 г.	"
" 9 августа	Жедринский Н.	5 февраля "	" 3000-	"	5 февраля "	"
1911 г.29 января	Ломачевский А.	20 июля "	" 1500-	"	11 июля "	"
" 5 февр.	"	20 " "	" 3000-	"	11 " "	"
" 5 "	Красильников А.	3 августа "	" 1500-	"	23 " "	"
" 23 "	"	16 " "	" 3000-	"	23 " "	"
" 23 "	"	16 " "	" 1000-	"	23 " "	"
" 27 июля	"	20 января 1912 г.	" 4500-	"		
" 27 "	"	20 " "	" 1000-	"		
" 27 "	Ломачевский А.	20 " "	" 4500-	"		

Контролер <подп. нрзб.>

ГА РФ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 4. Л. 61-62. Подлинник.

179. Васильев А.Т. (1869—1930) — с 1891 г. служил по судебному ведомству: с 1901 г. товарищ прокурора Киевского, а с 1904 г. — Петербургского окружного суда; с 1906 г. чиновник особых поручений при департаменте полиции; с 1909 г. вновь товарищ прокурора Петербургского окружного суда; с 1913 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, и. о. вице-директора департамента полиции; действительный статский советник. С 28 октября 1916 по 28 февраля 1917 г. директор департамента полиции.

180. Красильников А.А. (1864—1931) — статский советник; с апреля 1909 г. служил по ведомству МВД: в ноябре откомандирован в Париж заведовать заграничной агентурой департамента полиции; с 1911 г. чиновник особый поручений при министре внутренних дел. Товарищ П.Г. Курлова по лейб-гвардии конному полку.

181. Савенко А.И. (1874 — после 1920) — отставной коллежский секретарь; журналист; печатался в газетах «Новое время», «Киевское слово», «Подолянин» и др. В 1905—1906 гг. организатор Партии правового порядка в Киеве. Организатор и один из руководителей Киевского клуба русских националистов. Выступал за введение земств в Белоруссии и Правобережной Украине. В 1912 г. избран на I съезде Всероссийского национального союза в члены его Совета и, по его поручению, организовал ряд местных отделений Союза. С 1910 г. гласный Киевской городской думы, депутат IV Государственной думы. Выступал за сотрудничество с октябристами и прогрессистами и за поддержку В.Н. Коковцова. В 1913—1914 гг. возглавил Киевский клуб русских националистов.

182. Пихно Д.И. (1853—1913) — с 1877 г. доцент Киевского университета по кафедре политической экономии; с 1879 г. редактор газеты «Киевлянин»; с 1885 г. служил в Министерстве финансов. Тайный советник; с 1907 г. член Государственного совета.

183. Бобринский А.А. (1852—1927) — граф, археолог. В 1889—1890 гг. вице-президент Академии художеств. В 1893—1896 гг. управляющий столом сиротских заведений ведомства императрицы Марии. В 1894 г. президент Вольно-Экономического общества. С 1896 г. сенатор; с 1906 г. председатель Совета объединенного дворянского общества. Депутат III Государственной думы (правая фракция); с 1912 г. член Государственного совета. С 25 марта 1916 г. товарищ министра внутренних дел; в июле-ноябре 1916 г. министр земледелия; обер-гофмейстер.

184. Шульгин В.В. (1878—1976) — политический и общественный деятель; публицист; земский гласный. Депутат II—IV Государственной думы. В 1915 г. основал фракцию «прогрессивных русских националистов»; входил в руководство Прогрессивного блока. В период Первой мировой войны вступил в 166-й пехотный полк прапорщиком; после ранения стал начальником передового перевязочного отряда; член Особого совещания по обороне. В марте 1917 г. как член Временного комитета Государственной думы принял отречение от престола императора Николая II.

185. Армашевский П.Я. (1850—1919) — профессор Киевского университета, преподавал микробиологию на физико-математическом факультете; товарищ председателя Клуба русских националистов в Киеве, один из организаторов крайне правой газеты «Киев». Арестован и расстрелян по постановлению ЧК.

186. «Русский богатырь» — монархическое общество, председатель — В.Э. Розмитальский.

187. Нилов К.Д. (1856—1919) — в 1890—1903 гг. адъютант адмирала вел. кн. Алексея Александровича; в 1903—1908 гг. командир гвардейского экипажа; с 1905 г. флаг-капитан; позднее генерал-адъютант, с 1912 г. адмирал.

188. Леонтович И.Н. — предводитель дворянства Лубенского уезда.

189. Лодыженский И.Н. (1872—?) — шталмейстер высочайшего двора, действительный тайный советник. В 1912 г. помощник управляющего делами Совета министров.

190. Плеве Н.В. — в 1906—1910 гг. помощник, затем в 1910—1914 гг. управляющий делами Совета министров.

191. Зубовский М.И. (1864—?) — с 1903 г. прокурор Уфимского окружного суда; с 1906 г. товарищ прокурора Петербургского окружного суда; вице-директор департамента полиции; с 1912 г. заведующий канцелярией министра внутренних дел; в 1913 г. Олонецкий губернатор.

192. Рощаковский М.С. — камер-юнкер, находился в придворном штате; второй секретарь российской миссии в Афинах.

193. Долгов В.М. (1874—?) — с мая 1902 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1902 г. занимал должности: адъютанта Уфимского ГЖУ; в 1903 г. прикомандирован к Томскому ГЖУ; в 1908—1910 гг. находился в распоряжении Петербургского охранного отделения;

с апреля 1910 г. помощник начальника Московского охранного отделения; в сентябре 1912 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; с октября 1914 г. помощник начальника Воронежского ГЖУ; с января 1916 г. начальник Орловского ГЖУ.

194. Азеф Е.Ф. (клички «Иона», «Евна», «Евгений Филиппов») (1869—1918) — в 1893—1918 гг. секретный сотрудник департамента полиции; с 1901 г. член партии эсеров, с 1903 г. руководитель Боевой организации; участвовал в планировании многих террористических актов и одновременно выдал полиции активистов партии, многие из которых были казнены. В 1908 г. его деятельность была разоблачена, после чего он бежал за границу. Во время Первой мировой войны арестован в Германии как русский агент и умер в тюрьме.

195. Управин А.А. (1867—?) — с марта 1906 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1906 г. подполковник. С марта 1906 по январь 1914 г. состоял в распоряжении дворцового коменданта.

196. Невдахов В.Х. (1874—?) — с ноября 1906 г. в отдельном корпусе жандармов; занимал должности и. о. адъютанта Казанского ГЖУ; ротмистр. В 1907 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; в 1910 г. откомандирован во временное распоряжение дворцового коменданта, в команду полковника А.И. Спиридовича; с 1912 г. подполковник.

197. Белецкий С.П. (1873—1918) — с 1894 г. служил в канцелярии киевского генерал-губернатора; с 1899 г. правитель канцелярии ковенского губернатора; с 1904 г. старший делопроизводитель канцелярии виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора; с февраля 1907 г. самарский вице-губернатор; с июля 1909 г. и. д. вице-директора департамента полиции; с февраля 1912 г. и. д. директора департамента полиции. С 1914 г. сенатор. 28 сентября 1915 г. занял пост товарища министра внутренних дел. 13 февраля 1916 г., после оглашения его беседы о командировании Ржевского в Христианию для переговоров с Илиодором, был уволен с оставлением в звании сенатора. Расстрелян.

198. Долгорукий Н.С. (1840—1913) — князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, обер-гофмаршал. В 1886—1889 гг. посол в Персии, в 1909—1912 гг. посол в Италии. Член Государственного совета.

199. Районные охранные отделения были учреждены в конце 1906 г. по инициативе директора департамента полиции М.И. Трусевича для объединения работы по политическому сыску на местах. Положение о районных охранных отделениях было утверждено Столыпиным 14 декабря 1906 г. Первоначально было создано 8 районных охранных отделений: в Петербурге, Москве, Самаре, Харькове, Одессе, Вильно, Риге и в Киеве (Юго—Западное районное охранное отделение). (Подробнее об этом см.: *Перегудова З.* Политический сыск России. М., 2000. С. 121—128; 387—392).

200. Лопухин А.А. (1864—1928) — с 1886 г. по судебному ведомству: в 1893—1896 гг. товарищ прокурора окружного суда в Москве, в 1896 г. — в Твери, затем, в 1898 г. — снова в Москве и в 1900 г.— в Петербурге. С 1902 г. и. о. прокурора Харьковской судебной палаты; с 9 мая и. о. директора департамента полиции; с 1903 г. директор департамента полиции. В 1905 г. из-за непринятия надлежащих мер охраны убитого вел. кн. Сергея Александровича смещен с должности. Поступил на службу в Соединенный банк. В 1908 г. подтвердил в разговоре с В.Л. Бурцевым факт службы в охранной агентуре Е. Азефа. 19 января 1909 г. арестован в Петербурге, предан суду особого присутствия Правительствующего Сената по обвинению в оказании содействия партии эсеров в разоблачении службы Азефа в охранке. 1 мая 1909 г. приговорен к лишению всех прав состояния и к каторге на 5 лет, замененной ссылкой на поселение в Сибирь. Высочайшим повелением от 4 декабря 1912 г. помилован и восстановлен в правах. Возвратившись в Москву, служил вице-директором Сибирского торгового банка.

201. Гартинг-Ландезен А.М. (наст. фам. и имя Геккельман А.М.) (1861—?) — участник революционного движения; с 1883 г. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения; после разоблачения выехал в Швейцарию, где вошел в среду эмигрантов под псевдонимом «Мишель», освещал эмигрантские политические круги. В 1890 г. с провокационной целью организовал в Париже бомбовую мастерскую с целью покушения на Александра III. После ареста участников акции и привлечения их к суду бежал из Франции. В 1892 г. перешел в православие, получив имя Аркадий Михайлович, с 1894 г. взял фамилию Гартинг. В 1901 г. руководитель заграничной агентуры в Германии, с августа 1905 г. заведующим всей заграничной агентурой в Париже. В 1909 г. разоблачен Бурцевым.

В результате разоблачений Бурцевым секретных агентов, проживавших в Париже, в том числе и Гартинга, одним из депутатов французского парламента был подан запрос о том, знает ли французское правительство о работе во Франции российской политической полиции.

202. Менщиков Л.П. (1870—1932) — член народовольческого кружка, арестованный 5 февраля 1887 г.; дал откровенные показания, после освобождения поступил на службу в Московское охранное отделение. С сентября 1902 г. помощник начальника Московского охранного отделения; с июня 1903 г. и. о. старшего помощника делопроизводителя особого отдела департамента полиции. В 1905 г. тайно сообщил партии эсеров о деятельности секретных сотрудников Азефа и Татарова. В феврале 1907 г. вышел в отставку, поселился в Финляндии, куда вывез свой архив. В 1909 г. эмигрировал во Францию, установил связь с Бурцевым. Автор книги «Охрана и революция (к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия)».

203. Волков И.Д. (1854—1917) — с января 1880 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Виленского ГЖУ; в 1882—1884 гг. начальник ЖУ в уездах; в 1888—1898 гг. помощник начальника Витебского, Петербургского ГЖУ; с 1899 г. начальник Тверского ГЖУ; с 1900 г. — Витебского; с 1902 г. — Екатеринославского; с 1903 г. — Лифляндского ГЖУ; а с 1915 г. — Петроградского ГЖУ. Генерал-майор, позднее генерал-лейтенант.

204. Маклаков Н.А. (1871—1918) — с 1894 г. начал службу по ведомству финансов: с 1900 г. начальник отделения Тамбовской казенной палаты; с 1902 г. директор Тамбовского губернского попечительного комитета о тюрьмах; с 1906 г. управляющий Полтавской казенной палаты. С 1909 г. и. о. черниговского губернатора, через год утвержден в этой должности; с 1912 г. управляющий делами МВД; с 1913 г. министр внутренних дел; гофмейстер; с 1915 г. член Государственного совета. Обвинялся в слабой борьбе с «немецким засильем», отправлен в отставку в июне 1915 г. Арестован после февральской революции, расстрелян в 1918 г.

205. Куракин М.А. (1872—1930) — князь, церемониймейстер императорского двора; предводитель дворянства Киевской губ.

206. Аничков М.М. — генерал-лейтенант; гофмаршал; заведующий хозяйством гофмаршальской частью Министерства императорского двора и уделов.

207. Тлустовский М.С. — юрист; с 1890 г. служил по судебному ведомству: с 1905 г. прокурор Екатеринодарского, затем Череповецкого окружного суда; товарищ прокурора Петербургской судебной палаты; с 1912 г. прокурор Виленской судебной палаты. С 1915 г. — в отставке.

208. Уранов Н.С. (1858—?) — с ноября 1892 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1903 г. полковник; с сентября 1906 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ.

209. Барабашев А.И. (1864—?) — с 1900 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1901 г. ротмистр; с марта 1907 г. помощник начальника ЖУ г. Одессы; с 1912 г. подполковник.

210. Ершов М.Н. (1871—?) — с января 1903 г. в отдельном корпусе жандармов; ротмистр; с декабря 1908 по май 1915 г. помощник начальника Московского ГЖУ в Можайском, Рузском и Верейском уездах. С 1914 г. подполковник.

211. Имеется в виду «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». В § 13 инструкции говорится: «Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверить наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру» (Из глубины времени. СПб., 1992. С. 71—82).

212. «Революционная мысль» — газета, орган эсеров; издавалась заграницей, с апреля 1908 по декабрь 1909 г. вышло 6 номеров. Во главе газеты стояли: Я.Ю. Делевский (А. Волин) и В. Агафонов (Северский). Много внимания уделялось борьбе с провокаторами.

213. Минор О.С. (парт. кличка «Старик») (1861—1934) — член народовольческого кружка, вел пропаганду среди рабочих. Неоднократно арестовывался. В 1887 г. выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 10 лет. За участие в вооруженном сопротивлении ссыльных в марте 1889 г. осужден военным судом на бессрочную каторгу. Впоследствии видный деятель эсеровской партии.

214. Таганцев Н.С. (1843—1923) — криминалист, в 1862—1882 гг. профессор Петербургского университета, в 1881—1902 гг. член Комиссии по составлению проекта Уголовного уложения, с 1887 г. сенатор; с 1894 г. председатель Комиссии по подготовке законодательства для Финляндии; с 1906 г. член Госсовета по назначению.

215. Шмеман Н.Э. (1850—?) — с 1872 г. в департаменте Министерства юстиции. В 1883 г. назначен на службу в государственную канцелярию в отделение государственной экономии. С 1885 г. помощник статс-секретаря Государственного совета; с 1891 г. статс-секретарь по департаменту законов. В 1893 г. директор 2-го департамента Министерства юстиции; с 1894 г. директор 1-го департамента министерства. В 1900 г. назначен

сенатором и управляющим межевой частью на правах товарища министра юстиции. Принимал участие во многих комиссиях и не только по судебному ведомству. С 1905 г. член Государственного совета, с 1915 г. председатель комиссии личного состава и внутреннего распорядка и особого присутствия Госсовета по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев.

216. Тарау Е.Ф. (1847—1914) — с 1890 г. прокурор Варшавской судебной палаты; сенатор; обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената; член Государственного совета.

217. Штюрмер Б.В. (1848—1917) — обер-камергер; с 1892 г. член Государственного совета; в 1902—1916 гг. директор департамента общих дел МВД; в январе-ноябре 1916 г. председатель Совета министров; в марте-июле 1916 г. министр внутренних дел; в июле-ноябре 1916 г. министр иностранных дел.

218. Стишинский А.М. (1852—1922) — в 1896—1899 гг. товарищ государственного секретаря; в 1900—1904 гг. товарищ министра внутренних дел; с 1904 г. член Государственного совета; с 1906 г. заведующий земским отделом; главоуправляющий землеустройством и земледелием; с 1916 г. председатель комиссии по борьбе с немецким засильем.

219. Кобылинский П.П. (1847—1918) — в 1885 г. чиновник особых поручений при Министерстве юстиции; с 1886 г. вице-директор департамента Министерства юстиции; в 1890 г. обер-прокурор 4-го департамента. С 1899 г. сенатор; с 1906 г. член Государственного совета.

220. Зверев Н.А. (1850—1917) — в 1884—1898 гг. профессор философии права; в 1898—1901 гг. товарищ министра народного просвещения; в 1902—1904 гг. начальник Главного управления по делам печати. С 1901 г. сенатор; с 1909 г. член Государственного совета.

221. Мясоедов Н.А. (1850—?) — с 1905 г. сенатор, тайный советник; с 1908 г. член Государственного совета по назначению. Входил в Совет Русского собрания.

222. Булыгин А.Г. (1851—1919) — с 1886 г. вице-губернатор в Тамбове; с 1888 г. калужский, с 1893 г. московский губернатор; в 1902—1905 гг. помощник московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; в 1905 г. министр внутренних дел; главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны; член Государственного совета. С 1913 г. статс-секретарь. Расстрелян по постановлению ЧК.

223. Гурко В.И. (1862—1927) — в марте 1906 г. назначен товарищем министра внутренних дел; с февраля 1907 г. отстранен по приговору судебного присутствия уголовно-кассационного департамента Сената. В 1908 г. помилован и в 1909 г. освобожден от всех «законных последствий осуждения». С 1910 г. камергер; с 1912 г. член Государственного совета.

224. Шульгин Н.З. (1855—?) — с 1879 г. по судебному ведомству: в 1905—1911 гг. товарищ обер-прокурора уголовно-кассационного департамента; в 1911—1917 гг. сенатор уголовно-кассационного департамента. Член Верховного уголовного суда; тайный советник, сенатор. В 1912—1913 гг. производил предварительное следствие по делу Курлова, Спиридовича, Веригина, Кулябко.

225. Леонтьев И.А. (1870—?) — с 1903 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Уфимского ГЖУ; ротмистр; в 1904 г. помощник начальника Тобольского; с 1905 г. — Уфимского ГЖУ; в 1908 г. прикомандирован к Донскому областному ЖУ; с ноября 1911 г. начальник Киевского охранного отделения; подполковник.

226. Балабин Н.И. (1868—?) — с мая 1898 г. в отдельном корпусе жандармов; с 1901 г. помощник начальник Лифляндского ГЖУ; с августа 1905 г. в резерве при Петербургском и с мая 1907 г. — при Лифляндском ГЖУ; с июля 1909 г. помощник начальника Киевского ГЖУ; в апреле 1910 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; полковник; в сентябре 1911 г. командирован для ознакомления с постановкой розыска в Киевском охранном отделении. С июня 1913 г. начальник Тамбовского, с ноября 1914 г. — Иркутского ГЖУ.

227. Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — партия еврейских ремесленников и промышленных рабочих, возникла на учредительном съезде, проходившем 25—27 сентября 1897 г. в Вильно. Печатные органы: газета «Рабочий голос» и журнал «Еврейский рабочий». В 1898 г. Бунд вошел в РСДРП как автономная организация. Бунд руководил экономической борьбой еврейских рабочих, в национальной программе придерживался лозунга национально-культурной автономии. На II съезде РСДРП вышел из ее состава, т.к. требование Бунда о признании его «единственным представителем еврейского пролетариата» было отклонено. В тактических установках до ноября 1906 г. приближался к позициям большевиков. На IV съезде РСДРП Бунд вновь вошел в ее состав; со спадом революционной волны перешел на меньшевистские позиции. В период Первой мировой войны в Бунде произошел раскол между сторонниками франкофильского и германофильского толка. После февральской ре-

волюции бундовцы призывали к поддержке Временного правительства. После подписания Брестского мира выступали за свержение советской власти. В 1918 г. в Бунде было три течения. В 1921 г. Бунд самоликвидировался.

228. Речь идет о Международном VIII конгрессе политических партий рабочего класса, объединенных во II Интернационале, состоявшемся в 1910 г. в Копенгагене.

229. Келлер Я.Н. — агент охранной команды Петербургского охранного отделения. С августа 1911 г. прикомандирован к Киевскому охранному отделению.

230. Оргис фон Рутенбург В.Д. — барон; присяжный поверенный; гласный Киевской городской думы.

231. Бубнов П.Т. (1873—?) — писарь Киевского охранного отделения; содержал конспиративные квартиры.

232. Кулаев С.П. — служащий в отделении Северного банка; его квартира была конспиративной для эсеров-максималистов, он хранил партийные деньги, а также взрывчатку. Был арестован 11 сентября 1908 г.; 22 февраля 1910 г. осужден к 6 годам каторжных работ.

233. Зюзин И.П. — член боевой дружины воронежского комитета социалистов-революционеров; затем максималист; непосредственно руководил ограблением Лысогорского монастыря, Алферовского волостного правления; ограблением почты на ст. Абрамовка и т.д. Арестован 2 августа 1908 г. по приезде в Воронеж из Киева, назвался И. Смольяковым. Вместе с ним был арестован Т.Ф. Трощенко; у обоих обнаружено оружие и крупная сумма денег. 22 февраля 1910 г. Смольяков-Зюзин приговорен к 15 годам каторжных работ, Т.Ф.Трощенко — к 4 годам.

14 сентября 1908 г. с группой максималистов в Воронеже был арестован А.Ф. Дружинин, организовавший несколько грабежей в Воронежской и Тамбовской губ.

234. Гройсман У.Ш. (1883—?) — студент Киевского университета. В 1907 г. привлекался Киевским ГЖУ за принадлежность к партии эсеров, выслан в административном порядке на 2 года за границу. 9 октября 1911 г. арестован за принадлежность к анархистам, заключен в Киевскую тюрьму; 3 ноября 1911 г. освобожден.

235. Чихачев Н.Н. — секретарь Киевского клуба русских националистов.

236. Кемпе П.А. — с 1905 г. товарищ обер-прокурора, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената. Тайный советник; с 1910 г. сенатор.

237. Богров В.Г. (1884—?) — старший брат Д.Г. Богрова; в 1910—1918 гг. помощник присяжного поверенного в Петербурге-Петрограде, сотрудник юридического еженедельника «Право». Обыскан и арестован 2 сентября 1911 г в Петербурге, 20 сентября освобожден. В 1918 г. эмигрировал в Германию. Автор книги «Убийство Столыпина. (Разоблачение "действительных и мнимых тайн")» (Берлин, 1931).

238. Гофман В.Э. (1858—?) — с июля 1892 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Подольского ГЖУ; с 1894 г. помощник начальника Волынского ГЖУ в уездах; а с 1901 г. — Ковенского ГЖУ в уездах; с 1903 г. начальник Ковенского; с декабря 1906 г. — Радомского; с 1908 г. — Могилевского; а с апреля 1910 г. — Волынского ГЖУ. С 1907 г. полковник.

239. Зеленов И.Н. — помощник начальника центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении, затем филер Киевского розыскного пункта.

240. Мячин К.А. (1886—1938) — участник революционного движения. Принимал участие в экспроприациях. В 1918 г. жил под фамилией В.В. Яковлева. Как особо уполномоченный ВЦИК перевозил царскую семью из Тобольска в Екатеринбург. Затем военный комиссар на Самарском фронте.

241. А.И. Спиридович постоянно в своих показаниях ссылается на «Инструкцию чинам секретной охраны при проследованиях Их Императорских Величеств по гг. Киеву, Чернигову, Овручу и их окрестностям в 1911 году», автором которой был он сам. Первые 10 пунктов этой инструкции касаются общего положения и обязанностей начальника секретной охраны:

Общие положения

1. В целях обеспечения безопасности следования Их Императорских Величеств по гг. Киеву, Чернигову, Овручу и их окрестностям, на пути ожидаемых проездов, независимо от наряда общей полиции, выставляется наряд секретной охраны.

2. Отряд секретной охраны составляется из подведомственной дворцовому коменданту охранной агентуры, охранной команды С.-Петербургского охранного отделе-

ния, чинов летучего филерского центрального отряда, жандармских управлений и охранных отделений, свободных от текущего наблюдения чинов местных охранного отделения и губернского жандармского управления и чинов наружной полиции в штатском платье, каковые части на время охраны поступают под начальствование начальника секретной охраны.

3. Начальником секретной охраны назначается заведующий охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, при отсутствии же его, один из его помощников.

4. Начальник секретной охраны по принятии в свое ведение перечисленных команд, обязан сплотить их в единый отряд, ознакомить с обязанностями охраны, после чего действовать согласно настоящей инструкции.

5. Все чины различных команд, входящих в состав секретной охраны, при несении охранной службы, руководствуются настоящей инструкцией, а также указаниями и распоряжениями начальника секретной охраны.

6. Секретная охрана состоит из линии отдельных постов, которая делится на охранные участки, начальниками коих назначаются офицеры отдельного корпуса жандармов. Участки делятся на обходы, начальниками коих назначаются обходные агенты.

Обязанности начальника секретной охраны

7. Начальник секретной охраны делает наряд всех частей, входящих в состав таковой, определяет время постановки и снятия наряда и руководит деятельностью всей секретной охраны.

8. При распределении наряда он обязан, насколько позволят средства последнего, обеспечить наружными постами самую линию проезда, обставить внутренними постами наиболее важные места общественных собраний и обеспечить наблюдением те прилегающие к пути проезда пункты, где явится необходимость в целях противодействия возможному наблюдению злоумышленников.

9. Он проверяет несение службы всеми чинами наряда и о неисправностях, заслуживающих особого внимания, докладывает лицу, объединяющему всю охрану, о всех же менее важных неисправностях и о недочетах технического свойства доводит до сведения начальников соответствующих частей, по окончании командировки, на предмет выучки людей к позднейшим проездам.

10. О всем замеченном при Высочайшем проезде, заслуживающем с точки зрения охраны внимания — начальник секретной охраны докладывает лицу, командированному по Высочайшему повелению к обеспечению мер благополучного пребывания Его Императорского Величества.

ГА РФ. Ф. 435. Оп. 1. Д 11 Л. 6–13

242. Дрентельн, фон А.А. (1868–1925) — с 1903 г. флигель-адъютант; с 1906 г. штаб-офицер для поручений, прикомандированный к императорской главной квартире. С 1915 г. генерал-лейтенант свиты его императорского высочества, командир лейб-гвардии Преображенского полка.

243. Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича; генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны (1877–1878). Во время Первой мировой войны состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г. Автор работ «Дипломатические сношения России и Франции. 1808–1812 гг.» (в 7 тт.); «Александр I».

244. Будницкий М.Т.(1882–?) — с 1908 г. в отдельном корпусе жандармов; штабс-ротмистр, в 1911 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ, помощник начальника центрального филерского отряда.

245. В § 30 «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» говорится: «Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых («конспиративных») квартирах. Не выяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для таковых особую квартиру или номер в гостинице, или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т.п. местах». (Опубл.: Из глубины времен. СПБ., 1992. С. 71–72).

246. Медер П.В. — генерал-майор; киевский комендант.

247. Мошков Е.И. (1879–?) — филер Киевского охранного отделения, центрального филерского отряда Петербургского охранного отделения.

248. Борис (1894–1943) — наследник болгарского престола; в 1918–1943 болгарский царь под именем Борис III.

249. Трубецкой Г.(Ю.)И. (1866–?) — князь; с 1907 г. генерал-майор. В 1906–1913 г. командир собственного его императорского величества конвоя; с 1914 г. помощник

коменданта императорской главной квартиры; с 1915 г. начальник 2-й Кавказской дивизии на Северо-Западном фронте; генерал-лейтенант.

250. Плеве В.К. (1846–1904) – с 1867 г. служба по прокурорскому надзору; в 1881–1884 гг. директор департамента полиции; в 1884–1893 гг. член комиссии по составлению Положения о государственной охране, товарищ министра внутренних дел. Действительный статский советник, статс-секретарь; член Государственного совета. В 1894 г. государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Госсовете. С апреля 1902 г. министр внутренних дел, шеф жандармов. 15 июле 1904 г. убит эсером Е.С. Сазоновым.

251. По материалам следствия Н.З. Шульгина 28 ноября 1912 г. и. о. обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената П.А. Кемпе составил заключение о дальнейшем направлении дела о П.Г. Курлове, А.И. Спиридовиче, Н.Н. Кулябко и М.Н. Веригине, обвиняемых в преступлении по должности (*ГА РФ Ф. 1467. Оп 1. Д. 675. Л. 26–52*), которое рассматривалось в 1-м департаменте Государственного совета 11 декабря 1912 г. и составило содержание его журнала № 52.

В тот же день для императора Николая II была составлена идентичного содержания «Memория», на которую он наложил следующую резолюцию, фактически прервавшую дальнейшее судебное разбирательство по делу: «Отставного подполковника Кулябко считать отрешенным от должности. Дело об отставных ген[ерал]-лейт[енанте] Курлове, и ст[атском] сов[етнике] Веригине, а также о полк[овнике] Спиридовиче прекратить без всяких для них последствий.

4 января 1913 г. Царское село». (*ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д 1068. Л. 31–86. Типограф. экз. Резолюция-автограф).*

252. Веревкин А.Н. (1864–1922) – ученый-правовед. С 1885 г. в Министерстве юстиции; с 10 февраля 1906 г. директор 1-го департамента министерства. Тайный советник, с 1912 г. гофмейстер, с 1915 г. сенатор, с 1917 г. член Государственного совета.

253. Прозоровский М.М. – надворный советник; чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

254. Сабуров А.А. (1837–1916) – в 1864 г. обер-секретарь в Сенате; в 1880–1881 гг. министр народного просвещения; сенатор; с 1889 г. член Госсовета.

255. Толь С.А. (1848 – после 1917) – с 1870 г. на службе в департаменте Министерства юстиции, командирован в Виленскую палату уголовного и гражданского суда. В 1880 г. назначен помощником статс-секретаря Госсовета; в 1889–1903 гг. петербургский губернатор. С мая 1903 г. член Государственного совета; в 1904–1905 гг. заседал в департаменте гражданских и духовных дел, член 1-го департамента. С 1914 г. обер-егермейстер.

256. Как и в предыдущих трех разделах публикации, в данном разделе титулы императора Николая II даются в транскрипции подлинника.

257. Муравьев Н.К. (1870–1936) – присяжный поверенный, адвокат. 9 марта 1917 г. возглавил Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц, на правах товарища министра. Защитник на политических процессах, как до, так и после октября 1917 г. Участвовал в работе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Член юридической комиссии Политического Красного Креста. Член московской коллегии защитников.

258. Завадский С.В. (1871–1935) – с 1893 г. по судебному ведомству: с 1902 г. прокурор Великолуцкого и с 1903 г. Новгородского окружного суда; с 1906 г. член гражданского департамента Петербургской судебной палаты; в 1907 г. производил предварительные следствия по должностным преступлениям в Варшавском судебном округе; в 1908 г. обер-прокурор суда; с 1909 г. обер-прокурор гражданского кассационного департамента. В 1915 г. принимал участие в ревизии по поводу немецкого погрома в Москве и назначен прокурором Петербургской судебной палаты. Тайный советник; с 1917 г. сенатор. 11 марта 1917 г. назначен товарищем председателя ЧСК, 16 мая – вышел из ее состава вследствие возникших разногласий с Н.К. Муравьевым. В 1918 г. державный секретарь в правительстве П.П. Скоропадского на Украине. В 1921 г. эмигрировал в Польшу, затем в Чехословакию.

259. Иванов С.В. (1852–1925) – с 1877 г. служил по выборам; в 1897 г. управляющий Пермской контрольной палатой; с 1905 г. товарищ государственного контролера; с 1906 г. сенатор судебного департамента. С 1909 г. гласный, а затем председатель Петербургской городской думы. Тайный советник, сенатор. В 1917 г. товарищ председателя ЧСК. После октябрьской революции министр юстиции в Северо-Западном правительстве, затем выехал в Финляндию.

260. Смиттен Б.Н. (1877—?) — с 1899 г. служил по судебному ведомству: с 1903 г. товарищ прокурора окружного суда, в 1910—1915 гг. прокурор Ярославского окружного суда; в 1916—1917 гг. прокурор Харьковской судебной палаты; статский советник.

261. Березовский В.А. (1852—?) — отставной гвардейский капитан; издатель военных книг и газеты «Разведчик»; издавал все сочинения ген. В.А. Сухомлинова.

262. Джунковский В.Ф. (1865—1938) — в 1891 г. адъютант московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. С 12 августа 1905 г. московский вице-губернатор, вр. и. о. московского вице-генерал-губернатора. С января 1913 г. товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов. 19 августа 1915 г. уволен и назначен в действующую армию командиром бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, затем начальник 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

263. Рожанов Ф.С. (1868—?) — с 1903 г. в отдельном корпусе жандармов, прикомандирован к Тифлисскому и Кутаисскому ГЖУ; с 1907 г. помощник начальника Харьковского ГЖУ; с апреля 1912 г. в резерве Петроградского ГЖУ и находился на службе в департаменте полиции; читал лекции по истории русского революционного движения на курсах штаба корпуса жандармов. Подполковник.

264. Распутин (Новых) Г.Е. (1872—1916) — в 1905—1916 гг. один из самых известных царских фаворитов, «старец». Крестьянин с. Покровское Тобольской губ. Убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде в доме Ф.Ф. Юсупова при участии вел. кн. Дмитрия Павловича, Ф.Ф. Юсупова, В.М. Пуришкевича и др.

265. Скарятин Г.Д. (1863—?) — с 1888 г. служил по судебному ведомству: с 1893 г. товарищ прокурора, затем член Кашинского окружного суда; с 1902 г. прокурор Седлецкого и с 1905 г. Калишского окружного суда; с 1906 г. член Виленской судебной палаты; в 1907 г. вышел в отставку по предложению министра юстиции за вступление в кадетскую партию. Присяжный поверенный окружной Московской судебной палаты в г. Кашине. В 1917 г. товарищ министра юстиции в кабинете Временного правительства.

266. Бувайлов К.И. (1872—?) — с 1896 г. служил по судебному ведомству: с 1902 г. и. д. судебного следователя в городах Ковровке Владимирской губ., Старом Осколе, Дмитриеве Курской губ.; с 1915 г. член Курского окружного суда, с 1916 г. и. д. судебного следователя по важнейшим делам Харьковского окружного суда; статский советник. В 1917 г. прикомандирован к ЧСК для расследования дела Кулябко, Курлова, Спиридовича и Веригина.

267. Ольденбург С.Ф. (1863—1934) — востоковед, археолог, этнограф; академик, с 1904 г. непременный секретарь Академии наук. С 1912 г. член Государственного совета по выборам. Кадет, на VIII съезде в мае 1917 г. был избран в состав ЦК партии. С июля по сентябрь 1917 г. министр народного просвещения во Временном правительстве. Входил в состав ЧСК по расследованию противозаконных действий министров и других высших должностных лиц, председатель ее редакционной комиссии. После октябрьской революции оставался непременным секретарем АН СССР до 1929 г., директор Института востоковедения.

268. Крохмаль В.Н. (1873—1933) — с 1896 г. участник студенческого движения; будучи студентом Киевского университета, привлекался к дознанию по делу Союзного совета киевских студенческих организаций и землячеств. С осени 1900 г. агент «Искры», один из руководителей киевского комитета РСДРП. Делегат II съезда РСДРП (1903), меньшевик. В октябре 1904 г. кооптирован в ЦК. Участник Декабрьского вооруженного восстания. В декабре 1905 г. избран членом Объединенного ЦК РСПДРП и принимал участие в Объединительном съезде РСДРП (1906), избран в ЦК, делегат V съезда партии (1907). Участвовал в работе с.-д. фракции Государственной думы, в профсоюзном движении. Входил в состав ОК меньшевиков. В 1917 г. входил в ЧСК по расследованию противозаконных действий представителей царского режима; следственной комиссии бюро ВЦИК по расследованию июльских событий; Чрезвычайной следственной комиссии по делу ген. Л.Г. Корнилова; а также особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и во Временный Совет Российской республики (Предпарламент).

269. Возможно, имеется в виду Гурвич Ф.И. (парт. псевдоним Дан) (1871—1947) — марксист с 1894 г., один из руководителей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В 1903 г. заграницей примкнул к меньшевикам, став одним из лидеров этого течения в социал-демократии. На IV съезде РСДРП (1906) избран членом редакции ЦО. Один из руководителей с.-д. фракции I и II Государственной думы. В 1907—1908 гг. находился в Финляндии и Швейцарии, член редколлегии ряда меньшевистских газет. Один из инициаторов проведения Августовской конференции (1912). Возвратился в Россию в 1913 г., руководил меньшевистской фракцией в IV Думе. После февральской революции член Исполкома и товарищ председателя Петроградско-

го совета, входил в состав руководящих органов меньшевистской партии. Член президиума ВЦИК, Предпарламента.

270. Гендельман М.Я. (1881—1938) — эсер. После февральской революции член Исполкома Московского совета рабочих депутатов, член ВЦИК, избран в состав президиума ВЦИК. Член ЦК партии эсеров.

271. Гольдман М.И. (1880—1937) (известен под фам. Либер) — с 1896 г. в Литовской с.-д. партии; один из основателей и руководителей Бунда, с 1904 г. член его ЦК. Участник II съезда РСДРП (1903). В 1905 г. избран в Исполком Петербургского совета рабочих депутатов. Делегат IV (1906) и V (1907) съездов РСДРП. В 1910 г. был арестован, бежал. Представлял Бунд на Августовской конференции (1912) в Вене. Снова арестован, сослан, бежал. В 1917 г. возглавил правое течение в Бунде и в партии меньшевиков. Член Исполкома Петроградского совета; товарищ председателя ВЦИК. Член Временного Совета Российской республики (Предпарламент). Входил в состав ЧСК по расследованию противозаконных действий представителей царского режима и ЧСК по делу ген. Л.Г. Корнилова. В 1917 и 1918 гг. избирался членом меньшевистского ЦК.

272. Крыжановский С.Е. (1861— после 1925) — с 1885 г. служил по судебному ведомству. В 1888 г. был приговорен к двухнедельному тюремному заключению по делу В.В. Водовозова. С 1891 г. товарищ прокурора Великолуцкого, затем Рижского и Петербургского окружного суда. В 1897 г. перешел в МВД; с 1901 г. вице-директор хозяйственного департамента; с 1904 г. помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства, затем директор 1-го департамента Министерства юстиции и вновь помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства. С 1906 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом общих дел и особым делопроизводством по выборам в Государственную думу. Статс-секретарь, тайный советник; с 1907 г. сенатор; с 1911 г. госсекретарь; с января 1917 г. член Государственного совета.

273. Туркестанов В.Г. (1871—?) — князь. С 1898 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Могилевского ГЖУ; в 1901 г. начальник Ашанского, а затем Калужского отделения Самарского ЖПУ; с 1902 г. ротмистр. В 1907—1915 гг. — в распоряжении московского градоначальника; с 1908 г. при Московском ГЖУ; с 1911 г. подполковник. Во время Первой мировой войны откомандирован в штаб Московского военного округа, заведующий контрразведкой. В 1915 г. прикомандирован к Петроградскому ГЖУ, затем откомандирован в распоряжение военного министра; с 1916 г. полковник.

274. «Розенфельд» — кличка секретного сотрудника Киевского охранного отделения, который не имел никакого отношения к большевику Розенфельду Л.Б. (парт. псевд. Каменев).

275. Беклемишев В.А. (1868—1911) — с 1895 г. в отдельном корпусе жандармов — адъютант Киевского ГЖУ; в 1897 г. прикомандирован к Виленскому, затем Киевскому ГЖУ; с 1898 г. помощник начальника Киевского ГЖУ; в 1905 г. прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; помощник начальника Воронежского ГЖУ; в 1907 г. откомандирован в распоряжение департамента полиции, где служил в особом отделе; в 1910 г. начальник Петроковского ГЖУ. Полковник.

276. Харитонов П.А. (1852—1916) — с 1873 г. в департаменте Министерства юстиции в чине титулярного советника, служил в трех отделениях: гражданском, распорядительном, законодательном. С 1886 г. в кодификационном отделе при Госсовете. В 1889 г. прикомандирован при государственной канцелярии для участия в работе по пересмотру Положения о земских учреждениях. С 1897 г. состоял и. д. статс-секретаря департамента гражданских и духовных дел. В 1904—1906 гг. занимал пост госсекретаря. С 1906 г. сенатор и член Государственного совета. В 1907—1917 гг. государственный контролер; с 1913 г. действительный тайный советник; в 1915 г. временно руководил Министерством финансов.

277. «Русские ведомости» — одна из крупнейших общественно-политических газет, издавалась в Москве в 1863—1918 гг., проводила линию либеральной оппозиции. С 1905 г. фактически стала органом кадетов.

278. «Будущее» («L'Avenir») — газета, выходила в Париже с 22 октября 1911 по 4 января 1914 г. под редакцией В.Л. Бурцева на русском языке, однако некоторые материалы печатались на французском языке. Вышло 48 номеров. В газете сотрудничали меньшевики и эсеры.

279. Доброскок-Добровольский Н.(И.)В. (кличка «Николай — золотые очки») (1882—?) — провокатор. Работал среди меньшевиков. После разоблачения служил чиновником Петербургского охранного отделения, впоследствии полицмейстер гг. Петрозаводска и Ораниенбаума.

280. Редкий номер газеты «Будущее» в 1911—1913 гг. выходил без материалов о Богрове и расследования события 1 сентября 1911 г. За подписью В.Л. Бурцева были опубликованы статьи «Дмитрий Богров» (№ 11, 31 декабря 1911 г.); «Когда же правительство перестанет лгать в деле Богрова?» (№ 13, 14 января 1912 г.); «Кто же такой наконец Богров?» (№ 36, 13 октября 1912 г.).

281. Поллавская (урожд. Трахтенберг) Р.Д. (1887—?) — дочь купца. В 1907—1908 гг. училась в Женевском университете, в 1908—1910 гг. — в Сорбонне (Париж); в 1910 г. поступила в Парижскую консерваторию. Вернулась в Россию. 2 сентября 1911 г. арестована по делу Д.Г. Богрова и заключена в Киевскую тюрьму, 30 сентября освобождена.

282. Кропоткин П.А. (1842—1921) — князь; теоретик анархизма; географ, исследователь Восточной Азии. В 70-х гг. член народнического кружка, арестован в 1874 г., в 1876 г. бежал. Жил в Англии, затем переехал в Женеву, издавал журнал «Le Révolte», ставший органом европейских анархистов. Был осужден французским судом за революционную деятельность на 5 лет. В 1886 г. после амнистии поселился в Лондоне. Председатель 1-й конференции российских анархистов-коммунистов заграницей (декабрь 1904 г., Лондон). В 1906—1907 гг. главный редактор газет «Листки» и «Хлеб и воля». В 1912—1916 гг. участвовал в подготовке 10-томного собрания сочинений М.А. Бакунина. В мае 1917 г. вернулся в Россию, участвовал в работе Государственного совещания.

283. Штирнер Макс (наст. имя и фам. К. Шмидт) (1806—1856) — немецкий философ-младогегельянец, идеолог анархизма. Автор книги «Единственный и его собственность» (1845), где попытался провести последовательно точку зрения солипсизма в антропологии, этике и праве. Исходным пунктом его мировоззрения являлся тезис о самосознании как творческой силе истории.

284. Богров В.Е. (1879—?) (псевд. «Валентинов», «Валентиныч», «Русанов») — окончил Петербургский Технологический институт; с 1901 по 1915 г. в РСДРП, большевик. В 1903—1904 гг. работал в петербургской партийной организации. В марте 1905 г. пропагандировал в Одессе. В 1905—1908 гг. в Швейцарии корректор в редакции газеты «Вперед». С 1910 г. отошел от партийной деятельности. В 1920 г. вступил в РКП(б), но в 1925 г. исключен за «пассивность». Заведующий консульским отделом полпредства в Лондоне. В 1925 г. работал в ВСНХ и НКИД. Двоюродный брат Д.Г. Богрова.

285. Гольденвейзер А.С. — присяжный поверенный; входил в консультативное бюро при киевском областном комитете кадетской партии.

286. Горемыкин И.Л. (1839—1917) — с 1860 г. в канцелярии 1-го департамента Сената. В 1864 г. комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском. В 1866 г. полоцкий, в 1869—1873 гг. елецкий вице-губернатор. В 1873 г. член временной комиссии по крестьянским делам при министре внутренних дел; в 1882 г. товарищ обер-прокурора 1-го департамента Сената и член консультации при министре юстиции, с 1884 г. обер-прокурор 2-го департамента Сената (по крестьянским делам); с 1891 г. товарищ министра юстиции. С 1899 г. сенатор; член Госсовета с увольнением от должности министра внутренних дел. В 1905 г. председатель особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. В апреле-июле 1906 г. и с января 1914 по январь 1916 г. — председатель Совета министров.

287. Витте С.Ю. (1849—1915) — с 1889 г. директор железнодорожного департамента Министерства финансов и председатель тарифного комитета; с 1892 г. министр путей сообщения; в 1893—1903 гг. министр финансов; в 1903—1906 гг. председатель Комитета министров. С 1906 г. член Государственного совета, действительный тайный советник, статс-секретарь; граф.

288. Мещерский В.П. (1838—1914) — князь, камергер; писатель-публицист и беллетрист. С 1872 г. редактор-издатель консервативного ежегодиого журнала «Гражданин», в каждом его номере он помещал свой «Дневник» на политические злобы дня. Одновременно издавал народный журнал «Добро» и с 1903 г. — «Дружеские речи». Был близок императорам Александру III и Николаю II, часто пользовавшимися его советами.

289. Боткин Е.С. (1865—1918) — лейб-медик, доктор медицины. С 1890 г. совещательный член военно-санитарного участкового комитета, состоял при императорской главной квартире, домашний врач Николая II. Расстрелян вместе с царской семьей.

290. Воейков В.Н. (1868—1947) — помощник командира кавалергардского полка; с 1907 г. командир лейб-гвардии гусарского полка; в 1913—1917 гг. дворцовый комендант; с 1915 г. главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи; генерал-майор свиты.

291. А[н]дрианов А.А. (1862—1917) — в конце 1905 г. командирован в Эстляндию для наблюдения за производством следствия по политическим делам о разграблении и поджоге помещичьих усадеб; в 1906 г. командирован в Свеаборг для наблюдения за производством дознания по делу о свеаборгском восстании и поддержании на суде обвинения. С января 1906 г. помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда; с ноября 1906 г. военный судья Московского и с октября 1907 г. — Петербургского военно-окружного суда; генерал-майор свиты. С февраля 1908 по май 1915 г. московский градоначальник; уволен в связи с грандиозным немецким погромом; в связи с этим, определением 1-го департамента Правительствующего Сената, предан суду за бездействие власти.

292. Эвальд М.К. (1867—?) — с сентября 1903 г. в отдельном корпусе жандармов — прикомандирован к Петербургскому ГЖУ; с июля 1905 г. в распоряжении петербургского градоначальника; с марта 1906 г. в распоряжении дворцового коменданта; с 1908 г. подполковник.

293. Стремоухов П.П. (1865—?) — с 1904 г. сувалкский, с 1911 г. саратовский, с 1912 г. костромской, с 1915 г. варшавский губернатор; главноуправляющий по устройству беженцев Ярославской и Костромской губ. В 1916—1917 гг. директор департамента общих дел МВД; егермейстер, сенатор.

294. Шинкевич Е.Г. (1864—?) — тайный советник, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел.

295. Татищев Д.Н. (1867—1919) — с 1907 г. ломжинский, с 1909 г. ярославский губернатор. В 1910 г. вышел в отставку в связи с обострившимися отношениями с саратовским епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. В 1912—1915 гг. начальник и председатель совета Главного управления по делам печати. С 1915 г. — при министре внутренних дел А.Н. Хвостове, командир отдельного корпуса жандармов; генерал-майор; граф.

296. Муравьев Н.Л. (1866—?) — граф, тайный советник, егермейстер, сенатор. С 1899 г. вице-губернатор в Томске, с 1901 г. — в Вологде, с 1902 г. — в Симферополе, с 1907 г. — в Рязани. В 1908—1913 гг. полтавский, в 1913—1915 гг. московский губернатор. С 1916 г. сенатор.

297. Дурново П.Н. (1845—1915) — с 1870 г. служба в прокурорском надзоре в гг. Владимире, Москве, Рыбинске, Киеве; с 1881 г. управляющий судебным отделом департамента полиции; в 1884—1893 гг. директор полиции; в 1900—1903 гг. товарищ министра внутренних дел; в 1903—1905 гг. начальник управления почт и телеграфов; с октября 1905 по апрель 1906 г. министр внутренних дел; с апреля 1906 г. статс-секретарь, член Государственного совета.

298. Пешков Н.А. (1868—после 1920) — с 1890 г. служба по судебному ведомству в Петроградской судебной палате; с 1892 г. переведен на службу в МВД, чиновник департамента полиции; с 1910 г. чиновник особых поручений при департаменте полиции; с 1914 г. в Главном управлении по делам печати; в 1916—1917 гг. помощник торгового агента при русской миссии в Дании.

299. Климович Е.К. (1871—1932) — с 1898 г. адъютант Волынского ГЖУ; с 1901 г. помощник начальника Петроковского ГЖУ; с 1905 г. прикомандирован к штабу отдельного корпуса жандармов с назначением в распоряжение виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора; с января 1906 г. и. д. начальника Московского охранного отделения; с апреля 1907 по июнь 1908 г. помощник московского градоначальника; в 1908—1909 гг. заведующий особым отделом департамента полиции; с декабря 1909 г. керчь-еникальский градоначальник; с 1916 г. директор департамента полиции; с сентября 1916 г. сенатор. В годы гражданской войны в Крыму при ген. П.Н. Врангеле — начальник контрразведки.

300. Троцкий-Сенютович В.В. (1871—?) — в 1906 г. адъютант Нижегородского ГЖУ, в 1907—1912 гг. при Киевском ЖУ; с 1912 г. помощник начальника Севастопольского ЖУ по ялтинским градоначальству и уезду. Подполковник отдельного корпуса жандармов.

301. Иванов П.А. (1872—?) — с 1902 г. адъютант Киевского ГЖУ; с 1903 г. помощник начальника Сосновского отделения Варшавского ГЖУ и затем помощник начальника Полтавского ГЖУ в Лубенском, Прилукском и Переяславском уездах.; в 1905 г. прикомандирован к Киевскому ГЖУ и с 1906 г. — в резерве при том же управлении; в 1910 г. помощник начальника Киевского ГЖУ; в 1911—1912 гг. по предложению прокурора Киевского окружного суда производил негласное расследование по делу об убийстве А. Ющинского; с августа 1914 г. помощник начальника разведовательного отдела штаба главнокомандующего армией Юго-Западного фронта. Подполковник отдельного корпуса жандармов.

302. Кулаковский Ю.А. — профессор, преподаватель классической филологии на историко-филологическом факультете Киевского университета.

303. Владимирский-Буданов М.Ф. — профессор, преподавал торговое право, историю русского права на юридическом факультете Киевского университета.

304. Яшвиль Л.В. — камер-юнкер; причислен к МВД. Почетный мировой судья Черкасского округа.

305. Репнин Н.В. — князь; обер-гофмейстер; член Государственного совета.

306. Балашев П.Н. (1871—1927) — в 1900—1909 гг. брацлавский уездный предводитель дворянства; один из организаторов и лидеров умеренно-правых. После слияния с Всероссийским национальным союзом — председатель Главного совета. Депутат III—IV Государственной думы от Подольской губ. В III Думе председатель фракции умеренно-правых и русской национальной группы.

307. Тарновский В.А. — товарищ председателя Киевского окружного суда.

308. Бубнов Н.М. — ординарный профессор, декан историко-филологического факультета Киевского университета; преподавал всеобщую историю.

309. Архимович З.А. — преподаватель Киевского коммерческого училища.

310. «Союзники» — здесь: члены местного отдела «Союза русского народа» — черносотенной монархической антисемитской организации, возникшей в октябре 1905 г. в Петербурге. В 1908—1910 гг. Союз распался на несколько организаций: «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», «Всероссийский (дубровинский) Союз русского народа».

311. Васильчикова Е.П. — фрейлина императрицы; попечительница сестер милосердия во имя Христа Спасителя.

312. Тальберг Н.В. — коллежский советник Киевского губернского правления.

313. Гучков Ф.И. (1860—1913) — в 1898—1899 гг. служил в Маньчжурии в охранной страже строившейся КВЖД. Воевал на стороне буров в Южной Африке во время англо-бурской войны (1899—1902). Затем вернулся в Маньчжурию, принял участие в походе ген. Ренненкампфа в Китай во время «боксерского» восстания (1899—1901). С 1901 г. в отставке. В 1904—1905 гг. работал в Красном Кресте. Один из создателей «Союза 17 октября»; с 1907 г. член Московского ЦК «Союза», фактический руководитель и постоянный автор газеты «Голос Москвы». Выступал в поддержку П.А. Столыпина.

314. Гучков Н.И. (1860—1935) — с 1887 г. участвовал в качестве директора в управлении семейными предприятиями Боткиных, совладелец торгового дома «Гучкова Ефима с сыновьями»; член правления Северного страхового общества и член Совета Московского частного коммерческого банка. Активно участвовал в общественной жизни: в 1905—1913 гг. московский городской голова. Избран в ЦК партии «Союз 17 октября». В Первую мировую войну участвовал в работе представительства Российского общества Красного Креста, в 1915 г. избран в московское городское управление в Центральном военно-промышленном комитете. В 1918 г. выехал на Юг России, состоял уполномоченным Российского общества Красного Креста, Земгора и др. организаций при правительствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

315. Перетц В.Н. — статский советник; профессор, преподаватель русской словесности на историко-филологическом факультете Киевского университета.

316. Шахматов А.А. (1864—1920) — филолог, академик; член петербургского городского комитета кадетов (1906), 6 мая 1906 г. кооптирован в состав ЦК кадетской партии, позднее вышел из ЦК из-за загруженности научной работой и административной деятельности. Член Государственного совета от Академии наук, сложил с себя это звание в июле 1906 г. в знак протеста против разгона I Государственной думы. В 1911 г. отказался читать лекции в связи с ликвидацией университетской автономии.

317. Муравьев М.Н. (1796—1866) — граф; российский государственный деятель, в 1857—1861 гг. министр государственных имуществ, в 1863—1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, получил известность как жестокий усмиритель восстания в Литве и Белоруссии в 1863 г.

318. Куропаткин А.Н. (1848—1925) — в 1890—1904 гг. начальник Закаспийской обл.; в 1898—1904 гг. военный министр, главнокомандующий силами, участвовавшими в войне с Японией, позднее командующий Маньчжурской армией. Осенью 1915 г. командир гренадерского корпуса, с уходом П.А. Плеве — главнокомандующий армиями Северного фронта (до 22 июля 1916 г.). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В связи с

волнениями в Туркестане назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. В апреле 1917 г. арестован, освобожден Временным правительством; проживал в родовом имении в Псковской губ., занимался просветительской деятельностью.

319. Скобелев М.Д. (1843—1882) — генерал русской армии, получивший известность во время похода русских войск в Хиву (1873), против кокандцев (1875—1876) и особенно в русско-турецкую войну (1877—1878) в сражении в Ловичи и Плевне (1877). В 1880—1881 гг. был руководителем Ахалтекинской экспедиции.

320. Добровольский И.И. (1850—?) — врач; участник «хождения в народ»; арестован в 1874 г., по процессу «193-х» приговорен к 9 годам каторги. Освобожден под залог, бежал за границу; затем возвратился в Россию.

321. «L'Humanite» («Юманите») — французская ежедневная газета, издающаяся в Париже. Основана Ж. Жоресом. В 1904—1920 гг. орган Социалистической партии, с 1920 г. — ЦО Французской компартии.

322. «Русское слово» — ежедневная газета, выходила в Москве с 1895 г. Издатель: А.А. Александров, затем И.Д. Сытин, «Т-во И.Д. Сытина». Сытин превратил газету в крупное предприятие, в ней принимали участие видные литераторы. В период первой русской революции газета была близка кадетам. Закрыта 27 ноября (10 декабря) 1917 г. за «клевету на советскую власть». Окончательно прекратила свое существование в 1918 г.

323. «Новое время» — одна из крупнейших проправительственных газет, издавалась в 1868—1917 гг. в Петербурге. С 1876 г., когда ее издателем стал А.С. Суворин, газета приобретает право-консервативную направленность. Редакторами в разное время были: М.П. Федоров, Ф.И. Булгаков, М.А. Суворин. 26 октября 1917 г. газета была закрыта по решению Петроградского ВРК.

324. «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, орган конституционно-демократической партии. Выходила с февраля 1906 по октябрь 1917 г. в Петербурге. Редакторами в разное время были: О.Е. Бужанский, Б.И. Харитон, А.В. Смирнов, Н.К. Элькин, М.П. Львов, Г.И. Иванов, И.И. Иванов. Издатели: Ю.Б. Блок, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич. В виде приложения к «Речи» выходили: «Иллюстрированная неделя» (1906), «Ежегодник газеты «Речь» (1912—1916), «Государственная дума (стенографические отчеты)» (1906—1908). Закрыта Петроградским ВРК 26 октября 1917 г., затем продолжала выходить под названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век». Окончательно закрыта в августе 1918 г.

325. «Киевлянин» — общественно-политическая газета. Издавалась в 1864—1919 гг. в Киеве по инициативе администрации Юго-Западного края. Выходила три раза в неделю, с 1879 г. — ежедневно. Редакторами в разное время были: В.Я. Шульгин, Д.И. Пихно, К.И. Симаковский, В.В. Шульгин. Издатели: В.Я. Шульгин, Д.И. Пихно, наследники Гихно. Целью издания была русификация Юго-Западного края. После перехода В.В. Шульгина на националистические позиции — фактически стала главной газетой Всероссийского национального союза. Вхождение левых националистов в состав Прогрессивного блока привело к изменению направленности «Киевлянина».

326. Лядов А.В. (1866—?) — сенатор, ученый-правовед; с 1888 г. служил по ведомству Министерства юстиции: с 1906 г. начальник отдела личного состава 2-го департамента министерства; с 1910 г. вице-директор 1-го департамента и с 1913 г. член консультации при министре юстиции. С 1917 г. сенатор.

327. Книжник-Ветров (наст. фам. Бланк) И.С. (1878—1965) — в революционном движения с 1900 г., в 1904—1910 гг. анархист-коммунист. В 1906—1907 гг. член редакции газет «Листки», «Хлеб и воля». В начале 1909 г. вернулся в Россию; арестован в Петербурге, сослан в Тобольскую губ. на 3 года. Отошел от анархизма, пропагандировал идеи христианского социализма. После октябрьской революции сотрудничал в анархистских изданиях, опубликовал воспоминания, ряд библиографических работ, труды по истории революционного движения в России.

328. Новицкий В.Д. (1837—1907) — генерал; начальник Киевского охранного отеделения.

329. «Черное знамя» — газета, ЦО русских анархистов-коммунистов. Основана для борьбы с последователями П.А. Кропоткина — «хлебовольцами». Единственный номер издания вышел в декабрь 1905 г. в Женеве. Издатель-редактор И.С. Гроссман. Главная задача газеты — борьба за «развитие и углубление теории анархизма». Издание прекращено из-за полицейского преследования и отсутствия средств.

330. Дедюлин Н.А. (?—1912) — сенатор. Служил в департаменте герольдии, в Правительствующем Сенате. Брат В.А. Дедюлина.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов – 244, 245
Аврех А.Я. – 29, 30
Азеф Е.Ф. – 326, 338, 645, 646, 670, 671
Акутин – 84, 86, 89, 90, 92
Александра Федоровна, имп. – 38
Андреев И.А. – 181
Андреев П.М. – 341
А[н]дрианов А.А. – 633, 634, 635
Андро Д.Ф. – 107
Аничков М.М. – 246
Анненков – 673
Анненский М.В. – 260
Антонов М.П. – 116
Анучкина А.С. – 682
Аракчеев А.А. – 38, 40
Аргутинский Н.Н. – 663
Армашевский П.Я. – 261, 273
Арсеньев – 218
Архимович З.А. – 670
Арцишевский В.В. – 250
Арьев – 685
Аскаров – 94

Б

Бадмаев Г.Н. – 224, 225
Бадмаев П.А. – 224, 225, 341, 398, 510, 615, 628
Базаревич М.Ф. – 670
Бакай М.Е. – 204, 338
Бакунин М.А. – 33
Балабин Н.И. – 405, 407, 461, 610, 611, 612
Балашев П.Н. – 668, 673
Барабашев А.И. – 136, 371
Барановский И.А. («Благовещенский») – 232, 233, 234
Батурин (Замятин) Н.Н. – 234
Батурина А. – 293, 426, 490, 514, 572
Батюшков Н.Я. – 112, 497, 498,
Беклемишев В.А. – 612
Белевцев (Белевцов) М.Я. – 116, 136, 249, 428, 430, 571, 669
Белецкий С.П. – 39, 47, 332, 402, 404, 573, 590, 591, 633
Берглер А. – 77, 82, 85
Березовский В.А. – 587
Беспалов В.Р. – 453
Бизюков А. – 113, 114, 421, 497
Бобринский А.А. – 273
Бобров – 245, 401
Богданович Н.Ю. – 136, 371, 420, 421, 435, 497
Богров В.Г. – 27, 28, 49, 50, 436, 617
Богров В.Е. («Валентинов») – 31, 620
Богров Г.Г. – 16, 219, 425, 426, 683
Богров Г.И. – 16
Богров Д.Г. (М.Г.) («Аленский», «Капустянский», «Наджеждин») – 3, 8, 13–20, 22, 24–33, 40, 42–45, 47–51, 54, 55, 57, 59, 61, 63–65, 69–74, 76–86, 89–93, 96, 99, 102, 107–114, 119, 129, 137–172, 179, 183, 184, 187, 188, 190, 196, 197, 200, 205, 207–217, 219–223, 225, 226, 230–232, 236, 248–253, 261, 262, 264, 269, 272, 279–301, 303, 304, 310, 311, 313–319, 322–325, 327–330, 337, 350–356, 358–369, 372, 374–388, 391, 392, 395, 397, 401, 404, 407, 408, 412–418, 420–422, 424–426, 428–430, 432 –448, 451, 454–456, 458, 460, 464, 465, 467, 468, 471–476, 479–491, 493, 495, 497, 500–510, 513–532, 534, 537–540, 542–573, 575–581, 584, 592–594, 596, 597, 599, 602–608, 610, 614–617, 624–626, 629, 630, 632, 633, 636–638, 669, 674–684, 686
Богров Л. – 53
Богров С.Е. («Фома») – 30, 31
Богрова М.Я. – 425, 489, 491, 621
Бойцов – 241, 242
Бок Б.И. – 175
Бок М.П. – 4, 5, 14
Борис, наслед. болг. престола – 531
Боровская О.П. – 675
Боткин Е.С. – 15, 628
Боярский – 401
Брандорф Н.В. – 15, 28, 41–43, 49, 50, 54, 61, 64, 66, 69, 412, 471, 476, 508, 529, 546, 613, 615, 638
Брыкин И.В. – 635
Бубнов Н.М. – 669
Бубнов П.Т. – 112, 421
Бубнова Л. – 669
Бувайлов К.И. – 49, 610, 613, 615, 617, 624, 630, 635–637
Будницкий М.Т. – 488, 494, 495, 574
Булат А.А. – 145, 146, 252, 253, 281, 549

Булыгин А.Г. — 397, 580, 582
Бурденев — 114
Бурцев В.Л. — 24, 49, 50, 204, 338, 615, 617, 635, 683
Бусло Д.П. — 107, 108, 114, 115, 124, 125, 127–129, 171, 172, 231, 234, 262, 416

В

Валентин (Вольский) Н.В. — 30, 31
Васильев — 244, 245
Васильев А.Т. — 261, 597, 606, 608, 644
Васильчикова Е.П. — 671
Вахнин В.А. — 113, 136, 371, 388, 419, 422, 435, 436, 497, 611
Вахрушев — 38
Веревкин А.Н. — 535
Веревкин Г.И. — 674
Верецкий М.Н. («Воскресенский») — 218, 234–236, 256, 257
Веригин М.Н. — 8, 20, 21, 35, 37, 39–42, 47, 48, 50–52, 58–60, 64, 66–68, 70, 72–74, 80, 81, 85–88, 95, 113, 118, 119, 122, 133, 135, 137–155, 158, 161–165, 169, 172, 175, 178, 182–186, 188, 202, 204, 206–215, 217–219, 223, 228–230, 232, 234, 236, 237, 239, 241, 242, 247, 257, 258, 260, 266–270, 275–277, 280–285, 289–294, 296, 298–307, 311, 317–319, 322, 324, 328, 329, 331–335, 339, 341, 342, 346–350, 353, 369, 376, 379, 380, 387, 393, 395, 396, 399, 401–405, 408–414, 419, 424–426, 428, 430, 431, 433, 434, 436, 439–442, 444–450, 452, 453, 460, 462–469, 471, 475, 476, 478–480, 483, 485, 486, 488, 491, 492, 496, 497, 499, 501–503, 507, 508, 510, 517–521, 523–526, 535–538, 540–542, 547–549, 551–553, 555, 556, 558–569, 572–575, 578–580, 583, 584, 593, 594, 599, 609–611, 614, 624, 630–633, 638, 677, 679
Веригина В.И. — 454
Веселкина О.М. — 175
Вестман Н.В. — 211, 212, 293, 376, 522
Виленский — 677
Вилламов М.В. — 38
Виноградов В.К. («Степа») — 88, 94–96, 220, 254, 280, 475, 539, 547
Виссарионов С.Е. — 27, 47, 49, 50, 184, 225–227, 238, 244, 245, 247, 333, 348, 398, 403, 404, 406, 462, 486, 487, 610, 612, 633
Витте С.Ю. — 626
Владимирский-Буданов М.Ф. — 668
Воейков В.Н. — 23, 633–635
Волков В.В. — 130, 131, 201, 202, 262
Волков И.Д. — 339
Вонсяцкий А.Н. — 260, 529
Выгулярский Г. — 423
Выдыхан Е.А. — 125–127
Вышинский — 659, 660

Г

Ган Л. — 23, 24
Гапон Г.А. — 34
Гардинг-Ландезен А.М. — 338
Гарегинянц — 677
Гвоздевич М.М. — 237
Гезель Ф.Т. — 418, 513
Гендельман М.Я. — 610
Герарди Б.А. — 116, 119, 165, 198, 200, 201, 216, 274, 295, 310, 311
Герасимов А.В. — 7, 27, 47, 236, 239, 254, 269, 338, 389, 397, 398, 430, 462, 463, 476, 498, 571, 616, 633, 634, 686
Гершельман Д.К. — 7, 174
Гершуни Г.А. — 150, 282
Гинсбург А.А. — 218, 488, 494, 495
Гирс А.Ф. — 36, 103, 115, 117, 120, 430–432, 572, 663
Гладенюк — 171
Глинский Б.Б. — 23
Глищинский — 398
Голубев — 670
Гольденвейзер А.С. — 70, 622
Гольдер И.И. — 450, 451
Гольдман М.И. — 610
Гольдт — 199
Горбатенко А.Л. — 4
Горбунов Н.Д. — 659, 660
Горемыкин И.Л. — 624
Гофман В.Э. — 439
Грав Ж. — 683
Граве В.В. — 37, 47, 100–103, 469, 471, 522
Григорьев И.Д. — 124, 125
Гродецкий (Городецкий) К.П. — 53, 56
Гроздеев-Михайлов В.А. — 425, 426, 514
Гройсман А. — 423, 684
Гройсман У.Ш. — 424
Гройсман Ю. — 424
Грос[с]ман И.С. — 25, 53, 56, 94, 249, 422
Грязнов В.П. — 119, 293, 294, 513, 549
Гурвич Ф.И. — 610
Гуревич С.А. — 585
Гурко В.И. —398
Гучков А.И. — 14, 43
Гучков Н.И. — 673
Гучков Ф.И. — 673

Д

Дажаев О.А. — 114
Данилевский Г.П. — 105
Данилевский М.Г. — 44, 45, 104, 105, 106
Данилов — 241, 242, 243, 244, 248
Дедюлин В.А. — 11, 12, 22, 29, 34, 35, 37, 39, 42, 48, 74, 123, 140, 142, 152, 165, 174, 189, 191, 201, 203, 211, 213, 224, 228–230, 232, 234, 236, 263–266, 287, 289, 293, 295, 296, 300, 302, 303, 305, 307, 309, 311, 320, 326, 329, 335, 347, 350, 397, 412, 445, 487, 488, 491, 493, 500, 523, 525, 527, 529, 531, 556, 561, 562, 565, 569, 574, 582, 595, 597, 614, 633, 634, 666, 667, 685, 686
Дедюлин Н.А. — 686
Дексбах К.К. — 36, 47, 102, 131, 172, 176, 241, 243, 287, 376, 387, 470, 476–478, 532
Демидюк С.И. — 47, 69, 96, 108, 112, 114, 140, 147, 148, 152, 153, 157, 158, 160, 163–165, 183, 187, 269, 280, 287, 288, 291, 293, 294, 316,

354, 382–384, 386, 389, 406, 410, 411, 413, 414, 419, 421, 429, 430, 436, 439, 442–446, 463–465, 497, 511–514, 526, 527, 550, 551, 554, 557, 560, 571, 612
Денисов А.А. – 134, 146, 420, 659, 660
Джунковский В.Ф. – 11, 590, 634, 635
Дидковский Н.П. – 106, 107
Дидятин К.И. – 273
Диков И.М. – 173
Добровольский И.И. – 678
Доброскок-Добровольский Н.В. (И.В.) – 616
Добрынин – 229
Довяковский – 240–242, 317, 369, 447, 458, 558, 562
Долгов В.М. – 312, 349, 459
Долгорукий Н.С. – 335
Достоевский Ф.М. – 25
Дрентельн, фон А.А. – 488, 531
Дружинин А.Ф. – 424
Дубинский И.П. – 53, 56
Дубосарский Э.А. – 57
Дукельский И.В. – 133, 134, 139, 244, 245, 247, 413, 420, 655, 663
Думбадзе И.А. – 241–243
Дунин Л.А. – 71
Дурново П.Н. – 13, 14, 639
Дьяков И.И. – 47, 114, 115, 230, 294, 345
Дьяченко М.Г. – 248, 250

Е

Евецкий Ф.П. – 222
Евреинов В.В. – 142, 346
Елена Петровна, королевна серб. – 13
Еленский В.И. – 248, 249
Елизавета Федоровна, вел. кн. – 38
Еремин А.М. – 27, 32, 47, 131, 182, 185, 204, 257, 258, 405, 407, 408, 461, 516, 571, 588, 612, 648, 652
Ершов М.Н. – 136, 371
Есаулов В.Е. – 9, 19, 20, 36, 37, 47, 99–102, 118, 142, 158, 159, 211, 248, 289, 294, 296, 376, 387, 419, 444, 446, 469, 470, 471, 477, 478, 488, 532, 555, 557, 613, 671
Есаулова Н.А. – 671
Есенов А. – 567

Ж

«Железный» Василий – 94
Журавлев – 244

З

Завадский С.В. – 585
Заварзин П.П. – 235, 442, 456, 553, 564, 631
Залесский И.П. – 237
Замятин А.Н. – 4
Засулич В.И. – 9
Захаров – 255
Зверев Н.А. – 396
Зейдлиц В.Э. – 177, 360, 362, 439, 456
Зеленов И.Н. – 445, 464, 465, 557
Зенгер – 683
Зильберберг Л.И. – 6
Зубатов С.В. – 39
Зубовский М.И. – 307, 341
Зубров – 218
Зуев Н.П. – 131, 312, 332, 334, 341, 404, 460, 462, 495, 496, 571, 601, 640, 647, 648, 652
Зырянов П.Н. – 30
Зюзин И.П. – 424

И

Иванов А.А. – 15, 22, 24, 28, 51, 54, 69, 70, 93, 96, 104, 107, 108, 116, 201, 202, 222, 329, 330, 401, 411, 413, 420, 425, 435, 472, 485, 542–546, 568
Иванов П.А. – 665
Иванов С.А. – 251
Иванов С.В. – 585, 589, 627
Идельсон Н.И. – 610
Извольский А.П. – 173
«Интересный» – 226, 227
Иодловский И.К. – 636
Иоанн Константинович, вел. кн. – 13
Ионас Е. – 218
Исаченко В.Н. – 127, 128

К

Казаков М.И. – 181
Кальманович С.Е. – 57, 145, 146, 177, 207–209, 249, 250, 252, 253, 281, 549, 679, 680
Каменцов П.Д. – 77
Каминский С.С. – 136, 371, 529
Канабеев Л.Н. – 204, 207, 219, 240, 242
Каналошный-Лефлер, фон – 190, 201
Караулов А.В. – 241, 243
Карпов С.Г. – 19, 166, 238, 253, 254, 256, 257, 260, 385, 607, 647
Кассо Л.А. – 19, 22, 36, 63, 65, 72, 74, 79, 80, 82, 98, 100, 110, 115, 138, 140–142, 149, 155, 159, 177, 209–214, 216, 280, 282, 288–290, 293, 316, 353, 360, 365, 374, 375, 384, 410, 414, 416, 427, 438, 443, 448, 457, 464, 467, 470, 479, 492, 521, 539, 548, 550, 551, 554, 560, 561, 576–578, 667, 669, 670
Катовская А.Б. – 219, 221, 426
Катрухин А.А. – 372
Келлер Я.Н. – 409, 410, 465, 466
Кемпе П.А. – 20, 21, 425, 440, 447, 460, 469, 486, 488, 493
Кеннеди Дж.Ф. – 46
Киселевич – 113, 139, 421
Клепцов А. – 670
Климович Е.К. – 646
Книжник-Ветров И.С. – 683
Кобылинский П.П. – 396, 580, 582
Ковалев Л.А. – 61, 64, 67, 69, 74, 76
Козловский П.С. – 116, 181, 399, 402
Коковцов В.Н. – 9, 13, 14, 21, 22, 37, 43, 49, 50, 176, 230, 305, 342, 368, 397, 398, 471, 494, 498, 526, 624–630, 633, 670, 672, 676, 686
Комаров В.А. – 194, 216, 218, 310, 531
Комаров Д.Н. – 677
Константин Константинович, вел. кн. – 13
Коптев Д. – 307, 396, 580
Корнилов И.К. – 408, 409, 411, 416, 466, 411

Корсак В.Е. — 112, 114, 117, 120, 139, 145, 148, 156, 166, 183, 188, 259, 260, 262, 683
Косолапов В.Н. — 585, 610, 612, 624
Костенко М.И. — 16, 49, 84, 90, 167, 171, 543, 545
Коттен, фон М.Ф. — 8, 26, 29, 32, 58, 71, 82, 87, 110, 145, 146, 152, 154, 168, 170, 205, 208–210, 216, 230, 248, 251, 257, 279, 281, 285, 286, 323, 364, 382, 429, 439, 442, 474, 477, 496, 498, 528, 529, 538–540, 543, 547, 549, 553, 565
Коцлов А.Г. — 128, 129
Кравченко — 84, 86, 89, 90, 92
Кравчинский С.М. — 9
Красильников А.А. — 261, 267, 612
Кременецкий Д.А. — 177, 205, 277, 360, 363, 372
Кремер — 310
Кривошеин А.В. — 211, 375, 676
Кривцов С.Ф. — 181
Кропоткин П.А. — 33, 618
Крохмаль В.Н. — 610
Крупнов С.Г. — 17, 53, 57
Крылов И.А. — 39
Крюков М.С. — 221, 222, 224, 225, 248, 257, 258, 260–262
Кудрявцев Е. — 6
Кулаев С.П. — 423, 424
Кулаковский Ю.А. — 668
Кулябко А.И. — 37, 43, 435
Кулябко Н.Н. — 8, 12–14, 16–21, 30, 32, 33, 35–37, 40–43, 45, 47–54, 56–60, 62, 64–70, 74–76, 78–82, 85–88, 92, 95, 96, 98–102, 107–113, 115–120, 122–126, 128, 129, 131, 134, 137, 139, 145, 148, 156, 163, 166, 168–172, 177–179, 181–188, 190, 197, 201, 202, 204–218, 222, 223, 225–231, 234–237, 252, 253, 259, 261, 266, 268–270, 272–299, 301–307, 314–318, 322–325, 327–329, 331, 332, 336–340, 346, 350, 352–356, 258–365, 367–373, 375–377, 393, 396, 399–402, 404–421, 424–437, 440, 447–458, 460–476, 479–489, 491, 494, 496–498, 500, 501, 503–510, 512–529, 532, 533, 535–581, 583, 584, 591–594, 596–599, 602–612, 614, 616, 619–622, 631–633, 636, 638, 664, 670, 671, 674–682, 685, 686
Куракин М.А. — 345,
Курлов А.А. — 115, 134, 225, 229, 244–247, 399, 401, 403,
Курлов П.Г. — 7, 9, 11, 12, 19–22, 24, 29, 34–38, 40–45, 47–50, 64–66, 68, 73, 74, 80, 98–100, 102, 104, 105, 118, 120–123, 132–146, 149–154, 156, 158, 161, 162, 164, 165, 170, 171, 174–176, 180, 182–186, 188–190, 193–197, 201, 202, 217–219, 222–225, 228, 231, 234, 236–240, 243, 245, 247, 253–257, 259–261, 263–272, 274–278, 280, 282–287, 289, 290, 292, 293, 295–310, 312–325, 327–330, 377, 378, 384, 387, 388, 393–406, 408–411, 413, 414, 419–421, 424–426, 428, 430–433, 435, 436, 440–442, 444–450, 452, 453–465, 467– 473, 476, 477, 479–489, 491–494, 496–505, 507, 508, 534, 536–538, 545, 546, 548, 553, 555–575, 577–582, 583, 584, 592, 594–616, 621, 622, 624, 626–633, 636, 638, 645, 655, 662–664, 666–671, 673–675, 677, 679, 680, 686
Куропаткин А.Н. — 677
Курочкин И. — 648
Кухнов Г.И. — 259, 261

Л

Лазарев Е.Е. — 17, 26, 110, 145, 146, 177, 207, 208, 209, 210, 216, 249, 250, 252, 253, 280, 281, 414, 678
Ласский П.С. — 217
Латухин С.К. — 129
Лауниц фон дер В.Ф. — 6
Лашкарев Е.И. — 15, 67, 69, 74, 76
Лебедева — 219
Левандовский А.А. — 218, 658, 664
Левдиков В.А. — 255
Ледник Т.Д. — 114
Ленин В.И. — 30, 31, 44
Леонтович И.Н. — 298, 368
Леонтьев И.А. — 404, 422, 424
Лесниченко Е.А. — 84, 86, 90
Лидия Николаевна (Михайловна) — 75
Лодыженский И.Н. — 305
Лопухин А.А. — 338, 589
Лопухина-Демидова О.В. — 13
Луканов (Моисеенко) Н.С. — 253, 254
Лукьянов М.М. — 174, 218, 256
Люблинский — 102
Лядов А.В. — 683
Лятковский П.К. («Петр») — 53, 56, 88, 93, 96, 280, 474

М

Маевский — 84, 86, 89, 90, 92
Майоров С.Ф. — 410
Майский Б.Ю. — 28, 29
Макаров А.А. — 21, 238, 239, 332, 342, 396–398, 535, 580, 610, 633, 634,
Макаров В.В. — 36, 136, 276, 371, 409, 413, 421, 426, 428, 435, 530, 659, 660
Маклаков Н.А. — 342
Маковский — 215, 297, 626
Маковский И.С. — 15, 77, 175
Максим — 94
Максимовский А.М. — 180
Малахов К. — 660
Маликова Т. — 114
Мандельштам — 249
Мария Федоровна, вдов. имп. — 14
Марковский И.Т. («Титыч», «Иван Титович») — 71, 423, 424
Маслянников — 134
Матвеенко М.Н. — 114
Матусевич — 450
Медер П.В. — 513, 543, 548
Медников Е.П. — 39
Мезенцев Н.В. — 9
Меллер Г.В. — 219, 239, 248, 262

Менщиков Л.П. — 338
Мержеевская (Люблинская) Ю.И. — 32, 57, 109, 408, 423, 428, 429
Мерзликин З.С. — 4
Мещанинов — 84, 86, 89, 90, 92
Мещерский В.П. — 627
Михайлова (Котенко) М.Н. («Рейтарская», «Реноме») — 255
Михельсон И. — 76
Михельсон Р. — 57, 76
Минор О.С. — 390
Моллериус И.П. — 610
Молчанский В.А. — 685
Мосолов А.А. — 215
Мошков Е.И. — 114, 513
Муев С.В. — 135, 177, 205, 208, 209, 230, 285, 316, 360, 371, 372, 382, 433, 442, 511, 534, 553
Муравьев, граф — 11
Муравьев А.У. — 75, 96, 102, 103, 113, 114, 118, 142, 143, 150, 151, 184, 207, 209, 210, 220, 407, 415, 421, 422, 426, 431, 434, 441, 497, 498, 552, 615, 681
Муравьев М.Н. — 677
Муравьев Н.К. — 585, 610
Муравьев Н.Л. — 635
Муравьева М. — 113, 139, 421, 422
Муромцев С.А. — 117
Мусин-Пушкин В.А. — 346
Мушин А. — 24
Мякотина А.А. — 682
Мясоедов Н.А. — 396, 580, 582
Мячин К.А. — 456, 511, 564

Н

Нагродский К.А. — 8, 136, 171, 172, 174, 205, 277, 371, 421
Наумов — 99
Невдахов В.Х. — 329, 484, 632
Нейдгардт — 29
Нейдгардт А.Б. — 174, 629
Нейдгардт Д.Б. — 175, 629
Нейдорф-Левин («Бегемот») — 95
Неклюдов Н.А. — 397
Нехаевский — 85
Николай II — 5, 9, 13—15, 20—22, 34, 37—39, 44, 47, 49, 50, 582
Николай Николаевич, вел. кн. — 256
Николай Михайлович, вел. кн. — 488
Нилов К.Д.— 295, 498, 561, 634, 635
Новиков — 423
Новиков — 566
Новиков В.В. — 416
Новицкий В.Д. — 683
Новомирский Д.И. — 82

О

Обермиллер Е.А. — 240, 242, 245, 247
Оболенский — 174
Оже-де-Ранкур Ф.Н. — 240, 243
Озеровский А.А. — 257
Ольденбург С.Ф. — 610
Опсе К.А. — 114
Оргис фон Рутенбург В.Д. — 420
Орлов В.Н. — 218, 488
Офросимов Н.Л. — 174
Офросимова М.А. — 6

П

Паули В.М. — 680
Певзнер Х.Л. — 96, 384, 517, 519, 520
Перетц В.Н. — 675
Пестриков Н.Н. — 663
«Петербургский» — 434
Петров—«Воскресенский» А.И. — 26, 238, 254, 397
Пешков Н.А. — 645
Пилецкий А.А. — 187
Пиранг Р.Ю. — 47, 131, 174, 287, 376, 470, 476, 477, 478
Пискунов С.М. — 186, 204, 207, 219, 237, 240—242, 280, 346, 439, 454, 551
Пихно Д.И. — 273
Плато, фон Е.Г. — 320
Плеве В.К. — 5, 534
Плеве Н.В. — 305
Поддевкин М.И. — 111, 417, 526
Позднияков П. — 77
Поливанов Н.В. — 672
Полторацкий — 424
Поплавская (Трахтенберг) Р.Д. — 616, 623
Попов П.К. — 186, 235, 339, 631
Потоцкий И. — 77, 106
Правиков Д.А. —116, 454
Прибыльский — 311
Прилежаева-Барская Б.М. — 28
Приходько Н.В. («Московский») — 33, 110, 423, 242(?)
Прозоровский М.М. — 41, 573
Прокопишин П.А. — 221, 222, 237, 255, 270
Пурик А.Е. — 21

Р

Раевский — 94
Райтманова — 423
Распутин Г.Е. — 14, 22, 38, 599, 600
Рассказов С.Е. — 181
Рачковский П.И. — 258, 680
Рашкович С.Л. — 53, 57
Рейн Г.Е. — 14
Ренгартен Б.А. — 15, 84, 86, 89, 90, 92, 167
Репнин Н.В. — 668
Рогаль-Левицкий А.А. — 181
Рожанов Ф.С. — 591
«Розенфельд» — 611
Рощаковский М.С. — 85, 311, 668
Рубен (Рубан) П.Я. — 114
Рудаков Н.Е. — 252
Рудаков Н.Я. — 252
Руденко П.М. — 685
Рудов Н.П. — 186, 349

С

Сабаев В.Е. — 286, 293, 383, 418, 436, 442, 443, 513—515, 554, 571, 572
Сабуров А.А. — 21, 580
Савенко А.И. — 273
Савинков Б.В. — 133, 253, 254
Савурский — 222
Сазонова (Sasonoff) — 676
Самохвалов П.Т. — 47, 112, 136, 256, 259, 294, 297, 354, 371, 401, 415, 418, 420—422, 433, 436, 497, 514, 611

Сандомирский Г.Б. (Колосов) — 25, 53, 56, 71, 109, 251, 616
Свицкий С.И. — 244, 245, 247, 403
Седун Я.В. — 418, 419
Сельская Р.Г. («Роза») — 71, 94
Сенько-Поповский Л.А. — 135, 175, 186, 204, 206, 207, 225, 229, 241, 243, 244, 247, 259, 261, 280, 346, 349, 403, 439, 445, 454, 457, 551, 556, 594, 648, 658
Сергей Александрович, вел. кн. — 5
Сергей Михайлович, вел. кн. — 200
Сидоровнин Г.П. — 30, 31
Симонянц — 677
Скалон А.А. — 36, 47, 103, 119, 129, 218, 272, 447—449, 572, 664, 666, 674
Сканави — 669
Скарятин Г.Д. — 609
Скловская Б.А. — 112
Скловский В.А. — 70, 75, 112
Скобелев М.Д. — 677
Слетов С.Н. — 154, 206, 390
Смиттен Б.Н. — 585
Соколов — 101, 102
Соколов М.И. («Медведь») — 4
Соколовский Ф.А. — 181
Солженицын А.И. — 30
Соркин В.Я. — 254, 255
Соркина (Волосова) А.С. («Альбанд») — 254, 255
Сорокин М.Д. — 636
Соловьев — 104
Соловьев П.Н. — 105
Соловьева М.Н. — 105
Спасский Ф.В. — 104
Спиридович А.И. — 8—12, 20—22, 24, 34, 35, 37—40, 41, 43—45, 47—52, 58, 59, 63, 65, 66, 69, 72—74, 80, 81, 85, 86, 88, 95, 104, 106, 112, 113, 116, 118, 119, 122, 129, 130, 133—139, 142—155, 157, 158, 161, 164, 165, 167, 169, 170, 172, 175, 177, 178, 182—185, 188—200, 202—205, 207—210, 212—217, 219, 222, 223, 225—227, 230—234, 236, 237, 256, 258, 264, 266—272, 277, 280—284, 286—296, 298—307, 309—311, 314, 315, 317—319, 322, 330, 331, 335, 339, 345—347, 349, 350, 353, 354, 357, 363, 371, 374, 379—381, 387, 393, 394, 396, 399, 401, 402, 405, 408, 409, 411—416, 419, 424—435, 437, 440—445, 447—455, 457—460, 462—466, 469, 471, 476, 481—483, 486—489, 491—493, 495—497, 499, 503, 505, 507, 508, 510, 517—520, 522, 524—532, 535—538, 540, 542, 544, 545, 547, 548, 551—553, 555, 556, 558—569, 571—575, 578—580, 583—598, 599, 602, 605, 607—610, 612, 616, 630, 635, 666, 667, 685, 687
Спиридович В.К. — 105
Степанов С.А. — 30
Стишинский А.М. — 396, 397, 580, 582
Столыпин А.А. — 13, 174, 679
Столыпин Адя — 4
Столыпин П.А. — 3—9, 11—20, 22—31, 33—38, 41—49, 51, 52, 54, 55, 58—61, 64—70, 72—85, 87—89, 91, 92, 96—102, 104—107, 110, 115, 117—128, 130, 131, 133, 140—143, 149, 155, 158, 159, 162, 168—178, 180, 185, 190, 197, 200, 205, 209—216, 222, 223, 225, 228, 230, 238, 261—264, 266, 271, 273, 279—282, 287—290, 293—297, 300—303, 307, 309, 317, 318, 331—334, 340, 347, 351, 353, 355, 360, 363, 365, 366, 368, 371—375, 380, 384, 387, 389, 400—402, 408—410, 412, 414, 416, 418, 419, 421, 424, 425, 427, 429, 432—435, 438, 443, 444, 446—448, 450, 455, 458, 460, 463, 465—471, 474—485, 488, 492, 494, 496, 497, 505, 506, 508, 510, 512—514, 518, 521, 522, 526, 527, 528, 530—533, 535—537, 539—545, 547, 548, 550—552, 554—558, 560—562, 565, 568, 575—579, 583, 584, 591—593, 595—602, 604, 607, 610, 611, 613—617, 622—633, 635, 636, 638, 662, 667—681, 683, 686
Столыпина Наташа — 4, 5
Столыпина О.Б. — 15, 471
Столыпина О.Н. — 174
Стремоухов П.П. — 635
Струмилло Б. — 24, 25
Сухомлинов В.А. — 106, 337, 339, 398, 626, 677

Т

Таганцев Н.С. — 396, 580
Талалаев Ф.Н. — 181
Тальберг Н.В. — 672
Тарановский И.И. — 685
Таратута О.Г. («Леонид») — 53, 56, 71
Таратута О.И. — 109, 114, 684
Тарау Е.Ф. — 396, 397, 580
Тарновский В.А. — 669
Татаров — 636
Татищев Д.Н. — 635
Тельнов В.Л. — 465
Темников Г.В. — 146, 420
Терехов Н.М. — 116, 399, 401
Терпелевский П.К. — 180, 181, 242, 665
Тлустовский М.С. — 359
Толпыго Н.Н. — 453
Толубеев — 663
Толь С.А. — 580, 582
Трауберг А.Д. («Карл») — 6, 7
Трепов В.Ф. — 13, 14
Трепов Д.Ф. — 10, 191, 331
Трепов Ф.Ф. — 9, 11, 14, 34, 35, 41, 42, 47, 48, 74, 90, 98, 101, 120, 124, 130, 132, 142, 143, 158, 159, 176, 185, 196, 197, 203, 204, 211, 244, 247, 264, 288, 289, 295, 307, 339, 371, 373, 377, 387, 420, 424, 443, 444, 449, 470, 492, 530, 531, 572, 613, 660, 661, 670, 676, 677
«Тростник» — 434, 442, 456
Троцкий — 683
Троцкий-Сенютович В.В. — 663
Трощенко Т.Ф. — 423, 424
Трубецкой — 531
Трусевич М.И. — 16, 18—21, 23, 24, 30, 35, 41, 44, 47—50, 97, 103, 104,

106–108, 114, 116, 117, 120, 124, 125, 127, 128, 130, 131, 139, 151, 167, 171, 172, 176, 180–185, 187–191, 201, 217, 219, 221–228, 231, 232, 234, 236, 239, 257, 259–261, 302–313, 315–318, 320, 322–329, 331–342, 344, 347–357, 360–371, 373, 376–393, 395–397, 404, 460, 477, 484, 487, 497, 498, 505, 508, 509, 512, 514–517, 519, 526, 529, 534–536, 555, 559, 567, 593, 598–601, 610–612, 628, 629, 633, 644, 646, 681, 682, 685–687
Трутков Г.М. – 640
Толстой Л.Н. – 117
Туляков В.Н. – 417
Туркестанов В.Г. – 611
Туткевич Д.В. – 77
Тыш Н.Я. – 53, 54, 56, 57, 93, 94, 109, 438, 474
Тюрин А.К. – 472, 546

У

Управин А.А. – 329, 484, 632, 633
Уранов Н.С. – 371

Ф

Федоров – 409
Федоров Б.Г. – 30, 31
Федоров Г.П. – 677
Федоров Н.Д. – 172
Фельдзер Л.Л. – 70, 75
Фельдзер С.Л. – 70, 75
Фененко В.И. – 15, 55, 61, 62, 64, 66, 67, 69, 70, 74, 76, 143, 472, 542
Флоринский Е.П. – 132, 182
Фредерикс В.Б. – 12, 106, 176, 195, 211, 263, 488, 633, 643

Х

Харитонов П.А. – 42, 614
Хвостов А.Н. – 22
Хорн[-Шмельте] Э.И. («Филипп») – 53, 54, 56, 57, 93, 94

Ц

Царюк О.А. – 54, 412, 472
Цветкович А.А. – 119, 134, 187, 273, 449
Цейтлин Т.М. – 253, 254
Цихоцкий А.В. – 181

Ч

Чаплинский Г.Г. – 42, 61, 88, 207, 472, 503, 507, 508, 519, 529, 543, 545, 546, 548, 614, 629, 630, 638, 683
Чапский, граф – 106
Чемерзин А.А. – 14
Черный Р.Г. («Николай») – 76, 93, 94, 109, 474
Чернявский – 449
Чероков М.Л. – 104
Чихачева Н.Н. – 424, 425
Чугриев Т.С. – 410
Чумиков – 174

Ш

Шапринский А.П. – 194, 310
Шахматов А.А. – 675
Шаховской В.Н. – 229
Шебанов С.Ф. – 116, 295
Шепель Н.П. – 116, 165, 194, 295, 310
Шереметев С.В. – 77, 97, 130, 131, 142
Шинкевич Е.Г. – 635
Шмеман Н.Э. – 396, 580
Шостаковский – 77
Шредель А.Ф. – 12, 54, 106, 116, 117, 209, 259, 320, 368, 420, 473, 666
Штирнер М. (Шмидт К.) – 618
Штюрмер Б.В. – 396, 580, 582
Шульгин В.В. – 273
Шульгин Н.З. – 16, 20, 21, 23, 24, 30, 43, 47, 48, 50, 399, 402, 404, 405, 407, 408, 411, 413, 419, 422, 424–426, 428, 430, 432, 433, 436, 440, 447, 449, 450, 451, 453, 460, 462–467, 469, 471, 476–478, 480, 481, 483, 486, 488, 489, 491, 494–499, 505, 534, 536, 569, 583, 598, 603, 634, 636

Щ

Щегловитов И.Г. – 170, 180, 396, 580, 629
Щербатов – 668
Щукин Д. – 676

Э

Эвальд М.К. – 633
Эдуард, англ. король – 173
Эльснер – 675

Я

Яблонский М.В. – 174
Янишевский В. – 449
Яшвиль Л.В. – 668

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЖУ	— главное жандармское управление
ген.	— генерал
губ.	— губерния
ж. д.	— железная дорога
ЖПУ	— жандармское полицейское управление
ЖУ	— жандармское управление
ОО	— особый отдел [департамента полиции]
Общ. вз. кр.	— Общество взаимного кредита
Пол. о двор. коменд.	— Положение о дворцовом коменданте
Пол. об охран. отд.	— Положение об охранных отделениях
прил.	— приложение
прод.	— продолжение
ПСЗ	— Полный Свод законов
Реш. угол. кассац. деп.	— Решение уголовно-кассационного департамента
Свод воен. пост. (СВП)	— Свод военных постановлений
Свод зак.	— Свод законов
Угол. улож.	— Уголовное уложение
Улож. о наказ. [угол. и испр.]	— Уложение о наказаниях [уголовных и исправительных]
упр.	— управление
Уст. Гос. совета	— Устав Государственного совета
Уст. о пред. и прес. прест.	— Устав о предупреждении и пресеченни преступлений
Уст. угол. суд.	— Устав уголовного судопроизводства
Учр. Гос. совета	— Учреждение Государственного совета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *3*
Введение *47*

Раздел 1
СЛЕДСТВИЕ И СУД

Протокол допроса Д.Г. Богрова
1 сентября 1911 г. *51*
Протокол допроса Д.Г. Богрова
2 сентября 1911 г. *55*
Дополнение к протоколу допроса Д.Г. Богрова
2 сентября 1911 г. *61*
Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко
2 сентября 1911 г. *62*
Протокол допроса вице-директора департамента полиции М.Н. Веригина
3 сентября 1911 г. *64*
Протокол допроса полковника А.И. Спиридовича
3 сентября 1911 г. *67*
Протокол допроса Д.Г. Богрова
4 сентября 1911 г. *69*
Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко
5 сентября 1911 г. *70*
Протокол допроса Д.Г. Богрова
6 сентября 1911 г. *74*
Обвинительный акт по делу Д.Г. Богрова
7 сентября 1911 г. *76*
Протокол судебного заседания Киевского
военно-окружного суда по делу Д.Г. Богрова
9 сентября 1911 г. *84*
Запись выступления Д.Г. Богрова в Киевском военно-окружном суде
9 сентября 1911 г. *86*
Резолюция Киевского военно-окружного суда по делу Д.Г. Богрова
9 сентября 1911 г. *89*
Приговор Киевского военно-окружного суда
9 сентября 1911 г. *89*
Особое постановление Киевского военно-окружного суда
9 сентября 1911 г. *92*
Протокол допроса Д.Г. Богрова
10 сентября 1911 г. *93*

Раздел 2
КОМИССИЯ СЕНАТОРА М.И. ТРУСЕВИЧА

Высочайшее повеление
7 сентября 1911 г. *97*
Заявление штабс-капитана В.Е. Есаулова
13 сентября 1911 г. *97*
Показания В.В. Граве - личного секретаря П.А. Столыпина
13 сентября 1911 г. *100*
Рапорт киевского полицмейстера А.А. Скалона
киевскому губернатору А.Ф. Гирсу
14 сентября 1911 г. *103*
Высочайшее повеление
17 сентября 1911 г. *103*
Письмо М.Г. Данилевского сенатору М.И. Трусевичу
17 сентября 1911 г. *104*
Письмо Н.П. Дидковского сенатору М.И. Трусевичу
17 сентября 1911 г. *106*
Протокол допроса помощника начальника Киевского
губернского жандармского управления А.А. Иванова
17 сентября 1911 г. *107*

Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка
17-18 сентября 1911 г. ... 108
Протокол допроса киевского городского головы И.Н. Дьякова
19 сентября 1911 г. ... 114
Донесение начальника Киевского губернского жандармского управления А.Ф. Шределя сенатору М.И. Трусевичу
19 сентября 1911 г. ... 116
Протокол допроса киевского губернатора А.Ф. Гирса
20 сентября 1911 г. ... 117
Письмо генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова сенатору М.И. Трусевичу
21 сентября 1911 г. ... 120
Письмо генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова сенатору М.И. Трусевичу
21 сентября 1911 г. ... 124
Протокол допроса адъютанта киевского генерал-губернатора И.Д. Григорьева
21 сентября 1911 г. ... 124
Протокол допроса швейцара генерал-губернаторского дома Е.А. Выдыхана
21 сентября 1911 г. ... 125
Протокол допроса курьера генерал-губернаторского дома В.Н. Исаченко
21 сентября 1911 г. ... 127
Протокол допроса курьера генерал-губернаторского дома А.Г. Коцлова
21 сентября 1911 г. ... 128
Выписка из показания киевского полицмейстера А.А. Скалона
23 сентября 1911 г. ... 129
Протокол допроса подполковника С.В. Шереметева
23 сентября 1911 г. ... 130
Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко
23 сентября 1911 г. ... 131
Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко
24 сентября 1911 г. ... 139
Протокол допроса прокурора Киевского военно-окружного суда М.И. Костенко
28 сентября 1911 г. ... 167
Протокол допроса ротмистра К.А. Нагродского
28 сентября 1911 г. ... 171
Показания заведующего охраной П.А. Столыпина ротмистра К.К. Дексбаха
30 сентября 1911 г. ... 172
Письмо генерал-лейтенанта П.Г. Курлова министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу
30 сентября 1911 г. ... 176
Донесение командира Московского дивизиона П.К. Терпелевского в канцелярию сенатора М.И. Трусевича
30 сентября 1911 г. ... 180
Донесение командира Петербургского жандармского дивизиона М.И. Казакова
30 сентября 1911 г. ... 181
Высочайшее повеление
4 октября 1911 г. ... 181
Выписка из показания заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина
4 октября 1911 г. ... 182
Выписка из показания подполковника Н.Н. Кулябко
4 октября 1911 г. ... 182
Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка
5 октября 1911 г. ... 183
Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича
7-10 октября 1911 г. ... 184
Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича
7-10 октября 1911 г. ... 185

Выписка из показания заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка
8 октября 1911 г. ... 187
Выписка из показания пристава Киевской полиции А.А. Пилецкого
8 октября 1911 г. ... 187
Протокол допроса Н.Н. Кулябко
10 октября 1911 г. ... 188
Письмо сенатора М.И. Трусевича дворцовому коменданту В.А. Дедюлину
10 октября 1911 г. ... 189
Письмо дворцового коменданта В.А. Дедюлина сенатору М.И. Трусевичу
Позднее 10 октября 1911 г. ... 191
Протокол допроса помощника начальника Киевского губернского жандармского управления А.А. Иванова
13 октября 1911 г. ... 201
Выписка из показания генерал-лейтенанта П.Г. Курлова
14-19 октября 1911 г. ... 202
Письмо полковника А.И. Спиридовича сенатору М.И. Трусевичу
18 октября 1911 г. ... 217
Протокол допроса А.Б. Катовской — прислуги в доме Г.Г. Богрова
28 октября 1911 г. ... 219
Протокол допроса капельдинера Киевского городского театра П.А. Прокопишина
30 октября 1911 г. ... 221
Выписка из показания штабс-ротмистра Ф.П. Евецкого
3 ноября 1911 г ... 222
Выписка из показания полковника А.И. Спиридовича
4 ноября 1911 г. ... 223
Протокол допроса врача тибетской медицины П.А. Бадмаева
12 ноября 1911 г. ... 224
Протокол допроса Г.Н. Бадмаева — племянника врача П.А. Бадмаева
12 ноября 1911 г. ... 224
Письмо сенатора М.И. Трусевича вице-директору департамента полиции С.Е. Виссарионову
19 ноября 1911 г. ... 225
Письмо вице-директора департамента полиции С.Е. Виссарионова сенатору М.И. Трусевичу
23 ноября 1911 г. ... 226
Письмо сенатора М.И. Трусевича полковнику А.И. Спиридовичу
9 декабря 1911 г. ... 227
Протокол допроса генерал-лейтенанта П.Г. Курлова
10 декабря 1911 г. ... 228
Протокол допроса подполковника Н.Н. Кулябко
15 декабря 1911 г. ... 231
Письмо полковника А.И. Спиридовича сенатору М.И. Трусевичу
21 декабря 1911 г. ... 234
Протокол допроса генерал-майора А.В. Герасимова
21 декабря 1911 г. ... 236
Протокол осмотра товарищем прокурора Петербургской судебной палаты Г.В. Меллером дела департамента полиции о расходовании средств, отпущенных на проведение киевских торжеств
24 декабря 1911 г. ... 239
Протокол допроса начальника Петербургского охранного отделения М.Ф. фон Коттена
28 декабря 1911 г. ... 248
Протокол допроса заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина
10 января 1912 г. ... 257
Протокол допроса генерал-лейтенанта П.Г. Курлова
12 января 1912 г. ... 259
Справка товарища прокурора Виленской судебной палаты М.С. Крюкова о результатах осмотра векселей генерал-лейтенанта П.Г. Курлова
20 января 1912 г. ... 260

Всеподданнейший доклад сенатора М.И. Трусевича
Ранее 18 февраля 1912 г. ... 261
Особый журнал Совета министров по докладу сенатора М.И. Трусевича
18 февраля 1912 г. ... 302
Журнал № 5 первого департамента Государственного совета с решением по докладу сенатора М.И. Трусевича
20 марта 1912 г. ... 305
Записка дворцового коменданта В.А. Дедюлина
Позднее 20 марта 1912 г. ... 307
Объяснение М.Н. Веригина в первый департамент Государственного совета
12 апреля 1912 г. ... 311
Рапорт А.И. Спиридовича в первый департамент Государственного совета
13 апреля 1912 г. ... 317
Объяснения П.Г. Курлова в первый департамент Государственного совета
16 апреля 1912 г. ... 330
Объяснение Н.Н. Кулябко в первый департамент Государственного совета
18 апреля 1912 г. ... 377
Из журнала № 13 первого департамента Государственного совета о назначении предварительного следствия по делу П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.И. Спиридовича и Н.Н. Кулябко
11 мая 1912 г. ... 393
Письмо П.Г. Курлова дворцовому коменданту В.А. Дедюлину
14 мая 1912 г. ... 397

Раздел 3

Комиссия сенатора Н.З. Шульгина

Протокол допроса ротмистра Петербургского жандармского дивизиона П.С. Козловского
13 июля 1912 г. ... 399
Протокол допроса директора департамента полиции С.П. Белецкого
14 июля 1912 г. ... 402
Протокол допроса полковника Н.И. Балабина
19 июля 1912 г. ... 405
Протокол допроса заведующего особым отделом департамента полиции А.М. Еремина
23 июля 1912 г. ... 407
Протокол допроса агента центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении И.К. Корнилова
1 августа 1912 г. ... 408
Протокол допроса помощника начальника Киевского губернского жандармского управления А.А. Иванова
7 августа 1912 г. ... 411
Протокол допроса заведующего наружным наблюдением Киевского охранного отделения С.И. Демидюка
8 августа 1912 г. ... 413
Протокол допроса помощника начальника Киевского охранного отделения В.А. Вахнина
8 августа 1912 г. ... 419
Донесение начальника Киевского охранного отделения И.А. Леонтьева сенатору Н.З. Шульгину
8 августа 1912 г. ... 422
Протокол допроса статского советника Н.Н. Чихачева
10 августа 1912 г. ... 424
Протокол допроса В.А. Гороздеева-Михайлова — швейцара в доме Г.Г. Богрова
11 августа 1912 г. ... 425
Протокол допроса бывшего чиновника особых поручений при Киевском охранном отделении В.В. Макарова
12 августа 1912 г. ... 426

Протокол допроса подполковника М.Я. Белевцова
13 августа 1912 г. ... 428
Протокол допроса киевского губернатора А.Ф. Гирса
14 августа 1912 г. ... 430
Протокол допроса помощника начальника Киевского районного охранного отделения П.Т. Самохвалова
16 августа 1912 г. ... 433
Протокол допроса Н.Н. Кулябко
16-17 августа 1912 г. ... 436
Протокол допроса киевского полицмейстера А.А. Скалона
18 августа 1912 г. ... 447
Протокол допроса шофера И.И. Гольдера
21 августа 1912 г. ... 450
Протокол осмотра письма А.И. Спиридовича к жене Н.Н. Кулябко и записной книжки
23 августа 1912 г. ... 451
Протокол допроса М.Н. Веригина
3 октября 1912 г. ... 453
Протокол допроса директора департамента полиции Н.П. Зуева
6 сентября 1912 г. ... 460
Протокол допроса генерал-майора А.В. Герасимова
7 сентября 1912 г. ... 462
Протокол допроса помощника начальника центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении И.Н. Зеленова
11 сентября 1912 г. ... 464
Протокол допроса агента охранной команды Петербургского охранного отделения Я.Н. Келлера
13 сентября 1912 г. ... 465
Постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого П.Г. Курлова
15 сентября 1912 г. ... 467
Протокол допроса В.В. Граве — личного секретаря П.А. Столыпина
27 сентября 1912 г. ... 469
Протокол допроса товарища прокурора Петербургской судебной палаты Н.В. Брандорфа
29 сентября 1912 г. ... 471
Протокол допроса заведующих личной охраной П.А. Столыпина подполковников К.К. Дексбаха и Р.Ю. Пиранга
2 октября 1912 г. ... 476
Постановление Н.З. Шульгина о привлечении к следствию в качестве обвиняемого М.Н. Веригина
2 октября 1912 г. ... 478
Постановление Н.З. Шульгина о привлечении к следствию в качестве обвиняемого А.И. Спиридовича
4 октября 1912 г. ... 481
Протокол допроса обвиняемого А.И. Спиридовича
9 октября 1912 г. ... 483
Протокол допроса А.И. Спиридовича
11 октября 1912 г. ... 486
Протокол предъявления материалов следствия Н.Н. Кулябко
2 ноября 1912 г. ... 489
Протокол допроса М.Я. Богровой
2 ноября 1912 г. ... 489
Протокол допроса дворцового коменданта генерал-адъютанта В.А. Дедюлина
9 ноября 1912 г. ... 491
Протокол допроса начальника центрального филерского отряда при Петербургском охранном отделении А.А. Гинсбурга
12 ноября 1912 г. ... 494
Протокол допроса директора департамента полиции Н.П. Зуева
17 ноября 1912 г. ... 495
Протокол допроса чиновника для поручений при Киевском охранном отделении Н.Я. Батюшкова
19 ноября 1912 г. ... 497

Протокол предъявления материалов следствия П.Г. Курлову
20 ноября 1912 г. ... 498
Протокол предъявления материалов следствия М.Н. Веригину
21 ноября 1912 г. ... 499
Протокол предъявления материалов следствия А.И. Спиридовичу
21 ноября 1912 г. ... 499
Объяснительная записка П.Г. Курлова в первый департамент Государственного совета
21 ноября 1912 г. ... 505
Журнал № 52 первого департамента Государственного совета о рассмотрении результатов предварительного следствия сенатора Н.З. Шульгина
11 декабря 1912 г. ... 534
Особое мнение шести членов Государственного совета
15 декабря 1912 г. ... 580
Записка дворцового коменданта В.А. Дедюлина Николаю II с приложением телеграммы П.Г. Курлова
9 января 1913 г. ... 582

Раздел 4

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

Постановление ЧСК о возбуждении дополнительного предварительного следствия по делу П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.И. Спиридовича и Н.Н. Кулябко
27 апреля 1917 г. ... 583
Из стенограммы допроса А.И. Спиридовича
28 апреля 1917 г. ... 585
Из стенограммы допроса М.И. Трусевича
4 мая 1917 г. ... 598
Из стенограммы допроса П.Г. Курлова
6 мая 1917 г. ... 600
О постановлении Временного правительства о возбуждении следствия по обвинению П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.И. Спиридовича и Н.Н. Кулябко
30 мая 1917 г. ... 609
Постановление ЧСК о возбуждении предварительного следствия по обвинению П.Г. Курлова, М.Н. Веригина, А.И. Спиридовича, Н.Н. Кулябко
31 мая 1917 г. ... 610
Протокол допроса С.Е. Виссарионова
6 июля 1917 г. ... 610
Протокол допроса Н.В. Брандорфа
14 июля 1917 г. ... 613
Протокол допроса В.Л. Бурцева
3 августа 1917 г. ... 615
Протокол допроса В.Г. Богрова
9-10 августа 1917 г. ... 617
Выписка из журнала заседания ЧСК
23 августа 1917 г. ... 624
Из стенограммы допроса В.Н. Коковцова
25 августа 1917 г. ... 624
Протокол допроса А.И. Спиридовича
5 сентября 1917 г. ... 630
Протокол допроса П.Г. Курлова
6 сентября 1917 г. ... 636
Протокол допроса Н.Н. Кулябко
29 сентября 1917 г. ... 636

Приложения

I. НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ И РАБОТЫ С СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРОЙ

Циркуляр департамента полиции № 10270
4 сентября 1904 г. ... 639

Положение о дворцовом коменданте
25 апреля 1906 г. ... 640
Циркуляр департамента полиции № 125449
10 мая 1907 г. ... 643
Циркуляр департамента полиции № 136287
3 октября 1907 г. ... 644
Циркуляр департамента полиции № 123224
5 февраля 1909 г. ... 645
Циркулярное письмо директора департамента полиции Н.П. Зуева № 140949
18 декабря 1909 г. ... 647
Циркуляр департамента полиции № 125051
25 января 1910 г. ... 648
Инструкция. Общие положения по охране высокопоставленных лиц
10 марта 1910 г. ... 648
Циркуляр департамента полиции № 116818
19 октября 1910 г. ... 652
Положение о Регистрационном бюро
16 июня 1911 г. ... 653
Положение о бюро, учреждаемом в г. Киеве для выдачи входных билетов в места Высочайших посещений
25 июня 1911 г. ... 656
Акт осмотра городского театра
20 августа 1911 г. ... 659
Обязательное постановление киевского генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова
23 августа 1911 г. ... 660
Извещение жителям Киева
24 августа 1911 г. ... 661

II. Служебная переписка

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.А. Столыпина о возложении на генерал-лейтенанта П.Г. Курлова руководства охраной во время торжеств в Полтаве
20 мая 1909 г. ... 662
Письмо товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова киевскому губернатору А.Ф. Гирсу
28 июня 1911 г. ... 663
Письмо товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова дворцовому коменданту В.А. Дедюлину
11 июля 1911 г. ... 666
Письмо товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова дворцовому коменданту В.А. Дедюлину
1 сентября 1911 г. ... 667

III. Письма современников

Выписка из письма Ю. Кулаковского, Киев — М.Ф. Владимирскому-Буданову, Березко Черниговской губ.
2 сентября 1911 г. ... 668
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — князю Яшвиль, Смела Киевской губ.
2 сентября 1911 г. ... 668
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — Сканави, Коппот, Германия
2 сентября 1911 г. ... 669
Выписка из письма профессора Н.М. Бубнова, Киев — Л. Бубновой, Баден-Баден
2 сентября 1911 г. ... 669
Выписка из письма З.А. Архимовича, Киев — М.Ф. Базаревичу, Казань
4 сентября 1911 г. ... 670

Выписка из письма неустановленного автора, Киев - А. Клепцову, Версаль
4 сентября 1911 г. ... 670
Выписка из письма В.Е. Есаулова, Киев — Н.А. Есауловой, Петербург
4 сентября 1911 г. ... 671
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — Е.П. Васильчиковой, Петербург
4 сентября 1911 г. ... 671
Выписка из письма Н.В. Тальберга, Киев — Н.В. Поливанову, Поливаново Симбирской губ.
5 сентября 1911 г. ... 672
Выписка из письма Ф.И. Гучкова, Ялта — Н.И. Гучкову, Москва
5 сентября 1911 г. ... 673
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — Анненкову, для Павла, Лозанна
5 сентября 1911 г. ... 673
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — поручику Г.И. Веревкину, Одесса
6 сентября 1911 г. ... 674
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — О.П. Боровской, Одесса
6 сентября 1911 г. ... 675
Выписка из письма профессора В.Н. Перетца, Киев — А.А. Шахматову, Петербург, Академия наук
6 сентября 1911 г. ... 675
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — M-me Sasonoff, Suisse, Lugano
9 сентября 1911 г. ... 676
Выписка из письма Г.П. Федорова, Петербург — коменданту г. Варшавы Д.Н. Комарову, Варшава
10 сентября 1911 г. ... 677
Выписка из письма Гарегинянца, Тифлис — Симонянцу, Константинополь, редакция «Азатамарт»
12 сентября 1911 г. ... 677
Выписка из письма Е.Е. Лазарева, Кларан, Швейцария — доктору И.И. Добровольскому, Петербург
22 сентября 1911 г. ... 678
Выписка из письма неустановленного автора, Киев — А.С. Анучкиной, Варшава
11 октября 1911 г. ... 682
Выписка из письма Г.Г. Чаплинского, Киев — А.В. Лядову, Петербург, Министерство юстиции
11 октября 1911 г. ... 683
Выписка из письма И. Ветрова, Ишим — м-ль Книжник, Париж
19 октября 1911 г. ... 683
Письмо неустановленного автора, Львов — И.И. Тарновскому, Киев, редакция газеты «Киевская мысль»
21 октября 1911 г. ... 685
Выписка из письма неустановленного автора, Париж — Арьеву, для Соломона, Одесса
29 октября 1911 г. ... 685
Выписка из письма В.А. Дедюлина, Ливадия — Н.А. Дедюлину, Петербург
30 октября 1911 г. ... 686

Комментарии ... 688
Список сокращений ... 720
Указатель имен ... 721

ТАЙНА УБИЙСТВА СТОЛЫПИНА

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 6.03.2003.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,0 + 1,0 вкл. Тираж 1500 экз.
Заказ № 7709

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография
«Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6